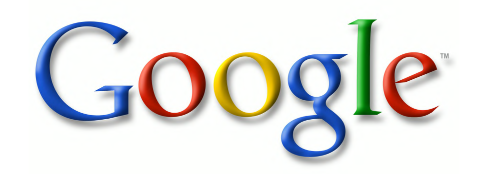

VE RI
TAS

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

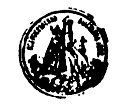
ЧАСТЬ CCCXXIV.

1899.

ІЮЛЬ.

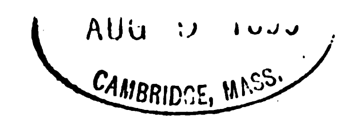

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Фонтанки, д. 95.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

За редактора **Э. Радловъ.**

(*Вышла 1-го іюля*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXIV.

1899.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и Ко". Наб. Фонтанки, 95.

1899.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Одушевляемые горячею любовью къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ Державными Предками Нашими, признали Мы за благо, во вниманіе къ представленію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Президента Академіи Наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Императорской Академіи Наукъ, посвященныхъ его памяти: разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской Академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на открываемыя въ семъ отдѣленіи новыя должности академиковъ должны быть избираемы какъ писатели-художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности.

Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведеній русскихъ писателей, а также словаря русскаго языка и другихъ трудовъ второго отдѣленія Академіи Наукъ.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1. Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 года штату Императорской Академіи Наукъ, учредить во второмъ ея отдѣленіи русскаго языка и словесности шесть новыхъ должностей

ординарныхъ академиковъ съ содержаніемъ, по означенному штату положеннымъ.

2. На образованіе Пушкинскаго фонда отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ второму отдѣленію Академіи Наукъ суммъ, по пятнадцати тысячъ рублей.

3. Потребную для содержанія шести ординарныхъ академиковъ и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по министерству народнаго просвѣщенія, начиная съ 1900 года.

Мы твердо вѣримъ, что второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругъ занятій коего входятъ словесныя науки, не престанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русской науки и литературы.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано: „*НИКОЛАЙ*".

Въ Царскомъ Селѣ.
29-го апрѣля 1899 года.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (29-го марта 1899 года). *О зачетѣ служащимъ и служившимъ въ Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ службы ихъ съ 26-го іюня 1889 года.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о зачетѣ служащимъ и служившимъ въ Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ службы ихъ съ 26-го іюня 1889 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о зачетѣ служащимъ и служившимъ въ Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ службы ихъ съ 26-го іюня 1889 года, *мнѣніемъ положилъ:*

Зачислить лицамъ какъ служившимъ прежде, такъ и нынѣ служащимъ въ Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ по учебной и воспитательной части, въ срокъ выслуги на чинопроизводство и на пенсію, службу ихъ въ семъ училищѣ, за время отъ 26-го іюня 1889 г., съ тѣмъ, чтобы желающіе воспользоваться правомъ на пенсію внесли въ доходъ казны 2% съ производившагося имъ въ то время на службѣ содержанія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (29-го марта 1899 года). *Объ учрежденіи въ г. Самаркандѣ мужской четырехклассной прогимназіи и объ утвержденіи штата означенной прогимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ открытіи четырехклассной прогимназіи въ г. Самаркандѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи четырехклассной прогимназіи въ г. Самаркандѣ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить съ 1-го іюля 1899 г. въ г. Самаркандѣ четырехклассную мужскую прогимназію съ приготовительнымъ при ней классомъ на основаніи Высочайше утвержденнаго, 30-го іюля 1871 г., устава прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. Проектъ штата означеннаго учебнаго заведенія (отд. I) представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. На содержаніе Самаркандской прогимназіи ассигновать изъ государственнаго казначейства: въ 1900 г.—*четырнадцать тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ* руб., въ 1901 г.—*семнадцать тысячъ шестьсотъ два* руб. *пятьдесятъ* коп., въ 1902 г.—*двадцать тысячъ четыреста пятнадцать* руб., и, начиная съ 1903 г.,—по *двадцати одной тысячъ восьмисотъ двадцати пяти* руб. ежегодно; въ текущемъ же году расходъ по содержанію приготовительнаго и перваго класса означенной прогимназіи—въ размѣрѣ *шести тысячъ семисотъ пяти-*

десяти рублей и на первоначальное обзаведеніе прогимназіи—въ размѣрѣ *трехъ тысячъ* рублей, отнести на кредитъ, внесенный на сей предметъ къ условному отпуску по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: *„Быть по сему"*.

Въ Царскомъ Селѣ.
29-го марта 1899 года

ШТАТЪ

самаркандской 4-классной прогимназіи.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Рубли.	Коп.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
Инспектору (при казенной квартирѣ)	1	2.250	—	VI	VI	
Законоучителю	1	900	—	—	—	
Учителямъ:						
Русскаго языка	1					
Латинскаго и греческаго	2	8.355	—			По учебной службѣ.
Математики	1					
Исторіи и географіи	1			VIII	VIII	
Французскаго языка	1	1.012	50			
Нѣмецкаго языка	1	1.012	50			
Учителю рисованія	1	450	—			

Учителю чистописанія	1	375	—	IX	IX	VII
Класснымъ наставникамъ. . .	3	720	—	—	—	—
Ихъ помощнику (при казенной квартирѣ)	1	330	—	X	X	По медицинской службѣ.
Врачу	1	450	—	VIII	VIII	По учебной службѣ.
На плату учителямъ пѣнія и гимнастики.	—	750	—	—	—	VIII
Письмоводителю или бухгалтеру	1	300	—	X	X	—
Ему столовыхъ.	—	300	—	—	—	—
На канцелярскіе расходы. . .	—	150	—	—	—	—
На учебныя пособія	—	300	—	—	—	—
Добавочное жалованье секретарю педагогическаго совѣта и библіотекарю. . .	—	360	—	—	—	—
Итого . . .	—	18.015	—			

Примѣчанія.

1) Учителя раздѣляются на три разряда, по окладамъ жалованья (1.215 р., 1.350 р. и 1.875 р.). За исправленіе ученическихъ упражненій по отечественному и древнимъ языкамъ полагается, въ общей сложности, на всѣхъ учителей этихъ предметовъ штатное вознагражденіе въ 270 р.

2) Сверхъ исчисленныхъ выше суммъ полагается на содержаніе приготовительнаго класса 1.650 р. въ годъ, считая по 75 р. за каждый недѣльный урокъ, будутъ ли уроки распредѣлены между учителями прогимназіи, или ввѣрены особымъ учителямъ.

3) Въ случаѣ необходимости повышенія учителей, пользующихся наименьшимъ окладомъ, по выслугѣ ими пятилѣтія на ближайшій высшій окладъ и при недостаточности штатной суммы на покрытіе сего расхода, недостающая сумма вносится въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія для отпуска изъ государственнаго казначейства.

4) На содержаніе дома назначается 2.250 р. въ годъ.

5) Вознагражденіе за дополнительные уроки производится въ размѣрѣ 90 р. за каждый урокъ.

6) Въ случаѣ назначенія, согласно съ примѣчаніемъ 1 къ ст. 1527 св. уст. уч. зав. (св. зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), особаго надзирателя, онъ получаетъ содержаніе по 1.050 р. въ годъ, должность его относится къ VIII классу, а по мундиру къ VIII разряду, и считается по учебной службѣ.

7) Могущія образоваться остатки отъ ассигнованій по сему штату обращаются, съ разрѣшенія туркестанскаго генералъ-губернатора, на нужды прогимназіи и на выдачу наградъ и пособій служащимъ въ ней лицамъ.

8) Изъ числа положенныхъ по сему штату, а также по примѣчаніямъ 2 и 4 къ оному, суммъ—21.825 р. отпускаются изъ государственнаго казначейства, а остальные 90 р. (Высочайше утвержденное, 3 іюня 1891 г., мнѣніе государственнаго совѣта) производятся изъ остатковъ отъ штатной суммы, а за неимѣніемъ сихъ остатковъ—изъ специальныхъ средствъ прогимназіи.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

3. (29-го марта 1899 года). *О примѣненіи къ Аренсбургской гимназіи общихъ устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о примѣненіи къ Аренсбургской гимназіи общихъ устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о примѣненіи къ Аренсбургской гимназіи общихъ устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 г., *мнѣніемъ положилъ:*

I. Примѣнить къ Аренсбургской гимназіи, съ начала 1899—1900 учебнаго года, Высочайше утвержденные, 30-го іюля 1871 г., уставъ и штатъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также удостоенную, 12-го іюня 1890 г., Высочайшаго разсмотрѣнія таблицу числа недѣльныхъ уроковъ въ сихъ заведеніяхъ, за исключеніемъ постановленій упомянутаго устава о хозяйственномъ комитетѣ и съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ особыхъ правилъ:

1) Церковно-славянскій языкъ обязателенъ только для учениковъ православнаго исповѣданія.

2) Въ штатъ гимназіи вводится законоучитель лютеранскаго исповѣданія на одинаковыхъ съ законоучителемъ православнаго исповѣданія основаніяхъ.

3) Число штатныхъ преподавателей древнихъ языковъ ограничивается тремя.

4) Въ штатъ гимназіи не вводится должность инспектора, а число помощниковъ классныхъ наставниковъ ограничивается однимъ.

5) Служащимъ при гимназіи по учебной части, а также семействамъ ихъ, пенсіи и единовременныя пособія опредѣляются изъ окладовъ: директору 1.100 руб., православному и лютеранскому законоучителямъ — 400 руб., учителямъ наукъ и языковъ: русскаго, латинскаго и греческаго — 700 руб., учителямъ новыхъ языковъ по 550 руб. и учителю рисованія 300 рублей.

Примѣчаніе. За лицами, служащими нынѣ при гимназіи съ высшими пенсіонными правами, сохраняются эти послѣднія права.

6) Спеціальныя средства гимназіи освобождаются отъ установленныхъ вычетовъ въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и въ капиталы: строительный среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства сего министерства и на содержаніе параллельныхъ отдѣленій тѣхъ же заведеній.

7) При гимназіи образуется, для завѣдыванія хозяйственною частью взамѣнъ хозяйственнаго комитета, коллегія, которая состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Рижскаго учебнаго округа.

8) Коллегія подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя гимназіи, избираемаго дворянствомъ острова Эзеля изъ своей среды на три года и утверждаемаго въ должности Высочайшимъ приказомъ, состоитъ изъ четырехъ членовъ: одного, избираемаго изъ своей среды тѣмъ же дворянствомъ на тотъ же же срокъ, директора гимназіи и двухъ преподавателей, избираемыхъ и утверждаемыхъ попечителемъ учебнаго округа.

9) Членъ коллегіи, избираемый дворянствомъ, пока состоитъ въ семъ званіи, считается на государственной службѣ. Ему присвоивается заурядъ VI классъ по должности и VI разрядъ по шитью на мундирѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но безъ правъ на чинопроизводство и на пенсію.

10) Къ правамъ и обязанностямъ коллегіи относятся: а) управленіе хозяйственною частью гимназіи, б) представленіе попечителю учебнаго округа предположеній о возвышеніи или уменьшеніи размѣра платы за ученіе, в) освобожденіе отъ платы недостаточныхъ учениковъ и назначеніе отличнѣйшихъ изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію стипендій и единовременныхъ пособій по ходатайствамъ педагогическаго совѣта, г) заступленіе имущественныхъ правъ и интересовъ гимназіи и назначеніе уполномоченнаго для защиты оныхъ по дѣламъ,

подлежащимъ вѣдѣнію судебныхъ учрежденій, д) составленіе годовыхъ отчетовъ по хозяйственной части гимназіи и представленіе ихъ попечителю учебнаго округа и ландтагу Эзельскаго дворянства, ж) производство расходовъ изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи сверхъ смѣты до 30 руб. по своему усмотрѣнію, а на большую сумму съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа и з) рекомендація на вакантныя учительскія мѣста кандидатовъ изъ лицъ, имѣющихъ на то право, и представленіе объ утвержденіи ихъ въ должностяхъ на усмотрѣніе попечителя округа.

11) Дѣла въ коллегіи рѣшаются по большинству голосовъ. При несогласіи съ большинствомъ директора гимназіи, дѣло представляется на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа.

12) Канцелярскіе расходы производятся коллегіей на счетъ средствъ гимназіи.

13) Министръ народнаго просвѣщенія издаетъ, въ случаѣ надобности, инструкцію для руководства дѣятельности коллегіи.

II. Тѣхъ изъ служащихъ въ Аренсбургской гимназіи, которые съ примѣненіемъ къ ней общихъ устава и штата гимназій 30-го іюля 1871 г. не получатъ новаго назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

III. На содержаніе Аренсбургской гимназіи ассигновать изъ государственнаго казначейства: въ 1899 г. *четыре тысячи триста тридцать рублей* и, начиная съ 1900 г., по *восьми тысячъ шестисотъ шестидесяти рублей* ежегодно. въ дополненіе къ отпускаемымъ нынѣ изъ казны 8.642 руб. и пособію отъ Эзельскаго дворянства въ количествѣ 3.668 руб., расходы же по указанному предмету, не покрываемые означенными асигнованіями, относить на спеціальныя средства гимназіи.

IV. Могущіе образоваться отъ содержанія Аренсбургской гимназіи остатки раздѣлять на двѣ части, изъ коихъ одну. пропорціональную ассигнованію изъ казны, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, а другую — причислять къ спеціальнымъ средствамъ гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(21-го мая 1899 года). *По Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны. Награждаются*: орденами *св. Анны 3-й степени:* младшій штатный ассистентъ и доцентъ по женскимъ болѣзнямъ, надворный совѣтникъ Николай *Рачинскій*, завѣдывающій аптекою, колежскій ассессоръ Иванъ *Сарапикъ*.

Св. Станислава 2-й степени—смотритель, надворный совѣтникъ Фабіанъ *Малиновскій*.

Св. Станислава 3-й степени: неимѣющіе чина, сверхштатные ассистенты, лѣкаря Антонъ *Яновскій* и Абрамъ *Миндлинъ*.

(24-го мая 1899 года). *Назначаются*: директоръ Рязанской Александровской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Флеровъ* — окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа; экстраординарные профессоры Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Бѣлоусовъ* и докторъ русской словесности, статскій совѣтникъ *Халанскій*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—физіологической анатоміи, а второй—русскаго языка и словесности; исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ. магистръ богословія *Малеванскій*—инспекторомъ того же института, съ 17-го марта, съ оставленіемъ его въ исправляемой имъ должности; сотрудникъ археографической коммиссіи министерства, надворный совѣтникъ *Титовъ*—чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ, съ оставленіемъ его въ означенной коммиссіи; приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, докторъ минералогіи и геогнозіи, коллежскій ассессоръ *Нечаевъ* и Московскаго, докторъ римскаго права *Хвостовъ*—экстраординарными профессорами тѣхъ же университетовъ, по каѳедрамъ: первый—минералогіи и геологіи, а второй—римскаго права.

Утверждаются: статскій совѣтникъ *Малама*, отставной полковникъ гвардіи *Алисовъ*, и лѣкарь, коллежскій совѣтникъ *Ограновичъ*—почетными попечителями: Малама—вновь Екатеринославской гимназіи, Алисовъ—Воронежскаго реальнаго училища, а Ограновичъ—Лубенской гимназіи, всѣ трое, согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профес-

соръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ финансоваго права, статскій совѣтникъ *Львовъ*.

(1-го іюня 1899 года). *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 1-го, *Доброписцевъ*—съ 16-го февраля 1899 г., Череповскаго, *Фавръ*—съ 13-го февраля 1879 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Благовѣщенской гимназіи *Петровъ*—съ 28-го января 1899 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназій: С.-Петербургской 5-й, *Архангельскій*—съ 12-го января 1899 г., Императорскаго человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ, *Яковлевъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназій: Императорскаго человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ (сверхштатный), *Будний*—съ 22-го января 1898 г., С.-Петербургской частной, К. Мая, *Штернбергъ*—съ 15-го января 1896 г., Череповской Маріинской женской: *Лебедевъ*—съ 23-го октября 1897 г. и *Балзукевичъ*—съ 1-го января 1898 г.; реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго частнаго, К. Мая, *Лоренцъ*—съ 30-го сентября 1895 г., частнаго въ С.-Петербургѣ, Богинскаго, *Будде*—съ 1-го августа 1895 г. и *Адамовъ*—съ 20-го октября 1898 г., при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, *Смирновъ*—съ 12-го іюня 1898 г.; наставникъ Гатчинской учительской семинаріи *Дорофеевъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; учитель-завѣдующій Сольвычегодскимъ городскимъ училищемъ *Булатовъ*—съ 9-го марта 1894 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учителя Благовѣщенской гимназіи: *Стемповскій*—съ 5-го мая 1891 г. и *Корсакъ*—съ 6-го января 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* врачъ С.-Петербургскаго Сестрженцевичева уѣзднаго училища, лѣкарь *Корабевичъ*—съ 23-го октября 1896 г.; по С.-Петербургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Казанскаго въ С.-Петербургѣ, *Ковшовъ*—съ 1-го марта 1899 г.; Шлиссельбургскаго (сверхштатный), *Шабунинъ* съ 1-го іюля 1886 г.; домашній учитель *Пальтель*—съ 1-го октября 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Агиевцевъ*—съ 28-го апрѣля 1899 г.; почетный смотритель С.-Петербургскаго Казанскаго четырехклассного городскаго учи-

лища *Альтгаузенъ*—съ 29-го октября 1897 г.; учитель Никольскаго трехкласснаго городскаго училища *Альбовъ*—съ 1-го марта 1897 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, по С.-Петербургскому учебному округу, почетный смотритель Вологодскаго городскаго училища *Штумпфъ*—съ 13-го февраля 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу, бывшій учитель 2-го Коломенскаго въ С.-Петербургѣ городскаго приходскаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Яковлевъ*—съ 21-го октября 1896 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Благовѣщенскаго народнаго училища *Корелкинъ*—съ 23-го ноября 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Казанскому учебному округу, почетный смотритель Астраханскаго четырехкласснаго городскаго училища *Ліонозовъ*—съ 1-го декабря 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: смотритель-учитель Бакинской городской 2-й русско-татарской школы *Ганіевъ*—съ 27-го сентября 1897 г.; завѣдывающій Новороссійскимъ двухкласснымъ желѣзнодорожнымъ училищемъ *Кобеляцкій*—съ 1-го августа 1890 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназій: С.-Петербургской 5-й, коллежскій секретарь *Гельвихъ*—съ 5-го декабря 1894 г., С.-Петербургской частной, К. Мая: коллежскій секретарь *Куриловъ*—съ 11-го декабря 1894 г. и *Некрасовъ*—съ 1-го августа 1894 г.; *коллежскаго секретаря*, по С.-Петербургскому учебному округу, учитель Псковскаго городскаго училища *Голубцовъ*—съ 22-го февраля 1895 г.; *коллежскаго регистратора:* по С.-Петербургскому учебному округу: домашніе учители: *Кулаковъ*—съ 1-го ноября 1898 г., *Филатовъ*—съ 27-го апрѣля 1898 г. и *Антоновъ*—съ 1-го марта 1899 г.

(11-го іюня 1898 года). *Назначается* приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ химіи *Лугининъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета по каѳедрѣ химіи.

Утверждается тайный совѣтникъ *Терещенко*—вновь, почетнымъ попечителемъ Рыльской прогимназіи, согласно избранію, на три года.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, членъ ученаго комитета и археографической коммиссіи министерства, тайный совѣтникъ *Васильевскій*, съ 18-го

мая; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ренненкампфъ*, съ 10-го мая; директоръ народныхъ училищъ Лифляндской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сомчевскій*, съ 11-го мая и почетный попечитель Новозыбковскаго реальнаго училища князь *Долгоруковъ*, съ 8-го мая.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (10-го мая 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

Согласно Высочайше утвержденному 22-го апрѣля 1877 года мнѣнію государственнаго совѣта, при министерствѣ народнаго просвѣщенія была учреждена комиссія по международному обмѣну изданій, на расходы коей ассигнованъ особый кредитъ. На основаніи выработанныхъ для нея правилъ, комиссія эта собираетъ всѣ русскія изданія, назначаемыя для иностранныхъ правительствъ и учрежденій, и заботится объ ихъ отправѣ. Съ другой стороны, комиссія доставляетъ всѣмъ учрежденіямъ имперіи изданія, получаемыя на ихъ имя отъ иностранныхъ правительствъ или учрежденій въ обмѣнъ или въ подарокъ.

Хотя такимъ образомъ все дѣло о международномъ обмѣнѣ изданій сосредоточено въ означенной комиссіи, за послѣднее время установилась несогласная съ этимъ практика. Изданія нашихъ министерствъ и управленій присылаются въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о доставкѣ ихъ по назначенію. Равнымъ образомъ, иностранныя правительства пользуются услугами министерства иностранныхъ дѣлъ для пересылки своихъ изданій русскимъ учрежденіямъ.

Между тѣмъ министерство иностранныхъ дѣлъ не имѣетъ возможности исполнять подобныя порученія, вслѣдствіе весьма значительнаго количества поступающихъ въ обмѣнъ изданій и отсутствія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ спеціальныхъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ, суммъ.

Для возстановленія законнаго порядка въ семъ дѣлѣ и въ видахъ урегулированія международнаго обмѣна изданій, названное министерство предполагаетъ напомнить иностраннымъ правительствамъ о су-

ществованіи русской комиссіи и предложить имъ посылать всѣ изданія, назначаемыя для русскихъ учрежденій, непосредственно въ комиссію.

Сообщая вашему превосходительству о вышеизложенномъ, долгомъ считаю обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою не отказать съ своей стороны въ зависящемъ распоряженіи, чтобы отправляемыя заграницу подвѣдомственными вамъ учрежденіями изданія были посылаемы непосредственно въ комиссію по международному обмѣну изданій.

2. (5-го іюня 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

Разсмотрѣвъ доставленные начальствами учебныхъ округовъ отзывы на циркулярное предложеніе министерстерства народнаго отъ 11-го апрѣля 1898 года, за № 9421, по вопросу объ установленіи надзора за учениками среднихъ учебныхъ заведеній, увольняемыми на каникулярное время въ предѣлы другихъ учебныхъ округовъ, а равно заключеніе по сему предмету ученаго комитета, я признаю вполнѣ цѣлесообразнымъ установить слѣдующую мѣру:

1) Дополнить дѣйствующія правила о соблюденіи учениками порядка и приличія внѣ стѣнъ учебнаго заведенія нижеслѣдующимъ пунктомъ, который долженъ быть печатаемъ на ученическихъ билетахъ какъ выходныхъ, такъ и отпускныхъ: „Ученики должны помнить, что, находясь въ отпуску, они подлежатъ надзору каждаго служащаго по министерству народнаго просвѣщенія лица, такъ какъ каждому изъ этихъ лицъ дается право и вмѣняется въ обязанность, при случаѣ, наблюдать внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній за учениками вообще всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства названнаго министерства и, въ случаѣ нарушенія учениками правилъ относительно поведенія, вразумлять ихъ или сообщать о нихъ ихъ начальству".

2) Подтвердить начальствамъ учебныхъ заведеній о строгомъ и неуклонномъ соблюденіи п. 7-го циркулярнаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 20-го ноября 1882 года, за № 14147, коимъ всѣмъ лицамъ учебнаго вѣдомства вмѣняется въ обязанность, при случаѣ, наблюдать внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній за учениками вообще всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерстерства и, въ случаѣ нарушенія ими установленныхъ для нихъ правилъ, вразумлять ихъ или сообщать о нихъ ихъ начальству.

3) Командировать, по мѣрѣ возможности, на лѣтнее вакаціонное время изъ городовъ, въ которыхъ находятся среднія учебныя заведенія, въ курорты и окрестныя дачныя мѣста одно или нѣсколькихъ лицъ учебнаго вѣдомства для наблюденія за учениками, съ выдачею этимъ лицамъ какъ особо установленныхъ съ этою цѣлью билетовъ, такъ и приличнаго вознагражденія изъ спеціальныхъ средствъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

4) Сдѣлать сношеніе съ подлежащими властями относительно подтвержденія чинамъ полиціи о томъ, что они обязаны оказывать, съ своей стороны, всяческое содѣйствіе чинамъ вѣдомства министерстерства народнаго просвѣщенія по наблюденію ихъ за учащимися.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій.

3. (14-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Василія Александровича Ѳедосѣева при Валуйскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Валуйскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Василія Александровича Ѳедосѣева на проценты съ капитала въ *шестьсотъ* руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью наслѣдниками умершаго В. А. Ѳедосѣева Александрой Васильевной Воюцкой. Антониной, Ольгой, Василіемъ, Маріей и Юліей Васильевыми Ѳедосѣевыми.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключащійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, за № 0.535, сер. 103, № 2204 и № 2205, сер. 102. хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Валуйскаго городскаго трехкласснаго училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ означенномъ училищѣ избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ Валуйскаго городскаго училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ учредителямъ стипендіи, за непредставленіемъ же съ ихъ стороны таковою — педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Валуйскаго городскаго трехкласснаго училища въ учебное заведеніе другаго типа или разряда, пожертвованный капиталъ переходитъ на тѣхъ же условіяхъ въ неприкосновенную собственность преобразованнаго учебнаго заведенія.

4. (21-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго старооскольскаго 2-й гильдіи купца Владиміра Васильевича Игнатова при Старооскольскомъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Старооскольскомъ городскомъ училищѣ учреждается одна стипендія имени умершаго старооскольскаго 2-й гильдіи купца Владиміра Васильевича Игнатова на проценты съ капитала въ *пятьсотъ* рублей, завѣщаннаго покойнымъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Старооскольскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Старооскольскаго городскаго училища и составляетъ его собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата и на покупку ему учебныхъ пособій и предметовъ одежды.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ учениковъ училища, дѣтей жителей г. Стараго Оскола и слободы Гуменъ.

§ 5. Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія, предоставляется педагогическому совѣту Старооскольскаго городскаго училища, съ утвержденія директора народныхъ училищъ Курской губерніи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Старооскольскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе сего послѣдняго, для употребленія по назначенію.

5. (26-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Кубе при Читинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года при Читинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Кубе на проценты съ капитала въ *восемьсотъ* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью бурятами Селенгинской степной думы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, и составляетъ неотъемлемую собственность названной гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназіи избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ Читинской женской гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія. При чемъ преимущественнымъ правомъ на полученіе стипендіи пользуются ученицы-бурятки Селенгинской степной думы.

§ 5. Стипендіатка не лишается стипендіи въ томъ случаѣ, если бы она осталась на второй годъ въ томъ же классѣ по болѣзни или по какимъ либо другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Читинской женской гимназіи.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ % со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6. (30-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей жены курганскаго городскаго головы Анны Ивановны Шветовой при Курганской Александровской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года при Курганской Александровской женской прогимназіи учреждается одна стипендія имени умершей жены Курганскаго городскаго головы Анны Ивановны Шветовой на проценты съ капитала въ *пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью купчихою Н. Ѳ. Бронниковой и курганскимъ городскимъ головой Ѳ. В. Шветовымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетѣ Курганскаго Общественнаго Василія Богашева банка, отъ 21-го января 1899 года за № 3841 и положенный на 15 лѣтъ въ этотъ банкъ изъ 5% годовыхъ, принадлежитъ къ спеціальнымъ средствамъ Курганской Александровской женской прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. По истеченіи 15 лѣтъ, стипендіальный капиталъ долженъ быть обращенъ въ государственныя или гарантированныя правительствомъ % бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ прогимназіи избранной стипендіатки.

§ 5. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ Курганской Александровской женской прогимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 6. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Курганской Александровской женской прогимназіи.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ со стипендіальнаго капитала остатки употребляются, въ случаѣ надобности, на пріобрѣтеніе платья, обуви и учебныхъ пособій для стипендіатки,

или прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Курганской Александровской женской прогимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе сего послѣдняго для употребленія по назначенію.

7. (30-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о пяти стипендіяхъ Архангельскаго городскаго общественнаго банка при Архангельскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Архангельскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждаются пять стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія „стипендіи Архангельскаго городскаго общественнаго банка" на проценты съ капитала въ *шестьсотъ* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью Архангельскимъ городскимъ общественнымъ банкомъ въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Архангельскаго городскаго училища и составляетъ неотъемлемую собственность названнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ училищѣ избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіи выдаются бѣднѣйшимъ ученикамъ училища, дѣтямъ жителей города Архангельска, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій въ случаѣ ихъ плохаго поведенія или малоуспѣшности предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 6. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается капиталъ, въ тиражъ погашенія, онѣ замѣняются другими государственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки выдаются въ пособіе стипендіатамъ при окончаніи ими курса.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Архангельскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначенію.

8. (4-го мая 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго дворянина Екатеринославской губерніи Верхнеднѣпровскаго уѣзда статскаго совѣтника Александра Николаевича Поля при Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ со внесеннаго дворянами Верхнеднѣпровскаго уѣзда капитала въ *семь тысячъ* рублей учреждается одна стипендія имени статскаго совѣтника Александра Николаевича Поля при Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Екатеринославскомъ отдѣленіи государственнаго банка въ числѣ спеціальныхъ средствъ Екатеринославскаго реальнаго училища.

§ 3. Въ стипендіаты избираются Верхнеднѣпровскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства дѣти бѣдныхъ потомственныхъ дворянъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда, а изъ учащихся—дѣти тѣхъ же дворянъ, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ реальнаго училища. Стипендія сохраняется за стипендіатомъ въ случаѣ поступленія, по окончаніи курса училища, въ Горный институтъ для продолженія образованія.

§ 4. Стипендіатъ помѣщается въ пансіонѣ при училищѣ, буде таковой имѣется, или на частной квартирѣ; въ послѣднемъ случаѣ стипендія выдается на руки помѣсячно впередъ самому стипендіату или лицамъ, на попеченіи коихъ будетъ онъ находиться. Въ случаѣ поступленія стипендіата въ Горный институтъ, директоръ реальнаго училища препровождаетъ деньги туда по-полугодно впередъ, для выдачи ихъ стипендіату также по-мѣсячно впередъ.

§ 5. Стипендія выдается стипендіату съ перваго класса училища

въ продолженіе всего курса, а также и въ Горномъ институтѣ, если стипендіатъ окажется того достойнымъ; въ противномъ случаѣ стипендія назначается другому дворянину, по избранію того же предводителя дворянства.

§ 6. Стипендія прекращается: а) по случаю окончанія стипендіатомъ курса въ Горномъ институтѣ или въ училищѣ, если стипендіатъ по какой либо причинѣ не поступитъ въ названный институтъ, б) по случаю увольненія стипендіата изъ учебнаго заведенія, в) въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата, дающихъ возможность продолжать ученіе на собственныя средства, и г) въ томъ случаѣ, когда стипендіатъ останется въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ болѣе двухъ разъ по причинамъ вполнѣ неуважительнымъ, и, во всякомъ случаѣ, стипендіатъ пользуется стипендіей въ училищѣ не болѣе 9-ти, а въ институтѣ не болѣе 5—6 лѣтъ.

§ 7. Стипендіатъ, во время пользованія стипендіей, именуется стипендіатомъ статскаго совѣтника Александра Николаевича Поля.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу и, по возможности, обращаются въ процентныя бумаги, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (4-го мая 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Викторіи Сохаржевской при Кіевской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года при Кіевской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени Викторіи Сохаржевской на проценты съ капитала въ *пять тысячъ* рублей, завѣщаннаго съ этою цѣлью умершимъ отцомъ ея дворяниномъ Ильею Кипріановичемъ Сохаржевскимъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Кіевской женской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназіи избранной стипендіатки и выдаются по-полугодно на руки ея родителямъ или опекунамъ.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ Кіевской женской гимназіи польскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатка избирается педагогическимъ совѣтомъ Кіевской женской гимназіи, при участіи ксендза-законоучителя той же гимназіи, изъ трехъ кандидатокъ, предлагаемыхъ ксендзомъ-настоятелемъ костела, въ приходѣ котораго состоитъ гимназія.

§ 6. Стипендія выдается избранной ученицѣ до окончанія ею курса или до выбытія изъ гимназіи, послѣ чего вакансія замѣщается новою кандидаткою.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

10. (15-го мая 1899 года). *Положеніе о капиталѣ имени бывшаго предсѣдателя Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Владиміровича Римскаго-Корсакова при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Собранный служащими при Каменецъ-Подольскомъ окружномъ судѣ капиталъ въ *четыреста* (400) руб. для увѣковѣченія памяти о бывшемъ предсѣдателѣ названнаго суда, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Николаѣ Владиміровичѣ Римскомъ-Корсаковѣ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала, чрезъ каждые пять лѣтъ, согласно волѣ жертвователей, выдаются въ пособіе одному изъ окончившихъ курсъ Каменецъ-Подольской гимназіи, изъ бѣднѣйшихъ дѣтей лицъ судебнаго вѣдомства, по усмотрѣнію гимназическаго начальства, по соглашенію съ предсѣдателемъ окружнаго суда.

§ 3. Пользованіе процентами съ означеннаго капитала не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (17-го мая 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени жены астраханскаго купца Евлампіи Георгіевны Масловой при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу девяти* рублей, пожертвованнаго женою купца Евлампіею Георгіевною Масловою, учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Проценты съ пожертвованнаго капитала употребляются на взносъ платы за ученіе одного бѣднаго ученика названнаго училища православнаго вѣроисповѣданія, оказывающаго при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 3. Капиталъ этотъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность училища и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ сего заведенія.

§ 4. Назначеніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту реальнаго училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала присоединяются, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, къ основному капиталу или выдаются въ пособіе стипендіату.

§ 6. Стипендіатъ, не перешедшій въ высшій классъ по лѣности или слабымъ способностямъ, или по прошествіи двухъ лѣтъ по болѣзни, лишается стипендіи, по определѣнію педагогическаго совѣта.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (31-го мая 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Виленскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *четыре тысячи тридцать одинъ* рубль, составившагося въ Виленской городской управѣ изъ сдѣланныхъ въ 1879 и 1880 гг. частными лицами пожертвованій и наросшихъ на эти пожертвованія процентовъ, учреждается при Виленскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія въ сто пятьдесятъ рублей Имени Императора Александра II, въ память счастливаго из-

бавленія Его Величества отъ угрожавшей опасности 2-го апрѣля 1879 года.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Виленскаго реальнаго училища, и составляетъ неотъемлемую собственность онаго, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Избраніе стипендіата предоставляется Виленской городской управѣ, а утвержденіе его—педагогическому совѣту училища. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, уроженцевъ г. Вильны, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіею во все время обученія въ Виленскомъ реальномъ училищѣ, но, при неуспѣшности въ наукахъ и неодобрительномъ поведеніи, можетъ быть лишенъ стипендіи постановленіемъ педагогическаго совѣта училища.

Примѣчаніе. Стипендія выдается по-полугодіямъ.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ нему и обращаются въ государственныя бумаги, проценты съ которыхъ идутъ на увеличеніе размѣра стипендіи или на составленіе новой стипендіи въ вышеуказанномъ размѣрѣ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Виленскаго реальнаго училища, настоящая стипендія предоставляется, на условіяхъ настоящаго положенія, другому среднему учебному заведенію г. Вильны, но не иначе, какъ по выбору городскаго общественнаго управленія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“. III. *Э. Дюкло*. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ *К. Тимирязева*. М. 1897. Стр. 93. Цѣна 40 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Научно-популярная библіотека „Русской Мысли". VI. Шериданъ. Біографическій очеркъ *А. Погожевой*. — Школа злословія. Переводъ съ англійскаго. М. 1898. Стр. II+251. Цѣна 60 коп." — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*В. Стоюнинъ*. Историческія сочиненія. Часть II. Пушкинъ. С.-Пб. 1881. Стр. III+440. Цѣна 1 р. 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книжку: „Пророкъ" Пушкина въ связи съ его же „подражаніями Корану". *Н. И. Черняева*. Оттискъ изъ журнала „Русское Обозрѣніе" 1897 года. Москва и Харьковъ. 1898. Стр. II+75. Цѣна 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки: „1) Иліада *Гомера*. Пѣснь IV. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. М. 1898. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". Стр. 52. Цѣна 35 коп.—2) То же. Пѣснь V. М. 1899. Стр. 68. Цѣна 40 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій.

— Книжку: „Слова и выраженія къ I-ой книгѣ Анабасиса Ксенофонта, расположенныя въ порядкѣ греческаго текста, съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ *С. М. Марковичъ*. С.-Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1899. Стр. IV+40. Цѣна 30 коп."—одобрить для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія какъ учебное пособіе по греческому языку.

— Книгу: „Русская исторія (въ связи съ исторіей Великаго Княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Ар. Турцевичъ*, преподаватель Виленской 1-й гимназіи. Четвертое исправленное изданіе съ приложеніемъ 3 картъ, 16 рисунковъ и вопросовъ для повторенія, а также родословной и хронологической таблицъ. Вильна. 1899. Стр. IX+152. Цѣна 50 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для III класса гимназій и реальныхъ училищъ, а также для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Брошюру: „*Н. И. Черняевъ*. О русскомъ самодержавіи. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Русское Обозрѣніе"). М. 1895. Стр. 70. Цѣна 75 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и для

взаимнаго обученія дома. Составилъ *И. Сиъ*, директоръ Павлоградской гимназіи. Первый курсъ. Первый годъ обученія. Съ 62 рисунками, 7 картинами и 3 картами. Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 150. Цѣна 60 коп."—допустить, въ видѣ опыта, къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства при начальномъ преподаваніи нѣмецкаго языка, въ тѣхъ женскихъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, въ коихъ найдутся преподаватели, вполнѣ знакомые съ такъ называемымъ натуральнымъ методомъ и желающіе вести преподаваніе нѣмецкаго языка по этому методу.

— Книгу: „Элементарная нѣмецкая грамматика. Составилъ *К. Крафтъ*. Часть I. Этимологія. Изданіе пятое, исправленное. Кіевъ. 1899. Стр. VII+169. Цѣна 40 коп.—Часть II. Синтаксисъ. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1899. Стр. V+126. Цѣна 35 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Руководство для историческаго изученія замѣчательныхъ произведеній русской литературы. *Владиміра Стоюнина*. Пятое изданіе, дополненное писателями новѣйшаго періода. С.-Пб. 1879. Стр. 307+XVI. Цѣна 75 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ *Н. Гальковскаго*. Сумы. 1897. Стр. XVI+248 столбцовъ+II. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ ученическія библіотеки старшаго возраста гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*П. Смирновскій*. Исторія русской литературы девятнадцатаго вѣка. Выпускъ I. Карамзинъ въ до-Александровскую эпоху. С.-Пб. 1899. Стр. IV+272. Цѣна 1 р. 25 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Очерки исторіи русской литературы. Примѣнительно къ программѣ военныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, по порученію начальства военно-топографическаго училища, составилъ *А. Радонежскій*. С.-Пб. 1899. Стр. XI+511. Цѣна 1 руб."—одобрить для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возраста гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книжку: „*Д. П. Янковскій*. Къ вопросу о преподаваніи церковно-славянскаго, русскаго и польскаго языковъ. Варшава. 1898. Стр. 36" —допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки

среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка для мужскихъ гимназій и прогимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ и учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Выпускъ III. Курсъ четвертаго класса. Составилъ *К. С. Реха*, магистръ сравнительнаго языковѣдѣнія, преподаватель С.-Петербургской седьмой гимназіи. С.-Пб. Изданіе К. Л. Риккера. 1899. Стр. VIII+64. Цѣна 50 коп." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книжки, изданныя С. А. Манштейномъ: „1) Слова и выраженія къ избраннымъ біографіямъ Корнелія Непота, расположенныя въ порядкѣ латинскаго текста. (Предисловіе. Мильтіадъ. Ѳемистоклъ. Аристидъ. Кимонъ. Датамъ. Эпаминондъ. Пелопидъ. Катонъ). Съ алфавитнымъ указателемъ. Составилъ *П. Я. Квицинскій*, преподаватель Ахтырской прогимназіи. С.-Пб. 1899. Стр. 77. Цѣна 30 коп."— 2) „Слова и выраженія къ I-ой книгѣ „Записокъ о Галльской войнѣ" Гая Юлія Цезаря, расположенныя въ порядкѣ латинскаго текста. Составилъ *Б. В. Варнеке*. С.-Пб. 1898. Стр. 43. Цѣна 30 коп."— одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій и прогимназій.

— Періодическое изданіе: „Журналъ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, издаваемый инженеръ-технологомъ *Н. Песоцкимъ*. (Цѣна съ приложеніями 7 р. въ годъ)" — одобрить за 1897 и 1898 годы для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также допустить въ безплатныя народныя читальни.

— Книжку: „Полезная библіотека. *Ф. Фэдо*. Домашняя лабораторія (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Перевелъ и дополнилъ *П. Ляминъ*. (Съ 37 рисунками). С.-Пб. Изданіе П. Сойкина. 1895. Стр. 160. Цѣна 50 коп."—одобрить для учительскихъ и ученическихъ. старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также допустить въ безплатныя народныя читальни.

— Книжку: „Яшка. Разказъ графа *Л. Л. Толстого*. Изданіе общества призрѣнія и образованія глухонѣмыхъ дѣтей. Казань. 1899. Стр. 36. Цѣна 15 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и низшихъ училищъ, городскихъ и сель-

скихъ, и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Полезная библіотека. Спортъ во всѣ времена года. Составилъ *Гр. Ф—тъ*. (Съ 60 рисунками). Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1895. Стр. 198. Цѣна 50 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Записки старой смолянки (Императорскаго В. О. Б. Д.) *В. П. Б—вой*. 1833—1878 г. Часть первая. (Съ 30-ю иллюстраціями). Примѣчанія и изданіе свящ. *К. Зн—скаго*. С.-Пб. 1898. Стр. XVII+458. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Подъ звонъ мечей. Народныя сказанія сѣвера и запада Европы кельтійскія, скандинавскія, германскія и финскія. Въ изложеніи *П. Н. Полевого*. Съ рисунками Г. Доре, Н. Каразина, Шнорръ фонъ-Карольсфельда, Гарнака и друг. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1898. Стр. IV+406. Цѣна въ иллюстрированной обложкѣ 4 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 4 р. 75 коп.“—допустить въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Основы улучшенія крупнаго рогатаго скота путемъ подбора. Введеніе къ ученію о раціональномъ разведеніи крупнаго рогатаго скота. *И. Широкихъ*. Съ 22 рисунками въ текстѣ. Варшава. 1898. Стр. VIII+302. Цѣна 2 р. 25 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ училищъ и начальныхъ народныхъ училищъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Учебникъ: „Курсъ русскаго правописанія для начальныхъ народныхъ училищъ и школъ. Матеріалъ для самостоятельныхъ ученическихъ упражненій по русскому языку и орѳографіи. Составилъ *Владиславъ Ислентьевъ*, инспекторъ народныхъ училищъ. Изданіе четвер-

тое, совершенно переработанное согласно съ требованіями примѣрныхъ программъ, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 7-го февраля 1897 года. Казань. Изданіе книжнаго магазина бр. Башмаковыхъ. 1898. Стр. 144. Цѣна 30 коп." — допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Сборникъ избранныхъ произведеній Александра Сергѣевича Пушкина. Для школъ со статьей о Пушкинѣ и съ примѣчаніями *П. Ѳ. Бунакова*. Второе изданіе редакціи журнала „Русскій начальный учитель". Ко дню 100-лѣтія рожденія А. С. Пушкина. С.-Пб. 1899. Стр. 188. Цѣна для школъ 20 коп., въ отдѣльной продажѣ 30 коп., въ переплетѣ 45 коп." — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ школъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при новомъ изданіи ея были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: „Къ 100-лѣтнему юбилею со дня рожденія Александра Сергѣевича Пушкина. Пушкинъ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ. Съ портретомъ и біографіей поэта. Для школъ и народа. Составили *М. Соколовъ* и *Л. Гольдманъ*. С.-Пб. 1899. Стр. 85 + 16. Цѣна 40 коп." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для публичныхъ народныхъ чтеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Брошюрки: 1) „Что такое заразная болѣзнь и какъ себя отъ нея предохранить. Доктора *Н. Виноградова*. М. 1894. Стр. 15. Цѣна 2 коп."—2) „О чесоточныхъ зудняхъ и другихъ клещахъ, живущихъ на тѣлѣ человѣка. Профессора *Э. К. Брандтъ*. Чтеніе для народа, Изданіе барона Косинскаго. С.-Пб. 1874. (Народныя чтенія въ Соляномъ Городкѣ). Стр. 18. Цѣна 10 коп."—3) „Объ уходѣ за малыми дѣтьми. Составлено д-ромъ *Е. А. Покровскимъ*. № 509. М. 1890. Стр. VIII + 100. Цѣна не обозначена".—4) „Сибирская язва. Врача *Д. Я. Дорфа*. Изданіе (1-е) коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. М. 1898. Стр. 30. Цѣна 5 коп." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „Море Сфасъ Эверъ, то-есть, учебникъ древне-еврейскаго языка, ч. I. Сост. *I. Равницкій*. Одесса. 1898. Стр. 94. Цѣна 30 коп." — одобрить для употребленія въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ при изученіи древне-еврейскаго языка.

— Книгу: „Страстная и Великая седьмица. Евангельская исторія и

богослуженіе каждаго ея дня. Сочиненіе протоіерея *А. І. Никольскаго*. Изд. 3-е. Кіевъ. 1898. Стр. 124. Цѣна 50 коп." — допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія *Ив. А. Бунина*. Со многими рисунками. М. 1898. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія"). Стр. 64. Цѣна 30 коп." — допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу: „*М. Фельзбергъ*. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. Переводъ съ шестаго, вновь переработаннаго, нѣмецкаго изданія. Изданіе К. И. Казначеева (Библіотека ремесленниковъ и кустарей). Москва. 1894. Стр. III+32. Цѣна 50 коп."—одобрить для тѣхъ профессіональныхъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ коихъ преподаются ремесла, связанныя съ красильнымъ и обойнымъ искусствами, а также съ выдѣлкою разныхъ тканей, платья, бѣлья, перчатокъ и прочихъ предметовъ домашняго обихода.

— Брошюру *Жирнова*: „Что такое страховка и куда она идетъ. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1898. Стр. 26. Цѣна 7 коп."— одобрить для народныхъ начальныхъ училищъ.

— Книгу *Н. Шаврова*: „Шелковица, ея разведеніе и пользованіе ею. 2-ое изданіе, исправленное и дополненное. Съ 142 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1899. 8°. Стр. X+200. Изданіе А. Ф. Девріена. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить для фундаментальныхъ библіотекъ учительскихъ семинарій.

— Книгу *К. Запасника*: „Разведеніе лѣса въ степномъ краѣ. Съ 23 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1895. Стр. 96. Цѣна 40 коп.

(перепечатано изъ журнала Сельское Хозяйство и Лѣсоводство)" — одобрить для библіотекъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Казанскаго учебнаго округа разрѣшено преобразовать съ начала предстоящаго учебнаго года Уржумскую женскую прогимназію въ семиклассную гимназію.

— Съ 1-го іюля сего года состоится преобразованіе Кузнецкаго, Самарской губерніи, городскаго двухкласснаго училища въ трехклассный составъ.

— По донесенію начальства Казанскаго учебнаго округа, одноклассное училище на станціи Ахтуба, Баскунчакской желѣзной дороги, въ текущемъ году преобразовано въ двухклассное, на основаніи утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія правилъ для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ сего министерства, устраиваемыхъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ на средства желѣзнодорожныхъ управленій.

ВИЗАНТІЙСКО-АРАБСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА III (842—867) [1]).

Первые годы правленія Михаила (842—845).

Михаилу, сыну и преемнику Θеофила, было около четырехъ лѣтъ, когда умеръ его отецъ. По волѣ покойнаго императора регентшей государства была признана его мать Θеодора, и для управленія государственными дѣлами при ней былъ образованъ совѣтъ изъ Θеоктиста, логоθета дрома и каниклея, Мануила, дяди императрицы, и Варды, ея брата.

Едва малолѣтній Михаилъ былъ провозглашенъ императоромъ, а Θеодора правительницей, какъ Константинополю уже грозила серьезная опасность съ моря.

Арабы, нанеся въ 838 году пораженіе византійцамъ на сушѣ при Аморіи, задумали очевидно поразить своихъ враговъ и съ моря. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ арабы снаряжали свой флотъ, и, наконецъ, въ 842 году арабскій начальникъ Аподинаръ (Ἀποδείναρ) выступилъ съ большимъ флотомъ въ четыреста дромоновъ, направляясь къ „Богомъ хранимому Константинополю" [2]).

---

[1]) Эта статья представляетъ изъ себя главу изъ нашей работы о византійско-арабскихъ отношеніяхъ за время аморійской династіи, которая въ своемъ цѣломъ появится въ Запискахъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета.

[2]) *Vita Theodorae.* ed. *W. Regel* въ *Analecta Byzant.-Russica.* Petropoli, 1891, p. 11, откуда у *Georg. Hamart.* p. 720—721. Въ изданіи *Муральта* этотъ разказъ находится передъ извѣстными словами хроники: ἕως ὧδε τὰ χρονικὰ Γεωργίου. ἀπὸ τῶν ὧδε μόνον τοῦ Λογοθέτου (p. 721). По самой связи разказа это событіе должно относиться къ самому началу правленія Θеодоры; поэтому мы

Столица, видя надвигавшуюся грозу, должна была принять надлежащія мѣры. Но на этотъ разъ морская экспедиція арабовъ потерпѣла полную неудачу. Разразившаяся буря у мыса Хелидоніи въ Кивваріотской ѳемѣ [1]) на югѣ Малой Азіи, у береговъ древней Памфиліи, разбила флотъ, и только семь кораблей могли возвратиться въ Сирію. Такимъ образомъ Византія совершенно неожиданно избавилась отъ этой опасности и могла обратить свое вниманіе на сложный вопросъ возстановленія православія.

Но правитель государства Ѳеоктистъ, желая усилить свое вліяніе и зная, что послѣднее обыкновенно связано съ военною славой, рѣшилъ самъ стать во главѣ войска и предпринять прежде всего покореніе далекаго кавказскаго племени Абазговъ въ Колхидѣ. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ походѣ, такъ какъ флотъ его былъ разбитъ бурею [2]), и желая возстановить свою репутацію какъ полководца, онъ предпринялъ экспедицію для обратнаго завоеванія отъ мусульманъ острова Крита [3]).

Ѳеоктистъ выступилъ съ большимъ флотомъ въ первое воскресенье великаго поста послѣ возстановленія православія, то-есть 18-го марта

его относимъ еще къ 842 году. См. *Hirsch*. Byz. St. S. 33—34. Георгію Амартолу принадлежатъ только два событія изъ исторіи Михаила III: разказъ о возстановленіи православія и о неудачѣ арабскаго флота при мысѣ Хелидоніи. Совершенно ложно считаетъ Аподинара критскимъ эмиромъ *Шлоссеръ* (*Schlosser*. Geschichte der bilderstürmenden Kaiser, Frankfurt am Main. 1812, S. 556).

[1]) ἐν τῷ ἀκρωτηρίῳ τῶν Κιβυρραιωτῶν τῷ λεγομένῳ Χελεδονίᾳ (*Georg. Ham*. p. 720—721). Еще въ древности были извѣстны пять островковъ, σκόπελοί τραχεῖς, называвшіеся αἱ Χελιδονίαι πέτραι (отсюда турецкое названіе *Beš-ada*, то-есть пять островковъ). См. *Ptolem*. V, 3. Эти острова служили мѣстомъ отдыха для ласточекъ, летящихъ изъ Египта къ сѣверу. Также извѣстенъ былъ и мысъ на материкѣ Χελιδονία, Ἱερὰ ἄκρα, *promunturium Tauri*; турки называютъ его *Selidân—burnú*. См. *Tomaschek*. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. *Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissensch. zu Wien*., Hist.-Phil. Cl. B. 124, 1891. S. 51. Русскій паломникъ *Даніилъ* также два раза упоминаетъ о Хелидоніи. *Житье и хожене Данила, русьскыя земли игумена*. Изд. подъ редакціей *Веневитинова*. *Православный Палестинскій сборникъ*. Т. I, С.-Петербургъ, 1885: а отъ Миръ до *Хилидонія* верстъ 60, а отъ *Хилидонія* до Кипра великаго острова верстъ 200 (с. 10). Перечисляя отъ Великой Антіохіи приморскіе города, *Даніилъ* говоритъ: также *Хидонія* островець малъ .... боязни ради ратныхъ не пристахомъ въ *Хилидоніи* (с. 91).

[2]) Объ этомъ походѣ см. *Cont. Theoph*. p. 203, c. 39.

[3]) *Cont. Hamart*. p. 721=*Leo Gramm*. p. 229; болѣе кратко у *Sym. Mag*. p. 654. Краткое упоминаніе у *Cont. Theoph*. p. 203, c. 39.

843 года [1]). Но неудачи преслѣдовали правителя. Прибывъ благополучно на Критъ, онъ поразилъ арабовъ многочисленностью своего войска. Арабы въ такихъ обстоятельствахъ прибѣгли, вѣроятно, къ хитрости и распространили посредствомъ подкупа въ войскѣ Өеоктиста слухъ о политическихъ интригахъ въ Константинополѣ, о возведеніи на престолъ новаго императора. Услышавъ объ этомъ, онъ тотчасъ поспѣшилъ въ столицу, покинувъ большую часть войска на Критѣ, которое, оставшись безъ руководителя, сдѣлалось добычей арабовъ.

Послѣ этого Өеоктистъ обратился на восточныхъ арабовъ. Онъ былъ назначенъ Өеодорой начальникомъ арміи противъ арабскаго эмира, выступившаго противъ Византіи [2]). Но Өеоктистъ и на этотъ разъ потерпѣлъ сильное пораженіе у рѣки Мавропотамонъ [3]); много

---

[1]) τῇ δὲ α' Κυριαχῇ τῶν Ἁγίων Νηστειῶν μετὰ τὸ γενέσθαι τὴν ὀρθοδοξίαν (*Cont. Hamart.* p. 721). *Муральтъ* (р. 427) на основаніи *Симеона Магистра*, который этотъ походъ относитъ ко второму году правленія Михаила (*Sym. Mag*, *p. 654*), даетъ 4 марта 843 года. Мы относимъ возстановленіе православія къ 843 году; подробнѣе объ этомъ мы скажемъ въ приложеніи въ нашей полной работѣ.

[2]) *Cont. Hamart.* p. 722=*Sym. Mag.* p. 654; болѣе кратко у *Leo Gramm*, p. 229. *Симеонъ Магистръ* относитъ этотъ походъ къ третьему году правленія Өеодоры: на основаніи этого *Муральтъ* даетъ 844 годъ (р. 428), что соотвѣтствуетъ ходу самыхъ событій. Арабскіе хроники объ этомъ походѣ молчатъ.

[3]) Географическое названіе Мавропотамонъ давно уже интересовало ученыхъ, особенно по поводу перваго нападенія русскихъ на Константинополь въ 860 году, когда императоръ долженъ былъ вернуться въ столицу также отъ Мавропотамонъ (объ этомъ ниже), который искали въ Малой Азіи и во Өракіи. Мы, исходя изъ того положенія, что очень часто географическія имена при переходѣ страны въ другія руки удерживаютъ прежнее названіе, переведенное только на новый языкъ, думаемъ, что Мавропотамонъ, то-есть Черная рѣка византійскаго времени, должна соотвѣтствовать Μέλας ποταμός грековъ и Кара-су (черная рѣка) турецкаго времени. Оставляя въ сторонѣ Μέλας Ποταμός, притокъ Сангарія, соединявшій послѣднюю рѣку съ современнымъ озеромъ Собанджа, на западъ отъ Измида (Никомидіи), какъ слишкомъ близкую къ столицѣ (о ней см. *Ramsay*, The historical Geography of Asia Minor, London, 1890, p. 210 и 460), мы остановимся на другой рѣкѣ, о которой Рамзай ничего не говоритъ. *Страбонъ*, разказывая о киликійскомъ городѣ Мазакѣ говоритъ о всегда покрытой снѣгомъ, высокой горѣ Аргей (τὸ Ἀργεῖον ὄρος), съ вершины которой можно видѣть какъ Черное, такъ и Иссійское море (τά πελάγη τό τε Ποντικὸν καὶ τὸ Ἰσσικόν); въ сорока стадіяхъ отъ Мазаки въ долинѣ течетъ рѣка Μέλας καλούμενος и впадаетъ въ Евфратъ. (*Strabo. Didot* p. 461, *Teubn.* p. 756), Дѣйствительно, еще теперь на сѣверъ отъ горы Erdochjas Dagh (Ἀργαῖος) есть рѣка Kara-su, то-есть Черная рѣка, небольшой притокъ съ лѣвой стороны Кизиль-Ирмака. Отсюда видно, что Страбонъ ошибся, говоря, что Μέλας Ποταμός впадаетъ въ Евфратъ. См. *Rennel*,

1*

воиновъ пало въ этой битвѣ; мало того, нѣкоторые византійцы вслѣдствіе ненависти къ своему вождю перешли на сторону арабовъ. Изъ такихъ византійцевъ хроника отмѣтила храбраго Ѳеофапа изъ Ферганы [1]), который позднѣе впрочемъ получилъ прощеніе и возвратился къ христіанамъ [2]).

Возвратившійся въ столицу Ѳеоктистъ, желая на комъ-нибудь вымѣстить свои неудачи, обвинилъ въ нихъ Варду, утверждая, что по его проискамъ войско при Мавропотамонѣ обратилось въ бѣгство. Ѳеоктисту удалось склонить на свою сторону Ѳеодору, и Варда принужденъ былъ оставить столицу [3]).

Обмѣнъ плѣнныхъ въ 231 году хиджры (7-го сентября 845—27 авг. 846).

Не смотря на успѣшныя военныя дѣйствія преемникъ Мутасима халифъ Ватикъ (842—847) не могъ желать продолженія враждебныхъ отношеній съ Византіей: его расточительное, развратное, безчестное правленіе было ознаменовано слишкомъ серьезными внутренними недоразумѣніями.

Возстаніе въ Дамаскѣ, вызванное, вѣроятно, приверженцами омайядовъ, утомительная борьба съ возмутившимися племенами далекой Аравіи, безчинства курдовъ въ персидскомъ Иракѣ, волненіе

A treatise on the comparative Geography of Western Asia. Vol. II, London, 1831, p. 165. Мы полагаемъ, что положеніе этой рѣки въ Киликіи — Μέλας Ποταμός = Μαυροπόταμον=Karasu—какъ нельзя болѣе подходитъ къ столкновеніямъ того времени съ восточными арабами.

[1]) Позднѣе онъ участвовалъ въ сверженіи Вардою Ѳеоктиста, будучи на сторонѣ перваго (*Cont. Hamart.* p. 729).

[2]) Θεοφάνης ὁ ἐκ Φαργάνων (*Cont. Ham.* p. 722). Ферганцы не разъ упоминаются среди византійскихъ войскъ; такъ Φαργάνοι ἄνδρες με' числились въ войскѣ, отправленномъ при Романѣ Лекапинѣ въ Италію (*Const. Porphyr.* De Caerim. p. 661); они же упоминаются въ числѣ Βασιλικοὶ ἄνθρωποι (ibidem, p. 749). Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о восточныхъ туркахъ. О ферганцахъ въ Византіи см. *Krug.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. II Theil, S.-Petersburg, 1848, S. 770 sq. *Шафарикъ* называетъ среди полабскихъ славянъ племена Fergunna и Fraganeo, мѣстоположеніе которыхъ неизвѣстно (*Schafarik.* Slavische Alterthümer von *Wuttke*, Leipzig, 1844, B. II, S. 607 и 630). На основаніи этого *Финлей* говоритъ: отношенія византійской имперіи были настолько обширны, что нелегко рѣшить, идетъ ли въ данномъ случаѣ, то-есть у *Продолжателя Амартола*, рѣчь о западныхъ славянахъ или восточныхъ туркахъ, *Finlay.* History of Greece. ed. by *Tozer.* Vol. II, p. 176, rem. 2).

[3]) *Cont. Hamart.* p. 722. *Sym. Mag.* p. 654.

среди хариджитовъ, недовольство въ самомъ Багдадѣ, чуть не имѣвшее своимъ слѣдствіемъ сверженіе Ватика, религіозные споры по поводу вопроса о созданіи и вѣчности корана и о лицезрѣніи Бога въ загробной жизни,—всѣ эти затрудненія въ связи съ все болѣе и болѣе возрастающимъ раздраженіемъ населенія противъ не внушающей никакого уваженія личности Ватика заставляли его желать мира со своимъ западнымъ сосѣдомъ [1]).

Греки также не могли желать войны благодаря все продолжавшейся и неудачной для нихъ борьбѣ съ арабами въ Сициліи. Поэтому послѣ похода 844 года между византійцами и арабами замѣчается стремленіе установить посредствомъ обмѣна плѣнныхъ мирныя отношенія.

Въ 845 году отъ имени византійскаго императора ко двору халифа прибылъ посолъ для переговоровъ объ обмѣнѣ плѣнныхъ [2]). Очевидно, это предложеніе встрѣтило сочувствіе Ватика, такъ какъ Ахмедибн-Абу-Кахтаба былъ въ качествѣ уполномоченнаго отправленъ къ византійскому двору для полученія наиболѣе точныхъ свѣдѣній о числѣ мусульманскихъ плѣнниковъ, находившихся въ рукахъ грековъ, и вообще о намѣреніяхъ византійскаго правительства. Оказалось, что

---

[1]) *Weil.* Geschichte der Chalifen, B. II, S. 337 — 342. *Muir.* The Caliphate, p. 515—517.

[2]) Самый подробный разказъ объ этомъ обмѣнѣ мы находимъ у *Табари*, который излагаетъ его со словъ шести лицъ: Ахмеда-ибн-Абу-Кахтабы, Ахмеда-ибн-Хариса, Мухаммеда-ибн-Ахмеда-ибн-Саида-ибн-Сальма-ибн-Кутейба-ал-Бахили, мусульманскаго плѣнника у грековъ Мухаммеда-ибн-Абдаллаха изъ Тарса, одного синдійца и Мухаммеда-ибн-Керима (*Tabari*, III, p. 1339 и 1351—1356). Всѣ эти свѣдѣнія сообщаются у Табари безъ всякой связи, такъ что иногда онъ въ двухъ мѣстахъ говоритъ объ одномъ и томъ же. *Ибн-ал-Асиръ* даетъ хотя и гораздо болѣе краткій, но за то болѣе стройный разказъ, который во всемъ согласенъ съ Табари (*Ibn-al-Athir*, VII, p. 16—17). Краткія свѣдѣнія объ этомъ обмѣнѣ можно найдти у *Jaqubi*. Hist. II, p. 588—589 и у *Maçoudi* въ его *Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf* (*De-Goeje.* Bibl. geograph. arab. Vol. VIII, Lugd. Bat., 1894, p. 190—191). См. работу *Сильвестра-де-Саси* объ этомъ сочиненіи Масуди, гдѣ приведено также указанное мѣсто въ *Notices et Extraits des manuscrits*, vol. VIII, Paris, 1810, p. 194—195, откуда перепечатано *Barbier-de-Meynard* какъ приложеніе къ его переводу сочиненія Масуди *Prairies d'or*. T. IX, Paris, 1877, p. 357. См. *Maçoudi*. Le livre de l'avertissement et de la revision. Traduction par *B. Carra de Vaux*. Paris, 1897, p. 257—258. Изъ Масуди бралъ, вѣроятно, свои свѣдѣнія *Макризи*. *Al-Hitat*. Bulak, 1270 (1853), два тома. T. II, p. 191. См. краткій, согласный съ Табари разказъ у *Ибн-Мискавейха*. *De-Goeje*. Fragmenta historicorum arabicorum, p. 532—533. См. также *Gregorii Abulpharagii* Chronicon Syriacum, I, p. 164—165.

число плѣнныхъ мусульманъ достигало трехъ тысячъ мужчинъ и пятисотъ женщинъ и дѣтей.

Ватикъ рѣшилъ ихъ выкупить. Пунктомъ совершенія обмѣна служило обычное мѣсто на рѣкѣ Ламусъ, недалеко отъ Селевкіи, въ разстояніи дня пути отъ Тарса. Распоряжался обмѣномъ евнухъ Хаканъ съ людьми, которые присутствовали при послѣднемъ обмѣнѣ въ предыдущемъ 844 году [1]).

Начальникъ малоазіятскихъ и сирійскихъ пограничныхъ крѣпостей Ахмед-ибн-Саид-ибн-Сальм-ибн-Кутейба-ал-Бахили получилъ приказаніе также присутствовать при обмѣнѣ, къ мѣсту котораго онъ выѣхалъ на семнадцати лошадяхъ. Вообще арабы при этомъ обмѣнѣ представляли изъ себя значительный отрядъ въ 4000 человѣкъ [2]).

Со стороны грековъ было два начальника, руководившіе обмѣномъ [3]). Послѣдніе были нѣсколько смущены, увидя передъ собою такой сильный отрядъ мусульманскаго войска и, не довѣряя арабамъ, вступили по этому поводу въ переговоры съ Хаканомъ, который согласился на сорокадневное перемиріе, чтобы дать возможность выкупленнымъ плѣннымъ возвратиться къ домамъ [4]).

Обѣ стороны сошлись у береговъ Ламуса 16-го сентября 845 года [5]).

Отъ лица мусульманскихъ плѣнныхъ былъ отправленъ къ халифу съ ходатайствомъ о выкупѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими знатными мусульманами Мухаммед-ибн-Абд-аллахъ изъ Тарса. захваченный греками тридцать лѣтъ тому назадъ во время одного набѣга на византійскіе предѣлы за кормомъ для скота. Ватикъ принялъ благосклонно это ходатайство и подарилъ мусульманскимъ представителямъ по лошади и по тысячѣ дирхемовъ.

---

[1]) *Tabari*, III, p. 1352. Что это за обмѣнъ былъ въ 230 году хиджры (18-го сентября 844—6-го сент. 845 г.), мы въ точности не знаемъ. *Масуди* (*De-Goeje*. Bibl. Geogr. Arab. VIII, p. 900. *Notices et Extraits*, VIII, p. 194 = *Prairies d'or* par *Barbier de-Meynard*, T. IX p. 357), а за нимъ *Макризи* (*Al-Hitat*, II, p. 191) при перечисленіи обмѣновъ о немъ не упоминаютъ. Вѣроятно, это былъ обмѣнъ незначительнаго числа плѣнныхъ послѣ похода 844 года, о которомъ мы говорили выше.

[2]) *Якуби* (Hist. II, p. 588—589) говоритъ, что при этомъ обмѣнѣ присутствовало до 70.000 человѣкъ.

[3]) *Tabari*, III, p. 1354. Къ сожалѣнію, ихъ имена, написанныя арабскими буквами, остаются пока для меня неясными.

[4]) *Tabari*, III, p. 1356.

[5]) 10-го числа мѣс. Мухаррема 231 года. *Tabari*, III, p. 1352 и 1354.

Въ началѣ переговоры на Ламусѣ грозили окончиться неудачею, такъ такъ между греческими послами и Ибн-аз-Зіятомъ, представителемъ мусульманъ, произошелъ горячій споръ. Греки не соглашались брать въ обмѣнъ ни стариковъ, ни старухъ, ни дѣтей, и только по прошествіи нѣсколькихъ дней обѣ стороны пришли къ рѣшенію мѣнять человѣка на человѣка.

Очевидно, число мусульманскихъ плѣнныхъ было болѣе значительно, чѣмъ число грековъ, находившихся въ плѣну у арабовъ, такъ какъ Ватикъ, чтобы сравнять ихъ число, отдалъ приказъ выкупить проданныхъ греческихъ рабовъ въ Багдадѣ, Раккѣ, а когда и этого оказалось недостаточнымъ, онъ вывелъ изъ своего дворца греческихъ женщинъ.

Но раньше, чѣмъ приступить къ самому факту обмѣна, со стороны арабовъ былъ составленъ родъ комиссіи изъ Яхъи-ибн-Адама изъ багдадскаго пригорода Керха, Джафара-ибн-Хадаа и Талиба-ибн-Давуда для испытанія плѣнныхъ въ вѣрѣ [1]). Условіемъ, необходимымъ для выкупа, было отрицаніе положенія о вѣчности Корана и о лицезрѣніи Бога въ загробной жизни. Кто изъ плѣнныхъ соглашался съ этимъ, того выкупали. Талибу было даже дано 5000 дирхемовъ для раздачи по динарію каждому выкупленному. Остальные мусульманскіе плѣнники, не желавшіе поступиться своими религіозными убѣжденіями, должны были остаться въ рукахъ грековъ; послѣднихъ было, повидимому, довольно много [2]), хотя Хаканъ по возможности старался выкупить всѣхъ мусульманъ.

Для самаго обмѣна на Ламусѣ было построено два моста—одинъ греками, другой—арабами. Въ то время какъ греки посылали мусульманскаго плѣнника по своему мосту, арабы отправляли грека по своему. Каждый мусульманинъ, приближаясь къ своимъ, произносилъ обычную формулу прославленія Бога, на что мусульмане извѣстнымъ образомъ ему отвѣчали. То же дѣлали и греки [3]).

---

[1]) *Tabari*, III, p. 1353. *Масуди* называетъ послѣдняго участника комиссіи главнымъ судьею (kadhi'l kadat) Ахмед-ибн-Абу-Давудомъ (*De-Goeje*, VIII, p. 191. *Notices*, VIII, p. 194=*Prairies d'or*, IX, p. 357). *Макризи*, *Al-Hitat*, II, p. 191.

[2]) *Масуди* (*De-Goeje*, VIII, p. 191. *Notices*, VIII, 194=*Prairies d'or*, IX, p. 357): много плѣнныхъ предпочло возвратиться въ христіанскую землю при рѣчи объ этомъ. См. *Макризи*. Al-Hitat, II, p. 191.

[3]) *Tabari*, III, 1355. По другимъ разказамъ мостовъ не было, а плѣнные переходили въ бродъ рѣку, что намъ кажется менѣе вѣроятнымъ. См. *Tabari*, III, p. 1355. О мостѣ говоритъ и *Якуби* (Hist. II, p. 589).

Обмѣнъ, по словамъ Табари, продолжался четыре дня [1]). Выкуплено было мусульманъ свыше четырехъ тысячъ; между ними были женщины, дѣти и зиммія, то-есть мусульманскіе подданные христіане и евреи [2]). Табари сообщаетъ, что среди выкупленныхъ мусульманскихъ плѣнныхъ было даже около тридцати человѣкъ, которые во время плѣна приняли христіанство [3]). Въ этотъ же обмѣнъ были выкуплены жители разрушеннаго Ѳеофиломъ въ 837 году города Запетры [4]). Очевидно, въ свою очередь въ византійскіе предѣлы возвратилось плѣнное населеніе Аморія.

Среди выкупленныхъ плѣнныхъ мусульманъ находилась одна очень интересная личность. Это былъ нѣкто Муслим-ибн-Абу-Муслим-ал-Харами (Джарами) [5]), который, живя долгое время среди грековъ, прекрасно узналъ ихъ страну, написалъ нѣсколько сочиненій по исторіи греческихъ императоровъ, ихъ выдающихся дѣятелей, о странѣ грековъ, о дорогахъ, о временахъ года, наиболѣе удобныхъ для нападенія на грековъ, о пограничныхъ странахъ бурджановъ (болгаръ), аваровъ, бургаровъ (?), славянъ, хазаровъ и другихъ. Какъ человѣкъ, глубоко убѣжденный въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, онъ не хотѣлъ согласиться на требуемыя правительствомъ халифа уступки въ пользу отрицанія догмата вѣчности Корана и лицезрѣнія Бога въ загробной жизни, что было причиною его продолжительныхъ притѣсненій, отъ которыхъ онъ избавился не особенно скоро, оставшись, повидимому, вѣрнымъ самому себѣ и своимъ убѣжденіямъ [6]). Его со-

---

[1]) *Tabari*, III, p. 1356. *Масуди* (*De-Goeje*, VIII, p, 190. Notices et extraits, VIII, p. 194 = *Prairies d'or*, IX, p. 357), а за нимъ *Макризи* (Al-Hitat, II, p. 191) считаютъ десять дней.

[2]) *Табари*, приводя показанія различныхъ лицъ, даетъ и разныя цифры: 4362 чел. (III, p. 1339); 4600 чел., изъ которыхъ 600 было женщинъ и дѣтей и менѣе пятисотъ зиммієвъ (III, p. 1354); 4460 чел., изъ которыхъ 800 женщинъ и дѣтей и болѣе ста зиммієвъ (III, p. 1355). *Масуди* даетъ двѣ цифры—4362 и 4047 чел. (*De-Goeje*, VIII, p. 190. *Notices*, VIII, p. 194 = *Prairies d'or*, IX, p. 357). *Макризи*—4362 чел. (Al-Hitat. II, p. 191). *Якуби* называетъ число гораздо менѣе значительное: 500 мужчинъ и 700 женщинъ (II, p. 589). Зимміями назывались, кромѣ христіанъ и евреевъ, также подданные мусульманъ немногочисленные представители сабеизма.

[3]) *Tabari*, III, p. 1356.

[4]) Объ этомъ упоминаетъ *Масуди* (*De-Goeje*, VIII, p. 190. *Notices*, VIII, p. 195 = *Prairies d'or* IX, p. 357).

[5]) Арабскія рукописи даютъ различныя чтенія. См. *De-Goeje*, VIII, p. 190.

[6]) *Масуди*. *De-Goeje*, VIII, p. 190—191. *Notices*, VIII, p. 195 = *Prairies d'or* IX, 357. *Макризи Al-Hitat*, II, p. 191.

чиненіями пользовался Ибн-Хордадбехъ при описаніи византійскихъ провинцій [1]).

По истеченіи срока сорокадневнаго перемирія, въ зимнее время начальникъ пограничной области Ахмед-ибн-Саид-ибн-Сальм-ибн-Кутейба съ войскомъ въ 7000 человѣкъ неожиданно напалъ на византійскіе предѣлы. Но его отрядъ, застигнутый снѣгомъ и дождемъ, потерпѣлъ полную неудачу: около двухсотъ человѣкъ погибло; почти столько же попало въ плѣнъ; довольно много утонуло въ рѣкѣ Бадандунѣ [2]). Такимъ образомъ общая потеря доходила до пятисотъ человѣкъ.

Между тѣмъ со стороны грековъ уже приближалось войско во главѣ съ патриціемъ. Арабскій начальникъ, чувствуя гнѣвъ халифа за свою неудачу и уступая совѣтамъ приближенныхъ, ограничился тѣмъ, что, захвативъ тысячу быковъ и десять тысячъ овецъ, удалился отъ византійской границы.

Разсерженный Ватикъ за этотъ неудачный набѣгъ отставилъ арабскаго военноначальника отъ должности и 18-го января 846 года передалъ управленіе пограничными областями Наср-ибн-Хамза-ал-Хуза'а [3]).

Послѣ обмѣна 845 года Византія не имѣла столкновеній съ восточными арабами до 851 года; но за то она должна была безпрерывно продолжать утомительную и неудачную сицилійскую войну.

Дѣла въ Сициліи съ 845 по 853 годъ.

Въ Сициліи въ концѣ 842 года или въ 843 году (въ 228 году хиджры = 10-го октября 842—29-го сентября 843 г.) арабы перенесли свои военныя дѣйствія на крайній востокъ острова и приступили къ осадѣ Мессины, во время которой Неаполь въ качествѣ союзника помогалъ мусульманамъ [4]).

Рѣшивъ нападеніе на Мессину, арабскій начальникъ ал-Фадл-ибн-

---

[1]) *Ibn-Chordadbeh*. ed. *De-Goeje*, p. 105 и 77.

[2]) *Tabari*, III, p. 1356. *Ibn-al-Athir*, VII, p. 17, который для убитыхъ и плѣнныхъ даетъ цифру въ сто человѣкъ.

[3]) *Tabari*, III, p. 1356—1357: во вторникъ, 16-го числа мѣс. Джумады I. См. *Ibn-al-Athir*, VII, p. 17.

[4]) *Ibn-al-Athir*. *Tornberg*, VII p. 3; *Amari*, Biblioteca arabo-sicula. Versione italiana. Torino e Roma. 1880, vol. I, p. 374: неаполитанскій народъ вступилъ съ нимъ (ал-Фадломъ) въ соглашеніе и соединился съ нимъ. См. *Amari*. Storia dei musulmani di Sicilia, I, p. 314—315.

Джафар-ал-Хамадани съ флотомъ вступилъ въ мессинскую гавань и началъ вмѣстѣ съ неаполитанцами осаждать городъ. Не смотря на всѣ усилія Фадла, городъ не уступалъ. Наконецъ, арабскій начальникъ, тайно отправивъ часть своего войска въ горы въ тылъ Мессинѣ, самъ напалъ на городъ со стороны моря. Въ то время какъ осажденные всѣ свои силы направили къ берегу, на нихъ неожиданно напали сзади скрывавшіеся въ горахъ арабы. Мессина должна была уступить и перешла въ руки мусульманъ [1]).

Въ этомъ же году они овладѣли какимъ то городомъ M. s. kân [2]). и начали все далѣе подвигаться на юго-востокъ острова, гдѣ въ 845 году и взяли скалистую крѣпость Модику [3]).

Около этого времени, вѣроятно, послѣ замиренія съ восточными арабами въ 845 году, императрица Θеодора для поправленія сицилійскихъ дѣлъ отправила на островъ войско изъ далекой восточной Харсіанской θемы, которое сразилось у небольшаго города Бутера на югѣ острова, на сѣверъ отъ прибрежнаго города Терранова, но было разбито Абу-л-Аглаб-ал-Аббасомъ; со стороны грековъ пало около десяти тысячъ человѣкъ, тогда какъ потеря мусульманъ была очень незначительна [4]).

---

[1]) *Ibn-al-Athir*. *Tornberg*, VII, p. 3; *Amari*, vers. I, p. 374. *Ibn-Haldun*. Amari, vers. II, p. 179. *Abu-l-Pharadj*. Historia Dynastiarum ab *Edv. Pocockio*. Oxoniae, 1663, текстъ p. 257, переводъ p. 167.

[2]) Такое написаніе даетъ *Ибн-ал-Асиръ*. *Tornberg*, p. 3; *Amari*, vers. I, p. 374. *Амари* (Storia, I, p. 314—315) предполагаетъ здѣсь городъ *Mihkan* у *Идризи*, соотвѣтствующій современному небольшому городу *Alimena*, принадлежащему къ округу Cefalu-Palermo, внутри острова на сѣверо-западъ отъ Кастроджованни. См. *Giordani*.. Indice generale dei comuni del regno d'Italia, Milano, 1883, p. 10 — 11. *Moltedo*. Il libro de' comuni del Regno d'Italia, Napoli, 1873, p. 13—14.

[3]) *Cronaca Sicula-Saracena di Cambridje*. ed. *Cozza-Luzi*, p. 26: ἐπιάσθησαν τὰ καστέλλια τῆς τουραχιναίας (?) καὶ ὁ ἅγιος Ἀνανίας τῆς Μούτικας. *Amari*, vers. I, p. 278. О Модикѣ см. *Hare*. The cities of Southern Italy and Sicily, London, 1883, p. 455. *Moltedo*, op. c. p. 352. *Giordani*. op. cit. p. 258—259. *Vito Amico*. Dizionario topografico della Sicilia, tradotto dal latino ed annotato da *Gioacchino Dimarzo*. Palermo, 1885, vol. II, p. 144—151. См. также *Amari*. Storia, I, p. 315.

[4]) *Cronaca di Cambridge*.. ed. *Cozza-Luzi*, p. 26: ἐγένετο ὁ πόλεμος τοῦ Χαρζανίτι καὶ ἐσφάγησαν τῶν χριστιανῶν χιλιάδες Θ. ΙΝΔ... Θ. *Amari*, vers. I, p. 278. *Амари*, не зная еще греческаго текста хроники, прочелъ въ арабскомъ ея переводѣ *Harzamitah* и отождествилъ это съ Харсіанитами, что очень вѣроятно (*Storia*, I, 316). 9-й индиктіонъ, указанный въ хроникѣ, начинался въ сентябрѣ 845 года. *Ибн-ал-Асиръ* подъ 229 годомъ (30-го сент. 843—17-го сент. 844 г.) разсказываетъ о большой битвѣ у S. r. h. (можетъ быть, Бутера?), гдѣ побѣж-

Вслѣдъ за этимъ пораженіемъ слѣдовалъ рядъ крупныхъ неудачъ для византійцевъ.

Въ 846—847 году (232 г. хиджры = 28-го августа 846—16-го августа 847 г.) ал-Фадл-ибн-Джафаръ приступилъ къ осадѣ важнаго города Лентини въ восточной части острова между Катаніей и Сиракузами. На помощь осажденнымъ шелъ византійскій патрицій, у котораго было условлено съ жителями Лентини, какъ сигналъ его прибытія къ городу, зажженный костеръ на одной изъ близъ лежащихъ горъ. Объ этомъ узналъ арабскій начальникъ и три дня зажигалъ огонь на извѣстной горѣ. На четвертый день, когда по условію патрицій долженъ былъ находиться у города, осажденные, увѣренные въ побѣдѣ, вышли изъ него. Арабы притворнымъ бѣгствомъ завлекли ихъ въ заранѣе приготовленную засаду. Между тѣмъ городъ оставался почти пустымъ. Внезапная аттака скрытыхъ въ засадѣ арабовъ обратила византійцевъ въ безпорядочное бѣгство. Городъ безъ труда былъ занятъ арабами [1]).

Неудачна для византійцевъ была попытка въ слѣдующемъ 847—848 году (233 г. хиджры=17-го августа 847—4-го августа 848 г.) на десяти хеландіяхъ высадиться въ бухтѣ Монделло въ восьми миляхъ отъ Палермо. Экипажъ хеландій, заблудившись на островѣ, долженъ былъ возвратиться къ кораблямъ и, попавъ въ бурю, потерялъ изъ десяти семь судовъ [2]).

Въ 848 году Сицилію постигъ сильный голодъ. Можетъ быть, изъ за голода въ этомъ году безъ битвы сдалась арабамъ сильная крѣпость Рагуза въ юго-восточной части острова на унизительныхъ условіяхъ оставить все имущество побѣдителямъ, которые уходя срыли стѣны.

денные христіане потеряли 10.000 человѣкъ. (*Tornberg*, VII, p. 3; *Amari*, vers. I, 375). Почти одинаковая цифра убитыхъ позволяетъ отнести это извѣстіе къ вышеупомянутому сраженію *Кембриджской Хроники*. Мы ставимъ эту помощь изъ Харсіанской ѳемы въ связь съ восточными дѣлами, то-есть съ обмѣномъ плѣнныхъ въ 845 году и послѣдовавшимъ за нимъ замиреніемъ, почему и склоняемся относить это пораженіе къ концу 845 или, еще вѣрнѣе, къ началу 846 года. *Амари* склоняется къ 845 году. (Storia, I, p. 316, n. 2).

[1]) *Ibn-al-Athir*. *Tornberg*, VII, p. 3—4; *Amari*, vers. I, 375—376. *Cronaca di Cambridge* ed. *Cozza-Luzi*, p. 26: παρελήφθη ἡ Λεοντίνι ΙΝΔ... Ι; *Amari*, vers. I, p. 278. 10-й индиктіонъ кончался въ сентябрѣ 847 года. *Ibn-Haldun*. *Amari*, vers. II, p. 179.

[2]) *Ibn-al-Athir*. *Tornberg*, VII, p. 4; *Amari*, vers. I, p. 376. См. *Amari*. Storia, I, p. 317—319.

Въ 849—850 году (235 г. хиджры=26-го іюля 849—14-го іюля 850 г.) арабы, проникнувъ въ Кастроджованни, грабили тамъ, жгли и безнаказанно вернулись въ Палермо [1]).

17-го января 851 года (10-го числа мѣс. Реджеба 236 г.) умеръ мусульманскій правитель Сициліи Абу-л-Аглаб-Ибрахимъ, одинъ изъ лучшихъ представителей африканской власти на островѣ какъ въ военномъ, такъ и во внутреннемъ управленіи [2]).

Ему въ преемники сицилійскіе арабы тотчасъ избрали Абу-л-Аглаба-ал-Аббаса-ибн-ал-Фадла-ибн-Якуба, извѣстнаго своею побѣдой надъ харсіанскимъ войскомъ, который, не дожидаясь утвержденія изъ Африки, началъ дѣятельно и успѣшно продолжать войну. Африканскій правитель впрочемъ сейчасъ же утвердилъ его избраніе.

Войска новаго правителя сдѣлали удачное нападеніе на крѣпость Caltavuturo (Kalat-abi-Thur) въ гористой мѣстности le Madonie на сѣверѣ острова [3]), затѣмъ направились въ область Кастроджованни, но не могли вызвать византійскаго патриція на битву [4]).

Въ 852 и 853 годахъ (238 и 239 годы хиджры=23-го іюня 852—1-го іюня 854 года) арабскія войска опустошали юго-восточную часть острова, окрестности Катаніи, Сиракузъ, Ното, Рагузы и остановились у крѣпости Бутера, гдѣ осада затянулась на пять или шесть мѣсяцевъ. Наконецъ, жители заключили съ Аббасомъ договоръ: они выдали ему пять или шесть тысячъ военноплѣнныхъ, которые и были отведены въ Палермо [5]).

---

[1]) *Cronaca di Cambridge*. ed. *Cozza-Luzi*, p. 28: παρελήφθησαν οἱ Ῥογοὶ καὶ ἐγένετο λιμὸς ἰσχυρὸς INΔ... IA (11-й индиктіонъ кончился въ сентябрѣ 848 года); *Amari*, vers. I, p. 278. *Ibn-al-Athir*, ed. *Tornberg*, VII, p. 4; Amari, vers. I, 376—377. *Ibn-Haldun*. *Amari*, II, p. 179.

[2]) О немъ см. *Ibn-al-Athir*. *Tornberg*. VII, p. 4—5; *Amari*, vers. I, p. 377. *Nowairi*. *Amari*, Biblioteca arabo-sicula, ossia raccolta di testi arabici. Lipsia, 1857, p. 431; vers. II, p. 120. *Al-Bayan*. ed. *Dozy*, p. 104; *Amari*, vers. II, p. 9. *Amari*. Storia, I, p. 320.

[3]) См. *Moltedo*. op. cit. p. 95. *Giordani*. op. c., p. 70—71. *Vito Amico*. Diz. topogr. I, p. 215—216.

[4]) *Ibn-al-Athir*. *Tornberg*, VII p. 40; *Amari*, vers. I p. 377—378.

[5]) *Ibn-al-Athir*, VII p. 40; *Amari*, vers. I p. 378. *Al-Bayan*, *Dozy*, p. 104; *Amari*, vers II p. 10; въ послѣдней хроникѣ говорится еще о завоеваніи города S. m. rinah (S. h. r. nt), въ которомъ Амари видитъ Камарину (*Amari*, Storia, I p. 324). *Cronaca di Cambridge*, ed. *Cozza-Luzi*, p. 28: παρελήφθη ὁ Βουθήρ INΔ. IB (индиктіонъ не вѣренъ); *Amari*, vers. I, p. 278. *Ibn-Haldun*. *Amari*, II, p. 180—181.

Арабы и Италія, съ 842 по 858 годъ.

Между тѣмъ арабы не ограничивались Сициліей и продолжали свои нападенія на Южную Италію и даже посягнули на священный Римъ.

Внутренніе раздоры въ Беневентѣ все болѣе и болѣе открывали имъ возможность вмѣшиваться въ итальянскія дѣла. Беневентскій правитель Радельхисъ, не будучи съ состояніи бороться со своимъ противникомъ Сиконольфомъ, который отнялъ у него Калабрію и часть Апуліи, обратился черезъ правителя Бари Пандо за помощью къ мусульманамъ. Послѣдніе съ готовностью отозвались на это приглашеніе, въ 841 году подошли къ Бари, но, воспользовавшись темною, ненастною ночью, неожиданно напали на спящій городъ и овладѣли имъ для самихъ себя [1]).

Въ свою очередь Сиконольфъ противъ африкано-сицилійскихъ союзниковъ Радельхиса призвалъ на помощь испанскихъ арабовъ, вѣроятно, съ Крита [2]).

Южная Италія снова стала свидѣтельницей опустошительной войны [3]). Въ 845 году неаполитанскій консулъ Сергій успѣшно боролся въ союзѣ съ жителями Амальфи, Гаэты и Сорренто противъ мусульманъ и принудилъ ихъ оставить Ponza, одинъ изъ такъ называемыхъ Понтійскихъ острововъ на западъ отъ Неаполя, и Ликозу, мысъ въ южной части Салернскаго залива [4]).

---

[1]) *Erchemperti* Historia Langobardarum. *Pertz*, III p. 246. *Script. rer. langob.* p. 240. *Chronicon Casinense. Pertz*, III p. 223, 225. См. *Dümmler*. Geschichte des Ostfränkischen Reichs. Berlin, 1862. B. I, S. 185. *Schipa*. Storia del Principato Longobardo in Salerno, p. 99 въ *Archivio Storico per le Province Napoletane*. Anno XII, Napoli, 1887. *Amari* Storia, I, p. 360—361. *F. Lenormant*. La Grande-Grèce. Paris, 1881. T. I, p. 69. Къ сожалѣнію, въ моментъ исправленія корректурныхъ листовъ мы не имѣли въ рукахъ студенческой работы *М. Бруна* Византійцы въ Южной Италіи въ IX и X вѣкахъ. *Записки Императорскаго Новороссійскаго университета*. Т. 37, Одесса, 1883, стр. 1—62. Надѣемся воспользоваться этою статьей въ нашей общей работѣ.

[2]) *Erchemperti* Hist. *Pertz*, III p. 247. *Scr. rer. langob.* p. 241: contra Agarenos Radelgisi Libicos Hismaelitas Hispanos accivit. См. *Amari*, Storia, I p. 361—362.

[3]) См. о военныхъ столкновеніяхъ въ *Chronicon Salernitanum*. *Pertz*, III p. 508—510.

[4]) *Iohannis* Gesta episc. Neapolit. Scrip. rer. langob. p. 432. См. *Amari*. Storia, I, p. 364. *Capasso*. Monumenta ad Neapolitani Ducatus Historiam pertinentia. Vol. I. Napoli, 1881, p. 84—85.

Но, удалившись въ Палермо, арабы тотчасъ же вернулись въ Италію, заняли крѣпость Мизено (Misenatium) близъ Неаполя [1]) и въ 846 году появились въ устьяхъ Тибра, приближаясь къ Риму.

Папы того времени понимали и предвидѣли опасность для Рима со стороны мусульманъ и старались отдалить отъ вѣчнаго города надвигавшуюся грозу. Папа Григорій IV (съ 827 по 844 годъ) для защиты отъ арабовъ укрѣплялъ устье Тибра, выстроилъ въ Остіи крѣпость и окружилъ городъ стѣною и рвомъ [2]).

Въ августѣ 846 года сарацинскій флотъ появился въ устьяхъ Тибра. Въ то время какъ одна часть арабовъ двигалась отъ Чивита-Веккіи, другая, одолѣвъ папскую стражу въ Новой Остіи, поднималась по Тибру.

Трудно предполагать, чтобы арабы, нападая на Римъ, имѣли какіе нибудь общирные планы или надѣялись „на соборѣ Петра водрузить знамя пророка" [3]); по всей вѣроятности, это была экспедиція съ обычною цѣлью грабежа, только въ большихъ размѣрахъ, такъ какъ слава о богатствахъ Рима, конечно, достигла и арабовъ.

Базилики св. Петра и Павла, находившіяся внѣ городскихъ стѣнъ, были взяты и раззорены; особенно пострадалъ богатый соборъ Петра [4]).

Подвергся ли нападенію самый Римъ, неизвѣстно; источники объ этомъ молчатъ. Арабы впрочемъ были скоро отбиты мѣстными жителями, послѣ чего отправились къ Беневенту, раззорили Фонди и въ серединѣ сентября 846 года осадили Гаэту.

Но въ это время съ одной стороны въ южную Италію явился

---

[1]) *Iohannis* Gesta ep. Neapol. ibidem.

[2]) *Vita Gregorii IV*. p. 82 въ *Liber Pontificalis* par l'Abbé *L. Duchesne*, T. II, Paris, 1892: (Gregorius) fecit autem... in praedicta civitate Hostensi civitatem aliam a solo valde fortissimam, muris quoque altioribus, portis simul ac serrio et cataractibus eam undique permunivit, et super, at unimicos, si evenerit, expugnandos, petrarias nobili arte composuit. Et a foris non longe ab eisdem muris ipsam civitatem altiori fossato praecinxit, ne facilius muros hostis contingere valeat.

[3]) См. *Gregorovius*. Geschichte der Stadt Rom. 4 Auflage, B. III, Stuttgart, 1890, s. 85.

[4]) *Vita Sergii II* въ Liber Pontificalis par *Duchesne*, II p. 99—101. *Chronicon Casinense* (*Pertz*, III p. 225—226). *Iohannis* Chron. Neapolit. (*Script. rer. lang*. p. 432—433). *Iohannis* Chron. Venetum (*Pertz* VII, p. 18). О другихъ источникахъ см. *Dümmler*. Geschichte des Ostfränkischen Reichs. B. I, s. 289—290. См. также *Capasso*. Monum. ad Neapolit. Ducatus historiam pertin. vol. I p. 90. *Schipa*. Storia del Principato Longobardo in Salerno въ *Archivio Storico per le Province Napoletane*. An. XII (1887), p. 104—105. *Gregorovius*. Gesch. der Stadt Rom. 4 Aufl. B. III, s. 85—88.

императоръ Людовикъ II съ войскомъ [1]), съ другой стороны Цезарій, сынъ неаполитанскаго консула. Мусульмане 10-го ноября нанесли сильное пораженіе войску Людовика, которое было спасено только приходомъ Цезарія. Послѣ этого арабы, заключивъ договоръ съ Цезаріемъ, удалились, но большею частью погибли въ дорогѣ [2]).

Между тѣмъ арабскіе пираты еще не забыли богатой добычи, вывезенной ими послѣ нападенія на Римъ въ 846 году, и черезъ три года, именно въ 849 году, до Рима дошло извѣстіе о томъ, что большой сарацинскій флотъ сосредоточился у береговъ Сардиніи съ намѣреніемъ произвести новое нападеніе на священный городъ.

Новый папа Левъ IV (847—855 годахъ) сдѣлалъ воззваніе къ патріотизму итальянцевъ, слѣдствіемъ чего было заключеніе союза Рима съ Амальфи, Гаэтой и Неаполемъ; душою этого союза былъ уже извѣстный намъ Цезарій. Въ латеранскомъ дворцѣ была дана союзниками торжественная клятва. Въ Остіи сосредоточился союзный флотъ и римская милиція.

На слѣдующій день послѣ богослуженія, совершеннаго папой, передъ Остіей явились сарацинскіе корабли. Союзники храбро напали на непріятеля, но разразившаяся буря безъ ихъ содѣйствія разсѣяла и разбила арабскій флотъ. Много арабовъ погибло; много попало въ плѣнъ и въ цѣпяхъ было отведено въ Римъ, гдѣ ихъ заставили принимать участіе въ постройкѣ ватиканскаго города [3]).

Непрекращавшіяся внутреннія смуты въ Италіи и раздоры между различными итальянскими правителями давали постоянно арабамъ случай вмѣшиваться въ южно-итальянскія дѣла и грабить страну. Съ 850 года съ ними лично вступаетъ въ долголѣтнюю борьбу императоръ Людовикъ II, потерпѣвшій, какъ мы видѣли выше, пораженіе отъ арабовъ въ 846 году [4]).

---

[1]) *Böhmer-Mühlbacher*. Die Regesten, unter den Karolingen. Innsbruck, 1883, s. 423—424.

[2]) *Amari*. Storia, I p. 365—366.

[3]) *Amari*. Storia, I p. 366—367. *Gregorovius*, op. c. III, s. 90—92. Папы мало по малу старались исправить арабскія хищенія въ храмѣ Петра. См. напр. *Vita Leonis IV* (Liber Pont. par *Duchesne*, p. 127): portas infanda quas destruxerat progenies argentoque Saracena nudarat erexit. *Vita Benedicti III* (855—858 г.) p. 148 (ed. *Duchesne*): farum cantarum argenteum, sedens in pedibus quattuor a Sarracenis olim ablatum, in quo ad decus ipsius basilicae in diebus festis atque dominicis lucerna simul et cerea ponuntur juxta lectorium, mirifico opere fecit ac renovavit.

[4]) *Amari*, Storia. I p. 367 sq.

Осада греками Даміетты, въ 853 году.

Въ 853 году византійскій средиземный флотъ, не видя возможности большаго успѣха у береговъ Сициліи, направился къ Египту и неожиданно напалъ на Даміетту. Этимъ маневромъ византійцы, можетъ быть, надѣялись на то, что угрожавшая опасность Африкѣ заставитъ арабовъ отозвать часть войска изъ Сициліи.

Арабскимъ халифомъ въ это время былъ Мутаваккилъ, преемникъ Ватика, который умеръ еще 10-го августа 847 года тридцати двухъ лѣтъ отъ роду. Страдая водянкой, онъ по совѣту врача искалъ облегченія отъ своей болѣзни въ сильно натопленной печи, гдѣ его нашли мертвымъ, вѣроятно, отъ удушенія.

Эта неожиданная смерть оставила халифатъ безъ назначеннаго наслѣдника. Выдающіеся дѣятели предыдущихъ правленій умерли. За два года до смерти Ватика умеръ извѣстный правитель Хорасана Абд-Аллах-ибн-Таиръ, который, будучи почти самостоятельнымъ княземъ, собственно всегда заботился о благѣ государства. Одновременно съ нимъ умеръ извѣстный полководецъ еще времени Мутасима и его походовъ турокъ Ашнасъ [1]).

Благодаря вліянію Васифа, начальника турецкихъ тѣлохранителей, и Итаха, па престолъ халифовъ былъ возведенъ, помимо очень молодаго еще сына Ватика, сынъ Мутасима, братъ Ватика Джафаръ, получившій какъ халифъ прозваніе ал-Мутаваккила, то есть полагающагося (на Бога).

Правленіе Мутаваккила (847—861 годахъ) было очень тяжело, безотрадно и несчастливо для государства. Измѣнивъ религіозную политику своихъ предшественниковъ и яростно преслѣдуя мутазилитовъ, шіитовъ, турокъ, евреевъ и христіанъ, онъ всѣ религіозныя партіи вооружилъ противъ себя. Задуманный имъ раздѣлъ обширныхъ владѣній халифата между своими тремя сыновьями также могъ только способствовать смутамъ и ослабленію государства. Недовольство его правленіемъ въ самомъ центрѣ халифата было настолько велико, что для поддержанія порядка требовались лучшія войска, въ то время какъ пограничныя провинціи ослабѣвали все болѣе частью отъ внутреннихъ неурядицъ, частью благодаря внѣшнимъ врагамъ. Возстаніе въ Адербиджанѣ, въ сѣверной Сиріи и Седжестанѣ, сильныя смуты

[1]) *Weil*, op. cit. B. II, s. 344—346. *Muir*. The Caliphate, p. 517—518.

въ Арменіи, заставившія арабскаго начальника Бага дойдти до Тифлиса и береговъ Каспійскаго моря, раззоряли государство [1]).

Отношенія халифата къ Византіи въ правленіе Мутаваккила далеко не отличались мирнымъ характеромъ.

Со времени послѣдняго обмѣна плѣнныхъ въ 845 году мы не находимъ извѣстій объ арабо-византійскихъ столкновеніяхъ до 851 года.

Начиная съ этого года Али-ибн-Яхъя-ал-Армени, начальникъ пограничныхъ войскъ, три года подрядъ, въ 851, 852 и 853 году, вторгался лѣтомъ въ византійскіе предѣлы. Никакихъ подробностей объ этихъ походахъ не сохранилось [2]). И такъ, въ 853 году византійскій флотъ появился у Даміетты [3]).

Византійскія морскія силы, по сообщенію арабовъ, состояли изъ трехсотъ кораблей подъ предводительствомъ трехъ начальниковъ; каждый командовалъ ста кораблями.

Передъ Даміеттой явился второй изъ названныхъ вождей Ибн-Катуна [4]) Это было 22-го мая 853 года [5]), въ тотъ моментъ когда правитель Египта Анбас-ибн-Исхакъ-ад-Дабби, послѣдній египетскій правитель арабскаго происхожденія [6]), отозвалъ даміеттскій гарнизонъ

---

[1]) *Weil*, op. cit, B. II, s. 348—362. *Muir*, op. cit p. 519—526. *Saint-Martin*. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. T. I, Paris, 1818, p. 347. *Daghbaschean*. Gründung des Bagratidenreiches. Berlin, 1893, s. 30. *А. Гренъ*. Династія Багратидовъ въ Арменіи. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. ч. 290 (1898), с. 60—61.

[2]) *Tabari*, III p. 1414, 1419 и 1429 (*Ibn-al-Athir*, VII p. 43, 46 и 47).

[3]) Главныя свѣдѣнія у *Табари* III p. 1417 — 1418. Болѣе краткій разказъ объ этой осадѣ у *Ибн-ал-Асира* совершенно согласенъ съ *Табари* (*Ibn-al-Athir*. VII p. 45). Краткія свѣдѣнія см. у *Якуби* (*Jaqubi*. Hist. II p. 596—597), *Макризи* (*Al-Hitat*, II p. 190—191). *Gregorius Abul-Pharagius*. Historia dynastiarum. Oxoniae, 1663, текстъ p. 260—261; перев. p. 169—170. Греческіе источники молчатъ. *Weil*, op. cit II, s. 357. *Wüstenfeld*. Die Statthalter von Aegypten zur Zeit der Chalifen. *Abhandlungen der Kön. Ges. der Wissensch. zu Göttingen*. B. 20, 1875, s. 51.

[4]) У арабовъ имена этихъ вождей написаны, къ сожалѣнію, безъ точекъ. Первое имя, представляя изъ себя три буквы— *айнъ*, *ра* и *фа*—позволяетъ въ немъ видѣть извѣстнаго византійскаго друнгарія императорскаго флота того времени Орифу, о которомъ рѣчь будетъ ниже; остальныя два имени остаются загадкой. Имя втораго вождя ясно читается у Табари *Ибн-Катуна*. См. *Tabari*, III p. 1417. *Ibn-al-Athir*, VII p. 45. *Jaqubi*, II p. 597.

[5]) Это хронологическое опредѣленіе мы находимъ у *Макризи* въ *Al-Hitat* (II p. 190—191): 9-го числа мѣсяца Зульхиджы 238 года; первое число Зульхиджы въ этомъ году соотвѣтствовало 14-го мая 853 года.

[6]) Въ IX вѣкѣ послѣ Анбаса правителями Египта были турки. См. *Kara-*

въ Фустатъ въ виду наступающаго праздника, который на этотъ разъ рѣшено было отпраздновать съ возможно большимъ числомъ участниковъ.

Современная Даміетта, какъ извѣстно, расположена на правомъ берегу восточнаго рукава Нила, въ двѣнадцати километрахъ отъ его устья и на разстояніи одного километра отъ западной оконечности большого озера Мензале. Каналъ окружаетъ городскую стѣну. Озеро Мензале, гдѣ собственно и происходила большая часть военныхъ дѣйствій византійскаго флота въ 853 году, находится между Даміеттой и Портъ-Саидомъ; на сѣверѣ узкая песчаная полоса отдѣляетъ его отъ Средиземнаго моря. Поверхность озера во время полноводья Нила достигаетъ до 1.200 квадратныхъ километровъ. Тѣперь это озеро очень мелководно, и средняя глубина его около одного метра. Очевидно, узкая полоса земли, отдѣлявшая озеро отъ моря, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сообщалась съ послѣднимъ, что видно, напримѣръ, изъ рисунка, приложеннаго Якутомъ къ своему географическому словарю [1]). Надо еще замѣтить, что Даміетта IX вѣка лежала гораздо ближе къ морскому берегу, чѣмъ теперь; прежняя Даміетта была снесена въ половинѣ XIII вѣка султаномъ Бибарсомъ, который выстроилъ городъ вновь на мѣстѣ, гдѣ онъ находится теперь [2]).

Ибн-Катуна явился передъ Даміеттой приблизительно съ 5.000 войска на корабляхъ — хеландіяхъ, какъ назывались арабами „суда, покрытыя крышей, на которой сражались воины и подъ которой гребли гребцы“ [3]).

Испуганное населеніе тотчасъ покинуло городъ, пытаясь перейдти въ бродъ озеро, отдѣлявшее Даміетту отъ материка; при этой переправѣ утонуло много женщинъ и дѣтей.

Византійцы сожгли и разграбили оставленный городъ. Въ ихъ руки перешло оружіе, приготовленное для отправки на Критъ къ прави-

---

baček. Erstes urkundliches Auftreten von Türken. *Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Rainer.* I, Wien, 1887, s. 98.

[1]) *Jacut.* Geograph. Wörterbuch. ed. *Wüstenfeld*, I p. 884.

[2]) См. *Vivien de Saint-Martin.* Nouveau dictionnaire de Géographie Universelle. Paris, 1884 sq. Vol. II p. 12. Vol. III p. 796. *El. Reclus.* Nouvelle géographie universelle. Vol. X, Paris, 1885, p. 106—107.

[3]) *Wüstenfeld.* Die Namen der Schiffe im Arabischen въ *Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften und der Georg-Augusts Universität zu Göttingen.* 1880, № 3, s. 140; весь мемуаръ s. 133—143. См. *Баронъ Розенъ*, Императоръ Василій Болгаробойца, С.-Петербургъ, 1883. с. 275. *Якуби* называетъ 85 кораблей (*Jaqubi*, II p. 596).

телю острова Абу-Хафсу [1]), разнообразные запасы, предназначенные для Ирака. Крѣпостная кладовая, гдѣ хранились паруса, и соборная мечеть Даміетты сдѣлались добычей пламени. Византійцы взяли въ плѣнъ около шестисотъ мусульманскихъ и коптскихъ женщинъ [2]).

Однако исторія отмѣчаетъ отдѣльные случаи геройскаго сопротивленія грекамъ въ Даміеттѣ. Нѣкто Ибн-ал-Акшафъ, заключенный правителемъ Египта Анбасомъ въ тюрьму, во время осады освободился изъ нея и, сражаясь противъ враговъ, убилъ много византійцевъ; ему помогалъ народъ [3]).

Спустя два дня послѣ начала осады, то есть 24-го мая [4]), византійскій флотъ, нагруженный добычей и плѣнными, отплылъ на востокъ, направляясь къ острову Тиннису, который лежитъ между Альфарами и Даміеттой [5]), но не могъ, вѣроятно, справиться съ теченіемъ [6]); поэтому изъ боязни попасть на мель, греки направились къ рейду Уштумъ, находившемуся недалеко отъ Тинниса [7]).

Уштумъ представлялъ изъ себя укрѣпленный пунктъ: онъ былъ окруженъ стѣною съ желѣзными воротами, сдѣланными при халифѣ Мутасимѣ.

Византійцы опустошили Уштумъ, сожгли всѣ найденныя тамъ баллисты и менѣе крупныя камнеметательныя машины, взяли съ собой желѣзныя ворота и безъ всякаго сопротивленія со стороны арабовъ возвратились обратно въ свою страну. Что дѣлали въ это время два другихъ греческихъ начальника флота, неизвѣстно; надо полагать, что они находились близъ береговъ Сициліи.

---

[1]) Такъ назывался завоеватель и первый правитель Крита. Мы сомнѣваемся, чтобы въ 853 году онъ все еще продолжалъ править на Критѣ.

[2]) *Tabari*, III p. 1418. *Якуби* говоритъ, что греки взяли въ плѣнъ 1.820 мусульманскихъ женщинъ, тысячу коптскихъ и сто евреекъ, изъ которыхъ около двухъ тысячъ при попыткѣ бѣжать утонуло въ морѣ (*Jaqubi*, II p. 597). Такимъ образомъ въ плѣну осталось около тысячи женщинъ.

[3]) *Tabari*, III p. 1418. Cp. *Wüstenfeld*. Die Statthalter von Aegypten. *Abh. der kön. Gesellsch. der Wiss. zu Göttingen*. B. 20, 1875, s. 51.

[4]) *Якуби* (II p. 597) говоритъ: Греки оставались (у Даміетты) два дня и двѣ ночи, а затѣмъ ушли.

[5]) См. *Jacut*. Geogr. Wörterbuch, B. I p. 882. См. также рисунокъ у Якута, B. I p. 884.

[6]) Здѣсь рѣчь идетъ о той части моря, которая находится между материкомъ и узкой полосой земли передъ устьемъ Нила. См. *Jacut*. I p. 882.

[7]) *Tabari* (III p. 1418) считаетъ четыре фарсанги, *Якутъ* (I p. 276)—шесть.

Это нападеніе на Даміетту, удачное съ одной стороны для византійцевъ, имѣло съ другой стороны важныя послѣдствія для развитія морскаго дѣла у арабовъ; оно показало имъ необходимость обзавестись своимъ собственнымъ флотомъ съ искусными моряками.

Извѣстно, что въ первыя времена послѣ Мухаммеда арабы воздерживались отъ морскихъ путешествій, а халифъ Омаръ прямо даже запретилъ военныя морскія экспедиціи, такъ что послѣднія начались только при первыхъ оммайядахъ [1]).

Почти несомнѣнно, что этотъ первоначальный флотъ былъ скорѣе греко-сирійскимъ, чѣмъ арабскимъ; матросы набирались изъ прибрежныхъ завоеванныхъ городовъ Сиріи и Египта. Какъ матросы, такъ и капитаны были, по большей части, или христіане или ренегаты, служили арабамъ изъ-за денегъ или изъ за надежды на легкую добычу. Они были первыми учителями арабовъ въ морскомъ дѣлѣ [2]).

Неожиданное нападеніе грековъ на Даміетту заставило арабовъ серіозно подумать о созданіи египетскаго флота. И дѣйствительно, благодаря сообщеніямъ Макризи, мы видимъ, какая лихорадочная дѣятельность закипѣла въ Египтѣ послѣ ухода византійскихъ кораблей.

„Съ этого времени, говоритъ Макризи [3]), стали усердно заботиться о флотѣ, и это стало въ Египтѣ дѣломъ первой важности. Были построены галеры для (военнаго) флота и назначено жалованье морскимъ воинамъ наравнѣ съ сухопутными. Эмиры приглашали во флотъ стрѣлковъ. Народъ въ Египтѣ сталъ усердно обучать своихъ дѣтей стрѣльбѣ и всякому военному искусству. Въ начальники выбирались опытные въ военномъ дѣлѣ люди, и вообще во флотъ не принимался ни одинъ тупой или неопытный въ военномъ дѣлѣ человѣкъ. У народа тогда было рвеніе бороться противъ враговъ Бога и способствовать торжеству его религіи, тѣмъ болѣе, что служащіе во флотѣ пользовались почетомъ и уваженіемъ. Всякій желалъ считаться въ ихъ числѣ и всѣми мѣрами старался быть зачисленнымъ во флотъ".

Итакъ, слѣдствіемъ нападенія византійцевъ на Даміетту было появленіе перваго египетскаго флота, который въ позднѣйшее время,

---

[1]) Отдѣльные случаи бывали впрочемъ и раньше.

[2]) См. *Kremer*. Culturgeschichte des Orients. B. I, s. 246—248.

[3]) *Макризи*. Al-Hitat. II, p. 191. Этотъ отрывокъ переведенъ въ книгѣ *барона Розена* Василій Болгаробойца, стр. 278.

преимущественно уже во второй половинѣ X вѣка, во время знаменитой фатимидской династіи получилъ такое большое значеніе [1]).

Дѣла въ Сициліи съ 853 по 861 годъ.

Византійцы, несмотря на свой успѣхъ при нападеніи на Даміетту, не получили отъ этого желаемыхъ выгодъ. Дѣла въ Сициліи не улучшились, и война продолжалась по прежнему неудачно для грековъ.

Въ Сициліи съ 854 до 858 года источники однообразно отмѣчаютъ ежегодные успѣшные набѣги мусульманъ, не называя иногда даже именъ опустошаемыхъ ими мѣстностей, такъ, напримѣръ, въ 240 году хиджры (2-го іюня 854—21-го мая 855 г.), въ 241 году (22-го мая 855 — 9-го мая 856 г.); въ послѣднемъ походѣ Аббасъ три мѣсяца стоялъ на очень высокой горѣ, откуда посылалъ войска для опустошенія окрестностей Кастроджованни. Въ тоже самое время сдѣлалъ удачный набѣгъ и братъ Аббаса. Въ 242 году (10-го мая 856—29-го апрѣля 857 г.) Аббасъ завоевалъ пять крѣпостей. Въ 243 году (30-го апрѣля 857 — 18-го апрѣля 858 г.) происходило опустошеніе области Сиракузъ и Таормины (Тавроменія) и осада какой-то большой крѣпости, можетъ быть Gagliano, на сѣверо-востокъ отъ Кастроджованни [2]). Въ томъ же году сдалась приморская крѣпость Чефалу (Cefalù) на условіи свободнаго выхода населенія и срытія укрѣпленій [3]).

858 годъ ознаменовался двумя столкновеніями—на морѣ и сушѣ. Братъ Аббаса Али, опустошая лѣтомъ этого года, вѣроятно, берега Апуліи, встрѣтился съ сорока византійскими кораблями, во главѣ которыхъ стоялъ начальникъ по прозванію Критскій [4]), и, преслѣдуя ихъ, нанесъ въ началѣ пораженіе византійцамъ, которые потеряли десять кораблей. Но послѣдніе оправившись сдѣлали нападеніе и въ

---

[1]) См. *Баронъ Розенъ*, op. cit. c. 273—274. Авторъ этого труда даетъ много интересныхъ свѣдѣній объ арабскомъ флотѣ на стр. 274—293.

[2]) См. *Amari*. Storia, I p. 327.

[3]) *Ibn-al-Athir. Tornberg*, VII, p. 40; *Amari*, vers. I, p. 378—379. *Al-Bayan. Dozy*, p. 104—105; *Amari*, vers. II, p. 10—12. См. *Amari*. Storia, I, p. 325—328.

[4]) Можетъ быть, это Іоаннъ, пелопоннесскій стратегъ, по прозванію *Критскій*, жившій при Василіи Македонянинѣ и упоминаемый *Продолжателемъ Θеофана*: ὑπηρετήσασθαι δὲ πρὸς τοῦτο Ἰωάννης ὁ στρατηγὸς ἐπετράπη Πελοποννήσου, ὁ λεγόμενος Κρητικός (*Cont. Theoph*. p. 303, c. 62). См. *Amari*, Storia, I, p. 328.

свою очередь обратили въ бѣгство мусульманскій флотъ, который, потерявъ также десять кораблей, возвратился въ Палермо [1]).

Зимою въ началѣ слѣдующаго 859 года пала крѣпость Кастроджованни, гдѣ, какъ извѣстно, находилась въ то время резиденція византійскаго правителя, перенесенная туда изъ Сиракузъ. Во время одного изъ набѣговъ подъ Кастроджованни зимою 858 года въ плѣнъ къ мусульманамъ попалъ одинъ грекъ, который, будучи присужденъ арабами къ смерти, просилъ оставить ему жизнь на томъ условіи, что онъ предастъ имъ крѣпость. Дѣйствительно, въ зимнее время греки не ожидали настоящаго нападенія и поэтому ослабили охрану.

Аббасъ съ двумя тысячами всадниковъ двинулся къ Кастроджованни. Плѣнный грекъ, пользуясь темною ночью, осторожно провелъ часть отряда черезъ водостокъ въ городъ. Убивъ неприготовленную къ отраженію стражу, вошедшіе въ городъ арабы отворили ворота, черезъ которыя и вошла остальная часть войска съ Аббасомъ во главѣ, и 24-го января 859 года эта почти неприступная крѣпость перешла въ руки мусульманъ со всѣми громадными богатствами и многочисленными плѣнными [2]). Въ качествѣ подарка многіе плѣнные изъ Кастроджованни были отправлены даже къ далекому аббасидскому халифу Мутаваккилу [3]).

Паденіе Кастроджованни заставило византійское правительство Михаила III послать въ Сицилію помощь. Былъ сооруженъ большой флотъ въ триста хеландій подъ начальствомъ патриція Константина Кондомита, который прибылъ въ Сиракузы осенью 859 года [4]).

---

[1]) См. *Ibn-al-Athir. Tornberg*, VII, p. 41—42; *Amari*, vers. I, p. 379. *Cronaca di Cambridge. ed. Cozza-Luzi*, p. 28: ἐπιάσθησαν τὰ χαράμια (sic! χαράβια) τοῦ 'Αλή. ΙΝΔ..S; *Amari*, vers. I, p. 278. *Nowairi. Amari*, testo, p. 432; vers. II, p. 121. *Al-Bayan. Dozy*. p. 106; *Amari*, vers. II, p. 12; послѣдняя хроника невѣрно говоритъ: Али напалъ на островъ Критъ.

[2]) Подробный разказъ у *Ибн-ал-Асира Tornberg*, VII, p. 41—42; *Amari*, vers. I, p, 379—380. *Cronaca di Cambridge*. ed. *Cozza-Luzi*, p. 28: παρεδόθη τὸ Ἔννε. ΙΝΔ..Z; *Amari*, vers. I, p. 278. Изъ Ибн-ал-Асира *Nowairi. Amari*, testo, p. 432 - 433; vers. II. p. 121—122. *Ibn-Haldun. Amari*, II, p. 181—182.

[3]) *Ibn-Haldun. Amari*, II, p. 178.

[4]) *Амари*, на основаніи арабскаго текста *Кембриджской хроники*, черезъ довольно произвольное измѣненіе арабскихъ буквъ видѣлъ въ этомъ имени Каппадокійцевъ, то-есть, солдатъ изъ Каппадокійской ѳемы. См. *Storia*, I, p. 383. *Biblioteca*. vers. I, p. 278. Но изданный теперь греческій текстъ хроники вполнѣ опровергаетъ это предположеніе; хроника говоритъ: κατῆλθεν ὁ κονδομήττης ΙΝΔ...Η (ed. *Cozza-Luzi*, p. 28). Подъ такимъ прозваніемъ извѣстенъ сицилійскій стратегъ Константинъ во время Михаила III. См. *Cont. Theoph*. p. 175, c. 22: τὸν τοῦ

Въ происшедшей битвѣ византійскій флотъ потерпѣлъ страшное пораженіе, потерялъ сто хеландій, тогда какъ потери мусульманъ ограничились только тремя человѣками, какъ замѣчаетъ Ибн-ал-Асиръ [1]).

Прибывшая изъ Византіи помощь побудила многіе города, подчинившіеся уже мусульманамъ, отложиться отъ нихъ, напримѣръ, небольшой городъ въ гористой мѣстности на сѣверъ отъ Джирдженти Сутеру; лежащій на югъ отъ Сиразузъ городъ Аволу [2]), Платано, Кальтабеллотту и Кальтавутуру, какую-то крѣпость Калат-абд-ал-Муминъ [3]).

Аббасъ удачно справился съ возставшими городами и, узнавъ о новомъ приближеніи византійскихъ войскъ [4]), выступилъ противъ нихъ и разбилъ ихъ у Чефалу. Византійцы отступили въ Сиракузы, а Аббасъ принялся дѣятельно населять и укрѣплять Кастроджованни [5]).

Сдѣлавъ лѣтомъ 861 года (274 г. хиджры=17 марта 861—6 марта 862 г.) удачный набѣгъ въ окрестности Сиракузъ. Аббасъ на возвратномъ пути заболѣлъ и черезъ три дня, послѣ довольно продолжительнаго дѣятельнаго правленія, умеръ 14-го августа 861 года (3-го числа мѣсяца Джумады II 247 года), можетъ быть, въ Кальтаджирано, гдѣ и былъ погребенъ. Византійцы вырыли его трупъ и сожгли [6]).

πατριχίου Κωνσταντίνου χαὶ στρατηγοῦ Σιχελίας, τὸν τοῦ Κοντομύτου γαμβρόν (ἐχεῖθεν γὰρ αὐτῷ χαὶ ἡ τοῦ Κοντομύτου ἐχληρώθη προσηγορία). О первомъ Константинѣ Кондомитѣ, жившемъ при императорѣ Θеофилѣ см. *Cont. Theoph.* p. 137, c. 39.

[1]) *Ibn-al-Athir. Tornberg*, VII, p. 42; *Amari*, vers. I, p. 380—381. *Ibn-Haldun Amari*, II, p. 182. См. *Amari*, Storia, I, p. 332—333.

[2]) См. *Moltedo*. Il libro de'comuni, p. 611 и 35. *Giordani*, Indice generale, p. 26—27, 446—447. *Vito Amico*. Dizion. topografico, I, p. 115—118; II, p. 551—553.

[3]) Можетъ быть, Calatabiano, небольшой городъ на югъ отъ Таормины. *Moltedo*, op. c. p. 92. *Giordani*, op. c. p. 68—69. *Vito Amico*, op. cit. I, p. 188—189.

[4]) Это была, по всей вѣроятности, часть отправленнаго ранѣе Михаиломъ и уже разъ разбитаго войска, такъ какъ затрудненія на востокѣ и русское нашествіе на Константинополь не позволяютъ думать о присылкѣ новыхъ силъ.

[5]) *Ibn-al-Athir. Tornberg*, VII, p. 42; *Amari*, vers. I, p. 381. *Ibn-Haldun. Amari*, II, p. 182. См. *Amari*. Storia, I, p. 335.

[6]) *Ibn-al-Athir. Tornberg*, VII, p. 42; *Amari*, vers. I, p. 381—382. *Nowairi. Amari*, testo, p. 433; vers. II, p. 122. *Al-Bayan. Dozy*, p. 106; *Amari*, vers. II, p. 12, относитъ смерть Аббаса къ 3 числу Джумады I = 15 іюля 861 года. *Ibn-Haldun. Amari*, II, p. 182. *Ибн-ал-Асиръ* называетъ мѣсто смерти Аббаса „гроты Q. r. q. nah“; можетъ быть, Caltagirano.

Обмѣнъ плѣнныхъ съ восточными арабами въ 855—856 году.

Одновременно съ сицилійскою войной съ 855 года открылись военныя дѣйствія и на восточной границѣ. Надо замѣтить, что иногда поводъ къ недоразумѣніямъ на границѣ подавали сами византійцы безъ особенной видимой причины.

Въ 855 году они неожиданно напали на Аназарбу и взяли въ плѣнъ поселенное тамъ въ 835 году арабами племя Заттъ съ женами, дѣтьми и стадами [1]).

Цыганское племя Заттъ, какъ извѣстно, индійскаго происхожденія. Въ Сиріи до сихъ поръ еще цыганъ называютъ Наваръ и Зоттъ или Заттъ, арабизованная форма индійскаго Джаттъ [2]). Нѣкоторые ученые находятъ Заттъ въ болотистой мѣстности сѣверной Индіи на югѣ устья Инда, гдѣ ихъ потомки живутъ до сихъ поръ; языкъ этой мѣстности называется въ восточномъ Белуджистанѣ и западномъ Пенджабѣ языкомъ Джаттъ [3]). Имя Заттъ встрѣчается въ „каналѣ Заттъ" около Вавилона, а арабы въ періодъ своихъ первыхъ завоеваній называютъ въ числѣ покоренныхъ земель территорію Заттъ, между Рамхормузомъ и Арраджаномъ [4]).

Въ 670 году халивъ Моавія переселилъ изъ Басры много семей Заттъ въ Сирію, а въ первой половинѣ VIII вѣка халифы Валидъ и Язидъ II переселили нѣкоторое число ихъ въ Антіохію и Мопсуестію (Массису), то-есть, къ византійской границѣ; еще въ IX вѣкѣ въ Антіохіи былъ извѣстенъ кварталъ Заттъ [5]).

Пользуясь смутною эпохой междоусобной войны Эмина и Мамуна, сыновей Гаруна-ар-Рашида, въ первой половинѣ IX вѣка, это поселенное племя стало чувствовать себя почти независимымъ, такъ что

---

[1]) *Tabari*, III, p. 1426. *Ibn-al-Athir*, VII, p. 52. *Al-Macini* Historia Saracenica latine reddita op. et studio *T. Erpennii*. Lugd. Bat. 1625, p. 189.

[2]) *De-Goeje*. Bijdrage tot de Geschiedenis der Zigeuners въ *Запискахъ Амстердамской Академіи Наукъ* за 1875 годъ. Мы пользовались англійскимъ переводомъ голландской статьи *De-Goeje* A contribution to the History of the Gypsies, p. 5; этотъ переводъ помѣщенъ въ книгѣ *D. Mac Ritchie*. Accounts of the Gypsies of India. London, 1886. Рецензію на мемуаръ де-Гуе. *E. Fagnan* см. въ *Revue Critique*. 1875, № 21, p. 321—324; см. также *Gutschmid*, Kleine Schriften. Herausgeg. von *Rühl*. B. III, Leipzig, 1892, s. 612 sq.

[3]) *De-Goeje*. op. cit. p. 8 sq. *Fagnan* въ *Revue Critique* (1875), p. 321.

[4]) *De-Goeje*, op. cit. p. 15—17.

[5]) *De-Goeje*, op. cit. p. 17—22.

арабское правительство должно было снарядить противъ него рядъ экспедицій, которыя часто оставались безплодными, и только въ 835 году Уджейфа послѣ большихъ усилій смогъ справиться съ этими поселенцами. Въ Багдадѣ три дня праздновали побѣду, слѣдствіемъ которой было 27.000 плѣнныхъ Заттъ. Послѣднихъ сначала поселили въ Каникинѣ (Khanikin) на сѣверо-востокъ отъ Багдада, а потомъ перевели на византійскую границу въ Аназарбу, гдѣ въ 855 году они и были взяты въ плѣнъ византійцами [1]).

Но это пограничное недоразумѣніе не повлекло временно за собой серіозныхъ послѣдствій, и въ концѣ 855 года между Византіей и халифатомъ завязались переговоры объ обмѣнѣ плѣнныхъ, о которомъ сохранились любопытныя подробности, очень сходныя съ извѣстіями о предыдущемъ обмѣнѣ [2]).

Начала переговоры объ обмѣнѣ византійская правительница Θеодора, которая снарядила къ халифу посольство съ подарками. Послѣ этого къ грекамъ былъ отправленъ съ болѣе богатыми подарками [3]) отъ имени халифа шіитъ Насръ-ибн-ал-Азхар-ибн-Фараджъ для болѣе точныхъ свѣдѣній о количествѣ мусульманскихъ плѣнныхъ въ Византіи. Послѣднихъ было около двадцати тысячъ человѣкъ; но, по показаніямъ въ данномъ случаѣ весьма сомнительнымъ арабскихъ хроникъ, Θеодора приказала убить изъ нихъ двѣнадцать тысячъ за то, что они отказались принять христіанство; при чемъ, главную роль въ

[1]) *De-Goeje*, op. cit. p. 24—30. *Fagnan* въ *Revue Critique* (1875), p. 322—323. *Де-Гуе* считаетъ, что цыгане впервые появились въ Византіи въ 855 году, откуда уже и перешли въ Европу (p. 29—30). Это мнѣніе нашло сильныхъ противниковъ. См. *P. Bataillard*. Sur les origines des Bohémiens ou Tsiganes. Paris, 1876. Онъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы 500.000 цыганъ, которые существуютъ въ настоящее время въ юго-восточной Европѣ, происходили отъ тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ Джаттъ, которые были переселены въ Византію въ 855 году; невозможно, чтобы эти Джаттъ произвели цѣлое племя (*Bataillard*, p. 4); французскій изслѣдователь ведетъ появленіе цыганъ въ юго-восточной Европѣ съ незапамятныхъ временъ; по его мнѣнію, Σίγυρες у Геродота и Σίντιες у Гомера суть Tsiganes (p. 5). См. также Appendix to Professor de Goeje's Treatise въ книгѣ *Mac. Ritchie*. Accounts of the gypsies of India, p. 72. *Gutschmid*. Kleine Schriften, III, s. 614—615.

[2]) Главный источникъ *Табари*, III, p. 1426—1428. *Ибн-ал-Асиръ* даетъ очень краткій разказъ (VII, p. 50). *Jaqubi* Hist. II, p. 599—600. *Maçoudi*. *De-Goeje*. Bibl. geogr. arab. VIII, p. 191. *Notices et Extraits*, VIII, p. 195.=*Barbier de Meynard*. Prairies d'or, IX, p. 358. На основаніи Масуди разказываетъ *Макризи* (Al-Hitat, II, p. 191).

[3]) Объ обмѣнѣ подарками упоминаетъ *Якуби*, II, p. 599.

этомъ избіеніи арабы приписываютъ евнуху Каниклею, то-есть, другими словами, всемогущему правителю въ то время Θеоктисту [1]).

Со стороны грековъ главнымъ лицомъ при обмѣнѣ былъ нѣкто Георгій [2]), который, желая имѣть болѣе свободнаго времени, чтобы собрать плѣнныхъ и имѣть возможность отправить ихъ на родину, просилъ халифа письмомъ о перемиріи съ 19-го ноября 855 года по 5-е марта 856 года [3]). Письмо это было получено 19-го ноября [4]) и удостоилось одобренія халифа.

6-го декабря [5]) Георгій выступилъ по направленію къ пограничной области; для него было нанято семьдесятъ муловъ. Съ нимъ находились Абу-Кахтаба изъ Тортозы магрибіецъ и около пятидесяти патриціевъ и слугъ.

Со стороны арабовъ обмѣномъ руководилъ евнухъ Шенифъ, который выступилъ къ мѣсту обмѣна только около перваго января 856 года [6]). Съ нимъ было сто всадниковъ: тридцать турецкихъ, тридцать магрибійскихъ и сорокъ всадниковъ-наемниковъ. Кромѣ Шенифа изъ другихъ выдающихся лицъ при обмѣнѣ присутствовали начальникъ пограничной области Ахмед-ибн-Яхъя-ал-Армени и главный судья Джафар-ибн-абд-ал-Вахид-ал-Хамами; послѣдній для этого просилъ спеціальнаго разрѣшенія и, получивъ его, оставилъ на время своего отсутствія судьею молодаго сына Абу-ш-Шевариба. Снабженный богатыми подъемными деньгами Джафаръ догналъ Шенифа и присутствовалъ при обмѣнѣ.

Послѣдній происходилъ, какъ обыкновенно, на берегахъ рѣки Ламусъ. Плѣнники переходили, какъ и при предыдущемъ обмѣнѣ, черезъ мостъ [7]).

Самый обмѣнъ имѣлъ мѣсто во время арабскаго праздника розго-

---

[1]) *Tabari*, III, p. 1427.

[2]) *Табари* его называетъ جورجس بن فرماس, то-есть, Георгій, сынъ...; арабскія буквы безъ достаточнаго количества точекъ не даютъ намъ возможности точно опредѣлить имя отца Георгія. Можетъ быть, Карбеаса? О немъ см. ниже.

[3]) Съ 5 числа мѣсяца Реджеба по 22 число мѣсяца Шевваля 241 года. *Tabari*, III, p. 1427.

[4]) Въ среду 5 числа Реджеба; ibidem.

[5]) Въ субботу 22 числа Реджеба 241 года, ibidem.

[6]) Въ половинѣ мѣсяца Ша'бана 241 года (ibidem). Ша'банъ 241 года = 15 декабря 855 по 12 января 856 года.

[7]) См. *Jaqubi*. Hist. II, p. 600.

вѣнья—ал-фитръ, начало котораго слѣдуетъ тотчасъ за окончаніемъ поста въ мѣсяцѣ Рамаданѣ и слѣдовательно приходится на первое число мѣсяца Шевваля; этотъ праздникъ обыкновенно знаменуется у мусульманъ обильною раздачей милостыни [1]). Другіе относятъ обмѣнъ къ 12 числу мѣсяца Шевваля, то-есть, къ воскресенью 23-го февраля 856 года [2]).

Обмѣнъ продолжался семь дней [3]). Число выкупленныхъ плѣнныхъ передается различно [4]); въ числѣ послѣднихъ находилось около ста христіанскихъ жителей халифата, попавшихъ въ руки грековъ во время предыдущихъ столкновеній; ихъ выкупная цѣна была ниже цѣны настоящихъ мусульманъ [5]).

Дѣла на востокѣ въ 856, 858 и 859 годахъ и обмѣнъ плѣнныхъ весною 860 года.

Обмѣнъ 856 года не далъ ожидаемаго покоя на восточной границѣ. Военныя дѣйствія скоро возобновились и на этотъ разъ они находились въ связи съ религіозною политикой византійскаго правительства.

Строго-ортодоксальная политика Θеодоры не могла выносить существованія въ своемъ государствѣ различныхъ религіозныхъ сектъ. Поэтому въ ея правленіе было обращено вниманіе на павликіянъ, жившихъ со времени Константина V Копронима спокойно на малоазіятской арабской границѣ и оказавшихъ не мало услугъ византійскому государству при частыхъ пограничныхъ столкновеніяхъ съ арабами.

---

[1]) См. *Thomas Patrick Hughes*. A Dictionary of Islam. London, 1885 p. 194 sq.

[2]) Рамаданъ 241 года=съ 18-го января по 11-е февраля 856 года. Шевваль — съ 12-го февраля по 11-е марта. См. *Tabari*, III, p. 1427—1428. *Масуди* относитъ этотъ обмѣнъ къ мѣсяцу Шеввалю 241 года (*De-Goeje* VIII, p. 191). *Макризи*, II, p. 191.

[3]) *Maçoudi*. *De-Goeje*, VIII, p. 191. *Notices et extraits*, VIII, p. 195=*Prairies d'or*, IX, p. 358. *Макризи*, II, p. 191.

[4]) *Табари* говоритъ о 785 мусульманахъ, изъ которыхъ было 125 женщинъ (III, p. 1428). *Масуди* сообщаетъ двѣ цифры: 2.200 человѣкъ или 2.000 мужчинъ и сто женщинъ. *De-Goeje*, VIII, p. 191. У *Барбье-де-Мейнара* въ Prairies d'or первая цифра 200 (IX, p. 358=*Not. et extr*. VIII, p. 195). *Макризи*, II, p. 191, даетъ 2.000 мужчинъ и сто женщинъ.

[5]) *Maçoudi*. *De-Goeje*, VIII, p. 191. *Not. et extr*. VIII, p. 195=*Praries d'or* IX, p. 358. *Макризи*, II, p. 191.

Правительствомъ было принято суровое рѣшеніе или обратить ихъ въ православіе или уничтожить.

Была снаряжена экспедиція. Во главѣ войска стали Левъ, сынъ Аргира, Андроникъ, сынъ Дуки, и Судалисъ, которые открыли безпощадную кампанію [1]). Много тысячъ павликіянъ было повѣшено, потоплено, изрублено [2]); имѣніе ихъ было отобрано въ казну.

Подобныя преслѣдованія заставляли павликіянъ бѣжать въ арабскіе предѣлы, гдѣ они находили радушный пріемъ и безопасное мѣстожительство; они становились въ ряды войскъ противъ византійцевъ и неоднократно участвовали въ походахъ.

Этотъ слѣпой фанатизмъ византійской религіозной политики имѣлъ серьезныя политическія послѣдствія: онъ разрушилъ на восточной границѣ одинъ изъ оплотовъ противъ арабскихъ нашествій, какимъ служили павликіяне [3]).

Одинъ изъ приверженцевъ павликіанской секты протомандаторъ Карбеасъ, служившій подъ начальствомъ стратега ѳемы Анатоликонъ Ѳеодота Мелиссина, узнавъ о смерти своего отца, казненнаго за свою приверженность къ павликіанству, рѣшилъ бѣжать къ арабамъ. Съ пятью тысячами павликіанъ онъ явился къ мелитинскому эмиру Омару-ибн-абд-Аллаху-ал-Акта' [4]); отъ него они были отправлены къ самому халифу, который ихъ радушно принялъ и назначилъ имъ мѣста для поселенія.

---

[1]) Главный источникъ *Cont. Theoph.* p. 165—167, C. 16; онъ даетъ очень точныя, достовѣрныя свѣдѣнія. См. *Hirsch.* Byz. Studien, S. 213—214. Но Продолжатель Ѳеофана называетъ только одно полное имя полководца-Судалиса: ὁ τοῦ Ἀργυροῦ καὶ ὁ τοῦ δουκὸς καὶ ὁ Σουδάλης οἱ ἀποσταλέντες ἐλέγοντο (p. 165). Всѣ три имени даетъ *Кедринъ*, который въ этомъ разказѣ почти слово въ слово повторяетъ *Продолжателя*. *Cedr.* II, p. 154: ὁ τοῦ Ἀργυροῦ δὲ ἦν Λέων καὶ ὁ τοῦ Δούκα Ἀνδρόνικος καὶ ὁ Σούδαλις. См. *Karapet Ter Mrktitschian.* Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893, S. 34; см. также S. 117.

[2]) *Cont. Theoph.* (p. 165) даетъ преувеличенную цифру въ 100.000 человѣкъ: ὡσεὶ δέκα μυριάδες ὁ οὕτως ἀπολλύμενος ἠριθμεῖτο λαός.

[3]) См. *Conybeare.* The Key of Truth. A manuel of the paulician church of Armenia. Oxford, 1898, p. LXXV. *Tozer.* The church and the eastern empire. London, 1888, p. 95.

[4]) *Продолжатель Ѳеофана* говоритъ, что эмира обыкновенно, но нѣсколько неправильно называютъ Ἄμβρον: ὅ τε τῆς Μελιτινῆς Ἄμερ, ὃν οὕτω πως συμφθείροντες τὰ στοιχεῖα Ἄμβρον ἐκάλεσαν οἱ πολλοί (*Cont. Theoph.* p. 166). Полное имя мы находимъ у арабскихъ писателей. См. напримѣръ, *Tabari*, III, p. 1434=*Ibn-al-Athir.* VII, p. 53. См. также *Hirsch.* Byz. St. S. 214. *Weil.* op. cit. II, S. 362—363.

Павликіане выстроили себѣ города у границъ Арменіи въ современномъ гористомъ турецкомъ округѣ Сивасъ (Севастія) Аргаусъ и Амару; но въ виду все новаго наплыва своихъ единовѣрцевъ они основали тамъ же по близости первыхъ двухъ городовъ еще городъ Тефрику (современный Диврриги), который съ того времени сталъ ихъ главнымъ центромъ [1]).

Въ немъ жили наиболѣе выдающіеся представители павликіанъ—Карбеасъ, Хризохиръ и нѣкоторые другіе [2]). Павликіане помогали мусульманамъ въ ихъ борьбѣ съ византійцами и были очень цѣнимы первыми [3]).

---

[1]) О положеніи этихъ городовъ см. *Ramsay*. Historical Geography of Asia Minor, p. 342. Подъ Аргаусомъ нельзя понимать гору *Аргеосъ* въ Каппадокіи (теперь *Erdschjas Dag)* на югъ отъ Кесаріи, какъ то дѣлаетъ *Лебо* (*Le-Beau*. Histoire du Bas-Empire. vol. XIII p. 179); эта гора въ то время находилась въ византійскихъ предѣлахъ. *Тефрика* византійцевъ извѣстна у арабскихъ географовъ подъ именемъ *Abrîk* или *Abrûk*. См. *Guy le Strange*. Description of Mesopotamia and Baghdad by *Ibn-Serapion* въ *The Journal of the Royal Asiatic Society*, 1895, p. 58. *Его-же*. Al-Abrîk, Tephrike, the Capital of the Paulicians: a correction corrected. *Ibidem*, 1896, p. 733, 736. Послѣдняя статья названа a correction corrected потому, что въ промежутокъ времени между этими двумя работами *Guy le Strange*, на основаніи сообщенія *де-Гуе* и *Hogarth'a*, отказался отъ отождествленія крѣпости Abrîk съ Тефрикой, чтобы въ послѣдней работѣ вновь вернуться къ первоначальному и правильному мнѣнію. См. *Guy le Strange*. On the Medieval Castle and Sanctuary of Abrîk, the modern *Arabkir* въ *Journ. of the R. As. Soc.*, 1895, p. 740. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Амара лежитъ къ сѣверу отъ Аргауса, а Тефрика къ сѣверу отъ Амары. Вѣроятнѣе всего, что Аргаусъ нужно видѣть въ современномъ *Аргюванъ*, приблизительно въ 25 миляхъ къ сѣверу отъ Малатіи. *J. G. C. Anderson*. The Road-system of Eastern Asia Minor with the evidence of Byzantine campaigns въ *The Journal of Hellenic Studies*, vol. XVII, 1897, p. 27, n. 5; также p. 32.

[2]) *Masûdi*. Tenbîh. *De-Goeje*, VIII, p. 183. *Maçoudi*. Le livre de l'avertissement... trad. par *Carra de Vaux*, Paris, 1897, p. 248. Какой то грекъ, принявшій исламъ разсказывалъ Масуди, что греки въ одной изъ своихъ церквей имѣютъ изображенія десяти христіанъ наиболѣе извѣстныхъ своею энергіей и храбростью, а также изображенія нѣсколькихъ мусульманъ, выдававшихся ловкостью своей военной тактики, между которыми былъ Карбеасъ (во французскомъ текстѣ Karnéas), павликіаниnъ, патрицій (патріархъ?) города Ибрикъ (Тефрики). *Maçoudi*. Prairies d'or, VIII, p. 74. См. *Gui le Strange*. Al-Abrîk, Tephrike, the Capital of the Paulicians. *The Journal of the Royal Asiatic Society*, 1896, p. 734—735.

[3]) См. *Kudama*. *De-Goeje*, Bibl. Geogr. arab. VI p. 254 и 194. Въ этомъ изданіи *де-Гуе* возстановилъ неясное названіе арабскаго текста рукописи предположительно черезъ *Naylakanî* или *Nuykalanî* и видѣлъ здѣсь секту *николаитовъ*; но въ данномъ случаѣ надо, очевидно, читать *Baylakanî*, то-есть, павли-

Соединенныя силы вышеназваннаго эмира мелитинскаго, Али-ибн-Яхъи-ал-Армени, правителя Тарса [1]), и Карбеаса направились на опустошеніе византійскихъ предѣловъ.

Большая опасность угрожала византійскимъ пограничнымъ областямъ; но внутреннія распри между нѣкоторыми арабскими вождями нѣсколько облегчили византійцамъ ихъ положеніе на границѣ [2]).

Противъ арабовъ въ 856 году [3]) выступилъ доместикъ Петронасъ, братъ Варды, стратегъ ѳракисійской Ѳемы [4]).

Позднимъ лѣтомъ, послѣ удаленія изъ византійской области Али-ибн-Яхъи-ал-Армени, который совершилъ свой обычный лѣтній походъ, греки сдѣлали удачное вторженіе въ область Самосаты и Амиды; отсюда они двинулись на сѣверо-западъ къ Тефрикѣ, гдѣ находился Карбеасъ [5]). Много селеній было раззорено греками; десять тысячъ человѣкъ было уведено въ плѣнъ. Послѣ этого греки возвратились въ свои предѣлы.

Выступившіе по ихъ слѣдамъ Омар-ибн-абд-Аллах-ал-Акта' и Карбеасъ съ войскомъ [6]) не могли ихъ настигнуть.

Несмотря на зимнее время Али-ибн-Яхъя получилъ приказъ вступить въ византійскія области [7]).

кіяне, въ чемъ теперь согласенъ и самъ *де-Гуе*. См. *Guy le Strange*. op. cit. *The J. of t. Royal As. Soc.*, 1896, p. 736.

[1]) *Cont. Theoph.* (p. 166) называетъ его ὁ τῆς Ταρσοῦ Ἀλῆς. Полное имя у арабовъ.

[2]) *Продолжатель Ѳеофана* разказываетъ о томъ, что Али, будучи посланъ въ Арменію, былъ тамъ вскорѣ убитъ, а мелитинскій эмиръ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ однимъ изъ своихъ соначальниковъ Склиромъ: ὁ δὲ Ἄμερ μετὰ τοῦ συνάρχοντος αὐτοῦ τοῦ Σκληροῦ (οὕτως ἐλέγετο) εἰς ἐμφύλιον στὰς πόλεμον (*Cont. Theoph.* p. 166—167). Но въ первомъ случаѣ онъ смѣшиваетъ Али, который дѣйствительно позднѣе былъ назначенъ правителемъ Арменіи, съ убитымъ во время большого возстанія тамъ въ 851 году арабскимъ намѣстникомъ Юсуф-ибн-Мухаммедомъ (*Weil*. op. cit. II, S. 359—361, 363). О распрѣ мелитинскаго эмира со Склиромъ арабскіе источники ничего не говорятъ.

[3]) Годъ беремъ у *Табари*, III, p. 1434=*Ibn-al-Athir*, VII, p. 53.

[4]) На этомъ кончается разказъ *Продолжателя Ѳеофана*. Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ событіяхъ похода мы почерпаемъ изъ арабскихъ источниковъ. См. *Tabari*, III, p. 1434=*Ibn-al-Athir*, VII, p. 53.

[5]) *Табари* говоритъ: Тефрика, городъ Карбеаса (III, p. 1434). *Баронъ Розенъ*, издававшій эту часть хроники Табари, совершенно справедливо видитъ въ различныхъ написаніяхъ этого города у арабовъ Тефрику.

[6]) Съ толпою добровольцевъ, говоритъ *Табари*, III, p. 1434.

[7]) См. *Weil*, op. cit. II, S. 363—364, который относитъ этотъ походъ къ предыдущему 241 году хиджры=22-го мая 855 — 9-го мая 856 г. *Табари*, которому

Черезъ годъ арабы, желая отомстить за опустошенія 856 года, снова открыли военныя дѣйствія противъ грековъ.

Мутаваккилъ, который въ 858 году жилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Дамаскѣ, куда онъ, чувствуя себя не въ безопасности въ Иракѣ, имѣлъ намѣреніе перенести даже свою резиденцію, отправилъ лѣтомъ этого года [1]) въ византійскіе предѣлы Бага, который завоевалъ какой то укрѣпленный пунктъ Самалу [2]).

Въ слѣдующемъ 859 году императоръ, вѣроятно, подъ вліяніемъ потери въ Сициліи въ январѣ этого года Кастроджованни и имѣя намѣреніе отправить на островъ подкрѣпленіе, которое, какъ мы видѣли выше, дѣйствительно прибыло въ Сицилію, предложилъ Мутаваккилу обмѣнъ плѣнныхъ. Въ виду этого Михаилъ въ качествѣ посла отправилъ къ халифу престарѣлаго Атрубилиса [3]) съ семидесятью семью мусульманскими плѣнными, которые прибыли къ Мутаваккилу въ самомъ началѣ іюня мѣсяца [4]).

Съ стороны эмира правовѣрныхъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь шіитъ Наср-ибн-ал-Азхаръ, который двинулся въ путь въ этомъ же году. Но обмѣнъ, какъ мы увидимъ ниже, произошелъ только въ 860 году [5]).

мы слѣдуемъ, и который въ данномъ мѣстѣ не былъ извѣстенъ Вейлю, относитъ походъ къ 242 году=10-го мая 856—29-го апрѣля 857 г. Но *Вейль* пользовался *Ибн-ал-Асиромъ*, который, списывая здѣсь Табари, относитъ походъ также къ 242 году (*Ibn-al-Athir*, VII, p. 53).

[1]) Въ мѣс. Раби II 244 года=17-го іюля—14-го августа 858 года.

[2]) *Tabari*, III, p. 1436=*Ibn-al-Athir*, VII, p. 55. Можетъ быть, здѣсь надо видѣть крѣпость Σημαλοῦος въ армянской ѳемѣ, которую еще въ 780 году осаждалъ и взялъ Гарун-ар-Рашидъ. См. *Theoph. Chron.* ed. *De-Boor*, I, p. 453: ὁ δὲ 'Ααρὼν εἰσελθὼν εἰς τὸ τῶν 'Αρμενιάκων θέμα παρεκάθισε τὸ Σημαλοῦος κάστρον ὅλον τὸ θέρος καὶ τῷ Σεπτεμβρίῳ μηνὶ παρέλαβεν αὐτὸ ὑπὸ λόγον. См, *Ramsay*, op. cit. p. 278 и 355. При частыхъ столкновеніяхъ арабовъ съ греками близкія къ границѣ крѣпости весьма часто переходили изъ рукъ въ руки, такъ что въ 858 году Σημαλοῦος могъ принадлежать византійцамъ.

[3]) Такое чтеніе даетъ арабскій текстъ *Табари*, III, p. 1439. Что это было за лицо и какое это имя, мы пока рѣшить не можемъ. *Баронъ Розенъ* предполагаетъ здѣсь Константина Трифилія, упоминаемаго еще при Ѳеофилѣ (*Tabari*, III, p. 1439. *Cont. Theoph.* p. 122). Въ латинскомъ переводѣ Chronicon Syriacum *Gregorii Abulpharagii* (I p. 169): *Atrophilus*.

[4]) 25-го числа мѣсяца Сафара, который въ этомъ году соотвѣтствовалъ времени отъ 8-го мая по 5-е іюня.

[5]) *Tabari*, III, p. 1439.

Вѣроятно, это замедленіе въ переговорахъ было вызвано новымъ столкновеніемъ грековъ съ арабами.

Безъ всякой видимой причины только что вышедшій изъ ребяческаго возраста Михаилъ и всемогущій Варда двинулись въ 859 году съ большимъ войскомъ къ Самосатѣ. Повидимому, начало похода было для нихъ удачно: при одномъ изъ своихъ нападеній они убили и взяли въ плѣнъ до пятисотъ арабовъ [1]).

Было рѣшено начать осаду сильно укрѣпленной Самосаты.

Но въ воскресенье на третій день осады во время литургіи, когда византійцы нѣсколько ослабили свой надзоръ за осажденнымъ городомъ, въ самый моментъ причащенія, арабы неожиданно сдѣлали нападеніе изъ города. Греки обратились въ бѣгство. Самъ императоръ едва спасся отъ плѣна. Весь лагерь и всѣ запасы достались въ руки непріятеля [2]).

Въ то же время Али-ибн-Яхъя-ал-Армени тревожилъ византійскіе предѣлы [3]).

Но этимъ не ограничились въ 859 году неудачи византійцевъ. Населеніе крѣпости Лулу, которая въ это время принадлежала грекамъ, взбунтовалось и выгнало своего правителя.

Михаилъ послалъ какого-то патриція къ жителямъ Лулу, обѣщая каждому изъ нихъ дать по тысячѣ динаровъ, если только они передадутъ ему городъ.

Но населеніе Лулу, впустивъ патриція, неожиданно въ мартѣ мѣсяцѣ уже 860 года выдало и крѣпость и императорскаго посланца арабскому начальнику Балькаджуру. Патрицію грозила серьезная опасность.

Доставленный въ сопровожденіи Али-ибн-Яхъи-ал-Армени къ Мутаваккилу, онъ былъ переданъ послѣднимъ ал-Фатх-ибн-Хакану, который предложилъ ему принять исламъ и на его отказъ грозилъ смертью. Императоръ, заботясь объ участи своего патриція, написалъ

---

[1]) *Tabari*, III, p. 1447. *Ибн-ал-Асиръ* въ этомъ разказѣ о дѣлахъ подъ Самосатой и Лулу сокращаетъ Табари (*Ibn-al-Athir*, VII, p. 57). Очень странно, что арабскіе историки говорятъ только объ этомъ успѣхѣ грековъ, между тѣмъ какъ византійцы (*Genes*. p. 91. *Cont*. *Theoph*. p. 176—177, C. 23. *Cedr*. II, p. 161—162. *Zonaras* ed. *Dind*. vol. IV, p. 9—10, XVI, C. 3) наоборотъ говорятъ о страшномъ пораженіи грековъ подъ Самосатой. Мы совмѣщаемъ эти два разказа, видя въ нихъ начало похода и его окончаніе.

[2]) *Genes*. p. 91. Оттуда *Cont*. *Theoph*. p. 176—177, C. 23. *Cedr*. II p. 161—162. *Zon*. XVI c. 3. ed. *Dind*. vol. IV p. 9—10. См. *Hirsch*. Byz. Studien, s. 206.

[3]) *Tabari*, III p. 1447.

халифу, обѣщая, въ видѣ выкупа за него, возвратить тысячу мусульманскихъ плѣнныхъ [1]).

Извѣстіе о переходѣ населенія Лулу на сторону арабовъ пришло въ Константинополь къ императору въ то время, когда тамъ находилось упомянутое выше мусульманское посольство для обмѣна плѣнныхъ во главѣ съ Наср-ибн-ал-Азхар-аш-Шіи, о пребываніи котораго въ византійской столицѣ сохранился довольно подробный и чрезвычайно любопытный разказъ [2]).

Когда мусульманскій посолъ прибылъ въ Константинополь, онъ явился во дворецъ въ своемъ черномъ платьѣ, въ чалмѣ, съ мечомъ и ханджаромъ (ножемъ). Завѣдовавшій въ то время государственными дѣлами дядя Михаила Петронасъ не хотѣлъ допустить посла во дворецъ въ черномъ платьѣ и съ мечомъ. Недовольный посолъ удалился, но, будучи возвращенъ съ дороги, былъ допущенъ къ императору, которому онъ преподнесъ назначенные для него подарки—около тысячи пузырьковъ съ мускусомъ, шелковыя платья, большое количество столь цѣннаго на востокѣ шафрана и драгоцѣнностей. Арабскій посолъ получилъ аудіенцію, послѣ того какъ императоромъ было принято посольство болгаръ [3]).

Михаилъ сидѣлъ на тронѣ, окруженный патриціями. Передъ нимъ стояли три драгомана: бывшій рабъ и постельничій евнуха Масрура, рабъ Аббас-ибн-Са'ада-ал-Джаухари и одинъ старый драгоманъ по имяни С-р-хунъ [4]). Посолъ послѣ привѣтствія сѣлъ на приготовленное для него мѣсто. Подарки лежали передъ императоромъ.

Михаилъ принялъ подарки, обласкалъ посла и велѣлъ приготовить ему помѣщеніе недалеко отъ дворца, гдѣ тотъ и поселился.

Очевидно, что уже тогда начались какія-то недоразумѣнія между византійцами и арабами изъ за Лулу, потому что въ это самое время

---

[1]) *Tabari*, III p. 1447—1448. *Ibn-al-Athir*, VII p. 57.

[2]) *Tabari*, III p. 1449—1451. Этотъ разказъ переведенъ *барономъ Розеномъ* въ его книгѣ „Императоръ Василій Болгаробойца", стр. 145—148. Вмѣсто подробнаго разказа Табари *Ибн-ал-Асиръ* только говоритъ: въ этомъ году происходилъ обмѣнъ плѣнныхъ при посредствѣ Али-ибн-Яхъи-ал-Армени и было выкуплено 2.367 человѣкъ (VII p. 59). См. краткое упоминаніе объ этомъ обмѣнѣ у *Maçoudi. De-Goeje*, VIII p. 191—192. *Notices et Extraits*, VIII p. 195 = *Prairies d'or*, IX p. 358. *Макризи*. II p. 191. Ср. *Gregorii Abulpharagii* Chronicon Syriacum, I p. 169—170.

[3]) Это посольство дунайскихъ болгаръ, вѣроятно, стоитъ въ связи съ переговорами о принятіи христіанства Борисомъ. См. *Баронъ Розенъ*, op. cit. p. 145 d.

[4]) Можетъ быть, Сергій. *Баронъ Розенъ*, op. cit. p. 146 a.

въ столицу прибыли представители населенія этой важной крѣпости съ увѣреніемъ въ своей преданности къ императору и съ выраженіемъ желанія принять христіанство; съ ними было два заложника изъ находившихся у нихъ мусульманъ.

Въ данномъ случаѣ въ этихъ представителяхъ нужно видѣть, по всей вѣроятности, представителей славянъ, которые, какъ извѣстно, были поселены въ Лулу.

Императоръ настолько былъ доволенъ этимъ неожиданнымъ успѣхомъ, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не обращалъ никакого вниманія на арабскаго посла, который въ ожиданіи рѣшенія вопроса о размѣнѣ плѣнныхъ оставался въ Константинополѣ. Но черезъ четыре мѣсяца къ Михаилу пришло извѣстіе о томъ, что населеніе Лулу взбунтовалось, захватило императорскихъ пословъ и передалось арабамъ, что случилось, какъ мы видѣли выше, въ мартѣ мѣсяцѣ 860 года.

Послѣ этого переговоры объ обмѣнѣ возобновились. Съ обѣихъ сторонъ дѣло было подтверждено клятвой. За императора далъ клятву Петронасъ, что побудило арабскаго посла спросить Михаила, обязательна-ли данная его дядей клятва для него. На это императоръ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

„И не слышалъ я отъ него, говоритъ посолъ у Табари, ни одного слова съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ греческую землю до моего ухода. Говорилъ только переводчикъ; императоръ слушалъ и своей головой говорилъ: да или нѣтъ; самъ же императоръ никогда не говорилъ, и его дѣлами распоряжался дядя“ [1]).

Насръ-ибн-ал-Азхаръ съ мусульманскими плѣнными отправился къ рѣкѣ Ламусу, обычному мѣсту обмѣна, которымъ распоряжался въ этомъ году Али-ибн-Яхъя-ал-Армени. Со стороны грековъ было отпущено болѣе двухъ тысячъ мусульманъ, среди которыхъ было двадцать женщинъ и десять дѣтей [2]). Греки же получили немного болѣе тысячи своихъ плѣнныхъ. Вѣроятно, лишняя тысяча мусульманскихъ

---

[1]) *Tabari*, III p. 1451. *Баронъ Розенъ*, op. cit. стр. 147.

[2]) *Tabari*, III p. 1449; *баронъ Розенъ*, стр. 145, даетъ цифру 2.367 человѣкъ; тоже у *Ibn-al-Athir*, VII p. 59. *Maçoudi*, *De-Goeje*, VIII p. 192 (въ разночтеніяхъ указана цифра 2.767 чел.). *Макризи*, II p. 191. Текстъ въ *Notices et Extraits*, VIII p. 195=*Prairies d'or*, IX p. 358 даетъ 2.767 человѣкъ. Мѣсто обмѣна на рѣкѣ Ламусѣ указано у *Масуди*. *De-Goeje*, VIII p. 191 и пропущено въ переводѣ *Сильвестра де Саси* (*Not. et Extr*. VIII p. 195). См. *Макризи*, II p. 191.

плѣнныхъ пошла, согласно обѣщанію императора, на выкупъ захваченнаго арабами въ Лулу патриція. Нѣкоторые греки приняли въ плѣну исламъ, а арабы христіанство; большинство послѣднихъ было изъ арабовъ Египта и прочей Африки.

Послѣ обмѣна, продолжавшагося семь дней [1]), въ рукахъ грековъ осталось только семь мусульманъ, изъ которыхъ пятеро, приведенные изъ Сициліи, были выкуплены арабскимъ посломъ и отправлены въ Сицилію, а остальные два упомянутые выше заложника изъ Лулу выразили желаніе принять христіанство и поэтому были оставлены въ рукахъ грековъ.

Обмѣнъ произошелъ въ самомъ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 860 года [2]).

Военныя столкновенія на востокѣ въ 860 году.

Повидимому, между Византіей и арабами послѣ вышеизложеннаго обмѣна военныя дѣйствія на время должны были прекратиться. Но мы изъ достовѣрныхъ источниковъ знаемъ, что уже лѣтомъ 860 года шла снова ожесточенная борьба мусульманъ съ византійцами, усложненная для послѣднихъ неожиданнымъ появленіемъ передъ Константинополемъ руссовъ.

Какъ извѣстно, въ послѣднее время, можно сказать, рѣшенъ

[1]) Продолжительность обмѣна сообщаетъ *Масуди*. *De-Goeje*, VIII, p. 192, *Not. et Extr.* VIII p. 195=*Prairies d'or*, IX p. 358.

[2]) *Табари* даетъ два опредѣленія времени для этого обмѣна; онъ говоритъ: въ этомъ году въ мѣс. Сафарѣ (27-го апрѣля—25-го мая 860 года) происходилъ выкупъ плѣнныхъ подъ руководствомъ Али-ибн-Яхъи-ал-Армени..... Другіе говорятъ, что выкупъ состоялся въ этомъ году только въ мѣс. Джумадѣ I (24-го іюля—22-го августа). *Tabari* III p. 1449. *Баронъ Розенъ*, op. cit. стр. 145. По нашему мнѣнію, вѣрнымъ можетъ быть только первое указаніе. Изъ разказа Табари мы знаемъ, что переговоры объ обмѣнѣ возобновились и окончились вскорѣ послѣ передачи Лулу арабамъ, что случилось въ мартѣ мѣсяцѣ; поэтому обмѣнъ долженъ былъ произойдти въ маѣ 860 года. Кромѣ того, какъ мы увидимъ ниже, противъ второго опредѣленія будутъ служить возобновившіяся лѣтомъ этого года крупныя столкновенія арабовъ съ греками, которыя должны падать именно на іюль и августъ мѣсяцы, что дѣлаетъ обмѣнъ плѣнныхъ немыслимымъ. *Масуди* (VIII p. 191), а за нимъ *Макризи* (II p. 191) болѣе точно говорятъ, что обмѣнъ произошелъ въ началѣ мѣсяца Сафара 246 года, то-есть, въ самомъ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 860 года. Въ переводѣ Масуди у *Сильвестра де Саси* указаніе на мѣсяцъ пропущено. *Вейль* относитъ обмѣнъ ко времени, слѣдующему за пораженіемъ императора лѣтомъ 860 года, съ чѣмъ, на основаніи вышесказаннаго, мы согласиться не можемъ (*Weil*. op. cit. II S. 366).

споръ о годѣ перваго нашествія русскихъ на столицу Византійской имперіи [1]).

Въ 1894 году бельгійскій профессоръ Францъ Кюмонъ (Franz Cumont) издалъ краткую византійскую, анонимную хронику, не имѣющую вообще большаго значенія, въ которой къ удивленію сохранилось точное опредѣленіе года, мѣсяца и числа перваго русскаго нападенія на Константинополь; причемъ, годъ опредѣленъ трояко: съ помощью индиктіона, года царствованія императора Михаила и года отъ сотворенія міра [2]). По провѣркѣ оказывается, что всѣ эти три цифры совершенно между собою согласны [3]).

Изъ этой хроники мы узнаемъ, что руссы напали 18-го іюня 860 года [4]). Такая точная и достовѣрная дата имѣетъ, конечно, громадное значеніе въ скудной и запутанной хронологіи IX вѣка византійской исторіи.

Безспорно въ этомъ вопросѣ большая честь принадлежитъ проницательности профессора Московской духовной академіи Голубинскаго, который за четырнадцать лѣтъ до появленія анонимной Брюссельской хроники пришелъ, на основаніи надежныхъ данныхъ современника событія Никиты Пафлагонскаго, къ убѣжденію, что нападеніе руссовъ на Константинополь имѣло мѣсто не въ 866 году, а или въ 860 или въ самомъ началѣ 861 года [5]).

Но воздавая должное прозорливости нашего ученаго, мы не можемъ не напомнить о томъ, что уже въ прошломъ столѣтіи въ запад-

---

[1]) Мы въ этой работѣ не имѣемъ въ виду подробнаго пересмотра этого вопроса.

[2]) *Anecdota Bruxellensia.* I. Chroniques Byzantines du Manuscrit 11.376 par *Frans Cumont.* Gand, 1894 въ *Recueil de Travaux publiés par la Faculté de Philosophie et Lettres.* 9-me fascicule.

[3]) По поводу этого извѣстія см. *De-Boor.* Der Angriff der Rhos auf Byzanz въ *Byzantinische Zeitschrift.* B. IV (1895), S. 445—466, гдѣ основательно доказывается справедливость хронологическаго указанія хроники. См. *Васильевскій. Византійскій Временникъ.* T. I (1894), стр. 258.

[4]) ἐπὶ τῆς αὐτοῦ (Μιχαὴλ) βασιλείας μηνὶ Ἰουνίῳ ιη' (ἰνδικτιῶνος) η' ἔτους, Στξη' τῷ ε' ἔτει τῆς ἐπικρατείας αὐτοῦ, ἦλθον Ῥῶς σὺν ναυσὶ διακοσίαις, οἱ διὰ πρεσβειῶν τῆς πανυμνήτου Θεοτόκου κατεκυριεύθησαν ὑπὸ τῶν χριστιανῶν καὶ κατὰ κράτος ἡττήθησάν τε καὶ ἠφανίσθησαν (*Anecd. Bruxell.* I p. 33). См. *De-Boor.* Der Angriff der Rhos, S. 446.

[5]) *Голубинскій.* Исторія русской церкви. T. I. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Первая половина тома. Москва, 1880, стр. 21—22. Мы въ данномъ случаѣ не имѣемъ въ виду разсужденій проф. Голубинскаго о походѣ Аскольда и Дира и объ азовско-таврическихъ и азовско-крымскихъ руссахъ.

ной Европѣ былъ ученый, который, на основаніи свидѣтельства того же Никиты Пафлагонскаго, пришелъ почти къ одинаковому результату съ проф. Голубинскимъ. Это былъ извѣстный оріенталистъ Ассемани, который въ своемъ Kalendaria Ecclesiae Universalis посвятилъ особое изслѣдованіе о первомъ нападеніи руссовъ на Константинополь и пришелъ къ выводамъ, которые теперь признаны вполнѣ надежными [1]).

Мы считаемъ особенно нужнымъ вспомнить объ Ассемани, такъ какъ о его работѣ совершенно забыли, и, если мы не ошибаемся, никто изъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о первомъ нападеніи руссовъ на Константинополь, не вспомнилъ объ этой несомнѣнной заслугѣ итальянскаго ученаго [2]).

Ассемани, приведя извѣстное мѣсто о нападеніи руссовъ изъ Никиты Пафлагонскаго и сопоставивъ данныя жизни Никиты съ извѣстіемъ о появленіи руссовъ, пришелъ къ заключенію, что первое нападеніе ихъ на Константинополь было или въ концѣ 859 или въ началѣ 860 года. Ассемани не вѣрилъ свидѣтельству Симеона Магистра, который, по его заключенію, сообщаетъ невѣрные годы правленія Михаила [3]).

Такимъ образомъ, впервые вѣрный 860 годъ появился у Ассемани, а ненадежность указанныхъ имъ же хронологическихъ указаній Симеона Магистра была въ 1876 году блистательно доказано Гиршемъ [4]).

Вспомнимъ, что близокъ къ истинѣ былъ и Паги, который въ своихъ комментаріяхъ къ церковнымъ анналамъ Баронія относилъ нападеніе руссовъ къ 861 году [5]).

Нельзя лишать значенія современное свидѣтельство Никиты Пафлагонскаго голословнымъ замѣчаніемъ, что онъ ошибался, относя походъ руссовъ и нападеніе ихъ на островъ Теребинѳъ къ 860 году,

---

[1]) *Assemani.* Kalendaria Ecclesiae Universae. Romae, 1755, T. I, p. 240—243; T. II, p. 160—161, 281—232; T. IV. p. 9.

[2]) Календаремъ Ассемани пользовался, правда, *Архіепископъ Макарій* Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра, С.-Петербургъ, 1846 (см. напримѣръ, стр. 275, 280, 282); но онъ не упоминаетъ о новыхъ выводахъ Ассемани и говоритъ, что нападеніе руссовъ случилось съ 864 по 865 годъ, то-есть, въ послѣднихъ числахъ перваго и началѣ послѣдняго (стр. 273—274).

[3]) *Assemani.* Kalendaria. T. I p. 240—243; T. IV p. 9.

[4]) См. *Hirsch.* Byzantinische Studien, S. 348 sq.

[5]) *Baronii* Annales Ecclesiastici una cum critica historicochronologica P. Antonii Pagii. T. XIV. Lucae, 1743, p. 554, VII.

когда бывшій патріархъ Игнатій былъ сосланъ туда вторично, какъ это дѣлаетъ Куникъ [1]).

Одинаково произвольно въ этомъ нападеніи Никиты Пафлагонскаго видѣть указаніе на походъ, отличный отъ отмѣченнаго въ византійскихъ анналахъ, какъ это дѣлаетъ Гергенрётеръ [2]).

До послѣдняго времени первый походъ руссовъ на Константинополь, какъ извѣстно, относился по большей части къ 865 или 866 году и часто приводился въ связь съ походомъ Аскольда и Дира [3]).

Итакъ, послѣ обмѣна въ началѣ мая 860 года, въ силу какихъ то

---

[1]) *E. Kunik.* Die Berufung der Schwedischen Rodsen. II, S.-Petersburg, 1845, S. 337. То же въ статьѣ *Куника*: Тождество Русовъ-язычниковъ и норманновъ, подтверждаемое отвѣтнымъ посланіемъ папы Николая I отъ сентября 865 года. (*Приложеніе къ XXXII тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ*, № 2, 1878, стр. 190).

[2]) *Hergenröther.* Photius. B. I, Regensburg, 1867, S. 421, 581.

[3]) См. *Bayer.* De Russorum prima expeditione Constantinopolitana въ *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.* T. VI, 1738, p. 368 и 370; онъ знаетъ, что Никита Пафлагонскій относитъ нашествіе къ 860 году; но послѣдній, по мнѣнію Байера, vitio laborat (p. 370). Байеръ относитъ походъ къ 865 году. Къ тому же году относятъ *Погодинъ.* Древняя русская исторія до монгольскаго ига. Москва, 1871, с. 6—7. *А. Куникъ.* О запискѣ готскаго топарха (*Записки Императорской Академіи Наукъ.* Т. 24, 1874. с. 109). *Его-же.* Тождество руссовъ-язычниковъ и т. д. (*Приложеніе къ XXXII тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ*, № 2, 1878, с. 190). *Иловайскій.* Исторія Россіи. Ч. I, Москва, 1876, с. 11, 286. *Его-же.* Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1876, стр. 111—112. *Гедеоновъ.* Варяги и Русь. Ч. II. С.-Петербургъ, 1876, с. напримѣръ 459, 461 и passim. *Бестужевъ-Рюминъ.* Русская Исторія. I, 1872, стр. 99. Къ 866 году относятъ, напримѣръ: *Шлёцеръ.* Несторъ. Ч. II, С.-Петербургъ, 1816, стр. 32 sq. *Карамзинъ.* Исторія Государства Россійскаго. С. Петербургъ, 1844, T. I, с. 71; см. также примѣчаніе 283. *E. Kunik.* Die Berufung der schwedischen Rodsen. II Abt. S. 321 sq. *Krug.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, S. Petersburg, 1848, p. 355. *Филаретъ Черниговскій.* Исторія Русской Церкви. Черниговъ, 1862, с. 6. *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи. 2-е изданіе. T. I, С.-Петербургъ, с. 113.

Отмѣтимъ, что нѣмецкій ученый *Вилькенъ* относилъ нападеніе руссовъ къ 864 и 865 году. *Wilken.* Ueber die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche in dem Zeitraume vom neunten bis zum zwölften Jahrhundert, S. 80 въ *Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin,* 1829, Berlin, 1832, S. 75—135. *Гергенрётеръ* склоняется къ 864 году. См. *Hergenröther.* Photius, B. I, S. 531; B. III, S. VIII; но ср. *Его* Der erste Russenzug gegen Byzanz въ періодическомъ сборникѣ *Chilianeum.* Neue Folge, 3 Heft. Würzburg, 1869, S. 210—224. Объ *Архіепископѣ Макаріи* см. выше. См. также *Васильевскій.* Русско-византійскія изслѣдованія. Вып. II. С.-Петербургъ, 1893, с. CXXXVIII—CXXXIX.

неизвѣстныхъ причинъ, миръ былъ нарушенъ, и Михаилъ выступилъ противъ арабовъ, оставивъ начальникомъ Константинополя Никиту Орифу, суроваго друнгарія флота, который, будучи сторонникомъ Фотія, по словамъ Никиты Пафлагонскаго, такъ жестоко преслѣдовалъ низведеннаго патріарха Игнатія [1]).

Императоръ находился у Мавропотамонъ [2]), когда Орифа оповѣстилъ его о появленіи руссовъ. Это извѣстіе заставило Михаила тотчасъ возвратиться еще до какихъ либо серьезныхъ столкновеній съ арабами [3]).

Надо полагать, что императоръ вернулся безъ войска, которое осталось ожидать его возвращенія. Онъ подошелъ къ столицѣ, когда уже руссы окружали городъ, убивали населеніе; императоръ съ трудомъ могъ переправиться черезъ проливъ [4]).

Такимъ образомъ этотъ походъ Михаила къ Мавропотамонъ долженъ относиться къ началу іюня мѣсяца 860 года, потому что вскорѣ послѣ 18-го іюня, когда руссы впервые явились передъ Константинополемъ, императоръ долженъ былъ уже прибыть въ столицу.

Конечно, этотъ безрезультатный походъ Михаила не тождественъ съ тѣми многочисленными, серьезными столкновеніями византійцевъ съ арабами, которыя падаютъ на лѣто того же 860 г., и о которыхъ мы узнаемъ изъ точныхъ арабскихъ источниковъ. Очевидно, что императоръ, отразивъ руссовъ, снова отправился въ походъ противъ арабовъ; это становится совершенно яснымъ изъ сопоставленія источниковъ [5]).

Итакъ, послѣ удаленія руссовъ, которые, какъ извѣстно, были отражены отъ стѣнъ столицы, Михаилъ возвратился къ оставленному

---

[1]) *Nicetae Paphlag.* Vita S. Ignatii (*Migne.* Patr. Gr. T. 105): ὅσας αὐτῷ Νικήτας ὁ τοῦ βασιλικοῦ στόλου δρουγγάριος ὁ Ὠρύφας λεγόμενος, θλίψεις ἐπήνεγκε καὶ ἐπηρείας Φωτίῳ καὶ τοῖς κρατοῦσι χαριζόμενος, τίς λόγος παραστῆσαι δύναται (p. 516); см. также p. 524.

[2]) О нашей попыткѣ опредѣлить мѣстоположеніе Мавропотамонъ см. выше при описаніи похода Өеоктиста въ 844 году.

[3]) *Cont. Hamart.* p. 736: οὐδὲν βασιλικὸν καὶ γενναῖον εἰργάσατο.

[4]) *Cont. Hamart.* p. 736: ὁ δὲ βασιλεὺς καταλαβὼν μόλις ἴσχυσε διαπεράσαι. См. *Nicetae Paphlag.* Vita S. Ignatii, p. 516—517, 532 (*Migne.* Patr. Gr. T. 105).

[5]) Мы въ данномъ случаѣ подтверждаемъ предположеніе *Де-Боора*, который говоритъ слѣдующее: пораженіе 859 года побудило императора къ новому походу въ 860 году; дорогою онъ узналъ объ опасномъ положеніи Константинополя и поспѣшилъ въ половинѣ іюня къ столицѣ, одинъ безъ войска. Послѣ отступленія руссовъ онъ снова отправился въ походъ. *De-Boor.* Der Angriff der Rhos, S. 458.

войску, состоявшему изъ сорока тысячъ человѣкъ, въ составъ которыхъ входили войска Ѳракисійской, Македонской и другихъ ѳемъ [1]).

Противъ него шелъ мелитинскій эмиръ Омар-ибн-Абдаллах-ал-Акта' съ тридцатью тысячами войска.

Императоръ, пройдя по сѣверной части Малой Азіи, занялъ крѣпость Дазимонъ, современный Токатъ въ округѣ Сивасъ, и расположился лагеремъ въ плодородной, обильной травою долинѣ Келларіонъ [2]).

Эмиръ же, вмѣсто того, чтобы идти по обыкновенной дорогѣ на Зелису, что соотвѣтствуетъ, вѣроятно, современному городку Зела, на западъ отъ Токата [3]), свернулъ въ сторону къ Хонаріонъ [4]), который находился, очевидно, вблизи византійскаго лагеря.

Здѣсь произошло сраженіе. Императоръ былъ разбитъ и обратился въ бѣгство; но, проскакавъ шесть миль, въ виду крайняго изнуренія лошадей и разбитаго войска, а также вслѣдствіе невыносимаго зноя Михаилъ рѣшилъ остановиться на крутой, недоступной скалѣ Анзесъ, гдѣ его и осадилъ эмиръ.

Положеніе византійцевъ, несмотря на подобную позицію, было критическимъ, вѣроятно, вслѣдствіе голода. Императоръ думалъ уже попытаться спастись бѣгствомъ [5]), но въ это время арабы изъ-за недостатка воды и корма для лошадей отступили отъ Анзеса и расположились въ долинѣ Дора [6]).

Императоръ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, поспѣшно уда-

[1]) *Genes.* p. 91—93, откуда *Cont. Theoph.* p. 177—179, C. 24. *Кедринъ*, давая весьма краткій разказъ объ этомъ походѣ, заимствованный имъ у Продолжателя Ѳеофана, опускаетъ всѣ географическія указанія послѣдняго (*Cedr.* II p. 162—163); тоже дѣлаетъ и *Зонара* (*Zon.* ed. *Dind.* vol. IV, p. 10. XVI, c. 3). Генесій говоритъ, что этотъ походъ былъ черезъ два года послѣ пораженія подъ Самосатой: εἶτα χρόνων δύο καριππευσάντων; это можно примирить съ показаніями арабскихъ историковъ, если считать время до конца 246 года хиджры=28-го марта 860 по 16-е марта 861 г. См. объ этомъ походѣ *Ramsay.* op. cit. p. 329.

[2]) καταλαβὼν τινα χῶρον ᾧ ἐπώνυμον Δαζιμών, ἐκεῖσε σκηνοῦται εἴς τι λιβάδιον κατωνομασμένον Κελλάριον (*Genes.* p. 91—92). Ὡς δὲ κατά τι χορτοφόρον πεδίον Κελάριον οὕτω λεγόμενον κατεσκήνητο (*Cont. Theoph.* p. 177).

[3]) παρεκβατικώτερον διελθὼν τῆς ἀπαγούσης ὁδοῦ πρὸς τὴν Ζέλισαν (*Genes.* p. 92). См. соображенія объ этомъ имени у *Ramsay*, p. 329.

[4]) ἀπῄει πρὸς τὸ Χωνάριον (*Genes.* p. 92).

[5]) *Генесій* въ этомъ мѣстѣ разказываетъ о спасеніи императора Мануиломъ почти въ тѣхъ же словахъ, какъ во время Ѳеофила.

[6]) παραγενόμενος εἴς τι λιβάδιον ὅπερ Δῶρα κατονομάζεται, εὐθέως προσανεπαύσατο (*Genes.* p. 92).

лился съ Анзеса, бѣжалъ въ теченіе цѣлаго дня и только тогда былъ въ безопасности [1]).

Эмиръ вывелъ изъ этого лѣтняго похода семь тысячъ плѣнныхъ [2]).

Лѣтомъ же этого года Карбеасъ сдѣлалъ нападеніе и захватилъ въ плѣнъ пять тысячъ византійцевъ; Али-ибн-Яхъя-ал-Армени также пять тысячъ человѣкъ и около десяти тысячъ лошадей, вьючныхъ животныхъ и ословъ. Удачный набѣгъ сдѣлалъ Балькаджуръ. Фадлибн-Каринъ съ двадцатью кораблями опустошалъ прибрежныя страны и захватилъ крѣпость Атталію [3]).

Всѣ эти событія должны приходиться на самое лѣто 860 года, то-есть, вѣроятнѣе всего, на іюль мѣсяцъ [4]).

---

[1]) Гора Анзесъ упоминается также при описаніи похода Θеофила въ 838 году. Мы здѣсь хотимъ обратить вниманіе на одно мѣсто изъ *Страбона*, которое очень подходитъ къ описанію Генесіемъ Анзеса. *Страбонъ*, разказывая о Кавирѣ (Κάβειρα), поздн. Неокесаріи, теперь Никсаръ, на востокъ отъ Амасіи и на сѣверо-востокъ отъ Токата, то-есть, о тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ происходили излагаемыя событія, говоритъ: ἐνταῦθα δὲ καὶ τὸ Καινὸν χωρίον προσαγορευθέν, ἐρυμνὴ καὶ ἀπότομος πέτρα, διέχουσα τῶν Καβείρων ἔλαττον ἢ διακοσίους σταδίους. ἔχει δ' ἐπὶ τῇ κορυφῇ πηγὴν ἀναβάλλουσαν πολὺ ὕδωρ, πρός τε τῇ ῥίζῃ ποταμὸν καὶ φάραγγα βαθεῖαν· τὸ δ' ὕψος ἐξαίσιον τῆς πέτρας ἐστὶ... τοῦ αὐχένος, ὥστ' ἀπολιόρκητό; ἐστι· τετείχισται δὲ θαυμαστῶς πλὴν ὅσον οἱ Ῥωμαῖοι κατέσπασαν· οὕτω δ'ἐστὶν ἅπασα ἡ κύκλῳ κατάδρυμος καὶ ὀρεινὴ καὶ ἄνυδρος, ὥστ' ἐντὸς ἑκατὸν καὶ εἴκοσι σταδίων μὴ εἶναι δυνατὸν στρατοπεδεύσασθαι (*Strabo. Teubn*. p. 781). Уже въ имени Страбона Καινὸν χωρίον нельзя не видѣть соблазнительнаго сходства съ Χωνάριον Генесія, можетъ быть, просто сокращенной формой перваго названія; а слова Страбона о безводныхъ окрестностяхъ этой крутой, обрывистой, недоступной (ἀπολιόρκητος) скалы, такъ что на протяженіи 120 стадій въ окружности нельзя было разбить лагеря, какъ нельзя болѣе подходятъ къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя заставили арабовъ удалиться отъ Анзеса.

[2]) *Tabari*, III p. 1449.

[3]) *Tabari*, III p. 1449 (*Ibn-al-Athir*, VII p. 59). Въ напечатанномъ текстѣ Табари имя крѣпости читается *Анталія*; но въ рукописяхъ Табари и у *Ибн-ал-Асира* (VII p. 59) читается *Антіохія*. *Вейль* (II S. 366) видитъ здѣсь Антіохію на рѣкѣ Сарусъ, теперь Seihun, въ древней Киликіи недалеко отъ Тарса. Здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ городѣ на южномъ берегу Малой Азіи *Атталіи*. Итальянцы въ средніе вѣка пишутъ ея названіе *Satalia*, *Setalia*, *Satalies*. *Атталія* была одной изъ главныхъ станцій на пути къ Константинопольскому проливу и обладала прекрасной гаванью. См. *Tomaschek*. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. *Sitzungsber. der K. Ak. der Wiss. zu Wien*. Hist-Phil. Cl. B. 124, 1891, S. 53. Русскій паломникъ Даніилъ называетъ Атталію *Сатилія*. *Житье и хожене Данила, русьскыя земли игумена*. Изданный подъ редакціей *Веневитинова*. *Православный Палестинскій Сборникъ*. T. I, 1885, c. 91.

[4]) Михаилъ не могъ возвратиться въ Малую Азію къ войску послѣ удаленія

Въ этомъ же году, по нашему мнѣнію, почти одновременно съ нападеніемъ руссовъ, флотъ критскихъ арабовъ, состоявшій изъ двадцати кумбарій, семи галей и нѣсколькихъ сатуръ [1]), опустошалъ Киклады и доходилъ даже до Проконниса [2]). Какія мѣры были приняты византійскимъ правительствомъ противъ этого нападенія, неизвѣстно.

Военныя дѣйствія въ 862 году.

Расточительное, произвольное, жестокое правленіе Мутаваккила привело къ составленію противъ него заговора, во главѣ котораго стали старшій сынъ халифа Мунтасиръ, Бага, Васифъ и нѣкоторые другіе вліятельные арабы. Заговорщики въ ночь съ 9-го на 10-е декабря 861 года проникли въ комнату, гдѣ послѣ долгаго пира со своими приближенными спалъ пьяный Мутаваккилъ съ немногими изъ близкихъ лицъ, и перебили ихъ [3]).

Вступившій на тронъ отцеубійца Мунтасиръ только въ теченіе шести мѣсяцевъ наслаждался плодами своего преступленія; онъ заставилъ своихъ младшихъ братьевъ отречься отъ правъ на престолъ и умеръ въ іюнѣ мѣсяцѣ 862 года [4]).

руссовъ раньше конца іюня или начала іюля. *Генесій* сообщаетъ, что битва, столь неудачная для императора, происходила въ страшный зной: καὶ μάλιστα διὰ τὸ παρεῖναι δυσφόρητον καύσωνα ἐκ τῆς καιρικῆς διαθέσεως (*Genes*. p. 92).

[1]) *Cont. Theoph*. p. 196, C. 34: ὡς κουμβαρίων ἄχρι εἴκοσι, ἑπτὰ γαλέας καί τινας σατούρας μεθ' ἑαυτοῦ ἐπαγόμενος. Это различные виды судовъ. Названіе кумбарій, вѣроятно, происходитъ изъ арабскаго языка (см. *Kremer*. Culturgesch. d. Orients, I, S. 249, anm. 2); относительно сатуръ не можетъ быть сомнѣнія (см. *Баронъ Розенъ*. Императоръ Василій Болгаробойца, стр. 282 и 292. *Gildemeister*. Ueber arabisches Schiffswesen въ *Nachrichten der K. Gesellsch. der Wiss. und der G. Aug. Univ. zu Göttingen*, 1882, S. 438—439).

[2]) *Cont. Theoph*. p. 196, C. 34 (*Cedr*. II p. 173). *Zon*. ed. *Dind*. vol. IV p. 15, XVI, c. V. Разказавъ о нападеніи руссовъ, *Продолжатель* говоритъ: τὰ μὲν οὖν ἡ τούτων ἐκάκου ἐπιδρομή· τὰ δὲ ὁ τῆς Κρήτης στόλος и т. д. Такой способъ выраженія позволяетъ намъ считать эти два нападенія почти одновременными, то-есть, относить то и другое событіе къ 860 году. *Муральтъ* (p. 442), относитъ это нападеніе къ апрѣлю 866 года, ставя его въ связь съ убійствомъ Варды, которое, дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, было въ апрѣлѣ 866 года во время похода на критскихъ арабовъ. Но послѣ того какъ стало извѣстно, что нападеніе руссовъ на Константинополь должно относиться къ 860 году, предположеніе Муральта является, по нашему мнѣнію, опровергнутымъ. Вѣроятно, это сообщеніе византійцевъ надо отождествить съ выше приведеннымъ извѣстіемъ арабовъ о нападеніи Фадл-ибн-Карина съ флотомъ.

[3]) *Weil*, II S. 368—369. *Muir*, The Caliphate, p. 525—526.

[4]) *Weil*, II S. 373—376. *Muir*, op. c. p. 527.

Въ кратковременное правленіе Мунтасира отношенія къ Византіи выразились только въ лѣтнемъ походѣ Васифа, упомянутаго выше соучастника въ заговорѣ 10-го декабря 861 года.

Повидимому, Васифъ не могъ ужиться при дворѣ съ Ахмед-ибн-ал-Хасибомъ, сынъ котораго при Мунтасирѣ сдѣлался визиремъ [1]. Отецъ новаго визиря, возбуждая противъ Васифа халифа, который, можетъ быть, и самъ не прочь былъ отдалить отъ себя свидѣтеля и участника его отцеубійства [2], добился того, что Мунтасиръ рѣшилъ отправить Васифа на византійскую границу подъ предлогомъ новаго нападенія греческаго императора.

Войско, снаряженное для этого похода, было очень многочисленно; оно состояло изъ арабскихъ наемниковъ, регулярныхъ войскъ и кліентовъ и доходило до 10.000 человѣкъ. Во главѣ авангарда сталъ Музахим-ибн-Хаканъ, братъ ал-Фатха-ибн-Хакана; арріергардомъ начальствовалъ Мухаммед-ибн-Раджа, правымъ крыломъ ас-Синди-ибн-Бахтама; военными машинами завѣдывалъ Наср-ибн-Саидъ магрибіецъ. Общимъ предводителемъ всей арміи, въ качествѣ замѣстителя халифа, былъ назначенъ начальникъ гвардіи въ Самаррѣ Абу-Аунъ [3].

Отсюда видно, что границѣ должна была въ это время угрожать какая нибудь серьезная опасность. Нѣсколько позднѣе былъ отправленъ къ Васифу для завѣдыванія издержками его войска, его добычей и ея раздѣломъ Абу-л-Валид-ал-Джарири, который отъ имени Мунтасира доставилъ Васифу письмо съ приказаніемъ, возвратясь изъ похода, оставаться въ пограничной мѣстности четыре года и совершать ежегодные походы, пока не получитъ отъ повелителя правовѣрныхъ дальнѣйшихъ указаній. Такимъ образомъ, желаніе отца визиря удалить отъ двора Васифа осуществилось.

Его походъ, названный у Табари лѣтнимъ [4], происходилъ въ маѣ мѣсяцѣ 862 года, такъ какъ въ іюнѣ этого года Мунтасиръ уже умеръ [5], не оставивъ никакихъ распоряженій о наслѣдникѣ.

Главные начальники войскъ, преимущественно иностранцы, со-

---

[1] См. длинный разсказъ объ отправленіи въ походъ Васифа у *Табари*, III, p. 1480—1485. *Ибн-ал-Асиръ* очень сокращенно передаетъ Табари (VII, p. 72).

[2] *Weil*, II, S. 375.

[3] *Tabari*, III, p. 1481.

[4] *Tabari*, III, p. 1480.

[5] О датѣ смерти Мунтасира источники даютъ различныя указанія; вѣроятно, онъ умеръ въ ночь съ 4-го на 5-е іюня 862 г. См. *Weil*, II, S. 376.

бравшись провозгласили халифомъ внука Мутасима Ахмед-ибн-Мухаммеда по прозванію ал-Мустаина (862—866 г.). Народное возстаніе въ Самаррѣ и недовольство въ Багдадѣ должны были прекратиться передъ силой и энергіей турокъ и магрибійцевъ [1]).

Упомянутый выше лѣтній походъ Васифа ограничился взятіемъ одной византійской крѣпости. Смерть халифа застала его на сирійской границѣ [2]).

Военныя дѣйствія въ 863 году.

Лѣтомъ 863 года на малоазіатской границѣ разыгрались важныя военныя событія [3]).

Джафар-ибн-Динаръ сдѣлалъ удачный лѣтній походъ въ область Метамиръ [4]). Но мелитинскій эмиръ Омаръ-ибн-Убейд-аллах-ал-Акта, съ большимъ числомъ жителей Малатіи [5]), съ разрѣшенія Джафар-ибн-Динара, направился настоящимъ походомъ въ глубь византійскихъ предѣловъ.

---

[1]) *Weil*, II, S. 378—379. *Muir*. The Caliphate, p. 528.

[2]) *Tabari*, III p. 1508=*Ibn-al-Athir*, VII p. 78. Названіе взятой крѣпости передано у Табари черезъ فورورية *ф. рури* съ другими чтеніями въ рукописяхъ. *Бар. Розенъ*, редактировавшій эту часть хроники, замѣчаетъ здѣсь: esse fortasse graecum φρούριον omisso nomine proprio.

[3]) См. *Tabari*, III p. 1509 = *Ibn-al-Athir*, VII p. 79. *Jaqubi*, Hist. II p. 606. *De-Goeje*. Fragm. hist. arab. p. 564. *Maçoudi*. Les prairies d'or. T. VIII, p. 73. *Cont. Hamart*. p. 732, гдѣ упоминается о походѣ эмира до Синопа, и p. 733—734=*Leo Gramm*. p 238—239; нѣсколько сокращенно *Sym. Mag*. p. 666, который относитъ походъ къ пятому году правленія Михаила. Болѣе обстоятельный разказъ у *Генесія* (*Genes*. p. 94—97), изъ котораго заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этомъ походѣ *Продолжатель Өеофана* (*Cont. Theoph*. p. 179—184, c. 25); послѣдній прибавляетъ только нѣсколько легендарныхъ подробностей. *Кедринъ* разказываетъ походъ сокращенно по *Продолжателю* (*Cedr*. II p. 163—165). По Кедрину повѣствуетъ *Зонара* (*Zon*. ed. *Dind*. vol. IV p. 10—11, XVI c. 3). *Муральтъ* относитъ походъ подъ Синопъ къ 858 году (p. 435), а пораженіе арабовъ при Гиринѣ къ 860 году (p. 436); тоже *Ramsay*, p. 77. См. *Hirsch*. Byz. St. S. 157—158. *Weil*. II S. 380.

[4]) *Tabari*, III p. 1509: взялъ крѣпость и метамиры. О метамирахъ мы говоримъ въ отдѣлѣ о Өеофилѣ.

[5]) Византійскіе источники называютъ сорокъ тысячъ (*Genes*. p. 94=*Cont. Theoph*. p. 179).

Эмиръ, разграбивъ ѳему Арменіаконъ, дошелъ до берега Чернаго моря, взялъ важный приморскій городъ Амисонъ (теперь Самсунъ) и, вѣроятно, достигъ даже Синопа; раздраженный тѣмъ, что море заграждаетъ его дальнѣйшее побѣдоносное шествіе, эмиръ, подобно персидскому царю Ксерксу, приказалъ бить море палками [1]).

Взятіе Амисоса должно было имѣть большое значеніе. Онъ служилъ морскимъ портомъ на сѣверѣ Малой Азіи для всей Каппадокіи; это было какъ во времена Страбона [2]), такъ и въ наше время. Еще теперь естественный путь, самый легкій и короткій изъ Каппадокіи къ Черному морю идетъ на Амисосъ-Самсунъ [3]).

Узнавъ о побѣдахъ эмира и о взятіи имъ Амисоса, Михаилъ снарядилъ сильное войско, во главѣ котораго поставилъ Петронаса, стратега Ѳракисійской ѳемы, брата императрицы Ѳеодоры и Варды [4]). Петронасъ двинулся въ походъ [5]).

Извѣстіе о его выступленіи пришло въ Амисосъ къ мелитинскому эмиру черезъ какого-то византійскаго бѣглеца [6]).

Эмиръ выступилъ изъ Амисоса и остановился въ 500 миляхъ отъ него на границѣ между Пафлагонской ѳемой и Арменіаконъ въ Амисіанонъ [7]), на дорогѣ, ведущей, вѣроятно, изъ Пафлагоніи въ Коммагену [8]), въ мѣстности Посонъ [9]), гдѣ текла съ сѣвера на югъ рѣка

---

[1]) *Genes.* p. 94. *Cont. Theoph.* p. 179. *Cont. Hamart.* p. 732, 733.

[2]) *Strabo*, c. 547 p. 768—769, гдѣ онъ описываетъ большой торговый путь изъ центральной Азіи черезъ *Komana Pontica* въ Амисосъ.

[3]) *Ramsay*, op. cit. p. 28.

[4]) *Генесій* приводитъ довольно длинный разговоръ за столомъ между императоромъ и Петронасомъ, который исторической цѣнности имѣть, конечно, не можетъ (*Genes.* p. 94—95). Въ арабскихъ источникахъ за этотъ годъ имени Петронаса не сохранилось.

[5]) *Продолжатель Ѳеофана* сообщаетъ легендарную подробность о томъ, что Петронасъ передъ походомъ посѣтилъ Латрскую гору у Эфеса, гдѣ отшельникъ Іоаннъ предсказалъ ему побѣду (*Cont. Theoph.* p. 180—181, c. 25). См. *Hirsch*, Byz. St. S. 221.

[6]) Φυγὰς γάρ τις Ῥωμαίων πρὸς αὐτὸν ἄπεισι καί φησι (*Genes.* p. 95). Далѣе Генесій приводитъ разговоръ между эмиромъ и его вождями о планѣ дальнѣйшихъ дѣйствій: нужно ли идти на встрѣчу византійцамъ или избѣгать ихъ; эмиръ рѣшилъ выступить на встрѣчу (*Genes.* p. 95—96). См. *Hirsch.* op. c. S. 157.

[7]) Или *Абисіанонъ.* У *Генесія* (p. 96) Ἀβυσιανόν.

[8]) *Ramsay*, op. c. p. 77.

[9]) Это имя пишется различно. *Genes.* p. 96: εἰς τὸν χῶρον, ὃς κατωνόμασται Πόρσοντα. *Cont. Theoph.* p. 181: κατά τινα τόπον οὕτω λεγόμενον Πόσοντα. *Cedr.* II p. 164: Πτώσοντα.

Лалакаонъ, на берегу которой находилась долина, извѣстная подъ мѣстнымъ названіемъ Гиринъ [1]).

Петронасъ рѣшилъ окружить эмира со всѣхъ сторонъ. Съ сѣвера наступали стратеги ѳемъ Арменіаконъ, Букелларія, Колонеи и Пафлагоніи; стратегъ Букелларія назывался Назаръ [2]); съ юга двигались стратеги Анатоликонъ, Опсикіонъ и Каппадокіи съ клисурархами Селевкіи и Харсіана; самъ Петронасъ съ четырьмя преторіанскими когортами [3]), съ войскомъ Ѳракисійской ѳемы и стратегами Ѳракіи и Македоніи [4]) занялъ западную позицію.

Повидимому, сраженіе произошло въ два пріема.

Въ Посонѣ была гора, которая могла служить для обоихъ противниковъ прекраснымъ опорнымъ пунктомъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что своею первою задачей какъ византійцы, такъ и арабы поставили овладѣть этою горою. Ночью Петронасъ одновременно съ эмиромъ отправили отряды для занятія горы. Противники столкнулись; въ происшедшей схваткѣ арабы были отброшены, и византійцы овладѣли горною позиціей.

Это дѣло и вызвало общее сраженіе, которое такъ несчастливо кончилось для арабовъ [5]).

По арабскимъ извѣстіямъ, греки въ этомъ сраженіи имѣли 50.000 человѣкъ [6]).

Попытавшись безуспѣшно пробиться сквозь ряды византійскихъ войскъ къ сѣверу и къ югу, эмиръ устремилъ всѣ свои силы на западъ на Петронаса, тѣмъ болѣе что гладкая, доступная мѣстность съ этой стороны нѣсколько облегчала военныя дѣйствія.

---

[1]) *Cont. Theoph*. p. 181: τούτῳ καὶ ποταμὸς παραῤῥεῖ ἀπὸ τὸ ἀρκτῷον πρὸς τὸ μεσημβρινὸν ἐλαυνόμενος, Λαλακάων ὀνομαζόμενος, καὶ λιβάδιον παράκειται Γῦριν ἀγροικῇ φωνῇ καλούμενον. См. *Cont. Hamart*. p. 734: εἰς τὸν Λαλακάωνα.

[2]) Νάσαρ τῶν Βουκελλαρίων (*Cont. Hamart*. p. 733—734. Leo Gramm. p. 238—239. *Sym. Mag*. p. 666).

[3]) μετὰ τῶν βασιλικῶν τεσσάρων ταγμάτων (*Cont. Theoph*. p. 181).

[4]) *Продолжатель Ѳеофана* при этомъ прибавляетъ: καὶ γὰρ εἰρηνευόντων τῶν Βουλγάρων νόμος ἦν αὐτοῖς μετὰ τῶν Ἀνατολικῶν συγκινδυνεύειν καὶ συστρατεύειν (*Cont. Theoph*. p. 181).

[5]) *Genes*. p. 96. *Продолжатель Ѳеофана* сообщаетъ анекдотическую подробность о томъ, какъ эмиръ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, прибѣгнулъ къ гаданіямъ. Черезъ одного византійскаго плѣнника онъ желалъ узнать названіе мѣстности, гдѣ онъ остановился, и плѣнникъ вмѣсто Πόσοντα сказалъ Πτώσοντα, что предвозвѣщало паденіе эмира (*Cont. Theoph*. p. 181—182).

[6]) *Tabari*, III p. 1509 (*Ibn-al-Athir*, VII p. 79). *Maçoudi*, Prairies d'or. VIII p. 73.

Но византійскіе легіоны не только выдержали нападеніе, но и отразили его, въ то время какъ съ сѣвера и юга войско все тѣснѣе и тѣснѣе окружало арабовъ. Эмиръ „какъ бы пораженный молніей“, въ отчаяніи бросился въ середину враговъ и былъ убитъ. Войско его было разбито на голову и почти уничтожено [1]).

Изъ битвы бѣжалъ невредимымъ съ небольшимъ отрядомъ сынъ эмира, который, перейдя рѣку Галисъ, очутился въ Харсіанской ѳемѣ, гдѣ мерархъ ѳемы Махерасъ [2]) захватилъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ остатками войска и передалъ Петронасу, который торжественно возвратился въ столицу и получилъ званіе магистра [3]).

Можетъ быть, въ этой битвѣ палъ извѣстный представитель павликіанъ Карбеасъ, смерть котораго относится къ 863 году [4]).

Это сраженіе въ долинѣ Гиринъ произошло въ пятницу 3-го сентября 863 года [5]).

Трудно опредѣлить съ точностью географическое положеніе битвы. На основаніи приведенныхъ выше указаній можно придти къ слѣдующимъ довольно неопредѣленнымъ выводамъ: 1) мѣсто битвы находилось въ 500 миляхъ отъ Амисоса, 2) на границахъ Пафлагонской и Армянской ѳемъ, 3) на западъ отъ рѣки Галиса, 4) у рѣки, которая течетъ съ сѣвера на югъ, 5) вблизи Галиса, такъ какъ бѣглецы, перейдя его, попали въ Харсіанскую ѳему.

Рамзай, считая полнымъ абсурдомъ пятьсотъ миль Генесія, говоритъ, что только двѣ мѣстности могутъ соотвѣтствовать этому описанію: одна, гдѣ дорога изъ Синопа спускается къ Бойабаду (Boi-

---

[1]) О смерти мелитинскаго эмира въ этой битвѣ говорятъ и арабскіе источники; число убитыхъ мусульманъ они опредѣляютъ незначительною цифрою въ тысячу человѣкъ. (*Tabari*, III p. 1509. *Ibn-al-Athir*, VII p. 79).

[2]) *Genes.* p. 97: μεράρχης ὁ Μαχαιρᾶς. *Продолжатель Ѳеофана* имени не даетъ и называетъ Махераса τοῦ Χαρσιανοῦ κλεισουράρχης (p. 183).

[3]) Въ концѣ разказа объ этой битвѣ *Генесій* прибавляетъ: какъ говорятъ нѣкоторые (ὡς δέ τινες), Варда тоже участвовалъ въ этой побѣдѣ и былъ за нее возведенъ въ санъ кесаря въ дни Пасхи 10 индиктіона. Но ненадежность указаннаго источника ὡς δέ τινες, молчаніе объ этомъ другихъ источниковъ и невѣрное опредѣленіе 10-го индиктіона, который приходится на 862 годъ, когда походъ былъ въ 863 году, не позволяютъ въ этомъ извѣстіи видѣть дѣйствительнаго историческаго факта. См. *Hirsch* Byz. St. S. 157—158.

[4]) Къ 249 году хиджры=24-го февр. 863—12-го февр. 864. *Maçoudi.* Prairies d'or. VIII, p. 75.

[5]) *Tabari*, III p. 1509: въ пятницу въ половинѣ мѣсяца Реджеба 249 года= пятница 3-го сентября 863 года. *Maçoudi.* Prairies d'or, VIII, p. 73: пятница 15-го числа Реджеба.

abad) и Галису,—другая дальше на югъ, гдѣ дорога снова спускается къ Андрапѣ и Галису. Тотъ фактъ, что сынъ эмира, перейдя Галисъ, очутился въ Харсіанской ѳемѣ, рѣшаетъ вопросъ въ пользу второй мѣстности [1]).

Замѣтимъ, что еще теперь недалеко отъ границы мелитинскаго округа, въ прежней Каппадокіи, есть городъ Gӧrun или Gurun (древн. Gauraina) на рѣкѣ Tokhma-Su [2]). Хотя его мѣстоположеніе и не совсѣмъ согласуется съ показаніями Генесія, тѣмъ не менѣе, въ виду невозможности полагаться на точность географическихъ свѣдѣній византійскаго писателя, мы считаемъ возможнымъ, что битва произошла именно у этого Гирина [3]).

Византійцы послѣ этой побѣды двинулись дальше на востокъ къ месопотамской границѣ. Услышавъ объ этомъ, возвращавшійся изъ Арменіи Али-ибн-Яхъя направился съ населеніемъ Майфаркина и Сальсалы [4]) на нихъ, но въ мѣсяцѣ Рамаданѣ этого года (18-го окт.—16-го ноября 863 г.) былъ убитъ приблизительно съ четырьмястами человѣкъ [5]).

---

[1]) *Ramsay*, op. c. p. 77; см. карту между стр. 196—197.

[2]) См. *Ramsay*, op. c. p. 309. *Schlumberger*. L'Epopée Byzantine à la fin du dizième siècle, Paris, 1896, p. 367.

[3]) Арабскіе источники называютъ мѣсто, гдѣ произошла битва, Мардж-ал-Ускуфъ; самое же мѣсто битвы *Табари* опредѣляютъ тремя буквами— *алифъ*, *ра* и *за* (ا ر ز). Можетъ быть, вмѣсто этихъ трехъ буквъ нужно читать *ка*, *ра* и *нунъ* (كرن), что высказалъ *бар. Розенъ* въ издаваемой имъ части Табари (*Tabari*, III p. 1509, nota); въ написаніи арабскихъ буквъ особенно необыкновеннаго измѣненія для этого не требуется, и тогда мы получили бы названіе, близкое къ *Гиринъ*. Не много можетъ помочь разъясненію вопроса названіе *Мардж-ал-Ускуфъ*. Это имя встрѣчается при описаніи аморійскаго похода; здѣсь нѣкоторое время оставался Ашнасъ и дѣлалъ рекогносцировки къ окрестнымъ крѣпостямъ Куррѣ и Дуррѣ (см. *Tabari*, III p. 1237 sq.). Какъ мы знаемъ, обѣ крѣпости находились въ Каппадокіи, что не противорѣчитъ нисколько нашему предположенію о Гиринѣ.

[4]) *Ибн-Хордадбехъ* упоминаетъ о горной цѣпи съ такимъ названіемъ на верхнемъ Тигрѣ; самое имя это по-арабски обозначаетъ цѣпь. См. *Ibn-Chord. De-Goeje*, p. 174 и 135. Ср. *Jacut*, III p. 115 — 116 подъ словомъ Сильсилани (سلسلانى).

[5]) *Tabari*, III p. 1509—1510. *Jaqubi*. II p. 606. *Maçoudi*. Prairies d'or. VIII p. 74.

Отношенія къ восточнымъ арабамъ за 864—867 годы.

Побѣда византійцевъ въ 863 году не имѣла большихъ послѣдствій въ смыслѣ установленія большаго спокойствія на восточной границѣ; военныя столкновенія, хотя и въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, продолжались.

Въ 864 и 865 годахъ арабскій начальникъ Балькаджуръ дѣлалъ удачные лѣтніе походы; во время послѣдняго изъ нихъ въ маѣ 865 г. онъ захватилъ крѣпость съ большими запасами и взялъ въ плѣнъ многихъ знатныхъ византійцевъ [1]).

Между тѣмъ положеніе халифа Мустаина было очень шатко. На всемъ протяженіи халифата царила анархія, начиная, отъ священной Мекки и кончая Мосуломъ, Эмесой и Испаганомъ; повсюду происходили смуты. Всемогущая въ халифатѣ турецкая партія угрожала самому халифу. Испуганный Мустаинъ сдѣлалъ попытку удалиться изъ Самарры въ Багдадъ, что повело къ окончательному разрыву между нимъ и турками, которые провозгласили въ Самаррѣ халифомъ Мутазза. Багдадъ готовился къ сопротивленію, но долженъ былъ уступить силѣ турецкихъ войскъ. Мустаинъ отрекся отъ престола въ пользу Мутазза и долженъ былъ переселиться на житье въ Медину. Такимъ образомъ Мутаззъ былъ возведенъ турками на тронъ въ январѣ 866 года [2]).

Его правленіе собственно уже не входитъ въ программу нашей работы, тѣмъ болѣе что источники не отмѣчаютъ никакихъ столкновеній съ восточными арабами до сентября 867 года, когда умеръ Михаилъ III.

Отношенія къ западнымъ арабамъ въ послѣдніе годы правленія Михаила III (862—867).

а) Критъ.

Отношенія къ западнымъ арабамъ Крита и Сициліи въ послѣднее время правленія Михаила III не отличались по прежнему миролюбивымъ характеромъ.

10-го августа 862 года критскіе арабы, опустошивъ островъ Митилини, пристали къ берегу Аѳона у древней Ватопедской обители,

---

[1]) *Tabari*, III p. 1534, 1615, 1621. *Ibn-al-Athir*, VII p. 110.

[2]) *Weil*, op. c. II S. 387—389. *Muir*, The Caliphate, 530—531.

вошли въ нее и, взявъ въ плѣнъ монаховъ, открыли соборную церковь, гдѣ развели огонь; послѣ чего арабы отплыли обратно на островъ Критъ.

Вскорѣ послѣ этого арабы повторили нападеніе на Аѳонъ и взяли въ плѣнъ нѣсколько монаховъ; остальные жители Аѳона, изъ за страха передъ арабскими нашествіями, покинули его. Такимъ образомъ Аѳонъ еще разъ опустѣлъ.

Въ 866 году арабы напали на небольшой островокъ Неонъ, лежащій невдалекѣ отъ Аѳона, гдѣ укрылся со своими сподвижниками извѣстный аѳонскій отшельникъ Евѳимій, „дабы тамъ, какъ въ тихой пристани, жить для одного Бога". Арабы захватили ихъ въ плѣнъ, но вскорѣ снова высадили на этотъ островъ. Послѣ этого подвижники, не желая оставаться на островѣ, возвратились на Аѳонъ [1]).

Это побудило византійское правительство начать противъ нихъ военныя дѣйствія.

Весною 866 года былъ предпринятъ походъ противъ критскихъ арабовъ, не приведшій впрочемъ ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ онъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ насильственною смертью Варды.

Послѣдній, стремясь къ власти, какъ извѣстно, убилъ правителя государства Ѳеоктиста и послѣ этого, дѣйствительно, сталъ всемогущимъ и, надо сознаться, дѣятельнымъ правителемъ Византіи. Михаилъ возвелъ его въ санъ кесаря.

Но товарищи императора по пирамъ и увеселеніямъ мало-по-малу вселили въ душу Михаила нѣкоторое недовѣріе къ Вардѣ. Помимо этого, самая дѣятельность Варды, направленная на усовершенствованіе судопроизводства, на искорененіе злоупотребленій въ арміи, на урегулированіе церковныхъ дѣлъ, на покровительство образованію, слишкомъ шла въ разрѣзъ съ разгульной, унижающей императорское достоинство жизнью Михаила, который долженъ былъ понимать это. Особеннымъ расположеніемъ послѣдняго сталъ пользоваться съ нѣко-

---

[1]) Σ. Καλλίγας. Ἀθωνιάς. 1863, p. 24 (изд. на Аѳонѣ). *Порфирій Успенскій*. Востокъ Христіанскій. Ч. III. Аѳонъ монашескій. Кіевъ, 1877, с. 28, 31, 34; главнымъ источникомъ ему здѣсь служило *житіе св. Евфимія*, отрывками изданное въ только что названной работѣ Каллигаса, p. 22 — 25. См. *Ив. Соколовъ*. Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка. Казань, 1894, с. 220. *Emm. Miller*. Le mont Athos; Vatopédi. L'île de Thasos. Paris. 1889, p. 64.

тораго времени будущій императоръ Василій, употреблявшій всѣ усилія, чтобы погубить Варду.

Всѣ понимали, что его дни сочтены. Императоръ разрѣшилъ, наконецъ, Василію и армянину Симбатію, патрицію и начальнику почты, убить своего дядю [1]).

Въ это время снаряжалась экспедиція для обратнаго завоеванія Крита [2]).

Варда чувствовалъ надвигавшуюся на него грозу. Передъ выступленіемъ въ походъ императоръ и Василій, въ присутствіи патріарха Фотія, державшаго Святые Дары, клятвенно подтвердили Вардѣ, что онъ можетъ безъ боязни отправиться съ ними въ походъ [3]). Варда самъ въ молитвѣ просилъ заступничества у высокочтимой въ то время иконы Одигитріи (Богородицы τῶν ὁδηγῶν) [4]).

Императоръ, выступивъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 866 года съ большимъ войскомъ, остановился у береговъ Малой Азіи въ мѣстности Κῆποι— сады на сѣверъ отъ устья рѣки Меандра, гдѣ было рѣшено покончить съ Вардой [5]).

21-го апрѣля 866 года Варда явился къ императору съ просьбой не медлить, а поскорѣе переправить войска на Критъ. Въ этотъ мо-

[1]) *Finlay*. A History of Greece, ed. by *Tozer* vol. II p. 191—193.

[2]) *Cont. Hamart.* p. 739—742=*Leo Gramm.* p. 243—245. *Sym. Mag.* p. 678—679. *Genes.* p. 103—107. *Cont. Theoph.* p. 204—206, c. 41. *Cedr.* II p. 179—181. *Zonar.* ed. *Dind.* vol. IV p. 20—22, XVI c. VII. *Nicet. Paphlag.* Vita S. Ignatii (*Migne.* Patr. Gr. T. 105) p. 536.

[3]) *Cont. Hamart.* p. 740.

[4]) См. *Кондаковъ*. Византійскія церкви и памятники Константинополя (*Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ* (1884), Одесса, 1887, с. 15): „самое раннее извѣстіе о знаменитой иконѣ Одигитріи (Богородицы τῶν 'Οδηγῶν) находится у Зонары по поводу похода Цезаря Варды противъ Крита“. Но вѣдь это извѣстіе есть и у болѣе раннихъ писателей; см. *Cont. Theoph.* p. 204. *Cedr.* II p, 179.

[5]) *Nicet. Paph. Migne*, 105 p. 536. *Cont. Ham* p. 740: κατέλαβεν ἐν τῷ θέματι Θρᾳκησίων· ἀπλικευσάντων δὲ αὐτῶν εἰς Κήπους. *Генесій* (p. 103) называетъ только Κῆποι *Cont. Theoph.* (p. 204): ἐν τῷ θέματι τῶν Θρᾳκησίων ἐπέβησαν κατὰ Κήπους; далѣе уже при разказѣ о времени Василія Македонянина *Продолжатель Θеофана* точнѣе опредѣляетъ положеніе Κῆποι: τόπος δὲ οὗτος κατὰ τὴν πρὸς Μαιάνδρῳ τῶν Θρᾳκησίων παράλιον (p. 236). Мы говоримъ, что Κῆποι лежали на сѣверъ отъ устья Меандра, потому что отъ его южнаго берега начиналась уже Киварріотская θема; источники же помѣщаютъ Κῆποι во Θракисійской θемѣ. См. *Ramsay*, op. c. p. 111. На итальянскихъ картахъ отмѣченъ къ югу отъ устья Меандра портъ Gipo, Chipo, Qipo или Gippo, то-есть Κῆποι. См. *Tomaschek*. Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter. (*Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften zu Wien*. Philos.-hist. Cl. B. 124, 1891, S. 36).

ментъ Василій нанесъ ему ударъ мечомъ; другіе заговорщики на глазахъ императора изрубили въ куски его дядю-кесаря [1]).

Было рѣшено походъ отложить. Михаилъ вернулся въ столицу; ея населеніе было очень возбуждено противъ императора и недовольно происшедшимъ убійствомъ, приписывая неудачу похода этой смерти.

b) Сицилія.

Въ Сициліи въ послѣдніе годы правленія Михаила, не смотря на мелкіе успѣхи византійцевъ, арабы все болѣе и болѣе завладѣвали островомъ и стремились къ завоеванію послѣдняго крупнаго пункта, остававшагося въ рукахъ Византіи, именно Сиракузъ, что имъ удалось уже во время Василія Македонянина.

Послѣ смерти Аббаса въ 861 году сицилійскіе арабы избрали правителемъ его дядю Ахмед-ибн-Якуба. Это избраніе было одобрено въ Африкѣ [2]).

Но уже около февраля мѣсяца 862 года Ахмедъ-ибн-Якубъ былъ низложенъ, и правителемъ былъ провозглашенъ сынъ покойнаго Аббаса Абдаллахъ, на что не согласился однако кайруванскій дворъ въ Африкѣ [3]).

Не смотря на это, Абдаллахъ въ 862 году (248 г. хиджры = 7-го марта 862—28-го февраля 863 г.) отправилъ противъ грековъ Раббаха, который, потерпѣвъ сначала пораженіе, собрался съ силами и завоевалъ нѣсколько крѣпостей — Джебель-Аби-Меликъ, Калат-ал-Арманинъ (крѣпость армянъ) и Калат-ал-Мусаріахъ [4]).

Но этотъ новый сицилійскій правитель черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего неодобреннаго аглабитами избранія долженъ былъ усту-

---

[1]) Точную дату даютъ *Генесій* (p. 106) и *Продолжатель Θеофана* (p. 206): μηνὶ Ἀπριλλίῳ εἰκάδι πρώτῃ ἰνδικτιῶνος τεσσαρεσκαιδεκάτης. 14 индиктіонъ=866 году. Выступленіе въ походъ было послѣ праздника Пасхи; см. *Cont. Ham.* p. 740: ἀπὸ δὲ τῆς ἑορτῆς τοῦ ἁγίου Πάσχα ἀπάρας ὁ βασιλεύς. Въ источникахъ исторія убійства Варды разсказывается подробно съ различными легендарными частностями о его предчувствіяхъ и предсказаніяхъ смерти. Пасха въ 866 году начиналась 7-го апрѣля.

[2]) *Al-Bayan. Dozy*, p. 106; *Amari*, vers. II p. 12—13. *Nowairi. Amari*, testo, p. 433; vers. II p. 122. *Ибн-ал-Асиръ* объ этомъ правителѣ не упоминаетъ.

[3]) *Ibn-al-Athir*, VII p. 68; *Amari*, vers I p. 382. *Nowairi. Amari*, testo, p. 433; vers. II p. 122.

[4]) Положеніе этихъ трехъ крѣпостей неизвѣстно. См. *Amari*, Storia, p. 343, *Biblioteca*, vers. I p. 382. *Ibn-al-Athir*, *Tornberg*, VII p. 68; *Amari*, vers. I p. 382. *Al-Bayan*, *Dozy*, p. 106; *Amari*, vers. II p. 13.

пить свое мѣсто вновь назначенному изъ Африки Хафаджѣ-ибн-Суфіану, аглабиту, который прибылъ въ Палермо въ іюлѣ мѣсяцѣ 862 года (Джумада I 248 г. = 3-го іюля — 1-го августа 862 г.) [1]).

Самъ оставаясь въ Палермо, новый правитель отправилъ для нападенія своего сына Мухаммеда [2]) въ окрестности Сиракузъ; но послѣдній былъ разбитъ византійцами и принужденъ возвратиться въ Палермо [3]).

Въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 864 года (мѣс. Мухарремъ 250 г. = 13-го февраля — 15-го марта 864 г.) благодаря одному византійскому измѣннику, который указалъ арабамъ дорогу, мусульмане овладѣли важнымъ, богатымъ городомъ Ното, а затѣмъ также Шикли (Scicli) [4]), расположеннымъ въ юго-восточномъ углу острова [5]).

Въ 865 году Хафаджа опустошалъ окрестности Кастроджованни [6]) и доходилъ до Сиракузъ. Но сынъ его Мухаммедъ, попавъ въ засаду, потерялъ тысячу всадниковъ [7]).

Можетъ быть, въ связи съ походомъ Хафаджи подъ Сиракузы находятся дѣйствія мусульманскаго флота, который въ этомъ же году въ сиракузской бухтѣ захватилъ четыре греческихъ хеландіи [8]).

Въ 866 году (252 г. хидржы = 22-го января 866 — 10-го января 867) Хафаджа двинулся подъ Сиракузы, откуда повернулъ къ сѣверу. У Этны къ нему явились послы города Таормина (Тавроменія) [9]) съ

---

[1]) *Ibn-al-Athir*, VII p. 68—69; *Amari*, vers. I p. 383. *Nowairi*. *Amari*, testo, p. 433; vers. II p. 122. *Ibn-Haldun*. *Amari*, II, p. 183.

[2]) *Ибн-ал-Асиръ* даетъ, повидимому, имя Махмудъ (VII p. 69).

[3]) *Ibn-al-Athir*, *Tornberg*, VII, p. 69; *Amari*, vers. I p. 383. См. *Ibn-Haldun* (*Amari*, vers. II p. 183), который ошибочно говоритъ о побѣдѣ Мухаммеда. См. *Amari*, Storia, I p. 344, n. 2.

[4]) *Ibn-al-Athir*, VII p. 69; *Amari*, vers. I p. 383. *Cronaca di Cambridje*, ed. *Cozza-Luzi*, p. 30: παρεδόθη τὸ Νέτος (Νότος) τὸ α'... ΙΝΔ... ΙΒ; *Amari*, vers. I p. 278. *Ibn-Haldun*. *Amari*, II p. 183.

[5]) *Moltedo*. Il libro de'comuni, p. 579. *Giordani*. Indice generale, p. 422—423. *Vito Amico*. Dizion. topogr. II p. 470—476.

[6]) Трудно предположить, чтобы мусульмане оставили завоеванную въ 859 году съ такимъ трудомъ крѣпость Кастроджованни; поэтому или въ текстѣ *Al-Bayan* нужно читать это имя иначе, или нужно видѣть здѣсь какіе-нибудь окрестные пункты, занятые христіанами. См. *Al-Bayan*, ed. *Dozy*, p. 107—108; *Amari*, vers. II p. 13. *Амари* считаетъ возможнымъ, что мусульмане покинули Кастроджованни (Storia I p. 345).

[7]) *Al-Bayan*, *Dozy*, p. 108.

[8]) *Cronaca di Cambridje*, ed. *Cozza-Luzi*, p. 30: ἐπιάσθησαν τὰ τέσσαρα χελάνδια ἐν Συρακούσῃ ΙΝΔ...ΙΓ; *Amari*, vers., I p. 278.

[9]) *Амари* считаетъ возможнымъ въ этомъ имени видѣть городъ Troina, на

предложеніемъ вступить въ переговоры. Хафаджа отправилъ для этого въ городъ свою жену и сына Мухаммеда, съ которыми населеніе Таормины и заключило договоръ. Послѣдній былъ вскорѣ нарушенъ таорминцами. Отправленный противъ нихъ Мухаммедъ, взявъ городъ, быстро подавилъ возмущеніе.

Въ этомъ же году отложившійся городъ Ното былъ снова взятъ [1]); тоже случилось и съ Рагузой, часть населенія которой на основаніи новаго соглашенія получила позволеніе выйдти изъ города съ имуществомъ; все же остальное перешло въ руки мусульманъ какъ военная добыча [2]).

Въ тоже время Хафаджа заключилъ договоръ съ какимъ то городомъ ал-Джиранъ [3]) и нѣкоторыми другими, многія крѣпости взялъ силой, но заболѣвъ вернулся въ Палермо.

Лѣтомъ 867 года онъ, вѣроятно, оправившись отъ болѣзни, двинулся противъ Сиракузъ и Катаніи, опустошалъ ихъ области, уничтожалъ посѣвы; его отряды распространили свои набѣги по всей Сициліи [4]).

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 867 года былъ, какъ извѣстно, убитъ императоръ Михаилъ III, и на престолъ вступилъ Василій, основатель знаменитой Македонской династіи.

е) Южная Италія.

Грустную картину представляла изъ себя Италія въ шестидесятыхъ годахъ IX столѣтія. Раздираемая внутренними распрями Беневента съ Салерно, Неаполя съ Капуей, Капуи съ Салерно, капуанцевъ между собою и главнаго епископа Капуи противъ сыновей своего родного брата, Италія признала себя безсильной собственными

западъ отъ Этны, извѣстный въ XI вѣкѣ уже во время норманнскаго завоеванія (*Storia*, I p. 347). См. *Hare*. Cities of Southern Italy, p. 403—404. *Vito Amico*, op. cit. II p. 631—635.

[1]) *Cronaca di Cambridje*, ed. *Cozza-Luzi*, p. 30: παρεδότη τὸ Νέτος τὸ β'... ΙΝΔ... ΙΔ; *Amari*, vers. I p. 278.

[2]) *Ibn-al-Athir*, *Tornberg*, VII, p. 69; *Amari*, vers. I p. 384. *Cronaca di Cambridje*, ed. *Cozza-Luzi*, p. 30: παρεδόθησαν οἱ Ρογοὶ τὸ β'. ΙΝΔ.. Ε; *Amari*, vers. I p. 279.

[3]) *Амари* считаетъ это имя за „la terra di Grotte" около Джирдженти. *Storia*, I p. 348.

[4]) *Ibn-al-Athir*, *Tornberg*, VII p. 69; *Amari*, vers. I p. 384. *Ibn-Haldun*. *Amari*, II p. 184.

силами заставить удалиться изъ итальянскихъ предѣловъ султана города Бари.

Снова былъ призванъ императоръ Людовикъ, который, потребовавъ къ оружію всѣхъ итальянскихъ вассаловъ, явился въ Монтекассино самъ въ 867 году, но былъ разбитъ султаномъ Бари.

Видя свою неудачу, Людовикъ рѣшилъ вступить въ соглашеніе съ византійскимъ императоромъ, которымъ уже въ то время былъ Василій Македонянинъ [1]).

А. Васильевъ.

---

[1]) *Amari*, Storia, I p. 375—378.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ ПОСЛѢДНЮЮ ПОРУ СТАРАГО ПОРЯДКА [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Территоріальныя дѣленія.

I.

Не думая придавать вопросу о территоріальныхъ дѣленіяхъ, въ административной исторіи, первостепеннаго значенія, на которое онъ не можетъ претендовать, мы сочли, тѣмъ не менѣе, нужнымъ остановиться на немъ съ большею обстоятельностью, чѣмъ бы заслуживалъ предметъ самъ по себѣ,—въ виду неразработанности этого вопроса и въ виду господствующихъ на этотъ счетъ въ исторической и юридической литературѣ неясностей, разногласій и противорѣчій. Мы считали себя тѣмъ менѣе въ правѣ уклониться отъ детальнаго изслѣдованія этого, самаго по себѣ мало занимательнаго, вопроса, что, какъ выяснится изъ дальнѣйшаго, безъ его предварительнаго выясненія, многое должно остаться неяснымъ въ административномъ механизмѣ стараго порядка, въ которомъ различныя территоріальныя дѣленія стояли въ гораздо болѣе тѣсной, органической связи, чѣмъ въ наше время, не только съ административными учрежденіями, но до извѣстной степени и съ политическимъ строемъ.

Изъ тѣхъ многочисленныхъ дѣленій, которыми была изборождена территорія до-революціонной Франціи, одно лишь, дѣленіе на *интендантства*, представляетъ *административное* дѣленіе par excellence.

---

[1]) *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за текущій годъ.

Интендантство, съ стоящимъ во главѣ его непосредственнымъ представителемъ центральной власти, *интендантомъ*, представляетъ собою въ до-революціонной Франціи приблизительно такую же административную единицу, какую современная Франція имѣетъ въ своемъ *департаментѣ*, съ стоящимъ во главѣ его такимъ же непосредственнымъ представителемъ центральной власти, *префектомъ*. Современный департаментъ имѣетъ свой историческій прототипъ въ интендантствѣ—точно такъ же, какъ въ до-революціонномъ интендантѣ современный префектъ имѣетъ своего историческаго предка.

Говоря объ административномъ дѣленіи до-революціонной Франціи на интендантства, мы сознательно отступаемъ отъ принятой въ литературѣ терминологіи, и это по той причинѣ, что. какъ сейчасъ увидимъ, именно въ господствующей въ литературѣ терминологіи, то-есть точнѣе — въ отсутствіи точной, критически выработанной терминологіи, кроется одинъ изъ источниковъ той путаницы и противорѣчій, съ которыми приходится встрѣчаться на каждомъ шагу въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда на вопросъ объ административномъ дѣленіи предъ-революціонной Франціи намъ говорятъ то о стольких-то *генеральствахъ* [1]), то о стольких-то *интендантствахъ* [2]), то о стольких-то генеральствахъ *и* интендантствахъ [3]), то о стольких-то генеральствахъ *или* интендантствахъ [4]), то о стольких-то *провинціяхъ* [5]),

[1]) Напримѣръ: *Batbie*. „Traité de droit public et administratif", t. III (Paris, 1885), p. 195: „*35 généralités*".—Ibidem, p. 354: „en tout *32 généralités*". — *Laferrière*. „Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la Révolution", p. 33: „*29 généralités*". — Boiteau, Krug-Basse и Tholin говорятъ о 35 *генеральствахъ*. Chéruel о *33*, Bonnefoy и Loriquet о *32*, Bladé о *27*, Serres о *24*, и т. д. См. примѣч. въ началѣ введенія.

[2]) Напримѣръ: *Boyer de Sainte-Suzanne*. „Les intendants de la généralité d'Amiens", p. 33: „A la Révolution il y avait *33 intendances*".

[3]) Напримѣръ: *Chéruel*. „Dictionnaire des Institutions" etc., verbo „généralité": *26 généralites* et *7 intendances*.—*Larrieu*. „Les cahiers du pays de Soule". 1896, p. 282, 272 et 275: *20 généralites* et *30 intendances*.

[4]) Напримѣръ: *Laboulay*. „De l'Administration française sous Louis XVI". „Revue des Cours littéraires", t. II, p. 251: „32 généralités *ou* intendances".—*Batbie*. „Traité de droit public", t. III, p. 195: „Le partage du pays en généralités *ou* intendances date du règne de Henri III". Кромѣ ошибочнаго отождествленія интендантствъ съ генеральствами, здѣсь еще хронологическая неточность.—*Boiteau*. „Etat de la France", p. 66: „En 1789 on comptait... 34 intendants pour 35 généralités *ou* intendances". Замѣтимъ, кромѣ того, что обѣ цифры ошибочны.

[5]) Напримѣръ: *Laboulay*, loc. cit.: „La France était (avant 1789) composée de 58 provinces".

то о столькихъ-то провинціяхъ *и департаментахъ* [1]), то о провинціяхъ *и* генеральствахъ [2]), — при чемъ тождество терминологіи не всегда сопровождается тождествомъ цифръ у различныхъ авторовъ [3]),— то мы въ правѣ заключить, что, оставляя пока въ сторонѣ разногласіе цифръ, мы имѣемъ здѣсь, очевидно, дѣло съ какою-то путаницей понятій, или по крайней мѣрѣ съ путаницей въ терминологіи. На повѣрку оказывается здѣсь и первое и послѣднее, которое, въ концѣ концовъ, сводится къ первому же.

Обращаясь къ первоисточникамъ, мы найдемъ, прежде всего, что термины „департаментъ" и „провинція представляютъ собою въ данномъ случаѣ чистое недоразумѣніе. Слово *департаментъ* (*département*) безъ эпитета никогда не имѣло, въ занимающую насъ эпоху, значенія какой-бы то ни было территоріальной единицы вообще [4]).

---

[1]) Напримѣръ: *Bladé*. „Les anciennes subdélégations", etc.: „En 1787, la France se divisait en 27 généralités et *33 départements*".

[2]) Напримѣръ: *Laferrière*. „Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la Révolution", p. 83: „33 provinces *et* 29 généralités".

[3]) Разногласія въ цифрахъ объясняются, во-первыхъ, смѣшеніемъ между генеральствами и интендантствами, во-вторыхъ—недостаточнымъ вниманіемъ къ хронологіи различныхъ историческихъ свидѣтельствъ (такъ какъ число генеральствъ и интендантствъ не было неизмѣннымъ даже въ теченіе одного восемнадцатаго столѣтія), наконецъ—неточностью самихъ историческихъ свидѣтельствъ (например „Etat de la magistrature", 1789 (*Bibliothèque nat.*, Lc 25/127) помѣщаетъ въ спискѣ „генеральствъ" въ 1789 г., *généralité de Pau et Bayonne*, не существующую съ 1787 года). О смѣшеніи между интендантствами и генеральствами, а также о колебаніи въ числѣ интендантствъ—ниже.

[4]) Въ XVIII вѣкѣ терминъ *département* не успѣлъ еще утратить своего первоначальнаго этимологическаго значенія („отдѣлъ") и пріобрѣсти значеніе территоріальной единицы. Въ офиціальномъ языкѣ этой эпохи „департаментъ" употребляется въ слѣдующихъ различныхъ значеніяхъ: 1) *вѣдомство*, отсюда: „département de M. le comte de Saint-Priest", „département de M. Necker"—*вѣдомство* г. *Сенъ-При*, *вѣдомство* г. *Неккера* („Almanach royal". *Archives nationales*, série O 587 B, p. 243), „département de la finance" *финансовое вѣдомство*, иначе генеральный контроль (*Archives nationales*, série H 1484: lettre du cotrôleur général au garde des sceaux, juillet 1788), „département de la guerre"—*военное министерство* (Ibidem, série O 587 B, p. 243); 2) *подвѣдомственный округъ*, отсюда: „Lettre de M. de la Coré rélativement à l'impôt etabli dans son département", 1775 (*Archives nationales*, sèrie H 1482): здѣсь дѣло идетъ о налогѣ, установленномъ въ *подвѣдомственномъ г-ну де-ла-Коре округѣ*", другими словами — въ интендантствѣ, во главѣ котораго стоялъ де-ла-Коре; 3) въ аналогичномъ значеніи встрѣчаемъ выраженія „département de Rethel", означающій, по контексту рѣчи, *ретельское субделегатство* (*Archives nationales*, serie H 1602), „départment de Metz" въ значеніи *мецское интендантство*

Что касается термина *провинція* (*province*), то онъ употреблялся, какъ въ официальномъ, такъ и въ неофиціальномъ языкѣ эпохи, приблизительно въ томъ же широкомъ и не совсѣмъ опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ онъ употребляется, напримѣръ, у насъ въ настоящую пору. Ниже намъ еще придется возвратиться къ одному недоразумѣнію, связанному съ этимъ терминомъ.

Что касается „генеральствъ" и „интендантствъ", то разногласія здѣсь сводятся къ тому, что, тогда какъ одни считають генеральство и интендантство двумя различными вещами, другіе принимаютъ эти два термина за два различныя названія для одной и той же вещи [1]).

Если мы обратимся къ первоисточникамъ, то окажется, что правы и тѣ и другіе, такъ какъ словоупотребленіе—даже официальное—эпохи допускаетъ подобное двусмысленное толкованіе термина „генеральство": съ одной стороны, въ точномъ—и исторически и юридически—смыслѣ, то есть въ смыслѣ округа, подвѣдомственнаго одному изъ финансовыхъ присутствій [2]), и въ другомъ—и юридически и исто-

(*Brette*. „Recueil de documents", etc., t. I, p. 468). Особнякомъ отъ указанныхъ значеній, но въ близкой связи съ этимологіей слова, стоитъ еще одно значеніе, нынѣ забытое, въ которомъ часто встрѣчается это слово въ до-революціонную эпоху, это въ выраженіи „département de la taille"—*раскладка подати*, носившей названіе taille; слѣдовательно въ данномъ случаѣ *département* является равносильнымъ нынѣшнему *répartition*. Департаментъ, какъ особая территоріальная единица былъ введенъ, кажется, впервые административною реформою 1787 года. Эти *департаменты* были подраздѣленіемъ интендантствъ, по отношенію къ которымъ они играли, стало быть, ту роль, которую нынѣ играютъ *arrondisements* по отношенію къ *департаментамъ*, по размѣрами они были меньше послѣднихъ и больше первыхъ; парижское интендантство, территорія котораго почти покрывается нынѣ четырьмя департаментами, дѣлилось въ 1787 году на 12 департаментовъ. До той же поры департаменты, какъ особыя территоріальныя дѣленія, встрѣчаемъ лишь въ дижонскомъ генеральствѣ, именно въ той части его, которая находилась подъ управленіемъ бургонскихъ штатовъ; въ отношеніи дорожнаго управленія, а также и нѣкоторыхъ другихъ спеціальныхъ отдѣловъ администраціи, послѣдняя дѣлилась на два *департамента*, носившіе названія *département du Nord* и *département du Sud*, изъ которыхъ каждый дѣлился, въ свою очередь, на два „подъ-департамента": *sous-départements du Nord-Ouest*,—*du Nord-Est*,—*du Sud-Ouest* и *Sud-Est*. *Archives départementales de la Côte-d'Or*, serie C 3238 (1784).

[1]) См. примѣч. выше.

[2]) „Répertoire universel de jurisprudence". Paris, 1784—1785, t. VIII. p. 143: (Une généralité)—„c'est l'*étendue de la juridiction d'un bureau des trésoriers de France*"—генеральство, это—округъ, подвѣдомственный одному изъ финансовыхъ присутствій", таково опредѣленіе одного изъ авторитетнѣйшихъ юристовъ-парла-

рически неточномъ—смыслѣ, именно, въ смыслѣ округа, подвѣдомственнаго одному изъ интендантовъ [1]).

Происхожденіе послѣдняго, неточнаго и чреватаго различнаго рода недоразумѣніями и противорѣчіями словоупотребленія объясняется

ментаріевъ изучаемой нами эпохи.—*Hesseln*. „Dictionnaire universel de la France". Paris, 1771, t. III, p. 192: „Une généralité est l'*étendue du pays qui forme le ressort de la juridiction d'un bureau des finances*".

[1]) Напримѣръ, у *Неккера* читаемъ („De l'Administration des finances", t. I, pp. 278, 291): „Cette *généralité* (de Perpignan) renferme le Roussillon et le comté de Foix", или „Cette *généralité* (de Strassbourg) comprend l'Alsace", хотя ни въ одной изъ названныхъ областей не было финансовыхъ присутствій, и слѣдовательно, по смыслу приведенныхъ выше опредѣленій, къ нимъ не приложимъ эпитетъ „генеральства". Съ подобнымъ же словоупотребленіемъ встрѣчаемся въ различныхъ „Ежегодникахъ" эпохи, съ „Королевскимъ альманахомъ" во главѣ, равно какъ и въ различныхъ современныхъ сочиненіяхъ (напримѣръ, *Lecomte*. „Nouveau Tableau historique et géographique de la France, divisée par généralités *ou* intendances". Paris, 1789. *Bib. nat.*, L 15—25. То же самое: (*Dumoulin*. „La géographie descriptive générale du Royaume de France". Amsterdam, 1862—1767. *Bib. n.*, L 8/7. — „Tableau de la France". Paris, 1767. *Bib. n.*, L 15/10). Любопытную иллюстрацію этого двойственнаго и противорѣчиваго словоупотребленія представляетъ цитированный въ предыдущемъ примѣчаніи юристъ Гюйо, который давши опредѣленіе генеральства, какъ „округа, подвѣдомственнаго одному изъ финансовыхъ присутствій", нѣсколькими строками ниже продолжаетъ: „La division du Royaume en généralités comprend tout ce qui est soumis à la puissance du Roi"—утвержденіе, безусловно несогласимое съ только что даннымъ опредѣленіемъ генеральства, такъ какъ многія изъ областей, „подчиненныхъ владычеству короля", не составляли „округовъ подвѣдомственныхъ финансовымъ присутствіямъ", и слѣдовательно, по данному выше опредѣленію, не представляли собою генеральствъ. Объяснить подобное противорѣчіе можно лишь тѣмъ, что, тогда какъ въ первомъ случаѣ авторъ имѣлъ въ виду *генеральство* въ точномъ смыслѣ слова, въ послѣднемъ онъ уже разумѣетъ подъ генеральствомъ всякій округъ, подвѣдомственный интенданту, другими словами—*интендантство*.—Отмѣтимъ еще одно употребительное при старомъ порядкѣ значеніе слова *généralité*: выраженіе *généralité d'habitants*, означавшее „совокупность обывателей", имѣвшихъ право голоса на общественныхъ сходахъ, употреблялось нерѣдко и для обозначенія самаго схода, *assemblée générale des habitants*. Подобные сходы были въ ходу въ революціонной Франціи не только въ сельскихъ общинахъ, но также и во многихъ небольшихъ городахъ. По аналогіи съ этимъ выраженіемъ употреблялись иногда и такія: „la généralité du pays de Labourd" (*Archives départementales des Basses-Pyrénées* (Pau): Régistres du Bilçar), или: „la généralité des Quatre-Vallées" (*Archives départementales des Hautes-Pyrénees* (Tarbes), série C. 313),—выраженія, которыя можно передать приблизительно такъ: „совокупность обывателей Лябура (или Четырехъ-Долинъ), имѣющихъ право участія въ мѣстномъ самоуправленіи".

исторически тѣмъ обстоятельствомъ, что, съ развитіемъ учрежденія интендантовъ, резиденціи послѣднихъ стали мало-по-малу пріурочиваться къ резиденціямъ финансовыхъ присутствій, а съ тѣмъ вмѣстѣ территоріальные предѣлы вѣдомства каждаго изъ интендантовъ стали обыкновенно опредѣляться границами соотвѣтствующаго генеральства то-есть, округа, подвѣдомственнаго мѣстному финансовому присутствію. Тѣмъ не менѣе, и впослѣдствіи, когда главная роль въ генеральствѣ перешла отъ „финансовыхъ генераловъ" (финансовыхъ присутствій) къ интендантамъ, эти округа продолжали называться—и въ офиціальномъ языкѣ—*генеральствами*, а не *интендантствами*. Между тѣмъ, со временемъ, какъ выше было замѣчено, явились области *съ интендантскимъ управленіемъ, но безъ финансовыхъ присутствій*. Области эти не были, слѣдовательно, *генеральствами*: онѣ были лишь *интендантствами*. Это послѣднее наименованіе было имъ усвоено и въ офиціальномъ языкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу аналогіи — съ одной стороны, съ другой—въ силу присущей языку, въ особенности офиціальному, косности, терминъ *генеральство*, вѣрный только относительно тѣхъ изъ интендантскихъ округовъ, которые совпадали съ округами финансовыхъ присутствій, сталъ прилагаться также и къ этимъ новымъ *интендантствамъ*, стоявшимъ внѣ дѣленія на *генеральства* [1]). Съ характеризующею старый порядокъ неспособностью

---

[1]) Вопреки утвержденію Бабо, будто „cinq intendances formées de régions conquises depuis la minorité de Louis XIV... ne portaient pas le nom de généralités" (*Babeau*, „La Province sous l'ancien régime", t. 1, p. 7). Достаточно указать на Неккера, который говоритъ о „*généralité* de Perpignan", „*généralité* de Strassbourg", и т д. („De l'Administration des finances", t. I, pp. 278, 291). Подъ конецъ стараго порядка начинаетъ, впрочемъ, входить въ употребленіе терминъ *intendance* для обозначенія тѣхъ изъ интендантскихъ округовъ, въ которыхъ не было финансовыхъ присутствій (напримѣръ, „intendance de Roussillon", „intendance d'Alsace"), или которые не совпадали съ генеральствами въ собственномъ смыслѣ (напримѣръ, „intendance de Languedoc", такъ какъ это интендантство состояло изъ двухъ генеральствъ) (*Archives nationales*, série H 1429). На ряду съ обычнымъ въ офиціальномъ и литературномъ языкѣ выраженіемъ *toutes les généralités du Royaume*, для обозначенія всей территоріи Франціи (въ административной перепискѣ, въ сочиненіи Неккера о финансахъ, въ различныхъ сочиненіяхъ эпохи, въ ежегодникахъ), случается встрѣчаться и съ болѣе точнымъ разграниченіемъ между „генеральствами" и „интендантствами", при чемъ послѣдній терминъ относится обыкновенно къ тѣмъ изъ интендантскихъ округовъ, которые не были въ то же время и генеральствами (подобное различеніе встрѣчаемъ, напримѣръ, въ „Encyclopédie méthodique, Jurisprudence", t IV, p. 760); *Hesseln* („Dictionnaire universel de la France", t. III, pp. 191—200) различаетъ

къ точности и отчетливости, въ данномъ случаѣ онъ къ запутанности *вещей* прибавилъ еще путаницу *терминовъ* [1]). И вотъ, прежде чѣмъ

---

26 генеральствъ и *7 интендантствъ*: „en tout *33 départements de finance*". Вѣроятно, въ этомъ послѣднемъ выраженіи, неправильно понятомъ, слѣдуетъ искать объясненія ошибочному утвержденію, будто Франція дѣлилась до 1789 года „на 33 департамента", какъ у *Bladé* въ приведенной выше цитатѣ. Объясненіе, почему терминъ *intendance* такъ туго прививался въ качествѣ обозначенія интендантскаго округа вообще, лежитъ въ томъ, что онъ не успѣлъ, на ряду съ своимъ основнымъ, отглагольнымъ значеніемъ, выработать значенія территоріальнаго. Основное значеніе слова intendance можно передать по-русски „завѣдываніе" (или „управленіе"), затѣмъ, въ болѣе спеціальномъ смыслѣ—*intendance* могло означать *должность интенданта* или далѣе—*интендантское управленіе*—въ двухъ различныхъ смыслахъ: въ *отвлеченномъ* (какъ, напримѣръ, въ этомъ выраженіи: „intendance de la généralité de Bayonne", въ „порученіи", данномъ интенданту *Фуллону* въ 1788 году: выраженіе, которое можно передать: „управленіе, въ качествѣ интенданта, байонскимъ генеральствомъ" (*Archives nationales*, série O 160, p. 413), и въ *конкретномъ* (напримѣръ, выраженіе „intendance de Strassbourg" обозначало „страсбургское интендантство" въ смыслѣ аналогичномъ съ нашимъ выраженіемъ „казанское губернское присутствіе", или съ современнымъ французскимъ выраженіемъ „préfecture de Dijon"). Нелишне будетъ замѣтить, что для обозначенія *интендантскаго округа*, „intendance" употреблялось обыкновенно съ прибавленіемъ имени области, а не имени ея главнаго города, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ выраженіе получало иной смыслъ; напримѣръ, „intendance d'Alsace" означало эльзасское интендантство (округъ), „intendance de Strassbourg"—страсбургское интендантство, въ смыслѣ „присутствія" съ его персоналомъ, канцеляріями и т. д.

[1]) Не трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ ту безысходную путаницу и тѣ вопіющія противорѣчія, которыя должны неизбѣжно получиться въ результатѣ словоупотребленія, соединяющаго въ одномъ терминѣ родовое понятіе съ видовымъ и понятіе части съ понятіемъ цѣлаго. Интендантство Ошъ и По заключало, напримѣръ, въ себѣ, кромѣ генеральства ошскаго, еще цѣлый рядъ территорій, не имѣвшихъ никакого отношенія къ дѣленіямъ на генеральства; если мы это интендантство будемъ называть *генеральствомъ* (слѣдуя обычному словоупотребленію), то, значитъ, мы допускаемъ, что одно генеральство можетъ быть *частью* другаго, что совершенно нелѣпо. Не меньшая нелѣпость получается отъ примѣненія термина генеральства въ смыслѣ интендантскаго округа къ Лангдоку, который составлялъ *два генеральства* въ точномъ смыслѣ, но имѣлъ одно интендантское управленіе, то-есть, представлялъ собою *одно интендантство*; въ данномъ случаѣ неточное употребленіе слова *генеральство* приводитъ къ допущенію, что *два* отдѣльныхъ генеральства составляютъ въ то же время какое-то другое, *одно* генеральство. Другаго рода иллюстрацію происходящей отсюда путаницы представляетъ тотъ, едва вѣроятный, и однако же вполнѣ исторически достовѣрный фактъ, указанный впервые *А. Бреттомъ* („Recueil de documents", etc., t. I, p. 445), что національное собраніе, въ 1789 году, оказалось въ затрудненіи, когда потребовалось составить точный списокъ генеральствъ, и въ теченіе

приступить къ распутыванію первой, изслѣдователю приходится предварительно разобраться въ послѣдней.

Единственнымъ выходомъ изъ указанной путаницы можетъ быть, по нашему мнѣнію, лишь устраненіе освященной офиціальнымъ словоупотребленіемъ двусмысленной терминологіи, возвративъ термину *генеральство* его точный — и исторически и юридически — смыслъ, а для обозначенія округа подвѣдомственнаго интенданту употребляя терминъ *интендантство*, какъ вполнѣ отвѣчающій предмету и не могущій подать повода къ какимъ-либо недоразумѣніямъ.

Только покончивъ такимъ образомъ со всякою двусмысленностью въ терминологіи, мы можемъ теперь отвѣтить болѣе точнымъ образомъ на вопросъ о взаимномъ отношеніи между *интендантствами*, то-есть округами подвѣдомственными индендантамъ, и *генеральствами*, то-есть округами, подвѣдомственными финансовымъ присутствіямъ.

Вкратцѣ можно опредѣлить взаимное территоріальное отношеніе между этими двумя категоріями дѣленій такъ: большинство *интендантствъ* совпадали съ *генеральствами*; изъ остальныхъ интендантствъ, большинство не имѣли ничего общаго съ дѣленіями на генеральства, прочія же стояли по отношенію къ послѣднимъ въ отношеніи цѣлаго къ части; примѣра обратнаго отношенія, то-есть отношенія интендантства къ генеральству, какъ части къ цѣлому, историческая дѣйствительность не представляетъ.

Число *интендантствъ* во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка колебалось между 30 и 33 [1]). Въ 1789 году ихъ было *тридцать*

почти двухъ съ половиною мѣсяцовъ, съ іюня до сентября 1789 г., *трижды* исправляло свой списокъ, доведя его послѣдовательно, съ цифры *32* до *35*, — цифры, которая не можетъ быть оправдана ни съ какой точки зрѣнія, такъ какъ въ этомъ спискѣ фигурируютъ совершенно несоизмѣримыя величины: и *генеральства*, которыя были въ то же время *интендантствами*, и *генеральства*, которыя *не* были *интендантствами*, и *интендантства*, которыя *не* были *генеральствами*.

[1]) Въ 1750 году: *30*, съ 1762 по 1766: *31*, вслѣдствіе присоединенія княжества Домбъ къ коронѣ; 1766 — 1768: *32*, вслѣдствіе присоединенія Лотарингіи; 1768 — 1781: *33*, вслѣдствіе присоединенія острова Корсики: 1781 — 1784: *32*, вслѣдствіе упраздненія домбскаго интендантства, 1784—1787: *33*, вслѣдствіе учрежденія новаго интендантства По-Байонскаго; 1787—1790: *32*, вслѣдствіе упраздненія только что названнаго интендантства. *Archives nationales*, série H 181, 1416, 1436.— *Archives du ministère des Affaires étrangères*, fonds France, № 159 et № 1488, pp. 308—309. См. также: *Brette*. „Recueil de documents“, etc., t. I, pp. 457 — 458. Этими послѣдовательными колебаніями числа интенданствъ объясняются,

два [1]). Изъ этого числа *двадцать два* совпадали территоріально съ соотвѣтствующими генеральствами [2]) *четыре* включали въ себѣ каждое по одному генеральству въ качествѣ главной или просто одной изъ своихъ составныхъ частей [3]), *одно* состояло изъ двухъ генеральствъ [4]) и наконецъ, *пять* интендантствъ стояли внѣ всякой связи съ дѣленіями на генеральства [5]).

очевидно, отчасти по крайней мѣрѣ, отмѣченныя нами выше разногласія между различными авторами въ данномъ пунктѣ.

[1]) *Aix* (*Provence*), *Alençon*, Amiens (Picardie), Auch et Pau, *Besançon* (*Franche-Comté*), Bordeaux (Guyenne), *Bourges* (*Berri*), *Caen*, *Châlons* (*Champagne*), *Dijon* (*Bourgogne*), *Grenoble* (*Dauphiné*), *La Rochelle*, Lille (Flandre et Artois), *Limoges* (*Limousin*), *Lyon*, *Metz* (*Trois-Evêchés*), *Montauban*, Montpellier (Languedoc), *Moulins* (*Bourbonnais*). Nancy (Lorraine et Barrois, или просто Lorraine) *Orléans*, *Paris*, Perpignan (Roussillon), *Poitiers* (*Poitou*), *Rennes* (*Bretagne*), *Riom* (*Auvergne*), *Rouen*, *Soissons*, Strassbourg (Alsace), *Tours* (*Touraine*), Valenciennes (Hainault et Cambrésis), Ile de Corse.—Кромѣ болѣе обычнаго офиціальнаго обозначенія интендантства по именамъ главныхъ городовъ, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ употреблялось часто также другаго рода обозначеніе—по имени области, или областей, входившихъ въ составъ каждаго изъ интендантствъ — цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ большею своею частью.—Списокъ интендантствъ, составленный *Шерюэлемъ* („Dictionnaire des Institutions", verbo *Généralité*), устарѣлъ для 1789 г., равно какъ и списокъ Буато („Etat de la France", pp. 66—71); въ немъ, напримѣръ, фигурируетъ интендантство Trévoux, уничтоженное въ 1781 г. (*Archives nationales*, série H 181) и интендантство Pau et Bayonnne, упраздненное въ 1787 г. (*Brette*, op. cit., t. I p. 458). Первый вполнѣ точный списокъ интендантствъ, составленный по документальнымъ даннымъ, былъ опубликованъ А. Бреттомъ, въ первомъ томѣ его „Recueil de documents", etc.

[2]) Въ спискѣ интендантствъ (см. предыдущее примѣчаніе) эти 22 отмѣчены курсивомъ. Необходимо, однако, оговориться, что о безусловномъ совпаденіи здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ въ рѣдкомъ интендантствѣ не было такъ называемыхъ villes franches, paroisses franches и даже pays francs (напримѣръ, le Franc-Lyonnais въ ліонскомъ интендантствѣ), которые, будучи свободны, въ силу спеціальныхъ мѣстныхъ привилегій, отъ податей, считались какъ бы экстерриторіальными по отношенію къ генеральствамъ, которые, въ основѣ своей, были прежде всего, именно, податными округами. *Archives nationales*, série D IV bis 44.

[3]) Amiens, Auch et Pau, Bordeaux, Lille.

[4]) Montpellier (Languedoc)—состояло изъ двухъ генеральствъ: монпельескаго и тулузскаго.

[5]) Nancy (Lorraine), Perpignan (Roussillon), Strassbourg (Alsace), Valenciennes (Hainault et Cambrésis), Ile de Corse. — Шерюэль ошибочно включаетъ въ эту категорію генеральства Безансонъ и Лилль и забываетъ Корсику (*Chéruel*. „Dictionnaire des Institutions", verbo *Généralité*). — „Encyclopédie métho

Что касается *генеральствъ* (въ выше указанномъ точномъ смыслѣ), то, какъ явствуетъ изъ приведеннаго подсчета, ихъ насчитывалось въ 1789 году *двадцать восемь*. Изъ числа ихъ двадцать два, совпадавшія территоріально съ соотвѣтствующими интендантствами, могутъ быть названы, въ отличіе отъ остальныхъ, *интендантствами-генеральствами*; къ остальнымъ этотъ терминъ неприложимъ по той причинѣ, что каждое изъ нихъ составляетъ лишь часть одного изъ интендантствъ: это—просто *генеральства*, и ничего болѣе [1]).

---

dique" („Jurisprudence", t. IV, pp. 759 — 760), также ошибочно помѣщаетъ въ это число Мецъ и Лилль, — *Hesseln* („Dictionnaire universel", t. III, pp. 191 — 200) насчитываетъ семь интедантствъ занимающей насъ категоріи: цифра ошибочная—по крайней мѣрѣ для восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія.

[1]) Вотъ списокъ генеральствъ въ алфавитномъ порядкѣ ихъ столицъ, имена которыхъ служили, въ офиціальномъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и названіями для генеральствъ (курсивомъ отмѣчены генеральства, не совпадавшія съ интендантствами): Aix, Alençon, *Amiens* (составляетъ главную часть интендантства Амьенскаго, иначе Пикардійскаго), *Auch* (входитъ въ составъ интендантства Auch et Pau), Besançon, *Bordeaux* (составляетъ главную часть интендантства Бордосскаго или Гюэньскаго), Bourges, Caen, Châlons, Dijon, Grenoble, La Rochelle, *Lille* (входитъ въ составъ интендантства Лилльскаго, иначе Flandre et Artois), Limoges, Lyon, Metz, Montauban, *Montpellier* (вмѣстѣ съ тулузскимъ генеральствомъ, составляетъ интендантство Montpellier или Лангдокское), Moulins, Orléans, Paris, Poitiers, Rennes, Riom, Rouen, Soissons, *Toulouse*, Tours.— Списокъ этотъ составленъ на основаніи списка, фигурирующаго въ „Encyclopédie méthodique" („Jurisprudence", t. IV, pp. 759—760), провѣреннаго и дополненнаго на основаніи данныхъ административной переписки. Списокъ „Методической Энциклопедіи" перечисляетъ лишь двадцать пять генеральствъ, въ немъ не достаетъ генеральствъ: Lille (*Archives nationales*, série H 699: переписка восьмидесятыхъ годовъ относительно лилльскаго финансоваго присутствія), Metz (*ibidem*, série H 1484: письмо генералъ-контролера" à M. de Gironcourt, chevalier d'honneur au Bureau des finances de Metz", 17 mars 1789) и Besançon (*Dareste*. „La Justice administrative en France". Paris, 1898, p. 24). Въ главѣ о финансовыхъ присутствіяхъ Дарестъ пользовался однимъ неизданнымъ „мемуаромъ" 1777 года, который остался неизвѣстнымъ пишущему эти строки). Въ спискѣ, который даетъ *Chéruel* („Dictionnaire des Institutions", etc., verbo *Généralité*), не хватаетъ генеральствъ Безансонскаго и Лилльскаго. Ни въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій намъ не удалось найдти ни полнаго списка финансовыхъ присутствій и ихъ округовъ въ 1789 году, ни даже вѣрной цифры послѣднихъ. Цифры варьируются у различныхъ авторовъ отъ 20 (*Larrieu*. „Cahiers du pays de Soule". 1896, p. 272), и 24 (*Serres*. „Histoire de la Révolution en Auvergne", 1895, t. 2, p. 32—33) до 27 (*Luçay*. „Les Assemblées provinciales sous Louis XVI". 1871, p. 422.—*Bladé*. „Les anciennes subdélégations de la Gascogne", 1876).

II.

Дѣленіе на интендантства было послѣднимъ по времени въ до-революціонной Франціи. Тѣмъ не менѣе оно далеко не было, вопреки общепринятому мнѣнію, искусственнымъ, апріорнымъ дѣленіемъ, въ родѣ созданнаго въ 1790 году дѣленія на департаменты, существующаго, съ нѣкоторыми измѣненіями въ отдѣльныхъ деталяхъ, по сю пору. Дѣленіе на интендантства уже по тому одному не могло быть искусственнымъ, что оно не было произведено по одному общему, геометрическому плану, какъ это, напримѣръ, имѣло мѣсто съ дѣленіемъ на департаменты: оно не было результатомъ какой-либо общей законодательной мѣры, выработанной à priori. Такимъ путемъ и не могло возникнуть дѣленіе на интендантства уже по той простой причинѣ, что самъ-то институтъ интендантства образовался, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, не въ силу какого-либо общаго законодательнаго акта, а путемъ продолжительной исторической эволюціи. Говоря исторически точно, никогда территорія Франціи не была собственно *раздѣлена* на интендантства: историческій фактъ тотъ, что въ различное время возникали, одно за другимъ, отдѣльныя интендантства, которыя мало по малу покрыли собою всю территорію королевства. Говоря о *дѣленіи* до-революціонной Франціи на интендантства, мы не должны, слѣдовательно, упускать изъ вида, что выраженіе это, допустимое съ чисто топографической точки зрѣнія, совершенно невѣрно съ точки зрѣнія исторической.

Выяснить происхожденіе „дѣленія" на интендантства значитъ, слѣдовательно, изложить исторію территоріальнаго образованія каждаго изъ интендантствъ,—исторію, которая, относительно большинства интендантствъ сводится къ исторіи образованія генеральствъ. Детальная разработка этой стороны административной исторіи Франціи едва лишь намѣчена въ исторической литературѣ, и то лишь въ самое послѣднее время [1]).

---

[1]) Изслѣдованіе Леру о Лиможскомъ генеральствѣ (напечатано въ „Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne, série C". Limoges, 1891) представляетъ пока единственную попытку въ этомъ направленіи. Работа Ано́то о первыхъ интендантахъ (*Hanotaux*. „Origines de l'institution des intendants") намѣчаетъ лишь нѣкоторыя отправныя точки для подобнаго рода изслѣдованій. Что касается сочиненій Буалиля (по исторіи парижскаго интендантства), Буайе-де-Сентъ-Сюзаннъ (по исторіи амьенскаго интендантства) и Бовньфуа (по исторіи

Для насъ достаточно, впрочемъ, лишь отмѣтить—это можно считать фактомъ вполнѣ установленнымъ,—что, при введеніи интендантскаго управленія въ той или другой части страны, для новаго учрежденія не создавалось спеціальной территоріи въ качествѣ подвѣдомственнаго ему округа, а послѣдній пріурочивался такъ или иначе къ существовавшимъ уже территоріальнымъ величинамъ. Вначалѣ пріурочивались они къ генеральствамъ: таково, какъ мы видѣли выше, было происхожденіе интендантствъ-генеральствъ. Прочія интендантства образовались мало по малу, вслѣдствіе послѣдовательнаго присоединенія къ французской коронѣ различныхъ областей, въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій стараго порядка, при чемъ болѣе крупныя области образовали каждая территорію особаго интендантства [1]), а области болѣе мелкія присоединялись къ тѣмъ изъ существующихъ уже интендантствъ, съ которыми они соприкасались территоріально [2]).

Говоря о *соединеніи* различныхъ территоріальныхъ величинъ для образованія одного интендантства, или о *присоединеніи* новыхъ территоріальныхъ элементовъ къ существовавшимъ уже ранѣе интендантствамъ, отнюдь, однако, не слѣдуетъ представлять себѣ это соединеніе и присоединеніе въ видѣ *слiянiя* въ каждомъ данномъ случаѣ отдѣльныхъ территоріальныхъ составныхъ частей въ одну сплошную, безразличную въ административно-правовомъ отношеніи

ріонскаго, иначе овернскаго интендантства), то они заняты исторіей интересующихъ ихъ интендантствъ почти исключительно съ точки зрѣнія личнаго состава администраціи каждаго изъ названныхъ интендантствъ.

[1]) Таковы были области: королевство Наваррское, присоединенное къ французской коронѣ въ 1620 году, Эльзасъ (1648), Три Епископства (1648), Фландрія (1659), Франшъ-Контэ (1678), Лотарингія (1766), Корсика (1768).

[2]) Графство Артуа (присоединенное въ 1659 году) было присоединено къ амьенскому интендантству, княжество Оранжъ (1714)—къ интендантству гренобльскому, графство Дюнуа (1707)—къ орлеанскому, часть графства Суассонскаго (1734)—къ интендантству суассонскому, виконтство Тюреннское (1738)—къ лиможскому. Области Камбрезы и Эно составили, вмѣстѣ съ Фландріей, одно интендантство. Присоединенные въ концѣ семнадцатаго вѣка Страсбургъ и имперскіе города Эльзаса составили, естественнымъ образомъ, одно интендантство съ остальною частью Эльзаса, присоединенною въ 1649 году и образовавшею интендантство Кольмарское, превратившееся, съ присоединеніемъ Страсбурга, въ „страсбургское“, или эльзасское. Миньятюрное княжество Домбъ, присоединенное въ 1762 году, образовало, въ видѣ исключенія, отдѣльное интендантство, просуществовавшее, впрочемъ, всего лишь до 1775 года, когда оно было присоединено къ интендантству дижонскому или бургонскому (*Archives nationales*, série H 1436.—*Luçay*. „La Décentralisation“. Paris, 1895, pp. 97 suiv.).

территоріальную массу. Напротивъ, каждый изъ этихъ территоріальныхъ элементовъ, войдя въ рамки того или другаго интендантства, продолжалъ оставаться самъ собой, продолжалъ хранить свою территоріальную особность. Когда, напримѣръ, области Брессъ, Бюжей и Жексъ были, въ началѣ семнадцатаго вѣка [1]), присоединены одновременно къ дижонскому генеральству-интендантству, то эти области, ставши частью послѣдняго, сохранили, тѣмъ не менѣе, свою особую административную организацію, и продолжали, такимъ образомъ, сохранять свою административную особность, какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ остальной части интендантства [2]). Подобный же примѣръ представляетъ, въ болѣе позднюю эпоху, маленькое княжество Домбъ, присоединенное въ 1775 году къ тому же генеральству-интендантству [3]). Однимъ словомъ, *интендантство* въ отличіе отъ современнаго *департамента*, заключало въ себѣ сплошь да рядомъ самые разнообразные въ административно-правовомъ отношеніи элементы, изъ которыхъ каждый находился въ особомъ положеніи по отношенію къ интендантскому управленію.

Территоріальная пестрота, которою отличались нѣкоторые изъ интендантствъ—въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ частичнымъ отраженіемъ той территоріальной пестроты, которою характеризуется до-революціонная Франція—находитъ себѣ объясненіе какъ мы видѣли, въ исторіи ихъ образованія. Въ исторіи же слѣдуетъ искать объясненія и крайней *неравномѣрности* интендантствъ, какъ въ отношеніи пространства, такъ и въ отношеніи народонаселенія. Въ то время какъ самое обширное изъ интендантствъ, лангдокское, насчитывало болѣе двухъ тысячъ квадратныхъ льё (линейный льё около двухъ километровъ), самое маленькое, валансьеннское, всего около 250 кв. льё; самое населенное, бретанское, насчитывало болѣе двухъ съ половиною милліоновъ, наименѣе населенное, русильонское, не насчитывало и двухсотъ тысячъ [4]).

---

[1]) *Luçay*, op. cit., p. 99.

[2]) *Archives nationales*, série H 186.—*Archives départementales de l'Ain* (Bourg-en-Bresse), série C, passim.

[3]) *Archives nationales*, série H 1436, 1444.

[4]) *Necker*. „De l'Administration des finances", t. II, table. Болѣе точныя цифры, по Неккеру: *пространство* лангдокскаго интендантства (*maximum*) 2.140³/₄ кв. льё, валансьеннскаго (*minimum*)—257¹/₂ кв. льё; *народонаселеніе* бретанскаго интендантства (*maximum*)—2.276.000, руссильонскаго (*minimum*)—188.900. Напомнимъ, что на цифры народонаселенія слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на приблизительныя, такъ какъ онѣ получены не путемъ народной переписи а

Въ исторіи же слѣдуетъ искать объясненія и разнымъ другимъ территоріальнымъ особенностямъ интендантствъ. Въ числѣ этихъ особенностей особенно бросается въ глаза крайняя *неправильность очертаній*, доходящая часто до крайней причудливости и переходящая нерѣдко въ совершенную *черезполосность*. Наиболѣе характернымъ образцикомъ послѣдняго изъ указанныхъ явленій могутъ служить два сосѣднихъ, или вѣрнѣе — два взаимно-переплетающихся интендантствъ: нансійское, иначе—лотарингское и мецское, иначе—интендантство Трехъ-Епископствъ [1]). Территорія послѣдняго состояла изъ трехъ главныхъ и нѣсколькихъ второстепенныхъ взаимно изолированныхъ отрѣзковъ („enclaves"—терминъ, не имѣющій вполнѣ равносильнаго въ русскомъ яз.), разбросанныхъ въ видѣ островковъ и островковъ, съ болѣе или менѣе причудливыми очертаніями, по „морю" нансійскаго интендантства-генеральства, при чемъ эта послѣдняя разсѣкается группами первыхъ на три неравныя какъ бы полуострова, сообщающіеся между собой лишь узенькими „перешейками". Чтобы попасть изъ своей резиденціи, Нанси, въ городокъ Бузонвилль, находящійся въ его интендантствѣ, нансійскому интенданту нужно было проѣхать черезъ Мецъ, резиденцію интенданта Трехъ-Епископствъ. Этотъ послѣдній, съ своей стороны не могъ попасть къ себѣ въ Туль или Верденъ иначе, какъ проѣзжая черезъ „владѣнія" своего нансійскаго „собрата" („confrère", это—обычный способъ обращенія одного интенданта къ другому, въ офиціальной перепискѣ [2]).

путемъ того особаго „метода", о которомъ была рѣчь въ послѣдней главѣ введенія. Замѣтимъ, сверхъ того, что отмѣченные статистическіе контрасты не всегда находятъ себѣ оправданіе въ сравнительной плотности народонаселенія, потому что, напримѣръ, плотность народонаселенія бретанскаго интендантства, занимающаго первое мѣсто по цифрѣ народонаселенія, вдвое выше плотности руссильонскаго, занимающаго предпослѣднее мѣсто по своему пространству, такъ что бретанское интендантство превосходитъ руссильонское приблизительно впятеро пространствомъ и вдвое плотностью народонаселенія.

[1]) „Лотарингію" до-революціонной Франціи, составлявшую нансійское интенданство, не слѣдуетъ отождествлять съ территоріею, которую принято обозначать этимъ именемъ въ наше время. Нынѣшняя Лотарингія составляла въ XVIII вѣкѣ два совершенно различныя территоріальныя тѣла, а именно: „провинцію" или интендантство *Трехъ-Епископствъ* (*Trois-Evêchés*) (разумѣются епископства мецское, тульское и верденское) съ главнымъ городомъ Мецъ,—и „провинцію" *Лотарингію* (*Lorraine*), составлявшую интендантство-генеральство нансійское или лотарингское, съ главнымъ городомъ Нанси.

[2]) „La géographie ou description générale du Royaume de France". *Bib. nat.*, L[e]/7.

Съ подобными явленіями встрѣчаемся не на окраинахъ только, но также и въ центрѣ. У парижскаго интенданта, напримѣръ, были „владѣнія“ на территоріи дижонскаго генеральства-интендантства [1]), и на оборотъ, внутри территоріи парижскаго интендантства находился цѣлый „выборный округъ“, принадлежавшій къ суассонскому интендантству-генеральству [2]).

Иногда черезполосность ограничивалась предѣлами одного селенія, которое, находясь на территоріи одного интендантства, принадлежало, однако, административно къ „департаменту“ другаго интенданта [3]).

Бывало даже такъ, что не цѣлое селеніе, а только часть его принадлежала къ другому интендантству, а не къ тому, на территоріи котораго оно находилось, и къ которому принадлежала остальная часть [4]).

Иногда граница между двумя сосѣдними интендантствами проходила по серединѣ селенія, которое, такимъ образомъ, оказывалось, различными своими частями, въ двухъ интендантствахъ [5]). Въ селенія

---

[1]) *Archives nationales*, série H 190.

[2]) „Atlas de la généralité de Soissons“. Paris, 1787, p. 177 *Bib. nat.*, Lk 2/1746.

[3]) *Archives nationales*, série H 1436 (1781): въ области Артуа (интендантство лилльское) было нѣсколько селеній, принадлежавшихъ административно къ области Булонна (амьенское интендантство), и наоборотъ.—Ibidem, série D IV bis 43: селеніе Naillac, находящееся на территоріи буржскаго интендантства-генеральства, „зависитъ отъ муланскаго генеральства“, селеніе Bussy-les-Brinons, въ томъ же буржскомъ интендантствѣ, „зависитъ отъ парижскаго генеральства“.—Ibidem, série D IV bis 44: селеніе Cohan, въ Шампани, и Guyancourt въ Лотарингіи (нансійское интендантство) „зависятъ отъ суассонскаго генеральства“.—Etat par ordre alphabétique des villes, bourgs, villages et hameaux de a généralité de Flandres et d'Artois, etc., formé par les ordres de M. Esmangart, Intendant de Flandre et d'Artois“. Lille, 1787. *Bibliothèque nationale*, Lk 2/706): „Dompierre, village de la subdélegation de Hesdin (въ Артуа) est situé en Picardie (амьенское интенданство) et il est soumis à l'administration de l'Artois“.—*Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C. 2057: селеніе Mont-Heureux находится въ Лотарингіи, а административно относится къ шалонскому интендантству-генеральству.

[4]) *Archives nationales*, série D IV bis 43: селеніе Guerdemps, на территоріи буржскаго интендантства-генеральства, „зависитъ въ большей своей части отъ лиможскаго интендантства“.

[5]) Особенно много было подобныхъ „двухъ-частныхъ селеній“ (paroisses mipartie) въ интендантствахъ нансійскомъ и мецскомъ. Вотъ имена селеній, принадлежавшихъ одновременно обоимъ названнымъ интендантствамъ: Neuville-les-Badonviller, Avricourt, Xousse, Cherisy, Bermering, Burlioncourt, Dlaheim, Ham-

гу дома, находившіеся по одну сторону улицы принадлежали къ ижскому интендантству-генеральству, а по другую сторону—къ онскому: такъ какъ послѣднее, въ силу особой привилегіи, пользлось свободой отъ акциза на вино, который, наоборотъ взимался парижскомъ интендантствѣ, то жители „парижской" стороны цы держали свои погреба по другую сторону послѣдней, въ дoь дижонскаго интендантства [1]).

Не было рѣдкостью, что церковь съ домомъ священника нахоись въ одномъ интендантствѣ, тогда какъ самъ приходъ — въ гомъ [2]).

Наконецъ, встрѣчаются поразительные примѣры, что въ одномъ ѣ одна половина принадлежитъ къ одному интендантству, другая другому [3]).

, Orron, Mauvage, Maires-en-Blois; селенія, принадлежавшія одновременно интендантствамъ нансійскому и шалонскому: Brevanne, Brabant-le-Comte, :-la-Petite, Burey-en-Vaux, Grignoncourt, Vougecourt (*Archives nationales*, D IV bis 45).—Кромѣ того, мы имѣли случай констатировать наличность къ-частныхъ" селеній между ліонскимъ и дижонскимъ генеральствами-интенствами (Ibidem), между дижонскимъ и гренобльскимъ (*Archives départementale Ain* (Bourg-en-Bresse), série C 928).

[1]) *Champion*. „La France d'après les cahiers de 1789". Paris, 1897, p. 113.

[2]) *Archives nationales*, série D IV bis 45 (1783): „Comme la plus grande e de cette paroisse (Saint-Jean de V... (неразборчиво) est située dans cette ralité (de Montauban), le curé dépose ses régistres au greffe du sénéchal de auban, quoique son église soit située dans le Languedoc". Подобное же заніе относительно селенія Bellegarde. Любопытно замѣчаніе относительно нія Notre-Dame-de-Gandalou: „L'église et le présbytère de cette paroisse sont s dans le Languedoc, et le curé a toujours fourni son état à M. l'intendant Montauban et à celui de Montpellier, ce qui était un double emploi". Въ поомъ же положеніи находились нѣсколько селеній въ интендантствахъ лилль-ъ, амьенскомъ („Etat par ordre alphabétique des villes, bourgs, villages ameaux de la généralité de Flandre et d'Artois", etc., p. 137), дижонскомъ, обльскомъ, ліонскомъ, парижскомъ (*Archives nationales*, série D IV bis 43) ѣроятно, въ другихъ.

[3]) Указаніе на существованіе подобнаго явленія, незадолго до 1789 года, случилось встрѣтить въ одномъ документѣ (Lettres patentes du 13 sept. 1783, gistrées au parlement de Dijon le 17 déc. 1783), хранящемся въ дижонскомъ ртаментскомъ архивѣ, *Archives départementales de la Côte d'Or*, série 987: „...il est arrivé, par succession des temps, qu'une partie des dits bourgs es habitants d'iceux ont été depuis très longtemps compris dans les rôles des sitions de la généralité de Paris, mais comme il n'y avait pas de bornes ratives connues et déterminées entre les deux provinces, il en résultait souvent, inconvenients... Les maisons étaient, à la vérité, distinguées dans les rôles

Такимъ образомъ, были случаи, что границею между двумя интендантствами служили — то улица, раздѣлявшая два ряда домовъ, то изгородь, отдѣлявшая два сосѣднихъ двора, то, наконецъ, стѣна или переборка, раздѣлявшая двѣ сосѣднія комнаты внутри одного и того же дома. Наконецъ, мы встрѣчаемся съ такими случаями, гдѣ исчезаетъ послѣдній признакъ вещественной грани, по которой бы можно было распознать, гдѣ кончается „департаментъ" одного интенданта, и гдѣ начинается вѣдомство его сосѣда. „Въ одномъ и томъ же генеральствѣ встрѣчаются цѣлые околотки, гдѣ извѣстные казенные сборы находятся въ завѣдываніи интенданта другой провинціи" [1]).

Здѣсь мы встрѣчаемся, такимъ образомъ, съ новою иллюстраціей той путаницы, которую мы имѣли случай отмѣтить выше, какъ одну изъ общихъ характерныхъ чертъ стараго порядка. Удивительно ли послѣ этого, что не только правительство, но и ближе стоявшіе къ дѣлу администраторы, не всегда могли разобраться въ этомъ хаосѣ. „Это селеніе (Island въ Бургони)—читаемъ мы въ одномъ официальномъ донесеніи дижонскаго интенданта восьмидесятыхъ годовъ—принадлежитъ почти цѣликомъ къ парижскому генеральству и къ округу бальяжа Труа въ Шампани, но церковь, *какъ думаютъ*, находится въ Бургони" [2]).

Дѣйствительно, мы встрѣчаемся почти на каждомъ шагу съ сомнительными границами, съ спорными территоріями, на которыя „заявляютъ притязанія" двѣ сосѣднія провинціи. Вплоть до самой ликвидаціи стараго порядка тянутся нескончаемые процессы между различными провинціями — совершенно какъ гражданскія тяжбы между частными лицами — передъ королевскимъ совѣтомъ изъ-за подобныхъ спорныхъ территорій [3]), хотя бывали случаи, что подобные споры ула-

---

par tradition et par un ancien usage, les unes pour être de la généralité de Paris, les autres de celle de Dijon, mais avec tant d'embarras que *tel qui avait une maison réputée de la généralité de Paris, avait un voisin censé de celle de Dijon,— qu'il y avait même des maisons dont une chambre était sur Paris et l'autre sur Dijon*"...

[1]) „Encyclopédie méthodique, Jurisprudence", t. IV, p. 760: „Dans la même généralité il se trouve des cantons tout entiers où certaines natures de droits se perçoivent sous l'autorité du commissaire départi d'une autre province".

[2]) *Archives nationales*, série D IV bis 43: „Cette parroisse (Island) est presque toute entière de la généralité de Paris et du bailliage de Troyes en Champagne, mais l'église, *á ce que l'on croit*, située en Bourgogne, c'est au bailliage d' Avalon que le curé dépose ses régistres".

[3]) Процессы эти имѣли, какъ кажется, часто безнадежный характеръ, судя

ись путемъ полюбовнаго соглашенія между двумя спорящими
нціями, совершенно какъ если бы дѣло шло о какъ какой-либо
анской сдѣлкѣ между частными лицами [1]).

рубежная неурядица не ограничивалась одпѣми лишь *внутрен-*
границами провинцій; не лучше обстояло и съ *внѣшними* гра-
и интендантствъ, совпадавшими съ границею государственной.
ѣверѣ, во Фландріи (лилльское интендантство) вплоть до самаго
года существовало, подъ именемъ „имперскихъ земель" (terres
mpire), значительное количество населенныхъ мѣстъ, „зависѣв-

у, напримѣръ, что 1789 годъ засталъ неоконченными многіе изъ этого рода
совъ, начало которыхъ восходитъ за сотню и даже за нѣсколько сотъ лѣтъ.
имѣра: въ департаментскомъ архивѣ въ Монпелье намъ попался подъ руку
нный 1768 годомъ „Мемуаръ въ защиту Лангдока противъ Гюэнн", имѣ-
адачею установить права Лангдока (то-есть, въ XVIII столѣтіи—лангдок-
интендантства) на часть территоріи города Castelsarrasin, „незаконно за-
ную Гюенью *нѣсколько столѣтій тому назадъ*" (*Archives départementales*
érault, série C). Указаніе на то, что этотъ процессъ остался неокончен-
ъ 1789 году, находимъ у Рошака (*Roschach*. „Histoire générale de Lan-
", t. XIII, p. 1403). Подобнымъ же образомъ, Провансъ продолжаетъ еще
0 году свою нескончаемую, болѣе чѣмъ вѣковую, тяжбу изъ-за спорныхъ
орій съ Лангдокомъ и Дофинэ (гренобольскимъ интендантствомъ) (*Corio-*
raité sur l'administration du comté de Provence". Aix, 1786—1788, p. t. I,
-72. *Bibliothèque nationale*, Lk. 2/1468).

Пограничный споръ, возникшій въ семидесятыхъ годахъ между интен-
вами парижскимъ и дижонскимъ, былъ разрѣшенъ въ 1784 году путемъ
аго соглашенія между обѣими провинціями, при чемъ юридическимъ пред-
лемъ перваго былъ мѣстный интендантъ, а представителями послѣдняго—
мѣстныхъ штатовъ. Соглашеніе это вошло въ силу, послѣ того какъ по-
санкцію королевскаго совѣта (*Archives départementales de la Côte d'Or*
, série C 2987: „Arrêt du Conseil qui approuve les procès-verbaux de dé-
on des bourgs de Riceys entre l'Intendant de Paris et les élus des Etats
rgogne").—Въ 1788 году происходитъ оживленная переписка между „ис-
льными коммиссіями" (commissions intermédiaires) генеральствъ-интен-
ъ суассонскаго и шалонскаго „объ урегулированіи границъ между обоими
ьствами" (*Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 2676).—
идесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ обсуждаются различные „проекты
ниченія" между областью Брессъ съ одной стороны и Маконнэ и Франшъ-
съ другой (*Archives départementales de l'Ain* (Bourg-en-Bresse), série C
8).—Изъ приведенныхъ примѣровъ, между прочимъ, обнаруживается, что
антство могло имѣть качество юридическаго лица, и даже не только ин-
ство, но и часть его, если она, какъ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ
ъ—области Брессъ и Маконнэ, имѣвшія собственные органы самоуправ-
штаты), представляла собою административно обособленное тѣло.

шихъ отъ имперіи"[1]). Еще бо́льшихъ размѣровъ достигала междугосударственная черезполосица на западной границѣ, со стороны интендантствъ мецскаго, нансійскаго[2]), страсбургскаго[3]), а отчасти также — дижонскаго[4]), безансонаскаго и гренобльскаго[5]). На югѣ, граница Беарна (интендантство Ошъ и По) остались не вполнѣ урегулированными вплоть до 1789 года[6]). Медленность и трудность, съ которою происходило урегулированіе границъ объясняется, опять-таки, спорностью многихъ пограничныхъ владѣній[7]).

---

[1]) *Archives nationales*, série H 750: Extraits du cahier des Etats de Lille, etc., 1787, Observations: „Les terres de l'Empire ou franches sont les communautés auxquelles cette qualification a été donnée de tout temps, soit à cause de leurs anciennes exemptions, soit parce que les chefs-lieux dont ces terres relèvent, *ne sont point situés dans les domaines du Roi, mais dans la Flandre et le Hainaut Autrichien*". Въ названномъ документѣ встрѣчаемъ имена „имперскихъ земель": Estevelles, Fretin, Wasieres, Willeurs, Mont-en-Bareuil, Le Warde, Ribaucourt, le fief de Mesplaux, Aubers, Montreuil-à-Chereng, Guarguetel.

[2]) Черезполосица здѣсь на каждомъ шагу: французскія владѣнія на германской территоріи, и наоборотъ. Семь французскихъ селеній находятся либо цѣликомъ, либо отчасти, на территоріи трирскаго курфюршества, девять—на территоріи княжества Нассау-Саарбрюкскаго, одиннадцать селеній, *одна ферма и два изолированныхъ дома* — на территоріи графства Двухъ-Мостовъ. Въ свою очередь, со стороны имперіи, на территоріи нансійскаго интендантства были разбросаны двадцать имперскихъ селеній, девять селеній, принадлежавшихъ графству Créhange, пять принадлежавшихъ графству Bliescastel, и наконецъ, цѣлое нѣмецкое графство Saarwerden находилось цѣликомъ внутри французской территоріи (*Mathieu*. „L'Ancien régime dans la province de Lorraine et de Barrois". Paris, 1878, p. 31). Нѣкоторыя изъ этого рода аномалій были, впрочемъ, устранены или сглажены къ концу стараго порядка, путемъ дипломатическихъ соглашеній между французскимъ и сосѣдними правительствами.

[3]) Порубежная путаница здѣсь доходила до того, что даже трудно было и говорить о „государственной границѣ" между французскою и имперскою территоріями, такъ какъ вся территорія Эльзаса была усѣяна множествомъ имперскихъ земель и „фьефовъ" различныхъ нѣмецкихъ князей, какъ-то князя-епископа шпейерскаго, ландграфа гессенъ-дармштадтскаго, герцога Двухъ-Мостовъ, князя монбельярскаго, маркграфа Баденскаго и др. *Krug-Basse*. „L'Alsace avant 1789". Paris et Colmar, 1876, p. 282.

[4]) Границы дижонскаго генеральства-интендантства со стороны Швейцаріи остались неурегулированными вплоть до 1789 года. *Archives départementales de l'Ain* (Bourg-en-Bresse), série C 1025.

[5]) Границы гренобольскаго интендантства со стороны Савои были отчасти урегулированы трактатомъ 24-го марта 1760 года, между правительствами французскимъ и сардинскимъ. *Archives nationales*, série H 1241.

[6]) *Archives départementales des Basses-Pyrénés* (Pau), série C 1376, 1597.

[7]) Напримѣръ, сельскія общины Dohun и de Hayons, въ седанскомъ округѣ,

Наконецъ, что опрокидываетъ вверхъ дномъ всѣ наши современныя представленія, это—существованіе такихъ селеній, которыя принадлежали разомъ — не двумъ провинціямъ, а двумъ различнымъ государствамъ, либо на началѣ территоріальнаго раздѣленія [1]), либо на еще менѣе намъ понятномъ началѣ „нераздѣльности державной власти“ (souveraineté indivise); случай послѣдняго рода могъ имѣть своимъ правовымъ объектомъ не только отдѣльное населенное мѣсто, но также и цѣлую область [2]).

Чтобы покончить съ территоріальными аномаліями стараго порядка, отмѣтимъ еще существованіе въ до-революціонной Франціи,

---

„sont en contestation, depuis un siècle, pour la souveraineté, entre Sa Majesté et le duc de Bouillon“. *Brette*. „Recueil de documents“, etc., t. III, p. 35. Лангдокъ, Дофинэ и Провансъ, соприкасавшіеся съ папскими владѣніями (Avignon, comtat Venaissin), находились въ постоянныхъ пререканіяхъ съ послѣдними изъ-за границъ и пререканія эти не были еще окончены въ 1780 г. *Coriolis*. „Traité du comté de Provence“. Paris, 1786, t. I, p. 55.

[1]) „Etat, par ordre alphabétique, des villes, etc., de l'intendance de Flandre et d'Artois“, 1787, p. 59 (*Bibliothèque nationale*, Lk 2/706): „Emmerin, village de la subdélégation de Lille (въ лилльскомъ интендантствѣ) qui forme une paroisse. *Il y a une partie du village qui relève de l'Empire*“. — Ibidem, p. 175: „Waton; une partie de ce village a été cédée à la France par le traité d'échange“ (avec l'Empire). Матье насчиталъ одиннадцать подобныхъ „двухъ-частныхъ“ селеній въ нансійскомъ интендантствѣ; всѣ они принадлежали одною частью къ Франціи, другою—къ имперіи. *Mathieu*, op. cit., p. 31.—*Archives nationales*, série D IV bis 45 (1787): „Mondorff. Il n'y a qu' une très petite partie de cette paroisse qui soit sous la souveraineté du Roi, le surplus ayant été cédé à l'Impératrice reine de Hongrie“.

[2]) Таковы были, напримѣръ, области Mertzig и Saargau, заключавшія въ себѣ двадцать четыре селенія; обѣ онѣ находились въ „безраздѣльномъ владѣніи“, съ одной стороны — французскаго короля, какъ герцога лотарингскаго, съ другой — курфюрста трирскаго. Правосудіе въ этихъ областяхъ правилось поочередно судьями королевскими и курфюршескими. *Mathieu*. „L'Ancien régime dans la province de Lorraine et de Barrois“, Paris, 1878, p. 31. Въ парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ намъ попался подъ руку документъ, въ которомъ идетъ рѣчь объ этой территоріи, это: „Lettres patentes portant la réunion du pays de Sargaw et dépendances à la province et le gouvernement de Lorraine“, гдѣ читаемъ слѣдующія строки: „La convention d'échange conclue le 1 juillet 1778 entre Nous et... l'Electeur de Trèves, pour faire cesser *l'indivision de souveraineté et de juridiction qui appartenait en commun à notre couronne*... dans le pays de Merzig et Sargaw, Nous ayant fait passer toute la partie dudit pays située à la rive gauche de la Sarre, dont nous venons de prendre possession en notre nom“, etc. *Archives du ministère des affaires étrangères*, fonds France, N 1657, p. 392.

и даже вплоть до 1791 года (!), такъ называемыхъ *державствъ* (*souverainetés*). Подъ этимъ именемъ были извѣстны нѣкоторыя сеньоріи, которыя представляли собою не что иное, какъ крошечныя государства, и собственники ихъ, хотя и подданные короля, были de jure, въ предѣлахъ своей сеньоріи, независимыми государями, „облеченными всѣми аттрибутами державности"; правда, такихъ „державствъ" оставалось, повидимому, немного къ концу стараго порядка [1]).

Любопытны тѣ затрудненія, которыя были вызваны подобнымъ порядкомъ вещей въ эпоху созыва генеральныхъ штатовъ въ 1789 году. Тогда оказалось, что не такъ-то легко было, въ томъ или другомъ случаѣ, опредѣлить принадлежность той или другой группы населенія къ Франціи; оказалось, напримѣръ, что, въ селеніи Korf (въ нансійскомъ интендантствѣ) никто никогда не могъ отличить французскихъ подданныхъ отъ трирскихъ, такъ какъ жители объявляли себя, смотря по обстоятельствамъ, то „лотарингцами", то-есть французскими подданными, то „трирцами", чаще же послѣдними, въ виду различныхъ податныхъ льготъ, которыми пользовались „трирцы" сравнительно съ „лотарингцами". Принадлежность одного изъ лотарингскихъ селеній къ Франціи или къ имперіи такъ и не удалось установить. Касательно двухъ другихъ селеній оказалось, что относительно ихъ „существуетъ споръ за державность между его величе-

[1]) Такова была небольшая сеньорія въ Берри, *principauté d'Henrichemont*, владѣльцы которой „jouissaient de tous les attributs de la souveraineté". Это курьезное государство было „присоединено къ французской имперіи" лишь въ 1791 году (!), декретомъ національнаго собранія отъ 27-го сентября. *Brette*. „Recueil de documents", etc., t. I, pp. 345—346.—Другой образчикъ подобнаго явленія встрѣчаемъ во французской Наваррѣ,—это *souveraineté de Bidache*, принадлежавшая герцогу Грамону. Въ протоколахъ мѣстныхъ штатовъ (27-го февраля 1784 г.) читаемъ между прочимъ, по поводу этого „державства": „Monseigneur le duc de Gramont sera informé que *sa souveraineté de Bidache sert d'asile à une infinité de malfaiteurs, que leurs incursions nocturnes n'ont d'objet que des nouveaux crimes dont ils évitent la punition en rentrant dans sa sauvegarde*". Эти короткія строки какъ нельзя лучше освѣщаютъ передъ нами *другую* сторону этихъ маленькихъ каррикатуръ на государство: сторону, которая уже не была смѣшною. *Archives départementales des Basses-Pyrénées* (Pau), série C 1539.—Нѣкоторыя изъ „державствъ" находились въ особомъ положеніи, какъ мѣстечко Saint-Manges въ генеральствѣ-интендантствѣ Трехъ-Епископствъ: „Ce bourg forme *une souveraineté particulière indivisé entre le Roi et le prince de Condé*. Il y a un tribunal qui décide au nom de ce prince de toutes les affaires en première instance et dont les appels doivent se porter devant des commissaires nommés par les *deux souverains*"... Въ дальнѣйшемъ изложеніи „два государя" названы „со-государями", *co-souverains*.—*Archives nationales*, série D IV bis 45 (1785).

ъ (королемъ французскимъ) и герцогомъ Бульонскимъ". Другія
селеній, которыя были уступлены въ 1768 году принцемъ Нас-
аарбрюкскимъ, были, какъ оказалось, забыты и вовсе не были
исаны ни къ какому бальяжу [1]).

е удивительно, если, при наличности подобной путаницы терри-
льныхъ отношеній не только административно, но и государствен-
авоваго порядка, и правительство и сами провинціальные адми-
аторы выказываютъ на каждомъ шагу такую слабость по части
нистративной географіи, которая въ наше время представляется
то анекдотическимъ [2]).

Brette, „Recueil de documents", etc., t. III, pp. 35, 49. Многіе изъ гене-
ойтенантовъ бальяжей оказались въ извѣстныхъ случаяхъ въ затрудненіи,
ыть съ объявленіемъ во всеобщее свѣдѣніе созывной королевской грамоты,
акъ „многія изъ находящихся въ ихъ вѣдомствѣ селеній зависятъ отъ при-
, расположенныхъ въ имперіи; въ этихъ селеніяхъ созывныя грамоты не
быть прочитаны священникомъ съ амвона".

Слишкомъ часты для того, чтобы ихъ объяснять опиской, случаи въ родѣ
что бумага, по дѣлу, касающемуся города Эпернэ, въ шалонскомъ интен-
твѣ, адресуется изъ Версаля къ суассонскому интенданту (*Archives dépar-
ales de la Marne*, série C 305), бумага, относящаяся къ мѣстечку Puylau-
ъ лангдокскомъ интендантствѣ, направляется къ интенданту сосѣдняго ге-
ства бордоскаго („Inventaire des archives départementales de la Gironde",
C 3457), бумага, относящаяся къ селенію Rieumes, въ томъ же лангдок-
интендантствѣ, адресуется къ другому сосѣднему интенданту, въ Ошъ
ves nationales, série H 1086). Въ 1779 году Неккеръ обращается къ *pion-*
(*оверискому*) интенданту за свѣдѣніями относительно городка Seauges; ин-
тъ ему отвѣчаетъ: „Я не могу вамъ доставить желаемаго свѣдѣнія, такъ
ородъ Seauges находится въ *Лангдокѣ* (Ibidem, série H 1089).—Иногда пра-
ству стоило извѣстнаго труда, и во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе
тной переписки, для того чтобы *отыскать* тотъ или другой населенный
, при чемъ подобные поиски не всегда, повидимому, увѣнчались успѣхомъ.
ой бумагѣ, относящейся къ аббатствамъ Beaulieu и Calers, возвращенной
кскимъ интендантомъ обратно въ генеральный контроль, „за ненахожде-
названныхъ аббатствъ въ его департаментѣ", читаемъ надпись, сдѣланную
чиновника генеральнаго контроля: „Ни г. лангдокскій интендантъ, ни
тра не знаютъ мѣста нахожденія аббатства Calers" (Ibidem, série H 1057).—
въ 1777 году, въ министерство земледѣлія (въ это время существовало
льное вѣдомство, которое, съ извѣстными оговорками, можно назвать этимъ
ъ) поступило ходатайство одного предпринимателя о разрѣшеніи разраба-
открытыя имъ угольныя залежи „на полуостровѣ Котантэнѣ", министръ
ъ, давши просимое разрѣшеніе, приписалъ собственноручно на бумагѣ:
gine que ce qu'on appèle la presqu'île du Cotentin n'embrasse pas un trop
territoire, sans cela vous voudrez dire à ce particulier de se restreindre".
тровъ Котантэнъ занимаетъ, какъ извѣстно, около половины нынѣшняго

Гораздо сильнѣе давало себя чувствовать и самимъ администраторамъ, а еще болѣе управляемымъ—другое неудобство, происходившее отъ царившей въ административной географіи путаницы. Это такъ называемые „doubles emplois" относительно податей, то-есть, случаи двукратнаго взысканія одной и той же подати, которому сплошь да рядомъ подвергалось населеніе различныхъ впутанныхъ въ административную черезполосицу территорій, хотя, съ другой стороны, бывали и обратные случаи, что жители различныхъ затерянныхъ въ черезполосицѣ населенныхъ пунктовъ вовсе ускользали отъ фиска [1]).

департамента Manche, а до 1789 года онъ представлялъ приблизительно около четверти всей территоріи канскаго интендантства-генеральства. Если самъ министръ имѣлъ подобныя смутныя представленія о размѣрахъ Котантэна, то чиновники его канцеляріи имѣли, повидимому, не менѣе смутныя представленія о мѣстонахожденіи послѣдняго, судя по тому, что пакетъ съ означеннымъ дѣломъ былъ направленъ по адресу *алансонскаго* интенданта, который уже и переслалъ его прямо своему сосѣду, канскому интенданту („Archives historiques, artistiques et littéraires", p. I, p. 72—73 (1889—1890).—Бумага по одному дѣлу, касающемуся Saint-Gaudens, столицы Небузана, маленькой области со штатами, адресуется къ лангдокскому интенданту, въ *Монпелье*; тотъ, думая исправить промахъ сдѣланный канцеляріею главнаго контроля, направляетъ бумагу въ г. *Ошъ*, къ своему собрату по сосѣднему интендантству, послѣдній, исправляя болѣе удачно промахъ своего лангдокскаго „собрата", направляетъ, наконецъ, бумагу по ея настоящему адресу, въ г. *По*, къ беарнскому интенданту Певиллю (*Archives nationales*, série H 72).—Въ 1779 году, штаты областей Фуа обращаются къ хранителю печатей съ просьбою объ отмѣнѣ королевской деклараціи 24-го февраля 1779 г., занесенной въ реестры тулузскаго парламента 10-го сентября того же года, на томъ основаніи, что декларація эта, по ихъ словамъ, „составлена такимъ образомъ, что можно подумать, что графство Фуа находится въ *монтобанскомъ* генеральствѣ". Въ дѣйствительности, графство Фуа входило въ то время въ составъ *перпиньянскаго* интендантства (Ibidem série H 719). — Подобные промахи, едва понятные въ наше время, были тѣмъ болѣе естественны въ изучаемую нами эпоху, что въ распоряженіи администраціи не было тѣхъ оріентирующихъ средствъ, тѣхъ справочныхъ пособій, которыя въ наше время считаются необходимою настольною книгою каждаго администратора: не существовало ни полныхъ и точныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ по интендантствамъ, ни такой административной карты, которая бы могла замѣнить подобные списки. Въ настоящее время одинъ изъ изслѣдователей до-революціонной Франціи, А. Бреттъ, оканчиваетъ—плодъ многихъ лѣтъ кропотливой, „микрологической" работы—*судебную карту* Франціи наканунѣ 1789 года; когда и кто возьметъ на себя не менѣе трудную задачу восполнить другой оставленный намъ старымъ порядкомъ пробѣлъ—составить *административную карту* Франціи наканунѣ, 1789 года?...

[1]) *Archives départementales de la Côte-d'Or* (Dijon), série C 2987. Arrêt du Conseil, du 19 décembre 1779: „...il est arrivé par la succession des temps qu'une

III.

ращаясь къ территоріальнымъ подраздѣленіямъ внутри интен-
въ, мы встрѣчаемся здѣсь съ продолженіемъ той же причуд-
и и путаницы, съ которою намъ уже пришлось познакомиться
зученіи территоріальныхъ очертаній интендантствъ. Во-первыхъ,
ѣсь имѣемъ дѣло съ двумя категоріями дѣленій, взаимно не-
имыми. Съ одной стороны, это — дѣленія собственно *интен-
тва*, — дѣленія, возникшія *послѣ* сформированія самого интен-
ва, съ другой стороны — дѣленія, *предшествовавшія* образова-
нтендантства, и представлявшія собственно дѣленія не самого
дантства, какъ таковаго, а тѣхъ генеральствъ и другихъ тер-
альныхъ тѣлъ, изъ которыхъ образовалась территорія даннаго
дантства, путемъ ли группировки послѣднихъ, или — что было
обычно—путемъ совпаденія генеральства съ возникшимъ на его
оріальной базѣ интенданствомъ.

знакомимся сначала съ послѣднею въ этихъ двухъ категорій
й.

мымъ распространеннымъ изъ этихъ дѣленій былъ *выборный*
(*élection*), о происхожденіи котораго была рѣчь выше [1]. Тамъ
ѣли случай отмѣтить, какимъ образомъ выборный округъ, ко-
первоначально представлялъ изъ себя самостоятельную адми-
тивную *единицу*, постепенно мельчая и группируясь для обра-
я болѣе крупныхъ административныхъ областей, генеральствъ,
тился въ концѣ-концовъ въ *дробь*, въ подраздѣленіе генераль-

---

les dits bourgs et des habitants d'iceux ont été depuis longtemps compris
s rôles des impositions de la généralité de Paris, mais, comme il n'y avait
bornes séparatives connues et déterminées entre les deux provinces, il en
t souvent des inconveniente, et *il arrivait quelquesfois que des habitants
imposés dans les deux généralités, tandis que d'autres ne l'étaient ni dans
dans l'autre*". Въ перваго рода положеніи находился, между прочимъ, одинъ
ъ въ Лангдокѣ, Сенъ-Беатъ принадлежавшій къ числу „двухъ-частныхъ",
интендантствами лангдокскимъ и бродоскимъ. Въ 1781 году происходитъ
ска между Неккеромъ и лангдокскимъ интендантомъ по поводу жалобы
й лангдокской части названнаго городка, на то, что съ нихъ взыскиваютъ
причитающіяся съ населенія бордоскаго интендантскаго генеральства, къ
у они не принадлежатъ, а принадлежатъ къ лангдокскому интендантству,
тахъ котораго дѣйствительно и принимаютъ участіе (*Archives nationales*,
1057).

[1] См. предыдущую главу.

ства. Къ концу стараго порядка, бо́льшая часть генеральствъ [1])—но не всѣ, вопреки довольно распространенному мнѣнію [2]) — подраздѣлялись на выборные округа, либо цѣликомъ, либо отчасти. Общее число выборныхъ округовъ, въ двадцати одномъ генеральствѣ, простиралось въ концѣ стараго порядка, до 204 [3]).

Въ среднемъ, стало быть, приходилось около десяти выборныхъ округовъ на генеральство, хотя, въ дѣйствительности, число ихъ ко-

---

[1]) А именно, *двадцать одно* изъ двадцати восьми. Вотъ ихъ списокъ: Alençon, *Amiens*, Auch, *Bordeaux*, Bourges, Caen, Châlons, *Dijon*, Grenoble, La Rochelle, Limoges, Lyon, Montauban, Moulins, Orléans, Paris, Poitiers, Riom, Rouen, Soissons, Tours. Отмѣченныя курсивомъ генеральства *Amiens*, *Bordeaux* *Dijon* дѣлились на выборные округа не на всемъ пространствѣ своихъ территорій: первые два—въ большей части своей территоріи, послѣднее въ меньшей.

[2]) Напримѣръ, *Larrieu*, „Cahiers du pays de Soule", 272: „Chaque généralité était subdivisée en élections".

[3]) *Necker*, „De l'administration de finances de la France". Paris, 1784, t. I, p. 128. Любопытно, что различные источники не сходятся ни съ Неккеромъ, ни между собой, относительно цифры выборныхъ округовъ. Hesseln („Dictionnaire universel de la France") даетъ цифру 175, разница которой съ цифрой Неккера врядъ ли можетъ быть оправдана тринадцатилѣтнимъ промежуткомъ раздѣляющимъ эти два сочиненія. Различные „Ежегодники" эпохи даютъ различныя, но всѣ одинаково мало заслуживающія довѣрія цифры (напримѣръ, „Almanach historique de la province de Guyenne", 1788, даетъ цифру 180; но тотъ же „Альманахъ" дѣлитъ амьенское генеральство на шесть выборныхъ округовъ, — между тѣмъ, кромѣ этихъ шести выборныхъ округовъ, оно заключало въ себѣ еще четыре „губерніи" (gouvernements); перпиньянское генеральство дѣлитъ на два „діоцеза", тогда какъ въ дѣйствительности оно дѣлилось на три „вигоріи", и т. д., въ томъ же родѣ). Новѣйшіе авторы тоже расходятся въ своихъ свѣдѣніяхъ по данному вопросу: *Chéruel* („Dictionnaire des Institutions", etc., t. I, p. 128) даетъ цифру 179, *Boiteau* („Etat de la France", p. 69).—171: Нелишне замѣтить, что Неккеръ говоритъ (op. cit., t. I, p. 96) о *„24 généralités des pays d'élections"*, а не о *21*. Эту цифру Неккера можно объяснить лишь тѣмъ, что, по допускавшемуся оффиціальнымъ словоупотребленіемъ эпохи, онъ разумѣетъ, въ данномъ случаѣ, подъ *généralités des pays d'élection*, все, что не было *pays d'états*, слѣдовательно и *pays d'imposition*, разумѣя при этомъ подъ терминомъ généralité не только *генеральства*, но также и тѣ области, которыя, будучи интендантствами, не были генеральствами въ точномъ смыслѣ; а такихъ областей было четыре (интендантства: валансьенское, нансійское, страсбургское и перпиньянское); отсюда 21+4=25. Цифра Неккера, 24, получилась, очевидно, вслѣдствіе того, что онъ — опять согласно принятому словоупотребленію — не считаетъ въ числѣ *généralités des pays d'élection* генеральство дижонское, которое обыкновенно относилось къ *généralités des pays d'états* на томъ основаніи, что *выборные округа* составляли лишь незначительную часть его, да къ тому же и эта часть могла быть отнесена къ pays d'états, какъ увидимъ впослѣдствіи. Итакъ: 21+4—1=24.

лебалось въ различныхъ генеральствахъ отъ пяти (какъ, напримѣръ, въ ліонскомъ генеральствѣ) до двадцати двухъ (въ одномъ лишь парижскомъ), что объясняется, помимо разницы размѣра различныхъ генеральствъ, также и неравномѣрностью самихъ выборныхъ округовъ.

Что касается остальныхъ генеральствъ—ихъ было семь [1]) изъ общаго числа генеральствъ 28, — то онѣ дѣлились на округа, носившіе различное наименованіе въ разныхъ генеральствахъ: *діоцезы* (*diocèses*) [2]), *бальяжи* (*bailliages*) [3]), *вигеріи* (*vigueries*) [4]), *кастелянства* (*châtellenies*) [5]), или, наконецъ, такъ называемые *податные округа* (*recettes*) [6]).

Что касается прочихъ территоріальныхъ тѣлъ, которыя, не будучи генеральствами въ собственномъ смыслѣ, образовали, тѣмъ не менѣе—либо отдѣльныя интендантства, либо вошли въ составъ нѣкоторыхъ изъ интендантствъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ различными подраздѣленіями, соотвѣтствующими „выборнымъ округамъ", но носящими самыя разнообразныя имена: *бальяжи* (*bailliages*) [7]), *вигеріи* (*vigueries*) [8]), *кастелянства* (*châtellenies*) [9]), *превотства* (*prévôtés*) [10]), *губерніи* (*gouvernements* [11]), *gouvernances* [12]), *провинціи* (*provinces*) [13]), и др.

---

[1]) Aix, Besançon, Lille, Metz, Montpellier, Rennes, Toulouse.

[2]) Rennes (Bretagne), Montpellier et Toulouse (Languedoc).

[3]) Besançon (Franche-Comté или Comté de Bourgogne), Dijon (Bourgogne или duché de Bourgogne), Nancy (Lorraine).

[4]) Aix (Provence)—въ большей части территоріи.

[5]) Lille (Flandre).

[6]) Metz (Trois-Evêchés), Aix (Provence) – въ меньшей части своей территоріи. Кромѣ указаннаго, такъ сказать, техническаго значенія, терминъ recette употреблялся, въ офиціальномъ языкѣ, также и въ качествѣ общенарицательнаго имени для обозначенія всякаго податнаго округа, напримѣръ, „выборнаго округа".

[7]) Alsace (страсбургское интендантство), Artois (часть лилльскаго интендантства).

[8]) Roussillon (перпиньянское интендантство).

[9]) Hainaut et Cambrésis валансьенское интендантство), Flandre (лилльское интендантство).

[10]) Hainaut (валансьеннское интендантство).

[11]) Hainaut (валансьеннское интендантство), часть Picardie (амьенское интендантство).

[12]) Artois (лилльское интендантство).

[13]) Ile de Corse.

Прилагая теперь вышеизложенное къ территоріямъ интендантствъ, мы найдемъ, что изъ общаго числа послѣднихъ 32, только семнадцать имѣли однообразное дѣленіе—на *выборные округа* [1]); это были тѣ изъ интендантствъ, границы которыхъ совпадали съ однимъ изъ генеральствъ, которыя имѣли своимъ подраздѣленіемъ выборные округа. Изъ остальныхъ, однообразное внутреннее дѣленіе имѣли лишь немногія интендантства, а именно: лангдокское, включавшее въ себѣ два генеральства — тулузское и монпельеское, съ ихъ 23 *діоцезами*, бретанское или реннское, совпадавшее съ генеральствомъ того же наименованія, съ его девятью *діоцезами*, перпиньянское или руссильонское—съ его тремя *вигеріями*, безансонское съ его четырнадцатью *бальяжами*, нансійское — съ 36 *бальяжами*, и, наконецъ, островъ Корсика съ ея десятью *провинціями*. Что касается прочихъ интендантствъ, то въ виду исторической пестроты ихъ территоріальнаго состава, образовавшагося путемъ группировки различныхъ историческихъ территоріальныхъ элементовъ, въ нихъ не было однообразнаго дѣленія. Такъ, въ дижонскомъ генеральствѣ-интендантствѣ бо́льшая часть территоріи, именно та, которой было присвоено названіе Бургони въ тѣсномъ смыслѣ [2]), дѣлилась на девятнадцать *бальяжей*, тогда какъ остальная, меньшая часть, заключавшая въ себѣ небольшія области, Маконнэ, Брессъ, Бюжей, Жексъ и Домбъ, образовала четыре *выборныхъ округа*; экское интендантство дѣлилось на 22 *вигеріи* въ части своей, соотвѣтствовавшей Провансу въ тѣсномъ смыслѣ [3]), тогда какъ остальныя территоріи, состоявшія изъ такъ называемыхъ „прилежащихъ земель“ (terres adjacentes), и нѣкоторыхъ другихъ территоріальныхъ элементовъ, не носившихъ никакого общаго нарицательнаго имени, составляли три *податныхъ округа* (*recettes*); интендантство лилльское имѣло различныя дѣленія въ каждой изъ двухъ историческихъ областей, которыя входили въ его составъ: Фландріи и Артуа; то же самое имѣло мѣсто и въ валансьеннскомъ интендантствѣ,

---

[1]) Alençon, Bourges, Caen, Châlons, Grenoble, La Rochelle, Limoges, Lyon, Montauban, Moulins, Orléans, Paris, Poitiers, Riom, Rouen, Soissons, Tours.

[2]) Потому что Бургонь въ широкомъ смыслѣ обнимала собою какъ „бургонское герцогство“ (Бургонь въ тѣсномъ смыслѣ), такъ и „бургонское графство“ (иначе Франшъ-Контэ): „duché de Bourgogne“ и „comté de Bourgogne“ или Franche-Comté.

[3]) Потому что Провансъ въ широкомъ смыслѣ включалъ въ себя также и „прилежащія земли“, и Марсель, противополагавшіяся Провансу въ тѣсномъ смыслѣ (*Archives nationales*, série H 1289).

состоявшемъ изъ двухъ главныхъ составныхъ частей: Эно и Камбрези, и т. д. Но самый яркій образчикъ внутренней территоріальной пестроты представляетъ, въ концѣ стараго порядка, интендантство Ошъ и По, въ составъ котораго входило, съ одной стороны генеральство ошское, дѣлившееся на пять выборныхъ округовъ, съ другой—семь различныхъ историческихъ областей, изъ которыхъ каждая имѣла свою особую организацію и свое особое внутреннее территоріальное подраздѣленіе [1]).

Во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ это и безъ того сложное и чреватое всяческой путаницей внутреннее подраздѣленіе интендантствъ усложнялось и запутывалось еще такъ сказать, экстерриторіальностью отдѣльныхъ населенныхъ мѣстъ или даже и болѣе обширныхъ мѣстностей, которыя стояли внѣ отмѣченныхъ дѣленій и представляли изъ себя каждая какъ бы особую, особнякомъ стоящую территоріальную единицу. Въ одномъ офиціальномъ донесеніи 1785 года мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ замѣчаніемъ объ одной изъ сельскихъ общинъ Шампани: „Эта сельская община *не принадлежитъ ни къ какому выборному округу*, будучи свободна отъ тальи и другихъ налоговъ, согласно королевской грамотѣ 1697 года" [2]). Стало быть, всѣ „не податныя общины", всѣ такъ называемыя *communautés franches* — а такихъ communautés franches, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, было не мало еще къ концу стараго порядка—стояли, внѣ дѣленій на выборные округа, были, такъ сказать, экстерриторіальны по отношенію къ послѣднимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, надо думать, и по отношенію къ соотвѣтствующимъ генеральствамъ.

IV.

Всѣ эти разнокалиберныя и запутанныя дѣленія, возникшія независимо отъ дѣленія на интендантства и значительно ранѣе появленія самихъ интендантовъ, находились въ явномъ несоотвѣтствіи съ этимъ послѣднимъ учрежденіемъ. Интенданты не замедлили почувствовать потребность въ новой административной единицѣ, какъ основѣ административнаго подраздѣленія интендантства, — такой единицѣ, кото-

---

[1]) Béarn, Navarre, Bigorre, Foix, Nébouzan, Quatre-Vallées, Soule. Каждая изъ этихъ областей имѣла свои мѣстные „штаты", или подобіе таковыхъ.

[2]) *Archives nationales*, série D IV bis 44 (1785): „Villefranche. Cette paroisse *n'est d'aucune élection*, étant franche pour les tailles et autres impositions, suivant les Lettres patentes du mois d'août 1697".

рая, будучи, такъ сказать, эманципирована отъ всѣхъ историческихъ традицій феодальной старины, была бы основана исключительно на требованіяхъ той новой администраціи, проводниками и дѣятелями которой они. Такая единица явилась въ формѣ *субделегатства* (*subdélégation*).

Первоначально у интенданта вовсе не было собственныхъ агентовъ или органовъ въ подвѣдомственной ему области. „Выборныя коллегіи" и другія соотвѣтствовавшія имъ учрежденія не были и не могли быть органами интенданта уже потому одному, что они не были ему подчинены de jure и были въ значительной степени независимы отъ него de facto. Выходомъ изъ этого положенія и было учрежденіе *субделегатовъ* (*subdélégués*). Учрежденіе это возникло, подобно самому интендантству, не въ силу какого-либо законодательнаго акта [1]), а путемъ административной практики самихъ интендантовъ, даже безъ всякаго непосредственнаго участія правительства. Просто-на-просто интенданты сами, своею властью, какъ *делегаты короля* (*délégués du Roi*), стали назначать себѣ *субделегатовъ* (*subdélégués*) [2]) въ качествѣ своихъ агентовъ-корреспондентовъ съ одной стороны, въ качествѣ исполнительныхъ органовъ — съ другой. Каждый

---

[1]) Вопреки раздѣляемому нѣкоторыми авторами мнѣнію, пріурочивающему учрежденіе субделегатовъ къ апрѣльскому эдикту 1704 года (напр., *Antoine*. „Histoire de Forez", p. 198: „Au-dessous de l'intendant il y avait, *depuis 1704*, un délégué" (sic!)). Упомянутый эдиктъ не учредилъ субделегатовъ, которые существовали еще задолго до него, а превратилъ ихъ должность въ такъ называемую *office à finance*, то есть продажную должность; но порядокъ, установленный эдиктомъ 1704 года, просуществовалъ всего лишь около одиннадцати лѣтъ и былъ отмѣненъ эдиктомъ 1715 года. *Guyot*. „Traité des droits", etc., t. III, pp. 441—447. Время перваго появленія субделегатовъ въ точности неизвѣстно. *Cohendy* („Mémoire historique sur les modes successifs de l'administration dans la province d'Auvergne et le département du Puy-de-Dôme". Clermont-Ferrand, 1856) говоритъ, что, „несмотря на тщательныя изысканія, ему не удалось открыть въ архивахъ овернскаго интендантства никакихъ документовъ, которые бы позволили установить существованіе субделегатовъ въ семнадцатомъ вѣкѣ". На этомъ основаніи авторъ относитъ ихъ происхожденіе къ началу восемнадцатаго столѣтія. Заключеніе ошибочное, такъ какъ субделегаты довольно часто упоминаются въ административной перепискѣ семнадцатаго вѣка, изданной Деппингомъ (*Depping*. „Correspondance administrative sous Louis XIV". Paris, 1850—1855) и Клеманомъ (*Clément*. „Lettres, instructions et mémoires de Colbert". Paris. 1861—1882, 7 vs.).

[2]) Въ силу того правоваго принципа, что *delegatus a principe potest subdelegare*.—*Guyot*. „Traité des droits", etc., t. III, p. 441.

ндантъ имѣлъ обыкновенно нѣсколькихъ субделегатовъ, въ каж- изъ важнѣйшихъ пунктовъ своего интендантства. Округъ, под- мственный каждому изъ субделегатовъ, получилъ названіе *субде- нства* (*subdélégation*).

Дѣленіе на субделегатства отличалось отъ разсмотрѣнныхъ выше, ервыхъ своимъ единообразіемъ, такъ какъ оно было общимъ и для территоріи каждаго изъ интендантствъ, и для всѣхъ интендантствъ исключенія [1]): во-вторыхъ оно отличалось отъ прочихъ дѣленій ю неустойчивостью.

Субделегатство не успѣло развиться въ плотное территоріальное , по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе конкурренціи съ выборныхъ округовъ и другихъ соотвѣтствовавшихъ имъ дѣле- которыя, и послѣ возникновенія дѣленія на субделегатства, про- кали служить территоріальными рамками для извѣстныхъ отдѣ- администраціи; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе ней неустойчивости субделегатства, какъ территоріальной вели- .

Въ самомъ дѣлѣ „выборные округа" и другія соотвѣтствовавшія дѣленія, съ которыми, вопреки довольно распространенному итературѣ мнѣнію [2]), которое отчасти находитъ себѣ оправданіе ошибочныхъ) свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ изъ писателей эпохи [3]),

---

[1]) Вопреки утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ, будто дѣленіе на субделегат. было спеціальнымъ для *pays d'élection*. Напримѣръ, *Bladé*. „Les pays ts de la Gascogne" („Revue de Gascogne", t. VII, p. 423): „Après des fortunes ses, les subdélégués furent abolis en 1775 (!?), mais on en conserva l'usage de r *la plupart des intendances dans les pays d'élection*". Того же, повидимому, ію и *Ricard*, op. cit., p. 321.

[2]) *Broc.* „La France sous l'ancien régime. Le Gouvernement et les Institutions". , 1887, p. 162: „L'intendant... avait sous ses ordres des *subdélégués dont le re était égale à celui des élections de sa généralité*".—Ibidem, p. 166: „le- élégués placés au-dessous de l'intendant *dans toutes les élections* de sa géné- é", etc.—*Pisard*. „La France en 1789". Paris, 1884. p. 159: „A la tête *de ue élection* se trouvait *un subdélégué* d'intendant".—*Ricard*. „Les institutions nistratives", etc. Paris, 1886, p. 321: „L'intendant... se faisait remplacer *chaque élection*, par *un... subdélégué*".—*Antoine*. „Histoire de Forez", ps „Au-dessous de l'intendant il y avait... *un délégué* (sic) à la tête *de chaque ion.*"—*Monnet*. „Histoire de l'administration provinciale, départementale et unale en France". Paris, 1885, p. 30: idem.

[3]) Напримѣръ: *Lecomte*. „Nouveau tableau historique et géographique de la ce". Paris, 1789. (*Bibliothèque nationale*, L 15/25): „Une généralité est une nce sous la direction d'un intendant... On y choisit ensuite les plus fortes

субделегатства не совпадали [1]), за немногими исключеніями [2]), ни съ „выборными округами“, ни съ другими, соотвѣтствовавшими имъ дѣленіями, равно какъ не были ни подраздѣленіемъ послѣднихъ [3]), ни ихъ группировкою, хотя существуютъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, примѣры и того и другаго [4]). Выборные округа и другія, соотвѣтствовавшія имъ, дѣленія продолжали, и послѣ возникновенія дѣленія на субделегатства, служить территоріальными рамками для одной изъ главныхъ отраслей администраціи, именно—администраціи финансовой, отчасти также и полицейской. Вотъ одна изъ причинъ, почему субделегатство не успѣло выработаться въ прочную административную единицу.

Другою причиною была, какъ было выше замѣчено, крайняя неустойчивость этого дѣленія. Такъ какъ выборъ и назначеніе субде-

---

villes de la généralité pour en *faire chef-lieu d'une élection*, *c'est-à-dire*, *on y établit un subdélégué*“.

1) Напримѣръ: въ парижскомъ интендантствѣ *30 субделегатствъ* и *22 выборныхъ округа*, въ лиможскомъ—*32 субделегатства* и *5 выборныхъ округовъ* („Calendrier du Limousin“), въ реннскомъ—до *шестидесяти субделегатствъ* и *9 діоцезовъ* (*Archives nationales*, série H 591), въ монпельескомъ — *30 субделегатствъ* и *22 діоцеза* („Almanach du Languedoc“), въ дижонскомъ—*36 субделегатствъ* на *19 бальяжей* и *4 выборныхъ округа*, и т. д.

2) Изъ общаго числа 32 субделегатствъ лиможскаго интендантства-генеральства (въ 1770 году) только одно совпадало съ выборнымъ округомъ (Bourganeuf); всего же выборныхъ округовъ въ лиможскомъ генеральствѣ-интендантствѣ было пять („Calendrier du Limousin“, 1770). — Въ Ла-Рошельскомъ интендантствѣ-генеральствѣ, точно также, только одно субделегатство совпадало съ выборнымъ округомъ (Saint-Jean-d'Andély) („Inventaire des archives départementales de la Charente-Inférieure, série C“, p. 4).—Въ перпиньянскомъ интендантствѣ было всего три субделегатства, которыя всѣ совпадали съ тремя вигеріями (*Brutails*. „Notes sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime“). — Въ нансійскомъ интендантствѣ-генеральствѣ субделегатства, повидимому, совпадали съ бальяжами, судя по тому, что число тѣхъ и другихъ было одно и то же, а именно 36, если вѣрить мѣстному „Альманаху“ („Almanach de Lorraine“).

3) Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ. Напримѣръ: *Gravelle-Desulis* („Inventaire des archives départementales de l'Orne“, série C, p. 2): „Les subdélégations étaient *des subdivisions des élections*“.

4) Лиможскій выборный округъ заключалъ въ себѣ 12 субделегатствъ („Calendrier du Limousin“, 1770), ларошельскій — 5 субделегатствъ, сентскій — 2, коньянскій—3 („Inventaire des archives départementales de la Charente-Inférieure“, série C, p. 4). Наоборотъ, въ Эльзасѣ, почти каждое субделегатство содержитъ въ себѣ по нѣскольку бальяжей: шледштадтское субделегатство — 2 бальяжа, бельфорское—5, кольмарское—10, вейсенбургское—14, страсбургское—16 („Almanach de la province d'Alsace“, 1782—1789).

легатовъ, равно какъ и ихъ число, зависѣли всецѣло отъ усмотрѣнія интенданта, то этимъ же личнымъ усмотрѣніемъ опредѣлялись, очевидно, какъ количество, такъ и размѣры субделегатствъ въ каждомъ интендантствѣ. Вотъ почему территоріальныя очертанія и число ихъ измѣнялись, сплошь да рядомъ, не только съ каждою перемѣною интенданта, но нерѣдко случалось, что одинъ и тотъ же интендантъ кроилъ и перекраивалъ по нѣсколько разъ свои субделегатства [1]). Такимъ образомъ, субделегатство имѣло характеръ *временнаго* дѣленія, какъ это было вначалѣ и съ самимъ интендантствомъ, хотя нельзя не замѣтить, къ концу стараго порядка, нѣкоторой тенденціи субделегатства къ территоріальному отвержденію и къ превращенію въ настоящую административную единицу [2]).

Обращаясь теперь къ территоріальному составу и очертаніямъ внутреннихъ дѣленій интендантствъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣми же неправильностями, которыя отмѣчены были нами относительно самихъ интендантствъ. Какъ и слѣдовало ожидать, неправильности эти выражены гораздо рѣзче въ выборныхъ округахъ и другихъ соотвѣтствующихъ имъ дѣленіяхъ, предшествовавшихъ образованію ин-

---

[1]) Примѣры: *Реннское интендантство-генеральство*: въ 1775 году—65 субделегатствъ (*Archives nationales*, série H 613), въ 1780 году—83 субделегатства (*Archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, série C 1), въ 1786 году—62 субделегатства (*Archives nationales*, série H 591), въ 1788 году—63 (ibidem), въ 1790 году—60 (ibidem). *Ріонское интендантство-генеральство*: въ 1730 году—20 субделегатствъ, въ 1740—22, въ 1778—18, въ 1786—17 (*Bonnefoy*. „Histoire de l'administration civile dans la province d'Auvergne et le département du Puy-de-Dôme". Paris, 1895, p. 203—207). *Нансійское интендантство*: въ 1770—10, въ 1771—12, въ 1772—15, въ 1774—16, въ 1779—36 (?) („Almanach de Lorraine"). *Лиможское интендантство-генеральство:* въ 1770—32, въ 1779—30, въ 1787—28 („Calendrier ecclésiastique et civil du Limousin"). *Парижское интендантство-генеральство*: въ 1782—32, въ 1789—30 (*Archives nationales*, série H 2113.— „Etat de la Magistrature", 1789). *Пуатевинское интендантство-генеральство:* въ 1778—30, въ 1790—22 („Almanach du Poitou"). *Турское интендантство-генеральство:* въ 1778—28, въ 1789—28 („Almanach historique de la province de Touraine"). *Монпельеское интендантство:* въ 1780—30, въ 1784—36 („Almanach Languedoc"). *Мецское интендантство-генеральство*: въ 1787—11, въ 1788— („Almanach des Trois-Evêchés").

[2]) Напримѣръ, въ амьенскомъ интендантствѣ-генеральствѣ число субделегатствъ—и, вѣроятно, ихъ территоріальный составъ—остается неизмѣннымъ съ 1753 вплоть до 1790 года („Inventaire des archives départementales de la Somme"); въ Мецскомъ интендантствѣ-генеральствѣ находимъ одиннадцать субделегатствъ въ 1756 году („Traité du département de Metz", Metz, 1756, *Bibliothèque nationale*, Lk 2/1792), и столько же въ 1787 („Almanach des Trois-Evêchés").

тендантствъ, нежели въ субделегатствахъ. Кромѣ значительной неравномѣрности, здѣсь мы встрѣчаемся съ тою же причудливостью очертаній и черезполосностью, которыя наблюдаются въ отношеніи интендантствъ. Несмотря на свои скромные размѣры, выборный округъ не всегда представляетъ сплошную территорію, но сплошь да рядомъ состоитъ изъ двухъ-трехъ и болѣе отдѣльныхъ кусковъ, разбросанныхъ въ видѣ островковъ („enclaves")—частью по другимъ выборнымъ округамъ того же интендантства [1]), частью—хотя и рѣже—по территоріямъ другихъ, сосѣднихъ интендантствъ [2]). Встрѣчаются, равнымъ образомъ, и „двухъ-частныя селенія" между выборными округами одного и того же генеральства [3]).

---

[1]) Напримѣръ, въ Парижскомъ интендантствѣ-генеральствѣ, выборный округъ Saint-Florentin состоитъ изъ четырехъ „островковъ", изъ которыхъ три разбросаны на территоріи выборнаго округа (того же интендантства) Tonnerre. Съ своей стороны, выборный округъ Tonnerre усѣянъ клочками чужихъ территорій, а именно: 1) часть бальяжа Auxerre, принадлежащаго къ дижонскому интендантству-генеральству, 2) полоса земли протяженіемъ около двухъ квадратныхъ льё, съ нѣсколькими селеніями, принадлежащая къ тому же интендантству, 3) подобный же по размѣрамъ участокъ съ городкомъ Tanlay, принадлежащій къ тому же интендантству, 4) участокъ около 5 кв. льё, принадлежащій къ выборному округу Saint-Florentin (парижскаго интендантства), 5) одно селеніе съ околодкомъ, принадлежащее къ тому же выборному округу, 6) другое селеніе (Dannemoine)—то же. Часть выборнаго округа Nogent находится на территоріи выборнаго округа (того же интендантства) Sens; одно селеніе, принадлежащее къ выборному округу Rosny, находится на территоріи выборнаго округа (того же интендантства) Meaux.—„Atlas de la généralité de Paris". Paris, 1762.

[2]) Напримѣръ, на территоріи выборнаго округа Château-Thierry (въ *Шалонскомъ* интендантствѣ-генеральствѣ) находится нѣсколько селеній, принадлежащихъ къ выборному округу Soissons (въ *суассонскомъ* интендантствѣ-генеральствѣ) („Atlas de la généralité de Soissons", 1787). На территоріи тоннеррскаго выборнаго округа (въ *парижскомъ* интендантствѣ-генеральствѣ) находится, какъ видно изъ предыдущаго примѣчанія, нѣсколько участковъ, принадлежащихъ къ различнымъ бальяжамъ *дижонскаго* интендантства-генеральства.—Подобная черезполосность наблюдается также и между различными историческими территоріальными тѣлами, входившими въ составъ одного и того же, или же нѣсколькихъ различныхъ интендантствъ. Напримѣръ, селеніе Busigny принадлежитъ одною частью Hainaut, другою Cambrésis, двумъ историческимъ областямъ, входившимъ въ составъ валансьеннскаго интендантства; другое селеніе находится различными своими частями въ двухъ областяхъ, Бургони и Маконнэ, входящихъ въ составъ дижонскаго интендантства-генеральства (*Archives départementales de Saône-et-Loire*, série C 544).

[3]) Напримѣръ, встрѣчаемся съ нѣсколькими paroisses mi-partie между выборными округами Nevers и Château-Chinon въ муленскомъ генеральствѣ. *Archives nationales*, série H 1570.

бделегатство было наиболѣе искусственнымъ изъ всѣхъ терри-
ьныхъ дѣленій до-революціонной Франціи, и слѣдовательно—
ѣе свободнымъ отъ всякаго рода традицій феодальной старины
ь неразлучною спутницей—всякаго рода путаницей; но, несмотря
, и дѣленіе на субделегатства далеко не было свободно отъ
ій, аналогичныхъ съ тѣми, что намъ пришлось отмѣтить въ
къ дѣленіяхъ. Объясняется это, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что, при
воей склонности къ единообразію и геометрической правильно-
при всей сравнительной независимости отъ всякаго рода тра-
ныхъ дѣленій, интендантамъ приходилось, однако, на каждомъ
считаться съ послѣдними, въ особенности, когда—а это было
ымъ явленіемъ при старомъ порядкѣ—съ ними были связаны
другіе интересы, тѣ или другія—частныя, корпоративныя,
ныя—привилегіи. Какъ бы то ни было, черезполосица и другія
оріальныя аномаліи не были чужды и субделегатствамъ [1]).

V.

ково было это дѣленіе до-революціонной, или—скажемъ болѣе
зленно—предъ-революціонной Франціи на интендантства, кото-
жно назвать *административнымъ* дѣленіемъ par excellence, въ
е отъ прочихъ дѣленій, имѣвшихъ въ виду различныя спеціаль-
бласти управленія (*services spéciaux*). Говорить объ администра-
ъ дѣленіи Франціи XVIII вѣка значитъ говорить о дѣленіи на
антства. Именно — на *интедантства*, а не на *генеральства*,
ъ образомъ не на генеральства *и* интендантства, и еще ме-
а генеральства *или* интендантства, какъ это—то-есть и то и
и третье—сплошь да рядомъ дѣлается различными авторами.
нтство представляетъ собою историческій прототипъ нынѣш-
епартамента, отъ котораго онъ отличается болѣе крупными раз-
[2]) — за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями [3]),—и меньшею

[1]) Напримѣръ, упомянутое въ предыдущемъ примѣчаніи селеніе Busigny,
частное" между областями Hainaut и Cambrésis, было подѣлено между
убделегатствами, Cambray и Landreen.

[2]) 32 интендантства, въ 1789 г., противъ 87 департаментовъ, въ настоящее

[3]) Въ частности, напримѣръ, парижское интендантство соотвѣтствуетъ тер-
ьно четыремъ нынѣшнимъ департаментамъ: Seine, Oise, Seine-et-Oise,
-Marne; интендантство лангдокское—семи департаментамъ: Ardèche, Aude,
aute-Garonne, Hérault, Lozère, Tarn.—*Luçay*. „La Décentralisation". Pa-
5, pp. 214, 223.

Напримѣръ, два нынѣшніе департамента, Nord и Pas-de-Calais, охватываютъ

искусственностью, то-есть меньшею независимостью отъ различныхъ завѣщанныхъ прошлымъ территоріальныхъ отношеній, а потому и меньшею равномѣрностью, если не въ отношеніи населенія, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи пространства [1]), а также меньшею правильностью очертаній [2]). Но существуетъ еще одно не менѣе характерное различіе между интендантствомъ XVIII вѣка и нынѣшнимъ департаментомъ. Въ то время какъ послѣдній представляетъ собою, такъ сказать, универсальную территоріальную единицу, то-есть не только административную въ общемъ смыслѣ, но и относительно различныхъ спеціальныхъ областей внутренняго управленія—единицу финансовую, судебную, военную, церковную и т. д.,—или же входитъ, не дробясь, въ составъ другихъ болѣе крупныхъ дѣленій, какъ, напримѣръ, „академіи“ (учебные округа) [3]),—интендантство далеко не представляло собою подобной универсальной единицы, такъ какъ на ряду съ нимъ и совершенно независимо отъ него существовали другія, болѣе спеціальныя единицы, которыя не совпадали съ интендантствами ни индивидуально, ни коллективно, хотя въ данномъ случаѣ, какъ и всюду при старомъ порядкѣ, не было правила безъ исключенія [4]).

территоріи интендантствъ лилльскаго, валансьеннскаго и отчасти—амьенскаго. *Luçay*, op. cit., p. 195.

[1]) Если исключить сенскій департаментъ, представляющій собственно не область, а городскую, парижскую территорію, то-есть величину, во многихъ отношеніяхъ несоизмѣримую съ остальными департаментами, то получимъ: *maximum населенія*—1.670.000 (Nord), *minimum населенія*—123.000 (Hautes-Alpes); *maximum пространства*—977.000 гектаровъ (Gironde), *minimum пространства*—285.000 гектаровъ (Rhône). Стало быть, касательно населенія. отношеніе maximum'а къ minimum'у выразится гладкою цифрою 13, то же отношеніе касательно пространства выразится цифрою $2^1/_2$ (*Luçay*, op. cit., pp. 144—145). Относительно интендантствъ соотвѣтствующія цифры, какъ мы видѣли выше, составляютъ: 2.276.000 188.900, какъ *maximum* и *minimum населенія*; 2.140 и 257 кв. льё, какъ *maximum* и *minimum пространства*; а отношеніе maximum'а къ minimum'у выразится цифрою 12 для населенія и цифрою $8^1/_2$ для пространства. Отсюда видно, что современные департаменты, далеко превосходя интендантства въ отношеніи равномѣрности пространства, въ то же время превосходятъ нѣсколько послѣднія неравномѣрностью распредѣленія народонаселенія.

[2]) Помимо меньшей, сравнительно съ интендантствами, извилистости границъ, департаментамъ совершенно неизвѣстны enclaves.

[3]) *Luçay*, op. cit., p. 147. Подобнымъ же образомъ, то-есть путемъ группировки нѣсколькихъ департаментовъ, образованы военные округа (ibid., p. 146).

[4]) Отдѣльные случаи территоріальныхъ совпаденій между различными дѣленіями будутъ указаны ниже.

жно сказать, что въ до-революціонной Франціи было столько же ныхъ спеціальныхъ территоріальныхъ дѣленій, сколько суще- ио различныхъ отраслей внутренняго управленія. Въ церков- тношеніи—самое древнее дѣленіе, если не считать римскихъ нцій"—Франція дѣлилась на особыя церковныя *провинціи* (*pro-* и *діоцезы* (*diocèses*) [1]), въ судебномъ—на *бальяжи* (*bailliages*), *льства* (*sénéchaussées*), *вигеріи* (*vigueries*), *превотства* (*prévô-* *кастелянства* (*châtellenies*), *губерніи* (*gouvernements, gouvernan-* *рисдикціи* (*juridictions*), и пр. [2]); другимъ болѣе крупнымъ су- ъ дѣленіемъ было дѣленіе на округа *парламентовъ* и *верховныхъ* *овъ* [3]), въ финансовомъ отношеніи—на *генеральства* съ ихъ под-

Діоцезы, по-нашему *епархіи*, отличались крайнею неравномѣрностью: тогда рупные діоцезы насчитывали до 600 и даже 800 приходовъ, были и такіе, е заключали въ себѣ всего по нѣскольку десятковъ приходовъ (*Luçay*. centralisation", p. 14). Въ отдѣльныхъ случаяхъ діоцезы совпадали съ или менѣе крупными феодальными „фьефами", напримѣръ графство Би- (*Archives départementales des Hautes-Pyrénées*, série C, passim); но соб- съ административными дѣленіями они совпадали только въ Бретани *es départementales d'Ille-et-Vilaine*, série C, passim). А. Бреттъ (op. cit., . 476 — 525) насчитываетъ, въ 1789 г., 24 церковныхъ провинціи и 148 въ.

Бальяжи—въ большей части Франціи, при чемъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, ь Бургони, Франшъ-Контэ, въ Лотарингіи, Трехъ-Епископствахъ и Фланд- льяжи также играли роль финансовыхъ округовъ, какими въ большей ча- тендантствъ были „выборные округа". *Сенешальства*, соотвѣтствовавшіе амъ въ Южной Франціи, нигдѣ, насколько намъ извѣстно, подобной роли ли. *Вигеріи* въ Провансѣ служили также административнымъ подраздѣ- , но только той части территоріи, которая находилась подъ управленіемъ хъ штатовъ; въ Руссильонѣ онѣ были одновременно и судебнымъ и адми- тивнымъ дѣленіемъ, съ которымъ совпадали также и субделегатства; въ кѣ вигеріями назывались подраздѣленія административныхъ (а не церков- діоцезовъ (*Archives nationales*, série H 911/2). *Превотства*, въ областяхъ Камбрези, точно также играли роль и судебныхъ и административныхъ , на ряду съ *кастелянствами*, которыя служили подобную же службу и жествѣ Домбъ. Корсика дѣлилась на *юрисдикціи*, которыя были, кажется, судебными дѣленіями; по крайней мѣрѣ, на ряду съ ними мы находимъ особое административное дѣленіе на *провинціи* (*provinces*). *Archives natio-* série K 685.

Тринадцать *парламентовъ*: Paris, Toulouse, Rennes, Bordeaux, Rouen, Aix, Nancy, Besançon, Grenoble, Douai, Metz, Pau, и четыре *верховныхъ* (*conseils souverains, conseils supérieurs*); Colmar, Perpignan, Artois, Corse. омъ спискѣ, который заимствуемъ у Буато („Etat de la France", pp. 310— имена парламентовъ и верховныхъ совѣтовъ расположены въ нисходящемъ

раздѣленіями на *выборные округа* и другія соотвѣтствующія имъ дѣленія, хотя это дѣленіе, какъ мы видѣли, не покрывало собою всей Франціи, въ военномъ отношеніи—на особые военные округа, которые лишь отчасти совпадали съ генералъ-губернаторствами, утратившими къ концу стараго порядка всякое реальное значеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей, находившихся въ особыхъ условіяхъ [1]); затѣмъ, были округа *счетныхъ палатъ* (*chambres des comptes*)—въ отношеніи финансоваго контроля [2]), округа *палатъ косвенныхъ налоговъ* (*cours des aides*)—въ отношеніи судебной юрисдикціи по подат-

---

порядкѣ цифръ народонаселенія каждаго изъ округовъ,—цифръ, которыя варьируются отъ 10.000.000 (парижскій парламентъ) до 100.000 (Корсика). По этому можно судить объ огромной неравномѣрности этихъ округовъ. Округа, *совпадающіе съ интендантствами*, были: Rennes, Dijon, Grenoble, Nancy, Besançon, Metz, Aix, Alsace (интендантство въ Страсбургѣ, верховный совѣтъ въ Кольмарѣ), Perpignan, Corse.

[1]) Въ 1789 году было двѣнадцать *счетныхъ палатъ*, но нѣкоторыя изъ нихъ были соединены въ одно учрежденіе съ мѣстными парламентами, при чемъ, разумѣется, совпадали соотвѣтственно и округа тѣхъ и другихъ. *Boiteau*, op. cit., p. 324.

[2]) До Франциска I, генералъ-губернаторства имѣли характеръ лишь временныхъ территорій, которыя къ тому же пріурочивались исключительно къ пограничнымъ областямъ: Францискъ I впервые распространилъ это дѣленіе на всю территорію королевства, при чемъ съ тѣхъ поръ оно пріобрѣтаетъ постоянный характеръ. Первоначальное число генералъ-губернаторствъ, 12, постепенно возрасло, къ концу стараго порядка до 40 (32 перваго класса и 8 второго (*Archives nationales*, série AD I, 18: „Règlement du 18 mars 1776"). *Территоріальныя совпаденія* интендантствъ съ генералъ-губернаторствами наблюдаются въ тѣхъ же областяхъ, что и совпаденіе интендантствъ съ парламентскими округами, съ прибавкою Лангдока, гдѣ интендантство совпадало съ генералъ-губернаторствомъ, но не съ парламентскимъ округомъ, который былъ значительно шире. Раздѣленіе на генералъ-губернаторства совершенно утратило, за немногими исключеніями, всякое реальное значеніе къ концу стараго порядка, когда фактическое военное командованіе мы находимъ всецѣло въ рукахъ такъ называемыхъ „главнокомандующихъ въ провинціяхъ" (commandants en chef dans les provinces) при чемъ для нихъ были образованы особые округа, которые въ отдѣльныхъ случаяхъ совпадали съ генералъ-губернаторствами, въ другихъ же образовали болѣе обширныя территоріи, совершенно независимыя отъ дѣленій, на генералъ-губернаторства, которыя они въ среднемъ значительно превосходили своими размѣрами, такъ какъ ихъ насчитывалось всего лишь 17, противъ 40 генералъ-губернаторствъ. Области, гдѣ интендантства совпадали территоріально съ „провинціями" этихъ главнокомандующихъ, были тѣ же, въ которыхъ интендантства совпадали и съ генералъ-губернаторствами, и въ которыхъ, слѣдовательно, эти послѣднія совпадали и съ округами „главнокомандующихъ". *Bretle*. „Recueil de documents, etc., t. I, pp. 425—440.

асти [1]), *маршальства* (*maréchaussées*) — въ отношеніи полиціи сности [2]), *университеты* (*universités*)—въ отношеніи народнаго щенія [3]), округа *большихъ приказовъ водъ и лѣсовъ* (*grandes ses des eaux et forêts*) — по лѣсному и рѣчному управленію [4]), наго рода округа по эксплуатаціи *государственной соляной мо-* (*gabelle*) [5]),—въ отношеніи таможенныхъ пошлинъ (*traites*) [6]),

так какъ каждое изъ этихъ многочисленныхъ и разнообраз- территоріальныхъ дѣленій сложилось исторически и по боль- асти независимо отъ остальныхъ, то не трудно себѣ предста- у черезполосицу и территоріальную путаницу, которая полу- въ результатѣ. Распутать эту путаницу — задача безусловно олнимая при настоящемъ состояніи исторической разработки щихся сюда вопросовъ, да врядъ ли и вообще выполнимая мъ своемъ объемѣ, такъ какъ болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы ись—даже предполагая, что всѣ архивы Франціи будутъ изу- до послѣдней связки — на лицо всѣ документы, необходимые ясненія всѣхъ деталей этого вопроса.

нныя, доступныя въ настоящую пору, позволяютъ охарактери- лишь въ общихъ чертахъ взаимныя отношенія между этими ными дѣленіями и въ частности—что главнымъ образомъ и авляетъ интересъ для нашей задачи—тѣ отношенія, въ кото- находилось къ послѣднимъ дѣленіе на интендантства.

общемъ, территоріальное совпаденіе въ этомъ случаѣ является ченіемъ, обратное явленіе—правиломъ, при чемъ правило это не

Въ 1789 году существовало только двѣ *палаты косвенныхъ налоговъ*, какъ самостоятельныя учрежденія, остальныя составляли одно цѣлое съ нѣкото- въ провинціальныхъ парламентовъ. Ibidem., p. 327.

Иначе они назывались также *départements de maréchaussée*. *Brette*, op. III.

Всего было 23 „университета“ въ 1789 году. *Boiteau*, op. cit., p. 453.

Двадцать *большихъ приказовъ водъ и лѣсовъ* въ 1789 г. Ibidem., 332.

Въ XVIII вѣкѣ вся Франція дѣлилась, въ отношеніи соляной монополіи, ть неравныхъ округовъ: *provinces de grandes gabelles*, *provinces de petites*, *provinces de salines*, *provinces franches*, *provinces rédimées* и *pays de ouillon*. *Necker*. „De l'Administration des finances“, t. II, p. 12.

Въ отношеніи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, Франція дѣлилась на равныя части, изъ которыхъ къ тому же только одна представляла сплош- рриторію, другія же двѣ состояли изъ разобщенныхъ областей; эти три юсили названіе: *cinq grosses fermes*, *provinces réputées étrangères* и *pro- l'étranger effectif*. *Necker*, op. cit., t. II, pp. 169—170.

допускаетъ исключеній для центральной, такъ сказать, коренной Франціи, гдѣ побѣда государственной централизаціи надъ всякою территоріально-исторической особностью была наиболѣе полною, и гдѣ дѣленія на генеральства и уложившееся въ его рамки дѣленіе на интендантства было наиболѣе свободно отъ историческихъ традицій; наоборотъ, настоящимъ полемъ для исключеній указаннаго свойства являются окраинныя области, присоединенныя къ французской коронѣ главнымъ образомъ въ XVII — XVIII вѣкахъ, и сохранившія, въ большей или меньшей степени, свою территоріальную особность [1]).

VI.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ дѣленіями, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, имѣютъ между собою нѣчто общее, и это общее заключается въ томъ, что всѣ они представляютъ различные виды *административныхъ* дѣленій, разумѣя это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, то-есть, включая сюда и „администрацію юстиціи", судъ. Но кромѣ всѣхъ этихъ многочисленныхъ видовъ административныхъ дѣленій, до-революціонная Франція имѣла еще то, что неизвѣстно Франціи современной, а именно — дѣленіе *политическое*. При всей своей административной пестротѣ, страна можетъ быть гладкою въ политическомъ отношеніи, если всѣ ея части стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ цѣлому, къ государству, верховной власти; наоборотъ, во Франціи стараго порядка, административная пестрота усложнялась еще пестротою политической, такъ какъ различныя части страны стояли не въ одинаковомъ отношеніи къ центральной власти; однѣ изъ нихъ обладали нѣкоторыми политическими правами, которыхъ были лишены другія, причемъ политическія права одной области не всегда были тождественны или равносильны съ правами другой. Въ этомъ отношеніи вся территорія Франціи раздѣлялась на двѣ не-

---

[1]) Поэтому въ большинствѣ окраинныхъ областей интендантства совпадали съ округами судебными, военными и съ нѣкоторыми другими дѣленіями. Такъ, въ Бретани совпадали территоріально и *интендантство*, и *генеральство*, и *парламентскій округъ*, и генералъ-губернаторство, и округъ главнаго командованія. Подобныя же совпаденія наблюдаются, въ большей или меньшей степени, въ Эльзасѣ, Лотарингіи, Трехъ-Епископствахъ, Бургони, Франшъ-Контэ, Дофинэ, Провансѣ, Руссильонѣ, а также въ Лангдокѣ, области, хотя и присоединенной значительно ранѣе остальныхъ, но сохранившей, въ силу особыхъ историческихъ условій, свою исконную организацію и свою территоріальную особность. *Brette*, op. cit., t. I, pp. 371—475.

равныя части: одна, бóльшая часть, представляла собою области, лишенныя мѣстнаго самоуправленія, управлявшіяся бюрократически; другая, меньшая, состояла изъ областей, обладавшихъ извѣстною степенью самоуправленія. Первая изъ этихъ частей представляла собою совершенно гладкую въ политическомъ смыслѣ территорію, такъ какъ всѣ входившія въ ея составъ области находились въ одинаковомъ—именно, въ одинаково безправномъ отношеніи къ центральной власти; другая, наоборотъ, представляла, въ политическомъ отношеніи, значительную пестроту, такъ какъ права, которыми она обладала, были въ значительной степени различны какъ для различныхъ группъ областей, такъ и для отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ этой части. Первая изъ этихъ двухъ частей состояла изъ двухъ категорій областей, изъ которыхъ бóльшая заключала въ себѣ всѣ такъ называемыя *выборныя области* (*pays d'élection*)[1]; другая, значительно меньшая, состояла изъ такъ-называемыхъ *податныхъ областей* (*pays d'imposition*)[2], которыя, въ свою очередь, всѣ принадлежали къ числу такъ называемыхъ *завоеванныхъ областей* (*pays conquis*[3]). Эта вторая и меньшая часть страны состояла главнымъ образомъ изъ такъ-называемыхъ *областей со штатами* (*pays d'états*)[4], къ которымъ примыкали двѣ второстепенныя категоріи мелкихъ обла-

---

[1]) За исключеніемъ маленькой группы мелкихъ областей Маконнэ, Брессъ, Бюжей, Жексъ и Домбъ, въ дижонскомъ интендантствѣ, которыя, принадлежа къ числу pays d'élection, имѣли, тѣмъ не менѣе свое мѣстное самоуправленіе, свои „штаты" или ихъ подобіе.

[2]) Эти двѣ группы областей не различались строго: даже въ офиціальномъ языкѣ ихъ часто смѣшивали подъ однимъ общимъ наименованіемъ *pays d'élection* (напримѣръ, у Неккера „De l'Administration des finances" t. I, p. 96).

[3]) Часть „завоеванныхъ областей", не принадлежавшая къ „pays d'imposition", относилась къ категоріи „pays d'états". Къ послѣдней категоріи принадлежала: Артуа и Фландрія, а съ 1788 г. еще и области Эно и Франшъ-Контэ; къ первой: Лотарингія, Три-Епископства, Эльзасъ, Руссильонъ, а до 1788 г., кромѣ того, Эно и Франшъ-Контэ.

[4]) *Archives nationales*, série H 1474 („Mémoire pour prouver que la Flancre Wallonne est un pays d'états"): „ce qui distingue un *pays d'états* d'avec les autres consiste dans le privilège de n'être imposé en tailles, aides et subsides, qu'autant qu'ils y ont donné leur consentement, et comme ce consentement ne peut être demandé en particulier à tous les habitants d'un pays d'états, il est tout simple de conclure qu il faut qu'il y ait dans ces sortes de province *des personnes préposées qui en représentent la généralité, au nom de laquelle ils puissent parler, la protéger et la défendre*"...

стей, носившихъ названіе *синдикатныхъ* (*pays syndiqués*) [1]) и *абонированныхъ* (*pays abonnés*) [2]).

Для выясненія вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи находилось дѣленіе на интендантства, равно какъ и другія, спеціальныя административныя дѣленія, къ этому политическому дѣленію на названныя группы областей, необходимо предварительно остановиться на одномъ довольно сильно укоренившемся въ исторической литературѣ недоразумѣніи. Недоразумѣніе это заключается въ представленіи, что до-революціонная Франція, помимо различныхъ дѣленій административнаго характера, имѣла еще по однимъ „политическое", по другимъ „историческое" дѣленіе на извѣстное, опредѣленное число *провинцій* (*provinces*), раздѣлявшихся, въ свою очередь, каждая на извѣстное число *областей* (*pays*) [3]). Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя могутъ служить пояснительною иллюстраціей къ сдѣланному выше замѣчанію относительно необходимости воздерживаться, при изученіи стараго порядка, отъ перенесенія привычныхъ намъ представленій точности и отчетливости въ историческую дѣятельность послѣдняго. Говорить о дѣленіи Франціи стараго порядка на опредѣленное число *провинцій* значитъ придавать слову „провинція" болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ оно имѣло въ языкѣ, хотя бы даже и офиціальномъ, ста-

[1]) Это были небольшія области, пользовавшіяся правомъ выбирать себѣ областныхъ старостъ для мѣстнаго управленія главнымъ образомъ податною частью; таковы были *Marches Communes* на рубежѣ Бретани и Пуату, область *Mixe* въ Пиренеяхъ и др. — *Chenon*. „Les Marches séparantes de Bretagne, d'Anjou et de Poitou". Paris. 1892.—*Archives nationales*, série H 1151 (pays de Mixe).

[2]) Небольшія области или отдѣльные города, пользовавшіеся привилегіей платить однажды на извѣстное число лѣтъ впередъ установленную правительствомъ, по соглашенію съ представителями данной области, сумму въ королевскую казну, взамѣнъ существующихъ податей; таковы были года Bayonne и Leictoure, и области Labour, Nébouzan и др. (Эти области признавались также и pays d'états). *Archives nationales*, série H. 1165, 186.

[3]) Различные авторы, впрочемъ, далеко не сходятся въ опредѣленіи цифры „провинцій, изъ которыхъ состояла Франція" до 1789 года. Лабулэ, напримѣръ, насчитываетъ 58 (*Laboulay*. „De l'Administration française sous Louis XVI". „Revue des Cours littéraires", t. II, p. 521: „La France était composée, en 1774, *de 58 provinces*"), тогда какъ Лаферрьеръ останавливается на гораздо болѣе скромной, но отъ того ничуть не менѣе миѳической цифрѣ, 38 (*Laferrière*. „Histoire des principes", etc., p. 33). Большинство авторовъ (напримѣръ, *Richter*. „Staats- und Gesellschaftsrecht der fr. Revolution") считаютъ, впрочемъ, почему-то болѣе удобнымъ говорить о „сорока провинціяхъ"—цифра, единственное преимущество которой заключается лишь въ ея гладкости.

юрядка. Дѣйствительно, этотъ терминъ могъ означать территоую единицу какого угодно порядка: генеральство, интендантзоенный округъ, и т. д. [1]), и провинціи, какъ особой территоой единицы sui generis, до-революціонная Франція не знала. съ, на который безъ запинки отвѣтитъ теперь любой гимназистъ: олько провинцій дѣлилась Франція до революціи?—поставилъ бы съ Неккера или Тюрго. Ихъ привелъ бы, безъ сомнѣнія, въ ьшее смущеніе вопросъ: сколько „областей" заключала въ себѣ го или такая-то „провинція"? И это по двумъ причинамъ: воъ, потому, что слово *область* (*pays*) отличалось не большею вленностью, чѣмъ и слово *провинція* (*province*); во-вторыхъ, почто словоупотребленіе стараго порядка вовсе не знало о томъ омъ противоположеніи, которое вносится совершенно произ въ наше время между этими двумя терминами, которые сплошь

---

[1]) *Archives départementales de la Côte d'Or* (Dijon), série C 2987: „... il est par la succession des temps, qu'une partie desdits bourgs (de *la généralité* n) ... ont été très longtemps compris dans les rôles des impositions de *la té de Paris*; mais comme il n'y avait pas de bornes séparatives connues minées entre *ces deux provinces*, il en résultait", etc. Здѣсь слово *province* лено въ качествѣ метонимическаго обозначенія *генеральства-интендант*акъ и въ слѣдующемъ текстѣ: „Règlement sur la formation des assemblées ont lieu dans la *province* (=généralité) de Champagne, en vertu de l'Edit 1787" (*Archives nationales*, série H 1605). Вѣроятно, это метонимическое еніе термина *province*, для обозначенія интендантства, и дало поводъ еру, говорить о „33 провинціяхъ". („Histoire des principes", etc., p. 83). привести сколько угодно примѣровъ подобнаго же метонимическаго упоя термина *province* для обозначенія генералъ-губернаторства, округа командованія, и т. д. Мы удовольствуемся лишь указаніемъ на то, что аты нашихъ изысканій совершенно совпадаютъ въ этомъ пунктѣ съ замѣ, высказанными на этотъ счетъ А. Бреттомъ, какъ въ его „Recueil de do", на который намъ столько разъ уже приходилось ссылаться (томъ I,), такъ и въ интересной и поучительной статьѣ его (въ „Révolution ") о депутатѣ Гонкурѣ и о сочиненной имъ мнеческой „province de Bas въ существованіе которой увѣровало само Національное собраніе—именно ря полной неопредѣленности понятія, которое соединялось съ этимъ слоослѣ всего этого мы рѣшительно затрудняемся понять, какимъ образомъ ые изъ новѣйшихъ авторовъ считаютъ возможнымъ говорить о „провин старомъ порядкѣ, какъ о нѣкоторой вполнѣ опредѣленной, точной терьной единицѣ. По словамъ Faye, напримѣръ, провинція представляла въ юціонной Франціи столь же опредѣленную величину, какъ въ наше время—ментъ, а именно, она была подраздѣленіемъ генеральства (!). *Faye*. „Les le l'ancienne province de Touraine". Tours, 1887 (докладъ въ мѣстномъ обществѣ).

да рядомъ употреблялись совершенно безразлично въ языкѣ, даже и офиціальномъ, стараго порядка [1]). Говоря о „политическомъ“ или „историческомъ“ дѣленіи до-революціонной Франціи на „провинціи“ и „области“, обыкновенно имѣютъ въ виду тѣ территоріальныя тѣла, которыя продолжали носить традиціонныя, съ незапамятныхъ временъ образовавшіяся собственныя имена, въ родѣ Турэнь, Овернь и т. д., но которые, въ большинствѣ случаевъ, утратили значеніе административныхъ или политическихъ величинъ. Эти территоріальныя величины sui generis можно назвать „историческими провинціями“ или „историческими областями“, на томъ основаніи, что онѣ представляютъ собою тѣ историческіе территоріальные элементы, тѣ болѣе или менѣе крупные феодальные домены или фьеры, изъ которыхъ постепенно, путемъ многовѣковаго „собиранія“, сложилась французская торія [2]). Но не слѣдуетъ забывать, что это названіе „историческія

---

[1]) Дѣйствительно, сплошь да рядомъ оба термина—*province* и *pays*—встрѣчаются въ приложеніи къ одной и той же территоріальной величинѣ; напримѣръ, графство Фуа называется то „pays de Foix“ (*Archives nationales*, série H 1165), то „province de Foix“ (Ibidem, série H 719), виконтство Суль—то „pays de Soule“ (Ibidem, série H 1367), то „province“ (Ibidem, série H 1165), „pays de Roussillon“ и „province de Roussillon“ („Procès-verbaux des Etats de Foix“, 1788, p. 13. *Archives départementales de l'Ariège* (Foix)), „province d'Auvergne“ и „pays d'Auvergne“ (*Brette* op. cit., t. I, p. 397), „province de Provence“ и „pays de Provence (Ibidem., p. 470), и подобныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Вся разница—довольно, впрочемъ, неопредѣленная—въ словоупотребленіи двухъ разсматриваемыхъ терминовъ заключается въ томъ, во-первыхъ, что, тогда какъ слово *province* можетъ обозначать генеральство, интендантство, генералъ-губернаторство или военный округъ, то-есть опредѣленныя административныя дѣленія, слово *pays* никогда не встрѣчается съ подобнымъ метонимическимъ значеніемъ; во-вторыхъ, терминъ *pays* большею частью уступаетъ мѣсто слову *province*, когда дѣло идетъ о сравнительно крупныхъ территоріальныхъ величинахъ; напримѣръ, относительно Фуа говорилось безразлично *province* или pays, но относительно Бретани—предпочтительно *province*. Въ этомъ заключалась единственная разница между *province* и *pays* въ словоупотребленіи стараго порядка.

[2]) Имена большей части этихъ территорій ведутъ свое начало отъ римскихъ названій различныхъ галльскихъ племенъ: Auvergne—*Arverni*, Anjou—*Andegavi*, Artois—*Atrebates*, Berry—*Bituriges*, Limousin—*Lemovices*, Lyonnais—*Lugduni*, Maine—*Cenomani*, Perigord—*Petrocorri*, Poitou—*Pictavi*, Saintonge—*Santones*, и т. д. Имена другихъ происходятъ отъ римскихъ же именъ различныхъ городовъ Галліи, какъ Orléanais—Orléans—*Aurelianum*, Bourbonnais—*Burbo*, Nivernais—*Noviodunum*, Béarn—*Beneharnum*. Roussillon—*Ruscino*; или отъ римскихъ названій, данныхъ извѣстнымъ мѣстностямъ по ихъ физическому характеру, какъ Champagne—*Campus*; наконецъ Provence есть превратившееся въ собственное

винція" будетъ совершенно условнымъ, сочиненнымъ названіемъ, му что словоупотребленіе стараго порядка не знало само ни этого ина, ни тѣмъ паче термина „провинція" безъ эпитета, какъ нательнаго видоваго имени для разсматриваемой категоріи территоьныхъ тѣлъ, которыя носили одни лишь индивидуальныя имена. людей стараго порядка это были *des* provinces, отнюдь не *les* inces [1]).

Сколько было этихъ „историческихъ провинцій"? Вопросъ этотъ етъ имѣть смыслъ только въ формѣ: „изъ сколькихъ послѣдовано присоединенныхъ къ французской коронѣ территоріальныхъ нцъ сложилась французская территорія?", вопросъ, который легче ть, чѣмъ на него отвѣтить, такъ какъ всякая точная цифра, въ ествѣ отвѣта на него, можетъ быть оспариваема, и не только дствіе неясности данныхъ, но еще больше вслѣдствіе запутанти самихъ территоріальныхъ отношеній, съ которыми приходится ть дѣло при разрѣшеніи даннаго вопроса. Все, что можно сказать риска погрѣшить противъ исторической дѣйствительности, это что такихъ историческихъ территорій, изъ которыхъ послѣдовательно жилась Франція, и которыя сохранили до конца, а отчасти и до ихъ дней продолжаютъ сохранять свои традиціонныя имена, натывалось до тридцати крупныхъ [2]) значительно бóльшаго колитва мелкихъ.

Вопросъ о числѣ этихъ „историческихъ областей", впрочемъ, не етъ значенія для нашей задачи. Для насъ важно лишь установ отношеніе, въ которомъ стояло къ нимъ дѣленіе на интендантства. Здѣсь мы наблюдаемъ существенную разницу между различи категоріями этихъ областей. Тѣ изъ нихъ, которыя, подъ

-нарицательное *provincia* (Narbonensis). *Babeau*. „La Province sous l'ancien ne", t. I, pp. 2—3.

[1]) Бабо, напримѣръ, такъ начинаетъ „предварительную главу" своей „Проціи при старомъ порядкѣ": „*Les provinces* de France, telles qu'elles existaien 1789", etc. (*Babeau*. „La Province sous l'ancien régime", t. I, p. 1). Ни ъ изъ современниковъ Неккера, ни самъ онъ, конечно, не поняли бы, о чемъ твенно хочетъ говорить авторъ: о генеральствахъ, интендантствахъ, генералърнаторствахъ, или еще о какихъ-либо другихъ „провинціяхъ".

[2]) Alsace, Angoumois, Anjou, Auvergne, Béarn, Bérri, Bourbonnais, Boure, Bretagne, Champagne, Dauphiné, Flandre, Franche-Comté, Gascogne, Guy-, Hainaut, Ile-de-France, Languedoc, Limousin, Lorraine, Lyonnais, Maine, che, Nivernais, Normandie, Orléanais, Picardie, Poitou, Provence, Roussillon, onge.

именемъ *pays d'élection* [1]), еще задолго до изучаемой нами эпохи, образовали одну безразличную въ политическомъ отношеніи территорію, будучи подѣлены на „выборные округа", а потомъ на „генеральства",— утратили совершенно свою территоріальную особность, такъ какъ новыя административныя дѣленія—на выборные округа и на генеральства—по большей части совершенно не считались съ „историческими" границами [2]), которыя съ тѣхъ поръ совершенно утратили фактически всякое значеніе и мало-по-малу стушевались до того, что сдѣлались, во многихъ случаяхъ, спорными еще задолго до 1789 года. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что въ „выборныхъ областяхъ" господствовала полнѣйшая черезполосица въ территоріальныхъ отношеніяхъ между интендантствами и входившими въ ихъ составъ „историческими областями" или ихъ частями [3]).

Что касается прочихъ категорій областей, то-есть „областей со штатами", „областей завоеванныхъ", „абонированныхъ" и „синдикатныхъ", то онѣ, сохранивъ, въ большей или меньшей степени, свою правовую особность, сохранили вмѣстѣ съ тѣмъ, до самаго конца стараго порядка, и свою особность территоріальную. По отношенію къ интендантствамъ всѣ эти области можно раздѣлить на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ, болѣе крупныя, образовали каждая особое интендантство, безъ всякой примѣси инородныхъ территоріальныхъ элементовъ [4]), другія, болѣе или менѣе мелкія по большей части,

---

[1]) Замѣтимъ, что болѣе принятое въ литературѣ правописаніе *pays d'élections* (pluriel) не имѣетъ за себя ни малѣйшаго основанія въ источникахъ.

[2]) *Leroux*. „La généralité de Limoges". „Inventaire des archives dép. de la Haute-Vienne". Limoges, 1891.

[3]) Напримѣръ, буржское интендантство-генеральство включало въ свой составъ „историческую область" Берри (цѣликомъ) и части областей Бурбоннэ и Ниверня, лиможское интендантство-генеральство заключало въ себѣ всю область Лимузэнъ и бо́льшую часть области Ангумуа, остальная часть которой находилась въ ла-рошельскомъ интендантствѣ-генеральствѣ, и т. д. Нормандія представляетъ единственную изъ „выборныхъ областей", подѣленную, безъ соединенія съ другими областями на три почти равныя части, образовавшія три интендантства-генеральства: Rouen, Caen, Alençon. *Hecker*. „De l'Administration des finances", t. I, pp. 231, 242, 244, 255, 286.

[4]) *Pays d'états*: Languedoc (монпельеское или лангдокское интендантство) и Bretagne (ренеское или бретанское). *Pays conquis*: Lorraine (нансійское или лотарингское интендантство). Trois-Evêchés (мецское или Трехъ-Епископствъ) Franche-Comté или comté de Bourgogne (безансонское или франшъ-контейское), Dauphiné (гренобльское или дофинейское), Roussillon (перпиньянское или руссильонское). Островъ Корсика (Corse) принадлежитъ сюда, какъ въ качествѣ *pays conquis*, такъ равно и въ качествѣ *pays d'états*.

вошли въ составъ соотвѣтствующихъ интендантствъ, группируясь съ другими областями, не всегда при томъ однородными, но не сливаясь съ ними, а продолжая хранить, вмѣстѣ съ правовою особностью, и свою особность территоріальную [1]).

Итакъ, взаимныя территоріальныя отношенія между „историческими областями“ и интендантствами можно охарактеризовать въ короткихъ словахъ такъ. Тѣ изъ первыхъ, которыя, подъ именемъ „выборныхъ областей“, совершенно утратили свою территоріальную особность, подверглись не только *группировкѣ* въ предѣлахъ одного и того же интендантства, но также и *расчлененію* между различными интендантствами; остальныя, сохранившія, вмѣстѣ съ правовою, и свою территоріальную особность, либо продолжали существовать въ качествѣ особыхъ интендантствъ, либо вошли въ составъ таковыхъ, группируясь съ другими—однородными или инородными—территоріальными элементами, но отнюдь не подвергаясь какому бы то ни было расчлененію между различными интендантствами. Изъ этого слѣдуетъ еще, съ другой стороны, что интендантство въ одномъ случаѣ *совпадало* территоріально съ извѣстною „историческою областью“, въ другомъ *включало* въ себя нѣсколькихъ цѣльныхъ областей, въ третьемъ—одну или нѣсколько цѣльныхъ съ прибавкою частей какихъ-либо другихъ областей, или наконецъ—состояло исключительно изъ частей различныхъ историческихъ областей. Отсюда еще слѣдуетъ, между прочимъ, что, какъ историческая область, въ извѣстномъ данномъ случаѣ, могла быть частью интендантства, такъ и наоборотъ, интендантство могло само составлять часть исторической области [2]).

Вопросъ о тѣхъ изъ „историческихъ областей“, которыя, въ ка-

---

[1]) Напримѣръ, графство Артуа и Фландрія образовали вмѣстѣ интендантство лилльское или артуа-фландрское; Эно и Камбрези—интендантство валансьенское или эно-камбрезійское; области Маконнэ, Брессъ, Бюжей, Жексъ и Домбъ соединились съ Бургонью въ одно интендантство дижонское или бургонское; такъ называемыя „прилежащія земли“ соединились съ собственнымъ Провансомъ въ одно интендантство экское или провансское; различныя мелкія области въ Пиренеяхъ соединились съ генеральствомъ ошскимъ въ одно интендантство Ошъ и По, и т. д.

[2]) *Ricard* („Institutions judiciaires“, etc., p. 315) имѣетъ въ виду, очевидно, отношеніе между интендантствами и историческими провинціями, говоря о „генеральствахъ“ и „провинціяхъ“: „A part quelques exceptions, la *généralité* avait les mêmes limites que la *province* où elle était établie“. То, что авторъ называетъ *исключеніемъ*, было въ дѣйствительности *правиломъ*.

чествѣ *pays d'élection*, совершенно, такъ сказать, потонули и растворились въ административномъ дѣленіи на интендантства, не представляетъ никакого интереса для нашей задачи. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ прочими областями, такъ какъ, повторяемъ, онѣ продолжали хранить свою территоріальную и правовую особность, войдя въ административныя рамки интендантствъ, но не слившись въ этихъ рамкахъ съ своими сосѣдними территоріальными элементами въ одну безразличную въ правовомъ отношеніи территорію, другими словами, продолжали сохранять каждая свою исторически-правовую физіономію. Съ этой точки зрѣнія намъ необходимо разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе территоріальный составъ интедантствъ.

Что касается интендантствъ „выборныхъ областей", территоріальный составъ которыхъ не представлялъ никакихъ контрастовъ, въ административно-правовомъ отношеніи, то достаточно будетъ ихъ поименовать [1]).

Составъ большинства остальныхъ интендантствъ отличался большею или меньшею пестротой; изъ числа десяти интендантствъ, въ составъ которыхъ входили, въ 1789 г., исключительно или отчасти, области со штатами [2]), только четыре представляли однородный составъ, это интендантства: *ренкское*, совпадавшее территоріально съ исторической областью Бретанью, которая представляла собою область со штатами, затѣмъ интендантство *монпельеское*, совпадавшее территоріально съ другою областью со штатами, Лангдокомъ, интендантство *гренобльское*, совпадавшее съ Дофинэ (область со штатами, съ 1788 г.), и наконецъ, *островъ Корсику* [3]), которая имѣла также

[1]) Въ 1789 году было семнадцать интендантствъ, въ составъ которыхъ входили исключительно „выборныя области": Alençon, Amiens, Bourges, Caen, Châlons, La Rochelle, Limoges, Lyon, Montauban, Moulins, Orléans, Paris, Poitiers, Riom, Rouen, Soissons, Tours. Къ „исключеніямъ", оговореннымъ выше, нужно отнести такія территоріи, какъ Marches communes de Bretagne et de Poitou, представлявшія явленіе совершенно sui generis; это было нѣчто въ родѣ „синдикатныхъ областей", которыя находились подъ совмѣстнымъ управленіемъ двухъ сосѣднихъ интендантствъ-генеральствъ: реннскаго и пуатевинскаго (*Chénon*. „Les Marches séparantes de Bretagne, d'Anjou et de Poitou". Paris, 1892). Интендантство Grenoble, до реформы 1788 г., принадлежало къ числу „pays d'élection".

[2]) *Montpellier* (Languedoc), *Rennes* (Bretagne), *Dijon* (Bourgogne), *Grenoble* Dauphiné, съ 1788 г.), *Aix* (Provence), *Auch et Pau* (Béarn, Navarre, Bigorre, Foix, Nébouzan, Soule, Quatre-Vallées), *Lille* (Artois, Flandre Wallonne, Flandre Maritime), *Valenciennes* (Hainaut съ 1788 г., Cambrésis), *Bordeaux* (Labour), Ile de Corse.

[3]) Въ административномъ отношеніи Корсика считалась нераздѣльной частью французской территоріи, (а не колоніей).

штаты и представляла въ то же время особое интендантство. остальныхъ шести, интендантство *дижонское* включало въ свой авъ, кромѣ обширной области со штатами, Бургони, еще нѣько мелкихъ областей, которыя были одновременно и „выборными стями" и областями со штатами [1]); интендантство *эксское* заклю въ себѣ, кромѣ своей главной части, „области со штатами", ванса, еще нѣкоторыя инородныя территоріи sui generis [2]); интантство *Ошъ* и *По* заключало въ себѣ, кромѣ семи различныхъ стей со штатами [3]), еще генеральство ошское, относившееся, по му составу, къ „выборнымъ областямъ" (оно включало въ себя шую часть территоріи „исторической области" Гаскони); интентство *лилльское* состояло изъ трехъ различныхъ областей со штаи; сосѣднее съ нимъ интендантство *валансьеннское* заключало въ , въ 1789 году, двѣ области со штатами, наконецъ, интендант *бордоское* включало въ свой составъ лишь одну маленькую объ со штатами, Лабуръ, тогда какъ вся остальная территорія, соявшая бордоское генеральство, представляла собою часть „выныхъ областей" (историческая область Гюэнь).

Интендантства, включавшія въ свой составъ „податныя области" s d'imposition) — ихъ было шесть до реформы 1788 [4]) и четыре 1788—1789 годахъ [5])—были всѣ односоставными, за исключеніемъ нсьеннскаго интендантства, которое, до реформы 1788 года соло изъ одной „податной области" (Hainaut) и одной „области со тами" (Cambrésis).

Что касается областей „абонированныхъ" и „синдикатныхъ", то, своей территоріальной незначительности, равно какъ и вслѣдствіе й разбросанности, они не образовали сами по себѣ ни одного аго интендантства.

---

[1]) Maconnais, Bresse, Bugey, Gex, Dombes.

[2]) Marseille, Terres adjacentes, Vallée de Barcelonnette.

[3]) См. одно изъ предыдущихъ примѣчаній.

[4]) Реформа, о которой рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ, заключалась въ „возовленіи" штатовъ въ Дофинэ, Франшъ-Контэ и Эно.

[5]) Strassbourg (Alsace), *Besançon* (*Franche-Comté*), Nancy (Lorraine et Bar-, Metz (Trois-Evêchés), Perpignan (Roussillon), *Valenciennes* (*Hainaut et brésis*). Отмѣчены курсивомъ два интендантства, которыя, въ 1788 г., вошли исло pays d'états. Интендантство Valenciennes было также упомянуто выше, слѣ интендантствъ, включавшихъ въ свой составъ *pays d'états*.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, главнѣйшіе пункты изложеннаго.

Говорить объ административныхъ дѣленіяхъ въ до-революціонной Франціи значитъ говорить, прежде всего, объ интендантствахъ; не о *генеральствахъ*, а именно объ *интендантствахъ*.

Интендантство было административною единицею par excellence. Оно играло въ XVIII вѣкѣ приблизительно ту роль, которая принадлежитъ въ современной Франціи департаменту, отъ котораго оно, впрочемъ, отличается различными, болѣе или менѣе существенными особенностями.

Во-первыхъ, сравнительно съ первымъ, оно представляетъ собою дѣленіе гораздо менѣе искусственное, менѣе независимое отъ различныхъ традиціонныхъ территоріальныхъ отношеній, при чемъ зависимость отъ этихъ послѣднихъ съ особенною силою сказывается въ областяхъ, которыя были послѣдними по времени присоединенія къ французской коронѣ. Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ свидѣтельствъ этой зависимости служитъ крайняя черезполосность какъ въ порубежныхъ отношеніяхъ между отдѣльными интендантствами, осложненныхъ въ пограничныхъ областяхъ черезполосицей между-государственною, такъ и въ территоріальныхъ отношеніяхъ между различными дѣленіями внутри интендантствъ.

Другое существенное отличіе интендантства отъ нынѣшняго департамента заключается въ территоріальной несоизмѣримости его съ другими различными спеціальными дѣленіями административнаго характера въ широкомъ смыслѣ этого слова; въ противоположность департаменту, который входитъ, не дробясь, какъ часть въ цѣлое, въ различныя спеціальныя дѣленія, военныя, судебныя и т. д., интендантство, за нѣкоторыми отдѣльными исключеніями, стоитъ совершенно особнякомъ отъ этого рода дѣленій, находясь съ ними большею частью въ отношеніи полнѣйшей черезполосности, какою характеризуются, впрочемъ, и взаимныя отношенія между различными категоріями этихъ дѣленій.

Наконецъ, къ числу наиболѣе существенныхъ особенностей интендантства, какъ территоріальнаго дѣленія, относится двойственность его внутреннихъ дѣленій, осложненная, въ отдѣльныхъ интендантствахъ, пестротою ихъ территоріальнаго состава.

Изъ различныхъ спеціальныхъ дѣленій административнаго характера всего ближе стоитъ къ интендантству финансовый округъ—генеральство. Болѣе половины всѣхъ интендантствъ совпадаютъ территоріально съ генеральствами; другія либо стоятъ къ послѣднимъ въ

леніи цѣлаго къ части, либо охватываютъ территоріи, стоящія дѣленія на генеральства, такъ какъ это послѣднее дѣленіе не ывало собою всей страны. Во всякомъ случаѣ, генеральство предляетъ собою единственное изъ спеціальныхъ административныхъ ній, съ которымъ у интендантства не наблюдается порубежной полосности.

ъ до-революціонной Франціи, въ противоположность современной. ѣ различныхъ административныхъ дѣленій, существовали еще и нія политическаго характера, при чемъ различныя области или ны областей стояли не въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ центральласти, а въ отдѣльныхъ случаяхъ—различныя части одного и же интендантства находились въ подобномъ же отношеніи развія по отношенію къ мѣстному органу центральной власти, къ данту.

тотъ послѣдній видъ территоріальныхъ дѣленій до-революціонной ціи представляетъ собою одно изъ проявленій исторической пеы ея территоріальнаго состава, образовавшагося путемъ постеьго собиранія различныхъ феодальныхъ „фьефовъ". Послѣдніе, и единеніи съ французскою короной, продолжали сохранять свои ціонныя имена, которыя въ большей части Франціи, къ концу го порядка, сдѣлались чисто географическими терминами, лишен всякаго правоваго значенія и не отличавшимися опредѣленностью ыслѣ территоріальныхъ границъ; свою территоріальную цѣлоть сохранили до конца стараго порядка лишь тѣ изъ этихъ „истокихъ областей", которымъ удалось такъ или иначе отстоять свою вую особность.

П. Ардашевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЗАМѢТКИ КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

Къ терминологіи грамматической.

Предварительно замѣтимъ, что начало грамматическаго анализа языка положили греческіе философы: Платонъ, Аристотель и стоики. Впрочемъ, они разсматривали языкъ болѣе съ точки зрѣнія логической и діалектической. Языкомъ занимались также и софисты, болѣе, однако, для цѣлей риторическихъ. Собственно настоящее развитіе грамматическое изслѣдованіе языка получило въ періодъ Александрійскій и Римскій, когда языкъ сталъ самъ по себѣ цѣлью изученія. Тогда выработалась вся схема, вся терминологія грамматическая, которая затѣмъ перешла къ новѣйшимъ народамъ и долгое время была примѣняема совершенно рабски къ новѣйшимъ языкамъ, несмотря на то, что послѣдніе во многомъ отступали отъ древнихъ классическихъ языковъ. Только въ сравнительно недавнее время началось стремленіе приспособить терминологію къ особенностямъ новѣйшихъ языковъ и къ результатамъ новѣйшаго языковѣдѣнія.

Русская грамматика шла за западно-европейскою, и потому сначала вполнѣ зависѣла отъ греко-римскихъ традицій, а когда въ западной Европѣ пробудилось болѣе самостоятельное изслѣдованіе языка вообще и новѣйшихъ языковъ въ частности, тогда и у насъ изслѣдованіе русскаго языка стало освобождаться отъ этихъ традицій. Такъ у насъ, подъ вліяніемъ Беккера и Гейзе, господствовало нѣкоторое время раціоналистическое направленіе, теперь же господствуетъ сравнительное и историческое изученіе языка. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи русская грамматика уже издавна стала отступать отъ западноевропейскаго вліянія, а именно въ ученіи о видахъ глагола, для ко-

торыхъ ни древняя греко-латинская, ни новѣйшая западно-европейская грамматика не имѣла подходящихъ терминовъ.

Начнемъ съ терминологіи глагольныхъ формъ, а затѣмъ перейдемъ къ терминологіи синтаксической.

О залогахъ.

Откуда взято названіе „*залогъ*", трудно сказать. По всей вѣроятности, оно представляетъ неправильный переводъ греческаго названія διάθεσις, что собственно значитъ „расположеніе, состояніе". Греческіе грамматики отличали въ глаголахъ три διαθέσεις—три состоянія: дѣйствующее или дѣйствительное, страдательное и среднее между тѣмъ и другимъ (δ. ἐνεργετική, παθετική и μέση или οὐδέτερα, иначе ἐνέργεια, πάθος и μεσότης). Средній залогъ называли они также общимъ—обыкновенно въ тѣхъ формахъ, которыя имѣли и дѣйствительное и страдательное значеніе, какъ, напримѣръ, praesens et imperfectum medii τύπτομαι, ἐτυπτόμην и т. п. Было и другое дѣленіе глаголовъ, приписываемое стоикамъ. Они дѣлили сказуемыя, то-есть, глаголы, на ὀρθά—собственно прямые, то-есть, дѣйствительные, ὕπτια—собственно навзничь лежащіе, то-есть, страдательные, и οὐδέτερα—собственно ни то ни другое не означающіе, то-есть, средніе. Кромѣ того, принимали они еще глаголы возвратные—ἀντιπεπονθότα, относя ихъ къ глаголамъ страдательнымъ, какъ, напримѣръ, κείρεται—онъ стрижется. У римскихъ грамматиковъ залоги называются genera verbi, то есть, роды глагола, или же significationes, значенія,—что всего ближе подходитъ къ значенію глагольной формы. Кромѣ терминовъ, заимствованныхъ у грековъ (genus verbi activum, passivum et neutrum или commune), они ввели еще свой терминъ глаголовъ отложительныхъ—deponentia, означающихъ такіе глаголы, которые отложили дѣйствительную форму, то-есть, не имѣли ея и употреблялись только въ страдательной формѣ, хотя и съ дѣйствительнымъ значеніемъ, какъ, напримѣръ, hortor. Терминъ же глаголовъ *общихъ* они ограничивали только такими глаголами, которые въ формѣ страдательной имѣли и дѣйствительное, и страдательное значеніе, какъ, напримѣръ, criminor, osculor и др., такъ что можно было сказать criminor aliquem и criminor ab aliquo и пр. — Какъ при наименованіи залоговъ, такъ и при опредѣленіи числа ихъ, древніе грамматики руководились исключительно логическою точкой зрѣнія, то-есть, обращали вниманіе только на значеніе, оставляя въ сторонѣ форму. Поэтому глаголы, имѣвшіе совершенно

одинаковую грамматическую форму, относились ими къ различнымъ залогамъ. Такъ lego былъ дѣйствительный залогъ, curro средній, vapulo страдательный и т. п.; или у греческихъ грамматиковъ πέποιθα, διέφθορα относились къ среднему залогу, наравнѣ съ ἐποιησάμην.

Всѣ вышеозначенные термины перешли въ русскую грамматику цѣликомъ. Такъ у Мелетія Смотрицкаго насчитывается 5 залоговъ: дѣйствительный, страдательный, средній, отложительный (напримѣръ, боюсь, нуждаюсь); общій (напримѣръ, касаюсь). Послѣдній терминъ собственно мало идетъ къ глаголу *касаюсь*, такъ какъ этотъ глаголъ вовсе нельзя приравнивать къ такимъ глаголамъ, которые, подобно τύπτομαι или criminor, имѣютъ и дѣйствительное и страдательное значеніе и могутъ сочиняться и какъ дѣйствительные, и какъ страдательные глаголы. Затѣмъ, что больше всего кидается въ глаза, у Мелетія Смотрицкаго нѣтъ возвратнаго залога, хотя казалось бы, что мѣстоименіе возвратное *ся* или *сь*, сложенное съ глаголомъ дѣйствительнымъ, должно было бы навести на этотъ терминъ, который, какъ мы выше упомянули, встрѣчался уже у древнихъ. Ломоносовъ восполнилъ этотъ недостатокъ, но въ то же время удержалъ и старые термины, мало подходящіе къ русскому глаголу.

Такъ, у Ломоносова залоговъ приводится шесть: дѣйствительный, страдательный, возвратный, взаимный, средній и общій. Объ общемъ говорится, что онъ „оканчивается на *сь* и *ся* и имѣетъ знаменованіе купно дѣйствительнаго и страдательнаго глагола, какъ, напримѣръ, *боюсь, кланяюсь*" (?).

Такимъ образомъ и Ломоносовъ, совершенно вѣрно отмѣтившій возвратный залогъ и его побочное значеніе взаимнаго дѣйствія, удержалъ, однако, *общій* залогъ, хотя этотъ терминъ совсѣмъ не подходилъ къ глаголу русскому. Дѣленіе залоговъ, введенное Ломоносовымъ въ русскую грамматику, перешло и въ грамматику Востокова, съ тѣмъ только различіемъ, что залоги слѣдуютъ въ другомъ порядкѣ, и объ *общемъ* глаголѣ сказано, что это то же, что по другимъ глаголъ *отложительный*. Какъ примѣры глаголовъ общихъ, приводятся: *надѣяться, стараться, бояться, лѣниться, смѣяться, рѣзвиться*. Какъ неподходящи были эти термины къ русскому глаголу, видно изъ того, что одни, какъ Мелетій Смотрицкій, отдѣляли глаголы отложительные отъ общихъ, другіе же, какъ Ломоносовъ и Востоковъ, не отдѣляли ихъ,—и понятно, потому что собственно настоящаго твердаго основанія для самихъ этихъ терминовъ не было. Впрочемъ, для глагола отложительнаго можно было еще подыскать кое-какую ана-

въ русскомъ языкѣ, а именно въ тѣхъ возвратныхъ глаголахъ,
е не употребляются безъ *ся*, какъ-то: смѣяться, бояться, и пр.
ихъ глаголовъ, которыхъ можно было бы назвать глаголами
, въ русскомъ языкѣ нѣтъ. И однако, терминъ этотъ сохра-
еще и въ грамматикѣ Буслаева, каторый, подобно своимъ пред-
нникамъ, называетъ *общими* глаголами возвратные, не употреб-
ся безъ *ся*.
ерь, кажется, изъ учебниковъ грамматики исчезъ этотъ тер-
подобно тому, какъ исчезъ и терминъ глаголовъ отложитель-
Но все-таки то начало, по которому глаголы дѣлятся на за-
стается старое, то-есть, нисколько не берется во вниманіе
глагола, а имѣется въ виду одно только значеніе его безъ
отношенія къ формѣ. Въ древнихъ языкахъ (греческомъ и
омъ) терминологія залоговъ, основанная на значеніи глагола,
соотвѣтствовала и формамъ глагола; особенно это можно ска-
формахъ *медіума*, которыя въ греческомъ языкѣ могли быть
общими для двухъ залоговъ (возвратнаго и страдательнаго
флективно-дѣйствительнаго и страдательнаго). Но въ русскомъ
гдѣ глаголъ представляетъ весьма немногосложныя формы,
еніе терминовъ, взятыхъ изъ языковъ, болѣе богатыхъ формами,
только путаницу. Особенно эта путаница чувствовалась по
нію къ глаголамъ возвратнымъ.
нашему мнѣнію, все ученіе о залогахъ выиграло бы, еслибы
всего обращено было вниманіе на форму глагольную (по-
тому какъ при опредѣленіи рода именъ прежде всего
ется вниманіе на окончаніе), а затѣмъ уже показано было
какомъ значеніи употребляется та или другая форма. Если
ъ вниманіе только на форму, то родовъ или разрядовъ гла-
удетъ всего 3: дѣйствительный, возвратный, образующійся
йствительнаго съ прибавленіемъ *ся*, и страдательный, имѣю-
рочемъ, только причастія, а для временъ и наклоненій только
я формы изъ причастія и глагола „быть". Раздѣливъ такимъ
ъ глаголы по ихъ формѣ на три рода или разряда (или, если
ть старое названіе на три залога), затѣмъ можно было бы
на значеніе каждаго изъ нихъ, а именно: что дѣйствитель-
аголы означаютъ дѣйствіе либо переходное, либо непереходное,
атные глаголы—частью возвратное дѣйствіе, частью взаимное,
страдательное, а частью и просто непереходное, подобно дѣй-

ствительному съ непереходнымъ значеніемъ, какъ, напримѣръ, смѣюсь, надѣюсь, боюсь и т. п. [1]).

Такое дѣленіе на три залога на основаніи формы не только упростило бы дѣло, но и соотвѣтствовало бы дѣйствительному строю языка. Какое бы значеніе ни имѣли глаголы на *у* и *ю* въ настоящее время, они чувствуются, какъ глаголы одного разряда или рода, точно также какъ глаголы на *ся* чувствуются, какъ одинъ разрядъ, и прежде всего въ возвратномъ значеніи. Поэтому, насильно разрывать эти разряды на основаніи значенія значитъ разрывать то, что органически связано между собою.

Кстати замѣтимъ, что, благодаря греко-латинской традиціи, въ русской грамматикѣ долго сохранялось спряженіе глаголовъ въ страдательномъ залогѣ по всѣмъ временамъ и наклоненіямъ,—спряженіе, мало соотвѣтствовавшее употребленію этого залога въ дѣйствительной живой рѣчи. Такъ даже у Ломоносова, который первый строго принципіально сталъ отличать формы живой русской рѣчи отъ формъ книжнаго церковно-славянскаго языка,—и у Ломоносова въ его грамматикѣ находимъ мы такія формы, какъ „неопредѣленное неокончательное страдательнаго *быть двигану*, сомнѣнное (?) *бывать двигану*" и спряженіе по всѣмъ временамъ *есть и бываю двиганъ—двигиванъ* и *двинутъ*, *былъ и бывалъ двиганъ*, *двигиванъ* и *двинутъ* и пр., или же спряженіе въ страдательномъ залогѣ *быть верчену*, *быть верчивану* и *быть вернуту* и т. п. Отъ этихъ искусственныхъ формъ страдательнаго залога, какъ и вообще отъ другихъ искусственныхъ формъ, которыми страдаетъ даже грамматика Востокова, очистилъ русскую грамматику Буслаевъ. Онъ же яснѣе и точнѣе своихъ предшественниковъ опредѣлилъ, какія формы опредѣляются для означенія страдательнаго залога. Можетъ быть, вслѣдствіе привычки къ формамъ книжной рѣчи, Ломоносовъ, повидимому, колебался признать ли за возвратнымъ глаголомъ значеніе страдательное, хотя зналъ, и самъ даже отмѣтилъ, что онъ иногда употребляется въ этомъ значеніи.

---

[1]) Собственно глаголы, поименованные въ концѣ, какъ, напримѣръ, смѣюсь, надѣюсь и т. п., могутъ быть и не выдѣлены въ особый видъ глаголовъ возвратныхъ, такъ какъ въ нихъ коренное значеніе, безъ сомнѣнія, возвратное, только оно не такъ чувствуется, потому что глаголы эти не употребляются въ дѣйствительномъ залогѣ. Глаголы съ непереходнымъ значеніемъ принято у насъ называть средними совершенно неудачно, потому что они не означаютъ нѣчто среднее между дѣйствительнымъ и страдательнымъ залогомъ, а означаютъ дѣйствіе, ограничивающееся самимъ дѣйствующимъ лицомъ. Названіе средняго залога слѣдуетъ оставить для греческой грамматики, гдѣ оно имѣетъ нѣкоторый смыслъ.

звратнымъ. онъ въ сущности признавалъ только значеніе *воз-юе, взаимное* или же *неопредѣленное* (1), совсѣмъ отличное отъ значенія, которое заключается въ простомъ глаголѣ, какъ, на-ѣръ, *пеку пекусь, слушаю слушаюсь, стать статься*, и считалъ ебленіе возвратнаго въ значеніи страдательномъ болѣе свой-ымъ *словенскимъ* реченіямъ. Теперь, конечно, такое колебаніе ительно употребленія возвратнаго залога въ страдательномъ зна-невозможно, такъ какъ такое употребленіе свойственно не русскому языку, но и славянскимъ языкамъ. Употребленіе атнаго залога въ значеніи страдательномъ подтверждается и ми индо-европейскими языками, напримѣръ, греческимъ, гдѣ называемый *средній* глаголъ, то-есть, собственно возвратный, тъ также для выраженія страдательнаго дѣйствія.

ышеозначенное дѣленіе глаголовъ на основаніи формы будетъ соотвѣтствовать и дѣленію, принятому как для древнихъ, и для новѣйшихъ языковъ. Оно представитъ въ то же время не-удобство и при изученіи языковъ, такъ какъ покажетъ, въ ка-отношеніи русскій языкъ сходенъ съ древними и новѣйшими ми, и въ какомъ отношеніи онъ несходенъ.

ъ греческомъ языкѣ залоговъ принимается три: дѣйствительный, ій и страдательный.

редній, какъ уже выше было сказано, есть не что иное, какъ ъ возвратный, однако въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ воз-ый въ русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ означаетъ не только дѣй-обращающееся на самое дѣйствующее лицо, какъ, напримѣръ, . λούομαι моюсь, но и такое дѣйствіе, которое совершается въ у и въ интересахъ дѣйствующаго лица и т. п., такъ что во хъ случаяхъ онъ передается нашимъ дѣйствительнымъ залогомъ астоименіемъ возвратнымъ въ дательномъ падежѣ, напримѣръ, ἄγο-υναῖκα беру себѣ жену, а иногда и безъ всякаго такого рефлек-го дополненія, какъ, напримѣръ, δύναμαι могу и т. п. Страда-ый залогъ, какъ уже сказано, выражается формами средняго за-и только для двухъ временъ, а именно аориста 1-го и буду-1-го имѣетъ особый суффиксъ θ, съ окончаніями, однако, дѣй-ельнаго залога для аориста и средняго для будущаго. Замѣтимъ, ичныя окончанія въ греческомъ языкѣ развились только для ъ залоговъ—дѣйствительнаго и средняго; страдательный не имѣ-воихъ личныхъ окончаній.

ъ латинскомъ языкѣ залоговъ или родовъ глагола принимается

два: дѣйствительный и страдательный. Изъ того, что многіе глаголы въ страдательной формѣ имѣютъ значеніе, подобное среднему залогу въ греческомъ языкѣ, можно заключить, что и въ латинскомъ языкѣ первоначальное значеніе формъ—r, ris, tur и т. п., было рефлективное. Сравни revertor возвращаюсь, potior овладѣваю (для себя), meditor размышляю съ собою и т. п. Со временемъ, однако, за этими формами укрѣпилось по преимуществу значеніе страдательное, такъ что глаголы, сохранившіе еще прежнее значеніе, считались какъ бы отложившимися отъ нормы (или глаголами отложительными). Въ новѣйшихъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, тоже залоговъ два: дѣйствительный и страдательный. Послѣдній представляетъ описательныя формы для всѣхъ временъ (изъ причастій и вспомогательныхъ глаголовъ être, werden) и не замѣняется возвратнымъ залогомъ. Что касается до возвратнаго залога, то онъ не образуетъ особаго разряда глаголовъ, а выражается дѣйствительнымъ глаголомъ съ прибавленіемъ мѣстоименій личныхъ въ винительномъ падежѣ: для 1-го лица мѣстоимѣнія 1-го лица, для 2-го лица—мѣстоименія 2-го лица и для 3-го лица—мѣстоименія возвратнаго, такъ что въ прямомъ смыслѣ объ особомъ возвратномъ залогѣ въ новѣйшихъ языкахъ не можетъ быть и рѣчи. Въ русскомъ же языкѣ, хотя возвратный залогъ тоже не имѣетъ своей формы и представляетъ соединеніе дѣйствительнаго глагола съ мѣстоимѣніемъ *ся*, однако это соединеніе до того тѣсно, что представляется какъ бы особою формаціей. Въ нѣмецкомъ и французскомъ мѣстоименіе всегда остается мѣстоименіемъ и можетъ быть поставлено позади и впереди, въ русскомъ языкѣ это *ся* всегда тѣсно примыкаетъ къ глаголу, заканчивая его, такъ что оно во многихъ случаяхъ теряетъ значеніе падежа и чувствуется просто, какъ окончаніе, напримѣръ, *статься*, *спиться*, *приходиться* и пр. Поэтому въ русскомъ языкѣ эти глаголы могутъ быть выдѣлены въ особый разрядъ и при томъ въ разрядъ глаголовъ возвратныхъ.

Такимъ образомъ, если обратить вниманіе на форму, то родовъ или разрядовъ глагола будетъ всего 3 или 2, съ помощью которыхъ и выражаются въ языкѣ разнообразные оттѣнки дѣйствія.

О временахъ.

Еще болѣе, чѣмъ въ ученіи о залогахъ, русская грамматика придерживалась греко-латинской традиціи въ ученіи о временахъ. У Мелетія Смотрицкаго приводятся слѣдующія 6 временъ: настоящее, преходящее, прешедшее, мимошедшее, непредѣльное и будущее. Термины

представляютъ переводъ, хотя и не совсѣмъ дословный, терми-
ъ греческой грамматики: ἐνεστώς, παρωχημένος, παρατατικός, παρωχ.
ελικός, παρωχ. ὑπερσυντελικός, ἀόριστος и μέλλων. Мимошедшее—
давнопрошедшее, непредѣльное — это аористъ. Эта же терминоло-
я встрѣчается и въ руководствѣ къ русской грамматикѣ Копіе-
, изданномъ въ 1706 г.; выпущено только непредѣльное время.
Ломоносова находимъ мы еще больше временъ, чѣмъ у Мелетія
трицкаго, а именно: 8 отъ глаголовъ простыхъ, 2 отъ сложенныхъ:
настоящее, 2) прошедшее неопредѣленное, напримѣръ, писалъ,
прошедшее однократное: тряхнулъ, 4—6) три давнопрошедшихъ:
ряхивалъ, b) бывало трясъ, c) бывало трясывалъ,—означающихъ
щеніе или продолженіе, какъ прошедшее неопредѣленное; 7) бу-
щее неопредѣленное: буду трясти, 8) будущее однократное: тряхну,
прошедшее совершенное: написалъ, 10) будущее совершенное:
ишу. Такое обиліе временъ у Ломоносова объясняется тѣмъ, что
традиціонной греко-латинской грамматикѣ особеннаго термина для
не было, и видъ разсматривался не отдѣльно, а вмѣстѣ съ вре-
емъ, или, точнѣе сказать, глагольная форма разсматривалась глав-
ь образомъ съ точки зрѣнія времени, которое поэтому и получило
лько видовъ. Конечно, видъ дѣйствія, какъ фактъ, существовалъ
да въ языкѣ и не въ одномъ только русскомъ, но и въ другихъ
-европейскихъ языкахъ, существовалъ онъ также и въ грече-
ъ и латинскомъ языкахъ, но онъ не сознавался, какъ особая ка-
рія, и связывался съ понятіемъ о времени. Время было несовер-
ное и совершенное—imperfectum et perfectum (παρατατικός и συν-
ός χρ.). Конечно, такимъ совершеннымъ и несовершеннымъ вре-
мъ могло быть только прошедшее и будущее, поэтому эти только
ена и надѣляются такими эпитетами, которые собственно при-
ежать не времени, а виду дѣйствія. Настоящее же время не
ло этихъ оттѣнковъ, такъ какъ оно означало одинъ только видъ
ствія, а именно длительный—ἐνεστώς παρατατικός. Впрочемъ, хотя
оносовъ и стоялъ на точкѣ зрѣнія греко-латинской грамматики
отличалъ вида, какъ особой категоріи, а разсматривалъ его, какъ
енность времени, однако онъ сравнительно съ Мелетіемъ Смо-
кимъ и его послѣдователями представляетъ немаловажный про-
съ, а именно: a) онъ далъ названія временамъ болѣе подходящія
трою русскаго глагола, b) онъ съ величайшею полнотою обозна-
виды дѣйствія, такъ что можно сказать, что Ломоносовъ, не
иная о видѣ, въ сущности назвалъ всѣ виды, потому что, въ

сущности, что̀ означаетъ прошедшее неопредѣленное и совершенное или будущее неопредѣленное и совершенное, какъ не прошедшее и будущее несовершеннаго и совершеннаго вида, или — прошедшее однократное и будущее однократное, какъ не прошедшее и будущее однократнаго вида? Недостаетъ только многократнаго вида, который у Ломоносова скрывается подъ терминомъ давнопрошедшаго времени: тряхивалъ, бывало трясъ, бывало трясывалъ, такъ какъ подъ этими формами замѣчено, что онѣ означаютъ *учащеніе* или продолженіе, какъ прошедшее неопредѣленное. Такимъ образомъ у Ломоносова почти всѣ виды обозначаются, только не подъ своимъ именемъ, а подъ именемъ времени. Для вполнѣ вѣрной постановки ученія о глаголѣ у Ломоносова недоставало немногаго, а именно—выдѣленія вида, какъ особеннаго термина, такъ какъ самый фактъ существованія вида ясно сознавался Ломоносовымъ.

Введеніе въ русскую грамматику вида, какъ особеннаго термина, совершилось не вдругъ. Впервые находимъ мы его въ русской грамматикѣ, написанной нѣмцемъ Фатеромъ и изданной въ Лейпцигѣ въ 1808 г. Еще болѣе понятіе о видахъ было развито Болдыревымъ, который показалъ, что спряженіе русскаго глагола правильнѣе всего разсматривать по видамъ, потому что на основаніи вида спряженіе русскаго глагола какъ бы само собою группируется легко и наглядно, соединяя формы однородныя, напримѣръ, бросать, бросаю, бросалъ, буду бросать, бросай, бросающій, бросавшій и пр., и бросите, брошу, бросилъ, брось, бросившій (см. труды Общества любителей русской словесности, ч. II и ч. IV).

Послѣ трудовъ Болдырева видъ утверждается въ грамматикѣ русской и разсматривается отдѣльно отъ времени. Въ грамматикѣ Востокова отводится ему уже особая статья [1]). Съ введеніемъ вида въ

[1]) Въ предисловіи къ грамматикѣ Ломоносова, изданной въ 1855 г. Императорскою Академіей Наукъ въ воспоминаніе столѣтія русской грамматики, въ предисловіи, написанномъ И. И. Давыдовымъ, говорится, что „понятіе о видахъ встрѣчается уже у Мелетія Смотрицкаго“. Это не вполнѣ вѣрно, такъ какъ то, что называется видомъ у Смотрицкаго, совсѣмъ несхоже съ тѣмъ, что теперь разумѣется подъ этимъ терминомъ. У М. Смотрицкаго говорится, что „видовъ есть два: 1) первообразный, иже и совершенный, и 2) производный, раздѣляющійся на начинательный и учащательный. Примѣры перваго вида: чту, стою; примѣры втораго: а) каменѣю, твердѣю, b) читаю, вставаю, поучаю“. Изъ этого видно, что Смотрицкій подъ видомъ собственно разумѣлъ этимологическую форму глаголовъ первообразныхъ и производныхъ, какъ, напримѣръ, чту и читаю. Это дѣленіе, по всей вѣроятности, заимствовалъ онъ изъ латинской грамматики, въ

скую грамматику упростилось ученіе о временахъ. Всѣ эти вре-
а прешедшія, мимошедшія, давнопрошедшія и неопредѣленныя
езли изъ русской грамматики и уступили мѣсто естественному
енію времени на настоящее, прошедшее и будущее.

Впрочемъ, не слѣдуетъ полагать, что съ введеніемъ въ русскую
мматику понятія о видахъ глагола установилась и самая термино-
ія этихъ видовъ. До сихъ поръ, какъ названія, такъ и число ви-
ъ въ различныхъ грамматикахъ обозначаются различно.

Въ грамматикѣ Востокова принимаются три главныхъ вида: не-
нчательный, совершенный и многократный,—служащіе для выра-
нія продолженія, совершенія и учащенія дѣйствія. Подраздѣляется
ъ неокончательный на опредѣленный и неопредѣленный (напри-
ъ, ѣхать—ѣздить), а совершенный на длительный (похвалить, по-
лю) и однократный (кинулъ). Къ этому прибавляются еще виды:
инательный (стану читать) и окончательный (прочитаю).

Въ этомъ дѣленіи вѣрно только опредѣленіе трехъ главныхъ ви-
ъ; подраздѣленіе же видовъ совсѣмъ неудачно. Глаголы *ѣздить*
ѣхать разнятся совсѣмъ не тѣмъ, что первый опредѣленнѣе вто-
о. Затѣмъ терминъ *„совершенный длительный“* представляетъ со-
аніе совсѣмъ несовмѣстимыхъ понятій. Наконецъ, формы однород-
я расторгаются и разъ подводятся подъ совершенный длительный
ъ (похвалю), другой разъ подъ окончательный (прочитаю).

У Буслаева, въ его исторической грамматикѣ, глаголы по видамъ
ятся на три отдѣла: 1) глаголы продолженные, означающіе про-
женіе дѣйствія, 2) глаголы совершенные и однократные, означа-
іе совершеніе, однократность и мгновенность дѣйствія, и 3) гла-
ы многократные, означающіе многократность, а также отдален-
ть дѣйствія. Такимъ образомъ и у Буслаева принимаются глав-
ъ образомъ три вида, но терминъ *неокончательный* замѣненъ тер-
омъ *продолженный*, и подраздѣленіе сдѣлано только во второмъ
ѣ. Въ главныхъ чертахъ дѣленіе видовъ у Буслаева вѣрно. Со-
шенно правильно опущены ничего не значащіе Востоковскіе тер-
ы, въ родѣ неокончательнаго опредѣленнаго и неопредѣленнаго
. и. Точно также правильно отнесены глаголы однократные и

рой глаголы дѣлились не первообразные и производные, и къ послѣднимъ от-
ялись глаголы начинательные (inchoativa) и учащательные (iterativa). То же
ніе глаголовъ находимъ мы и въ русской грамматикѣ, написанной Ададуро-
ъ и приложенной къ нѣмецко-латинско-россійскому лексикону Вейсмана, изд.
С.-Петербургѣ въ 1731 г.; то же и въ грамматикѣ Барсова (Москва, 1797).

мгновенные къ совершенному виду. Неудачно только, по нашему мнѣнію, выбранъ терминъ „*продолженный*", такъ какъ онъ не вполнѣ выражаетъ то, что долженъ выразить: онъ долженъ выразить собственно длительность или продолжительность дѣйствія, а между тѣмъ онъ, по обыкновенному смыслу, выражаетъ продолженность или удлиненность. Гораздо точнѣе было бы назвать этотъ видъ длительнымъ, или же несовершеннымъ, въ противоположность виду совершенному. Термины *совершенный* и *несовершенный* имѣли бы еще и то преимущество, что они подходили бы отчасти къ терминамъ латинскимъ perfectum и imperfectum.

Другое дѣленіе и другое наименованіе видовъ, а отчасти и другой взглядъ на видовыя формы, находимъ мы у Павскаго и Некрасова.

Павскій въ своемъ капитальномъ трудѣ — „Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка, 2-е изданіе, 1850"—называетъ виды степенями дѣйствія и разсматриваетъ эти степени по отношенію къ времени и къ пространству. „Въ отношеніи къ времени дѣйствія, говоритъ онъ, глаголы бываютъ: 1) мгновенные, напримѣръ, мелькнуть, 2) продолжительные неопредѣленные: мелькать 3) продолжительные дальніе: читывать, видывать, 4) продолжительные, прерывистые: почитывать, поглядывать, 5) начинательные: сохнуть, мокнуть, 6) окончательные или рѣшительные: кончить, уйдти, прочитать. Въ отношеніи къ пространству глаголы бываютъ: 1) однообразные, когда дѣйствіе происходитъ по одному направленію или совершается въ одинъ пріемъ, напримѣръ, летѣть, скочить; 2) разнообразные неопредѣленные, когда дѣйствіе принимаетъ разныя направленія и совершается въ разные пріемы, напримѣръ, летать, скакать; 3) разнообразные дальніе, когда разнообразное дѣйствіе происходитъ вдали, гдѣ-то, на неопредѣленномъ пространствѣ, напримѣръ, хаживать, скакивать". Въ этомъ дѣленіи поражаетъ насъ то, что глагольныя формы разсматриваются по отношенію къ времени и пространству. Конечно, всякое дѣйствіе и явленіе происходитъ во времени и въ пространствѣ, но видовыя формы глаголовъ не носятъ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы заключить, что однѣ изъ нихъ произошли по взгляду на время дѣйствія, а другія по взгляду на пространство. По крайней мѣрѣ видовыя формы по отношенію къ пространству ничѣмъ не отличаются отъ видовыхъ формъ по отношенію къ времени, напримѣръ, скакивать и читывать, или скакать и читать и т. п. Очевидно, авторъ перенесъ на видовую

форму то, что собственно обозначается корнемъ слова. Впрочемъ, онъ и самъ, повидимому, чувствовалъ искусственность этого дѣленія, такъ какъ вслѣдъ за симъ поспѣшилъ оговориться, что „геній русскаго языка не положилъ твердыхъ границъ между различными кратами времени и пространства", и потому слилъ все вмѣстѣ и установилъ всего три степени глаголовъ: 1) глаголы однократные, къ которымъ относятся мгновенные (мелькнуть), рѣшительные или окончательные (кончить, уйдти) и частью однообразные (скочить); 2) глаголы многократные неопредѣленные, къ которымъ относятся продолжительно неопредѣленные (мелькать), прерывистые (почитывать) и разнообразные (летать, скакать); 3) многократные дальніе, сюда относятся продолжительные дальніе (читывать, видывать) и разнообразные дальніе (хаживать). Хотя послѣ этого слiянія и получаются три главныхъ вида, какъ у Востокова и Буслаева, однако наименованіе дается имъ нѣсколько отличное, а именно совершенный видъ замѣняется однократнымъ, а неокончательный (или продолженный) и многократный двумя многократными. Терминологія Павскаго со своими однообразными и многообразными глаголами и т. п. не могла, конечно, утвердиться, потому что она основывалась на такомъ началѣ, которое собственно не оправдывалось фактами языка, на какомъ-то различіи между кратами времени и пространства, а затѣмъ и потому, что для глаголовъ, выражающихъ нѣчто среднее между однократностью и многократностью дѣйствія, не было дано надлежащаго термина.

Иначе представляются намъ виды въ сочиненіи Н. Некрасова „О значеніи формъ русскаго глагола, С.-Пб., 1865 г.",—сочиненіи, направленномъ противъ Буслаева. Слѣдуя Павскому, онъ разсматриваетъ видъ дѣйствія какъ степень его (или иногда и какъ качество его), и тоже принимаетъ три степени, однако даетъ этимъ степенямъ другое названіе и другое опредѣленіе. *Первая* степень называется у него *продолженною* (напримѣръ, катать), *вторая—краткою*, *третья—кратною*. Вторая степень подраздѣляется на абсолютно краткую или однократную (катнуть) и относительно краткую (катить), третья тоже—на абсолютно кратную или многократную (катывать, важивать) и относительно кратную (катывать, водить, важивать). Въ этомъ дѣленіи является страннымъ подраздѣленіе второй и третьей степени. Съ одной стороны соединяются такіе глаголы, которые означаютъ разные виды, какъ *катнуть* и *катить*, съ другой раздѣляются одни и тѣ же глаголы на двѣ группы, какъ, напримѣръ, *катывать* и *выживать*. Затѣмъ термины абсолютно краткій и кратный и

относительно краткій и кратный слишкомъ растяжимы и не даютъ болѣе опредѣленнаго понятія о видахъ, чѣмъ тѣ термины, которые установлены были Буслаевымъ.

Кстати замѣтимъ, что изслѣдованіе Н. Некрасова о глаголѣ, хотя и заключаетъ въ себѣ много весьма дѣльныхъ замѣчаній, особенно объ употребленіи глагола въ народной рѣчи, однако въ общемъ заходитъ слишкомъ далеко и бьетъ, такъ сказать, дальше цѣли. Желая представить русскій глаголъ чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ глагола въ другихъ языкахъ, даже принадлежащихъ къ той же семьѣ индоевропейскихъ языковъ, Некрасовъ отрицаетъ въ немъ залоги, наклоненія и времена и оставляетъ за нимъ одни только виды. „Въ другихъ языкахъ, говоритъ онъ, есть форма неопредѣленнаго, изъявительнаго, повелительнаго, сослагательнаго условнаго (въ греческомъ даже еще желательнаго) наклоненій; но въ русскомъ нѣтъ ни одной подобной формы“. Это отсутствіе залоговъ, наклоненій и временъ Некрасовъ считаетъ какъ бы достоинствомъ русскаго глагола. „Мы видимъ, что форма одного и того же глагола въ русскомъ языкѣ бываетъ короче и длиннѣе, что, слѣдовательно, русскій глаголъ можетъ сжимать и растягивать свою форму. Эта способность слова сокращаться и удлиняться указываетъ уже сама собою на упругость формы, на присутствіе въ этой послѣдней живаго начала или самой жизни. Поэтому формы русскаго глагола представляются не отвлеченнымъ, безжизненнымъ выраженіемъ какого либо условнаго значенія дѣйствія въ рѣчи (какъ, напримѣръ, въ иностранныхъ языкахъ), но живымъ выраженіемъ дѣйствія и пр.“. Отсутствіе залоговъ, наклоненій и временъ въ русскомъ глаголѣ главнымъ образомъ доказывается тѣмъ, что часто одна глагольная форма употребляется въ значеніи различныхъ залоговъ, и одно наклоненіе употребляется вмѣсто другаго и одно время вмѣсто другаго; такъ, напримѣръ, неопредѣленное употребляется въ значеніи повелительнаго, а повелительное не только въ значеніи повелѣнія, но и условія и возможности, а настоящее употребляется вмѣсто будущаго и прошедшаго и т. п.

Но, во-первыхъ, аналогичны явленія встрѣчаются и въ греческомъ и въ латинскомъ языкахъ, и, безъ сомнѣнія, число ихъ еще болѣе увеличилось бы, еслибы сохранилась для насъ народная рѣчь древнихъ грековъ и римлянъ. Такъ, въ греческомъ языкѣ форма такъ называемаго средняго (или рефлективнаго) залога, а въ нѣкоторыхъ временахъ и дѣйствительнаго, употребляется въ значеніи страдательнаго, а страдательнаго въ значеніи средняго, или неопре-

дѣленное употребляется также въ значеніи повелительнаго, а повелительное въ значеніи условнаго наклоненія, или наконецъ настоящее время употребляется въ значеніи будущаго и прошедшаго (praesens historicum); нѣкоторые глаголы имѣютъ будущее только въ формѣ настоящаго, какъ πίομαι, ἔδομαι и пр. И, однако, Н. Некрасовъ не отрицаетъ въ греческомъ языкѣ ни залоговъ, ни наклоненій, ни временъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, вѣрно ли то, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ формъ, выражающихъ залогъ, наклоненіе и время? А развѣ прибавка *ся* или *сь* къ глаголамъ не есть такая форма, которая придаетъ имъ особое значеніе, а именно то значеніе, которое обыкновенно отмѣчается терминомъ возвратнаго залога? И развѣ не отличаются звуками формы, какъ напримѣръ читаю, читай, читалъ и читалъ бы, для того чтобы выразить то, что обыкновенно обозначается терминомъ наклоненія? Но, могутъ возразить, въ *читаю* и *читай* *ю* и *й* не суть особые суффиксы наклоненія точно такъ же, какъ *бы* въ сослагательномъ *читалъ бы*.

Все равно: все-таки наклоненіе выражается особыми окончаніями личными, какъ въ настоящемъ и повелительномъ или же описательно, какъ въ сослагательномъ. По отношенію къ настоящему и повелительному мы имѣемъ аналогіи и въ иностранныхъ языкахъ (греческомъ и латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ).

То же самое можно сказать и о временахъ. Конечно, въ русскомъ языкѣ существуетъ только для одного времени простая форма, а именно для настоящаго; прошедшее же и будущее время представляютъ формы описательныя. Но изъ этого не слѣдуетъ, что русскій языкъ не имѣетъ временъ. Онъ ихъ имѣетъ, но только онъ выражаетъ ихъ нѣсколько иначе, впрочемъ не такъ ужъ своеобразно, чтобы и въ этомъ отношеніи не было достаточно аналогій въ сродныхъ ему языкахъ. Впрочемъ, что касается до временъ, то Н. Некрасовъ, отвергнувъ ихъ сначала для русскаго глагола, въ концѣ опять вводитъ ихъ, находя, что между видами и временемъ дѣйствія было и есть какое-то соотвѣтствіе, такъ что виды нѣкоторымъ образомъ своею формою могли означать и время. Что было и есть соотвѣтствіе между видами и временемъ, это отчасти вѣрно, но вѣрно и то, что для означенія времени все-таки употреблялись еще особыя средства.

Еще иное дѣленіе находимъ мы у Аксакова въ статьѣ его „О русскихъ глаголахъ",—дѣленіе, болѣе подходящее къ дѣленію Буслаевскому. Онъ дѣлитъ русскій глаголъ на три степени: 1) степень не-

опредѣленную (двигать), 2) степень мгновенную или однократную и 3) степень многомгновенную или многократную.

И въ настоящее время ученіе о видахъ являются не вполнѣ установленнымъ. Доказательствомъ этому могутъ служить современные намъ учебники грамматики. Въ нихъ въ сущности ничего нѣтъ новаго, а между тѣмъ они расходятся между собою частью въ дѣленіи видовъ, частью въ наименованіи ихъ. Такъ, одни принимаютъ 2, другіе 3, третьи 4 вида. Одни отдѣляютъ однократный видъ отъ совершеннаго, другіе дѣлятъ и совершенный и несовершенный видъ на два отдѣла, а именно: несовершенный—на 1) несовершенный продолженный и 2) несовершенный многократный, совершенный—на 1) совершенный однократный и 2) совершенный начинательный или окончательный. Послѣднее дѣленіе находимъ мы въ грамматикѣ Преображенскаго (Этимологія, Москва, 1898 г.). Въ этомъ дѣленіи возбуждаетъ недоумѣніе послѣдній видъ—видъ совершенный начинательный или окончательный, представляющій сочетаніе двухъ противуположныхъ дѣйствій въ одной категоріи. Что всякій совершенный видъ, будетъ ли то однократный или мгновенный, означаетъ окончательность дѣйствія, это само собою понятно. Но сомнительно, чтобы совершенный видъ самъ по себѣ означалъ начинательное дѣйствіе. Г. Преображенскій приводитъ въ примѣръ совершеннаго начинательнаго вида глаголъ *затянуть*. Но въ глаголахъ, сложенныхъ съ предлогами *за*, начало дѣйствія совсѣмъ не означается формою совершеннаго вида, такъ какъ многіе изъ этихъ глаголовъ имѣютъ не только совершенный, но и несовершенный видъ въ томъ же начинательномъ значеніи, какъ, напримѣръ, замирать и замереть, засыпать и заснуть, затягивать и затянуть и пр. Очевидно, что въ этихъ глаголахъ начало дѣйствія означается предлогомъ *за*, а не видовою формою, которая имѣетъ свое значеніе. Да и вообще, по нашему мнѣнію, предлоги, даже служащіе для образованія вида, не совсѣмъ теряютъ свое значеніе, какъ это видно изъ того, что для разныхъ глаголовъ употребляются и разные предлоги, напримѣръ, для *дѣлать* предлогъ *съ* (сдѣлать), для *идти* предлогъ по (пойдти) и пр.

Для того, чтобы внести нѣкоторое единство въ ученіе о видахъ, слѣдовало бы держаться одной точки зрѣнія, на которую уже указывали лучшіе изслѣдователи русскаго глагола, а именно, что виды главнымъ образомъ выражаютъ кратность дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія виды дѣлятся проще всего на: 1) неопредѣленнократный или длительный, 2) однократный, къ которому относится и

мгновенный, и 3) многократный. Вмѣсто длительнаго и однократнаго можно было бы удержать и старые термины несовершеннаго и совершеннаго вида, конечно, не въ смыслѣ несовершенія или совершенія дѣйствія (такъ какъ, напримѣръ, въ формахъ читаю, читалъ не можетъ быть и рѣчи о *несовершеніи* дѣйствія), а въ смыслѣ несовершенности и совершенности или неокончательности и окончательности и т. п.

Кстати замѣтимъ, что въ учебникахъ русской грамматики весьма мало говорится о томъ, въ какихъ глаголахъ приставка предлога, и какого именно предлога, служитъ для образованія совершеннаго вида. Для начинающихъ, особенно для некоренныхъ русскихъ, это очень важно. Мы нашли указаніе въ этомъ отношеніи только въ грамматикѣ Востокова.

О наклоненіяхъ.

Намъ остается сказать еще о наклоненіяхъ. Терминологія наклоненій рано установилась въ русской грамматикѣ. У Мелетія Смотрицкаго, конечно, насчитывается еще 6 наклоненій: кромѣ общепринятыхъ четырехъ, еще молитвенное (εὐχτική) и подчинительное (да бію). Но уже въ руководствѣ къ грамматикѣ Копіевича (изданномъ въ 1706 г.) наклоненій приводится всего 4: изъявительное, повелительное, сослагательное и неопредѣленное. Самый терминъ „наклоненіе" представляетъ переводъ греческаго термина ἔγκλισις и означаетъ собственно измѣненіе по лицамъ и числамъ (слѣдовательно флексію), такъ какъ такое измѣненіе всегда было связано съ наклоненіемъ. Поэтому неопредѣленная форма могла быть только неправильно названа наклоненіемъ, такъ какъ она не измѣняется по лицамъ и числамъ. На это указывается уже древними греческими грамматиками, напримѣръ, Херобоскомъ, который неопредѣленное не называетъ наклоненіемъ, а просто неопредѣленною формою, τὸ ἀπαρέμφατον, потому что она не опредѣляетъ ни лица, ни числа, διότι οὐ παρεμφαίνει τὰ πρόσωπα etc. (Choeroboscus, p. 471, 12, ed. Gaisford) [1]). Въ нашихъ грамматикахъ, къ сожалѣнію, неопредѣленное все еще красуется въ числѣ наклоненій. Терминъ „наклоненіе", конечно, не даетъ еще никакого понятія о значеніи его. Поэтому древними греческими грамматиками былъ придуманъ еще другой терминъ для озна-

[1]) Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern von Steinthal 2 Th, стр. 286.

ченія наклоненія, а именно διάθεσις ψυχική или просто διάθεσις. Этимъ терминомъ выражалось уже внутреннее значеніе наклоненія, такъ какъ διάθεσις ψυχική означаетъ извѣстное психическое или душевное расположеніе, или извѣстное отношеніе къ чему либо, въ данномъ случаѣ отношеніе говорящаго къ дѣйствію, которое представляется либо дѣйствительнымъ, либо предполагаемымъ, либо желаемымъ, или требуемымъ. Въ латинской грамматикѣ гораздо яснѣе значеніе наклоненія обозначено было словомъ modus, то-есть, modus agendi, образомъ дѣйствія.

Къ исторіи терминологіи синтактической.

Анализъ языка начался собственно съ синтаксиса. Разсматривая сужденіе, или грамматическое предложеніе (λόγος), греческіе философы прежде всего выдѣлили изъ него самые главные элементы: a) предметъ сужденія, или то, о чемъ говорится, и b) опредѣленіе этого предмета, или то, что говорится о предметѣ. Первое назвали они τὸ ὑποκείμενον подлежащимъ (сужденію), второе—κατηγόρημα, то-есть, показаніемъ, опредѣленіемъ или признакомъ подлежащаго. Всѣ же остальныя части рѣчи разсматривались ими, какъ служащія для опредѣленія подлежащаго и сказуемаго. Такъ какъ подлежащее было обыкновенно *имя* (существительное, прилагательное или замѣняющее его мѣстоименіе), а сказуемое—*глаголъ*, то эти двѣ части рѣчи (μέρη τοῦ λόγου) считались самыми знаменательными, остальныя же разсматривались, какъ части служебныя. Аристотель знаетъ только три части рѣчи: ὄνομα—имя, ῥῆμα—глаголъ и σύνδεσμος—связь. Подъ послѣднимъ разумѣетъ онъ предлоги, союзы и даже нарѣчія. Стоики къ этимъ частямъ рѣчи прибавили еще ἄρθρα члены, выдѣляя изъ имени, какъ особую части рѣчи, членъ и мѣстоименія. Грамматики довершили анализъ синтактическій, выдѣливъ въ особыя части рѣчи прилагательное, нарѣчіе, предлогъ и союзъ и давъ имъ особыя названія, сохранившіяся и до нашего времени, такъ какъ наши термины суть не что иное, какъ переводъ греческихъ: ἐπίθετον, ἐπίῤῥημα [1]), πρόθεσις и σύνδεσμος. Замѣтимъ, что въ греческихъ грамматикахъ и причастіе

---

[1]) Ῥῆμα глаголъ или въ славянскомъ переводѣ рѣчь, оттого слово, стоявшее обыкновенно при глаголѣ и опредѣлявшее его, и названо ἐπίῤῥημα нарѣчіе, adverbium (иначе приглаголіе).

(μετοχή) было возведено въ особую часть рѣчи и названо такъ потому, что оно *причастно* свойству и глагола и имени [1]). Грамматики установили также общія понятія о согласованіи и управленіи словъ, о послѣдовательности и непослѣдовательности въ конструкціи, объ аналогіи и аномаліи или правильности и неправильности и т. п. Впрочемъ объ аттрибутѣ и объектѣ, какъ терминахъ синтактическихъ, они не знали, и ученіе о придаточныхъ предложеніяхъ замѣнялось у нихъ статьею о союзахъ, ихъ значеніи и употребленіи или сочиненіи. Вообще болѣе подробный анализъ простаго предложенія, особенно же болѣе подробное и систематическое ученіе о придаточныхъ предложеніяхъ, принадлежитъ уже новѣйшему времени. Въ этомъ отношеніи наибольшее значеніе имѣли труды Беккера (Organismus der Sprache) и Гейзе (System der Sprachwissenschaft).

Въ русской грамматикѣ синтаксисъ, подобно этимологіи, представлялъ сначала копію съ традиціонной греко-латинской грамматики и только въ нынѣшнемъ столѣтіи сталъ измѣнять свой видъ, благодаря вліянію нѣмецкихъ языковѣдовъ.

Такъ, еще у Ломоносова синтаксисъ представляетъ сборникъ отдѣльныхъ правилъ по согласованію и управленію безъ всякой системы и безъ всякаго обоснованія. Не можемъ не отмѣтить двухъ курьезныхъ правилъ въ грамматикѣ Ломоносова, изъ которыхъ одно, по всей вѣроятности, основано на субъективномъ чувствѣ автора, а другое сочинено подъ вліяніемъ латинскаго языка. Такъ въ первомъ у него говорится, что „покажи свою книгу“ сказано съ властью, а „покажи своей книги“ съ учтивостью, а во второмъ—что вопросительное „что“ сочиняется съ родительнымъ, напримѣръ, „что тебѣ тамъ дѣла?“. Гораздо полнѣе и разработаннѣе является синтаксисъ у Востокова, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ грамматикъ (Гейзе и др.). Такъ, у него не только встрѣчаются прежнія обычныя части синтаксиса—согласованіе и управленіе, но прибавлена и новая—о сочетаніи предложеній. Согласованіе разсмотрѣно въ предложеніи простомъ, сложномъ и придаточномъ. Встрѣчаются, кромѣ обычныхъ терминовъ подлежащаго и сказуемаго, еще термины „опредѣленія“ и „дополненія“. Нѣтъ только термина обстоятельственныхъ словъ. Нарѣчія относятся у него къ опредѣленіямъ, дѣепричастіе при глаголѣ—тоже. Дополненіями у него называются: 1) имена су-

---

[1]) Оттого въ старинныхъ грамматикахъ, напримѣръ, у Мелетія Смотрицкаго и Ломоносова, причастіе красовалось еще въ числѣ частей рѣчи.

ществительныя и мѣстоименія, коими означаются *другіе предметы*, прикосновенные къ подлежащему или сказуемому, на которые обращено дѣйствіе сказуемаго или отъ которыхъ зависитъ (?) подлежащее; 2) неопредѣленное наклоненіе, сочиненное съ другими глаголами или съ существительнымъ, прилагательнымъ и причастіемъ. Термины „*опредѣленіе*" и „*дополненіе*" представляютъ переводъ нѣмецкихъ терминовъ Гейзе „Bestimmungen und Ergänzungen", съ немаловажною, однако, разницей, имѣвшею невыгодное вліяніе на опредѣленность и ясность этихъ терминовъ. У Гейзе Bestimmungen, или опредѣленія, имѣютъ общее значеніе и употребляются одинаково, какъ о словахъ, опредѣляющихъ подлежащее или имя, такъ и о словахъ, опредѣляющихъ сказуемое или глаголъ. Для словъ же, опредѣляющихъ спеціально подлежащее или имя, у Гейзе имѣется особый терминъ „Attribute oder Beifügungen", а для словъ, опредѣляющихъ сказуемое или глаголъ, другой терминъ „Objekte oder Ergänzungen". Къ опредѣленіямъ сказуемаго относятся у Гейзе также и обстоятельственныя слова „adverbialia oder Umstandsbestimmungen". Понятно, что термины *аттрибуты* и *объекты* не то же самое, что опредѣленія и дополненія, и что разница между первыми гораздо яснѣе и точнѣе, чѣмъ между послѣдними. Объекты суть предметы, аттрибуты признаки или приложенія — понятія, изъ которыхъ первое совсѣмъ не выражается словомъ дополненіе, а второе только въ общихъ чертахъ выражается словомъ опредѣленіе и требуетъ поясненія. Неудивительно, поэтому, что эти термины „дополненія" и „опредѣленія по своей общности и растяжимости постоянно служили и теперь еще служатъ источникомъ путаницы въ нашихъ грамматикахъ. У Востокова, напримѣръ, однородныя выраженія разъ являются опредѣленіями, другой разъ дополненіями. Такъ, нарѣчія мѣста, времени и т. п. при глаголѣ суть, по Востокову, опредѣленія, а нарѣчныя выраженія, означающія мѣсто, время и т. п., суть дополненія. Въ предложеніяхъ: „онъ жилъ здѣсь" и „онъ жилъ на землѣ", *здѣсь* разсматривается, какъ опредѣленіе, *на землѣ*, какъ дополненіе. Или въ предложеніи „Адамъ былъ первый человѣкъ" сказуемымъ считается, какъ и слѣдуетъ, *былъ человѣкъ*. Но, если существительное при глаголѣ *быть* стоитъ въ творительномъ падежѣ, какъ, напримѣръ, „Адамъ былъ первымъ земледѣльцемъ", то, по Востокову, одно только *былъ* будетъ сказуемымъ, а *земледѣльцемъ* будетъ дополненіемъ. Въ своемъ опредѣленіи дополнительныхъ словъ Востоковъ какъ будто имѣетъ въ виду терминъ нѣмецкой грамматики Objekte, какъ это видно изъ

что онъ дополнительными словами называетъ „имена существи-
ыя и мѣстоименія, коими означаются *другіе* (?) *предметы*, при-
венные къ подлежащему или сказуемому"; но въ сущности онъ
термина не понялъ и обозначаетъ имъ всѣ существительныя и
именія, зависящія отъ сказуемаго и подлежащаго и стоящія
свенныхъ падежахъ безъ предлоговъ и съ предлогами. Не мень-
путаницу находимъ мы и въ грамматикѣ Буслаева. Въ ней
ѣлительными словами называются слова, присоединяемыя по-
ствомъ согласованія, а дополнительными—посредствомъ управле-
такъ что, напримѣръ, *восходъ солнца* или *лучъ солнца* будетъ
ѣромъ на дополненіе, а *солнечный восходъ* или *солнечный лучъ*
ѣромъ на опредѣленіе. Кромѣ опредѣлительныхъ и дополнитель-
словъ, Буслаевъ, слѣдуя Гейзе, вводитъ еще слова обстоятель-
ныя, но опредѣляетъ ихъ такъ, что тѣ же самыя выраженія мо-
разсматриваться, и какъ дополнительныя и какъ обстоятель-
ныя слова. По его опредѣленію, слова обстоятельственныя суть
, которыя не согласуются и не управляются и не состоятъ въ
ой связи синтактической со словами, къ которымъ присово-
ются.
акими словами считаются нарѣчія и нарѣчныя выраженія, а
е дополненія, не находящіяся въ явной (?) зависимости отъ ка-
нибудь слова. Въ примѣръ такихъ обстоятельственныхъ словъ
дятся „сижу на стулѣ, умираю съ голоду" и тому подобныя
женія, которыя раньше приведены были въ примѣръ дополни-
ыхъ словъ. Такимъ образомъ къ прежней путаницѣ опредѣли-
ыхъ и дополнительныхъ словъ присоединилась у Буслаева еще
со словами обстоятельственными. Корень путаницы у Буслаева
чается въ самомъ принципѣ, положенномъ въ основу дѣленія
на опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя.
принципъ до того искусственъ, что самъ авторъ отступилъ отъ
при опредѣленіи обстоятельственныхъ словъ, такъ какъ, по его
ѣленію, слѣдовало бы отнести къ этимъ словамъ только несклo-
мя и неизмѣняемыя нарѣчія, такъ какъ только они не согла-
ся и не управляются.
ь учебникахъ русской грамматики, появившихся послѣ Буслаева,
сьма рѣдкими исключеніями, дѣло съ разсматриваемыми нами
ктическими терминами обстоитъ не лучше. Растяжимость рус-
терминовъ заставляетъ составителей грамматикъ постоянно пу-
я и подводить одно и то же реченіе то подъ тотъ, то подъ дру-

гой терминъ къ полному недоумѣнію учащагося. Такъ, у Стоюнина въ учебникѣ его, названномъ почему-то высшимъ курсомъ русской грамматики, разъ творительный орудія подведенъ подъ дополненіе, другой разъ подъ обстоятельство. „Дѣлалъ какъ будто не своими *руками* — дополненіе. Ѣлъ *руками* — обстоятельство". Подъ понятіе обстоятельства подводится у Стоюнина и творительный падежъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „мы нашли его *здоровымъ*, видѣлъ его *плывущимъ*" и т. п. Въ грамматикѣ Кирпичникова неопредѣленное при глаголѣ называется дополненіемъ, если оно отвѣчаетъ на вопросъ: что дѣлать? и обстоятельственнымъ словамъ, если оно отвѣчаетъ на вопросъ: зачѣмъ? По этому опредѣленію, неопредѣленное въ предложеніи „я иду гулять" считается дополненіемъ, а въ предложеніи „я иду продавать"—обстоятельствомъ, хотя собственно и тотъ и другой вопросъ одинаково приложимъ и въ первомъ и во второмъ случаѣ; въ послѣднемъ случаѣ можно неопредѣленное считать вполнѣ отвѣчающимъ на вопросъ: что дѣлать?

Чтобы внести больше ясности и послѣдовательности въ анализъ частей предложенія, слѣдовало бы точнѣе разграничить слова опредѣлительныя отъ дополнительныхъ и дополнительныя отъ обстоятельственныхъ. Для этого слѣдовало бы наши термины приравнять къ латинскимъ терминамъ аттрибутовъ, объектовъ и нарѣчныхъ выраженій (adverbialia). Впрочемъ, по отношенію къ термину „опредѣленія" это отчасти уже дѣлается, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ руководствахъ, такъ какъ подъ опредѣленія подводятся всякаго рода приложенія къ имени, служащія для его опредѣленія, будутъ ли то приложенія согласуемыя или управляемыя. А для того, чтобы приравнять *дополненіе* къ объекту и придать ему больше опредѣленности, слѣдовало бы его назвать *предметнымъ дополненіемъ* и тѣмъ отличить его рѣзче отъ дополненій обстоятельственныхъ, означающихъ мѣсто, время, образъ дѣйствія и т. п. Предметное дополненіе уже по своему названію было бы опредѣленнѣе и понятнѣе, чѣмъ просто дополненіе, такъ какъ оно, подобно объекту, означало бы только предметъ или предметы, прямо или косвенно подлежащіе дѣйствію глагола, а не мѣсто или время дѣйствія и т. п.

Кстати замѣтимъ, что въ русской грамматикѣ недостаетъ еще одного термина, который коротко и ясно характеризовалъ бы особое употребленіе словъ опредѣлительныхъ, а именно употребленіе ихъ въ качествѣ сказуемаго, либо при подлежащемъ, либо при прямомъ дополненіи (объектѣ), какъ, напримѣръ, онъ казался простъ, странникъ

ѣлъ нагъ и босъ, или Петра называютъ великимъ, его объявили ъ и т. п. Сюда же можно отнести и примѣры, сбившіе Стою- „мы нашли его здоровымъ“, „видѣли его плывущимъ“ и пр. определительныя называются въ латинской грамматикѣ преди- ными, а по-русски можно было бы назвать ихъ определитель- —сказуемыми. Пока мы только въ грамматикѣ Преображенскаго указаніе на подобное предикативное употребленіе опредѣли- ыхъ словъ. Онъ называетъ ихъ сказуемыми-приложеніями (Рус- грамматика А. Преображенскаго, часть II, стр. 7 и 12).

юбще желательно, чтобы въ нашихъ учебникахъ русской грам- и была установлена болѣе точная терминологія синтактическая- бы она была сближена съ терминологіей, установленною въ ино- ныхъ языкахъ, особенно въ нѣмецкомъ и въ древнихъ языкахъ. того сближенія изложеніе нашего синтаксиса можетъ только ать.

А. Вейсманъ.

КРИТИКА МЕТОДОВЪ ИНДУКТИВНАГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

I.

Индуктивные методы какъ единственные научные пріемы индуктивнаго доказательства.—Сравнительная доказательность отдѣльныхъ методовъ. — Упрекъ методамъ въ petitio principii.—Мнѣнія Зигварта и Брэдли объ индуктивныхъ методахъ.

Индуктивные методы суть методы *доказательства.* Такой взглядъ на эти методы устанавливается категорическими заявленіями самихъ представителей индуктивной логики. „Наведеніе—говоритъ Милль—есть доказательство; оно есть выводъ чего-либо не наблюденнаго; слѣдовательно, оно требуетъ приличной повѣрки доказательства, и дать ему эту повѣрку составляетъ спеціальную цѣль индуктивной логики" [1]). Всего подробнѣе и опредѣленнѣе развитъ этотъ взглядъ на индуктивные методы какъ методы доказательства въ извѣстной полемикѣ Милля и Уэвелля по вопросу о пользѣ и значеніи индуктивныхъ методовъ [2]). „Относительно этихъ методовъ, говоритъ между прочимъ Уэвелль, слѣдуетъ замѣтить, что они принимаютъ за данное именно то, что всего труднѣе открыть: сведеніе явленій на предлагаемыя здѣсь формулы". Этотъ упрекъ, какъ указалъ самъ Милль, имѣетъ тотъ же самый характеръ, какъ и упреки, которые были направлены

---

[1]) *Mill.* Logic, b. III, ch. II, § 5.

[2]) Критическія замѣчанія Уэвелля первоначально были высказаны имъ въ особомъ памфлетѣ, изданномъ въ 1849 г., а затѣмъ включены въ особое сочиненіе, посвященное „философіи открытія" (Whewell. On the Philosophy of Discovery. 1860). Критика методовъ Милля находится въ главѣ XXII §§ 38 — 48 этого сочиненія. Возраженія Милля на критику Уэвелля помѣщены въ IX главѣ § 6 книги III его Логики.

Локкомъ и другими авторами XVIII столѣтія противъ правилъ силлогизма. „Возражавшіе противъ аристотелевской логики, замѣчаетъ Милль, говорили о силлогизмѣ то же, что Уэвелль высказываетъ о методахъ наведенія: что силлогизмъ принимаетъ за данное именно то, что всего труднѣе открыть: сведеніе доказательства на такія формулы, какія намъ предлагаются. Говорили, что наибольшее затрудненіе состоитъ въ построеніи силлогизма, а не въ сужденіи о правильности построеннаго уже силлогизма. Относительно факта и противники старинной логики, и Уэвелль правы. Въ обоихъ случаяхъ наибольшее затрудненіе состоитъ въ открытіи доказательства, а затѣмъ уже представляется трудъ подвести доказательство подъ форму, обнаруживающую его основательность. Но если бы мы пытались подвести доказательство, не зная подо что, то наша попытка едва-ли была бы успѣшна. Рѣшить геометрическую задачу труднѣе, чѣмъ судить, вѣрно-ли предложенное рѣшеніе; но кто не былъ бы способенъ обсудить найденное уже рѣшеніе, у того было бы мало вѣроятности и найдти его. И нельзя утверждать, чтобы оцѣнка найденнаго наведенія была совершенно легка и не нуждалась въ пособіяхъ и орудіяхъ: ошибочныя наведенія, ложныя заключенія изъ опыта отнюдь не менѣе обыкновенны, чѣмъ истинныя, а относительно нѣкоторыхъ предметовъ гораздо обыкновеннѣе. Дѣло индуктивной логики снабдить насъ такими правилами и образцами (какими силлогизмъ и его правила служатъ умозаключенію), чтобы только сообразныя имъ индуктивныя доказательства приводили къ достовѣрному заключенію, а не иныя. Таково и есть назначеніе четырехъ методовъ, и такъ, я думаю, смотрятъ на нихъ всѣ мыслители, принимающіе за основаніе опытъ и употреблявшіе ихъ гораздо раньше, чѣмъ кто-либо пытался подвести практику подъ теорію“ [1]). Нѣсколько ниже Милль говоритъ объ индуктивныхъ методахъ: „Если открытія дѣлаются когда-либо путемъ наведенія и опыта безъ дедукціи, то четыре метода суть методы открытія; но если бы даже они не были методами открытія, то было бы не менѣе вѣрно, что они суть единственные методы доказательства, и въ этомъ ихъ смыслѣ на нихъ сводятся даже результаты дедукціи. Великія обобщенія, возникающія въ видѣ гипотезъ, должны быть наконецъ доказаны и дѣйствительно доказываются помощью четырехъ методовъ. Но логика преимущественно занимается

---

[1]) *Mill.* Logic, b. III, ch. IX, § 6.

доказательствомъ какъ доказательствомъ" [1]). Точно также смотритъ на индуктивные методы какъ на методы доказательства и Бэнъ. Сводя индуктивные методы къ процессу выдѣленія и дѣлая различіе между выдѣленіемъ и обобщеніемъ, онъ говоритъ: „обобщеніе относится къ открытію; выдѣленіе же есть доказательство, а доказательство, болѣе чѣмъ открытіе, составляетъ задачу логики" [2]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію двухъ главныхъ представителей индуктивной логики индуктивные методы суть методы доказательства. Я нарочно остановился на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ въ своей критикѣ имѣю въ виду разсматривать индуктивные методы именно какъ методы доказательства.

Другое общее утвержденіе относительно индуктивныхъ методовъ, дѣлаемое представителями индуктивной логики, это то, что они суть *научные* методы доказательства. Въ этомъ смыслѣ они обыкновенно рѣзко противополагаются ненаучному пріему наведенія,—такъ называемой индукціи чрезъ простое перечисленіе. Индукція эта еще со временъ Бакона признается пріемомъ ненаучнымъ [3]). Милль отзывается объ этомъ способѣ наведенія слѣдующимъ образомъ: „Это родъ наведенія, свойственный уму, непривыкшему къ научнымъ методамъ" [4]). Нѣсколько далѣе онъ называетъ его грубымъ и несвязнымъ понятіемъ о наведеніи: „указаніемъ недостаточности этого грубаго и несвязнаго понятія о наведеніи Баконъ преимущественно заслужилъ эпитетъ, всѣми ему присуждаемый: основателя индуктивной философіи" [5]). Пріемъ индукціи чрезъ простое перечисленіе въ области научнаго мышленія не имѣетъ никакого, сколько-нибудь цѣннаго, значенія. „Популярныя наведенія, — говоритъ Милль, — основываются обыкновенно на наведеніи черезъ простое перечисленіе; въ наукѣ оно ведетъ насъ недалеко. Мы вынуждены начинать съ него; мы часто должны полагаться на него до времени, при отсутствіи средствъ болѣе строгаго изслѣдованія. Но для точнаго изученія природы намъ необходимо болѣе надежное и болѣе мощное орудіе" [6]). Такое орудіе мы и имѣемъ въ научномъ наведеніи посредствомъ индуктивныхъ методовъ. Фоулеръ,

---

[1]) *Mill.* Logic, b. III, ch. XI, §6.
[2]) *Bain.* Logic, b. III, ch. V, 3.
[3]) *Baco.* Novum Organum, l. I, CV.
[4]) *Mill.* Logic, b. III, ch. III, § 2.
[5]) *Mill.* Logic, b. III, ch. III, § 2.
[6]) *Mill.* Logic, b. III, ch. III, § 2.

называющій индукцію чрезъ простое перечисленіе „крайне недостовѣрною“ [1]), говоритъ: „Наши достовѣрныя наведенія, въ большинствѣ случаевъ, суть результатъ открытія нами какого-нибудь факта причинности между наблюдаемыми явленіями... Задача индукціи, слѣдовательно, превращается въ задачу открытія фактовъ причинности. Для этой цѣли Миллемъ установлены извѣстныя правила, названныя имъ экспериментальными методами, но которыя я опишу подъ именемъ индуктивныхъ методовъ“ [2]). Такимъ образомъ Фоулеръ вполнѣ опредѣленно признаетъ индуктивные методы методами пріобрѣтенія достовѣрныхъ, то-есть научныхъ индукцій. Онъ указываетъ различіе между индукціей чрезъ простое перечисленіе и методомъ совпаденія, на который она, повидимому, похожа. „Можетъ показаться, говоритъ онъ, что индукція чрезъ простое перечисленіе всегда есть примѣненіе метода совпаденія. Но здѣсь существуетъ слѣдующее существенное различіе. Методъ совпаденія есть методъ исключенія, избирающій одни и отбрасывающій другія обстоятельства, и основывающій свое заключеніе не на количествѣ, но на характерѣ избираемыхъ имъ случаевъ. Индукція чрезъ простое перечисленіе, наоборотъ по отношенію къ своей силѣ зависитъ отъ числа случаевъ; правда, эти случаи должны быть избираемы со всякой подходящей области, и вслѣдствіе этого мы иногда говоримъ объ ихъ разнообразіи столько же, сколько и объ ихъ количествѣ, но единственная существенная отличительная черта этого метода та, что онъ не избираетъ, но накопляетъ случаи. Немногихъ хорошо избранныхъ случаевъ часто бываетъ достаточно для удовлетворенія требованіямъ метода совпаденія. Но то же самое число, если мы отбросимъ основанія, по которымъ они были избраны, будетъ совершенно недостаточно для оправданія индукціи чрезъ простое перечисленіе“ [3]) Индукція черезъ простое перечисленіе основывается лишь на числѣ случаевъ, а не на ихъ природѣ; индуктивные же методы, какъ методы исключенія, опираются на природу случаевъ, стремясь обнаружить, какія обстоятельства выдѣляются случаями или не выдѣляются. Дѣйствіе первой ненаучно, второй — научно. „Ненаучные изслѣдователи — говоритъ Милль — склонны слишкомъ много полагаться на число случаевъ, не анализируя самихъ случаевъ, не приглядываясь пристально къ ихъ природѣ, чтобы обнаружить, какія обстоятельства выдѣляются случаями

[1]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 7.
[2]) *Fowler*. Inductive Logic, pp. 125—126.
[3]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 222.

или не выдѣляются. У большинства людей степень увѣренности въ заключеніяхъ соразмѣряется только съ массою опытовъ, на которыхъ эти заключенія, повидимому, основываются. Эти люди не соображаютъ, что если къ прежнимъ случаямъ прибавляются новые того же самаго рода, то-есть отличающіеся лишь въ обстоятельствахъ, признанныхъ несущественными, то къ достовѣрности заключенія не прибавляется ничего. Одинъ случай, который выдѣляетъ какой-либо предшествующій фактъ, существовавшій во всѣхъ другихъ случаяхъ, болѣе цѣненъ, чѣмъ величайшее множество случаевъ, только считаемыхъ" [1]).

Наконецъ, третье общее утвержденіе, дѣлаемое относительно индуктивныхъ методовъ, состоитъ въ томъ, что они признаются *единственными* методами научнаго наведенія. „Четыре метода, — говоритъ Милль,—которые мы попытались разсмотрѣть, суть единственные возможные способы опытнаго изслѣдованія, прямаго наведенія a posteriori, какъ отличаемаго отъ дедукціи; по крайней мѣрѣ я не знаю и неспособенъ вообразить иныхъ" [2]). Такъ какъ никѣмъ изъ другихъ представителей индуктивной логики не выставляется какихъ-либо иныхъ методовъ, кромѣ указанныхъ Миллемъ, то съ полнымъ правомъ можно утверждать, что признаніе этихъ методовъ „единственно возможными методами прямаго индуктивнаго изслѣдованія наблюденіемъ и опытомъ" раздѣляется всѣми представителями индуктивной логики.

Итакъ, по признанію представителей индуктивной логики, эмпирическіе или индуктивные методы суть единственные научные пріемы индуктивнаго доказательства. Но доказательность отдѣльныхъ методовъ не одинакова.

Первенствующее мѣсто по степени доказательности признается обыкновенно за методами различія и сопутствующихъ измѣненій.

Экспериментальный характеръ метода различія обусловливаетъ высокую доказательность этого метода, единогласно признаваемую представителями индуктивной логики. Такъ Милль называетъ этотъ методъ, въ виду его доказательной силы, „мощнымъ орудіемъ изслѣдованія природы" и „могущественнымъ процессомъ, обнаруживающимъ не только законы, но и причины" [3]). Бэнъ отзывается о методѣ различія какъ о такомъ, который можетъ дать неопровержимое доказа-

---

[1]) *Mill.* Logic, b. III, ch. X, § 2.
[2]) *Mill.* Logic, b. III, ch. VIII, § 7.
[3]) *Mill.* Logic, b. III, ch. VIII, §§ 1, 3.

тельство причиннаго соотношенія [1]). Веннъ, размѣщая индуктивные методы по степени ихъ доказательности, ставитъ методъ различія на первомъ мѣстѣ [2]).

Доказательная сила метода различія, вытекающая изъ самой его сущности и изъ условій его примѣненія, усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ методъ не теряетъ своей доказательности и отъ факта множественности причинъ. „Множественность причинъ— говоритъ Милль—не только не уменьшаетъ надежности метода различія, но даже не дѣлаетъ необходимымъ большее число наблюденій или опытовъ: два примѣра—одинъ положительный, а другой отрицательный—все еще достаточны для самаго полнаго и строгаго наведенія" [3]). На эту же независимость доказательной силы метода различія отъ множественности причинъ указываетъ также Бэнъ [4]).

Однако, доказательность метода различія ограничена извѣстными опредѣленными условіями, безъ соблюденія которыхъ онъ утрачиваетъ свою доказательную силу.

Доказательность по методу различія полносильна лишь въ томъ случаѣ, когда при производствѣ опыта мы увѣрены, что предшествовавшее опыту состояніе явленія и состояніе, экспериментально произведенное нами, не различаются ни въ чемъ, кромѣ присутствія или отсутствія введеннаго нами явленія [5]). Чтобы признать результатъ, добытый по методу различія, прочно доказаннымъ, мы должны быть убѣждены, что появленіе какого-нибудь обстоятельства въ группѣ послѣдующихъ или исчезновеніе его изъ нея обусловлено именно тѣмъ обстоятельствомъ, которое мы или ввели въ группу предъидущихъ, или изъяли изъ нея [6]).

Для пріобрѣтенія этой увѣренности необходимо, чтобы произведенное нами измѣненіе въ группѣ предъидущихъ непосредственно сопровождалось соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ группѣ послѣдующихъ. Въ этой-то непосредственности результата и лежитъ, по мнѣнію представителей индуктивной логики, убѣдительность доказательства по методу различія [7]).

---

[1]) *Bain*. Logic, b. III, ch. V, 6.
[2]) *Wenn*. Empirical Logic, 1889, 413.
[3]) *Mill*. Logic, b. III, ch. X, § 2.
[4]) *Bain*. Logic, b. III, ch. VIII, 3.
[5]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 3.
[6]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 159.
[7]) *Bain*. Logic, b. III, ch. VI, 3. *Wenn*. Empirical Logic, pp. 415 — 416.

Требованіе непосредственнаго преемства между группою предидущихъ и группою послѣдующихъ равносильно требованію кратковременности или быстроты производимаго эксперимента. Дѣйствительно, при изложеніи метода различія обыкновенно указывается на необходимость возможно болѣе быстраго совершенія эксперимента [1]). Экспериментъ, длящійся долгое время, не можетъ давать вполнѣ очевидный и доказательный результатъ, такъ какъ при значительныхъ періодахъ опыта нельзя быть увѣреннымъ, что въ производствѣ результата не приняло участія какое-либо непредвидѣнное обстоятельство, вмѣшательство котораго въ производимый опытъ ускользнуло отъ нашего вниманія. Такимъ образомъ непродолжительнсcть опыта возможная лишь при непосредственномъ проявленіи даннoю причиною своего дѣйствія, есть необходимое условіе доказательности метода различія, ограничивающее въ то же время сферу его приложимости.

Методъ сопутствующихъ измѣненій, подобно методу различія, причисляется обыкновенно къ категоріи тѣхъ индуктивыхъ методовъ, которыми можетъ достигаться абсолютная достовѣрность, въ отличіе отъ метода совпаденія и соединеннаго метода, способныхъ, по мнѣнію Фоулера, давать только заключенія большей или меньшей вѣроятности [2]).

Доказательная сила метода сопутствующихъ измѣненій зависитъ отъ того, насколько выполнены необходимыя для его доказательности условія, — именно, насколько осуществлены тѣ требованія, которыя сообщаютъ доказательную силу методу различія, особую модификацію котораго составляетъ методъ сопутствующихъ измѣненій. Первое требованіе для возможно большей доказательности метода сопутствующихъ измѣненій — то же, что и при методѣ различія,—именно возможность экспериментальнаго производства изслѣдуемыхъ явленій Другими словами, онъ полносиленъ тамъ, гдѣ является методомъ экспериментальнымъ [3]). „Методъ сопутствующихъ измѣненій рѣшителенъ только какъ видоизмѣненный методъ различія, то-есть въ случаяхъ искусственнаго уменьшенія или увеличенія явленія, предположеннаго причиною. Тамъ же, гдѣ опыты этого рода не исполнимы,— въ случаяхъ естественнаго возрастанія или убыли сопутствующихъ

---

[1]) *Mill.* Logic, b. III, ch. VIII, § 3; *Bain.* Logic, p. II, ch. VI, 8; *Wenn.* Empirical Logic, pp. 415—416.

[2]) *Fowler.* Inductive Logic, p. 207.

[3]) *Wenn.* Empirical Logic, p. 421.

измѣненій, методъ этотъ рѣдко приводитъ, самъ по себѣ, къ чему-нибудь другому, кромѣ эмпирическаго закона сосуществованія“ [1]).

Далѣе, при экспериментальномъ примѣненіи метода сопутствующихъ измѣненій необходимы тѣ же предосторожности, какія были указаны и для метода различія. „Едва-ли нужно говорить, что для удостовѣренія въ единообразномъ сопутствіи измѣненій въ дѣйствіи измѣненіямъ въ причинѣ должно принять тѣ же самыя предосторожности, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ опредѣленія неизмѣнной послѣдовательности. Пока который либо изъ предшествующихъ фактовъ подвергается требуемому ряду измѣненій, мы должны стараться удержать неизмѣнными всѣ другіе предшествующіе факты; другими словами, чтобы имѣть право изъ сопутствія измѣненій заключить о связи причины съ дѣйствіемъ, самое сопутствіе должно доказать методомъ различія“ [2]).

При примѣненіи метода сопутствующихъ измѣненій необходимо имѣть въ виду, что совмѣстное измѣненіе двухъ обстоятельствъ само по себѣ еще не служитъ доказательствомъ того, что одно изъ этихъ обстоятельствъ есть причина другаго; такое измѣненіе можетъ свидѣтельствовать еще и нѣчто иное. „Если два явленія сопровождаютъ одно другое въ своихъ измѣненіяхъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы одно изъ нихъ было причиною, а другое ея дѣйствіемъ. Та же самая вещь можетъ и должна случиться, если предположимъ, что эти два явленія суть различныя дѣйствія общей причины“ [3]).

Методомъ сопутствующихъ измѣненій могутъ быть доказываемы слѣдующія положенія относительно двухъ параллельно измѣняющихся обстоятельствъ: 1) что именно то, а не другое изъ этихъ обстоятельствъ есть причина другаго, а это другое есть его дѣйствіе; 2) что эти два обстоятельства суть—одно причина, а другое дѣйствіе, но которое именно причина и которое дѣйствіе,—этого мы не знаемъ; другими словами, что эти два обстоятельства стоятъ другъ къ другу вообще въ отношеніи причины къ дѣйствію; и 3) что эти два обстоятельства имѣютъ одну общую причину.

Для доказательства перваго положенія необходимо знать, во-первыхъ, которое изъ этихъ двухъ обстоятельствъ предидущее и которое

---

[1]) *Троицкій.* Учебникъ логики, съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и другихъ странахъ. Кн. II, стр. 215. М. 1886 г.

[2]) *Mill.* Logic, b. III, ch. VIII, § 6.

[3]) *Mill.* Logic, b. III, ch. VIII, § 6.

послѣдующее,—а во-вторыхъ,—что только эти два обстоятельства измѣняются сообща, при отсутствіи всякаго третьяго обстоятельства, которое измѣнялось бы вмѣстѣ съ ними. Отсутствіе перваго изъ этихъ условій при наличности втораго вынуждаетъ насъ ограничиться, какъ результатомъ доказательства, вторымъ положеніемъ. Наконецъ, отсутствіе и этого втораго условія ограничиваетъ наше право лишь выводомъ, что между двумя измѣняющимися совмѣстно обстоятельствами существуетъ вообще какая нибудь причинная зависимость, хотя бы въ формѣ зависимости обоихъ этихъ обстоятельствъ отъ третьяго какъ ихъ общей причины [1]. „Первые два случая отличаются отъ третьяго тѣмъ, что въ обоихъ ихъ мы предполагаемъ строгое выполненіе метода различія, какъ приложеннаго къ тѣмъ индивидуальнымъ наблюденіямъ или экспериментамъ, на которыхъ основывается методъ сопутствующихъ измѣненій, и которые, такъ сказать, слагаютъ его. Въ послѣднемъ случаѣ, напротивъ, мы предполагаемъ, что существуетъ нѣкоторая неизвѣстность относительно того, выполнены-ли строго требованія метода различія, или нѣтъ“ [2].

Самъ по себѣ методъ сопутствующихъ измѣненій не можетъ дать намъ указанія, которое изъ перечисленныхъ выше трехъ предположеній имѣетъ мѣсто въ данномъ частномъ случаѣ; для рѣшенія этого необходимы дополнительныя, такъ сказать, вспомогательныя данныя. „И однимъ этимъ методомъ никогда не было бы возможно узнать, которое изъ предположеній вѣрно. Единственнымъ способомъ разрѣшить сомнѣніе былъ бы тотъ, на который мы такъ часто обращали вниманіе: постараться изслѣдовать, можемъ ли мы произвести одинъ рядъ измѣненій посредствомъ другаго“ [3].

По заявленію Милля, „методъ этотъ допускаетъ наиболѣе широкое примѣненіе въ томъ случаѣ, когда измѣненія причины суть измѣненія количественныя. О такихъ измѣненіяхъ мы можемъ, вообще, съ увѣренностью утверждать, что они будутъ сопровождаться измѣненіями, и притомъ подобными же измѣненіями дѣйствія“ [4].

Еще одно преимущество метода сопутствующихъ измѣненій, какъ заявляетъ Бэнъ, состоитъ въ томъ, что онъ есть единственный, по которому можно работать съ успѣхомъ въ случаяхъ смѣшенія дѣйствій. „Если случается, что измѣняется одна какая нибудь причина.

---

[1]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 185.
[2]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 186.
[3]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 6.
[4]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 6.

олжно измѣняться также и одно ея дѣйствіе, и такимъ образомъ нна и дѣйствіе могутъ быть выдѣлены при величайшихъ ослож-ихъ" [1]).

Іо своей доказательной силѣ соединенный методъ признается мающимъ середину между методомъ различія и методомъ совпа-і. По заявленію Милля, этотъ методъ „можно назвать лишь боль-ь расширеніемъ и усовершенствованіемъ метода совпаденія; но не заключаетъ въ себѣ мощной природы метода различія" [2]). имущество его передъ методомъ совпаденія состоитъ въ томъ, въ немъ одно и тоже положеніе доказывается дважды — одинъ въ положительныхъ случаяхъ, а другой — въ отрицательныхъ, емъ каждое доказательство, будучи независимо одно отъ другаго, ичиваетъ доказательность другаго. Иными словами, по этому ме-мы при помощи положительныхъ случаевъ доказываемъ, про-ъ методомъ совпаденія, что присутствіе *A* есть причина при-твія *a*, а при помощи отрицательныхъ случаевъ, также простымъ домъ совпаденія,—что отсутствіе *A* есть причина отсутствія *a*; сопоставленія этихъ двухъ выводовъ приходимъ къ доказан-положенію, что *A* есть причина *a*. Этотъ послѣдній вы-предполагается производимымъ по методу различія, и въ этомъ оженіи метода различія къ двумъ результатамъ, добытымъ по ду совпаденія, также видятъ обыкновенно перевѣсъ соединеннаго да надъ простымъ методомъ совпаденія. „Если какой нибудь ъ рядъ случаевъ не совпадаетъ ни въ чемъ, кромѣ присутствія ъ обстоятельствъ, и если другой рядъ обстоятельствъ не совпа-ь ни въ чемъ, кромѣ отсутствія этихъ двухъ обстоятельствъ, а мы имѣемъ право заключить, по методу различія, что введеніе наго явленія (которое, предположимъ, должно быть послѣдующимъ) да слѣдуетъ за введеніемъ другаго обстоятельства (которое пред-жимъ предыдущимъ) и vice versa, что устраненіе даннаго явленія да слѣдуетъ за устраненіемъ этого другаго обстоятельства, или, ими словами, что данное явленіе есть дѣйствіе, а то другое оятельство—причина" [3]).

Соединенный методъ, при строгомъ соблюденіи его условій, обла-ъ однимъ ему собственно свойственнымъ преимуществомъ предъ

[1]) *Bain*. Logic, b. III, ch. VIII, 6.
[2]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 4.
[3]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 162.

методомъ совпаденія. „Простой методъ совпаденія всегда теоретически подверженъ упреку, вытекающему изъ множественности причинъ, но этотъ методъ, если рядъ отрицательныхъ случаевъ полонъ, не только свободенъ отъ этого упрека, но даже подтверждаетъ, что выводенная причина есть единственная причина изслѣдуемаго явленія; или,—въ случаѣ если мы не знаемъ, которое предидущее и которое послѣдующее, — что *a* и *b* связаны такимъ образомъ, что одно изъ нихъ есть причина и единственная причина другаго" [1]). Вслѣдствіе этого Фоулеръ дополняетъ обычное правило соединеннаго метода слѣдующею прибавкою: „Сверхъ того (предполагая, что требованія метода должны быть строго соблюдены) обстоятельство, признанное посредствомъ метода причиною, есть единственная причина даннаго явленія" [2]). „Въ соединенномъ методѣ, говоритъ Милль, предполагается не только то, что случаи, въ которыхъ есть *a*, сходны лишь присутствіемъ *A*, но и то, что случаи, въ которыхъ нѣтъ *a*, сходны только отсутствіемъ *A*. Если такъ, то *A* должно быть не только причиною *a*, но и единственною возможною причиною: ибо если бы была другая причина, напримѣръ *B*, то въ случаяхъ, въ которыхъ нѣтъ *a*, *B* должно было бы отсутствовать, точно также, какъ и *A*, и было бы несправедливо, что эти случаи сходствуютъ только отсутствіемъ *A*. Это составляетъ важное преимущество соединеннаго метода предъ простымъ методомъ совпаденія. Казалось бы, правда, что преимущество это принадлежитъ не столько соединенному методу, сколько одной изъ его посылокъ (если можно такъ назвать ихъ), именно отрицательной посылкѣ. Методъ совпаденія, въ приложеніи къ случаямъ отрицательнымъ или тѣмъ, въ которыхъ явленія не бываетъ, конечно не представляетъ того характеристическаго недостатка, которому подпадаетъ въ случаѣ положительномъ. Это даетъ поводъ думать, что съ отрицательною посылкою можно поступить какъ съ простымъ случаемъ метода совпаденія, не требуя соединенія съ нимъ положительной посылки. Но, хотя это въ принципѣ и вѣрно, однако вообще совершенно невозможно прилагать методъ совпаденія къ однимъ отрицательнымъ случаямъ безъ положительныхъ: гораздо труднѣе исчерпать область отрицанія, чѣмъ область утвержденія" [3]).

Но превосходя по своей доказательности простой методъ совпа-

---

[1]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 162.
[2]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 160.
[3]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 4.

, соединенный методъ въ этомъ отношенiи не равносиленъ про- методу различiя. „Требованiя метода различiя, говоритъ Милль, довлетворены, пока мы не совершенно увѣрены въ томъ, что положительные случаи *a* не совпадаютъ ни въ одномъ предиъ фактѣ, кромѣ *A*, или отрицательные случаи *a* совпадаютъ твенно въ отрицанiи *A*. Но если бы такая увѣренность была жна, — а она никогда не бываетъ таковою, — то мы не нужда- бы въ соединенномъ методѣ: тогда каждый изъ двухъ рядовъ евъ былъ бы, отдѣльно, достаточенъ для доказательства связи ины съ дѣйствiемъ" [1]).

тсюда ясно, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгать къ упоенiю или примѣненiю соединеннаго метода. Онъ долженъ быть ѣняемъ, или, лучше сказать, имъ слѣдуетъ довольствоваться тамъ, невозможно прибѣгнуть къ методу различiя, а между тѣмъ желао устранить ту неопредѣленность, которая присуща методу денiя [2]). „Замѣна двухъ случаевъ, требуемыхъ методомъ раз-, двумя рядами случаевъ, требуемыхъ соединеннымъ методомъ, вается обыкновенно невозможностью, для нѣкоторыхъ явленiй, ти первые и возможностью возмѣстить, въ той или другой мѣрѣ, татокъ ихъ вторыми" [3]). Бываетъ же это тогда, „когда дѣятель, ымъ мы можемъ произвести явленiе, состоитъ не въ одномъ шествующемъ фактѣ, а въ соединенiи фактовъ, которыхъ мы жемъ отдѣлить одинъ отъ другаго или выставить особо" [4]).

о относительной силѣ своего доказательства соединенный методъ аетъ второе мѣсто въ ряду всѣхъ индуктивныхъ методовъ. мѣ прямаго различiя, самое мощное изъ остальныхъ орудiй индук- го изслѣдованiя представляетъ соединенный методъ совпаденiя личiя. И въ наукахъ, основанныхъ на чистомъ аблюденiи, безъ го пособiя со стороны опыта, или съ мал о участiемъ его, методъ есть главное орудiе, насколько ло идетъ о прямомъ ценiи къ опытнымъ началамъ" [5]). Тѣм о менѣе Фоулеръ приъ выводы по соединенному методу т ко вѣроятными, „потому какъ мы не можемъ быть абсолютно увѣрены, что условiя месовпаденiя выполнены въ положительныхъ случаяхъ, такъ, вслѣд-

Mill. Logic, b. III, ch. VIII, § 4.
Fowler. Inductive Logic, p. 160.
Троицкiй. Учебникъ логики, кн. II, стр. 205.
Mill. Logic, b. III, ch. VIII, § 4.
Mill. Logic, b. III, ch. X, § 2.

ствіе крайней трудности доказательства отрицательныхъ, мы должны еще менѣе знать, что они выполнены въ отрицательныхъ случаяхъ" [1]). Однако другіе, напримѣръ Владиславлевъ, считаютъ этотъ методъ вполнѣ доказательнымъ. Описавъ сущность соединеннаго метода, названный авторъ говоритъ: „доказанное по такому сложному методу предложеніе становится несомнѣннымъ" [2]).

Доказательная сила метода совпаденія признается, вообще говоря, весьма слабою. По словамъ Фоулера, „ни при какихъ обстоятельствахъ заключеніе, получаемое по методу совпаденія, не достигаетъ абсолютной или формальной достовѣрности" [3]). Точно также Веннъ, формулируя правило метода, говоритъ, что относительно единственнаго общаго элемента двухъ группъ антецедентовъ извѣстнаго явленія „можно только предполагать, что онъ есть причина этого явленія" [4]).

Необходимымъ условіемъ полной доказательности метода совпаденія признается то, чтобы сравниваемыя группы предидущихъ и послѣдующихъ имѣли только по одному общему обстоятельству. „Единственное условіе, существенное при примѣненіи метода совпаденія, это то, чтобы случаи, на которыхъ основывается выводъ, представляли только два общихъ обстоятельства. Нѣтъ необходимости, чтобы эти обстоятельства находились въ связи неизмѣнно, если только въ случаяхъ, гдѣ они находятся въ связи, не можетъ быть открыто другаго общаго обстоятельства" [5]). Эти-то единственныя обстоятельства признаются стоящими въ причинной зависимости одно отъ другаго; если же такихъ обстоятельствъ болѣе одного, то либо они всѣ вмѣстѣ составляютъ причину, либо она находится между ними" [6]).

Доказательность метода совпаденія въ значительной степени подрывается тѣмъ фактомъ, что одно и то же дѣйствіе можетъ быть производимо нѣсколькими различными причинами порознь, или такъ называемымъ обыкновенно фактомъ множественности причинъ, или, по терминологіи Карвета-Рида, замѣстительности причинъ. „Одно изъ главныхъ послѣдствій этого факта множественности причинъ—гово-

---

[1]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 161.

[2]) *Владиславлевъ*. Логика, стр. 263, изд. 1872 г.

[3]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 138.

[4]) *Wenn*. Empirical Logic, p. 421.

[5]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 138. Ср. также *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 1; *Bain*, Logic, p. II, ch. VI, 2; *Wenn*. Empirical Logic, p. 421.

[6]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 1.

Милль—состоитъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ ненадежнымъ пер-
въ индуктивныхъ методовъ, методъ совпаденія" [1]).
виду этого, методъ совпаденія при доказательствѣ причинной
мости явленій играетъ второстепенную, вспомогательную роль.
етоду совпаденія—говоритъ Милль—слѣдуетъ преимущественно
аться какъ къ средству, указывающему приложеніе метода раз-
или же методъ совпаденія можетъ служить второстепеннымъ,
гательнымъ средствомъ, въ случаѣ если методъ различія не
кимъ" [2]). Отъ этого методъ совпаденія есть преимущественно
изслѣдованія тѣхъ предметовъ, въ которыхъ искусственный
невозможенъ; въ приложеніи къ этимъ предметамъ методъ со-
ія обыкновенно наше единственное орудіе прямо индуктивнаго
ера, тогда какъ относительно явленій, которыя мы можемъ
вести искусственно по своему произволу, методъ различія пред-
етъ обыкновенно болѣе могущественный процессъ" [3]).
инственное средство, которое методъ совпаденія, самъ по себѣ,
бѣгая къ содѣйствію другихъ методовъ, можетъ употребить съ
устраненія подрывающаго значенія множественности причинъ,—
множеніе сопоставляемыхъ примѣровъ [4]). Если данная связь
яется множество разъ безъ исключенія при самыхъ разнообраз-
условіяхъ, то это служитъ доказательствомъ исключительности
вязи. „Только когда случаи при произвольномъ увеличеніи ихъ
и разнообразія продолжаютъ давать одинъ и тотъ же резуль-
онъ пріобрѣтаетъ высокое независимое значеніе" [5]). Если же
эта въ одномъ или нѣсколькихъ случаяхъ нарушена, то это
тельство служитъ доказательствомъ того, что члены этой связи,
другъ друга, связаны причинностью еще съ какими нибудь
обстоятельствами" [6]). „Если данное явленіе, насколько намъ
но, неизмѣнно предшествуется другимъ, то этотъ фактъ оправ-
ъ наше предположеніе (хотя и не доказываетъ), что предш-
есть не только одна изъ причинъ, но единственная причина
о явленія. Такое заключеніе можетъ быть доказано (даже при-
ельно) только посредствомъ двойнаго метода совпаденія. Однако

Mill. Logic, b. III, ch. X, § 2.
Mill. Logic, b. III, ch. VIII, § 3. Ср. также *Wenn*, Empirical Logic, p. 426.
Mill. Logic, b. III, ch. VIII, § 3.
Bain. Logic, b. III, ch. VIII, 4.
Mill. Logic, b. III ch. X, § 2.
Fowler. Inductive Logic, p. 137.

это заключается, какъ уже сказано, не въ неизмѣнности связи, но въ фактѣ, что изслѣдуемые случаи, насколько намъ извѣстно, представляютъ только два общихъ явленія, что составляетъ силу метода совпаденія. Вмѣстѣ съ этимъ фактомъ неизмѣнность предидущаго (или послѣдующаго) доставляетъ одно изъ самыхъ строгихъ доказательствъ, такъ какъ подобная неизмѣнность предполагаетъ весьма широкое измѣненіе обстоятельствъ" [1]).

Доказательная сила метода остатковъ признается равносильною таковой же силѣ метода различія, за особую форму котораго методъ остатковъ обыкновенно признается. „Какъ одна изъ формъ метода различія, методъ остатковъ отличается тою же строгою достовѣрностью, лишь бы предшествующія наведенія, давшія намъ дѣйствія фактовъ *A* и *B*, были получены по тому же непогрѣшимому методу, и лишь бы мы были увѣрены, что *C* есть единственный предшествующій фактъ, которому можетъ быть приписано явленіе *c*, оказывающееся въ остаткѣ, — единственный дѣятель, проявленія котораго мы еще не исчислили и не вычли. Но такъ какъ въ этомъ мы никогда не можемъ быть увѣрены вполнѣ, то доказательство, получаемое методомъ остатковъ, неполно, развѣ если мы можемъ произвести *C* искусственно и испытать его отдѣльно, или же дѣятельность его, будучи уже открыта, можетъ быть объяснена и доказана выводомъ изъ извѣстныхъ законовъ" [2]).

Методъ остатковъ отличается отъ метода различія тѣмъ, что въ немъ отрицательный случай, то-есть тотъ, въ которомъ данное явленіе отсутствуетъ, не есть прямой результатъ наблюденія и опыта, но до него мы доходимъ помощью вывода [3]). Такъ какъ выводъ этотъ есть процессъ дедуктивный, то иногда методъ остатковъ признается методомъ дедуктивнымъ и исключается изъ числа индуктивныхъ методовъ. Такъ поступаетъ, напримѣръ, Веннъ. Но въ виду того, что въ доказательствѣ по методу остатковъ имѣется и опытный элементъ, представляемый тѣмъ остаточнымъ преемствомъ, законъ котораго опредѣляется по методу остатковъ, этотъ методъ признается стоящимъ на переходѣ отъ изслѣдованій чисто опытныхъ къ изслѣдованіямъ чисто дедуктивнымъ [4]). Фоулеръ, относящій методъ остатковъ къ

[1]) *Fowler*. Inductive Logic, pp. 146—147.
[2]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 5.
[3]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 5.
[4]) *Троицкій*. Учебникъ логики, кн. II, стр. 218.

у индуктивныхъ, по этому вопросу говоритъ слѣдующее: „Суще-
етъ одно затрудненіе, соединенное съ этимъ методомъ. Такъ какъ
итаніе есть дедуктивный процессъ, то почему методъ остатковъ
очается въ число индуктивныхъ методовъ? Этотъ методъ, должно
аться, скорѣе дедуктивнаго чѣмъ индуктивнаго характера; но
ъ какъ, при отнесеніи остаточнаго послѣдующаго къ остаточному
дидущему, мы предполагаемъ законъ всеобщей причинности, и
ъ какъ, сверхъ того, этотъ методъ вообще прилагается къ резуль-
прежнихъ индукцій, то можно защищать обсужденіе его въ
ъ мѣстѣ. Только при помощи индукціи мы обыкновенно узнаемъ,
γ, δ, ε — обусловлены C, D; посредствомъ метода остатковъ мы
едѣляемъ, что остальныя послѣдующія α, β, должны быть обусло-
ны остальными антецедентами *A*, *B*; затѣмъ мы вообще пере-
имъ къ рѣшенію путемъ какого нибудь изъ другихъ индуктив-
ъ методовъ, которое изъ остальныхъ послѣдующихъ какимъ изъ
льныхъ предидущихъ обусловлено“ [1]).

Изъ сказаннаго о доказательной силѣ индуктивныхъ методовъ
ю, что представители индуктивной логики держатся о ней весьма
окаго мнѣнія. Но не всѣ раздѣляютъ съ ними это мнѣніе, и про-
ъ доказательности методовъ раздавались, иногда весьма рѣзкія,
аженія.

Уже Милль предвидѣлъ возможность упрека методамъ въ ре-
principii. Сущность этого упрека заключается въ слѣдую-
ъ. Индуктивные методы предполагаютъ несомнѣннымъ законъ
чинности; при непризнаніи всеобщности этого закона они теряютъ
кое значеніе. „Сила всѣхъ индуктивныхъ методовъ зависитъ отъ
дположенія, что каждое событіе или начало каждаго явленія
кны быть производимы какою либо причиною, какимъ либо пред-
ѣтвовавшимъ фактомъ, за существованіемъ котораго они неизмѣнно
езусловно слѣдуютъ... Во всѣхъ этихъ методахъ предполагается
бщность закона связи причины со слѣдствіемъ“ [2]). Но законъ
чинности, по собственному признанію представителей индуктивной
ики, самъ есть выводъ полученный путемъ индукціи. „Вѣра во
бщность, по всей природѣ, закона связи причины со слѣдствіемъ,
ъ примѣръ наведеній, и отнюдь не одно изъ самыхъ раннихъ на-
еній, какія могъ построить кто либо изъ насъ или родъ человѣ-

[1]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 174.
[2]) *Mill*. Logic, b. III, ch. XXI, § 1.

ческій вообще. Мы приходимъ къ этому всеобщему закону путемъ обобщенія отъ многихъ законовъ, менѣе общихъ“ [1]).

Такимъ образомъ выходитъ, что процессъ индуктивнаго доказательства опирается на законъ, обосновываемый путемъ индуктивнаго же доказательства, такъ что приходится признать основаніемъ индуктивнаго доказательства результатъ индуктивнаго же доказательства. Противъ возможности такой постановки дѣла неоднократно дѣлались возраженія. Такъ, Вундтъ утверждаетъ, что „положеніе, будто ходъ природы единообразенъ, не можетъ быть посылкою всѣхъ индукцій, такъ какъ оно само есть наведеніе“ [2]). По Манзелю, „основаніе всѣхъ индукцій не можетъ само быть наведеніемъ“ [3]). Бэнъ пытался выйти изъ этого затрудненія сведеніемъ процесса индукціи къ дедукціи. Индуктивные методы Милля, говоритъ онъ, только изъ вѣжливости называются индуктивными; въ существѣ же они суть дедуктивные методы, въ примѣненіи къ индуктивнымъ изслѣдованіямъ, съ большей посылкой: ходъ природы единообразенъ [4]). Самъ Милль, предвидя, какъ уже сказано, обвиненіе въ petitio principii, пытался устранить его утвержденіемъ, что индуктивный выводъ закона причинности основывается на ненаучномъ способѣ наведенія чрезъ простое перечисленіе. „Такъ какъ всѣ строгіе процессы наведенія предполагаютъ общее единообразіе, то наше знаніе частныхъ единообразій, изъ которыхъ мы впервые заключили объ общемъ, вытекало, конечно, не изъ строгаго наведенія, а изъ слабаго и ненадежнаго способа наведенія per enumerationem simplicem; и законъ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, собранный изъ добытыхъ такимъ образомъ результатовъ, и самъ не можетъ опираться на лучшее основаніе. Поэтому, казалось бы, что наведеніе per enumerationem simplicem не есть непремѣнно недозволенный логическій процессъ, а есть, на дѣлѣ, единственный возможный родъ наведенія, такъ какъ доказательность болѣе выработаннаго процесса зависитъ отъ закона, который самъ получается этимъ безыскусственнымъ способомъ. Но послѣдовательно-ли, послѣ этого, противопоставлять слабость одного метода строгости другаго, когда этотъ послѣдній обязанъ неудовлетворительному методу своимъ основаніемъ? — Однако непослѣдовательность только кажущаяся. Конечно, если бы наведеніе при помощи простаго пере-

---

[1]) *Mill.* Logic. b. III, ch. XXI, § 2.

[2]) *Wundt.* Vorlesungen über Menschen-und Thier Seele, 1, s. 472.

[3]) *Mansel.* Prolegomena logica.

[4]) *Bain.* Logic, b. III, ch. XI, 14; p. I, appendix D.

енія было процессомъ незаконнымъ, то никакой основанный на процессъ не могъ бы быть законнымъ, точно также какъ нельзя ыло полагаться на телескопъ, если бы мы не могли довѣрять на- глазамъ. Но процессъ этотъ, хотя и законенъ, однако погрѣ- ленъ, и въ весьма различныхъ степеняхъ; поэтому, если мы мо- замѣнить болѣе погрѣшительныя формы процесса отправленіемъ, анныиъ на томъ же самомъ процессѣ въ менѣе погрѣшитель- формѣ, то сдѣлаемъ весьма существенное усовершенствованіе. А о и исполняется научнымъ наведеніемъ"[1]). Къ тому же, „нена- ость метода простаго перечисленія обратно пропорціональна обшир- обобщенія. Процессъ этотъ призраченъ и недостаточенъ въ же мѣрѣ, въ какой наблюдаемый предметъ спеціаленъ и ограни- въ объемѣ. Съ расширеніемъ области этотъ ненаучный методъ е и менѣе подверженъ ошибкѣ; и самый всеобщій родъ истинъ, имѣръ законъ связи причины со слѣдствіемъ и основанія науки ъ и геометріи, вѣрно и удовлетворительно доказываются однимъ методомъ и не допускаютъ инаго доказательства"[2]).

тотъ взглядъ Милля встрѣтилъ возраженіе со стороны Дже- [3]). Древняя космогонія, говоритъ Джевонсъ, учила, что міръ ится на слонѣ, который своими четырьмя ногами упирается въ аху. Логика Милля заставляетъ міръ частныхъ индуктивныхъ новъ покоиться на научной индукціи съ четырьмя эксперимен- ыми методами. Но спрашивается, на чемъ же стоятъ четыре ме- индукціи? На томъ самомъ мірѣ частныхъ законовъ, который енъ покоиться на спинѣ научной индукціи. Объясненіе Милля, ымъ онъ старался объяснить этотъ кругъ, — именно признаніе а причинности доказаннымъ индукціей чрезъ простое перечисле- — вызываетъ, по мнѣнію Джевонса, двоякаго рода возраженіе. ервыхъ, въ чемъ состоитъ процессъ ненаучной индукціи черезъ тое перечисленіе? Это есть простое обобщеніе того, что замѣ- въ нѣсколькихъ случаяхъ извѣстнаго рода, — обобщеніе, ни на другомъ не основанное, кромѣ того обстоятельства, что не най- до сихъ поръ ни одного случая, который бы противорѣчилъ Заключеніе по этому методу о всеобщности закона причинности полагаетъ, очевидно, двѣ вещи: 1) что мы въ тѣхъ или другихъ

[1]) *Mill.* Logic, b. III, ch. XXI, § 2.
[2]) *Mill.* Logic, b. III, ch. XXI, § 3.
[3]) I. S. Mill's Philosophy tested by *W. S. Jevons.*

частныхъ случаяхъ замѣтили примѣненіе этого закона, и 2) что у насъ не было ни одного случая, который казался бы исключеніемъ изъ этого закона. Джевонсъ находитъ, что послѣднее условіе по крайней мѣрѣ сомнительно, а первое рѣшительно неосуществимо. Точно-ли мы не знаемъ исключеній изъ закона связи причины съ дѣйствіемъ? Но пусть намъ скажутъ въ такомъ случаѣ, отчего, напримѣръ, зависитъ различіе пола у новорожденныхъ. Мы, конечно, убѣждены, что такіе факты должны имѣть свою причину. Но такое убѣжденіе вытекаетъ изъ признанія закона причинности закономъ всеобщимъ; между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ еще о постановкѣ этого закона, и мы беремъ моментъ, когда убѣжденія во всеобщности закона еще не составилось. Въ этомъ моментѣ существованіе указанныхъ фактовъ должно казаться отрицательною инстанціею, — доказательствомъ противъ закона причинности; мы не знаемъ и не имѣемъ права утверждать, чтобы эти факты имѣли причину. Если это возраженіе Джевонса можетъ казаться не вполнѣ убѣдительнымъ (ибо незнаніе причины явленія не даетъ права утверждать ея несуществованіе),—то другое его возраженіе, направленное противъ перваго изъ указанныхъ выше условій доказательства причинности per enumerationem simplicem, вполнѣ основательно. Чтобы придти къ мысли о всеобщности закона причинности, нужно убѣдиться на тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ, что эти случаи подчинены закону,—нужно, другими словами, сдѣлать заключеніе о причинномъ отношеніи въ отдѣльныхъ случаяхъ. Что это значитъ? По мнѣнію Милля, природа представляетъ на первый взглядъ хаотическую массу явленій. Если мы остановимся на одномъ опредѣленномъ моментѣ времени, то эта масса явленій распадается на двѣ части: на массу явленій, предшествующихъ этому моменту, и массу явленій, слѣдующихъ за нимъ. Мы желаемъ удостовѣриться, имѣетъ-ли причину какое-либо отдѣльное явленіе въ ряду послѣдующихъ. Если имѣетъ, то эту причину, конечно, нужно искать между предидущими явленіями. Но, какъ ее найдти? Непосредственно, путемъ простаго усмотрѣнія этого сдѣлать нельзя; по справедливому замѣчанію Юма, мы не можемъ прямо въ одномъ явленіи наблюдать причину другаго; актъ произведенія одного явленія другимъ, перехода причины въ дѣйствіе, сокрытъ отъ нашего непосредственнаго наблюденія. Для насъ причина есть только неизмѣнное, постоянное и необходимое предидущее дѣйствіе. Убѣдиться, что явленіе *A* имѣетъ причину, значитъ убѣдиться, что есть другое явле-

ніе *B*, которое ему постоянно, неизмѣнно и необходимо предшествуетъ. Спрашивается, что же нужно, чтобы явилось такое убѣжденіе? Для этого, по Миллю, слѣдуетъ разнообразить обстоятельства, среди которыхъ явленіе наблюдается. Если каждый разъ, когда наблюдается явленіе *A*, между предидущими его постоянно оказывается *B*, между тѣмъ какъ всѣ другія предидущія не всегда имѣются на лицо, но нерѣдко исчезаютъ, то отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что явленіе *A* находится въ причинной связи съ явленіемъ *B*. Чтобы это заключеніе имѣло силу доказательства, необходимо одно изъ двухъ: или нужно прослѣдить всѣ безъ исключенія случаи существованія одного изъ этихъ явленій, *A*, и смотрѣть, всегда-ли оно сопровождается другимъ, *B*. По сознанію самихъ представителей индуктивной логики, этого сдѣлать нельзя, такъ какъ для этого нужно знать не только всѣ бывшіе случаи даннаго явленія, но и всѣ, имѣющіе быть когда либо послѣ. Да если бы это условіе и было выполнимо, то и тогда упомянутое заключеніе не было бы доказано. Пусть *A* и *B* постоянно существуютъ вмѣстѣ; гдѣ ручательство, что мы имѣемъ здѣсь дѣло именно съ причинностью, а не съ простымъ сосуществованіемъ? День постоянно смѣняется ночью, и ночь — днемъ. И однако же день не есть причина ночи, а ночь не причина дня. Для того, чтобы считать одно явленіе причиною другаго, недостаточно, чтобы первое явленіе постоянно и неизмѣнно предшествовало другому. Нужно убѣдиться, что оно есть безусловно необходимое предидущее для втораго явленія, что безъ него это послѣднее не могло бы существовать. А это требуетъ двоякаго опыта. Нужно произвести одно явленіе и смотрѣть, произойдетъ-ли вслѣдъ за нимъ и другое; нужно уничтожить первое и смотрѣть, не уничтожится-ли вмѣстѣ съ тѣмъ и второе; нужно, слѣдовательно, воспользоваться пріемами экспериментальнаго метода различія, единственнаго, по мнѣнію Милля, метода, который можетъ дать строгое доказательство причинности. Такимъ образомъ выходитъ слѣдующее: для доказательства причинности вообще нужно доказать причинность въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю; причинность же въ частныхъ случаяхъ можетъ быть постигнута чрезъ употребленіе метода различія. Но доказательная сила этого метода, какъ и всякаго другаго индуктивнаго метода, основывается на убѣжденіи во всеобщей причинности. Очевидный логическій кругъ. Это одно возраженіе противъ ученія Милля о способѣ доказательства закона причинности. Но есть еще и другое возраженіе противъ этого ученія. Допустимъ, какъ этого желаетъ Милль, что его теорія не за-

ключаетъ въ себѣ логическаго круга. Это значитъ, что доказательство причинности основывается не на строго научномъ методѣ, но на ненаучной индукціи, которая не имѣетъ никакой логической силы, когда примѣняется къ тому или другому частному случаю причинности. Доказательство причинности въ частныхъ случаяхъ можетъ быть достигнуто только чрезъ употребленіе экспериментальнаго метода различія. Всеобщность же причинности есть индукція, выведенная изъ разсмотрѣнія частныхъ случаевъ, безъ примѣненія къ нимъ экспериментальныхъ методовъ. Слѣдовательно, эта индукція есть индукція ненаучная. Но всеобщность причинности есть вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе экспериментальныхъ методовъ и, слѣдовательно, составляетъ основаніе научной индукціи. Сама она не опирается на строгомъ доказательствѣ, но въ то же время служитъ необходимою основою для строго логическаго доказательства. Спрашивается, возможно-ли такое отношеніе? Возможно-ли, чтобы ненаучный пріемъ лежалъ въ основѣ научнаго, недоказанное — въ основѣ логическаго доказательства. Между тѣмъ по Миллю это выходитъ именно такъ. У него индукція чрезъ простое перечисленіе—ненаучная и недостовѣрная — лежитъ въ основѣ убѣжденія во всеобщности закона причинности, убѣжденія, отъ котораго зависитъ строго научный характеръ индукціи, руководимой экспериментальными методами. Методъ, безсильный доказать причинность въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ, оказывается пригоднымъ для доказательства закона, обнимающаго всѣ частные случаи. Доказательное значеніе метода, такимъ образомъ, растетъ вмѣстѣ съ количествомъ случаевъ, къ которымъ онъ примѣняется. Милль нисколько не находитъ страннымъ утверждать подобный парадоксъ. Зависимость какого нибудь одного явленія отъ его причины чрезъ простое перечисленіе доказана быть не можетъ, но зависимость всѣхъ явленій отъ ихъ причинъ этимъ методомъ можетъ быть доказана. Для открытія и доказательства частныхъ законовъ природы эта индукція не пригодна, но для открытія и доказательства закона причинности, обнимающаго всѣ частные законы природы, этимъ пріемомъ можно пользоваться. Словомъ, расширяя сферу индукціи, мы усиливаемъ достовѣрность вывода. Такое утвержденіе, по мнѣнію Джевонса, находится въ полномъ противорѣчіи съ ученіемъ о вѣроятности. Достовѣрность вывода должна уменьшаться, а отнюдь не возрастать вмѣстѣ съ расширеніемъ сферы индукціи. Если путемъ ненаучной индукціи мы не можемъ доказать зависимости одного какого нибудь явленія отъ причины, то тѣмъ менѣе

можемъ мы доказать это относительно всѣхъ явленій. Недостовѣрность одного частнаго заключенія ни мало не будетъ устранена, если мы станемъ разсматривать ее въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, столь же мало достовѣрныхъ заключеній. Общее же заключеніе, обнимающее всѣ эти частные выводы, должно имѣть меньшую достовѣрность сравнительно съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Утверждать противное—значитъ совершенно не понимать теоріи вѣроятности.

Зигвартъ отрицаетъ за индуктивными методами научный характеръ, или научное значеніе. Отрицаніе это опирается на признаніи ненаучнымъ того понятія причины, которое принято въ индуктивной логикѣ. По мнѣнію Зигварта [1]), при установленіи правилъ изслѣдованія причинной зависимости и Гершель, и Милль имѣли въ виду популярное понятіе дѣйствія. Ненаучность понятія причины въ индуктивной логикѣ заключается, по мнѣнію Зигварта, въ томъ, что для признанія причины принятъ признакъ,—послѣдовательность во времени,—который отнюдь не можетъ быть признанъ характернымъ, отличительнымъ признакомъ причины. По мнѣнію индуктивной логики, говоритъ Зигвартъ, „искомыя причины суть тѣ воспріемлемыя вещи и измѣненія вещей, за которыми правильно слѣдуютъ другія вещи и ихъ измѣненія; причина есть закономѣрный антецедентъ, дѣйствіе—закономѣрное послѣдующее“ [2]). Въ понятіе причины долженъ быть внесенъ другой признакъ, количественное соотношеніе причины и дѣйствія. „Упущеніе изъ виду количественныхъ опредѣленій есть главный недостатокъ въ логикѣ Милля“ [3]). „Выражаясь точно, нельзя говорить, что ѣда умѣряетъ голодъ и питье утоляетъ жажду, ибо одинъ кусокъ и одинъ глотокъ этого не дѣлаютъ; нельзя также сказать, что мышьякъ отравляетъ, а хининъ утишаетъ лихорадку, ибо это бываетъ лишь при опредѣленной дозѣ; равнымъ образомъ неправильно сказать, что поваренная соль растворяется водою, ибо не всякое количество соли растворится любымъ количествомъ воды“ [4]). Дѣло въ томъ, что „всѣ событія, которыя мы вообще можемъ наблюдать, суть количества и допускаютъ полное и точное выраженіе только посредствомъ количественныхъ обозначеній“ [5]). Зигвартъ, въ противоположность Миллю, полагаетъ, что различіе между научнымъ

---

[1]) *Sigwart*. Logic, 1878, s. 415.
[2]) *Sigwart*. Logic, 415.
[3]) *Sigwart*. Logic, 427.
[4]) *Sigwart*. Logic, 427.
[5]) *Sigwart*. Logic, 426—427.

и ненаучнымъ пониманіемъ причины заключается не въ томъ, что наука обращаетъ вниманіе на всѣ обстоятельства, необходимыя для произведенія дѣйствія, между тѣмъ какъ въ популярномъ смыслѣ подъ причиною разумѣютъ обыкновенно только одно обстоятельство, необходимое для дѣйствія, обратившее на себя почему либо особенное вниманіе,—но въ томъ, что научная точка зрѣнія беретъ во вниманіе отношеніе между степенью или количествомъ двухъ явленій,—предидущаго и послѣдующаго,—тогда какъ ненаучная точка зрѣнія оставляетъ этотъ вопросъ безъ вниманія.

Результатомъ такого неправильнаго, взгляда на причину является цѣлый рядъ недостатковъ въ ученіи Милля объ индуктивныхъ методахъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ этого ученія состоитъ въ томъ, что самый главный, основной и наиболѣе надежный методъ,—методъ различія,—оказывается неспособнымъ доказать общихъ положеній, коль скоро предлагается вопросъ не о дѣйствіи данной причины, но о причинѣ даннаго дѣйствія [1]). „Возьмемъ, продолжаетъ Зигвартъ, примѣръ Милля: два случая — здоровый человѣкъ при опредѣленныхъ обстоятельствахъ и тотъ же человѣкъ при совершенно подобныхъ обстоятельствахъ, но пораженный въ сердце и умирающій; такъ какъ оба случая ни въ чемъ не различаются, кромѣ, съ одной стороны, прекращенія жизни, а съ другой—пораженія, присоединяющагося къ даннымъ обстоятельствамъ, то по методу различія слѣдуетъ, что разрывъ сердца былъ причиною смерти. Это въ данномъ случаѣ, конечно, несомнѣнно; но этимъ не доказывается общее положеніе, что причина смерти человѣка есть разрывъ сердца; между тѣмъ методы должны служить къ пріобрѣтенію причинныхъ законовъ и должны давать указанія не только къ открытію для данныхъ причинъ ихъ дѣйствій, но и для данныхъ дѣйствій ихъ причинъ; однако они способны только найдти дѣйствія для данной причины, причемъ примѣнимость ихъ и здѣсь, какъ совершенно справедливо заявляетъ Милль, ограничена трудностью знать, дѣйствительно-ли два случая совершенно сходны во всемъ за исключеніемъ только одного обстоятельства“ [2]).

Методъ же совпаденія, по Зигварту, страдаетъ другимъ логическимъ грѣхомъ. Ошибка этого метода заключается въ томъ, что въ

---

[1]) *Sigwart.* Logic, 421.

[2]) *Sigwart.* Logic, 421.

немъ предполагается, будто наблюденные антецеденты ряда явленій, имѣющихъ общій признакъ a, должны также сообща обладать дознаннымъ признакомъ A, такъ что весь процессъ оказывается въ высшей степени ненадежнымъ заключеніемъ по аналогіи, что причины подобныхъ явленій должны быть подобны между собою [1]).

Но особенно безпощадной и рѣзкой критикѣ методы индуктивнаго доказательства подверглись со стороны Брэдли [2]). Критика эта заслуживаетъ особаго вниманія съ нашей стороны, такъ какъ обсуждаетъ индуктивные методы въ отношеніи ихъ доказательности, то-есть именно съ той точки зрѣнія, которая и насъ здѣсь интересуетъ. „Вопросъ нашъ не въ томъ,—говоритъ Брэдли, опредѣляя свою задачу,—могутъ-ли быть производимы открытія посредствомъ примѣненія этихъ методовъ. Эти послѣдніе могутъ быть и полезными въ дѣйствительной практикѣ, какъ допускаютъ одни, и практически несостоятельными и непригодными для дѣла, какъ утверждаютъ другіе. Не въ этомъ наша задача. Вопросъ, на который мы намѣрены здѣсь отвѣтить, это—состоятельны-ли они какъ способы доказательства, посредствомъ которыхъ мы можемъ идти отъ фактовъ къ обобщеніямъ?“.

Брэдли имѣетъ въ виду совершенно опровергнуть обычную теорію индуктивнаго доказательства. „Я постараюсь, говоритъ онъ, доказать три вещи: во-первыхъ, что четыре индуктивныхъ метода не могутъ быть употребляемы, если мы исходимъ отъ простыхъ фактовъ, что правила ихъ предполагаютъ общія истины въ качествѣ матеріала, подлежащаго обработкѣ, и что, слѣдовательно, если это вѣрно, то методы вовсе не индуктивны въ смыслѣ процесса обобщенія частностей. Во-вторыхъ, я вкратцѣ представлю дѣйствительную природу разсужденія, употребляемаго въ четырехъ методахъ, и покажу, что оно по существу также не индуктивно. И наконецъ я покажу, что ни одно изъ правилъ не есть провѣрка доказательства и что посредствомъ каждаго возможно доказать то, что ложно. Ни одно изъ этихъ трехъ положеній не зависитъ отъ остальныхъ. Если правила несостоятельны, если по существу они не индуктивны, и если они не могутъ быть прилагаемы къ индивидуальнымъ фактамъ,—если, словомъ, любое изъ этихъ возраженій доказано,—то индуктивная логика совершенно опровергнута. А я надѣюсь прочно установить всѣ три“.

1) *Sigwart*. Logic, 421.

2) *F. H. Bradley*. The Principles of Logic, b. II, p. II, ch. III, §§ 4–16. London 1883.

Прежде всего несомнѣнно, что базисъ, отъ котораго слѣдуетъ исходить въ наведеніи, долженъ состоять первоначально изъ частныхъ данныхъ фактовъ. Но матеріалъ, съ которымъ имѣютъ дѣло методы, никогда не бываетъ фактами, а всегда обобщеніями. Иногда, правда, въ качествѣ исходнаго пункта употребляется и завѣдомое обобщеніе. Но и тамъ, гдѣ этого нѣтъ, матеріалъ никогда не бываетъ частнымъ фактомъ. Онъ всегда подвергнутъ уже такой предварительной обработкѣ, что становится пригоднымъ для прямаго примѣненія какъ „случай“ или „примѣръ“. Но это значитъ, что онъ уже абстрактное положеніе, идеальное, а не реальное, приложимое и къ другимъ совокупностямъ фактовъ, и несомнѣнно общее. Прежде чѣмъ начать свое наведеніе намъ нужно уже знать, что при извѣстномъ рядѣ опредѣленныхъ, совершенно извѣстныхъ условій наступили опредѣленные результаты. Но если мы это знаемъ, то мы знаемъ также что эти результаты будутъ всегда слѣдовать за данными условіями. Каждый изъ такихъ случаевъ есть уже общее предположеніе, а отнюдь не частный фактъ или явленіе, какъ это справедливо указалъ уже Уэвелль въ своей „Philosophy of Discovery“. Стоитъ хотя немного вдуматься въ правила методовъ, чтобы убѣдиться, что методы эти не могутъ никоимъ образомъ оперировать надъ инымъ матеріаломъ, кромѣ общихъ предложеній. По правиламъ методовъ, исходный фактъ есть частный фактъ, *приправленный* присутствіемъ того, отсутствіе чего напередъ требуется формулами методовъ, а общее сужденіе есть обобщеніе, *приправленное* именно тѣми аттрибутами, которые являются необходимыми въ матеріалѣ для этихъ методовъ. Но какъ только мы свели нашъ частный фактъ на совершенно опредѣленный рядъ элементовъ, стоящихъ въ точно извѣстныхъ соотношеніяхъ,—мы выступили за предѣлы этого факта. Мы имѣемъ тогда уже сужденіе, общее въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ общъ результатъ нашей „индукціи“. Если смотрѣть на формулы методовъ безпристрастно, то нельзя, конечно, не видѣть, что „случай“, который пригоденъ для такой формулировки, былъ уже подвергнутъ той самой переработкѣ, которую, по собственному признанію сторонниковъ индуктивныхъ методовъ, способны были бы произвести методы, и только методы. А если такъ, то эти методы должны или совершенно ретироваться, или отказаться отъ своихъ притязаній. Такимъ образомъ, индуктивные методы подпадаютъ подъ слѣдующую дилемму: такъ какъ они предполагаютъ общія истины, то, слѣдовательно, они не единственные способы ихъ

доказательства, но если они единственные способы ихъ доказательства, то ни одна общая истина не доказуема.

Второе утвержденіе, доказываемое Брэдли, это то, что процессъ методовъ не индуктивенъ. Подъ этимъ онъ разумѣетъ не только то, что методы, какъ доказано имъ выше, не могутъ быть прилагаемы иначе какъ къ обобщеніямъ, но кромѣ того еще и то, что сущности ихъ процесса отнюдь не составляетъ достиженіе заключенія, болѣе общаго чѣмъ посылки. Процессъ методовъ есть процессъ исключенія. Устраняя одну часть умственнаго построенія, мы устанавливаемъ остальную. Вслѣдствіе этого результатъ будетъ болѣе абстрактнымъ, чѣмъ все первоначальное datum; но для него не обязательно быть болѣе отвлеченнымъ, чѣмъ которая нибудь изъ посылокъ; наоборотъ, онъ можетъ быть менѣе отвлеченнымъ. Каждый изъ индуктивныхъ методовъ есть методъ остатковъ или методъ различія и всѣ они достигаютъ своего заключенія однимъ и тѣмъ же путемъ. Они устанавливаютъ нѣкоторое отношеніе между извѣстными цѣлыми и затѣмъ посредствомъ устраненія частей каждаго, устанавливаютъ это отношеніе между оставшимися элементами. Основной принципъ во всѣхъ методахъ одинъ и тотъ же, и различные методы суть только различныя примѣненія единаго процесса. А такъ какъ посылки, подвергаемыя процессу исключенія, могутъ быть настолько же отвлеченными, какъ и остающееся заключеніе, то процессъ этотъ едва-ли можетъ быть названъ индуктивнымъ.

Показавъ, что правила методовъ не дѣйствуютъ иначе какъ въ примѣненіи къ обобщеніямъ и что въ этихъ предѣлахъ процессъ ихъ не есть, по существу, процессъ обобщенія, Брэдли переходитъ къ третьему изъ своихъ упрековъ: методы несостоятельны и правила ихъ ложны. Здѣсь онъ имѣетъ въ виду показать, что методы неспособны доказывать ничего, кромѣ того или инаго индивидуальнаго факта и что до своего болѣе общаго заключенія они доходятъ путемъ неосновательныхъ предположеній.

Исходнымъ пунктомъ своего доказательства Брэдли принимаетъ несомнѣнное положеніе, что всякій методъ, доказывающій ложное заключеніе изъ истинныхъ посылокъ, логически несостоятеленъ, и правило, служащее ему основаніемъ, ложно. Поэтому, если доказать, что индуктивные методы изъ истинныхъ посылокъ ведутъ къ ложнымъ выводамъ, то этимъ самымъ будетъ доказана и ихъ логическая несостоятельность, и ложность ихъ правилъ.

Относительно метода совпаденія уже самимъ Миллемъ установ-

лено, что онъ способенъ доказывать ложныя заключенія. Тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ фигурировать въ качествѣ доказательства и правило его безпрепятственно сохраняется въ своей очевидной ложности. И мы имѣемъ „аксіомы", подразумѣваемыя въ этомъ методѣ, которыя едва-ли могутъ быть вѣрны, если самый методъ ложенъ, и которыя, однако, свободно излагаются понынѣ. Методъ совпаденія исходитъ изъ посылокъ *ABC—def*. *AGH—dij*, *AKL—dmn*,—а его заключеніе—что *A* есть причина *d*. Принципъ, на основаніи котораго онъ дѣйствуетъ, какъ извѣстно, тотъ, что все, что различно въ различныхъ случаяхъ, можетъ быть исключено. А этотъ принципъ ложенъ, потому что послѣдующее, напримѣръ, *d*, не обязано всегда слѣдовать за тѣмъ же самымъ предшествующимъ фактомъ. Процессъ обобщенія, слѣдовательно, несостоятеленъ, и правило, которое имъ руководитъ, ложно; не менѣе ложна и аксіома, лежащая въ основаніи правила. Чтобы сдѣлать ихъ вѣрными, необходимо ограничить ихъ добавленіемъ: „въ этомъ одномъ случаѣ". Но это значитъ уничтожить обобщающую способность метода.

Методъ различія не менѣе несостоятеленъ. Отъ посылокъ *ABC—def*. *BC—ef* онъ приходитъ къ заключенію, что *A* есть причина или необходимая часть причины *d*. Но это заключеніе роковымъ образомъ неосновательно. *A* можетъ быть здѣсь единственнымъ факторомъ въ образованіи *d*, присутствіе котораго совершенно случайно. Правиломъ можетъ быть для *d* производиться совершенно помимо *A*, а для *A*—присутствовать не производя *d*. Основаніе этого метода, что „все, что не можетъ быть исключено, связано съ явленіемъ закономъ", совершенно ложно, пока мы не прибавимъ къ нему: „въ этомъ одномъ случаѣ", и тѣмъ не сдѣлаемъ безплоднымъ для цѣлей обобщенія.

Соединенный методъ совпаденія и различія въ существѣ дѣла тотъ же самый и представляетъ тотъ же недостатокъ. Его посылки состоятъ изъ *ABC—def*, *AGH—dij*, *AKL—dmn*, *BC—ef*, *GH—ij*, *KL—mn*. Онъ выводитъ изъ нихъ заключеніе *A—d*. Заблужденіе такое же, какъ и то, какимъ страдаетъ методъ различія. Правильнымъ заключеніемъ было бы, что „*въ этихъ трехъ случаяхъ*" *A* производитъ *d*.

Въ методѣ остатковъ процессъ тотъ же и несостоятеленъ на томъ же основаніи. Отъ *ABC—def*, *B—f*, *C—e* методъ этотъ разомъ переходитъ къ *A—d*. Но сдѣлать это основательно онъ могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы онъ исключилъ возможность для *B* или *C*, или для обоихъ вмѣстѣ, оказывать вліяніе или быть подъ вліяніемъ *A*.

Въ противномъ случаѣ заключеніе, подобно всѣмъ остальнымъ, несостоятельно, и правило его ложно, если не ограничено словами: „въ этомъ одномъ случаѣ".

Что касается до метода сопутствующихъ измѣненій, то его принципъ, по мнѣнію Брэдли, формулированъ недостаточно точно. Во-первыхъ, слова: „всякій разъ"—въ самомъ правилѣ и „неизмѣнно"—въ аксіомѣ, указываютъ на то, что и то и другое двусмысленны. Если они подразумѣваютъ, что группы фактовъ связаны причиною, то методъ долженъ опираться на какой нибудь изъ предидущихъ методовъ, а не на простые факты. А во-вторыхъ, если даже смотрѣть на этотъ процессъ какъ на заключеніе изъ этихъ идеализированныхъ посылокъ, то и тогда невозможно доказать результатъ, который выходилъ бы за предѣлы данныхъ случаевъ. Посылками въ методѣ сопутствующихъ измѣненій, очевидно, служатъ A^1BC—d^1ef, A^2BC—d^2ef, A^3BC—d^3ef, и вытекающимъ изъ нихъ заключеніемъ оказывается A—d. Мы, очевидно, исключили все, кромѣ A—d, которое вслѣдствіе этого признается доказаннымъ. Но такъ какъ эти факторы опять-таки не обособлены, то мы снова имѣемъ знакомое намъ заблужденіе метода различія. Заключеніе, которое дѣйствительно слѣдуетъ изъ данныхъ посылокъ, таково: „въ этомъ одномъ случаѣ (или случаяхъ) безъ A нѣтъ d". Такъ какъ измѣненія A измѣняютъ результатъ, то, слѣдовательно, A содѣйствуетъ d въ этомъ именно измѣненіи, или рядѣ измѣненій. И никакое число случаевъ не будетъ достаточно для логическаго доказательства по методу сопутствующихъ измѣненій. Но если, наконецъ, посылки не были такъ идеализованы, чтобы ихъ можно было свести къ данной нами формулѣ,—если дѣйствительно мы въ качествѣ исходнаго пункта не имѣемъ ничего, кромѣ извѣстнаго числа наблюденныхъ сопутствій,—то тогда буквально нѣтъ мѣста никакому заключенію, такъ какъ сосуществованіе всегда можетъ быть простымъ случайнымъ совпаденіемъ. И сообразно съ тѣмъ, какъ понимаемъ мы правило и аксіому метода сопутствующихъ измѣненій, мы должны признать ихъ либо недостаточными, либо ложными.

Такимъ образомъ, доказано, что въ примѣненіи къ обобщеніямъ, выходящимъ за предѣлы даннаго, предварительно подготовленнаго къ употребленію, факта, методы несостоятельны и правила ихъ ложны. Ихъ выдѣлительный процессъ будетъ только показывать, что цѣлый антецедентъ участвовалъ въ образованіи цѣлаго послѣдствія. Попытка идти далѣе и, посредствомъ обособленія факторовъ, переступать предѣлы данныхъ посылокъ опровергнута по всѣмъ пунктамъ.

Въ посылкахъ *ABC—def*, *BC—ef* предполагается извѣстнымъ, что *def* связано съ *ABC*, а *ef*—съ *BC*; но что неизвѣстно,—такъ это то, дѣйствительно-ли, въ *ABC*, *A* является дѣятелемъ. Вѣдь оно можетъ быть безучастнымъ, и *BC* безъ него могло бы произвести *def*. Но, имѣя *BC—ef* и опираясь на предположеніе, называемое началомъ тождества, мы увѣрены, что если *BC — ef* оказалось истиннымъ однажды, то оно будетъ истиннымъ и всегда. Отъ этого мы переходимъ къ доказательству, что *BC—def* должно быть ложнымъ. Ибо для того, чтобы произвести *def*, *B* должно измѣниться, а такъ какъ въ *ABC—def* результатъ производится безъ всякаго инаго измѣненія кромѣ только *A*, то *A* и должно принимать участіе въ наличности *def*. Вслѣдствіе этого *A* „въ этомъ именно случаѣ“ (*ABC — def*) должно, прямо или косвенно, содѣйствовать *d*. Но не слѣдуетъ идти далѣе и пытаться какимъ нибудь способомъ точнѣе опредѣлить эту зависимость, такъ какъ этого нельзя сдѣлать безъ ограничительныхъ условій и не допуская чего либо, не даннаго въ посылкахъ. И даже это заключеніе опирается на предположеніе въ посылкахъ, что въ *ABC—def* *d* не есть нѣчто постороннее. Безъ предварительнаго убѣжденія, что цѣлое *def* произведено *ABC* нельзя сдѣлать ни шагу. Это еще разъ показываетъ, какъ нелѣпо предполагать, будто методы могутъ быть прилагаемы къ частнымъ фактамъ. Они всецѣло зависятъ отъ той искусственной подготовки даннаго матеріала, которая придала уже ему форму обобщенія.

Такова критика индуктивныхъ методовъ, представленная Брэдли и основывающаяся, по его собственному признанію, на ученіи Лотце о выводѣ общихъ положеній изъ воспріятій [1]), ученіи, не благопріятномъ теоріи индуктивныхъ методовъ.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ авторитетныхъ логиковъ,—какъ Уэвелль, Джевонсъ и Брэдли въ Англіи, Лотце и Зигвартъ въ Германіи,—относятся отрицательно къ индуктивнымъ методамъ. Тѣмъ не менѣе, ученіе объ этихъ методахъ все еще сохраняется въ индуктивной логикѣ въ качествѣ цѣнной научной теоріи. Въ виду этого мнѣ и представляется полезнымъ еще разъ обсудить логическую состоятельность индуктивныхъ методовъ какъ пріемовъ доказательства, добавивъ къ высказаннымъ уже соображеніямъ противъ доказательности индуктивныхъ методовъ еще нѣкоторыя собственныя замѣчанія.

---

[1]) *Lotze*. Logik, b. II, c. VII.

II.

Доказательство индуктивными методами какъ частная форма косвеннаго доказательства; таблицы Бакона и индуктивные методы; процессъ исключенія какъ основной пріемъ индуктивнаго доказательства; тожество логическаго процесса въ индуктивномъ доказательствѣ и въ раздѣлительной формѣ косвеннаго доказательства; условія логической состоятельности косвеннаго доказательства раздѣлительной формы.

По мнѣнію Бакона, всецѣло и нынѣ раздѣляемому индуктивною логикою, основной и существенный пріемъ индуктивнаго доказательства есть *исключеніе*. „Первое дѣло научной индукціи,—говоритъ Баконъ,—поскольку дѣло идетъ объ открытіи причинъ, есть *отбрасываніе* или *исключеніе* отдѣльныхъ свойствъ“ [1]). Имъ же указаны основанія, по которымъ производится это исключеніе. Такъ какъ въ индуктивномъ изслѣдованіи искомое составляютъ обстоятельства, совмѣстно съ даннымъ явленіемъ присутствующія, отсутствующія, возрастающія или убывающія [2]), то исключенію подлежатъ обстоятельства, отсутствующія при присутствіи изслѣдуемаго явленія, присутствующія при его отсутствіи, возрастающія при его убыли и убывающія при его возрастаніи [3]). Произведя надлежащимъ образомъ такое отбрасываніе или исключеніе, мы получаемъ въ остаткѣ дѣйствительную причину [4]). Такимъ образомъ, въ индуктивномъ процессѣ мы доходимъ до утвердительнаго знанія посредствомъ отрицательныхъ, и такой способъ познанія, по мнѣнію Бакона, неизбѣженъ для человѣческаго ума, неспособнаго непосредственно доходить до утвержденій безъ посредства отрицательныхъ инстанцій [5]). Для примѣненія къ дѣлу этого процесса исключенія въ цѣляхъ индуктивнаго рѣшенія вопроса о причинной связи, по признанію Бакона, слѣдуетъ прежде всего изготовить естественную и экспериментальную исторію изслѣдуемаго явленія, точную и достаточную; это основа всего дѣла, ибо слѣдуетъ не вымышлять или придумывать, а открывать, что дѣлаетъ или производитъ сама природа [6]). Подъ естественною исторіею яв-

[1]) Novum Organum. II. 16.
[2]) Ibid. II, 15.
[3]) Ibid. II, 16.
[4]) Ibid. II, 16.
[5]) Ibid. II, 15.
[6]) Ibid. II, 10.

ленія Баконъ, какъ извѣстно, разумѣетъ собраніе наблюденій, а подъ экспериментальною—собраніе опытовъ. „Но—продолжаетъ Баконъ— естественная и экспериментальная исторія такъ разнообразна и отрывочна, что спутываетъ и развлекаетъ умъ, коль скоро она не связана и не освѣщена извѣстнымъ порядкомъ. Поэтому, слѣдуетъ составить таблицы или порядки случаевъ, расположенные такимъ образомъ, чтобы уму можно было работать при ихъ пособіи" [1]). Соотвѣтственно указаннымъ выше цѣлямъ индуктивнаго изслѣдованія вообще и служащаго ему процесса исключенія, Баконъ предлагаетъ составленіе таблицъ трояка̀го рода. Таблица первая должна содержать случаи, представляющіе присутствіе изслѣдуемаго явленія: это— таблица присутствія. Вторая должна содержать случаи отсутствія изслѣдуемаго явленія, изъ которыхъ каждый состоитъ въ возможно близкомъ сходствѣ съ какимъ нибудь случаемъ его присутствія; это—таблица отсутствія при самомъ близкомъ сходствѣ. Третья таблица содержитъ случаи, въ которыхъ изслѣдуемое явленіе представлено въ различныхъ степеняхъ или пропорціяхъ; это — таблица степеней или сравнительная [2]). „Роль и услугу этихъ трехъ таблицъ мы обыкновенно называемъ предъявленіемъ уму случаевъ. По исполненіи предъявленія въ дѣло должно быть введено самое наведеніе. На основаніи всѣхъ и каждаго предъявленныхъ случаевъ должно быть найдено такое свойство, которое бы вмѣстѣ съ даннымъ свойствомъ постоянно присутствовало, отсутствовало, и возрастало и убывало... Только одному Богу и, быть можетъ, ангеламъ и высшимъ умамъ, свойственно знать причины прямо, положительно и съ перваго взгляда. Но это, конечно, выше силъ человѣка, которому предоставлено начинать отрицаніями и только послѣ всякаго рода исключеній достигать утвержденій. Итакъ, сначала должно быть сдѣлано разрѣшеніе и раздѣленіе природы,—не огнемъ, а умомъ, какъ бы божественнымъ огнемъ. Затѣмъ первымъ дѣломъ истиннаго наведенія (насколько оно касается открытія причинъ) — отбрасываніе или исключеніе отдѣльныхъ свойствъ, которыя не находятся въ какомъ нибудь случаѣ, гдѣ данное свойство присутствуетъ; или находятся въ какомъ нибудь случаѣ, гдѣ данное свойство отсутствуетъ; или оказываются возрастающими въ какомъ нибудь случаѣ, когда данное свойство убываетъ, или убывающими, когда данное

---

[1]) Ibid. II, 10.
[2]) Ibid. II, 11—13.

свойство возрастаетъ. И только послѣ этого, послѣ отбрасыванія и исключенія, сдѣланныхъ надлежащимъ образомъ, осядетъ затѣмъ, какъ бы въ тиглѣ (по исчезновеніи, дымомъ, летучихъ мнѣній) причина положительная, твердая, истинная и строго опредѣленная" [1]).

Не трудно видѣть, что въ изложенныхъ воззрѣніяхъ Бакона на процессъ индуктивнаго доказательства даны всѣ существенные элементы позднѣйшаго ученія объ индуктивныхъ методахъ. Параллель между этими послѣдними и индуктивной процедурой Бакона проведена Фоулеромъ, услугами котораго мы и воспользуемся въ настоящемъ случаѣ [2]).

Если бы instantiae convenientes in natura calidi такъ относились одна къ другой, что кромѣ даннаго явленія имъ было бы всѣмъ обще только одно иное обстоятельство, то это иное обстоятельство могло бы быть разсматриваемо, съ большей или меньшей вѣроятностью, какъ причина (или дѣйствіе) теплоты, или, по крайней мѣрѣ, какъ связанное съ нимъ какимъ либо фактомъ причинности. Такіе случаи подходили бы тогда подъ методъ совпаденія.

Если бы одинъ случай въ таблицѣ сходства (instantiae convenientes in natura calidi) такъ относился къ одному изъ случаевъ въ таблицѣ отсутствія (instantiae in proximo quae privantur natura calidi), что имѣлъ бы съ нимъ общимъ всякое обстоятельство. за исключеніемъ того, что первый случай, кромѣ присутствующаго въ немъ явленія теплоты, предполагаемаго отсутствующимъ во второмъ, представлялъ бы также еще нѣкоторое иное обстоятельство, отсутствующее во второмъ, то это иное обстоятельство было бы причиною (или дѣйствіемъ), или необходимою частью причины, теплоты. Мы имѣли бы здѣсь методъ различія.

Если бы въ tabula graduum sive comparativae in calido мы могли открыть какое нибудь одно явленіе, которое бы возрастало или убывало пропорціонально возрастанію или убыли теплоты, то это явленіе было бы причиною или дѣйствіемъ теплоты, или, по крайней мѣрѣ, связано съ нимъ какимъ либо фактомъ причинности,—и условія эти соотвѣтствовали бы тогда требованіямъ метода сопутствующихъ измѣненій. И если бы могло быть доказано, что это явленіе и теплота суть единственныя обстоятельства, сопутственно измѣняющіяся, то относительно этого явленія было бы доказано, что оно либо причина,

---

[1]) Ibid. II, 15—16.

[2]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 211—214.

либо дѣйствіе теплоты, и оно удовлетворяло бы требованіямъ дополнительнаго условія къ этому послѣднему методу.

Exemplum exclusivae, sive rejectionis naturarum a forma calidi (основанный на предидущихъ таблицахъ) служитъ нѣкоторымъ, хотя, должно сознаться, весьма слабымъ, подобіемъ методу остатковъ. Эти „rejectiones" состоятъ въ исключеніи какого нибудь возможнаго объясненія явленія либо потому, что случай, который не представляетъ этого явленія, представляетъ предположенную причину, или потому, что случай, который представляетъ это явленіе, не представляетъ предположенной причины (и то же самое по отношенію къ возрастанію и убыли)... Послѣдовательностью этихъ „rejectiones" мы ограничиваемъ число возможныхъ объясненій, среди которыхъ мы отыскиваемъ истинное. Однако „rejectiones" Бакона, не будучи фактически исчерпывающими, ведутъ къ чисто отрицательному результату; они могутъ спасти насъ отъ излишняго труда искать причину тамъ, гдѣ она не можетъ быть отыскана, но они не даютъ, подобно методу остатковъ, опредѣленнаго числа антецедентовъ, которые либо составляютъ причину, или среди которыхъ, какъ мы знаемъ, слѣдуетъ искать причину.

Очевидно, что если бы здѣсь было только извѣстное число возможныхъ причинъ даннаго явленія и посредствомъ метода устраненій мы могли бы исключить всѣ кромѣ одной, то эта одна оставшаяся причина была бы несомнѣнной причиною даннаго явленія. Этотъ случай Баконъ разсматриваетъ какъ совершенный типъ индукціи и какъ единственно способный къ достиженію достовѣрныхъ заключеній.

Сопоставленіе таблицы присутствія съ таблицею отсутствія даетъ основаніе соединенному методу. „Если бы оба эти условія были удовлетворены, то такой случай подпадалъ бы подъ двойной методъ совпаденія и различія, или соединенный методъ совпаденія и различія, какъ его иначе называютъ. Тогда не было бы основанія къ характерному несовершенству метода совпаденія, вытекающему изъ множественности причинъ, какъ это случилось бы, если бы мы были только способны установить сопутствіе изслѣдуемаго свойства („natura talis") и „natura data". Кромѣ того, если бы оба условія были соблюдены, то было бы доказано, что дознанная причина не только вообще причина, но и единственная причина даннаго явленія". [1]).

---

[1]) См. примѣчаніе 71 къ афор. 15 кн. II Nov. Org., edit. *Fowler*. Oxford 1889.

Такимъ образомъ, между индуктивнымъ процессомъ Бакона и индуктивными методами Милля существуетъ тѣсное родство по ихъ природѣ. Но въ то же время между ними есть и различіе. „При совпаденіи логической процедуры Бакона и Милля—говоритъ Фоулеръ—надлежитъ неукоснительно имѣть въ виду, что въ то время какъ каждый изъ методовъ Милля можетъ быть употребляемъ независимо и вести къ окончательному заключенію, Баконъ разсматриваетъ совмѣстное употребленіе всѣхъ таблицъ какъ подготовку къ своему методу исключенія, и разсматриваетъ составленіе этихъ таблицъ и послѣдующее приложеніе къ нимъ метода исключенія какъ составляющіе единый процессъ“ [1]).

Тѣмъ не менѣе, каждый изъ индуктивныхъ методовъ Милля, по существу своему, есть методъ исключенія. Относительно обоихъ основныхъ методовъ—метода совпаденія и метода различія—это свидѣтельствуется самимъ Миллемъ. „Оба они, по его словамъ,—суть методы исключенія“ [2]). При этомъ Милль свидѣтельствуетъ также, что исключеніе есть основной пріемъ индуктивнаго доказательства. Признавъ методы совпаденія и различія методами исключенія, онъ продолжаетъ: „Терминъ этотъ (употребляемый въ теоріи уравненій для обозначенія процесса, которымъ послѣдовательно выдѣляются элементы вопроса и рѣшеніе его ставятся въ зависимость отъ взаимнаго отношенія лишь остальныхъ элементовъ) можетъ хорошо обозначить и сходный съ этимъ процессъ, который, со временъ Бакона, признается основаніемъ опытнаго изысканія: именно, послѣдовательное исключеніе различныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ явленіе въ данномъ случаѣ, съ цѣлью открыть тѣ изъ обстоятельствъ, которыя могутъ отсутствовать, не предотвращая явленія“ [3]). Формулы правилъ индуктивныхъ методовъ, предложенныя Рабье [4]), какъ нельзя лучше подчеркиваютъ то свойство методовъ, что они въ существѣ дѣла суть методы исключенія. По его формуламъ, въ методѣ совпаденія мы должны исключить обстоятельства, измѣняющіяся отъ случая къ случаю, и оставшееся обстоятельство признать искомою причиною; въ методѣ различія—исключаются всѣ общіе антецеденты и антецедентъ, присутствующій въ одномъ случаѣ и отсутствующій во второмъ

---

[1]) Nov. Org., ed. *Fowler*; примѣч. 62 къ афор. 11 кн. II.

[2]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII, § 3.

[3]) *Mill*. Logic, b. III, ch. VIII § 3.

[4]) *Rabier*. Leçons de Philosophie. II. Logique (Paris 1888) p. p. 130—134.

признается искомою причиною; въ методѣ сопутствующихъ измѣненій исключенію подлежатъ всѣ неизмѣнныя обстоятельства и единственный оставшійся антецедентъ признается искомою причиною; наконецъ, въ методѣ остатковъ мы исключаемъ антецеденты, которымъ, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, можетъ быть приписана нѣкоторая часть явленія, и остатокъ явленія признаемъ дѣйствіемъ оставшихся антецедентовъ. Такимъ образомъ, первый процессъ въ индуктивныхъ методахъ есть исключеніе, и затѣмъ заключеніе имѣетъ дѣло съ остаточными явленіями. Въ этомъ смыслѣ, собственно говоря, всѣ методы могли бы быть названы методами остатковъ, ибо во всѣхъ ихъ часть даннаго фактическаго матеріала исключается, по разнымъ основаніямъ, и заключеніе ограничивается лишь остаточною частью.

Существуетъ несомнѣнное тожество логическаго процесса въ этомъ способѣ разсужденія съ тѣмъ, который имѣетъ мѣсто въ такъ называемомъ косвенномъ доказательствѣ, и именно въ его раздѣлительной, по терминологіи Вундта, формѣ. „Косвенное или апагогическое доказательство стремится установить истину какого нибудь положенія посредствомъ доказательства ложности всѣхъ тѣхъ предположеній, которыя могли бы быть сдѣланы вмѣсто доказываемаго. Косвенное доказательство заключаетъ путемъ исключенія; его основная силлогистическая форма есть modus tollendo ponens раздѣлительнаго умозаключенія, и оно опирается вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ на аксіому исключеннаго третьяго... Раздѣлительная форма косвеннаго доказательства различаетъ прежде всего разнообразныя предположенія *A*, *B*, *C*......*N*, которыя могли бы быть сдѣланы относительно даннаго вопроса; затѣмъ она показываетъ, что среди этихъ предположеній *B*, *C*, *D*.....*N* не допустимы, и изъ этого дѣлаетъ заключеніе, что правильнымъ должно быть лишь единственно остающееся *A*“ [1]).

Тожество индуктивнаго процесса и процесса косвеннаго доказательства неоднократно указывалось въ логикѣ.

Еще Апельтъ утверждалъ, что „логическая форма индукціи ничто иное какъ форма раздѣлительнаго умозаключенія“ [2]).

Зигвартъ проводитъ параллель между индуктивнымъ процессомъ Бакона и косвеннымъ раздѣлительнымъ доказательствомъ. „Если мы,— говоритъ онъ,—съ цѣлью уяснить себѣ логическій характеръ Баконовой индукціи. выразимъ ее схематически, то различныя свойства,

---

[1]) *Wundt*. Logik, b. II, S. 68—69. Stuttgart. 1883.
[2]) *Apelt*. Die Theorie der Induction, S. 17. Leipzig. 1854.

со включеніемъ теплоты *w*, должны быть обозначены буквами алфавита. Случаи обѣихъ первыхъ таблицъ будутъ тогда представлять слѣдующія комбинаціи:

abcdw	acdf
abdfw	adfg
bghw	dghx
и т. д.	и т. д.

Теперь дѣло заключается въ томъ, чтобы отыскать букву, которая находится вездѣ въ первомъ столбцѣ и нигдѣ во второмъ; и это должно быть сдѣлано тѣмъ способомъ, что изъ сочетанія буквъ будетъ вычеркнута всякая, которая находится во второмъ и гдѣ нибудь недостаетъ въ первомъ столбцѣ.

„Выраженный въ логической формѣ умозаключенія, этотъ процессъ представится въ слѣдующемъ:

Причина теплоты есть или *a*, или *b*, или *c*, или....*x*, или *y*, или *z*.

Причина теплоты не есть *a*, ибо причина теплоты должна быть всюду, гдѣ теплота, но *a* не всюду, гдѣ теплота, слѣдовательно причина теплоты не есть *a*.

Причина теплоты не есть *f*, ибо причины теплоты нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ теплоты; *f* присутствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ теплоты, слѣдовательно, причина теплоты не есть *f*....и т. д.

Отсюда путемъ сложенія отрицательныхъ заключеній:

Причина теплоты не есть ни *a*, ни *c*, ни *d*, ни *e*, ни.....*z*.

Слѣдовательно, причина теплоты есть *b*.

Въ качествѣ основанія всего процесса мы имѣемъ, слѣдовательно, раздѣлительную большую посылку со многими раздѣльными членами: въ качествѣ меньшей посылки—слитное отрицательное сужденіе, которое исключаетъ всѣ члены дисъюнкціи кромѣ одного; по modus tollendo ponens дѣлается заключеніе объ единственно оставшемся членѣ“ [1]).

Не трудно показать, что въ эту же форму могутъ быть сведены и доказательства индуктивными методами Милля. Въ методѣ совпаденія намъ представляются предположенія, что явленіе *a* есть дѣйствіе или явленія *A*, или явленія *B*, или явленія *C*; затѣмъ, наблюдая присутствіе явленія *a* при отсутствіи какъ явленія *B*, такъ и явленія *C*, заключаемъ, на основаніи аксіомы метода совпаденія, что

[1]) *Sigwart*. Logik, II, 366—367.

ни явленіе *B*, ни явленіе *C* не составляютъ причины явленія *a*, откуда и переходимъ къ окончательному выводу, что причиною этого явленія *a* должно быть явленіе *A*. Въ методѣ различія мы имѣемъ тѣ же предположенія и тотъ же окончательный выводъ, но только отрицаемъ причинную зависимость явленія *a* отъ явленій *B* и *C*, согласно указанію аксіомы этого метода, въ силу того, что явленія *B* и *C* присутствуютъ и тамъ, гдѣ явленіе *a* отсутствуетъ. Соединенный методъ оперируетъ въ этомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ и методъ совпаденія. Что касается метода сопутствующихъ измѣненій, то онъ можетъ быть сведенъ на modus tollendo ponens слѣдующимъ образомъ: явленіе *a* можетъ быть дѣйствіемъ или явленія *A*, или явленія *B*, или явленія *C*; но ни явленіе *B*; ни явленіе *C* не могутъ быть признаны его причиною, ибо остаются неизмѣнными при его измѣненіяхъ; стало быть его причиною должно быть признано явленіе *A*, единственно измѣняющееся совмѣстно съ измѣненіемъ явленія *a*. Наконецъ, въ методѣ остатковъ мы разсуждаемъ: явленіе *a* можетъ быть дѣйствіемъ либо явленія *A*, либо явленія *B*, либо явленія *C*; но оно не есть дѣйствіе ни явленія *B*, ни явленія *C*, ибо они извѣстны намъ какъ причины иныхъ дѣйствій; слѣдовательно, оно есть дѣйствіе остающагося явленія *A*.

Такимъ образомъ можно признать неподлежащимъ сомнѣнію, что доказательства индуктивными методами, по существу логическаго процесса, суть косвенныя доказательства раздѣлительной формы. Отсюда слѣдуетъ, что методы индуктивнаго доказательства, для своей логической состоятельности, должны удовлетворять тѣмъ самымъ требованіямъ, которыя предъявляются логикою косвеннымъ доказательствамъ дисъюнктивнаго вида.

„Существенное условіе состоятельности подобнаго доказательства— говоритъ Вундтъ о раздѣлительномъ косвенномъ доказательствѣ — составляетъ полнота произведенной дисъюнкціи“ [1]). Примѣромъ наиболѣе совершеннаго въ этомъ отношеніи косвеннаго доказательства можетъ служить такъ называемый „исчерпывающій способъ“ древнихъ геометровъ. Доказываютъ косвеннымъ путемъ, что извѣстная величина ни болѣе, ни менѣе другой, и заключаютъ отсюда, что она должна быть равна ей, такъ какъ изъ всѣхъ мыслимыхъ отношеній между ними остается только эта третья и послѣдняя возможность [2]). По заявленію Вундта, этотъ способъ доказательства наи-

[1]) *Wundt*. Logik, II, 69.

[2]) *Тренделенбургъ*. Логическія изслѣдованія, II, 424. М. 1868.

болѣе примѣнимъ въ математикѣ, благодаря наибольшей увѣренности, съ которою въ ней могутъ быть построены полныя дисъюнкціи [1]). Только въ соединеніи съ полнымъ раздѣленіемъ косвенное доказательство приводитъ познаніе къ одной опредѣленной точкѣ и на ней его закрѣпляетъ. Тамъ же, гдѣ недостаетъ возникшаго изъ всеобщихъ соображеній раздѣлительнаго сужденія, которое подчиняло бы себѣ косвенные доводы въ качествѣ своихъ членовъ, тамъ весь процессъ останавливается на полудорогѣ. Косвенное доказательство дастъ въ этомъ случаѣ отрицательные только результаты, не болѣе. Съ каждымъ получаемымъ нами отрицаніемъ мы, правда, все ближе подходимъ къ утвержденію; но исчерпали ли мы всѣ возможности, овладѣли ли мы наконецъ дѣйствительнымъ, въ этомъ не завѣрены мы ровно ничѣмъ [2]).

Второе условіе логической состоятельности косвеннаго раздѣлительнаго доказательства состоитъ въ томъ, чтобы члены дисъюнкціи не совпадали другъ съ другомъ; это требованіе большинствомъ логиковъ признается обязательнымъ для всякаго правильнаго раздѣлительнаго сужденія и выводится изъ логической аксіомы исключеннаго третьяго [3]). Но вопросъ о томъ, должны ли альтернативы въ раздѣлительномъ сужденіи обязательно быть исключающими, или же могутъ не быть таковыми,—составляетъ спорный вопросъ въ современной логикѣ. Вслѣдствіе большаго преобладанія и удобства исключающихъ дѣленій большинство логиковъ считало необходимымъ дѣлать каждую альтернативу въ раздѣлительномъ предложеніи исключающею всякую другую. Аквинатъ думалъ, что когда этого нѣтъ, то предложеніе ложно, и Кантъ раздѣлялъ такое же мнѣніе. Поэтому въ старыхъ руководствахъ логики находилось правило, что membra dividentia, части дѣленія или составные виды рода, должны исключать другъ друга. И можно было бы привести множество другихъ свидѣтельствъ въ пользу этого мнѣнія, и если бы вопросъ нужно было рѣшать по авторитету историческихъ свидѣтельствъ, то онъ, конечно, былъ бы рѣшенъ въ пользу необходимости исключающихъ альтернативъ. Но есть авторитеты и на противоположной сторонѣ. Уэтли, Мансель, Д. С. Милль и Джевонсъ утверждаютъ, что мы часто можемъ считать альтернативы совмѣстными, или истинными въ одно

---

[1]) *Wundt*. Logik. II, 69.
[2]) *Тренделенбургъ*. Логическія изслѣдованія, II, 425.
[3]) *Wundt*. Logik, I, 503.

и то же время [1]). Но раздѣлительныя сужденія, содержащія такія совмѣстныя альтернативы, по собственному признанію лицъ, ихъ допускающихъ, непригодны для умозаключеній, а стало быть и для косвеннаго доказательства. Уэтли, приводя слѣдующій примѣръ совмѣстной альтернативы: „добродѣтель можетъ пріобрѣсти намъ или уваженіе людей, или благоволеніе Бога", добавляетъ: здѣсь оба члена вѣрны, а слѣдовательно, утверждая одинъ, мы не имѣемъ права отрицать другой" [2]). Оно и понятно. Въ раздѣлительномъ косвенномъ доказательствѣ мы обусловливаемъ истинность одного положенія ложностью другаго; а это возможно только въ томъ случаѣ, если оба эти положенія несовмѣстимы одно съ другимъ, то-есть, не могутъ быть одинаково ложными или истинными; въ раздѣлительныхъ же сужденіяхъ съ неисключающими альтернативами всѣ члены дѣленія признаются одинаково истинными. Къ тому же, надо замѣтить, что въ раздѣлительномъ сужденіи съ совмѣстными альтернативами бываетъ всегда нарушено требованіе полноты дѣленія. Милль, напримѣръ, даетъ такой образчикъ раздѣлительнаго предложенія съ совмѣстными альтернативами: „для того, чтобы вполнѣ безкорыстно пользоваться деспотическою властью, человѣкъ долженъ быть или святымъ, или философомъ", причемъ признаетъ данныя альтернативы совмѣстными, потому что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть и святымъ, и философомъ [3]). Но если такъ, то, очевидно, его раздѣлительное предложеніе не представляетъ исчерпывающей дисъюнкціи; для этой послѣдней цѣли оно должно быть построено такимъ образомъ: для того, чтобы вполнѣ безкорыстно пользоваться деспотическою властью, человѣкъ долженъ быть или только святымъ, или только философомъ, или же святымъ и философомъ вмѣстѣ. То же самое имѣетъ мѣсто во всѣхъ случаяхъ дисъюнкцій съ совмѣстными альтернативами. Въ виду этихъ двухъ соображеній необходимо признать несовмѣстимость альтернативъ обязательнымъ условіемъ логической состоятельности раздѣлительнаго косвеннаго доказательства.

Къ этимъ двумъ условіямъ логической состоятельности косвеннаго раздѣлительнаго доказательства—полнотѣ и несовмѣстимости сдѣланныхъ предположеній — должно быть прибавлено третье — основательность произведенныхъ исключеній. Объ этомъ условіи обыкновенно не

---

[1]) *Джевонсъ*. Основы науки, 69.
[2]) *Джевонсъ*. Основы науки, 69.
[3]) *Джевонсъ*. Основы науки, 69.

упоминается въ логическихъ теоріяхъ косвеннаго доказательства, такъ какъ оно, во-первыхъ, само собою разумѣется, а во-вторыхъ, — логическое ученіе о доказательствѣ имѣетъ въ виду обыкновенно только формальную сторону доказательнаго процесса, подразумѣвая объективную истинность каждаго отдѣльнаго положенія, входящаго въ составъ доказательства, неподлежащей сомнѣнію. Рѣчь о доказательствахъ ведется обыкновенно въ томъ безмолвномъ предположеніи, что посылки, къ которымъ прилагается, или которыми пользуется доказательство, истинны, и что оперируя извѣстнымъ способомъ, указать который и имѣетъ въ виду теорія доказательства, мы приходимъ отъ нихъ къ истинному и логически правильному заключенію. Необходимость выставленнаго нами условія не можетъ, тѣмъ не менѣе, подлежать сомнѣнію. Ибо коль скоро въ косвенномъ доказательствѣ мы устанавливаемъ истинность одного положенія на основаніи ложности другаго, съ нимъ несовмѣстнаго, то, очевидно, для того чтобы нашъ выводъ былъ вѣренъ, необходимо, чтобы признаніе одного изъ положеній ложнымъ было истиннымъ; если же оно не таково, то и выводъ нашъ будетъ ложнымъ. Простой примѣръ можетъ пояснить справедливость указаннаго нами требованія. Въ медицинской практикѣ иногда приходится ставить діагнозъ почти единственно путемъ исключенія. Такъ, напримѣръ, діагнозъ такого безусловно неблагопріятнаго заболѣванія какъ бронзовая или Аддисонова болѣзнь,—въ которой, согласно съ толкованіемъ самого Аддисона, давшаго ей имя, главный необходимый постулатъ составляетъ окрашиваніе кожи,—ставится, по указаніямъ наиболѣе авторитетныхъ терапевтическихъ руководствъ, преимущественно посредствомъ исключенія другихъ причинъ, ведущихъ къ сходному окрашиванію кожи. Такъ, Эйхгорстъ говоритъ о способѣ распознаванія этой болѣзни: „Распознаваніе болѣзни легко. Отъ синюхи измѣненія кожи отличаются тѣмъ, что при давленіи пальцемъ они, въ противоположность ціанозу, не измѣняются. Почти такое же измѣненіе кожи, развивающееся послѣ продолжительнаго употребленія адскаго камня (argyrosis), можно распознавать помощью анамнеза. При интензивной желтухѣ иногда приходится наблюдать бронзовое окрашиваніе кожи; но здѣсь склеры тоже окрашены въ желтый цвѣтъ. Интензивно темный цвѣтъ кожи находятъ у людей, жившихъ подъ тропиками, такъ что при состояніяхъ слабости и безъ объективныхъ явленій возможно смѣшеніе съ Аддисоновою болѣзнью. У людей, ведущихъ бродячій образъ жизни, долгое время страдавшихъ платяными вшами, можетъ въ концѣ кон-

цовъ также образоваться бурый, мулатообразный цвѣтъ кожи, nigritis, — однако на пигментированной кожѣ здѣсь можно отыскать еще бѣлые рубцы. Для дифференціальнаго отличія отъ грязной кожи можетъ послужить дѣйствіе мыла" [1]). Очевидно, что поставленный по этому способу діагнозъ Аддисоновой болѣзни можетъ быть вѣрнымъ лишь въ томъ случаѣ, если всѣ исключенныя другія возможности дѣйствительно не имѣютъ мѣста.

Итакъ, чтобы гарантировать достовѣрность доказываемаго имъ положенія, косвенное раздѣлительное доказательство должно удовлетворять слѣдующимъ тремъ условіямъ: во-первыхъ, въ немъ должны быть подвергнуты обсужденію *всѣ* возможныя предположенія относительно даннаго вопроса; во-вторыхъ, каждое изъ этихъ предположеній должно быть *несовмѣстимо* со всѣми остальными, и въ-третьихъ, исключенію должны быть подвергнуты *несомнѣнно ложныя* предположенія. Если хотя одно изъ этихъ требованій или условій не соблюдено, то косвенное доказательство теряетъ въ своей силѣ и можетъ даже утратить всякое доказательное значеніе.

Посмотримъ, насколько удовлетворяютъ этимъ требованіямъ методы индуктивнаго доказательства.

III.

Требованіе полноты дисъюнкціи въ примѣненіи къ индуктивнымъ методамъ.— Практическая невыполнимость этого требованія.—Условія примѣненія методовъ къ ограниченнымъ группамъ явленій.—Причинная зависимость изслѣдуемыхъ группъ какъ необходимое предварительное условіе примѣненія методовъ и способы ея доказательства.—Отсутствіе незамѣченныхъ обстоятельствъ въ изслѣдуемыхъ группахъ и его доказательство.

По отношенію къ индуктивнымъ методамъ доказательства требованіе исчерпывающей полноты дисъюнкціи равносильно требованію полнаго знанія о всѣхъ антецедентахъ даннаго явленія, если идетъ вопросъ о его причинѣ, и, vice versa, о всѣхъ послѣдующихъ явленія, если дѣло идетъ о его дѣйствіи. По отношенію къ индуктивнымъ методамъ это требованіе обусловливается, кромѣ правилъ косвеннаго доказательства, еще и самою ихъ задачею. Такъ какъ задача индуктивныхъ методовъ, всѣхъ безъ исключенія, состоитъ въ

---

[1]) *Эйхгорстъ*. Руководство къ частной патологіи и терапіи, т. II, стр. 639. С.-Пб. 1887 г.

доказательствѣ причинной зависимости между двумя явленіями, и такъ какъ, по понятію индуктивной логики, причину составляетъ вся совокупность безусловно предшествующихъ обстоятельствъ, то, очевидно, для примѣненія методовъ должно быть извѣстно, что изъ виду не упущено ни одно обстоятельство въ предшествовавшихъ фактахъ, которое могло бы стоять въ связи съ даннымъ послѣдующимъ. Для этого мы должны быть увѣрены, что обсуждаемые нами антецеденты—суть *всѣ* антецеденты даннаго явленія, и только при этомъ условіи мы имѣемъ логическое право заключать, что предидущее, удовлетворяющее условіямъ того или другаго изъ индуктивныхъ методовъ, есть причина даннаго явленія. Если такое условіе не выполнено, то всегда остается мѣсто сомнѣнію, что въ дѣйствительности причина находится среди антецедентовъ, оставшихся неизвѣстными.

Прослѣдимъ необходимость этого условія по всѣмъ методамъ индуктивнаго доказательства.

Въ методѣ совпаденія мы признаемъ причиною антецедентъ, имѣющій мѣсто во всѣхъ случаяхъ нашего наблюденія даннаго дѣйствія, и отрицаемъ причинный характеръ, по отношенію къ этому дѣйствію, во всѣхъ тѣхъ, которые встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ. Такое дѣйствіе можетъ притязать на логическую основательность только при томъ условіи, если при сравненіи антецедентовъ имѣлась въ виду вся ихъ совокупность. Въ противномъ случаѣ всегда есть основаніе подозрѣвать, что кромѣ замѣченнаго общаго всѣмъ случаямъ антецедента *A* существуютъ еще незамѣченные, но одинаково общіе всѣмъ случаямъ антецеденты *B* и *C*, которые могутъ быть или независимыми причинами изслѣдуемаго явленія, или же производить его въ сотрудничествѣ съ обстоятельствомъ *A*. Слѣдующій примѣръ, заимствованный изъ „Физіологіи обыденной жизни“ Льюиса, можетъ съ успѣхомъ пояснить тѣ ошибочныя заключенія, которыя могутъ возникать при упущеніи изъ виду нѣкоторыхъ антецедентовъ. „Весьма распространенное, почти даже всеобщее превратное понятіе объ этомъ предметѣ (асфиксіи или задушеніи)—что углекислота отравляетъ кровь; но въ дѣйствительности оказывается, что углекислота вредна только тогда, когда она препятствуетъ доступу кислорода. Углекислота всегда находится въ крови, и въ венозной, и въ артеріальной. Ея скопленіе въ крови фатально только тогда, когда существуетъ такое скопленіе ея въ атмосферѣ, которое станетъ препятствовать ея выдыханію; одно только присутствіе ея въ крови

оказывается совершенно безвреднымъ даже въ большихъ количествахъ, при томъ постоянномъ условіи, чтобы не было недостатка въ кислородѣ. Углекислота, будучи поглощена кровью, которая есть щелочь, не можетъ проявить своего разрушительнаго дѣйствія какъ кислота, потому что она или преобразуется въ кислую соль, или растворяется. Бернаръ впрыскивалъ большія ея количества кроликамъ въ вены и артеріи, и подъ кожу, и нашелъ, что не послѣдовало никакого вреднаго дѣйствія. Чѣмъ больше углекислоты въ крови, тѣмъ больше будетъ ея выдыхаться, при томъ постоянномъ условіи, что воздухъ не настолько уже насыщенъ ею, чтобы препятствовать ея выдыханію" [1]). Здѣсь упущеніе изъ виду одного изъ антецедентовъ—недостатка кислорода—повело къ ошибочному признанію другаго общаго антецедента—присутствія въ крови углекислоты—причиною асфиксіи. Къ этой же категоріи ошибочныхъ индуктивныхъ заключеній можетъ быть отнесенъ и слѣдующій примѣръ, приведенный Миллемъ изъ области политико-экономическихъ вопросовъ. „Возьмемъ,—говоритъ онъ,—напримѣръ, общепринятое мнѣніе, на первый взглядъ столь благовидное, о поощреніи промышленности роскошью. Объ *А*, растрачивающемъ весь свой доходъ и даже капиталъ на роскошную жизнь, предполагается, что онъ даетъ много занятія. *B*, который тратитъ небольшую долю дохода, а остальную капитализируетъ, считается дающимъ мало занятія или никакого. Всякій видитъ барыши, извлекаемые изъ расходовъ *А* его поставщиками, слугами и проч. Напротивъ того, сбереженное *B* переходитъ въ руки лица, у котораго онъ купилъ вексель, и которое его деньгами уплатитъ долгъ какому-нибудь банкиру; тотъ снова отдастъ ихъ взаемъ другому купцу или фабриканту. И капиталъ, затраченный на наемъ прядильщиковъ и ткачей или извозчиковъ и матросовъ купеческихъ кораблей, не только даетъ немедленное занятіе столькимъ же промышленникамъ, сколько бываетъ занято лицомъ *А* въ теченіе всей его жизни, но капиталъ этотъ, будучи съ прибылью выручень продажею предметовъ производства или ввоза, образуетъ фондъ для вѣчнаго занятія такого же или еще большаго числа рабочихъ. Однако, наблюдатель не видитъ и потому не соображаетъ того, что дѣлается съ деньгами *B*; онъ видитъ лишь, что дѣлается съ деньгами *А*; замѣчаетъ промышленность, поощряемую расточительностью *А*, а не замѣчаетъ еще большей массы

[1]) *Lewes*. Physiology of Common Life, v. I, p. 383. Cp. *Fowler*. Inductive Logic, p. 300.

промышленности, которую эта расточительность лишаетъ поддержки. Отсюда возникъ всеобщій во время Адама Смита предразсудокъ, что промышленность поощряется роскошью, а подрывается бережливостью" [1]). И этотъ примѣръ показываетъ, какъ упущеніе изъ виду роли одного фактора ведетъ къ признанію за другимъ такого значенія, котораго онъ въ дѣйствительности не имѣетъ.

Это же требованіе принятія во вниманіе всѣхъ факторовъ даннаго дѣйствія имѣетъ мѣсто и по отношенію къ другаго рода выводамъ, на которые уполномочиваетъ насъ теорія метода совпаденія. Съ точки зрѣнія этой теоріи, отсутствіе общаго всѣмъ наблюденнымъ случаямъ обстоятельства, предшествующаго данному явленію, служитъ доказательствомъ, что данное явленіе имѣетъ болѣе одной причины. „Если во всѣхъ случаяхъ присутствія нашего явленія мы не встрѣтили ни одного общаго имъ обстоятельства,—и въ то же время имѣемъ право считать нашъ анализъ предыдущихъ точнымъ,—отсутствіе общаго предидущаго будетъ признакомъ того, что наше явленіе имѣетъ не одну, а нѣсколько причинъ" [2]). Но такое заключеніе основательно лишь тогда, когда мы увѣрены, что нами приняты во вниманіе при нашихъ наблюденіяхъ дѣйствительно всѣ антецеденты; поэтому-то въ только что приведенной цитатѣ и имѣется вставочное замѣчаніе: „и въ то же время имѣемъ право считать нашъ анализъ предидущихъ точнымъ". Въ противномъ случаѣ нѣтъ основаній отвергать, что существуетъ, быть можетъ, общее всѣмъ случаямъ обстоятельство, ускользнувшее отъ нашего наблюденія, которое и есть единственная причина изслѣдуемаго явленія. Подобная возможность признается и Миллемъ. „Мы находимъ невозможнымъ, — говоритъ онъ,—указать какое-либо обстоятельство, общее всѣмъ случаямъ, въ которыхъ встрѣчается данное дѣйствіе. Оказывается, что мы можемъ выдѣлить *всѣ* предшествующіе факты, что ни одинъ изъ нихъ не содержится во всѣхъ случаяхъ, ни одинъ изъ нихъ не необходимъ для дѣйствія. Однако, по ближайшемъ изслѣдованіи обнаруживается, что хотя ни одинъ предшествующій фактъ не содержится всегда, но тотъ или другой изъ нѣсколькихъ всегда присутствуетъ. Если, при дальнѣйшемъ анализѣ, мы можемъ открыть въ этихъ при-

---

[1]) *Mill.* Logic, bk. V, ch. IV, § 4.

[2]) *Троицкій.* Учебникъ логики, кн. II, стр. 193. Ср. также *Fowler.* Inductive Logic, p. 145: „фактъ, что *a* можетъ присутствовать безъ *A*, есть доказательство, что *A* не единственная причина".

сутствующихъ фактахъ какой-либо общій имъ элементъ, то намъ, пожалуй, представится возможность подняться отъ нихъ къ какой-нибудь одной причинѣ, которая есть настоящее дѣйствующее обстоятельство въ нихъ всѣхъ" [1]). Примѣромъ научныхъ ошибокъ подобнаго рода можно привести ученіе объ остромъ сочленовномъ ревматизмѣ. Ревматическій характеръ этой болѣзни, то-есть, происхожденіе ея отъ простуды, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, казался несомнѣннымъ, да еще и теперь существуютъ очень извѣстные авторы, которые упорно держатся теоріи простуды. Но такъ какъ на-ряду съ такими случаями заболѣванія острымъ сочленовнымъ ревматизмомъ, въ анамнезѣ которыхъ можетъ быть отмѣчена простуда, встрѣчается еще большее число случаевъ, гдѣ простуда не можетъ быть указана въ качествѣ причины заболѣванія, то причинами этой болѣзни выставлялись иногда такія обстоятельства какъ физическое и психическое возбужденіе, а также наслѣдственность. Но въ настоящее время преобладаетъ и все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что эта болѣзнь принадлежитъ къ инфекціоннымъ и вызывается специфическими расщепляющимися грибками. При этомъ, если за прежде признававшимися причинами—простудой, возбужденіемъ и наслѣдственностью—и сохраняется нѣкоторое этіологическое значеніе, то лишь въ качествѣ обстоятельствъ, споспѣшествующихъ вредоносному развитію специфическаго инфекціоннаго начала [2]). Если свести это разсужденіе на приведенный выше, указанный Миллемъ, способъ установленія множественности причинъ, то дѣло можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. Сравненіе различныхъ случаевъ остраго сочленовнаго ревматизма по методу совпаденія относительно ихъ предидущихъ не дало въ результатѣ ни одного общаго всѣмъ имъ обстоятельства, но отмѣтило, что всѣ они предшествуются однимъ изъ трехъ обстоятельствъ—простудой, возбужденіемъ и происхожденіемъ отъ родителей, страдавшихъ этою же болѣзнью; отсюда заключеніе, что данная болѣзнь производится тремя самостоятельными причинами, такъ что въ ней мы имѣемъ дѣло со множественностью причинъ. Но дальнѣйшія изслѣдованія открыли незамѣченное прежде общее обстоятельство—инфекціонное начало,—которое и было признано единственною причиною изучаемой патологической формы.

---

[1]) *Mill.* Logic, bk. III, ch. X, § 3.

[2]) Ср. *Эйхгорстъ.* Руководство къ частной патологіи и терапіи, т. IV, стр. 303—305.

Излагая сущность метода различія и указывая на необходимость того, чтобы оба сравниваемые случая были совершенно сходны во всѣхъ обстоятельствахъ кромѣ одного, признаваемаго причиною, Милль замѣчаетъ: „правда, этому сходству обстоятельствъ не нужно распространяться на такія, о которыхъ уже извѣстно, что они несущественны для результата“ [1]). Но для того, чтобы знать, что то или другое обстоятельство несущественно для результата, или, другими словами, чтобы знать, что элементы сравниваемыхъ антецедентовъ всѣ существенны для результата, очевидно, необходимо произвести, такъ сказать, сортировку предшествующихъ обстоятельствъ, признавъ одни изъ нихъ существенными, а другія несущественными для результата. Такая сортировка можетъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда приняты во вниманіе всѣ предидущія; иначе легко можетъ случиться, что, не зная всѣхъ предшествующихъ обстоятельствъ, мы оставимъ безъ вниманія что-либо существенное, то-есть, возможно, что при рѣшеніи вопроса о причинѣ даннаго явленія по методу различія будутъ приняты во вниманіе не всѣ существенныя обстоятельства. Подобная же неполнота можетъ повлечь къ слѣдующей ошибкѣ: внося въ аггрегатъ *BCD* обстоятельство *A* и наблюдая послѣдовательное наступленіе обстоятельства *a*, мы, по методу различія, заключимъ, что *A* есть причина *a*. Но гдѣ ручательство, что при аггрегатѣ *BCD* нами не пропущено обстоятельство *E*, которое существенно для обстоятельства *a*, производя его или въ союзѣ съ *A*, или освобождаясь при помощи этого *A* отъ противодѣйствующаго вліянія обстоятельства *D*? Въ первомъ случаѣ, причиною обстоятельства *a* должно быть признано сочетаніе *AE*, а во второмъ одно *E*, но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не одно *A*. „Едва ли нужно указывать на то, что ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи возникло вслѣдствіе неподозрѣваемаго существованія органическихъ зародышей, остававшихся даже послѣ самыхъ тщательныхъ усилій устранить ихъ, и во многихъ болѣзняхъ какъ животныхъ, такъ и растеній дѣятельною причиною ихъ навѣрное бываютъ зародыши, для открытія которыхъ мы еще не имѣетъ средствъ. Уже давно спорятъ о томъ, откуда берутся растенія на недавно взрытой глубоко почвѣ, изъ сѣмянъ уже давно лежащихъ въ этой почвѣ или изъ сѣмянъ принесенныхъ вѣтромъ. Аргументы здѣсь неумѣстны, когда возможенъ прямой опытъ. Потому что, если, взрывши почву, покрыть

[1]) *Mill*. Logic., bk. III, ch. VIII, § 3.

часть ея стеклянным ящикомъ, то этимъ вполнѣ будетъ устранено принесеніе сѣмянъ вѣтромъ, и если подъ ящикомъ и внѣ его появятся одни и тѣ же растенія, тогда будетъ ясно, что сѣмена находились въ самой почвѣ. Вслѣдствіе грубыхъ недосмотровъ, нѣкоторые экспериментаторы думали прежде, что иногда выростаетъ рожь, когда посѣянъ овесъ" [1]). Это послѣднее заблужденіе можетъ служить прекраснымъ примѣромъ, какъ при производствѣ эксперимента методомъ различія по пріему включенія могутъ получаться ошибочные выводы. Во вспаханную вновь землю сѣются зерна овса, причемъ не предполагается возможности случайнаго занесенія въ эту же почву ржаныхъ сѣмянъ,—и вотъ получается экспериментальное доказательство, что изъ сѣмянъ овса произрастаетъ рожь. Съ другой стороны, и при доказательствахъ по методу различія пріемомъ исключенія упущеніе изъ виду какихъ-либо обстоятельствъ ведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Возможность именно такой ошибки и имѣли въ виду защитники теоріи самопроизвольнаго зарожденія, когда возражали противъ опытовъ Спаланцани, герметической закупоркой и продолжительнымъ кипяченіемъ органическихъ настоевъ пытавшагося доказать невозможность самозарожденія; они говорили: „присутствіе кислорода составляетъ одно изъ необходимыхъ условій жизнедѣятельности, а между тѣмъ вотъ это-то именно существенное обстоятельство и не принято во вниманіе въ опытахъ Спаланцани. Если же опытъ произведенъ въ указанныхъ условіяхъ,—результатъ получается положительный, вполнѣ подтверждающій самобытное зарожденіе инфузорій изъ настоя" [2]). Все это несомнѣнно убѣждаетъ, что для основательнаго и благонадежнаго пользованія методомъ различія чрезвычайно важно, чтобы намъ былъ извѣстенъ весь составъ того аггрегата обстоятельствъ, въ который вводится или изъ котораго исключается обстоятельство, предполагаемое причиною, и чтобы въ этомъ составѣ завѣдомо заключались всѣ факторы, хотя сколько-нибудь вліяющіе на изслѣдуемое дѣйствіе. А для этой цѣли необходимо имѣть въ виду вообще всю совокупность антецедентовъ какъ существенныхъ, такъ и несущественныхъ, ибо только въ такомъ случаѣ можно быть увѣренными, что нами не упущено изъ виду ничего существеннаго.

По отношенію къ соединенному методу, какъ особой модификаціи методовъ совпаденія и различія, не требуется особаго доказа-

[1]) *Джевонсъ*. Основы науки, стр. 405—406.

[2]) *Поповъ*. Жизнь какъ движеніе, стр. 76. С.-Пб. 1882.

тельства необходимости полнаго знанія обо всѣхъ предидущихъ изслѣдуемаго дѣйствія, такъ какъ это вполнѣ ясно изъ тѣхъ соображеній, которыя высказаны по этому поводу относительно методовъ совпаденія и различія. Утвердительный выводъ, что присутствіе *A* есть причина присутствія *a*, равно какъ и отрицательный, что отсутствіе *A* есть причина отсутствія *a*, суть независимые выводы по методу совпаденія, и, стало быть, подобно всѣмъ выводамъ по этому методу требуютъ для своей надежности обсужденія всей совокупности предшествующихъ фактовъ. Окончательный же выводъ изъ этихъ двухъ положеній, что *A* есть причина *a*, дѣлаемый по методу различія, нуждается въ увѣренности, что какъ присутствіе названныхъ явленій, такъ и ихъ отсутствіе наблюдено нами при равенствѣ прочихъ условій, а эта увѣренность можетъ возникнуть лишь путемъ сравненія всѣхъ безъ исключенія подробностей и положительныхъ, и отрицательныхъ случаевъ нашего наблюденія. Въ примѣръ недоказательности соединеннаго метода при не соблюденіи требованія полноты обсуждаемыхъ антецедентовъ, можно привести опыты Спаланцани для опроверженія теоріи самозарожденія. Положительнымъ рядомъ случаевъ онъ доказывалъ, что доступъ воздуха, содержащаго органическіе зародыши, къ настою, изготовленному изъ животныхъ или растительныхъ веществъ, сопровождается развитіемъ въ этомъ настоѣ микроскопическихъ организмовъ. Отрицательными случаями ему служили наблюденія, что въ настоѣ, лишенномъ органическихъ зародышей и недоступномъ притоку содержащаго такіе зародыши воздуха, не развивалось никакихъ микроскопическихъ зародышей. Такимъ образомъ онъ получилъ два положенія: утвердительное — присутствіе зооспоръ вызываетъ присутствіе микроорганизмовъ, и отрицательное — отсутствіе зооспоръ сопровождается отсутствіемъ микроорганизмовъ. Отсюда, въ предположеніи, что какъ присутствіе, такъ и отсутствіе зооспоръ наблюдалось имъ при тожественныхъ условіяхъ, онъ пришелъ къ окончательному выводу, что зооспоры суть причина микроорганизмовъ. Но въ этомъ-то пунктѣ и заключалась слабая сторона его доказательства, которою и воспользовались его противники. Изолируя настой отъ доступа зооспоръ, онъ изолировалъ его и отъ доступа воздуха, составляющаго необходимое условіе всякой жизни, и въ своемъ доказательствѣ совершенно упускалъ это обстоятельство; а между тѣмъ на это-то обстоятельство и указывали его противники, какъ на причину отсутствія микроорганизмовъ въ отрицательной группѣ наблюденій. Такимъ образомъ подрывались всѣ три вывода

Спаланцани; въ положительныхъ наблюденіяхъ—присутствіе организмовъ обусловливалось присутствіемъ кислорода; въ отрицательныхъ—отсутствіе ихъ обусловливалось отсутствіемъ того же общежизненнаго условія; въ силу этого окончательный выводъ подтверждалъ лишь и безъ того признаваемое несомнѣннымъ положеніе, что кислородъ необходимъ для существованія живыхъ организмовъ, но отнюдь не утверждалъ или не доказывалъ необходимости какихъ-то особыхъ зародышей. И противники Спаланцани были совершенно правы, признавая его доказательство неубѣдительнымъ вслѣдствіе упущенія изъ виду весьма существеннаго обстоятельства. И только когда экспериментальный геній Пастера произвелъ опыты съ такою строгою точностью, какъ никогда прежде, стало доказаннымъ, что самъ по себѣ кислородъ, но только лишенный зооспоръ, не способенъ обусловить въ настоѣ зарожденія микроорганизмовъ. Онъ удовлетворилъ противниковъ Спаланцани, сдѣлавъ возможнымъ доступъ воздуха къ настою, безъ доступа зооспоръ,—и результатъ по отношенію къ самозарожденію получился отрицательный.

Требованіе относительно полноты обозрѣваемыхъ явленій полносильно и по отношенію къ методу сопутствующихъ измѣненій. При примѣненіи этого метода требуется, чтобы измѣненію подвергались только изслѣдуемыя обстоятельства при неизмѣнности остальныхъ. „Пока который либо изъ предшествующихъ фактовъ подвергается требуемому ряду измѣненій, мы должны стараться удержать неизмѣнными всѣ другіе предшествующіе факты" [1]). Фоулеръ замѣчаетъ, что о причинной зависимости двухъ сопутственно измѣняющихся обстоятельствъ можно заключать лишь въ томъ случаѣ, „если мы имѣемъ возможность убѣдиться, что не существуетъ третьяго явленія, измѣняющагося съ этими двумя" [2]). Но придти къ убѣжденію, что одновременно съ измѣненіемъ изслѣдуемыхъ явленій не измѣняется никакихъ иныхъ явленій, возможно, лишь зная современное наблюденію состояніе всѣхъ событій, то-есть, зная состояніе всѣхъ предидущихъ изучаемаго явленія, а стало быть и имѣя въ виду всѣ эти предидущія; не зная же ихъ всѣхъ, мы не можемъ быть увѣрены, что требуемому ряду измѣненій подверглись только изслѣдуемыя обстоятельства и что нѣтъ третьяго, или болѣе, обстоятельства, которое также измѣнялось бы одновременно. Отсутствіемъ же этой

---

[1]) *Mill*. Logic, bk. III, ch. VIII, § 6.

[2]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 186.

увѣренности совершенно подрывается доказательная сила метода сопутствующихъ измѣненій. Примѣромъ ошибочнаго заключенія по методу сопутствующихъ измѣненій отъ упущенія изъ виду другаго измѣняющагося условія можетъ быть приведенъ слѣдующій опытъ Франклина надъ сравнительной поглощающей способностью различныхъ цвѣтовъ. „Я взялъ—разказываетъ онъ—нѣсколько небольшихъ четвероугольныхъ кусковъ разнаго цвѣта толстаго сукна изъ собранія образчиковъ у портнаго. Они имѣли цвѣта: черный, темно-синій, зеленый, свѣтло-синій, пурпуровый, красный, желтый, бѣлый и другіе цвѣта и оттѣнки. Я положилъ ихъ въ ясное солнечное утро на снѣгъ. Черезъ нѣсколько часовъ черный кусокъ, сильнѣе всѣхъ нагрѣвшійся отъ солнца, опустился въ снѣгъ такъ низко, что на него не могли уже падать солнечные лучи; темносиній былъ почти также низко; но свѣтлосиній спустился не такъ низко, какъ темносиній, и другіе цвѣта спустились тѣмъ меньше, чѣмъ они были свѣтлѣе. Бѣлый остался на поверхности и не опустился вовсе.“ — Это весьма изящный и, повидимому, простой опытъ,—говоритъ Джевонсъ; но когда Лесли закончилъ рядъ своихъ изслѣдованій надъ природою теплоты, то пришелъ къ заключенію, что цвѣтъ поверхности имѣетъ мало вліянія на лучеиспускающую способность, такъ что механическія свойства поверхности имѣли больше вліянія. Онъ замѣчаетъ, что „вопросъ не можетъ быть рѣшенъ положительно, такъ какъ веществу нельзя придать различнаго цвѣта, не измѣняя въ то же время его внутренней структуры“ [1]).

Наконецъ, при методѣ остатковъ необходимо принимать во вниманіе всю совокупность предидущихъ даннаго явленія, такъ какъ безъ этого мы не будемъ въ состояніи опредѣлить точный размѣръ соотвѣтствующаго остатка: не зная уменьшаемаго, нельзя опредѣлить остатка, хотя бы вычитаемое и было въ точности извѣстно. Такъ, напримѣръ, неподозрѣваемое обширное распространеніе солей натрія съ его замѣчательной способностью давать желтую линію въ спектрѣ, привело Тальбота къ ошибочному, по методу остатковъ, предположенію, что источникомъ желтаго цвѣта въ спектрахъ всѣхъ веществъ служитъ вода, столь распространенная во многихъ веществахъ [2]).

---

[1]) Inquiry into the Nature of Heat, p. 95 Цит. *Джевонсъ*. Основы науки, стр. 398.

[2]) *Джевонсъ*. Основы науки, стр. 402—403.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что упущеніе изъ виду какихъ либо антецедентовъ или вообще факторовъ изучаемаго явленія обусловливаетъ неправильные, ошибочные выводы по индуктивнымъ методамъ, и что поэтому для примѣненія каждаго изъ методовъ индуктивнаго доказательства необходимо, строго говоря, убѣжденіе, что обсуждаемые антецеденты суть *всѣ* антецеденты даннаго явленія.

Посмотримъ теперь, насколько достижимо въ дѣйствительности такое убѣжденіе.

Въ силу закона причинности, „состояніе всего міра въ данную минуту мы признаемъ послѣдствіемъ его состоянія въ предшествующее мгновеніе, такъ что человѣкъ, который зналъ бы всѣхъ, существующихъ въ данную минуту, дѣятелей, ихъ совпаденіе въ пространствѣ и всѣ ихъ свойства, или, другими словами, законы ихъ дѣйствій, могъ-бы предсказать всю послѣдующую исторію вселенной, лишь бы не возникло новое хотѣніе въ силѣ, способной управлять міромъ“ [1]). „Совокупность нынѣшнихъ условій фактовъ есть неизбѣжный результатъ всѣхъ прежнихъ и, болѣе непосредственно, результатъ фактовъ, существовавшихъ въ предшествовавшее мгновеніе“ [2]). Поэтому, отыскивая причину какого либо явленія, мы должны принять во вниманіе всѣ факты, имѣвшіе мѣсто, до времени его наступленія, въ исторіи міра. „На поверхностный взглядъ, порядокъ природы представляетъ, въ каждое мгновеніе, хаосъ, за которымъ слѣдуетъ другой хаосъ“, и „мы должны разложить тотъ и другой хаосъ на отдѣльные факты“ [3]). Но, какъ справедливо замѣчаетъ самъ Милль, „изслѣдовать состояніе всего міра въ данное мгновеніе невозможно“ [4]), а тѣмъ менѣе возможно сдѣлать это по отношенію ко всей предшествовавшей его судьбѣ.

Такимъ образомъ, строгое выполненіе условія полноты знанія о всѣхъ антецедентахъ изучаемаго явленія,—условія, логически необходимаго для состоятельности доказательства индуктивными методами, оказывается практически невыполнимымъ.

Чтобы освободиться отъ этой невыполнимой задачи, Милль выбираетъ изъ многихъ предшествующихъ явленій такія, которыя на опытѣ оказались непреложными предвѣстниками дѣйствія. На нихъ

---

[1]) *Mill*. Logic, bk. III, ch. V, § 8.
[2]) *Mill*. Logic, bk. III, ch. VII, § 1.
[3]) *Mill*. Logic, bk. III, ch. VII, § 1.
[4]) *Mill*. Logic, bk. III, ch. VII, § 1.

направляетъ онъ наше вниманіе и тѣмъ усиливаетъ наше ожиданіе. Въ этомъ заключается значеніе его метода. Ничто не въ состояніи сообщить ему полной логической состоятельности, какъ только предположеніе, что или число незамѣченныхъ явленій во всѣхъ случаяхъ одно и то же по количеству и качеству, или что незамѣченныя явленія ни въ одномъ случаѣ не оказываютъ вліянія на дѣйствіе. Что касается первой части этого предположенія, то справедливо прямо противоположное. Мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что безчисленныя различныя явленія, которыя составляютъ опытъ даннаго мгновенія, никогда не повторяются всѣ въ совершенно тѣхъ же отношеніяхъ. Что же касается второй части предположенія, то намъ необходимо только сказать, что заключающееся въ ней утвержденіе никогда не можетъ быть доказано и часто очевидно ложно. Многія явленія, которыя признаются теперь за въ высшей степени дѣятельныя причины, оставались до новѣйшаго времени совершенно незамѣченными. Кто признавалъ, напримѣръ, за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ порченное молоко за самую плодовитую причину тифозной лихорадки [1]).

Такимъ образомъ, и тѣ вспомогательныя средства, которыя указываются какъ способныя избавить насъ отъ необходимости непосильнаго исчисленія и обсужденія всѣхъ предидущихъ безъ изъятія, оказываются несостоятельными; и потому намъ остается или безпомощно сдаться предъ непосильной задачей, или найдти иные способы избавленія отъ нея. Такіе способы дѣйствительно существуютъ.

Намъ нѣтъ необходимости задаваться обширной и невыполнимой задачей. Требуя полноты въ поставленныхъ нами предположеніяхъ, мы можемъ ограничить поле нашего изслѣдованія тѣми ограниченными фактами, надъ которыми обыкновенно и оперируютъ положительныя науки. Каждый изъ методовъ индуктивнаго доказательства прилагается къ опредѣленной, ограниченной группѣ обстоятельствъ. Относительно этихъ группъ необходимо только знать два обстоятельства: 1) что причина изучаемаго явленія находится въ составѣ избранной группы обстоятельствъ и 2) что во взятыхъ группахъ явленій нѣтъ незамѣченныхъ нами обстоятельствъ. Выполненіе этихъ двухъ условій вполнѣ отвѣчаетъ, съ точки зрѣнія теоріи косвеннаго доказательства, требованію полноты поставленныхъ альтернативъ, такъ какъ альтернатива—причина находится въ изучаемыхъ

[1]) *Uphues*. Grundlehren der Logik, 20.

группахъ и все содержаніе этихъ группъ намъ извѣстно. Поэтому вопросъ сводится къ тому, насколько мы въ силахъ доказать, что въ выбранныхъ нами для изслѣдованія группахъ обстоятельствъ или явленій содержится искомая причина изслѣдуемаго явленія, или, наоборотъ, искомое дѣйствіе изслѣдуемой причины, и что въ выбранныхъ нами группахъ нѣтъ незамѣченныхъ или неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ.

По собственному признанію представителей индуктивной логики, „индуктивное изученіе причинъ и дѣйствій имѣетъ всегда болѣе или менѣе отвлеченный характеръ изученія простѣйшихъ элементовъ явленія, простѣйшихъ связей въ сложныхъ преемствахъ ихъ возникновенія и развитія, или, выражаясь языкомъ Д. С. Милля, „тончайшихъ волоконъ тѣхъ тканей, изъ которыхъ слагаются вещи и событія, составляющія природу“ [1]). „Общая правильность, говоритъ Милль, производится существованіемъ частныхъ правильностей. Порядокъ природы вообще постояненъ, потому что постояненъ ходъ каждаго изъ составляющихъ его явленій... Изъ этихъ отдѣльныхъ нитей, связывающихъ части великаго цѣлаго, которое мы называемъ природою, неизбѣжно образуется общая ткань, сдерживающая это цѣлое... Важно подвинуться настолько, чтобы видѣть въ изученіи природы изученіе законовъ, а не одного закона, изученіе единообразій во множественномъ числѣ; видѣть, что различныя естественныя явленія слѣдуютъ своимъ отдѣльнымъ правиламъ или способамъ наступленія, которые хотя чрезвычайно смѣшаны и спутаны другъ съ другомъ, но могутъ до нѣкоторой степени быть изучаемы отдѣльно; видѣть (обращаясь къ нашему прежнему сравненію), что существующая въ природѣ правильность есть ткань, состоящая изъ отдѣльныхъ нитей и понятная только слѣдящему за каждою нитью отдѣльно, для чего часто необходимо раздернуть часть ткани и обнаружить нити по одиночкѣ. Правила опытнаго изслѣдованія суть пріемы такого раздергиванія тканей“ [2]). По словамъ Бэна, „въ природѣ рѣдко бываетъ, чтобы *A* сопровождалось единственно *a*; если бы такое обособленіе было правиломъ, то экспериментальные методы не были бы необходимы“ [3]). Изъ этихъ словъ Бэна ясно, что индуктивные методы устанавливаютъ или доказываютъ причинную связь

---

[1]) *Троицкій*. Учебникъ логики, кн. II, стр. 177.
[2]) *Mill*. Logic, bk. III, ch. IV, § 1.
[3]) *Bain*. Logic, b. III, ch. VI, 2.

лишь между отдѣльными элементами сложныхъ явленій, а не между изолированными, обособленными явленіями. Для этой послѣдней цѣли методы не нужны; ибо коль-скоро одно изолированное явленіе сопровождается другимъ изолированнымъ же явленіемъ, то этого уже вполнѣ достаточно для непосредственнаго признанія между ними причинной зависимости. Такое непосредственное усмотрѣніе причинныхъ связей, прямо опирающееся на аксіому причинности, можетъ быть названо доказательствомъ причинныхъ зависимостей по способу *непосредственнаго причиненія.* Мы съ цѣлью устанавливаемъ для этого способа особый терминъ, такъ какъ въ послѣдующихъ разсужденіяхъ намъ придется упоминать о томъ непосредственномъ способѣ доказательства причинныхъ соотношеній, который мы обозначили нашимъ терминомъ непосредственнаго причиненія.

Итакъ, одно изъ самыхъ основныхъ положеній относительно примѣненія индуктивныхъ методовъ—это то, что они могутъ быть прилагаемы лишь къ элементамъ сложныхъ цѣлыхъ, а не къ изолированнымъ цѣлымъ. Посмотримъ, къ какому неизбѣжному логическому слѣдствію ведетъ это положеніе.

Если индуктивные методы примѣнимы лишь къ частнымъ элементамъ сложныхъ единствъ, то прежде ихъ примѣненія къ этимъ послѣднимъ необходимо знать, что тѣ аггрегаты предидущихъ и послѣдующихъ, между извѣстными элементами которыхъ устанавливается причинная зависимость, находятся, какъ цѣлыя, въ причинной зависимости одинъ отъ другаго. Иными словами, индуктивные методы могутъ служить для доказательства причинной связи между элементами лишь такихъ сложныхъ явленій, которыя завѣдомо уже находятся между собою въ отношеніи причины къ дѣйствію. Это требованіе обыкновенно упускается изъ виду индуктивною логикою, а между тѣмъ оно безусловно необходимо для логической основательности примѣненія индуктивныхъ методовъ, такъ какъ только тогда можемъ мы быть увѣрены, что искомая причина (или дѣйствіе) находится дѣйствительно въ избранныхъ нами группахъ явленій.

Начнемъ доказательство этого утвержденія съ метода остатковъ, въ которомъ его основательность наиболѣе очевидна.

Для примѣненія этого метода, какъ извѣстно, необходимы слѣдующія данныя: во-первыхъ, два сложныхъ явленія, изъ которыхъ одно по времени предшествуетъ другому, а во-вторыхъ—знаніе, что нѣкоторые опредѣленные элементы перваго явленія представляютъ, каждый порознь, причины нѣкоторыхъ опредѣленныхъ элементовъ

второго; изъ этихъ данныхъ дѣлается выводъ, что остаточные элементы перваго явленія составляютъ причину остаточныхъ элементовъ второго. Кромѣ того, Фоулеромъ указано еще одно требованіе, именно, чтобы было извѣстно, что сложныя явленія, къ элементамъ которыхъ примѣняется доказательство по методу остатковъ, стоятъ одно къ другому въ отношеніи причины къ дѣйствію [1]).

Это послѣднее требованіе вполнѣ основательно и безъ него невозможно разумное примѣненіе метода остатковъ. Дѣйствительно, предположимъ слѣдующее положеніе дѣла. Пусть, во-первыхъ, существуетъ рядъ предидущихъ: *ABC*, *DBC*, *EFG*, и рядъ послѣдующихъ: *abc*, *dbc*, *efg*; предположимъ, далѣе, что въ дѣйствительности *A* есть причина *a* и *D* есть причина *d*, но что мы этого не знаемъ; предположимъ еще, что изъ прежнихъ индукцій намъ извѣстно, что *B* производитъ *b*, а *C* производитъ *c*; предположимъ, наконецъ, что нашему наблюденію изъ всего числа антецедентовъ подпало только *DBC*, а изъ послѣдующихъ только *abc*. На основаніи этихъ данныхъ, по методу остатковъ въ его Милле-Бэновской формѣ, мы имѣемъ полное право сдѣлать заключеніе, что *D* есть причина *a*; заключеніе это, согласно нашему предположенію, невѣрно. Ошибка обусловлена именно тѣмъ, что *DBC* какъ цѣлое не составляетъ причины *abc* какъ цѣлаго, а есть по отношенію къ нему обстоятельство совершенно постороннее.

Такимъ образомъ, очевидно, для правильнаго и успѣшнаго примѣненія метода остатковъ необходимо знать, что тѣ цѣлыя явленія, причинная зависимость между остатками которыхъ доказывается методомъ, стоятъ между собою въ отношеніи причины и дѣйствія. Если мы просмотримъ тѣ примѣры, которые обыкновенно приводятся для поясненія метода остатковъ, то увидимъ, что во всѣхъ случаяхъ такое отношеніе соотвѣтствующихъ цѣлыхъ дѣйствительно имѣется и скрытно подразумѣвается.

Это же самое требованіе совершенно полносильно и по отношенію къ остальнымъ методамъ.

Въ методѣ совпаденія, для того чтобы изъ данныхъ *ABC*—*abc* и *ADE*—*ade* сдѣлать выводъ, что *A* есть причина *a*, необходимо знать, что *ABC* какъ цѣлое есть причина *abc* какъ цѣлаго, и *ADE* какъ цѣлое есть причина *ade* какъ цѣлаго. Если мы этого не знаемъ, то можемъ попасть въ слѣдующее затрудненіе. Предположимъ рядъ

---

[1]) *Fowler*. Inductive Logic, p. 173.

предидущихъ *ABC*, *ADE*, *FBC*, *FDE* и рядъ послѣдующихъ *abc*, *ade*, *fbc*, *fde*; предположимъ, далѣе, что въ дѣйствительности *A* есть причина *a* и *F* есть причина *f*, чего, однако, мы не знаемъ; предположимъ, наконецъ, что нашему наблюденію подпали случаи предидущихъ *ABC* и *ADE* и послѣдующихъ *fbc* и *fde*. Правило метода совпаденія уполномочиваетъ насъ сдѣлать ошибочный выводъ, что *A* есть причина *f*. Несоблюденіе указаннаго нами условія ведетъ къ тому ошибочному индуктивному заключенію, которое извѣстно въ логикѣ подъ именемъ post hoc ergo propter hoc и которое состоитъ въ признаніи причинными совершенно случайныхъ связей въ силу одной только временной послѣдовательности данныхъ двухъ явленій или обстоятельствъ. Достаточно какой нибудь случайной послѣдовательности повториться два раза при полномъ различіи сопровождающихъ обстоятельствъ, — и методъ совпаденія уполномочиваетъ насъ признать эту связь за причинную. Предположимъ, что между *A* и *a* существуетъ причинная зависимость и что такая же зависимость существуетъ между *B* и *b*; предположимъ далѣе, что въ нашемъ наблюденіи *A* и *B* случайно совпадаютъ съ обстоятельствомъ *α*, тогда какъ *a* и *b* также случайно совпадаютъ съ обстоятельствомъ *β*; въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть два случая предидущихъ *Aα* и *Bα* и два случая послѣдующихъ *aβ* и *bβ*. Слѣдуя указанію метода совпаденія, мы при этихъ данныхъ имѣемъ полное право признать причинную зависимость между *α* и *β*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ея не существуетъ. Здѣсь мы имѣемъ на лицо всѣ данныя, требуемыя правиломъ метода совпаденія: во-первыхъ, *два* случая преемства явленій; во-вторыхъ, два случая *преемства* явленій; въ-третьихъ, *сходство* обоихъ предидущихъ только въ *одномъ* обстоятельствѣ при полномъ, въ-четвертыхъ, *различіи въ остальныхъ* обстоятельствахъ. Подобныя ошибки весьма обычны въ обыденномъ мышленіи, но ими изобилуетъ и наука; уже Милль, разъясняя логическую ошибку post hoc ergo propter hoc, приводитъ цѣлый рядъ такихъ ошибокъ въ исторіи науки [1]).

Методъ различія, этотъ могущественнѣйшій методъ по признанію представителей индуктивной логики, также невозможенъ безъ предварительнаго убѣжденія въ причинной зависимости сложныхъ явленій, къ коимъ онъ примѣняется, или, иными словами, которыя ему необходимы въ качествѣ даннаго матеріала.

Для примѣненія этого метода, какъ извѣстно, необходимо имѣть

---

[1]) *Mill*. Logic, bk. V, ch. V, § 5.

два случая, изъ которыхъ каждый есть сложная группа предидущихъ, сопровождаемая другой группой послѣдующихъ, причемъ оба эти сложныя преемства явленій отличаются одно отъ другаго единственно лишь однимъ элементарнымъ преемствомъ, которое присутствуетъ въ одномъ случаѣ и отсутствуетъ въ другомъ. Далѣе, какъ тоже извѣстно, эти необходимые для метода случаи получаются экспериментально двумя способами: или введеніемъ въ данную группу предидущаго, предполагаемаго причиною, или устраненіемъ его изъ группы, въ которой онъ раньше присутствовалъ. При этомъ ожидается, что введеніе въ группу предидущихъ предполагаемой причины вызоветъ въ группѣ послѣдующихъ появленіе дѣйствія этой причины, и наоборотъ, — исключеніе причины изъ группы предидущихъ повлечетъ за собою исчезновеніе ея дѣйствія изъ группы послѣдующихъ. Все это справедливо только въ томъ случаѣ, если приступая къ введенію или исключенію извѣстнаго обстоятельства предидущаго и ожидая извѣстнаго измѣненія въ послѣдующемъ, мы знаемъ, что вся предидущая группа, въ которую вводится, или изъ которой выводится данное обстоятельство, есть причина всего послѣдующаго, въ которомъ мы ожидаемъ соотвѣтствующаго измѣненія. Имѣя антецедентъ *ABC* и исключая изъ него *A*, мы имѣемъ логическое право ожидать нѣкоторой перемѣны въ послѣдующемъ *abc* только въ томъ случаѣ, если *ABC* есть дѣйствительно причина *abc*. Если же указанное условіе не соблюдено, то методъ различія какъ по пріему введенія, такъ и по пріему исключенія, неоснователенъ, приводитъ обыкновенно къ отрицательнымъ результатамъ и потому совершенно безполезенъ. Предположимъ, что имѣемъ предидущее *BC* и послѣдующее *de*, совершенно независимыя одно отъ другаго; тогда какъ бы ни вносили мы обстоятельство *A* въ антецедентъ *BC*, мы не усмотримъ въ *de* появленія *a* или вообще какого нибудь измѣненія. Равнымъ образомъ, имѣя антецедентъ *ABC* и независимое отъ него послѣдующее *def*, мы, исключая *A* изъ *ABC*, не получимъ никакого измѣненія въ *def*. Такимъ образомъ, наше ожиданіе, что за произведенной экспериментально извѣстной перемѣной въ предидущемъ последуетъ соотвѣтствующее измѣненіе въ данномъ послѣдующемъ, можетъ быть логичнымъ лишь въ томъ случаѣ, если достовѣрно, что измѣняемое предидущее есть причина того послѣдующаго, въ которомъ ожидается измѣненіе.

Коль скоро указанное нами предварительное требованіе имѣетъ мѣсто по отношенію къ методамъ совпаденія и различія порознь, то,

очевидно, оно должно имѣть значеніе и для соединеннаго метода. Случаи, необходимые для примѣненія этого метода, какъ извѣстно, таковы: *ABC—abc*, *ADE—ade*, *BC—bc*, *DE—de*. Теоретическія соображенія о необходимости предварительнаго убѣжденія въ причинной зависимости между *ABC—abc* съ одной стороны и *ADE—ade*— съ другой здѣсь совершенно тѣ же, что и при методѣ совпаденія; что же касается явленій *BC—bc* и *DE—de*, то отсутствіе въ нихъ *a* при отсутствіи *A* только въ такомъ случаѣ можетъ говорить въ пользу причинной зависимости между этими обстоятельствами *A* и *a*, если *BC* есть причина *bc* и *DE*—причина *de*; въ противномъ же случаѣ у насъ не было бы никакого логическаго основанія ожидать, что отсутствіе *a* обусловлено именно отсутствіемъ *A*. Если *BC* и *bc* обстоятельства независимыя одно отъ другаго, то почему обособленность перваго изъ нихъ отъ событія *A*, а второго отъ событія *a* должна разсматриваться какъ обусловленная причинною зависимостью между *A* и *a*?

Наконецъ, остается методъ сопутствующихъ измѣненій. Этотъ методъ, какъ извѣстно, представляетъ собою лишь модификацію метода различія и подобно послѣднему признается полносильнымъ лишь въ случаяхъ экспериментальнаго примѣненія. Вмѣстѣ съ этимъ методъ сопутствующихъ измѣненій раздѣляетъ, по отношенію къ занимающему насъ теперь вопросу, участь метода различія. Для того, чтобы измѣняя послѣдовательно *A* въ аггрегатѣ *ABC* и наблюдая соотвѣтствующія измѣненія въ элементѣ *a* аггрегата *abc*, заключить, что *A* и *a* связаны закономъ причинности, необходимо быть увѣреннымъ, что измѣненія *a* обусловлены именно измѣненіями *A* и ничѣмъ инымъ, а это возможно лишь тогда, когда мы знаемъ, что аггрегатъ *ABC* есть причина аггрегата *abc*; иначе, если данные аггрегаты независимы одинъ отъ другаго, то легко можетъ случиться, что или за измѣненіями *A* въ аггрегатѣ *ABC* не послѣдуетъ измѣненій *a* въ аггрегатѣ *abc*, хотя бы въ дѣйствительности *A* и было причиною *a*; или же, если измѣненіе *a* и послѣдуетъ за измѣненіемъ *A*, то эта послѣдовательность можетъ быть независимою отъ причинной связи между *A* и *a*, которой въ дѣйствительности можетъ и не существовать, а обусловливаться случайнымъ совпаденіемъ. За примѣрами такихъ случайныхъ совпаденій ходить не далеко. „Въ природѣ вещей — говоритъ Джевонсъ,—нѣтъ ничего такого, что не допускало бы существованія двухъ измѣненій, которыя, повидимому, слѣдовали бы одному и тому же закону и однако же не имѣли бы никакой связи между собою.

Одна двойная звѣзда можетъ имѣть періодъ обращенія равный періоду обращенія другой двойной звѣзды, и по приведенному правилу (то-есть правилу метода сопутствующихъ измѣненій) движеніе одной должно быть причиною движенія другой, чего однако не можетъ быть на дѣлѣ. Еще лучшій примѣръ представляетъ движеніе луны. Мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ о томъ, что когда нибудь людямъ видна была другая сторона луны, чѣмъ та, которую мы видимъ теперь. Этотъ фактъ достаточно показываетъ, что въ теченіе историческаго періода вращеніе луны на ея собственной оси совпадало съ ея обращеніями вокругъ земли. Доказываетъ-ли это совпаденіе, что здѣсь существуетъ отношеніе причины и дѣйствія? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный, потому что между этими движеніями можетъ сущствовать такое малое несогласіе, что еще не было достаточно времени, чтобы получилось какое нибудь замѣтное дѣйствіе" [1]).

Итакъ, мы разсмотрѣли поочередно всѣ индуктивные методы доказательства и пришли къ заключенію, что уже ранѣе примѣненія этихъ методовъ необходимо должны существовать доказанныя причинныя соотношенія. Очевидно, что эти предварительныя причинныя зависимости не могутъ быть доказаны ни по одному изъ индуктивныхъ методовъ, и, стало быть, нуждаются для своего доказательства въ какихъ нибудь особыхъ методахъ. Этимъ опровергается взглядъ Милля на установленные имъ индуктивные методы какъ на единственные методы доказательства причинныхъ зависимостей. А такъ какъ кромѣ индуктивныхъ методовъ индуктивная логика знаетъ лишь два способа доказательства причинныхъ зависимостей, а именно, индукцію черезъ простое перечисленіе и методъ непосредственнаго причиненія, то, очевидно, доказательство индуктивными методами должно опираться на предварительное примѣненіе одного изъ этихъ способовъ. Но методъ непосредственнаго причиненія, хотя самъ по себѣ и вполнѣ доказательный, примѣнимъ, какъ это признаетъ и Бэнъ, крайне рѣдко. Остается, слѣдовательно, индукція чрезъ простое перечисленіе, которая, какъ правило, и должна примѣняться къ доказательству причинной зависимости между изслѣдуемыми сложными группами явленій. Но этотъ способъ доказательства самими представителями индуктивной логики признается ненаучнымъ, мало доказательнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что доказательство причинной зависимости между сложными группами опирается на весьма шаткомъ основаніи.

---

[1]) *Джевонсъ*, Основы науки, стр. 454.

А такъ какъ единственный способъ убѣдиться, что искомая причина или искомое дѣйствіе находятся въ составѣ изслѣдуемыхъ группъ,— это доказать причинную зависимость между этими группами, то, стало быть, при примѣненіи индуктивныхъ методовъ къ ограниченнымъ группамъ явленій, всегда есть мѣсто сомнѣнію, содержатся-ли искомыя явленія въ составѣ избранныхъ нами группъ.

Равнымъ образомъ, трудно доказать и другое положеніе, необходимое для основательности большей посылки косвеннаго раздѣлительнаго доказательства, въ формѣ котораго происходитъ доказательство индуктивными методами, именно положеніе, что въ изучаемыхъ, по методамъ, группахъ обстоятельствъ не заключается какого нибудь обстоятельства, незамѣченнаго нами. Если мы прилагаемъ методы къ какимъ нибудь сложнымъ явленіямъ А и В, которыя предполагаемъ состоящими изъ элементовъ: А — изъ *ACD*, В—изъ *BEF*, то мы должны быть увѣрены, что въ нихъ нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ, которые были бы упущены нами изъ виду. Мы уже видѣли, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ вести упущеніе изъ виду причастныхъ къ дѣлу обстоятельствъ при примѣненіи индуктивныхъ методовъ.

Но единственный способъ доказательства эмпирическимъ путемъ, что кромѣ усмотрѣнныхъ нами обстоятельствъ не существуетъ никакихъ иныхъ, которыя могли бы имѣть отношеніе къ данному вопросу, — это ненаблюденіе такихъ обстоятельствъ. Но ненаблюденіе явленія не всегда можетъ быть доказательствомъ, что его не существуетъ. Въ наукѣ можно найдти не мало примѣровъ того, какъ заключенія, выведенныя изъ того, что нѣкоторые частные факты или явленія не были наблюдаемы, при болѣе обширномъ и тщательномъ изслѣдованіи оказывались ложными [1]). „Для того, чтобы отрицательный аргументъ, основанный на ненаблюденіи предмета, имѣлъ сколько нибудь значительную силу, нужно показать вѣроятность того, что если бы предметъ существовалъ, то онъ былъ бы замѣченъ и наблюдаемъ; и эта вѣроятность опредѣляетъ цѣну отрицательнаго заключенія“ [2]). Такимъ образомъ при доказательствѣ индуктивными методами предположеніе, что нами приняты во вниманіе всѣ относящіяся къ дѣлу обстоятельства, никогда не можетъ быть достовѣрнымъ, а только болѣе или менѣе вѣроятнымъ, то-есть никогда не доказаннымъ. Поэтому мы никогда не можемъ быть увѣрены въ области индуктив-

---

[1]) *Джевонсъ*. Основы науки, стр. 386.

[2]) *Джевонсъ*. Основы науки, стр. 388.

ныхъ изысканій, исчерпали-ли мы всѣ возможности. А если такъ, то наше косвенное доказательство не обладаетъ всѣмъ количествомъ доступной ему доказательности.

Такимъ образомъ оба положенія, существенно важныя для доказательности индуктивныхъ методовъ, — именно положенія, что намъ извѣстенъ сполна составъ избранныхъ нами группъ явленій и что искомая причина или искомое дѣйствіе находятся въ этомъ составѣ,— никогда не могутъ быть доказаны съ полною достовѣрностью, а ихъ недоказанность существенно подрываетъ доказательную силу индуктивныхъ методовъ.

Л. Рутковскій.

„ПРАВИЛА ПІИТИЧЕСКІЯ“ АПОЛЛОСА БАЙБАКОВА.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка значительнымъ успѣхомъ пользовалось въ русской литературѣ руководство по теоріи поэзіи, составленное профессоромъ поэзіи въ Московской Славяно-греко-латинской Академіи Андреемъ *Байбаковымъ*, бывшимъ впослѣдствіи, по принятіи иночества съ именемъ Аполлоса, архимандритомъ и ректоромъ той же Академіи, а затѣмъ епископомъ орловскимъ, позднѣе архангельскимъ [1]. Названное руководство было первымъ цѣльнымъ печатнымъ курсомъ теоріи поэзіи въ Россіи, если не считать „Епистолы о стихотворствѣ“ Сумарокова и разсужденій Тредіаковскаго, не преслѣдовавшихъ полнаго, систематическаго изложенія теоріи поэзіи [2]. Руководство Байбакова переиздавалось въ теченіе свыше пятидесяти лѣтъ, и при жизни автора, и по его смерти († 1801): въ каталогѣ Смирдина означены 10 изданій, отъ 1774 до 1826 г. Какъ учитель Московской Академіи и воспитанникъ ея, онъ писалъ свою книжку прежде всего для воспитанниковъ этой Академіи и примѣнительно къ потребностямъ и практикѣ духовной школы; скоро она вводится въ качествѣ учебника и въ другія школы [3], и вообще

---

[1] *Смирновъ*, Исторія Московской Слав.-гр.-лат. Академіи, 355.

[2] Въ предисловіи авторъ мотивируетъ появленіе своего труда именно отсутствіемъ подобныхъ сочиненій: „правила г. Тредіаковскаго... рѣдки, неполны и дороги“.

[3] По введеніи печатныхъ учебниковъ въ 1776 г. въ Кіевской Академіи, книжка Байбакова употребляется и въ этой послѣдней (*Макарій*, Исторія Кіевской Академіи, 151). Въ Исторіи Тверской духовной семинаріи г. *В. Колосова* (Тверь, 1889, стр. 250) есть указаніе на употребленіе ея въ означенной семинаріи въ 1802 г. Латинскій курсъ Ѳеофана Прокоповича былъ напечатанъ уже послѣ 3-го изданія „Правилъ“ Байбакова.

получаетъ большую извѣстность. Такая судьба книжки, какъ и личность ея автора, одного изъ видныхъ людей [1]), своего времени, дѣлаетъ ее достойною вниманія историка, тѣмъ болѣе, что она относится къ той порѣ, когда теорія поэзіи вообще была въ модѣ и оказывала вліяніе и на критику и на самую литературу.

Интересъ названнаго учебника увеличивается нѣсколько своеобразнымъ положеніемъ его среди различныхъ современныхъ сочиненій по данному предмету. Надо замѣтить, что въ области теоріи поэзіи въ то время можно различить два основныя теченія; различаются они обыкновенно недостаточно ясно, какъ и вообще судьба теоріи поэзіи въ русской литературѣ изучена еще недостаточно, хотя въ силу указаннаго вліянія и представляетъ извѣстный интересъ. Одно изъ этихъ теченій шло изъ Кіевской Академіи въ Московскую Академію и другія духовныя школы; по обычной терминологіи его можно назвать *схоластическимъ*; оно представлено многочисленными курсами „піитики", составленными учителями „поэзіи" въ этихъ школахъ. Другое теченіе основывалось главнымъ образомъ на французскихъ образцахъ: и на произведеніяхъ французской литературы, и на теоретическихъ сочиненіяхъ; теченіе это связано со свѣтскою русскою литературой, развитіе которой начинается около середины XVIII вѣка, и которая была офиціально признаваема; его принято называть *ложноклассическимъ*.

И это послѣднее направленіе теоріи поэзіи разработано довольно мало (надо замѣтить, что изученіе исторіи западно-европейскихъ теоретическихъ воззрѣній, лежавшихъ въ основѣ русскихъ теорій, также подвинуто еще незначительно); еще менѣе извѣстны школьныя руководства и курсы, уже потому, что сохраняются они по большей части въ рукописяхъ и рѣдко описаны съ большею или меньшею обстоятельностью. Изданъ едва ли не одинъ только курсъ Ѳеофана Прокоповича, читанный имъ въ Кіевской Академіи на латинскомъ языкѣ въ 1705 году; изданъ онъ значительно позднѣе, въ 1786 г., Георгіемъ Конисскимъ, не съ научными, а съ практическими цѣлями. Всего болѣе свѣдѣній о кіевской школьной піитикѣ сообщено Н. И. Петровымъ въ его извѣстныхъ статьяхъ. „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи" [2]); немногочислен-

[1]) Онъ былъ членомъ Россійской Академіи и помимо своихъ „Правилъ Піитическихъ" извѣстенъ сочиненіями и переводами различныхъ книгъ богословскаго и нравственно-назидательнаго характера, а также грамматики. О немъ см. *М. И. Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи, I, 198—230.

[2]) Тр. К. Дух. Акад., 1866—1868.

ныя, но весьма цѣнныя указанія и замѣчанія сдѣланы были Н. С. Тихонравовымъ [1]); нѣкоторыя общія свойства схоластической теоріи отмѣчались и другими изслѣдователями, напримѣръ, П. О. Морозовымъ [2]), указывавшимъ, подобно названнымъ выше авторамъ, на преобладающее формальное направленіе школьныхъ руководствъ, мало говорившихъ о содержаніи произведеній, а останавливавшихся на внѣшнихъ признакахъ и доходившихъ до смѣшнаго въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя данныя о кіевской піитикѣ сообщены и пр. Макаріемъ въ „Исторіи Кіевской Академіи".

По приведеннымъ у этихъ изслѣдователей даннымъ можно уже судить до извѣстной степени объ отношеніи между двумя вышеуказанными направленіями; но полной характеристики ихъ не было сдѣлано, не было формулировано и ихъ взаимоотношеніе; а потому весьма часто различіе между ними не сознается вполнѣ ясно; преимущественно это касается ученія объ отдѣльныхъ родахъ поэзіи, ученія, игравшаго особенно важную роль и пользовавшагося большимъ вниманіемъ. Наиболѣе подчеркнуто различіе между указанными направленіями М. И. Сухомлиновымъ, и именно по поводу руководства Аполлоса Байбакова; говоря о послѣднемъ, какъ членѣ Россійской Академіи, и коснувшись между прочимъ, въ числѣ другихъ его сочиненій, „Правилъ піитическихъ", М. И. Сухомлиновъ указываетъ ихъ источники въ теоретическихъ сочиненіяхъ Тредіаковскаго, который первый вводилъ въ русскую литературу новую западно-европейскую теорію, а съ другой стороны—въ старыхъ схоластическихъ піитикахъ, и отмѣчаетъ, что Байбаковъ, заимствовавъ у Тредіаковскаго перечень родовъ поэзіи и другія частности, остался однако на почвѣ прежней схоластической теоріи въ проведеніи чисто внѣшняго взгляда на поэзію, какъ стихотворное искусство, взгляда, надъ которымъ Тредіаковскій уже возвысился [3]). Въ болѣе частное разсмотрѣніе отношенія Байбакова къ обоимъ направленіямъ и этихъ послѣднихъ другъ къ другу, особенно въ области ученія о свойствахъ отдѣльныхъ родовъ поэзіи, онъ не входитъ.

А. Н. Пыпинъ, указывая на начало *новой* литературы, ложноклассической, около середины XVIII вѣка и противополагая ее

---

[1]) Въ статьѣ: Трагедо-комедія Θеофана Прокоповича „Владиміръ" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1879, 5; срв. Сочиненія, II, 93—119).

[2]) Θеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб., 1880, стр. 98—100.

[3]) Ист. Росс. Акад., I, 204—206.

старой, однако же относительно школьной литературы скорѣе подчеркиваетъ черты ея сходства, а не различія съ ложноклассическою, видя въ ней подготовку къ послѣдней [1]); въ наукѣ теоріи словесности тѣмъ болѣе: замѣтивъ, что объясненія Тредіаковскаго были на русскомъ языкѣ „первыми въ своемъ родѣ", г. Пыпинъ добавляетъ: „Правда, въ преподаваніи духовныхъ академій уже раньше излагалась реторика и піитика на очень близкихъ основаніяхъ, потому что онѣ также были въ существѣ ложноклассическими"; различіе авторъ видитъ въ томъ, что „во-первыхъ, преподаваемыя на латинскомъ языкѣ, онѣ не выходили за стѣны школьныхъ святилищъ, а, во-вторыхъ, не выходили также изъ рамокъ латинско-схоластическаго содержанія и совсѣмъ не знали о дальнѣйшемъ развитіи псевдоклассицизма въ новой европейской литературѣ" [2]), но въ обстоятельное разъясненіе этого различія также не входитъ. Не дѣлаетъ этого и П. И. Петровъ, сообщившій собственно о кіевской піитикѣ довольно много данныхъ въ указанныхъ выше статьяхъ.

Изъ другихъ новѣйшихъ изслѣдованій укажу на статью г. Круглаго: О теоріи поэзіи въ русской литературѣ XVIII вѣка [3]), гдѣ авторъ, касаясь вопроса о пониманіи въ XVIII вѣкѣ общихъ задачъ поэзіи, а отчасти и ученія о родахъ поэтическихъ, одинаково ссылается и на рукописныя школьныя піитики, и на сочиненія, относящіяся къ направленію ложноклассическому.

Разница между обѣими теоріями обусловливалась уже ихъ происхожденіемъ; какъ указано А. Н. Пыпинымъ, схоластическая теорія восходитъ къ болѣе древнему времени, чѣмъ ложноклассическая. Правда, обѣ онѣ имѣютъ одну общую исходную точку: это—эпоха западно-европейскаго Возрожденія; но пути развитія, а равно и пути перехода ихъ въ русскую литературу были различны. Схоластическая теорія примыкаетъ къ теченію, которое въ болѣе чистомъ видѣ сохраняло преданія литературныхъ теорій XVI вѣка, того, что̀ ближайшимъ образомъ означается терминомъ „Поэтики Возрожденія"; теченіе это было главнымъ образомъ усвоено въ Германіи и поддерживалось по преимуществу въ духовныхъ школахъ, особенно іезуитскихъ;

---

[1]) Ист. Русск. Словесности, III, 431: „античная подкладка псевдоклассицизма была знакома тѣмъ, кто проходилъ кіевскую и московскую академическую школу".

[2]) Тамъ же, 447—448.

[3]) Изъ Отчета училища св. Анны, 1892—1893 г.

отсюда оно перешло въ Польшу, а при устройствѣ Кіевской Академіи по образцу латинскихъ школъ запада и при усвоеніи ею ихъ программъ и методовъ преподаванія была принята въ ней и укрѣпившаяся у іезуитовъ теорія поэзіи; она изучалась, какъ извѣстно, въ особомъ классѣ поэзіи. При этомъ оставался въ силѣ авторитетъ старыхъ теоретическихъ сочиненій XVI вѣка, и составители новыхъ руководствъ нерѣдко обращались непосредственно къ нимъ, какъ къ своимъ источникамъ; къ XVI вѣку относятся три главныхъ сочиненія этого рода: „De arte Poetica“ Іеронима *Виды*, „Poetices libri VII“ Юлія Цезаря *Скалигера* и „Institutio Poetica“ іезуита Іакова *Понтана* [1]); русскіе кіевскіе курсы послѣднія два изъ названныхъ сочиненій цитируютъ нерѣдко и относятся къ нимъ, какъ къ величайшимъ авторитетамъ. Перейдя изъ Италіи во Францію, поэтика Возрожденія получила тамъ дальнѣйшее развитіе и съ тѣмъ вмѣстѣ подверглась значительнымъ измѣненіямъ; этотъ процессъ продолжается до половины XVIII вѣка, когда французская теорія, называемая ложноклассическою, является въ законченномъ, систематическомъ видѣ въ трудѣ аббата Batteux [2]), извѣстная стихотворная поэтика Boileau, L'art poétique (1674 г.), въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще связана со старой поэтикой Возрожденія [3]). Ложноклассическая теорія распространяется изъ Франціи также по другимъ странамъ Европы; главными авторитетами являются Корнель, Буало, Баттс, а позднѣе еще Вольтеръ. Въ Россіи начало ложноклассической теоріи, критики и литературы полагаютъ Тредіаковскій (особенно переводомъ піитики Буало), Ломоносовъ, Сумароковъ и учредители новаго театра, на французскій образецъ.

Имѣя въ виду разсмотрѣть вышеупомянутый учебникъ Байбакова, я не задаюсь въ настоящемъ очеркѣ цѣлью вполнѣ характеризовать оба направленія, ихъ судьбу въ русской литературѣ и взаимоотношеніе; но, опредѣляя источники названнаго учебника и его мѣсто среди этихъ направленій, я долженъ буду въ извѣстной степени коснуться этого вопроса, насколько поводъ къ тому даетъ самъ учебникъ.

---

[1]) Cf. K. *Borinski*, Die Poetik der Renaissance und die Anfänge der literarischen Kritik in Deutschland (Berlin, 1886), 14.

[2]) Principes de la littérature. У меня подъ руками „Nouvelle édition“, vol. 1—5, 1764 г.—Русскій переводъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями сдѣланъ Дм. *Облеуховымъ*: Начальныя правила словесности, т. 1—4. М. 1807.

[3]) Ср. *Borinski*, op. cit., 328.

Мнѣ знакомы два изданія книжки: первое (1774) и четвертое (1790). Существенной разницы между ними нѣтъ; въ 4-мъ изданіи приведено гораздо болѣе примѣровъ, главнымъ образомъ изъ книгъ, написанныхъ самимъ авторомъ послѣ перваго изданія [1]); многія стихотворенія, особенно собственнаго сочиненія, приведены въ выдержкахъ или даже цѣликомъ [2]).

Первое изданіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Правила Піитическія въ пользу юношества, обучающагося въ Московской Славено-греко-латинской академіи въ Заиконоспаскомъ монастырѣ. Выбранныя и въ Вольномъ Россійскомъ Собраніи, что при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ одобренныя. Собралъ изъ разныхъ мѣстъ Моск. Ак. Поезіи Учитель и тогожъ Собранія Почетный Членъ Андрей Байбаковъ“ 1774 года[3]).

Заглавіе 4-го изданія: „Правила Піитическія, о стихотвореніи Россійскомъ и Латинскомъ со многими противъ прежняго прибавленіями: съ пріобщеніемъ Піитико-Историческаго Словаря... и при концѣ отборные Пуб. Виргилія Марона стихи. Въ пользу юношества, обучающагося Поезіи въ Московской Славено-греко-латинской Академіи, и для всѣхъ Россійскаго Стихотворенія Любителей“. Съ этимъ послѣднимъ почти буквально совпадаетъ заглавіе 3-го изданія.

Руководство Байбакова дѣлится на два „члена“.

Членъ первый (по первому изданію стр. 5 — 20), не имѣющій особаго заглавія, посвященъ общимъ вопросамъ о поэзіи; второй (стр. 21—32) озаглавленъ: „О разныхъ поезіи видахъ“.

Въ началѣ изложенія находимъ опредѣленіе поэзіи: „*поезія*, или *стихотворство* есть наука всякую вещь или данную матерію, метрически, или по мѣрѣ стопъ описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымысломъ къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ“. Далѣе опредѣляются понятія поэмы, поэта, піитики: „Поета, піита, піитъ“—„писатель стихотворческихъ сочиненій“; поема—„са-

---

[1]) Евгеонитъ, или созерцаніе въ натурѣ видимыхъ Божіихъ дѣлъ. М. 1782. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой книгѣ у М. И. Сухомлинова, назв. соч., I, 211—214.

Вѣра, Надежда и Любовь, ученія Богословскаго составъ. М. 1782.

Кто есть истинный другъ, иносказательное съ правоученіемъ описаніе. М. 1783.

[2]) Судя по приведеннымъ у М. И. Сухомлинова выдержкамъ изъ 3-го изданія (1785 г.), которымъ онъ пользовался, можно думать, что 3-е и 4-е изданіе были вполнѣ или почти тождественны.

[3]) Въ выдержкахъ изъ учебника Байбакова сохраняю правописаніе автора.

мое сочиненіе; а наука сочинять поемы—поезія, піитика или стихотворство".

Такое основное опредѣленіе поэзіи и такое пониманіе ея существенныхъ чертъ и задачъ — вообще въ духѣ старыхъ руководствъ по теоріи поэзіи: оно близко къ тѣмъ, какія мы находимъ въ піитикахъ и ложноклассическихъ и схоластическихъ. Понятія вымысла, подражанія, стихотворной формы, далѣе—пользы и увеселенія читателей — всегда фигурировали у теоретиковъ поэзіи, хотя въ самое опредѣленіе и не всегда вводились. Но въ опредѣленіе Байбакова не входитъ одно понятіе, обычное у теоретиковъ ложноклассицизма, именно подражаніе *природѣ*. Отсутствіе такого ограниченія понятія подражанія, отличая Байбакова отъ ложноклассиковъ, съ другой стороны сближаетъ его съ авторами піитикъ старой Кіевской Академіи и очевидно явилось у него по наслѣдству отъ послѣднихъ. Московская Академія, устраивавшаяся по образцу Кіевской, усваивала методы преподаванія и научныя воззрѣнія и вообще организацію, господствовавшія въ ней [1]). Вполнѣ естественно ожидать въ Московской школѣ подражанія Кіеву и въ области преподаванія піитики, одной изъ весьма важныхъ и любимыхъ дисциплинъ старой Академіи, между прочимъ и со стороны Байбакова, преподававшаго „поэзію" въ Московской Академіи. Что касается кіевскихъ піитикъ, то, кромѣ указаній и выдержекъ, приводимыхъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся этого предмета [2]), я имѣлъ подъ руками цѣльные курсы: печатный—піитики Өеофана Прокоповича, и рукописный—Лаврентія Горки (на латинскомъ же языкѣ [3])); послѣдній былъ уже цитированъ Н. С. Тихонравовымъ въ извѣстной статьѣ о „Владимірѣ" Прокоповича. Надо замѣтить, что Горка очень близокъ къ Прокоповичу и мѣстами дословно его повторяетъ.

Самый пріемъ — начинать изложеніе съ опредѣленія понятій поэзіи, поэмы, поэта—мы находимъ въ этихъ кіевскихъ образцахъ. Что касается *подражанія*, то употребляя это слово (какъ неизмѣнно употребляли его всѣ теоретики, слѣдуя древнимъ, главнымъ образомъ Аристотелю и Горацію), они почти не говорятъ о подражаніи природѣ, мысль о которомъ столь выдвигается хотя бы у Boileau [4]);

[1]) *Смирновъ*, назв. соч., 78 слл.

[2]) См. выше.

[3]) Idea artis poeseos, 1707 г. (рукопись Кіевской Духовной Академіи, о. 4, 7).

[4]) Говоря ближайшимъ образомъ о русской литературѣ, я могу тѣмъ не менѣе ссылаться я на главные кодексы западной піитики, главнымъ же образомъ

вмѣсто того они прямо говорятъ о подражаніи *образцамъ*; очевидно введеніе понятія подражанія имѣетъ чисто школьное значеніе: „imitatio“ есть простое руководящее правило для обучающихся поэзіи, которые должны подражать прежнимъ, признаннымъ образцовыми, поэтамъ [1]). Вообще же о подражаніи они не распространяются, а болѣе выдвигаютъ понятія вымысла и стиха (fictio et carminis artificium).

Для Байбакова и вымыселъ и подражаніе не имѣютъ особо важнаго значенія; это видно уже изъ даннаго имъ опредѣленія, которое прежде всего говоритъ о метрическомъ описаніи „всякой вещи“. Далѣе говорится о матеріалѣ поэзіи: „матерія поезіи состоитъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ истинныхъ или вымышленныхъ и во всѣхъ вещахъ, чувствамъ подлежащихъ“. Правда, затѣмъ опять упоминается про вымыселъ и подражаніе: „*сущность* поезіи и душа состоитъ въ замысловатой выдумкѣ (in fictione), пользу приносящей, и въ подражаніи, по стопамъ измѣряемомъ“. Но какъ точнѣе понимать здѣсь оба выраженія, въ какомъ отношеніи между собою должны находиться начала подражанія и вымысла, не объясняется; а въ дальнѣйшемъ авторъ больше не занимается ими, сводя всѣ общія замѣчанія о поэзіи къ правиламъ просодіи, стихотворства, къ этому „измѣренію стопъ“. И въ этомъ отношеніи онъ расходится съ ложноклассическими теоретиками, посвящающими общую часть своей поэтики замѣчаніямъ о характерѣ и сущности подражанія природѣ, о содержаніи поэтическихъ вымысловъ; таковы разсужденія Boileau о вѣрности здравому смыслу, о правдоподобіи, Batteux объ изящной природѣ [2]).

на сочиненія Boileau и Batteux, мысли которыхъ, благодаря переводамъ и подражаніямъ, усваивались образованными русскими людьми и оказывали вліяніе на нашу литературу. У насъ о „подражаніи естеству“ говорилъ уже Тредіаковскій („Предъизъясненіе“ къ Тилемахидѣ).

[1]) *Прокоповичъ*, De arte poëtica, lib. III, cap. 9 (De imitatione). Подражаніе природѣ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ піитикѣ 1696 г., „Lyra“, но это понятіе для автора имѣетъ другое значеніе, чѣмъ для Boileau; подражаніе природѣ то же, что „вымыселъ“ (ср. у Прокоповича: fictio seu imitatio, lib. III, c. 3), и выводовъ ложноклассической теоріи о правдоподобіи изображенія, отсюда не дѣлается.

[2]) На русскомъ языкѣ ложноклассическій въ своей основѣ „Словарь древней и новой Поэзіи“ *Остолопова*, изданный уже въ 1821 году, вслѣдъ за французскими учителями разсуждаетъ объ изящной природѣ и о подражаніи ей, о правдоподобіи (II, 404); опредѣляетъ поэзію, какъ вымыселъ, основанный на подражаніи природѣ изящной и выраженный словами, расположенными по извѣстному

Кіевскія руководства не развиваютъ этихъ мыслей; они трактуютъ въ своей общей части о различныхъ „украшеніяхъ“ слога, о сравненіяхъ, аллегоріяхъ, олицетвореніяхъ и т. п., о всевозможныхъ риторическихъ пріемахъ [1]); къ этимъ украшеніямъ и частностямъ они и сводятъ „вымыселъ“, устанавливая такимъ образомъ для него схемы.

Байбаковъ опускаетъ и эти разсужденія; сходится же онъ съ кіевскими авторами въ томъ, что сосредоточиваетъ вниманіе также на внѣшнихъ пріемахъ изложенія, правда, на другой сторонѣ дѣла, на просодіи. Впрочемъ и старая схоластическая поэтика хотя не въ этомъ мѣстѣ, но въ другихъ трактовала немало о стихосложеніи и придавала весьма важное значеніе въ поэзіи стиху [2]); развитіе школьныхъ стихотворческихъ упражненій фактъ общеизвѣстный. Такимъ образомъ. Байбаковъ, излагая здѣсь ученіе о стихосложеніи, оставался вѣренъ духу схоластической поэтики.

Историческая пора, когда преподавалъ и писалъ Байбаковъ, заставила его сдѣлать шагъ впередъ, сравнительно съ кіевскими руководствами: послѣднія имѣли въ виду прежде всего стихи латинскіе и примѣры брали изъ латинскихъ произведеній, но затѣмъ все болѣе обращали вниманіе на стихи польскіе, съ примѣрами изъ польскихъ поэтовъ, а потомъ и на русскіе, давая имъ все болѣе и болѣе мѣста

размѣру (II, 400); главную же сущность поэзіи видитъ не въ стихѣ, а въ „вымыслѣ или творчествѣ, подражающемъ изящной природѣ“ (II, 403). Уже первый переводчикъ Буало старался объяснять поэзію не какъ одну стихотворную форму, и М. И. Сухомлиновъ справедливо указываетъ, что въ этомъ случаѣ Байбаковъ сдѣлалъ шагъ назадъ, придерживаясь старыхъ школьныхъ теорій и отказавшись слѣдовать Тредіаковскому. Въ мою задачу въ настоящее время не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ разсужденій ложноклассической поэтики: я лишь отмѣчаю (и здѣсь, и ниже) пункты и вопросы, выдвигаемые въ ней и игнорируемые разбираемыми „Правилами“, а по большей части и вообще школьною поэтикой.

[1]) Comparatio, laudatio, vituperatio; fabula; пріемы descriptionis et narrationis (Прокоповичъ, lib. I, c. 7—8); образцомъ и авторитетомъ служитъ Aphthonius sophista; такимъ образомъ здѣсь поэтика тѣсно связывается съ риторикой.

[2]) Ложноклассическія теоріи, хотя и считали стихъ непремѣнною принадлежностью поэзіи, правилами стихотворства не занимались; такъ въ наиболѣе авторитетныхъ западныхъ теоріяхъ, Буало и Батте. Изъ русскихъ, уже довольно позднихъ подражателей Батте, Рижскій, дополнившій впрочемъ свою „Науку стихотворства“ (С.-Пб., 1811) изъ другихъ, болѣе новыхъ, источниковъ, вводитъ нѣкоторыя замѣчанія о ритмѣ, риѳмѣ, о сладкозвучіи, о нѣкоторыхъ стопахъ, но—что для насъ въ данномъ случаѣ является любопытнымъ — отсылаетъ читателей по этому вопросу къ руководству Байбакова, не вдаваясь самъ въ подробности (стр. 26).

и наконецъ поставивъ ихъ на ряду съ латинскими [1]). Но нашъ авторъ, писавшій въ пору, когда русская поэзія развилась и пользовалась славой, уже перемѣщаетъ центръ своего вниманія: онъ имѣетъ въ виду русское стихотворство по преимуществу и примѣры беретъ изъ русскихъ поэтовъ. Въ Московской Академіи упражненія въ стихотворствѣ на русскомъ языкѣ ставились очевидно уже не ниже латинскихъ. Не рѣшившійся вполнѣ устранить изъ своего руководства латинской просодіи, Байбаковъ однако отвелъ ей второе мѣсто, въ видѣ прибавленія въ концѣ книги. Въ русскомъ языкѣ, согласно уже утвердившемуся обычаю, Байбаковъ признаетъ лишь тоническое стихосложеніе: „мнѣніе тѣхъ, которые хотятъ, дабы стихи наши сочиняемы были по подобію Латинскихъ и Греческихъ, принято быть не можетъ; ибо мы не имѣемъ прозодіи или словъ-ударенія количественнаго, (quantitativam), но одну *Тоническую, или ударятельную*" (стр. 6). Ниже впрочемъ онъ добавляетъ, правда очень краткія, замѣчанія „о стихахъ, слогами бывающихъ" [2]).

Усвоивъ идею тоническаго стихосложенія, Байбаковъ и дальнѣйшія свои правила позаимствовалъ изъ разсужденія своего предшественника въ дѣлѣ теоретическаго обоснованія этого стихосложенія въ русской литературѣ, изъ „Способа къ сложенію россійскихъ стіховъ" (главнымъ образомъ изъ 2—5 главъ).

Примѣры, какъ въ ученіи о стихосложеніи, такъ и во второмъ „членѣ" руководства, берутся изъ сочиненій главныхъ русскихъ писателей того времени: Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и др. Кромѣ того, въ позднѣйшихъ изданіяхъ они берутся авторомъ изъ стиховъ духовнаго содержанія, находящихся въ его собственныхъ сочиненіяхъ: „Евгеонитъ", „Вѣра, Надежда и Любовь", „Кто истинный другъ"; приводятся также стихотворенія, по тому или другому поводу сочиненныя въ духовной школѣ: очевидно, тамъ вошли уже къ этому времени въ моду также тоническіе стихи; таковы, напримѣръ, стихи „на пришествіе въ Лавру".

Ученіе о стихѣ, о стопахъ, строфѣ, риѳмѣ, цезурѣ въ общемъ повторяетъ Тредіаковскаго, съ незначительными отличіями, не касающимися сущности дѣла (напримѣръ, у Тредіаковскаго различные виды стиховъ распредѣлены сперва по количеству стопъ въ стихѣ, а за-

---

[1]) *Н. И. Петровъ*, Т. К. Д. А, 1866—1867, 322—330.

[2]) По указанію Н. И. Петрова, уже до Байбакова кіевская піитика 1767 г. сознательно излагаетъ теорію тоническаго стиха (Т. К. Д. А., 1866—1867, 330).

тѣмъ по ихъ качеству: гексаметръ хореическій, ямбическій, дактило-хореическій и т. п., далѣе пентаметръ тѣхъ же видовъ, тетраметръ и т. д.; у Байбакова наоборотъ, прежде разсматриваются стихи хореическіе: гексаметры, пентаметры и т. д., далѣе ямбическіе стихи тѣхъ же видовъ, дактило-хореическіе и т. д.). Изъ того же, а также и изъ другихъ сочиненій Тредіаковскаго взяты и многіе примѣры (напримѣръ, для образца хореическихъ стиховъ выписано стихотвореніе Тредіаковскаго о Ѳебѣ и Музахъ [1]); кромѣ того, примѣры авторъ почерпалъ изъ Сумарокова, Ломоносова, а въ позднѣйшихъ изданіяхъ изъ своихъ собственныхъ сочиненій; между прочимъ, онъ упражнялся въ сочиненіи русскихъ гексаметровъ и пентаметровъ, повторяя вслѣдъ за Тредіаковскимъ мысль о сродности нашего языка къ этого рода стихамъ. Такъ онъ приводитъ изъ книги „Вѣра, Надежда, Любовь“ довольно большую выдержку (4-е изданіе, стр. 23):

Воспряни отъ сна, о душе! и потщися узнати
 Непонятныхъ судебъ истину и глубину...
Душу небесную кто тебѣ далъ сопряженную съ тѣломъ,
 Со смиреніемъ духомъ того почитай.
Не устами жъ Его почитать, но потщися ты дѣломъ,
 И на дѣла Его благоговѣйно взирай...
Тако, о смертный! дѣла Всевышняго гдѣ созерцая,
 Зла потщись убѣгать, мыслью горѣ возходи,
И всѣ намѣренія устремивъ ко Творцу, такъ взывая:
 Боже! настави меня, въ мудрыхъ совѣтахъ блюди!

Кромѣ этого гексаметра и пентаметра по преимуществу, то-есть, дактило-хореическаго, находимъ взятые также изъ сочиненій автора анапесто-ямбическіе гексаметры съ пентаметрами (въ сочиненіи ихъ онъ очевидно слѣдовалъ Тредіаковскому, который указывалъ, что этого рода стихи недавно еще изобрѣтены, но защищалъ ихъ употребленіе); примѣръ изъ того же сочиненія (4 изд., стр. 26):

Мы во тьмѣ и во мракѣ живемъ, подобномъ слабому свѣту,
 И ты, о Боже, насъ потщися отъ тьмы свободить.
Въ нощи намъ грѣховной здѣ благодати сіянія нѣту;
 Ты Единъ солнца свѣтъ даждь съ Тобою день намъ проводить,
И насъ спящихъ недремлющимъ промысломъ Твоимъ защищая,
 Прогони въ такомъ снѣ намъ злостно вредящихъ враговъ...

Изъ „Евгеонита“ приведены примѣры „сафической“ и „гораціанской“ строфъ, кромѣ тѣхъ же примѣровъ, что даны и у Тредіаковскаго.

---

[1]) *Тредіаковскій*, тамъ же, I, 152.

Вотъ одна изъ трехъ строфъ сафическихъ, приведенныхъ въ учебникѣ:

Божіе могущество все являетъ,
И дѣла его небо открываетъ,
Кто въ познаніи его углубится,
Тотъ удивится.

Одна изъ трехъ строфъ „гораціанскихъ“:

Плодоносны Онъ [1]) времена даетъ,
Источникъ любви намъ своей ліетъ,
Онъ свѣтомъ планетъ землю озаряетъ,
И промышляетъ.

Кромѣ указанныхъ, находимъ еще примѣръ изъ школьныхъ „стиховъ на пришествіе въ Лавру“, очевидно сочиненныхъ въ Троицкой Семинаріи, ректоромъ которой состоялъ одно время Байбаковъ:

Кую радость нынѣ нашъ Радонежъ имѣетъ,
Точно не явитъ перо, слово не довлѣетъ.
Развѣ бы уста сердцамъ и языкъ былъ данный,
Лучше бы сказать могли, день тотъ коль желанный!...

Но особенно любопытны въ позднѣйшихъ изданіяхъ ссылки на народныя пѣсни и примѣры изъ нихъ; на эту черту было уже указано (по 3-му изданію) М. И. Сухомлиновымъ. Въ видѣ примѣчанія къ исчисленію стопъ авторъ замѣчаетъ, что „на всѣ упомянутые здѣсь роды стиховъ безъ трудности можно находить примѣры въ простыхъ Русскихъ пѣсняхъ“ (4-е изд., стр. 10); сдѣлавъ еще два подобныхъ примѣчанія къ отдѣламъ о хореическомъ и ямбическомъ стихахъ, въ отдѣлѣ о дактило-хореическомъ стихѣ онъ замѣчаетъ, что „по склонности Россійскаго языка къ стихамъ Дактило-Хореическимъ, есть также у насъ четырестопные, тристопные и двустопные Дактило-Хореическіе; и къ обогащенію Россійскаго стихотворенія полезно было бы, ежели бы кто изъ славнѣйшихъ въ учености мужей постарался дать имъ новой въ правилахъ видъ и привести въ силу“ (стр. 24); эти свои мысли Байбаковъ основываетъ на практикѣ „невинныхъ пѣсенъ“, изъ которыхъ и „предлагаетъ примѣрцы“:

У до | роднова | доброва | молодца
Пріу | ныло да | рети | во сердце (тетраметръ);

или:

Ельникъ мой | ельникъ
Частой бе | резникъ (диметръ).

---

[1]) То-есть, Богъ.

Подобное же примѣчаніе сдѣлано имъ и по поводу анапесто-ямбическихъ стиховъ, гдѣ также приведены „примѣрцы изъ историческихъ пѣсенъ“ [1]). Послѣ разсужденія о строфѣ добавлено такое же замѣчаніе о родахъ строфъ „въ напечатанныхъ Россійскихъ простыхъ пѣсняхъ“, и высказывается мысль, что приведеніе ихъ „въ свою силу и непремѣняемыя правила“ обогатило бы „стихотворную Россійскую науку“. Повидимому, Байбаковъ зналъ первые сборники русскихъ пѣсенъ, появлявшіеся въ то время въ печати, и обратилъ на нихъ вниманіе; онъ является однимъ изъ первыхъ, серьезно отнесшихся у насъ къ народной пѣснѣ, и едва ли не первый находилъ, что и теорія поэзіи должна обратить вниманіе на нее и найдти въ ней для себя обогащеніе; эта черта заслуживаетъ упоминанія.

Глава „о стихахъ, слогами бывающихъ“, указываетъ три рода силлабическихъ стиховъ (13, 11, и 9-сложные), сводитъ ихъ къ гексаметру, пентаметру и тетраметру, однако неправильнымъ по своему составу, и заканчивается замѣчаніемъ, что такими стихами писали прежніе стихотворцы, но теперь они оставлены, потому что болѣе походятъ на прозу; приводятся краткіе примѣры (1 изд., стр. 16—17); въ 4-мъ изданіи для примѣра приведены стихи Ѳеофана Прокоповича („Не знаю, кто ты, пророче рогатый“) и начало стихотворенія, сочиненнаго „при заведеніи Московской... здѣшней Академіи въ 1685 году учителемъ монахомъ Медвѣдевымъ“:

„Нѣсть дано людямъ совершенно знати,
Кто отъ нихъ сосудъ духа благодати“...

Однако традиціи стараго силлабическаго стихотворенія, повидимому, не совсѣмъ вывелись въ духовной школѣ; отголоскомъ ихъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснить наставленіе Байбакова, добавленное имъ къ почерпнутымъ у Тредіаковскаго правиламъ: „беречься должно, дабы не положить ударенія, противъ силы, вмѣсто, напримѣръ, *глава*, *главá*, *мúлости—милóсти* проч.“ (стр. 7).

Въ ученіи о строфѣ [2]) отступленіе отъ Тредіаковскаго лишь въ допущеніи, что „иногда строфа бываетъ одна *Адоническая*“:

Суетенъ будешь
Ты человѣкъ,
Естьли забудешь
Краткій свой вѣкъ...

(*Изъ Сумарокова*).

---

[1]) См. у *М. И. Сухомлинова*, н. соч., 207—208.

[2]) *Тредіаковскій*, способъ..., гл. V, членъ III.—*Байбаковъ*, стр. 17—19.

Второй „членъ“ руководства, соотвѣтственно заглавію, трактуетъ объ отдѣльныхъ родахъ поэзіи. Предпославъ этому предмету краткое замѣчаніе о происхожденіи поэзіи и стиховъ, представляющее значительное сокращеніе разсужденія Тредіаковскаго въ его „Мнѣніи о началѣ поэзіи и стіховъ вообще“ [1]), авторъ поименовываетъ главные роды поэзіи, которыхъ онъ считаетъ три: „поезія есть троякая: *Повѣствовательная*, въ которой Піита говоритъ одинъ, другихъ лицъ не вводя, размѣромъ стихотворческимъ съ вѣроятною выдумкою“; эта поэзія, какъ свои подраздѣленія, „содержитъ въ себѣ Елегіаческую, Лирическую и Епиграмматическую. *Драмматическая*, въ которой Стихотворецъ, самъ какъ бы ничего не говоря вводитъ разговоры другихъ лицъ, или со всѣмъ ихъ дѣйствіемъ, тѣлодвиженіемъ и одѣяніемъ; или вообразительно. Содержитъ въ себѣ Комическую и Трагическую“. Третій родъ поэзіи не есть, строго говоря, нѣчто новое сравнительно съ двумя первыми и представляетъ только соединеніе ихъ, нѣчто среднее между ними, какъ крайностями: это *смѣшанная* поэзія, которая „содержитъ въ себѣ повѣствовательную и Драмматическую, тоесть, когда и самъ Стихотворецъ говоритъ, и другихъ вводитъ разглагольствующихъ. Такая, напримѣръ, есть Героическая, Георгическая, Буколическая и Сатирическая, проч.“.

Такая классификація формъ поэзіи довольно любопытна. Прежде всего надо замѣтить, что она отличается отъ той системы, которая вырабатывалась постепенно ложноклассическою теоріей и строилась

---

[1]) Приведу слова Байбакова: „Поезія начало свое ведетъ отъ Ювала, нашедшаго цѣвницу и гусли, или Поезію и Музыку; болѣе употребляема была пастухами, которыхъ жизнь превосходнѣйшею почиталась предъ земледѣльцами; во время потопа сохранена пребыла она Ноевыми дѣтьми, отъ коихъ послѣ пребывала въ пастушской жизни, и по столпотвореніи разсѣялась по всему свѣту. Но когда люди не имѣли обществъ и городовъ и жили на подобіе дикихъ звѣрей, тогда мудрѣйшіе мужи за нужно почли собрать людей въ одно мѣсто и тѣмъ отвратить всю погибель; почему нужду имѣли ихъ уговорить къ тому совѣтами, которыхъ не можно было давать безъ важности и пріятства слова; сіи-то двѣ принадлежности подали случай найти разность стопъ: а слѣдовательно и самые стихи, которые по разности человѣческихъ силъ должны были составлены быть шестистопные и не болѣе (ибо болѣе человѣческому духу не удобно проговорить) пятистопные, четырестопные и проч., и такъ Поезія со стихами отъ Евреи перешла къ Грекамъ, отъ коихъ въ большее приведена совершенство, отъ нихъ къ Римлянамъ, и такъ далѣе. И сіе есть краткое извѣстіе о началѣ Поезіи и стиховъ“ (стр. 21—22). Ср. „Сочиненія и переводы“ *Тредіаковскаго*, С.-Пб., 1752, т. I, 162—167.

на болѣе внутреннихъ признакахъ; я разумѣю дѣленіе поэзіи на эпосъ, лирику и драму съ ихъ видами. Окончательно эту систему ложно-классическіе теоретики еще не выработали. Буало вовсе не даетъ систематической классификаціи, просто перечисляя виды поэзіи, въ этомъ отношеніи оставаясь вѣренъ поэтикѣ Возрожденія; Батто, кромѣ драматической поэзіи, вводитъ уже родовое понятіе поэзіи лирической, подводя подъ него оду и элегію; но эпопею, басню, эклогу онъ разсматриваетъ отдѣльно (см. 2-й томъ его книги), не объединяя еще ихъ понятіемъ эпической поэзіи [1]).

Та группировка видовъ поэзіи по тремъ главнымъ родамъ, которую мы находимъ у Байбакова, въ логическомъ отношеніи правильна, такъ какъ произведена на основаніи одного признака; признакъ этотъ, правда, слишкомъ внѣшній; благодаря дѣленію на его основаніи, въ одинъ разрядъ относились произведенія, значительно разнившіяся по своимъ внутреннимъ признакамъ: „повѣствовательная“ поэзія прежде всего заключала въ себѣ то, что потомъ было объединено понятіемъ лирики; сюда же относилось и всякое (стихотворное) повѣствованіе, поскольку въ немъ не приводилось подлинныхъ словъ дѣйствующаго лица; поскольку же приводилось, оно относилось къ разряду „смѣшанной“ поэзіи.

Въ старыхъ кіевскихъ руководствахъ, такъ же, какъ и у Буало, виды поэзіи не сводятся къ извѣстному числу главныхъ родовъ, да и вообще вопросъ о классификаціи поэтическихъ формъ стуше-

---

[1]) Русскій переводчикъ Батте уже дѣлаетъ это, видоизмѣняя такимъ образомъ на свой страхъ подлинникъ. Заслуживаетъ вниманія, что общепринятая система родовъ и видовъ поэзіи довольно поздняго происхожденія; въ XVIII вѣкѣ она лишь намѣчается, да и въ началѣ XIX в. далеко не всѣми усвоена. „Наука Стихотворства“ *Рижскаго* (С.-Пб., 1811), основанная главнымъ образомъ на курсѣ „Баттіо“, слѣдуетъ русскому переводу послѣдняго и въ классификаціи; но Рижскій указываетъ, кромѣ принимаемаго имъ „извѣстнѣйшаго раздѣленія стихотвореній“, и другое: „нѣкоторые писатели правилъ стихотворства, принявъ за основаніе то, что предметомъ стихотвореній бываетъ что нибудь иногда предлагаемое воображенію, иногда же представляемое нашему взору, раздѣляютъ всѣ стихотворенія на два главныхъ рода, то-есть, на Эпическія и Драматическія; относя къ первымъ всѣ тѣ произведенія сего искусства, въ которыхъ стихотворецъ бываетъ явнымъ и непосредственнымъ наставникомъ нашимъ, такъ что предлагаемое имъ мы слышимъ, а не видимъ; а ко второму тѣ, въ которыхъ мы слышимъ не стихотворца, но тѣхъ самыхъ, о коихъ идетъ рѣчь“ (стр. 66—67). Можетъ быть, авторъ имѣлъ въ виду именно учебникъ Байбакова, вообще ему извѣстный (срв. приведенную выше его ссылку).

вывается: у Ѳеофана Прокоповича, послѣ пространныхъ разсужденій объ упражненіяхъ въ писаніи стиховъ, о риторическихъ пріемахъ и украшеніяхъ, о подражаніи прежнимъ поэтамъ, рѣчь идетъ прямо „de poesi epica et drammatica" (2-ая книга курса); далѣе „de bucolica, satyrica, elegiaca, lyrica et epigrammatica poesi" (3-ая книга), такъ что понятіе лирической поэзіи стоитъ на ряду съ понятіями поэзіи героической, буколической, элегической и т. п. [1]). Трудно сказать, когда начали проводить такую классификацію поэзіи, которую мы находимъ у Байбакова; но во всякомъ случаѣ это уже дѣлалось въ школьной теоріи до него и засвидѣтельствовано для сороковыхъ годовъ XVIII вѣка рукописью: „Institutiones artis poeticae", которое служило учебникомъ въ Троицкой лаврской семинаріи, и которому, какъ находитъ М. И. Сухомлиновъ [2]), слѣдовалъ въ этомъ отношеніи нашъ авторъ.

Послѣ общаго раздѣленія поэтическихъ формъ авторъ переходитъ къ болѣе обстоятельной характеристикѣ указанныхъ имъ формъ поэзіи, именно тѣхъ болѣе частныхъ видовъ, которые были поименованы имъ, какъ подраздѣленія главныхъ родовъ. Прежде всего онъ касается „епиграмматической поезіи"; въ самомъ началѣ разсужденія авторъ относитъ къ области поэзіи такія вещи, которыя не подходятъ подъ сдѣланное имъ самимъ общее опредѣленіе поэзіи; въ этой „поэзіи надписей", въ приведенныхъ имъ же примѣрахъ, трудно найдти „подражательный вымыселъ", хотя именно при опредѣленіи понятія повѣствовательной поэзіи (куда относится и епиграмматическая) онъ опять упомянулъ „вѣроятную выдумку". Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чисто школьнымъ представленіемъ о тождествѣ поэзіи и стихотворной формы; такое пониманіе дѣла ясно отражается на господствовавшихъ въ нашихъ духовныхъ школахъ упражненіяхъ въ стихотворствѣ, въ которыхъ все сводилось къ внѣшней формѣ; вспомнимъ различные курьезные стихи, которые относились именно къ области эпиграммы [3]), и которые любили писать въ старой школѣ [4]); ниже найдемъ краткое разсужденіе о нихъ

[1]) Срв. конспектъ курса Александровича, преподаннаго въ Кіевской Академіи въ 1743 г. (*Макарій*, Исторія Кіевской Академіи, 150).

[2]) Ист. Росс. Акад., I, 206.

[3]) У Лаврентія Горки о нихъ большое разсужденіе въ отдѣлѣ эпиграмматической поэзіи.

[4]) Срв. хотя бы *Н. И. Петровъ*: О словесныхъ наукахъ..., Т. К. Д. Акад., 1866, 7, 320—324; 1867, 1, 104—110. *Морозовъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, 97.

и у нашего автора. Очевидно, онъ стоитъ на почвѣ старой академической учености. Идея вѣроятной выдумки, подражательнаго вымысла, такимъ образомъ опять къ дѣлу не примѣняется. Ложноклассическая поэтика въ свою систему не вводила ученія объ эпиграммахъ, по крайней мѣрѣ говорила вскользь; въ схоластическихъ курсахъ, а за ними у Байбакова, разсужденія объ эпиграммѣ занимаютъ сравнительно весьма много мѣста [1]). Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ „Правила“ связаны съ традиціей схоластическою, доложноклассическою.

Вмѣсто точнаго опредѣленія понятія эпиграмматической поэзіи [2]), авторъ замѣчаетъ, что она „употребляется на гробницахъ, зданіяхъ, знатныхъ мѣстахъ, на статуяхъ, щитахъ; въ знатныхъ мужей и героевъ дѣлахъ, приключеніяхъ; и въ прочихъ достопамятностяхъ“ (стр. 22).

Объ этомъ родѣ поэзіи, о способахъ сочинять эпиграммы, о томъ, каковы онѣ должны быть, авторъ распространяется очень обстоятельно, подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, о драмѣ или эпосѣ; очевидно, онъ касается одного изъ любимыхъ упражненій тѣхъ, для кого предназначались его „Правила“, то-есть, „юпошества, обучающагося въ Московской Академіи“.

Эпиграммами называются только стихотворныя надписи, онѣ должны „изъяснять всякую матерію кратко и замысловато“.

Эпиграмма, говоритъ Аполлосъ, „пишется и въ худую и въ хорошую сторону“; должна быть ясна и кратка; имѣетъ „двѣ части: *изложеніе*, въ которомъ вещь кратко предлагается, и *замыслъ*, предлагающій какое мнѣніе, страсть, случай или другое дѣло ожиданное, или нечаянное“; источникомъ эпиграммъ является остроуміе, „щастливый разумъ“ пишущаго и его начитанность; но такъ какъ писаніе подобныхъ стиховъ представляло внѣшнюю виртуозность въ игрѣ словами и было распространеннымъ предметомъ упражненія, то авторъ и дѣлаетъ нѣсколько руководящихъ замѣчаній, указывая, что „не нѣтъ и особенныхъ на то источниковъ“, и сопровождая ихъ примѣрами изъ Сумарокова и журнала „Полезное Увеселеніе“. Эпиграмма

---

[1]) Это побудило арх. Филарета сдѣлать строгую характеристику книжки Байбакова: „о пустыхъ предметахъ—о символѣ, эмблемѣ, загадкѣ, говоритъ много, а о дѣлѣ мало“ (Обзоръ рус. дух. лит., 383).

[2]) Ея опредѣленіе у Ѳеофана: Epigramma est breve poema (то-есть, стихотвореніе) rem quandam vel personam vel factum unum vel plura indicans (simpliciter vel cum ingeniosa expositionis deductione).

является прежде всего въ видѣ непосредственной игры словъ: „отъ произвожденія почерпается имени"; таковы *анаграммы* („Въ горохѣ *воробей.* Гони, и *вора бей*"), таковъ и тотъ случай, „когда чужестранное имя переводится": Андрей—мужественный; въ 4-мъ изданіи даны для примѣра стихи:

Будь мужественъ, Андрей.
Будь твердъ, какъ камень, Петръ;

эпиграмма получается также „отъ двузнаменательныхъ словъ" (въ мірѣ долженъ быти миръ); далѣе „отъ подобія, отъ противнаго, отъ причины, отъ изчисленія частей, отъ свойствъ" (то-есть, если авторъ выдвигаетъ или сходство разбираемаго явленія съ другимъ или различіе, указываетъ причину его и т. п.). Все это пояснено исключительно примѣрами; напримѣръ, эпиграмма „отъ свойствъ" въ 4-мъ изданіи:

Не думай, что свое невѣжество исправилъ,
Когда ты кудри завилъ;
Нѣтъ смаку никогда, ни соли въ дуракѣ;
Болванъ всегда болванъ, хоть голъ, хоть въ парикѣ
(Полезн. Увеселеніе).

Въ 1-мъ изданіи примѣръ проще:

Мудръ мудро мудрствуетъ.

Для эпиграммы „отъ подобія" въ 1-мъ изданіи примѣръ изъ стихотворенія духовнаго содержанія: Христосъ о себѣ говоритъ:

„Лоза я винорадна былъ,
Никто плодовъ не рвалъ.
Рѣка живой воды—
Никто не почерпалъ.
Былъ пастырь добръ овцамъ,
Никто за мной не шелъ", проч.

Вмѣсто этого въ 4-мъ изданіи стоитъ четверостишіе свѣтскаго содержанія, гдѣ сравнивается „любитель музъ", поэтъ, съ Ниломъ, напоявшимъ почву Египта своими водами.

Указавъ источники эпиграммъ, авторъ далѣе раздѣляетъ эпиграмму на простую и сложную. Различіе этихъ категорій опредѣлено мало; лишь замѣчено о сложной эпиграммѣ, что она „по большей части дѣлается изъ сплетенія многихъ подобій".

Къ простой эпиграммѣ авторъ относитъ: эпитафію, сонетъ, рондо, мадригалъ. Сообразно пониманію эпиграммы вообще эпитафія есть „надгробная надпись, которая вообще коротко изъясняетъ умершаго или пороки или добродѣтели" (стр. 24); любопытны наставленія.

предписывающія важное содержаніе (представляющее краткость или смертность жизни и т. п.) и торжественный языкъ, „есть ли важное описывается лице“, и шутливое („замысловатыя шутки“), если неважное. Примѣръ такой шутливой эпиграммы (въ 1-мъ изданіи лишь общая ссылка на „Полезное Увеселеніе“):

На мѣстѣ семъ лежитъ преславный дворянинъ:
Былъ очень онъ богатъ, имѣлъ презнатный чинъ.
Что здѣсь ни сказано, все сказано безъ лести.
Довольно ли тово къ его безсмертной чести?

Это приноровленіе поэзіи, ея пріемовъ и стиля къ сословному положенію тѣхъ, кому данное произведеніе посвящается, или кто въ немъ выводится, обще схоластическому направленію нашей поэзіи съ ложноклассическимъ. Байбаковъ въ этомъ случаѣ повторялъ старое положеніе школьной піитики [1]); ложноклассическая теорія развила эти положенія еще въ большей степени и проводила ихъ послѣдовательнѣе, распредѣляя представителей различныхъ слоевъ общества по особымъ литературнымъ родамъ (басня, эклога, эпопея, комедія, трагедія) и назначая особый стиль и особаго характера сюжеты для каждаго [2]). Схоластическая теорія формулировала подобныя правила сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ; болѣе всего этотъ принципъ выражался ею, какъ кажется, именно въ данномъ мѣстѣ, въ ученіи о эпитафіи.

Разсужденія о сонетѣ и т. п. формахъ составлены уже очевидно помимо традицій схоластическихъ, подъ давленіемъ подражанія французскимъ сонетамъ со стороны нашихъ писателей. Байбаковъ находилъ сонеты и у Сумарокова, и въ „Полезномъ Увеселеніи“, на которое онъ вообще любилъ ссылаться, и самъ упражнялся въ сонетописаніи въ своемъ „Евгеонитѣ“.

Понятіе сонета опредѣляется, согласно съ общепринятымъ употребленіемъ этого термина, признаками чисто формальнаго свойства, относящимися къ извѣстному распредѣленію стиховъ и риѳмъ: стихотвореніе, состоящее изъ двухъ четверостишій и одного шестеростишія; авторъ присовокупляетъ замѣчаніе, что въ послѣднемъ стихѣ должна быть „нѣкоторая мысль либо острая, либо важная, либо благородная (acumen)“. Сонетъ былъ одною изъ модныхъ стихотворныхъ формъ; по примѣру итальянцевъ сонеты писали во всей Западной Европѣ,

---

[1]) Срв. *Прокоповичъ*, III, c. 8 (De epitaphio).

[2]) Срв., напримѣръ, курсъ Batteux.

а затѣмъ послѣ опыта Тредіаковскаго и въ Россіи; въ числѣ немногихъ видовъ поэзіи, опредѣляемыхъ внѣшнею формой, онъ былъ принятъ и ложноклассическою теоріей; зато внѣшнее построеніе его было ею опредѣлено очень строго; особенно извѣстны были и цитировались другими теоретиками строгія требованія Буало [1]). Трудно сказать, откуда именно заимствовалъ Байбаковъ свои правила о сонетѣ; Буало онъ могъ, конечно, знать уже и въ русскомъ переводѣ; но едва ли не правильнѣе думать, что онъ просто руководился тогдашнею практикой, читая не мало сонетовъ въ журналахъ: такъ приходится, по крайней мѣрѣ, думать о замѣчаніяхъ его относительно другихъ подобнаго рода поэтическихъ видовъ, мадригалѣ и рондо, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ онъ расходится съ Буало (см. ниже).

Мнѣ представляется характернымъ отступленіе отъ строгой формы сонета, которое нашъ авторъ допускаетъ въ 4-мъ изданіи: „можетъ также сонетъ состоять изъ одинадцати, девяти и семи стиховъ"; ссылка на собственный примѣръ [2]); можетъ быть, привычка къ чрезвычайному разнообразію размѣровъ и формъ стихотворныхъ въ школьныхъ упражненіяхъ побудила автора въ данномъ случаѣ ограничить строгія правила и расширить рамки понятія сонета. Впрочемъ, послѣдующіе теоретики не подражали ему; „Наука" Рижскаго [3]), „Словарь" Остолопова [4]) понимаютъ сонетъ по-старинному, руководясь авторитетами Буало и Батте. Введеніе категоріи сонета въ піитику школьную со стороны Байбакова вполнѣ естественно, такъ какъ здѣсь теоретикъ встрѣчался съ правилами, касающимися внѣшней формы

---

[1]) L'art poét., II, 82—101.

[2])
Когдабъ не промысломъ Творецъ міръ сохранялъ,
Могла бы истребить его одна комета;
Ея бъ куреній хвостъ, иль солнца насъ лишалъ,
Иль плодоноснаго не далъ бы зрѣти лѣта.
Когда бъ ея пары на землю устремились,
Мгновенно бъ могъ тогда все пламень истребить;
И жители ея волнами бъ поглотились,
И шаръ бы могъ земнымъ огня предметомъ быть.
Но ты, о Господи! единъ насъ сохраняешь,
Единъ нещастія и злой рокъ отвращаешь,
Потщись, о Господи! во вѣкъ насъ не забыть.

Евгеонита стр. 71.

[3]) Стр. 96—98.

[4]) III, стр. 204—208.

стихотворенія, довольно близкими къ знакомымъ ему правиламъ школьнымъ; писаніе сонетовъ весьма не рѣдко, и въ болѣе позднюю пору, сводилось къ извѣстнаго рода фокусу.

То же можно сказать и о *рондо*, о которомъ далѣе говоритъ Байбаковъ, опредѣляющій его, какъ стихотвореніе, состоящее „непремѣнно изъ тринадцати стиховъ, имѣя двѣ... риѳмы", при чемъ извѣстная группа словъ нѣсколько разъ повторяется (стр. 24). Въ 4-мъ изданіи опять оказывается расширеніе рамокъ правила: „можетъ быть 4, 8, 10 и далѣе стиховъ"; примѣръ приведенъ также изъ „Евгеонита", гдѣ послѣ каждыхъ трехъ стиховъ строфы слѣдуетъ заключительный короткій стихъ: „дабы Его любить" (стр. 42).

Принявъ въ свою систему эту форму, нашъ авторъ также выдвинулъ лишь внѣшнее ея построеніе. Ложноклассическая теорія связывала съ нею и извѣстныя внутреннія черты: Буало замѣчаетъ, что рондо „a la naiveté" [1]); Батте, сдѣлавъ то же указаніе, допускаетъ для этой формы простоту и свободу выраженія; внѣшнее построеніе изъ 13 стиховъ съ двумя повторяющимися стихами (refrains) опредѣлено вполнѣ строго, съ указаніями, какъ должны быть распредѣлены по стихамъ отдѣльныя мысли [2]). Изъ русскихъ теоретиковъ Рижскій [3]) держится очень близко Батте. Вообще же въ русской литературѣ терминъ рондо не имѣлъ столь опредѣленнаго пріуроченія, что̀ и отмѣчено Остолоповымъ [4]), указавшимъ на большую свободу, допускаемую русскими стихотворцами, наблюдающими лишь „*круглость*" рондо, то-есть, повтореніе извѣстнаго стиха. Изъ этой тогдашней практики и почерпнулъ, вѣроятно, Байбаковъ свои замѣчанія о рондо.

Мадригалъ понимается Байбаковымъ независимо отъ чередованія и числа стиховъ и по автору отличается отъ эпиграммы „тѣмъ только, что матерію имѣетъ благородную, важную и высокую. И пишется по большой части стихами неравными". Байбаковъ указываетъ примѣры въ названныхъ выше журналахъ. Повидимому, употребленіе стихотвореній такого̀ рода въ русской литературѣ XVIII вѣка и побудило автора включить ихъ въ свои правила; Буало упоминаетъ мадригалъ, но вліянія его сочиненія, существовавшаго уже въ русскомъ переводѣ

[1]) Op. cit., II, 140.
[2]) Op. cit., III, 453–455.
[3]) Н. соч., 99—102.
[4]) Словарь, III, 53.

Тредіаковскаго, на нашего автора незамѣтно; и въ самомъ пониманіи мадригала есть различіе между нимъ и Буало, который, коснувшись впрочемъ этого вопроса лишь въ двухъ стихахъ, указалъ, что мадригалъ „respire la douceur, la tendresse et l'amour“ [1]); такъ позднѣе и Batteux, считая мадригалъ видомъ эпиграммы, признаетъ, что въ немъ должна быть острая, занимательная мысль, присущая эпиграммѣ вообще, но отличительную его черту видитъ въ томъ, что онъ „a une pointe toujours douce, gracieuse“ [2]). Очевидно, понятіе мадригала не было точно формулировано, и въ русской литературѣ этотъ терминъ, подобно и термину *рондо*, имѣлъ болѣе широкое значеніе; онъ примѣнялся и къ стихотвореніямъ, выражавшимъ важныя мысли, касавшимся серьезныхъ и общихъ вопросовъ [3]).

Въ такомъ духѣ и примѣръ, приведенный Байбаковымъ (въ 4-мъ изданіи) изъ „Евгеонита“:

Такъ что же будемъ мы во маломъ мірѣ семъ?
Что пышнаго найдемъ здѣсь въ бытіи своемъ?
Единъ изъ ничего Творецъ вся содѣваетъ,
И прахъ душею нашъ единъ Онъ оживляетъ!
И ежели онъ насъ восхощетъ не забыть,
Тогда изъ ничего мы можемъ нѣчто быть. (Стр. 43—44).

Понятіе сложной эпиграммы, весьма не ясно, какъ уже сказано, охарактеризованное Байбаковымъ, объясняется изъ его толкованій частныхъ видовъ этой эпиграммы, а также изъ пониманія дѣла въ школьной теоріи вообще. Для Ѳ. Прокоповича сложная эпиграмма отличается отъ простой тѣмъ, что послѣдняя „tantum indicat aut exponit rem aliquam“, а сложная—„ex indicata re aliquid argute et acute eruit“ (lib. III, c. 4), то-есть, непосредственное содержаніе стихотворенія имѣетъ значеніе аллегоріи или символа, означая иносказательно нѣчто другое.

Такой символизмъ имѣетъ въ виду и Байбаковъ, съ тою разницею, что сложную эпиграмму онъ понимаетъ слишкомъ широко, распростра-

---

[1]) L'art. p., II, 144.

[2]) Op. cit., III, 450.

[3]) „Нѣкоторые русскіе стихотворцы, замѣчаетъ Остолоповъ (Словарь, II, 170), какъ то Тредіаковскій, Сумароковъ (А. П.), Николаевъ, писали *Мадригалы* на разные торжественные случаи, напримѣръ, находимъ *Мадригалы* на взятіе Бендеръ, на побѣду при Кагулѣ, а Тредіаковскій написалъ даже *Мадригалъ* въ похвалу Аудіенцъ-Залѣ“. Самъ же Остолоповъ понимаетъ мадригалъ уже въ смыслѣ французскихъ теоретиковъ (тамъ же, стр. 166), какъ и ранѣе его Рижскій (н. соч., 94—95). Очевидно, послѣднее пониманіе упрочивается съ теченіемъ времени.

няя это понятіе не только на словесныя изображенія вещи, но и на рисунки. Рисунки даже выдвигаются на первый планъ: они могутъ сопровождаться пояснительною надписью, представляющей стихъ, или лишь „часть стиха (lemma)“, или составленною „простою рѣчью“; могутъ обходиться и вовсе безъ надписи.

„Изображеніе вещи по ея свойствамъ безъ надписи“ называется „гіероглификомъ“, напримѣръ, „написанная собака изображаетъ злословящаго, агнецъ незлобиваго“ (стр. 25). При сопровожденіи же надписи такое изображеніе называется „символомъ“: „напримѣръ, изображенная соль въ срединѣ сосудовъ между кушаньемъ съ надписью *всѣмъ пригодна* означаетъ ласковаго человѣка“. Далѣе характеризуется „емблемма“, то-есть, „изображеніе человѣка по платью, тѣлодвиженію и проч., представляющее человѣческія дѣйствія или нравы, съ прибавленіемъ надписи. Напр. человѣкъ, неосторожно идущій, ушибшись о камень, съ надписью: *кто виноватъ*? означаетъ, что человѣческія погрѣшности отъ произволенія бываютъ и вызываютъ сожалѣніе“. Различіе между символомъ и эмблемою характеризуется очень неясно; на основаніи примѣровъ можно заключить, что подъ символомъ разумѣлось аллегорическое обозначеніе извѣстнаго предмета или отвлеченнаго понятія (въ 4-мъ изданіи приведенъ примѣръ символа *невозможности*), а эмблема — аллегорическое же выраженіе какой нибудь мысли, преимущественно нравственной. Такое различіе болѣе ясно формулировано въ „Словарѣ“ Остолопова [1]).

Отличіе учебника Байбакова отъ ложноклассическихъ руководствъ въ отдѣлѣ объ эпиграммѣ сказывается прежде всего въ томъ вниманіи, которое онъ оказываетъ этому предмету, поставивъ его на первое мѣсто и посвятивъ ему болѣе трети всего ученія о видахъ поэзіи. Ложноклассическіе курсы говорили объ эпиграммѣ, но очень кратко и на менѣе видномъ мѣстѣ, занимаясь по преимуществу другими поэтическими видами, съ болѣе серьезнымъ и важнымъ содержаніемъ; то же можно въ частности сказать и о сонетѣ, мадригалѣ и рондо, категоріяхъ, которыя въ сущности означали чисто внѣшнюю стихотворную форму; хотя ложноклассическая теорія и старалась съ опредѣленною внѣшнею формой болѣе точно связать и опредѣленныя черты содержанія, но вообще объ этихъ petits poèmes [2])

---

[1]) I, 879—880.

[2]) *Batteux*, op. cit., III, 450. Подобно тому и въ русскихъ сочиненіяхъ эти формы означаются именемъ „мелочныхъ стихотвореній“ (*Остолоповъ*, Словарь, III, таблица XXIX).

говоритъ очень мало; изъ русскихъ подражателей французскимъ теоретикамъ Сумароковъ, слѣдовавшій Буало въ „Епистолѣ о стихотворствѣ", уклоняется отъ теоріи данныхъ формъ [1]), хотя и самъ иногда упражнялся въ этомъ „игранья стихотворномъ".

Въ ученіи объ эпиграммѣ вообще Байбаковъ такимъ образомъ ближе стоитъ къ старымъ школьнымъ теоріямъ, чѣмъ къ ложноклассическимъ руководствамъ. Что касается самаго содержанія ученія объ эпиграммѣ, то здѣсь особо значительной разницы между обоими направленіями теоріи не было: о двухъ частяхъ эпиграммы, объ ея краткости, объ игрѣ словъ говорятъ и ложноклассическіе теоретики; но они все-таки выдвинули и кое-какія требованія, касающіяся содержанія: Буало говорилъ объ эпиграммѣ, какъ убѣжищѣ для остроумія [2]), болѣе выдвинувъ это свойство эпиграммы; Батте (кромѣ краткости эпиграммы)—о единствѣ мысли въ ней, о занимательности и удачномъ выраженіи этой мысли и объ условіяхъ ея занимательности [3]); то же повторяютъ и подражавшіе имъ русскіе теоретики. Во всякомъ случаѣ и въ этомъ отношеніи нашъ авторъ примыкаетъ къ школьнымъ курсамъ піитики; впрочемъ и ихъ онъ повторяетъ не вполнѣ, опустивъ, напримѣръ, всѣ замѣчанія объ остротѣ и ея проявленіяхъ [4]); нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ впрочемъ воспроизведены въ указаніяхъ Байбакова объ источникахъ эпиграммы.

Разсужденія о другихъ родахъ поэзіи у Байбакова гораздо короче, опять согласно съ кіевскими старыми руководствами; очевидно, они менѣе подходили для столь любимыхъ въ школѣ чисто внѣшнихъ стихотворческихъ упражненій. Переходя къ другимъ родамъ, авторъ касается такихъ произведеній, которыя въ изобиліи сочинялись тогдашними писателями, принадлежавшими къ офиціальной, ложноклассической школѣ. Здѣсь онъ также обращается за примѣрами къ сочиненіямъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова; особенно тогдашнему одописанію, гордости русской литературы, авторъ не могъ остаться чуждымъ: онъ самъ (въ изданіи 1790 года) отмѣчаетъ особое обиліе этого рода произведеній въ русской поэзіи; но полное

---

[1]) Сочиненія², I, 145:

Но пусть ихъ пишетъ тотъ, кому они угодны...
Составъ ихъ хитрая въ бездѣлкахъ суета:
Мнѣ стихотворная пріятна простота.

[2]) Op. cit., II, 103 sqq.

[3]) Op. cit., III, 425 sqq.

[4]) *Прокоповичъ*, op. cit., lib. III, c. 6: De argnta clausula epigrammatis.

молчаніе даже въ изданіи 1790 года о Державинѣ даетъ основаніе думать, что все-таки духовная школа въ извѣстной степени отставала отъ текущей литературы и позже признавала писателей, уже пользовавшихся славою въ другихъ общественныхъ сферахъ [1]).

Въ группировкѣ и классификаціи этихъ литературныхъ формъ и въ объясненіи ихъ мы также замѣчаемъ у Байбакова значительное отличіе отъ ложноклассическихъ теорій.

Подъ поэзіей лирическою, которую авторъ непосредственно послѣ „эпиграммы“ характеризуетъ въ числѣ формъ „повѣствовательной“ поэзіи, онъ разумѣетъ „искусство писать похвальные стихи, особливо оды“ (стр. 26); изобрѣтена лирическая поэзія „въ честь и прославленіе верьховнаго Существа“; но теперь подъ это понятіе авторъ подводитъ всякіе похвальные сюжеты: „торжества, радости, похвалы мужей, и другихъ вещей, временъ, праздниковъ, публичныхъ мѣстъ, проч.“; никакихъ дальнѣйшихъ *правилъ* объ одѣ и сочиненіи ея мы не находимъ. Вмѣсто того авторъ даетъ сравненіе оды съ „героическою поемой“; согласно своему основному пониманію классификаціи формъ поэзіи онъ не находитъ между ними никакой существенной разницы, а лишь формальную, главнымъ образомъ ту, что въ одѣ говоритъ лишь самъ поэтъ отъ себя, а въ поэмѣ приводитъ и слова героевъ; такимъ образомъ основное начало дѣленія, вполнѣ формальное, проводится послѣдовательно. Впрочемъ, указываются и еще черты различія, также внѣшняго характера: различные размѣры („ода обыкновенно не пишется шестистопнымъ, но четверостопнымъ; однакожъ, ограничиваетъ свое замѣчаніе авторъ, у г. Ломоносова есть Ода, героическимъ стихомъ писанная“), объемъ (поэма — пространное сочиненіе, такъ что ода „могла бы называться частію оныя“; это различіе по объему въ 1-е изданіе впрочемъ вовсе не введено;

---

[1]) Замѣчу, что въ области одописанія, повидимому, прежде и яснѣе всего проявлялось въ духовной школѣ вліяніе свѣтской тогдашней литературы. Уже задолго до Байбакова мы встрѣчаемся съ академическими одами, написанными вполнѣ въ подражаніе Ломоносовскимъ. Практика въ этомъ случаѣ опередила теорію. Особенно я имѣю въ виду оду на день перваго мая, сочиненную въ Кіевской академіи въ 1761 году учителемъ піитики Игнатіемъ Максимовичемъ и изданную въ послѣднее время по двумъ спискамъ: *Н. И. Петровымъ* въ „Замѣткахъ о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института князя Безбородко“ (изъ „Извѣстій“ Ин-та, т. XV, 1895; стр. 33 — 40) по рукописи Института, и г. *Мацѣевичемъ* въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“ (1897, № 9), по одной частной рукописи.

въ 4-мъ см. стр. 17); наконецъ различіе еще въ томъ, что поэма описываетъ одни дѣла славныхъ мужей, а сія—всякія вещи. Выдвинутое ложноклассическою поэтикой различіе: лирическая поэзія (и ода, какъ видъ ея) изображаетъ не дѣйствіе, какъ другіе роды поэзіи, а чувство поэта [1],—теоретикомъ духовной школы не сознается. Замѣчаній, сдѣланныхъ уже Буало, о style impétieux, o beau desordre [2], о жарѣ чувства у поэта, о томъ, что въ одѣ нѣтъ надобности излагать дѣло въ его хронологической послѣдовательности, у Байбакова нѣтъ. Въ примѣръ оды въ 1-мъ изданіи есть общая ссылка на Ломоносова; въ 4-мъ выписывается „Ода г. Руссо на фортуну" въ извѣстномъ русскомъ переводѣ Ломоносова (Доколѣ щастье ты вѣнцами Злодѣевъ будешь украшать?) [3], а затѣмъ дѣлается указаніе на современныхъ одописцевъ: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Майкова, Рубана и другихъ (стр. 50).

Отношеніе понятія оды къ понятію лирической поэзіи авторомъ не выяснено достаточно. Понятіе оды, впрочемъ, нѣсколько болѣе выясняется при дальнѣйшей характеристикѣ *гимна* и *диѳирамба*, какъ видовъ лирической поэзіи; гимнъ „содержитъ не столь вещь свѣтскую, сколько священную"; здѣсь авторъ рекомендуетъ и болѣе или менѣе опредѣленный размѣръ: „по большей части" (не непремѣнно) гимнъ пишется строфою, состоящею изъ трехъ шестистопныхъ стиховъ и одного четырехстопнаго или же еще болѣе короткаго; для меня не ясно, откуда позаимствовалъ авторъ подобное правило; старыя кіевскія руководства, понимающія гимнъ такъ же, какъ хвалебное стихотвореніе религіознаго содержанія, такого правила не предполагаютъ [4]; Буало и Батте о гимнѣ не говорятъ, а русскія позднѣйшія сочиненія Державина, Рижскаго и Остолопова въ существенномъ въ данномъ случаѣ соотвѣтствуютъ школьнымъ руководствамъ, размѣра же

---

[1]) *Batteux*, op. cit., III, 234. Срв. *Державинъ*, Разсужденіе о лирической поэзіи: „Ода или гимнъ изображаютъ только чувства сердца въ разсужденіи какого либо предмета, а не дѣйствія его". (Сочиненія, изд. Я. К. Грота, VII, 522).

[2]) L'art poét., II, 71—81. Срв. переводъ Тредіаковскаго: „Быстра въ Одѣ слога часто есть отваженъ ходъ; *Красный безпорядокъ* точно въ ней искусства плодъ". (Соч. и перев., I, 18). Въ томъ же смыслѣ говоритъ самъ Тредіаковскій въ „Разсужденіи объ одѣ вообще" (Соч. и перев., II, 32). Ср. у Державина перечень подобныхъ же свойствъ, кромѣ того, различныхъ фигуръ и украшеній, составляющихъ „качество или достоинство высокихъ одъ" (тамъ же).

[3]) Срв. Сочиненія Ломоносова, изд. подъ ред. М. И. Сухомлинова, II, 168 и примѣч. 246.

[4]) Напримѣръ, *Прокоповичъ*, Poet., l. III, c. 3.

не указываютъ. Для примѣра авторъ дѣлаетъ ссылку на сочиненія Сумарокова, а въ 4-мъ изданіи предпослалъ этой ссылкѣ гимнъ изъ своего „Евгеонита“ [1]). Повидимому, впрочемъ, онъ не считаетъ такую строфу безусловно необходимою для гимна, какъ оды священнаго содержанія.

Мимоходомъ, въ томъ же краткомъ отдѣлѣ, посвященномъ гимну, находимъ замѣчаніе о *стансахъ*, какъ такихъ одахъ, которыя содержатъ „матеріи среднія, нѣжныя и не парящія въ высоту“ (стр. 27); это понятіе, неизвѣстное старой піитикѣ и не находящееся въ основныхъ руководствахъ ложноклассическихъ, Байбаковъ внесъ въ свои „Правила“ подъ вліяніемъ Тредіаковскаго, который упоминаетъ о стансахъ въ „Рассужденіи объ Одѣ вообще“, говоря [2]), что французы такъ называютъ оды, „обращающіяся въ средней матеріи, ни очень благородной, ни весьма общей“, писанныя среднимъ стилемъ, „нѣжныя и не парящія въ высоту“.

Вообще въ литературной практикѣ терминъ „станса“, повидимому не былъ вполнѣ точно опредѣленъ и употреблялся для тѣхъ лирическихъ стихотвореній, которыя авторъ почему либо затруднялся отнести къ какому нибудь другому изъ признанныхъ видовъ [3]); позднѣе

---

[1])
О! Ты Творецъ небесъ, морей, стихій, свѣтилъ!
Изъ персти насъ создавъ, велѣлъ владѣть землею,
Чтобъ персть небесною содѣлать въ жизни сей,
Тебѣ въ ней жертвуя душею.
Когда въ жилище ей прекрасно тѣло далъ,
Хотѣлъ, о Боже! насъ въ твореніяхъ почтити,
Хотѣлъ, чтобъ человѣкъ законъ Твой соблюдалъ,
Тебѣ бы тщился угодити и т. д.

[2]) Соч. и перев., II, 31.

[3]) Едва ли этотъ терминъ не былъ усвоиваемъ стихотвореніямъ, писаннымъ строфами изъ 4-хъ стиховъ, разнообразнаго содержанія. Привожу для примѣра нѣсколько строфъ изъ „станса“ Хераскова, напечатаннаго въ томъ же *Полезномъ Увеселеніи*, 1860, I, 15—16:

Все на свѣтѣ семъ преходитъ,
Постояннаго въ немъ нѣтъ;
Солнце утромъ хоть восходитъ,
Вечеромъ опять зайдетъ.
Ничего намъ вѣчность люта
Не оставитъ никогда,
И минутою минута
Истребляется всегда...
Бывшій часъ не возвратится,

Остолоповъ терминомъ *стансъ* не означаетъ никакого особеннаго вида стихотвореній и считаетъ его синонимомъ слову *строфа* [1]).

Всѣ эти понятія такимъ образомъ не были, повидимому, для Байбакова вполнѣ точно опредѣленными; еще въ большей степени можно сказать о *диоирамбѣ*, о которомъ онъ говоритъ далѣе; подъ диоирамбомъ онъ понимаетъ „похвальные стихи", которые „пѣты были въ честь одному Бахусу; но могутъ содержать всякую матерію, какъ, напримѣръ, описывать народные праздники, какъ-то масленицу, семикъ, проч." (стр. 27). Здѣсь очевидное отличіе отъ ложноклассической теоріи: послѣдняя вообще о диоирамбѣ не говорила, описаніе же народныхъ праздниковъ, конечно, не могло составлять задачи ложноклассическаго поэта. Никакихъ формальныхъ законовъ нашъ авторъ здѣсь не предписываетъ; мало того: стихи могутъ быть разнообразные, сопровождаться шуточными выраженіями, прибаутками, можно вставлять даже ничего не значащія слова, въ видѣ припѣва, и т. п. Для примѣра приведенъ послѣдній стихъ изъ „хора пьяницъ", одного изъ хоровъ, сочиненныхъ Сумароковымъ для придворнаго маскарада 1763 года:

(... отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ...
Всякъ часъ возвращаемъ кабацкой мы сборъ:)
Подъ вирь вирь вирь донъ донъ донъ, протчи службы вздоръ [2]).

Не совсѣмъ ясная формулировка Байбакова поясняются старыми руководствами: для Прокоповича, напримѣръ, диоирамбъ есть также первоначально хвалебное стихотвореніе, ода, въ честь Вакха, бога веселья, а затѣмъ, въ болѣе новое время, вообще пѣснь *веселаго* содержанія, воспѣвающая веселье и радость [3]). Это указаніе Байбаковымъ не сдѣлано; но оно объясняетъ, почему онъ заговорилъ о праздникахъ и о шутливыхъ словахъ. Болѣе отличается пониманіе Байбакова отъ позднѣйшихъ свѣтскихъ трактатовъ, каковы сочиненія Дер-

---

Будущему льзя не быть;
Въ настоящей должно чтиться
Человѣку въ свѣтѣ жить.

Нѣсколько своихъ стихотвореній назвалъ „стансами" и Сумароковъ (напримѣръ, Соч., IX, 94—108). Среди нихъ есть любовныя стихотворенія, а первый воспѣваетъ побѣду надъ Пугачевымъ.

[1]) Словарь, III, 216.

[2]) *Сумароковъ*, Сочиненія [2], VIII, 336.

[3]) Dithyrambi in laudem solius Bacchi canebantur, nunc in qualibet laeta materia occini possunt (III, 3).

жавина [1]), Рижскаго [2]), Остолопова [3]): въ проведенномъ у нихъ пониманіи диѳирамба выдвигается другой моментъ его первоначальнаго значенія; означая прежде всего пѣснь въ честь Вакха, полную экстаза, потомъ этотъ терминъ означаетъ оду, исполненную высшаго жара и вдохновенія, особенно высокаго и „отважнаго стихотворческаго паренія“ (Рижскій), „изступленія“, „буйнаго восторга“, гдѣ въ высшей степени господствуютъ лирическій безпорядокъ, смѣлыя картины (Державинъ).

Вообще въ этомъ разсужденіи о лирической поэзіи Байбаковъ стоитъ, очевидно, на почвѣ старыхъ школьныхъ руководствъ. Такъ и по Прокоповичу лирическая поэзія есть „artificium pangendi breves cantilenas“, которыя сперва пѣлись въ честь боговъ, героевъ, славныхъ мужей, а потомъ въ нихъ стали влагать всякое содержаніе (gaudia, triumphi, vota. laudationes et vituperationes—hominum, rerum, locorum, temporum); въ области лирической поэзіи у него фигурируютъ тѣ же три термина: oda, hymnus. dithyrambus; введя сюда еще стансъ, Байбаковъ, можетъ быть, потому и упомянулъ его лишь мимоходомъ, какъ бы по поводу гимна (не начавъ даже рѣчь о немъ съ новой строки), что это была лишняя добавка противъ старыхъ учебниковъ.

Отношеніе между всѣми этими понятіями формулировано у Прокоповича сразу яснѣе: odae—называются собственно всѣ эти лирическія произведенія, но нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, имѣютъ еще спеціальное названіе гимновъ и диѳирамбовъ. Что касается ученія о несоблюденіи хронологической послѣдовательности изображаемыхъ событій, то старая школьная теорія также не прилагала его къ одѣ; впрочемъ вообще это ученіе она знала, но не доводила его до ученія о „безпорядкѣ“; излагалось оно въ отдѣлѣ эпической поэзіи, съ замѣчаніемъ, что относится и ко всей поэзіи вообще [4]). Это изложеніе событій не въ порядкѣ историческомъ является плодомъ fictionis poeticae.

Далѣе слѣдуетъ „поэзія елегіаческая“, которая не разсматривается авторомъ, какъ видъ лирической поэзіи, а упоминается на ряду съ этою послѣднею, какъ виды „повѣствовательной“ поэзіи: если лирической поэзіи принадлежатъ разнаго рода хвалебные сюжеты, то

---

[1]) Сочиненія, XII, 579—581.
[2]) Назв. соч., 236—240.
[3]) Словарь, I, 260—270.
[4]) Срв. *Тихонравовъ*, Сочиненія, II, примѣч., 22.

„елегіаческая" „описываетъ особливо вещи плачевныя и любовныя жалобы" (стр. 28). Такое пониманіе элегіи, какъ отличнаго отъ лирики вида поэзіи, унаслѣдовано Байбаковымъ отъ кіевскихъ піитикъ, въ которыхъ виды поэзіи: elegiaca, bucolica, satyrica, epigrammatica—перечисляются на ряду съ lyrica [1]).

Произведенія элегической поэзіи, касающіяся чувства любви, выдѣлены въ особую группу: это—элегія *Еротическая* (она „описываетъ любовь и всѣ отъ любви происходящія слѣдствія"), тогда какъ прочія образуютъ элегію *Треническую* (она „описываетъ печаль, болѣзнь и всякое несчастливое приключеніе"). Любовь впрочемъ въ данномъ случаѣ понимается очень широко: сюда входитъ, напримѣръ, и любовь къ Богу, какъ видно изъ примѣровъ, добавленныхъ въ 4-мъ изданіи; первое изданіе даетъ лишь ссылку на разныя сочиненія г. Сумарокова. стр. 183 сл. Примѣръ эротической элегіи въ 4-мъ изданіи взятъ изъ того же „Евгеонита" и представляетъ стихотвореніе на тему „изъ псалма 42, ст. 3: Возжада душа моя Тебе, Боже":

Хотя на свѣтѣ все созданіе прекрасно;
Хоть небо и земля влекутъ мой взоръ всечасно,
Хоть злато кроется въ земли, или въ моряхъ,
Хотя бъ богатство все въ моихъ было рукахъ;
Но, Боже! безъ Тебя мнѣ все мечта пустая,
Тобя единаго душа моя алкая,
Любви и радостой поставя за предметъ.
Въ селенія Твои желаніемъ течетъ...
. . . .
... Мысль твоя нигдѣ предѣла не найдетъ,
Но сопряженія съ единымъ Богомъ ждетъ...
Къ Тебѣ, о Боже! всѣмъ желаніемъ бѣжитъ,
Къ Тебѣ единому любовію горитъ:
И небо со землей, и въ свѣтѣ что ни есть,
Все должно безъ Тебя ничтожествомъ почесть.
Богатство, слава, рай, честь, красота со мною,
Какъ Ты живешь во мнѣ, а я живу съ Тобою (стр. 56—57)

Судя по этому примѣру, можно заключить, что стихотвореніе, говорящее о любви, есть элегія, хотя бы элементъ печали и жалобы

---

[1]) Заглавіе 3-й книги руководства Прокоповича: De bucolica, satyrica, elegiaca, lyrica et epigrammatica poesi. Отличіе у Байбакова лишь въ томъ, что bucolicam и satyricam poesin онъ разсматриваетъ въ другомъ мѣстѣ, на основаніи принятаго имъ сведенія всѣхъ видовъ къ тремъ главнымъ категоріямъ, какъ и видно изъ сдѣланнаго имъ въ началѣ втораго „члена" руководства перечисленія видовъ поэзіи.

и не входилъ въ него, такъ что послѣ общаго объясненія „елегіческой“ поэзіи, какъ поэзіи жалобъ и печали, со стороны Байбакова было непослѣдовательностью представлять ея видомъ всю „эротическую“ поэзію.

Въ томъ, что авторъ вводитъ въ понятіе эротической поэзіи элементъ любви къ Богу, сказалась, конечно, связь разсматриваемаго руководства съ духовною школой; ложноклассическая поэтика, если говорила объ изображеніи любви, то всегда понимала эту послѣднюю въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Примѣромъ же элегіи трепической служитъ элегія „изъ книги, кто есть истинный другъ? стр. 26 сдѣланная изъ псалма 142 стиха 2. Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, Господи...“, и изображающая чувство страха и трепета при мысли о страшномъ Судѣ Божіемъ (стр. 53—56).

Кіевскія руководства понимали элегію опредѣленнѣе, обусловливая терминъ главнымъ образомъ формою стиха и имѣя въ виду гексаметръ съ пентаметромъ, притомъ не связывая его, повидимому, непремѣнно съ опредѣленнымъ содержаніемъ; посвящая элегіи 2-ю главу 3-й книги своего руководства, Прокоповичъ озаглавливаетъ ее: „De poesi elegiaca, ubi est de versu pentametro“; далѣе онъ замѣчаетъ, что это собственно есть lamentabilis poesis, что „такимъ образомъ“ (то-есть, элегическимъ двустишіемъ?) пѣлись сначала печальныя пѣсни, но потомъ элегія стала касаться всякихъ вещей; далѣе Прокоповичъ даетъ правила о построеніи элегическаго двустишія. Кіевскія піитики писались по-латыни и имѣли въ виду главнымъ образомъ латинскіе стихи [1]); Байбаковъ пишетъ уже по-русски, имѣя въ виду и русскіе стихи вообще и наличныя произведенія русской литературы; онъ не можетъ потому говорить объ элегическомъ двустишіи и вынужденъ въ этомъ отступать отъ старинныхъ образцовъ и принимать во вниманіе признаки содержанія; отсюда является извѣстная сбивчивость понятія элегіи; ясная граница между одою и „эротическою“ элегіей исчезаетъ. Надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи онъ раздѣлилъ судьбу ложноклассическихъ теоретиковъ, которые точно также старались опредѣлить значеніе этого термина, но, не привязывая его уже къ опредѣ-

---

[1]) Георгій Конисскій въ общемъ въ своемъ курсѣ говоритъ то же; о русской элегіи замѣчаетъ, что наиболѣе удобнымъ ему для нея кажется, въ соотвѣтствіе гексаметру, стихъ 12-ти или 11-ти сложный (*Н. И. Петровъ*, Т. К. Д. А., 1867, 1, 95).

ленному стихотворному размѣру, пытались выяснить содержаніе элегіи и, хотя находили, что по преимуществу подъ такимъ названіемъ извѣстны стихотворенія, выражающія чувства грусти, но видѣли, что такъ назывались и стихотворенія другаго содержанія; отсюда мы видимъ и у нихъ колебанія, съ тою разницей, что они и въ общую характеристику элегіи включали не только выраженіе грусти, но и— радости, особенно же чувства любви; Boileau, выразившись: „La plaintive elégie". далѣе говоритъ, что она „peint des amants la joie et la tristesse" [1]); Batteux пытается положить различіе между одой и элегіей не въ содержаніи чувствъ, выраженныхъ тою и другою, а въ ихъ степени: въ одѣ высокое изступленіе, въ элегіи тихія чувства, печали или радости; однако, теоретикъ оговаривается, что радость, *кажется*, не должна входить въ понятіе элегіи. Наши русскіе позднѣйшіе теоретики, стараясь резюмировать все, что имъ извѣстно, признавали, что, во-первыхъ, элегія должна выражать печаль и радость, но не другія чувства, а, во-вторыхъ, „сіи самыя чувствованія бываютъ опредѣленной нѣкоторой степени" [2]).

Отголосокъ старыхъ школьныхъ латинскихъ руководствъ, очевидно, сказался у Байбакова (въ 4-мъ изданіи. стр. 53) въ замѣчаніи, что элегіи „пишутся по большей части шестистопнымъ" стихомъ; впрочемъ здѣсь авторъ не разумѣетъ непремѣнно дактило-хореическаго гексаметра, какъ видно изъ его примѣровъ: они написаны шестистопнымъ ямбомъ. Ложноклассическая теорія, менѣе слѣдившая за формою стиха, не давала подобныхъ правилъ, равно какъ и не требовала для элегіи обилія фигуръ, чего далѣе требуетъ нашъ авторъ: элегія „стиль должна имѣть средственный, то-есть, ни чрезмѣрно высокій, ниже весьма низкій, наполненной тѣми фигурами, которыя служатъ къ возбужденію человѣческихъ страстей, и которыя предписаны въ Ломоносовской Риторикѣ на стр. 139, слѣд." Въ этой ссылкѣ лишній разъ выразилась давно замѣченная связь между старою школьною піитикой и риторикой [3]).

Ученіе о „Поезіи Драмматической" наиболѣе кратко; „правилъ" въ собственномъ смыслѣ здѣсь почти нѣтъ; такимъ образомъ въ данномъ пунктѣ разсматриваемое руководство представляетъ наибольшее отличіе отъ руководствъ ложноклассическихъ, которыя, наоборотъ

---

[1]) L'art p., II, 41.

[2]) *Рижскій*, н. соч., 263. Срв. *Остолоповъ*, Словарь, I, 360, 361, 370.

[3]) *Тихонравовъ*, Сочиненія, II, 125—126; *Петровъ*, назв. соч.; и др.

именно въ примѣненiи къ драматической поэзiи развивали особенно строгую систему правилъ. Общаго опредѣленiя „драммы“ не дѣлается; очевидно, авторъ имѣетъ въ виду ея краткую характеристику, сдѣланную при установленiи классификацiи поэзiи. Въ самомъ началѣ дается указанiе на два ея вида: трагедiю и комедiю; авторъ приводитъ краткую характеристику обоихъ видовъ: „трагедiя имѣетъ за свой предметъ важныя дѣла славныхъ мужей, особливо перемѣны счастiя и злоключенiя. И по большой части берется отъ истинной исторiи. Комической Поэзiи матерiя состоитъ по большой части въ описанiи развратныхъ человѣческихъ дѣйствiй, смѣху и поруганiя достойныхъ великихъ и приватныхъ людей“. Точнѣйшихъ разъясненiй и правилъ для каждаго вида въ отдѣльности не находимъ; передъ нами только опредѣленiя, сами по себѣ характера правилъ не имѣющiя, да и то отличающiяся большою осторожностью: авторъ выражается „по большой части“, ослабляя этимъ категоричность своихъ сужденiй. Далѣе онъ даетъ лишь нѣкоторыя правила для сочиненiя „драммы“ вообще, но этихъ правилъ лишь два: они касаются дѣйствiй и явленiй, какъ „частей“ драматическаго произведенiя. Дѣйствiй въ драмѣ устанавливается не болѣе пяти,—старинное правило о пяти актахъ, категорически формулированное еще Горацiемъ[1]), поэтика котораго была однимъ изъ наиболѣе важныхъ авторитетовъ схоластической теорiи [2]); правило это, какъ извѣстно, восприняла и ложноклассическая теорiя; о немъ мы читаемъ, напримѣръ, у Batteux [3]); нашъ авторъ, однако, требуетъ только не болѣе пяти актовъ, меньшее же ихъ количество онъ признаетъ, добавляя, что „єжели драмма состоитъ изъ одного дѣйствiя, то называется Петипiесъ“ (стр. 29); такимъ образомъ и здѣсь авторъ ослабляетъ строгость правила. Любопытно, что названныя выше позднѣйшiя сочиненiя Рижскаго и Остолопова также обнаруживаютъ стремленiе смягчить строгость этого правила и подобно Аполлосу требуютъ „не болѣе“ пяти дѣйствiй, хотя всеже считаютъ нужнымъ замѣтить, что Горацiй признаетъ только пять актовъ [4]).

Правило о пяти актахъ было почерпнуто Байбаковымъ изъ кiев-

---

[1]) De arte poetica, 189.

[2]) На русскомъ языкѣ она существовала уже въ прозаическомъ переводѣ Тредiаковскаго. (Соч. и перев., I, 52—91).

[3]) Op. c., III, 25 sqq.

[4]) *Рижскiй*, н. с., 319; особенно *Остолоповъ*, Словарь, 281; послѣднiй оканчиваетъ свое разсужденiе этою ссылкой на Горацiя, очевидно, не рѣшаясь взять на свой страхъ окончательнаго рѣшенiя.

скихъ піитикъ, которыя приводили его, ссылаясь на Горація [1]); оттуда же взято и объясненіе значенія каждаго изъ актовъ, представляющее почти дословный переводъ словъ Прокоповича: „въ *первомъ* долженъ быть приступъ къ вещи (по Прокоповичу въ немъ предлагается summa rei, обыкновенно въ видѣ пролога); во *второмъ* самая вещь (Прокоповичъ: res ipsa fieri incipit; названіе этого момента дѣйствія — epitasis); въ *третьемъ* препятствія и неудобства дѣла (impedimenta et perturbationes; catastasis); въ *четвертомъ* приступъ къ концу (accessus ad rei exitum; это также относится къ catastasis); въ *пятомъ* самый конецъ" (catastrophe: res absolvitur). Впрочемъ, и это правило, которое и само по себѣ особенною опредѣленностью не отличается, рѣзко ограничивается замѣчаніемъ: „но сей порядокъ не съ тѣмъ предписывается, дабы непремѣнно ему слѣдовать; но болѣе зависитъ онъ отъ произволенія и хорошаго расположенія Сочинителеваго" (стр. 29). Послѣ этихъ ограниченій остается только одно правило въ строгомъ смыслѣ, чисто внѣшняго характера; опредѣливъ *явленіе*, какъ часть дѣйствія, во время которой одинъ и тотъ же составъ дѣйствующихъ лицъ находится на сценѣ, авторъ добавляетъ: „всѣ дѣйствующія лица уходить съ театра не должны прежде окончанія дѣйствія: но по крайней мѣрѣ одному человѣку остаться должно". Это правило, усвоенное и ложноклассическою теоріей [2]), находится и въ кіевскихъ руководствахъ [3]). Байбаковъ опустилъ еще одно правило послѣднихъ, заимствованное изъ Горація и запрещающее въ одномъ явленіи говорить болѣе, чѣмъ тремъ лицамъ. Есть еще замѣчаніе о стилѣ, который долженъ быть простымъ въ комедіи и важнымъ въ трагедіи; замѣчаніе это является выводомъ изъ того, что сказано раньше о содержаніи трагедіи и комедіи; эти положенія общи и схоластической и ложноклассической поэтикѣ [4]). Характера правила не имѣетъ далѣе указаніе, что иногда въ драмѣ употребляется хоръ; это указаніе — также наслѣдіе старой школьной піитики; въ 4-мъ изданіи оно выпущено, а вмѣсто того введено другое, въ которомъ можно видѣть вліяніе духовной среды: „употребленіе,

---

[1]) *Прокоповичъ*, lib. II, c. 10; *Горка*, lib. II, c. 9.

[2]) См., напримѣръ, *Boileau*, III, 412; *Batteux*, o. c., III, 34—35. *Рижскій*, н. с., 325.

[3]) *Прокоповичъ*, тамъ же.

[4]) Напримѣръ, *Boileau* говоритъ о „style humble et doux" комодіи (III, 409). *Остолоповъ*, Словарь, II, 51—52; III, 304—305; *Gorka* (указ. мѣсто) говоритъ, что комедія пишется verbis tritis, а трагедія—sublimibus.

какое нынѣ введено въ комедіяхъ и трагедіяхъ, дабы всегда содержала или помѣщала матерію любовную, не есть законъ“. Вообще можно, а для дѣтей должно сочинять драмы другаго содержанія.

Если Байбаковъ въ своихъ замѣчаніяхъ о драмѣ вообще слѣдовалъ школьнымъ руководствамъ, то въ подражаніе имъ онъ и помѣстилъ эти замѣчанія не въ началѣ, въ качествѣ общей теоріи драмы, а послѣ краткой характеристики ея видовъ. Ложноклассическія руководства говорили немало объ общихъ свойствахъ и задачахъ драмы, объ ея поучительности, о правдоподобіи, о соблюденіи трехъ единствъ; переходя къ трагедіи и комедіи, они проводили между этими двумя видами рѣзкую грань, опредѣляя и подробно характеризуя чувства, возбуждаемыя ими въ зрителяхъ (состраданіе и страхъ, возбуждаемые первымъ, смѣхъ—второю), качества и соціальное положеніе дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи и комедіи, говорили о борьбѣ героя съ препятствіями или о карѣ, постигающей его за его проступокъ, и т. д. Байбаковъ стоитъ на почвѣ старыхъ школьныхъ учебниковъ, которые сводили ученіе объ общихъ свойствахъ драмы къ немногимъ правиламъ (нашъ авторъ, какъ мы видѣли, и ихъ не всѣ удержалъ), касающимся болѣе или менѣе внѣшнихъ пріемовъ и свойствъ, вопросовъ же, выдвинутыхъ ложноклассическою теоріей, не поднимали. Понятіе „драматической“ поэзіи, обнимающей трагедію и комедію, у нихъ есть, но особой роли не играетъ (озаглавивъ всю 2-ю свою книгу: De poesi epica et drammatica, Прокоповичъ, однако, далѣе почти не упоминаетъ этого термина; 10-я глава 2-й книги озаглавлена: Tragoedia, Comoedia et Tragicomoedia; такимъ образомъ сразу вводятся лишь видовые термины). Что касается видовъ драмы, то опредѣленія трагедіи и комедіи у Байбакова почерпнуты изъ тѣхъ же старыхъ школьныхъ руководствъ: они очень близки къ опредѣленіямъ, которыя мы читаемъ у Прокоповича [1]).

Я намѣренно не коснулся пока, говоря о драмѣ, еще одного пункта, въ которомъ Байбаковъ сходится съ кіевскими руководствами, но рѣзко противорѣчитъ ложноклассикамъ. Хотя по пониманію Аполлоса трагедія занимается „славными мужами“, однако и въ комедіи, какъ сказано уже въ ея опредѣленіи, могутъ изображаться плохія дѣла не только „приватныхъ“, но и великихъ людей. Далѣе авторъ допускаетъ еще больше, а именно, чтобы „шутошныя дѣла смѣшивались съ

[1]) Опредѣленія трагедіи и комедіи по Прокоповичу были напечатаны Н. С. Тихонравовымъ (Сочин., II, прим., 21).

важными" (стр. 28); это смѣшеніе даетъ „смѣшанной Драммы родъ"; такія произведенія Байбаковъ называетъ „комико-трагедіями" и „трагико-комедіями": первый видъ „зачинается описаніемъ веселымъ, а кончится плачевнымъ"; второй „съ плачевнаго на веселомъ кончится". Рѣзкое разграниченіе литературныхъ родовъ и видовъ, требованіе соблюденія границъ между ними и запрещеніе смѣшивать свойства одного (относящіяся какъ къ содержанію, такъ и къ формѣ) съ свойствами другаго было одною изъ характерныхъ особенностей ложноклассической теоріи, и, можетъ быть, эта особенность нигдѣ не проявлялась такъ сильно, какъ въ ученіи о трагедіи и комедіи: оба эти вида противополагались другъ другу въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, и никакихъ посредствующихъ ступеней не допускалось. Извѣстна борьба противъ строгости этого взгляда, главнымъ образомъ сосредоточившаяся вокругъ „жалостныхъ комедій" и „мѣщанскихъ трагедій". Борьба шла и на Западѣ, и у насъ; усердные послѣдователи ложноклассической теоріи не признавали этихъ „новыхъ и пакостныхъ произведеній", „незаконорожденныхъ тварей", которыя „не суть ни трагедіи ни комедіи", и Сумароковъ печаталъ письмо, полученное имъ отъ самого Вольтера и содержащее порицаніе этихъ произведеній [1]); „Словарь" Остолопова уже въ 1821 году приводитъ выдержку изъ этого письма [2]); Рижскій находитъ [3]), что „должно согласиться съ тѣми критиками, кои не одобряютъ" такихъ пьесъ, „бывающихъ уродливымъ смѣшеніемъ комическаго рода съ трагическимъ. Ихъ называютъ иногда драмами, иногда трагикокомедіями, иногда комедіями жалостными". Такъ и Batteux не рѣшался признать ихъ, подъ давленіемъ авторитетовъ, хотя, принципіально разсуждая, и готовъ былъ признать ихъ законность. Между тѣмъ Байбаковъ стоялъ и здѣсь на почвѣ старой школьной теоріи: „трагикомедія" или „трагедо-комедія" признавалась и на практикѣ и въ теоріи въ Кіевской академіи. Согласно приведеннымъ выше опредѣленіямъ трагедіи и комедіи, теорія указывала разницу между ними въ нѣсколькихъ отношеніяхъ: въ трагедіи выводятся герои, изображаются серьезныя ихъ дѣянія, пишется она важнымъ стилемъ, содержаніе берется изъ исторіи; въ комедіи—humilium personarum res risu dignae; verba trita; argumentum effingitur [4]);

---

[1]) Сочиненія Сумарокова², IV, 61—68.

[2]) Словарь, I, 282.

[3]) Н. соч., 341.

[4]) Особенно проводится эта параллель у Л. Горки (lib. III, c. 9).

однако это разграниченіе не получаетъ характера безусловнаго правила, такъ какъ и относительно трагедіи дѣлается замѣчаніе, что содержаніе ея не непремѣнно должно быть взято изъ исторіи, но также fingi potest (Горка); далѣе же признается возможнымъ смѣшивать отдѣльные, указанные выше, элементы обоихъ видовъ драматической поэзіи; отсюда получается „genus mixtum“ (такъ называютъ и Прокоповичъ и Горка; таково же названіе этихъ произведеній и у Байбакова), „cum scilicet res ridiculae et facetae cum seriis aut tristibus, personaeque viles cum illustribus permiscentur“ (Прокоповичъ), или когда „дѣла и лица смѣшиваются“; и если въ характеристику комедіи не внесены смѣшныя дѣянія великихъ особъ (какъ это уже сказано Байбаковымъ), то они всеже допускались въ этотъ „смѣшанный родъ“; примѣръ, указанный Прокоповичемъ, „Amphitruo“ Плавта, подтверждаетъ это.

Ученіе о смѣшанномъ родѣ, о трагикомедіи, входило во всѣ извѣстныя кіевскія піитики [1]), а затѣмъ и въ составленные по ихъ образцу учебники и курсы этой науки въ великорусскихъ духовныхъ училищахъ [2]); такъ и на практикѣ, въ кіевскихъ драматическихъ произведеніяхъ мы съ самаго перваго времени, какъ это было отмѣчено уже Н. С. Тихонравовымъ, встрѣчаемъ „смѣшеніе предметовъ высокихъ съ низкими“ [3]). Въ этомъ пунктѣ я усматриваю одну изъ самыхъ, если не самую характерную черту различія между нашею старою школьною литературой и ея теоріей съ одной стороны, и направленіемъ ложноклассическимъ съ другой. Именно черезъ это смѣшеніе серьезныхъ и смѣшныхъ элементовъ и вторгались въ школьную поэзію „явленія обыденной жизни“, болѣе или менѣе реальныя и жизненныя черты. Извѣстныя сцены такого характера во „Владимірѣ“ Прокоповича и въ приписываемой св. Димитрію Ростовскому Рождественской драмѣ были бы немыслимы въ серьезномъ произведеніи ложноклассическаго театра. Къ явленіямъ того же порядка относятся извѣстныя интерлюдіи въ школьной драмѣ. Ложноклассическій театръ и его теорія пріостановили развитіе этихъ элементовъ; но школьная теорія продолжала постоянно говорить о смѣшанномъ родѣ драмы, о

---

[1]) *Макарій*, Исторія Кіевской академіи, 62—63 (указаніе на ученіе о трагикомедіи въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ руководствъ, 1637 г.).

[2]) Напримѣръ г. *В. Колосовъ* (Исторія Тверской духовной семинаріи, 89) даетъ указаніе, что „Ars Poetica“, составленная и преподанная въ Тверской семинаріи въ 1746 году, также трактовала „о трагедіи, комедіи и трагикомедіи“.

[3]) *Тихонравовъ*, Соч., II, примѣч., стр. 24.

трагикомедіи, о разнообразномъ смѣшеніи серьезнаго и смѣшнаго, важнаго и низкаго, печальнаго и веселаго; учебникъ Байбакова дожилъ въ послѣднихъ изданіяхъ до паденія и самой ложноклассической теоріи въ Россіи.

Стоя такимъ образомъ въ своихъ замѣчаніяхъ о драматической поэзіи особенно ясно на почвѣ старыхъ школьныхъ учебниковъ, авторъ разсматриваемаго руководства самъ, повидимому, не представлялъ себѣ ясно ихъ несогласія съ ложноклассической литературой. Указывая вообще въ качествѣ примѣровъ на офиціально признанныя произведенія русской литературы, онъ и въ данномъ случаѣ примѣры драматическихъ произведеній рекомендуетъ искать въ сочиненіяхъ Сумарокова (стр. 29). Въ 4-мъ изданіи добавлено указаніе и на Хераскова, а также и на переводы иностранныхъ сочиненій: „изъ переведенныхъ за лучшія почесть можно *Голберговы*: Плутосъ; Гордость и бѣдность проч." (стр. 59).

Послѣ объясненія драматической поэзіи авторъ переходитъ къ поэзіи „Епической" и вообще къ тѣмъ родамъ, которые у него объединены выше понятіемъ „смѣшанной" поэзіи. Прежде всего находимъ такое опредѣленіе: „поэзія Епическая, или *Героическая* славныхъ мужей славныя описываетъ дѣла стихомъ Гексаметромъ съ нѣкоторою вѣроятною выдумкою" (стр. 29). Мы уже указывали выше, что существеннаго различія между лирическою поэзіей или одою и эпопеею авторъ не сознаетъ; главными отличіями эпопеи отъ оды являются объемъ, стихотворный размѣръ (гексаметръ) и „смѣшанный" характеръ изложенія (въ томъ смыслѣ, какой приданъ этому слову авторомъ при указаніи главныхъ родовъ поэзіи), то-есть, черты чисто внѣшнія. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что „сей родъ Поэзіи есть всѣхъ превосходнѣе" (стр. 30). Всѣ эти замѣчанія восходятъ къ кіевскимъ учебникамъ; опредѣленіе Прокоповича то же самое: epopaeia est „poesis hexametro carmine res gestas virorum illustrium exponens, cum fictione" [1]); тѣ же учебники высказываютъ, что этотъ родъ поэзіи—„eminet inter alias", „reliquarum omnium princeps est" [2]); эту мысль мы находимъ и въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ ложноклассическихъ, какъ у Буало [3]).

---

[1]) Op. c., lib. II, c. 1.

[2]) Ibidem, l. II, c. 8.
Горка, Op. c., lib. II, c. 8.

[3]) D'un air plus grand encore la Poésie Epique... (L'art p., II, 160). Въ переводѣ гр. Хвостова это мѣсто передано такъ: „Всѣхъ величавѣе у эпопеи ходъ".

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько примѣчаній, частью разъясняющихъ сказанное въ опредѣленіи, частью вводящихъ нѣчто новое. Первое изъ нихъ говоритъ, что „шестистопный стихъ избирается согласно важности" даннаго рода, „потому что сей стихъ есть полнѣе, важнѣе и великолѣпнѣе". Схоластическая теорія обращала большее вниманіе на стихосложеніе, на выборъ размѣра, расположеніе риѳмъ и стиховъ, чѣмъ ложноклассическая; имѣя прежде всего въ виду латинскіе стихи и латинскіе образцы, теоретики послѣдовательно должны были въ качествѣ размѣра для эпопеи признать гексаметръ. Ложноклассическая теорія, развившаяся во Франціи, не говоритъ о гексаметрѣ; такъ и въ русскихъ, указанныхъ выше, сочиненіяхъ Рижскаго и Остолопова мы не видимъ правила о гексаметрѣ. Для Байбакова, впрочемъ, терминъ „гексаметръ" не означаетъ спеціально дактило-хореическаго гексаметра, а вообще всякій шестистопный стихъ; поэтому онъ и могъ въ примѣръ героической эпопеи указать „Россіаду".

Второе примѣчаніе говоритъ, что эпопея имѣетъ три части: „предложеніе, призываніе и изложеніе" (стр. 30). Это пунктъ общій обѣимъ школамъ теоріи поэзіи; въ ложноклассической теоріи ученіе о предложеніи и призываніи подробно развито аббатомъ Batteux [1]), который придаетъ этимъ частямъ очень важное значеніе. Нашъ авторъ, повидимому, не цѣнитъ ихъ въ такой степени, такъ какъ (подобно тому какъ мы видѣли это и выше, въ другихъ случаяхъ) изъясняетъ въ примѣчаніи 4-мъ: „Расположеніе помянутыхъ частей не съ тѣмъ предписано, чтобы ихъ преступить нельзя было; но болѣе зависитъ отъ порядочнаго расположенія самаго писателя, такъ что можетъ случиться и болѣе частей, нежели здѣсь сказано, и менѣе". Въ частности (примѣчаніе 5-е) призываніе нерѣдко можетъ отсутствовать; лишь при изображеніи священнаго событія должно быть сдѣлано призываніе Бога или святыхъ; это послѣднее замѣчаніе опять взято изъ старой піитики (срв. Прокоповичъ, lib. II, c. 2, со ссылкою главнымъ образомъ на Тасса).

Что касается болѣе точнаго опредѣленія самаго содержанія эпопеи, то объ этомъ говоритъ лишь краткое примѣчаніе 3-е: „должно быть повѣствованіе просто описанное съ выдумками, отъ простой Исторіи взятыми"; заимствуя изъ старыхъ руководствъ самыя общія замѣчанія и положенія, Байбаковъ опускаетъ ихъ разсужденія объ отношеніи

---

[1]) Op. cit., II, 187—188; 286—290.

эпопеи къ исторіи, о томъ, въ чемъ можетъ заключаться вымыселъ (fictio ipsius rei или только modi, quo facta res fuerit), правила о необходимости приписывать герою только слова и дѣйствія, свойственныя его общественному положенію и историческому значенію и т. п. (обыкновенно на основаніи Горація); такимъ же образомъ онъ не воспроизводитъ ихъ разсужденій о тропахъ и фигурахъ, о построеніи стиха, о соотвѣтствіи предложенія и призыванія содержанію (по Горацію). Тѣмъ болѣе нѣтъ у него разсужденій теоретиковъ ложноклассическихъ (въ отличіе отъ школьныхъ), касающихся самаго содержанія эпопеи и представляющихъ въ строгомъ смыслѣ правила, по которымъ надо строить поэтическій разказъ о важномъ историческомъ событіи: о единствѣ дѣйствія въ эпопеѣ (которое создается тѣмъ, что герой все время стремится къ одной цѣли и борется съ препятствіями къ ея достиженію, такъ что дѣйствіе эпопеи и сосредоточивается на этихъ препятствіяхъ и ихъ устраненіи), о чудесномъ элементѣ въ ней, который считается необходимымъ и лишь у рѣдкихъ теоретиковъ [1])—почти необходимымъ, о свойствахъ дѣйствующихъ лицъ, о выдержанности характеровъ, о чувствѣ удивленія, которое должно вызываться эпопеей, о томъ, что сюжетъ эпопеи долженъ быть взятъ не изъ новыхъ временъ и т. п. Все это не входило не только въ руководство Байбакова, но и вообще въ школьную теорію поэзію, насколько мы можемъ о ней судить. Взглядъ на предлагаемыя правила у ложноклассическихъ теоретиковъ вообще болѣе строгій; лишь позднѣйшіе изъ нихъ позволяютъ немного смягчать его [2]).

Въ 4-мъ изданіи добавлено еще одно примѣчаніе, о раздѣленіи эпопеи на пѣсни; число ихъ строго не опредѣляется: „ихъ можетъ случиться десять и болѣе и менѣе“ (стр. 61). Для примѣра въ 1-мъ изданіи указывается на сочиненія Ломоносова, а въ 4-мъ находимъ хвалебный отзывъ о Россіадѣ: *„Достохвальный въ семъ Поезіи родѣ предложилъ примѣръ превосходнѣйшій изъ Россійскихъ Стихотворцевъ писатель, высокоименитый наукъ покровитель* Михайло Матвѣевичъ Херасковъ *въ Россіадѣ; въ сочиненіи, исполненномъ знанія и въ порядкѣ правильномъ достойномъ подражанія“* (стр. 61).

Такимъ образомъ и для эпопеи въ разсматриваемомъ руководствѣ мы не находимъ правилъ въ строгомъ смыслѣ; если они и есть, то

---

[1]) Срв. разсужденія Мерзлякова въ разборѣ „Россіады“ („Амфіонъ“, 1815).

[2]) *Рижскій* (н. соч 202) не считаетъ, напримѣръ, необходимымъ призыванія; предложеніе же и онъ считаетъ необходимымъ (тамъ же, 203).

касаются главнымъ образомъ внѣшней формы; правилъ же касающихся содержанія и внутреннихъ свойствъ произведенія, почти совершенно нѣтъ; къ тому же находимъ и здѣсь замѣчанія, ограничивающія строгость правила. Въ этомъ опять оказывается различіе между разбираемымъ руководствомъ и ложноклассическою теоріей.

Далѣе слѣдуетъ „поезія Буколическая, или *Георгическая*“. Разсужденіе автора по этому предмету выдвигаетъ, собственно говоря, только одно свойство этого поэтическаго рода; къ этому свойству и пріурочивается данный терминъ: это—изображеніе міра деревенскаго и вообще природы; эта поэзія „приводитъ разные пастушескіе и поселянскіе разговоры“ (стр. 30). Этотъ деревенскій міръ не ограничивается исключительно пастухами: о нихъ упоминается только на первомъ мѣстѣ при перечисленіи разныхъ предметовъ, которымъ посвящаются произведенія этого рода поэзіи. Дѣйствующими лицами могутъ являться „пастушки, пастўшки, жнецы, сѣнокосцы, садовники, огородники, ловчіе, собиратели винограда и плодовъ и т. п.“ (стр. 30—31). Ученія о стилѣ, которымъ должно писать такія стихотворенія, о томъ, какія именно дѣйствія, съ какимъ исходомъ, должны быть ихъ сюжетомъ, мы не находимъ. Далѣе слѣдуетъ болѣе подробное разъясненіе уже сдѣланной раньше характеристики: *матерію* буколической поэзіи составляютъ „сихъ людей дѣла, неблагополучія, жалобы, труды, печали, ссоры, пѣсеньки, разговоры, похваленія и охужденія. *Вещи:* лѣсà, овцы, стадà, скоты, звѣри, плоды, красота, сѣни кустовъ, пещеры, рѣкъ теченіе, источники, ручьи, и любовь; также солнце, мѣсяцъ, звѣзды и все что имъ больше видимо, ихъ окружаетъ“. Для ложноклассической теоріи пастухи были единственными представителями простаго народа, которыми могъ заниматься поэтъ; далѣе, она требовала непремѣнно изображенія благополучной ихъ жизни, неглубокихъ горестей (любовныхъ жалобъ), отсутствія преступленій, всегда счастливой развязки [1]), чтобы пастушеская жизнь являлась жизнью „дѣтей золотаго вѣка“. Объ этомъ блаженствѣ жизни не говорятъ и кіевскіе учебники; опредѣленіе, которое даетъ, напримѣръ, Прокоповичъ, также сближаетъ Байбакова съ нимъ: rusticarum actionum imitatio [2]); далѣе Прокоповичъ говоритъ то вообще о homines agrestes, то частнѣе—о пастухахъ; у него находимъ и нѣкоторыя правила, опущенныя у нашего автора: буколическія про-

---

[1]) См. *Batteux*, op. cit., II, 86—87.

[2]) Op. cit., l. III, c. 1.

изведенія представляютъ разговоръ двухъ или болѣе пастуховъ, почти всегда имѣютъ аллегорическое значеніе, пишутся гексаметромъ (удобнымъ между прочимъ для передачи cunctationis rusticae) и должны избѣгать verborum et sententiarum splendorem (обычное всѣмъ руководствамъ правило о согласованіи слога съ изображаемою общественною средою). Очевидно, ученіе школьныхъ руководствъ о буколической поэзіи восходитъ къ тому времени, когда теоретики еще не опредѣляли всѣхъ подробностей содержанія того произведенія, въ которомъ поэтъ захотѣлъ бы вывести простыхъ поселянъ: характеровъ выводимыхъ лицъ, ихъ чувствъ, характера фабулы для такого произведенія и того, какъ должна она развиваться; то-есть, восходитъ, подобно и другимъ элементамъ школьной теоріи, ко времени, предшествующему развитію теоріи ложноклассической.

Въ заключеніе находимъ у автора замѣчаніе: „Къ сему же роду принадлежитъ *Идиллія* стихъ пастушской". Какія въ частности особенности приписываетъ онъ „идилліи", не выяснено; не выясняетъ этого и примѣръ изъ Сумарокова: „Пойте, птички, вы свободу..." [1]).

Надо думать, что понятіе „идилліи" было почерпнуто авторомъ изъ тогдашней литературы, въ особенности изъ журналовъ, изъ которыхъ на „Полезное Увеселеніе" ссылается и авторъ, рекомендуя искать тамъ „во многихъ мѣстахъ" примѣровъ идилліи (стр. 31); идилліи появлялись въ подражаніе французской литературѣ; французская теорія уже признала ее, и у Буало есть ея характеристика: для него идиллія и есть вообще пастушеское стихотвореніе; школьная теорія, повидимому, этого термина не употребляла [2]), и Байбаковъ не сумѣлъ опредѣлить отношенія идилліи къ „пастушеской поэзіи"; ложноклассическіе теретики, Батте и его послѣдователи [3]) стараются, хотя и не вполнѣ успѣшно, провести болѣе или менѣе ясную границу между эклогою и идилліею, какъ видами пастушеской поэзіи; нашему автору это, повидимому, оставалось неизвѣстнымъ.

Далѣе слѣдуетъ краткое разсужденіе о „поэзіи Сатирической", которая „пріятнымъ и насмѣшливымъ образомъ исправляетъ человѣческіе пороки" (стр. 31); далѣе дѣло болѣе поясняется указаніемъ, что „*матерія* ея, глупцы бездѣльники, плуты, моты, шалуны и подоб.". Характеръ правила имѣетъ дальнѣйшее, довольно однако

---

[1]) Сочиненія [2], VIII, 154—156.

[2]) Сужу по извѣстнымъ мнѣ курсамъ.

[3]) Напримѣръ, *Рижскій*, н. соч., 140.

неопредѣленное положеніе: „Сатира долженствуетъ быть жарка, кусающа, и колюща"; болѣе ясно другое наставленіе, повторяющее часто высказывавшуюся въ XVIII вѣкѣ мысль,—не писать сатиръ „на лицо": „надобно знать, что въ Сатирѣ по большой части употребляются ложныя и вымышленныя имена". Въ 4-мъ изданіи такое осмѣяніе опредѣленныхъ лицъ называется *пасквилемъ*, и прибѣгать къ нему не рекомендуется: „лучше описывать пороки въ существительномъ, а не въ прилагательномъ имени, напримѣръ, пьянство, а не пьянаго имркъ; гордость вообще, а не гордаго по имени" (стр. 64). Наставленіе это школьный учебникъ преподавалъ по образцу своихъ предшественниковъ; еще въ кіевскихъ руководствахъ, служившихъ основными образцами для московскихъ, читаемъ соотвѣтствующія правила; такъ, Прокоповичъ училъ, что сатирическая поэзія должна исправлять пороки, а не оскорблять, что должно не касаться именъ или же выводить имена вымышленныя, напримѣръ, имена, обозначающія извѣстные пороки [1]).

Сущность понятія сатирической поэзіи также опредѣляется близко къ Прокоповичу, по которому эта поэзія „faceta esse debet in carpendis hominum vitiis". Правилъ о композиціи сатиры, о распредѣленіи въ ней матеріала въ старыхъ піитикахъ также не находимъ [2]).

Впрочемъ въ ученіи о сатирѣ и ложноклассическіе теоретики [3]) не отошли далеко отъ школьной піитики; разрабатывая по преимуществу драму, эпопею, оду и пастушескую поэзію, они также не выработали опредѣленныхъ правилъ для сочиненія сатиры; у нихъ встрѣчаемъ тѣ же мысли объ обличеніи пороковъ, о необходимости избѣгать злословія. Однако, мы находимъ у нихъ и новыя черты: сатира подводится подъ болѣе общее понятіе дидактической поэзіи; имѣя въ виду содержаніе произведенія, теоретики касаются чувствъ самого сатирика и дѣлятъ сатиру на важную и забавную, смотря по основному настроенію автора: негодованію или презрѣнію и смѣху; на томъ же основаніи они меньше обращаютъ вниманія на самую форму произведенія и расширяютъ понятіе сатиры, говоря, что она можетъ быть писана различно: въ формѣ повѣствованія, письма, драмы;

---

1) Op. cit., lib. III, c. 1.

2) Ѳеофанъ Прокоповичъ: partes nullas habet, sed ad arbitrium suum, quae proposuerit poeta, illa tractat.

3) См., напр., *Batteux*, op. cit., III, 345 sqq.

Рижскій, н. соч., 285 слл.

Остолоповъ, Словарь, III, 76 слл.

впрочемъ, признаютъ, что лучше всего ей быть въ формѣ дидактической, то-есть, въ формѣ обличительнаго описанія существующихъ на самомъ дѣлѣ явленій, безъ поэтическаго *вымысла*, а только съ поэтическими *украшеніями* [1]). Только въ послѣднемъ болѣе, узкомъ, смыслѣ понимаютъ очевидно „сатиру" школьные теоретики.

У нашего автора указанныхъ подробностей ложноклассической теоріи сатиры также нѣтъ. Въ качествѣ примѣра указываются сочиненія Кантемира, а въ 4-мъ изданіи добавлено указаніе на „Полезное Увеселеніе", и, кромѣ того, приводится изложенное стихами наставленіе учителя поэзіи, задающаго ученикамъ духовной школы упражненіе на сатирическую тему [2]).

---

[1]) *Batteux*, o. c., III, 351; срв. 325—326, 334.

[2]) Привожу это любопытное наставленіе. „Въ 1779 году, говоритъ авторъ, въ Лаврѣ Піитическимъ Учителемъ назначена была для сочиненія Сатиръ задача слѣдующая:

Сатира пишется не прозой, но стихами,
При остромъ замыслѣ съ пристойными словами.
Сокрытымъ образомъ должна пороки ругать,
Бездѣльниковъ, глупцовъ разумно исправлять.
И есть ли вы теперь писать ее хотите,
Порочныхъ за предметъ въ матерію возьмите:
Коснитесь лѣности, браните долгой сонъ,
    Сколь продолжителенъ онъ,
    Подробно изъясните,
И въ точности дѣла лѣнивыхъ опишите.
Примѣромъ: какъ они валятся на кровать,
И не раздѣвшися не въ пору лягутъ спать;
    По утру вставъ зѣваютъ,
        И снова засыпаютъ;
Или когда со сна глазами не глядятъ,
        Да тотчасъ и ѣдятъ;
И рожу не умывъ, какъ чучалы сидятъ.
А можете еще и болтуновъ коснуться;
Но такъ, чтобъ можно имъ отъ глупости проснуться.
                Не разглядя,
                Не разсудя,
Сороки по избамъ, летая какъ стрекочутъ;
        Такъ и они блекочутъ.
На кровлю вспрыгнувши, какъ рѣзвая коза,
Не зная, какъ скочить, потупивъ въ низъ глаза,
        Спрыгнуть желаетъ,
                Кричитъ,
                Вопитъ,

Наконецъ, авторъ говоритъ о поэзіи „епистоларной“; этотъ терминъ относится къ формальному признаку и усвaивается всякимъ стихотвореніямъ, изложеннымъ въ формѣ письма, допуская всякое содержаніе: эта поэзія „изображаетъ все то въ стихахъ Піитическимъ духомъ и образомъ, что пишется въ письмахъ прозою отсутствующими къ отсутствующимъ“. Сообразно тому она можетъ трактовать различные сюжеты: „бываютъ Епистолы любовныя, нравоучительныя, и проч“. (стр. 31). Впрочемъ, „по нынѣшнему обыкновенію по большой части“ такая форма служитъ для выраженія похвалы какому нибудь лицу, предмету, событію. Въ этомъ расположеніи автора къ похвальнымъ сюжетамъ, которое видно было и въ другихъ, выше разсмотрѣнныхъ, мѣстахъ учебника, отражается, кажется мнѣ, изстари господствовавшая въ духовной школѣ любовь къ похвальнымъ стихотвореніямъ и всякаго рода панегиристическимъ произведеніямъ. Все это мѣсто заимствовано изъ характеристики родовъ поэзіи, находящейся въ „Способѣ“... Тредіаковскаго [1]), но замѣчаніе о преобладаніи похвальныхъ епистолъ принадлежитъ самому Байбакову. Что касается старой школьной теоріи, то она объ эпистолярной поэзіи не говорила.

За ученіемъ о „епистоларной поезіи“ слѣдуетъ у Байбакова перечисленіе еще нѣсколькихъ родовъ поэзіи. Авторъ сообщаетъ о нихъ въ качествѣ добавленія къ изложенному выше: „Есть также и другіе роды Поезіи: какъ-то“... (стр. 32). Названія всѣхъ этихъ

Хозяина итти себя снять принуждаетъ.
Подобно можете и рѣзвость описать:
Вы знаете, какъ рѣзвой закружится,
Сюда, туда вертится,
То бѣгая поетъ,
Или въ ладоши бьетъ,
Или другихъ толкаетъ,
И въ яму, какъ овца, прыгнувши попадаетъ.
Сверьхъ шалуновъ такихъ и сказанныхъ лѣнивцовъ
Коснуться можете мотовъ или горделивцовъ,
Иль тѣхъ, кому не стать
Стихи писать;
Ученыхъ дураковъ,
Или подобныхъ имъ: пьянюгъ и шалуновъ.
Колючею вы ихъ Сатирой опишите,
И въ среду мнѣ свою зачаду подадите“. (Стр. 75—76).

[1]) Соч. и переводы, I, 147.

родовъ заимствованы (въ большемъ или меньшемъ сокращеніи) изъ Тредіаковскаго, именно изъ 7-й главы его „Способа...", носящей заглавіе: „О разныхъ поэмахъ, стіхами сочиняемыхъ". У Тредіаковскаго всѣ эти роды перечислены на ряду съ эпическимъ, буколическимъ, драматическимъ и т. п., такъ что вся поэзія раздѣляется у него на 23 рода. Академикъ М. И. Сухомлиновъ, указавшій вообще на зависимость Байбакова отъ Тредіаковскаго съ одной и отъ старинныхъ латинскихъ школьныхъ учебниковъ съ другой стороны, говоритъ о заимствованіи первымъ у второго и ученія о раздѣленіи поэзіи [1]). Ближайшее сличеніе руководства Байбакова съ его источниками указываетъ, что Байбаковъ заимствовалъ у Тредіаковскаго ученіе о тѣхъ вещахъ, о которыхъ не говорила школьная теорія; въ другихъ случаяхъ онъ обращался къ послѣдней, а потому, какъ выше указано, въ отдѣлахъ объ эпическомъ, лирическомъ, драматическомъ и т. п. родахъ поэзіи онъ во многомъ отступаетъ отъ Тредіаковскаго. И въ данномъ случаѣ онъ, повидимому, выписалъ изъ разсужденія послѣдняго такія свѣдѣнія, которыхъ не давали ему школьныя руководства, о тѣхъ „родахъ", которыхъ не упоминали послѣднія. По своему панегиристическому и поздравительному характеру эти „роды" поэзіи подходили впрочемъ ко вкусамъ нашей духовной школы. Такова, напримѣръ, поэзія „*Генетліаческая*, съ днемъ рожденія привѣтствующая; Епиталамическая, брачнымъ сочетаніемъ поздравляющая. *Апобатерическая*, которою прощаются съ отъѣзжающими въ путь остающіеся на мѣстѣ. *Епибатерическая*, которою возвратившіеся изъ пути благодарятъ Бога. *Пропемтическая*, которою провождающіе отъѣжжающимъ желанія приносятъ. *Синхаристическая*, коею поздравляютъ возвратившихся въ отечество, или прибывшихъ гостей. *Епиническая*, коею піиты побѣдителю непріятеля поздравленіе приносятъ. *Сатирическая* привѣтствуетъ свобожденіемъ отъ тяжкой болѣзни. *Епидиктическая* или *Панегирическая*, коею похваляются добродѣтели и славныя дѣлà. Евхаристическая, которою благодаренія за благодѣяніе приносятся. *Еоническая*, поздравляющая прошествіемъ цѣлаго вѣка и описывающая бывшія приключенія. *Схолистическая* или *Симпосіастическая* возноситъ и прославляетъ великолѣпный пиръ. *Просевхтическая*, коею Бога молимъ, или обѣты творимъ, или у высочайшихъ лицъ просимъ" (стр. 32). Отличіе Байбакова отъ Тредіаковскаго заключается въ данномъ случаѣ въ томъ,

---

[1]) Исторія Россійской Академіи, I, 204—205.

что въ этихъ родахъ онъ не видитъ вполнѣ новыхъ категорій: повторивъ ихъ со словъ своего руководителя, онъ замѣчаетъ: „Но такіе всѣ Поэзіи виды отнесены быть могутъ къ прежде положеннымъ, какъ-то къ Елегіаческой, Лирической, Комической и проч." Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ такая оговорка сдѣлана и Тредіаковскимъ [1]), у Байбакова она распространена на всѣ эти роды. Интересно, что здѣсь же, кромѣ поздравительныхъ и привѣтственныхъ стихотвореній, находимъ у Байбакова еще два рода поэзіи: „*Дидактическую*, предписывающую нравоучительныя, естественныя и художественныя правила",—и „*Апологетическую*; сія бываетъ повѣствованіемъ разговаривающихъ между собою лицъ и бездушныхъ тварей, для исправленія человѣческихъ нравовъ, искорененія и обличенія злонравныхъ". Дѣйствительно, школьныя старыя руководства не упоминали этихъ двухъ отдѣловъ, и Байбаковъ, позаимствовавъ ихъ у Тредіаковскаго, не видѣлъ въ нихъ особой надобности, находя, что ихъ можно подвести подъ указанные выше. Ложноклассическая теорія эти категоріи знала; дидактическая поэзія являлась для нея родовымъ понятіемъ, подъ которое подходили и сатира и епистола [2]); съ аполога или басни Батте начиналъ свою характористику видовъ поэзіи; впослѣдствіи, когда выработалось понятіе эпической поэзіи, какъ одного изъ трехъ или четырехъ (считая дидактическую поэзію) главныхъ родовъ, басня считалась однимъ изъ ея видовъ [3]).

Собственно теорія русскаго стихотворства въ разсматриваемомъ руководствѣ здѣсь оканчивается. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ, писанный по-латыни и представляющій, подъ заглавіемъ: De carminibus usitatioribus in lingua latina (стр. 33—40),—ученіе о латинскомъ стихосложеніи, о главнѣйшихъ видахъ латинскихъ стиховъ и строфъ. Глава эта очевидно приспособлена была къ потребностямъ преподаванія въ Академіи и вообще въ духовной школѣ и имѣетъ въ виду школьныя упражненія въ латинскомъ стихотворствѣ. Приводятся правила латинской просодіи, касающіяся свойствъ употребительныхъ латинскихъ стиховъ (гексаметра, пентаметра, гликонейскаго, асклепіадова и др.) и строфъ (сафической и т. д.); нерѣдки ссылки на просодію „insignis-

---

[1]) Напримѣръ, о „панегирической": „Она есть какъ Героіческая, такъ и Ліріческая" (Соч. и перев., 150); то же сказано о „схолистической", „эпической"..; объ „эпиникіческой": „она есть и ліріческая".

[2]) *Batteux*, o. c., III, 340, 417. Срв. *Рижскій*, н. соч., 67, 284—285.

[3]) Такъ у русскаго переводчика Батте; срв. *Рижскій*, н. соч., 105 слл.; *Остолоповъ*, Словарь, III, таблица, стр. XI.

simi Vossii", главный источникъ автора въ данномъ отдѣлѣ. Только этотъ отдѣлъ изложенъ авторомъ по-латыни; прочіе—по-русски.

Первое изданіе „Правилъ" этимъ оканчивается. Позднѣе Байбаковъ не удержался и добавилъ, хотя и въ краткомъ видѣ, отдѣлъ о стихотворныхъ фокусахъ, слѣдуя вкусамъ и обычаю школы: разсужденіе о нихъ мы находимъ во всѣхъ извѣстныхъ курсахъ школьной піитики [1]); исключеніе представляли курсы: Ѳеофана Прокоповича [2]), который сознавалъ ихъ нелѣпость, и гораздо позднѣе—Георгія Конисскаго. Отношеніе Байбакова къ этимъ „курьезнымъ стихотвореніямъ" даетъ, повидимому, право думать, что во второй половинѣ XVIII вѣка имъ не придавалось уже такого значенія, какъ прежде. Однако, полное ихъ исключеніе, повидимому, школьнымъ цѣлямъ еще не соотвѣтствовало, и авторъ пополнилъ позднѣе пропускъ, допущенный имъ въ 1-мъ изданіи, подобно тому какъ Лаврентій Горка, подражатель Ѳеофана, хотя и видѣлъ въ этихъ упражненіяхъ laboriosas nugas, однако пространно разсуждалъ о нихъ, уступая вкусамъ „своего времени". Но все-таки Байбаковъ выдѣлилъ эти разсужденія изъ главной части своего руководства, помѣстивъ ихъ въ концѣ, въ заключеніе отдѣла о латинскихъ стихотвореніяхъ, тогда какъ главная часть посвящена русскому стихотворству и писана по-русски. Кажется, въ области этого рода упражненій всегда господствовалъ латинскій языкъ, и потому данное разсужденіе является у Байбакова, какъ часть отдѣла „De carminibus usitatioribus in lingua latina"; примѣры приводены также только латинскіе. Въ этой „poesis curiosa" онъ отмѣчаетъ слѣдующіе виды: acrostichon, onomasticon et paroemiacum; aenigmaticum; aequidicum; aequivocum; alphabeticum seu pangrammaton; anagrammaticum; arithmeticum; antithetum; brachicolon seu monosillabicum; caballsticum; cancrinum seu retrogradum; centaurium; chronologicum seu chronostichon; correlativum seu parallelum et palindromon; dirythmicum seu leoninum; echonicum; epomonion seu metatheticum; genealogicum; gryphicum seu lagorythmicum; intercalare; macrologum; paronomasiacum; silonianum [3]) (стр. 76—79). Наконецъ,

[1]) Изъ курсовъ, преподанныхъ въ сѣверно-русскихъ школахъ, мнѣ извѣстно указаніе на піитику Тверской семинаріи: „Phoebus poeticus"..., относящуюся ко времени Анны Іоанновны (*В. Колосовъ*, н. соч., 79).

[2]) Срв. *Н. С. Тихонравовъ*, Сочиненія, II, 150—151; *П. О. Морозовъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ, 97—99.

[3]) Останавливаться на всѣхъ этихъ видахъ представляется излишнимъ, тѣмъ болѣе, что общее понятіе о нихъ было дано не разъ; см., напримѣръ, *Н. И. Петровъ*, н. соч. Т. К. Д. Ак., 1866, 7, 320—4.

добавлено указаніе еще на „carmina jocosa“, стихи, содержащіе остроты (стр. 79—80), съ указаніемъ источниковъ остроты (она получается ab ambiguitate vocis, a contradictoriis и т. п.); изъ извѣстныхъ мнѣ руководствъ нѣкоторымъ указаніямъ Байбакова есть соотвѣтствіе въ разсужденіяхъ Ѳеофана Прокоповича объ источникахъ „argutiae“ въ эпиграммахъ (lib. III, c. 6); въ качествѣ примѣровъ нерѣдко, подобно Ѳеофану, Байбаковъ указываетъ эпиграммы Марціала.

Разборъ „Правилъ Піитическихъ“ Байбакова показываетъ, что они болѣе всего связаны съ старыми піитиками духовныхъ школъ, и что, стало быть, традиціи послѣднихъ сохранялись до начала XIX вѣка въ извѣстной средѣ; такимъ образомъ взгляды на поэзію, выработанные схоластическою теоріей и идущіе изъ Кіевской академіи, усвоившей ихъ впервые русской литературѣ, жили и на сѣверѣ Россіи. Взгляды эти представляютъ извѣстное отличіе отъ теоріи ложноклассической, усвоенною съ половины XVIII вѣка свѣтскою русскою литературой. Учебникъ Байбакова, опубликованный въ печати и пользовавшійся извѣстной популярностью, могъ содѣйствовать распространенію этихъ взглядовъ. Вѣрность схоластической теоріи въ отличіе отъ ложноклассической со стороны Байбакова прежде всего видна въ томъ, что онъ больше говоритъ о внѣшней формѣ стихотвореній, о стихосложеніи; говоря о свойствахъ поэзіи и ея родовъ и видовъ, онъ также останавливается въ гораздо большей степени на этой сторонѣ дѣла, сводя къ стихотворной формѣ почти всю сущность поэзіи, основывая на такомъ же внѣшнемъ признакѣ дѣленіе поэзіи на главные роды и въ ученіи объ отдѣльныхъ видахъ выдвигая главнымъ образомъ внѣшнія черты; тѣ его положенія, которыя можно дѣйствительно назвать „правилами“, также касаются по преимуществу внѣшней формы. Внутреннія свойства и значеніе поэзіи и отдѣльныхъ ея видовъ, уяснить которыя старалась [1]) поэтика ложноклассическая, слишкомъ мало или вовсе не принимаются въ расчетъ нашимъ авторомъ; даже различіе между поэзіей, какъ изображеніемъ объективнаго, внѣшняго для поэта міра, и какъ изображеніемъ міра внутренняго, на которомъ позднѣе было обосновано различіе эпической и лирической поэзіи, у него отсутствуетъ, какъ и у его предшественниковъ. Въ ученіи о родахъ и видахъ поэзіи ложноклассическая теорія глубже и ближе всматривалась въ извѣстные ей образцы поэтическаго творчества, приводила въ сознаніе различныя ихъ свойства и въ силу этого не мало сдѣлала для

[1]) Другой вопросъ, насколько удачно она ихъ уясняла.

изслѣдованія и объясненія поэзіи, ея формъ, свойствъ и значенія; она уже не могла заниматься, подобно школьнымъ руководствамъ, чисто внѣшними сочетаніями буквъ и стиховъ, которымъ отдаетъ дань вниманія и Байбаковъ. Но здѣсь была и отрицательная сторона ложноклассической теоріи: вводя въ свою систему гораздо больше различныхъ признаковъ и свойствъ литературныхъ произведеній, и при томъ признаковъ болѣе существенныхъ и важныхъ, она подвергала ихъ строгой регламентаціи, распредѣляя ихъ по рѣзко и точно разграниченнымъ рубрикамъ и категоріямъ. Такимъ образомъ регламентація простиралась на самыя существенныя стороны творчества, касаясь всего построенія произведенія, характера дѣйствій и чувствъ, въ немъ изображаемыхъ, людей, въ немъ выводимыхъ, и т. п.; обусловленный этимъ крайне стѣснительный характеръ этой теоріи и былъ причиною столь долгой и упорной борьбы противъ нея. Схоластическая піитика была вредна для ума и развитія учениковъ своимъ крайне неглубокимъ содержаніемъ и внѣшнимъ направленіемъ, но сообразно тому она и ограничивалась болѣе внѣшними правилами; система формъ поэзіи выработана еще въ очень слабой степени; отсюда мы встрѣчаемъ въ схоластической піитикѣ меньшую строгость въ установленіи поэтическихъ родовъ и видовъ, границы между которыми ложноклассическая теорія строго опредѣляла и не дозволяла нарушать; я указывалъ выше особенно на признаніе схоластическою теоріей посредствующаго вида между трагедіей и комедіей. Въ результатѣ для таланта, еслибы таковой появился, для новыхъ начинаній въ области поэтическаго искусства — схоластическая теорія могла бы предоставить больше свободы; и тѣ здоровые задатки, которые исторія уже отмѣтила въ области драматическихъ произведеній, сочинявшихся въ Кіевской академіи или ея выходцами, подтверждаютъ это предположеніе. Въ школьныхъ курсахъ піитики такое направленіе продолжаетъ существовать долго, и руководство Байбакова также не даетъ стѣснительныхъ правилъ относительно существенныхъ сторонъ поэтическаго творчества, теорію родовъ и видовъ поэзіи представляетъ еще въ невыработанномъ видѣ, не проводитъ безусловно рѣзкихъ границъ между отдѣльными видами, терпимѣе ложноклассиковъ относится къ смѣшенію видовъ и появленію посредствующихъ формъ, давая санкцію трагикомедіи, такой формѣ, къ которой наиболѣе отрицательно относилась ложноклассическая теорія; и вообще по отношенію къ новымъ, не утвержденнымъ еще кодексомъ правилъ, явленіямъ, сказывается отсутствіе или по крайней мѣрѣ слабость предубѣжде-

нія; и я готовъ тотъ радушный пріемъ, который оказанъ Байбаковымъ народной пѣснѣ, поставить въ связь съ указанною чертою схоластической піитики. Припомнить слѣдуетъ и то, что нашъ авторъ нерѣдко предоставляетъ дѣло „произволенію сочинителеву“. Будучи къ тому же очень краткимъ и воспользовавшись далеко не всѣмъ матеріаломъ своего главнаго источника, старой школьной піитики, разсматриваемое руководство еще меньше извѣстныхъ намъ латинскихъ піитикъ касается вопросовъ, связанныхъ съ содержаніемъ, и даетъ еще меньше правилъ, относящихся къ внутренней сторонѣ дѣла.

Схоластическая и ложноклассическая теоріи имѣютъ, конечно, между собою немало общаго, особенно въ основномъ взглядѣ на поэзію, какъ на продуктъ техническаго умѣнья и ловкости, какъ на дѣло, которому можно научиться изученіемъ правилъ и образцовъ, почему и казалось возможнымъ писать по внѣшнему побужденію, на какой угодно случай, въ какомъ угодно „родѣ“. Но за этою чертою сходства оказывается и различіе, которое мы могли наблюдать и на примѣрѣ нашего учебника. Различіе это въ основной сущности—историческое: оба направленія имѣютъ свое начало въ различныхъ моментахъ историческаго развитія искусственной теоріи поэзіи.

Указать опредѣленно на какой нибудь школьный курсъ піитики, служившій по преимуществу источникомъ для Байбакова, весьма трудно, потому что, во-первыхъ, эти курсы недостаточно еще извѣстны, а, во-вторыхъ, насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, они очень похожи одинъ на другой. Такимъ образомъ, какъ на общій источникъ Байбакова, мы можемъ указывать на традицію школьнаго преподаванія піитики, идущую изъ Кіевской академіи.

Существенное отличіе разсматриваемаго руководства отъ другихъ извѣстныхъ школьныхъ курсовъ заключается въ томъ, что оно писано по-русски, что авторъ примѣняется къ русскому языку и стиху и считается съ наличнымъ состояніемъ русской литературы, изъ которой беретъ и свои примѣры. Этимъ завершилось обрусѣніе данной школьной дисциплины, которое происходило исподволь въ духовныхъ школахъ въ теченіе всего XVIII вѣка.

Это вниманіе къ русской поэзіи заставило автора дать теорію тоническаго стихосложенія, за которою онъ обратился къ новому источнику, Тредіаковскому. Изъ его сочиненій онъ сдѣлалъ и другія заимствованія, правда, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчили основному духу или уже готовымъ положеніямъ схоластической теоріи. Наконецъ, кое-какія черты заимствовалъ онъ изъ разныхъ мѣстъ, изъ

ходячихъ, можетъ быть, установившихся уже ложноклассическихъ воззрѣній, изъ журнальныхъ статей; онъ считался и съ литературною практикой, особенно произведеніями, печатавшимися въ журналахъ. Это до нѣкоторой степени сближаетъ его учебникъ съ ложноклассическою теоріей; но вообще онъ дѣлалъ такія заимствованія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они служили дополненіемъ школьной теоріи; въ случаяхъ же противорѣчія онъ (какъ въ вопросѣ о трагикомедіи) оставался вѣренъ послѣдней [1]).

А. Кадлубовскій.

---

[1]) Такимъ образомъ нашъ авторъ стоитъ до извѣстной степени между обоими направленіями теоріи поэзіи; *Н. И. Петровъ* слишкомъ смѣшиваетъ его съ авторами школьныхъ піитикъ, заимствуя изъ него нѣкоторыя выдержки для характеристики школьной теоріи, хотя иногда въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ видѣть вліяніе на Байбакова совершенно другаго источника, напримѣръ, въ ученіи о сонетѣ и рондо, какъ видахъ эпиграммы (Тр. К. Д. А., 1866, 11, 344).

КЪ ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХЪ АРМЕНОВѢДѢНІЯ [1]).

Мм. государыни и мм. государи!

Установленный порядокъ диспута требуетъ отъ меня слова. Въ такихъ случаяхъ обычный предметъ рѣчи—вопросъ о выборѣ темы, но этотъ вопросъ иной разъ способенъ поставить диспутанта въ затрудненіе. Въ мало обслѣдованной области тема, взятая для диссертаціи, часто даетъ результаты непредвидѣнные, или диссертантъ при продолжительности собиранія матеріаловъ и ихъ изученія, успѣваетъ создать себѣ новые научные интересы, въ кругъ которыхъ невольно вовлекается также старая тема, и побужденія, натолкнувшія изслѣдователя на мысль объ извѣстной работѣ, въ значительной степени теряютъ почву. Въ такомъ случаѣ диспутантъ или долженъ выдать за первоначальныя побужденія научное настроеніе, овладѣвшее имъ къ концу работы, или откровенно говорить о первоначальныхъ мотивахъ, имѣющихъ значеніе только для него. Вопросъ о выборѣ темы все-же можетъ еще имѣть смыслъ, поскольку съ нимъ стоитъ въ связи своевременность данной работы или потребность въ ней. Но диспутантъ, естественно, всегда окажется расположеннымъ и сумѣетъ найти данную имъ работу своевременною. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе любопытно выслушать мнѣніе другихъ, менѣе заинтересованныхъ, судей. Правда, сегодня, какъ впрочемъ не разъ бывало и раньше, официальными цѣнителями приходится выступать представителямъ иныхъ спеціальностей, но это нисколько не умалитъ авторитетности ихъ сужденій: насъ раздѣляютъ матеріалы, особые по каждой спеціальности, но зато

[1]) Рѣчь, читанная приватъ-доцентомъ Н. Марромъ передъ защитой магистерской диссертаціи „Сборники притчъ Вардана" въ публичномъ засѣданіи факультета восточныхъ языковъ 23-го мая 1899.

насъ единятъ общіе въ корнѣ научные интересы и безусловно общіе научные пріемы. Если не можетъ быть дана обстоятельная оцѣнка моимъ драгоманскимъ способностямъ въ качествѣ переводчика армянскихъ подлинниковъ, если не можетъ быть указано филологическое и лингвистическое значеніе изданныхъ мною текстовъ для моей же спеціальности и удостовѣрена степень проявленной мною въ нихъ акрибіи, то въ книгѣ предложено извѣстное построеніе, и вопросъ о научности его подсуденъ ученому востоковѣду любой спеціальности.

Мнѣ съ своей стороны хотѣлось бы только коснуться слегка интересовъ, связанныхъ съ арменовѣдѣніемъ, и указать, на какое звено въ ихъ цѣпи отвѣчаетъ моя работа о вардановскихъ сборникахъ. Въ каждомъ спеціалистѣ предполагается существованіе особыхъ руководящихъ научныхъ интересовъ, объединяющихъ его разрозненныя работы. Особые научные интересы армениста вытекаютъ изъ взгляда на арменовѣдѣніе, какъ на самостоятельную науку. Задача этой науки раскрыть условія сформированія армянской національности и выяснить въ исторической послѣдовательности самобытныя ея проявленія, какъ бы они слабы ни были, на томъ общемъ фонѣ политической и культурной жизни Арменіи, который создавался подъ вліяніемъ сильныхъ внѣшнихъ воздѣйствій.

Но какими путями достигнуть того, чтобы распознать біеніе пульса внутренней древнеармянской жизни? Первое условіе—отказаться, если можно такъ выразиться, отъ научныхъ предразсудковъ. Отказаться отъ мысли, что армянское прошлое можно понять съ помощью пріемовъ иныхъ, чѣмъ какіе признаны надежными при изученіи болѣе крупныхъ политическихъ и культурныхъ единицъ, отказаться отъ мысли, что сужденія о культурной и политической жизни армянъ въ прошломъ, въ виду ея второстепеннаго значенія, можно составлять безъ спеціальной подготовки и съ ограниченною освѣдомленностью. Арменія находилась въ такомъ узловомъ пунктѣ различныхъ цивилизацій, что только завѣдомая предвзятость можетъ относиться къ ней, какъ къ чистой доскѣ, на которую позволительно наносить любое теоретическое построеніе, не справившись основательно съ письменами, глубоко начертанными уже на ней въ нѣсколько слоевъ.

Безспорно, средства должны быть соразмѣрны съ цѣлью, но разъ единственная прямая цѣль арменовѣдѣнія опредѣляется его научнымъ интересомъ, то не можетъ быть рѣчи о бо́льшей или меньшей значительности цѣли, какъ нѣтъ по существу разницы между научнымъ

интересомъ, питаемымъ къ крупнымъ, хотя бы притомъ и важнымъ, частямъ даннаго тѣла и къ менѣе значительнымъ его частямъ.

Результаты историческаго изученія человѣчества въ однихъ крупныхъ его проявленіяхъ могутъ дать красивыя картины для эстетическаго наслажденія, могутъ удовлетворять потребности въ преходящихъ теоретическихъ построеніяхъ, но отнюдь не призваны быть удовлетворительнымъ отвѣтомъ на вѣчный научный запросъ, на непреоборимое стремленіе человѣческой природы къ абсолютной правдѣ, имѣющей отразить въ себѣ жизнедѣятельность всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ въ нелицепріятной гармоніи.

Конечно, существуютъ и побочныя основанія, дѣлающія желательнымъ процвѣтаніе арменистики и родственной съ нею отрасли востоковѣдѣнія особенно въ Россіи. Грустно мириться, напримѣръ, съ тѣмъ, что древности Грузіи и Арменіи не находятъ серьезныхъ изслѣдователей въ Россіи, что почти за цѣлое столѣтіе, истекшее по присоединеніи Грузіи и затѣмъ значительной части коренной Арменіи, на Кавказѣ, сплошь покрытомъ обломками различныхъ культуръ различныхъ эпохъ, не основалось прочно ни одного научнаго общества, ни одного научнаго органа мѣстной археологіи или древней письменности или древней исторіи, что на всемъ Кавказѣ и до сихъ поръ нѣтъ фактически ни одного музея древностей.

Совсѣмъ неутѣшительно, что лучшіе труды по кавказской археологіи принадлежатъ французскимъ и нѣмецкимъ ученымъ, наиболѣе цѣнныя работы по армянской лингвистикѣ изданы нѣмецкими и французскими профессорами, исторія и литература Арменіи нашли авторитетныхъ цѣнителей не только въ классической странѣ филологіи, но и во Франціи, Англіи и Италіи. Даже элементарными учебниками по армянскому языку и армянской литературѣ насъ успѣваютъ снабжать иностранцы, пока мы въ касающейся насъ наукѣ бездѣйствуемъ изъ равнодушія и только въ печати порываемся именемъ „науки" горячо засвидѣтельствовать свое высокомѣрное отношеніе къ тому, что намъ невѣдомо. Нужно ли доказывать, что для русскаго государства не можетъ быть безразличнымъ пониманіе прошлаго народностей какъ бы малы эти народности ни были, разъ онѣ входятъ въ его составъ или силою вещей къ нему тяготѣютъ, что русская исторія и археологія, въ частности исторія древнерусскаго искусства непосредственно заинтересована во всестороннемъ выясненіи прошлыхъ судебъ Грузіи и Арменіи, гдѣ культурная жизнь въ значитель-

ной степени слагалась подъ тѣми же восточными и византійскимъ теченіями, какъ и въ древней Руси. Наконецъ, честь русскаго востоковѣдѣнія требуетъ, чтобы ему принадлежала руководящая роль въ изученіи по крайней мѣрѣ тѣхъ областей Востока, которыя составляютъ часть самой Россіи.

Я скажу еще болѣе, хотя и съ рискомъ, что въ моихъ словахъ усмотрятъ увлеченіе специалиста. Для армянъ и грузинъ въ частности государство имѣетъ основаніе видѣть прекрасное воспитательное средство въ армен овѣдѣніи и въ грузиновѣдѣніи, такъ какъ, безспорно, ими можно развивать и укрѣплять просвѣщенную любовь и уваженіе къ родинѣ, а едва ли кто будетъ оспаривать положеніе, для меня аксіому, что кто безучастенъ къ судьбѣ роднаго края, тотъ не можетъ глубоко воспринять болѣе отвлеченное, болѣе сложное чувство къ отечеству; въ комъ подавлены или заглушены врожденныя чувства привязанности къ роднымъ древностямъ и къ роднымъ сказаніямъ, въ комъ эти святыя чувства не получили естественнаго развитія еще въ семьѣ или школѣ, въ тѣхъ при полномъ господствѣ въ самомъ обществѣ житейски матеріалистическихъ взглядовъ, не должны удивлять насъ отсутствіе духовныхъ запросовъ и равнодушіе вообще къ гуманистическимъ занятіямъ.

По какой бы системѣ ни воспитывать характеръ, какимъ бы идеальнымъ подборомъ образовательныхъ наукъ ни упражнять умъ, искусственный разрывъ съ роднымъ культурнымъ прошлымъ неизбѣжно ведетъ громадное большинство къ духовному вырожденію. Не пробуждая научнаго интереса къ тому, что близко лежитъ къ сердцу, мы тѣмъ самымъ притупляемъ благороднѣйшій стимулъ самодѣятельности, подрываемъ въ корнѣ возможность искреннихъ сознательныхъ симпатій къ колоссальнымъ историческимъ задачамъ нашего обширнаго отечества и дѣло плодотворнаго къ нимъ пріобщенія цѣлыхъ народностей. Однако, указанные пункты прикладнаго значенія нашей спеціальности въ лучшемъ случаѣ могутъ расширить кругъ интересующихся ею, но они не измѣняютъ нисколько положенія дѣла съ научной точки зрѣнія. Для ученаго потребность въ арменистикѣ вытекаетъ изъ самаго существа ея, изъ того, что арменовѣдѣніе есть самостоятельная оріенталистическая наука. Эта самостоятельность впрочемъ, должна еще быть завоевана, такъ какъ арменисты, если и чувствуютъ потребность въ извѣстной независимости, обыкновенно не возводятъ этого чувства въ степень ясно сознаннаго руководя-

щаго начала. Между тѣмъ, только при такомъ сознаніи арменовѣдѣніе становится наукою и притомъ наукою, располагающею услугами ряда другихъ филологическихъ наукъ.

Арменовѣдѣніе не можетъ обосноваться на одной филологіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Археологія съ ея служебными дисциплинами и этнографія съ фольклоромъ отнюдь не менѣе должны интересовать армениста, чѣмъ лингвистика и литература.

Временная трудность, скажу болѣе, рискованность научнаго положенія армениста состоитъ именно въ томъ, что пока при наличности немногихъ рабочихъ силъ ему приходится самому принимать непосредственное участіе въ разработкѣ касающихся его отдѣловъ одновременно нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ. Въ свою очередь ни у одной изъ подразумѣваемыхъ спеціальныхъ наукъ не можетъ оказаться прочныхъ успѣховъ въ изученіи матеріаловъ, открываемыхъ на армянской почвѣ, безъ руководящихъ началъ, ожидаемыхъ отъ арменистовъ. Можно питать глубокое уваженіе къ лицамъ, посильно трудящимся надъ лингвистикой, археологіей и фольклоромъ Арменіи безъ непосредственнаго и основательнаго знанія ея языка, литературы и жизни, но до сихъ поръ не представлялся случай, чтобы относиться къ результатамъ ихъ работъ безъ большой дозы скептицизма.

Какъ же быть иначе, когда, напримѣръ, неожиданно для догматической лингвистики, спокойно занятой научнымъ выясненіемъ мѣста армянскаго языка въ кругу индо-европейскихъ съ помощью извнѣ привносимыхъ готовыхъ звуковыхъ законовъ,—въ армянскомъ языкѣ вскрывается коренной слой, роднящій его съ сосѣднимъ грузинскимъ языкомъ и вліявшій, конечно, на дифференціацію дѣйствительно сильнаго въ немъ, интересующаго всѣхъ, арійскаго слоя, или когда грузинскій языкъ, научно признанный не находящимся въ родствѣ ни съ индо-европейскою, ни съ семитическою семьею языковъ, фактически оказывается въ безусловно генетическомъ родствѣ съ семитическими языками. Съ другими спеціальными науками дѣло обстоитъ не лучше. Такъ въ частности похвальныя усилія въ чтеніи ванскихъ клинообразныхъ надписей, нѣмыхъ свидѣтельницъ древнѣйшей исторіи Арменіи, при всей научной обстановочности, не перестанутъ снабжать насъ камнемъ вмѣсто хлѣба, пока изслѣдователи клинообразныхъ надписей не вооружатся дѣйствительнымъ знаніемъ мѣстныхъ языковъ и дѣйствительнымъ пониманіемъ мѣстныхъ древностей. „Среда мѣстныхъ древностей“, какъ справедливо замѣтилъ недавно выдаю-

щійся знатокъ древне-русскаго искусства, „должна освѣтиться собственнымъ внутреннимъ свѣтомъ знанія".

Изъ тожественнаго положенія приходится исходить и при изученіи древнеармянской литературы. Совершенно не пріемлемъ взглядъ, негласно сказывающійся въ работахъ арменистовъ, будто древнеармянская литература представляетъ случайную коллекцію памятниковъ, имѣющую цѣнность постольку, поскольку въ нихъ нуждаются представители другихъ филологическихъ наукъ. Соглашаясь вполнѣ съ тѣмъ, что переводы древнихъ армянъ восполняютъ значительные пробѣлы въ литературахъ сосѣднихъ народовъ, въ то же время нужно настаивать на томъ, что пользованію даже древнеармянскими переводами въ научныхъ цѣляхъ должно предшествовать освѣщеніе ихъ съ точки зрѣнія исторіи древнеармянской литературы; въ этой исторіи переводные памятники являлись выразителями опредѣленныхъ мѣстныхъ теченій, которыя могутъ помочь не только въ установленіи даты переводовъ, рѣдко извѣстной и еще рѣже вѣрно извѣстной, но и въ объясненіи уклоненій армянскихъ текстовъ отъ ихъ оригиналовъ.

Взглядъ на арменовѣдѣніе, какъ на самостоятельную науку съ своими собственными задачами, освобождаетъ насъ между прочимъ и отъ односторонности,—отъ изученія въ армянской литературѣ исключительно историковъ. Армянскіе историки получили преимущественную извѣстность только потому, что въ доставляемыхъ ими свѣдѣніяхъ нуждались спеціалисты по исторіи, естественно, торопившіеся воспользоваться новыми армянскими источниками. Изученіе историческихъ сочиненій, какъ и другихъ спеціальныхъ родовъ армянской письменности, должно быть поставлено на почву ихъ взаимныхъ литературныхъ соотношеній и подведено подъ арменистическій уголъ зрѣнія. Для выработки арменистическаго угла зрѣнія недостатка въ данныхъ нѣтъ. Внутренній міръ древней Арменіи отнюдь не представляетъ гладкой поверхности стоячей воды. Арменія внутри жила съ интенсивностью, поразительной для насъ, усвоившихъ созданное западно-европейскимъ тщеславіемъ ходячее мнѣніе о неподвижности восточныхъ народовъ. Правда, темпъ армянской жизни ускорялся подъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ, но наличность особыхъ мѣстныхъ условій и ихъ реагирующая на ходъ событій роль не можетъ подлежать сомнѣнію.

Нельзя же не считаться изслѣдователю древней Арменіи съ такими фактами, какъ сліяніе въ армянской національности двухъ основ-

ныхъ расовыхъ теченій, одного—арійскаго и другаго родственнаго семитическому, именуемаго мною яфетидскимъ, взаимодѣйствіе многочисленныхъ армянскихъ племенъ и сопутствовавшихъ имъ діалектическихъ разновидностей, переживанія двухъ, одинаково родныхъ до-христіанскихъ культуръ, мѣстной, стоящей въ связи съ клинообразными надписями, и вносной, иранской, аристократическій родовой строй жизни, тормозившій утвержденіе въ Арменіи сильной свѣтской власти, экономическо-культурное значеніе армянскихъ городовъ, какъ напримѣръ Ани, подолгу остававшихся національными и по переходѣ ихъ въ руки завоевателей, постепенный упадокъ аристократическаго уклада и вырожденіе землевладѣльческой знати, возвышеніе другихъ общественныхъ типовъ съ образованіемъ или выступленіемъ на арену новыхъ классовъ, паденіе національнаго духа и эмиграціонное движеніе части армянскаго населенія, какъ результаты воцарившагося въ Арменіи курдскаго, татарскаго, турецкаго варварства и вызваннаго имъ экономическаго кризиса, смѣна могущественныхъ жрецовъ христіанскимъ духовенствомъ, усиленіе послѣдняго и приспособленіе его по очереди къ каждой внутренней, въ частности сословной эволюціи, сосредоточеніе просвѣщенія и національной мысли въ богато надѣленныхъ монастыряхъ, получившихъ широкое развитіе, возобладаніе церкви, подготовлявшее низведеніе національности въ религіозную общину, систематическій разгромъ матеріально цвѣтущихъ монастырей инороднымъ и иновѣрнымъ пришлымъ элементомъ, зачатки обратнаго свѣтскаго движенія, возникшаго въ низшихъ народныхъ слояхъ и въ колоніяхъ, наконецъ, неизбѣжная своеобразность скрещивавшихся въ такой средѣ различныхъ занесенныхъ извнѣ міровоззрѣній и отражавшихся въ ней внѣшнихъ политическихъ событій.

Не говоря о другихъ, перечисленныя характерныя явленія армянской жизни достаточно любопытны, чтобы слѣдить шагъ за шагомъ за, хотя бы самымъ слабымъ, отложеніемъ ихъ въ письменности.

Однако, при всей основательности желанія удѣлить мѣстнымъ тенденціямъ господствующее значеніе въ исторіи древнеармянской литературы, къ нимъ будетъ возможность подступить лишь по отвлеченіи всего того, что вносилось въ нее извнѣ. Но и здѣсь намъ нужны не одни статистическія данныя о заимствованіяхъ; намъ нужна прагматическая исторія переводовъ на древнеармянскій языкъ съ указаніемъ путей, какими они входили въ нее, условій, благопріятствовав-

шихъ такому, а не иному выбору, и потребностей, какимъ они были призваны удовлетворить.

Три литературныя теченія — сирійское, византійско-эллинистическое и національное, представляющія три момента въ развитіи древне-армянской литературы, должны получить свое первое обоснованіе на указаннаго характера изученіи армянскихъ переводныхъ памятниковъ. Самое древнее, сирійское теченіе, представляетъ наиболѣе трудную для разрѣшенія задачу, но для этого вопроса мы находимъ неожиданную помощь въ солидарности древне-грузинской литературы съ древне-армянскою въ извѣстное время, когда новообращенные армяне и грузины жили въ сферѣ тожественныхъ религіозныхъ интересовъ, исходившихъ изъ Сиріи безъ всякой политической окраски и потому щедро дававшихъ жизнь мѣстной письменности. Начало вліянія армянской литературы на грузинскую, по всей вѣроятности, положено въ этотъ именно періодъ съ момента перевода св. Писанія съ армянскаго на грузинскій языкъ, и разысканія въ области переводовъ съ армянскаго языка на грузинскій, a priori можно утверждать, окажутъ обратную услугу, бросивъ свѣтъ на начальный періодъ армянской письменности.

Конечно, результаты такого документальнаго изученія древнѣйшей эпохи армянской литературы не позволятъ и впредь придерживаться современнаго представленія о внутренней жизни древнихъ армянъ, основаннаго въ значительной степени на легендахъ. Но тѣ же результаты не позволятъ намъ огуломъ отбросить всѣ армянскія литературныя и историческія преданія, такъ какъ они дадутъ и уже даютъ возможность совлечь легендарныя наслоенія, своего рода научныя освѣщенія позднѣйшихъ эпохъ, съ дѣйствительныхъ фактовъ, составляющихъ зерна тѣхъ преданій. Сами легендарныя наслоенія получатъ значеніе культурно-историческаго матеріала для характеристики эпохъ, когда они возникали. Легендарныя преданія армянъ, какъ оказывается при провѣркѣ, сохранили намъ любопытнѣйшія данныя, и наша задача не отрицать ихъ, а объяснять. Конечно, время ихъ окончательной формулировки значительно удаляется отъ описанныхъ въ нихъ событій. Извѣстная доля въ созиданіи легендъ, несомнѣнно, принадлежитъ среднимъ вѣкамъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ не ограничивать интереса къ армянской литературѣ древнимъ ея періодомъ.

Оставленіе въ тѣни умственной жизни армянъ въ средніе вѣка

придаетъ многимъ явленіямъ древне-армянской литературы характеръ загадочности, отчасти объясняющій сказавшіяся въ послѣднее время печальныя крайности отрицательной критики. На средніе вѣка принято смотрѣть, какъ на періодъ безжизненнаго консерватизма, когда занимались лишь сохраненіемъ завѣщанныхъ отъ предшествовавшихъ поколѣній идей. Дѣйствительно, среднимъ вѣкамъ и обязаны мы почти исключительно дошедшими до насъ списками памятниковъ древне-армянской литературы. Но тогда же внесены въ письменность многія новыя жизненныя начала.

Въ средніе вѣка заботились не только о списываніи древнихъ памятниковъ, но и о возможно большемъ распространеніи ихъ въ народѣ, и большей доступности ихъ пониманію всѣхъ грамотныхъ; въ связи съ этимъ явленіемъ находится выработка болѣе легкихъ видовъ армянскаго письма; въ связи съ тѣмъ же явленіемъ находится сближеніе завѣщаннаго книжнаго армянскаго языка съ разговорною рѣчью. Въ средневѣковой армянской письменности вскрываются значительные слѣды попытокъ къ совершенному обновленію литературнаго языка и устарѣвшей орѳографіи.

Въ то же время армянской литературѣ, получившейся въ итогѣ трехъ теченій—сирійскаго, византійско-эллинистическаго и національнаго, было дано новое направленіе, усилившее въ ней свѣтскіе и національные элементы. Внѣшними виновниками этого направленія явились два цикла новыхъ идей, внесенныхъ, съ одной стороны, путемъ общенія съ Европой при посредствѣ Киликіи и Крыма, съ другой—изъ мусульманскаго міра, преимущественно, какъ онъ сложился на полуродственной иранской почвѣ. Все это способствовало переходу литературныхъ интересовъ изъ тѣснаго круга духовенства и родоваго сословія, постепенно исчезавшаго въ Арменіи, въ другіе, отчасти вновь нарождавшіеся слои общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличенію въ народѣ грамотности. Новый, болѣе обширный кругъ читателей предъявилъ свои особые запросы къ литературѣ, и появились новые памятники или новыя редакціи старыхъ памятниковъ, удовлетворявшіе этимъ запросамъ. Эти и другія подобныя явленія умственной жизни армянъ въ средніе вѣка придаютъ ей цѣну, не зависимую отъ вопросовъ, возбуждаемыхъ памятниками древне-армянской письменности. Средневѣковая армянская литература представляетъ самостоятельный научный интересъ.

Однимъ изъ памятниковъ этой любопытной эпохи является пред-

метъ моей диссертаціи, такъ-называемые „Сборники притчъ Вардана“, корнями стоящіе въ связи съ древне-армянскою литературою, но стволомъ и вѣтвями принадлежащіе позднѣйшимъ временамъ.

На листкахъ положеній предложены тѣ выводы, къ которымъ привела меня работа надъ названными сборниками. Въ представленной на сегодняшній судъ книгѣ дано посильное обоснованіе этимъ выводамъ.

Н. Марръ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Одинъ изъ „идеальныхъ" героевъ.

Въ индійскихъ теоріяхъ драмы говорится, что герой драмы долженъ быть совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, соединяя въ себѣ всевозможныя привлекательныя качества, а именно скромность, пріятную внѣшность, милосердіе, рѣшительность, любезность въ обращеніи, цѣломудріе, краснорѣчіе, знатное происхожденіе и, наконецъ, твердость; сообразно съ этимъ индійскія драмы имѣютъ возвышенный характеръ, изображая, по преимуществу, двѣ страсти—героизмъ и любовь [1]). Иначе думалъ о свойствахъ героя трагедіи Аристотель, взгляды котораго на этотъ предметъ сохранились въ полной почти силѣ и до нашихъ дней.

Исходя изъ мысли, что трагедія должна вызывать въ насъ чувства страха и состраданія (περὶ ποιητικῆς, гл. 6-я), Аристотель полагалъ, что эти чувства пробуждаются въ нашей душѣ только при видѣ страданій человѣка средняго, подобнаго намъ, который не отличается ни добродѣтелью, ни благоразуміемъ и впадаетъ въ несчастіе вслѣдствіе какой нибудь ошибки; какъ примѣръ такого героя, вполнѣ подходящаго для цѣлей трагедіи, Аристотель указываетъ Эдипа. Страданія человѣка невиннаго не могутъ, по мнѣнію греческаго философа, быть предметомъ трагедіи: при видѣ ихъ мы ни страшимся, ни сострадаемъ, а только негодуемъ, изображеніе страданій праведника возмутительно (ibidem, гл. 13).

Тѣ же мысли высказываетъ и послѣдователь Аристотеля, Лессингъ; по его мнѣнію, страданія невинныхъ лицъ хотя и трогаютъ зрителя

---

[1]) См. S. Lévi. Le Théatre Indien. Paris, 1890, стр. 62—63 и 425.

и въ общей міровой жизни, вѣроятно, чѣмъ нибудь вознаграждаются и оправдываются, но въ ограниченномъ объемѣ пьесы являются безсмысленною жестокостью, заставляютъ сомнѣваться въ Провидѣніи и вообще дѣйствуютъ на зрителя тягостнымъ и подавляющимъ образомъ [1]. Но не одинъ Лессингъ, а и болѣе независимые мыслители считали виновность героя необходимымъ факторомъ трагедіи: у Гегеля, Шеллинга, Фишера и иныхъ, менѣе замѣчательныхъ, философовъ трагическое необходимымъ образомъ связано съ виною [2]. Очѣнь рѣзко высказываетъ эту мысль Отто Людвигъ въ слѣдующихъ словахъ: „есть на лицо виновность, готово и все произведеніе; оно заключается въ виновности, какъ дерево въ сѣмени" [3].

Если переложить мысль Аристотеля на современные литературные термины, то онъ какъ бы высказываетъ основное положеніе писателей реалистической школы, которые требуютъ отъ поэзіи изображенія жизни таковою, какъ она есть, безъ прикрасъ, а, слѣдовательно, и безъ обмана. Герои произведеній, изображающихъ дѣйствительную жизнь безъ идеализаціи, конечно, намъ близки и понятны, ибо живутъ тѣми же чувствами и мыслями, которыя знакомы и намъ. Эволюція европейской литературы обезпечила побѣду реализму, и поэзія, изображающая идеальныхъ лицъ, героевъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, можетъ быть, замолкла навсегда. Но тѣмъ не менѣе во всемірной литературѣ найдутся произведенія, въ центрѣ которыхъ стоятъ люди, не имѣющіе никакихъ недостатковъ, лица, безконечно высшія, чѣмъ мы, и все-таки вызывающія наше сочувствіе.

Какъ изобразить вполнѣ идеальное лицо?—вотъ задача, интересная для поэта. Въ то время, какъ большинство теоретиковъ готовы признать всякое рѣшеніе такой задачи неправильнымъ, ибо самая задача заключаетъ въ себѣ несоединимые элементы [4], нѣкоторые поэты на дѣлѣ разрѣшили ее, и намъ остается, отказавшись на время отъ теоретическихъ разсужденій, попытаться указать, какимъ образомъ это возможно.

Если самую низшую ступень литературныхъ типовъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ нравственнаго совершенства, займутъ

---

[1] Hamburgische Dramaturgie, 79-es Stück.

[2] *Ioh. Volkelt*, Aesthetik des Tragischen. München, 1897, стр. 145.

[3] Ibidem, стр. 146.

[4] Даже M. Guyau, взгляды котораго вообще отличаются широтой, считаетъ, что изображеніе совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ насъ не заинтересуетъ. Ср. L'art au point de vue sociologique, стр. 88.

отъявленные злодѣи въ родѣ Ричарда III-го или Яго, то, постепенно возвышаясь, за ними пойдутъ въ безчисленномъ количествѣ дѣйствующія лица всемірнаго репертуара, болѣе или менѣе приближаясь къ идеалу. При этомъ легко замѣтить слѣдующія два обстоятельства: во-первыхъ, страданія этихъ лицъ большею частью превышаютъ ихъ вину, такъ что въ извѣстной степени они страдаютъ незаслуженно; во-вторыхъ, лица эти не безупречны, и вина ихъ такъ или иначе замѣтна для всякаго. Мы, конечно, не разсматриваемъ вопроса о виновности дѣйствующаго лица съ точки зрѣнія моралиста, осуждая или оправдывая его; искусство, во всякомъ случаѣ, не есть служанка морали, но для насъ важно отмѣтить, что трудность изобразить безупречное, идеальное лицо доказывается и на дѣлѣ изъ литературы. Никто, конечно, не признаетъ за идеальныхъ героевъ разныхъ Правдиныхъ или Стародумовъ, этихъ ходячихъ резервуаровъ нравоученія, или даже Вольмара и Julie, изображенныхъ Руссо, несомнѣнно, съ гораздо бóльшимъ искусствомъ, чѣмъ это удалось Фонвизину съ своими героями. Errare humanum est, и герой, способный ошибаться и страдать изъ-за этого, несравненно ближе къ намъ, чѣмъ какая нибудь отвлеченная личность, исполненная всякихъ добродѣтелей, но безжизненная и возвышающаяся передъ нами подобно древнему истукану. Часто говорятъ, что добродѣтель скромна, скрывается отъ любопытныхъ взоровъ и ничего не можетъ дать тому, кто ищетъ эстетическихъ эмоцій, тогда какъ изображеніе сильныхъ страстей и даже великихъ злодѣяній даетъ обильную пищу нашему воображенію, легко возбуждаетъ его и потому интересуетъ насъ. Соглашаясь со всѣмъ этимъ, мы попробуемъ, однако, разобрать одну трагедію, герой которой лицо совершенно безупречное, такъ какъ въ немъ мы не находимъ даже такой ничтожной вины, которая лежитъ на Орлеанской дѣвѣ. Мы разумѣемъ трагедію Кальдерона „Стойкій принцъ“ (El principe constante).

Въ основѣ этой трагедіи—дѣйствительное событіе, пребываніе португальскаго инфанта, дона Фернандо, въ плѣну у африканскихъ мавровъ (въ Танхерѣ, Фецѣ и другихъ городахъ), его тяжкія страданія и смерть. Историческія свѣдѣнія о Фернандо (1402—1443) рисуютъ его, какъ личность въ высшей степени привлекательную, и поэтому вполнѣ понятно, что поэзія завладѣла имъ рано. Еще Камоенсъ говоритъ о немъ въ своихъ Лузіадахъ, называя Фернандо, который предпочелъ скорѣе потерять свою свободу, чѣмъ погубить отечество, Регуломъ (Os Lusiadas IV, 52—53); извѣстна также, но только по

имени, драма Лопе де Вега „Fortuna adversa del Infante D. Fernando de Portugal“, но эта пьеса до сихъ поръ не напечатана и, можетъ быть, и вовсе затерялась. Ходъ дѣйствія въ трагедіи Кальдерона располагается слѣдующимъ образомъ.

Предпріятіе португальцевъ противъ города Тангера, снаряженное подъ начальствомъ братьевъ короля, дона Фернандо и Энрике, кончилось неудачей: португальцы должны отступить, оставивъ заложникомъ дона Фернандо, при чемъ царь Феца уже тогда предупредилъ Энрике, что Фернандо получитъ свободу только въ томъ случаѣ, если португальцы возвратятъ маврамъ городъ Цеуту, прежде имъ принадлежавшій. Когда, спустя нѣкоторое время, Энрике возвращается, чтобы освободить Фернандо, отдавъ мусульманамъ Цеуту, стойкій принцъ, ревнуя о христіанской вѣрѣ и спасеніи христіанъ, живущихъ въ Цеутѣ, отказывается купить свою свободу цѣною такого униженія и добровольно остается въ Фецѣ рабомъ жестокаго царя. Но тяжкія страданія, которымъ разгнѣванный мавръ подвергнулъ Фернандо, не сломили твердости духа и религіозной ревности героя, и онъ умираетъ, не уступивъ маврамъ Цеуты. Въ послѣднихъ сценахъ изображенъ апоѳеозъ Фернандо: вновь прибывшія пуртугальскія войска разбили маврскіе полки, и царь Феца принужденъ выдать побѣдителямъ прахъ дона Фернандо, ставшій для португальцевъ религіозною святыней.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересующей насъ трагедіи. Какъ видно, Кальдеронъ поэтически изобразилъ въ ней одинъ изъ эпизодовъ многовѣковой борьбы христіанства съ исламизмомъ; легко было ожидать, что Кальдеронъ впадетъ въ фанатизмъ, съ которымъ мы сталкиваемся въ нѣкоторыхъ его драмахъ, гдѣ говорится о чужой вѣрѣ (напримѣръ, La cisma de Inglaterra, El sitio de Bredà), и тѣмъ самымъ оттолкнетъ современнаго читателя отъ своего произведенія. Но Кальдеронъ счастливо избѣгнулъ этой опасности, обошелъ скалу, на которую натолкнулся Корнель; онъ изобразилъ въ Фернандо вполнѣ человѣчную личность, такъ что ничто не мѣшаетъ намъ видѣть въ Фернандо борца за идеалъ, а таковая борьба всегда будетъ пользоваться нашимъ сочувствіемъ. Если мы не ошибаемся, дона Фернандо можно характеризовать слѣдующимъ образомъ.

Передъ нами личность, богато одаренная, надѣленная разнообразными способностями, но такъ, что одна черта ея характера господствуетъ надъ остальными; эта черта—религіозность и приверженность къ своей вѣрѣ. Когда Энрике предлагаетъ возвратить маврамъ Цеуту, Фернандо съ негодованіемъ отвергаетъ это: возможно ли отдать го-

родъ, который открыто исповѣдуетъ Бога и уже заслужилъ священныя церкви?

Возможно ли, чтобы въ конюшни
Часовни наши превратились,
И чтобъ мы ясли увидали
Въ церквахъ на мѣстѣ алтарей?

Донъ Фернандо, почти умирающій, заявляютъ царю:

До смерти твердъ я буду въ вѣрѣ,
Она есть солнце для меня
И путеводная звѣзда
И лавръ, трудовъ моихъ награда!

Цеуты нельзя отдавать маврамъ потому, что этотъ городъ принадлежитъ Богу, и защищать его значитъ защищать дѣло Бога; задача Фернандо возвеличивать вѣру, и, въ силу этого, онъ есть слуга Бога. Кальдеронъ отмѣтилъ въ Фернандо еще одну черту, вполнѣ романтическаго характера: это приверженность къ культу Богоматери; Фернандо говоритъ:

Когда бъ всего одна была
Причина сохранить Цеуту,
Когда бы церковь въ ней стояла
Одна лишь вѣчнаго зачатья
Царицы неба и земли,
Я не одну бы отдалъ жизнь,
А тысячи въ ея защиту!

Мы должны отмѣтить особую окраску подвижничества Фернандо. Прежде всего, всегда ли пріятно изображеніе религіозной ревности? Церковные дѣятели очень часто бывали нетерпимы, и это обстоятельство, хотя и объясняемое историческими условіями, въ значительной степени ослабляетъ наши симпатіи къ такимъ лицамъ; терпимость и гуманность куплены слишкомъ дорогою цѣной, чтобы мы вздумали когда нибудь отъ нихъ отказаться, и, кромѣ того, скептическій вопросъ Пилата „что́ есть истина?" всегда можетъ сорваться съ нашихъ устъ. Лессингъ былъ правъ, говоря, что не всякаго безумца, который добровольно, презирая всѣ свои гражданскія обязанности, бросается на встрѣчу смерти, назовемъ мы мученикомъ [1]). Въ подтвержденіе Лессинговской мысли достаточно указать Поліекта Корнеля, гдѣ всѣ симпатіи читателя на сторонѣ Полины, истинной героини этой трагедіи, а Поліектъ далеко не вызываетъ нашего сочувствія. Мы думаемъ,

[1]) *Lessing*, H. Dram., 1-es, Stück.

что сокрушеніе идеаловъ, или, говоря общѣе, рѣшительная борьба противъ чужой вѣры и не можетъ вызывать таковаго. Ничего подобнаго не находимъ мы въ трагедіи Кальдерона; выше уже было указано, что вообще Кальдеронъ далеко не свободенъ отъ католической исключительности, но въ нашей трагедіи онъ счастливо миновалъ этотъ опасный рифъ. Въ длинной рѣчи, излагающей причины самопожертвованія Фернандо, нѣтъ цѣлаго потока ругательныхъ словъ противъ Магомета и его послѣдователей, а только одинъ разъ (II, 364) Магометъ названъ слугою демона, а что Магометова вѣра, въ сравненіи съ христіанствомъ, можетъ казаться порочною религіей не только Фернандо (II, 369), но и намъ, это ясно каждому. Но это ничтожное замѣчаніе Фернандо не нарушаетъ общаго характера пьесы— Фернандо представленъ не нападающимъ на чужое, а защитникомъ своего. Конечно, мы далеки отъ мысли понимать Фернандо, какъ свободомыслящаго деиста XVIII-го вѣка, но на лицо остается то обстоятельство, что Фернандо изображенъ защитникомъ своего, безъ всякаго наступательнаго отношенія къ чужому. Общеніе съ невидимымъ началомъ міра составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей человѣка, которая, сообразно мѣсту и времени, принимаетъ различныя формы, и борьба за одно изъ такихъ выраженій невидимаго есть видъ борьбы за убѣжденіе, за идеалъ. Твердости, которую обнаруживаетъ Фернандо, защищая свою вѣру, мы смѣло можемъ указать параллельное явленіе въ знаменитомъ восклицаніи Галилея—e pur si muove! Отмѣтимъ еще одну черту въ личности Фернандо, которая опять представитъ его съ выгодной стороны сравнительно съ Корнелевскимъ героемъ; Фернандо дѣйствуетъ вполнѣ безкорыстно, не ожидая никакой награды за свой подвигъ ни въ этой, ни въ будущей жизни. Поліектъ не разъ говоритъ о небесныхъ блаженствахъ, ожидающихъ его за гробомъ (напримѣръ, ст. 1145 и слѣд.), такъ что поступокъ его имѣетъ характеръ вполнѣ благоразумнаго расчета—промѣнять худшее на лучшее. Ничего подобнаго не видимъ мы въ Фернандо: нигдѣ ни слова не говорится о наградахъ, и, лишь умирая, Фернандо выражаетъ надежду, что прахъ его будетъ погребенъ въ святомъ мѣстѣ, подъ алтаремъ одной изъ церквей (III, 633—649). Въ драмѣ есть весьма тонкая съ психологической точки зрѣнія сцена (д. III-е, сц. 11-ая), гдѣ духъ Фернандо является руководить португальскими войсками, идущими освобождать его. Когда онъ умиралъ, Фернандо только выразилъ надежду быть погребеннымъ подъ алтаремъ; теперь же, когда ему, какъ безплотному духу, уже от-

крыты всѣ тайны, Фернандо знаетъ, что надеждѣ его суждено сбыться, и потому воодушевляетъ дона Альфонса довершить начатое дѣло.

Такимъ образомъ, Кальдеронъ удалилъ изъ своей пьесы всѣ тѣ черты, которыя могли бы непріятно дѣйствовать на человѣка, не желающаго примѣшивать къ эстетическому наслажденію религіозные предразсудки, и ничто, поэтому, не мѣшаетъ намъ видѣть въ Фернандо героическаго борца за идеалъ, имѣющаго полное право на наше сочувствіе.

Но представляя Фернандо героемъ, безконечно возвышающимся надъ нами своею твердостью и самоотверженіемъ, Кальдеронъ надѣлилъ его высокочеловѣчными чертами, которыя приближаютъ этого героя къ намъ, дѣлаютъ его болѣе доступнымъ для насъ. Если и есть нѣкоторая доля истины въ утвержденіи, что человѣкъ безгрѣшный кажется чѣмъ-то неживымъ и, поэтому, неинтереснымъ, то въ созданіи Кальдерона мы найдемъ противовѣсъ этой безжизненности (если только она имѣется въ немъ) въ цѣломъ рядѣ указаній на то, что Фернандо человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо. Фернандо знакомы всѣ чувства, которыя въ тѣ времена одушевляли людей; онъ патріотъ и заботу о своемъ отечествѣ ставитъ выше собственной жизни: отказываясь отдать маврамъ Цеуту, онъ ставитъ на видъ, что такой поступокъ недостоинъ лузитанскаго благородства (II, 411—414). Будучи по религіозной ревности сыномъ своего вѣка, Фернандо, и въ другомъ отношеніи, является вѣрнымъ приверженцемъ современныхъ ему идей; извѣстно, что король былъ священною особой для испанца тѣхъ временъ, такъ что вѣрность королю считалась одною изъ высшихъ добродѣтелей; то же видимъ мы и въ Фернандо: даже и къ своему тирану, царю Феца, онъ питаетъ почтеніе (III, 407—412) и отказывается бѣжать изъ плѣна между прочимъ потому, что помощь Мулея, фецскаго полководца, необходимая для побѣга, была бы нарушеніемъ вѣрности королю (д. II-е, сц. 17-ая). Фернандо понимаетъ также, какъ свято долженъ человѣкъ хранить чистоту своей чести. Но еще важнѣе для насъ отмѣтить симпатическія чувства Фернандо по отношенію къ другимъ людямъ; преданный высокой идеѣ, Фернандо не смотритъ съ равнодушіемъ на земныя страсти, не презираетъ ихъ, но вмѣстѣ съ Мулеемъ печалится о его несчастной любви и, самъ добровольно принявъ на себя страданія, всячески утѣшаетъ своихъ товарищей по тяжкому плѣну. А страданія Фернандо дѣйствительно велики и могутъ тронуть даже самаго жестокаго человѣка. Не говоря уже о томъ, что онъ, благород-

ный португальскій принцъ, долженъ трудиться наравнѣ со всѣми, работать въ саду, въ купальнѣ и конюшняхъ, Фернандо, слабый и отъ природы, а теперь, лишенный малѣйшихъ удобствъ жизни, застигнутъ мучительною болѣзнью. Мулей, пытаясь смягчить царя, въ слѣдующихъ словахъ описываетъ ужасное положеніе инфанта: Фернандо (говоритъ онъ)

Теперь въ такомъ ужасномъ мѣстѣ,
Онъ такъ униженъ и несчастенъ,
Что страшно и сказать тебѣ.
Разбитъ параличемъ и боленъ,
Во всѣхъ прохожихъ возбуждаетъ
Онъ жалость; какъ ты приказалъ,
Проводитъ ночи онъ въ темницѣ,
А днемъ работаетъ въ купальнѣ
И чиститъ лошадей твоихъ.
Никто не дастъ ему и хлѣба,
А онъ, некрѣпкій отъ природы,
Параличемъ теперь разбитъ,
И, кажется, подъ гнетомъ рабства
Великій духъ его поникъ.
Но нѣтъ! Во тьмѣ глубокой ночи,
Въ темницѣ запертый, какъ прежде
Упорствуетъ въ своей онъ вѣрѣ.
Когда настанетъ ясный день,
То плѣнники берутъ его,
И, подостлавъ ему циновку,
На кучѣ смраднаго навоза
Кладутъ его. Ужасный запахъ
Отъ этого исходитъ мѣста,
И потому никто не можетъ
Хотя немного тамъ остаться.
Одинъ лишь вѣрный кавалеръ
Его страданья раздѣляетъ
И утѣшаетъ, если можетъ,
И съ нимъ еще одинъ слуга.

Но это—описаніе страданій Фернандо, сдѣланное постороннимъ, чувствительнымъ наблюдателемъ; а страдаетъ ли Фернандо въ самомъ дѣлѣ? Чтеніе сказаній о мученіяхъ древнихъ подвижниковъ нерѣдко оставляетъ впечатлѣніе, что страданія ихъ только кажущіяся, видимыя лишь для мучителей, а въ дѣйствительности Богъ незамѣтно и непостижимо отстранилъ орудіе муки и избавилъ своихъ вѣрныхъ; такъ, въ библейскомъ разказѣ о трехъ отрокахъ въ Вавилонской пещи ангелъ превратилъ огонь въ росу, такъ что отроки на дѣлѣ и не

страдаютъ. И можетъ ли святой страдать? Ощутительны ли страданія для него, подкрѣпленнаго живою вѣрою въ Бога? Прекрасный отвѣтъ даютъ намъ евангельскія повѣствованія. Христосъ представленъ тамъ Богомъ, а развѣ Онъ не страдаетъ? Развѣ не говорилъ онъ: душа моя скорбитъ смертельно? Развѣ не молилъ Онъ своего Отца, чтобы миновала Его сія чаша? Развѣ не воскликнулъ Онъ за минуту смерти: Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ ты меня оставилъ? Такимъ образомъ, Христосъ изображенъ страдающимъ, и монофизиты, отрицавшіе дѣйствительность этихъ страданій, вѣроятно, не поняли намѣреній евангелистовъ представить Христа истиннымъ человѣкомъ. Такія же дѣйствительныя страданія переживаетъ и донъ Фернандо; Кальдеронъ какъ бы подчеркиваетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что, несмотря на всю святость Фернандо и его преданность Богу, страданія и смерть тяжелы и для него. Въ началѣ пьесы Фернандо является съ душою, настроенною подъ вліяніемъ вѣры на высокій ладъ; страха нѣтъ въ этой душѣ: пустыя примѣты не могутъ нарушить его спокойствія, и Фернандо смѣло глядитъ въ глаза смерти (напримѣръ, I, 923 и слѣд., 949 и слѣд.). Мы знаемъ, что твердость Фернандо не могла уменьшить его страданія; но они отразились на его душѣ: Фернандо не остался къ нимъ безчувственъ. Онъ сознаетъ ужасъ своего одиночества и, когда другъ его, донъ Хуанъ Коутиньо, отправляясь отыскать какую нибудь пищу, говоритъ ему, что долженъ его покинуть, донъ Фернандо съ горестью восклицаетъ: что буду я дѣлать безъ твоей помощи? (III, 341). И предъ лицомъ царя Фернандо признаетъ свои страданія, которыя, конечно, не могутъ все-таки преодолѣть его твердости; онъ готовъ переносить бóльшія мученія, еще болѣе плакать, подвергнуться сильнѣйшимъ испытаніямъ (III, 552—561). Значитъ, Фернандо страдаетъ и въ самомъ дѣлѣ. Въ нашей трагедіи есть превосходная сцена, когда плѣнники выносятъ умирающаго Фернандо въ послѣдній разъ взглянуть на солнце и подышать свѣжимъ воздухомъ; они кладутъ его на кучу навоза. Въ такомъ положеніи Фернандо напоминаетъ многострадальнаго Іова, но поведеніе ихъ нѣсколько различно, и самъ Фернандо понимаетъ эту разницу. Онъ говоритъ:

Друзья, оставьте здѣсь меня
Послѣдній разъ взглянуть на небо
И блескомъ солнца насладиться...
О Боже правый! Какъ я долженъ
Тебя за все благодарить!
Когда, какъ я, томился Іовъ,

Онъ проклиналъ свой день, а я
Благословляю этотъ день
За всѣ щедроты, что̀ Творецъ
Сегодня посылаетъ намъ.

Брито (слуга). Вамъ хорошо ли, государь?

Донъ Фернандо. О лучше, чѣмъ достоинъ я!
Я вижу милосердье Бога:
Когда я вышелъ изъ темницы,
То солнца лучъ меня пригрѣлъ!

Едва ли, думается намъ, можно найдти вообще въ драматической поэзіи сцену, равную по достоинствамъ вышеприведенной!

Но, несмотря на все свое благодушіе и твердость, Фернандо страдаетъ отъ голода и съ такими словами обращается къ проходящему мимо царю Феца:

Подайте милостыню мнѣ,
О, дайте что нибудь поѣсть,
И я вѣдь тоже человѣкъ!
Я голоденъ, мнѣ тяжело,
Отъ голода я умираю.
Меня вы, люди, пожалѣйте:
Вѣдь даже къ звѣрю дикій звѣрь
Порой имѣетъ состраданье!

Наконецъ, Фернандо съ горестью сознаетъ неизбѣжность смерти. Каждый шагъ, восклицаетъ онъ, приближаетъ насъ къ могилѣ; печальный законъ, суровая необходимость знать, что во всякомъ случаѣ каждый шагъ ведетъ насъ впередъ, и Богъ не въ силахъ уничтожить сдѣланнаго шага (III, 620—629).

Если мы теперь захотимъ подвести итогъ всему сказанному выше, то характеристика Фернандо выразится въ слѣдующихъ чертахъ: предъ нами высоко-человѣчный герой, вполнѣ идеальная личность, въ которой трудно найдти какой нибудь недостатокъ и помыслы которой, сообразно обстоятельствамъ мѣста и времени, приняли религіозную окраску. Надо ли говорить, что невозможно указать въ Фернандо хотя бы малѣйшую вину? Онъ страдаетъ потому, что личность съ его характеромъ, поставленная въ подобныя условія, непремѣнно должна была бы страдать; тутъ просто роковое стеченіе обстоятельствъ, въ которомъ никто невиноватъ, даже и царь Феца, ибо онъ въ правѣ добиваться своего—получить обратно Цеуту.

Такимъ образомъ разборъ нашъ выяснилъ двѣ вещи: 1) донъ Фернандо—личность идеальная, 2) онъ страдаетъ неповинно; слѣдовательно, Кальдерону на дѣлѣ удалось разрѣшить проблемму изображенія идеальныхъ лицъ въ поэзіи.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ распространяться о другихъ произведеніяхъ всемірной литературы, въ которыхъ изображены идеальныя, неповинно страдающія лица; мы только укажемъ Ифигенію въ Авлидѣ и Ипполита Еврипида, Софоклову Антигону и весьма любопытную буддійскую драму „Радость змѣй“ (Nâgânanda), герой которой, принцъ Jimutavahana, своими качествами, пожалуй, превышаетъ нашего стойкаго принца [1]).

Перейдемъ къ общимъ выводамъ, которые позволяетъ намъ сдѣлать разборъ Кальдероновой пьесы. Уже съ давнихъ поръ прославляютъ золотую середину; можетъ быть, въ вопросахъ морали это правило и непримѣнимо, но оно остается въ полной силѣ, когда приходится разсуждать о реализмѣ и идеализмѣ въ искусствѣ. Очевидно, что во всякомъ произведеніи искусства можно найдти и идеальныя и реальныя стороны. Одна изъ основныхъ потребностей человѣчества есть правдивость; правду мы одинаково цѣнимъ и въ житейскихъ отношеніяхъ, и въ доказательствахъ геометріи, и въ произведеніяхъ искусства. Только правдивое въ этомъ послѣднемъ имѣетъ цѣну въ глазахъ не однихъ современниковъ, которые могли восхищаться этимъ произведеніемъ въ силу постороннихъ для искусства соображеній, но и въ глазахъ потомства, гораздо болѣе безпристрастнаго. Съ этой точки зрѣнія и Кальдеронова трагедія есть произведеніе реальной поэзіи, ибо и она вполнѣ правдива, если не считать нѣсколькихъ диссонансовъ стиля, что̀ должно быть поставлено за счетъ литературныхъ вкусовъ XVII вѣка, зараженныхъ гонгоризмомъ. Идеальный элементъ всякаго произведенія искусства состоитъ въ томъ, что, несмотря на всю близость къ дѣйствительности и въ поэзіи и въ другихъ отрасляхъ искусства есть вліяніе ума автора, измѣняющаго въ своихъ созданіяхъ эту дѣйствительность сообразно своимъ цѣлямъ, ибо, какъ ни подобно изображеніе дерева на картинѣ дѣйствительному дереву, стоящему въ полѣ, оно все-таки не тожественно, и

[1]) Сравненіе индійскаго театра съ европейскимъ разныхъ вѣковъ и народовъ было бы, вѣроятно, весьма плодотворно для теоріи драмы; ср. интересную работу въ этой области *Mary Summer*: „Les héroïnes de Kalidasa et les héroïnes de Shakespeare“. Paris. 1879. Bibliothèque Orientale Elzévirienne, т. XXIV.

первое дерево понимается нами, какъ идея, типъ деревьевъ, существующихъ въ природѣ.

Иначе обстоитъ дѣло, если мы будемъ говорить объ идеализмѣ съ точки зрѣнія, опредѣляющей его, какъ „намѣреніе, которое ставитъ себѣ высокую и безкорыстную цѣль". Съ этой точки зрѣнія донъ Фернандо является вполнѣ идеальнымъ героемъ, и трагедія Кальдерона принадлежитъ поэтому къ произведеніямъ, воспѣвающимъ высокіе и прекрасные помыслы человѣчества, она идеальна по своему содержанію.

Въ чемъ состоитъ самое элементарное, но вмѣстѣ съ этимъ самое глубокое наслажденіе поэзіей? Разные люди требуютъ разнаго отъ поэзіи: кому нравятся звучные стихи, кто ищетъ поученія, кого радуетъ близость изображеннаго въ поэзіи къ дѣйствительности. Но во всякомъ случаѣ, наслажденіе поэзіей состоитъ въ расширеніи своего я, въ выходѣ за границы индивидуальнаго существованія, въ общеніи съ символическимъ изображеніемъ другихъ людей. Почему же мы исключимъ изъ этого общенія тѣхъ людей, которые безконечно превышаютъ насъ своими качествами? Надо только, чтобы авторъ изобразилъ своего героя правдиво, надѣливъ его человѣческими свойствами; а правдивое изображеніе получится тогда, когда авторъ, самъ героически настроенный или способный искусственно создавать себѣ такое настроеніе, будетъ вѣрить въ изображаемый идеалъ и въ возможность его осуществленія; это послѣднее условіе будетъ на лицо при цѣльности міросозерцанія.

Вотъ почему, можетъ быть, наше время, которое, конечно, такъ же ревностно ищетъ идеала, какъ его искали и прежде, не создаетъ такихъ образовъ, какъ донъ Фернандо, ибо при сложности теперешней духовной жизни нельзя указать господствующей точки зрѣнія и очень трудно достигнуть цѣльности міросозерцанія.

Но если мы всегда будемъ способны понимать высокое настроеніе души, то еще болѣе будетъ близокъ намъ идеальный герой, если поэтъ представитъ его страдающимъ. Въ такомъ случаѣ въ нашей душѣ пробуждается состраданіе, которое, по справедливому выраженію Шопенгауэра [1]), есть базисъ всякой свободной справедливости, всякой истинной человѣческой любви, единственный источникъ всѣхъ поступковъ, имѣющихъ нравственную цѣну; при помощи состраданія мы какъ бы отожествляемъ себя съ героемъ. Состраданіе, сближая

---

[1]) Werke по изд. Griesebach'а, т. III, 590.

насъ съ идеальною личностью, которая страдаетъ, возвышаетъ насъ до нея, и наше удивленіе къ ея доблестямъ незамѣтно переходитъ въ любовь. И дѣйствительно, если мы обратимся къ изображеннымъ въ поэзіи идеальнымъ лицамъ, то мы вездѣ увидимъ ихъ страдающими: такъ въ Стойкомъ принцѣ, въ Радости змѣй, Ифигеніи въ Авлидѣ и т. д.

Такимъ образомъ, скажемъ мы въ заключеніе, если поэту удастся изобразить страданіе идеальнаго лица, то такое изображеніе не покажется намъ чѣмъ-то богохульнымъ, какъ думалъ Лессингъ, а доставитъ высокое эстетическое наслажденіе, свободное отъ всякой примѣси негодованія, ибо намѣренія Божества всегда остаются намъ неизвѣстными, какъ и Оно само, а слѣдовательно, намъ не на кого и негодовать при видѣ страданій идеальнаго лица.

Д. К. Петровъ.

Сергѣй Шумаковъ. Угличскіе акты (1400—1749 гг.). М. 1899.

Новое изданіе г. Шумакова представляетъ собою тѣ же достоинства, что и предидущія: распредѣленіе актовъ по отдѣламъ, примѣчанія, съ каждымъ новымъ изданіемъ все болѣе и болѣе подробныя, прекрасныя введенія къ каждому отдѣлу актовъ и хорошо составленный указатель, ставятъ книгу г. Шумакова наряду съ лучшими археографическими работами. Авторъ, какъ извѣстно, задался цѣлью постепенно издать, по уѣздамъ, грамоты и акты Коллегіи Экономіи Московскаго архива министерства юстиціи. По этому онъ вполнѣ основательно издаетъ, для полноты своей работы, и нѣкоторые изъ тѣхъ актовъ, которые уже были ранѣе напечатаны. Въ настоящей книгѣ ихъ, впрочемъ, немного, именно, по указанію самого автора, всего 12 страницъ изъ 208 (стр. VII, пр. 6). Никакого неудобства для читателей это переизданіе не представляетъ (конечно, если оно оговорено) и даже часто бываетъ весьма полезно, въ виду того, что нѣкоторыя печатныя изданія актовъ (напримѣръ Акты Археографической Экспедиціи, Акты Историческіе и т. п.) сдѣлались теперь библіографической рѣдкостью [1]).

---

[1]) Императорская Археографическая Коммиссія, приступившая теперь къ новому изданію лѣтописей, оказала бы истинное благодѣяніе изслѣдователямъ,

Обращаясь къ содержанію настоящаго сборника, укажемъ, что г. Шумаковъ раздѣлилъ свое изданіе на двѣ части: въ первой напечатаны, а отчасти описаны, правительственные акты по Угличскому уѣзду съ 1414—1739 гг., а во второй—частные акты 1400—1731 гг. Въ числѣ правительственныхъ актовъ изданы грамоты: жалованныя, съ прочетомъ, послушныя, правыя, выписи, книги и выписи изъ книгъ; частные акты распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: данныя, закладныя, купчія, межевые акты, мировыя и мѣновыя.

Изъ числа офиціальныхъ актовъ обращаютъ вниманіе изслѣдователя слѣдующіе: № I (стр. 1) упоминаніемъ о томъ, что Татариновская деревня Троице-Сергіева монастыря освобождается отъ разныхъ даней и пошлинъ „опричь татарскаго яму". Грамота относится къ 1462—1466 гг. № III (стр. 3)—какъ рѣдкій примѣръ освобожденія частнаго лица отъ суда намѣстника и предоставленія ему права суда въ своихъ владѣніяхъ. № XIII (стр. 22) интересенъ упоминаніемъ о чертежѣ пустошей. Это даетъ основаніе полагать, что въ XVII вѣкѣ при описаніи писцами земель составлялись планы угодій. О томъ же говоритъ и № XX (стр. 37). Актъ за № XVII отъ 1685 года, представляющій собою приказъ М. С. Супоневу не тѣснить новаго поселенія Спасо-Евфиміева монастыря, села Правдина, обращаетъ наше вниманіе сообщеніемъ о способѣ перезыванія крестьянъ на свои отчины землевладѣльцами въ концѣ XVII вѣка, въ эпоху окончательнаго закрѣпощенія крестьянъ: именно монастырь, въ оправданіе себя и для доказательства отсутствія у Супонева права отбирать у нихъ перезванныхъ ими волостныхъ крестьянъ, говоритъ, что онъ перезываетъ крестьянъ „отъ семей" и „охотниковъ", уходящихъ отъ тѣсноты (стр. 30), то-есть, указываетъ, что онъ не нарушаетъ интересовъ фиска по отношенію къ тяглу. И это соображеніе признается правительствомъ правильнымъ, результатомъ чего было приказаніе удовлетворить притязанія монастыря.

Изъ числа частныхъ актовъ интересны слѣдующіе: № XXXIII (стр. 70). Это данная XV вѣка монастырю на село Прилуцкое. Въ данной, между прочимъ, говорится: „дала есмь (село) ... и съ серебромъ, а серебра въ немъ 7 руб.". Что это за серебро? Какъ извѣстно, древне-русскіе памятники знаютъ серебрениковъ и въ литературѣ

занимающимися русской исторіей, если бы выпустила вторымъ изданіемъ и указанные сборники.

былъ возбужденъ вопросъ: представляютъ ли собою серебреники крестьянъ, взявшихъ подмогу, или деньги въ долгъ [1]). Равнымъ образомъ, было высказано мнѣніе, что серебро—это работа въ уплату процентовъ на долгъ, аналогія служилой кабалѣ. Настоящій документъ категорически доказываетъ, что серебро есть денежный долгъ. Затѣмъ, №№ XL (стр. 76), XLII (стр. 80—81), XLVI (стр. 86—88), LVIII (стр. 107), LXXXV (стр. 169—171), LXXXVII (стр. 172—174) и CIV (стр. 201—202) представляютъ собою значительный интересъ съ точки зрѣнія гражданскаго права, во-первыхъ, тѣми условіями, которыя вводятся въ гражданскую сдѣлку, а во-вторыхъ, своей модификаціей. Именно, № XL есть данная, въ которой даръ обусловленъ правомъ выкупа села за сто рублей если дарителю или его дѣтямъ „будетъ дѣло" до ихъ вотчины. № XLII представляетъ собою даръ на случай смерти: даритель оставляетъ за собою пожизненное владѣніе даримой вотчиной и даже оговариваетъ. что когда „поѣдутъ въ Углецкой уѣздъ писцы", то ему „та вотчина у писцовъ въ книги по свой животъ написати", послѣ же его смерти „за Троецкимъ Сергіева монастыря написати". При этомъ интересно, что даръ является не безвозмездной сдѣлкой: вкладъ сдѣланъ за 160 рублей. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ подъ видомъ даренія продажу на случай смерти или продажу, обусловленную правомъ пожизненнаго владѣнія и пользованія со стороны продавца. Чѣмъ вызвана такая сложная структура сдѣлки трудно объяснить: весьма вѣроятно, что продавецъ стѣснялся открыто продать свою вотчину, такъ какъ она была ему пожалована „по приговору митрополита и архіепискуповъ и всего собора и бояръ и столниковъ и дворянъ и всей земли за его службу, за московское очищенье изъ его помѣстья". Опять любопытный фактъ обращенія помѣстья въ вотчину. Въ № XLVI (отъ 1646 года) даръ также обусловленъ выкупомъ. Но при этомъ встрѣчается любопытное усложненіе: если въ даримыхъ пустошахъ монастырь посадитъ крестьянъ, то при выкупѣ „до крестьянъ монастырскихъ дѣла нѣтъ, волно ему игумену зъ братьею тѣхъ крестьянъ съ тѣхъ пустошей свести". Но въ данномъ случаѣ продавецъ обязался, все-таки, „въ Помѣстномъ приказѣ в вотчинные в записные книги тѣ свои вотчинные пустоши всѣ запи-

---

[1]) *Павловъ-Сильванскій*, „Люди кабальные и докладные" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1895 г. I).

сать за Олексѣевскимъ монастыремъ". № LXIII есть купчая (отъ 1572—1573 г.), въ которой продавецъ выговариваетъ за собою право остаться въ проданномъ имъ Кирилову-Бѣлозерскому монастырю на посадѣ дворѣ—дворникомъ, подъ условіемъ „подворниковъ въ томъ дворѣ не держати", самъ „жити... бережно и дворъ беречи и огородъ пахати и на огородъ навозъ возити и старые хоромы во дворѣ починивати", „съ виномъ и со всякимъ напитьемъ на дворъ стоялщиковъ не пущати, и дворниковъ не держати. А ставитца на томъ дворѣ игумену Кирилова монастыря зъ братьею"; за нарушеніе этихъ условій продавецъ долженъ „изъ того двора итти вонъ". № LXXXV есть мѣновная. Мѣна опять обусловлена: одинъ изъ контрагентовъ отдалъ въ наемъ мѣняемую пустошь и выговариваетъ для нанимателя право „вывладать тѣ урочные годы", на которые онъ ее нанялъ. Тутъ также интересно разъясненіе слова „урочные годы": оказывается, что это срокъ найма имущества. Въ № LXXXVII, мѣновной, ставится условіе, весьма обычное, относительно срока явки мѣновной въ Помѣстномъ приказѣ. Но къ сему прибавляется: „а за дѣломъ ходить ему игумену Спиридону зъ братьею своими харьчми". Наконецъ № CIV есть мѣновная, гдѣ одинъ изъ контрагентовъ, въ дополненіе къ своей мѣняемой пустоши беретъ 400 рублей, а самъ отказывается отъ иска на другаго контрагента по поводу нарушенія межей и насильственнаго владѣнія. Независимо сего значительный интересъ представляетъ собою данная за № XLIII (стр. 81—83) отъ 1614 года, согласно которой дѣлается вкладъ въ монастырь земли съ крестьянами. Это довольно ранній примѣръ сдѣлки на населенное имѣніе. Въ заключеніе обозрѣнія содержанія интереснаго изданія г. Шумакова укажемъ, что въ купчей подъ № LVI (стр. 103) говорится: „А у ково будетъ та моя вотчина въ закладѣ или въ закупѣ или въ кабалахъ, и мнѣ Семену та земля очищати". Такимъ образомъ, оказывается, что закупъ является не залогомъ имущества, а запродажей.

Изъ приведеннаго краткаго изложенія содержанія настоящаго сборника видно, что онъ представляетъ весьма большой интересъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что онъ изданъ очень тщательно, распредѣленіе матеріала по отдѣламъ произведено вполнѣ правильно. Позволимъ себѣ сдѣлать лишь два замѣчанія: во-первыхъ, г. Шумаковъ, несмотря на заявленіе свое, что онъ дѣлаетъ въ своемъ изданіи ссылки на №№ своей книги (стр. VI), что имъ дѣйствительно и исполняется въ дальнѣйшемъ текстѣ, на той же стр. VI, при указаніи на склейки грамотъ, цитируетъ ихъ уже по частной архивной ну-

мераціи (напримѣръ указано, что въ № 49—206 склеекъ, а у г. Шумакова № 49 представляетъ собою 46 строкъ). Во-вторыхъ, намъ представляется, что помѣщеніе въ отдѣльную рубрику „грамотъ съ прочетомъ“ (стр. 16—33) врядъ ли цѣлесообразно, такъ какъ „прочетъ“ не составляетъ юридической квалификаціи грамоты. Конечно, эти два замѣчанія нисколько не унижаютъ почтеннаго труда г. Шумакова, заслуживающаго полнѣйшаго вниманія и сочувствія.

Н. Н. Дебольскій.

Книжныя новости.

К. Ф. Хартулари. Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности. (Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе). Общая и особенная части. С.-Пб. 1899, и Приложеніе къ особенной части.

Сочиненіе г. Хартулари состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ томовъ: въ 1-мъ томѣ содержатся общая и особенная часть сочиненія, во 2-мъ томѣ заключаются приложенія къ особенной части.

Въ самомъ началѣ своего труда (предисловіе, стр. 3) авторъ опредѣляетъ свою задачу — выяснять у насъ право суда и помилованія. Первое, то-есть, право суда, по его мнѣнію, вовсе неизвѣстнаго Западу, а второе, то-есть, право помилованія, хотя и извѣстно Западу, но „видимо отъ него отличается и своими основаніями и предѣлами“. На слѣдующей 4-й страницѣ авторъ въ доказательство самобытности власти въ Россіи приводитъ сначала патріархальную власть князя, а затѣмъ власть монарховъ, какъ помазанниковъ Божіихъ, идея, по мнѣнію г. Хартулари, явившаяся вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи (слѣдовательно, по словамъ автора, идея заимствованная, а не самобытная). Заявляя (стр. 5), что „такимъ ореоломъ божескаго всемогущества и величія русскій народъ привыкъ искони окружать престолъ своихъ вѣнценосныхъ монарховъ“, г. Хартулари приходитъ къ несомнѣнному убѣжденію (стр. 5), что „всякое стремленіе не только къ умаленію самого права, но даже къ усложненію непосредственныхъ отношеній народа съ своимъ Государемъ по разнаго рода ходатайствамъ о правосудіи и милостяхъ будетъ, независимо отъ нарушенія существенныхъ и личныхъ интересовъ самой верховной власти, еще актомъ святотатственнаго оскорбленія какъ народныхъ традицій, такъ и народнаго чувства“.

Этими словами ясно высказано направленіе всего изслѣдованія — укрѣпить, путемъ историческаго разъясненія вопроса, широкое личное участіе монарха въ судѣ и въ разрѣшеніи разныхъ ходатайствъ.

Въ общей части сочиненія мы находимъ только общій историческій очеркъ одного права помилованія, а въ особенной—изслѣдованіе права суда и помилованія какъ прерогативы Россійской державности. Но если, по словамъ г. Хартулари, право суда монарха на Западѣ неизвѣстно, а право по-

милованія у насъ совершенно не похоже на западно-европейское, то онъ могъ бы общей части и совсѣмъ не писать, такъ какъ она никакого отношенія къ особенной части не имѣетъ.

Общая часть озаглавлена у автора: общій историческій очеркъ права помилованія. Занимаетъ этотъ очеркъ 128 страницъ и дѣлится на 10 главъ. Читателю очень трудно составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о правѣ помилованія на Западѣ въ его историческомъ развитіи по книгѣ г. Хартулари, такъ какъ въ этой части сочиненія встрѣчается не мало погрѣшностей и неточностей. Такъ, въ заголовкѣ 1-й главы сказано: „Римская доктрина о правѣ помилованія, усвоенная новѣйшими законодательствами", а въ текстѣ (стр. 12) говорится объ извѣстной формулѣ Ульпіана „quod principi placuit, legis habet vigorem", то-есть, о самодержавіи римскихъ цезарей. Что же касается ссылки г. Хартулари на мнѣнія какихъ-то римскихъ стоиковъ (стр. 12), что государь есть источникъ всякой милости, то объ этомъ онъ самъ забываетъ въ концѣ 12-й и началѣ 13-й страницы. Во 2-й главѣ среди другихъ видовъ помилованія авторъ помѣщаетъ purgatio (стр. 17)—прощеніе по невиновности (необходимая оборона и т. п.). И въ римскую эпоху если судьѣ было доказано состояніе крайней необходимости, то не могло быть приговора обвинительнаго, при чемъ же тутъ прерогатива помилованія? Третья глава посвящена среднимъ вѣкамъ. Здѣсь авторъ желаетъ прослѣдить (стр. 21) дальнѣйшее развитіе римскаго ученія о помилованіи. Но, само собою разумѣется, онъ этого достигнуть никакъ не можетъ. Бытъ среднихъ вѣковъ сложился съ V по X вѣкъ, а римское право стало господствовать съ XII вѣка, право же помилованія несомнѣнно было и до XII вѣка. Далѣе на стр. 26 говорится о „королевской политикѣ по отношенію вассаламъ, городскимъ общинамъ и сословіямъ съ цѣлью возврата коронѣ самовольно захваченныхъ у нея правъ и прерогативъ". Это исторически не вѣрно: вассалы не захватывали у короны права и прерогативы ея, а, напротивъ, короли стремились постепенно ограничивать права вассаловъ. Короли, желая предоставить себѣ право суда, а затѣмъ и право помилованія, какъ видъ права апелляціи на судъ вассаловъ, должны были ссылаться не на феодальный договоръ, а на высшій авторитетъ, авторитетъ церкви, и затѣмъ на силу божественнаго происхожденія власти. Не у короны похищали право помилованія вассалы, города, сословія, а короли мало-по-малу присвоивали себѣ прирожденное право каждой территоріальной единицы вѣдать свои дѣла. Дальнѣйшія главы общей части посвящены обзору ученій о правѣ помилованія и современному положенію. Право помилованія изложено довольно не систематично по разнымъ государствамъ, при этомъ (на стр. 82) авторъ почему-то французскую республику причислилъ къ конституціонно-монархическимъ государствамъ, а на стр. 66-й говоритъ о главѣ IV книги 1-й англійской конституціи (?!). Только въ послѣднихъ двухъ главахъ авторъ нѣсколько знакомитъ насъ съ юридическою конструкціею права помилованія, но именно нѣсколько. Въ IX главѣ онъ почему-то болѣе всего останавливается на антропологической школѣ уголовнаго права. Вся общая часть, очевидно, написана за тѣмъ, чтобы показать, какъ право помилованія поставлено на Западѣ подъ вліяніемъ конституціонныхъ идей, и какъ оно поставлено у насъ вслѣдствіе особаго развитія нашей самобытной исторіи. Но удивленіе чи-

тателя достигаетъ крайнихъ предѣловъ, когда онъ прочтетъ конецъ 269-й страницы. Тогда только можно удивляться смѣлости автора, который обѣщалъ (стр. 3) доказать, что право помилованія у насъ отличается отъ существующаго аналогичнаго права на Западѣ и „своими основаніями и предѣлами“ а въ результатѣ изслѣдованія пришелъ (стр. 296) къ установленной тожественности ученія о правѣ помилованія на Западѣ и у насъ.

Особенная часть у г. Хартулари дѣлится на три отдѣла: I—прерогатива суда, II—прерогатива помилованія, III—учрежденія.

Если опредѣлять прерогативу, какъ опредѣляетъ ее авторъ, согласно Локку (см. эпиграфъ сочиненія), то, очевидно, слова „прерогатива суда“ contradictio in adiecto. Ибо если „помилованіе“ есть актъ верховной власти, „дѣйствующей внѣ закона и вопреки закону“, то „судъ“ есть функція верховной власти нормальная, которую, вопреки мнѣнію автора, никто никогда не отрицалъ за верховною властью государства. Утвержденіе автора, что право суда монарха неизвѣстно Западу, положительно ни на чемъ не основано. Что на Западѣ Европы, въ XVIII и XIX вѣкахъ, судъ никогда не былъ прерогативою монарха, это вѣрно, но онъ не былъ прерогативою и у насъ, а правомъ. Что судъ есть естественная функція монарха, — доказывать совершенно излишне. Если бы монархъ не былъ главою судебной власти, онъ не былъ бы суверепнымъ монархомъ. Первый отдѣлъ особенной части, озаглавленный „прерогатива суда“, слѣдовало бы назвать „очеркъ политической исторіи Россіи“. Такую задачу на 135 страницахъ исполнить трудно. При этомъ подобной серьезной задачѣ посвящено всего 90 страницъ, ибо съ VIII главы начинаетъ авторъ переходить отъ изслѣдованія права челобитья къ изслѣдованію отношеній Петра Великаго къ организаціи прочнаго судебнаго порядка. Въ главѣ V этого отдѣла г. Хартулари хочетъ доказать, что у насъ все было не такъ, какъ на Западѣ. На стр. 65-й авторъ утверждаетъ, что у насъ не было ни сословнаго или аристократическаго начала, ни сильнаго развитія личности. Такое утвержденіе положительно ни на чемъ не основано и находится въ явномъ противорѣчіи съ общеизвѣстными историческими фактами.

Слѣдующій второй отдѣлъ особенной части озаглавленъ „прерогатива помилованія“ (стр. 136—269). Въ этомъ отдѣлѣ снова авторъ хочетъ дать очеркъ соціальной исторіи Россіи, говоритъ о печалованіи духовенства (гл. XII), о враждѣ московскихъ государей къ этому обычаю (гл. XIII),— все это никакого отношенія къ прерогативѣ помилованія не имѣетъ. Право печалованія было особымъ видомъ права петицій, которое никогда не умаляло права помилованія. Юридическая конструкція всего права помилованія находится только на 269 стр. и сдѣлана она такъ, что повторено положеніе римскаго права, что и дало поводъ автору заключить свои разсужденія о тожествѣ нашего права помилованія съ западно-европейскимъ, чѣмъ онъ, очевидно, и уничтожаетъ все свое сочиненіе.

Третій отдѣлъ особенной части (270—338 стр.) состоитъ всего изъ трехъ главъ: учрежденія до комиссіи прошеній (гл. XVII), комиссія прошеній и ея реформы (гл. XVIII) и проектъ самого автора (гл. XIX). Самая интересная глава должна была бы быть первая, но авторъ не воспользовался богатымъ

историческимъ матеріаломъ такъ, какъ бы слѣдовало. Большой интересъ возбуждаетъ учрежденіе при Іоаннѣ IV Челобитной избы и всѣхъ послѣдующихъ институтовъ этого рода. Въ высшей степени важно было бы подробно ознакомиться съ этими учрежденіями, а главное—выяснить ихъ происхожденіе. Іоаннъ Грозный слишкомъ крупная историческая личность, глубокій государственный умъ, и потому нельзя объяснять его мѣропріятія такъ, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 271. По мнѣнію г. Хартулари, царь ненавидѣлъ бояръ, а такъ какъ бояръ защищало духовенство, то царь и отнялъ у него право печалованія. Борьба царя съ боярствомъ и духовенствомъ не была вовсе результатомъ только дурнаго характера царя Іоанна и его ненависти къ боярамъ, но это была упорная политическая борьба за самодержавіе, и всѣ мѣры Іоанна получаютъ такимъ образомъ совсѣмъ иное глубокое политическое основаніе. Каждая эпоха нашей исторіи, какъ и всякой другой, настолько своеобразна, что необходимо прослѣдить исторію даннаго учрежденія въ связи съ общими политическими основами всего государственнаго быта данной эпохи. 2-я глава этого отдѣла о комиссіи прошеній является краткимъ пересказомъ законодательнаго матеріала объ учрежденіи комиссіи прошеній и также матеріала о дѣятельности комиссій, работавшихъ надъ реформою комиссіи прошеній. Глава эта занимаетъ всего 15 страницъ и не даетъ повода къ какимъ-нибудь комментаріямъ. Послѣдняя глава труда г. Хартулари заключаетъ въ себѣ его собственный проектъ созданія такого „внѣ закона и вопреки закону“ (стр. 305) дѣйствующаго учрежденія для поддержанія вѣками сложившихся патріархальныхъ отношеній и крѣпкаго единенія Царя съ народомъ. Г. Хартулари представляетъ проектъ возстановленія комиссіи прошеній, то-есть, коллегіальнаго органа. Въ основѣ подобныхъ учрежденій лежитъ одно въ высшей степени прискорбное извращеніе существа самодержавной власти. Считать законъ — выраженную въ положительной нормѣ волю самодержца—какимъ-то стѣсненіемъ самодержавія, мысль настолько неосновательная, насколько она и вредная, и антигосударственная. Законный порядокъ, разъ онъ существуетъ, доказываетъ торжество самодержавія. Если законъ не примѣняется или примѣняется неправильно и вмѣсто него господствуетъ произволъ, то значитъ самодержавіе слабо. Эта—аксіома, которую даже странно доказывать. На ряду съ установленнымъ законнымъ порядкомъ есть путь милосердія, для котораго „не существуетъ ни предѣловъ, ни правилъ“ (стр. 335), и всякія коллегіи, которыя проектируютъ г. Хартулари, могутъ только стѣснять этотъ путь и какъ бы ограничить Самодержца въ томъ, въ чемъ не ограничивается ни конституціонный монархъ, ни президентъ республики. Заботясь яко бы о правахъ народа, г. Хартулари, расширяя внѣ-законный путь жалобамъ, тѣмъ самымъ существеннымъ образомъ нарушаетъ право народа, лишая его всѣхъ выгодъ законнаго порядка, точно установленнаго, извѣстнаго каждому и всегда служащаго лучшею гарантіею интересовъ населенія. И самодержавіе, и народъ только потеряютъ отъ подобныхъ проектовъ. Реформа комиссіи прошеній, предпринятая при Императорѣ Александрѣ III, вполнѣ соотвѣтствовала общему духу нашего законодательства, ничѣмъ не заграждая путь вѣрный и надежный, искони русскимъ народомъ излюбленный,—это путь къ подножію Престола.

Pérez, Bernard. L'éducation intellectuelle dès le berceau. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Научно-популярная библіотека „Русской Мысли". Москва. 1897. Стр. 189. Цѣна 60 коп.

По психологіи дѣтей за послѣднее время появилось довольно много сочиненій; изъ нихъ самое ученое и серьезное написано Прейеромъ: „Душа ребенка", вышедшее въ трехъ изданіяхъ. Пере издалъ цѣлый рядъ сочиненій по психологіи дѣтей, но въ нихъ мало наблюденій и цѣнныхъ указаній. Пере, безъ сомнѣнія, знаетъ литературу и пользуется ею, но вслѣдствіе отсутствія самостоятельныхъ наблюденій, книга Пере производитъ нѣсколько мертвенное впечатлѣніе. Онъ беретъ готовыя психологическія схемы изъ учебниковъ психологіи и къ нимъ примѣняетъ особенности дѣтской жизни и совѣты, которые онъ имѣетъ высказать. Но рѣчь г. Пере не отличается надлежащей ясностью и опредѣленностью, притомъ она передана не совсѣмъ удовлетворительно переводчикомъ, благодаря чему книга производитъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ доказательство привожу нѣсколько выдержекъ:

Стр. 17. „Къ концу 3-го года недурно было бы знать, что извѣстная тяжесть соотвѣтствуетъ большему количеству вещества"... Зачѣмъ же это знать, когда это невѣрно?

Стр. 34. „Но слѣдуетъ культивировать и сильную память, такъ какъ она играетъ главную роль въ ассоціаціяхъ". Это дурно выражено, и противопоставленіе памяти—ассоціаціямъ неправильно.

Стр. 35. „Какъ пріобрѣтенныя, такъ и врожденныя способности передаются путемъ наслѣдственности; поэтому, хорошая память у одного изъ родителей, а тѣмъ болѣе у обоихъ, сильно говоритъ въ пользу этой способности и у ребенка, причемъ, понятно, надо принимать во вниманіе возможныя измѣненія или нейтрализацію въ случаѣ разницы, существующей въ этомъ отношеніи между отцомъ и матерью, или при противодѣйствующемъ вліяніи боковой наслѣдственности". Откуда все это извѣстно автору? Это предположенія, нуждающіяся въ доказательствѣ.

Стр. 42. „Игра ребенка священна". Послѣ такого категоричнаго заявленія странно читать слѣдующія за симъ строчки, въ которыхъ значеніе игры низводится.

Стр. 79. „Развитому и наблюдательному ребенку легко запомнить, что у четвероногаго животнаго 4 ноги, у двуногаго—двѣ, и онъ сумѣетъ различать эти два вида". Здѣсь неловкость получилась благодаря переводу; неудачный переводъ мы замѣчаемъ и на стр. 93.

„Мы подвергаемъ его сужденіе укрѣпляющей дисциплинѣ".

Стр. 95. „Въ книгѣ г-жи Папъ-Карпатье родители найдутъ сжатыя резюмэ по поводу разныхъ вещей, среди разныхъ вещей, среди массы предметовъ, могущихъ послужить.... развитію сужденія".... Здѣсь три попытки переводчика передать французскую фразу по ошибкѣ попали въ печать.

Стр. 72 представляетъ странную попытку объяснить ребенку 5 лѣтъ различіе жизни и смерти.

Приведеннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы судить о непригодности книги г. Пере для педагогическихъ цѣлей, по крайней мѣрѣ въ русскомъ переводѣ.

Гексли, Т. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Шесть лекцій, читанныхъ рабочимъ, переводъ съ англійскаго *Н. Березина*. Съ приложеніемъ біографическаго очерка Т. Гексли, составленнаго переводчикомъ, портретомъ Т. Гексли и 13 рис. въ текстѣ. С.-Пб. 1897. Цѣна 60 коп. 146 стр. (Изданіе редакціи журнала „Образованіе").

Г. Березинъ на 22-хъ страницахъ далъ краткій біографическій очеркъ Т. Гексли, изъ котораго, однако, нельзя вывести вполнѣ отчетливаго вывода относительно того, какъ г. Березинъ смотритъ на Т. Гексли, то-есть, въ чемъ онъ видитъ главную его заслугу, въ его-ли философскихъ произведеніяхъ или же въ его ученыхъ трудахъ по естествознанію, между тѣмъ опредѣленіе значенія Гексли было бы весьма желательнымъ, ибо философы готовы признать въ немъ виднаго ученаго, но не признаютъ его заслугъ въ области философіи, ученые же, какъ кажется, готовы признать въ немъ философа, но не ученаго естествоиспытателя. Фразы же г. Березина въ родѣ: „Всюду точка зрѣнія Гексли есть точка зрѣнія ученаго и философа, который смотритъ въ глаза окружающему человѣка со всѣхъ сторонъ великому неизвѣстному съ той увѣренностью, которая дается только глубокимъ проникновеніемъ въ природу вещей и человѣка" (стр. 21), не даетъ никакого основанія для сужденія о Т. Гексли.

Что касается самыхъ шести лекцій Т. Гексли „о причинахъ явленій въ органической природѣ и наши знанія о нихъ", читанныхъ англійскимъ рабочимъ, то въ пользѣ ихъ для русскихъ читателей я сильно сомнѣваюсь. Г. Гексли пытается „представить въ истинномъ свѣтѣ значеніе сочиненія Дарвина „о происхожденіи видовъ". Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русскіе рабочіе не только не знаютъ истиннаго значенія сочиненія Дарвина, но врядъ ли слыхали о существованіи самого Дарвина, слѣдовательно для нихъ книга г. Гексли безполезна; что касается читателей болѣе высокаго уровня развитія, то лекціи Т. Гексли не дадутъ имъ ничего новаго, ибо вращаются въ кругѣ общеизвѣстныхъ представленій, хотя я и не стану отрицать того, что Т. Гексли связываетъ эти представленія удачно, такъ что представляется довольно отчетливая картина.

Излишними слѣдуетъ признать полемическіе экскурсы, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ и которые, можетъ быть, имѣютъ нѣкоторое значеніе для англійскаго читателя, но не имѣютъ важности для русскаго (напримѣръ, стр. 64--66). Лекціи Т. Гексли, очевидно, сопровождались разъясненіями на картинахъ; въ англійскомъ изданіи демонстраціи замѣнены рисунками; въ русскомъ же переводѣ не всѣ рисунки сохранены, ссылки же на рисунки въ текстѣ оставлены; это можетъ повлечь за собой нѣкоторую путаницу, тѣмъ болѣе, что и ссылки на рисунки, имѣющіеся въ текстѣ, перепутаны (ср. стр. 28, стр. 38, стр. 51 и др.).

Самое содержаніе лекцій Т. Гексли распредѣлено слѣдующимъ образомъ: въ пяти первыхъ лекціяхъ авторъ даетъ обзоръ фактическаго матеріала, на основаніи котораго должно строить теорію о причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ; къ этому матеріалу отнесены и методологическія соображенія автора, то-есть, разсужденія его, находящіяся въ третьей лекціи объ индукціи и дедукціи. Въ послѣдней лекціи, наконецъ, авторъ обращается къ разсмотрѣнію теоріи Дарвина; „она заключается въ томъ, что всѣ явле-

нія органической природы, прошлыя и настоящія, проистекають или являются слѣдствіемъ взаимодѣйствія тѣхъ свойствъ органическаго вещества, которыя мы назвали атавизмомъ и измѣнчивостью, которыя находятся въ связи съ условіями существованія" (стр. 129). Авторъ ревностный поклонникъ теоріи Дарвина, хотя онъ и признаетъ, что „теорія Дарвина не устраняетъ вполнѣ всѣхъ испытываемыхъ нами въ настоящее время затрудненій" (одно изъ такихъ затрудненій фактъ гибридизма, то-есть, безплодіе потомковъ, происшедшихъ при скрещиваніи нѣкоторыхъ видовъ), однако, по мнѣнію г. Гексли, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права утверждать, что эта теорія не сдѣлаетъ этого въ будущемъ. Указанный нами ранѣе полемическій задоръ автора вовлекаетъ его въ весьма рѣзкія сужденія; примѣромъ можетъ служить то, которое мы встрѣчаемъ на стр. 127: „Значеніе нашей жизни и высочайшая цѣль, какую только человѣкъ можетъ поставить себѣ, заключается не въ преслѣдованіи такой чепухи, какъ объясненіе неизвѣстнаго"....... Здѣсь рѣзкость сужденія усугубляется еще неточнымъ переводомъ понятія переданнаго въ русскомъ переводѣ словомъ неизвѣстное (вмѣсто „непознаваемаго").

Библіотека философовъ. Изданіе редакціи журнала „Образованіе":

I. Гербертъ Спенсеръ. *Отто Гауппа.* Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *Александра Острогорскаго* (съ портретомъ). С.-Пб. 1898, 196 стр. Цѣна 50 коп.

II. Фридрихъ Нитцше какъ художникъ и мыслитель. Проф. *А. Риля.* Переводъ съ нѣмецкаго *З. Венгеровой.* С.-Пб. 1898, 150 стр. стр. Цѣна 50 коп. (съ потретомъ).

III. Жанъ-Жакъ Руссо и его философія. Проф. *Геффдинга.* Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Давыдовой* (съ портрет. Руссо). С.-Пб. 1898. 172 стр. Цѣна 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли" Гербертъ Спенсеръ. *Отто Гауппа.* Переводъ съ нѣмецкаго *М. Я. Фитермана.* Москва. 1898. 190 стр. Цѣна 50 коп.

Въ Штуттгартѣ у издателя Фроммана появляется библіотека біографій классическихъ писателей въ области философіи; кромѣ біографіи дается еще и краткій очеркъ философской дѣятельности соотвѣтственныхъ писателей. Въ составленіи книжекъ участвуютъ выдающіяся литературныя силы; до сихъ поръ появилось 8 томовъ. Цѣль этого изданія — общедоступное изложеніе ученія главнѣйшихъ философовъ и ознакомленіе публики съ жизнью философовъ. Редакторомъ библіотеки состоитъ проф. Р. Фалькенбергъ. Имя редактора и участниковъ этого научнаго предпріятія представляютъ полную гарантію того, что книги составлены хорошо и впредь также будутъ хорошо составляемы. Нужно надѣяться, что это предпріятіе будетъ имѣть лучшую участь, чѣмъ два подобныхъ же англійскихъ изданія, которыя, по мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ, довольно скоро по появленіи первыхъ томиковъ, прекратили свое существованіе.

Нѣкоторыя изъ появившихся въ нѣмецкомъ изданіи томовъ, представ-

ляютъ значительный научный интересъ, какъ напримѣръ томъ о Кантѣ, написанный извѣстнымъ берлинскимъ профессоромъ Паульсеномъ, томъ о Гоббсѣ, принадлежащій перу проф. Тэнніеса.

Вполнѣ понятно, что это изданіе обратило на себя вниманіе русскихъ переводчиковъ. Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ однако объявленіе объ этомъ изданіи, принадлежащее журналу „Образованіе". Этотъ журналъ объявляетъ о „новомъ изданіи редакціи журнала Образованія" „Библіотека философовъ" и, перечисливъ уже выпущенныя въ свѣтъ книжки, продолжаетъ; „кромѣ того намѣчены"—слѣдуетъ перечисленіе намѣченныхъ нѣмецкимъ издателемъ томовъ. Читатель можетъ подумать, что все изданіе ведется самостоятельно журналомъ „Образованіе", а не представляетъ собою переводнаго изданія, вполнѣ зависимаго отъ появленія нѣмецкихъ оригиналовъ.

Изъ трехъ философовъ, изображенныхъ въ трехъ переводныхъ выпускахъ, самый интересный, безъ сомнѣнія, Нитцше, и авторъ книжки о Нитцше, проф. Риль, какъ нельзя лучше справился со своей нелегкой задачей. Онъ отмѣтилъ выдающіяся качества таланта Нитцше, но въ то же время съумѣлъ выяснить и всю несостоятельность философіи этого, къ сожалѣнію, нынѣ моднаго писателя. Нитцше всегда стремился къ правдѣ и къ одной правдѣ, и тѣмъ не менѣе, сколько въ этой натурѣ фальшиваго и ложнаго. Онъ напоминаетъ актера, играющаго въ трагедіи и неимѣющаго для этого дарованія. Изображенія Нитцше вызываютъ комическое впечатлѣніе, совсѣмъ противъ воли автора: такое впечатлѣніе напр. производитъ философъ, нарисованный Нитцше: „это человѣкъ, который постоянно переживаетъ необыкновенныя вещи, видитъ, слышитъ, предполагаетъ необычайное и мечтаетъ о немъ, котораго собственныя мысли поражаютъ какъ особаго рода молніи, какъ нѣчто, явившееся извнѣ, съ высоты или изъ глубины; „это человѣкъ отмѣченный рокомъ" (стр. 62) или: „Это существо, исполненное гнѣвнаго величія, съ гордымъ взглядомъ, отважной волей, боецъ, поэтъ и въ то же время философъ, шагающій такъ, какъ будто ему предстояло переступить черезъ чудовищъ и змѣй" (стр. 60). Книжка Риля чрезвычайно удобна для первоначальнаго ознакомленія съ Нитцше; Риль съумѣлъ не только выставить хорошія и слабыя стороны изображаемаго имъ писателя, но съумѣлъ сдержать свою критику въ надлежащихъ границахъ, мы замѣтили у Риля только одно, какъ намъ показалось, невѣрное возраженіе. Нитцше изображаетъ философовъ въ роли творцевъ культуры, вожаковъ человѣчества, въ роли карающей совѣсти, стоящей надъ современниками; Риль сомнѣвается въ томъ, чтобы такіе философы когда-либо существовали и ссылается на взаимодѣйствіе отдѣльной личности и общества. Однако, одно другому вовсе не мѣшаетъ, и культъ героевъ въ исторіи à la Карлейль имѣетъ полное основаніе. Переведена книжка Риля удовлетворительно. Мы замѣтили лишь одно или два неудачныхъ выраженія на стр. 47 *Шопенгауэровскій человѣкъ*... беретъ на себя страданіе за правдивость и одну оплошность: на стр. 132 говорится объ *„упорствѣ"* матеріи и энергіи вмѣсто „непроницаемости".

Задача Геффдинга была въ извѣстномъ смыслѣ болѣе легкою, чѣмъ задача Риля, въ другомъ же отношеніи и болѣе трудной: болѣе легкой, ибо недостатка въ хорошихъ сочиненіяхъ о Руссо нѣтъ, но именно поэтому трудно прибавить, что-либо къ образу геніальнаго мечтателя, уже твердо установ-

леннаго въ литературѣ; къ тому же нужно обладать хоть въ нѣкоторой степени тѣмъ мастерствомъ пера, которымъ въ такой удивительной степени отличался Руссо. Сказать, что Геффдингъ создалъ нѣчто такое, что заставило бы забыть его предшественниковъ въ изображеніи знаменитаго философа, напримѣръ, Морлея, сказать этого нельзя; но книга его во всякомъ случаѣ показываетъ знакомство съ сочиненіями самого Руссо и съ литературой о немъ. Сужденія проф. Геффдинга иногда отличаются нѣкоторой наивностью такъ, напримѣръ, (на стр. 58) Руссо оправдывался въ томъ, что отдалъ своихъ дѣтей въ воспитательный домъ; проф. Геффдингъ ничего иного не нашелъ возразить противъ поступка Руссо, какъ только то, „что Руссо упустилъ изъ виду огромную смертность дѣтей въ воспитательныхъ домахъ и то обстоятельство, что ихъ питомцы доставляютъ значительный контингентъ преступниковъ и проститутокъ". Говоря о разрывѣ Руссо съ энциклопедистами проф. Геффдингъ замѣчаетъ: „Несмотря на старанія многихъ историковъ литературы, все-таки остается невыясненнымъ, которая изъ враждующихъ сторонъ была права" (стр. 64). Вотъ безплодныя старанія. Задача историка состоитъ въ выясненіи факта и мотивовъ разрыва; но въ книгѣ самого проф. Геффдинга указаны мотивы, въ силу которыхъ разрывъ былъ не избѣжнымъ. Все же чтеніе книги проф. Геффдинга можетъ принести несомнѣнную пользу. Переводъ книги сдѣланъ удовлетворительно, хотя противъ нѣкоторыхъ выраженій и можно кое-что возразить; на стр. 59 говорится, напримѣръ, „Головной человѣкъ". Выраженіе безголовый человѣкъ, кажется, встрѣчается, но „головной" для обозначенія духовнаго качества, то-есть, развитіе интеллекта на счетъ чувства, врядъ ли удачно.

Самая неблагодарная задача выпала на долю г. Гауппа: Біографія Спенсера не представляетъ большаго интереса, а философія его лишена совершенно того полета и поэтической окраски, которыя заставляютъ съ интересомъ слѣдить даже за заблужденіями какого-либо автора. За свою задачу г. Гауппъ принялся съ большимъ увлеченіемъ и написалъ книгу, которая несомнѣнно читается съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ, напримѣръ, извѣстная книга Коллинса о Спенсерѣ. Книга Гауппа однако совершенно лишена критическаго отношенія къ изображаемому имъ матеріалу; авторъ самъ оправдываетъ на стр. 191 свое не критическое отношеніе къ Спенсеру. Не будучи поклонникомъ Спенсера можно все-таки признать, что объединеніе наукъ сдѣланное Спенсеромъ имѣетъ свое значеніе и, что въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ напримѣръ, въ Психологіи заслуги Спенсера неоспоримы. Изъ двухъ переводовъ работы г. Гауппа, пальма первенства принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія, переводу г. Фитермана. Въ переводѣ г. Острогорскаго встрѣчаются нѣсколько странные обороты. Говорится, напримѣръ, на стр. 21 о „созидательскомъ талантѣ" Спенсера; на стр. 26 говорится, что Спенсеръ отличается *проворствомъ*"—это характеристика болѣе соотвѣтствующая, какому-либо фактору, чѣмъ почтенному англійскому мыслителю. Такихъ оплошностей, особенно въ первой половинѣ перевода г. Острогорскаго, чрезвычайно много.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Сборникъ упражненій и задачъ прямолинейной тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Злотчанскій*, преподаватель Одесскаго реальнаго училища св. Павла. Одесса. 1898. Цѣна 75 коп. Стр. VIII+112.

Въ предисловіи автора сказано, что въ этомъ сборникѣ „значительно пополнены тѣ отдѣлы, на которые въ другихъ сборникахъ обращено мало вниманія". Дѣйствительно, по полнотѣ и разнообразію содержанія онъ могъ бы служить хорошимъ пособіемъ для практическаго изученія тригонометріи и ея различныхъ приложеній къ начальной геометріи и къ производству измѣреній на мѣстности. Стремленіе къ полнотѣ доведено въ немъ даже до излишества и многія задачи могли бы быть исключены безъ всякаго ущерба; таковы, напримѣръ, вопросы относящіеся не до упражненій въ рѣшеніи задачъ, а до основъ тригонометріи и необходимые въ учебникѣ, а не въ сборникѣ задачъ. Есть и другаго рода излишества, уже не выдерживающіе критики, а именно—вычисленія синусовъ и косинусовъ по формуламъ:

$$Sin\ a = a - \frac{a^3}{1.\ 2.\ 3} + \frac{a^5}{1.\ 2.\ 3.\ 4.\ 5} - \dots$$

$$Cos\ a = 1 - \frac{a^2}{1.\ 2} + \frac{a^4}{1.\ 2.\ 3.\ 4} - \dots$$

въ которыхъ не приведено остаточнаго члена и не указано никакого способа для опредѣленія предѣла погрѣшности вычисленія.

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Но ни эти излишества, ни повторенія одной и той же или вполнѣ однородныхъ задачъ, не могутъ быть отнесены къ недостаткамъ и не препятствовали бы одобренію книги; если бы въ ней не было ошибокъ и, притомъ, довольно грубыхъ. Мною было провѣрено только 20 или 25 задачъ, взятыхъ на удачу, и изъ нихъ 8 оказались или невѣрно заданными или ошибочно рѣшенными авторомъ; поэтому нельзя имѣть довѣрія къ отсутствію ошибокъ и въ остальныхъ задачахъ изъ 1026 помѣщенныхъ въ сборникѣ. Упомянутыя 8 ошибокъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) На страницѣ 8, задача 84: „Вычислить выраженіе

$$\frac{Cosec^2\,315^\circ - sec^2\,315^\circ}{Sin^2\,315^\circ - cos^2\,315^\circ}, \text{ если } \tang 315^\circ = 1\text{“}.$$

Во-первыхъ, нельзя сказать „*если* tang 315° = ...“, а надо было сказать: „*зная*, что tang 315° = ...“ (Подобная неточность выраженія встрѣчается весьма часто въ разсматриваемой книгѣ). Во-вторыхъ, tang 315° не = 1, а = отрицательной единицѣ.

2) На страницѣ 16, задача 211: „Вычислить $\mathrm{Sin}\,(m + n)$, если $\mathrm{Sin}\ m = \mathrm{Cos}\ n = {}^1/_2$. Отвѣтъ 1“.

Но, вѣдь, напримѣръ, $\mathrm{Sin}\ 150^\circ = \mathrm{Cos}\ 60^\circ = {}^1/_2$, а между тѣмъ $\mathrm{Sin}\,(150^\circ + 60^\circ)$ не = 1, а равно $-{}^1/_2$; если же углы m и n предполагаются оба острыми и $\mathrm{Sin}\,m = \mathrm{Cos}\,n$, то синусъ ихъ суммы всегда = 1 и, слѣдовательно, условіе $\mathrm{Sin}\,m = {}^1/_2$ должно быть отброшено, какъ не только излишнее, но и лишающее задачу ея общности.

3) На страницѣ 22, задача 279: „Опредѣлить какую нибудь тригонометрическую величину дуги x изъ уравненія:

$$3\ Sin\,x = 2\sqrt{\frac{1 - Cos\,2x}{1 + Cos\,2x}}.$$

Отвѣтъ. Два рѣшенія: $Sin\,x = 0$ и $Cos\,x = {}^2/_3$.

Но авторъ упустилъ изъ виду такое рѣшеніе $Cos\,x = -{}^2/_3$, а потому отвѣтъ нельзя признать вѣрнымъ. Вообще, по смыслу заданія требовалось опредѣлить какую нибудь (*одну*) тригонометрическую величину дуги x, слѣдовательно, отвѣтъ долженъ былъ быть, напримѣръ, такой: $Sin\,x = 0$ и $Sin\,x = {}^1/_3\sqrt{5}$, или же такой: $Cos\,x = \pm 1$ и $Cos\,x = \pm {}^2/_3$.

4) На страницѣ 27 не вѣрно рѣшена задача 367, въ которой требуется опредѣлить уголъ x по данной формулѣ для tang x. Отвѣтъ данъ такой: $x = 269^\circ 54' 43''$. что невозможно, ибо радикалы не сопровождены знакомъ + или —, слѣдовательно, подразумѣваются

только единственныя ихъ (ариѳметическія) значенія и, по существу данной формулы, tang x долженъ быть отрицательный и x не можетъ заключаться между 180° и 270°.

5) На той же страницѣ данъ такой же невѣрный отвѣтъ на задачу 368, въ которой требуется опредѣлить уголъ x по данной формулѣ для cotang x. Этотъ cotang долженъ быть положительный, а между тѣмъ отвѣтъ данъ такой: $x = 111°50'31''$.

(Въ этихъ двухъ, и во многихъ другихъ подобныхъ задачахъ, не сдѣлано оговорки, что требуется опредѣлить не всѣ значенія угла x, а только одно—наименьшее).

6) На страницѣ 69, задача 771: „Даны двѣ стороны треугольника a и b и уголъ C. Найти на сторонѣ b такую точку M, чтобы перпендикуляръ, опущенный изъ этой точки на сторону c, раздѣлилъ треугольникъ на двѣ равновеликія части". Отвѣтъ данъ такой:

$$x = \sqrt{\frac{a\,b\ Sin\ C}{Sin\ 2\ A}}$$

и изложенъ способъ рѣшенія. Но указанный авторомъ способъ и полученный результатъ имѣютъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда выполняются два условія: 1) $b > a$ и 2) проекція b на третью сторону (c) менѣе $2\,c$. Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду оба условія; въ противномъ случаѣ онъ или исключилъ бы эту задачу изъ своего сборника или привелъ бы изслѣдованіе различныхъ ея случаевъ.

7) На страницѣ 70, задача 773: „Рѣшить треугольникъ по даннымъ: $b = 145$ аршинъ, $c = 76$ аршинъ и $S = 2755$ квадр. аршинъ. Отвѣтъ. Два рѣшенія: $C = 30°$ и $180° - 30° = 150°$". Но это не вѣрно: не C, а A равно 30° или 150°.

8) На страницѣ 107, задача 993: „Основаніями усѣченной пирамиды служатъ равнобедренные треугольники съ углами при вершинахъ $\alpha = 40°15'25''$; разность между ребромъ пирамиды, соединяющимъ вершины этихъ угловъ, и высотою пирамиды $h = 24{,}756$ метра, а уголъ между тѣмъ же ребромъ и высотою $\beta = 20°15'$; каждая изъ равныхъ сторонъ верхняго основанія пирамиды $a = 2{,}5$ метр., а нижняго въ $n = 2$ разъ больше. Опредѣлить объемъ пирамиды. Отвѣтъ:

$$\frac{(n^2 + n + 1)\,a^2\,h\ Sin\ \alpha\ Cos\ \beta}{12\ Sin^2 \frac{\beta}{2}}\ \text{куб. метр.}"$$

Но это грубая ошибка. Задача не имѣетъ рѣшенія, вслѣдствіе несовмѣстности данныхъ. Одно изъ данныхъ лишнее, а потому задача была бы возможна лишь при выполненіи зависимости между

данными α, β, a, h и n, которая можетъ быть приведена къ такому виду:

$$2(n-1)\,a\,\sin\frac{\alpha}{2}=3\,h\,\mathrm{cotang}\,\frac{\beta}{2}.$$

При вышеприведенныхъ числовыхъ данныхъ, вторая часть этого условнаго равенства во многія десятки разъ превышаетъ первую.

Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Составилъ *Е. Е. Кедринъ*. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1898. Цѣна 50 коп. Стр. 81.

Въ предисловіи къ названному учебнику авторъ говоритъ: „Опредѣленіе тригонометрическихъ величинъ, какъ отношеній линій, было главной моей задачей, которой я твердо придерживался въ своемъ изложеніи курса. При этомъ взамѣнъ общепринятаго изложенія тригонометрическихъ величинъ, какъ бы связанными съ кругомъ, я въ основу опредѣленій тригонометрическихъ величинъ принялъ отношенія линій, извѣстнымъ образомъ проведенныхъ къ сторонамъ угла. Однако, считая полезнымъ для учениковъ и знакомство съ тригонометрическими величинами, выраженными линіями въ кругѣ, я ввелъ ихъ въ концѣ курса въ видѣ дополнительной статьи...“.

Эти слова и все вообще предисловіе наводятъ на мысль, что авторъ имѣлъ ввиду слѣдовать методу, предложенному около 50 лѣтъ тому назадъ академикомъ Остроградскимъ и практиковавшемуся довольно долго въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что между тригонометріею Е. Е. Кедрина и упомянутымъ методомъ нѣтъ ничего общаго. Методъ Остроградскаго имѣлъ нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства, хотя и весьма одностороннія, и отличался строгою послѣдовательностью и даже изяществомъ выводовъ, а учебникъ Е. Е. Кедрина не имѣетъ ни одного изъ этихъ достоинствъ; онъ можетъ привести умъ ученика къ ряду противорѣчій и недоумѣній и изъ такой тщательно разработанной и несложной науки, какъ тригонометрія, сдѣлать нѣчто неудобовоспринимаемое и безпорядочное. Подробнаго разсмотрѣнія эта книга не заслуживаетъ, достаточно ограничиться немногими указаніями.

На первыхъ страницахъ авторъ довольно долго останавливается на такихъ теоремахъ: „Пусть имѣемъ нѣсколько равныхъ угловъ x, y и z. Опустивъ въ каждомъ углѣ изъ какой нибудь точки одной его стороны на другую перпендикуляръ, докажемъ: Теорема 1. *Для равныхъ угловъ отношеніе этихъ перпендикуляровъ къ соотвѣтственнымъ отрѣзкамъ отъ вершинъ угловъ до основаній перпендикуляровъ*

равны между собой. Дано, что $\angle x = \angle y = \angle z$. Доказать, что $\frac{BC}{AC} = \frac{B_1C_1}{A_1C_1} = \frac{B_2C_2}{A_2C_2}$. *Доказательство*. Такъ какъ прямоугольные треугольники ABC, $A_1B_1C_1$ и $A_2B_2C_2$, имѣя углы x, y и z равными по условію подобны, то... Теорема 2. *Равныя отношенія тѣхъ же линій соотвѣтствуютъ равнымъ угламъ*. Дано... Доказать, что $\angle x = \angle y = \angle z$... Какъ слѣдствія предыдущихъ теоремъ, выходятъ слѣдующія двѣ истины: 1) *Для данпаго угла всѣ эти отношенія всегда равны нѣкоторой одной вполнѣ опредѣленной величинѣ*... 2) *Данное отношеніе тѣхъ же линій соотвѣтствуетъ всегда одному, вполнѣ опредѣленному углу (острому)*...". Затѣмъ двѣ страницы заняты построеніемъ угла по такому данному отношенію и сказано, при этомъ, что такое отношеніе называется *тангенсомъ* этого угла, будетъ ли уголъ острый или тупой. Далѣе слѣдуетъ подобнаго же рода опредѣленія *синуса*, обозначаемаго знакомъ *sn*,—*косеканса*; затѣмъ *секанса*, *косинуса* и построеніе тригонометрическихъ величинъ для угловъ большихъ *2d*, а также о *синусъ-верзусъ* и *косинусъ-верзусъ*. Затѣмъ введены формулы соотношеній между тригонометрическими величинами даннаго угла и сказано: „Такъ какъ уголъ измѣряется дугою, то часто слово „уголъ" замѣняется словомъ „дуга", такъ что въ выраженіяхъ *sn* дуги, *tg*.... подъ словомъ дуга подразумѣвается уголъ, имѣющій столько же градусовъ, сколько и данная дуга". Далѣе, въ § 10 „объ единицахъ измѣренія угловъ", оказывается, что дуга равная радіусу содержитъ 57°17′44″ [слѣдовательно, окружность соизмѣрима съ радіусомъ?]. О знакахъ тригонометрическихъ линій говорится лишь впослѣдствіи, а въ началѣ главы II авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „при увеличеніи угла отъ 90° до 180° основныя тригонометрическія величины угла [то-есть, *sin*, *tg*, *sec*] *уменьшаются*, дополнительныя [*cos*, *ctg*, *cosec*] *увеличиваются*". Для угловъ отъ 180° до 270°, наоборотъ—первыя увеличиваются, а вторыя уменьшаются, и т. д. Авторъ останавливаетъ довольно долго вниманіе учениковъ на этихъ заключеніяхъ и, такъ сказать, старается укрѣпить ихъ въ памяти, а потомъ, чрезъ нѣсколько страницъ, вводитъ понятіе о знакахъ тригонометрическихъ величинъ, причемъ заключенія относительно порядка увеличенія или уменьшенія тригонометрическихъ величинъ съ измѣненіемъ угла оказываются уже далеко не въ полномъ согласіи съ предыдущими. О періодичности тригонометрическихъ величинъ, какъ и обо многомъ весьма важномъ, не дано сколько нибудь отчетливаго понятія, но за

то авторъ останавливаетъ вниманіе на знакѣ *нуля*, то-есть, тщательно отличаетъ $+0$ отъ -0 и доказываетъ, напримѣръ, что $\sin 180^\circ = +0$, $tg\, 180^\circ = -0$, $\cos 270^\circ = -0$ и т. п.

Было бы ошибочно заключить, на основаніи подробныхъ доказательствъ простыхъ и очевидныхъ теоремъ, что съ такою же полнотою и строгостью даны доказательства всѣхъ остальныхъ, болѣе сложныхъ теоремъ. Авторъ прибѣгаетъ иногда къ весьма смѣлымъ обобщеніямъ формулъ, выведенныхъ лишь для частнаго случая, напримѣръ, для острыхъ угловъ и т. п. Выводы формулъ для тригонометрической величины суммы угловъ, ихъ разности и т. п. настолько неизящны, что безполезно говорить о нихъ. Заслуживаютъ вниманія [по своей безполезности] помѣщенныя въ учебникѣ двѣ таблицы: „I. Таблица тригонометрическихъ величинъ черезъ каждый 1°“ и „II. Таблица тригонометрическихъ величинъ чрезъ каждыя 10′ для угловъ отъ 0° до 2° и отъ 89° до 90°“. Въ ней показаны синусы, косинусы, тангенсы и котангенсы—всѣ полностью, то-есть, таблицы оказываются двойными, такъ какъ авторъ не воспользовался равенствами косинусовъ, котангенсовъ и косекансовъ синусамъ, тангенсамъ и секансамъ дополнительныхъ угловъ.

Методъ, предлагаемый Е. Е. Кедринымъ, не заслуживаетъ подражанія.

1) *I. Я. Юревичъ.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Составленъ примѣнительно къ требованіямъ примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Часть первая. Первый и второй годъ обученія. С.-Пб. 1899. IV + 84 стр. въ 8-ку. Цѣна 10 коп.

2) То-же. Часть вторая. Третій годъ обученія. С.-Пб. 1899.72 стр. въ 8-ку Цѣна 10 коп.

„Я, говоритъ составитель въ своемъ предисловіи (стр. II), частью по совѣту народныхъ учителей, частью по ихъ просьбѣ, рѣшилъ принести посильную помощь сельской школѣ. Съ этою цѣлью я издалъ предлагаемый „Сборникъ задачъ“. „Дѣло въ томъ, говоритъ онъ далѣе, что мнѣ хотѣлось издать объемистыя книжки по возможно дешевой цѣнѣ“.

Составитель достигъ своихъ цѣлей. Книжки вышли, дѣйствительно, объемистыя: въ I части 1.102 задачи и во II—989; и цѣна сравнительно дешевая: 20 коп. вмѣсто 25 коп. (Сборникъ Житкова), 30 коп. (Гольденберга) и 35 коп. (1-я часть Сборника Евтушевскаго).

„Нѣкоторые учителя прислали уже заказы на сборники задачъ и предсказываютъ огромный успѣхъ моему предпріятію“ (стр. III Предисловія). И не мудрено, такъ какъ съ перваго взгляда книжки производятъ пріятное впечатлѣніе: бумага хорошая, шрифтъ четкій, форматъ удобный и цѣна умѣренная. Напрасно только составитель старался сдѣлать свой задачникъ объемистымъ: большой объемъ не составляетъ его достоинства, а скорѣе — недостатокъ. Составители обыкновенно думаютъ, что чѣмъ болѣе ученикъ рѣшитъ задачъ, тѣмъ для него лучше: онъ, дескать, „набьетъ руку“ въ рѣшеніи задачъ. При этомъ забываютъ, что „набить руку“ это значитъ начать дѣйствовать полусознательно, а задачи ариѳметическія лишь по стольку и полезны, по скольку въ рѣшеніи ихъ принимаетъ участіе разсудокъ, а не механическій навыкъ.

Составить-же объемистый задачникъ въ родѣ разбираемаго совсѣмъ не мудрено. Такъ, задачи на одно сложеніе у г. Юревича встрѣчаются 7 разъ: на сложеніе въ предѣлѣ 1-го десятка (стр. 4—5), въ предѣлѣ двухъ десятковъ (20—22), въ предѣлѣ 1-ой сотни (32—35), въ предѣлѣ 1-ой тысячи (64—65), надъ числами любой величины (II, стр. 3—5), надъ составными именованными числами (32—33) и надъ простѣйшими дробями (II, 57—58). Само собою разумѣется, что *вычисленія* въ различныхъ случаяхъ не одинаковы, но *содержаніе* задачъ не можетъ быть различнымъ, ибо смыслъ дѣйствій не мѣняется отъ увеличенія размѣровъ чиселъ. Составитель, конечно, старался по возможности разнообразить это содержаніе. Такъ, на стр. 5 (ч. I) мы читаемъ:

30. Братъ нашелъ въ саду 4 груши, а сестра 5. Сколько грушъ они нашли вмѣстѣ?

38. Братъ нашелъ въ лѣсу 4 гриба, а сестра 5. Сколько грибовъ они нашли вмѣстѣ?

Можно было-бы, впрочемъ, составить еще десятокъ подобныхъ задачъ:

Братъ нашелъ въ огородѣ 4 огурца, а сестра 5; на лугу они могли найти цвѣтки, на берегу—раковины и т. д. На той-же страницѣ:

31. Въ лавкѣ продали одному покупателю 6 ф. сахару, а другому 4 ф. Сколько сахару продали обоимъ покупателямъ?

41. Въ лавкѣ продали 6 ф. чаю одному покупателю и 3 ф. другому. Сколько фунтовъ чаю продали обоимъ покупателямъ?

Опять-таки можно набрать массу задачъ съ тѣмъ-же различіемъ въ содержаніи, ибо въ лавкахъ имѣется не мало разныхъ вещей.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что самую форму вопросовъ нельзя признать удачною: на вопросъ, сколько грибовъ *нашли вмѣстѣ*, отвѣтить нельзя: можно сказать лишь, сколько *всего* грибовъ они нашли. Точно такъ-же на вопросъ, сколько фунтовъ чаю продано обоимъ покупателямъ, можно отвѣтить только повтореніемъ содержанія задачи.

Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 33—34, авторъ предлагаетъ почти подъ-рядъ 10 задачъ одного типа (№№ 428, 429, 442, 443, 448, 449, 454, 455, 456, 457): въ каждой изъ нихъ требуется сложить три числа, изъ коихъ два равныхъ. Это не только скучно, но и положительно вредно: въ подобныхъ случаяхъ, начиная со 2-й—3-й задачи, дѣти перестаютъ уже вникать въ содержаніе вопроса; а привычка говорить—не думая есть одно изъ главныхъ золъ, съ которыми приходится бороться учителю.

Что сказано о задачахъ на сложеніе, то же относится и къ задачамъ на каждое изъ остальныхъ трехъ дѣйствій, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что задачи на умноженіе и дѣленіе въ предѣлѣ 1-ой сотни, вмѣсто одного раза, повторяются 9 разъ подъ-рядъ: умноженіе и дѣленіе на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и на двузначное число (стр. 39—55).

Несмотря на это, составитель въ своемъ предисловіи говоритъ, что онъ „помѣстилъ сравнительно мало такихъ задачъ, для рѣшенія которыхъ требуется примѣнить только одно дѣйствіе" (стр. II).

Задачи на всѣ дѣйствія тоже не отличаются разнообразіемъ содержанія, ибо составитель шесть разъ принимается за нихъ: приходится по неволѣ повторяться. Для примѣра можно сопоставить задачи на стр. 15-й II части съ задачами на стр. 73-й I части. Вотъ соотвѣтствующіе №№: 219—1008, 222—1010, 223—1013, 225—1012, 226—1014, 228—1019, 229—1017, 230—1018.

Самая фабула задачъ не представляетъ ничего новаго: тѣ-же 12-лѣтніе мальчики, которые на вопросъ, сколько имъ лѣтъ, отвѣчаютъ загадками: „Если къ шестой части моихъ лѣтъ придать учетверенное число лѣтъ моего брата, то получится 62" (ч. I, 641), или „Если сложить мои лѣта съ лѣтами отца, то получится 55 лѣтъ, или „Если сложить ихъ съ лѣтами матери, получится 49 лѣтъ; если-же сложить лѣта отца и матери, то получится 80 лѣтъ" (II, 393); тѣ-же бассейны (I 852 и 853, II, 332, 333, 369, 372), изъ которыхъ вода, вопреки физическимъ законамъ, вытекаетъ равномѣрно, несмотря на измѣненіе давленія; то-же неравномѣрное дѣленіе наслѣдства между дѣтьми (I 886, II 301 и др.), сообразно ихъ возрасту; писцы (II, 383), плотники (II, 363), артели рабочихъ (II, 733), которые дѣ-

лятъ заработанныя деньги по *часамъ*, а не по искусству работавшихъ или количеству сдѣланной работы; отецъ, дающій заразъ 63 яблока тремъ сыновьямъ и даже младшимъ больше, чѣмъ старшимъ, (I, 777) безъ всякаго опасенія за послѣдствія; работникъ, который въ 8 дней можетъ выгрузить съ барки 13.248 п. ржи (II, 370); пароходъ, который въ день прошелъ 116 в. 310 саж. *3 ф. 4 дм.* (II, 542); пѣшеходъ, который прошелъ въ 1-й день 46 в. *356 с. 2 ф.* (II, 535); подрядчикъ, который условился доставить на станцію 1.429 п. *32 ф. 24 л.* сахару и разложилъ его на подводы по 35 п. *16 ф. 15 л.* (II, 683). Все это—остатки средневѣковой схоластики, которую пора-бы и забыть. Можно-ли, напримѣръ, предлагать серьезно такія задачи (ч. II):

98. 36 работниковъ могутъ окончить работу въ 28 дней. Во сколько дней можетъ окончить ту-же работу одинъ рабочій? Вѣдь „одному и у каши не споро".

99. Для прокормленія 58 солдатъ было запасено провіанту на 49 дней. На сколько дней хватило-бы этого провіанту для одного солдата? Но развѣ можетъ провіантъ сохраниться въ теченіе 7 лѣтъ съ лишкомъ? Вопросы, очевидно, разсчитаны на то, что рѣшающій не будетъ вдумываться въ ихъ содержаніе. Во всякомъ случаѣ, подобныя задачи не оправдываются ни „требованіями дидактики", ни „требованіями жизни", каковыми, по его словамъ (стр. II предисловія), руководился составитель. „Я избѣгалъ, тоже сказано въ предисловіи, задачъ такъ называемаго алгебраическаго характера". Какого-же характера задачи (I, 582, 583, 763, 777, 796), въ которыхъ по числу членовъ ариѳметической прогрессіи, ихъ суммѣ и разности прогрессіи требуется найти самые члены? Задачи (I 857, 858, 1101, 1102 и др.), содержаніе которыхъ выражается уравненіями $x+y=m$, $ax+by=n$? Масса задачъ типа: $ax+by=m$, $ax+cy=n$ (напримѣръ I, 788, 856, 1083, 1084, 1085, 1091 и др.)? Однимъ словомъ, изъ обычныхъ задачъ алгебраическаго характера нѣтъ только одного типа: $ax+by=m$, $cx+dy=n$. Можетъ быть алгебраическія задачи и не такое зло, отъ котораго надо открещиваться; но зачѣмъ-же обѣщать въ предисловіи одно, а давать другое?

Въ предисловіи этомъ составитель очень много говоритъ о своихъ издательскихъ планахъ и заранѣе рекомендуетъ книги, которыя еще только готовятся къ печати; между тѣмъ цѣлесообразнѣе было-бы разъяснить нѣкоторые вопросы относительно самаго сборника. Почему, напримѣръ, сборникъ раздѣленъ на двѣ части: для удобства-ли

брошюровки, или и съ другими цѣлями? Между тѣмъ такое раздѣленіе имѣетъ свои невыгоды.

Въ пунктѣ 4-мъ общихъ замѣчаній къ примѣрнымъ программамъ начальныхъ народныхъ училищъ сказано, что преподаватели могутъ переносить части курса изъ одного года въ другой. Всего вѣроятнѣе, что для сбереженія времени, котораго не такъ ужъ много въ сельской школѣ, учителя не будутъ выдѣлять въ особый отдѣлъ дѣйствій въ предѣлахъ тысячи. Въ самомъ дѣлѣ, если ученикъ умѣетъ складывать и вычитать трехзначныя числа (I ч. сборника), то онъ произведетъ тѣ-же дѣйствія и надъ многозначными числами (II ч.); а потому раздѣлять такія вполнѣ однородныя упражненія на два отдѣльныхъ курса было-бы неразсчетливо. Наоборотъ, умноженіе двузначнаго числа на двузначное и дѣленіе трехзначнаго числа на двузначное (I ч.) гораздо труднѣе, чѣмъ умноженіе и дѣленіе многозначныхъ чиселъ на однозначное (II ч.). Мы думаемъ поэтому, что болѣе опытные учителя раздѣлятъ курсъ цѣлыхъ чиселъ не по внѣшнему признаку, — количеству цыфръ въ результатѣ, а по внутреннему,—трудности объясненія механизма, то-есть пройдя вполнѣ сложеніе и вычитаніе какихъ-угодно чиселъ, ограничатся во 2-й годъ обученія только умноженіемъ и дѣленіемъ многозначныхъ чиселъ на однозначное. Задачникъ, состоящій изъ двухъ книжекъ, будетъ въ этомъ случаѣ большимъ препятствіемъ: учителю зачастую придется давать упражненія на одинъ урокъ изъ двухъ разныхъ книгъ.

Затѣмъ, въ объяснительной запискѣ къ примѣрной программѣ ариѳметики сказано, что „упражненія съ долями, не составляя особой части курса, должны распредѣляться на два года обученія", между тѣмъ у г. Юревича упражненія эти помѣщены въ концѣ 2-й части. Наконецъ, въ пунктѣ 4-мъ программы по ариѳметикѣ для 2-го года предписывается „ознакомленіе съ наиболѣе употребительными русскими мѣрами", а, по объяснительной запискѣ, „съ мѣрами слѣдуетъ знакомить постепенно, начиная съ *перваго* года". Между тѣмъ таблица мѣръ приложена въ концѣ 2-ой книжки, предназначаемой составителемъ для 3-го года. Замѣтимъ, кстати, что подробности и примѣчанія къ этой таблицѣ заимствованы изъ сборника ариѳметическихъ задачъ Т. Лубенца, но безъ указанія на источникъ. Нѣкоторыя изъ подробностей можно-бы и опустить, какъ напримѣръ какой-то *ластъ*, содержащій 12 четвертей, неупоминаемый въ законѣ *берковецъ*, *мѣры аптекарскаго вѣса*, какъ имѣющія теперь только историческій интересъ; но необходимо было-бы упомянуть, что у насъ

существуетъ 3 вида золотой монеты съ одинаковою надписью „5 рублей“ и три вида съ надписью „10 рублей“, но всѣ различной цѣнности, и указать внѣшніе признаки отличія этихъ монетъ. Золото начинаетъ ходить и среди простого народа, а одинаковость надписи на монетахъ различной цѣнности можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ и обманамъ.

Г. Юревичъ, очевидно, предназначаетъ свой сборникъ для учениковъ, а не для учителя. „Моя идея, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы учебная книжка проникла въ деревенскую избу, а не выдавалась на временное пользованіе ученику и потомъ снова пряталась подъ замокъ,—чтобы ученики сельскихъ училищъ учились по *своимъ книжкамъ*, купленнымъ на свои трудовыя деньги“ (стр. II предисловія). Мысль о распространеніи ариѳметическихъ задачниковъ по крестьянскимъ избамъ во всякомъ случаѣ оригинальная. Но если назначать свою книжку на руки учениковъ, то и составить ее надо было иначе. Начиная свои занятія по ариѳметикѣ, дѣти еще не умѣютъ читать: для кого-же тогда въ ихъ книжкѣ задачи? Даже и для 2-го года обученія, нужно-ли помѣщать такое количество устныхъ задачъ въ ученической книжкѣ? Если это такія-же задачи, которыя рѣшались уже съ учителемъ, то дѣло сводится къ затверживанію ихъ, то-есть къ безполезной тратѣ времени; а если новыя, то кто-же поможетъ ребенку въ случаѣ затрудненія? Напротивъ того, числовыхъ примѣровъ слишкомъ мало.

Самый языкъ задачъ не отличается тою чистотою и правильностью, которыя безусловно необходимы въ учебникѣ.

Выраженія: „красныя коровы“ (I, 22 и 394), „7 штофовъ клубники“ (I, 725) „одолжить деньги“ въ смыслѣ—взять въ займы (II, 760), „подвода сдѣлала 6 возокъ“ (II, 724), „3 алтына“ (I, 285, 325) не всякому понятны, какъ областныя или устарѣлыя. Точно такъ-же едва-ли кто пойметъ названія „гвоздильная машина“ (II, 101, 331) и „проволочная машина“ (II, 681) въ смыслѣ машинъ для приготовленія гвоздей и проволоки. Терминъ „дѣленіе по содержанію“ (I, стр. 54), хотя и не вполнѣ новый, не заслуживаетъ однако распространенія, по отсутствію въ немъ смысла. По-русски не говорятъ: жалованье *съ* одного мѣста (I, 515), *съ* каждыхъ 56 п. получилъ 47 п. шерсти (II, 379, 729), переписывать *ежечасно* по 28 словъ (I, 789), дѣлать *ежечасно* по стольку-то верстъ (I, 830, 836), *высчитывать* по 40 коп. (II, 390), выручилъ за *всѣ овцы* (I, 1072), про-

даетъ свои лошади (II, 324), на 38 телѣгахъ, *въ* каждой по 28 п. (I, 935), по *какимъ* процентамъ отданы деньги (II, 797).

Задачи не всегда обладаютъ надлежащею опредѣленностью. Напримѣръ (ч. I):

535. Нѣкто проѣхалъ въ 2 часа 24 версты. По скольку верстъ проѣзжалъ онъ въ часъ?

536. За двѣ лошади заплатили 84 р. Что стоитъ каждая лошадь?

1059. 4 косаря въ 3 дня заработали 8 р. 40 к. Сколько заработаютъ 7 косарей въ 2 дня?

1062. За провозъ 48 п. товару на разстояніи 7 верстъ взяли 6 р. 72 коп. Сколько пудовъ товару можно перевезти за 6 р. 30 коп. на разстояніи 9 верстъ?

Встрѣчается не мало опечатокъ: кромѣ 10-ти, оговоренныхъ въ концѣ I части, мы замѣтили еще 19, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ къ очень важнымъ: въ задачѣ 1.028 (I ч.) напечатано 848 вмѣсто 948, въ 1.067-й (I ч.) — 15 фунтовъ вм. 16 ф., въ 719-й (II ч.)—29 в. 10 с. вм. 29 в. 180 с., въ 739-й (II ч.) пропущено слово „каждый" передъ второю точкой; на стр. 57 (II ч.) напечатано курсивомъ *меньше единицы*, а надо — *меньше знаменателя*.

Мы замѣтили также *двадцать три* невѣрныхъ отвѣта на задачи, а именно—12 въ первой части и 11 во второй.

Руководства, предназначаемыя для начальной школы, требуютъ болѣе строгой оцѣнки, чѣмъ тѣ, которыя назначены для среднихъ учебныхъ заведеній, между прочимъ и потому, что первыя расходятся въ значительно большемъ числѣ экземпляровъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ 1898 ГОДУ.

Важнѣйшими событіями въ жизни Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ въ 1898 году были слѣдующія:

Въ маѣ мѣсяцѣ въ залахъ музеевъ устроено было двѣ выставки: одна — русскихъ портретовъ изъ коллекціи, пожертвованной покойнымъ Д. А. Ровинскимъ, и другая—акварельныхъ рисунковъ на библейскіе сюжеты, исполненныхъ знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ. Первая была посѣщена великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ и его супругой великою княгиней Елисаветой Ѳеодоровной, а вслѣдъ затѣмъ Августѣйшему генералъ-губернатору Московскому, постоянно оказывающему вниманіе музеямъ, угодно было принять званіе ихъ почетнаго члена. Что касается рисунковъ Иванова, они уже давно были принесены въ даръ музеямъ братомъ его С. А. Ивановымъ, но до сихъ поръ хранились въ портфеляхъ и только теперь впервые сдѣлались доступными обозрѣнію публикой; а между тѣмъ въ числѣ ихъ есть такіе, которые слѣдуетъ отнести къ первымъ наброскамъ знаменитой картины Иванова: „Явленіе Христа народу“, и которые, такимъ образомъ, облегчаютъ изученіе процесса, какимъ постоянно слагалась въ душѣ художника идея произведенія, долженствовавшаго стать дѣломъ всей его жизни; соотвѣтственно этому обстоятельству означенные рисунки выставлены въ особой витринѣ передъ самою картиной Иванова, украшающею галлерею музеевъ.

Въ декабрѣ 1898 года въ этнографическомъ отдѣлѣ музеевъ была устроена выставка славянскаго шитья; здѣсь предлагались для разсмотрѣнія главнымъ образомъ вновь присланные изъ Праги Чешской предметы одежды, головныхъ уборовъ и домашняго убранства словаковъ, а для сравненія были выставлены уже имѣвшіеся въ музеяхъ образцы шитья сербовъ и болгаръ, равно какъ рисунки и фотографіи типовъ разныхъ славянскихъ племенъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ при музеяхъ послѣдовали, въ теченіе 1898 года, нѣкоторыя перемѣны; скончались: почетный членъ ихъ А. В. Богдановичъ, оказавшій музеямъ большую услугу содѣйствіемъ къ пріобрѣтенію рукописей и старопечатныхъ книгъ извѣстнаго южно-русскаго собирателя Платона Лукашевича, и двое изъ старѣйшихъ служащихъ при музеяхъ—Г. Д. Филимоновъ, хранитель отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, извѣстный археологъ и устроитель этихъ коллекцій въ музеяхъ, и А. Д. Михельсонъ, бывшій помощникъ библіотекаря. Существенную утрату понесли музеи и въ томъ, что оставилъ службу одинъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей музейской библіотеки, хорошо знакомый всѣмъ ея посѣтителямъ Н. Ѳ. Ѳедоровъ.

Кромѣ великаго князя Сергія Александровича, въ званіе почетнаго члена избраны: Н. П. Боголѣповъ, С. Ю. Витте, В. Ѳ. Миллеръ, А. Е. Посъ и П. И. Стояновскій, а преемникомъ Филимонова по отдѣленію древностей назначенъ А. И. Кирпичниковъ.

Какъ и въ прежніе годы, въ теченіе 1898 музеи продолжали обогащаться болѣе или менѣе значительными пріобрѣтеніями. Назовемъ важнѣйшія изъ нихъ по каждому изъ музейскихъ отдѣленій.

Въ отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ поступило всего 20 нумеровъ, въ томъ числѣ рукописей 10, актовъ 6 и старопечатныхъ книгъ 4; но нѣкоторыя изъ этихъ пріобрѣтеній имѣютъ значительную цѣнность. Таковы: 1) бумаги А. С. Пушкина — 17 четвертушекъ, которыя всѣ писаны имъ самимъ и содержатъ въ себѣ его стихотворенія и прозаическіе отрывки, большею частью уже извѣстные въ печати, но изданные невсегда съ полною точностью; 2) бумаги и переписка Петра Ив. и Павла Ив. Севастьяновыхъ, изъ коихъ второй былъ извѣстенъ какъ археологъ, занимавшійся изученіемъ древностей Аѳона; 3) бумаги Павла Степановича Рунича, преимущественно письма къ нему за время съ 1797 по 1811 годъ; 4) сборникъ, писанный полууставомъ XV—XVI вѣковъ. въ 4-ку, содержащій въ себѣ нѣсколько документовъ касательно ереси жидовствую-

щихъ, въ томъ числѣ неизвѣстный доселѣ въ полномъ видѣ текстъ поученія митрополита Зосимы по поводу осужденія еретиковъ на второмъ соборѣ противъ жидовствующихъ (1491 г.) и соборный обвинительный актъ, прочитанный Зосимой еретикамъ.

Для обогащенія библіотеки музеевъ 1898 годъ былъ очень благопріятенъ; кромѣ вновь печатаемыхъ въ имперіи книгъ, согласно закону поступавшихъ чрезъ цензурныя учрежденія, библіотека могла быть пополняема какъ пожертвованіями, такъ и путемъ покупки. Важнѣйшія изъ пожертвованій были слѣдующія: а) по завѣщанію покойнаго графа И. Д. Делянова поступило 1877 книгъ и брошюръ на русскомъ языкѣ и 577 томовъ на языкахъ иностранныхъ; б) отъ А. Ѳ. Гамбургера—370 томовъ русскихъ и иноязычныхъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія; ѣ) по завѣщанію А. А. Плавильщикова—536 томовъ книгъ и журналовъ, главнымъ образомъ по сельскому хозяйству и сельскохозяйственной экономіи за время съ 1840 по 1860 годъ; г) отъ А. Г. Кольчугина 43 тома, въ томъ числѣ нѣсколько русскихъ изданій XVIII вѣка. Вообще, пожертвованія поступили отъ 49 лицъ и 27 учрежденій. Въ числѣ книгъ, вновь поступившихъ въ библіотеку, многія заслуживаютъ вниманія по важности содержанія, какъ существенное пособіе для общаго образованія или для научныхъ занятій. На покупку книгъ на иностранныхъ языкахъ израсходовано вообще 1134 руб. 43 коп.

По отдѣленію изящныхъ искусствъ пріобрѣтенія ограничиваются двумя портретами, писанными масляными красками, и нѣсколькими гравюрами; портреты изображаютъ графа С. П. Румянцова и баронессу П. П. Кампенгаузенъ; первый писанъ В. А. Тропининымъ, а второй—французскимъ художникомъ Митуаромъ.

По отдѣленію древностей поводомъ къ обогащенію послужила кончина его хранителя Г. Д. Филимонова. Въ музеяхъ находились многія такъ-называемыя первобытныя древности, принадлежавшія Филимонову и происходившія большею частью изъ раскопокъ, которыя онъ самъ производилъ на Кавказѣ или въ разныхъ мѣстностяхъ средней Россіи. Предметы эти, которыми заняты двѣнадцать витринъ и два шкафа, уступлены музеямъ вдовою покойнаго Н. Ѳ. Филимоновой. Сверхъ этихъ предметовъ, въ отдѣленіе пріобрѣтенъ фотографическій альбомъ 33 снимковъ съ древней иконы, находящейся въ Муромскомъ соборѣ и изображающей житіе св. Петра и Февроніи.

Въ отдѣленіе этнографіи поступили: обширная коллекція вещей изъ быта чукчей, собранная въ Анадырскомъ краѣ Н. Л. Гондатти,

и нѣсколько мелкихъ коллекцій—изъ Польши, изъ быта черемисовъ, съ Кавказа и проч. Въ то же время получены предметы изъ быта дикихъ обитателей Африки и Океаніи, присланные изъ Вѣнскаго этнографическаго музея въ обмѣнъ на нѣкоторыя отправленныя туда русскія кустарныя издѣлія и вещи русскихъ инородцевъ.

Занятія служащихъ въ музеяхъ разнообразились по отдѣленіямъ. Въ отдѣленіи рукописей и въ библіотекѣ, кромѣ удовлетворенія требованій читателей, служащіе занимались каталогизаціей новыхъ пріобрѣтеній. Возрастающее съ каждымъ годомъ количество книгъ, поступающихъ въ библіотеку, требуетъ особенно напряженной и спѣшной работы тѣхъ немногихъ служащихъ, которые въ ней находятся, но даже при этомъ условіи не вся масса поступающихъ изданій можетъ быть описываема. Обстоятельство это наглядно указываетъ на необходимость увеличить число служащихъ при библіотекѣ. То же должно сказать и о читальномъ залѣ, въ которомъ количество посѣтителей безпрерывно возрастаетъ. Одною изъ важнѣйшихъ работъ, произведенныхъ въ минувшемъ году, служащими въ читальной залѣ, была переписка всего каталога подручныхъ книгъ, постоянно находящихся въ залѣ для пользованія читателей.

Въ другихъ отдѣленіяхъ музеевъ служащіе также имѣли значительное количество занятій. Въ картинной галлереѣ промыты и вновь покрыты лакомъ многія картины, при чемъ на одной картинѣ голландскаго мастера Де-Хеема при снятіи позднѣйшихъ ретушей обнаружены любопытныя подробности первоначальнаго оригинала; кромѣ того, вновь отпечатанъ исправленный и пополненный каталогъ галлереи. Въ гравюрномъ отдѣленіи произведена каталогизація старинныхъ иностранныхъ гравюръ, остававшихся до сихъ поръ не описанными. Въ отдѣленіи этнографіи занятія хранителя заключались въ принятіи мѣръ къ охраненію коллекцій отъ поврежденія, что̀ вообще составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій для подобныхъ собраній, затѣмъ—въ каталогизаціи вновь поступающихъ предметовъ, а также въ приведеніи въ порядокъ вещей, прежде поступившихъ, но еще не описанныхъ, и наконецъ, въ переизданіи путеводителя по отдѣленію этнографіи. Кромѣ того, почти во всѣхъ отдѣленіяхъ хранители, въ случаѣ требованія посѣтителей, предлагали имъ болѣе или менѣе подробныя объясненія выставленныхъ предметовъ. Наиболѣе систематично такія объясненія велись въ этнографическомъ отдѣленіи.

Одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ въ жизни музеевъ составляетъ пользованіе ими публикой.

Въ отдѣленіи рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ занималось въ 1898 году 93 человѣка; ими было сдѣлано 592 посѣщенія, при чемъ затребованы въ чтеніе 451 рукопись, 145 старопечатныхъ книгъ и до 100 актовъ и автографовъ. Кромѣ того, 6 рукописей съ Высочайшаго соизволенія было выслано для пользованія въ другіе города.

Въ читальномъ залѣ библіотеки записалось для занятій 4.236 лицъ, въ томъ числѣ 721 женскаго пола, — на 4 человѣка болѣе, чѣмъ въ 1897 году, несмотря на то, что читальный залъ въ 1898 году оставался нѣкоторое время закрытымъ по случаю ремонта. Въ составѣ посѣтителей преобладали учащіеся обоего пола, коихъ насчитывалось свыше 61%. Всѣми записавшимися для занятій сдѣлано 46.137 посѣщеній, на 327 посѣщеній болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году. Требованій предъявлено 67.942; изъ нихъ 40.840 были удовлетворены изъ библіотеки при читальной залѣ, а 24.298—изъ библіотеки основной, а по 2.804 требованіямъ было отказано за неимѣніемъ требуемыхъ изданій. Наибольшее число посѣщеній и требованій падало на октябрь, ноябрь и февраль мѣсяцы.

Въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ въ 1898 году 327 художниковъ и любителей занимались копированіемъ картинъ (на 48 человѣкъ болѣе сравнительно съ 1897 годомъ); въ составѣ ихъ особенно многочисленны были воспитанники Московскаго училища живописи и ваянія, которымъ профессора обыкновенно рекомендуютъ снятіе копій съ произведеній старыхъ мастеровъ. Въ этомъ отношеніи картинная галлерея музеевъ оказываетъ Москвѣ услугу тѣмъ болѣе существенную, что картины городской Третьяковской галлереи, согласно распоряженію ея покойнаго владѣльца, недоступны для копировщиковъ.

Въ теченіе 1898 года музеи были неоднократно посѣщаемы и осматриваемы разными почетными посѣтителями и иностранными путешественниками, посѣщавшими Москву. Кромѣ того, они постоянно открывались для безплатнаго посѣщенія воспитанниками и воспитанницами многихъ московскихъ учебныхъ заведеній. Общее число посѣтителей музеевъ составляло въ 1898 году 38.397 человѣкъ.

ЧЕШСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Еще въ 20-хъ годахъ истекающаго столѣтія дѣятели чешскаго возрожденія начали мечтать объ учрежденіи Чешской Академіи наукъ, которая стояла бы во главѣ умственнаго и художественнаго развитія націи. Но мечты эти были преждевременны. Чехи должны были сначала организовать дѣло народнаго образованія, низшаго, средняго и высшаго. Только имѣя хорошую народную школу, только добившись своего чешскаго университета въ Прагѣ, можно было серіозно думать о высшемъ ученомъ учрежденіи — Академіи наукъ. Такой, естественный, ходъ развитія мы видимъ и у другихъ славянскихъ народовъ: Академіи наукъ у хорватовъ, сербовъ, поляковъ появляются лишь въ послѣднія десятилѣтія; болгары до сихъ поръ не имѣютъ своей Академіи; только Россія устроила Академію наукъ въ началѣ XVIII вѣкѣ, не имѣя ни народной школы, ни средней, ни университетовъ, но Академія и была нѣмецкой.

Учрежденіе Чешской Академіи наукъ—дѣло частной инииціативы. Архитекторъ Іосифъ Главка, очень богатый человѣкъ и большой чешскій патріотъ, въ іюлѣ 1888 г. передалъ маршалку чешскаго королевства 200.000 гульд. на основаніе Чешской Академіи имени императора Франца Іосифа, въ ознаменованіе его 40 лѣтняго царствованія. Сеймовый комитетъ передалъ дѣло въ руки сейма, который и постановилъ принять даръ Главки, давать постоянную субсидію будущей Академіи, просить императора объ утвержденіи пожертвованія и выработать уставъ Академіи. Послѣ предварительныхъ дѣйствій и приготовленій наконецъ 18-го мая 1891 года, во время чешской національной выставки, была торжественно открыта „Česka Akademie císaře Františka Iosefa pro vědy, slovesnost a umění“.

Академія раздѣляется на 4 отдѣленія, или класса (třida): I) Отдѣленіе, философско-историческое, посвящено философіи, наукамъ государственнымъ, юридическимъ и общественнымъ; II) отдѣленіе, естественно-математическое, посвящено наукамъ математико-техническимъ, естествознанію и медицинѣ; III) отдѣленіе, филологическое, имѣетъ въ виду языкознаніе и исторію литературъ — въ обширномъ смыслѣ слова; IV) отдѣленіе, литературно-художественное, имѣетъ цѣлью развитіе изящной литературы, пластическихъ искусствъ и музыки; это отдѣленіе — особенность Чешской Академіи сравнительно со многими другими.

На ряду съ отдѣленіями, Чешская Академія, подобно другимъ, имѣетъ постоянныя комиссіи; ихъ нѣсколько: археологическая, историческая, естественно-научная, комиссія для изслѣдованія источниковъ литературной жизни въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, комиссія лексикографическая и діалектологическая.

Члены Чешской Академіи раздѣляются на почетныхъ, ординарныхъ, экстраординарныхъ, корреспондентовъ и заграничныхъ (жалованья никто не получаетъ). Въ концѣ 1897 г. всѣхъ членовъ было (безъ заграничныхъ) 168 — то-есть собственно всѣ чехи, работающіе на научномъ, литературномъ и артистическомъ поприщѣ и сколько-нибудь выдающіеся.

По отчету Академіи за 1897 г. она находилась въ такомъ состояніи. Покровителемъ Академіи былъ эрцъ-герцогъ Францискъ-Фердинандъ д'Эсте, его замѣстителемъ — кн. Юрій Лобковицъ; президентомъ—Іосифъ Главка, генеральнымъ секретаремъ — Іосифъ Шолинъ, профессоръ чешской политехники. Членовъ числилось: почетныхъ—2, ординарныхъ 50 (въ томъ числѣ поэтъ Яр. Врхлицкій и живописецъ Вацлавъ Брожикъ), экстраординарныхъ—46, корреспондентовъ — 72 и заграничныхъ—12 (въ томъ числѣ Д. И. Менделѣевъ). Библіотека состояла изъ 1.774 сочиненій въ 5.194 томахъ. Доходъ 1897 г. равнялся 53.471 гульд.; сюда входитъ: 20.000 гульд. государственной субсидіи, 20.000 сеймовой субсидіи, проценты съ капитала 13.471 гульденъ, (иногда—добровольные взносы и продажа изданій). Имущество Академіи оцѣнивается въ 392.678 гульд. Академія помѣщается въ зданіи Чешскаго Національнаго музея, гдѣ происходитъ и ея годичное торжественное собраніе 2-го декабря.

Конечно, эти сухія данныя очень мало характеризуютъ Чешскую Академію. Присмотримся ближе къ ея дѣятельности.

Эта дѣятельность, прежде всего, выражается въ научныхъ изданіяхъ.

Каждое отдѣленіе Академіи издаетъ свои „Rozpravy" (Разсужденія), въ которыхъ помѣщаются самостоятельныя ученыя работы чеховъ, членовъ Академіи и не членовъ. Ординарные и экстроординарные члены имѣютъ право прямо посылать свои работы въ печать черезъ секретаріатъ; всѣ прочіе должны посылать свои работы на обсужденіе соотвѣтствующаго отдѣленія, которое, на основаніи отзыва референта, либо печатаетъ работы, либо отвергаетъ ихъ съ сообщеніемъ рецензіи автору.

Каждое отдѣленіе получаетъ одинаковую часть академическихъ средствъ, и это не совсѣмъ благопріятно отзывается на издательствѣ академіи. Въ самомъ дѣлѣ, изящныя искусства (въ томъ числѣ и литература) находятъ себѣ поддержку въ большомъ общественномъ спросѣ и въ частныхъ издательствахъ, въ то время какъ спеціально-научныя работы могутъ пользоваться только поддержкой научныхъ учрежденій и фондовъ. Отрасли науки, представленныя въ I и III отдѣленіи, могутъ находить поддержку еще и въ „Музеѣ". Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ области II отдѣленія, при громадномъ количествѣ научныхъ дисциплинъ его, при мощномъ развитіи этихъ дисциплинъ въ наше время и при отсутствіи иныхъ, кромѣ Академіи, вспомогательныхъ средствъ и учрежденій.

Въ то время какъ въ теченіе своего существованія I отдѣленіе опубликовало 37 работъ, III—21, IV—45, II отдѣленіе опубликовало ихъ 218 (55 по математикѣ, физики и астрономіи, 47 — по естествознанію, 26—по химіи, 83—по медицинѣ). При томъ нужно замѣтить, что II отдѣленіе свело гонорары къ minimum-у, отвергало большія и потому дорого стоющія работы, избѣгало иллюстрацій и таблицъ; и все-таки каждый годъ кончается дефицитомъ...

Въ виду малаго знанія чешскаго языка въ Европѣ, работы чешской Академіи не могутъ достаточно входить въ обще-европейскій научный оборотъ. Чтобы помочь этому горю, II отдѣленіе издаетъ „Bulletin international", гдѣ даются извлеченія изъ „Rozprav" по-нѣмецки, французски и англійски.

Академія разсылаетъ свои „Rozpravy" даромъ учительскимъ корпораціямъ среднихъ школъ Чехіи, если онѣ того пожелаютъ, и такимъ путемъ старается популяризировать науку въ народѣ. Дѣлаемые нѣкоторыми упреки за то, что Академія будто-бы своей спеціализа-

ціей совершенно оторвалась отъ народной жизни, едва-ли можно признать правильными.

Значительную службу обществу служитъ Академія, издавая ежемѣсячный „Věstník". Сознавая, что молодая и слабая чешская мысль не можетъ правильно развиваться въ отчужденіи отъ обще-европейской мысли, Академія знакомитъ въ „Věstník'ѣ" чешское общество съ научнымъ и литературнымъ движеніемъ всей Европы. Этотъ журналъ, редактируемый проф. Шолиномъ, кромѣ извѣстій о дѣятельности самой Академіи, даетъ свѣдѣнія о научныхъ изысканіяхъ, о новыхъ книгахъ научныхъ и литературныхъ, о предпріятіяхъ художественныхъ за предѣлами Чехіи, если они заслуживаютъ вниманія. Слышатся упреки по адресу „Věstník'a", будто онъ ведется случайно и не систематично. Но чтобы избѣжать этого упрека „Věstník" долженъ бы для каждой иностранной литературы, по каждой научной и художественной отрасли, имѣть спеціальныхъ референтовъ; но это, очевидно, невозможно: нѣтъ людей, нѣтъ денегъ... Разсылаемый даромъ всѣмъ среднимъ школамъ „Věstník" въ настоящемъ своемъ видѣ дѣлаетъ благое дѣло.

Г. Главка основалъ при II отдѣленіи Академіи спеціальный фондъ для изданія чешскихъ учебныхъ книгъ, удовлетворяющихъ условіямъ высшаго образованія. На средства этого фонда уже созданы I и II части органической химіи проф. Раймана, находятся въ печати Зоологія проф. Вейдовскаго и Астрономія проф. Грусса. Эта сторона дѣятельности Академіи характерна для чешской жизни: хотя чехи и добились своего Университета, однако студенты до сихъ поръ все еще принуждены учиться по нѣмецкимъ компендіямъ; Академія, по указанію общественныхъ круговъ, пытается удалить изъ жизни эту ненормальность...

Кромѣ изданія своихъ трудовъ, Академія облегчаетъ появленіе вообще чешскихъ научныхъ работъ, давая ихъ авторамъ денежныя пособія. Изъ такихъ изданій, вышедшихъ съ помощью Академіи, можно назвать слѣдующія: „Общая и микроскопическая анатомія" Яношика,—компендій патологической анатоміи Главы и Обрзута,— Описательная Анатомія съ атласомъ, ч. 1-я, Яношика; „Общая физіологія" Мареша; „Компендій геодезіи и сферической анатоміи" Мюллера; „Исторія древнихъ восточныхъ пародовъ" Прашка, „Исторія новаго времени" Крыштоуфка, „Sbírky pramenů práva městského v Čechách (историч. общ.); „Korunní archiv český (Иречекъ) „Český

Lid", „Pamatník na oslavu stých narozenin Fr. Palackého" (вмѣстѣ съ Королевскимъ Обществомъ и Матицей), „Sborník světoké poesie" (болѣе 60 томиковъ переводовъ изъ иностранной поэзіи, издаваемыхъ книгопродавцемъ Визнеромъ (ранѣе—Оттой) съ помощью и подъ руководствомъ IV Отдѣленія).

Мы еще не обрисуемъ вполнѣ издательской дѣятельности самой Академіи, если не упомянемъ объ изданіяхъ разныхъ академическихъ комиссій, равно какъ и объ общеакадемическихъ изданіяхъ. изъ коихъ одно выходитъ ежегодно,—это „Almanach", то-есть годичный отчетъ; въ истекшемъ году. въ память пятидесятилѣтняго царствованія Франца-Іосифа, Академія издала: „Památník na oslavu padesátiletého panovnického jubilea Ieho Veličenstva císaře a krale Frant. Iosefa I. Vědecky a umělecky rozvoj v narodě českém 1848 — 1898" — самую большую чешскую книгу, болѣе 1000 страницъ in quarto.

Чешская Академія поддерживаетъ научную и художественную работу въ странѣ еще и инымъ путемъ—давая пособія на опредѣленныя научныя работы, командировочныя стипендіи и объявляя конкурсы. Напримѣръ, въ 1896 году на пособія израсходовано Академіей 13.157 гульд., на стипендіи — 2.300 гульд., премій выдано 6.162 гульд. За всѣ 8 лѣтъ своего существованія Академія выдала въ пособіе на научныя работы 130.000 гульденовъ...

Чешская Академія у себя дома не пользуется всеобщимъ признаніемъ. Съ разныхъ сторонъ слышатся упреки по ея адресу. Указываютъ прежде всего на недостатки ея статута: ограниченіе числа ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ, исключительно пользующихся правомъ голоса: сложная процедура избранія членовъ и т. п. Указываютъ и болѣе тяжкіе грѣхи: своеволіе президента Главки, духъ котеріи (старочешской болѣе, чѣмъ младочешской), отсутствіе системы въ трудахъ, непроизводительныя траты (изданіе Патеркула или 10,000 гульденовъ на изданіе вышеупомянутаго сборника въ честь императора) и т. п. Мы не будемъ входить въ оцѣнку этихъ упрековъ. Можетъ быть, Академія могла-бы и лучше вести свои дѣла, можетъ быть, она слабѣе Краковской и Загребской Академій; но и сдѣланное ею все-таки составляетъ большую заслугу передъ Чехіей и славянствомъ.....

Вмѣсто того мы дадимъ перечень изданій Чешской Академіи наукъ, ограничиваясь кругомъ наукъ историко-филологическихъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Изданія I отдѣленія:

Годъ 1-й 1) Fr. Laurin: Pokrevenství a švakrovství jakožto překážky manželství rozlučující.

2) Ferd. Tadra: „Kanceláře a písaři v zemích českých za králů Jana, Karla IV, Václava IV z rodu Lucemburského".

3) Fr. Dvorský: „Albrecht z Valdštejna až na konec r. 1621".

4) Krl. Kadlec: „Provozovací právo k dilům dramatickým a hudebním."

Годъ 2-й 1) Fr. Mareš: „České sklo".

2) I. Koh. Jireček: „Poselství republiky dubrovnické k císařovně Kateřině II v l. 1771—1775".

3) Fr. Laurin: „Nařízení papežské kongregace" „Auctis admodum", ze dne 4 listopadu 1892.

Годъ 3-й 1) J. Kalousek: „O staročeském právě dědickém a královském právě odúmrtném na statcích svobodných v Čechách i v Moravě".

(Указанные институты изображаются въ періодъ 1189—1628 гг. Важнѣйшая часть работы—изслѣдованіе отношеній наслѣдственнаго права до 1310 года: недѣлимость наслѣдства въ старое время; наслѣдованіе только сыновей, за ихъ отсутствіемъ—дочерей и потомъ родственниковъ до 4-го колѣна; изначальность права государя на упалыя имѣнія).

2) Къ работѣ Калоуска присоединено Zíbrt: „Seznam pověr a zvyklostí pohanských z 8 věku" (Анализъ Cod. Pal. 577 Ватиканской библіотеки съ культурно-исторической точки зрѣнія; заслуга автора—богатый сравнительный матеріалъ восточно-европейскаго (славянскаго) міра).

3) J. Smolík: „Pražské groše a jejich díly". (Въ 5-ти главахъ даетъ описаніе пражскихъ грошей и ихъ частей со временъ Вячеслава II (1283) до Фердинанда I (1547), описаніе организаціи монетнаго дѣла за этотъ періодъ, документальныя свидѣтельства о различной цѣнѣ грошей, шокка и марки, распространеніе грошей въ сосѣднихъ странахъ, переоцѣнку, съ перештемпелеваньемъ, тамъ грошей и 5 таблицъ).

4) Fer. Menčík: „Volba papeže Innocence X" (Работа объ избраніи на папскій престолъ Иннокентія X въ 1644 основана на рукописномъ матеріалѣ, главное—на дневникѣ пражскаго архіепископа Гарраха, устроившаго это избраніе по желанію Фердинанда III; матеріалъ отчасти изданъ при работѣ).

5) Fr. Čáda: „Noetická záhada u Herbarta a Stuarta Milla".

Годъ 4-й 1) Fr. Helfert: „Gregor XVI und Pius IX Ausgang und Aufgang ihrer Regierung October 1845—November." (Работа составлена на основаніи переписки Меттерниха и австрійскихъ посольскихъ донесеній изъ Рима; для русскаго читателя интересно описаніе посѣщенія Рима Николаемъ I—въ декабрѣ 1845 г.).

2) Fr. Štorch: „Vyručení obviněného z vazby vyšetřovací".

3) Jos. Pekař: „Dějny Valdštejnského spiknutí, 1630 — 34". (Въ своей работѣ—507 стр.—, основанной на прекрасномъ знаніи литературы предмета, авторъ старается доказать, что въ дѣятельности Валленштейна были только „личные" мотивы).

4) Fr. Krejčí: „Element psychologicky".

Годъ 5-й 1) O. Hostinsky: „Jan Blahoslav a Jan Josquin". (Оцѣнка — культурнаго и художественнаго, частнѣе—музыкальнаго значенія дѣятельности Благослова въ исторіи Чешской братской общины; разборъ его „Музыки", высшей сравнительно съ „Музыкой" его соперника по этой части, брата Вацлава Солена (обѣ „Музыки" изданы при работѣ); разборъ Шамотульскаго канціонала: доказательства высокой оригинальности братской музыки и напѣвовъ—противъ нѣмецкихъ увлеченій профессора Нейвирта).

2) Ios. Smolík: „Denary údělnych knížat na Moravě X a XII stol". (Каждое изъ трехъ удѣльныхъ княжествъ Моравіи имѣло свои монеты:

Оломуцкое—съ изображеніемъ и именемъ св. Вячеслава, Брнское—св. Петра, Зноймское—св. Николая; точно описаны различные типы монетъ и изображены на 4-хъ таблицахъ).

3) Cyrill Horaček: „Počatky českého hnuti dělnického". (Очеркъ исторіи рабочаго движенія въ Чехіи отъ 1840 годовъ до начала 70-хъ годовъ, когда оно принимаетъ соціалъ-демократическую программу. Критика (Č Č H., 1898. 121) указала на неполноту источниковъ. особливо періодической печати).

Годъ 6-й 1) K. Adamek: „Přspevky k dějinám selského lidu z okolí Hlinska v XVIII věku. (Произведенное на основаніи архивнаго матеріала изслѣдованіе крестьянскаго движенія въ Глинскомъ, на сѣверо-востокѣ Чехіи, гдѣ наряду съ хозяйственнымъ моментомъ, выступаетъ и религіозный—адамитская секта).

2) Fr. Krejčí: „Zakon associační".

3) I. Smolík: „Nález denárů v Chrášt'anech u Českeho Brodu". (Описаніе, вмѣстѣ съ таблицами, 314 денаровъ временъ Болеслава II и III, Владивоя, Яромира и Ольдржиха, то-есть, 994—1037 годовъ).

Кромѣ „Розправъ" 1-е отдѣленіе Академіи, въ лицѣ исторической коммиссіи, издаетъ историческіе матеріалы подъ названіемъ „Historický Archiv"; всего вышло 12 выпусковъ. Вып. 1, 2, 8 и 11-й вмѣщаютъ въ себѣ „Soudní akta konsistore Pražské" за гг. 1373—1379, 1380—1387, 1392—1393 и 1396—1398, 1401—1404, изданные г. Тадрой (другое заглавіе: „Acta judiciaria consistorii Pragensis) изъ рукописей архива Пражскаго капитула и очень важные для пониманія той почвы, на которой выросло гуситство. Выпуски 3 и 7, изданные г. Дворскимъ, заключаютъ въ себѣ „Listy paní Kateřiny z Žerotína rozené z Valdštejna за годы 1631 и 1633, 1634 и 1635, не дающіе обычно любопытныхъ политическихъ фактовъ, но очень интересные съ точки зрѣнія культурно-бытовой. Выпускъ 4-й даетъ „Prameny k vpadům Bočkajovců na Moravu a k ratifikaci míru vídenského od zemí koruny české г. 1605—1606", изданные г. Каменичкомъ. Въ 5-мъ выпускѣ г. Новачекъ издалъ „Listář k dějinám školství Kutnohorského (1520—1623)", а въ 6-мъ—г. Тадра: „Summa cancellariae (Cancellaria Caroli IV)". Въ 9-мъ выпускѣ г. Дворжакъ издалъ „Dva denníky dra Matiáše Borbonia z Borbenheimu", интересные съ точки зрѣнія культурно-исторической: авторъ, поэтъ и врачъ, членъ городскаго пражскаго совѣта, участвовавшій въ возстаніи 1621 года, описываетъ свое путешествіе 1596 года въ Базель и свое заключеніе въ 1622 году. Въ 10-мъ выпускѣ г. Менчикомъ изданы „Paměti I. I. Haranta z Polžic a Bezdružic od r. 1624 do r. 1648", въ 12-мъ г. Клицманомъ „Processus judiciarius contra Hieronymum de Praga habitus Viennae a 1410—1412", въ 13-мъ г. Тоболкой: „Hilaria Litoměřického traktát k panu Ianovi z Rozenberka", въ 14-мъ г. Шульцемъ „Korrespondence hrabete Václava Iiřího Holického ze Šternberka" (1638—1674 гг.).

Археологическая коммиссія издала 5-ть выпусковъ „Описанія историческихъ и художественныхъ памятниковъ въ Чешскомъ королевствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до начала XIX вѣка", а именно въ округахъ Колинскомъ, Лоунскомъ, Седлчанскомъ, Роудницкомъ и Милевскомъ (съ рисунками и таблицами). Сверхъ всего этого I отдѣленіе издало: „Mappa Staré Prahy k letům 1200, 1348 и 1419"; Томка; „Zřízení krajské v Čechách", Č. I и Č. II, 1, 2", г. Б. Ригера; „Život církevní v Čechách, Sv. 1 и 2" г. Винтера; „Děje vysokých škol Pražských od secessí cizích národů po dobu bitvy bělohorské (1409—1622)" его же; „Soustavný úvod ve studium nového řízení soudního", d. I и II г. Отта.

Изданія III отдѣленія.

„Розправы". Годъ 1-й 1) I. Kvíčala: „Nové kritické a exegetické příspěvky k Vergiliově Aeneidě.

2) A. Patera: „Komenského korrespondence". (Изданы письма самого Коменскаго къ разнымъ лицамъ, письма къ нему, письма современниковъ о немъ и—въ приложеніи—4 относящихся къ Коменскому документа).

3) I. Truhlař: „Počatky humanismu v Čechach". (Первые проблески чешскаго гуманизма, обусловленные вліяніемъ Петрарки и Эннія Сильвія при Карлѣ IV, Сигизмундѣ, Ладиславѣ и Юріи Подебрадѣ, то-есть, главнымъ образомъ канцлеръ Янъ изъ Стшеды).

4) R. Novák: „Grammatiká, lexikální a kritická pozorování u Velleja Paterkula".

5) I. Polívka: „Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře".

Годъ 2-й 1) V. Mourek: „Syntaxis složených vět v gotštině.

Годъ 3-й 1) I. Kvíčala: „Bádání v oboru skladby jazykův indoeuropských. Č. I. (Съ исторической точки зрѣнія разсмотрѣны различные функціи мѣстоименій личнаго, возвратнаго, притяжательнаго, указательнаго, вопросительнаго и неопредѣленнаго въ индо-европейскихъ языкахъ; привлеченъ и чешскій матеріалъ изъ Штитнаго и Пѣсенъ, изданныхъ Эрбеномъ; подробно и своеобразно обработаны отдѣлы о мѣстоименіяхъ возвратномъ и указательномъ, съ приложеніемъ о развитіи члена, главное—у Гомера; для заграничныхъ читателей на 76 страницахъ сдѣлано нѣмецкое сокращеніе всей работы въ 217 стр.).

2) R. Novák: „Mluvnicko-kritická studia k Liviovi".

3) V. I. Dušek: „Hlaskosloví nářečí jihočeských. I č.: Consonantismus.

4) I. Truhlař: „Humanismus a humanisté v Čechách za krale Vladislava II. (Работа посвящена расцвѣту чешскаго гуманизма при Владиславѣ Ягеллонѣ; центральная фигура—Богуславъ Лобковицъ, рядомъ съ нимъ Шлехта Вшегордъ, Викторинъ Корнель Вшегордъ, Ржегоржъ Грубый, Писецкій и Копачъ; книга написана тяжеловато, но съ большимъ знаніемъ дѣла).

Годъ 4-й 1) J. Menčík: „Příspěvky k dějinám českého divadla"

Годъ 5-й 1) J. Kvíčala: „Kriticke a exegetické příspěvky k Platonovým rozmluvám. Faidros, Gorgias".

Годъ 6-й 1) J. Zahradník: „O skladbě veršů v Iliadě a Odyssei".

2) Dušek: „Hláskosloví nářečí jihočeskych, c. II. Vocalismus.

3) J. Kvíčala: „Kritické a exegetické příspěvky k Platonovým rozmluvám II, Protagoras, Symposion". 4) Hošek: „O poměru jazyka písní narodních k místnímu nařečí".

Кромѣ „Розправъ", III отдѣленіе издало: „Kronika Dalimilova" (по кэмбриджской рукописи) подъ редакціей г. Моурека; „Glagolita Klozův" подъ редакціей г. Вондрака, „Dvě verse starofrancouzské legendy o sv. Kateřině Alexandrinské"; „Frisinské památky" подъ редакціей г. Вондрака; „Život a spisy Václava Bolemíra Nebeského" г. Гануша; „Slovenská přísloví, pořekadla a úsloví" г. Затурецкаго. Рядъ изданій выходитъ подъ общимъ названіемъ „Sbírka pramenův ku poznání literárního života v Čechach, na Moravě a v Slezsku". Skupina I. (Памятники рѣчи и литературы чешской), Řada I. „Besední řeči Tomáše ze Štítného" подъ редакціей г. Гатталы. Řada II. 1) „Martina Kabátníka cesta z Čech do Ierusalema i Kaira r. 1491—1492" подъ редакціей г. Прашка; 2) „Staročeská gesta Romanorum" подъ редакціей г. В. Новака.

Skupina II (Литературная корреспонденція и источники иноязычные): 1) „Listař Bohuslava Hasistejnského z Lobkovic" подъ редакціей г. Тругляржа; 2) „Korrespondence J. Dobrovského. Díl I. V zájemné dopisy J. Dobrovského a F. Duricha z l. 1778—1800" подъ редакціей г. Патеры.

3) „Dva listáře humanistické. I. Dra Racka Doubravského. II. Václava Píseckého s doplňkem listáře J. Šlechty ze Všehrd" подъ редакціей г. Тругляржа; 4) „Fr. Palackého korrespondence a zápisky (I. Autobiografie a zápisky do r. 1863)" подъ редакціей г. Новачка.

Skupina III. (Труды библіографическіе): 1) „Bibliografický přehled českých národních písní" г. Зибрта; 2) Knihy české v knihovnách švédských a ruských" г. Фляйшганса.

Изданіемъ лексикографической комиссіи является „Archiv pro lexikografii a dialektologii" 1) Příspěvky k českoněmeckému slovníku zvlášte grammaticko-fraseologickému", I и II, г. Котта; 2) „Podrobný seznam slov rukopisu královédvorského" г. Фляйшганса.

Особо выходятъ „Spisy J. A. Komenského: 1) Korrespondence J. A. Komenského", 1 ч., подъ редакціей г. Квачалы; 2) „Theatrum universitatis rerum", подъ редакціей гг. Новака и Патеры; 3) „J. A. Komenského na spis proti Jednotě bratřské od Sam. Martinia z Dražova sepsaný ohlášení" подъ редакціей г. Мюллера 4) „Korrespondence J. A. Komenského", 2 ч., подъ редакціей г. Квачалы.

Подъ руководствомъ и съ помощью IV отдѣленія издается „Sbor-

ník světové poesie". Въ составъ его вошли произведенія Аріосто („Неистовый Орландъ"), Мицкевича („Конрадъ Валленродъ", „Дзяды"), Байрона („Сарданопалъ"), Кальдерона, Лермонтова (два выпуска), Альфіери (Филиппъ), Кольцова, Шелли (Ценци), Пушкина (Онѣгинъ, Сборникъ мелкихъ стихотвореній, нѣкоторыя эпическія произведенія), Асныка (стихотворенія, Кейстутъ), Бёрнса, Ленау, Коппе, Словацкаго (Балладина, Лиля Венеда), Шекспира, Меттерлинка, Мура, Гёте, Бодлера, Мильтона, Петра Нѣгоша (Горный вѣнецъ), Софокла, Кольриджа, Уланда, Конопницкой и др.

Н. Ястребовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Май 1899 года.

I.

Въ истекшій мѣсяцъ не произошло во Франціи ничего особенно для васъ интереснаго въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Министерство собрало въ одинъ томъ всѣ сдѣланныя по его почину изслѣдованія о классическомъ образованіи и о степени баккалавра. Какъ только я получу эту книгу, то сообщу вамъ, къ какого рода заключеніямъ она приводитъ. Пренія о бюджетѣ народнаго образованія тоже не дали особенно любопытныхъ фактовъ. При настоящемъ бюджетѣ нововведенія невозможны, а его увеличеніе еще болѣе раздражило бы плательщиковъ. Пока только одна Школа восточныхъ языковъ получила нѣкоторое увеличеніе средствъ. Вслѣдствіе нашего колоніальнаго развитія необходимо организовать тамъ новыя каѳедры. Въ школѣ введено преподаваніе языковъ малгашскаго, эѳіопскаго и суданскихъ нарѣчій. Въ прочихъ учрежденіяхъ не произошло перемѣнъ. Статистика правительственныхъ университстовъ насчитываетъ 29.000 студентовъ. Изъ этого числа на долю одного Парижа приходится 12.000 студентовъ. Затѣмъ въ Бордо 2.144 и въ Ліонѣ 2.335 студентовъ. Иностранцевъ всего 1.800 человѣкъ. Свободные факультеты, основанные духовными лицами, насчитываютъ въ общемъ до 1.400 студентовъ.

Какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, университеты стремятся къ дѣйствительному распространенію университетскаго преподаванія. Повсемѣстно организуются вечернія лекціи и конференціи для рабочихъ и для лицъ, не могущихъ посѣщать лекціи офиціальныя. Я не вхожу во всѣ подробности этихъ великодушныхъ начинаній; они обыкновенно перечисляются въ *Revue internationale de l'Enseignement*.

Сначала лекціи и конференціи такого рода происходили только во время учебнаго года. Иностранцы, пріѣзжавшіе во Францію въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, лишены были возможности слушать публичныя лекціи и слышать ученыя сообщенія. Теперь этотъ пробѣлъ пополненъ. Я уже не разъ писалъ вамъ о вакаціонныхъ курсахъ, организованныхъ въ Парижѣ Союзомъ распространенія французскаго языка (Alliance française). Курсы эти пользуются значительнымъ успѣхомъ. Въ минувшемъ году съѣхалось болѣе 500 человѣкъ слушателей. Въ нынѣшнемъ году союзъ, расширивъ свои программы и уменьшивъ плату, разчитываетъ на увеличеніе числа своихъ слушателей. Нѣсколько провинціальныхъ городовъ послѣдовали его примѣру. Въ Нанси отдѣленіе союза организовало въ истекшемъ году лѣтніе курсы. Кромѣ того, въ Греноблѣ университетомъ основанъ прекрасно составленный курсъ лекцій, которыя читаются въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ. Гренобль, старая столица Дофине, одинъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Франціи, а Дофине—страна горъ не хуже Савойи и Швейцаріи. Иностранцы, пріѣзжающіе въ Гренобль для слушанія лекцій по изученію французскаго языка, могутъ въ то же время съ удобствомъ осмотрѣть одну изъ красивѣйшихъ нашихъ провинцій. Лекціи читаются по утрамъ, въ полдень предпринимаются поѣздки; на лекціяхъ занимаются чтеніемъ, упражняются въ произношеніи, изучаютъ французскую грамматику, дѣлаютъ разборы произведеній французской литературы и проходятъ курсъ ея, а также новой исторіи Франціи, французскаго законовѣдѣнія и исторіи искусства. Лекціи читаются профессорами словеснаго и юридическаго факультетовъ; профессора естественнаго факультета устраиваютъ со своими слушателями экскурсіи ботаническія и геологическія. Плата за слушаніе лекцій 50 франковъ за 4 мѣсяца или 20 франковъ въ мѣсяцъ. Студентъ, удовлетворительно сдавшій экзамены, получаетъ дипломъ.

Я особенно рекомендую вамъ это превосходное учрежденіе; иностранцы, вообще мало знакомые съ французскою провинціей, могутъ имѣть удобный случай посѣтить, не дѣлая большихъ тратъ, одну изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей въ свѣтѣ, изучая въ то же время нашъ языкъ.

II.

Книга Мориса Турнё „Дидро и Екатерина II" вполнѣ заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся исторіей великой императрицы

и знаменитаго философа. Авторъ основательно знакомъ съ XVIII вѣкомъ. Почти 25 лѣтъ тому назадъ окончилъ онъ прекрасное изданіе Дидро, начатое у Гарнье покойнымъ Ассеза. Онъ же издалъ литературную переписку Гримма; въ 1882 году наше правительство поручило ему разобрать рукописи Дидро, хранящіяся въ Россіи. Изданный имъ теперь томъ входитъ въ составъ цѣлой серіи этюдовъ, печатаемыхъ безъ перерыва Турнё въ теченіе 25 лѣтъ. Турнё посчастливилось найдти особенно драгоцѣнный документъ — собраніе замѣтокъ, сдѣланныхъ Дидро для императрицы, въ которыхъ онъ излагалъ ей свои мысли о предметахъ, служившихъ темою ихъ разговоровъ. Этотъ документъ, побывавъ въ рукахъ императрицы, попалъ не извѣстно какъ въ руки умершаго въ 1869 году А. С. Норова, который возвратилъ его въ собственную библіотеку императора Александра II. На документѣ читаемъ слѣдующей любопытный эпиграфъ:

Philosopho, seu puero ingenus
De re gravi leviter loquenti
Majestas ejus subridebat
Aliquando benigne.

Въ немъ говорится о самыхъ разнообразныхъ предметахъ—о законовѣдѣніи, политической экономіи, внутренней и внѣшней политикѣ, нравственности, религіи, педагогіи, воспитаніи посредствомъ театра (Дидро предлагалъ императрицѣ планы воспитательныхъ комедій), о художественномъ образованіи въ Россіи, о литературѣ и особенно объ Энциклопедіи и о самомъ Дидро. Сравненія, приводимыя Дидро между Франціей, хорошо ему извѣстною, и Россіей, которой онъ не зналъ, отличались иногда большою наивностью... Но русскіе критики сумѣютъ легко отличить незнаніе или наивность философа. Во всякомъ случаѣ они будутъ очень признательны Турнё за сообщеніе этого любопытнаго документа. Авторъ написалъ къ нему введеніе, дающее точное понятіе о малоизвѣстныхъ сношеніяхъ императрицы съ философомъ; кромѣ того, къ книгѣ приложено въ видѣ добавленія еще нѣсколько документовъ, между прочимъ не изданный отрывокъ Сюара: „Propos de Diderot sur l' Impératrice de Russie“. Въ началѣ книги помѣщенъ портретъ Дидро, работы Левицкаго, находящійся въ Женевской библіотекѣ. Турнё выражаетъ свою благодарность директору собственной Его Императорскаго Величества библіотеки Р. А. Гримму за оказанное имъ ему содѣйствіе.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ стараются организовать у насъ

„новое" преподаваніе, которое должно давать молодому поколѣнію то же литературное направленіе, какое даетъ и классическое образованіе. Но для этого „новаго" преподаванія необходимы новыя книги. Я уже писалъ вамъ о двухъ томахъ Дица, посвященныхъ иностранной литературѣ (Англія — Германія — Италія—Испанія). Книги оказались полезными и читаются многими. Эдуардъ Родъ, издавшій также книгу въ 900 страницъ: „Morceaux choisis des littératures étrangères", старался превзойти своего предшественника. Кромѣ произведеній, взятыхъ изъ литературъ Италіи, Испаніи, Англіи и Германіи, онъ даетъ отрывки изъ литературъ мало извѣстныхъ, какъ-то: голландской, скандинавской и русской. По видимому, онъ не имѣлъ успѣха. Изъ 882 страницъ своей книги Родъ отводитъ Россіи XIX вѣка только 13! Прочія славянскія земли для него не существуютъ; Родъ руководствуется правиломъ: *Slavicum est—non legitur*. Читатель, съ уваженіемъ относящійся къ объемистому его труду, долженъ думать, что въ исторіи европейскихъ литературъ славяне представляютъ собою совсѣмъ ничтожный элементъ умственной дѣятельности въ Европѣ. Ужъ лучше бы онъ не касался ихъ и не удѣлялъ имъ столь малаго мѣста въ своемъ сочиненіи. По его мнѣнію, выразителями всей умственной дѣятельности славянской расы являются въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій и Тургеневъ. Отъ Рода, какъ писателя-космополита, родившагося въ Швейцаріи, можно было бы ждать и бòльшаго: онъ могъ бы и по имѣть смѣшныхъ предразсудковъ парижскаго буржуа.

Давно не писалъ я вамъ о „Всеобщей исторіи" Лависса и Рамбо. Послѣдній даже во время своего долгаго пребыванія министромъ (два съ половиною года,—для насъ это долго) не переставалъ заниматься этимъ важнымъ трудомъ, принимая въ немъ личное участіе. Передо мною лежатъ два послѣдніе тома (X-й и XI-й), обнимающіе время отъ 1815 до 1870 года. Я не знаю болѣе интереснаго чтенія, не знаю сочиненія, которое имѣло бы столько компетентныхъ сотрудниковъ. Выдающіяся статьи X-го тома слѣдующія: Вѣнскій конгрессъ— Converted Сореля; внутренняя исторія Россіи отъ 1815 до 1847 года — Рамбо; состояніе французской литературы отъ 1830 до 1847 года — Фагэ, исторія искусства—Андре Мишеля, исторія наукъ—Таннери, исторія крайняго Востока (Китай, Аннамъ, Корея)—Анри Кордье. Въ XI-мъ томѣ статьи по тѣмъ же вопросамъ написаны почти тѣми же сотрудниками. Исторія Россіи отъ 1848 до 1870 года принадлежитъ Омону, состоящему профессоромъ исторіи и русскаго языка въ Лилльскомъ

университетѣ, Омонъ, ученикъ и зять Рамбо, слѣдовательно, ученый хорошей школы. Въ XI-мъ томѣ находятся еще глава Леона Каена объ исламѣ и ученые этюды Кордье о Китаѣ и Японіи и исторія франко-германской войны 1870 года — Шюкэ, одного изъ лучшихъ знатоковъ нѣмецкой литературы и одного изъ лучшихъ нашихъ военныхъ историковъ. Редактируя *Revue Critique*, состоя профессоромъ во Французской коллегіи, Шюкэ нашелъ возможность издать книгу о молодости Наполеона. Это—выдающійся ученый и истинный писатель. Его сочиненія имѣютъ успѣхъ, такъ какъ всѣ увлекаются Наполеоновскимъ періодомъ времени. По видимому, послѣ неудачъ 1870 года французы начали находить долю утѣшенія въ воспоминаніяхъ о военныхъ успѣхахъ 1809—1815 годовъ. Талантливый Анри Гуссе воспользовался этимъ увлеченіемъ своихъ соотечественниковъ и задумалъ написать исторію паденія первой имперіи („La Chute du premier empire"); два тома этого сочиненія уже вышли въ свѣтъ; первый, подъ названіемъ „1814 годъ", появился три года тому назадъ, имѣлъ 27 изданій и доставилъ автору кресло во Французской академіи; второй томъ, носящій заглавіе „1815 годъ", повѣствуетъ о первой реставраціи, о возвращеніи съ острова Эльбы и о ста дняхъ; онъ выдержалъ 28 изданій; 3-й томъ, только что появившійся, посвященъ Ватерлоо. Онъ заключаетъ въ себѣ исключительно описаніе быстраго похода, окончательно рѣшившаго судьбу Наполеона. Здѣсь авторъ выказалъ свои замѣчательныя способности военнаго историка.

Размножаются у насъ и сочиненія по вопросамъ о воспитаніи. Особенно выдается сочиненіе Бертрана, профессора словеснаго факультета въ Ліонѣ. Бертранъ — профессоръ философіи и корреспондентъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, ученикъ Декарта и Конта. Въ своей книгѣ „L' Enseignement intégral" онъ предлагаетъ цѣлый переворотъ. Онъ, конечно, допускаетъ существованіе классическихъ лицеевъ, но требуетъ въ то же время основанія институтовъ и коллегій съ преподаваніемъ интегральнымъ. Въ такого рода заведеніяхъ должны имѣть мѣсто семь фундаментальныхъ отраслей знанія: математика, астрономія, физика, химія, біологія, соціологія и ученіе о нравственности. Въ институтахъ будутъ вечернія занятія для рабочихъ, въ коллегіяхъ дневныя. Оказавшій успѣхъ по начальному образованію можетъ сдѣлаться здѣсь студентомъ. Изученіе одного живаго языка обязательно при начальномъ обученіи. Бертранъ требуетъ уничтоженія интернатовъ и бакалаврства, но допускаетъ дипломъ интегральнаго образованія; тре,

буетъ, чтобъ ученики выбирали изъ среды своей делегатовъ для поддержки дисциплины; требуетъ, чтобы взрослые, въ случаѣ ихъ желанія, допускались къ слушанію курса наравнѣ съ дѣтьми, чтобы какъ мужчины, такъ и женщины, преподавали и получали общее образованіе. Книга Бертрана — вполнѣ революціонный протестъ, но она написана здраво и твердо, а потому не можетъ не обратить на себя вниманія даже лицъ, не раздѣляющихъ радикальныхъ воззрѣній автора.

Наши критики продолжаютъ собирать въ отдѣльные томы свои этюды, разбросанные по газетамъ и журналамъ.Уставъ Ларуме, одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и пріятныхъ критиковъ, отличается несомнѣннымъ дарованіемъ и пользуется успѣхомъ. Состоя профессоромъ Парижскаго словеснаго факультета, онъ снискалъ себѣ расположеніе высшаго общества, экипажи котораго во множествѣ стоятъ у подъѣзда Сорбонны въ тѣ дни, когда оно съѣзжается слушать его лекціи о драматическомъ искусствѣ. Состоя правителемъ канцеляріи одного изъ министровъ народнаго просвѣщенія и въ качествѣ писателя, онъ оказывалъ большія услуги искусству и артистамъ и наконецъ избранъ былъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи художествъ. Вѣроятно, въ скоромъ времени онъ станетъ и членомъ Французской академіи. Только что появившійся томъ его „Новыхъ этюдовъ“ („Nouvelles études d'histoire et de critique dramatiques“) заключаетъ въ себѣ преимущественно этюды о театрѣ въ Греціи, Испаніи, Франціи и о современныхъ драматургахъ. Они не отличаются глубиною мысли и ученостью Сентъ-Бёва. Ларуме пишетъ для свѣтскихъ читателей, а не для ученыхъ. Почти то же впечатлѣніе выносишь изъ чтенія „Этюдовъ“ Рене Думика о французской литературѣ („Etudes sur la littérature française“). Думикъ—пріятный и изящный критикъ и превосходный профессоръ. Въ минувшемъ году онъ ѣздилъ въ Америку для чтенія лекцій о французской литературѣ и имѣлъ тамъ большой успѣхъ. Въ Парижѣ ежегодно, во время лѣтнихъ вакацій, онъ читаетъ курсъ литературы слушателямъ лекцій, организованныхъ Французскимъ союзомъ, и пользуется большимъ авторитетомъ. Третья серія его этюдовъ посвящена исключительно новой литературѣ: Виктору Гюго, Мериме, Доде, Лоти, Толстому и т. д. Пеллиссье также издалъ книгу этюдовъ о современной литературѣ („Etudes de littérature contemporaine“). Ему же принадлежитъ весьма полезный трудъ: „Le mouvement littéraire au XIX siècle“ и два тома „Опытовъ“ о современной литературѣ. Третій томъ посвященъ новымъ писателямъ, мало из-

вѣстнымъ за границею, и въ этомъ отношенiи онъ не безполезенъ. Глава о метрикѣ и новой поэзiи особенно любопытна. Вопросъ этотъ уже былъ затронутъ Думикомъ въ одномъ изъ прежде вышедшихъ его томовъ. Пеллиссье защищаетъ старыя преданiя нашей поэзiи, и вполнѣ справедливо. До сой поры французская поэзiя, развѣ за немногими исключенiями, не выигрывала отъ нововведенiй молодыхъ мистификаторовъ, отличающихся напыщенностью, а не талантомъ.

Дежобъ, какъ и Ларруме, Думикъ и Пеллиссье, состоитъ профессоромъ въ Парижѣ. Его особенно интересуетъ исторiя отношенiй французскаго театра къ италiанской литературѣ. Не такъ давно я писалъ вамъ о его этюдахъ о трагедiи. Теперь онъ занятъ этюдомъ о женщинѣ во французской и италiанской комедiи XVIII вѣка. Дежобъ знаетъ превосходно Италiю; онъ основалъ въ Парижѣ общество изученiя Италiи, которое много содѣйствовало сближенiю Францiи съ Италiей въ умственномъ отношенiи. Въ своей любопытной книгѣ онъ изучаетъ различные типы женщинъ—простодушныхъ, кокетокъ, служанокъ, барынь, нарушительницъ супружеской вѣрности, выведенныхъ въ пiесахъ XVIII вѣка. Онъ выясняетъ влiянiе италiанцевъ, особенно Гольдони на Бомарше и Пикара. Въ настоящее время адюльтеръ въ большомъ ходу въ театральныхъ пьесахъ, но не такъ было въ XVIII вѣкѣ. Театръ этой эпохи отличался большею нравственностью сравнительно съ театромъ современнымъ. Сообщенiе многихъ подробностей и отрывковъ изъ мало извѣстныхъ и трудно находимыхъ сочиненiй италiанскихъ авторовъ служитъ лучшимъ достоинствомъ книги Дежоба.

Мольдъ де-ла Клавiеръ написалъ нѣсколько сочиненiй, ставящихъ его на видное мѣсто въ ряду современныхъ историковъ. Эпоха Возрожденiя особенно привлекаетъ его; онъ писалъ о царствованiи Людовика XII, о дипломатiи времени Макiавели, печаталъ тексты XVI вѣка и опять возвратился къ этому вѣку въ своемъ сочиненiи „Les Femmes de la Renaissance". Мольдъ изучаетъ жизнь женщины во Францiи и въ Италiи, ея замужество, жизнь замужней женщины, отношенiя матери къ дѣтямъ, воспитанiе дочерей, значенiе мужа и любовника, въ то время большею частiю платоническаго, культъ красоты, свѣтскую жизнь, нравственное, политическое и умственное влiянiе женщины. Книга мѣстами написана слабо, мѣстами натянуто, и вообще это сочиненiе не для ученыхъ, но оно полно любопытными указанiями.

Во Францiи мало занимаются научнымъ состоянiемъ Румынiи,

но въ Школѣ восточныхъ языковъ существуетъ каѳедра румынскаго языка, профессоромъ котораго состоитъ выдающійся ученый Эмиль Нико; онъ имѣетъ даже многочисленныхъ слушателей, хотя и не изъ расположенія къ Румыніи. Ученики Школы восточныхъ языковъ пользуются завиднымъ преимуществомъ: получивъ аттестатъ школы, они отбываютъ воинскую повинность только въ теченіе года. Многіе молодые люди, слегка знакомые съ латинскимъ языкомъ, воображаютъ, что румынскій языкъ значительно легче арабскаго или китайскаго, и записываются на лекціи Нико. Заручившись драгоцѣннымъ для себя дипломомъ, ученики быстро забываютъ румынскій языкъ. Мы называемъ Румынію Франціей Востока, но знаемъ ее мало. Молодой румынскій писатель Помпеленъ Эліадъ взялся просвѣтить насъ. Проведя три года въ Парижской нормальной школѣ и окончивъ въ ней курсъ, онъ представилъ въ Сорбонну докторскую диссертацію: L'influence française sur l'esprit publique en Roumanie". Онъ изучаетъ состояніе румынскаго общества при прежнемъ управленіи, введеніе французскаго языка, съ одной стороны, греками, съ — другой русскими, вліяніе революціи на придунайскія земли. Это сочиненіе полно новыхъ фактовъ и документовъ; оно кажется началомъ труда, которое будетъ имѣть продолженіе.

Буше-Леклеркъ, профессоръ въ Сорбоннѣ и членъ Академіи надписей, занимается преимущественно исторіей религіи и общества въ классической древности. Его первое сочиненіе, появившееся въ 1872 году въ видѣ докторской диссертаціи, озаглавлено такъ: „Les Pontifes de l'ancienne Rome". Отъ 1879 до 1881 года выпущено имъ четыере тома по исторіи колдовства въ древности, а съ 1886 году имъ издано превосходное руководство къ римскимъ учрежденіямъ. Въ настоящее время онъ печатаетъ объемистое сочиненіе объ астрологіи у грековъ. Два съ половиною столѣтія, именно съ Сомеза, никто серьезно не писалъ объ этомъ предметѣ. Книга образовалась изъ главы „Исторіи колдовства въ древнемъ мірѣ". Авторъ беретъ греческую астрологію, очищенную отъ всякаго послѣдующаго добавленія арабскаго или иного, и изучаетъ ее по источникамъ; въ началѣ книги помѣщена глава объ астрологіи халдейской. Буше-Леклеркъ доказываетъ, что эта такъ-называемая наука есть замаскированная религія, начала который совпадаютъ съ началами стоицизма. Книга снабжена 47 изображеніями, рисованными самимъ Буше-Леклеркомъ; цѣна довольно высокая (20 франковъ), но и исполненіе замѣчательно изящное въ

типографскомъ отношеніи. Этимъ сочиненіемъ увеличилось число заслугъ, оказанныхъ авторомъ наукѣ о классической древности.

Масперо, такъ много сдѣлавшій для египтологіи, основалъ любобопытный сборникъ: „La Bibliothéque égyptologique". Онъ намѣренъ переиздать въ немъ въ форматѣ восьмушки и по доступной цѣнѣ труды французскихъ египтологовъ, разсѣянные по различнымъ коллекціямъ и не появлявшіеся отдѣльными изданіями. Ученые будутъ имѣть возможность пользоваться сочиненіями, съ трудомъ находимыми въ рѣдкихъ и дорогихъ изданіяхъ. Кромѣ того, сборникъ такого рода покажетъ всѣ научныя заслуги школы французскихъ египтологовъ— Шампольіона, Маріетта, де-Руже, Шабà. Пять томовъ этого изданія уже вышли изъ печати: въ двухъ помѣщены разныя статьи Масперо; въ другихъ сочиненія Деверіа, умершаго въ 1871 году, и маркиза де ла-Рошмонтена, умершаго въ 1874 году. Теперь, когда и нѣмцы, и англичане оспариваютъ у Франціи ея первенство въ трудахъ по египтологіи, появленіе этого изданія послужитъ доказательствомъ нашей научной славы.

„Словарь греческихъ и римскихъ древностей" Даранбера и Сальо, выходящій въ свѣтъ съ величавою медленностью, далъ намъ свой 26-й выпускъ (Int-Jur). Въ числѣ статей находятся: Io (Дюрбаха), Iris (Гильда), Isis (Лафуа), Italia (Бабелона), Judaei (Т. Рейнаха), Jumentum (Канья), Juno (Гильда), Jupiter (Пердризе), Jurisconsultus, Jurisdictio (Кука). Миѳографы и юристы особенно должны быть довольны появленіемъ этой книги. Счастливъ тотъ, кто доживетъ до окончанія этого монументальнаго изданія.

Высшее преподаваніе потеряло двухъ отличныхъ профессоровъ — Эдуарда Турнье и Бертольда Зеллера. Турнье, профессоръ греческой филологіи въ Нормальной школѣ, считался однимъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ греческаго языка. Онъ напечаталъ около 1863 года замѣчательное сочиненіе: „Nemesis et la jalousie des Dieux" и приготовилъ превосходное изданіе Софокла. Къ сожалѣнію, онъ любилъ зарываться въ мелочи словесной критики и не успѣлъ сдѣлать то, чего ожидали отъ него. Бертольдъ Зеллеръ, профессоръ словеснаго факультета въ Парижѣ (родился въ 1848 году), занимался болѣе всего XVII вѣкомъ. Онъ написалъ прекрасныя сочиненія о Маріи Медичи, Сюлли, Людовикѣ XIII, Ришелье. Онъ — сынъ знаменитаго историка Жюля Зеллера автора замѣчательныхъ сочиненій по исторіи Германіи и Италіи, пережившаго два большихъ несчастія: онъ послѣдній испол-

нялъ въ Страсбургѣ должность французскаго ректора, а достигнувъ 86 лѣтъ, потерялъ сына, дѣлавшаго честь его имени.

Потеря, о которой много было говорено, есть смерть національнаго критика Франциска Сарсэ. Бывшій ученикъ Нормальной школы, товарищъ Тэна и Эдмона Абу, онъ былъ профессоромъ, отличался классическими преданіями, опредѣленнымъ вкусомъ и здравомысліемъ, столь полезнымъ въ эпоху декадентства. Въ качествѣ критика *Temps* онъ несъ на себѣ общественную обязанность. Трудно будетъ замѣнить его.

Л. Л—ръ.

ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ [1]).

VI.

Ежегодные праздники пиѳійскій и немейскій.

Ἐνιαυτία δ' ἁ ἱερομηνία ἁ Πυθιὰς ἴσα πάντεσσι, — „ежегодный праздникъ пиѳійскій равенъ для всѣхъ" — сказано въ главномъ актѣ дельфійской амфиктіоніи 380/379 года, № 1688 перваго тома Corporis Бёка. Августъ Моммзенъ вѣрно, кажется, объясняетъ, что праздникъ объявляется доступнымъ для всѣхъ амфиктіоновъ, не для однихъ дельфійцевъ (Delphica, 1878, p. 152). Итакъ, объ ежегодномъ праздникѣ пиѳійскомъ мы имѣемъ прямое указаніе надписи. Но во всѣхъ случаяхъ, когда упоминаются Πύθια, пиѳійскій праздникъ, новые ученые разумѣютъ великія Пиѳіи, которыя совершались, какъ извѣстно, въ мѣсяцѣ Вукатіи дельфійскаго календаря, осенью каждаго третьяго года олимпіады. Къ моему мнѣнію о существованіи ежегодныхъ пиѳійскихъ и немейскихъ праздниковъ (высказанному въ статьѣ „Третье столѣтіе до Р. Х.", помѣщенной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1886 годъ), отнеслись благосклонно русскіе ученые, С. А. Жебелевъ и А. В. Никитскій; но всетаки А. В. Никитскій, что вполнѣ понятно, во всякомъ упоминаемомъ у авторовъ и въ надписяхъ пиѳійскомъ праздникѣ видитъ, какъ и прочіе ученые, великія Пиѳіи (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* май текущаго года, стр. 222). До сихъ поръ мнѣ не встрѣтилось въ источникахъ несомнѣннаго и вполнѣ доказаннаго упоминанія о ежегод-

[1]) *Продолженіе*, см. іюльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 годъ.

ныхъ Пиѳіяхъ, кромѣ вышеприведеннаго мѣста устава амфиктіоновъ. Есть постановленіе дельфійцевъ при архонтѣ Клеодамѣ, при совѣтникахъ Аминтѣ, Ѳеофрастѣ. Праксіи, слѣдовательно во вторую половину 192 г. до Р. Х. (Dittenberger 207 перваго изданія, см. А. В. Никитскаго Дельфійскіе эпиграфическіе этюды, стр. 216). Аминтъ и Хариксенъ отправлены были возвѣщать приближеніе пиѳійскаго праздника (ἀποσταλέντες ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν Πυθίων) и, возвратясь, привезли постановленіе херсонаситовъ, что̀ на Понтѣ, гдѣ было сказано, что они были выкуплены (λελυτρωμένοι) херсонаситами и пользовались во всемъ заботливостью ихъ (κατολωφρημένοι ἐμ πάντοις). Сами Аминтъ и Хариксенъ подтвердили все, что было написано въ постановленіи. Херсонаситы прислали священное посольство и принесли великолѣпныя жертвы богамъ. Великія пиѳійскія игры были въ 194 и 190 годахъ. Nescio an Pythia, quae tertio cuiusque Olympiadis anno fieri solebant, tum aliqua de causa dilata fuerint, говоритъ Диттенбергеръ. Но можетъ быть, Аминтъ и Хариксенъ попали въ плѣнъ къ морскимъ разбойникамъ и провели два года въ плѣну; можетъ быть, они объявляли праздникъ пиѳійскій еще 194 года, а дельфійцы сдѣлали постановленіе, когда прибыло посольство херсонисское. Осулье, первый издавшій надпись, объяснялъ, что херсонисцы взяли на себя издержки пребыванія дельфійскихъ пословъ въ Херсонисѣ. Диттенбергеръ замѣчаетъ, что другаго примѣра употребленія слова λυτροῦσθαι въ такомъ значеніи ему неизвѣстно. Конечно, въ надписи говорится о выкупѣ изъ плѣна. Едва ли дельфійцы посылали торжественное извѣщеніе объ ежегодномъ праздникѣ, хотя аѳиняне извѣщали ежегодно о перемиріи мистерій (CIA. 1, 1. Supplementum vol. II, № 597 C). Но дельфійскіе послы ѣздили даже въ Крымъ; вѣроятно, дѣло шло о великихъ Пиѳіяхъ 194 года. Но когда послы херсонисцевъ таврическихъ принесли свои богатыя жертвы, экатомву съ быкомъ во главѣ Аполлону и двѣнадцать овецъ съ быкомъ во главѣ Аѳинѣ (ἑκατόμβαν βούπρῳρον, δωδεκαΐδα βούπρῳρον) и раздѣлили мясо быковъ дельфійцамъ? Вполнѣ вѣроятно — въ пиѳійскій праздникъ осенью 192 года. Постановляется херсонисскимъ посламъ проксенія; они, Форміонъ и Ираклидъ херсонисцы, вписаны въ большой списокъ дельфійскихъ проксеновъ (Ditt. 198, строки 55 и слѣд.). Постановляется послать имъ подарки, ξένια; значитъ, они находятся въ Дельфахъ.

Немейскій и исѳмійскій агоны были *тріетирическіе*, то-есть совершались разъ въ два года. Вакхилидъ IX 21 sqq. p. 75 Kenyon:

κείνων ἀπ' εὐδόξων ἀγώνων
ἐν Νεμέᾳ. κλεινοὶ βροτῶν,
οἳ τριετεῖ στεφάνῳ
ξανθὰν ἐρέψωνται κόμαν.

Пиндаръ объ исөмійскомъ агонѣ Nem. VI 44.

πόντου τε γέφυρ' ἀκάμαντος ἐν ἀμφικτιόνων
ταυροφόνῳ τριετηρίδι Κρεοντίδαν
τίμασε Ποσειδάνιον ἂν τέμενος.

Здѣсь слово ἀμφικτιόνων приходится принимать въ общемъ смыслѣ „окрестныхъ жителей"? Но надобно держаться точнаго смысла: значитъ, на Исөміяхъ могли участвовать *только амфиктіоновскія племена*. Мы знаемъ, что элейцы не участвовали въ исөмійскихъ играхъ: Paus. V, 2, 2. Павсаній объясняетъ это тѣмъ, что Ираклъ изъ засады убилъ, вопреки исөмійскому перемирію, неразлучныхъ (или сросшихся тѣлами) братьевъ Моліонидовъ, элейскихъ богатырей, шедшихъ на исөмійскій агонъ. Элейцы, какъ извѣстно, не принадлежали къ амфиктіоновскому союзу. Учрежденіе исөмійскихъ игръ Евсевій относитъ къ олимп. 49,3,=582 году, къ тому самому году, когда была первая пиоіада, съ которой начинается счетъ пиоіадъ. Вѣроятно, въ этомъ хронологическомъ совпаденіи кроется память объ амфиктіоновскомъ значеніи Исөмій.

Въ схоліяхъ на Пиндара нѣсколько разъ говорится, что Немеи совершались разъ въ два года (ἀγὼν τριετηρικός, τριετής—Schol. in Pindari Nem. p. 8. 11. 13. Abel). Совершался агонъ немейскій въ македонскомъ мѣсяцѣ Панемѣ, 18-го, по исправленію Унгера (вмѣсто 12-го), подтвердившемуся сличеніемъ лучшихъ рукописей (см. Unger въ Philologus XXXIV, p. 50 sqq. Abel, Scholia vetera in Nemea et Isthmia, 1884, p. 13. Unger Chron. въ Handbuch I. Müller, 1, p. 771), или 18-го аөинскаго экатомвеона, лѣтомъ. Павсаній два раза упоминаетъ о зимнихъ Немеяхъ (χειμερινὰ Νέμεα). „Аргосцы назначаютъ состязаніе бѣга вооруженныхъ мужей въ праздникѣ зимнихъ Немей"—καὶ δὴ καὶ δρόμου προτιθέασιν ἀγῶνα ἀνδράσιν ὡπλισμένοις Νεμείων πανηγύρει τῶν χειμερινῶν II, 15, 3 (2). „Конный бѣгъ прекратился въ Немеяхъ и Исөміяхъ, а царь Адріанъ возвратилъ его аргосцамъ въ состязаніе зимнихъ Немей—ἐκλειφθέντα δὲ ἐκ Νεμείων τε καὶ Ἰσθμίων αὐτὸν (δρόμον ἵππιον) βασιλεὺς Ἀδριανὸς ἐς Νεμείων ἀγῶνα τῶν χειμερινῶν ἀπέδωκεν Ἀργείοις—VI, 16, 4. На основаніи этихъ мѣстъ Павсанія со времени Корсини всѣ ученые принимали и принимаютъ, кромѣ Унгера, до

сихъ поръ, что немейскія игры были по очереди зимой и лѣтомъ, что повело къ многочисленнымъ натяжкамъ въ объясненіяхъ разныхъ мѣстъ древнихъ авторовъ. Довольно уже одного вышеприведеннаго показанія схоліастовъ Пиндара, чтобы увидѣть ошибку. Немеи были въ мѣсяцѣ Панемѣ; если бы онѣ были по очереди лѣтомъ и зимою, какъ бы могъ схоліастъ назвать одинъ только мѣсяцъ? Унгеръ совершенно правъ (Philologus XXXIV, XLVI, 336. Sitzungsber. d. Münchener Academie 1879, II, p. 165 sqq.), когда говоритъ, что Немеи были всегда въ одно время, лѣтомъ, что зимнія Немеи совсѣмъ другой праздникъ, не знаменитый тріетирическій. Изъ подробнаго описанія Поливія ясно, что лѣтомъ 217 года до Р. Х. были Немеи, и притомъ совершались въ Аргосѣ, а не на древнемъ мѣстѣ немейской рощи въ землѣ Клеонъ. Такимъ образомъ всѣ ученые принимали, что лѣтнія Немеи происходили въ 4-й годъ каждой олимпіады. (Собственно говоря, Поливій какъ битву при Тразименѣ, такъ и миръ ахейцевъ съ этолійцами, а слѣдовательно и Немеи, бывшія до мира, помѣщаетъ въ 3-й годъ 140-й олимпіады—V 105. но во всякомъ случаѣ Немеи придутся лѣтомъ 217 года). Изъ аѳинскаго постановленія въ честь Лаприса клеонейца (C. I. A. II 181), 1-й пританеи архонта Кифисодора, лѣтомъ 323 года, видно, что Немеи были также лѣтомъ, въ началѣ *втораго* года олимпіады. Лаприсъ оказалъ услугу аѳинскому архиосору (аркеосору, какъ въ надписи), посланному на Немеи. Надпись, состоящая изъ двухъ обломковъ, сильно разбита, такъ что нельзя возстановить смысла. Изъ надписи не слѣдуетъ, однако, что клеонейцы въ это время еще предсѣдательствовали на Немеяхъ, какъ заключаетъ Унгеръ (извѣстно, что въ древнее время предсѣдательствовали клеонейцы, потомъ аргосцы; съ какого именно времени,—мы можемъ оставить въ этой статьѣ безъ разсмотрѣнія). Клеонейцы были подъ властью аргосцевъ. Во время дѣятельности Арата и при Аристиппѣ тираннѣ аргосскомъ ахейцы завладѣли Клеонами и держали тамъ Немеи, а аргосцы держали въ Аргосѣ; ахейцы нарушали даваемую состязавшимся безопасность—συνεχύθη τότε πρῶτον ἡ δεδομένη τοῖς ἀγωνισταῖς ἀσυλία καὶ ἀσφάλεια—такъ какъ ахейцы продавали, какъ враговъ, всѣхъ своихъ согражданъ, какіе состязались въ Аргосѣ и потомъ попались въ ихъ руки: Plut. Arat. 28. Такъ точно аркады, занявъ Олимпію, предсѣдательствовали въ 364 году на олимпійскихъ играхъ вмѣстѣ съ подданными элейцевъ писатами, въ землѣ которыхъ была Олимпія и которые первоначально (или нѣкоторое время) держали Олимпію, а элейцы считали игры этого года ἀνολυμ-

πιάς. Конечно, должно согласиться съ Унгеромъ, что Немеи, упоминаемыя у Діодора XIX 64, были также лѣтомъ 315 года, то-есть, въ началѣ втораго года олимпіады, а никакъ не зимой, какъ утверждалъ Дройзенъ, полемизируя съ Унгеромъ. Это точное хронологическое опредѣленіе помогаетъ намъ привести въ порядокъ разказъ Діодора, упоминающаго одно за другимъ множество событій подъ годомъ архонта Праксивула 315/314. Для удобства читателей Унгеръ напоминаетъ, что по его изслѣдованіямъ Немеи приходились въ каждый *нечетный* годъ до Р. Х. и въ каждый четный послѣ Р. Х. Но ученые мало обращаютъ вниманія на этотъ результатъ Унгера: Помтовъ, напримѣръ, опять говоритъ о зимнихъ и даже о весеннихъ (тріетирическихъ) Немеяхъ, Jahrbücher für Phil. 1897, p. 810.

Унгеръ твердо убѣжденъ, что Немеи, на которыхъ присутствовалъ Антигонъ Досонъ послѣ побѣды при Селласіи (Polyb. II 70), были отпразднованы въ 221 году, и не могли быть въ *четный* годъ, 222-й. Въ 221 году битву при Селласіи помѣщаетъ и Дройзенъ (Hellen. III, 2, p. 147 sqq.), также главнымъ образомъ на основаніи упоминанія о Немеяхъ, welche natürlich nur die sommerlichen sein können (p. 152). По мнѣнію Дройзена, битва при Селласіи была въ то лѣто, когда кончился годъ Ol. 139, 3 и начался 4, и именно: около іюля 221. Также излагаетъ В. Г. Васильевскій (Политическая реформа, стр. 308 и слѣд., 1869). Mahaffy (The empire of Ptolemies, The history of Egypt, томъ IV, 1898) также остается на 221. Но многіе новые ученые принимаютъ 222, въ томъ числѣ и Низе, въ только что вышедшемъ второмъ томѣ Geschichte der griech. und maked. Staaten, 1899, p. 344. Arci вкратцѣ обсуждаетъ вопросъ и принимаетъ 222 (Studi di storia antica, fasc. 2, 140 sq.). Чтобы сохранить общепринятое мнѣніе о времени Немей, Арчи прибѣгаетъ къ дешевому предположенію, что Немеи 223 года были отложены изъ за войны. У Ливія XXXIV 41 подъ 195 годомъ упоминается, что Немеи были отложены propter belli mala, но не на годъ, а мѣсяца на два или на три.

Можно доказать съ полною несомнѣнностію, что битва при Селласіи была лѣтомъ 222. Тотчасъ послѣ пораженія Клеоменъ бѣжалъ въ Египетъ, къ Птолемею III Евергету. Черезъ нѣсколько времени послѣ его прибытія въ Египетъ умеръ царь Птолемей Евергетъ, и ему наслѣдовалъ Птолемей IV Филопаторъ. Еще черезъ нѣсколько времени умеръ Антигонъ, побѣдитель Клеомена, и ему наслѣдовалъ шестнадцатилѣтній Филиппъ. Еще черезъ нѣсколько времени Клео-

менъ погибъ. Спартанцы были преданы Клеомену и не избирали царей во время его изгнанія, *почти три года* σχεδὸν ἤδη τρεῖς ἐνιαυτοὺς μετὰ τὴν Κλεομένους ἔκπτωσιν, а какъ только пришло извѣстіе о смерти Клеомена, тотчасъ приступили къ поставленію царей (εὐθέως ὥρμησαν ἐπὶ τὸ βασιλεῖς καθιστάναι). Избраніе царей, Агисиполида и Ликурга, произошло послѣ зимы съ 220 на 219 годъ и до мая 219 (Polyb. IV 29—37, V 35—39). Итакъ, отъ лѣта 222 до весны 219 почти три года. Время вступленія на престолъ Птолемея III можетъ быть опредѣлено съ совершенною точностью; время его смерти довольно точно. Дройзенъ: Die ägyptische Chronologie wird uns diess Datum (221 для Селласіи) des Weiteren bestätigen. „Птолемей (Евергетъ) умеръ еще до осени того же (221) года. Стр. 163. И въ примѣчаніи: „о времени этой смерти есть различные взгляды; канонъ царей считаетъ 103-й годъ эры Филиппа (который начинается 18-го октября 222) какъ первый годъ Птолемея Филопатора, то-есть онъ въ теченіе 103 года вступилъ на престолъ“. Тутъ Дройзенъ впадаетъ въ очевидную ошибку. Канонъ царей не считаетъ годовъ эры Филиппа (то-есть, эры *послѣ* Филиппа Аридея, см. Fr. H. Gr. III p. 719 и таблицу p. 726 sqq.); Дройзенъ, очевидно, сложилъ годы царствованій Птолемеевъ по канону: 40+38+25=103. Но въ такомъ случаѣ первый годъ Филопатора будетъ 104-й годъ. Далѣе—канонъ считаетъ годы Филадельфа съ его воцаренія при жизни отца, такъ что два года выходятъ лишнихъ. Точно также Дройзенъ невѣрно расчитываетъ, говоря о смерти Филадельфа: „онъ умеръ послѣ начала 78 года Лагидовъ“ II, 2, 379. Надобно считать послѣ начала 79-го года, то-есть перваго года Евергета. Первый годъ египетскаго царя считается съ начала года, съ 1 θоθа. Напримѣръ, Евергетъ царствовалъ 25 лѣтъ и умеръ на 26-мъ: поэтому 26-й годъ Евергета=1-му году Филопатора. Канонъ поэтому отмѣчаетъ полные годы каждаго царя, присоединяя неполный послѣдній годъ къ слѣдующему царствованію. Поэтому Филадельфъ умеръ не послѣ начала 78-го года Лагидовъ, а послѣ начала 79-го. Но никто не считаетъ 1-й годъ Евергета 79-мъ годомъ Лагидовъ, потому что это было бы совершенно невѣрно, по вышеупомянутой причинѣ. Первый годъ Птолемея перваго считается съ перваго года *послѣ Филиппа*, μετ' ἐνιαυτὸν τῆς εἰς Φίλιππον ἀναγεγραμμένης ἡγεμονίας—post annum ex quo Philippus imperium obtinuerat (Fr. H. Gr. III 719). Первый годъ Филиппа Аридея считается, по египетскому правилу, съ 1 θоθа того года, когда онъ началъ царствовать, то-есть, съ 11-го ноября 324 года (по таблицѣ Унгера, I. Müller

Handb. 1, 826: въ ней сопоставлены юліанскіе годы съ египетскими *перемѣнными* годами—Wandeljâhre, то-есть въ 365 дней, безъ высокосовъ; какъ мы увидимъ, египтологи Дюмихенъ и Лепсіусъ расчитываютъ совершенно такъ же, какъ Унгеръ), хотя на самомъ дѣлѣ Алексáндръ Великій умеръ, и Филиппъ вступилъ на престолъ въ іюнѣ 323. Первый годъ Птолемея I, сына Лага, считался съ начала его правленія (или сатрапствованія) въ Египтѣ, со втораго года Филиппа. Значитъ, Птолемей захватилъ власть въ Египтѣ между 12-мъ ноября 323 и 12-мъ ноября 322. Канонъ считаетъ его царствованія 40 лѣтъ, до смерти. Но воцареніе Филадельфа было при жизни отца, именно, такъ какъ ему дается 38 лѣтъ, между 2 ноября 285 и 2 ноября 284. Канонъ, какъ и всѣ источники, даетъ Евергету 25 полныхъ лѣтъ царствованія; онъ умеръ на 26-мъ году. К. Мюллеръ замѣчаетъ: Quodsi in monumento Adulitano notatur Ptolemaei III annus 27, id ita explicandum, ut Ptolemaeum II per postremos regni annos filium sibi associasse statuamus. Но 27-й годъ царствованія относится не къ надписи Птолемея, а къ надписи эѳіопскаго царя, и притомъ значится въ концѣ ея. См. стр. 24 Косьмы Индикоплова въ славянскомъ переводѣ. Конецъ надписи Птолемея и начало надписи эѳіопскаго царя были потеряны, какъ Косьма отмѣчаетъ. Птолемей III прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ своего 26-го года. Есть надписи и папирусы его 26-го года, см. Strack Die Dynastie der Ptolemäer, 1897. p. 194.

У насъ есть источники для царствованія Птолемея III получше канона царей. Великолѣпная канопская надпись говоритъ: βασιλεύοντος Πτολεμαίου, τοῦ Πτολεμαίου καὶ 'Αρσινόης Θεῶν Ἀδελφῶν, ἔτους ἐνάτου, μηνὸς 'Απελλαίου ἑβδόμῃ, Αἰγυπτίων δὲ Τυβὶ ἑπταχαιδεκάτῃ. Далѣе: Ἱερεῖς οἱ συναντήσαντες ἐκ τῶν κατὰ τὴν χώραν ἱερῶν εἰς τὴν πέμπτην τοῦ Δίου, ἐν ᾗ ἄγεται τὰ γενέθλια τοῦ βασιλέως, καὶ εἰς τὴν πέμπτην καὶ εἰκάδα τοῦ αὐτοῦ μηνὸς, ἐν ᾗ παρέλαβεν τὴν βασιλείαν παρὰ τοῦ πατρός κτλ.—Первый годъ Евергета считался съ 1-го ѳоѳа 39-го года Филадельфа, съ 24-го октября 247 года по таблицѣ Унгера. Канопскій декретъ жрецовъ состоялся 17 тиби (5-го мѣсяца). Если будемъ считать по днямъ, ἡμερολεγδόν, какъ говорится въ аѳинскихъ надписяхъ, то получимъ (30×4)+17, 137-й день года, значитъ 7-го марта 238 (9-й годъ Евергета начался 22-го октября 239). Это было 7-го апеллея (2-го мѣсяца македонскаго календаря). Дій былъ первый мѣсяцъ. Значитъ, въ 238 году восшествіе на престолъ Евергета праздновалось 23-го февраля. Итакъ, онъ вступилъ на престолъ во всякомъ случаѣ въ началѣ 246 года, хотя бы мы предполагали большія неровности ма-

кедонскаго календаря. Расчетъ Лепсіуса (Das bilingue Decret von Kanopus, 1866) совершенно согласенъ съ таблицами Унгера. Дюмихенъ такъ расчитываетъ время надписи о началѣ постройки храма Эдфу. Строеніе начато было 7 эпифи (11-го мѣсяца) 10-го года Птолемея III, то-есть 23 августа 237 года (Geschichte des alten Aegypten, p. 44), также вполнѣ согласно съ вышеупомянутыми таблицами. Летроннь такъ расчитывалъ по Розеттской надписи (Recueil des inscriptions, Fragm. Hist. Graec. томъ I): Птолемей V Эпифанъ родился въ октябрѣ 209 года, вступилъ на престолъ въ мартѣ 204 года; Филопаторъ царствовалъ, какъ всѣ источники показываютъ, 17 лѣтъ; по Летронню, до марта 204. Штракъ даетъ очень маленькую разницу съ таблицами, принятыми Лепсіусомъ, Дюмихеномъ и Унгеромъ. Онъ принимаетъ все таки, что Канопское постановленіе состоялось весною 238 (p. 193), именно 7-го марта (p. 194). Въ такомъ случаѣ всетаки 9-й годъ Евергета начался 22-го октября 239, 1-й годъ 24-го октября 247; по Штраку 22-го октября. Штракъ начало 1-го года царя кладетъ всегда однимъ днемъ позже послѣдняго дня полнаго года царствованія предшественника, совершенно непонятно, по какой причинѣ, такъ какъ это не день смерти одного царя и день вступленія другаго, а просто день новаго года египетскаго. Очевидно, что сопоставленіе египетскаго года съ юліанскимъ и у Штрака то же самое, разница выходитъ на одинъ день, или на немного дней. Штракъ говоритъ: по общему теперь мнѣнію ученыхъ, Антіохъ II умеръ въ 246. По Аппіану Syr. 65, Лаодика убила его, потомъ Веренику, его жену, дочь Птолемея II; послѣ смерти Вереники умеръ Птолемей II (Hieronym. in Daniel. XII 6): occisa Berenice et mortuo Ptolemaeo. Значитъ, Филадельфъ прожилъ по крайней мѣрѣ 1/4 39-го года своего царствованія. Но зачѣмъ прибѣгать къ такимъ счетамъ при существованіи Канопскаго декрета? Я принимаю, что смерть Антіоха II была въ концѣ 247 года. Въ Розеттской надписи въ греческомъ текстѣ не сохранилось упоминаніе дня и мѣсяца вступленія на престолъ Птолемея V и смерти Филопатора. По демотическому тексту Revillout возстановилъ 17 паофи (2-го мѣсяца): Strack p. 195 и 244. Восемнадцатый годъ Птолемея IV, значитъ, начался 13 октября 205 года, а умеръ онъ 28-го ноября 205. Первый годъ Птолемея IV и послѣдній Птолемея III начался 18-го октября 222. У Штрака на одинъ или на два дня разница. Mahaffy (The empire of Ptolemies) пишетъ такъ небрежно, что у него Птолемей Евергетъ переживаетъ Антигона Досона.

Итакъ, по хронологіи Птолемеевъ выходитъ тотъ-же результатъ, какъ у Поливія. Въ концѣ лѣта 222 Клеоменъ пріѣхалъ къ Птолемею Евергету, который хорошо съ нимъ обходился и хотѣлъ возстановить его на царство. Вотъ слова Поливія: „Клеоменъ, пока живъ былъ Евергетъ, съ которымъ у него было общеніе дѣлъ и клятвенныя взаимныя гарантіи, оставался спокойнымъ, все надѣясь, что получитъ отъ него достаточную (подходящую, должную) помощь, чтобы возвратить себѣ отеческую царскую власть. Но когда онъ (Евергетъ) скончался, и время проходило, и обстоятельства въ Элладѣ только что не по имени призывали Клеомена, такъ какъ скончался Антигонъ“ и проч. Οὗτος γάρ, ἕως μὲν ὁ προσαγορευόμενος Εὐεργέτης ἔζη πρὸς ὃν ἐποιήσατο τὴν κοινωνίαν τῶν πραγμάτων καὶ τὰς πίστεις, ἦγε τὴν ἡσυχίαν, πεπεισμένος ἀεὶ δι' ἐκείνου τεύξεσθαι τῆς καθηκούσης ἐπικουρίας εἰς τὸ τὴν πατρῴαν ἀνακτήσασθαι βασιλείαν· ἐπεὶ δὲ ἐκεῖνος μὲν μετήλλαξε, προῄει δ' ὁ χρόνος, οἱ δὲ κατὰ τὴν Ἑλλάδα καιροὶ μόνον οὐκ ἐπ' ὀνόματος ἐκάλουν τὸν Κλεομένην μετηλλαχότος μὲν Ἀντιγόνου κτλ. Если битва при Селласіи была въ 221, Клеоменъ пріѣхалъ въ Египетъ въ концѣ лѣта 221, то останется очень мало времени для *постоянной надежды* на Евергета, такъ какъ Евергетъ умеръ непремѣнно раньше октября 221 и послѣднее время былъ боленъ. Не могло быть такъ, но гораздо правдоподобнѣе, что Евергетъ умеръ въ началѣ 221 года, а Антигонъ осенью. Начало команды Аннибала и начало царствованія Филиппа— начало πραγματείας Поливія. Аннибалъ успѣлъ въ 221 году совершить еще короткій походъ: Pol. III 13.

Тотчасъ послѣ битвы при Селласіи Антигонъ занялъ Спарту, сдѣлалъ тамъ самыя необходимыя распоряженія и прибылъ въ Аргосъ, *на самый праздникъ немейскій*—ἐπ' αὐτὴν ἦλθε τὴν τῶν Νεμέων πανήγυριν [1]). „На этомъ праздникѣ онъ получилъ все что относится къ безсмертной славѣ и чести отъ союзнаго государства ахейскаго и отдѣльно отъ каждаго города“. Polyb. II 70. Несомнѣнно, что эти Немеи были лѣтомъ 222 года, и что немейскій праздникъ совершался въ это время, въ III столѣтіи до Р. Хр. каждый годъ.

Немейскій праздникъ упоминается у Плутарха въ разказѣ о событіяхъ 224 года, опять въ четный годъ: Plut. Cleom. 17. Такъ какъ Дройзенъ ставитъ эти событія, взятіе Аргоса Клеоменомъ, переходъ Аристомаха на его сторону и немейскій праздникъ на 223 годъ, за

---

[1]) Изъ этого выраженія очевидно, что праздникъ былъ въ свое обычное время и вовсе не былъ отложенъ.

два года до битвы при Селласіи, то, значитъ, эти событія и Немеи были, вѣроятно, въ 224 году. Вотъ второй примѣръ Немей въ четный годъ.

Но есть и древній авторъ, который прямо говоритъ, что Немеи были каждый годъ. Это императоръ Юліанъ. Въ письмѣ въ пользу аргосцевъ (письмо 35, изд. Hertlein II, p. 527) сказано: Ἠλεῖοι μὲν καὶ Δελφοὶ διὰ τῆς πολυθρυλλήτου πενταετηρίδος ἅπαξ ἐπιτελεῖν εἰώθασι. διττὰ δέ ἐστι Νέμεα παρὰ τοῖς Ἀργείοις καθάπερ Ἴσθμια παρὰ Κορινθίοις, ἐν μέντοι τούτῳ τῷ χρόνῳ καὶ δύο πρόκεινται παρὰ τοῖς Ἀργείοις ἕτεροι τοιοίδε (такъ въ изданіи Гертлейна, прежде οἶδε), ὥστε εἶναι τέσσαρας (τοὺς) πάντας (ἐν) ἐνιαυτοῖς τέσσαρσι и далѣе про аргосцевъ: τετραπλασίοις τοῖς οἴκοι λειτουργήμασιν. Итакъ, были четыре немейскихъ агона въ четыре года, а въ Олимпіи и Дельфахъ (при Юліанѣ) одинъ въ четыре года, на Исѳмѣ два въ четыре года. Конечно, со временъ Арата и Клеомена до временъ Юліана прошло шестьсотъ лѣтъ, и могло быть много перемѣнъ (хотя въ Олимпіи и на Исѳмѣ ничего не перемѣнилось); но все-таки слова Юліана вполнѣ согласны съ тѣмъ результатомъ, который мы вывели изъ Полибія и хронологіи Птолемеевъ. P. Faber на основаніи словъ Юліана заключилъ: verum etiam annuos Nemeorum agones Argis exhibitos singulis quadriennils quaternos: Agonistica въ VIII томѣ Thes. Ant. Gr. Гроновія, col. 2036. Krause, Die Pythien, Nemeen und Isthmien, 1841, p. 182 sq., Унгеръ въ München. Berichten и другіе ученые не хотятъ понимать Юліана въ простомъ и прямомъ смыслѣ, какъ старинный Faber, но пріискиваютъ *другіе* агоны, которые вмѣстѣ съ двумя Немеями составляли бы четыре агона въ четыре года. Юліанъ говоритъ о Немеяхъ (ἕτεροι τοιοίδε—другіе такіе же), а не *о другихъ праздникахъ*, должно понимать, что было *четыре немейскихъ* агона въ четыре года.

При Маркѣ Авреліи и Верѣ Аргосъ почтилъ своего знатнаго гражданина: ἁ πόλις ἁ τῶν Ἀργείων Τ. Στατίλιον Λαμπρίου υἱὸν Τιμοκράτη Μεμμιανόν, Περσέος καὶ Διοσκούρων ἀπόγονον, τὸν Ἑλλαδάρχαν καὶ ἀρχιερέα διὰ βίου τῶν Ἑλλάνων, στρατηγήσαντα τῶν Ἀχαιῶν γ', ἀγωνοθέταν Ἡραίων καὶ Νεμείων καὶ Σεβαστείων καὶ Νεμείων καὶ Ἀντινοείων ἐν Ἄργει—C. I. G. I 1124. Унгеръ понимаетъ эту надпись такъ, что было въ Аргосѣ пять агоновъ въ четыре года, а потомъ Антинои исчезли, и остались при Юліанѣ четыре.

Унгеръ ссылается еще на надпись Лаодикіи Приморской, въ Сиріи C. I. G. III 4472: καὶ ἠγωνισάμην ἐπὶ τὸν στέφανον ἀνδρῶν πυγμὴν τῆς ἀρχαίας περιόδου Σεβάσμια Νέμια τῇ πρὸ τριῶν καλανδῶν Ἰανουα-

ρίων ἐπὶ τῆς πενταετηρίδος *Μεσσάλα καὶ Σαβείνῳ ὑπάτοις* — 30 декабря 214 года. Это и были *зимнія Немеи*, говоритъ Унгеръ (Münch. Ber.), императорскія, совсѣмъ другія, чѣмъ знаменитыя тріетерическія. Ихъ основалъ Адріанъ. Элій Спарціанъ говоритъ, что Адріанъ основалъ много агоновъ греческихъ, на многихъ агонахъ самъ предсѣдательствовалъ. У Экгеля есть монета: Ἀδριανὸς κτίστης—Ἀργείων и внутри вѣнка Νέμεια. Эта монета показываетъ, что Адріанъ основалъ зимнія Немеи. Состязаніе колесницъ прекратилось въ Немеяхъ и Исѳміяхъ по бѣдности, а Адріанъ учредилъ въ зимнія Немеи, разъ въ четыре года. Унгеръ составляетъ для времени Статилія Тимократа слѣдующую табличку агоновъ на пентаэтириду:

1. Гераіа, около лѣтняго солнцестоянія.
2. Немеи 18 экатомвеона 2-го олимпійскаго года.
3. *Σεβάστεια* или *Σεβάσμια* Νέμεια 30 декабря.
4. Немеи 18 экатомвеона 4-го олимпійскаго года.
5. Antinoeia.

Wie wir hier sehen, Гереи были пентетерическій праздникъ. Прежде, по сравненію 303 года (Plut. Dem. 25) и 209 (Liv. XXVIII 30), были или ежегодно, или разъ въ два года. Но что Гереи были разъ въ четыре года во II вѣкѣ по Р. Хр., слѣдуетъ только изъ таблички Унгера. Въ надписи Статилія Тимократа не сказано, что онъ предсѣдательствовалъ на пяти агонахъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ; можетъ быть, всего въ продолженіе двухъ лѣтъ; наконецъ, не сказано, что онъ предсѣдательствовалъ на всѣхъ агонахъ, какіе приходились въ такое то время. *Σεβάσμια* Νέμια лаодикійской надписи *совершались въ Лаодикіи*; въ надписи сказано какъ разъ передъ вышеприведенными строчками: ἐν Λαοδικείᾳ τῇ πατρίδι μου Πυθιάδι πρώτῃ ἀχθείσῃ Οἰκουμενικὸν Ἀντωνειανὸν ἀνδρῶν πυγμὴν καὶ ἠγωνισάμην κτλ.—О какой *ἀρχαία περίοδος* говоритъ атлетъ, авторъ надписи, неизвѣстно. Пиѳійскія игры въ Лаодикіи были, по видимому, только что установлены; а „почтенныя Немеи“ давно, и были пентэтиридою. У Краузе приведено множество примѣровъ олимпійскихъ, пиѳійскихъ, исѳмійскихъ и немейскихъ игръ. бывшихъ въ разныхъ городахъ, агоновъ, поименованныхъ въ честь знаменитыхъ четырехъ панеллинскихъ. Самыя извѣстныя въ такомъ родѣ игры—пиѳійскія игры въ Сикіонѣ, побѣду на которыхъ прославляетъ Пиндаръ въ такъ называемой девятой немейской одѣ. Такъ, пиѳійскія игры были въ Анкирѣ, въ Афродисіадѣ, въ Кивирѣ, въ Карѳагенѣ (при Тертулліанѣ) и во многихъ другихъ

мѣстахъ. Этотъ обычай былъ особенно распространенъ въ первые вѣка имперіи. Никакого признака нѣтъ, чтобы лаодикійская надпись говорила о знаменитыхъ Немеяхъ аргосскихъ, хотя Францъ, издатель III тома C. Inscr. Graecarum, понималъ Σεβάσμια Νέμια объ аргосскихъ Немеяхъ. Искусственность построеній Унгера бросается въ глаза. Зимнія Немеи были, вѣроятно, ежегоднымъ праздникомъ и, какъ увидимъ далѣе, учреждены были, вѣроятно, гораздо раньше Адріана. На монетѣ Адріанъ называется *основателемъ* Аргоса, вѣроятно, такъ какъ онъ былъ вторымъ основателемъ Аѳинъ. Совсѣмъ невѣроятно, чтобы титулъ κτίστης, безъ всякаго поясненія, могъ относиться къ учрежденію зимнихъ Немей. Νέμεια въ вѣнкѣ просто означаетъ немейскую побѣду императора Адріана. Итакъ, попытки объяснить мѣсто Юліана включеніемъ въ счетъ разныхъ посторонннихъ праздниковъ остаются напрасными. Въ силѣ остаются четыре немейскихъ агона въ четыре года, или ежегодный немейскій агонъ, что вполнѣ согласно съ разказами Полибія. Авторитетъ императора Юліана заставляетъ насъ полагать, что *ежегоднаго пиѳійскаго агона* не было, такъ какъ по Юліану дельфійцы держали только одинъ агонъ въ четыре года. Итакъ, въ ежегодномъ праздникѣ пиѳійскомъ, несомнѣнно существовавшемъ, происходили молитвы, жертвы и угощенія дельфійцевъ и ѳеоровъ, въ родѣ того, что упоминается въ надписи 192 года, но состязаній не было.

По поводу своеобразныхъ *зимнихъ Немей* невольно вспомнишь о *зимнихъ Сотиріяхъ*, χειμερινὰ Σωτήρια, о которыхъ упоминаніе встрѣтилось въ надписи Ἐφημερὶς Ἀρχ. 1883, col. 161. Этолійцы послѣ рѣшительной побѣды надъ галлами и полнаго отраженія ихъ нашествія учредили состязанія Сотиріи, въ честь Зевса Спасителя и Аполлона пиѳійскаго. Этолійцы, въ эпоху процвѣтанія этолійской симполитіи, дорожили дельфійскою амфиктіоніею, *прицѣпились* къ ней, какъ я выразился въ рѣчи о третьемъ столѣтіи (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1886). Амфиктіонія представляла въ рукахъ этолійцевъ значительное и весьма удобное орудіе воздѣйствія на всю Элладу. Сотиріи были объявлены обще-этолійскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ амфиктіоновскимъ агономъ. Этолійцы пригласили всѣ амфиктіоновскія племена признать Сотиріи и обѣщать свое участіе. До насъ дошли два акта признанія Сотирій: аѳинскій и хіосскій—Dittenb. 149, 150. Приглашеніе было разослано стратигомъ Хариксеномъ, при аѳинскомъ архонтѣ Поліевктѣ, вѣроятно 277—276. Въ хіосскомъ постановленіи сказано: „назначать ѳеоровъ каждую пентаэтириду, тогда же, когда—

назначаются". Вѣроятно, слѣдуетъ дополнить: „на Пиѳіи". На первомъ мѣстѣ на такъ называемой полигональной стѣнѣ террассы дельфійскаго храма вырѣзаны четыре амфиктіоновскія надписи о Сотиріяхъ. Въ нихъ перечисляются участники состязаній Сотирій — οἵδε ἠγωνίσαντο τὸν ἀγῶνα τῶν Σωτηρίων—при архонтахъ дельфійскихъ Аристагорѣ, Эммenидѣ, Никодамѣ, Клеондѣ: ῥαψῳδοί, κιθαρισταί, κιθαρῳδοί, αὐληταί, διδάσκαλος αὐλητῶν, παῖδες χορευταί и пр., все участники мусическихъ агоновъ. Надписи вырѣзаны раньше другихъ, когда вся стѣна была свободна. Въ сборникѣ Вешера-Фукара онѣ занимаютъ №№ 3—6. Помтовъ относитъ ихъ къ 260-мъ годамъ до Р. Хр., или даже первый списокъ къ 272 (Jahrbüch. f. Philol. 1897, p. 810 sqq.). Въ сборникѣ Мишеля, Recueil d' inscr. Gr. 895, показано: Vers 260. Помтовъ даже считаетъ всего болѣе подходящимъ, что это и есть списки первыхъ мусическихъ состязаній послѣ учрежденія Сотирій, но что агонъ Сотирій уже является *ежегоднымъ*. Между четырьмя списками, по общему мнѣнію ученыхъ, не можетъ быть разстоянія по три года неизвѣстныхъ архонтовъ, но четыре названныхъ архонта слѣдовали къ ряду, одинъ за другимъ, въ четыре года. Одинъ изъ παῖδες χορευταί, Ἀντιγένης Βουλεύτου Χαλκιδεύς, означенъ во всѣхъ четырехъ спискахъ. Не могъ онъ 13 лѣтъ сряду пѣть въ хорѣ мальчиковъ. Итакъ, Σωτήρια тотчасъ изъ пентэтирическаго агона превратились въ ежегодный. Изъ хіосскаго постановленія необходимо, кажется, вывести, что этолійцы объявили сначала пентэтириду. Едва ли хіосцы. принимая съ такою любезностью Сотиріи, могли постановить, что будутъ посылать депутатовъ мимо трехъ агоновъ въ четвертый. Изъ надписи Магнисіи на Меандрѣ видно, что Сотиріи совершались послѣ Пиѳій вскорѣ (Jahrb. f. Phil. 1894, p. 658). Сравни также двѣ надписи при архонтѣ Никодамѣ, W.—F. 5 и C. I. G. 1, 1689, b. Pomtow въ Jahrb. 1894, p. 504.

Надпись съ упоминаніемъ о зимнихъ Сотиріяхъ найдена отдѣльно отъ стѣны изъ полигоновъ (mur pélasgique, по Мишелю).

Въ началѣ ея было, кажется, постановленіе; къ сожалѣнію съ большими пропусками. Затѣмъ перечисляются участники состязаній: κιθαρῳδός, χορευταί, ἡγεμὼν παῖς, ἡγεμὼν ἀνδρῶν, χορευταί, κωμῳδός, συναγωνισταί, χορευταὶ κωμῳδοῦ. Надпись, вѣроятно, отстоитъ по времени значительно отъ четырехъ списковъ Сотирій. Не встрѣчается ни одного того же самаго лица. Существованіе χειμερινῶν Σωτηρίων все-таки объясняетъ и χειμερινὰ Νέμεα. Конечно, зимнія Немеи учреждены задолго до императора Адріана. Зимнія Немеи и зимнія Со-

тиріи были, тѣ и другія, особымъ агономъ, независимымъ отъ ежегодныхъ Немей и ежегодныхъ Сотирій.

Сотиріи были національнымъ и патріотическимъ праздникомъ этолійской симполитіи. Каждая община этолійской симполитіи приносила жертву въ Сотиріи. Пирія была соединена съ Мелитіею въ одинъ городъ (πόλις), была старымъ особымъ городкомъ. Этолійцы въ своемъ посредническомъ опредѣленіи между Мелитіею и Пиріею (Michel, 22) говорятъ: εἰ δέ κα ἀποπολιτεύωντι Πηρεῖς ἀπὸ Μελιταέων—ἔχοντες ἀποπρευέσθων βουλευτὰν ἕνα — то-есть одного депутата въ этолійскомъ парламентѣ, ὅσα δὲ καὶ πρότερον ἐλάμβανον οἱ Πηρεῖς πὰρ τᾶς πόλιος κατ' ἐνιαυτόν, τοῖς τε ἀρχόντοις ἀργυρίου μνᾶς τρεῖς καὶ κάρυκι στατῆρας δέκα καὶ εἰς τὸ ἔλαιον τοῖς νεανίαις στατῆρας δέκα καὶ εἰς τὰν θυσίαν τῶν Σωτηρίων στατῆρας πέντε, καὶ νῦν λαμβανόντω. Диттенбергеръ толкуетъ, что сначала Сотиріи были подъ предсѣдательствомъ этолійцевъ, потомъ—амфиктіоновъ: но въ томъ-то и дѣло, что этолійцы разсматривали акты Амфиктіоніи какъ свои (этолійской симполитіи) государственные акты.

Интересно, что въ четырехъ спискахъ Сотирій много разъ упоминаются агонисты уроженцы Віотіи и Аркадіи и всегда означаются Βοιώτιος, 'Αρκάς, безъ означенія по гражданству отдѣльныхъ городовъ. Исключеніе для Аркадіи составляютъ Κλειτόριος, Κοναιθεύς. Итакъ, во время четырехъ агоновъ Сотирій вышеупомянутыхъ архонтовъ существовали *аркадскій* и *віотійскій* союзы. Въ надписи зимнихъ Сотирій названо всего тринадцать участниковъ агона, изъ нихъ девять означены Θηβαῖος, одинъ Φενεάτης. Какъ будто бы нѣтъ ни аркадскаго, ни віотійскаго союзовъ; хотя, конечно, заключеніе, можетъ быть, поспѣшно. Можетъ быть, четыре списка Сотирій раньше начала тиранніи Аристодама въ Мегалополѣ.

Ѳ. Соколовъ.

ЦИТАТЫ ИЗЪ ВЕРГИЛІЯ ВЪ ЛАТИНСКИХЪ ГЛОССАРІЯХЪ.

Опредѣленіе источниковъ недавно изданнаго Гетцемъ Corporis Glossariorum Latinorum является одною изъ самыхъ существенныхъ задачъ, возникающихъ при анализѣ этого во многихъ отношеніяхъ интереснаго и поучительнаго собранія. Во-первыхъ, изученіе источниковъ часто помогаетъ критикѣ текста глоссаріевъ; далѣе оно проливаетъ свѣтъ и на происхожденіе глоссаріевъ, показывая, что они въ концѣ концовъ опираются, между прочимъ, на древнія схоліи къ текстамъ; наконецъ, предварительное опредѣленіе состава глоссаріевъ необходимо и при пользованіи ими съ цѣлями лексикографическими или историко-литературными. Въ виду этого я позволю себѣ предложить на судъ любителей этой области знанія попытку болѣе или менѣе систематически выдѣлить изъ нѣсколькихъ глоссаріевъ цитаты изъ Вергилія (или изъ его схолій). Изъ этой работы, представляющей собою продолженіе соотвѣтствующаго отдѣла въ моихъ „Матеріалахъ для исторической грамматики латинскаго языка" (Москва 1898, стр. 229 слѣд.) [1]) и законченной въ декабрѣ 1898 года, я исключилъ заключавшійся въ ней первоначально анализъ глоссъ на буквы A, B, C и D, такъ какъ къ началу февраля текущаго года вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ Thesauri Glossarum emendatarum Гетца [2]),

---

[1]) Къ цитатамъ изъ Вергилія можно относить и упомянутыя на стр. 237 этой книги глоссы *sub astra* sub caelum (Aen. II 460) и *regifico* regali (Aen. VI 605)

[2]) Мнѣ очень пріятно было убѣдиться въ томъ, что большинство моихъ выводовъ по критикѣ текста и источниковъ глоссаріевъ вполнѣ совпадаетъ съ выводами почтеннаго издателя Corporis Glossariorum. Въ нѣкоторыхъ, въ общемъ немногочисленныхъ, случаяхъ исправленія Гётца лучше моихъ, какъ это и слѣ-

обнимающій собою именно эти буквы. Окончаніе этого Thesaurus, вѣроятно, состоится лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, а тѣмъ временемъ для занимающихся глоссаріями, можетъ быть, пригодятся нижеслѣдующія безпритязательныя наблюденія.

Glossarium Vaticanum 3321 (Corp. IV 1—198).

60, 9: *efferre pedem* proficisci Aen. II 657.

66, 7: *evado* ascendo. Aen. II 458: *evado* ad summi fastigia culminis.

69, 1 (=IV 441, 37): *exutas vinculis* liberatas nexibus. Aen. II 153: *exutas vinclis* palmas.

71, 29: *ex alto* de caelo. Ge. I 324: *ex alto* collectae nubes.

71, 42: *exercitatem*, cod. *a exercitantem (=exertantem)* ostendentem. Aen. III 425: *exertantem* ora Scyllam.

73, 24: *faucibus siccis* fame aridis. Aen. II 358: *faucibus* expectant *siccis*.

79, 29: *fundat humo (=humi)* prosternat, occidat. Aen. I 193: corpora *fundat humi* (cod. Rom.: *humo*). Cp. IV 519, 57.

82, 37: *gaetulis syrtibus* africanis litoribus. Aen. V 51: hunc ego *Gaetulis* agerem si *Syrtibus* exul.

86, 2: *haec ubi dicta*. Aen. I 81 alibi.

86, 51 (=IV 444, 41): *his vocibus usa est* ita locuta est. Aen. I 64.

89, 5: *indefessa* infatigabilis. Aen. XI 651: rapit *indefessa* bipennem.

89, 7: *ignipotens* Vulcanus qui potentiam habet ignis. Aen. VIII 414.

89, 14: *ignis edax* universa consumens. Aen. II 758: *ignis edax* summa ad fastigia volvitur.

94, 34: *ineluctabile tempus*. Aen. II 324.

94, 37: *inremealibus* inredibilibus, то-есть *irremeabilis* irredibilis. Aen. V 591. VI 425.

довало ожидать отъ такого выдающагося знатока глоссографической литературы; есть однако и такіе пункты, по которымъ моя книга можетъ служить, до извѣстной степени, дополненіемъ къ Thesaurus Glossarum emendatarum. Но, разумѣется, подробный разборъ тѣхъ и другихъ пунктовъ болѣе умѣстенъ въ другой связи.

96, 5: *iniussa* non iussa. Ge. I 55: *iniussa* gramina virescunt.
100, 41: *in abruptum* in profundum. Aen. III 422. XII 687.
100, 42: *infabricata* incomposita (ср. IV 525, 45). Aen. IV 400: robora silvis *infabricata* fugae studio.
100, 44: *ingeminans* iterato vocans. Aen. II 770.
101, 2: *ingravat* exaggerat. Aen. XI 220: *ingravat* haec Drances; Servius: maiorem invidiam concitat, id est graviora facit et onerat.
101, 18: *insertabam* inserebam vel contexebam. Aen. II 672: clipeoque sinistram *insertabam.*
101, 33: *intractabile* inexpugnabile. Aen. I 339: genus *intractabile* bello.
101, 49: *invisales* aquilae, IV 448, 33: *iobis salis* aquila=Iovis ales aquila. Aen. I 394.
105, 22: *laxis laterum compagibus*. Aen. I 122.
105, 42: *lanigeros apices* capita arietum (?). Aen. VIII 664.
107, 31: *lentum vimen* molle virgultum. Aen. III 31: *lentum* convellere *vimen.*
113, 26: *maxima cura* magna sollicitudo (=IV 452, 20). Aen. I 678.
116, 25: *meatus caeli* cursus caeli. Aen. VI 850.
116, 28: *mercentur* emant (cod. amant)=IV 452, 38. Aen. II 104.
118, 27: *molirique arcem* (ср. IV 453, 13). Aen. I 424.
121, 29: *multo amictu* spisso operimento. Aen. I 412.
121, 39: *multa vi* (cod. *multavit*) magna potentia. Ср. IV 453, 38 Aen. I 271.
125, 22: *nimbus peditum* multitudo peditum. Aen. VII 793.
126, 16: *non ea vis* non ea voluntas. Ср. IV 455, 3. Aen. I 529.
126, 17 (=IV 455, 9): *novas artes* inauditas fraudes. Aen. I 657.
126, 25: *non aequo foedere* non aequali affectu. Aen. IV 520: *non aequo foedere* amantes.
127, 18: *nudo sub aethere* sub caelo patenti. M. 6. Aen. II 512: *nudo sub aetheris axe*. Ср. ниже 173, 35.
132, 32: *omnia tuta* omnia salva. Aen. IV 298.
134, 29: *ora discordia* dissimiles vultus (IV 456, 21). Aen. II 422.
134, 31: *ore favete* silete. Aen. V 71.
136, 36: *patescunt* aperiuntur vel deteguntur. Aen. II 309. 483. Ср. IV 547, 22. V 317, 60.

140, 27: *per umbras* per tenebras vel per figuras. Aen. II 693 alibi.

144, 21: *placidam quietem*. Aen. I 691. IV 5.

160, 5: *rari mantes* ritantes (*rari nantes* natantes?). Aen. I 118.

160, 19: *raris vocibus* interruptis (=IV 461, 21). Aen. III 314.

165, 37: *rupe cavata* spelunca (IV 462, 43). Aen. I 310.

165, 44: *sacrata sede* religioso loco. Aen. I 681.

167, 13: *sacrata iura*. Aen. II 157.

169, 8: *secundarent* in bonum converterent (Cp. IV 565, 38). Aen. III 36.

172, 8: *siqua tegunt* quae celant. Aen. II 159.

171, 19: *sine mente* sine voluntate. Aen. X 640.

173, 35: *solvite corde* (*metum*). Cp. IV 464, 24. Aen. I 562.

177, 49: *sub vertice* sub cacumine. Aen. I 163 (cp. IV 465, 29).

178, 8: *superavimus* superviximus (=IV 465, 52). Aen. II 642.

182, 38: *telluris amore* desiderio terrae (=IV 466, 17). Aen. I 171.

187. 38: *torvus aspectu* facie durus. Culex 171?

188, 27 (=IV 468, 22): *vasto antro*. Aen. I 52.

188, 27 (=IV 468, 19): *vana spe* fincto mendacio. Aen. I 352.

192, 3 (=IV 468, 29): *vela dabant* navigabant. Aen. I 35.

192, 7: *velleribus niveis*. Aen. IV 459.

192, 35: *vivo saxo* naturali lapide (IV 470, 7). Aen. I 167.

192, 39: *vi patria* paterna virtute (IV 469, 36). Aen. II 491.

192, 40: *visum est superis* dis placuit (cod. displicuit). Cp. IV 469, 44. Aen. III 2.

193, 30: *vitam producere* vivere velle. Aen. II 637.

Glassarium Ab Absens [1]) (Corp. IV 404—427).

411, 25: *fastigium* res alta vel summa pars aedificii, 26: *fastigia* verba summatim exposita. M. 6. Aen. I 342: summa *fastigia* rerum persequi. Cp. Сервія: fastigia summae partes aedificiorum dicuntur, sed modo primordia.

---

[1]) Пользуюсь случаемъ предложить нѣкоторыя конъектуры къ этому глоссарію и опредѣленія источниковъ: 413, 29: *instis* (*ineris* въ bf) segnis piger, то-есть *iners*; 417, 36: obliteratus *dilectus* sivo *delectus*, то-есть *deletus* (см. мои „Матеріалы" 226); 420, 49: proxeneta homo *praecurans* (то-есть *procurans*, см. „Матеріалы" 248) quodcumque negotium; 419, 1: Pallas Minerva a Pallante (codex: *appellate*) gigante dicta—cp. Fest. Thewr. de Pon. 276.

417, 1: *nec retius* nihil hominus (d: *rectius*, cde: nihilominus), то-есть *nec secius* nihilominus. Georg. II 277.

412, 42: *bifrontis imago*. Aen. VII 180.

Glossarium Affatim (Corp. IV 471—581).

518, 6: *feta* focunda plena. Aen. I 51. II 238? Ср. 535, 5: *loca feta* hoc est plena (Aen. I 51). Ср. также IV 441, 48.

518, 33: *federe sertum* certe lege (ср. IV 442, 42), то-есть *foedere certo* certa lege. Aen. I 62.

521, 20: *fusi* discumbentes, discurrentes (ср. IV 443, 36). Aen. I 214 alibi.

522, 26: *gemina flores* duos filios. M. 6. *geminam prolem*. Aen. I 274: Marte gravis *geminam* partu dabit Ilia *prolem*.

525, 46: *iam vertitur* iam transit. Aen. V 626 (septima aestas).

525, 49: *in iaculis*. Aen. V 37?

526, 9: *intemerata* inviolata. Aen. II 143 (fides).

527, 9: *ingentia moenia* magna⟨m⟩ urbe⟨m⟩. Aen. I 365.

527, 15: *id metuens* hoc timens. Aen. I 23?

527, 17: *implentur* satiantur. Aen. I 215 (veteris Bacchi)?

528, 26: *Iliacis campis*. Aen. I 97 (=V 301, 39).

529, 26: *inconsulti* sine consilio. Aen. III 452, (ср. IV 446, 19).

530, 49: *in gurgite vasto* (=V 303, 23). Aen. I 118.

546, 41: *obtunsa* stulta vel stolida. Aen. I 567.

547, 32: *panduntur* aperiuntur. Aen. II 27. VI 574.

556, 62: *prosequitur* proloquitur. Aen. II 107.

562, 59: *regali luxu* regali paratura. Aen. I 637 (ср. IV 461, 38).

575, 34: *tot vada* tot maris pericula. Aen. VII 198?

531, 21: *iura dabunt* iudicabunt (ср. IV 448, 49). Aen. I 293.

530, 55: *iugarat* coniunxerat (=V 305, 29). Aen. I 345.

V 291, 50 (Ampl. sec): *exempta* satiata. Aen. I 216 (*exempta* fames) alibi.

Glossarium Abavus Maius (Corp. IV 589—599, V 629—632).

IV 596, 37: *gens Hectorea* Troianorum (=IV 443, 39). Aen. I 273.

596, 53: *gentem ⟨ne⟩fandam*. Aen. III 653.

596, 54: *gentem togatam* senatum. Aen. I 282.

598, 11: *Gorgone saeva* (=IV 444, 3). Aen. II 616.

598, 18: *Graias per urbes* per Graeciae civitates. Aen. III 295.

598, 21: *Gradivumque patrem* Martem dicit (=IV 444, 37). Aen. III 7.

599, 4: *graviter commotus* (=IV 444, 6). Aen. I 126.

V 628, 60: *ferratas trudes* (cod.: crudes) contos ferro praefixos. Aen. V 208.

628, 61: *ferro conlapsa⟨m⟩* interfecta⟨m⟩. Aen. IV 664.

630, 65: *quo tenditis* quo properatis. Aen. V 670. VIII 113?

V 631, 51 (Cod. Leid. 67 E): *furiata mente* insano animo. Aen. II 407. II 588.

V 657, 27 (Cod. Leid. Voss. 88): *monstra deum refero*. Aen. III 59.

659, 30—31: длинный пассажъ о Луперкаліяхъ представляетъ собою буквальную выписку изъ комментарія Сервія къ Энеидѣ VIII 343 и 663; къ послѣднему стиху относится и цитата *nudosque lupercos* (кстати сказать, сосѣдняя глосса о *Medius fidius* p. 660 взята цѣликомъ изъ Fest. Paul. Thewr. de Pon. 131).

Glossae Vergilianae (Corp. IV 427—470).

IV 440, 1: *edissere* explana. Aen. II 149.

440, 4: *effetae* exhaustae (codd.: *effectae* sive *efecte*). Aen. V 396.

440, 12: *elapsus* periculo liberatus. Aen. I 242. II 318. II 524.

440, 19: *emissam hiemem* factam tempestatem. Aen. I 125.

440, 25: *eoas acies* exercitus orientales. Aen. I 489.

440, 26: *eois equis*. Aen. II 417.

440, 31: *errantem* feras vestigantem. Aen. I 322.

440, 32: *errantem lunam*. Aen. I 742.

441, 5: *excidio Libyae*. Aen. I 22.

441, 14: *exigat* agat, peragat. Aen. I 75?

441, 19: *exunare* exonaris nascaris (defg: exonare) = *exoriare* exoriaris (o *ri*:*n* см. „Матеріалы" 214). Aen. IV 625: *exoriare* aliquis nostris ex ossibus ultor.

441, 23: *experti estis* cognovistis. Aen. I 202.

441, 31: *extinxem* extinxissem. Aen. IV 606.

441, 45: *facilem victu* opulentam et divitem. Aen. I 445.

441, 47: *fatis contraria fata rependens* (cod.: *facis*, *facta*). Aen. I 239.

442, 3: *fatiscunt* solvuntur. Aen. I 123.

442, 6: *felicibus zephyris*. Aen. III 120.

442, 7: *fervet opus*. Aen. I 436.

442, 9: *ferali carmine*. Aen. IV 462.

442, 11: *ferre manum* pugnare. Aen. V 403: in proelia suetus *ferre manum.*

442, 13: *ferocia corda.* Aen. I 302.

442, 18: *fessi rerum* inopes rerum. Aen. I 178.

442, 22: fictis *imaginibus falsis* simulacris. Aen. I 407: *falsis* ludis *imaginibus* (слѣдовательно, въ глоссѣ произошла перестановка нѣкоторыхъ частей).

442, 25: *fidissima* verissima certissima. Aen. II 281.

442, 36: *flammato corde* irato animo. Aen. I 50.

442, 38: *flexile* lentum. Aen. V 559.

442, 45: *fomite* astula eo quod ignem foveat. Aen. I 176.

442, 46: *fore ductores* futuros duces. Aen. I 235.

442, 50: *foribus aenis* vestibulis aereis. Aen. I 449.

442, 52: *formidatus nautis.* Aen. III 275.

443, 2: *forte sua* ut fieri solet. Aen. I 377.

443, 3: *fortia corpora* fortium virorum cadavera. Aen. I 101.

443, 5: *fortuna peracta.* Aen. III 493.

443, 8: *frangere saxo* molere. Aen. I 179.

443, 19: *fronde funerea* (cod.: funesta) cupresso. Aen. IV 506.

443, 20: *frontibus* pro rostris navium. Aen. V 158.

443, 24: *frustrat⟨ur⟩* destituit. Aen. VI 493.

443, 27: *fulvo tegmine* flava pelle. Aen. I 275.

443, 29: *fundabat* funditus tenebat. Aen. VI 4.

443, 40: *gen⟨u⟩s latinum* Romanorum origo. Aen. I 6.

444, 20: *hausurum* passurum. Aen. IV 383.

444, 25: *haud tanto cessabit cardine rerum.* Aen. I 672.

444, 35: *hinc fida silentia sacris.* Aen. III 112.

444, 36: *Hyrcanae tigres.* Aen. IV 367.

444, 37: *his accensa.* Aen. I 29.

445, 1: *hiberni Cori* venti tempestates concitantes. Aen. V 126.

445, 3: *hominesne feraene.* Aen. I 308.

445, 4: *hominum sator atque deorum.* Aen. I 254.

445, 7: *horrenti umbra.* Aen. I 165.

445, 11: *hostilem tumulum* sepulcrum Achillis. Aen. III 322.

445, 12: *humandum.* Aen. VI 161.

445, 16: *iactemur.* Aen. I 332.

445, 22: *iaspide fulva.* Aen. IV 261.

445, 24: *Idalium.* Aen. I 683.

445, 25: *idem animus.* Aen. III 60.

445, 26: *idque audire sat est*. Aen. II 103.
445, 28—29: *ignavum fucos pecus*. Georg. IV 168.
445, 32: *ignotum pondus*. Aen. I 359.
445, 33: *Iliacas pugnas*. Aen. I 456.
445, 39: *imis vadis*. Aen. I 126.
445, 45: *improba ventris rabies*. Aen. II 357.
445, 47: *impulerit* coegerit. Aen. I 11. Ср. IV 529, 46.
446, 1: *inani curru* (codd.: *curso* или *cursu*). Aen. I 476.
446, 12: *incertos* dies obscuros *soles*. Aen. III 203: tres adeo *incertos* caeca caligine *soles* (слѣдовательно, такой же неправильный порядокъ частей глоссы, какъ въ глоссѣ IV 441, 22).
446, 13: *incessu*. Aen. I 404.
446, 20: *increpitans* ioco appellans. Aen. I 738.
446, 23: *indignantes* furentes. Aen. I 55.
446, 24: *indicitque* (cod.: *indiciumque*) *forum* rerum agen⟨d⟩arum tempus indicit. Verg. Aen. V 758. Ср. Serv. ad l.: *indicitque* forum id est tempus et locum designat agendorum negotiorum, qui conventus vocatur.
446, 30: *inextricabilis error*. Aen. VI 27.
446, 32: *infando indicio* malo argumento. Aen. II 84.
446, 33: *infelix vates*. Aen. III 246.
446, 35: *inferni lacus* Avernus. Aen. III 386.
446, 42: *infreni* indomiti feroces. Aen. IV 41.
446, 46: *infusa mens* providentia. Aen. VI 726.
446, 50: *ingeminant abruptis nubibus ignes*. Aen. III 199.
446, 52: *ingenti manu* ingenti caterva. Aen. V 487.
447, 5: *inlaetabilis* tristis. Aen. III 707.
447, 7: *inluserit* ludibrio habuerit. Aen. IV 591.
447, 8: *Illyricos sinus*. Aen. I 243.
447, 10: *immania saxa*. Aen. I 139.
447, 11: *immanibus oris*. Aen. I 606.
447, 12: *immanes columnas*. Aen. I 428.
447, 14: *immanior* atrocior excellentior. Aen. I 347.
447, 20: *immota fata* (? cod.: *fama*). Aen. I 257: manent *immota* tuorum *fata* tibi.
447, 21: *in nostros* (cod.: *nostras*) pro in exitium (cod.: exitio) murorum nostrorum. Aen. II 46: aut haec *in nostros* fabricata est machina muros.

447, 24: *inopina quies*. Aen. V 857.
447, 28: *improvida pectora* incertos animos. Aen. II 200: atque *improvida pectora* turbat.
447, 36: *insanam vatem*. Aen. III 443.
447, 39: *in secessu*. Aen. I 159, III 229.
447, 44: *in sola* in vacua. Aen. V 613 (*in sola* acta).
447, 48: *insertas fenestras*. Aen. III 152.
448, 13: *interpres divom* (cod.: *interpraesidium*) nuntius deorum. Aen. IV 356.
448, 23: *inventaque flumina monstrat*. Aen. VI 8.
449, 29: *invisus caelestibus*. Aen. I 387.
448, 30: *invitis di⟨v⟩is* nolentibus diis. Aen. II 402.
448, 32: *inutile ferrum*. Aen. II 510.
448, 35: *Iovi Stygio* Diti patri. Aen. IV 638.
448, 47: *Iunonia hospitia*. Aen. I 671.
448, 48: *Iuno Saturnia*. Aen. I 23.
449, 1: *iuvenalibus armis*. Aen. II 518.
449, 10: *laetissimus umbrae*. Aen. I 441.
449, 18: *laquearibus*. Aen. I 726.
449, 19: *largo flumine*. Aen. I 465.
449, 23: *late regem*. Aen. I 21.
449, 27: *Lavinia litora*. Aen. I 2.
449, 28: *lapsantem* subinde labentem. Aen. II 551.
449, 31: *laxas habenas* liberos exitus. Aen. I 63.
449, 32: *laxatque foros*. Aen. VI 412.
449, 36: *legimus* navigamus, transimus. Aen. III 127. 292.
449, 40: *leni agmine* placido cursu. Aen. II 782.
450, 1: *laeso* offenso violato. Aen. I 8.
450, 3: *lentandus remus* lente ducendus. Aen. III 384.
450, 4: *Lethaeo rore*. Aen. V 857.
450, 7: *levi sanguine*. Aen. V 328.
450, 9: *linguis* (cod.: *lignis*) *vibrantibus*. Aen. II 211.
450, 14: *liquentia mella*. Aen. 432.
450, 16: *liquidis in nubibus*. Aen. V 525.
450, 18: *litandum* sacrificandum. Aen. II 118.
450, 24: *loca senta*. Aen. VI 462 (=IV 110, 31).
450, 28: *longe lateque* ex utraque parte (=IV 110, 30). Aen. VI 378.
450, 29: *longo limite*. Aen. II 697.

450, 30: *longo luctu*. Aen. II 26.
450, 32—33: *luce coruscus aena*. Aen. II 470.
450, 40: *lumen iuventae*. Aen. I 590.
450, 43: *lunatis peltis*. Aen. I 490.
450, 45: *lupae nutricis*. Aen. I 275.
451, 1: *lustra ferarum*. Aen. III 647.
451, 2: *lustrat* oculis circumspicit vel circumit. Aen. I 453.
451, 9: *lychni*. Aen. I 726.
451, 14: *Machaon* Aesculapii filius medicorum maximus. Aen. II 263.
451, 17: *maculosae* variae vel maculas habentes. Aen. I 323.
451, 22: *magna mei sub terras ibit imago*. Aen. IV 654.
451, 24: *Maia genitus*. Aen. I 297. Ср. 115, 2.
451, 25: *maioribus* felicioribus auguriis vel *auspiciis*. Aen. III 374: nam te *maioribus* ire per altum *auspiciis* manifesta fides. По поводу порядка частей глоссы ср. сказанное о 442, 22 и 446, 12.
451, 28: *male amicum* inimicum. Aen. II 737.
451, 31: *Male⟨a⟩* promontorium. Aen. II 193.
451, 40: *mansuram* perpetuam *urbem* futuram. Aen. III 86: da moenia fessis et *mansuram urbem* (ср. сказанное о 451, 25).
452, 3: *mare velivolum*. Aen. I 224.
452, 4: *mare proruptum* (cod.: *praeruptum*). Aen. I 246.
452, 5: *maria omnia circum*. Aen. I 32.
452, 8: *Mariti* nunc proci. Aen. IV 35.
452, 9: *marmoreum aequor* splendens. Aen. VI 729?
452, 10: *Marte gravis*. Aen. I 274.
452, 15: *materna* Veneris *myrto*. Georg. I 28: *materna* tempora *myrto*.
452, 22: *Maximus Atlas*. Aen. I 741.
452, 25: *mediis in milibus*. Aen. I 491.
452, 34: *mene* me ergo (ср. IV 537, 24; V 310, 15). Aen. I 37.
452, 35: *mensae deorum*. Aen. II 764.
452, 36: *mentem mortalia tangunt*. Aen. I 462.
452, 37: *meo sine numine*. Aen. I 133.
452, 39: *mercatique solum*. Aen. I 367.
452, 45: *micantia*. Aen. II 734.
452, 50: *minores* posteros, iuniores. Aen. I 523 alibi.
453, 12: *Maeotia tellus*. Aen. VI 800.
453, 15: *moliri classem*. Aen. IV 309, III 6.

453, 16: *moliri moram*. Aen. I 414.
453, 17: *molis* difficultatis magnitudinis. Aen. I 32 (tantae *molis* erat).
453, 25: *mortalibus aegris*. Aen. II 268.
453, 26: *mortalis visus*. Aen. IV 277.
453, 28: *mos est gestare*. Aen. I 336.
453, 36: *multa gemens*. Aen. IV 395.
453, 37: *multa movens*. Aen. V 608.
453, 39: *multa virtus* magna et saepius probata. Aen. IV 3.
453, 43: *munera laetitiamque dii*. Aen. I 636.
454, 8: *nec vana fides*. Aen. IV 12.
454, 14: *nec vox hominem sonat*. Aen. I 328.
454, 19: *Neptunia Troia*. Aen. II 625. Cp. V 120, 18.
454, 22: *nec adhuc crudelibus occubat* (cod.: *succumbit*) *umbris*. Aen. I 547.
454, 30: *nigràntis* nigra terga habentes. Aen. V 97. VI 243.
454, 32: *nimbosa cacumina*. Aen. III 274.
454, 36: *niveis velis*. Aen. I 469.
454, 38: *nova proelia*. Aen. III 240.
455, 1: *non aeque* inique, irate. Aen. XI 32.
455, 2: *non datur* non permittitur. Aen. I 409.
455, 5: *nostram mentem* nostrum consilium. Aen. I 676.
455, 11: *nox umida*. Aen. II 8 alibi.
455, 12: *nube cava*[*ta*] nebula. Aen. I 516.
455, 17: *numine divae*. Aen. I 447.
455, 28: *oblata* ostensa in palam producta. Aen. I 450.
455, 31: *obluctor* contra luctor. Aen. III 38.
455, 34: *ob noxam* propter culpam. Aen. I 41.
455, 35: *obscenam famem*. Aen. III 367.
455, 37: *obscuro aer⟨e⟩*. Aen. I 411.
455, 45: *obvertunt pelago proras*. Aen. VI 3.
455, 50: *oculos suffusa* (cp. 449, 11). Aen. I 228.
456, 2: *odora canum vis*. Aen. IV 132.
456, 3: *odorem spiravere*. Aen. I 404.
456, 10: *oppetere* cadere mori. Aen. I 96.
456, 13: *opimam* divitem opibus plenam. Aen. I 621 (*opimam* Cyprum).
456, 15: *optata arena*. Aen. I 172. Cp. V 124, 35.
456, 16: *optavit* elegit. Aen. III 109.

456, 17. *obtunsa pectora* Aen. I 567.
456, 20: *oracula Phoebi*. Aen. II 114.
456, 22: *ora exertantem*. Aen. III 425.
456, 29: *ore legam* osculando legam. Aen. IV 682.
457, 2: *parce metu*. Aen. I 257.
457, 3: *parce pio generi*. Aen. I 526.
457, 5: *parere praeceptis*. Aen. II 607.
457, 10: *partum dabit* pariet. Aen. I 274.
457, 21: *patria excedere*. Aen. I 357.
457, 32: *pelagi volucres*. Aen. III 241.
457, 38: *peremptum*. Aen. VI 163.
457, 39: *perfecto honore*. Aen III 178.
457, 43: *permensi aequor*. Aen. III 157.
457, 46: *petimus terram* timore prosternimur. Aen. III 93.
457, 48: *pelago et flammis*. Aen. I 679.
457, 49: *pellacis*. Aen. II 90.
457, 50: *Pelopea moenia*. Aen. II 193. Ср. V 130, 45.
457, 51: *pedes vestis defluxit ad imos*. Aen. I 404.
458, 6: *per florea rura*. Aen. I 430.
458, 8: *perge modo* (cod.: pergam). Aen. I 389.
458, 11: *per saecula*. Aen. XII 826.
458, 25: *picturatas vestes*. Aen. III 483.
458, 28: *pinguis ferina*. Aen. I 215.
458, 30: *placidum caput*. Aen. I 127.
458, 31: *placat* sedat mitigat vel componit. Aen. I 142.
458, 35: *pluviasque Hyadas*. Aen. I 744.
458, 43: *ponto nox incubat atra*. Aen. I 89.
458, 51: *positis exuviis*. Aen. II 473.
459, 3: *post alii proceres*. Aen. I 740.
459, 4: *post fata* post mortem. Aen. IV 20.
459, 6: *postquam exempta fames*. Aen. I 216.
459, 18: *praestanti corpore*. Aen. I 71 alibi.
459, 19: *praestantior* melior. Aen. VI 164 (ср. IV 551, 42; V 323, 15—interpretamentum однако въ № 16—ср. № 31).
459, 26: *prima peto*. Aen. V 194.
459, 49: *prolem ambiguam*. Aen. III 180.
459, 50: *proluvies* squalores. Aen. III 217.
459, 53: *pronus in caput*. Aen. I 116.
460, 1: *pronuba*. Aen. IV 166 alibi.

460, 2: *prona maria.* Aen. V 212.
460, 8: *prora avertit.* Aen. I 104.
460, 12: *pro re* pro ratione. Aen. IV 337.
460, 19: *provecti* introrsum portati. Aen. II 24.
460, 25: *pura hasta.* Aen. VI 760.
460, 27: *purpura Meliboea.* Aen. V 251.
460, 29: *purpureo velare comas adopertus amictu.* Aen. III 405.
460, 35: *qua data porta.* Aen. I 83.
460, 43: *quam forti pectore et armis* animo et viribus fortis. Aen. IV 11. Cp. Serv.: forti pectore et armis, ut etiam ab Ilioneo audierat dicente (I 544) „quo iustior alter nec pietate fuit nec bello maior et armis“ (..... pectore ad patientiam, armis ad fortitudinem).
460, 47: *qua vectus* qua portatus. Aen. I 121.
460, 49: *quibus obstitit* (cod. *obsisti*)? Aen. VI 64?
461, 2: *quid optes.* Aen. I 76.
461, 15: *quorum pars magna fui.* Aen. II 6.
461, 16: *quo sub caelo.* Aen. I 331.
461, 20: *rapti* stuprati vel per aquilam sublati. Aen. I 28.
461, 24: *recidiva* ex ruinis in integrum restituta. Aen. IV 344.
461, 26: *recolens* repetens. Aen. VI 681.
461, 31: *recursat* saepius currit. Aen. I 662. IV 3.
461, 37: *refusa* turbata. Aen. I 126.
461, 39: *regia puppis* regalis navis. Aen. II 256.
461, 40: *regina sacerdos* Ilia. Aen. I 273.
461, 42: *regina deum.* Aen. I 9, 46.
461, 44: *regius puer* regis filius. Aen. I 677. V 252 (Cp. V 142, 31).
461, 45: *regna Liburnorum* (cod.: regnabilibus notum, g: regalibus, bf: regnalibus). Aen. I 244.
462, 1: *remetior* recolligo. Aen. V 25.
462, 9: *res Asiae* regnum. Aen. III 1.
462, 12: *resides animos.* Aen. I 722.
462, 13: *respondent* conveniunt. Aen. I 585.
462, 16: *resultant* resonant. Aen. V 150.
462, 25: *revisam* repetam. Aen. II 669.
462, 27: *revocate* resumite mentem vel animos. Aen. I 202: *revocate animos* maestumque timorem mittite (Cp. V 143, 38).
462, 28: *revolvo* repeto retexo. Aen. II 101.

462, 36: *roseo ore* specioso. Aen. II 593 (Ср. V 145, 6).
462, 45: *rumpit vocem.* Aen. II 129 alibi.
462, 46: *sacra fames.* Aen. III 57.
463, 16: *saxi de vertice.* Aen. II 308 (Ср. V 146, 49).
463, 30: *semina flammae.* Aen. VI 6.
463, 35: *sepultam* obrutam. Aen. II 265.
463, 37: *sequacibus undis.* Aen. V 192.
463, 48: *sic volvere Parcas.* Aen. I 22.
463, 50: *Sidonia Dido.* Aen. I 446.
463, 51: *si forte virum que⟨m⟩ conspexere.* Aen. I 151.
464, 6: *sine honore.* Aen. V 272.
464, 11: *sinus collecta.* Aen. I 320.
464, 16: *sive extrema pati.* Aen. I 219.
464, 20: *solisque labores.* Aen. I 742.
464, 23: *solve metum.* Aen. I 463.
464, 30: *sorte trahebat* (cod.: sors trebat). Aen. I 508 (Ср. V 151, 32).
464, 31: *sortiti remos.* Aen. III 510.
464, 33: *spatio iniquo.* Aen. V 203.
464, 41: *spoliis Orientis onustum.* Aen. I 289.
464, 44: *spuma salis.* Aen. I 35.
464, 46: *squamea* squamosa. Aen. II 218.
465, 13: *sub aetheris axe* sub divo. Aen. II 512.
465, 25: *subridens* breviter ridens. Aen. I 254 (ср. № 37).
465, 27: *sub tegmine.* Ecl. I 1.
465, 34: *summersasque obrue puppes.* Aen. I 69.
465, 47: *summo tenus attigit ore.* Aen. I 737.
465, 55: *surgunt aequora* tumescunt maria (ср. 467, 44). Aen. III 196.
466, 4: *tabentis artus* maculenta corpora, languida membra. Aen. I 173.
466, 9: *Tartareum custodem* canem tricerberum. Aen. VI 395.
466, 18: *tela Typhoea.* Aen. I 665 (Ср. V 157, 34).
466, 19: *telorum seges* armorum copia. Aen. III 46.
466, 20: *telluris operta* (cod.: opera) infernas sedes. Aen. IV 140 (*telluris operta* subire).
466, 25: *Tenedus* insula Troiae proxima. Aen. II 21.
466, 26: *tendebat* tentorium habebat. Aen. II 29.
466, 32: *tepido lacte* recenti. Aen. III 66.

466, 36: *terra Mavortia* Marti dicata. Aen. III 13.
466, 45: *thalami expers* innupta, mariti nescia. Aen. IV 550.
466, 47: *Tiberina ostia*. Aen. I 13.
467, 3: *Titania astra*. Aen. VI 725.
467, 14: *traiectaque pectora ferro*. Aen. I 355.
467, 16: *tranat* transvolat. Aen. IV 245: illa fretus agit ventos et turbida *tranat* nubila.
467, 17: *transtris* sedibus nautarum. Aen. IV 573.
467, 18: *transversa fremunt* ex adverso flant. Aen. V 573.
467, 30: *tristia dona* infern[e]a atque funerea. Georg. III 301.
467, 36: *Troia gaza* Aen. I 119.
467, 37: *Troiana iuventus* Hectoris manus. Aen. I 467.
467, 38: *Troianas opes* Phrygias opes. Aen. II 4.
467, 42: *tua progenies* a te originem trahens. Aen. II 250.
467, 45: *tumida aequora placat*. Aen. I 141.
468, 5: *turicremis aris* quia in aris tura cremantur. Aen. IV 453.
468, 13: *Tyrias arces* Carthaginem dicit a Tyriis conditam. Aen. I 20.
468, 20: *vani parentes*. Aen. I 392.
468, 22: *vasto antro* ingenti spelunca. Aen. I 52.
468, 27: *venturaque desuper urbi*. Aen. II 47.
468, 28: *vela cadunt*. Aen. III 207.
468, 31: *velamus* coronamus tegimus. Aen. II 249.
468, 32: *velatas comas* coronatas. Aen. III 174.
468, 33: *velatum auro*. Aen. V 366.
468, 34: velificat *vela facit*. Aen. V 281.
468, 39: *Veneris praemia* filii. Aen. IV 33.
468, 40: *vento ferenti* prospere flanti. Aen. III 473.
468, 44: *veras reddere voces*. Aen. I 409.
468, 46: *veribus* stilis, ferreis virgulis. Aen. I 212.
468, 47: *verrant* trahant dissipent. Aen. I 59.
469, 1: *versare dolos* agere et tractare. Aen. II 62.
469, 5: *versis aquilonibus* matutinis ventis. Aen. I 391.
469, 16: *vescitur* (cod.: vestitur) *aura aetheria*. Aen. I 546.
469, 18: *veteris belli*. Aen. I 23.
469, 19: *veteris flammae* pristini amoris. Aen. IV 23.
469, 41: *viris concurrere* cum viris certare. Aen. I 493.
469, 46: *vitam exhalantem* animam efflantem vel exspirantem. Aen. II 562.

470, 13: *ultrices dirae* furiae. Aen. IV 473.
470, 14: *ultrices curae* conscientiam (cod.: cor scientiam) noxiorum punientes. Aen. VI 274.
470, 20: *unco morsum*. Aen. I 169.
470, 22: *unguibus aureis*. Aen. V 352.
470, 26: *voce refert* loquitur. Aen. I 94.
470, 27: *voces ambiguas* dubias et fallaces. Aen. II 98.
470, 31: *volutans* cogitans. Aen. I 50.
470, 34: *volvere fumum* agere nebulam velut fumum. Aen. III 206.
470, 37: *voti reus* obligatus voto. Aen. V 237.
470, 40: *urbe domo socias* socios facis civitati et domui. Aen. I 600.
470, 41: *urbem Sidoniam* Carthaginem dicit. Aen. IV 545.
470, 49: *vultu quo* quo vultu. Aen. I 255.
470, 51: *uxorius* uxori deditus. Aen. IV 266.

Codex Parisinus 1298 (Corp. V 104—158).

104, 7: *Phrygios ignes* Troianas flammas. Aen. II 276.
107, 19: *hauriat hunc oculis ignem*. Aen. IV 661.
110, 15: *illa se iactat in aula Aeolus*. Aen. I 140.
110, 17: *iactanti* quasi in cassum dicenti. Vrg. *talia iactanti* (Aen. I 102) et *inrita iurgia iactat* (Aen. X 95).
110, 26: *flavaque caput nectentur oliva*. Aen. V 309.
112, 22: *lepores auritos*. Georg. I 308.
113, 8: *et gelidi fleverunt saxa Lycaei*. Ecl. X 15.
114, 32: *luxuriem segetum tenera depascit in herba*. Georg. I 112.
115, 16: *subducta ad manes imos*. Aen. III 565.
116, 16: *media arma* in medios hostes. Aen. II 353: in *media arma* ruamus.
116, 18: *mi liceat* (cod. *meliccbat*) *casum miserari insontis amici*. Aen. V 350.
116, 35: *metito* mete. Vrg. *postremus metito*. Georg. II 410.
117, 10: *vos potius miserescite, venti*. Aen. X 676.
117, 47: *colloque monile baccatum*. Aen. I 654.
120, 10: *nemus omne* silva omnis generis. Ecl. VII 59 alibi.
120, 11: *et vastum Nemeae sub rupe* (cod. *supripe*) *leonem*. Aen. VIII 295.
120, 15: *nemora inter frondea*. Aen. I 191.
122, 18: *novus pavor* a⟨d⟩mirabilis timor. Aen. II 229.

122, 26: *castaneasque nuces*. Ecl. II 52.
126, 4: *truditur e sicco* (cod.: *traditure sicut*) *radix oleagina ligno*. Georg. II 31.
126, 22: *opacant* inumbrant, *et rami matris opacant*. Georg. II 55.
127, 16: *ora parentum*. Aen. V 553.
127, 26: *nec frustra signorum obitus speculamur et ortus* (Ge. I 257).
127, 41: *tibique oscilla ex alta suspendunt mollia pinu* (Georg. II 389).
128, 36: *raucae palumbae*. Ecl. I 58.
129, 37: *qualem pateris libamus et auro*. Georg. II 192.
129, 44: *patet ianua* aperta est via. Aen. II 661: *patet* isti *ianua* leto.
129, 60: *patrias Mycenas*. Aen. II 180. 577.
130, 46: *Pelides* Pelei nepos Pyrrhus. Aen. II 263.
131, 37: *per artus* per membra. Aen. II 173.
137, 2: *primo somno* prima nocte. Aen. I 470?
137, 3: *principibus Achivis*. Aen. I 488.
137, 4: *Priameia virgo* Priami filia Cassandra. Aen. II 403.
137, 5: *Priami sedes reviso* domum regis repeto. Aen. II 760.
137, 20: *Procul o procul* longe longius. Aen. VI 258.
137, 34: *caelumque profundum*. Georg. IV 222.
142, 17: *et vallos primus sub tecta* (cod.: *subrecta*) *referto*. Georg. II 409.
144, 50: *rostroque immanis vultur adunco immortale iecur tondens*. Aen. VI 597.
145, 11: *rubea virga*. Georg. I 266.
145, 17: *aspera rusci vimina*. Georg. II 413.
145, 27: *et ruris opaci falce premes umbras*. Georg. I 157.
145, 28: *et cantu querulae rumpent arbusta cicadae*. Georg. III 328.
146, 8: *popülus et glauca canentia* (cod.: *canuerunt*) *fronde salicta*. Georg. II 13.
146, 39: *Saturnia Iuno*. Aen. III 380.
146, 40: *Saturnia arva* (cod.: *aurea*) Italica quod illic Saturnus regnaverat. Aen. I 569.
147, 1: *scandit fatalis machina muros feta armis*. Aen. II 238.
147, 4: *exesa inveniet scabra robigine pila*. Georg. I 495.
147, 6: *squalentem barbam* (Aen. II 277), *auro squalentem loricam* (Aen. XII 87).

147, 20: *quid loquar aut Scyllam Nisi, quam fama secuta est* (cod.: *famam locuta est*). Ecl. VI 74.

147, 23: *Scyllaeam rabiem.* Aen. I 200.

149, 7: *septem arces* septem montes intra Romam. Georg. II 535.

149, 21: *serenos vultus* laetam figuram. Aen. II 285.

150, 3: *unde prius laetum siliqua quassante legumen.* Geor. I 74.

150, 4: *grandior ut fetus siliquis quassantibus esset.* Georg. I 195.

150, 30: *sinum lactis et haec te* ⟨*liba*⟩, *Priape, quotannis exspectare sat est.* Ecl. VII 33.

150, 32: *regina in mediis patrio vocat agmina sistro.* Aen. VIII 696.

151, 30: *sorte datum* sorte concessum. Aen. I 139.

152, 13: *stabulis* curtibus ovium. Vrg. terris te lupus stabulis stabulis maris frugibus imber=Ecl. III 80: *triste lupus stabulis, maturis frugibus imber.*

152, 15: *stagna refusa* (Aen. I 126), *refuso submovet Oceano* (Aen. VII 225). *imis vadis* (Aen. I 126).

152, 21: *stivaque quae currus a tergo torqueat imos.* Georg. I 174.

153, 7: *sub fasce* sub honore (onere ?). Georg. III 347.

153, 13: *subiectis flammis* suppositis ignibus. Aen. II 37.

153, 23: *sublato genitore* portato patre. Aen. II 804.

153. 43: *succe[n]dunt tecto* domum intrant. Aen. II 478.

153, 44: *quadrifidasque sudes.* Georg. II 25.

153, 57: *summa ab arce.* Aen. II 41?

154, 1: *nullus amor populis nec foedera sunto.* Aen. IV 624.

155, 18: *tabida lues.* Aen. III 137.

155, 25: *aut oculis capti fodere cubilia talpae.* Georg. I 183.

156, 7: *tantae molis.* Aen. I 33?

156, 26: *telum imbelle* infirmum iaculum. Aen. II 544.

156, 31: *sanguineis frontem moris et tempora pingit.* Ecl. VI 22.

156, 32: *huic a stirpe pedes temo protentus in octo.* Georg. I 171.

156, 34: *fert picturatas auri subtemine vestes.* Aen. III 483.

156, 44: *Taenarias etiam fauces, alta ostia Ditis.* Georg. IV 467.

156, 51: *teneras palmas* delicatas manus. Aen. II 406.

Михаилъ Покровскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОНОМАТОЛОГІИ [1]).

2. Grai, Graeci.

Названіе, подъ которымъ жители Эллады были извѣстны сначала римлянамъ, а впослѣдствіи всѣмъ другимъ европейскимъ народамъ, до сихъ поръ можно считать еще вполнѣ необъясненнымъ. Темны какъ историческое его происхожденіе, такъ и этимологическое значеніе. Неизвѣстно даже, къ языку котораго народа первоначально слѣдуетъ отнести слово Graios, болѣе простую и старинную форму названія. Оно извѣстно намъ только изъ памятниковъ римской литературы и до сихъ поръ не встрѣчалось ни въ одномъ изъ случайно найденныхъ эпиграфическихъ памятниковъ другихъ италійскихъ народовъ. Въ виду потери всѣхъ другихъ національныхъ литературъ Италіи, кромѣ римской, нельзя съ полной увѣренностью сказать, что названіе Graios было въ употребленіи исключительно у римлянъ, а не у другихъ италійскихъ народовъ. Изъ полнаго молчанія всей древней литературы о существованіи какого-нибудь другаго италійскаго названія эллиновъ, можно сдѣлать совершенно правильное заключеніе, что Граями назывались эллины не только у римлянъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ Италіи, въ особенности южной. Населенія Кампаніи, Луканіи, Калабріи, Апуліи и т. д. во всякомъ случаѣ ранѣе сталкивались и знакомились съ эллинами, а потому и могли чув-

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1899 годъ.

ствовать потребность въ опредѣленномъ названіи чужаго имъ народа ранѣе, чѣмъ отдаленные римляне.

Несмотря на то, что Grai, Graeci эллинскій народъ въ историческія времена назывался только у италійскихъ народовъ, можно поднять вопросъ (и неоднократно онъ дѣйствительно ставился): не заимствовано-ли названіе это въ доисторическое время италійцами у другаго народа, или у самихъ грековъ, или же, какъ думали въ новѣйшее время нѣкоторые ученые, у иллирійцевъ. Къ подобнымъ предположеніямъ привели показанія древнихъ авторовъ о названіяхъ Γραικοί, Γραῖκες и Γραῖα, встрѣчавшихся, по ихъ свидѣтельствамъ, въ разныхъ мѣстахъ Эллады, европейской и азіатской. Важнѣе всѣхъ считалось свидѣтельство Аристотеля (Метеорологія 1, стр. 353a, 27 сл.). При Девкаліонѣ, говоритъ онъ, произошелъ потопъ, главнымъ образомъ, въ Элладѣ, въ особенности около старой Эллады. Послѣдняя находилась вокругъ Додоны и Ахелоя. Тамъ именно жили Селлы (Σελλοί) и называемые въ то время греками, а теперь эллинами (καὶ οἱ καλούμενοι τότε μὲν Γραικοὶ νῦν δ' Ἕλληνες). По словамъ Аристотеля, древнѣйшіе эллины, страна которыхъ лежала около Додоны, во время Девкаліона не назывались еще Ἕλληνες, а Γραικοί. Съ какихъ же поръ они приняли, по мысли автора, свое настоящее названіе, не трудно сообразить. Какъ видно изъ его Метафизики (стр. 1024a 32), Аристотель раздѣлялъ общее мнѣніе греческихъ ученыхъ о томъ, что эллинскій народъ получилъ свое имя отъ Эллина, сына Девкаліона. До царствованія Эллина, слѣдовательно при Девкаліонѣ, народъ необходимо еще назывался другимъ именемъ. Почему древнѣйшимъ именемъ эллинскаго народа Аристотель считалъ Γραικοί, объ этомъ мы скажемъ ниже. Теперь прибавимъ, что сообщеніе Аристотеля встрѣчается и у другихъ авторовъ. Въ Паросскомъ мраморѣ (v. 11) отмѣчено: ἀφ' οὗ Ἕλλην ὁ Δευκαλίωνος Φθιώτιδος ἐβασίλευσε, καὶ Ἕλληνες ὠνομάσθησαν, τὸ πρότερον Γραικοὶ καλούμενοι κ. τ. λ. Далѣе, въ миѳологической Библіотекѣ Аполлодора (1, 7, 3, 1) сказано объ Эллинѣ, сынѣ Девкаліона: αὐτὸς μὲν οὖν ἀφ' αὑτοῦ τοὺς καλουμένους Γραικοὺς προσηγόρευσεν Ἕλληνας. Въ обоихъ источникахъ царствомъ Девкаліона и колыбелью эллинскаго народа признается Фтіотида. Къ этой же части Ѳессаліи пріурочены потопъ и мѣстожительства переименованныхъ въ эллиновъ Γραικοί. Низе, которому наука обязана замѣчательною своими критическими достоинствами статьею о племени грековъ [1]), вѣрно замѣ-

---

[1]) *Низе*, Der Volkstamm der Gräker, въ Hermes т. 12, стр. 409 сл.

тилъ, что пріуроченіе древнѣйшей Эллады къ Фтіотидѣ основано исключительно на томъ, что въ Иліадѣ Эллада причисляется къ Фтіѣ, царству Пелея и Ахилла. На томъ же основаніи уже Геродотъ (1,56) и Өукидидъ (1,3) и многіе другіе были твердо убѣждены, что древнѣйшіе эллины жили въ Фтіотидѣ. Такъ какъ послѣдніе, также по общему убѣжденію, впервые были названы отъ имени царя Эллина, сына Девкаліона, явилось заключеніе, что и потопъ произошелъ въ той же Өессалійской ἀρχαία Ἑλλάς, къ которой, конечно, было пріурочено также предшествовавшее имени Ἕλληνες названіе Γραικοί. Такимъ путемъ послѣдніе въ Паросскомъ мраморѣ и у Аполлодора сдѣлались народомъ Өессаліи. У Аристотеля же они превратились въ народъ Эпира на основаніи другой аргументаціи, которую вѣрно отгадалъ тотъ же Низе. Все дѣло въ томъ, что Аристотель выходилъ изъ другой основной догадки относительно древнѣйшей родины эллиновъ. Около Додоны, по показанію Иліады (2,233), жили Σελλοί, которые у другихъ поэтовъ, напримѣръ, Пиндара (см. Страб. 7, стр. 328) назывались Ἑλλοί. Съ ними соединяли названіе страны Ἑλλοπίη, въ которой, по показанію Гесіода (Страб. у. м.), находилась Додона. На сближеніи именъ Σελλοί, Ἑλλοί и Ἑλλοπίη съ Ἕλλην и Ἑλλάς, очевидно, построена теорія Аристотеля о происхожденіи эллинскаго народа изъ окрестностей Додоны. Поэтому въ той же мѣстности установились у него и Девкаліонъ съ потопомъ, и его народъ Γραικοί.

Чтобы покончить съ Γραικοί Өессаліи или Эпира, существованіе ихъ, на что указалъ Низе, болѣе чѣмъ сомнительно уже потому, что это имя вовсе не подходитъ къ правиламъ греческаго словообразованія. Нѣтъ ни одного греческаго названія народа или племени, оканчивающагося на — κος [1]). За то въ италійскихъ нарѣчіяхъ этотъ суффиксъ часто употребляется для образованія именъ народовъ, напримѣръ Tuscus, Faliscus, Hernicus, Opicus, Auruncus, Volscus и т. п. По видимому, всѣ эти имена на — ко первоначально были именами прилагательными, κτητικά, наравнѣ съ греческими именами на — κος (-ικός,-ακός), напримѣръ Ἀττικός, Βοιωτικός, Μεγαρικός, Κορινθιακός. Переходъ подобныхъ именъ прилагательныхъ въ существительныя не встрѣчается въ греческомъ языкѣ, а составляетъ исключительную особен-

---

[1]) Единственное исключеніе составляетъ поэтическое Ἀττικοί, употребляемое Алкеемъ (fr. 32 у Страб. 13 стр. 620) вмѣсто Ἀθηναῖοι. Собственно, Ἀττικός имя прилагательное трехъ окончаній, не ἐθνικόν.

ность латинскаго и другихъ италійскихъ нарѣчій [1]). Вмѣсто Volsci и Tu(r)s(c)i сохранились старыя имена существительныя Ὄλσοι (у Скилака) и Tursсha (въ древне-египетскихъ надписяхъ), Τορσηνοί. Рядомъ съ Graius и Italus въ значеніи именъ существительныхъ употребляются прилагательныя Graecus и Italicus. Греческіе авторы для передачи италійскихъ именъ народовъ на—хо—или придерживались подлинной формы суффикса, Ἕρνικοι, Οὐόλσκοι, Ὀπικοί, или же замѣняли не греческій суффиксъ наиболѣе похожимъ изъ настоящихъ греческихъ, суффиксомъ—ιξ (ср. напримѣръ Αἴθιξ, Τέμμιξ, Θρῇξ). У Ѳукидида находимъ транскрипцію Ὄπικες, у Страбона Ἕρνικες.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что предлагаемое Аристотелемъ и другими позднѣйшими греческими авторами имя Γραικοί, мнимое древнѣйшее названіе эллиновъ, не есть слово греческое, но простая транскрипція италійскаго Graicos, латинскаго Graecus, при чемъ упущено изъ вида, что къ донотопному времени или ко времени царствованія Девкаліона во всякомъ случаѣ подошла бы не производная форма Graicos, а болѣе первобытная Graios. Очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь достовѣрными фактами, но съ простыми догадками Аристотеля и еще какого-то позднѣйшаго ученаго, отъ авторитета котораго зависѣли составители Паросскаго хронологическаго руководства и Аполлодоровой Библіотеки. Разошедшись между собою мнѣніями относительно мѣста жилища мнимыхъ Γραικοί, въ Эпирѣ или Ѳессаліи, Аристотель и другой, неизвѣстный намъ ученый, вышли изъ общаго предположенія, что у эллиновъ, получившихъ свое названіе отъ царя Эллина, сына Девкаліона, до этого необходимо было какое-то другое названіе. Мы конечно не можемъ съ точностью опредѣлить, почему наши ученые вздумали древнѣйшимъ названіемъ выставить именно Γραικοί; несомнѣнно только то, что эта догадка, какъ мы видѣли, совсѣмъ несообразна съ твердо установленными правилами словообразованія греческаго языка. Или Аристотель самъ отъ себя сообразилъ, что италійское названіе, столь рѣзко отличавшееся отъ болѣе поздняго имени эллиновъ, возникло въ такія древнія времена, когда эллины еще не успѣли назвать себя Ἕλληνες, или же Аристотель въ древнѣйшей поэтической литературѣ уже нашелъ такого-же смысла показанія. Достовѣрность догадки конечно не увеличится отъ того, что она была сдѣлана до Аристотеля

[1]) Ср. умбрійскія Iapuzkum Naharkum, Turskum, и осскія Aurunci, Opsci, Marouccai (Планта Gramm. der oskisch-umbrischen Dialekte 2,37).

какими-то учеными поэтами. Есть дѣйствительно явные слѣды, показывающіе, что вопросомъ о взаимномъ отношеніи двухъ названій греческаго народа, Γραικοί и Ἕλληνες, занимались по крайней мѣрѣ уже въ шестомъ столѣтіи до Р. Х. Такъ какъ эти показанія не достаточно освѣщены даже у Низе, который до сихъ поръ въ общемъ намъ служилъ руководителемъ въ критикѣ Аристотеля, мы займемся ими, прежде чѣмъ приняться за рѣшеніе собственно этимологическаго вопроса.

Въ эпитомѣ изъ географическаго словаря Стефана Византійскаго читаемъ: Γραικός, ὁ Ἕλλην, ὀξυτόνως, ὁ Θεσσαλοῦ υἱός, ἀφ' οὗ Γραικοὶ οἱ Ἕλληνες. — Γραῖκες δὲ παρὰ Ἀλκμᾶνι αἱ τῶν Ἑλλήνων μητέρες, καὶ παρὰ Σοφοκλεῖ ἐν Ποιμέσι. ἔστι δὲ ἡ μεταπλασμὸς ἡ τῆς Γραίξ εὐθείας κλίσις στί. εἰσὶ δὲ καὶ Γραῖκες Αἰολέων, οἱ τὸ Πάριον οἰκοῦντες. Низе (стр. 419) всѣ показанія глоссы призналъ совершенно непонятною путаницею, изъ которой невозможно извлечь какую-бы то ни было пользу для выясненія названія Γραικός. По его мнѣнію, упомянутые у Стефана Γραῖκες никакого отношенія, ни историческаго, ни грамматическаго, не могли имѣть къ италійскому названію Graecus, Γραικός. Намъ думается, что у Стефана, напротивъ, есть, чему поучиться. Во-первыхъ, мужская форма Γραῖκες можетъ служить подтвержденіемъ того, что Γραικός форма не греческая, а транскрипція италійской формы Graicos, Graecus. Γραῖκες относится къ Graeci совершенно такъ-же, какъ Ἕρνικες и Ὄπικες къ Hernici и Opici. Если, во-вторыхъ, эолійцы въ Паріонѣ, на берегу Пропонтиды, въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ Италіи и всякаго италійскаго вліянія, назывались Γραῖκες, отсюда вытекаетъ то важное заключеніе, что, помимо италійскихъ названій Grai Graici и двухъ возможныхъ греческихъ транскрипцій Γραικοί и Γραῖκες, еще существовало подлинное греческое ἐθνικόν, съ настоящимъ греческимъ суффиксомъ, а именно Γράιξ (ср. Θράιξ, Τέμμιξ, Αἴθιξ). Наконецъ, наше вниманіе должно обратиться на загадочныхъ Γραῖκες αἱ τῶν Ἑλλήνων μητέρες, упомянутыхъ Алкманомъ, а по видимому, также и Софокломъ. Кто-же въ самомъ дѣлѣ эти матери эллиновъ, которыми особенно сильно смущался Низе? Вспомнимъ, что Аристотель, а за нимъ еще нѣкоторые другіе авторы говорятъ, что народомъ Девкаліона были Γραικοί, а при сынѣ Девкаліона, Эллинѣ, тѣ-же Γραικοί приняли названіе Ἕλληνες. Не все-ли равно это тому, если считать Γραικοί отцами эллиновъ? По словамъ Алкмана эллины также приходились сыновьями тѣмъ-же Γραικοί, съ тою только разницею, что послѣдніе названы, съ другимъ суффик-

сомъ и удареніемъ, Γραῖκες и считаются не мужскою, а женскою частью народа. Не сомнѣваемся, что уже въ вѣкъ Алкмана, во вторую половину шестаго столѣтія, пришли къ тому-же самому убѣжденію, которое впослѣдствіи снова появилось у Аристотеля, именно, что общее названіе эллинскаго народа, принятое въ Италіи, древнѣе имени Ἕλληνες и непосредственно предшествовало послѣднему. Одно названіе послѣдовало за другимъ, отъ Γραῖκες произошли Ἕλληνες. Далѣе позволительно вывести заключеніе, что во время Алкмана употребительною греческою формою, соотвѣтствующею италійскому Graicos, было Γραῖκες, вмѣсто позднѣйшей, болѣе точной транскрипціи Γραικός, встрѣчающейся у Аристотеля. Говоря о соотвѣтствіи двухъ формъ Γραῖκες и Graeci, мы еще разъ напомнимъ о такомъ-же соотвѣтствіи у болѣе древнихъ писателей греческихъ формъ Ὄπικες и Ἕρνικες съ латинскими Opici и Hernici, вмѣсто Ὀπικοί и Ἕρνικοι у позднѣйшихъ писателей. Этимъ мы не желаемъ предрѣшать вопроса о происхожденіи названія Γραῖκες, считая возможнымъ, что оно было правильнымъ греческимъ ἐθνικόν, а въ то же время служило наиболѣе подходящею формою для передачи италійскаго Graicoi.

Остается вопросъ, почему у Алкмана породившіе эллиновъ Γραῖκες превратились въ женщинъ, матерей. Въ этомъ, полагаемъ, виновата игра словъ, такъ называемая народная этимологія, другими словами виновато желаніе поэта осмыслить значеніе темнаго имени собственнаго сближеніемъ съ именемъ нарицательнымъ современнаго греческаго языка. Такимъ словомъ является производное отъ γραῦς γραῖα, старая женщина, и уменьшительное γραΐς, род. γραΐδος. Думаемъ, что Алкманъ Γραῖκες представлялъ матерями эллиновъ потому, что имѣлъ въ виду какое-то употребляемое только въ разговорномъ языкѣ уменьшительное слово, производное отъ γραῦς, можетъ быть γράιξ [1]). Подобная попытка этимологическаго объясненія названія Γραῖκες или Γραικοί встрѣчалось еще у другихъ древнихъ авторовъ (сл. Etymolog. Magn. s. v. Γραικός) и въ новѣйшее время у Гельбига, переводящаго Γραικοί „die Alten" [2]).

Кромѣ Алкмана, предшественникомъ Аристотеля еще можно счи-

---

[1]) *Л. Мейеръ*, Vergl. Grammatik 1 изд. 2, 410 и 494, ссылаясь на выводы I. Буденца (Das Suffix kos im Grichischen, Gött. 1858) указываетъ на параллельность двухъ суффиксовъ уменьшительныхъ ιδ- (αδ-) и ικ-, въ χόλιξ, δράμιξ σκάλιξ и χολαδ- δραμιδ- σκαλιδ-. Предполагаемая нами уменьшительная форма γράιξ соотвѣтствовала бы попавшей, хотя поздно, въ литературу γραϊδ-.

[2]) *Гельбигъ*, Studien über die älteste italische Geschichte (Hermes 11, 274).

тать автора гесіодовыхъ Каталоговъ. Іоаннъ Лидійскій (П. μηνῶν 1, 13) говоритъ, что туземныхъ обитателей Италіи называли латинами, а эллинскихъ греками ἀπὸ Λατίνου — καὶ Γραικοῦ τῶν ἀδελφῶν, ὡς φησὶν Ἡσίοδος ἐν Καταλόγοις·

Ἄγριον ἠδὲ Λατῖνον.
Κούρη δ' ἐν μεγάροισι ἀγαυοῦ Δευκαλίωνος
Πανδώρη Διὶ πατρὶ, θεῶν σημάντορι πάντων,
Μιχθεῖσ' ἐν φιλότητι τέκε Γραικὸν μενεχάρμην.

Текстъ этой цитаты, кажется, безнадежно испорченъ. Слова самого Іоанна необходимо требуютъ, чтобы въ стихахъ упомянуты были, какъ братья, Грекъ и Латинъ. Вмѣсто того въ началѣ безъ связи стоятъ начальныя слова стиха 1013 Θеогоніи Гесіода: Ἄγριον ἠδὲ Λατῖνον ἀμύμονά τε κρατερόν τε. Готфридъ Германнъ (Opusc. 6, 192 сл.) полагалъ, что авторъ цитовалъ только стихи изъ Каталоговъ Κούρη δ' ἐν μεγάροισι и т. д., слова же Θеогоніи перенесены сюда изъ примѣчанія схоліаста. Того же мнѣнія былъ Мютцель (De emend. Theogoniae Hesiod. 508 сл.), думая однако, что послѣ трехъ стиховъ Каталоговъ опущенъ четвертый, въ которомъ говорилось еще о рожденіи Латина. Гетлингъ (въ Θеогоніи), напротивъ, интерполяціею изъ маргинальной ноты считалъ слова ἐν Καταλόγοις и три стиха о рожденіи Грека. Вмѣсто Ἄγριον ἠδὲ Λατῖνον Гетлингъ предлагалъ читать въ Θеогоніи Γραικὸν ἠδὲ Λατῖνον, такъ какъ для сопоставленія съ Латиномъ скорѣе требовался эпонимъ другаго народа, чѣмъ не имѣющій никакого историческаго или этнографическаго значенія „Дикій" (Ἄγριος). Къ трудности возстановленія правильнаго текста прибавляются еще затрудненія генеалогіи. Кто Пандора, родившая Грека въ домѣ Девкаліона, его жена, дочь или сестра? По свидѣтельству схоліаста къ Аполлонію Род. (3, 1086), Гесіодъ въ первой книгѣ тѣхъ же Каталоговъ Пандору назвалъ матерью Девкаліона отъ Промеөея (сл. Страбона 9, 443), хотя въ другой цитатѣ изъ Гесіода матерью является нѣкая Προνεία [1]). Очевидно, кромѣ матери Пандоры Гесіодъ еще признавалъ другую молодую родственницу Девкаліона, того-же имени. Итакъ, если не считать, вмѣстѣ съ Низе, три

---

[1]) Hesiodi fragm. 8 ed. Markscheffel: Προμηθέως μὲν ἦν υἱός, μητρὸς δὲ, ὡς οἱ πλεῖστοι λέγουσι, Κλυμένης, ὡς δὲ Ἡσίοδος, Προνείης. Вѣроятно, перепутаны здѣсь матери Девкаліона и Промеөея, который обыкновенно считался сыномъ Климены. Вмѣсто Προνείη, можетъ быть, слѣдуетъ читать Πρυνοίη или Προνοίη—имя во всякомъ случаѣ достойное матери такого сына, какъ Προμηθεύς.

стиха о генеалогіи Грека подложными, изъ нихъ можно заключить, что авторъ приписываемаго Гесіоду стариннаго эпическаго стихотворенія присоединялъ Γραικός къ генеалогіи Девкаліона и Эллина, очевидно для подобной-же цѣли, какъ и Алкманъ и Аристотель.

Изъ всего вышеизложеннаго мы дѣлаемъ слѣдующее резюме: поэмы Гомера показывали, что именемъ Ἕλληνες первоначально называлось населеніе извѣстной части Θессаліи или же, если считать древнѣйшими эллинами упомянутыхъ въ Иліадѣ Σελλοί или Ἑλλοί, населеніе Додоны въ Эпирѣ. Въ поэзіи Гесіода показано было, что первымъ царемъ эллиновъ былъ Эллинъ, сынъ Девкаліона. Возрожденный послѣ потопа народъ принялъ названіе царя Эллина, слѣдовательно потопъ произошелъ, по однимъ, въ Θессаліи, по другимъ въ Эпирѣ. Явился любопытный вопросъ. какое названіе было у народа до царствованія Эллина. Вниманіе нѣкоторыхъ поэтовъ и ученыхъ остановилось на томъ фактѣ, что эллинскій народъ въ Италіи, много вѣковъ послѣ царя Эллина, все еще называли не Ἕλληνες, а Γραῖκες или Graicoi, Graeci, фактъ самъ по себѣ нуждавшійся въ объясненіи. Отвѣтомъ наиболѣе правдоподобнымъ какъ на этотъ, такъ и на вышеупомянутый вопросъ представлялось предположеніе, что до-эллинскій народъ, жившій или въ Эпирѣ, или въ Θессаліи, имѣлъ названіе Γραῖκες или Γραικοί, при чемъ не было принято во вниманіе, что родиною послѣдней формы названія не могла быть Греція, а только Италія. Съ точки зрѣнія современной науки догадка древнихъ ученыхъ лишена всякаго правдоподобія: она основана на весьма наивныхъ и произвольныхъ предположеніяхъ. Никто изъ насъ не повѣритъ, что жили-были Девкаліонъ, при которомъ случился потопъ, и его сынъ царь Эллинъ, назвавшій свой народъ по своему имени. Зная, что и многіе другіе народы сначала не имѣли своихъ общихъ названій, мы хорошо понимаемъ, почему во времена Гомера и до, и послѣ него у населенія самой Греціи, вѣроятно, очень долго еще не было такого названія. Имѣя предъ собою не мало аналогій, не удивляемся также тому, что до установленія одного общаго національнаго названія, у сосѣднихъ, иноплеменныхъ народовъ появились уже общія названія, какъ, напримѣръ, въ Италіи Grai или Graeci. Поэтому мы не признаемъ необходимымъ перенести послѣднее имя въ какую-нибудь предполагаемую древнѣйшую Элладу, будь она Эпиръ или Θессалія, и пополнить такимъ искусственнымъ образомъ не существующій для насъ мнимый пробѣлъ въ номенклатурѣ эллинскаго народа.

Не будемъ долго останавливаться на разсужденіяхъ новѣйшихъ

ученыхъ, довѣрявшихся сообщенію Аристотеля неосторожно, безъ предварительнаго критическаго разбора. Скажемъ только, что Курціусъ (Gr. G. 3 изд. 1, 88) набрасываетъ назидательную картину додонскихъ грековъ (Gräker), изъ которыхъ для завѣдыванія культомъ Зевса избирались Σελλοί или Ἑλλοί, давшіе первый толчокъ къ происхожденію новаго имени народа. Доисторическая идиллія пополняется еще первобытными италійцами, жившими, по заявленію Курціуса, въ тѣ времена также въ Эпирѣ, въ прямомъ сосѣдствѣ съ греками, имя которыхъ тогда уложилось на вѣки въ ихъ памяти. По мнѣнію Моммзена (R. G. 5 изданіе, 1, 134), имя Γραικοί до временъ Гесіода было древнѣйшимъ общимъ названіемъ эллинскаго народа, возникло же оно, по свидѣтельству Аристотеля, въ Додонѣ, колыбели греческой цивилизаціи. Италійцы познакомились съ нимъ ранѣе установленія имени Ἕλληνες. Въ другомъ мѣстѣ Римской Исторіи (1, 13) Моммзенъ выражается уже не такъ увѣренно, называя Graius или Graecus весьма древнимъ римскимъ словомъ загадочнаго происхожденія. Рѣшеніе загадки потомъ принялъ на себя Гельбигъ въ указанной статьѣ (Hermes 11, 273 и сл.). По его мнѣнію, имя Γραικοί восходитъ къ весьма отдаленной эпохѣ, когда греки и иллирійцы еще составляли одинъ народъ, общимъ религіознымъ центромъ котораго было додонское святилище. Къ иллирико-греческому пранароду первоначально относилось названіе Γραικοί, то-есть старые. Одно изъ племенъ стараго пранарода, племя япиговъ, еще до начала греческой колонизаціи въ Италіи, переселилось въ эту страну и, вступивъ въ сношенія съ латинами, стало для нихъ представителемъ всей семьи граевъ. Со временемъ, когда япиги и другіе иллирійскіе народы совсѣмъ отдѣлились отъ родственныхъ эллиновъ, а латины успѣли сблизиться съ послѣдними, названіе граевъ осталось исключительно за эллинами. Теорія Гельбига нашла себѣ защитника въ лицѣ Ниссена (Italische Landeskunde, 120 и 544). Низе, говоритъ онъ, забываетъ, что въ исторіи наименованія народовъ нѣтъ явленія болѣе обыкновеннаго, чѣмъ перенесеніе на цѣлую націю отдѣльнаго имени того племени, которое всѣхъ ближе живетъ отъ именующаго народа. Ниссенъ, однако, съ своей стороны забываетъ, что примѣры аллемановъ во Франціи, іонійцевъ на древнемъ Востокѣ и др. не даютъ права считать подобное явленіе правиломъ обязательнымъ для всѣхъ случаевъ и изъ-за нихъ вполнѣ игнорировать вѣскія доказательства, которыя представилъ Низе противъ существованія племени Γραικοί въ Эпирѣ. Укажемъ только, для опроверженія правила Нис-

сена, на исторію именъ кельты, германцы, нѣмцы, славяне и др., никогда не относившихся ни къ какому отдѣльному племени. Ниссенъ, далѣе, находитъ, что распространеніе имени Graeci объясняется безъ принужденія посредничествомъ япиговъ, на языкѣ которыхъ оставшіеся на старой родинѣ единоплеменники естественно назывались „старыми", „такъ какъ это вѣдь есть значеніе имени Graeci". Заключенія Ниссена, напротивъ, не только принужденны и натянуты, но и очень ошибочны. Ни въ языкѣ япиговъ, ни другихъ иллирійцевъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда подобнаго выраженія. Есть только у нынѣшнихъ албанцевъ имя собственное Grek, грекъ, заимствованное, по видимому, изъ славянскаго языка. Имена же прилагательныя γραῖος γρήϊος и γραικός произведены отъ γραῦς γρηΰς (γραῖα) и имѣютъ значеніе „старобабій", а не „старый" [1]). Наконецъ, эти слова очень нестараго происхожденія, они не встрѣчаются ранѣе александрійскаго періода, такъ что отнести ихъ къ какому-то древнѣйшему иллирико-греческому періоду возможно только по странному недоразумѣнію. Кромѣ того, самое понятіе первоначальнаго единства иллирико-греческаго языка довольно смутно.

Давно выяснено, что нарѣчіе япиговъ и мессаповъ вмѣстѣ съ албанскимъ составляетъ одну общую южную группу иллирійскихъ нарѣчій, а иллирійцы въ совокупности занимали такое-же самостоятельное мѣсто въ индо-европейской семьѣ, какъ греки или италійцы или кельты [2]). Поэтому мы считаемъ всю теорію Гельбига, къ которой присоединились Ниссенъ, Кипертъ и отчасти Виламовицъ [3]), плохою догадкою, основанною на очень слабой фактической подкладкѣ. Ученые защитники ея, кажется, увлеклись, главнымъ образомъ, тѣмъ удобствомъ, которое представляетъ географическое положеніе япиговъ, въ срединѣ между греками и италійцами. Поэтому явилась возможность этому иллирійскому народу приписать посредничество при передачѣ имени Γραικοί изъ Эпира въ Италію. Но такъ какъ ни въ Эпирѣ, ни у япиговъ или другихъ иллирійцевъ употребленіе имени не подтверждается никакими надежными данными, то не стоило останавливаться на одной возможности, не взирая на другія, подкрѣпляемыя

---

[1]) Объясненіе παλαιός, встрѣчающееся у лексикографовъ, основано на невѣрномъ производствѣ отъ γεραιός, съ выкинутымъ будто бы ε.

[2]) См. *Кречмера* Einleitung in die Geschichte d. griech. Sprache 271 слл.

[3]) *Кипертъ*, Lehrbuch d. alten Geogr. 230; Виламовицъ Euripides Herakles 1, 263; Oropos u. die Graer въ Hermes 21, 114.

болѣе положительными данными. Положительно даны названія Grai и Graeci въ Италіи, а въ Греціи форма Γραῖχες и еще нѣсколько географическихъ названій, очевидно состоящихъ въ близкомъ родствѣ. Наше дѣло подвергнуть ихъ внимательному разсмотрѣнію, а потомъ обратиться къ положительнымъ даннымъ лингвистики съ вопросомъ, не выяснится ли изъ нихъ темное происхожденіе и развитіе нашего названія.

Мы видѣли, что въ шестомъ и пятомъ столѣтіи имя Γραῖχες было извѣстно Алкману и Софоклу, и показали, что эта настоящая греческая форма могла служить для правильной передачи италійской Graicos, извѣстной уже поэту гесіодовыхъ Каталоговъ. Съ другой стороны мы узнали изъ показанія Стефана Византійскаго, что та же форма названія встрѣчалась далеко отъ Италіи, въ другомъ концѣ эллинскаго міра. Тутъ слово Γραῖχες не служило, какъ въ Италіи, для названія всего эллинскаго народа, но незначительной частицы его. Это было населеніе или часть населенія города Паріона въ сѣверной Эолидѣ, на берегу Пропонтиды. Наконецъ, сюда относится Γραῖα, названіе мѣстности въ Віотіи, на границѣ Аттики. О ней читаемъ въ Спискѣ кораблей (Ил. 2, 498):

Θέσπειαν Γραῖάν τε χαὶ εὐρύχορον Μυχαλησσόν.

Позднѣе одни признавали въ ней Танагру или ея область, другіе сосѣдній съ нею Оропъ или прилегающую къ нему мѣстность, называемую у Θукидида тоже ἡ Γραϊχή [1]). Жители Граи, по свидѣтельству Стефана Византійскаго (п. сл. Γραῖα), назывались Γραῖοι, въ аттической же надписи (C. I. A. II 991) того времени, когда Оропъ принадлежалъ аѳинянамъ, названы Γρᾶῆς (то есть Γραεῖς).

Такъ какъ віотійская Γραῖα и ея жители, Γραῖοι или Γραιεῖς, не находились ни въ какой прямой связи съ италійскимъ общимъ названіемъ Grai или Graeci [2]), совершенно правильно будетъ здѣсь при-

[1]) Страбонъ 9 стр. 404: χαὶ ἡ Γραῖα δ' ἐστὶ τόπος Ὠρωποῦ πλησίον—τινὲς δὲ τῇ Τανάγρᾳ τὴν αὐτήν φασιν. Стеф. Виз. Τάναγρα, πόλις Βοιωτίας, ἣν Ὅμηρος Γραῖαν χαλεῖ—τινὲς δὲ τὴν Ταναγραίαν, ὧν εἷς ἐστι χαὶ Καλλίμαχος. Ἀριστοτέλης δὲ Γραῖαν τὴν νῦν Ὠρωπόν. ἔστι δὲ τόπος τῆς τῶν Ὠρωπίων πόλεως πρὸς τῇ θαλάττῃ (сл. его же п. сл. Ὠρωπός). Θукидидъ 2, 23: παριόντες Ὠρωπὸν τὴν γῆν τὴν Γραϊχὴν χαλουμένην ἣν νέμονται Ὠρώπιοι Ἀθηναίων ὑπήχοοι, ἐδῄωσαν. Съ Танагрою отожествляется Граія Гомера еще у Павсанія 9, 20.

[2]) Попытка при помощи весьма натянутой догадки произвести италійскихъ Grai изъ віотійской Граи была сдѣлана Бузольтомъ Gr. G. 1 изд. 44. Послѣ

знать второй примѣръ того же частнаго примѣненія нашего слова къ извѣстной ограниченной мѣстности. Первымъ примѣромъ служили Γραῖκες Паріона. имя которыхъ также могло бы находиться въ связи съ затемненнымъ для насъ именемъ нарицательнымъ γραῖα. Догадаться о значеніи имени Γραῖα можно на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Области Оропа и Танагры представляли собою широкую долину Асопа, которая особенно расширяется ближе къ устью рѣки около Оропа. На эту выдающуюся особенность мѣстности указываютъ имена самихъ городовъ Τάναγρα (или Τανάγρα), и Ὠρωπός. Первое, безъ сомнѣнія, производится отъ τείνω (τανόω, τιταίνω) тянуть, растягивать, простирать, или ταναός, распростертый, широкій, длинный, Τάναγρα городъ „широкопольный", если только признать во второй части слова ἀγρός, а не рѣдкій старый суффиксъ γρο, соотвѣтствующій, можетъ быть, латинскому сго (см. τανάγρα· ἀγγεῖον χαλκοῦν у Гесихія). Ὠρωπός то же самое, что εὐρωπός широкій, какъ видно изъ имени другаго Оропа, города въ Македоніи, называемаго то Ὠρωπός, то Εὐρωπός [1]). Къ тому же понятію сводится и названіе третьяго города, прилегавшаго къ долинѣ Асопа, Πλάταια или Πλάταιαι (ср. πλατύς, πλάτος, πλάτη, πλάτανος), Не сомнѣваемся, что къ тому же значенію подходило и старинное греческое слово γραῖα, обозначающее тоже открытую мѣстность. Въ виду изолированности слова въ греческомъ языкѣ, по правильному методу требуется подыскать къ нему изъ сродныхъ языковъ для сравненія слова подходящія какъ по звукамъ, такъ и по только что изложенному вѣроятному значенію. Дѣйствительно, осталось такое въ древне-индійскомъ языкѣ глаголъ jri jráyati простираться, растягиваться, jráyas разстояніе, пространство, плоскость. Сюда относится зенд. zranyaňh, древнеперс. daraya озеро море (aequor). Санскритское

опроверженія Виламовицемъ (Hermes 21, 114) Бузольтъ во второмъ изд. 119 рѣшительно отказался отъ своего прежняго положенія. За то онъ, по примѣру Виламовица, выступилъ съ новою гипотезой, что Γραῖκες Паріона были переселенцами изъ віотійской Граи. Въ виду, однако, положительнаго свидѣтельства Страбона 13, 588 и Павсанія 9, 27, 1 о происхожденіи парійцевъ изъ іонійскихъ городовъ Милета и Эриѳръ (Паросъ прибавленъ, очевидно, только для производства имени Πάριον), предположеніе Бузольта лишено всякаго основанія. Слово Αἰολεῖς, которымъ обозначаются Γραῖκες у Стефана, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ политической географіи, по которой Эолида простиралась до рѣки Эсипа (Страб. 13, 582), слѣдовательно включала въ себѣ Паріонъ.

[1]) Къ εὐρύς принадлежатъ іон. οὖρον разстояніе, длина, а вѣроятно, и οὐρανός, въ неіонійскихъ нарѣчіяхъ ὠρανός (сл. Г. *Мейера* Griech. Gr. 3-е изд. стр. 134 сля.).

pṛthu-sayas, занимающій широкія пространства, соотвѣтствуетъ зендскому perethuzrayaňh—образующій широкія озера, собственно широкія озерныя поверхности. Фикъ (Vergl. Wörtb. 1, 52) съ арійскимъ корнемъ сопоставляетъ латинское glisco, придавая такимъ образомъ европейской, а слѣдовательно и индо-европейской основѣ форму zlei, zli. Но значеніе глагола inchoativi glisco по значенію скорѣе подходитъ къ ardesco, exardesco, въ переносномъ смыслѣ, возгараться, увеличиваться, усиливаться. Въ glisco только болѣе придается значенія незамѣтно, мало по малу усиливающемуся распространенію огня, тлѣнію и медленному возгаранію. Поэтому гораздо ближе къ латинскому корню gli — подходятъ германское gli-m, греческое χλιαρός, χλιαίνω, ирландское glé. Европейскими представителями корня jri jrai считаемъ нѣмецкое kreiz кругъ, округъ, окрестность, и албанскій reθ (изъ graidos) кругъ.

Заключеніе наше слѣдовательно такое: подъ словомъ γραῖα понимали „распростертую", ровную, плоскую мѣстность, какою является равнина, широкая долина у нижняго теченія рѣки Асопа. Если принять во вниманіе, что и городъ Паріонъ стоялъ въ прибрежной равнинѣ [1]), легко понять, почему жители его назывались Γραῖκες.

Черезъ всю природу, исторію и этнографію Великой Греціи проходили два контраста. Покрытая лѣсомъ горная страна внутри полуострова осталась во владѣніи туземныхъ италійскихъ племенъ, а плодородныя прибережныя равнины были захвачены и заселены эллинами, устроившимися вокругъ Тарентскаго залива [2]). Въ противоположность горнымъ племенамъ италійскаго происхожденія эллинскіе поселенцы въ Италіи вполнѣ правильно могли быть называемыми Γραῖοι, Grai, Graeci, то-есть, обитателями „распростертой" равнины [3]).

---

[1]) Сл. *Ниссена* Italische Landeskunde 246, 532.

[2]) Въ одной изъ немногихъ небольшихъ прибережныхъ равнинъ горнаго острова Пароса находился главный городъ Паросъ, давшій свое названіе всему острову. Имена Πάρος и Πάριον можно сближать съ латинскимъ par ровный, такъ что оба города названы по расположенію ихъ въ ровной мѣстности, въ пригорьи.

[3]) Въ возраженіе на наши положенія ожидаемъ, что къ намъ будутъ предъявлять обычное требованіе доказать, что, въ противоположность эллинскимъ обывателямъ равнинъ, италійцевъ называли „горцами". На это отвѣтимъ, что ни отъ какой терминологіи нельзя требовать подобной строгой послѣдовательности, обязательно оттѣнивающей всѣ возможные контрасты. Любители послѣдовательности въ каждомъ живомъ языкѣ могли бы придираться къ тысячамъ при-

Намъ остается отвѣтить на вопросъ, у котораго изъ двухъ народовъ, у италійцевъ или самихъ эллиновъ, зародилось названіе Grai. Мы видѣли, что въ самой Элладѣ и въ эллинской Малой Азіи для двухъ небольшихъ равнинъ и ихъ населенія установились мѣстныя названія Γραῖα, ἡ Γραϊκή, Γραῖοι, Γραῖκς и Γραῖκες. Совпаденіе этого географическаго названія въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ объясняется просто происхожденіемъ его изъ общаго главнаго источника всей географической номенклатуры, изъ общаго богатаго синонимами языка древнѣйшаго греческаго народа. Греческій языкъ, какъ и всѣ старые языки, со временемъ отбрасываетъ лишніе синонимы. Вышедши изъ обихода живаго языка, они пережили случайно въ нарѣчіяхъ народнаго языка, въ поэзіи и въ именахъ собственныхъ, личныхъ, миѳологическихъ и географическихъ. Къ подобнымъ „переживаніямъ“ (survivals), безъ сомнѣнія, принадлежали сохранившіеся въ Віотіи и Эолидѣ географическіе термины Γραῖα и его производные. Свидѣтельство Стефана Византійскаго о пережившемъ въ віотійской Γραῖα греческомъ ἐθνικὸν Γραῖος заставляетъ насъ предположить, что и италійское Graios зародилось въ мѣстной греческой терминологіи древнѣйшихъ эллинскихъ поселенцевъ южной Италіи. Въ устахъ италійцевъ это названіе затѣмъ приняло болѣе общее значеніе, обнимающее не только чужестранное населеніе прибрежныхъ равнинъ Италіи, но и всѣхъ ихъ соплеменниковъ, вообще всю эллинскую націю. Изъ первоначальной формы названія, усвоеннаго самими эллинами Италіи и перешедшаго къ италійцамъ, въ языкѣ послѣднихъ образовалась новая чисто италійская форма Graicos и Graecus.

Упомянемъ наконецъ, что въ противоположномъ концѣ Италіи еще жилъ народъ Grai или Graioceli, которымъ древніе историки не преминули приписать греческое происхожденіе. На самомъ дѣлѣ это

мѣровъ самой капризной непослѣдовательности. Укажемъ, въ нашемъ случаѣ, напримѣръ, на то, что народъ, называющій себя до сихъ поръ Neederlanders, никогда не думалъ называть въ отличіе не нидерландскихъ сосѣдей Hooglanders или т. под. Впрочемъ, въ южной Италіи противоположностью къ безлѣсной равнинѣ служитъ горный лѣсъ, а оттуда ведутъ свое названія Loucanoi. Можно также возразить, что равнины населяли не одни греки, а также подданные имъ туземцы, къ которымъ, слѣдовательно, не менѣе подходило названіе жителей равнины. Дѣйствительно, въ нашемъ распоряженіи есть названіе италійскаго прибережнаго насенія Χῶνες, если только это слово италійское, сродное съ умбрійскимъ hontru „нижній“.

были галлы, населявшіе долину, въ которой стоятъ городъ S. Jean de Maurienne и 14 населенныхъ мѣстъ. По этой долинѣ теперь проходитъ монсенискaя желѣзная дорога. Надо думать, что въ кельтскомъ языкѣ также было слово, соотвѣтствующее арійскому jrayas и греческому γραῖα и что по населяемой ими пригорной равнинѣ получили названіе эти Grai или Graioceli.

Александръ Энманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРВАЯ ПИѲІЙСКАЯ ОДА ПИНДАРА.

Переводъ съ греческаго „размѣромъ подлинника" въ строгомъ смыслѣ, разумѣется, невозможенъ. Арсисъ древняго стиха и русскій ударяемый слогъ—не одно и то же. Еще важнѣе, быть можетъ, что неударяемые слоги почти совершенно утрачиваютъ колоритъ долготы и краткости. Русскій спондей—только хорей,—правда, и хорей русскій, съ неударяемымъ, но не непремѣнно краткимъ вторымъ слогомъ. Искусству стихотворца предоставляется замедлить, если возможно, его паденіе (чего Пушкинъ нерѣдко достигаетъ помощію цезуры). Но какъ нашъ языкъ не можетъ отказаться отъ своего великолѣпнаго гексаметра, существенно обусловливающаго для насъ рѣдкую между народами привилегію „слышать умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи",—ни, въ частности, отъ своего несовершеннаго, но незамѣнимаго спондея: такъ и ограниченіе нашихъ метрическихъ подражаній античной лирикѣ воспроизведеніемъ порядка древнихъ арсисовъ—не должно отвращать насъ отъ задачи такого воспроизведенія. Къ рѣшенію ея мы влечемся двумя разнородными потребностями: съ одной стороны, потребностью приблизиться къ музыкальной стихіи древности; съ другой—нуждою въ бóльшей ритмической свободѣ для нашего собственнаго языка. И не свободы-ли этой искалъ Пушкинъ, изучая пѣсенные склáды и обращаясь отъ риѳмъ къ „бѣлому стиху", которому предрекалъ окончательное торжество? Нѣмецкая поэзія, откуда привито было намъ наше искусственное стихосложеніе, сама не довольствуется имъ, но даетъ полный просторъ и народнымъ, и quasi-античнымъ элементамъ, и, наконецъ, „numeris lege solutis": лучшимъ тому примѣромъ послужитъ Гёте. Не будемъ останавливаться на аналогическихъ указанному стремленіяхъ въ со-

Г.

Д.

И.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
(10-й годъ изданія)
НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Содержаніе вышедшей майской — іюньской книжки въ 30 печатныхъ листовъ слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Очерки современнаго состоянія начальнаго образованія во внѣевропейскихъ странахъ. (Окончаніе). **М. И. Страховой**; 3) Харьковская частная женская воскресная школа. (Историческій очеркъ). **Я. В. Абрамова**; 4) А. С. Пушкинъ о воспитаніи. **Н. Васильева**; 5) Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. **М. Ѳ. Быстрова**; 6) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. **Н. П. П.** (Продолженіе); 7) Мысли о воспитаніи и обученіи. (Продолженіе). **Н. П. Яновскаго**; 8) Начальная школа министерства народнаго просвѣщенія. (Продолженіе). **Влад. Фармаковскаго**; 9) Замѣтки и наблюденія. (Изъ замѣтокъ бывшаго сельскаго учителя). **Дядо**; 10) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. (Окончаніе). **П. Селиванова**; 11) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе. (Окончаніе). **М. И. Успенскаго**; 12) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. (Продолженіе). **В. П. Вахтерова**; 13) Рутина въ преподаваніи географіи. **Ѳ. А. Шубина**; 14) Труды съѣзда дѣятелей по среднему и низшему сельско-хозяйственному образованію при Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ въ январѣ 1899 года. 15) **Критика и библіографія** (10-ть рецензій); 16) **Педагогическая хроника**; 17) **Разныя извѣстія и сообщенія**.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА" въ 1899 году выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе **пятнадцати** печатныхъ листовъ каждая.

Вслѣдствіе увеличенія объема книжекъ подписная цѣна увеличена на одинъ рубль. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—**СЕМЬ** руб.; съ доставкой—**7 р. 50 коп.**; для иногороднихъ съ пересылкою—**ВОСЕМЬ** руб.; заграницу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ.

Но сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ по прежнему получать журналъ **ЗА ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" и Карбасникова.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА" за 1896 и 1897 годы одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXIV.

1899.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°, Наб. Фонтанки, д. 95.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ Э. Радловъ.

(*Вышла 1-го августа*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

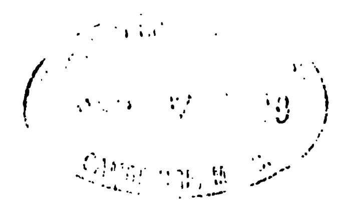
ЧАСТЬ CCCXXIV.

1899.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1899.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(25-го іюня 1899 года). „Попечителя Виленскаго учебнаго округа, сенатора, тайнаго совѣтника *Сергіевскаго*, въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы, Всемилостивѣйше жалуемъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ должности попечителя округа и съ оставленіемъ въ званіи сенатора".

(10-го іюля 1899 года). „Начальнику Николаевской инженерной академіи и училища, генералъ-лейтенанту *Шильдеру* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ Императорской публичной библіотеки".

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (22-го февраля 1899 года). *Объ учрежденіи при Шуйскомъ реальномъ училищѣ трехъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.*

Шуйское общественное собраніе пожертвовало капиталъ въ 1.500 руб. на учрежденіе при мѣстномъ реальномъ училищѣ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія государственной дѣятельности Его

Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, трехъ стипендій Имени Его Высочества.

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа и въ виду выраженнаго Его Высочествомъ согласія на присвоеніе Его Имени учреждаемымъ стипендіямъ, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе означенныхъ стипендій.

Государь Императоръ, въ 22-й день февраля 1899 г., на сіе Высочайше соизволилъ.

5. (22-го февраля 1899 года). *Объ опредѣленіи врача при Митавскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ 1 разряда.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 22-й день февраля 1899 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на опредѣленіе при Митавскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ 1 разряда врача безъ жалованья, но съ правами государственной службы, съ обязательствомъ лѣчить безвозмездно какъ учениковъ названнаго училища, такъ и ученицъ мѣстнаго еврейскаго женскаго училища.

6. (29-го марта 1899 года). *Объ открытіи въ г. Александровскѣ средняго механико-техническаго училища и объ утвержденіи штата названнаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ открытіи въ г. Александровскѣ средняго механико-техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи въ г. Александровскѣ средняго механико-техническаго училища, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1900 года, въ г. Александровкѣ, Екатеринославской губерніи, среднее семиклассное техническое училище съ низшею ремесленною при немъ школою, на точномъ основаніи ст. 1814 и слѣд. уст. уч. зав., св. зак., т. XI, ч. I, изд. 1893 года.

II. Проектъ штата сего училища (отд. I) поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

III. Расходъ по содержанію Александровскаго средняго техническаго училища въ 1900 г. отнести на мѣстныя средства, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ, испрашивать въ послѣдующіе годы, впредь до полнаго сформированія названнаго училища, отпускъ изъ государственнаго казначейства необходимыхъ на содержаніе онаго кредитовъ сообразно дѣйствительной надобности, а затѣмъ вносить въ расходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія всю сумму (32.085 р.), исчисленную въ штатѣ сего училища (отд. II).

IV. Жертвуемую Александровскимъ уѣзднымъ земствомъ на содержаніе Александровскаго техническаго училища сумму въ 7.000 р. въ годъ показывать, начиная съ 1901 г., по доходной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ, съ измѣненіемъ оной впредь до полнаго сформированія училища пропорціонально ежегоднымъ ассигнованіямъ изъ средствъ государственнаго казначейства (отд. III).

V. На сооруженіе и оборудованіе зданія Александровскаго техническаго училища, въ дополненіе къ *двадцати девяти тысячамъ восьмистамъ* рублямъ, пожертвованнымъ на этотъ предметъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ, отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства *сто сорокъ тысячъ двѣсти* рублей на счетъ общаго кредита въ 2.500.000 р., исчисленнаго по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на постройку и починку училищныхъ зданій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано: **„Быть по сему“.**

Въ Царскомъ Селѣ.
29-го марта 1899 года.

ШТАТЪ

Александровскаго средняго семиклассного техническаго училища съ низшею ремесленною при немъ школою.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		Жалованья. (Рубли.)	Столовыхъ. (Рубли.)	Квартирныхъ. (Рубли.)	Всего. (Рубли.)	По должности.	По шитью на мундиръ.	По пенсіи.
Директору	1	1.560	1.040	нат.	2.600	V	V	По учебной службѣ.
Ему же добавочныхъ за завѣдываніе низшею ремесленною школою	—	—	—	—	400			
Преподавателю добавочныхъ за исполненіе обязанностей инспектора	1	—	—	—	750	VI	VI	
Законоучителю	1	—	—	—	925			
Учителямъ за уроки	—	—	—	—	12.970	VIII	VIII	
Завѣдывающему учебными мастерскими	1	—	—	—	1.500	VIII	VIII	
Мастеру низшей ремесленной школы	—	—	—	—	400			
Классным наставникамъ пяти младшихъ классовъ	5	—	—	—	800			
Ихъ помощникамъ	2	300	—	нат.	600	X	X	
Секретарю совѣта и библіотекарю	—	—	—	—	240			

Врачу	1	300	—	—	300	VIII	VIII	Помед. служ.
Письмоводителю	—	480	240	пат.	720	IX	IX	VII
На приготовленіе опытовъ	—	—	—	—	240			
На учебныя пособія . .	—	—	—	—	840			
— матеріалы и инструменты	—	—	—	—	1.050			
На наемъ машиниста, кузнеца, подмастерьевъ и на лѣтнія занятія учениковъ	—	—	—	—	4.000			
За преподаваніе гимнастики и пѣнія	—	—	—	—	500			
На канцелярскіе расходы.	—	—	—	—	250			
На наемъ прислуги и содержаніе дома . . .	—	—	—	—	3.000			
Итого . . .	—	—	—	—	32.085			

Примѣчанія.

1) Директоръ пользуется пенсіонными правами наравнѣ съ директорами среднихъ техническихъ училищъ по Высочайше утвержденному, 26-го іюня 1889 г., штату VI промышленныхъ училищъ.

2) Преподаватели спеціальныхъ предметовъ пользуются всѣми правами, предоставленными преподавателямъ среднихъ техническихъ училищъ, а преподаватели общеобразовательныхъ предметовъ и помощники классныхъ наставниковъ приравниваются къ соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ реальныхъ училищъ.

3) Завѣдывающій учебными мастерскими пользуется тѣми же правами, какія присвоены руководителямъ практическихъ занятій въ среднихъ техническихъ училищахъ.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *МИХАИЛЪ.*

7. (3-го мая 1899). *Объ учрежденіи званія корреспондентовъ музея Императорской Академіи Наукъ по антропологіи и этнографіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ установленіи званія корреспондентовъ музея Императорской Академіи Наукъ по антропологіи и этнографіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ установленіи званія корреспондентовъ музея Императорской Академіи Наукъ по антропологіи и этнографіи, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Музею Императорской Академіи Наукъ по антропологіи и этнографіи предоставляется имѣть корреспондентовъ изъ числа лицъ, оказавшихъ ему полезное содѣйствіе. Корреспонденты утверждаются въ семъ званіи конференціей Академіи Наукъ, по представленіямъ директора музея.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (10-го мая 1899 года). *О правахъ по отбыванію повинности учениковъ С.-Петербургскаго училища для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ С.-Петербургскаго училища для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по отбыванію воинской повинности учениковъ С.-Петер-

бургскаго училища для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: „С.-Петербургское училище для дѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій причисляется, для окончившихъ въ немъ полный курсъ, ко *второму* разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности. Неокончившимъ полнаго курса въ семъ училищѣ предоставляются права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ *третьяго* разряда, при условіи пробыть въ училищѣ не менѣе двухъ лѣтъ“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(21-го іюня 1899 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Иркутской мужской гимназіи *Теремецъ*—съ 1-го января 1899 г.; надзиратель Иркутскаго промышленнаго училища *Бѣляевъ* — съ 9-го февраля 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Кавказскому учебному округу, учителя: Елисаветпольской гимназіи *Валлинъ*—съ 1-го августа 1898 г., Темрюкскаго трехкласснаго городскаго училища *Хорольскій* — съ 19-го сентября 1898 г., врачъ Бакинскаго низшаго механико- и химико-техническаго училища *Ларіоновъ*—съ 29-го декабря 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Якутскаго реальнаго училища *Атласовъ*—съ 31-го декабря 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Кавказскому учебному округу, учителя шестиклассныхъ городскихъ училищъ, Владикавказскаго Николаевскаго: *Домостроевъ* — съ 3-го февраля 1899 г. и *Павловъ*—съ 10-го февраля 1899 г., Екатеринодарскаго Александровскаго, *Фатьяновъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Императорскому россійскому историческому музею въ Москвѣ имени Императора Александра III, помощникъ хранителя музея *Харузинъ*—съ 1-го ноября 1896 г., по Кавказскому учебному округу, почетный смотритель Ку-

бинскаго городскаго двухклассного начальнаго училища *Сарумовъ*—съ 28-го мая 1898 г., бывшій смотритель Екатеринодарскаго двухклассного городскаго начальнаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Юшко*—съ 14-го апрѣля 1892 г., помощникъ воспитателя при пансіонѣ Ставропольской гимназіи *Успенскій*—со 2-го апрѣля 1897 г., учителя: приготовительнаго класса Бакинскаго реальнаго училища *Герасименко* — съ 1-го октября 1897 г., Пятигорскаго городскаго трехклассного училища *Буслаевъ* — съ 1-го іюля 1897 г., Таманскаго двухклассного начальнаго училища *Ловягинъ*—съ 1-го августа 1897 г., по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Иркутскаго городскаго четырехклассного училища Императора Александра III *Робертъ* — съ 19-го августа 1892 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Кавказскому учебному округу, учителя: Моздокскаго городскаго трехклассного училища *Джгушія* — съ 21-го октября 1898 г., Армавирскаго Александровскаго двухклассного начальнаго училища *Бовшикъ*—съ 1-го августа 1898 г., завѣдывающій Пашковскимъ двухклассным сельскимъ училищемъ *Андреевъ*—съ 1-го октября 1892 г., по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель приготовительнаго класса Енисейской мужской шестиклассной прогимназіи *Ходоръ*—съ 1-го октября 1894 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, по Кавказскому учебному округу, надзиратель больницы пансіона Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Волошинъ*—съ 28-го декабря 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Кавказскому учебному округу, завѣдывающіе сельскими училищами, двухклассными: Новонижестеблієвскимъ *Рясинскій* и Староеличковскимъ *Птушенко* оба—съ 1-го августа 1897 г., Поповичевскимъ *Бѣляевъ*, Старокорсунскимъ, *Грицай*, Кореновскимъ Александровскимъ, *Остриковъ*, всѣ трое — съ 1-го августа 1898 г., одноклассными: Урупскимъ *Степановъ*, съ 1-го августа 1898 г. и китаевскимъ Александровскимъ (бывшій, нынѣ въ отставкѣ), *Куриловъ* (онъ же Башкировъ)—съ 1-го сентября 1993 г.: учитель Троицкаго станичнаго училища *Турчинъ*—съ 1-го августа 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, письмоводитель Иркутской мужской гимназіи *Сотниковъ* — съ 1-го января 1899 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій 2-й Тифлисской: *Ягуловъ*— съ 7-го сентября 1894 г. и *Сватошъ*—съ 19-го сен-

тября 1894 г., Ставропольской, *Кудрявцевъ* и Бакинской, Императора Александра III, *Джинеридзе*, оба—съ 1-го сентября 1894 г., Владикавказской, *Брюльгартъ*—съ 1-го августа 1894 г., Новороссійской: *Вилліамсъ*—съ 1-го іюля 1894 г., *Ивановъ*—съ 30-го августа 1894 г., 3-й Тифлисской женской, *Бибергалъ*—съ 14-го сентября 1894 г., реальныхъ училищъ: Тифлисскаго, *Васильевъ*—съ 21-го августа 1894 г., Владикавказскаго: *Саркисьянцъ*—съ 18-го января 1895 г., *Леонтьевъ*—съ 16-го августа 1894 г. и губернскій секретарь *Полюховъ*—съ 1-го сентября 1894 г., Шушинскаго, *Захаровъ*—съ 14-го сентября 1894 г., Темиръ-ханъ-шуринскаго, *Погребной*—съ 24-го марта 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Иркутской женской, И. С. Хаминова, прогимназіи *Рутченко-Коротккоручко*—съ 11-го января 1895 г.; *коллежскаго секретаря*: по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Новороссійской гимназіи *Колосовъ*—съ 30-го августа 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: 2-й Тифлисской Великаго Князя Михаила Николаевича, *Поповъ*—съ 31-го октября 1894 г., Эриванской, *Сыроваткинъ*—съ 1-го сентября 1894 г., реальныхъ училищъ: Ейскаго: *Бардакъ*—съ 29-го августа 1894 г., Владикавказскаго, *Фуфаевъ*—съ 14-го октября 1894 г., Бакинскаго, губернскій секретарь *Чепиго*—съ 24-го марта 1895 г.; *коллежскаго регистратора*: по Кавказскому учебному округу, бывшій помощникъ учителя Георгіевскаго городскаго трехкласснаго училища, нынѣ сверхштатный учитель того же училища *Карамбировъ*—съ 28-го октября 1894 г.

(24-го іюня 1899 года). *Опредѣляются*: на службу: докторъ зоологіи *Фаусекъ*—профессоромъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по зоологіи и сравнительной анатоміи; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Замѣсскій*—исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства, въ Новой Александріи, по физіологіи растеній съ ученіемъ о микроорганизмахъ, съ 1-го іюня; окончившій курсъ наукъ въ Рижскомъ политехническомъ училищѣ *фонъ-Стрикъ*—исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора Рижскаго политехническаго института, по гражданской архитектурѣ, съ 1-го декабря 1898 г.

Назначаются: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго, сверхштатный, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Хлопинъ* и Харьковскаго, докторъ философіи, коллеж-

скій совѣтникъ *Лейкфельдъ* — ординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый — Юрьевскаго, по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, а второй—Харьковскаго, по каѳедрѣ философіи; инспекторъ народныхъ училищъ Рязанской губерніи, статскій совѣтникъ *Воскресенскій*—директоромъ Александровской Рязанской учительской семинаріи; коллежскіе ассессоры *Меринъ* и *Китмановъ*, коллежскій секретарь *Поповъ* и губернскій секретарь *Шестаковъ*—вновь, почетными попечителями, на три года: первый—Кіевопечерской гимназіи, съ 27-го іюня 1898 г., второй—Енисейской мужской шестиклассной прогимназіи, третій—Симферопольской гимназіи, съ 20-го февраля 1899 г., и послѣдній—Кіевской 2-й гимназіи, съ 9-го мая; почетный мировой судья, по Пермскому уѣзду инженеръ-технологъ, коллежскій ассессоръ *Поповъ*—исправляющимъ должность директора Костромскихъ промышленныхъ училищъ имени надворнаго совѣтника О. В. Чижова; клиническій профессоръ Варшавскаго Уяздовскаго военнаго госпиталя, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Костеничъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрѣ офталмологіи, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; преподаватель Ташкентской гимназіи, статскій совѣтникъ *Аристовъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края.

Переводится на службу, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, канцелярскій служитель управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, окончившій курсъ наукъ въ Рижскомъ политехническомъ училищѣ *Шварцъ* — адъюнктъ-профессоромъ Рижскаго политехническаго института, по инженернымъ наукамъ съ 1-го октября 1898 г.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, гражданскій инженеръ, статскій совѣтникъ *Петровскій*, съ награжденіемъ его чиномъ *дѣйствительнаго статскаго совѣтника*; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Зѣнецъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гротъ*, съ 22-го мая.

(1-го Іюля 1899 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Москов-

скому учебному округу: главный инженеръ-механикъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Пермяковъ* — съ 1-го января 1899 г.; инспекторы народныхъ училищъ Смоленской губерніи: *Покровскій*—съ 20-го октября 1897 г. и *Новлянскій* — со 2-го августа 1898 г.: преподаватели: техническихъ училищъ: Императорскаго Московскаго, *Ронжинъ*—съ 3-го декабря 1898 г., Комисаровскаго, *Богоявленскій* — съ 14-го января 1899 г., Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, *Вильпертъ*—съ 25-го октября 1898 г.; учителя гимназій: Елецкой, *Покровскій*—съ 13-го декабря 1898 г., Коломенской, *Поповъ* — со 2-го сентября 1893 г., Костромской, *Усовъ*—съ 22-го ноября 1898 г., Орловской, *Борисовъ*—съ 4-го октября 1898 г., Рязанской, *Васильевъ*— съ 1-го августа 1898 г., Рыбинской, *Куборскій*—съ 1-го января 1899 г., Тульской *Пріоровъ*— съ 1-го ноября 1897 г., Шуйской, *Чернышевъ* — съ 1-го сентября 1898 г., Владимірской земской женской, *Захаровъ*—съ 13-го декабря 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: мужскихъ гимназій: Кіевской 2-й *Дроздовскій* — съ 15-го декабря 1898 г., Кіевской 4-й *Кушнеръ*—съ 19-го ноября 1898 г., Златопольской, *Недачинъ*— съ 28-го іюня 1898 г., мужскихъ прогимназій: Луцкой, *Комиссаржевскій*—съ 16-го января 1899 г., Черкасской, *Дворянскій*—съ 4-го февраля 1899 г., Прилукской женской гимназіи, *Шарко* — съ 1-го августа 1898 г,; наставникъ Коростышевской учительской семинаріи *Евсеевскій*—съ 5-го апрѣля 1899 г.; по Виленскому учебному округу учитель Гродненской гимназіи *Харламповичъ* — съ 11-го сентября 1898 г.; наставники учительскихъ семинарій: Молодечненской, *Бодровъ*—съ 16-го декабря 1898 года и Поневѣжской, *Войничъ*—съ 15-го августа 1898 г.; по Варшавскому учебному округу: преподаватель, исправляющій должность инспектора Сувалкской мужской гимназіи *Крыловъ* — съ 20-го августа 1898 г., учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 6-й, *Неру* — съ 20-го февраля 1896 г., Люблинской, *Курбасъ* — съ 15-го сентября 1898 г., Холмской учительской семинаріи, *Морозовъ* — съ 15-го августа 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* по Московскому учебному округу преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Марковъ*, *Зворыкинъ*, *Карельскихъ*, *Румянцевъ*, *Зубаревъ* и завѣдывающіе мастерскими того же училища: модельною, *Вессель*, литейною, *Ларіоновъ*, слесарною, *Гиллертъ*, механическою и сборною, *Поповъ*, всѣ девятеро—съ 1-го января 1899 г.; завѣдывающій учебными мастерскими Комисаровскаго техническаго училища *Лапшинъ*—съ 10-го

іюня 1896 года; учителя: Рязанской гимназіи, *Кантаржи*—съ 1-го октября 1898 г., Зарайскаго реальнаго училища, *Персональный*—съ 6-го ноября 1898 года, Московскаго промышленнаго училища, *Пѣгушевъ*—съ 1-го мая 1898 г., Поливановской учительской семинаріи (сверхштатный), *Андреевъ* — съ 8-го августа 1898 г.; врачъ Московскаго реальнаго училища, лѣкарь *Маевъ*—съ 30-го января 1899 г.; по Одесскому учебному округу, учитель Одесской 3-й гимназіи *Янушевскій*—съ 4-го августа 1897 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя мужскихъ гимназій: Кіевской 2-й, *Кротовъ*—съ 15-го сентября 1898 года, Кіевской 3-й, *Абри*—съ 7-го мая 1896 г. и *Лякоронскій*—съ 23-го февраля 1899 г., житомирской 1-й *Сушицкій*—съ 16-го февраля 1899 г., Нѣжинской, *Рымша*—съ 7-го декабря 1898 г., Новозыбковскаго реальнаго училища, *Ретшеръ* — съ 28-го января 1899 г., Кіевской женской, А. А. Бейтель, гимназіи: *Жукъ*—съ 20-го августа 1898 г. и *Тутковскій*—съ 1-го января 1898 г.; врачъ Кіевской 2-й мужской гимназіи *Туровѣровъ*—съ 25-го Сентября 1898 г., по Виленскому учебному округу: учитель Шавельской мужской гимназіи *Козловскій*—съ 9-го февраля 1899 г., штатный врачъ Пинскаго реальнаго училища *Пѣховъ*—съ 1-го декабря 1895 г.; по Варшавскому учебному округу: помощникъ инспектора училищъ гор. Варшавы *Покровскій*—съ 1-го января 1899 г.; учитель Варшавской 6-й мужской гимназіи *Эрдель* — съ 17-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Московскому учебному округу: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Казанскій* — съ 13-го января 1898 г.; лаборанты того же училища: технической лабораторіи, *Данговой* и физической, *Величковскій*, оба—съ 1-го января 1899 г.; учителя гимназій: Коломенской, *Линдеманъ*—съ 12-го ноября 1897 г., Костромской. *Мурашовъ*—съ 22-го февраля 1897 г., Рязанской, *Тереховъ*—съ 6-го іюля 1897 г., Ярославской: *Кунце*—съ 10-го марта 1898 г. и *Ярошевскій*—съ 1-го іюля 1898 г., женскихъ гимназій: Московской Петропавловской, *Миллеръ*—съ 16-го ноября 1897 г., Рыбинской Маріинской, *Смоленскій*—съ 1-го декабря 1897 г., гимназическаго отдѣленія Московскаго Петропавловскаго мужскаго училища, *Зейцъ*—съ 23-го ноября 1897 г., Егорьевской шестиклассной прогимназіи, *Цуриковъ*—съ 24-го января 1898 г., реальныхъ училищъ: Муромскаго, *Костроминъ*—съ 4-го октября 1897 г., Скопинскаго, *Эльмановичъ*—съ 1-го января 1898 г., Макарьевскаго ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова. *Тарбѣевъ*—съ 8-го января 1896 г.;

воспитатель при пансіонѣ Орловской гимназіи *Крюковъ*—съ 29-го сентября 1897 г.; наставникъ Новинской учительской семинаріи *Левченковъ*—съ 13-го октября 1898 г.; надзиратели Комисаровскаго училища: старшій *Наумовъ*—съ 12-го ноября 1897 г., младшій *Александровскій*—съ 28-го ноября 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Тульской гимназіи, *Змiевъ*—съ 1-го февраля 1899 г., Орловской шестиклассной прогимназіи, *Xализевъ* — съ 1-го января 1899 г., Московскаго реальнаго училища, *Наумовъ*—съ 12-го октября 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: (завѣдывающій) Кромскаго, *Зотовъ*—съ 15-го августа 1897 г., Калужскаго трехкласснаго, *Гагаринъ*—съ 3-го ноября 1898 г. и Серпуховскаго *Өедоровъ*—съ 28-го декабря 1898 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Екатеринославской, *Маньковскій* и *Погорѣловскій*, оба — съ 1-го августа 1898 г., Керченской: *Успенскій*—съ 14-го августа 1896 г. и *Ковальскій*—съ 26-то августа 1898 г., Одесскихъ: 2-й, *Селивановъ*—съ 1-го августа 1898 г., 4-й, *Дмитріевъ*—со 2-го сентября 1897 г., женскихъ прогимназій: Бендерской, *Саличко*—съ 30-го марта 1898 г. и Тираспольской, *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: мужскихъ гимназій: Нѣжинской, *Мишель*—со 2-го мая 1898 г., Черниговской, (воспитатель пансіона) *Циркунъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; Немировской, *Мироновичъ*—съ 29-го октября 1898 г., Кіевской 3-й, *Родіоновъ*—съ 11-го декабря 1895 г., женскихъ гимназій: Кіевской, А. Т. Дучинской, *Мишке*—съ 5-го апрѣля 1897 г., Прилукской, *Нелѣловъ*—съ 26-го октября 1897 г., врачъ Балтскаго одноклассного еврейскаго начальнаго училища *Лемельманъ*—съ 25-го іюля 1896 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Слуцкой гимназіи, *Сѣдовъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Виленскаго реальнаго училища, *Паливода*—съ 1-го сентября 1898 г., приготовительнаго класса Полоцкой учительской семинаріи, *Савицкій*—съ 1-го августа 1896 г.; по Варшавскому учебному округу: ординаторы Императорскаго Варшавскаго университета при клиникахъ: штатные: акушерской, *Брезинскій*—съ 1-го февраля 1899 г., госпитальной терапевтической, *Кнастеръ*—съ 20-го марта 1899 г., сверхштатные: офталмологической, *Цетнаровичъ*—съ 25-го февраля 1899 г., душевныхъ и нервныхъ болѣзней, *Ивановъ*—съ 29-го декабря 1898 года; сверхштатный помощникъ прозектора того же университета при каѳедрѣ физіологіи *Кучинскій*—съ 5-го ноября 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Московскому учебному округу: учителя: чистописанія и рисованія Скопинскаго реальнаго

училища, *Россовъ*—съ 1-го августа 1897 г.; городскихъ училищъ: Коломенскаго, *Котѣвъ*—съ 1-го августа 1898 г., 2-го Московскаго, *Островскій* — съ 1-го іюля 1898 г., Басманнаго, въ гор. Москвѣ, *Алексѣевъ* и Бронницкаго, *Глѣбинъ*, оба — съ 1-го августа 1898 г., Нижегородскаго трехкласснаго, имени св. князя Владиміра, *Шихиревъ*—съ 4-го сентября 1895 г., Орловскаго, *Лопиновъ*—съ 8-го іюля 1894 г., Кромскаго, *Булычевъ*—съ 1-го августа 1893 г., завѣдывающій Бѣлевскимъ двухкласснымъ народнымъ училищемъ, имени поэта В. А. Жуковскаго, *Щегловъ*—съ 8-го августа 1894 г., помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Коломенской, *Каплинъ*—съ 10-го ноября 1898 г. и Орловской, *Рязановъ*—съ 1-го октября 1893 г., младшій надзиратель Комисаровскаго техническаго училища *Архангельскій*—съ 15-го августа 1895 г.; по Одесскому учебному округу: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Стуковъ*—съ 15-го марта 1899 года; врачъ Елизаветградскаго 2-го начальнаго еврейскаго училища *Гольденбергъ*—съ 23-го мая 1897 г.; учителя: городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго Ефрусси (сверхштатный) *Семенчукъ* — съ 22-го января 1899 г., четырехклассныхъ: Измаильскаго, *Степанковскій*—съ 19-го марта 1896 г., Николаевскаго, *Колесниковъ*—съ 1-го іюля 1894 г., приготовительнаго класса Мелитопольскаго реальнаго училища, *Булашевъ*—съ 1-го февраля 1899 г., Саратово-Верневровскаго центральнаго двухкласснаго училища, *Мутшалъ*—съ 23-го октября 1892 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Прилукской мужской гимназіи, *Черняковъ*—съ 15-го октября 1898 г.; двухклассныхъ городскихъ училищъ: Каменецъ-Подольскаго, *Зленко*—съ 28-го февраля 1899 г., Ямпольскаго, *Милоченко*—съ 15-го января 1899 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Шавельской гимназіи, *Климонтовичъ*—съ 19-го марта 1899 года, Свенцянскаго городскаго училища, *Ивановъ* — съ 25-го ноября 1897 г., приготовительнаго класса Бобруйской прогимназіи, *Ляшевичъ*—съ 17-го августа 1898 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Слуцкой гимназіи, *Наркевичъ*—съ 21-го января 1899 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя гимназій: Лодзинской мужской, *Голушкевичъ* — съ 9-го декабря 1898 г., Варшавской 3-й женской, *Александровскій*—съ 1-го декабря 1898 г., приготовительнаго класса Пражской мужской, *Милоновъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Ловичскаго реальнаго училища, *Кричко*—съ 20-го ноября 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Пражской мужской гимназіи *Львовъ*—съ 1-го марта 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣт-*

ники: по Московскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Московской 1-й гимназіи, *Виноградовъ*—съ 1-го іюля 1896 г., Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища, *Григорьевъ* — съ 25-го сентября 1896 г., городскихъ училищъ: Верейскаго, *Самохинъ* — съ 22-го ноября 1896 г., Бронницкаго, *Васильевъ* —, съ 11-го сентября 1896 г., Орловскаго (сверхштатный) *Сходцевъ*—съ 1-го іюля 1895 г. и *Преображенскій* — съ 29-го ноября 1896 г., Веневскаго трехкласснаго, *Спицынъ*—съ 1-го января 1897 г., Сергачскаго уѣзднаго училища, *Покровскій*—съ 5-го октября 1895 г.; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ Одесскаго шестикласснаго Ефрусси, *Тищенко* — съ 1-го сентября 1897 г., Болградскаго трехкласснаго, *Потоцкій*—съ 1-го сентября 1896 г.; исправляющій должность учителя-завѣдывающаго Кагульскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Горбатюкъ*—съ 1-го августа 1898 г.; домашній учитель Херсонской дирекціи *Замъ* — съ 30-го іюля 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: учитель образцоваго при Глуховскомъ учительскомъ институтѣ училища *Тремко* — съ 1-го іюля 1895 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Кіевской 4-й гимназіи, *Пороховскій*—съ 10-го января 1899 г., Виницкаго реальнаго училища, *Терриховъ*—со 2-го декабря 1891 г.; по Варшавскому учебному округу: инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Сиволобовъ*—съ 28-го января 1887 г.; учителя: Ловичскаго реальнаго училища, *Старосивильскій*—съ 25-го января 1897 г.; Томашовскаго Александровскаго четырехкласснаго городскаго училища, *Мацуевъ* — съ 1-го сентября 1896 г., образцоваго училища при Вымыслинской учительской семинаріи (бывшій, нынѣ съ отставкѣ) *Келлеръ*—съ 1-го мая 1881 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу: письмоводитель Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища *Капутовскій* — съ 21-го іюля 1898 г.; состоящій за штатомъ учитель бывшаго Одоевскаго уѣзднаго училища *Муравьевъ*—съ 28-го августа 1896 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Клинскаго, *Владимірскій* — съ 29-го сентября 1898 г.; и Бронницкаго, *Стрежневъ*—съ 18-го декабря 1898 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Херсонской гимназіи, *Мякенко*—съ 30-го іюня 1897 г. и Ренискаго городскаго трехкласснаго училища *Свѣтенко*—съ 1-го августа 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Кіевской 3-й гимназіи, *Войтовичъ*—съ 13-го декабря 1896 г.; двухклассныхъ городскихъ училищъ: Бердичевскаго: *Подгорный* — съ 17-го марта

1895 г., *Давидовскій*—съ 1-го іюля 1895 г., Каневскаго, *Розматовскій*—съ 29-го октября 1893 г.; по Виленскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Виленской 1-й гимназіи *Киргиевскій*—съ 13-го апрѣля 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Макарьевскаго ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, *Лебедевъ*—съ 11-го марта 1893 г.; Городецкаго приходскаго училища Нижегородской губерніи, *Голубевъ* — съ 1-го іюля 1896 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Богородскаго, *Меленковъ*—съ 28-го января 1897 г., Орловскаго, *Ѳивейскій*—съ 1-го января 1893 г.; письмоводитель и бухгалтеръ общаго управленія промышленныхъ училищъ Костромской губерніи, имени Ѳ. В. Чижова, *Суворовъ*—съ 21-го марта 1893 г.; по Кіевскому учебному округу, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Шульжевичъ*—съ 8-го февраля 1899 г.; учитель чистописанія, черченія и рисованія Староконстантиновскаго двухкласснаго городскаго училища *Авсюнинъ*—съ 8-го марта 1899 г.; по Варшавскому учебному округу, дѣлопроизводитель канцеляріи Холмской учебной дирекціи *Москвинъ*—съ 4-го ноября 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу: помощникъ дѣлопроизводителя (онъ же архиваріусъ) Императорскаго Московскаго техническаго училища *Любимовъ* — съ 1-го января 1899 г.; учителя мужскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: Болховскаго, *Краснопольскій* — съ 17-го сентября 1896 г. и Карачевскаго, *Серебряковъ*—съ 22-го февраля 1897 г.; по Кіевскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Черкасскаго двухкласснаго городскаго училища *Кучерской*—съ 1-го марта 1898 г.; по Виленскому учебному округу, письмоводитель и бухгалтеръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ—*Григоровичъ*—съ 1-го марта 1899 г.; по Варшавскому учебному округу, канцелярскій служитель канцеляріи Холмской учебной дирекціи *Щуровскій*—съ 3-го февраля 1870 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, по Московскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, коллежскій секретарь князь *Волконскій*—съ 19-го октября 1894 г.; *надворнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: титулярные совѣтники: *Кскушевъ*—съ 1-го января 1899 г., *Ивановъ*, инженеръ-механики того же училища: *Лукинъ* и *Ламакинъ*, всѣ трое — съ 15-го октября 1898 г.; завѣдывающій модельно-столярною мастерскою того же училища *Давыдовъ*—съ 15-го

сентября 1898 г.; *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: учителя: Московской 6-й гимназіи, *Егоровъ*—съ 27-го января 1894 г., Рославльской шестиклассной прогимназіи, *Сырейщиковъ*—съ 20-го октября 1894 г.; реальныхъ училищъ: при реформатской церкви въ Москвѣ: *Сакулинъ*—съ 13-го августа 1893 г., губернскій секретарь *Піотровичъ* — съ 22-го октября 1894 г., Орловскаго Александровскаго, *Лаврентьевъ* — съ 1-го іюля 1894 г., Ливенской женской гимназіи, *Терновскій*—съ 14-го января 1895 г.; по Одесскому учебному округу: учителя женскихъ гимназій: Кишиневской 2-й, учрежденной княгиней Н. Г. Дадіани, *Орловъ*—съ 11-го ноября 1883 г. и Ѳеодосійской, *Грищенко*—съ 7-го января 1895 г.; по Кіевскому учебному округу, воспитатель пансіона Черниговской гимназіи *Корбелецкій*—съ 15-го марта 1895 г.; по Виленскому учебному округу: учителя реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго, коллежскій регистраторъ *Михайловъ*—съ 25-го января 1895 г., Поневѣжскаго, *Герке*—съ 26-го октября 1894 г.; наставникъ Молодечненской учительской семинаріи *Кедровъ*—съ 7-го марта 1895 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: врачи: Московской 6-й гимназіи, *Мясниковъ*—съ 24-го августа 1894 г., Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Цалкинъ* — съ 25-го января 1895 г., Елецкаго городскаго училища, *Смирновъ*—съ 31-го декабря 1894 г., всѣ трое—по степени лѣкаря; руководитель работъ Тульскаго ремесленнаго училища по столярному ремеслу *Шатровъ* — съ 1-го сентября 1894 г.; по Кіевскому учебному округу, врачъ Ровенскаго реальнаго училища *фонъ-Мейстеръ*—съ 27-го ноября 1894 г., по степени лѣкаря; по Варшавскому учебному округу: штатный ординаторъ Императорскаго Варшавскаго университета при офталмологической клиникѣ *Вабаласъ*—съ 20-го января 1894 г. и сверхштатный помощникъ прозектора того же университета при каѳедрѣ описательной анатоміи *Ковалевскій*—съ 1-го апрѣля 1894 г., оба—по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Московскому учебному округу: члены-соревнователи попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища: *Оссовецкій*—съ 2-го января 1891 г., *Цыплаковъ*—съ 1-го іюля 1897 г., оба—по степени инженеръ-технолога, *Листъ*—съ 23-го ноября 1899 г., *Михайловъ* — съ 1-го іюля 1898 г., оба по степени инженеръ-механика; помощникъ классныхъ наставниковъ Калужской гимназіи *Глухаревъ*—съ 1-го августа 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Можайскаго, *Королевъ* — съ 1-го іюля 1894 г., Рогожскаго въ городѣ Москвѣ, *Богдановичъ* — съ 16-го декабря 1894 г., Смоленскаго 1-го,

Назаровъ—съ 16-го апрѣля 1891 г.. Сычевскаго, *Боушевъ*—съ 7-го сентября 1893 г.; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Аккерманскаго, *Скляренко* (онъ же Сюда)—съ 1-го августа 1894 г. и Очаковскаго (бывшій, нынѣ воспитатель Херсонской земской фельдшерской школы) *Щуръ* — съ 1-го августа 1893 г.; по Кіевскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Немировской гимназіи *Добржанскій* — съ 1-го февраля 1895 г.; надзиратель Кіевской 2-й гимназіи *Булаковъ* — съ 1-го января 1898 г., по степени кандидата богословія; по Варшавскому учебному округу: бывшій учитель Онежскаго двухкласснаго городскаго училища, нынѣ учитель ручнаго труда Бѣльской учительской семинаріи *Васильевъ* — съ 15-го августа 1891 г.; штатный учитель Лодзинскаго Александровскаго четырехласснаго городскаго училища *Евцехевичъ*—съ 13-го декабря 1894 г.; *губернскаго секретаря*: по Московскому учебному округу, учитель Арзамасской Екатерининской женской прогимназіи *Кокушкинъ*—съ 1-го августа 1894 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Васильковскаго, *Иванецъ* — съ 25-го января 1895 г., Сквирскаго, *Самусь*—съ 10-го октября 1894 г., Черкасскаго, *Журковскій*—съ 28-го сентября 1893 г.; по Виленскому учебному округу, бывшій учитель Ошмянскаго уѣзднаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Поповъ*—съ 7-го октября 1875 г.; *коллежскаго регистратора*: по Московскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Костромскаго низшаго химико-техническаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, *Дроздовъ*—съ 15-го августа 1891 г., домашніе учителя дирекцій народныхъ училищъ: Московской губерніи, *Вонзблейнъ*—съ 29-го ноября 1896 г. и Смоленской губерніи, *Грачевъ*—съ 20-го ноября 1895 года.

Назначаются: приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, докторъ чистой математики *Граве* и Московскаго, магистръ политической экономіи и статистики *Соболевъ*, первый—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрѣ чистой математики, а второй—исправляющимъ должность ординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета, по каѳедрѣ политической экономіи и статистики; директоры прогимназій: Бѣльской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гвоздевъ* и Измаильской, статскій совѣтникъ *Стрижевскій*, инспекторъ Владимірской гимназіи, статскій совѣтникъ *Шнейдеръ* и преподаватели: Московской 7-й гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Герасимовъ* и Ташкентской гимназіи, надворный совѣтникъ *Дьячковъ*—директорами: Гвоздевъ—Бѣль-

ской гимназіи, Стрижевскій—Бахмутской гимназіи, Шнейдеръ—Ржевской прогимназіи, Герасимовъ—Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта, въ Москвѣ, и Дьячковъ—Самаркандской женской гимназіи; библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, статскій совѣтникъ *Радловъ*—редакторомъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Сабининъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета по каѳедрѣ римскаго права.

Увольняются: отъ службы: за выслугою срока: директоры Ржевской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Симсонъ* и Бахмутской гимназіи, статскій совѣтникъ *Мальцовъ*; согласно прошенію, директоръ Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта, въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смысловскій*.

(9-го іюля 1899 года). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, сотникъ *Иловайскій*—почетнымъ попечителемъ Батумской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи.

Назначаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ Монгольской словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Позднѣевъ*—директоромъ восточнаго института, съ 1-го іюля; директоры: Минской гимназіи, статскій совѣтникъ *Васильевъ* и Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Адо*—одинъ на мѣсто другаго; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, коллежскій ассесоръ *Гулевичъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрѣ медицинской химіи.

Увольняются: отъ службы, согласно прошеніямъ: директоры: главнаго нѣмецкаго училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фризендорфъ* и Прагской гимназіи, статскій совѣтникъ *Водолагинъ*—оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными, изъ нихъ Фризендорфъ съ 1-го іюля.

Производится, за отличіе, изъ тайныхъ въ *дѣйствительные тайные совѣтники*, попечитель Виленскаго учебнаго округа, сенаторъ Николай *Сергіевскій*, съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ должности попечителя округа и съ оставленіемъ въ званіи сенатора, съ 25-го іюня.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія предположено образовать зимою текущаго года комиссію, которой будетъ поручено разработать всесторонне вопросъ объ улучшеніяхъ нашей общеобразовательной средней школы. Попечителямъ учебныхъ округовъ предложено избрать изъ числа наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ педагоговъ отъ 2—4 представителей и передать симъ послѣднимъ, для руководства въ ихъ подготовительныхъ работахъ, указанія министерства о задачахъ предстоящей комиссіи.

13. (8-го мая 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго законоучителя Веневскаго городскаго, по положенію 31-го мая 1872 года, трехкласснаго училища, священника Арсенія Ивановича Каменскаго при означенномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Веневскомъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, трехклассномъ училищѣ учреждаются четыре стипендіи имени покойнаго законоучителя означеннаго училища, священника Арсенія Ивановича Каменскаго на проценты съ капитала въ *триста* руб., завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $3^1/_2$% билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ, хранится въ Веневскомъ уѣздномъ казначействѣ въ отдѣлѣ спеціальныхъ средствъ Веневскаго городскаго, по положенію 1872 года, трехкласснаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе за наиболѣе бѣднѣйшихъ и лучшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ названнаго училища.

§ 4. При настоящемъ размѣрѣ платы за ученіе—3 руб. въ годъ проценты зачитаются за трехъ учениковъ за весь годъ и за одного—за полгода. Въ случаѣ же увеличенія размѣра платы за ученіе число стипендій должно сообразно тому сократиться.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, постановленія коего объ избраніи стипендіатовъ, а равно о лишеніи ихъ стипендіи, въ случаѣ малоуспѣш-

ности или неодобрительнаго поведенія ихъ, утверждаются директоромъ народныхъ училищъ.

§ 6. Ученики, оставшіеся въ томъ же классѣ на другой годъ по малоуспѣшности, лишаются стипендіи; оставшіеся же по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ не лишаются стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со спеціальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

14. (17-го мая 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина при Таращанскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Таращанскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждается одна стипендія имени А. С. Пушкина на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто* руб., пожертвованнаго купцомъ 1-й гильдіи Леопольдомъ Осиповичемъ Матaшевскимъ, въ память столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращенію его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Таращанскаго городскаго училища и составляетъ неотъемлемую собственность училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ училищѣ избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища христіанскаго исповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа.

§ 6. Въ случаѣ малоуспѣшности, не вызываемой уважительными причинами, или дурнаго поведенія, стипендіатъ лишается права на дальнѣйшее пользованіе стипендіей и на его мѣсто избирается новый стипендіатъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Таращанскаго городскаго двухклассналго училища въ какое либо другое училище, капиталъ передается въ вѣдѣніе послѣдняго для употребленія по назначенію.

15. (31-го мая 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени братьевъ: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Платона Ивановича, статскаго совѣтника Якова Ивановича и коллежскаго ассесора Василія Ивановича Довголевскихъ при Новгородсѣверской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *шесть тысячъ* руб., завѣщаннаго статскимъ совѣтникомъ Яковомъ Ивановичемъ Довголевскимъ, учреждается при Новгородсѣверской мужской гимназіи одна стипендія имени братьевъ завѣщателя: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Платона Ивановича, статскаго совѣтника Якова Ивановича и коллежскаго ассесора Василія Ивановича Довголевскихъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія предоставляется, согласно волѣ завѣщателя, одному изъ бѣдныхъ учениковъ гимназіи, христіанскаго вѣроисповѣданія изъ дворянъ Черниговской губерніи, Новгородсѣверскаго уѣзда, заявившему себя, при отличномъ поведеніи прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій за лѣность и дурное поведеніе, предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендіаты могутъ оставаться въ классѣ на второй годъ только по случаю болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (1-го іюня 1899 года). *Положеніе о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на капиталъ, завѣщанный Н. И Богомоловымъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *3.000* руб., завѣщаннаго умершимъ присяжнымъ повѣреннымъ округа С.-Петербургской судебной палаты, окончившимъ курсъ по юридическому факультету въ Московскомъ университетѣ въ 1863 г. Николаемъ Ивановичемъ Богомоловымъ, учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное пособіе на взносъ платы за слушаніе лекцій.

§ 2. Пособіе должно быть уплачиваемо за двухъ студентовъ, подлежащихъ исключенію изъ университета, за невзносъ платы за слушаніе лекцій, за одного по юридическому факультету въ память Николая Ивановича Богомолова и за одного студента по физико-математическому факультету по разряду естественныхъ наукъ въ память умершаго брата его Петра Ивановича Богомолова, окончившаго курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1865 году.

§ 3. Назначеніе пособія производится правленіемъ университета на основаніи общихъ правилъ назначенія стипендій и пособій студентамъ университета.

§ 4. Пособіе не должно быть выдаваемо на руки студентамъ, а перечисляется по полугодно правленіемъ въ суммы сбора за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 5. Могущій оказаться, по перечисленіи слѣдуемыхъ за слушаніе лекцій денегъ, остатокъ отъ процентныхъ денегъ, долженъ быть обращенъ на увеличеніе капитала, на пособіе студентамъ.

§ 6. Правила сіи исполняются по мѣрѣ накопленія достаточной суммы изъ процентовъ.

§ 7. Пользованіе пособіемъ не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

17. (1-го іюня 1899 года). *Положеніе о преміи имени Н. И. Богомолова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* рублей, государственной 4% ренты, пожертвованнаго окончившимъ курсъ по юридическому факультету въ Московскомъ университетѣ въ 1863 году, Николаемъ Ивановичемъ Богомоловымъ, учреждается премія имени жертвователя на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Москов-

скаго университета за лучшія сочиненія по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству, написанныя окончившими курсъ въ Московскомъ университетѣ.

§ 2. Назначеніе преміи предоставляется юридическому факультету Императорскаго Московскаго университета.

§ 3. Премія выдается періодически, каждые 4 года, по очереди, за сочиненія по уголовному и гражданскому праву и процессу.

§ 4. Юридическій факультетъ заблаговременно публикуетъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* тему, на которую должно быть написано сочиненіе для соисканія преміи.

§ 5. Размѣръ преміи опредѣляется процентами за 4 года, исключая расходы по публикаціи. Допускается присужденіе половинной преміи, а также двухъ премій въ половинномъ размѣрѣ.

§ 6. Если никто въ опредѣленный срокъ не будетъ удостоенъ преміи или останется неприсужденною половина преміи, то премія на тѣ же темы переносится на слѣдующій періодъ, внѣ очереди. Въ случаѣ же неприсужденія преміи и въ этотъ второй срокъ, она присоединяется къ капиталу.

§ 7. Сочиненія могутъ быть печатныя или рукописныя. Удостоенное полной или половинной преміи рукописное сочиненіе должно быть напечатано авторомъ, для чего послѣднему можетъ быть выдана половина присужденной преміи.

§ 8. Профессоры Императорскаго Московскаго университета не могутъ участвовать въ соисканіи преміи.

18. (1-го іюня 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени почетнаго гражданина астраханскаго 1-ой гильдіи купца Харитона Ефремовича Ефремова при Астраханской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* рублей, пожертвованнаго почетнымъ гражданиномъ Астраханскимъ 1-й гильдіи купцомъ Харитономъ Ефремовичемъ Ефремовымъ, учреждается при Астраханской мужской гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Астраханской гимназіи, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ

нихъ 5% государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за ученіе одного изъ учениковъ названной гимназіи, православнаго вѣроисповѣданія (не исключая и старообрядцевъ), заслуживающаго того по своимъ удовлетворительнымъ успѣхамъ въ наукахъ и отличному поведенію, при чемъ преимущество должно быть отдаваемо бѣднымъ родственникамъ жертвователя.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи, или употребляются на взносъ платы за ученіе другихъ учениковъ означенной гимназіи.

§ 5. Стипендіатъ избирается при жизни жертвователя имъ самимъ изъ успѣвающихъ и отличныхъ по поведенію учениковъ, а по смерти его—право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время продолженія ученія въ гимназіи, если онъ заслуживаетъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію, если же стипендіатъ останется на второй годъ въ томъ же классѣ, то стипендія можетъ быть оставлена за нимъ только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, въ противномъ случаѣ передается другому ученику, удовлетворяющему указаннымъ въ § 3 настоящаго положенія условіямъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

19. (3-го іюня 1899 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени бывшаго военнаго губернатора Приморской области генералъ-лейтенанта Павла Федоровича Унтербергера при Владивостокской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу триста пятьдесятъ* руб., пожертвованныхъ населеніемъ Приморской области, учреждаются при Владивостокской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени генералъ-лейтенанта П. Ф. Унтербергера, бывшаго военнаго губернатора Приморской области.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, заключается въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ и хранится во Владивостокскомъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ съ оныхъ

5% государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ учениковъ названной гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ возвышенія платы за ученіе число стипендіатовъ можетъ быть сокращено.

§ 4. Выборъ стипендіата изъ числа бѣдныхъ учениковъ гимназіи, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, безъ различія сословій, но изъ числа русскихъ, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія стипендій, или же выдаются въ пособіе стипендіатамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Владивостокской мужской гимназіи въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ переходитъ въ распоряженіе послѣдняго на условіяхъ настоящаго положенія.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

20. (12-го іюня 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Парфентьевича Дегтерева при Кіевскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *четыре тысячи* руб., завѣщаннаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Михаиломъ Парфентьевичемъ Дегтеревымъ, учреждаются при Кіевскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала употребляются на воспитаніе двухъ учениковъ названнаго училища, дѣтей мѣстныхъ бѣдныхъ жителей гор. Кіева, православнаго вѣроисповѣданія, преимущественно изъ купеческаго или мѣщанскаго сословія.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ предоставляется всецѣло педагогическому совѣту училища.

§ 5. Стипендіи выдаются родителямъ стипендіатовъ или заступающимъ ихъ мѣсто лицамъ по полугодно впередъ, въ размѣрѣ полугодовыхъ процентовъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выбытія стипендіата до окончанія полугодія выданныя деньги обратно не взыскиваются.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Во все время пребыванія въ училищѣ стипендіаты должны быть поведенія отличнаго, а по успѣхамъ относиться къ числу успѣвающихъ.

Примѣчаніе. Стипендія сохраняется за стипендіатомъ, оставшимся и на второй годъ, въ томъ лишь случаѣ, если причины неуспѣшности его признаны будутъ педагогическимъ совѣтомъ училища вполнѣ уважительными.

§ 8. Стипендіатъ лишается стипендіи за невыполненіе вышеозначенныхъ условій относительно поведенія и успѣховъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

21. (28-го іюня 1899 года). *Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ.*

Препровождая при семъ экземпляръ „Каталога учебныхъ руководствъ и пособій, рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1899 г.“, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе о разсылкѣ означенныхъ экземпляровъ для руководства педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

Вмѣстѣ съ симъ, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ усматривается изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, начальниками сихъ заведеній допускаются къ употребленію при преподаваніи не только позднѣйшія изданія тѣхъ сочиненій, которыя были разсмотрѣны и одобрены ученымъ комитетомъ въ одномъ изъ предшествующихъ изданій, но даже и такія сочиненія, которыя вовсе не были одобрены ученымъ комитетомъ, считаю долгомъ покорнѣйше просить васъ подтвердить начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній округа, особымъ циркулярнымъ распоряженіемъ, объ обязанности ихъ строго слѣдить за неуклоннымъ соблюденіемъ педагогическими совѣтами установленнаго закономъ для мужскихъ гимназій, прогим-

назій и реальныхъ училищъ требованія, согласно коему учебныя руководства и пособія должны быть выбираемы изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности. При этомъ надлежитъ разъяснить педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній, что требованіе это должно быть относимо не только къ новымъ, впервые выходящимъ изъ печати сочиненіямъ, но и къ каждому новому изданію тѣхъ сочиненій, которыя уже были одобрены въ одномъ или нѣсколькихъ предыдущихъ изданіяхъ. Но, въ предупрежденіе различныхъ неудобствъ, которыя могли бы возникнуть при немедленномъ же примѣненіи сего требованія къ новымъ изданіямъ сочиненій, однажды уже одобренныхъ ученымъ комитетомъ, представляется необходимымъ разъяснить педагогическимъ совѣтамъ, что въ теченіе двухъ ближайшихъ лѣтъ, то-есть, до 1901—1902 учебнаго года, всѣ сочиненія, которыя вошли въ отпечатанный нынѣ каталогъ, могутъ быть допускаемы къ употребленію и въ позднѣйшихъ изданіяхъ, если только эти изданія не содержатъ въ себѣ, по сравненію съ изданіями одобренными, какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ, которыя дѣлали бы ихъ непригодными къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ, но что, начиная съ 1901—1902 года, позднѣйшія изданія учебныхъ руководствъ и пособій, одобренныхъ ученымъ комитетомъ въ какомъ-либо предыдущемъ изданіи, могутъ быть допускаемы къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ не иначе, какъ по одобреніи этихъ изданій ученымъ комитетомъ.

Что же касается женскихъ гимназій и прогимназій, то хотя для нихъ такого требованія относительно выбора учебныхъ книгъ изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности, закономъ не установлено, однако, въ виду того, что согласно ст. 2700 XI т. I ч. Св. Зак. (изд. 1893 г.), заключенія педагогическихъ совѣтовъ сихъ заведеній по выбору учебныхъ руководствъ и пособій должны быть представляемы на утвержденіе высшаго начальства, я считаю цѣлесообразнымъ установить такой порядокъ, чтобы окружное начальство при утвержденіи означенныхъ заключеній руководствовалось правиломъ, которое установлено закономъ относительно выбора учебныхъ руководствъ и пособій для мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, то-есть, допускало бы къ употребленію и въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ лишь тѣ сочиненія и изданія, которыя будутъ предварительно одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги, изданныя редакціею журнала „Образованіе", подъ общимъ заглавіемъ: „Исторія французской литературы. *Г. Лансона,* проф. Ecole Normale въ Парижѣ": 1) „XVII вѣкъ. Переводъ съ французскаго *З. Венгеровой.* С.-Пб. 1899. Стр. III + 257 + XXII. Цѣна 1 р."— 2) „XVIII вѣкъ. Переводъ съ французскаго *П. О. Морозова.* С.-Пб. 1899. Стр. II + 230 + XIV. Цѣна 1 р."—3) „XIX вѣкъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *П. О. Морозова.* С.-Пб. 1899. Стр. IV + 246 + XXXIV. Цѣна 1 р."—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Рельефную карту, изданную географическою мастерскою капитана *П. Е. Иванова* (въ г. Козловѣ Тамбовской губ.), подъ заглавіемъ: „Святая Земля, Земля Ханаанская, Земля Обѣтованная. Палестина для изученія Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Рельефъ историческій. (Цѣна 15 р.)"—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи Священной исторіи, для всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Очеркъ методики и дидактики учебной географіи. Составилъ *А. Соколовъ,* преподаватель географіи, дѣйствительный членъ Императорскаго русскаго географическаго общества и Санктпетербургскаго общества естествоиспытателей. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Съ двумя таблицами чертежей. С.-Пб. 1899. Стр. 190. Цѣна 1. р."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также допустить въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи методики географіи въ VIII классѣ женскихъ гимназій и въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга тринадцатая. Изданіе А. Н. Мамонтова. С.-Пб. 1899. Стр.

XIV + 413. Цѣна 2 р. 50 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Полное собраніе сочиненій *М. Ю. Лермонтова* въ двухъ томахъ (въ одномъ переплетѣ) подъ редакціей *В. В. Чуйко*, съ портретомъ Лермонтова, его біографіею и 41 отдѣльными картинами художника В. А. Полякова. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. 1897. Стр. XIV+303+VI+336+VIII+2. Цѣна 2 р."— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ *Е. Ѳ. Карскій*, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета. Седьмое изданіе, переработанное. Вильна. 1899. Стр- IV + 112. Цѣна 60 коп."—одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Редакція *С. А. Венгерова*. Изданіе Г. В. Юдина. Томъ I. А—Бабаждановъ. С.-Пб. 1897. Стр. VI + 476.—Томъ II. Бабаевъ—Богатырь. С.-Пб. 1898. Стр. VI + 472.—Томъ III. Богатырь—Вавилонъ. Стр. IV + 476. Цѣна по 3 р. 50 коп. за томъ"—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Образцы рѣшенія геометрическихъ задачъ помощью тригонометріи съ приложеніемъ задачъ и таблицы тригонометрическихъ формулъ. Составилъ *Н. де-Жоржъ*, преподаватель математики 8-й С.-Петербургской гимназіи и реальнаго училища Н. Богинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. IV + 78. Цѣна 35 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при повтореніи геометріи въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Изданіе: „Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ: Рефераты, читанные въ 1895 году. (Годъ I). М. 1896. Стр. 219 + IV.—Рефераты, читанные въ 1896 и 1897 гг. (Томъ II). М. 1898. Стр. 408 + II. Цѣна не обозначена."— одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „Собраніе сочиненій *Фенимора Купера*. Изданіе П. П.

Сойкина. С.-Пб. 1897—1898. 12 томовъ. Т. I. Звѣробой.—Т. II. Слѣдопытъ.—Т. III. Послѣдній изъ могиканъ.—Т. IV. Піонеръ.—Т. V. Прерія.—Т. VI. Блуждающій огонь.—Т. VII. На сушѣ и на морѣ.—Т. VIII. Хижина на холмѣ.—Т. IX. Краснокожіе. — Т. X. Красный корсаръ.—Т. XI. Колонія на кратерѣ.—Т. XII. Пѣнитель моря".—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки, изданныя Я. Канторовичемъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Законы. Дешевое изданіе для народа. С.-Пб.":—1) „О продажѣ и куплѣ. Цѣна 5 коп."—2) „О правѣ собственности. Цѣна 15 коп."—3) „О правахъ состоянія дворянства. Цѣна 5 коп."—4) „О правахъ состоянія духовенства. Цѣна 5 коп."—5) „О правахъ состоянія городскихъ обывателей. Цѣна 10 коп."—6) „О правахъ состоянія сельскихъ обывателей. Цѣна 5 коп."—7) „О судебныхъ установленіяхъ. Цѣна 10 коп." — 8) „О наслѣдованіи. Цѣна 10 коп."—9) „О наймѣ слугъ и рабочихъ. Цѣна 5 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Для школъ, училищъ, народа и войска. Памятка русскому народу какъ исполнить Царскую службу. Изданіе книжнаго склада В. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ". С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 15 коп." — допустить въ учительскія и ученическія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры, изданныя Товариществомъ „Общественная Польза", подъ общимъ заглавіемъ: „Птицы. Извлеченіе изъ „Жизни животныхъ" *А. Брема*. Для народнаго чтенія. Подъ редакціею *К. Сентъ-Илера*.": 1) „№ 21. Соколы. Цѣна 15 коп."—2) „№ 22. Орлы. Цѣна 15 коп."—3) „№ 23. Коршуны и ястребы. Цѣна 20 коп."—4) „№ 24. Грифы и совы. Цѣна 15 коп."—5) „№ 25. Дятлы и кукушки. Цѣна 15 коп.".—6) „№ 26. Попугаи. Цѣна 15 коп."—7) „№ 27. Соловьи, дрозды и другіе пѣвуны. Цѣна 20 коп."—8) „№ 28. Воробьи, клесты и скворцы. Цѣна 20 коп."—9) „№ 29. Синицы, жаворонки и трясогузки. Цѣна 20 коп."—10) „№ 30. Вороновыя. Цѣна 20 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: *А. С. Пушкинъ*. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ поэта и краткимъ очеркомъ его жизни. Подъ

редакціей *Э. Трапани*. Изданіе книжнаго магазина Б. Бошоефа. Кишиневъ. 1899. Стр. XI + 3 + 428 + 2. Цѣна 50 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Труды *Я. К. Грота*. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра. (1839—1881). Очерки и переводы. Изданы подъ редакц. проф. *К. Я. Грота*. С.-Пб. 1898. Стр. 1071. Цѣна 3 р."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Сборникъ трехголосныхъ пѣсенъ для дѣтскаго хора. Пособіе къ хоровому обученію. Выпускъ 1-й и 2-й. Изд. 3-е. Составилъ *Н. М. Ерошенко*. Изд. книгопродавца-издателя Е. П. Распопова въ Одессѣ Стр. 48. Цѣна 60 коп." — допустить, въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію, во всѣ мужскія и женскія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Легкая азбука. Первая книжка для дѣтей. Съ прописями, картинами и матеріаломъ для рисованія по сѣткѣ. Составила народная учительница *А. Барановская*. Изданіе Г. В. Б. С.-Пб. 1898. Стр. 82+18. Цѣна 75 коп."—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „*Викторъ Острогорскій*. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ, гр. Л. Толстой, Погосскій, С. Т. Аксаковъ. Изд. 4-е, просмотрѣнное и дополненное. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1899. Стр. XVI+356. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Памятникъ. А. С. Пушкинъ. Кантата для ученическаго хора. Музыка *Г. В. Валакоса*. Стр. 4. Цѣна для хора 50 коп.,

для оркестра 2 р."—допустить къ исполненію въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Учебникъ: „Начальная физика для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Составилъ *С. Ковалевскій*, преподаватель физики въ С.-Пб. первомъ реальномъ училищѣ. Изд. 3-е, пересмотрѣнное. С.-Пб. 1899. Стр. IV+141. Цѣна 65 коп."—допустить къ классному употребленію въ городскихъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ его изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: „*М. А. Бубликъ*. Спутникъ „Русской рѣчи", составленной М. Вольперомъ для употребленія при обученіи русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Въ двухъ частяхъ. Часть II-я, относящаяся къ 3-му выпуску „Русской рѣчи" и заключающая въ себѣ полную разработку матеріала объяснительнаго чтенія по сему выпуску. Пособіе для учащихся. Вильна. 1899. Стр. 96. Цѣна 30 коп."—допустить къ употребленію въ тѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ, гдѣ дѣти при поступленіи не знаютъ по-русски.

— Книжку: „Мадрихъ Гаіелодимъ, то-есть дѣтскій наставникъ. Учебная книга съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій и съ переводомъ словъ на русскій языкъ. Часть II. Первая книжка послѣ букваря. Сост. *К. Г. Волоцкій*. Варшава. 1898. Стр. 124. Цѣна 35 коп."—допустить къ употребленію въ еврейскихъ училищахъ въ качествѣ учебнаго руководства по древне-еврейскому языку.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Журналъ: „Птицеводное хозяйство", издаваемый въ текущемъ году Россійскимъ обществомъ сельско-хозяйственнаго птицеводства. Москва. 1899. Годъ 1-й, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, годовая

цѣна 3 руб., съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи"—одобрить для библіотекъ промышленныхъ училищъ.

— Брошюру *А. Нейсона*: „Практическое руководство къ постройкѣ лодокъ. (Для любителей). Переводъ съ англійскаго, съ 70-ю политипажами въ текстѣ, изданіе ред.-изд. „Ремесленной Газеты", Москва. 1896. Стр. 91. Цѣна 80 коп."—допустить въ библіотеки тѣхъ ремесленныхъ училищъ, гдѣ введено столярное ремесло.

— Брошюру священника *І. Анурьева*: „Токарь-самоучка, съ 55-ю рисунками, Вологда. 1897. Стр. 38. Цѣна 15 коп."—допустить въ библіотеки тѣхъ начальныхъ школъ съ ремесленными классами, въ которыхъ преподается обработка дерева.

— Брошюру того же автора: „Домашній маляръ. (Общедоступное наставленіе красить и оклеивать обоями). Съ 8-ю рисунками. Вологда. 1898. Стр. 32. Цѣна 15 коп."—одобрить для библіотекъ ремесленныхъ училищъ и тѣхъ начальныхъ училищъ, при коихъ имѣются ремесленные классы или отдѣленія.

— Брошюру того же автора: „Домашній переплетчикъ на инструментахъ своего издѣлія. Съ 19-ю рисунками. второе дополненное изданіе, Вологда. 1898. Стр. 30. Цѣна 10 коп."—допустить въ библіотеки низшихъ ремесленныхъ школъ всѣхъ спеціальностей и начальныхъ училищъ съ ремесленными отдѣленіями.

— Брошюру *А. И. Попова*, подъ заглавіемъ: „Сельская геодезія. Изданіе книжнаго магазина „Деревня". Съ 25-ю рисунками простѣйшихъ приборовъ и чертежами примѣрныхъ плановъ, С.-Пб. 1898. Стр. 51. Цѣна 25 коп."—одобрить для библіотекъ сельскихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ школъ.

— Книгу *А. Угарова*, подъ заглавіемъ: „Механическая обработка джута и кенефа. Съ чертежами на 17-ти листахъ. Изданіе К. А. Казначеева. Москва. 1898. Стр. 64. Цѣна 2 руб."—одобрить для библіотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

О преміяхъ имени статсъ-секретаря Вешнякова за учено-литературные труды по сельско-хозяйственной части.

По случаю назначенія, въ 1893 году, бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря В. И. Вешнякова членомъ государственнаго совѣта, въ средѣ чиновъ министерства государственныхъ имуществъ возникла мысль составить, по добровольной подпискѣ, капиталъ на учрежденіе, въ память свыше сорокалѣтней службы статсъ-секретаря Вешнякова въ означенномъ министерствѣ, премій за учено-литературные труды по сельско-хозяйственной части. По всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, во 2-ой день марта 1898 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе пожертвованнаго капитала для обращенія таковаго, согласно волѣ жертвователей, на выдачу премій имени статсъ-секретаря Вешнякова за учено-литературные труды по сельско-хозяйственной части.

Въ виду § 7, утвержденнаго г. министромъ 1-го марта того же 1898 года, положенія о названной преміи, ученый комитетъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса о ближайшихъ основаніяхъ присужденія этой преміи, и нынѣ, во исполненіе журнальнаго постановленія своего, приглашаетъ желающихъ къ участію въ соисканіи сказанной преміи, на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ, утвержденныхъ г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ 23-го января текущаго 1899 года:

§ 1. Въ память дѣятельности по министерству государственныхъ имуществъ бывшаго товарища министра, статсъ-секретаря Вешнякова, учреждается премія, въ размѣрѣ *пятисотъ* рублей, для выдачи преподавателямъ среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а также бывшимъ воспитанникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства, за учено-литературные труды по сельско-хозяйственной части.

Примѣчаніе. При отсутствіи сочиненій, вполнѣ удовлетворяющихъ требованіямъ конкурса, двумъ лучшимъ трудамъ могутъ быть присуждаемы премія, въ размѣрѣ 250 рублей каждая.

§ 2. Премія сія выдается на счетъ процентовъ съ особаго, собраннаго для этой цѣли, по подпискѣ среди чиновъ бывшаго министерства государственныхъ имуществъ, капитала, по присужденію ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, съ утвержденія министра, чрезъ каждыя пять лѣтъ, начиная съ 3-го декабря 1902 года, какъ дня, въ который исполняется 50 лѣтъ со вступленія статсъ-секретаря Вешнякова на государственную службу въ бывшее министерство государственныхъ имуществъ.

Примѣчаніе 1. Означенный капиталъ, обращенный въ процентныя бумаги, хранится, въ составѣ спеціальныхъ средствъ по департаменту земледѣлія, въ главномъ казначействѣ.

Примѣчаніе 2. При увеличеніи капитала, указанный выше пятилѣтній срокъ можетъ, съ разрѣшенія министра, быть сокращенъ.

§ 3. Присужденіе преміи, въ указанные выше сроки, пріурочивается къ 3-му декабря, и о немъ публикуется въ изданіяхъ министерства, съ указаніемъ основаній, по коимъ сочиненіе признано достойнымъ награды.

§ 4. Къ соисканію преміи допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ, печатныя или рукописныя, по сельскому хозяйству вообще или по одному изъ его отдѣловъ, какъ-то: по растеніеводству и животноводству со всѣми ихъ отраслями, по почвовѣдѣнію и агрономической химіи, по прикладной ботаникѣ и зоологіи (главнымъ образомъ, по акклиматизаціи и ученію о вредныхъ и полезныхъ для сельскаго хозяйства животныхъ и растеніяхъ), по сельско-хозяйственной метеорологіи, по сельско-хозяйственной экономіи и статистикѣ и по сельско-хозяйственному счетоводству.

§ 5. Преміи удостоиваются: 1) преимущественно такія сочиненія, которыя, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, служатъ существеннымъ обогащеніемъ той или другой изъ означенныхъ въ § 4 отраслей сельско-хозяйственныхъ наукъ, внося въ нихъ новые факты, наблюденія и воззрѣнія, и, затѣмъ, 2) такія особенно важныя сочиненія, которыя хотя и не содержатъ въ себѣ новыхъ изслѣдованій и открытій, но, тѣмъ не менѣе, полнымъ и основательнымъ изложеніемъ той или другой отрасли сельско-хозяйственныхъ наукъ могутъ быть полезны для русскаго практиче

скаго сельскаго хозяйства, пополняя существующіе пробѣлы въ современной сельско-хозяйственной литературѣ.

§ 6. Для конкурса на премію имени статсъ-секретаря Вешнякова сочиненія рукописныя или печатныя могутъ поступать въ ученый комитетъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ или отъ самихъ авторовъ, или по указанію департамента земледѣлія или членовъ комитета.

§ 7. Сочиненія, какъ печатныя, такъ и рукописныя, представляемыя въ комитетъ самими авторами, должны быть снабжены подписями послѣднихъ съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также почтоваго адреса; кромѣ того, необходимо удостовѣреніе подлежащаго начальства о томъ, что авторъ состоитъ преподавателемъ въ одномъ изъ низшихъ или среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, или что онъ воспитывался въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ сему министерству учебныхъ заведеній.

§ 8. Изъ числа печатныхъ сочиненій, къ соисканію премія принимаются только такія, которыя вышли въ свѣтъ не ранѣе, какъ за 10 лѣтъ до открытія конкурса, а изъ рукописныхъ лишь четко написанныя.

§ 9. Право на полученіе преміи принадлежитъ только авторамъ и ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награждаемыхъ сочиненій.

§ 10. Рукописныя сочиненія, удостоенныя преміи, могутъ быть печатаемы или самимъ авторомъ на его собственный счетъ, или же, по особому соглашенію съ послѣднимъ, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ можетъ оказать тому, по мѣрѣ средствъ и возможности, свое содѣйствіе, печатая премированныя сочиненія или въ своихъ изданіяхъ, или же отдѣльно.

§ 11. Члены ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ соисканіи преміи участвовать не могутъ.

§ 12. Объ открытіи конкурса ученый комитетъ каждый разъ объявляетъ посредствомъ газетъ, приглашая авторовъ къ доставленію сочиненій, причемъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія главныя постановленія настоящихъ правилъ.

§ 13. Крайнимъ срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-го марта конкурснаго года, то-есть 1902, 1907, 1912 и т. д. черезъ каждыя 5 лѣтъ.

§ 14. По миновании означеннаго въ предшествующемъ § 13 край-

няго срока, ученый комитетъ избираетъ изъ своей среды особую комиссію для разсмотрѣнія представленныхъ на конкурсъ сочиненій.

§ 15. Донесеніе комиссіи и ея заключеніе читаются въ одномъ изъ ближайшихъ къ 3-му декабря засѣданій ученаго комитета, который постановляетъ окончательное рѣшеніе о присужденіи премія; рѣшеніе это должно состояться большинствомъ не менѣе ²/₃ голосовъ всего числа членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 16. Журналъ комитета о присужденіи преміи представляется обычнымъ порядкомъ на утвержденіе г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

§ 17. Постановленіе о присужденіи преміи, въ случаѣ утвержденія таковаго г. министромъ, а равно фамилію и адресъ лица, удостоеннаго преміи, комитетъ сообщаетъ департаменту земледѣлія для зависящихъ распоряженій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о послѣдствіяхъ конкурса доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія на основаніи § 3 настоящихъ правилъ.

§ 18. Если въ какой-либо изъ очередныхъ сроковъ, по недостатку сочиненій, премія вовсе не будетъ присуждена или же она будетъ присуждена не на всю сумму, то остатокъ причисляется къ капиталу преміи и, равнымъ образомъ, хранится въ процентныхъ бумагахъ. На счетъ этого источника можетъ быть выдано на слѣдующій очередной срокъ двѣ преміи.

Примѣчаніе. Преміи эти также могутъ быть дѣлимы на основаніи примѣчанія къ § 1 настоящихъ правилъ.

§ 19. Комитету предоставляется, въ случаѣ надобности, ходатайствовать передъ г. министромъ объ измѣненіи настоящихъ правилъ.

§ 20. Ни первоначально составленный по подпискѣ капиталъ, ни послѣдующія его приращенія не могутъ быть обращаемы ни на какое другое употребленіе, кромѣ указаннаго въ §§ 5 и 18.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЕРВАНТЕСА.

Страннымъ на первый взглядъ можетъ показаться, что русскій изслѣдователь принимается за обработку такого спеціальнаго вопроса, какъ обзоръ драматической дѣятельности великаго испанскаго романиста. Многіе, особенно незнакомые съ литературой вопроса, склонны думать, что вся литературная дѣятельность такого національнаго писателя, какъ Сервантесъ, представляется въ достаточной степени обслѣдованной его соотечественниками и историками литературы другихъ странъ. Однако, ближайшее знакомство съ разработкой біографическаго и литературнаго матеріала, касающагося автора „Донъ-Кихота", убѣдитъ насъ, что въ общемъ она представляется неудовлетворительной, а въ деталяхъ имѣетъ рядъ пробѣловъ, до сихъ поръ незаполненныхъ. Однимъ изъ крупнѣйшихъ является отсутствіе сколько-нибудь цѣльнаго этюда о драматическихъ произведеніяхъ Сервантеса.

Удивляться этому нечего, такъ какъ до послѣдняго времени даже не было сколько-нибудь удовлетворительнаго изданія полнаго собранія драмъ и комедій. Первое изданіе появилось при жизни Сервантеса въ 1615 г. До половины XVIII вѣка изданіе, повидимому, не повторялось. Въ 1749 г. явилось собраніе комедій и интермедій въ 2-хъ томахъ; оно было повторено въ 1784 г. Въ 1816 г. были изданы интермедіи. Въ 1817—1821 въ лондонскомъ изданіи „El teatro Español" были напечатаны *Numancia* и *El Trato de Argel*. Отдѣльныя драмы, интермедіи и комедіи издавались нѣсколько разъ до семидесятыхъ годовъ [1]). Наконецъ, въ 1896 году появился первый томъ

[1]) См. подробно у Rius'a. Bibliografia critica de las obras de Miguel de Cervantes Saavedra. T. I. M. 1895, стр. 149—159.

„Teatro completo de Miguel de Cervantes Saavedra" (въ Biblioteca classica), а въ 1897 г. 2-й и 3-й томы, редактированные извѣстнымъ историкомъ литературы Менендесомъ-и-Пелайо. Редакторъ обѣщалъ написать этюдъ о драматической дѣятельности Сервантеса, но еще не успѣлъ исполнить своего обѣщанія. Такимъ образомъ, кромѣ критическаго текста и довольно поверхностныхъ характеристикъ въ біографіяхъ Сервантеса и общихъ историко-литературныхъ монографіяхъ, мы не можемъ указать любознательнымъ читателямъ никакихъ данныхъ относительно литературы драматическихъ произведеній Сервантеса.

Сервантесъ комедіи, интермедіи, драмы и трагедіи писались въ различные періоды его жизни. Большинство относится къ раннему періоду его жизни, именно къ восьмидесятымъ годамъ XVI столѣтія, когда, послѣ возвращенія изъ Алжира и женитьбы, Сервантесъ долженъ былъ позаботиться о содержаніи своей немалочисленной семьи. Позже, въ девяностыхъ годахъ, авторъ „Донъ-Кихота" снова возвратился къ драматической дѣятельности, принявъ обязательство отъ одного севильскаго издателя написать 6 комедій по 50 червонцевъ каждая. Но намъ осталось неизвѣстнымъ, исполнилъ-ли онъ сдѣланный ему заказъ; съ нѣкоторою лишь увѣренностью можно думать, что комедія „*El rufian dichoso*" относится именно къ этому періоду. Во всякомъ случаѣ остается совершенно доказаннымъ, что почти всѣ драматическія произведенія Сервантеса, хотя и были изданы въ 1615 г., писаны въ ранній періодъ его жизни и являются такимъ образомъ показателемъ не только извѣстнаго фазиса литературной дѣятельности Сервантеса, но и ранней эпохи испанскаго театра, предшествующей пышному расцвѣту, виновникомъ котораго былъ Лопе де-Вега. Значеніе Сервантеса, какъ драматурга, въ исторіи испанской литературы почти игнорируется авторами историко-литературныхъ монографій, посвященныхъ испанскому театру, и можно сказать съ значительной дозой увѣренности, что большинство указанныхъ авторовъ незнакомо даже съ содержаніемъ многочисленныхъ драматическихъ произведеній Сервантеса.

Познакомимся съ ближайшими предшественниками по театру нашего автора. Мы имѣемъ полную возможность почерпнуть необходимыя свѣдѣнія у него самого, такъ какъ они подтверждаются другими свидѣтельствами и изложены въ совершенно объективномъ тонѣ. Эти

свѣдѣнія мы находимъ въ „Прологѣ къ читателю“ въ 1-мъ томѣ драматическихъ сочиненій [1]).

„Я не могу не просить тебя, дорогой читатель, чтобы ты простилъ меня, если замѣтишь, что въ этомъ прологѣ я нѣсколько выхожу за предѣлы моей обычной скромности. Нѣсколько дней тому назадъ я бесѣдовалъ съ друзьями; шла рѣчь о комедіяхъ и обо всемъ, ихъ касающемся; собесѣдники въ такой степени изощряли свои критическія замѣчанія, что, по моему мнѣнію, дошли до полнаго совершенства. Шла также рѣчь о томъ, кто первый въ Испаніи вывелъ театръ изъ зачаточнаго состоянія и окружилъ помпой, снабдилъ костюмами и декораціями. Я, старѣйшій изъ всѣхъ, тамъ находящихся, сказалъ, что помню представленія великаго Лопе де-Руэды, человѣка замѣчательнаго по актерскимъ и авторскимъ дарованіямъ и способностямъ. Онъ былъ родомъ изъ Севильи, золотыхъ дѣлъ мастеръ, то-есть, изъ тѣхъ, кто дѣлаетъ хлѣба изъ золота. Онъ былъ мастеромъ въ пастушеской поэзіи; въ этомъ никто не превосходилъ его ни тогда, ни послѣ; и хотя я, будучи мальчикомъ, не могъ имѣть вѣрнаго сужденія о достоинствѣ его стиховъ, однако по тѣмъ, которые удержались въ моей памяти (глядя на нихъ въ зрѣломъ возрастѣ), я нахожу, что я правъ [2]). Если-бы не опасеніе выйдти за предѣлы этого пролога, я могъ бы привести нѣсколько стиховъ, подтверждающихъ истину моихъ словъ. Во время этого знаменитаго испанца всѣ принадлежности автора и актера хранились въ сундукѣ и ограничивались четырьмя бѣлыми плащами изъ овечьихъ шкуръ, отдѣланныхъ золотымъ позументомъ, изъ четырехъ бородъ и париковъ и четырехъ пастушескихъ посоховъ—немногимъ больше или меньше. Комедіи состояли изъ діалоговъ, какъ въ эклогахъ, между двумя или тремя пастухами и пастушками. Сценическія представленія оживлялись и удлинялись двумя или тремя представленіями: съ негритянкой, плутомъ, мальчишкой или бискайцемъ; этихъ четырехъ персонажей и многихъ другихъ Лопе отдѣлывалъ съ большимъ мастерствомъ. Въ то время не было ни кулисъ, ни поединковъ конныхъ и пѣшихъ между маврами и христіанами. Не было фигуры, которая или появлялась или казалась появляющейся изъ земли на театральныхъ подмосткахъ; послѣдніе состояли изъ четырехъ скамеекъ, образующихъ четыреуголь-

[1]) Teatro completo de Miguel de Cervantes Saavedra. Madrid, 1896. т. I, с. 1 и сл.

[2]) Считая ихъ прекрасными. Л. Ш.

никъ и четырехъ или шести досокъ, поднимающихся отъ земли на четыре фута; сверху не показывались облака съ ангелами или душами. Украшеніе театра составлялъ старый занавѣсъ раздвигающійся съ одной стороны на другую двумя веревками, составляющій то, что называется уборной; за занавѣсомъ находились музыканты, поющіе безъ акомпанимента старый романсъ. Умеръ Лопе де-Руэда, и такъ какъ онъ былъ превосходный и знаменитый человѣкъ, его похоронили въ каѳедральномъ соборѣ въ Кордовѣ (гдѣ онъ скончался) между двухъ хоровъ, гдѣ также похороненъ и знаменитый безумецъ Луисъ Лопесъ. Лопе де-Руэдѣ наслѣдовалъ Нахарро, уроженецъ Толедо, который славился умѣніемъ изображать трусливаго плута. Нахарро нѣсколько поднялъ внѣшній блескъ комедій и перемѣнилъ мѣшки въ которыхъ хранился гардеробъ, на сундуки и тюки; онъ перемѣстилъ музыку, игравшую за занавѣсомъ, въ театръ; отнялъ у актеровъ бороды, такъ какъ до того времени никто не являлся на сцену безъ накладной бороды, и заставилъ всѣхъ выходить на сцену съ бритымъ подбородкомъ, кромѣ актеровъ, играющихъ стариковъ и другихъ лицъ, требовавшихъ гримировки. Далѣе, онъ изобрѣлъ кулисы, облака, громъ и молнію, поединки и сраженія. Однако этимъ онъ не достигъ высокаго уровня, на которомъ находится драма въ настоящее время. Мнѣ не могутъ отказать въ правдивости моего заявленія (здѣсь я долженъ выйдти за предѣлы моей скромности), что въ мадридскихъ театрахъ видѣли представленія моего *Tratos de Argel*, а также *La destruccion de Numancia* и *la Batalla naval* [1]), гдѣ я осмѣлился свести комедіи къ тремъ актамъ изъ пяти, раньше ихъ составлявшихъ. Я показалъ, или лучше сказать былъ первымъ, изобразившимъ тайные помыслы, выводя на сцену нравственныя мотивы. При громкомъ одобреніи публики я сочинилъ въ то время около 20 или 30 комедій, поставленныхъ на сцену. Несмотря на отсутствіе всякихъ приправъ и примѣсей, онѣ шли своимъ путемъ безъ свистковъ, криковъ и шума. Я долженъ былъ взяться за другія дѣла и сложилъ перо. Тутъ явилось чудо природы, великій Лопе де-Вега, и овладѣлъ царствомъ комедіи; онъ подчинилъ своему суду всѣхъ актеровъ; наполнилъ міръ своими комедіями, счастливо задуманными и хорошо исполненными, притомъ въ такомъ количествѣ, что ихъ насчитываютъ болѣе десяти тысячъ и всѣ онѣ—это особенно важно—ставились на сценѣ—я или самъ видѣлъ или слышалъ отъ другихъ. Нѣкоторые, даже многіе,

---

[1]) Эта пьеса не дошла до насъ.

хотѣли соперничать съ нимъ въ его славѣ и трудахъ, однако всѣ они вмѣстѣ не достигаютъ и половины того и другаго. Тѣмъ не менѣе, хотя Богъ не даетъ всего всякому, труды доктора Рамона, лучшіе послѣ великаго Лопе, не перестаютъ цѣниться. Очень цѣнятся искусныя выдумки лисенсіата Мигуэля Санчеса; серьезность доктора Мира де Мескуа, истинной чести нашей націи; остроуміе и изобрѣтательность каноника Тарраги, мягкость и сладость Гиллена де Кастра, сатира Агиляра, блескъ, декораціи, живость, великолѣпіе комедій Луиса Велесъ де Гевары и тѣхъ, которыя въ настоящее время принадлежатъ остроумному Антоніо де Галярса, равно и тѣхъ, которыя ожидаются послѣ *Las fullerias de amor* Гаспара де Авиля,—все это помогло воздвигнуть громадное зданіе великому Лопе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я вернулся къ прежнему бездѣйствію и думая, что еще продолжаются тѣ времена, когда мои комедіи пользовались похвалами, принялся сочинять новыя; однако я не нашелъ птицъ въ осеннихъ гнѣздахъ; хочу этимъ сказать, что я не нашелъ антрепренера, который попросилъ бы ихъ у меня, хотя знали, что онѣ у меня есть; я спряталъ ихъ въ уголокъ сундука и обрекъ ихъ вѣчному молчанію. Въ это время одинъ книгопродавецъ сказалъ мнѣ, что онъ купилъ бы у меня эти комедіи, если бы одинъ авторъ съ большимъ именемъ не сказалъ ему, что отъ моей прозы можно ожидать многаго, а отъ моихъ стиховъ ничего. Признаюсь, что меня объяло смущеніе, когда я это услышалъ, и я замѣтилъ самъ себѣ: „или я измѣнился или времена значительно измѣнились къ лучшему“, то-есть случилось наоборотъ, такъ какъ всегда хвалятъ прошедшее. Я сталъ просматривать мои комедіи и нѣкоторыя интермедіи, запрятанныя вмѣстѣ съ ними въ уголъ, и увидѣлъ, что онѣ не столь плохи, чтобы не заслуживать выхода изъ мрака указаннаго автора на свѣтъ къ другимъ авторамъ, менѣе щепетильнымъ и болѣе разсудительнымъ. Я осмѣлился и рѣшился продать ихъ одному книгопродавцу, который напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ предлагаются здѣсь; книгопродавецъ удовлетворительно заплатилъ за нихъ: я взялъ мои деньги съ удовольствіемъ, не заботясь о репетиціяхъ актеровъ; я желалъ бы, чтобы комедіи оказались лучшими въ мірѣ, по крайней мѣрѣ толковыми; ты увидишь это, мой читатель, и если найдешь, что онѣ заключаютъ что либо порядочное и встрѣтишь того злобнаго автора, скажи ему, чтобы онъ взялъ свое сужденіе обратно, такъ какъ я никого не оскорбляю. Пусть обратятъ вниманіе, что въ нихъ (комедіяхъ) нѣтъ явныхъ и доказанныхъ недостатковъ, что стихъ тотъ, котораго тре-

буютъ комедіи; —это языкъ интермедій, свойственный выводимымъ въ нихъ персонажамъ, и что вдобавокъ ко всему этому я предлагаю комедію, которую сочиняю теперь, подъ заглавіемъ „El engaño à los ojos“ [1]), которая, если не ошибаюсь, удовлетворитъ того автора. Итакъ, дай Богъ тебѣ, читатель, здоровье, а мнѣ терпѣніе".

Пространная выдержка, которую мы приводимъ, весьма интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мы узнаемъ изъ нея, 1) О состояніи испанской сцены въ концѣ XVI столѣтія, когда Сервантесъ выступилъ въ качествѣ драматическаго писателя. Замѣчанія эти подтверждаются свѣдѣніями, заимствованными не только изъ біографій Сервантеса, отъ старой, но превосходной, книги-Navarrete'a [2]) до новѣйшей Fitzmaurice-Kelly [3]), но и монографіями, посвященными испанской литературѣ и театру (Ticknor, Schack. Pellicer, Louis de Viel Castel, Schlegel, Sismondi и др.). 2) Указанный прологъ даетъ характеристику отношеній Сервантеса къ Лопе де-Вега,—вопросъ интересный и важный, но не подлежащій здѣсь нашему разсмотрѣнію. 3) Мы узнаемъ, какую цѣну имѣли въ глазахъ Сервантеса его драматическіе опыты, написанные стихами и выдержанные въ трехъ стиляхъ, согласно съ требованіями драматическаго искусства того времени.

Не подлежитъ сомнѣнію, что драматическія произведенія Сервантеса, если имѣть въ виду примитивное состояніе театра того времени, являются значительнымъ шагомъ впередъ, облегчившимъ дальнѣйшія попытки его преемникамъ. Объективныя достоинства драматическихъ произведеній Сервантеса станутъ очевидными при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ содержанія. Особенную важность въ этомъ вопросѣ имѣетъ классификація по сюжетамъ, долженствующая облегчить ихъ оцѣнку и разсмотрѣніе.

Если мы вдумаемся въ содержаніе довольно многочисленныхъ сценическихъ произведеній Сервантеса и примемъ во вниманіе ихъ источники, а также отношеніе къ сюжетамъ самого автора, то наиболѣе цѣлесообразнымъ намъ представится слѣдующее дѣленіе.

1) Драматическія произведенія, въ основѣ которыхъ лежатъ лично

---

[1]) Сервантесъ не успѣлъ издать этой пьесы.

[2]) Vida de M. de Cervantes. Madrid, 1819.

[3]) The Life of Cervantes. London, 1892. Біографія *Dumaine'a* (Essai sur la vie de Cervantes. P. 1897) не имѣетъ самостоятельнаго характера.

пережитыя Сервантесомъ впечатлѣнія. Они касаются главнымъ образомъ пребыванія въ Алжирѣ и содержатъ много взятыхъ изъ жизни наблюденій.

2) Такія произведенія, которыя обязаны своимъ генезисомъ литературнымъ вліяніямъ. Таковы вліянія классической трагедіи и романтическаго эпоса.

3) Комедіи нравовъ, гдѣ канву составляютъ наблюденія автора въ различныхъ сферахъ современнаго ему общества. Лирическіе моменты играютъ второстепенную роль. Авторъ нерѣдко достигаетъ полнаго объективизма. Къ указанной группѣ принадлежатъ и интермедіи (entremeses).

Попытаемся разсмотрѣть сценическія произведенія Сервантеса по указаннымъ категоріямъ.

Первая группа, какъ замѣчено выше, касается главнымъ образомъ алжирскихъ впечатлѣній. Восточная жизнь, наблюдаемая авторомъ продолжительное время, схвачена имъ въ существенныхъ проявленіяхъ весьма вѣрно. Равнымъ образомъ и жизнь христіанъ въ Алжирѣ превосходно изображена Сервантесомъ. Впрочемъ, съ этимъ мы встрѣтимся ниже, когда познакомимся съ содержаніемъ главныхъ произведеній этой группы и состояніемъ—изъ другихъ источниковъ—того общества, среди котораго Сервантесу пришлось вращаться въ теченіи пяти лѣтъ.

Произведенія первой группы слѣдующія: El Trato de Argel, Los Baños de Argel, El gallardo español и La gran Sultana. Первыя два въ сущности касаются одинаковыхъ сюжетовъ и пополняютъ другъ друга фактическимъ матеріаломъ.

Главными источниками для знакомства съ жизнью Алжира въ эпоху Сервантеса, не внушающими никакихъ подозрѣній, до настоящаго времени остаются сочиненія; *Haedo, Topografia o Historia General de Argel* и *Dan, Histoire de Barbarie et de ses Corsaires*, а также нѣкоторые документы, изданные Navarrete'омъ [1]). Прежде чѣмъ указать, на основаніи изложенныхъ сочиненій, характерныя черты алжирской жизни въ эпоху Сервантеса, посмотримъ, какія свѣдѣнія даетъ намъ этотъ авторъ въ указанныхъ четырехъ драматическихъ произведеніяхъ.

El Trato de Argel—едва-ли не самая ранняя попытка драматизаціи пережитыхъ въ Алжирѣ впечатлѣній. Вопреки заявленію объ

---

[1]) Vida de Cervantes, c. 319—349.

ограниченіи комедіи изъ пяти актовъ—тремя (см. прологъ), Сервантесъ излагаетъ событія въ четырехъ актахъ. Другія нововведенія уже имѣются въ *El Trato de Argel*,—именно появляются абстракціи: (Нужда, Случай), а также демонъ и много второстепенныхъ персонажей. Собственно драматическое дѣйствіе почти отсутствуетъ; преобладаютъ лирическіе моменты. Случайною драматической интригой является любовь, питаемая языческою четой къ христіанской: Исуфъ влюбленъ въ Сильвію, а Сара—въ Аврелія, мужа послѣдней. Но этому мотиву Сервантесъ не придалъ рѣшительнаго значенія: мы забываемъ о любовныхъ сценахъ, присутствуя при яркихъ картинахъ удручающихъ бѣдствій. Знакомство съ содержаніемъ излагаемаго драматическаго произведенія, или, по крайней мѣрѣ, съ главными его моментами наглядно покажетъ, насколько основательны высказанныя мною положенія.

Первый актъ открывается монологомъ Аврелія; мы узнаемъ, что его госпожа Сара преслѣдуетъ своей преступной страстью молодаго плѣнника. Въ любви къ Сильвіи ищетъ Аврелій нравственной поддержки.

„Помоги мнѣ, Сильвія, мое сокровище! Если ты окажешь мнѣ поддержку, я надѣюсь выйдти побѣдителемъ изъ этой жестокой и упорной борьбы".

Въ слѣдующей сценѣ Фатима, служанка Сары, усердная колдунья, пытается склонить Аврелія на сторону своей госпожи. Довольно безстыдная страсть послѣдней высказывается ею довольно энергично: „Оставь меня съ своимъ Магометомъ. Онъ не господинъ мнѣ теперь; я рабыня любви, подчиняющей и порабощающей душу". Не сумѣвъ достигнуть своей цѣли, женщины оставляютъ Аврелія, который призываетъ на помощь Христа и святыхъ.

Новыя лица: солдатъ Сааведра (несомнѣнно самъ Сервантесъ) и Леонадро, оба плѣнники, бесѣдуютъ о тягостяхъ заключенія. Сааведра въ вдохновенной рѣчи говоритъ о позорѣ, наносимомъ христіанскому міру пиратами и высказываетъ надежду, что король Филиппъ положитъ предѣлъ безчинствамъ Алжира. „Кто сомнѣвается въ томъ, что благосклонное сердце короля смягчится, слыша о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ постоянно подвергаются эти несчастные?" [1]).

Новое лицо—плѣнный христіанскій мальчикъ Себастіанъ высту-

---

[1])
Quién duda que el Rêal peche benino
No se muestre, escuchando la tristeza
Donde están estos miseros contino?

паетъ на сцену. Изъ его трогательнаго разказа мы узнаетъ о жестокостяхъ бѣжавшаго изъ Испаніи ренегата-мавра и о мученіяхъ, которымъ былъ преданъ одинъ священникъ; послѣдовавшая за ними казнь на кострѣ описана въ яркихъ чертахъ. Среди пламени мученикъ произносилъ лишь имя Христа и Богородицы [1]. Этою сценой оканчивается *первый* актъ.

Во *второмъ* актѣ Исуфъ, владѣлецъ Аврелія и Сильвіи, обѣщаетъ первому всякія милости, если только онъ склонитъ прелестную рабыню на его сторону. Аврелій съ трудомъ скрываетъ свое смущеніе и негодованіе, къ которымъ присоединяется и радость, такъ какъ ему предстоитъ свиданіе съ потерянною изъ виду любимой женой.

Въ слѣдующей сценѣ мы находимъ превосходную картину торговли рабами—христіанами, взятыми въ плѣнъ. Передъ нами отецъ, мать и малолѣтній сынъ, которому предстоитъ разлука съ родителями. Убитая горемъ мать рекомендуетъ сыну искать въ тяжелыя минуты прибѣжища у Богородицы: „Прошу тебя, душа моя, въ виду предстоящей намъ разлуки, не забывай никогда произносить молитву Ave Maria". Наставленія родителей прерываются грубыми выходками мавровъ. Юноша обѣщаетъ свято хранить завѣты родителей.

Слѣдующая сцена посвящена разговору Исуфа съ Сильвіей. Мавръ ведетъ себя, какъ истый рыцарь, ограничиваясь изысканными комплиментами по адресу прелестной христіанки. Онъ представляетъ Сарѣ ея рабыню. Исуфа зовутъ къ королю; Сильвія остается съ Сарой. Ихъ разговоръ составляетъ параллель къ разговору Аврелія съ Исуфомъ; Сильвія узнаетъ, что ея милый супругъ вмѣстѣ съ ней въ плѣну. Возвращающійся отъ короля Исуфъ встрѣчается съ Авреліемъ и довѣряетъ ему свою тайну. Фатима, служанка Сары и колдунья, вызываетъ демона и требуетъ его содѣйствія. Демонъ отказывается, такъ какъ считаетъ себя безсильнымъ по отношенію христіанамъ. Онъ обѣщаетъ вызвать *Нужду* и *Случай*, которые помогутъ сломить упрямство Аврелія. Этимъ оканчивается *второй* актъ.

---

[1]

Antes dicen, y yo he visto
Que si alguna vez hablaba,
En el aire resonaba
Y cielo el nombre de *Cristo*
Y cuando en el agonia
Ultima el triste se vió,
Cinco ó seis veces llamo.
La Virgen Santa Maria.

Въ *третьемъ*, въ первой сценѣ мы встрѣчаемся съ любопытною бытовой картинкой. Вокругъ двухъ плѣнныхъ христіанъ собирается толпа мальчишекъ-мавровъ и преслѣдуетъ ихъ насмѣшками. Мавры ломанымъ испанскимъ языкомъ повторяютъ: „Jóan, no rescatar, non fugir, don Juan no venir; acà morir, perro, acà morir; don Juan no venir; acà morir". Донъ Хуанъ—это никто иной, какъ побѣдитель при Лепанто, Донъ Хуанъ Австрійскій, побочный братъ Филиппа II, гроза мусульманъ, особенно же алжирскихъ пиратовъ. Одинъ изъ плѣнниковъ убѣждаетъ другаго попытаться спастись бѣгствомъ. Они удаляются. Ихъ мѣсто на сценѣ занимаютъ Аврелій и Сильвія; встрѣча молодыхъ супруговъ имѣетъ очень нѣжный характеръ. Они условились относительно обращенія съ Исуфомъ и Сарой. Сильвія должна увѣрить Исуфа, что, благодаря ходатайству Аврелія, она сдѣлалась ласковѣе и мягче; то же, въ примѣненіи къ Сарѣ, долженъ говорить Аврелій.

Между тѣмъ *Нужда* и *Случай* (La Necesidad y La Occasion) готовятся къ нападенію на добродѣтель Аврелія. Аврелій уступаетъ и колеблется; появившейся къ нему Сарѣ онъ говоритъ любезности. Однако мысль о Богѣ и Сильвіи спасаетъ его: „Я христіанинъ и останусь христіаниномъ". „Другая, болѣе чистая любовь, побѣдитъ нечистую". „Подарки и обѣщанія, хитрость и искусство не заставятъ меня отступиться на шагъ отъ моего Бога".

Мы присутствуемъ при весьма любопытной сценѣ изъ восточной жизни. Два брата, обращенный въ магометанство и оставшійся вѣрнымъ Христовой вѣрѣ, встрѣчаются другъ съ другомъ. Магометанинъ, одѣтый въ пышное платье, не хочетъ признать своего бѣднаго, одѣтаго въ рубище брата. Онъ совѣтуетъ ему послѣдовать своему примѣру. „Прими мои здравые совѣты, и твое положеніе улучшится; прощай; великій грѣхъ столько говорить съ христіаниномъ" [1]).

Встрѣча Аврелія и Сильвіи и ихъ нѣжное прощаніе вызываютъ ревность ихъ господъ. Но молодая чета легко выпутывается изъ затрудненія, говоря, что они просили другъ друга по чужому дѣлу. Исуфъ и Сара догадываются, что идетъ рѣчь объ ихъ дѣлѣ и отпускаютъ плѣнныхъ. Мы переходимъ къ *четвертому* акту.

---

[1])

Tema mis consejas sanos
Y veraste mejorado;
Adios porque es gran pecado
Hablar tanto con cristianos.

Опять яркая бытовая сцена. На безлюдной мѣстности мы встрѣчаемъ плѣнника, укрывающагося отъ преслѣдованія. Истомленный, израненный, онъ держится на ногахъ лишь глубокою вѣрой въ Богородицу. Ему кажется, что Оранъ находится недалеко. „Благодарю Тебя, Небесный Царь; Пречистая Дѣва—прославляю Тебя; молю довести до конца Ваши благодѣянія; если вы мнѣ дадите свободу, я сдѣлаюсь Вашимъ рабомъ на вѣки".

Слѣдующая сцена бросаетъ яркій свѣтъ на самого Сервантеса. Діалогъ ведется между Педро, христіаниномъ, желающимъ для достиженія освобожденія временно притвориться мусульманиномъ, и Сааведрой, съ негодованіемъ протестующимъ противъ такого притворства. Честный солдатъ указываетъ на завѣты Спасителя и убѣждаетъ своего товарища. Легко догадаться, что Сааведра—самъ Сервантесъ.

Алжирскій король, прослышавъ о красотѣ Сильвіи и убѣдившись въ основательности слуховъ, надѣясь притомъ на богатый выкупъ за Аврелія, требуетъ отъ Исуфа, чтобы плѣнники были ему переданы. Исуфъ готовъ повиноваться во всемъ, но умоляетъ оставить ему плѣнницу. Упорство Исуфа вызываетъ гнѣвъ короля; мавру грозитъ жестокое наказаніе. Послѣ допроса схваченнаго христіанина, король предается размышленіямъ, негодуя на упорство и безуміе испанцевъ. Этотъ монологъ особенно интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ упоминаются имена нѣкоторыхъ товарищей по плѣну Сервантеса. Таковы португальцы *Соса*, *Франциско-де-Менесесъ*, *Фернандо-де-Ормоса*. Король прославляетъ честность и вѣрность данному слову упомянутыхъ лицъ. Онъ рѣшаетъ отпустить Аврелія и Сильвію, взявъ съ нихъ обѣщаніе доставить въ мѣсячный срокъ выкупъ. Аврелій съ радостью соглашается на условія, предлагаемыя королемъ. Юноша—христіанинъ Францискъ—заявляетъ, что въ гавани находится корабль съ монахами ордена тринитаріевъ, спеціально занимающагося выкупомъ плѣнныхъ, во главѣ которыхъ стоитъ братъ Хуанъ Гиль.

... „Прибылъ корабль изъ Испаніи и всѣ говорятъ, что съ выкупомъ,—на немъ пріѣхалъ братъ тринитарій, великій христіанинъ, извѣстный благодѣтель. Онъ уже здѣсь былъ разъ, выкупалъ христіанъ, и являлся примѣромъ истинно христіанскаго духа и большой мудрости. Его имя—братъ Хуанъ Гиль".

Аврелій вспоминаетъ о братѣ Хоргѣ де-Оливаръ изъ ордена Мерседъ. И тотъ и другой—лица, пользовавшіяся большою извѣстностью среди алжирскихъ плѣнниковъ. Первому изъ нихъ самъ Сервантесъ

былъ обязанъ своею свободою. Пьеса кончается молитвой плѣнниковъ, ликующихъ по поводу предстоящаго освобожденія.

Автобіографическіе элементы *El Trato de Argel* могутъ быть отмѣчены на всякомъ шагу. Характеръ солдата Сааведры вполнѣ совпадаетъ съ основными чертами характера Сервантеса. Монахи, являющіеся выкупить плѣнныхъ, — тѣ-же. которые въ свое время содѣйствовали выкупу автора „Донъ-Кихота". Бытовыя картинки, характеристики мавровъ и христіанъ съ нѣкоторыми измѣненіями почти совпадаютъ съ аналогичными чертами, приводимыми Сервантесомъ въ его другихъ драматическихъ произведеніяхъ и нѣкоторыхъ новеллахъ. Пьеса является рядомъ довольно искусно писанныхъ съ натуры этюдовъ быта и нравовъ. Но элементовъ драмы вы въ ней не найдете. Дѣйствіе не сосредоточивается, а развѣтвляется во всѣ стороны. Интриги нѣтъ. Преобладаніе лирическихъ моментовъ лишаетъ пьесу цѣльности. Введеніе олицетвореній различныхъ психическихъ моментовъ, вопреки мнѣнію Сервантеса, нельзя считать удачною новинкой, такъ какъ оно не въ мѣру облегчаетъ задачу драматурга, являясь своего рода deus ex machina. Въ *El Trato de Argel* слѣдуетъ искать матеріала историческаго и литературнаго, и въ этомъ отношеніи пьеса должна быть поставлена въ ряду другихъ на первомъ мѣстѣ; въ ея пользу говоритъ обиліе автобіографическихъ переживаній.

Интереснымъ дополненіемъ къ *El Trato de Argel* является пьеса *Los baños de Argel*, превосходно иллюстрирующая алжирскую жизнь въ тѣхъ ея сторонахъ, которыя остались незатронутыми въ выше разобранной пьесѣ. По содержанію, *Los baños de Argel* совпадаетъ съ новеллой о *Плѣнномъ Капитанѣ*, всѣмъ извѣстной изъ Донъ-Кихота. *Los baños*... написана безъ всякаго сомнѣнія послѣ *El Trato*; на это указываютъ и заключительные стихи комедіи [1]). По техническимъ пріемамъ обѣ пьесы стоятъ приблизительно на одномъ уровнѣ, но романическая интрига проведена въ *Los baños* искуснѣе, аллегорическихъ фигуръ нѣтъ, а юмористическій элементъ имѣетъ превосходнаго представителя въ лицѣ сакристана (пономаря) и еврея. Появленіе этихъ лицъ послѣ преисполненныхъ трагическаго характера сценъ оживляетъ пьесу и придаетъ ей болѣе разнообразія. *Los baños* подраздѣляется на три акта и имѣетъ опредѣленную интригу,

---

[1]) Y aqui de este trato fin;
Que no le tiene el de Argel.

завершающуюся освобожденіемъ христіанъ и перспективой брака между прелестной мавританкой, втайнѣ исповѣдующей христіанство, и испанскимъ плѣнникомъ.

Въ началѣ перваго акта мы читаемъ о внезапномъ нападеніи мавровъ на христіанъ. Мавры быстро исчезаютъ съ добычей въ видѣ плѣнниковъ обоего пола. Среди нихъ есть старики, дѣти и молодая чета новобрачныхъ Фернандо и Констанса. Комической фигурой, буффономъ, является сакристанъ, не теряющій присутствія духа въ роковыя минуты. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы знакомимся съ двумя плѣнными гидальгами Лопе и Вибанко. Молодые люди гуляютъ около стѣны дома одного богатаго мавра. Изъ рѣшетки окна спускается длинный тростникъ съ небольшимъ узломъ. Онъ дается въ руки Лопе. Въ узлѣ оказываются золотыя монеты. Молодые люди бесѣдуютъ по поводу случившагося; ихъ бесѣду прерываетъ приходъ Газена, ренегата, въ душѣ оставшагося вѣрнымъ христіанству. Отъ него плѣнники узнаютъ, что въ стѣнахъ дома, около котораго они находятся, живетъ необыкновенно богатый и скупой мавръ, имѣющій прелестную дочь Зару. Послѣ ухода Газена тростникъ снова опускается къ Лопе и на этотъ разъ вмѣстѣ съ деньгами находится и записочка. Лопе приступаетъ къ чтенію, но ему мѣшаетъ появленіе изуродованнаго маврами христіанина, которому обрѣзали уши за попытку бѣгства. Христіанинъ заявляетъ, что, пока ему не отрѣжутъ ногъ, онъ не прекратитъ своихъ попытокъ [1]). Послѣ этой ужасной сцены Лопе имѣетъ возможность прочитать записочку. Оказывается, что ее писала прелестная мавританка. Ея воспитательница, плѣнная испанка, внушила ей любовь къ христіанской религіи, особенно же къ Пресвятой Дѣвѣ, которую Зара зоветъ Lela Marien. Зара обѣщаетъ дать Лопе денегъ на выкупъ съ тѣмъ, чтобы онъ увезъ ее въ Испанію, крестилъ и, если она ему понравится, женился на ней. Появляется Газенъ, негодующій на жестокость и звѣрство другаго ренегата Исуфа. Мавры ликуютъ по случаю богатой добычи въ видѣ ста двадцати плѣнниковъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтились въ началѣ пьесы. Прибытіе сакристана вызываетъ воспоминаніе о тѣхъ комическихъ и трагикомическихъ сценахъ, которыя разыгрывались въ Алжирѣ. Именно мавры старались убѣдить себя въ необыкновенной важности положенія отдѣльныхъ лицъ, по собственному вдох-

---

[1]) Si no me cortas lo pies
Al huirme no hay reparo.

новенію дѣлая простыхъ смертныхъ важнѣйшими сановниками. Въ данномъ случаѣ они этого балагура-пономаря производятъ въ папы. Б. Это папа? С. Я не папа, а бѣдный сакристанъ, у котораго едва есть плащъ. К. Какъ зовутъ тебя? С. Тристанъ. Б. Твоя родина? С. Ея нѣтъ на картѣ. Родина моя Моловоридо. селеніе весьма отдаленное въ Старой Кастиліи. Б. Каково твое ремесло? С. Я играю; я безподобный музыкантъ; вы сами въ этомъ убѣдитесь. Б. Играешь-ли ты на флейтѣ или поешь подъ акомпаниментъ? С. Такъ какъ я сакристанъ, я играю динъ, донъ. данъ—во всякое время дня. К. Не колоколами-ли вы называете ихъ? С. Да, синьоръ, Б. Умѣешь-ли ты грести весломъ? С. Нѣтъ, синьоръ; я боюсь усталости, очень слабъ. К. Пойдешь стеречь стадо. С. Я очень зябну зимой, а лѣтомъ отъ жары не могу говорить".

Мавры убѣждаются, что имѣютъ дѣло съ хитрымъ шутомъ. Слѣдующая сцена оканчивается кровавымъ финаломъ. Газенъ убиваетъ Исуфа, врага христіанъ, и твердо идетъ на лютую казнь, громко заявляя, что онъ не переставалъ исповѣдывать христіанскую вѣру.

Второй актъ открывается бесѣдой Алимы, жены знатнаго мавра, съ Констансой, находящейся у нея въ плѣну. Въ слѣдующей сценѣ къ бесѣдѣ присоединяются плѣнный Фернандо и красавица Зара. Алима заинтересована испанцемъ, и онъ повидимому платитъ ей взаимностью; это причиняетъ Констансѣ страданія. Фернандо на самомъ дѣлѣ лишь искусно играетъ роль. Появленіе балагура - сакристана, препирающагося то съ мальчишками, то съ евреемъ вноситъ комическую струю. Такъ, напримѣръ, сакристанъ настойчиво требуетъ, чтобы еврей въ субботу помогъ ему нести боченокъ. Отказъ еврея и притворная ярость сакристана изображены грубо, но ярко.

Возвышенная бесѣда отца съ двумя малолѣтними сыновьями, изъ которыхъ одинъ готовъ поколебаться въ вѣрѣ, другой, несмотря на нѣжный возрастъ, обнаруживаетъ похвальную твердость, возвращаетъ насъ къ серьезнымъ эпизодамъ пьесы, нѣжный романсъ, пропѣтый плѣнницей, живо напоминаетъ христіанамъ дорогое отечество, „dulce España". Появленіе мавровъ прерываетъ сладкія мечтанія и возвращаетъ къ печальной дѣйствительности. Мусульмане убѣждаетъ одного изъ мальчиковъ, братьевъ христіанъ, перейдти въ ихъ вѣру, но другой, Францискъ, съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ предложенія.

Послѣ ухода мавровъ на сценѣ появляются знакомые намъ гидальги Лопе и Вибанко и говорятъ о планѣ бѣгства, сообщенномъ имъ умной Сарой. Приходитъ она сама съ Алимой, Констансой, Ка-

талиной и другими женщинами. Сара разказываетъ о казни Газепа и пользуется случаемъ, чтобы разузнать о семейномъ и общественномъ положеніи Лопе и дать ему необходимыя указанія.

Между сакристаномъ и евреемъ снова разыгрываются буффонады. Пользуясь субботними праздниками, сакристанъ похитилъ у еврея кастрюлю. За возвращеніе онъ требуетъ выкупъ. Еврей позволяетъ ему взять имѣющіяся на немъ деньги, которыхъ оказывается втрое больше, чѣмъ необходимо для выкупа. Сакристанъ беретъ все, заявляя, что двѣ другія доли взяты имъ впередъ, такъ какъ онъ намѣренъ похитить еще 2 кастрюли!

Слѣдующая сцена разыгрывается между Фернандо и Констансой, узнавшихъ другъ друга и повѣствующихъ объ огорченіяхъ, ими переживаемыхъ. Бесѣда заключается объятіями, и въ эту минуту входятъ ихъ господа. Супруги ловко выпутываются изъ затрудненія заявленіемъ, что поцѣлуи направлялись по другому адресу, то-есть по адресу Алимы съ одной стороны и Каурали—съ другой. Въ слѣдующей сценѣ упорство Франциска, повторяющаго молитвы въ присутствіи кади, приводитъ послѣдняго въ ярость и вызываетъ осужденіе на казнь.

Третій актъ въ началѣ знакомитъ насъ со встрѣчей христіанами Пасхи. Послѣ обѣдни разыгрывается пастушеская комедія. Часто, по замѣчанію одного изъ присутствующихъ, мавры пользуются случаемъ для новыхъ безчинствъ; отрываютъ священниковъ отъ алтарей и предаютъ ихъ поруганію. На этотъ разъ празднество проходитъ мирно, если не считать появленія израненнаго маврами христіанина. Элементъ комизма вноситъ нашъ знакомый сакристанъ, вставляющій свои шутовскія замѣчанія въ рѣчи актера [1]). Представленіе не доводится до конца, такъ какъ одинъ изъ мавровъ разказываетъ о мученической смерти Франциска.

---

[1]) Актеръ декламируетъ:

Mas, Quien es ese cuitado
Que asoma acà entellerido,
Cabizbajo, atordecido,
Barba y cabello erizado,
Slesairdo y mal erguido?

Сакристанъ вставляетъ:

Quien ha de ser? Yo soy cierto
El triste y desventurado,
Vivo en un instannte, y muerto
De Mahoma enamorado

Слѣдующая сцена разыгрывается между Сарой, Алимой и Констансой. Мы узнаемъ, что Сара отвергаетъ сватовство короля. Послѣ ухода Алимы она признается Констансѣ, что втайнѣ исповѣдуетъ христіанство. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы узнаемъ о чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождающихъ звѣрства мавровъ надъ христіанами, а также о попыткахъ бѣгства одного изъ плѣнниковъ. За этой сценой съ трагическимъ характеромъ опять слѣдуетъ шутовская: появленіе сакристана съ еврейскимъ ребенкомъ, а за нимъ отца. Сакристанъ грозитъ крестить малютку, если ему не дадутъ выкупа. Еврей волей неволей долженъ согласиться. Послѣ этой сцены мы видимъ казнь Франциска, при которой долженъ присутствовать несчастный отецъ. Мальчикъ геройски выноситъ муки. Слѣдующія дѣйствія изображаютъ свадебный выходъ Сары, ея разговоръ съ Лопе, появленіе Хорге Оливара, монаха ордена Мерседъ, съ выкупомъ, и наконецъ счастливый отъѣздъ Сары, Лопе и нѣсколькихъ христіанъ въ Испанію. Сара принимаетъ имя Маріи.

Таково содержаніе комедіи, дающей вмѣстѣ съ *El Trato de Argel* довольно полную картину жизни христіанъ въ Алжирѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ сущности фактическое содержаніе этой жизни является вполнѣ исчерпаннымъ, и если бы у насъ не было другаго матеріала для знакомства съ нею, упомянутыя двѣ пьесы могли бы служить солиднымъ источникомъ. Двѣ другія комедіи нашего автора, рисующія восточную жизнь, представляютъ новизну лишь психологической мотивировки.

„El gallardo español“ является типичною комедіей „плаща и шпаги“, которой предстоитъ достигнуть полнаго блеска въ лицѣ Лопе де-Вега и Кальдерона. Сюжетъ сводится къ описанію подвиговъ Фернанда Сааведры, рыцаря безъ страха и упрека, грознаго для мусульманъ и оплота христіанъ. Вызванный маврами на поединокъ, Сааведра не можетъ своевременно явиться, такъ какъ его начальникъ удерживаетъ его. Ускользнувъ съ опасностью жизни изъ лагеря христіанъ, Сааведра совершаетъ рядъ подвиговъ, возбуждаетъ всеобщее удивленіе и оказываетъ въ рѣшительную минуту помощь христіанамъ. Узнанный своими и чужими, Сааведра встрѣчается къ тому же съ своей невѣстой. Рядомъ съ этой четой мы видимъ мусульманскую: прелестную Арляху и Алимуселя, совершающаго изъ любви къ ней рядъ подвиговъ.

Ни содержаніе, ни выводимые персонажи не представляютъ въ сущности ничего особенно интереснаго, а еще менѣе—новаго. Исклю-

ченіемъ является фигура хвастливаго воина, продавца молитвъ, вносящая комичную струю въ сюжетъ, вообще серьезный. Характеристики воиновъ-христіанъ и мусульманъ сдѣланы умѣло, но довольно однообразно. Драматическаго дѣйствія и въ этой пьесѣ мы не должны искать, такъ какъ даже подвиги Фернанда Сааводры не могутъ считаться таковыми. Вообще въ пьесѣ преобладаютъ лирическіе моменты. Особенно хороши тѣ эпизоды, гдѣ влюбленная въ Фернандо дѣвушка ищетъ своего жениха, высказывая гнетущее ее горе. Въ общемъ „*El gallardo español*“ не имѣетъ такихъ трагическихъ эпизодовъ, какъ разсмотрѣнныя выше пьесы.

„La gran Sultana“ послѣднее изъ намѣченной нами группы произведеній, и, по композиціи, одно изъ лучшихъ у Сервантеса. Оно интересно между прочимъ и потому, что въ данномъ случаѣ мы можемъ указать историческое лицо, сдѣлавшееся героиней пьесы нашего автора.

Героиня „La gran Sultana“—Каталина де-Овіедо. Извѣстно, что въ дѣтскомъ возрастѣ она была захвачена въ плѣнъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью при переѣздѣ изъ Малаги въ Оранъ нѣкіимъ пиратомъ Морато, который продалъ ее въ Тетуанъ богатому мавру. Родители ея умерли, и дѣвочка осталась круглой сиротой. Десяти лѣтъ отъ роду она уже была замѣчательной красавицей, такъ что прежній ея владѣлецъ, Морато, купилъ ее, заплативъ вчетверо дороже суммы, за которую продалъ. Въ 1600 г. Морато отправился въ Константинополь, захвативъ съ собой Каталину. Онъ продалъ дѣвочку султану, тогда еще мальчику, который помѣстилъ ее въ гаремѣ. Турки пытались заставить Каталину перемѣнить имя (на Зораиду), но испаночка отвергла этого рода предложенія, не желая лишиться имени, даннаго при крещеніи. Султанъ, въ восторгѣ отъ ея красоты, сдѣлалъ ее Великой Султаншей, то-есть первой женой, и Каталина имѣла на него большое вліяніе. Этимъ вліяніемъ благородная женщина пользовалась для облегченія участи плѣнныхъ христіанъ. Послѣдніе въ свою очередь старались отблагодарить по мѣрѣ силъ свою покровительницу, устраивая національные испанскіе спектакли, танцы, игры, до которыхъ Каталина была большой охотницей. Устная традиція, разказы очевидцевъ помогли Сервантесу художественно воспроизвести образъ прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ испанки, а собственныя наблюденія надъ восточной жизнью содѣйствовали воспроизведенію надлежащаго фона картины. Изъ фабулы пьесы мы узнаемъ, что евнухъ Рустанъ, христіанинъ, довольно долго скрывалъ Каталину въ га-

ремѣ; предоставляя ей полную возможность оставаться вѣрной христіанству. Евнухъ Малій, въ надеждѣ заслужить расположеніе султана, доноситъ на своего товарища, обвиняя его въ укрывательствѣ прелестной испанки. Султанъ внѣ себя отъ гнѣва, требуетъ къ себѣ Рустана, который искусно оправдывается, ссылаясь на продолжительную болѣзнь Каталины. Красота и умныя рѣчи плѣнницы очаровываютъ восточнаго повелителя, и онъ въ длинной, полной рыцарской галантности рѣчи, предоставляетъ ей не только полную свободу дѣйствія, но и отдаетъ самого себя въ ея распоряженіе, обѣщая свою милость тѣмъ, за кого Каталина явится ходатаемъ. Султанша требуетъ срока для размышленія и высказываетъ желаніе одѣться въ національное испанское платье и участвовать въ національныхъ танцахъ. Между плѣнниками находятся два лица, знающія портняжье ремесло; одинъ изъ нихъ—отецъ султанши, другой—нѣкто Мадригалъ, шутъ и балагуръ ловко спасшійся отъ смерти заявленіемъ, что ему дано знаніе языка птицъ (въ прямой преемственности отъ Аполлонія Тіанскаго!) и умѣніе обучать членораздѣльной рѣчи слона. Мадригалъ готовъ шить платье, хотя никогда въ жизни не принимался за подобную работу. Свиданіе Каталины съ отцомъ приводитъ ее въ смущеніе и она падаетъ въ обморокъ. Султанъ, полагая, что христіане своими заклинаніями умертвили Каталину, приказываетъ казнить и отца ея и Мадригала. Придя въ себя, султанша успѣваетъ спасти отъ гибели осужденныхъ султаномъ. Мы присутствуемъ при сценѣ признанія отцомъ дочери. Каталина въ виду необходимости сдѣлаться женой султана думаетъ о самоубійствѣ, но отецъ убѣждаетъ ее покориться необходимости: „Іуда больше согрѣшилъ повѣсившись, чѣмъ продавъ Христа“. Въ слѣдующей сценѣ мы присутствуемъ при испанскихъ танцахъ собравшихся по приказанію султана плѣнныхъ; султанша принимаетъ въ нихъ участіе. Между тѣмъ, наскучивъ ожиданіями, султанъ рѣшается выбрать себѣ новую красавицу. Слѣдуетъ замѣтить, что въ гаремѣ проживаетъ красивая чета: мужъ и жена; первый скрываетъ свой полъ подъ женскимъ платьемъ. Выборъ султана падаетъ на переодѣтаго мужчину. Не трудно догадаться, какія трагикомическія послѣдствія могутъ произойдти. Ловкой выдумкой юноша спасается отъ казни. Именно онъ убѣждаетъ разгнѣваннаго султана, что метаморфоза произошла по непосредственному вмѣшательству Магомета. Султанъ обезоруженъ этимъ аргументомъ и прощаетъ виновнаго.

Султанша проситъ приказать молодой дѣвушкѣ выйдти замужъ за

ловкаго юношу, а сама изъявляетъ согласіе сдѣлаться супругой султана. Свадебное пиршество заключаетъ пьесу.

Таково содержаніе „La gran Sultana". Характеръ героини выдержанъ Сервантесомъ согласно историческимъ и литературнымъ традиціямъ. „Великій турокъ", очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ повелителемъ правовѣрныхъ магометанъ. Его галантность, восторженное краснорѣчіе, паѳосъ и представленія о чести — это черты настоящаго испанскаго гидальга. Кромѣ этого, такъ сказать, анахронизма, пьеса въ смыслѣ колорита не имѣетъ существенныхъ недочетовъ. Очень недурно задуманы второстепенные персонажи, евнухи, царедворцы и плѣнные христіане. Истинно комической фигурою является Мадригалъ, котораго слѣдуетъ поставить въ ряду шутовъ Сервантеса на первомъ мѣстѣ. Его шутки, отзывающіяся балаганомъ, полны истинно народнаго юмора и сближаютъ его съ шутками Марло и Шекспира. Привожу два-три примѣра.

Мадригалъ, подобно сакристану въ Los Baños ненавидитъ евреевъ. Желая досадить имъ, онъ бросаетъ кусокъ дикаго вепря въ еврейскую кастрюлю. Понятны негодованія и жалобы пострадавшихъ. Мадригалъ не смущается ихъ угрозами и наноситъ имъ новыя оскорбленія. „Діаволъ—ихъ папа", толкуетъ буффонъ.

Другой примѣръ. Мадригала поймали на мѣстѣ преступленія съ какой-то мавританкой. Кади требуетъ, чтобы онъ сдѣлался мавромъ и женился—въ противномъ случаѣ его бросятъ въ море. „На что, собака, ты рѣшился? Жениться или умереть?" „И то и другое смерть и наказаніе. Я не вижу ничего хорошаго ни въ женитьбѣ, ни въ смерти". „Жениться и сдѣлаться мавромъ—это двѣ смерти... но я знаю, что на этотъ разъ, добрый господинъ мой, я не умру". Кади удивленъ, а ловкій Мадригалъ разказываетъ ему басню о разговорѣ птицъ, который онъ подслушалъ. Хитрецъ знаетъ нѣкоторыя тайныя продѣлки Кади и пользуется случаемъ, чтобы упомянуть о нихъ. Кромѣ того, Мадригалъ толкуетъ о какомъ-то снадобьѣ, которое должно сдѣлать турка любимцемъ султана. Онъ не только умѣетъ разбирать рѣчи птицъ, но и знаетъ искусство заставлять говорить животныхъ; онъ предлагаетъ сдѣлать опытъ, приставивъ его къ слону, который послѣ десятилѣтняго обученія долженъ заговорить отчетливо по турецки. Всѣ эти аргументы смягчаютъ Кади, а мошеннику не только дарятъ жизнь, но и дѣлаютъ учителемъ слона. Въ одной изъ послѣдующихъ сценъ Кади спрашиваетъ Мадригала, въ какомъ положеніи находится обученіе слона. Хитрецъ отвѣчаетъ,

что онъ далъ своему ученику четыре урока. К. „На какомъ языкѣ", М. „На бискайскомъ. Это языкъ, который безъ сомнѣнія имѣетъ первенство надъ эѳіопскимъ и абиссинскимъ". К. „Мнѣ этотъ языкъ кажется страннымъ. Гдѣ говорятъ на немъ?" М. „Въ Бискайѣ". К. „А гдѣ Бискайя?". М. „На границѣ Наварры, вблизи Испаніи". К. „Этотъ языкъ важенъ лишь по своей древности. Обучи слона испанскому; мы его больше понимаемъ". Мадригалъ заявляетъ, что предоставитъ самому слону выборъ изъ тѣхъ, языковъ, которыми владѣетъ. К. „Какіе же ты знаешь?" М. „Жаргонъ слѣпыхъ, бергамоскій Италіи, гасконскій Галліи и древне-греческій" [1]). Заходитъ рѣчь о разговорѣ птицъ. Мадригалъ пользуется случаемъ, чтобы разказать о всѣхъ преступленіяхъ Кади́. Смущенный сановникъ, наконецъ, спрашиваетъ: „Нѣтъ ли птицы, которая бы пѣла о моихъ добродѣтеляхъ?" М. „Въ другой разъ я заставлю ихъ уважать тебя Кади́. Лишь только замѣчу, что онѣ говорятъ о твоихъ продѣлкахъ, немедленно отрѣжу имъ клювъ въ наказаніе за обиды, тебѣ нанесенныя". Этимъ пріемомъ Мадригалъ обезпечиваетъ себѣ отступленіе.

Общій тонъ пьесы ровный и приличный, за исключеніемъ слишкомъ фривольной сцены съ разгнѣваннымъ на переодѣтаго юношу султаномъ. Среди историческихъ пьесъ Сервантеса, отражающихъ его пребываніе на Востокѣ, La gran Sultana занимаетъ первое мѣсто по техническимъ пріемамъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію, насколько вѣрно воспроизвелъ въ своихъ пьесахъ авторъ „Донъ-Кихота" ту среду, въ которой вращался пять лѣтъ. Постараемся намѣтить главныя особенности жизни Алжира времени Сервантеса, пользуясь по преимуществу упомянутымъ описаніемъ Гаедо [2]).

Кто подъ французскимъ флагомъ посѣщаетъ въ настоящее время Алжиръ, сохранившій театральный восточный колоритъ, не можетъ имѣть представленія о той грязи и запустѣніи, какія отличали современное Сервантесу гнѣздо пиратовъ. Населеніе праздное, полное восточной беззаботности, не создало никакихъ столько-нибудь сносныхъ культурныхъ условій. Узкія мрачныя улицы, въ которыя рѣдко проникаетъ солнечный лучъ, невообразимая грязь извнѣ и роскошь

---

1) La jérigonza de ciegos,
La vergamosca de Italia,
La gascona de la Galia,
I la antigua de los griegos.

2) Topographia 1604. Historia general de Argel.

внутри напоминали нѣкоторыя улицы Гранады и Севильи въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Плохо обстроенный и плохо защищенный городъ держался благодаря отсутствію единодушія и предпріимчивости христіанскихъ государей и покровительству турецкаго султана. Взывая за помощью къ испанскому королю, христіане неоднократно указывали на слабость пиратовъ и на возможность завладѣть городомъ въ самое непродолжительное время. Сервантесъ въ *El Trato de Argel* взываетъ къ королю въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

... „Alto señor, cuya potencia
Sujetas trae las barbards naciones
Al desabrido yugo de obediencia,
A quien los negros indios con sus dones
Reconocen honesto vasallaje,
Trayendo el oro acá de sus rincones,
Despierte en tu Real pecho coraje
La desvergüenza con que una vil oca
Aspira de contina á hacerte ultraje.
Su gente es mucha, mas su fuerza es poca
Desnuda mal armada, que no tiene
En su defensa fuerte, muro ó roca,
Coda uno mira si tu armada viene,
Para dar á los pies el cargo y cura
De conservar la vida que sostiene [1]).

Народонаселеніе Алжира рѣзко распадалось на двѣ группы: на свободныхъ и рабовъ. Свободные состояли изъ турокъ, мавровъ и евреевъ; что касается до рабовъ, то ихъ ряды пополнялись почти исключительно христіанами; были, впрочемъ, и евреи, но въ небольшомъ числѣ.

Свободное населеніе въ лицѣ турокъ и мавровъ угнетало всѣхъ прочихъ. Турки, большинство которыхъ состояло изъ ренегатовъ, то-есть, изъ христіанъ, перешедшихъ въ мусульманство, занимали высшія административныя мѣста и старались поусерднѣе эксплоатировать другія сословія. Съ безпринципностью, отличающею людей, продавшихъ за деньги свою вѣру и совѣсть, ренегаты обходили, гдѣ считали полезнымъ, законъ Магомета и попирали ногами христіанскую вѣру. Несмотря на то, что Коранъ рѣшительно запрещалъ крѣпкіе напитки, алжирскіе мусульмане напивались въ многочислен-

[1]) Народъ пиратовъ многочисленъ, но сила ихъ мала, они плохо одѣты и вооружены, ихъ не защищаютъ ни форты, ни стѣны, ни скалы. Всякій изъ нихъ глядитъ, не идетъ ли твой флотъ, чтобы поручить своимъ ногамъ заботу спасенія жизни.

ныхъ, содержимыхъ христіанами и ренегатами, кабакахъ и производили всевозможныя безчинства. Непристойныя пѣсни, ругательства слышались въ этихъ притонахъ днемъ и ночью.

Что касается мавровъ, то они лишь численностью отличались отъ турокъ. Они занимались не только гражданской и военной службой, но и торговлей, конечно, на началахъ корсарства. Смѣлые мореплаватели, алжирскіе пираты наводили страхъ на торговыя государства и возвращались изъ своихъ экскурсій съ богатою добычей. Вмѣстѣ съ турками мавры были владѣльцами плѣнныхъ христіанъ, которыми вели систематическую торговлю.

Евреи, составлявшіе часть свободнаго населенія, пользовались самою дурной славой и терпѣли всевозможныя притѣсненія. Ихъ личная свобода была лишь фиктивной. Ихъ считали шпіонами, доносчиками, фальшивыми монетчиками, смѣялись надъ ихъ религіозными обрядами, подвергали на всякомъ шагу эксплоатаціи и униженіямъ. Престарѣлый раввинъ долженъ былъ, по требованію перваго встрѣчнаго уличнаго мальчишки-мусульманина, снимать шляпу. Нерѣдко евреевъ открыто грабили, и обиженный нигдѣ не находилъ ни суда, ни расправы.

Можно сказать, что, несмотря на всевозможныя обиды, христіане все же терпѣли меньше униженій, чѣмъ евреи, такъ какъ къ нимъ не относились съ такимъ презрѣніемъ. Въ ихъ рукахъ находилась почти вся торговля.

Христіане составляли довольно многочисленную группу народонаселенія. Число ихъ превосходило иногда 2.000. Положеніе плѣнниковъ опредѣлялось ихъ имущественнымъ цензомъ, то-есть шансами, какіе у нихъ имѣлись на выкупъ. Владѣльцы собирали тщательныя свѣдѣнія относительно знатности происхожденія каждаго изъ своихъ рабовъ и каждому изъ нихъ назначали цѣну. Естественно всякій изъ такихъ владѣльцевъ стремился искусственно возвысить цѣнность своей собственности. Показаніямъ свидѣтелей часто не довѣряли и мучили безконечными допросами.

Кромѣ того, существовалъ курьезный пріемъ убѣждать себя и другихъ въ знатности того или другаго плѣнника. Сочинялись всякія небылицы и имъ вѣрили иногда даже искренне. Одинъ изъ современниковъ Сервантеса, скромный и благочестивый священникъ Соза, сообщаетъ о себѣ слѣдующее. „Собственной властью et plenitudine potestatis они сдѣлали меня, бѣднаго священника, епископомъ и затѣмъ частнымъ секретаремъ папы. Ежедневно въ теченіе восьми ча-

совъ я по приглашенію его святѣйшества бесѣдовалъ съ нимъ въ его комнатѣ съ глаза на глазъ о важнѣйшихъ дѣлахъ христіанства. Недавно они сдѣлали меня кардиналомъ; затѣмъ мнѣ дали Castelnuovo въ Неаполѣ, а теперь я генеральный духовникъ испанской королевы". У Сервантеса подчеркнута и эта черта: когда на сцену входитъ сакристанъ, мавры говорятъ: „Este es papaz", а бѣдняга отклоняетъ отъ себя эту опасную часть.

Съ этой категоріей плѣнныхъ мусульмане обращались весьма неровно. Въ общемъ они все же щадили ихъ жизнь, какъ цѣнный товаръ. Иногда репрессаліями всякаго рода старались побудить плѣнныхъ къ энергичному ходатайству передъ родными и друзьями. Но все же далѣе извѣстныхъ предѣловъ опасались идти. Кромѣ того, богатые плѣнники за вознагражденіе пользовались извѣстными льготами, иногда значительными. Такъ, имъ позволяли служить обѣдню въ часовнѣ, выстроенной на средства нѣкоего Педро Каталонскаго, большаго покровителя христіанъ, и давать тамъ театральныя представленія.

Сервантесъ даетъ намъ очень обстоятельное описаніе какъ молитвенныхъ собраній христіанъ, такъ и ихъ развлеченій, и передаетъ, какими ужасными насиліями они иногда прерывались. Священниковъ убивали при алтарѣ и жестоко издѣвались надъ присутствующими.

Но состояніе христіанъ этой категоріи было блаженнымъ въ сравненіи съ адскими мученіями, претерпѣваемыми бѣдными христіанами, представляющими небольшую цѣнность. Не было униженій, которымъ ихъ не подвергали бы, не было насилій, изысканныхъ мученій, незаслуженныхъ наказаній, которыя не сыпались бы на несчастныхъ на всякомъ шагу. Ежедневно происходили лютыя казни: колесованіе, сажаніе на колъ, висѣлица—все это, къ счастью, вело къ лишенію жизни. Но часто несчастныхъ плѣнныхъ лишь уродовали, отрубая то руки, то ноги и оставляя калѣками на всю жизнь. Вполнѣ правъ цитированный выше Данъ, называющій Алжиръ „земнымъ адомъ".

Вся сумма физическаго труда, всѣ общественныя работы и всѣ частныя лежали на плѣнныхъ христіанахъ. Они должны были возводить укрѣпленія, строили дома и корабли, исполняли полевыя работы, прислуживали въ домахъ мавровъ. За все это на нихъ сыпались побои и нерѣдко ихъ подвергали казни, по самому ничтожному поводу. Дѣтей разлучали съ родителями, мужа съ женой, торговали плѣнниками, отправляя лучшихъ изъ нихъ въ Константинополь. Физическому насилію соотвѣтствовали нравственныя. Бѣдныхъ дѣтей

заставляли измѣнять родной вѣрѣ, увлекая ласками, обѣщаніями и угрозами. Дѣвушекъ и женщинъ запирали на всю жизнь въ гаремахъ. Плѣнники первой категоріи—болѣе видные—содержались въ Baños del Rey, остальные въ Baño de la bastarda. Кромѣ турецкаго и арабскаго языка, это разноплеменное скопище пользовалось для обмѣна мыслей жаргономъ, называемымъ *franca*, странной помѣсью испанскаго языка; образчики мы находимъ у Сервантеса въ нѣсколькихъ фразахъ уличныхъ мальчишекъ (въ El Trato de Argel и въ новеллѣ El capitan cautivo въ рѣчи Зораиды).

То, что передастъ намъ Гаедо о внутреннемъ состояніи Алжира времени Сервантеса, вполнѣ подтверждается фактами и характеристиками, доставляемыми драматическими пьесами этого автора. Хотя Гаедо рисуетъ положеніе Алжира въ яркихъ чертахъ, тѣмъ не менѣе его изображеніе кажется блѣднымъ въ сравненіи съ тѣми великолѣпными сценами, которыя мы встрѣчаемъ у Сервантеса. Онѣ являются блестящей картиной быта не только христіанъ, но и другихъ группъ населенія Алжира и превосходно иллюстрируютъ историческія свидѣтельства, пополняя ихъ существенные недочеты. Слабыя, какъ драматическія пьесы, разсмотрѣнныя нами произведенія Сервантеса изобилуютъ эпическими и лирическими моментами и знакомятъ насъ съ пятилѣтнимъ плѣномъ великаго писателя. Тонкій наблюдатель и психологъ, убѣжденный и гуманный моралистъ проглядываютъ во всякой строкѣ. Стихотворная форма доходитъ мѣстами до высокаго совершенства, а общій поэтическій тонъ не чуждъ извѣстнаго паѳоса.

Такимъ образомъ разсмотрѣнныя пьесы Сервантеса заключаютъ много интереснаго автобіографическаго матеріала, культурныхъ и бытовыхъ картинъ и наглядно изображаютъ одинъ изъ раннихъ, знаменательный періодъ въ духовномъ развитіи этого писателя. Этимъ и опредѣляется ихъ главное значеніе.

Попытаемся подвергнуть анализу пьесы *второй* категоріи. Мы будемъ имѣть дѣло съ литературными вліяніями классической трагедіи (Сенека?) и романтическаго эпоса (Аріосто и Б. Тассо).

Л. Шепелевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСЕЛЕНІЕ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ДАННЫМЪ.

Думаемъ, что постепенное накопленіе свѣдѣній о вещественныхъ памятникахъ старины и систематическая обработка ихъ рано или поздно доставятъ весьма существенный матеріалъ для рѣшенія вопросовъ, касающихся даже глубокой древности славянъ, напримѣръ, вопроса о разселеніи ихъ въ древнѣйшую пору, а, быть можетъ, и объ ихъ происхожденіи. Надежда эта основывается на томъ, что во всѣхъ старо-славянскихъ земляхъ во множествѣ разсѣяны памятники древности, чрезвычайно разнообразные въ подробностяхъ, но въ то же время вполнѣ одинаковые по общему типу, именно такъ называемыя поля погребальныхъ урнъ. Они-то и должны дать важный матеріалъ. При сличеніи, погребальныя урны ясно складываются въ группы, объединенныя сходствомъ самыхъ сосудовъ и находимыхъ въ нихъ предметовъ. Новѣйшія изъ этихъ группъ восходятъ приблизительно къ X вѣку, а древнѣйшія теряются въ каменномъ періодѣ. Безъ сомнѣнія, если бы удалось всему обширному матеріалу, представляемому полями погребальныхъ урнъ, дать надежную классификацію по времени и мѣсту, то мы имѣли бы въ немъ превосходное пособіе для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій по исторіи славянскаго племени. Ясно, что такая задача даже неизбѣжна для славистовъ, можетъ быть нѣсколько односторонне сосредоточившихся на филологическихъ изысканіяхъ, но ясно также, что она представляетъ дѣло большой трудности, если судить по тому, что еще никто не рѣшился взять на себя ея исполненіе. Даже никѣмъ не сдѣлано попытки уяснить, какія погребальныя урны можно приписать славянамъ и какія ближе всего считать германскими или, быть можетъ, литовскими; не опредѣлено отношеніе по времени и народностямъ между погребеніемъ

урнъ въ поляхъ и въ курганахъ, а также между погребеніями сожженныхъ и несожженныхъ труповъ, встрѣчаемыми въ древнѣйшихъ памятникахъ однихъ и тѣхъ же территорій. Основная работа о поляхъ погребальныхъ урнъ, Ундсета [1]), представляетъ собою лишь географическій обзоръ распространенія этихъ памятниковъ древности въ германскихъ и славянскихъ областяхъ, безъ группировки ихъ по внутреннему содержанію и съ нѣсколькими поспѣшными выводами, не истекающими изъ матеріала.

Древности русской территоріи не могутъ быть исключены изъ труда, посвященнаго изысканіямъ о древнѣйшихъ судьбахъ славянства, въ особенности же памятники старины западной и юго-западной части Россіи. При существованіи древнѣйшаго географическаго центра славянъ въ Карпатахъ, по крайней мѣрѣ Волынь, Подолія и Кіевъ должны были входить въ разное время въ составъ ихъ исконныхъ земель. Здѣсь должны открыться обильные слѣды ихъ пребыванія и, безъ сомнѣнія, въ томъ же видѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, то-есть въ видѣ тѣхъ же полей погребальныхъ урнъ, представляющихъ не малое разнообразіе въ зависимости отъ того, кѣмъ и когда заселена была извѣстная мѣстность.

Но въ Россіи, странѣ безчисленныхъ кургановъ, интересныхъ и мало изученныхъ, на изслѣдованіе полей погребальныхъ урнъ совершенно еще не обращено вниманія. Все, что мы имѣли въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени,—это свѣдѣнія о случайныхъ находкахъ урнъ съ сожженными костями въ немногихъ мѣстностяхъ, занесенныя въ текущую литературу, но никогда не возбуждавшія изысканій; даже нельзя было считать установленнымъ, дѣйствительно-ли у насъ имѣются поля урнъ, подобныя тѣмъ, какія извѣстны въ средней Европѣ. Зато въ послѣдніе 2 — 3 года, благодаря упорнымъ и счастливымъ раскопкамъ г. Хвойки въ Кіевской губ., въ Россіи открылись факты, которымъ, повидимому, суждено имѣть не малое значеніе въ обще-славянской археологической и исторической литературѣ.

Въ 1897 и 1898 г. В. В. Хвойкою открыты были, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ с. Триполья Кіевскаго уѣзда, особыя площадки изъ пережженой глины и земли, на которыхъ расположены многочисленные расписные сосуды разной величины и формы, въ цѣломъ видѣ и въ черепкахъ, а также кремневыя подѣлки, камни, ра-

---

[1]) *Undset*, Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa. Hamburg. 1882.

ковины, грузила, немногія вещи изъ мѣди, зерна пшеницы, кости человѣка и животныхъ, а иногда зола и угли. Площадки эти размѣщаются рядами и бываютъ разнообразной формы — въ видѣ креста, угла, удлиненнаго прямоугольника и пр., размѣровъ отъ 15 × 25 до 44 × 32 арш. Онѣ лежатъ въ спеціальныхъ выемкахъ земли, на глубинѣ до 50 сант., идутъ обыкновенно въ нѣсколько слоевъ толщиною 5 — 10 сант. каждый и по внѣшнему виду, растрескавшись отъ времени (?), напоминаютъ кладку изъ кирпичей. Наибольшее количество сосудовъ помѣщается у с.-з. края площадокъ. Большинство урнъ внѣдрено въ самихъ площадкахъ, причемъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены своего рода ниши, обмазанныя глиной. Ясныхъ слѣдовъ погребеній цѣлыхъ труповъ, повидимому, не отмѣчено, такъ какъ трудно признавать погребеніями найденные на нѣкоторыхъ площадкахъ небольшіе остатки человѣческихъ череповъ. Правда, въ одной изъ площадокъ открыта могильная яма, въ которой лежалъ костякъ въ скорченномъ положеніи, но, кажется, самъ г. Хвойко склоненъ признавать это погребеніе впускнымъ. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сосудахъ найдены пережженыя кости, то трудно сомнѣваться, что въ этихъ памятникахъ древности мы встрѣчаемся съ трупосожженіями. Большіе сосуды имѣютъ яйцевидную форму, прямыя днища и весьма часто отверстія безъ всякой каймы, малые имѣютъ видъ разнообразныхъ чашекъ и стопокъ, иногда двойныхъ; есть чашки на короткихъ ножкахъ, какъ древне-греческіе сосуды. Росписью снабжена вся наружная поверхность сосудовъ, а у чашекъ иногда и внутренняя; она состоитъ изъ линій волнистыхъ, спиральныхъ, треугольныхъ, косоугольныхъ, елочками, изъ характерныхъ крупныхъ завитковъ и пр. Цвѣта орнамента — оранжевый, красноватый, бѣлый, сѣрый, темно-красный, коричневый, черный. Иногда рисунокъ исполненъ углубленными линіями, и тогда онъ обыкновенно заполненъ бѣлою массою. Среди находокъ также интересны довольно необычныя по позамъ глиняныя статуэтки грубой работы. Кромѣ мѣстности раскопокъ г. Хвойки (Веремье и Жуковцы Кіевскаго уѣзда), тѣ же памятники древности въ разное время найдены были въ Кіевской губ. въ самомъ Кіевѣ, въ Грищинцахъ Каневскаго уѣзда, въ Васильковѣ Звенигородскаго, въ с. Крымокъ Чигиринскаго и въ м. Романовкѣ Сквирскаго уѣзда (здѣсь найдена камера изъ необожженнаго краснаго кирпича, въ которой оказались угли, зола, жженыя кости, грузила, нѣсколько сосудовъ и 6 статуэтокъ); найдены они еще въ Крипичкахъ

Балтскаго уѣзда, Подольской губ. [1]). На австрійскомъ Подолѣ, гдѣ поля расписныхъ урнъ открыты уже 20 лѣтъ тому назадъ, такіе памятники древности извѣстны болѣе, чѣмъ въ 12 мѣстахъ, главнымъ образомъ между Днѣстромъ и Збручемъ [2]). Особый интересъ имѣютъ для насъ раскопки этихъ „кирпичныхъ" гробницъ въ Більчѣ Злотомъ Борисовскаго повѣта; здѣсь мы съ полною отчетливостью наблюдаемъ совершенно тотъ же обрядъ погребенія въ урнахъ, какой господствуетъ во всѣхъ древнихъ погребеніяхъ славянскихъ земель и который можно признавать усвоеннымъ славянами и характернымъ для нихъ, именно помѣщеніе остатковъ сожженныхъ тѣлъ въ особыхъ грунтовыхъ камерахъ, въ урнахъ. Расписные сосуды, найденные въ другихъ мѣстностяхъ Днѣстра, а также по Серету и въ Румыніи, принадлежатъ, быть можетъ, къ тому же типу, какъ кіевскіе и галицкіе; извѣстные силезскіе расписные сосуды, а также найденные въ Босніи, Моравіи, Нижней Австріи и въ Венгріи, повидимому, принадлежатъ другой эпохѣ, имѣютъ другой характеръ, хотя, можетъ быть, происходятъ изъ одного общаго источника, который пока еще невозможно указать [3]). Кіевскіе расписные сосуды въ высокой степени интересны тѣмъ, что формы ихъ и орнаментъ чрезвычайно разнообразны тѣмъ, что сосуды этого типа нигдѣ не найдены въ такомъ обиліи, и тѣмъ еще, что, повидимому, ихъ придется признать древнѣйшими изъ извѣстныхъ. Ихъ изученіе должно лечь въ основу всякаго труда объ этомъ родѣ памятниковъ старины. На русской почвѣ культура расписныхъ сосудовъ является предшественницей эллинской, а, быть можетъ, и скиеской. Она или одновременна культурѣ кургановъ съ окрашенными костяками, или нѣсколько раньше ея. Если обратиться къ историческимъ именамъ, то естественно назвать имя невровъ, какъ племени, о которомъ ближе всего вспомнить, обсуждая вопросъ, какому народу могли принадлежать днѣпровскіе и днѣстрянскіе расписные сосуды.

---

[1]) Ни здѣсь, ни въ дальнѣйшемъ изложеніи не помѣщаемъ ссылокъ на источники; ихъ можно найдти въ нашихъ обозрѣніяхъ губерній въ археологическомъ отношеніи, помѣщенныхъ въ I, II и IV книгахъ Трудовъ Русск. Отдѣл. Имп. Русск. Археолог. Общ.

[2]) О раскрашенныхъ сосудахъ Моравіи и Нижней Австріи см. у *Palliardi*, Die neolitisch. Ansiedelungen mit bemalten Keramik im Mähren und Niederösterreich въ Mittheil. der prähist. Commis. der Kais. Akad. der Wissensch. B. I, № 4, 237—264.

[3]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. II, III, VIII, XIV, XV и XVIII

Въ предѣлахъ Россіи встрѣчаются и другіе памятники старины, имѣющіе близкое отношеніе къ вопросамъ по древнѣйшей исторіи славянъ, именно каменныя кисты съ урнами, заключающими остатки трупосожженій. Такія кисты отмѣчены, правда, еще въ немногихъ мѣстахъ, но въ обширномъ районѣ, а это даетъ увѣренность, что современемъ ихъ найдено будетъ несравненно большее количество. Не говоря о Польшѣ, гдѣ каменныхъ кистъ извѣстно уже много, онѣ обнаружены еще въ Кіевской губ., именно близъ Глинницы, Минейки и Вышевичи по р. Тетереву, въ Волынской губ. въ с. Новомалинѣ Острожскаго уѣзда и въ д. Кременицѣ и въ Минской губ. въ д. Зыковцы Минскаго уѣзда. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ находимы были помѣщенныя въ кистахъ урны съ сожженными костями, болѣе мелкіе сосуды и различныя подѣлки каменнаго вѣка. Такія же кисты найдены еще на Бугѣ противъ Бреста (Костомлоты и Блотково), а также на Наревѣ (Піонтница Сувалкской губ.). Какъ извѣстно, въ наибольшемъ количествѣ каменныя кисты встрѣчаются въ низовьяхъ Вислы, откуда онѣ заходятъ также на Варту и даже на Одеръ. Въ древностяхъ Пруссіи и Польши прослѣживается и переходъ отъ погребенія въ каменныхъ кистахъ къ погребеніямъ въ однихъ урнахъ безъ кистъ, доходящимъ въ этомъ видѣ до времени распространенія въ странѣ христіанства.

Но все это памятники древности той поры, которой едва лишь позволительно коснуться. Здѣсь только что накопляются матеріалы, которыми воспользоваться врядъ ли когда-либо выпадетъ на нашу долю. Археологія выступаетъ болѣе рѣшительно тамъ, гдѣ она можетъ опираться на письменныя свидѣтельства, то-есть въ древностяхъ начиная отъ IX—X вѣка. Съ анализа лѣтописныхъ извѣстій мы и можемъ приступить къ изложенію нашей спеціальной темы.

Достойная удивленія по ширинѣ и опредѣленности картина разселенія древне-русскихъ племенъ, нарисованная Несторомъ, имѣетъ однако существенный недостатокъ—совершенное отсутствіе исторической перспективы. Нашъ лѣтописецъ не знаетъ, въ какой постепенности заселяли эти племена страну, не отмѣчаетъ, какъ они группируются по этнографической близости, какія изъ нихъ наиболѣе сильны и какія слабы. Это лишь каталогъ народовъ, какіе мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ географіяхъ и периплахъ, достаточныхъ для цѣлей политическихъ и торговыхъ, но совершенно неудовлетворительныхъ въ отношеніи этнографическомъ. Лѣтопись даетъ простое перечисленіе племенныхъ названій по мѣстностямъ, какъ они установились въ практиче-

скомъ употребленіи у кіевлянъ XI вѣка. Скупость ея по части этнографическихъ подробностей, быть можетъ, объясняется также и тѣмъ, что составлена она въ эпоху единообразнаго политическаго настроенія, когда для наблюдателя изъ центра племенныя мѣстныя отличія не имѣли ни цѣны, ни интереса. Кромѣ того, первоначальная лѣтопись наша знаетъ лишь преданіе о послѣднемъ движеніи славянъ къ Днѣпру, связанное съ именемъ аваровъ и дулѣбовъ и сохранившееся у кіевской Руси; если она и включаетъ въ общую картину разселенія славянъ по Русской землѣ также имена современныхъ сѣверныхъ племенъ, то скорѣе ради единообразія литературнаго пріема. Этотъ недостатокъ историко-этнографической перспективы въ сказаніяхъ лѣтописи и должна попытаться пополнить археологія, вмѣстѣ съ филологіею и антропологіею. На долю этихъ наукъ падаетъ и другая, неизбѣжная задача по отношенію къ разказу Нестора о разселеніи древне-русскихъ племенъ—провѣрять самый перечень племенъ, имъ представленный. Какъ ни цѣнно, какъ ни заслуживаетъ довѣрія свидѣтельство современника, оно всегда должно быть взвѣшено и оцѣнено, прежде чѣмъ имъ пользоваться.

Въ послѣднее время филологія, очевидно, уже начинаетъ чувствовать себя въ силахъ исполнить предстоящую ей задачу. Всего яснѣе выражается это въ осторожныхъ, но огромныхъ трудахъ проф. Соболевскаго и въ смѣлой картинѣ разселенія древне-русскихъ племенъ, нарисованной такъ недавно академикомъ Шахматовымъ. Вполнѣ сознаемъ, что роль археологіи еще впереди. Если филологія чувствуетъ недостаточность наблюденій и фактовъ, то въ еще большей мѣрѣ это примѣнимо къ археологіи, матеріалъ которой добывается съ несравненно большими усиліями: онъ еще незначителенъ, крайне разбросанъ, отрывоченъ, неполонъ. Но все же, повидимому, пришло время собрать воедино то, что уже добыто: быть можетъ, даже простое сличеніе матеріала дастъ нѣкоторые положительные результаты, а кромѣ того, оглянувшись на пройденное, легче будетъ видѣть, куда слѣдуетъ идти далѣе. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, мы смѣлѣе вводимъ читателя въ несовсѣмъ обычную область, гдѣ господствуетъ своя особая терминологія, особый матеріалъ, особые пріемы изслѣдованія.

Обращаемся прежде всего къ древнѣйшему періоду, памятникамъ IX и X вѣковъ.

Несторъ (и только онъ одинъ) даетъ намъ весьма цѣнное указаніе объ обрядѣ погребенія у русскихъ славянъ въ эпоху образованія

нашего государства: „Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, а посемь творяху краду велику, и възложахуть и на краду, мертвеца сожжаху, и посемь собравше кости вложаху въ судину малу, и поставляху на столпѣ на путехъ“. Повидимому, лѣтопись усвояетъ такой обрядъ погребенія всѣмъ безъ различія русскимъ племенамъ языческой поры. Уже это одно говоритъ не въ пользу точности приведеннаго извѣстія. Другія подробности его еще болѣе усиливаютъ недоумѣніе. Слово „столпъ“ нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ погребенія на деревянномъ столбѣ или въ немъ (напримѣръ, въ нишѣ) не имѣютъ нигдѣ аналогій и невозможны, а каменныхъ столбовъ совершенно неизвѣстно. Въ сосудцы „малые“ прахъ никогда не былъ собираемъ; напротивъ, сожженныя кости всегда помѣщались въ сосудахъ большихъ размѣровъ, а малые ставились при нихъ съ пищей и питьемъ. Поставленіе сосудовъ „на путехъ“ очень вѣроятно, такъ какъ пути какъ разъ соединяютъ всегда самыя удобныя и живописныя мѣста, естественно избираемыя и какъ мѣста погребенія, но возводить устройство кладбищъ на дорогахъ въ общее правило врядъ ли у кого-либо входило въ намѣренія. Очевидно, что въ XI вѣкѣ преданія о старомъ обрядѣ погребенія у русскихъ племенъ сохранялись уже весьма неточныя, и изъ приведеннаго разказа лѣтописи можно принять лишь самое существенное, именно указаніе, что русскія племена въ періодъ до призванія варяговъ и до принятія христіанства подвергали своихъ покойниковъ сожженію, причемъ прахъ ихъ былъ собираемъ въ урны, а урны помѣщались въ особыхъ мѣстахъ, сосредоточенно, или разсѣянно. Курганы еще совершенно отсутствуютъ. Въ этомъ видѣ описанный Несторомъ обрядъ погребенія вполнѣ совпадаетъ съ тѣми данными, которыя имѣются о способѣ погребенія въ такъ называемыхъ поляхъ урнъ, характерныхъ для всѣхъ славянскихъ странъ. Такія поля урнъ мы и должны ожидать встрѣтить у древне-русскихъ племенъ, по меньшей мѣрѣ у юго-западныхъ, преданія которыхъ Нестору были доступнѣе.

Несомнѣнные слѣды погребеній въ отдѣльныхъ урнахъ у насъ уже найдены, въ бассейнѣ Днѣпра, но пока въ ограниченномъ количествѣ. Одна урна со жжеными костями найдена въ Кіевѣ близъ Іорданской церкви; такія же урны найдены были на рѣкѣ Тасминѣ въ деревнѣ Рейментаровкѣ Чигиринскаго уѣзда, одна урна найдена на правомъ берегу Роси противъ с. Телѣжинецъ Таращанскаго уѣзда, одна близъ деревни Саверцы Сквирскаго уѣзда, одна близъ г. Канева и еще какая то „пепельница“ открыта была въ давнее время въ Хо-

доровѣ надъ Днѣпромъ (въ Каневскомъ уѣздѣ). Противъ Кіева въ Никольской слободѣ въ песку обнаружены разбитые грубой работы сосуды со жжеными костями внутри, и тутъ же открыты жженые точки. Недалеко отъ Переяславля Полтавской губерніи у села Хоцки открыты 2 урны съ жжеными костями и близъ нихъ найдены каменные, мѣдные и желѣзные наконечники стрѣлъ. На Волыни извѣстна одна только мѣстность, гдѣ была найдена урна, да и то неизвѣстно, того ли погребальнаго обряда, о которомъ мы говоримъ, именно въ деревнѣ Пусто-Иванье близъ Дубна. Урны съ сожженными костями встрѣчены и въ Галиціи, напримѣръ въ Квачалѣ. Въ предѣлахъ юго-западной Руси есть еще мѣстность, гдѣ встрѣчены поля погребальныхъ урнъ, именно теченіе Буга близъ Бреста. Здѣсь въ Костомлотахъ найдены прикрытыя блюдами урны съ сожженнымъ прахомъ, въ которыхъ оказались также различныя металлическія подѣлки. Ближайшими кандидатами на эти урны могли бы быть, на первый взглядъ, западные сосѣди наши, поляки, но въ виду извѣстія Нестора объ обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ дулѣбахъ необходимо обождать съ рѣшеніемъ вопроса, кому онѣ могли принадлежать, какъ и урны, найденныя на Наревѣ (Піонтница, Тыцокинъ) и даже сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Нѣмана (Черниковизна и Юстиново Сувалкской губ.).

Вотъ и все, что пока извѣстно о существованіи полей погребальныхъ урнъ къ востоку отъ Польши, страны, столь богатой такими полями. Усилія археологовъ и любителей въ будущемъ, несомнѣнно, очень умножатъ эти свѣдѣнія, если на отысканіе погребальныхъ урнъ будетъ обращено достаточно вниманія. Выше Припяти мы не знаемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ погребеній докурганнаго періода и не знаемъ, гдѣ ихъ искать. Одно можно утверждать, что, по всей вѣроятности, и здѣсь было въ обычаѣ сожженіе труповъ, если судить по тому, что этотъ обрядъ сохранялся въ данныхъ мѣстностяхъ еще довольно долгое время и съ появленіемъ обычая сооружать курганы.

Слѣдующій у насъ по времени за погребеніемъ въ урнахъ обрядъ погребенія сожженнаго трупа въ курганахъ—господствуетъ въ русскихъ земляхъ въ теченіе всего X вѣка, но появляется онъ ранѣе, быть можетъ, въ половинѣ IX вѣка, въ Новгородской области, на р. Волховѣ. Курганы этой мѣстности вообще имѣютъ большой объемъ. Это настоящіе гиганты въ сравненіи съ позднѣйшими русскими курганными насыпями; крупнѣйшій изъ раскопанныхъ на Волховѣ кургановъ имѣлъ въ вышину около 14 арш., но есть и болѣе высокіе. Это крѣпкія крутобокія насыпи, обыкновенно окруженныя по подошвѣ

крупными камнями, изрѣдка представляющими родъ стѣны или цоколя. Въ основаніи всѣхъ безъ исключенія насыпей примѣтенъ черный слой съ мелкими кусочками угля, и у большинства здѣсь же расположены различныя сооруженія изъ валуновъ и плитъ, въ видѣ кучъ, стѣнокъ, угловъ и небольшихъ помостовъ; вблизи такихъ сооруженій обыкновенно попадаются угли, а иногда сожженныя кости человѣка. Въ разрѣзѣ насыпи на ея срединѣ обыкновенно виденъ слой пепла, идущій куполообразно отъ самаго низа. Обрядъ погребенія—сожженіе внѣ могилы. Остатки сожженныхъ костей помѣщаются въ насыпи, чаще всего недалеко отъ ея вершины, иногда въ глиняномъ сосудѣ; иногда же они оказываются въ срединѣ насыпи или даже въ особой ямкѣ, вырытой въ материкѣ. Въ средней части нѣкоторыхъ высокихъ насыпей, между подошвой ихъ и вершиной, заложены еще другіе помосты и сооруженія изъ камней, съ костями и безъ костей. Находки вещей бываютъ самыя незначительныя. Между грудами камней и въ сосудахъ вмѣстѣ съ сожженными костями попадаются отдѣльныя кости домашнихъ и дикихъ животныхъ. Таковъ общій видъ новгородскихъ сопокъ, распространенныхъ по всѣмъ главнымъ воднымъ путямъ края—Волхову, Ловати, Метѣ. Безъ сомнѣнія, къ этому же типу принадлежатъ высокіе курганы, извѣстные въ Смоленской губ. (близъ Смоленска), въ Черниговской (Черная могила въ Черниговѣ), въ Кіевѣ (Аскольдова могила) и на Волыни (Искорость). Вещи, найденныя въ сопкахъ, можно относить ко времени не позднѣе X вѣка, но между ними есть такія, которыя приходится опредѣлять IX вѣкомъ, если даже не концомъ VIII вѣка; такова особенно мѣдная бляшка-тройчатка, найденная въ одной изъ волховскихъ сопокъ. Одновременно съ крупными сопками, безъ сомнѣнія, сооружались и курганы средней высоты, начиная отъ 3-хъ аршинъ; съ теченіемъ времени появляются, еще въ X вѣкѣ, курганы малые отъ $1^1/_2$ арш. высотою, которые въ XI вѣкѣ уже преобладаютъ.

Курганы типа новгородскихъ сопокъ являются у насъ не путемъ постепеннаго развитія, а вразъ. Откуда именно—въ этомъ не трудно разобраться. Это курганы самые ранніе изъ числа собственно-русскихъ, распространяются они сперва въ Новгородской области и по своему устройству одинаковы съ курганами скандинавскими—всѣ эти данныя говорятъ ясно и рѣшительно, что наши сѣверныя сопки оставлены отчасти самими норманнами, а главнымъ образомъ новгородцами, перенявшими у норманновъ обычай погребенія въ сопкахъ, какъ не противорѣчащій ихъ религіознымъ взглядамъ. Въ Скандинавіи ближайшую

аналогію новгородскія сопки имѣютъ въ извѣстныхъ курганахъ Одина, Фрея и Тора, раскопанныхъ близъ Упсалы. Изъ нихъ курганъ Тора имѣлъ въ вышину до 5 саженъ. Въ центрѣ основанія его помѣщалась куча камней, прикрывавшая сожженныя кости человѣка и животныхъ, и подобная же находилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра. Въ насыпи была примѣтна темная прослойка, идущая куполообразно, а ближе къ вершинѣ оказалось еще нѣсколько камней, со слѣдами при нихъ угля. Въ курганѣ Одина сожженныя кости сложены были въ урну, помѣщенную въ грунтовой ямѣ. Найденныя въ упсальскихъ курганахъ вещи говорятъ за время, предшествующее новгородскимъ сопкамъ [1]). Въ курганѣ, раскопанномъ близъ Мёклебюста и имѣвшемъ въ вышину около 2-хъ саженъ, сожженныя кости помѣщены были также въ грунтовой ямѣ; въ основаніи насыпи находились остатки кострища, а самый курганъ обнесенъ былъ рвомъ съ перемычками. Этотъ курганъ по времени, повидимому, уже прямо соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ новгородскимъ сопкамъ [2]).

Естественно думать, что съ водвореніемъ въ русской землѣ норманновъ въ качествѣ правящаго класса курганный обрядъ погребенія дѣлается здѣсь покровительствуемымъ, послѣ господствующимъ и наконецъ государственнымъ. Принятіе христіанства, соединенное съ полнымъ и общимъ признаніемъ Рюриковичей, нисколько не помѣшало дальнѣйшему усвоенію и развитію обычая сооружать погребальные курганы. Христіанство и курганы идутъ у насъ рука объ руку.

Принимая это положеніе, археологъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ показать всю постепенность дальнѣйшаго перехода на русской почвѣ отъ одного типа курганныхъ насыпей къ другимъ, и отъ этихъ къ слѣдующимъ, пока онѣ совершенно здѣсь не исчезаютъ, вырождаясь въ общій типъ христіанскихъ погребеній. Только въ такомъ случаѣ предположеніе это можетъ составить прочное достояніе науки. Къ сожалѣнію, при недостаткѣ изслѣдованій мы пока лишены возможности указать эти переходы. Правда, представляется несомнѣннымъ, что древнѣйшіе курганы появляются въ сѣверно-русскихъ областяхъ, послѣ они переходятъ въ восточныя и, наконецъ, въ юго-западныя земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя считать вполнѣ доказаннымъ, что исход-

---

[1]) Kongl. Vitterh. Hist. och. Antiqv. Akad. Månadsblad. IV, стр. 250—260.

[2]) См. въ интересной статьѣ г. *Щепкина*, Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, 9.— Скандинавскіе курганы происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ кургановъ сѣверной Германіи.

нымъ пунктомъ распространенія кургановъ во всѣхъ областяхъ послужили именно новгородскія сопки. Во-первыхъ, курганы болѣе ранняго времени, чѣмъ въ русскихъ земляхъ, извѣстны на ихъ западной окраинѣ, въ бассейнѣ р. Нѣмана; эти курганы заключаютъ въ себѣ также остатки сожженныхъ труповъ, также кругомъ основанія имѣютъ рвы и вѣнцы изъ камней [1]). Во-вторыхъ, древніе курганы съ сожженіемъ имѣются также въ Галиціи, и врядъ-ли они возникаютъ здѣсь подъ вліяніемъ норманновъ, какъ и связанные съ ними курганы другихъ славянскихъ земель, напримѣръ Чехіи. Въ связи съ галицкими курганами находятся, по всей вѣроятности, и курганныя насыпи ранней поры, расположенныя между Бугомъ и Вислою, происхожденіе которыхъ тоже врядъ-ли можетъ быть объяснено русскимъ, южнымъ или сѣвернымъ вліяніемъ. Есть и еще какіе-то давніе курганы съ сожженіемъ по р. Угрѣ въ Калужской губ., которые также нельзя рѣшиться положить въ число развившихся подъ норманскимъ вліяніемъ. Наконецъ, въ области кривичей имѣются совершенно особые древніе курганы въ видѣ валовъ, неизвѣстные, насколько мы знаемъ, въ Скандинавіи.

Оставляя до будущихъ изысканій столь осложненный вопросъ о происхожденіи курганнаго погребальнаго обычая въ отдѣльныхъ концахъ русскихъ земель, приступаемъ къ изложенію имѣющихся свѣдѣній о нашихъ курганахъ X вѣка, по областямъ.

Въ Новгородской области сопки описаннаго типа, а также курганы съ сожженіемъ меньшей величины изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, составляющихъ какъ-бы особые географическіе раіоны: въ низовьяхъ Волхова (Ладога, Архангельскій погостъ), въ низовьяхъ Ловати (раскопки Л. К. Ивановскаго), окрестности озера Самро въ Петербургской губ. (погосты Доложскій, Лосицкій и Горнечное), въ верховьяхъ Мсты въ Боровичскомъ уѣздѣ (Юрьева, Гридино, Рыкачево, Горки, Любинецъ и пр.) и, наконецъ, въ Бѣжецкомъ верхѣ (Маслово, Абакумово, Городище, Залужье, Боженки, Бѣжецкъ), всего 5 раіоновъ.

Древнѣйшими курганами въ странѣ кривичей, общими для кривичей полоцкихъ, смоленскихъ и псковскихъ, являются курганныя насыпи въ видѣ валовъ, имѣющихъ въ длину иногда до десятка саженъ. У псковичей такіе курганы извѣстны въ Гдовѣ, близъ Пскова

[1]) *Спицынъ*, Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX вѣка. Труды Русск. отдѣл. Императ. Русск. Археолог. Общества, кн. I, 103—114.

(Логасовичи) и Опочки, у полочанъ близъ Себежа, Сѣнно и въ Борисовскомъ уѣздѣ, у смоленскихъ кривичей главнымъ образомъ въ Смоленскомъ и Духовщинскомъ уѣздахъ (Лонино, Арефино, Городокъ, Мядынь, Хотынь, Ярцева, Дрокова), а также въ Бѣльскомъ; какъ на самый окраинный курганъ этого типа можемъ указать на насыпь въ видѣ вала, расположенную близъ с. Извѣдова на самыхъ верховьяхъ Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ. Кажется, что смоленскіе длинные курганы вообще короче, чѣмъ полоцкіе. Есть указанія, что полоцкіе длинные курганы заключаютъ рядъ погребальныхъ урнъ съ сожженными костями, помѣщенныхъ въ верхней части насыпи; смоленскіе курганы этого типа заключаютъ, кажется, въ одномъ концѣ кострище, а въ другомъ сожженныя кости; однако до опубликованія результатовъ произведенныхъ въ нихъ раскопокъ мы лишены возможности имѣть точное сужденіе о наблюдаемомъ въ нихъ обрядѣ погребенія. Точно также еще не выдѣлены вещи, найденныя въ этихъ курганахъ, и мы не можемъ составить яснаго представленія объ ихъ типахъ. Если, какъ мы считаемъ за вѣроятное, длиннымъ смоленскимъ курганамъ принадлежатъ желѣзныя удила съ усиками, желѣзныя пряжки старыхъ типовъ, характерныя обоймицы въ видѣ лоточка съ ушкомъ, большой мѣдный бубенчикъ, мѣдная подвѣска въ видѣ колпачка съ пластинчатыми привѣсками, спиральки и синія бусы, то ихъ можно относить къ IX и началу X вѣка, а самую культуру сближать съ древностями предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ и отчасти съ древностями Люцинскаго могильника.

Остальные курганы съ сожженіемъ въ странѣ кривичей имѣютъ обыкновенную полушарую форму. Изслѣдованныя близъ погоста Лыбуты псковскія сопки имѣли вышину отъ 3¼ до 5½ арш., то-есть, сравнительно большую. Въ насыпи на высотѣ ⅔ отъ подошвы найдены были кострища или, вѣрнѣе, остатки кострищъ съ сожженными костями, среди которыхъ попадались различные, попорченные огнемъ, предметы (черепки сосудовъ съ волнистымъ орнаментомъ, мѣдныя спиральки, желѣзныя пряжки, бусы, бляшки отъ поясного набора, желѣзныя обоймицы съ ушкомъ на концѣ и пр.). Близъ одного изъ кургановъ найденъ самый очагъ, на которомъ производилось сожженіе труповъ. Онъ состоялъ изъ круглаго булыжнаго помоста до 2 арш. въ діаметрѣ. Камни помоста оказались перекаленными, а между ними найдены мѣдные слитки, обломки перегорѣвшихъ желѣзныхъ вещей и мелкіе черепки отъ сосудовъ. Въ самомъ большомъ изъ кургановъ трупъ сожженъ былъ въ насыпи, также на высотѣ ⅔ отъ основанія, въ особомъ деревянномъ домовищѣ, составленномъ изъ березовыхъ плахъ.

На одномъ изъ кострищъ оказались поврежденныя кости коня. Вещи, найденныя какъ въ описанныхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ псковскихъ курганахъ, принадлежатъ къ типамъ Люцинскаго могильника. Про окрестности Пскова можно сказать, что обычай погребенія въ курганахъ здѣсь существовалъ, кажется, недолгое время, такъ какъ въ XI вѣкѣ въ этой мѣстности уже появляются жальники.

Въ землѣ полоцкихъ кривичей наибольшее количество кургановъ съ сожженіемъ найдено между верховьями Березины и ближайшею частью Западной Двины, въ Лепельскомъ и Сѣннинскомъ уѣздахъ. Большинство лепельскихъ кургановъ въ основаніи окружены рвами. Сожженіе въ нихъ совершается на мѣстѣ, въ насыпи, какъ въ псковскихъ курганахъ; съ послѣдними они, повидимому, общи и по составу находокъ. Въ нѣкоторыхъ лепельскихъ курганахъ, какъ и въ сѣннинскихъ, сожженныя кости помѣщены почти на самомъ верху насыпей. Вѣроятно, полоцкимъ кривичамъ принадлежатъ и курганы съ сожженіемъ, изслѣдованные въ Себежскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Псковскою губ. (Чернея, Шапелево, Грицково). Сожженіе произведено или внѣ кургана, или въ курганѣ, на его основаніи; въ первомъ случаѣ сожженныя кости всего чаще помѣщаются близъ вершины насыпей, а въ второмъ онѣ сгруживаются въ одну кучку на кострищѣ и прикрываются сосудомъ. Въ основаніи одного изъ кургановъ оказался выложенный камнемъ очагъ, засыпанный золой и углемъ, какъ описанная выше площадка у кургана Лыбутскаго пог. Вещей найдено очень мало, и онѣ всѣ принадлежатъ къ типамъ Люцинскаго могильника. Въ одномъ изъ сѣннинскихъ кургановъ найденъ диргемъ 914 г., безъ ушка и отверстія. По всей вѣроятности, полоцкимъ кривичамъ слѣдуетъ приписать также курганы съ сожженіемъ, изслѣдованные по лѣвую сторону Двины въ окрестностяхъ города Браславля, основаннаго въ началѣ XI вѣка (имѣніе Бельмонтъ, Опса, Довборы, Богинъ, Браславъ Ковенской и отчасти Виленской губерніи). Здѣшніе курганы вообще не высоки, сожженныя кости помѣщены на поверхности материка или въ насыпяхъ, въ серединѣ или на верху ихъ, въ основаніи почти всѣхъ кургановъ рвы. Основаніе одного кургана занято было площадкою изъ камней. Нѣкоторыя насыпи имѣютъ форму продолговатаго четыреугольника и тѣмъ напоминаютъ смоленскіе продолговатые курганы. Большинство найденныхъ предметовъ представляетъ люцинскіе типы [1]).

---

[1]) Найденные близъ браславскихъ кургановъ земляные валы въ видѣ круглыхъ колецъ не есть ли также мѣстное видоизмѣненіе кургановъ?

Въ землѣ смоленскихъ кривичей курганы X вѣка съ сожженіемъ прекрасно представлены огромною группою, расположенною при д. Гнѣздово, на мѣстѣ стараго Смоленска. Большинство гнѣздовскихъ курганныхъ насыпей имѣютъ небольшіе размѣры, но между ними есть также и насыпи значительной вышины. Сожженіе совершается и въ курганахъ, и внѣ ихъ. На кострищахъ иногда встрѣчаются группы камней или отдѣльные большіе камни, роль которыхъ еще не выяснена; быть можетъ, на нихъ опирался трупъ при сожженіи, такъ какъ есть основанія предполагать, что въ нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностяхъ, хотя, вѣроятно, и не всегда, покойники сожигались въ сидячемъ положеніи, какъ знатный руссъ Ибнъ-Фадлана въ Болгарахъ. Остатки отъ трупа, сожженнаго на сторонѣ, помѣщаемы были въ глиняномъ сосудѣ въ нижней или верхней части насыпи. Самый крупный курганъ изъ изслѣдованныхъ въ гнѣздовской группѣ имѣлъ 14 арш. вышины; въ немъ было найдено много интересныхъ вещей, лежавшихъ на особой каменной площадкѣ, на половинѣ высоты насыпи. Раскопки кургановъ въ Гнѣздовѣ дали весьма значительную и интересную коллекцію находокъ. Любопытно то, что среди нихъ вовсе не найдено предметовъ Люцинскаго могильника; всѣ вещи относятся къ болѣе позднему времени и совершенно другимъ культурамъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ предметы такъ называемыхъ скандинавскихъ типовъ: характерные мечи, разнообразныхъ формъ мѣдныя фибулы и бляхи съ скандинавскимъ узоромъ, пряжки и пр. На второмъ мѣстѣ стоятъ вещи, по всей вѣроятности, восточнаго происхожденія, главнымъ образомъ узорчатыя поясныя бляшки, а на третьемъ—неопредѣленнаго еще происхожденія серебряныя лунницы и бляхи съ зерневымъ орнаментомъ. Найдены еще: шлемъ, украшенія щитовъ, наконечники копій и стрѣлъ, желѣзныя и мѣдныя шейныя гривны, стеклянныя бусы, браслеты, перстни, оковка рога, игральныя косточки, вѣсовыя гирьки, гребни и пр. Въ числѣ особенныхъ предметовъ могутъ быть названы поливная фаянсовая тарелка съ изображеніемъ дракона и мѣдная лампочка въ видѣ женской головки, то и другое восточнаго происхожденія. Изъ костей животныхъ въ курганахъ встрѣчены отдѣльныя кости коня, собаки и птицъ. Гнѣздовскаго типа курганы съ сожженіемъ встрѣчены до сихъ поръ лишь въ западной части Смоленской губерніи, въ Смоленскомъ, Духовщинскомъ и Порѣчскомъ, а отчасти въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Выше отмѣчено, что въ смоленскомъ краѣ имѣются и болѣе древніе курганы, отличающіеся продолговатою формою и заключающіе предметы дру-

гаго типа. Культура гнѣздовскихъ кургановъ отлично характеризуется также составомъ извѣстнаго гнѣздовскаго клада 1868 г. Быть можетъ, къ числу смоленскихъ кургановъ нужно причислить также курганы съ трупосожженіемъ, раскопанные въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губ. на верховьяхъ Десны; по крайней мѣрѣ въ XI вѣкѣ здѣсь сидятъ кривичи.

Если въ руссахъ Ибнъ-Фадлана видѣть дѣйствительно русскихъ, то для оставленныхъ ими въ Болгарахъ кургановъ аналогію ближе всего искать въ курганахъ смоленскихъ, уже просто потому, что Смоленскъ былъ ближайшій къ Болгарамъ русскій торговый центръ. Въ самомъ дѣлѣ, немногочисленныя вещи, найденныя въ тѣхъ казанскихъ курганахъ, которые можно признавать принадлежащими руссамъ [1]), примыкаютъ ближайшимъ образомъ къ древностямъ Западной Двины (скандинавскій мечъ и гвоздевидныя украшенія пояса). Впрочемъ, подобныхъ предметовъ въ Скандинавіи встрѣчается еще болѣе, чѣмъ у насъ на Двинѣ. Вообще археологія врядъ-ли поможетъ рѣшить спорный вопросъ о народности болгарскихъ руссовъ, такъ какъ спеціально-русскихъ вещей изъ находокъ въ курганахъ X вѣка мы не знаемъ, а, по всей вѣроятности, ихъ вовсе и не было въ эту пору. Одна и та же вещь могла принадлежать и норманну, и русскому. Скорѣе можно допустить, что руссы Ибнъ-Фадлана были норманскіе купцы (быть можетъ, проживавшіе и у насъ), такъ какъ ни въ одномъ изъ раскопанныхъ до сихъ поръ въ Россіи кургановъ не было найдено слѣдовъ того обряда погребенія въ ладьѣ, какой видѣлъ арабъ X вѣка въ Болгарахъ, и какой составляетъ видную особенность кургановъ Скандинавіи [2]).

Въ странѣ сѣверянъ курганы съ сожженіями встрѣчены въ значительномъ количествѣ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ раскопано было нѣсколько большихъ кургановъ типа новгородскихъ сопокъ. Кострища здѣсь расположены въ основаніи курганныхъ насыпей. Вещи найдены какъ на остаткахъ костра, такъ и въ отдѣльномъ слоѣ, помѣщенномъ въ насыпи, иногда въ сосудѣ. Онѣ очень разнообразны и занимательны. Типы ихъ тѣ же, какъ въ гнѣздовскихъ курганахъ, но подѣлокъ скандинавскаго характера пока здѣсь найдено менѣе, а бляшекъ отъ поясного набора больше. Болѣе простой и рас-

---

[1]) *Штукенбергъ*, Древняя курганная могила около д. Булымеръ.—Изв. Общ. Арх., Ист. и Эти. при Имп. Каз. Унив. т. X, в. 2, 155—160.

[2]) См. указанную выше статью г. *Щенкина*.

пространенный сѣверянскій обычай погребенія состоитъ въ томъ, что остатки отъ сожженнаго на сторонѣ трупа помѣщаются въ верхней части невысокихъ курганныхъ насыпей. Курганы этого типа раскопаны въ значительномъ количествѣ между Любечемъ и Черниговомъ по обоимъ берегамъ нижняго теченія р. Сейма, отъ Рыльска до устья, въ окрестностяхъ Курска, а также въ верховьяхъ Псла и Ворсклы (Сумы, Мирополье и пр.). Въ приднѣпровской части Переяславскаго княженія такихъ кургановъ не найдено, быть можетъ, по недостатку изысканій. Находокъ въ сѣверянскихъ курганахъ этого типа встрѣчено очень мало, и онѣ въ такомъ видѣ, что о типахъ ихъ невозможно имѣть сужденія.

Въ радимичскихъ курганахъ слѣды трупосожженій очень рѣдки. Кострище помѣщается въ основаніи кургана, или же на нѣкоторой высотѣ; сожженныя кости или оставляются нетронутыми на мѣстѣ, или сгруживаются въ одну кучку, или же помѣщаются въ отдѣльномъ слоѣ выше кострища. Такимъ образомъ обрядъ трупосожженія здѣсь не представляетъ никакихъ мѣстныхъ особенностей. Надъ однимъ сожженнымъ трупомъ устроенъ былъ деревянный срубъ изъ крупныхъ бревенъ, какъ въ нѣкоторыхъ курганахъ дреговичей и волынянъ, болѣе позднихъ.

Столь же рѣдко встрѣчаются курганы съ сожженіемъ въ сѣверной части дреговичской земли, но въ Рѣчицкомъ уѣздѣ четвертая часть изслѣдованныхъ курганныхъ насыпей оказалась со слѣдами трупосожженій. Характерныхъ особенностей дреговичскіе курганы X вѣка не имѣютъ. Сожженіе производится на мѣстѣ, въ основаніи насыпи, кости остаются на кострищѣ или же помѣщаются выше, въ насыпи, въ сосудахъ и безъ нихъ.

Повидимому, весьма немногочисленны курганы съ сожженіями и у полянъ. Они отмѣчены близъ Кіева (Совки, Китаева пустынь), ниже по Днѣпру въ Халепьѣ и Ржищевѣ, въ низовьѣ Роси (Яблуневъ), въ верховьѣ Роси (Сквирка) и въ верховьѣ р. Здвижа (Грубскъ); кажется, курганы съ сожженіемъ попадались и въ самомъ Кіевѣ (на Подолѣ). Насколько можно судить по имѣющимся отрывочнымъ даннымъ, въ полянскихъ курганахъ сожженіе производимо было на мѣстѣ, на поверхности материка, а чаще въ насыпи, иногда на особыхъ точкахъ. Однажды сожженныя кости лежали на днѣ довольно глубокой грунтовой ямы, на слоѣ бѣлаго песку. [1]) Въ одномъ изъ

[1]) Курганы съ сожженіемъ въ ямѣ встрѣчены еще въ Галиціи. См. Zbiór wiadom. t. VIII, 49 и сл.

кургановъ съ сожженіемъ при дер. Самгородокъ Сквирскаго у. найденъ былъ цѣлый пластъ глиняныхъ сосудовъ числомъ до 50, заключавшихъ золу, жженыя кости и различныя вещицы; другой курганъ той же группы состоялъ изъ 7 пластовъ изгнившаго дерева и изъ 7 слоевъ золы, угля и жженыхъ костей.

Близъ с. Томашевки Уманскаго у., въ бассейнѣ р. Буга, раскопанъ былъ курганъ, въ основаніи котораго лежали, вверхъ дномъ, 5 сосудовъ изъ желтой глины, наполненные золою; сосуды были обложены сверху камнями. Если это славянскіе курганы, то нельзя ли основываясь на отличіяхъ наблюдаемаго въ нихъ обряда погребенія, отнести ихъ къ тиверцамъ.

На Волыни кургановъ со слѣдами трупосожженій почти совершенно не найдено; здѣсь они извѣстны лишь изъ раскопокъ близъ Заславля (Остроня, Плужное, Корыстное). Въ Галиціи они есть, хотя также въ небольшомъ количествѣ.

По теченію р. Буга въ окрестностяхъ Дрогичина Гродненской губ. и въ Люблинской губ. (въ Грубешовскомъ, Холмскомъ и Люблинскомъ уѣздахъ) изслѣдованы невысокіе курганы съ сожженіемъ. Въ основаніи насыпей — кострища; въ одномъ изъ кургановъ кострище располагалось на слоѣ камня. Остатки отъ сожженнаго трупа помѣщались въ верхней части насыпей. Вещей въ этихъ курганахъ пока не найдено никакихъ, кромѣ черепковъ. Орнаментъ сосудовъ составленъ или изъ многихъ параллельныхъ линій, или изъ городковъ. Повидимому, такіе же курганы имѣются еще и въ Сѣдлецкой губ. Ихъ естественнѣе всего приписать бужанамъ.

На крайнемъ востокѣ русскихъ земель курганы съ трупосожженіями въ весьма небольшемъ количествѣ были раскопаны въ землѣ вятичей (близъ дер. Голубочки и Городища Бѣлевскаго у.). Трудно допустить, что эти курганы принадлежатъ именно вятичамъ, такъ какъ у нихъ курганный обрядъ погребенія появился позднѣе, вѣроятно, въ концѣ XI вѣка.

Въ Ростовской области, занятой смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ, курганы съ сожженіемъ встрѣчаются довольно часто, что прежде всего показываетъ, какъ энергично Ростовъ заселялся уже въ X вѣкѣ. Наиболѣе интенсивно курганы съ сожженіемъ располагаются въ окрестностяхъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ края—Ростова, Переяславля и Ярославля; не мало ихъ и около Суздаля. Ярославскіе курганы X вѣка по находкамъ и обряду погребенія представляютъ полное подобіе гнѣздовскихъ смоленскихъ. Въ основаніи насыпей

обыкновенно помѣщается кострище. Сожженіе чаще производится на мѣстѣ, причемъ остатки костей сгруживаются въ кучку; иногда же они помѣщаются въ насыпи. Устройство кургановъ съ трупосожженіемъ въ тѣсномъ смыслѣ ростовскихъ было, повидимому, такое же, и вещи были, кажется, тѣ же. Такимъ образомъ есть возможность высказать предположеніе что въ X вѣкѣ Ростовская область колонизировалась главнымъ образомъ изъ страны кривичей, а быть можетъ и новгородцевъ, о курганныхъ древностяхъ которыхъ мы, впрочемъ, еще мало знаемъ.

Въ итогѣ представленнаго нами обзора собственно-русскихъ кургановъ съ трупосожженіемъ (X вѣка) получается прежде всего заключеніе, что обычай погребенія въ такихъ курганахъ имѣетъ наибольшее распространеніе въ странѣ сѣверныхъ русскихъ племенъ, новгородцевъ и кривичей съ ростовцами, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, и возникъ (надо думать, подъ норманскимъ вліяніемъ). Очень обыкновененъ этотъ обычай также въ странѣ сѣверянъ и бужанъ. Въ другихъ русскихъ земляхъ онъ прививается чрезвычайно туго. Обрядъ трупосожженія единообразенъ во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ былъ принятъ; если онъ и видоизмѣняется нѣсколько по отдѣльнымъ мѣстностямъ, то скорѣе по требованіямъ извѣстнаго времени, чѣмъ въ силу мѣстнаго обособленія. Что касается культурныхъ вліяній, въ сферу которыхъ входили русскія племена данной поры, то выясняется съ полною очевидностью, что въ теченіе IX и въ началѣ X вѣка сѣверныя племена (новгородцы, всѣ кривичи и ростовцы) пользуются предметами культуры, усвоенной латышскою отраслью литвы (типы Люцинскаго могильника) и имѣющей связи съ предполагаемою культурою собственной литвы VIII — IX вѣковъ, а въ продолженіе остальныхъ десятилѣтій X вѣка — въ обиліи вещами происхожденія скандинавскаго, серебряными подѣлками съ зернью, еще не опредѣленнаго происхожденія, а также вещами, привозимыми съ востока. Какого-либо самостоятельнаго русскаго искусства въ это время нѣтъ и проблесковъ: все нужное цѣликомъ заимствуется отъ народовъ съ установившимися вкусами. Русь еще мало жила городскою жизнью и въ X вѣкѣ всецѣло поглощена была колонизаторскою дѣятельностью; религіозный бытъ—главный вдохновитель и источникъ искусства—у нея былъ простъ, а съ принятіемъ христіанства все необходимое получалось въ готовомъ видѣ. О культурныхъ движеніяхъ въ области сѣверской руси и бужанъ X вѣка мы пока ничего не знаемъ.

Спеціально для цѣлей нашей статьи отмѣтимъ, что, судя по из-

ложеннымъ археологическимъ даннымъ, въ X вѣкѣ древне-русскія племена являются соединенными въ 2 главныя группы—сѣверную (новгородцы и кривичи) и южную (дреговичи, древляне, поляне); внѣ этихъ группъ стоятъ отдѣльно бужане, сѣверяне и радимичи съ вятичами.

XI вѣкъ есть время всеобщаго распространенія по русскимъ областямъ кургановъ, которые такимъ образомъ служатъ наилучшимъ пособіемъ при опредѣленіи границъ древне-русскихъ племенъ. Еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, курганы въ это время соединяются съ христіанствомъ и всюду слѣдуютъ за нимъ. Христіанство, снисходительно относясь къ обряду погребенія въ курганахъ, въ то же время, однако, успѣваетъ совершенно уничтожить обычай трупосожженія, который, по замѣчанію Нестора, остается лишь у язычниковъ-вятичей. Правда, слѣды сожженія мѣстами открываются и въ курганахъ XI вѣка, но это уже исключеніе изъ общаго правила. Мы уже отмѣтили, что въ XI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ близъ Пскова и Новгорода, начинаетъ исчезать, или даже совсѣмъ исчезаетъ, самый обычай насыпать курганы, которые на многіе вѣка замѣняются такъ называемыми каменными или жальничными могилами.

Представляемъ перечень виднѣйшихъ особенностей, характерныхъ для собственно-русскихъ кургановъ XI вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ общихъ для курганныхъ насыпей всѣхъ древне-русскихъ областей этого времени.

Искошный славянскій обрядъ трупосожженія въ XI вѣкѣ переходитъ въ простой обычай сожигать на мѣстѣ погребенія костеръ, отъ котораго въ основаніи кургана остается слой золы и угля, иногда очень значительной массивности; чѣмъ ближе къ концу XI вѣка, тѣмъ тоньше становится залегающая въ основаніи курганныхъ насыпей зольная прослойка, переходящая, наконецъ, въ простыя зольныя пятна. Кажется, что обычай сожигать на мѣстѣ погребенія костеръ или, по крайней мѣрѣ, посыпать его золой сохранялся еще въ курганахъ XII вѣка. Даже позднѣе, въ XIII—XIV вѣкахъ зола входитъ въ составъ погребенія, но, быть можетъ, уже въ роли остатковъ отъ поминокъ, такъ какъ мы въ это время видимъ ее посыпанною выше костяка. Вѣроятно, остатками отъ погребальнаго костра объясняются и тѣ зольныя прослойки, въ количествѣ отъ одной до трехъ и болѣе, которыя при раскопкахъ кургановъ даннаго времени нерѣдко обнаруживаются на разной высотѣ насыпей. Въ смоленскихъ курганахъ темныя прослойки иногда пронизываютъ всю насыпь. Прини-

мать зольные курганные слои за остатки поминокъ или тризнищъ мы не рѣшаемся; во всякомъ случаѣ ихъ происхожденіе и значеніе представляютъ еще загадку и требуютъ спеціальнаго вниманія изслѣдователей. Ни на кострищахъ, ни въ зольныхъ прослойкахъ костей животныхъ или другихъ какихъ-либо предметовъ не встрѣчается. Погребальныя урны, столь необходимыя при обрядѣ трупосожженія, сохранившіяся въ качествѣ почти неизбѣжной принадлежности и въ курганахъ X вѣка, сопровождаютъ и погребенія XI вѣка, но служатъ не для собиранія пепла, а ставятся при трупахъ съ пищею или напитками. Послѣднее можно принять не только за возможное, но и за достовѣрное, такъ какъ въ этихъ сосудахъ были находимы птичьи кости, шелуха зеренъ, яйца. Сосуды съ пищею помѣщаются большею частью въ головахъ костяковъ, въ ногахъ же нерѣдко можно встрѣтить остатки деревянныхъ ведерокъ, окованныхъ желѣзными обручами. Погребеніе, какъ и сожженіе, нерѣдко совершалось въ сидячемъ положеніи, причемъ для устойчивости трупъ спиною иногда опирался на спеціально для того сооруженную кладку изъ камней. Однако въ большинствѣ случаевъ покойники лежатъ навзничь, съ протянутыми конечностями, головою на западъ; въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, но зато всюду, костякъ оказывается лежащимъ головою на югъ, сѣверъ или востокъ. Такое отступленіе отъ христіанскаго обряда погребенія намъ непонятно, но въ то же время оно врядъ-ли можетъ служить признакомъ погребенія язычника. Въ XI вѣкѣ становится общепринятымъ христіанскій обычай хоронить въ гробахъ, хотя устройство ихъ еще не можетъ считаться выясненнымъ. Кажется, что иногда они представляли собою колоды, а иногда имѣли видъ ящика, сбитаго изъ досокъ или брусьевъ. Высота курганныхъ насыпей устанавливается между $1^1/_2$ и 4 арш., причемъ чаще всего замѣчается, что высокими насыпями прикрываются погребенія мужскія. Всюду наблюдается обычай окружать курганы въ основаніи неглубокими канавками, имѣющими цѣлью, по всей вѣроятности, охранить насыпи отъ сырости и отъ порчи животными. Приблизительно къ концу XI вѣка распространяется обычай погребать трупы въ грунтовыхъ ямахъ—новая уступка христіанскимъ обыкновеніямъ; въ курганахъ XII вѣка этотъ обычай можно считать окончательно установившимся. Къ тому же XII вѣку можно относить замѣчаемое мѣстами, особенно на сѣверѣ, обыкновеніе замѣнять окружный ровъ вѣнцомъ изъ крупныхъ, рѣдко разставленныхъ валуновъ.

Въ составѣ находокъ, встрѣчаемыхъ при раскопкѣ собственно-

русскихъ кургановъ XI вѣка, замѣчается цѣлый рядъ предметовъ общихъ для кургановъ этого времени всѣхъ русскихъ областей. Этотъ общій элементъ мы и должны выдѣлить, прежде чѣмъ приступить къ изложенію отличій, характерныхъ для кургановъ каждаго района въ отдѣльности. Въ этомъ общемъ инвентарѣ курганныхъ находокъ отмѣтимъ изъ бусъ—гранчатыя сердоликовыя трехъ типовъ (квадратныя, продолговатыя прямыя и продолговатыя съ суженными концами), позолоченныя съ каймами по краю, круглыя хрустальныя, желобчатыя посеребреныя и мелкія разноцвѣтныя, изъ подвѣсокъ къ ожерелью—лунницы и нѣсколько типовъ византійскихъ крестиковъ, изъ головныхъ украшеній—трехшипныя кіевскія серьги, изъ нагрудныхъ—пряжки съ спиральными несомкнутыми концами, малые и средней величины бубенчики, подвѣски въ видѣ ложечекъ и собачекъ, изъ поясныхъ украшеній—нѣсколько типовъ пряжекъ и колецъ, изъ браслетовъ—витые въ нѣсколько проволокъ съ петлями на концахъ, витые съ завязанными концами и пластинчатые, изъ перстней—пластинчатые съ тонкими спиральными или завязанными концами и витые, изъ желѣзныхъ вещей—топоры съ широкимъ лезвіемъ, огнива двухъ типовъ, серпы, ножницы, изъ каменныхъ—шиферныя пряслицы, изъ глиняныхъ—сосуды, неизмѣнно съ волнистымъ или частымъ горизонтальнымъ орнаментомъ. Вещи перечисленныхъ типовъ господствуютъ, въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, и въ курганахъ XII вѣка. Наибольшія отличія замѣтны въ сортиментѣ браслетовъ.

Начиная изложеніе особенностей въ памятникахъ старины XI вѣка каждаго изъ древне-русскихъ племенъ, считаемъ удобнымъ теперь же высказать, что всѣ эти племена по археологическимъ даннымъ въ это время соединяются въ три большія группы: сѣверную, юго-западную и восточную.

Въ группу юго-западную мы включаемъ волынянъ, полянъ и древлянъ на югѣ, дреговичей на сѣверѣ. Курганы XI вѣка южной половины этой группы имѣютъ нѣкоторыя отличія отъ сѣверной.

Курганы древлянъ невысоки и обыкновенно обведены канавками; нѣкоторыя насыпи, въ видѣ исключенія, имѣютъ въ основаніи сплошной кругъ валуновъ. Въ насыпяхъ попадаются отдѣльные черепки, угли и кости домашнихъ животныхъ, но примѣсь эта скорѣе случайна, чѣмъ постоянна. Въ основаніи почти половины раскопанныхъ кургановъ вскрываются остатки кострищъ, слой золы, а иногда подстилка изъ разноцвѣтной глины, окрашеннаго или бѣлаго песка, изъ ила; въ нѣсколькихъ случаяхъ такая подстилка замѣнена была слоемъ

разноцвѣтныхъ камешковъ. Большая половина костяковъ лежитъ въ грунтовыхъ ямахъ, имѣющихъ среднюю глубину до 12 верш., четвертая часть—на материкѣ и шестая—въ насыпи. Скелеты расположены навзничь, головою на З.; всего до 2°/o костяковъ лежатъ головою на В. Очень развито обыкновеніе помѣщать трупы въ колодахъ или гробовищахъ, сколоченныхъ или заколоченныхъ желѣзными гвоздями. Точно также представляетъ обычное явленіе устройство надъ трупами особыхъ деревянныхъ срубовъ, иногда вѣнчающихся двускатною крышею. У нѣкоторыхъ скелетовъ по бокамъ положены кругляки. Деревянные брусья срубовъ иногда сбиты желѣзными костылями. Находокъ въ древлянскихъ курганахъ попадается крайне мало, и всѣ онѣ почти безъ исключенія принадлежатъ къ типамъ, перечисленнымъ выше въ качествѣ общихъ для русскихъ кургановъ. Малое количество находокъ составляетъ даже одну изъ характернѣйшихъ особенностей данныхъ кургановъ. Большинство головныхъ колецъ имѣетъ видъ небольшихъ колецъ съ сомкнутыми концами; рѣже такія же кольца съ концами, заходящими другъ на друга, и очень рѣдки кольца съ эсовидными завитками. Головныя кольца чаще попадаются въ количествѣ двухъ, но иногда число ихъ доходитъ до 7—8. Большинство серегъ имѣетъ въ верхней части характерный изгибъ подъ угломъ, что, кажется, указываетъ на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, напримѣръ, на XII вѣкъ. Изъ бусъ интересны крупныя серебряныя филиграновыя. Цѣлыхъ сосудовъ не встрѣчено; нѣкоторыя днища ихъ оказались съ клеймами. Любопытно, что въ древлянскихъ курганахъ найдено нѣсколько чашъ изъ черепов. Такъ обрисовываются передъ нами древлянскіе курганы съ погребеніемъ по раскопкамъ, произведеннымъ въ бассейнѣ р. Тетерева и далѣе къ западу до р. Случа. Трудно сомнѣваться, что большинство этихъ кургановъ принадлежитъ XI вѣку, но между ними есть не мало такихъ, которые доведется отнести къ памятникамъ XII вѣка. Къ этому времени можно причислить большинство кургановъ съ погребеніемъ въ грунтовыхъ ямахъ и нѣкоторыя находки, напримѣръ, упомянутыя серьги. Самая бѣдность древлянскихъ кургановъ находками говоритъ, быть можетъ, за ихъ сравнительно позднее происхожденіе. Но выдѣленіе въ этихъ курганахъ элементовъ XI и XII вѣка еще дѣло будущаго. Въ послѣднее время были произведены систематическія раскопки волынскихъ кургановъ далѣе на западъ, между р. Горынью и Стыремъ, и, на сколько намъ извѣстно, курганы этой мѣстности оказались такими же, какъ описанные древлянскіе. Такъ какъ, по край-

ней мѣрѣ, р. Стырь несомнѣнно занята была въ XI—XII вѣкахъ волынянами, то отсюда слѣдуетъ, что по археологическимъ даннымъ волыняне и древляне могутъ считаться единоплеменными. Въ луцкихъ (?) курганахъ была сдѣлана весьма интересная находка—костяная обложка половецкаго колчана, что, быть можетъ, говоритъ приблизительно за XIII вѣкъ того кургана, гдѣ этотъ колчанъ лежалъ. О курганахъ XI—XII вѣковъ далѣе Луцка мы ничего не знаемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно извѣстно, что курганы древляно-волынскаго типа существуютъ и въ Галиціи, даже съ тѣми же теремками и съ тою же подстилкою подъ костяками изъ песка.

Въ странѣ полянъ систематическія раскопки кургановъ XI—XII вѣковъ до сихъ поръ были произведены лишь въ мѣстности между берегомъ Днѣпра и нижнимъ теченіемъ Роси (Щучинка близъ Витичева, Запудовка у с. Липовца и берега Россавы). Обнаруженный въ нихъ обрядъ погребенія и вещи указываютъ на полную аналогію полянскихъ кургановъ съ одновременными волынскими и древлянскими, хотя нельзя не сознаться, что малое количество раскопанныхъ кургановъ (57 въ трехъ группахъ) еще не даетъ полнаго основанія къ этому заключенію. Раскопки кургановъ на Роси близъ Пилипче, недалеко отъ впаденія въ Рось Раставицы, дали тѣ же результаты. Въ районѣ перечисленныхъ раскопокъ на низовьяхъ Роси не составляютъ рѣдкости отдѣльныя находки предметовъ курганныхъ типовъ (напримѣръ, Грищинецъ, Ключники, Бобрицы, Тростянецъ, Хмѣльная, Берестняги, не говоря уже о Княжей горѣ). Въ окрестностяхъ Кіева произведены были весьма немногочисленныя раскопки кургановъ XI вѣка (Бѣлгородка, Китаева пустынь, Безрадичи, Триполье), и отчеты объ ихъ изслѣдованіи еще не изданы. Курганы самого Кіева могутъ служить для характеристики полянскаго обряда погребенія лишь при извѣстной осторожности въ пользованіи тѣмъ матеріаломъ, который ими дается, въ виду того, что Кіевъ въ X—XI вѣкахъ былъ заселенъ далеко не одними полянами. Кромѣ того, кіевскіе курганы не могутъ служить для характеристики полянъ XI вѣка уже потому, что извѣстные въ Кіевѣ курганы должны быть отнесены къ X или развѣ лишь къ самому началу XI вѣка. Повидимому, весьма значительная группа такихъ кургановъ расположена была на Подолѣ, въ раіонѣ Іорданской церкви (усадьбы Багрѣева, Зарембскихъ, Зиваля, Марра). Курганы эти уже всѣ сравнялись съ землею и застроены, но при случайныхъ раскопкахъ въ этой мѣстности открытъ уже цѣлый рядъ погребеній. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, между ними встрѣчены и

случаи трупосожженія [1]), но чаще въ нихъ попадаются костяки, головою на западъ. Инвентарь находокъ очень интересенъ, такъ какъ другаго подбора мѣстныхъ вещей X вѣка мы не знаемъ на всемъ пространствѣ юго-западной группы древне-русскихъ племенъ. Сюда входятъ: тонкія головныя или ушныя серьги съ заходящими другъ на друга концами, тѣ же кольца съ напущенными на нихъ круглыми хрустальными или стеклянными бусами (синяго, коричневаго и палеваго цвѣтовъ), весьма разнообразныя и любопытныя серьги, большею частью изъ тонкой филиграни, хрустальныя, янтарныя, сердоликовыя и стеклянныя бусы, бусы филигранныя тонкой работы, серебряные кресты, скандинавскія овальныя и круглыя фибулы, стеклянные перстни, большіе скандинавскіе мечи, диргемы и византійскія монеты X вѣка и пр. Сравненіе перечисленныхъ типовъ съ находками того же вѣка изъ смоленскихъ кургановъ приводитъ къ любопытному результату: въ кіевскихъ курганахъ совсѣмъ нѣтъ вещей типовъ Люцинскаго могильника, несравненно меньше примѣсь предметовъ скандинавскаго происхожденія и много вещей мѣстныхъ или, быть можетъ, вѣрнѣе—происхожденія западно-славянскаго (таковы особенно подѣлки изъ филиграни). Курганъ съ вещами того же характера, но съ сожженіемъ, раскопанъ былъ еще близъ Кіева въ деревнѣ Совки, причемъ найдены были также желѣзные гвозди, доказательство, что покойникъ сожженъ былъ въ гробу. Трудно допустить, чтобы описанные курганы принадлежали не полянамъ, а какому-нибудь другому племени.

Находки въ Волынской и Кіевской губерніи кладовъ изъ цѣнныхъ вещей прекрасной техники X и XI вѣковъ показываютъ, что и волыняне, и древляне въ эту пору были далеко не такъ бѣдны предметами искусства, какъ это можно предполагать по ихъ курганамъ. Обычными предметами въ этихъ кладахъ являются большія серьги, богато украшенныя зернью и филигранью, огромныхъ размѣровъ лунницы, цѣпи, гривны, отчасти плетеныя изъ проволоки, отчасти гладкія съ характерными отгибами на концахъ, и крупныя, покрытыя зернью бусы. Скандинавскій элементъ въ волынскихъ кладахъ, можно сказать, совершенно отсутствуетъ; они почти исключительно состоятъ изъ серебряныхъ зерневыхъ и филигранныхъ подѣлокъ, отечество ко-

[1]) Не слѣдуетъ ли на счетъ трупосожженія отнести и ту урну съ жжеными костями, здѣсь же найденную, которую мы выше отнесли къ числу урнъ типа погребальныхъ полей?

торыхъ, какъ было упомянуто выше, все еще остается не угаданнымъ. Его съ одинаковымъ правомъ можно искать и на востокѣ, и на западѣ.

Какъ о мѣстоположеніи, такъ и о древностяхъ уличей и тиверцевъ не имѣемъ никакого понятія. Можетъ быть, имъ принадлежатъ тѣ 6 городовъ въ Подоліи, о которыхъ упоминаетъ Костантинъ Багрянородный. Сидѣли они, по всей вѣроятности, довольно далеко отъ моря, хотя здѣсь у нихъ и были торговые города. Базисомъ для этихъ племенъ, надо думать, были Карпаты, отъ которыхъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ они могли передвигаться и къ морю, пока передвиженіе кочевыхъ народностей не заставляло ихъ опять уйдти ближе къ горамъ. Мѣстоположеніе котораго-нибудь изъ этихъ двухъ племенъ въ X вѣкѣ не опредѣляется ли до нѣкоторой степени находками арабскихъ монетъ? Ихъ мы встрѣчаемъ въ сопредѣльныхъ Гайсинскомъ, Ямпольскомъ и Ольгопольскомъ уѣздахъ Подольской губерніи, между Днѣстромъ и Бугомъ, какъ бы на своего рода островѣ. Ближайшія отсюда мѣстности съ находками диргемовъ—Кіевъ и Польша. Никто въ указанной мѣстности кургановъ еще не изслѣдовалъ.

Сѣверную половину юго-западной группы древне-русскихъ племенъ составляютъ одни дреговичи. Благодаря довольно значительнымъ раскопкамъ, произведеннымъ разными лицами въ Минской губерніи, дреговичскіе курганы XI вѣка извѣстны уже довольно хорошо. Средняя высота ихъ менѣе 2-хъ аршинъ. Особыхъ зольныхъ прослоекъ въ насыпяхъ нѣтъ. Въ бобруйскихъ курганахъ треть костяковъ лежитъ на пепелищахъ (имѣющихъ вообще небольшіе размѣры), въ рѣчицкихъ зольныхъ прослоекъ въ основаніи почти нѣтъ, а въ мозырскихъ ихъ вовсе не найдено. Слѣдовъ какой либо подстилки подъ скелетами въ видѣ песку или глины, повидимому, нигдѣ не оказалось. Погребенія въ насыпи обнаружены лишь въ единичныхъ случаяхъ. Погребенія въ грунтовыхъ ямахъ въ бобруйскихъ курганахъ составляли 12%, въ рѣчицкихъ 15%, въ мозырскихъ 21% всего числа погребеній [1]). Погребенія въ сидячемъ положеніи не составляютъ исключительной

[1]) Изъ сопоставленія изложенныхъ данныхъ, повидимому, слѣдуетъ, что въ описываемыхъ курганахъ съ теченіемъ времени уменьшается количество погребальныхъ кострищъ и увеличивается число погребеній въ ямахъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и другимъ археологическимъ наблюденіямъ. Такимъ образомъ бобруйскіе курганы (съ обрядомъ погребенія) могутъ быть признаны старѣйшими сравнительно съ рѣчицкими, а особенно съ мозырскими.

рѣдкости. Очень многіе костяки лежатъ въ гробовищахъ, сбитыхъ изъ досокъ или брусьевъ, но рѣдко при помощи желѣзныхъ гвоздей, которыхъ здѣсь находятъ несравненно меньше, чѣмъ въ волынскихъ курганахъ [1]); были находимы и погребенія въ колодахъ. Устройство въ курганныхъ насыпяхъ срубовъ или теремковъ столь же обычно, какъ и въ волынскихъ курганныхъ насыпяхъ. Въ бобруйскихъ курганахъ 10°/₀ всѣхъ костяковъ лежали головою на востокъ, и это были почти исключительно мужскіе костяки. У большей части насыпей кругомъ основанія идутъ канавки.

Большинство вещей, находимыхъ въ дреговичскихъ курганахъ, представляютъ типы, встрѣчаемые во всѣхъ собственно-русскихъ курганахъ XI вѣка (серьги съ шипами и узелками, витые, плетеные и пластинчатые перстни, лунницы, бубенчики, крестики, подвѣски, пряслицы, серпы, топоры, сосуды, иногда съ клеймами на днѣ и пр.). Вообще по составу находокъ дреговичскіе курганы ближе всего примыкаютъ къ волынскимъ; въ нихъ встрѣчены даже чашки изъ человѣческихъ череповъ. Отличія между тѣми и другими курганами состоятъ въ томъ, что находки въ дреговичскихъ курганахъ значительно богаче (это, быть можетъ, находится въ связи съ ихъ болѣе раннимъ происхожденіемъ), далѣе въ томъ, что въ нихъ головныя кольца имѣютъ концы обыкновенно заходящими другъ за друга, а не сомкнутыми только, и наконецъ въ томъ, что въ нихъ замѣчается особенное обиліе разнообразныхъ филигранныхъ бусъ.

Курганы дреговичскаго типа XI вѣка пока изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: между Свислочью и верхнимъ теченіемъ Березины къ сѣверу до Логойска, близъ верховьевъ Виліи (Радошковичи), по всему Новогрудскому краю между Нѣманомъ и Шарою, въ западной половинѣ Полѣсья, по Березинѣ и Днѣпру вверхъ до Орши и Эсьмонъ, на западѣ они мѣстами выходятъ даже на Сожь (Красная Слобода, Корма, Княѕовка при впаденіи въ Сожь р. Прони). Въ Игуменскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ уѣздахъ дреговичскіе курганы видимо смѣшаны съ кривичскими, по Сожи они, вѣроятно, перемѣшаны съ радимичскими.

Итакъ, дреговичскіе курганы представляютъ полное единство въ обрядахъ погребенія (особенно же въ устройствѣ погребальныхъ теремковъ) и въ находкахъ (особенно въ головныхъ кольцахъ и чашахъ

[1]) Гвозди попадаются чаще въ мозырскихъ и рѣчицкихъ курганахъ, чѣмъ въ бобруйскихъ.

изъ человѣческихъ череповъ) съ курганами древлянъ и волынянъ и даютъ полное право включить дреговичей въ одну группу съ остальными юго-западными древне-русскими племенами. Несущественныя отличія между дреговичскими и волынскими курганами есть, и это даетъ возможность различать ихъ другъ отъ друга. Волынскіе курганы бѣднѣе вещами, имѣютъ особой разновидности головныя кольца, въ нихъ чаще попадаются гвозди, рѣже устраивается погребальный костеръ, и только въ нихъ встрѣчается подъ костяками цвѣтная подстилка.

Въ сѣверную группу древне-русскихъ племенъ входятъ новгородцы и кривичи, псковскіе, полоцкіе и смоленскіе. Хотя въ обширной странѣ, занимаемой этими племенами, систематическихъ раскопокъ произведено еще далеко недостаточно, всетаки разсмотрѣніе имѣющагося археологическаго матеріала приводитъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ.

Въ смоленскихъ курганахъ XI вѣка большихъ раскопокъ еще не было произведено, но изслѣдованій отрывочныхъ мы имѣемъ довольно много, и исполнены они почти по всему пространству древней смоленской земли. Предоставляя точную характеристику этихъ кургановъ будущему, изложимъ о нихъ то, что можно было собрать.

Курганы смоленскихъ кривичей XI вѣка выдѣляются среди курганныхъ насыпей другихъ мѣстностей нѣсколько большею высотою и своего рода изяществомъ по внѣшнему виду; они вообще хорошо задернованы и рѣдко расплываются. Рвы кругомъ основанія насыпей сравнительно рѣдки, круги изъ камней если и есть, то, кажется, въ исключительныхъ случаяхъ. Характерная особенность насыпей—зольныя прослойки, одна, двѣ или больше. Погребеніе совершается почти исключительно на материкѣ; иногда костяки попадаются въ насыпи, но, кажется, никогда въ ямахъ. Костяки лежатъ головою вообще на западъ, но иногда также на востокъ и даже на сѣверъ и югъ; встрѣчаются погребенія въ сидячемъ положеніи. Слѣдовъ гробовищъ или теремковъ, повидимому, не найдено; вопросъ о томъ, встрѣчаются ли остатки погребальныхъ костровъ, остается открытымъ. Тою же простотою, какъ обрядъ погребенія, отличаются и находимые въ смоленскихъ курганахъ XI вѣка предметы. Большинство ихъ принадлежитъ къ обще-курганнымъ типамъ, но подборъ ихъ какъ-то единообразенъ, особенно подборъ бусъ. Самые характерные предметы—большія височныя кольца двухъ типовъ: въ видѣ тонкаго кольца съ ромбическими щитками и въ видѣ такого же кольца съ завязанными кон-

цами; почти столь же характеренъ выборъ подвѣсокъ къ ожерелью изъ серебристаго сплава въ видѣ ажурныхъ бляшекъ съ изображеніемъ луны, креста, птицъ, звѣря, нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Встрѣчены подвѣски въ видѣ кіевскихъ лилій, крестики, въ небольшомъ количествѣ малыя головныя кольца.

Курганы описаннаго типа изслѣдованы въ слѣдующемъ районѣ: отъ Смоленска на сѣверъ до верховьевъ Двины, отсюда на Ржевъ и Зубцовъ, далѣе на верховья р. Москвы (Ст. Руза), отъ нихъ къ верховьямъ Угры (Семлево) и Жиздры (Доброселье, Синьгово) и наконецъ чрезъ Брянскій уѣздъ, Хотимскъ между Десною и Сожью и снова Смоленскъ. Конечно, очерченная линія не можетъ быть принята за точныя границы смоленскихъ кривичей въ XI вѣкѣ; для опредѣленія ея нужны дополнительныя раскопки внѣ этой линіи. Въ верховьяхъ Жиздры и Угры курганы кривичей смѣшиваются съ курганами вятичей. Здѣсь мы находимъ самые поздніе смоленскіе курганы, даже XII вѣка, и между прочимъ встрѣчаемъ погребенія въ грунтовыхъ ямахъ.

Еще менѣе раскопокъ произведено на земляхъ кривичей полоцкихъ и псковскихъ. Однако, по изслѣдованіямъ близъ деревни Дымово Сѣнинскаго уѣзда, а главнымъ образомъ въ Себежскомъ уѣздѣ, особенности полоцкихъ кургановъ XI вѣка выступаютъ въ общихъ чертахъ достаточно ясно. Какъ по обряду погребенія, такъ и по находкамъ курганы эти одинаковы со смоленскими, но они бѣднѣе послѣднихъ предметами, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя вещи сосѣдней латышской культуры, особенно же головные вѣнчики изъ спиралекъ; височныя кольца имѣютъ типъ смоленскихъ проволочныхъ съ завязанными концами, но они тоньше и размѣръ ихъ меньше. Въ насыпи кургановъ имѣются зольныя прослойки; въ одной мѣстности погребенія оказались на кострищахъ, въ немногихъ случаяхъ найдены остатки гробовъ. Южную границу полоцкихъ кургановъ, повидимому, составляетъ линія городовъ Орши, Сѣнно, Лукомля и Логойска (оршинскіе курганы не принадлежатъ ли смоленскимъ кривичамъ?); западная и сѣверная граница ихъ не опредѣлима (отдѣльные курганы полоцкаго типа найдены въ Рѣчицкомъ, Себежскомъ и Невельскомъ уѣздахъ), восточная проходитъ, повидимому, за Велижемъ. Бѣдныя курганныя находки полоцкаго края прекрасно пополняются находками отдѣльныхъ вещей и кладовъ. На берегахъ озера Усвятъ найдены височныя кольца съ ромбическими щитками смоленскаго типа. Восемь такихъ же колецъ оказалось въ извѣстномъ невельскомъ кладѣ (деревня Шакелево), заключающемъ въ себѣ рядъ лунницъ-

бляхъ, покрытыхъ мелкою зернью, какъ въ гнѣздовскомъ и волынскихъ кладахъ.

Выше было уже отмѣчено, что характерные продолговатые кривичскіе курганы доходятъ на сѣверо-западъ до Пскова. Основываясь на этомъ наблюденіи, можно теоретически предполагать, что псковскіе памятники древности имѣютъ сходство съ полоцкими и въ XI вѣкѣ. Однако, предположеніе это нельзя оставить безъ оговорки, такъ какъ псковскіе курганы, можно сказать, еще не тронуты изслѣдователями. Единственная раскопка, произведенная въ одномъ курганѣ Опочецкаго уѣзда еще въ 1854 г., дала 2 небольшія и тонкія височныя кольца и нѣсколько вещей X—XI вѣка латышскаго типа (головной вѣнчикъ изъ спиралей, браслетъ, пряжки, булавку и пр.).

О новгородскихъ курганахъ XI вѣка мы должны были бы имѣть хорошее понятіе по обширнымъ раскопкамъ, произведеннымъ въ Петергофскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Петербургской губерніи, но, къ сожалѣнію, отчеты объ этихъ раскопкахъ имѣются слишкомъ недостаточные. По общей характеристикѣ, данной изслѣдователемъ петербургскихъ кургановъ, можно, съ неизбѣжными оговорками, принять, что въ XI вѣкѣ въ курганахъ водской пятины покойники обыкновенно (?) помѣщались на остаткахъ кострища, иногда въ сидячемъ положеніи, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (?) трупъ спиною опирался на спеціально устроенное въ 2—3 ряда сооруженіе изъ валуновъ; изрѣдка при костякахъ или выше ихъ можно найдти кости домашнихъ животныхъ. Кругомъ основанія насыпей иногда идутъ канавки, а въ большинствѣ случаевъ они окружены вѣнцомъ изъ крупныхъ валуновъ. Въ нѣсколькихъ курганахъ обнаружены надъ скелетами особыя каменныя покрытія; однажды въ такомъ сводѣ помѣщались 2 скелета въ сидячемъ положеніи.

Височныя кольца петербургскихъ кургановъ одинаковы съ найденными въ смоленскихъ, но у проволочныхъ концы не завязаны, а сомкнуты; малыя головныя кольца представляютъ рѣдкость. Остальныя вещи вообще аналогичны съ обще-курганными типами, но между ними есть рядъ подвѣсокъ въ видѣ животныхъ (утки, гуся, коня, собаки), которыя заимствованы отъ какихъ-нибудь финскихъ племенъ. Изъ бусъ характерны мѣдныя, подражающія филиграннымъ южнымъ, изъ подвѣсокъ къ ожерелью—кружки съ плетеньемъ. Встрѣчены кресты и образки. Сравнительная пестрота въ вещахъ изъ петербургскихъ кургановъ XI вѣка объясняется тѣмъ, что въ этихъ курганахъ, по плохому состоянію дневниковъ раскопокъ, трудно отдѣлить вещи XI отъ

предметовъ XII вѣка; по всей вѣроятности, и большинство подвѣсокъ въ видѣ животныхъ должно быть отнесено уже къ XII вѣку.

Курганы описаннаго типа раскопаны въ значительномъ количествѣ между Гатчиной и Ямбургомъ и въ меньшемъ числѣ въ южныхъ уѣздахъ Петербургской губ. (Лосицы, Зарѣчье, расположенное почти на Шелони). Извѣстны они и въ Псковскомъ уѣздѣ (Погорѣлки). О древностяхъ XI вѣка этого типа въ Новгородской губ. ничего неизвѣстно. Ихъ или еще не найдено (такъ какъ раскопокъ въ Новгородской губ. также произведено очень мало), или же ихъ надо искать не въ курганахъ, а въ жальникахъ. Въ Тверской губ., именно въ области Бѣжецкаго верха, курганы приблизительно XI вѣка найдены и отчасти изслѣдованы. Впрочемъ, раскопки здѣсь имѣли довольно случайный характеръ, надежныхъ отчетовъ о нихъ не имѣется, самыя находки описаны неопредѣленно, и неизвѣстно, гдѣ онѣ сохраняются, такъ что и отсюда мы имѣемъ пока очень скудный археологическій матеріалъ для даннаго времени. Соединяя въ общую картину все извѣстное, видимъ, что въ бѣжецкихъ курганахъ костяки лежатъ большею частью на поверхности материка, а изрѣдка въ ямахъ, головою на З. или С.; иногда трупы погребены въ сидячемъ положеніи. Въ основаніи насыпей часто имѣется кругъ изъ валуновъ; высота ихъ вообще значительная. Изъ вещей постоянно упоминаются височныя кольца (неизвѣстно, какія), пластинчатые головные вѣнчики, серьги съ филигранными бусами и другихъ типовъ, мѣдныя бусы, лунницы, плетеная гривна съ пластинчатыми концами. Всѣ перечисленныя вещи въ обиліи встрѣчаются и въ петербургскихъ курганахъ, но въ бѣжецкихъ, кажется, неизвѣстно о находкахъ финскихъ подвѣсокъ. Курганы даннаго типа встрѣчены на СВ. отъ Бѣжецка до Залужья, на СЗ. до Маслова и на ЮЗ. чрезъ Тверцу до истоковъ Волги (Залучье). Кому принадлежатъ собственно—тверскіе курганы (Старицкій, Тверской и Корчевскій уѣзды), расположенные между курганами кривичскими и новгородскими? Внимательное ознакомленіе съ ними показываетъ, что они ближе къ смоленскимъ, хотя въ виду сходства смоленскихъ и новгородскихъ кургановъ разобраться въ этомъ вопросѣ предстоитъ еще будущему.

Характерныя височныя кольца, отсутствіе въ насыпяхъ теремковъ, а среди находокъ филигранныхъ бусъ, сравнительно большая высота объединяютъ курганы кривичей и новгородцевъ въ одну группу и вмѣстѣ отличаютъ ее отъ группы юго-западной. Зольныя прослойки въ насыпяхъ и отсутствіе въ основаніи вѣнцовъ изъ камней объеди-

няютъ курганы смоленскіе и полоцкіе, тогда какъ характерныя подвѣски къ ожерелью въ смоленскихъ, предметы латышской культуры въ полоцкихъ и нѣкоторыя отличія въ височныхъ кольцахъ полагаютъ между ними различіе, не существенное, но уловимое. Новгородскіе курганы отъ кривичскихъ отличаются, повидимому, тѣмъ, что въ нихъ нерѣдко устраивался погребальный костеръ, а кругомъ основанія ихъ очень часто сооружался вѣнецъ изъ валуновъ. Петербургскіе курганы отъ прочихъ новгородскихъ отличаются сравнительнымъ обиліемъ нагрудныхъ и поясныхъ подвѣсокъ въ видѣ птицъ и другихъ животныхъ.

Приступая къ описанію курганныхъ древностей XI вѣка восточной группы древне-русскихъ племенъ, въ которую мы включаемъ сѣверянъ, радимичей и вятичей, заранѣе скажемъ, что столь органическаго единства по культурѣ отдѣльныхъ членовъ группы, какое мы наблюдали между племенами, входившими въ группы сѣверную и юго-западную, мы здѣсь не найдемъ. Это замѣчаніе особенно касается вятичей, позднѣе другихъ племенъ вошедшихъ въ обще-русскую семью.

Болѣе раннія сѣверянскіе курганы XI вѣка изслѣдованы въ Курской и Полтавской губ., въ верховьяхъ Сулы и Псла. Костяки въ нихъ лежатъ головою на З., но нерѣдко и на В. (приблизительно въ 1/6 погребеній); найдены костяки и въ сидячемъ положеніи, ногами на В. Находки: характерныя височныя кольца въ видѣ тонкой перегнутой спирали, височныя кольца малыхъ размѣровъ, кажется, съ заходящими другъ за друга концами, шейныя гривны съ характерными сгибіями на концахъ и витыя, подвѣски къ ожерелью въ видѣ кружковъ, лунницы, пластинчатые головные вѣнчики, какъ въ петербургскихъ и тверскихъ курганахъ, и пр.; спорадически попадаются филигранныя бусы. Остальные предметы представляютъ типы, общіе для всѣхъ древне-русскихъ кургановъ, а взятыя вмѣстѣ, вещи сѣверянскихъ кургановъ ближе всего напоминаютъ предметы курганныхъ насыпей юго-западной группы. Можетъ быть, къ нѣсколько болѣе позднему времени относятся курганы сѣверянъ, раскопанные въ окрестностяхъ Чернигова и Любеча. Здѣсь костяки лежатъ въ небольшихъ грунтовыхъ ямахъ, головою на З., а иногда на Ю и ЮВ; часто въ гробахъ, сбитыхъ гвоздями. Вещи немногочисленны и не характерны. Между ними особенно отмѣтимъ малыя височныя кольца, снабженныя иногда бусами, серебряными и стеклянными. Извѣстно, что окраины сѣверской земли заселялись переселенцами изъ разныхъ

другихъ областей, такъ что здѣсь можно ожидать встрѣтить курганы весьма разнообразныхъ русскихъ племенъ. Немногіе сѣверскіе курганы XI вѣка раскопаны еще близъ Переяславля.

Обрядъ погребенія у радимичей XI вѣка, повидимому, тотъ же, что и у сѣверянъ. Средняя высота ихъ кургановъ 2 аршина. Многія насыпи обведены въ основаніи канавками. Большинство костяковъ лежитъ на поверхности материка, на остаткахъ кострищъ, головою вообще на западъ, но половина мужскихъ скелетовъ положена въ обратномъ направленіи. Погребенія въ ямахъ и въ насыпяхъ рѣдки. При костякахъ очень часто находятъ остатки гробовищъ изъ досокъ, не скрѣпленныхъ металлическими гвоздями. Въ курганныхъ насыпяхъ надъ костями нерѣдко замѣчаются прослойки золы, очевидно, взятой съ кострищъ.

Среди находокъ въ радимичскихъ курганахъ XI вѣка есть одинъ типъ височныхъ колецъ, который, повидимому, принадлежитъ имъ однимъ. Это—оригинальныя семилепестныя кольца, не попадающіяся въ другихъ мѣстностяхъ даже спорадически. Другой типъ височныхъ радимическихъ колецъ — въ видѣ спирали, въ бо́льшемъ количествѣ встрѣченъ въ сѣверянскихъ курганахъ, а третій — въ видѣ простыхъ проволочныхъ колецъ малаго размѣра съ сомкнутыми концами — составляетъ принадлежность кургановъ юго-западной группы древне-русскихъ племенъ и часто встрѣчается въ сѣверянскихъ курганахъ. Есть еще предметы, весьма характерные для радимичскихъ кургановъ—подвѣски къ ожерелью; большая часть ихъ имѣетъ видъ кружковъ, на которыхъ выбито изображеніе головы быка, розетки, крестъ изъ выпуклостей или же вырѣзано изображеніе луны. Есть подвѣски въ видѣ вытянутыхъ сѣмянъ или лоточковъ, довольно часто попадаются разнообразные кресты. Изъ шейныхъ гривенъ встрѣчены витыя и пластинчатыя съ розетками и гранчатыми головками на концахъ, а изъ обще-курганныхъ типовъ XI вѣка — нагрудныя и поясныя пряжки, браслеты, перстни, серьги съ шипами и бусами, лунницы, подвѣски въ видѣ собачекъ и ложечекъ, бубенчики и пр. Подборъ предметовъ вообще отличается большимъ изяществомъ, особенно въ шейныхъ украшеніяхъ., Составляютъ-ли эти интересныя и разнообразныя вещи предметъ производства самихъ радимичей, или же заимствуются ими откуда-нибудь, пока невозможно сказать. Не есть-ли это продуктъ особой культуры, развившейся по ту сторону Днѣпра, усвоенной всѣми тремя обитавшими тамъ древне-русскими племенами и имѣвшей центръ въ Черниговѣ и Любечѣ? Навѣрное можно ска-

зать одно, что культура эта въ Смоленскѣ центра не имѣла, такъ какъ инвентарь смоленскихъ кургановъ XI вѣка примѣтно отличается отъ находокъ въ радимичскихъ. Можно еще вполнѣ допустить, что основа этой культуры одинакова съ кіево-волынскою, но многое въ ней уже обособлено. Обрядъ погребенія радимичами усвоенъ, повидимому, въ той формѣ, какую онъ получилъ въ XI вѣкѣ у сѣверянъ. Вообще курганы радимичей безъ большаго труда отличаются отъ сосѣднихъ дреговичскихъ, какъ и отъ кривичскихъ.

Точной границы распространенія радимичскихъ кургановъ пока не можетъ быть указано. На западѣ они прослѣжены по берегу Днѣпра отъ устья р. Сожи до Обидовичей и Анелиной, далѣе они занимаютъ все теченіе Сожи и ея притока Ипути, а какъ далеко идутъ на востокъ и югъ, еще неизвѣстно. По теченію Десны ихъ пока не найдено, но они открыты даже далеко за Десною, близъ с. Голубовки Рыльскаго уѣзда.

По свидѣтельству лѣтописи, вятичи еще въ XI вѣкѣ подвергали своихъ покойниковъ сожженію. По всей вѣроятности, это извѣстіе надо понимать такъ, что въ данное время часть вятичей еще продолжала сожигать. Гдѣ производилось сожженіе и куда помѣщался прахъ сожженныхъ, мы еще не знаемъ. Кургановъ съ остатками сожженія въ странѣ вятичей пока извѣстны лишь единицы, и къ какому времени они относятся, еще нельзя сказать. Курганы съ погребеніемъ здѣсь являются позднѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ; большинство ихъ должно быть отнесено къ XII вѣку и только меньшая часть къ XI вѣку.

Раскопокъ въ области вятичей произведено довольно много, но точное понятіе мы имѣемъ только о послѣднихъ раскопкахъ въ Рязанскомъ краѣ, и принуждены дать характеристику кургановъ вятичей исключительно лишь на основаніи этихъ изслѣдованій, не особенно обширныхъ. Средняя высота насыпей 2 аршина, кругомъ основанія часто примѣтны канавки. Въ половинѣ насыпей найдены черепки, кости животныхъ и вещицы, быть можетъ, остатки поминокъ (?). Только одинъ костякъ лежалъ на поверхности материка, двѣ трети ихъ находились въ грунтовыхъ ямахъ, а остальные положены въ насыпи, именно въ ея нижней части; скелеты лежатъ головою всегда на З. При трети костяковъ найдена кора, въ видѣ подстилки или покрытія, встрѣчена подстилка изъ песка. Находки очень бѣдны. Самый характерный предметъ, встрѣченный лишь у вятичей — семилопастныя височныя кольца такъ называемаго московскаго типа; есть

еще предметы, свойственные также только курганамъ данной области— разнообразные пластинчатые ажурные перстни. Изъ другихъ находокъ отмѣтимъ: плетеныя гривны съ пластинчатыми концами, бусы позднихъ типовъ, главнымъ образомъ круглыя хрустальныя и гранчатыя сердоликовыя, кресты, бубенчики, поздніе мѣдные и стеклянные браслеты и пр. Конечно, остается вопросомъ, принадлежать-ли указанные характерные предметы только вятичамъ и не потому-ли мы не находимъ ихъ въ курганахъ, напримѣръ радимичей, что радимичскихъ курганныхъ насыпей XII вѣка не существуетъ, но во всякомъ случаѣ для вятичей характерно уже то, что въ XII вѣкѣ у нихъ еще были курганы, когда у сосѣдей они уже исчезли.

Районъ распространенія кургановъ описаннаго типа обширенъ. Они раскопаны въ границахъ, обозначающихся слѣдующею линіею: верховья р. Жиздры (Паршино), теченіе р. Угры отъ д. Городище, верховья р. Москвы у с. Крымскаго, Волынщины и др., верховья Клязьмы (Успенское, Петропавловское), Михѣево близъ устьевъ Москвы, часть Рязанскаго края между Ростиславомъ, Пронскомъ и Смедовкой, теченіе Оки до устья Угры, отсюда до Черни и отсюда мимо Лихвина снова на верховья Жиздры.

Преданія лѣтописи, а въ археологическомъ отношеніи общая любовь къ семилопастнымъ височнымъ кольцамъ, неизвѣстнымъ въ другихъ мѣстностяхъ, сближаютъ вятичей съ радимичами. Занимая обособленный районъ между сѣверянами, смоленскими кривичами и ростовцами, вятичи болѣе всего желали оставаться независимыми. Многочисленность найденныхъ въ бассейнѣ р. Оки арабскихъ монетъ показываетъ, что вятичи принимали не малое участіе въ торговлѣ Руси съ Болгарами, и въ это время они, быть можетъ, находились въ культурной подчиненности отъ Смоленска, но съ прекращеніемъ восточной торговли они, вмѣстѣ съ радимичами, скорѣе тянутъ къ своему политическому центру на Деснѣ, пока въ XIII—XIV вѣкахъ не сливаются съ Москвою.

Заканчивая этимъ описаніе древностей восточной группы древнерусскихъ племенъ, повторимъ сдѣланное выше замѣчаніе, что въ XI вѣкѣ на востокъ отъ Днѣпра, видимо, начинаетъ организоваться политическій союзъ трехъ древне-русскихъ племенъ, въ которомъ уже проявляются и самостоятельныя культурныя теченія, но что объ этнографическомъ единствѣ этихъ племенъ пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Лѣтопись не говоритъ о существованіи особаго русскаго племени

ростовскаго. Да его и не было. Была лишь Муромо-Ростовская область со смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ, своего рода сибирская украйна. Вѣроятно, ядро этого населенія составлено какимъ-нибудь однимъ русскимъ племенемъ, но въ разное время сюда открывался широкій доступъ и различнымъ другимъ племенамъ. Новгородцы, кривичи, вятичи, даже сѣверяне, пожалуй, и дреговичи—всѣ кандидаты на роль колонизаторовъ Ростовской земли, и, быть можетъ, всѣ имѣли долю въ ея заселеніи. Наконецъ, само мѣстное финское населеніе края могло слиться съ тѣмъ или другимъ колонизаціоннымъ потокомъ и принять цѣликомъ ту культуру и обряды, которые онъ несъ съ собою.

Если это такъ, то содержаніе кургановъ Ростовско-Муромской области XI вѣка должно быть до нѣкоторой степени пестрымъ, и основные элементы его могутъ быть выдѣлены лишь при наличности большаго и точнаго матеріала. Къ сожалѣнію, несмотря на большія изслѣдованія, произведенныя въ ростовскихъ курганахъ, болѣе или менѣе ясное понятіе о нихъ мы получаемъ лишь изъ отчетовъ о раскопкахъ по окраинамъ Ростовской земли—по теченію р. Сити, на Углицкомъ полѣ и въ окрестностяхъ Костромы, да и то изслѣдованные здѣсь курганы относятся лишь къ концу XI и къ XII вѣку. Устройство кургановъ въ указанныхъ трехъ мѣстностяхъ имѣетъ общія черты. Насыпи не высоки, часто имѣютъ въ основаніи канавки или вѣнцы изъ камней, а въ разрѣзѣ ихъ нерѣдко видны зольныя прослойки. Костяки иногда лежатъ на слоѣ золы, головою преимущественно на западъ, но также на сѣверъ, югъ и востокъ. Въ курганахъ московской окраины костяки положены большею частью въ грунтовыхъ ямахъ. Встрѣчается сидячее положеніе скелетовъ. Большинство височныхъ колецъ, находимыхъ въ ростовскихъ курганахъ, представляетъ собою малыя проволочныя кольца съ сомкнутыми концами, но нерѣдко встрѣчаются также кольца средней величины и большія, всѣ петербургскаго типа, то-есть не съ завязанными, а свободными, сомкнутыми концами. Изъ вещей обще-курганныхъ типовъ XI вѣка, здѣсь встрѣчены: многочисленныя трехшипныя серьги, бусы, преимущественно золоченыя, крестики, лунницы, изрѣдка подвѣски къ ожерелью смоленскихъ типовъ, нагрудныя и поясныя пряжки, пластинчатые и витые браслеты, бубенчики, перстни витые и пластинчатые съ спиралями по краю и пр. Кромѣ того, въ общій сортиментъ вещей русскаго происхожденія входитъ рядъ предметовъ, по всей вѣроятности, финской индустріи: треугольныя проволочныя подвѣски

къ височнымъ кольцамъ (они есть и въ петербургскихъ курганахъ, но въ видѣ сплошныхъ пластинокъ), плетеныя подвѣски въ видѣ коньковъ и различныя шумящія бляшки и фигуры чудскихъ типовъ. Рисунки всѣхъ этихъ предметовъ въ атласѣ находокъ изъ ростовскихъ кургановъ производятъ импонирующее впечатлѣніе и внушаютъ преувеличенное понятіе о значеніи въ нихъ инородческаго элемента,— но на самомъ дѣлѣ примѣсь чудскихъ вещей къ русскимъ здѣсь очень незначительна, если не сказать, что она ничтожна. Наиболѣе примѣсь эта сказывается въ костромскихъ курганахъ, какъ въ новгородской области въ петербургскихъ. Въ костромскихъ курганахъ встрѣчено не мало височныхъ колецъ смоленскаго типа съ ромбическими щитками; довольно много найдено здѣсь крестиковъ и образковъ. То, что извѣстно о давнихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ центрѣ Ростовской земли, между Ростовомъ, Суздалемъ и Владиміромъ, не противорѣчитъ данному выше описанію ростовскихъ кургановъ и ничѣмъ его не дополняетъ.

На сѣверо-западѣ курганы описаннаго типа изслѣдованы по Сити и Медвѣдицѣ, откуда линія ихъ идетъ на Переяславль, отсюда на верховья Клязьмы, далѣе по Клязьмѣ выше Владиміра, оттуда къ Иваново-Вознесенску, далѣе по сѣвернымъ границамъ Костромскаго уѣзда мимо древняго Ширенскаго лѣса на Сить. Отдѣльный островъ съ курганами ростовскаго типа найденъ на р. Судѣ, притокѣ Шексны (д. Зворыкина, Варнакушка).

Всѣ наличныя данныя склоняютъ насъ къ мысли, что ядро населенія Ростовской области составили новгородцы и кривичи. Это очень естественно, такъ какъ для тѣхъ и другихъ эта земля была на пути ихъ торговыхъ интересовъ. Обложеніе кургановъ камнями есть обычай преимущественно новгородскій, зольныя прослойки въ насыпяхъ идутъ отъ кривичей, составъ вещей ростовскихъ кургановъ одинаковъ съ находками кургановъ всего русскаго сѣвера. Кривичи, или же новгородцы болѣе усердно заселяли край, это можно будетъ сказать лишь тогда, когда будутъ различены древности тѣхъ и другихъ, однако чувствуется, что роль кривичей (двигавшихся черезъ Ржевъ), здѣсь значительнѣе. Вятичи не имѣли интересовъ въ Ростовской области; ихъ характерныя височныя кольца здѣсь, можно сказать, совершенно отсутствуютъ. Слѣдовъ движенія на Оку чрезъ верховья Дона сѣверянъ мы пока не находимъ. Приписывать ростовскіе курганы мѣстнымъ инородцамъ, мери, нѣтъ никакого основанія: и обрядъ погребенія, и вещи здѣсь чисто-русскія. Быстрое и полное превра-

щеніе мери въ русское племя прямо невозможно, даже если допустить ея поголовное крещеніе, на что очень не легко согласиться, имѣя въ виду, что шаманизмъ и до сихъ поръ вполнѣ удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ отдѣльныхъ финскихъ народностей. Окрестности Костромы и Нерехты сплошь заняты группами кургановъ ростовскаго типа XI и XII вѣка: какъ допустить, что въ это время данная мѣстность занята была не русскимъ населеніемъ? Если ростовскіе курганы есть курганы мери, то гдѣ-же курганы русскаго населенія края? Естественнѣе думать, что финское населеніе Ростовской области постепенно покидало ее, оставивъ здѣсь слѣдами своего пребыванія не курганы, а могильники. Правда, они еще не найдены, но, по всей вѣроятности, не потому, чтобъ ихъ не было: мы только недавно узнали, что могильники существуютъ въ Пермскомъ краѣ и что весьма интересныя древнія кладбища имѣются въ Нижегородской губ. Примѣръ Муромской области, гдѣ найдены относящіеся приблизительно къ одному времени и русскіе курганы, и финскіе могильники, весьма поучителенъ.

Муромскіе курганы, относящіеся, надо думать, къ X и началу XI вѣка, имѣютъ устройство одинаковое съ ростовскими. Высота ихъ отъ 2-хъ до 5 аршинъ, кругомъ основанія иногда канавки, въ насыпяхъ замѣчаются прослойки угля. Костяки лежатъ головою обыкновенно на западъ, но иногда и на югъ, изрѣдка на подстилкѣ и въ гробовищахъ. По недостаточности изслѣдованій, вещей найдено пока немного. Височныя кольца малыхъ размѣровъ; другія вещи принадлежатъ къ типамъ обще-курганнымъ. Содержаніе муромскихъ кургановъ рѣзко отличается отъ находокъ въ одновременныхъ мѣстныхъ могильникахъ, напримѣръ въ Максимовскомъ.—Интересно, что въ нѣкоторыхъ рязанскихъ курганахъ (д. Рубцова близъ Старой Рязани) найдены височныя кольца типа муромо-ростовскаго, небольшія, вмѣсто ожидаемыхъ семилопастныхъ. Это курганы или вятичей, но нѣсколько болѣе ранняго времени, или же какой-нибудь другой русской народности.

Въ бассейнѣ Буга кургановъ XI вѣка неизвѣстно, но къ этому времени относятся расположенныя здѣсь въ значительномъ количествѣ каменныя могилы, то-есть грунтовыя ямы, обставленныя сверху кругомъ камней. Всѣ находки изъ этихъ могилъ должны быть признаны безусловно славянскими и представляютъ типы ближайшихъ дреговичскихъ и волынскихъ кургановъ, отъ которыхъ ихъ рѣзко отличаютъ лишь височныя кольца. Въ каменныхъ надбужскихъ моги-

лахъ височныя кольца малаго размѣра, сработаны изъ толстой проволоки и всѣ имѣютъ эсовидный завитокъ. Нигдѣ этого типа колецъ въ русскихъ древностяхъ другихъ мѣстностей нѣтъ. Кому принадлежатъ надбужскія могилы, пока нельзя сказать: для этого необходимо прослѣдить районъ ихъ распространенія. Древнѣйшія каменныя могилы мы находимъ въ Галиціи; есть онѣ также въ Польшѣ, тоже, повидимому, болѣе раннія, чѣмъ на Бугѣ. Наибольшее количество каменныхъ могилъ XI вѣка изслѣдовано въ мѣстности между Бугомъ и Наревомъ; извѣстны онѣ также между Бугомъ и Вислой (Чеканова, Грембково), противъ Бреста (Костомлоты), по притоку Нарева Бобру, а отсюда онѣ, кажется, заходятъ даже на Нѣманъ, сѣвернѣе Гродна (Омнишево, Юстиново и пр.). Не есть-ли это памятники древности Черной Руси, къ XIII—XIV вѣкамъ стянувшейся на верховья Нѣмана, гдѣ она исполнила такую большую роль въ исторіи возникновенія литовскаго государства? Это предположеніе подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ верховьяхъ Нѣмана расположено много аналогическихъ по устройству могильниковъ, но уже XIII—XIV вѣковъ.

Есть еще одна область съ древне-русскимъ населеніемъ, которую нельзя обойдти молчаніемъ и археологу—Тмутаракань. Несомнѣнныхъ слѣдовъ пребыванія здѣсь русскихъ пока не найдено, однако вещи курганныхъ типовъ XI вѣка уже открыты. Въ 1870 г. близъ Тамани около Лысой горы обнаружено было 9 каменныхъ гробницъ, въ которыхъ лежали костяки головою на западъ. При нихъ были найдены мѣдныя и золотыя височныя кольца съ слегка заходящими другъ за друга концами, малаго размѣра, какія попадаются въ кіевскихъ кладахъ XI—XII вѣковъ, два креста (серебряный и деревянный) и 2 мѣдные бубенчика. Перечисленныхъ находокъ недостаточно, чтобы можно было признать ихъ русское происхожденіе, однако ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду.

Подводя общіе итоги изложенному, прежде всего усматриваемъ, что на одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ цѣлью нашихъ разысканій, археологія уже теперь даетъ опредѣленный отвѣтъ: всѣ показанія лѣтописи о разселеніи древне-русскихъ племенъ вполнѣ совпадаютъ съ археологическими наблюденіями. Въ собственно русскихъ древностяхъ (главнымъ образомъ XI вѣка) намѣчается столько-же археологическихъ типовъ и районовъ, сколько лѣтопись перечисляетъ древне-русскихъ племенъ. Географическое положеніе этихъ районовъ соотвѣтствуетъ указаніямъ лѣтописи о мѣстахъ разселенія племенъ

каждаго въ отдѣльности. Такъ какъ древности отдѣльныхъ районовъ вполнѣ ощутимо отличаются другъ отъ друга, то внѣ сомнѣнія, что дальнѣйшее расширеніе изслѣдованій соотвѣтственныхъ кургановъ дастъ вполнѣ точную карту разселенія древне-русскихъ племенъ времени начальной лѣтописи. Только одна археологія и въ силахъ исполнить эту задачу. Менѣе значительна роль ея въ обсужденіи другой изъ поставленныхъ нами темъ—о соединеніи древне-русскихъ племенъ въ этнографическія группы. Мы нашли, что на основаніи археологическихъ данныхъ племена эти могутъ быть соединены въ три группы, и опредѣлили составъ каждой изъ нихъ, но—культурное единство не есть единство племенное. Въ этомъ случаѣ археологическія разысканія раздѣляютъ одну судьбу съ усиліями филологіи, которая еще прежде сдѣлала попытку отвѣтить на тотъ же вопросъ, но, на нашъ взглядъ, съ тѣмъ же нерѣшительнымъ результатомъ,—такъ какъ единство по языку еще не есть единство по крови. При всѣхъ оговоркахъ, позиція, занятая археологіею въ данномъ вопросѣ, не можетъ не имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что группировка древне-русскихъ племенъ, представленная разысканіями филологическими [1]), не совпадаетъ съ группировкою на основаніи данныхъ археологическихъ. У насъ въ первую группу входятъ волыняне, древляне, поляне и дреговичи, во вторую кривичи съ новгородцами и ростовцами, въ третью радимичи и вятичи подъ главенствомъ сѣверянъ. По схемѣ академика Шахматова, первую группу (малоруссы) составляютъ волыняне, тиверцы, древляне, поляне и сѣверяне, вторую (бѣлоруссы) дреговичи, радимичи и вятичи, третью (великоруссы) кривичи и новгородцы. По культурнымъ даннымъ XI вѣка, радимичи и вятичи обособлены отъ дреговичей; сами дреговичи далеко не составляютъ какого-либо культурнаго центра и цѣликомъ примыкаютъ къ своимъ южнымъ сосѣдямъ. Вообще, археологическія изысканія не видятъ въ XI вѣкѣ особаго бѣлорусскаго племени, если не считать таковымъ радимичей и вятичей, на что врядъ-ли мы имѣемъ основанія. Въ вопросѣ о тѣхъ же бѣлоруссахъ есть одинъ пунктъ, въ которомъ филологическія и археологическія разысканія сошлись, но пришли къ выводу, страннымъ образомъ противорѣчащему дѣйствительности. Тѣ и другія согласно заключаютъ, что кривичи принадлежатъ къ сѣверной группѣ древне-русскихъ племенъ, то-есть вели-

---

[1]) *Шахматовъ*, Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, IV.

коруссамъ, между тѣмъ какъ всѣ тѣ мѣстности, гдѣ археологическими раскопками обнаружено распространеніе кривичскихъ (полоцкихъ и смоленскихъ) кургановъ въ XI вѣкѣ, въ настоящее время заселены не великоруссами, а бѣлоруссами. Въ массовое передвиженіе племенъ мы не рѣшаемся вѣрить, а полное перерожденіе одного племени въ другое, въ продолженіе 6—7 вѣковъ, хотя бы русскаго въ русское, маловѣроятно. Выхода изъ этой дилеммы мы не видимъ.

А. Синицынъ.

ПОДКОМОРСКІЙ СУДЪ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ ЛИТОВСКОМЪ ВЪ КОНЦѢ XVI И НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

Точное опредѣленіе границъ земельныхъ владѣній обращало на себя большое вниманіе правительства и общества великаго княжества литовскаго. Границы повѣтовъ опредѣляли присудъ ихъ и число шляхты, становящейся подъ повѣтовою хоругвью во время посполитаго рушенья; границы имѣнія опредѣляли величину его, а въ зависимости отъ послѣдней была не только доходность имѣнія, но и размѣръ государственныхъ повинностей съ него. Знаніе границъ было необходимо при всякомъ актѣ гражданской сдѣлки по имѣнію, будетъ ли это продажа, дареніе, залогъ, или передача по наслѣдству, или въ опеку. Уже одно развитіе гражданскаго права въ Речи Посполитой ручается намъ за то, что вопросъ о границахъ не могъ не быть разработанъ въ литовскомъ правѣ; потребности государственной жизни также требовали серьезнаго вниманія къ спорамъ и дѣламъ о „кгрунтахъ". Въ самомъ дѣлѣ, какъ важно было точное опредѣленіе границъ державы и имѣнія, если различные виды земельнаго владѣнія подлежали различному „праву" и различнымъ повинностямъ—характеръ земельнаго владѣнія опредѣляетъ „право", которому оно „подлегло", и видъ повинности, идущей съ него. Земли шляхетскія, татарскія, боярскія, мѣстскія (при томъ мѣстъ „упривильеваныхъ" и „неупривильеваныхъ"), церковныя, монастырскія, лежали въ перемежку между собою и землями державцы, волостными и замковыми. Ясно, какая масса затрудненій дожна была возникать при опредѣленіи повинностей съ этихъ земель, если каждый видъ земельнаго владѣнія отличался отъ другаго родомъ и размѣромъ повинностей. Кромѣ того, великое княжество литовское хорошо знало стремленіе отдѣль-

ныхъ областей къ сохраненію своихъ областныхъ привилегій и особенностей. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ является Жмудь, заставлявшая и послѣ люблинской уніи избранныхъ королей выдавать себѣ привилегіи на сохраненіе старинныхъ правъ и порядковъ жмудскихъ. Наконецъ, въ великомъ княжествѣ литовскомъ мы встрѣчаемъ громадное количество случаевъ спольнаго владѣнія и пользованія лѣсами, водами, угодьями и населенными имѣніями. Все это возбуждало цѣлую массу вопросовъ и споровъ между владѣльцами, а также между ними и государствомъ—понятно поэтому значеніе дѣлъ по имѣніямъ и ихъ границамъ въ глазахъ литовскаго общества и правительства. Еще отъ временъ Витовта мы имѣемъ дѣла по опредѣленію границъ имѣній. Панъ Петрашъ Монтикгирдовичъ, намѣстникъ новгородскій, 15-го іюня 1398 года по приказанію этого государя „розъежчалъ" землю Лавришовскаго монастыря съ землями людей и „поляновъ" ве... кагo князя и „ограничилъ" землю монастырскую, указавъ ея грани...ы [1]).

Рядомъ съ размежеваніемъ частныхъ земельныхъ владѣній ...о съ несомнѣнно бóльшимъ значеніемъ въ государственной жизни ...итвы, выдвигается вопросъ о разграниченіи великаго княжества лит...скаго съ другими государствами. Это послѣднее, принадлежа къ к...горіи явленій другаго порядка государственной жизни Литвы, требуя для себя дѣятельности лицъ съ совсѣмъ другой компетенціей, естественно, однако, оказывало вліяніе, по мѣрѣ улучшенія и развитія пріемовъ, и на размежеваніе частныхъ имѣній. Уже договоры великихъ князей литовскихъ древнѣйшаго времени говорятъ о границахъ, а XV вѣкъ знаетъ и документы разграниченій Литвы съ сосѣдними государствами [2]). Но мы не можемъ входить въ изученіе этихъ разграниченій, такъ какъ нашей задачей является изображеніе суда о внутреннихъ границахъ земельныхъ владѣній, пока онъ не вылился въ форму подкоморскаго суда.

Развитіе права и чувства законности, пріобрѣтаемое Литвою, отражается въ судебникѣ Казиміра IV (1468 г.) требованіемъ такого рода относительно „земныхъ дѣлъ": „а такожъ кому будетъ до кого какое дѣло, будетъ земное дѣло, ино ѣздоки побрати; а будучи иныи которыи дѣла, ино судьи побрати, а искати правомъ; а порубовъ и наѣздовъ не надобѣ никому же чинити" [3]). Такимъ об-

---

[1]) А. Вил. XI, № 1.

[2]) Напр., Опредѣленіе границъ Литвы и Ливоніи въ 1473 г. „Описаніе Рук. Отд. Вил. Публ. Библ." III. Вильна. 1898 г. № 22.

[3]) Ст. 20.

разомъ, судебникъ, требуя, чтобы искали своего лишь судомъ, „правомъ", а не насиліемъ, выдвигаетъ „ѣздоковъ" [1]), то-есть, лицъ, отправляющихся на мѣсто для разбора дѣла. Одна изъ слѣдующихъ статей судебника даетъ такія постановленія объ этомъ судѣ ѣздоковъ и судей: „а коли бы два мѣли ся правовать, а возьмуть собѣ ѣздокы и судьи", должно „учинити рокъ", то-есть. назначить день для суда, и извѣстить слѣдуетъ о немъ за четыре недѣли, чтобы обѣ стороны могли приготовиться стать передъ судомъ [2]). Эти ѣздоки дѣйствуютъ рядомъ съ судьями, но обыкновенно имѣютъ своимъ назначеніемъ не самый судъ, а лишь собираніе на мѣстѣ данныхъ для разрѣшенія дѣла [3]). Та же статья судебника 1468 года постановляетъ: „а который бы изъ дву тыхъ сутяжаевъ не выѣхалъ, тотъ безъ суда виноватъ; а который выѣхалъ того оправити въ томъ, чого будеть искати". Извиненіемъ неявки „сутяжая" на судъ можетъ быть лишь служба (государева или земская) или болѣзнь—лишенный возможности явиться на судъ по этимъ причинамъ, онъ „не истратить", не потеряетъ своего дѣла. Иначе говоря, употребляя языкъ позднѣйшихъ актовъ, актовъ времени развитія литовскаго суда и эпохи статутовъ, разборъ дѣла о границахъ долженъ быть „рокомъ завитымъ"—правило, принятое и законодательствомъ XVI вѣка, которое и для „нестанья" сторонъ на роки завитые принимаетъ тѣ же причины, болѣзнь и „послугу" [4]), прибавляя къ нимъ моровое повѣтріе, какъ третью уважительную причину „нестанья" для роковъ не завитыхъ [5]).

Рядомъ съ обычнымъ судомъ, который иногда дополняется дѣятельностью ѣздоковъ, уже въ XV вѣкѣ существуетъ для дѣлъ граничныхъ судъ особо назначенныхъ великимъ княземъ на каждый отдѣльный случай судей. Князь Иванъ Ивановичъ Жеславскій, намѣстникъ Меньскій, вмѣстѣ съ паномъ Михайлою Корсаковичемъ, намѣстникомъ Марковскимъ „приказаньемъ господара (нашого) короля Казимира его милости" 7-го іюня 1483 года разбирали спорное дѣло о землѣ между паномъ Олехномъ Судимонтовичемъ, намѣстникомъ По-

---

[1]) По объясненію проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, „ѣздоки—спеціальные судьи (delegati)". „Христ. по ист. р. пр." II. Кіевъ, 1887 г., стр. 43, 44, примѣчаніе 83.

[2]) Ст. 22.

[3]) Доказательства и примѣры у *М. К Любавскаго* „Обл. дѣл. и мѣстное упр. лит.-р. гос." М. 1892 г., стр. 648, 649.

[4]) III Статутъ. Р. IX. Арт. 5.

[5]) III Ст. Р. IV. Арт. 23.

лоцкимъ, и паномъ Юрьемъ Юрьевичемъ Зеновьевичемъ [1]). Въ актахъ о земельныхъ границахъ встрѣчаемъ затѣмъ и названія для такихъ судей — комиссары [2]). Такимъ образомъ устанавливается въ Литвѣ комиссарскій судъ для дѣлъ о границахъ имѣній, и судъ этотъ примѣнялся потомъ въ весьма широкихъ размѣрахъ. Комиссарскій судъ является, какъ естественное развитіе суда о границахъ въ Литвѣ. Можетъ быть, его появленію способствовало развитіе разграниченій великаго княжества съ сосѣдними государствами, замѣняя уполномоченныхъ представителей государствъ, mutatis mutandis, судьями границъ, назначенными для каждой изъ тяжущихся сторонъ. Затѣмъ съ развитіемъ учрежденій Литвы, шедшимъ или самостоятельно, или подъ польскимъ вліяніемъ, отражавшимся въ усвоеніи Литвою польскихъ учрежденій въ однихъ случаяхъ, въ приближеніи своихъ къ типу польскихъ—въ другихъ, или, наконецъ, въ простомъ отожествленіи самостоятельно возникшихъ изъ потребностей жизни литовскихъ институтовъ съ аналогичными польскими—заимствуется у Польши и названіе „комиссія", „комиссары" для интересующаго насъ вида суда. Происхожденіе комиссарскаго суда таково. Во-первыхъ, онъ развился изъ суда пріятельскаго, суда судей „добровольныхъ", избираемыхъ по взаимному согласію тяжущимися, соглашающимися подчиниться ихъ рѣшенію не въ силу ихъ офиціальнаго положенія,— они частныя лица,—а въ силу своего выбора и условія. Другой источникъ происхожденія комиссарскаго суда не условіе, или договоръ, соглашеніе тяжущихся, а правительственная власть. Великій князь назначаетъ коммиссаровъ своею „звирхностью", приказываетъ имъ разсмотрѣть и рѣшить дѣло, внесенное на его „розсудокъ", или по своей серьезности и важности заслуживающее большаго вниманія, чѣмъ то, которое удѣлитъ ему обычный областной судъ, или же требующее большей авторитетности, чѣмъ судъ старостинскаго намѣстника, который обыкновенно творилъ судъ за недосугомъ самого старосты или воеводы.

Въ послѣдующее время вплоть до реформы 1564 года встрѣчаемъ оба вида суда для дѣлъ о границахъ, то-есть, и судъ обычный и судъ комиссарскій. Встрѣчаются указанія и на граничный судъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, № 31. *М. К. Любавскій* приводитъ изъ рукописныхъ книгъ Литовской Метрики еще болѣе ранній примѣръ (1475 г.). „Областное дѣл." и пр., стр. 649.

[2]) Напримѣръ, А. Ю. и З. Р., I, № 61. Въ заглавіи акта, составленномъ, впрочемъ, вѣроятно, лишь при перепискѣ книги.

удѣльныхъ князей великаго княжества литовскаго. Такъ пинскій князь Өеодоръ Ивановичъ Ярославичъ 21-го апрѣля 1510 года разсматривалъ спорное дѣло и смотрѣлъ границы по жалобѣ Староконьцевъ на Ненковцевъ [1]).

Въ Галиціи, исторія учрежденій которой представляетъ такъ много аналогичнаго съ исторіей учрежденій литовскихъ, рисуя введеніе въ этой области польскихъ институтовъ, конечно, введеніе съ большею полнотою, чѣмъ въ Литвѣ, ибо Галиція часть Короны,— въ XV вѣкѣ дѣла граничныя разбираетъ староста. Панъ Петрашь, староста „Галицькый и Снятиньскій", съ земянами „учинилъ рокъ завитый на выведѣнье границы" Вашичиньской, спорной между Васкомъ Мошченчичемъ и Кундратомъ Ворсничемъ и „на той рокъ своимъ животомъ выѣхалъ на ту границю" [2]) (1401 года іюня 11-го). Въ 1424 году „розъѣхалъ" границы между землею пана Юрковскаго и пана Ивашка Борыницкаго панъ Ленко староста Зудечовскій [3]).

Статутъ 1529 года хорошо знаетъ дѣла о границахъ. Судья, или „ездокъ от права высланый"... „на розъездъ" долженъ по требованію статута ознакомиться съ документами и знаками граничными, на которыхъ основываются тяжущіеся, и ту сторону, которая „лепшые и знакомитшые привилья и листы и знаки або копцы або грани вскажут", долженъ „ку доводу припустити" [4]). Если обѣ стороны „знаковъ" не покажутъ, то судъ долженъ рѣшать дѣло, опираясь на свидѣтелей, которыхъ поставятъ тяжущіеся, и „чие светки годнейшие будуть", того судья допускаетъ „ку доводу и присязе". При этомъ оказывается предпочтеніе свидѣтелямъ (которые должны быть шляхтою), „суседамъ близкимъ и сумежникамъ" предъ шляхтою „не граничниками и не сумежниками". Само собою разумѣется, что свидѣтели должны быть „людьми добрыми и не подозреными" [5]). Рокъ для разграниченья долженъ быть „завитымъ", то-есть, окончательнымъ и отложенъ онъ можетъ быть лишь по четыремъ причинамъ; эти причины: моровое повѣтріе, вальный сеймъ, государева служба и болѣзнь тяжущагося. Первыя три причины „нестанья" не требуютъ оповѣщенія—ихъ на-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, № 54.

[2]) А. Ю. и З. Р., I, № 8. Тотъ же документъ—А. Ю. и З. Р., II, № 68.

[3]) А. Ю. и З. Р., I, № 16. О введеніи польскихъ судовъ въ Галиціи см. *И. А. Линниченко.* Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV вѣка, М., 1894, стр. 19 и сл.

[4]) I статутъ, VIII, 4.

[5]) Ibidem.

личность считается извѣстною каждому въ данное время; о болѣзни же необходимо извѣстить судъ и сторону, „сутяжого", и дѣло будетъ отложено до выздоровленія тяжущагося. Въ подтвержденіе того, что онъ болѣлъ дѣйствительно, тяжущійся присягаетъ передъ судомъ на новомъ рокѣ, назначенномъ для разграниченья. Въ случаѣ новой своей болѣзни тяжущійся присылаетъ вмѣсто себя „умоцованого" [1]). Если сторона не станетъ на рокъ безъ вышеуказанныхъ законныхъ причинъ, то дѣло рѣшается безъ нея на основаніи показаній свидѣтелей и присяги ставшей на рокъ стороны [2]).

Таково постановленіе перваго статута по дѣламъ „граничнымъ". Недостатки его сразу бросаются въ глаза. Дѣла о границахъ имѣній подлежатъ вѣдѣнію обыкновеннаго суда, то-есть, замковаго или земскаго, что въ ту эпоху было одно и то же, а судъ этотъ не можетъ быть скорымъ, такъ какъ требуетъ выѣзда на „кгрунтъ", на мѣсто—дѣло не всегда удобное для намѣстника воеводы, или старосты, ибо онъ всегда занятъ дѣлами по управленію и суду. Кромѣ того, по понятіямъ общества, дѣло слишкомъ важно, для того чтобы шляхта довольствовалась разборомъ простаго намѣстника и склонялась передъ его приговоромъ. На Подляшьѣ, гдѣ институты польскаго права раньше привились, чѣмъ совершилось ихъ перенесеніе въ остальныя части великаго княжества литовскаго, еще въ 1511 году придана бо́льшая авторитетность рѣшеніямъ граничныхъ тяжбъ. Въ „члонкахъ, которые маетъ судити староста въ земли Дорогицкой" [3]) стоитъ, что для разбора дѣлъ о границахъ староста долженъ выѣзжать съ судьею и подсудкомъ. На Подляшьѣ же впервые появляются и подкоморіи, какъ спеціальные судьи для разбора земельныхъ тяжбъ на самомъ спорномъ мѣстѣ. Уже въ первой половинѣ 20-хъ годовъ XVI столѣтія подкоморіи существовали въ Подляшьѣ [4]). Въ росписаніи повѣтовъ и новыхъ врадниковъ, введенныхъ въ Литвѣ рефор-

---

[1]) I. Ст. VIII, 3.

[2]) Ibidem.

[3]) А. З. Р. II., стр. 81 и *Działynski*, Zbiór praw litewskich, Poznań, 1841, str. 117.

[4]) *М. К. Любавскій* (Областное дѣленіе" и пр., стр. 678) ссылается на XII книгу Записей Литовскихъ литовской метрики, М. Арх. Мин. Юст. Книга эта заключаетъ въ себѣ документы 1522—1529 годовъ. *A. Boniecki* (Poczet Rodów w wielkiem księstwie litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa. 1887. Spis dignitarzy i Urzędników. str. XXI) приводитъ въ числѣ подкоморіевъ дрогицкаго подкоморія Яна Каменскаго 1524—1527 г.

мою шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка, говорится о подляшскихъ повѣтахъ, что въ нихъ врадники повѣтовые, а въ числѣ ихъ и подкоморіи „здавна постановлены“ [1]). Но это было въ пограничномъ съ Польшею Подляшьѣ, остальная же Литва попрежнему должна была довольствоваться судомъ старостъ и воеводъ. Все чаще и чаще, однако, прибѣгали къ комиссарскимъ разборамъ, и комиссарскіе суды, суды назначенныхъ королемъ на данное дѣло спеціальныхъ судей „за комиссіей“, „листовнымъ росказанемъ“, а иногда и просто „словомъ“, устнымъ приказаньемъ государя дѣйствуютъ все чаще и чаще [2]).

Акты земскихъ судовъ до реформы 1564—1566 годовъ сохранили очень много примѣровъ разбора дѣлъ о земельныхъ владѣніяхъ и ихъ границахъ. Самою употребительною формою такого разбирательства былъ обыкновенный судъ уряда на обычномъ мѣстѣ его дѣйствія съ вызовомъ свидѣтелей и представленіемъ документовъ предъ урядъ [3]). Но необходимость разбора „земляныхъ“ дѣлъ на мѣстѣ, на самомъ „кгрунтѣ“ сказывается сама собою съ полною ясностью. Нѣтъ обычнаго суда, который выѣзжалъ бы на мѣсто для разсмотрѣнія земельныхъ тяжебъ — комиссары судъ чрозвычайный, — и тяжущіеся, и судъ прибѣгаютъ къ установленной статутомъ высылкѣ ѣздоковъ, обыкновенно слугъ судьи, на спорное мѣсто. Но ѣздоки только собираютъ матеріалъ для рѣшенія судьи, сами они не могутъ разрѣшать дѣлъ. Такой порядокъ, заставляя судью полагаться на донесеніе своего слуги, которое не могло замѣнить ему самоличнаго изученія границъ и знаковъ граничныхъ имѣнія, имѣлъ и то неудобство, что затягивалъ самое судебное разбирательство, разбивая его на двѣ части—осмотръ границъ ѣздокомъ и разборъ дѣла судьею. О высылкѣ слуги судьи „вижа“ на спорный „кгрунтъ“ то просятъ тяжущіеся, которые и „берутъ“ его у врядника „на огледанье того кому бы ся съ нихъ промежку ихъ кривда видела“ [4]), то самъ судъ, „бачачи, ижъ ся тая рѣчь доконати не можетъ только на земли и хотячися кгрунтовное рѣчи довѣдать“, высылаетъ „на тую землю служебника“ своего [5]). Въ такомъ случаѣ судъ рѣшалъ дѣло „водлугъ ездаковъ“

---

[1]) Лит. метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 202.

[2]) Примѣры въ книгахъ земскихъ судовъ. Напримѣръ, А. Вил. XVII. №№ 137, 825, 877, 883 и др.

[3]) Много примѣровъ въ А. Вил. XVII и XXI.

[4]) А. Вил., XVII, № 482.

[5]) Ibidem, № 222.

такихъ „сознанья“ [1]). При заочномъ разборѣ дѣла суду приходилось полагаться на этихъ ѣздоковъ, но, вѣдь, и они посылались далеко не въ каждой земельной тяжбѣ, а обыкновенно нужно было довольствоваться просто свидѣтелями, дававшими свои показанія предъ невидавшимъ спорной земли судомъ, въ обычномъ мѣстѣ его засѣданій [2]), а не на спорной землѣ, гдѣ присутствовалъ бы и судья, смотрящій своимъ „окомъ“ знаки граничные. Въ видѣ рѣдкаго исключенія изъ общей массы актовъ встрѣчается и выѣздъ суда на спорное мѣсто. Такъ Петръ Мицута хорунжій и Миколай Шимковичъ Толочко—судьи земскіе Городенскаго повѣта, смотрѣли 3-го іюня 1556 года дѣло, „выехавши на кгрунтъ земъленый, где ся стороне жалобливой кривда деяла“ [3]). Или еще примѣръ, 13-го іюля 1541 года намѣстникъ городенскій (Войтехъ Гришковичъ Кимбаръ) и намѣстникъ скидельскій и кринскій (Матей Розлятовскій) выѣхали на спорное мѣсто, такъ какъ ихъ „взнимали людъ господарьский Луненский“ на свою сѣножать [4]).

Такимъ образомъ въ актовыхъ книгахъ судовъ ясно отражается сознаваемая потребность въ судѣ, разсматривающемъ земельныя тяжбы на самомъ спорномъ „кгрунтѣ“. Въ эпоху до второго статута, кромѣ выѣздовъ обычнаго суда, столь рѣдкихъ, какъ мы видѣли, такимъ судомъ былъ лишь судъ комиссарскій. Но комисары не могутъ высылаться на каждую граничную „справу“. Ихъ высылка обусловливается или высокимъ положеніемъ тяжущихся лицъ, или же исключительною важностью, или такими особенностями дѣла, при которыхъ обыкновенный судъ не можетъ считать себя компетентнымъ, а въ остальныхъ случаяхъ нужно было довольствоваться земскимъ судомъ, какимъ онъ былъ до реформы 1566 года. А между тѣмъ пятидесятые и слѣдующіе годы XVI вѣка принесли съ собою новыя массы дѣлъ о границахъ, благодаря введенію волочной помѣры. Помѣра всѣхъ земель королевскихъ на волоки опредѣленнаго размѣра требовала забора въ волоки и земель, не принадлежавшихъ королю, для того, чтобы волоки были полными. Приходилось забирать въ волоки прилежащія къ королевскимъ землямъ земельныя владѣнія, если изъ земель короля не выходили цѣльныя волоки. За взятыя у землевладѣльцевъ земли

---

1) Ibidem, № 482.

2) Напримѣръ, А. Вил., XVII, № 758, 938 и др.

3) А. Вил., XXI, № 263. Также № 272.

4) А. Вил., XVII, № 907.

давалась „отмѣна“, участокъ земли въ другомъ мѣстѣ, равный по пространству и качеству забранному въ волоку. Со времени введенія волочной помѣры становится еще болѣе потребною реформа суда о границахъ имѣній. Въ то же время значеніе шляхты ростетъ въ литовско-русскомъ государствѣ, и, стремясь къ новымъ улучшеніямъ условій своего политическаго и общественнаго быта, она, конечно, не упустить позаботиться о лучшемъ судѣ для дѣлъ о границахъ своихъ имѣній, своихъ „шляхетскихъ осѣлостей“, которыя были основнымъ условіемъ, для того чтобы пользоваться правами шляхтича и ими „веселиться“. И вотъ на виленскомъ сеймѣ 1565 года встрѣчаемъ въ числѣ другихъ просьбъ шляхты просьбу, „абы въ кождомъ повете подкоморие для справъ граничныхъ и земленыхъ того жъ сойму постановены были“ [1]). На выраженіе этого желанія шляхты послѣдовалъ „отказъ“ короля съ „милостивымъ“ согласіемъ его, а въ статутъ 1566 года уже внесенъ артикулъ о подкоморіяхъ и ихъ судѣ [2]), и такимъ образомъ Литва получила обыкновенный судъ, спеціально разбирающій „справы граничныя и земленыя“.

Однако, встрѣчаются указанія, на врядъ подкоморскій и до 1565 года. Но это указанія на подкоморіевъ Подляшья [3]), или на подкоморіевъ не повѣтовыхъ, а дворныхъ, королевскихъ [4]), или, наконецъ, на подкоморіевъ крупныхъ пановъ, или сановниковъ [5]). Мы

---

[1]) Д. М. Арх. Мин. Юст., I, стр. 170, 24.

[2]) II ст., IV, 70.

[3]) См. выше.

[4]) *J. Wolff* (Senatorowie i dignitarze W. Ks. Litewskiego. Kraków, 1885), начинаетъ рядъ этихъ подкоморіевъ съ Петра Рымкова времени Казимира IV, продолжая Петромъ Яновичемъ и Петромъ Радзивиловичемъ. Но *A. Boniecki* (Poczet Rodów. Spis dign. i urzędn, str. XX) приводитъ еще болѣе ранній примѣръ подкоморскаго вряда: Юрія Стромилу (1428 — 1430 г.). Указанія на Петра Радзивиловича, приводимыя у *Wolff*'а, могутъ быть дополнены ссылкою *М. К. Любавскаго* (op. cit..; стр. 645) на Лит. Метр. Записей литовскихъ книга V, л. 50. Ссылка *Wolff*'а на источники и указанія о Миколаѣ Пацевичѣ можетъ быть дополнена А. Вил., VI, стр. 215. Списокъ подкоморіевъ дворныхъ, приводимый *Wolff*'омъ (*Boniecki*, добавляя къ этому списку Юрія Стромилу, пропускаетъ, несмотря на точное указаніе *Wolff*'омъ листа и книги Лит. Метрики, Петра Рымкова), можетъ быть дополненъ указаніемъ „Реестра попису войска литовскаго“ 1565 года (Рук. Имп. Публ. Библ., F. IV, № 82), въ которомъ упоминается панъ Станиславъ Андреевичъ Довойна подкоморій королевскій, староста пинскій и кобринскій (Л. 3). Такимъ образомъ должность подкоморія королевскаго существовала несомнѣнно еще въ 1565 году, и рядъ подкоморіевъ королевскихъ не прерывается въ 1556 году, какъ думаетъ *Wolff* (str. 296).

[5]) Подкоморій бискупа, А. Вил., XVII, № 907.

не будемъ входить въ изученіе подкоморства послѣднихъ двухъ видовъ — оно отвлекло бы насъ далеко отъ нашей главной темы, а именно въ изученіе дворныхъ врядовъ и двора королевскаго и знатныхъ пановъ. Подкоморій же въ качествѣ вряда повѣтоваго земскаго [1]), при томъ, какъ обычный врядъ для всѣхъ новѣтовъ великаго княжежества литовскаго, вводится лишь въ 1565 году. Вступленіе подкоморіевъ въ ряды повѣтовыхъ врядниковъ совершилось послѣ виленскаго сейма 1565 года еще до изданія статута 1566 года. Въ самомъ дѣлѣ, въ слонимскомъ повѣтѣ уже въ 1565 году былъ подкоморіемъ панъ Станиславъ Миколаевичъ Нарбутъ, воеводичъ подляшскій, назначенный королемъ „з раменя своего господарьского" [2]); а на берестейскомъ сеймѣ, на которомъ былъ утвержденъ второй статутъ, въ числѣ пословъ жомонтской земли былъ уже тивунъ ойрагольскій подкоморій земли жомоитской панъ Миколай Станькевичъ [3]). Разосланы королевскія грамоты по повѣтамъ къ воеводамъ и старостамъ о введеденіи новыхъ судовъ послѣ общей судовой реформы 1564 и 1565 годовъ, и въ этихъ грамотахъ предписывалось, между прочимъ, и начало дѣйствій подкоморскаго уряда [4]).

Общая реформа всего литовскаго суда, какъ извѣстно, была произведена Бѣльскимъ привилеемъ 1564 года [5]) и была лишь дополнена учрежденіемъ подкоморскаго вряда въ повѣтахъ виленскимъ сеймомъ 1565 года. Эта реформа изъяла повѣтовый судъ изъ-подъ власти воеводъ и старостъ и передала его въ руки отчасти судей, выбираемыхъ шляхтою повѣта и утверждаемыхъ королемъ (земскій судъ), отчасти назначаемыхъ королемъ (подкоморій), и лишь отчасти оставила его въ рукахъ воеводъ и старостъ (гродъ). Это преобразованіе суда превратило его изъ доходнаго права воеводъ и старостъ въ судовый врядъ, имѣющій государственное значеніе. Тогда-то и „всякіе справы земляные", которыя прежде „вряду судейскому подлежали,

---

[1]) „Подкоморый урядникъ земскій". А. Вил., VI, 204.

[2]) А. Вил., XXII, стр. 148.

[3]) Д. М. Арх. Мин. Юст., I, стр. 200.

[4]) Въ королевской грамотѣ въ пинскій повѣтъ (28-го янв. 1566 г.) послѣ приказанія о началѣ дѣйствія земскаго суда читаемъ: „также и подкоморый враду своего потому яко в статуте описано ест, яко се индей в поветех того панства нашого вел. кн. лит. заховати будеть маот ўжывати водлугъ описания порадку розделу судового в новом статуте доложоного". Вил. Центр. Арх. Пинск. гродскаго суда, № 13014, стр. 357.

[5]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 г., VI, стр. 36, 37.

потомъ за становеньемъ подкоморихъ на врядъ подкоморскій преложоны" [1]). Завершеніе этой общей реформы суда и точное опредѣленіе дѣйствія каждаго судоваго уряда было сдѣлано статутомъ 1566 года, опредѣлившимъ кругъ дѣйствія и процессъ въ новыхъ судахъ.

Назначеніе повѣтоваго подкоморія по второму статуту дѣлается королемъ путемъ своего личнаго выбора [2]), хотя шляхта и домогалась уже въ это время права выбора всѣхъ врядниковъ повѣта [3]), какъ она выбирала членовъ земскаго суда. Свое назначеніе король скрѣпляетъ такимъ же привилеемъ, какой имъ выдается при всякихъ пожалованіяхъ и назначеніяхъ на должности. Хотя второй статутъ и говоритъ, что подкоморій назначается на всю свою жизнь [4]), но на самомъ дѣлѣ и тутъ умѣстно было бы помѣстить обычное выраженіе привилеевъ при всякихъ назначеніяхъ: „до живота его або лепшого вывышенья" или „опатренья" королевскаго. Такъ писарь королевскій Андрей Ивановичъ, „будучы забавенъ обецными служъбами нашыми (королевскими) на дворе нашомъ (короля) за возваньемъ его на тотъ врадъ писарства нашого", уже не можетъ „потребамъ и тому суду враду подкоморъскому належачымъ досыть чинити" и добровольно слагаетъ съ себя свою должность новгородскаго подкоморія [5]), хотя прежде секретарство и не мѣшало ему сохранять этотъ врядъ [6]). Такимъ образомъ, если король не лишалъ подкоморія должности, то „вывышенье" его должно было иногда влечь за собою добровольное оставленіе этого вряда. Однако, встрѣчаемъ и явленія обратныя. Подкоморій виленскій панъ Николай Ясенскій, пожалованный 24-го августа 1576 года Стефаномъ Баторіемъ писарствомъ великаго княжества литовскаго [7]), сохранилъ за собою и подкоморство виленское, а затѣмъ, получивши войтовство могилевское, остался и писаремъ, и подкоморіемъ въ то же время [8]). При назначеніи подкоморіевъ такъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, № 148. I.

[2]) II Ст., IV, 70.

[3]) Д. М. Арх. М. Ю., ст. I, стр. 174. 45.

[4]) II, ст. IV, 70.

[5]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 109.

[6]) А. З. Р., III, № 48. IV. (1569 г.).

[7]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. 62, 62 об.

[8]) „Я Миколай Войтеховичъ Ясенский писар его королевское милости великого князства литовъского подкоморы земъли виленъское державца любошанъский войтъ места могилевского водле права майдебурского упривилеваны"—такъ

же, какъ и при назначеніи на другія должности, возможны, конечно, были недоразумѣнія и ошибки. Такъ, дрогичинская шляхта (nobilitas) донесла черезъ пословъ своихъ на гродненскомъ сеймѣ 1567 года: „esse non modicam discordiam et differentiam inter terrigenas et incolas terrae illius Drohiciensis super officio succamerariatus Drohiciensis“, такъ какъ королемъ на должность подкоморія дрогичинскаго назначены были два лица [1]). Оставляя свою должность за недосугомъ отъ работы по другому, вновь полученному вряду [2]), или по старости и болѣзни, подкоморій иногда рекомендуетъ на свое мѣсто другое лицо королю [3]).

Положеніе подкоморія въ повѣтѣ было весьма почтенное. Въ росписаніи повѣтовъ и врядовъ повѣтовыхъ (послѣ преобразованія управленія и суда въ Литвѣ въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка), помѣщенномъ въ Литовской Метрикѣ въ числѣ актовъ 1568 и 1569 годовъ [4]), врядъ подкоморія поставленъ вслѣдъ за врядомъ маршалка

называетъ онъ самъ себя въ актовыхъ книгахъ могилевскаго магистрата. Витебскій Центральный Архивъ. Могилевской губ. Могил. маг. № 2 (актовая) 1578—1579 г. листъ 10.

[1]) Generosus Malcher Nieciecki et Stanislaus Chądzinski, Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 34 об.

[2]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 108 об., 109.

[3]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 58 об. 59.

[4]) Приводимъ имена подкоморіевъ по повѣтамъ: I. *Воеводство виленское:* 1) виленскій повѣтъ—панъ Янъ Левонт (?), 2) ошменскій — панъ Янъ Палускій, 3) вилькомірскій — панъ Голубицкій, 4) браславскій — князь Иванъ Тимоѳеевичъ Крошинскій. II. *Воеводство троцкое*: 1) троцкій повѣтъ—панъ Андрей Дершко. 2) городенскій—панъ Павелъ Котовичъ, 3) ковенскій—панъ Девялтовскій, 4) лидскій—панъ Миколай Олехновичъ, 5) упитскій—панъ Янъ Вольминьскій. III. *Староство Жомоитское* — нашъ документъ не называетъ подкоморія въ этомъ воеводствѣ, но Д. М. Арх. Мин. Юст. I, стр. 200 даютъ имя пана Миколая Станькевича. IV. *Воеводство кіевское*: 1) кіевскій повѣтъ—панъ Малхеръ Носиловскій, 2) мозырскій—панъ Миколай Служка. V. *Воеводство волынское*: 1) повѣтъ луцкій — панъ Михайло Сербинъ, 2) владимірскій — панъ Александръ Богдановичъ Семашко, 3) кременецкій—панъ Олекшій Белецкій. VI. *Воеводство полоцкое*—врядниковъ не показано, очевидно, потому что Полоцкъ и его область были въ это время въ рукахъ Москвы (съ 1563 по 1579 г.). VII. *Воеводство новгородское*: 1) новгородскій повѣтъ—панъ Клюковскій, 2) слонимскій—панъ М. Нарбутъ, 3) волковыйскій—панъ Юрій Юньдель. VIII. *Воеводство витебское:* 1) витебскій повѣтъ—князь Соколеньскій, 2) оршанскій—Григорій Подберезскій. IX. *Воеводство подляшское*: въ бельскомъ повѣтѣ—Богданъ Павловичъ Сопега воеводичъ новгородскій, въ мельницкомъ по *Bonieckiemu* (Poczet rodów, Spis dign. iurz: str. XXI)—

и выше хорунжаго, судьи, подсудка и писаря земскихъ. На сеймикѣ повѣтовомъ подкоморій также лицо замѣтное: его подпись фигурируетъ въ первыхъ рядахъ подписей сеймикующей шляхты [1]) на инструкціяхъ сеймовымъ посламъ и постановленіяхъ сеймиковъ (лявдумъ). Послами сеймовыми также не разъ бывали подкоморіи [2]). И связи подкоморіевъ представляются актами немаловажными. Панъ Война Матфеевичъ Гричинъ, подкоморій земскій повѣта слонимскаго, державца Ожскій и переломскій, былъ въ числѣ печатарей-свидѣтелей, приложившихъ свои печати, дарственной записи воеводы смоленскаго старосты минскаго и пинскаго Василія Тишкевича и жены его ихъ дочкѣ Александрѣ, выданной замужъ за Александра Ходкевича сына Григорія Александровича Ходкевича виленскаго каштеляна гетмана наивысшаго старосты городенскаго и могилевскаго [3]). Встрѣчаются подкоморіи и имѣющіе державы, и не имѣющіе ихъ [4]). Троцкій подкоморій, князь Богданъ Огинскій до 1597 года имѣлъ лишь одну державу [5]), а съ ноября этого года титулуется уже державцою двухъ державъ [6]). Соединеніе въ рукахъ подкоморія другихъ врядовъ съ подкоморствомъ дѣло обычное, при чемъ встрѣчается и соединеніе съ нимъ врядовъ дворныхъ [7]) и врядовъ земскихъ другихъ повѣтовъ [8]). Избѣгалось только, повидимому, сое-

---

Kasper Irzykowicz, а въ дорогицкомъ по Лит. Метр. $\frac{\text{III А}}{8}$ 34 об. — Malcher Niecieсki. X. *Воеводство берестейское*: 1) повѣтъ берестейскій — панъ Доминикъ Пацъ, 2) пинскій — панъ Война Гричина. XI. *Воеводство метиславское* — панъ Миколай Суходольскій. XII. *Воеводство Браславля подольскаго* — панъ Семенъ Дешковскій. XIII. *Воеводство менское*: 1) повѣтъ менскій — панъ Станиславъ Сологубъ, 2) речицкій — панъ Онкией Горностай. Лит. Метр. $\frac{\text{III А}}{7}$ л. 197 об. — 203 об. По списку повѣтовъ въ Лит. Метр. $\frac{\text{III А}}{9}$ л. 186 об. 187, повѣтъ лидскій отнесенъ къ воеводству виленскому, а не троцкому и повѣтъ речицкій — къ кіевскому, а не минскому.

[1]) Примѣръ XVIII вѣка: Heronym Kosowski podkomorzy Mozyrski starosta Domanowski dyrektor seimiku w-wa Wileńskiego. 1712 года. А. Вил., VIII, 852.

[2]) Напримѣръ, Д. М. Арх. М. Юст., I, стр. 200.

[3]) А. Вил., XXII, №№ 631, 637, 639.

[4]) Примѣръ перваго тотъ же Гричинъ, примѣръ второго Александръ Богдановичъ Семашко, подкоморій володимерскій, А. Вил., XXII, № 610.

[5]) Дорсунишскую.

[6]) Передо мною Богданомъ Огинъскимъ, подкоморымъ троцкимъ, державцою дорсунишъскимъ и кормяловъскимъ. Вил. Центр. Архивъ, № 5931, л. 180.

[7]) Напримѣръ, Миколай Ясенскій см. выше.

[8]) Напримѣръ, подкоморій браславскій староста упитскій Лит. Метр. $\frac{\text{III А}}{7}$ л. 141.

диненіе съ врядомъ подкоморскимъ другаго вряда судоваго въ томъ же повѣтѣ; но встрѣчаются примѣры и такого соединенія [1]).

Отъ короля подкоморіи нерѣдко получали различныя временныя порученія, не лишенныя почетности. Самое положеніе ихъ, какъ, такъ сказать, спеціалистовъ по размежеванію и по разбору всей путаницы земельныхъ тяжбъ, дѣлало ихъ наиболѣе подходящими лицами для исполненія обязанностей комиссаровъ и ревизоровъ, хотя отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы подкоморіи были непремѣнными членами каждой земельной комиссіи и ревизіи. Такъ, ревизія полоцкаго воеводства послѣ возвращенія его изъ рукъ Москвы Баторіемъ была произведена въ 1586 году Ѳедоромъ Скуминымъ, подскарбіемъ дворнымъ великаго княжества литовскаго, и Юріемъ Друцкимъ Соколинскимъ, подкоморіемъ витебскимъ [2]), а въ книгахъ подкоморскихъ судовъ весьма многочисленны примѣры комиссарства подкоморіевъ [3]). Но подкоморіи бывали нерѣдко и въ другихъ болѣе важныхъ положеніяхъ при королѣ. Когда потребности турецкой войны [4]) вызвали учрежденіе при королѣ Сигизмундѣ III военной рады варшавскимъ сеймомъ 1590 года, въ составъ ея отъ кола посольскаго вошелъ и Григорій Масальскій, подкоморій Городенскій [5]). Конечно, подкоморій имѣлъ значеніе не самъ по себѣ, а какъ посолъ земскій сеймовый. Предшествующая подкоморству, карьера подкоморіевъ бывала различна. Встрѣчаются указанія, что нѣкоторые изъ нихъ служили прежде во дворѣ королевскомъ [6]), но встрѣчаются и примѣры назначенія подкоморіями простыхъ шляхтичей [7]) и даже повышенія коморника, помощника подкоморія въ этотъ врядъ [8]).

---

[1]) Напримѣръ, подкоморій мстиславскій, справца староства мстиславскаго, панъ Михайло Суходольскій А. З. Р., III, № 109.

[2]) Rewizya całego woiewodztwa Połockiego po odebraniu z nieprzyiacielskich rąk to iest Moskiewskich pod panowaniem króla Stephana Batorego przez Fiedora Skumina podskarbiego dwornego W. X. Litt. a Juria Druckiego Sokolinskiego podkomorzego witebskiego, rewizorow I K Mci Roku 1586. Военно-уч. Арх. Гл. Штаба. Отд. 5, № 78.

[3]) Напримѣръ, А. Вил., VI, стр. 159, 200, 204, 209, 213, 220.

[4]) Объ этой войнѣ см. *J. Szujskiego*. Dieje Polski. III. Kraków. 1895. § 45.

[5]) Volumina legum. II. Petersburg, 1859, str. 306.

[6]) Напримѣръ, панъ Миколай Ясенскій, подкоморій виленскій, „з молодыхъ летъ своихъ будучы у двору при послугах" короля Сигизмунда Августа, „верне, пилне и накладне пану своему и речы посполитой заслуговалъ". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. 62.

[7]) Подкоморіями дрогичинскими были назначены королемъ (ошибочно два одновременно) „duo ex nobilibus terrae illius". Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{8}$ л. 34 об.

[8]) Ibidem, л. 58 об.

Таково было общественное положеніе подкоморія, какъ его рисуютъ законъ и акты. Выше мы видѣли, что его назначеніе принадлежитъ по второму статуту исключительно королю; видѣли мы также, что уже въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка шляхта добивалась права выбора всѣхъ врядниковъ повѣта, какъ она выбирала членовъ земскаго суда. Третій статутъ даетъ право выбора подкоморіевъ повѣтовой шляхтѣ. Король обязанъ давать подкоморство не иначе, „одно за обраньемъ на то певныхъ особъ чотырехъ черезъ обывателей кождое земли и повету" тѣмъ же порядкомъ, какъ и вряда земскаго судоваго. Изъ представленныхъ королю четырехъ кандидатовъ онъ утверждаетъ одного, то-есть, тотъ же буквально порядокъ, какъ и при назначеніи членовъ земскаго суда.

Такое измѣненіе въ способѣ назначенія подкоморія было естественнымъ послѣдствіемъ перемѣны въ положеніи шляхты, происшедшей послѣ заключенія Люблинской уніи и введенія вольной элекціи королей. Если шляхта уже въ 1565 году на виленскомъ сеймѣ домогалась лишенія врядовъ всѣхъ тѣхъ, кто „безъ елекцеи на врядъ поветовый" [1]) напросился бы, то, послѣ признанія суверенитета шляхты въ государствѣ введеніемъ избирательнаго престола, выборъ повѣтовыхъ врядниковъ является дѣломъ совершенно естественнымъ. Не забудемъ, что во время безкоролевья шляхта замѣщала вакантные вряды путемъ своего выбора.

Перемѣна въ способѣ назначенія подкоморія влекла за собою измѣненіе присяги, приносимой имъ предъ врядомъ земскимъ судовымъ повѣта на первыхъ рокахъ судовыхъ земскихъ послѣ его назначенія. Второй статутъ, не указывая даже, что присяга должна быть именно на рокахъ земскихъ, предписываетъ подкоморію, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ исправленію своей должности, присягнуть въ томъ, что „на врядѣ томъ земскомъ подкоморскомъ, который зъ ласки изъ рукъ его королевское милости" беретъ, „его королевской милости господару своему милостивому вѣренъ" будетъ, „справуючи тотъ врядъ вѣрне и справедливе", какъ при судѣ своемъ, такъ и при установленіи границъ, заботясь объ одной лишь справедливости, „и не даючысе ни въ чемъ уводити, а ни приязньею, а ни даромъ", но исправляя свои справы „во всемъ вѣрне" и „пильнѣ" записывая „споры" сторонъ и „усказанье" свое подкоморское [2]).

---

[1]) Док. М. Арх. Мин. Юст., I, стр. 174, 45.

[2]) II статутъ, IV, 70.

Присяга по тексту третьяго статута гласитъ: подкоморій присягаетъ въ томъ, что онъ „на вряде томъ земъскомъ подъкоморскомъ, который з ласки и з рукъ его королевское милости" беретъ, будетъ вѣренъ королю и „*обывателемъ того повету*", исполняя свои обязанности „верне а справедливе", такъ при судѣ своемъ, „яко тежъ при чиненью границъ и при сыпанью копцовъ и поправенью межъ", всегда преслѣдуя одну цѣль—„справедливость светую", не отступая отъ нея ни изъ пріязни и для даровъ, ни изъ страха передъ „погрозками", боясь только одного Бога и всегда „справедливость его светую передъ очима маючи". Клянется подкоморій и справы свои правильно „справуя", споры сторонъ и свое „сказанье" записывать „пильне" въ книги свои судовыя и выдавать выписи изъ этихъ книгъ [1].

Присяга подкоморія вводитъ насъ въ кругъ его обязанностей и функціонированія подкоморскаго вряда. Такъ какъ третій статутъ даетъ окончательное устройство подкоморскому вряду, а время между вторымъ и третьимъ статутами было еще временемъ развитія его, то мы и постараемся обрисовать дѣятельность этого суда въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія. Собственно говоря, третій статутъ лишь систематизировалъ и санкціонировалъ тѣ черты и порядки, которые дала практика подкоморскаго суда, дополнивъ и развивъ въ цѣлый раздѣлъ (IX) одинъ артикулъ (70) четвертаго раздѣла второго статута.

Главный предметъ, подлежавшій компетенціи подкоморскаго суда [2])

---

[1]) III ст. IX, 1. Въ числѣ образцовъ присягъ разныхъ врядниковъ, находящихся въ восьмой книгѣ публичныхъ дѣлъ Литовской Метрики $\left(\frac{\text{III A}}{8}\right.$ л. 2 и сл.$\left.\right)$, приведена и „przysięga podkomorzych ziemskich" (л. 4 об.). Текстъ ея нѣсколько отличенъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ отъ текста и второго, и третьяго статутовъ, но содержаніе ея совершенно сходно съ этимъ послѣднимъ. Составленіе текста присягъ, помѣщенныхъ въ $\frac{\text{III A}}{8}$, нужно относить ко времени послѣ первой элекціи, всего вѣроятнѣе, около третьей елекціи, хотя онѣ и вписаны при переписке Метрики въ книгу съ актами 1566—1572 годовъ. Существенное отличіе текста подкоморской присяги по $\frac{\text{III A}}{8}$ отъ текста ея по III статуту то, что въ немъ нѣтъ присяги обывателямъ повѣта, а лишь королю, что̀ указываетъ ясно на составленіе его до изданія третьяго статута.

[2]) Для изслѣдованія подкоморскаго суда оказалось невозможнымъ ограничиться изученіемъ печатнаго матеріала, и въ основаніе его пришлось положить рукописную книгу подкоморскаго суда (троцкаго) не только потому, что представляются необходимыми дополненіе и провѣрка фактовъ, почерпаемыхъ изъ отрывковъ книгъ брестскаго подкоморскаго суда, напечатанныхъ въ VI томѣ Актовъ Вил. Арх. Комиссіи (стр. 141—235), фактами, рисующими дѣйствія под-

и его разбору—„розницы земляныя и граничныя“ [1]). Подкоморскій судъ долженъ выѣзжать на самый „кгрунтъ“ для разбора дѣла и осмотра границъ и знаковъ граничныхъ, для „довода“ этихъ границъ доказательствами—„мовеньями“, листами и свидѣтелями. При этомъ нерѣдко приходилось суду смотрѣть границы, тянувшіяся на весьма большомъ протяженіи, и такимъ образомъ передвигаться въ теченіи нѣсколькихъ дней съ мѣста на мѣсто. Такой характеръ дѣятельности суда влекъ за собою: 1) отсутствіе постоянной камеры для разбора дѣлъ его и 2) необходимость для подкоморскаго суда быть немноголюднымъ по своему составу, что создавало бы цѣлый рядъ неудобствъ при его передвиженіи и прежде всего значительно удорожило бы его для населенія. Въ самомъ дѣлѣ, весь судъ подкоморскій состоитъ изъ одного лица—подкоморія или замѣняющаго его коморника. Подкоморій или коморникъ его одинъ постановляетъ свое рѣшеніе. Для авторитетности этого рѣшенія, естественно, необходимо было для подкоморія почтенное положеніе въ повѣтѣ, и мы видѣли, что онъ имѣлъ таковое. Въ виду важности дѣлъ „земленыхъ“, какъ дѣлъ объ основаніи осѣлости и правъ землевладѣльцевъ, и въ виду запутанности и трудности ихъ, какъ весьма сложныхъ гражданскихъ дѣлъ, подко-

---

морскаго суда другаго повѣта, но еще болѣе потому, что намъ представляется невозможнымъ изслѣдованіе суда безъ изученія, по крайней мѣрѣ, одной книги его *цѣликомъ*, а не въ отрывкахъ. „Книга троцкаго подкоморскаго суда 1585—1606 г.“, положенная въ основаніе настоящаго изслѣдованія, хранится въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ древнихъ актовъ за № 5931. Всего въ книгѣ 316 листовъ, документовъ 88. Сохранилась книга очень хорошо. Переплетъ сдѣланъ въ 1884 году (обыкновенный, сѣро-мраморной бумаги съ кожанымъ корешкомъ). Предъ каждымъ документомъ находится заглавіе его. Книга подлинная. Спеціальныхъ изслѣдованій подкоморскаго вряда въ Польшѣ въ литературѣ не существуетъ. На нѣкоторыхъ страницахъ общихъ трудовъ по исторіи польскаго права имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о подкоморіяхъ (*X. W. Skrzetuski*. Prawo polityczne narodu polskiego. T. II. Warszawa 1784. str. 400—406. *J. W. Bandtkie Stężynski*. Historya prawa polskiego. Warszawa. 1850. Str. 660, 661. *S. Hüppe*. Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867, s. 272, 273, 299). Тамъ же находятся нѣкоторыя свѣдѣнія о литовскихъ подкоморіяхъ, свѣдѣнія весьма скудныя и далеко не безошибочныя. Въ русской литературѣ о подкоморіяхъ есть у *И. Д. Бѣляева* (Разказы изъ русской исторіи. IV. M. 1872, стр. 425—427)—пересказъ, весьма сокращенный, 70-го артикула IV раздѣла втораго статута, и у *С. М. Соловьева* (Исторія Россіи съ др. вр. Книга II. С.-Пб. 1894 г., стр. 475)—еще болѣе короткій пересказъ того же артикула. См. также предисловіе къ VI тому А. Вил. Арх. К., стр. XIX—XXVI.

[1]) III ст., IX, 2.

морій долженъ быть лицомъ опытнымъ, хорошо осѣлымъ въ повѣтѣ и знающимъ хорошо его границы. Онъ долженъ быть, такъ сказать, спеціалистомъ въ вопросахъ о границахъ. Онъ имѣетъ у себя списокъ границъ повѣта [1]), выданный ему за королевскою печатью изъ королевской канцеляріи [2]).

Мѣста разсмотрѣнія дѣла подкоморскимъ судомъ весьма различны. Бывали случаи, когда подкоморій разбиралъ дѣло въ постоянномъ мѣстѣ своего жительства [3]). Но обыкновенно мѣстомъ суда подкоморскаго являются различныя имѣнія, при чемъ самое разбирательство происходитъ не въ домѣ, а прямо на спорномъ мѣстѣ, подъ открытымъ небомъ. Троцкій подкоморій или коморникъ его разбираютъ дѣла, то „ставъшы на кгрунте сеножати где спор был" [4]), то „на врочыщу в пуще его королевской милости Межирецкой" [5]), то выѣхавъ „тамъ на тот кгрунт помененый поле великое в позве менованое" [6]), то „на местцу певном" въ какомъ нибудь имѣніи, и только изрѣдка встрѣчаются указанія, что дѣло разбиралось „у дворе" [7]). Бывали случаи, что начинался разборъ дѣла въ одномъ мѣстѣ, а продолжался и оканчивался въ другомъ: осмотръ границъ сопровождался вопросами подкоморія о доказательствахъ и дальнѣйшимъ разбирательствомъ дѣла. Время, которое посвящалось разбору дѣла подкоморіемъ, бывало различно. Нѣкоторыя дѣла онъ успѣвалъ разобрать въ теченіе одного засѣданія своего суда, другія приходилось отлагать до слѣдующаго дня по причинѣ „нешпорной годины" [8]), „спозненья" [9]). При томъ отлагать дѣла, разобрать которыя не хватило одного дня,

---

[1]) III ст., IX, 8.

[2]) Списки границъ, находившіеся въ королевской канцеляріи, сохранились въ Литовской Метрикѣ: „Списанье поветовъ и границъ". Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 117—125. См. также изданное г. *Сапуновымъ* описаніе границъ витебскаго воеводства, заимствованное изъ этого „Списанья" (*А. Сапуновъ*. Витебская старина. IV. Витебскъ. 1885. I, стр. 251).

[3]) Напримѣръ, Богданъ Огинскій, подкоморій троцкій, державца дорсунишскій, разбираетъ дѣло „в Дорсунишкахъ у дворе его королевское милости". Тр. Подк. с. № 5931, л. 40, 41.

[4]) Ibidem, л. 5.

[5]) Ibidem, л. 157.

[6]) Ibidem, № 41.

[7]) Напримѣръ, „у дворе Стревеницком в повете троцкомъ лежачом обу двух панов Раецких сполном". Ibidem, л. 176.

[8]) А. Вил., VI, стр. 153.

[9]) Ibidem, стр. 145.

приходилось не только потому, что „спозненье“ и неудобства пути, въ родѣ „лихихъ не перебитыхъ болотъ“ [1]), заставляли это сдѣлать, но и потому, что стороны на судѣ спорятъ иногда предъ подкоморіемъ по нѣскольку дней [2]).

Въ своихъ справахъ подкоморій дѣйствуютъ „моцью зверхности“ королевской, какъ и всѣ суды, и „владзою уряду своего“ [3]). „Моцью права посполитаго изъ владзы враду моего подкоморского“, говоритъ о своемъ рѣшеніи подкоморій [4]), или „моцью зверхности господарское, права посполитого и враду моего подкоморского“ [5]). Позвы сторонамъ на свой судъ подкоморій выдаетъ подъ своимъ именемъ и печатью и за своею подписью [6]). Каждый „рокъ“ выѣзда подкоморія на спорное

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem, стр. 146.

[3]) III ст., IX, 2.

[4]) А. Вил., VI, стр. 199.

[5]) Ibidem, стр. 158.

[6]) Приводимъ образецъ подкоморскаго позва. „От Богдана Матфеевича с Козелска подкоморого троцкого державцы дорсунишъского земянъце государьской повету ковенского Миколаевой Шышковича Войзбуновой Едвизе Яновъне и сыном ее, также земяном повету ковенского Лукашу а Якубу Миколаевичомъ Войзбуномъ. Што которую справу межи вами за жалобою земенина государьского повету троцкого пана Павъла Жука о кгвалтовное наехане особъ вас самых на сеножат того Павъла Яновича Жука именя его Медъкшътянъского, у повете троцкомъ лежачого, называемое Ейнаришъку и покошенъя на ней сена петдесят возовъ и на иншые шкоды, на тыхъ кгрунтехъ Ейнарискихъ от вас починеныхъ, суд земъский троцкий в року прошломъ тисеча пят сот осмдесят шостомъ на рокахъ земъскихъ, о светом Михале отправованых, за спорами обеюхъ сторонъ вас и причынами такими, иж дей вы меняли перед судом земъскимъ тую сеножат зынъшыми кгрунтами при кгрунтех Кгрутишких собе подануюбыти от судъи кгродского троцкого пана Яна Стравинъского, а тот дей Павел Жук поведил, иж судя тот вамъ подал меновите кгрунт толко Кгрутишъкий, а не Ейнаровъскій, которое мовенъе вашое ширей на листе суду земского троцкого описано естъ, и не конъчечи того на главъномъ суде, одослали тую реч на узнанъе мое. Зачым з апеляцыею вашою и суд трыбуналский ухвалилъ тот суд земский троцкий, а иж дей судя земский троцкий панъ Богданъ Сапега в року теперешнем семдесят осмом месеца июля двадцат осмого дня съ тыхъ всих кгрунтовъ Кгрутишъких и з тое сеножати и зынъшых кгрунтов всих вывезал и Павлу Жуку подал, про то Павел Жукъ водле одосланъя суду земского троцкого хотечи правне показати тую разность межи кгрунтами Ейнаровскими и Кгрутишъкими, з вами о то очевисто мовсти хочет; зачым приказую вамъ, штобы есте сами передо мною, або перед коморником моимъ троцкимъ на той сеножати, которую онъ менит Ейнаровскую, а вы мените быти подануюот суди собе кгродского троцкого, с которых тепер вас вывезано, и тамъ ся всяких доводов правных

мѣсто долженъ быть „завжды завитымъ“ [1]), то-есть, окончательнымъ. Этимъ законъ предупреждаетъ напрасные при неявкѣ сторонъ выѣзды суда. Такое значеніе „рока“ подкоморія дѣлаетъ необходимою весьма большую заботу о заблаговременномъ извѣщеніи сторонъ о днѣ подкоморскаго суда. Выѣздъ подкоморія для суда на мѣсто долженъ назначаться черезъ шесть недѣль послѣ врученія позвовъ „такъ очевистого, яко заочнаго“ [2]). При этомъ позвы подкоморскіе дѣйствительны не болѣе, какъ на годъ отъ взятія ихъ отъ подкоморія до врученія сторонѣ. Если кто нибудь, взявши позвы подкоморскіе, „до году ими не позоветъ“ [3]), долженъ потомъ взять у подкоморія новые позвы. Однако, требуя „завитаго“ рока для выѣзда подкоморскаго, законъ находитъ возможнымъ принять во вниманіе невозможность иногда для стороны явиться на „рокъ“ и признаетъ для такой неявки законными двѣ причины: „обложоную хоробу“ и „послугу (нашу) господарскую и речы посполитое“ [4]). О невозможности явиться на судъ въ назначенный день необходимо дать знать „яко наборздей быти можеть подъкоморому и сторонѣ“, чтобы они „року не пильновали“. Тогда подкоморій долженъ перенести „рокъ“ на другой день за тѣми же старыми позвами и извѣстить о вновь назначенномъ рокѣ сторону чрезъ того же посланнаго ея, который принесъ ему извѣстіе о невозможности для тяжущагося явиться на судъ. При этомъ соблюдается тотъ же шестинедѣльный срокъ, который требуется и при назначеніи перваго рока. Другой сторонѣ уже эта заявившая подкоморію о своемъ „нестаньѣ“ и получившая его листъ съ „преложеньемъ року“ сторона, должна дать знать о назначеніи новаго времени для разбора дѣла и при томъ сдѣлать это заблаговременно, „покладаючы черезъ возного копею з листу подъкоморого на томъ именью, с которого споръ о землю идеть“ [5]). Но заболѣть тяжущійся можетъ такъ незадолго до дня разбора дѣла, что онъ не успѣетъ уже извѣстіемъ о своей неявкѣ предупредить выѣздъ подкоморія. Въ такомъ случаѣ „и на самомъ року может такое отрочепье ити“, и подкоморій

прислухали от подания через возного сего позву моего за чотыри неделя. Писанъ у Кроняхъ лета от нарожения сына божего тисеча пятсот осмдесят осмого месеца июля двацат второго дня“. Тр. Подк. С. № 5931, л. 5, 5 об.

[1]) III ст., IX, 5.

[2]) III ст., IX, 2.

[3]) Ibidem.

[4]) III ст., IX, 5.

[5]) III ст., IX, 5.

долженъ назначить другой день для своего суда. Въ доказательство дѣйствительности своей болѣзни неставшая на первый рокъ сторона должна на новомъ рокѣ „первей водлугъ статуту прысегою правдивою обложоное хоробы своея довести"; если же имѣетъ мѣсто случай болѣзни, приключившейся тяжущемуся передъ самымъ рокомъ, такъ что онъ не успѣлъ дать о ней заблаговременно извѣстія и тѣмъ заставилъ подкоморія и сторону напрасно выѣхать на мѣсто, то присяга требуется и въ этой невозможности извѣщенія и времени болѣзни. Способъ доказательства „послуги" земской, или государевой, какъ причины „нестанья" гораздо проще—нужно только предъявить о ней листы государевы. Въ случаѣ, если причина, признаваемая статутомъ уважительною, не будетъ доказана приведеннымъ выше способомъ, не явившаяся на судъ сторона „речъ свою тратить", и подкоморій „безъ доводу" рѣшаетъ дѣло въ пользу стороны, „року пилнуючой". Если не явившійся по уважительной причинѣ на судъ не можетъ по болѣзни явиться и на новый рокъ, онъ обязанъ прислать за себя своего „умоцованаго" и черезъ него „права пиленъ быти", его особою становиться на мѣсто и принять „росправу водлугъ права". Если „сказана будетъ" судомъ этому „хорому" присяга, то его „свѣтки" должны присягнуть передъ подкоморіемъ на мѣстѣ, самъ же онъ присягаетъ у себя дома передъ вознымъ и двумя шляхтичами, которыхъ „упроситъ" на это „хорая" сторона; сторона противная также можетъ при этой присягѣ имѣть своихъ вознаго и посланцевъ. Присяга такого больнаго должна быть какъ въ томъ, что онъ дѣйствительно „хоръ былъ и естъ хоръ", такъ и по существу содержанія спорнаго дѣла. Въ случаѣ отказа дать такую присягу, не явившійся на рокъ „речъ свою тратить" [1]). Не всегда, однако, требовали такой присяги отъ неявившагося. Такъ, коморникъ Янъ Совковичъ, высланный троцкимъ подкоморіемъ „для прислуханья прысеги" пана Урбана Петровича Хрущоновича, которой онъ по болѣзни не могъ принести въ свое время (присяги—„на кгрунтъ тот, о который спор шол"), прибылъ для исполненія этого порученія, и панъ Урбанъ Хрущоновичъ, „яко на хоробе такъ и на тот кгрунтъ прысегу выконати готов былъ", но сторона освободила его отъ присяги [2]).

Кромѣ болѣзни и службы государевой или земской, можетъ быть и другая невозможность явиться на рокъ подкоморскій — совпаденіе

---

[1]) III ст., IX, 5.

[2]) Тр. подк. С. № 5931, л. 270 об.

этого рока съ временемъ разбирательства въ другомъ повѣтѣ или судѣ дѣла того же лица, которое позвано на судъ подкоморія. Статутъ не разрѣшаетъ вообще принимать такихъ „обмовъ" на судѣ подкоморскомъ, „яко на року завитомъ". Исключеніемъ являются только два случая: 1) если тяжущійся позванъ на то же время предъ подкоморскій же судъ другаго повѣта также „о кгрунтъ земленый" на рокъ „завитый", при томъ „о речъ большую важнейшую" и 2) если съ разбирательствомъ дѣла подкоморскимъ судомъ совпадаетъ судъ надъ тяжущимся въ гродскомъ судѣ въ такомъ преступленіи, „где о горло идетъ", то-есть, грозитъ смертная казнь. Сверхъ того, признаваемымъ закономъ основаніемъ для „нестанья" на судъ подкоморія служитъ поѣздка на сеймъ, все равно въ качествѣ члена ли его, то-есть, посла сеймоваго, или сенатора, или для суда королевскаго, назначеннаго на время сейма. Разумѣется, на новомъ „року" подкоморскомъ требуется въ такомъ случаѣ предъявленіе „сведецьства на писме слушнаго" за печатью королевской, удостовѣряющее пребываніе на сеймѣ неявившагося на первый подкоморскій рокъ [1]).

Изъ разсмотрѣнія основаній для невки на судъ подкоморскій нельзя не замѣтить большей заботы закона о предупрежденіи „нестаній" на этотъ судъ, чѣмъ на другіе обычные суды. Въ самомъ дѣлѣ причиною неявки признается лишь дѣйствительная *невозможность* явиться и совсѣмъ не принимается во вниманіе *опасность* поѣздки тяжущагося на судъ: моровое повѣтріе, считающееся уважительною причиною для неявки на роки другихъ судовъ [2]), не имѣетъ мѣста въ отношеніи подкоморскаго разбирательства, какъ „рока завитаго". При этомъ первый статутъ еще признаетъ его и для „роковъ завитыхъ" [3]).

Итакъ рокъ подкоморія вообще признается статутомъ „завитымъ", то-есть, окончательнымъ [4]). Какія же дѣла подлежатъ „розсудку" подкоморія? Дѣла о „кгрунтахъ", то-есть, о недвижимыхъ имуществахъ, границахъ ихъ и правахъ на нихъ. „Кгрунты" могутъ быть двухъ родовъ: „кгрунты земленые" и „кгрунты водяные". Дѣла, разбираемыя подкоморіемъ, идутъ на его разборъ по отосланію ихъ къ нему отъ другаго суда того же повѣта (земскаго, гродскаго), или отъ суда высшаго, трибунальскаго. Подкоморію пересылается дѣло

---

1) III ст., IX, 5.
2) III IV ст., 28; ср. ibidem, 42.
3) I ст., VIII, 3.
4) III ст., IV, 42.

другимъ судомъ „на осуженье и на сконченье“ [1]), для опредѣленія границъ и для приведенія къ присягѣ на спорномъ мѣстѣ. Брестскій подкоморій въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій разбираетъ дѣла „за декретомъ земскимъ“ [2]), „за отосланьемъ отъ суду земского Берестейского“ [3]), „за декретомъ головнымъ трибунальнымъ в року прошломъ 1602 выданымъ“ [4]). Если суды гродскій [5]), земскій или трибунальскій не могутъ рѣшить дѣла безъ разсмотрѣнія его на спорномъ мѣстѣ, они отсылаютъ его подкоморію.

Наѣздъ на имѣніе и иски по возмѣщенію убытковъ отъ него, „кгвалты“ въ имѣніяхъ нерѣдко соединялись со споромъ о границахъ того или другаго имѣнія, а въ этомъ вопросѣ нельзя было обойдтись безъ „розсудка“ подкоморскаго. Но иногда все спорное дѣло сводится къ опредѣленію границы. Къ вопросу о границахъ не присоединяется совершенно ни преступленій уголовныхъ, ибо споръ о границѣ не обострился до преступленія, ни другихъ гражданскихъ исковъ, ибо спорящія стороны не успѣли еще нанести другъ другу имущественнаго ущерба,—въ такихъ случаяхъ подкоморскій судъ есть судъ „належный“, которому подлежитъ рѣшеніе дѣла непосредственно, и тяжба возникаетъ прямо предъ этимъ судомъ. Хотя законъ и говоритъ о дѣятельности подкоморскаго суда лишь за отосланьемъ къ нему справы другимъ судомъ [6]), хотя дѣйствительно, обыкновенно, и начинаетъ свои дѣйствія подкоморій лишь послѣ такого „отосланья“, но акты знаютъ о случаяхъ „зачатья (тое) всее справы передъ судомъ (моимъ) подкоморскимъ“ [7]), да и самъ ста-

---

[1]) III ст., IX, 21.

[2]) А. Вил., VI, стр. 149.

[3]) Ibidem, стр. 150, 223, 230, 233.

[4]) Ibidem, стр. 222.

[5]) Напримѣръ, „за отосланем от суду кгродского троцкого тое справы на суд мой подкоморский о выбите зъ спокойного держаня зъ кгрунту Островановенов и о попсоване и вырубане знаков граничных и о бои и кгвалты на том кгрунте сталые“. Тр. Подк. с. № 5931, л. 195 и об. Еще примѣръ: „точила ся справа на року припаломъ за позвы его милости пана подкоморого троцкого дня звышъ менованого з отосланья суду земского троцкого в року минуломъ осмьдесят шостом (1586) з роковъ земскихъ, которые се отправовали о светомъ Михале святе римъскомъ, и ухваленья того суду земского с трибуналу в сем году осмьдесит осмом отправованых в месте виленъскомъ“. Тр. Подк. с. № 5931, л. 5.

[6]) III ст., IX, 2.

[7]) А. Вил., VI, стр. 148.

тутъ трактуетъ подкоморія, не только какъ судъ, но и какъ вообще врядъ, вѣдавшій и охранявшій границы имѣній [1]). Кромѣ того, самъ статутъ говоритъ о возможности вчинанія такого иска прямо передъ подкоморіемъ, постановляя: „хто бы на чыей земли збожье якое колвекъ безъ ведомости оного, чый кгрунтъ, посеялъ", тогда владѣлецъ этой земли беретъ у вряда земскаго или гродскаго „листъ заповедный" и запрещаетъ черезъ вознаго и сторону при немъ (два шляхтича) этимъ листомъ „врядовымъ" снятіе со спорнаго поля посѣва; а „по той заповеди" самъ „маетъ сторону свою противную на далей за шесть недель позвы подкоморого ку росправе о тую землю позвати" [2]). Такимъ образомъ, судъ начинается непосредственно передъ подкоморскимъ урядомъ, а гродъ или земство въ данномъ случаѣ даютъ лишь охрану спорному имуществу (посѣвъ) до разрѣшенія дѣла. Подкоморій, однако, зорко присматривается къ составу иска и выдѣляетъ изъ него тѣ части, которыя подлежатъ другому суду. Такъ Янъ Шуйскій, подкоморій воеводства Берестейскаго, присуждая спорный „кгрунтъ" пану Лукашу Коптю, выдѣляетъ изъ справы дѣло „о забитье Миколая Зубрицкаго" (шляхтича) и отсылаетъ его „до суду належного", а „шкоды", причиненныя на спорной землѣ, „сказываетъ", то-есть, присуждаетъ, „заховуя" притомъ о части этихъ убытковъ „вольное мовенье" пану Коптю „у права належного" [3]). Дѣло иногда довольно долго переходило изъ суда въ судъ, пока, наконецъ, не попадало на „розсудокъ" подкоморія. Къ подкоморію берестейскому, напримѣръ, поступила на пана Могильницкаго жалоба трехъ земянъ, „участниковъ" имѣнія Горбова, въ томъ, что онъ „съ половицы тое рѣки Крсны (которая отдѣляетъ имѣніе Горбово отъ имѣнія жены пана Могильницкаго), кгрунту водяного, отъ имѣнья ихъ Горбова спокойнаго держанья и уживанья кгвалтовне выбилъ и ловенья рыбъ и уживанья вшелякихъ пожитковъ въ той рѣцѣ, яко спольной, граничной, надъ право дѣдичное и посполитое имъ заборонилъ" [4]). Панъ Могильницкій умеръ, не успѣвъ „росправиться". Вдова его продолжаетъ его дѣйствія по отношенію къ сосѣднему имѣнію. Участники Горбовскіе тогда, „учинивши поступокъ правный", позвали ее предъ судъ земскій берестейскій, который, однако, оправ-

[1]) III ст., IX, 18.

[2]) III ст., IX, 22. Прекрасный примѣръ примѣненія этого артикула статута находится въ книгѣ Тр. Подк. с. № 5931, лл. 291, 292.

[3]) А. Вил., VI, стр. 158.

[4]) А. Вил., VI, стр. 222.

далъ ее. Тогда истцы позвали ее передъ тотъ же судъ, какъ „опекунку" дочери ея, вмѣстѣ съ послѣднею. „Умоцованый" пани Могильницкой, недовольный рѣшеніемъ суда, невыгоднымъ для нея, требуетъ апелляціи въ трибуналъ. Земство отказываетъ, но пани Могильницкая „позвала" предъ трибуналъ самый земскій судъ и „участниковъ" Горбовскихъ, обвиняя въ недопущеніи апелляціи. Судъ трибунальскій отослалъ „участниковъ Горбовскихъ водлугъ зачатое справы зъ нею самою пани хоружиною (то-есть, Могильницкою) о тую рѣку Крсну до враду (моего) подкоморского правне чинити" [1]). Время, прошедшее въ этихъ странствованіяхъ справы по судамъ, соотвѣтствуетъ пути, пройденному имъ: нарушеніе правъ своихъ сосѣдей было сдѣлано паномъ Могильницкимъ 13-го марта 1591 года, а подкоморій выѣхалъ для разбора дѣла 10-го марта 1603 года. Иногда подкоморій, постановляя свое рѣшеніе, оставляетъ за стороною право обратиться съ частями иска къ другимъ судамъ, „заховуетъ" ей „вольное мовенье" передъ другимъ судомъ [2]).

Въ дѣлѣ, которое подлежитъ разсмотрѣнію подкоморія, непремѣнно находится вопросъ о границахъ, но содержаніе самыхъ дѣлъ разнообразится, хотя, конечно, напрасно искать въ книгахъ подкоморскихъ судовъ того разнообразія, которое встрѣчаемъ въ книгахъ другихъ повѣтовыхъ судовъ, то-есть, земскихъ и особенно гродскихъ. Въ числѣ дѣлъ, которыя смотрѣлъ троцкій подкоморскій судъ въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, бывали: нарушенія границы проданнаго имѣнія [3]), „зраненье и кгвалтовное пограбене врадника слугъ бояр и подданыхъ..... на добровольной дорозе" [4]), „кгвалтовныя нашествія" на „езы" [5]), „розсуженя розниц межи земляны..... зъ стороны кгрунту поля великого и зъораня межы" [6]), „зодране и пооране межы сеножати" [7]), дѣйствія подкоморскаго уряда „за ужываньемъ прозбы..... на заведене границъ" [8]) имѣнія, „выбите зъ покойного держаня з двух нив" [9]), „кгвалтовное пооране и жытом по-

---

[1]) Ibidem, 223.
[2]) А. Вил., VI, стр. 158, 228, 229.
[3]) Тр. Подк. с. № 5931, лл. 7—12.
[4]) Ibidem, л. 55—58.
[5]) Ibidem, л. 105—108.
[6]) Ibidem, л. 130—135.
[7]) Ibidem, л. 149—150.
[8]) Ibidem, л. 147—148.
[9]) Ibidem, л. 172—175.

сеене" [1]), „довоженье границъ" [2]) и т. п.—то-есть, дѣла, которыя возникаютъ изъ умышленнаго или неумышленнаго, намѣреннаго или случайнаго нарушенія границъ или незнанія ихъ.

Такъ какъ земли, лежащія въ повѣтѣ, могутъ быть и шляхетскими и нешляхетскими, то и лица, стоящія на судѣ подкоморскомъ, судѣ, опредѣляющемъ границы имѣній, не могутъ принадлежать къ одному сословію. Судъ граничный не можетъ быть сословнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; онъ могъ бы быть таковымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы можно было раздѣлить государство на большіе районы и внутри каждаго изъ нихъ допустить землевладѣніе лишь одного сословія. Поэтому и на подкоморскомъ судѣ встрѣчаемъ не исключительно шляхту повѣта съ ея справами, хотя она представляетъ изъ себя громадное большинство лицъ, приносившихъ свои тяжбы на „розсудокъ" подкоморія. 19-го августа 1590 года троцкій подкоморій Богданъ Огинскій разбиралъ, выѣхавъ на „кгрунтъ", спорное дѣло между священникомъ троцкимъ Василіемъ Федоровичемъ и татариномъ государскимъ троцкаго повѣта Айсою Ахметовичемъ [3]). 12-го сентября 1592 года берестейскій подкоморій Николай Пацъ разбиралъ дѣло земянъ берестейскихъ и архимандрита кобринскаго монастыря Іоны Гоголя [4]), извѣстнаго дѣятеля церковной уніи. Комиссары, высланные королемъ (Григорій Война каштелянъ берестейскій, Янъ Шуйскій, подкоморій берестейскій, и Мальхеръ Райскій, дворянинъ королевскій), разсматривали въ 1599 году дѣло по жалобѣ мѣщанъ берестейскихъ на пана Ивана Брозовскаго, обвиняемаго ими въ держаніи „кгрунтовъ або волокъ мѣстскихъ" [5]), и разборъ дѣла записанъ въ книги берестейскаго подкоморскаго суда. Въ тѣхъ же берестейскихъ подкоморскихъ книгахъ находимъ и разборъ ревизорами спора подданныхъ государскихъ села Орѣхова съ подданными государскими села Шацка [6]). Но это—исключенія. Притомъ, обыкновенно, это дѣла, разбираемыя не подкоморіями, какъ урядомъ, а комиссарами при ихъ участіи. Изъ всѣхъ разбирательствъ троцкаго подкоморскаго суда за время съ 1585 по 1606 годъ

---

[1]) Ibidem, л. 198—199.

[2]) Ibidem, л. 251—260.

[3]) Тр. Подк. с. № 5931, л. 49—52.

[4]) А. Вил. VI, стр. 147—149.

[5]) Ibidem, стр. 159.

[6]) Инстигаторъ именемъ однихъ, подстаростій именемъ другихъ. А. Вил., VI, стр. 142—147.

только одинъ разъ выдѣляется изъ другихъ справъ разборъ подкоморіемъ справы священника съ татариномъ, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ тяжущимися являются лишь земяне и паны. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что татары государскіе служили земскую военную службу, становясь подъ свои татарскія хоругви, какъ и шляхта во время посполитаго рушенья. Разборы дѣлъ нешляхты подкоморскимъ судомъ были исключеніями и, обыкновенно, могли имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если хотя одною стороною изъ тяжущихся былъ шляхтичъ. Да и нужду въ обращеніяхъ къ подкоморскому суду сельчане и мѣщане имѣли только при опредѣленіи границъ своихъ земель съ имѣніями шляхты, такъ какъ границы земельныхъ надѣловъ отдѣльныхъ крестьянъ опредѣлялись волоками, которые провѣрялись ревизорами и раздавались державцами, споры же о границахъ мѣщанскихъ земель между мѣщанами разсматривали мѣстскіе уряды и мѣстскіе суды.

На судѣ подкоморія и сторона „поводовая", или „жалобная", и сторона „отпорная", обыкновенно, становятся „обличне", хотя встрѣчаются и замѣщенія сторонъ черезъ „умоцованыхъ". Бывали, конечно, случаи и неявки на судъ. Такъ, панъ Николай Сапѣга, воевода витебскій, староста велижскій и суражскій, вызванный предъ берестейскій подкоморскій судъ, „яко самъ не сталъ, такъ и жадное вѣдомости нестапья своего" подкоморію и сторонѣ „не ознаймилъ" [1]). Мы уже знаемъ, какъ строго каралъ законъ подобныя „нестанья", и подкоморій, несмотря на замѣтную свою склонность къ пану воеводѣ витебскому, для котораго онъ даже отложилъ на день разборъ дѣла, все-таки долженъ былъ его „здать на упадъ въ речи водле права и позву" [2]). Вмѣсто себя стороны иногда посылаютъ на подкоморскій судъ своихъ повѣренныхъ, „умоцованыхъ", какъ это бываетъ и передъ другими судами. Умоцованый долженъ имѣть „моц зуполную в той справе на зыскъ и страту даную" [3]) отъ своего довѣрителя. Въ качествѣ повѣренныхъ на подкоморскомъ судѣ, какъ и на другихъ судахъ, встрѣчаются и умоцованые служебники-шляхтичи [4]), и умоцованые пріятели [5]), и просто умоцованые безъ болѣе подробнаго

---

[1]) А. Вил., VI, стр. 152.
[2]) А. Вил., VI, стр. 153.
[3]) Тр. Подк. с. № 5931, л. 84.
[4]) Напримѣръ, Тр. Подк. с. № 5931, л. 105.
[5]) Напримѣръ, ibidem, л. 109.

опредѣленія ихъ отношеній къ довѣрителю [1]). Для признанія умоцованаго довѣреннымъ лицомъ тяжущагося и допущенія его къ слушанію разбирательства и участія въ немъ требуется „листъ умоцованый", удостовѣряющій данное ему стороною полномочіе. Но можетъ быть и другой способъ удостовѣренія „моци": личное заявленіе тяжущагося передъ подкоморіемъ [2]). Встрѣчаются и примѣры веденія дѣла черезъ умоцованаго стороною, стоящею тутъ же на судѣ [3]). Противъ умоцованыхъ иногда предъявлялись протесты. Такъ, панъ Миколай Ясенскій подкоморій земли виленской и писарь королевскій при разборѣ „за росказаньемъ короля" треня подкоморіями (троцкимъ, вилькомирскимъ и браславскимъ — въ качествѣ коммиссаровъ) спорнаго дѣла его съ Онисифоромъ Петровичемъ, митрополитомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Руси, протестовалъ противъ присылки митрополитомъ на разборъ дѣла въ качествѣ своего умоцованаго „за моцю зуполною" намѣстника его Шешолскаго и Крощенкаго пана Григорія Хорелскаго. При этомъ панъ Ясенскій „мовилъ, ачъ дей мамъ до оселости того умоцованого мовити, бо не мевъшы перед тым тут в Шешолях межы нами оселости а тепер кгрунътовъ и озер шешолских безправъне забравъшы в праве и за позвы сомъною стоит. ведже дей абы справа на тот час в далшое затрудненъе не приходила, а его милость отец митрополитъ его за врядника и оселого у великомъ князстве литовъскомъ признавает. давъшы ему моц зуполную на зыскъ и страту тогды дей, то собе варуючы, абы то праву моему не шкодило, и то тежъ собе варую иж тут яко на року завитом а идет о реч великую а кгрунтовъную мела бы сама особа, а не через умоцованого становитися а то с тое причыны, иж где бы на вказ и на довод через присегу пришло, на том сама особа

---

[1]) Напримѣръ, „од ее милости паней Миколаевое Кмичыное Тehоновецкое, воеводиное подляское старостиное дорогицкое и белское паней Барбары Ярониловны Ходкевичовны умоцованый за листом умоцованым од ее милости земенин государский повету лидского пан Ян Рыло Быковский". Тр. Подк. с. № 5931, л. 239.

[2]) Напримѣръ, ставши „на кгрунтѣ" передъ подкоморіемъ „будучы стороною поводовою земяне государские повету троцкого панове Ленартъ Павел Крыштофъ Лаврынъ а Урбанъ Хрущоновичы, поднесшы позвы мои подкоморские, которыми позвали земенина государского повету троцкого папа Яна Михайловича Ефреймовича" и жену его, послѣ „прыволанья" вознымъ отвѣтчиковъ и „становенья" ихъ передъ судомъ „дали в справе правне вступовати моц зуполную на зыскъ и страту умоцованому прыятелю своему земенину государьскому повету троцкого пану Балтромею Рондолянскому". Тр. Подк. с. № 5931, л. 261.

[3]) А. Вил., VI, 230.

позваная, а не умоцованый подлежати мает водлуг артыкулов второго и шостого о розделе девятом" [1]).

Бывали и соединенія на судѣ однимъ лицомъ въ своей особѣ нѣсколькихъ значеній. Такъ, панъ Ярошъ Каспоровичъ Ижыковичъ, сынъ подкоморинои мельницкой сталъ на судѣ подкоморскомъ 1) самъ отъ себя, 2) какъ умоцованый „от братьи своее рожоное" и 3) какъ опекунъ „братьи своее рожоное ж молодшое лѣтъ еще не маючихъ" [2]). Въ числѣ лицъ, тяжущихся предъ подкоморіемъ, нерѣдко встрѣчаемъ прежнихъ владѣльцевъ имѣній, уже продавшихъ ихъ другимъ лицамъ, утратившихъ такимъ образомъ свои права на имѣніе, но не освободившихся въ силу условія покупки отъ обязанности хлопоть по нему. Дѣло въ томъ, что въ купчихъ, продажныхъ и дарственныхъ крѣпостяхъ передающій свое имѣніе другому лицу не только вырекается своихъ правъ на него за себя и за всѣхъ „кревных и повиноватыхъ" своихъ, но часто даетъ еще такія обязательства: „естли бы хто кольвекъ потомковъ блискихъ, кровныхъ и повиноватыхъ моихъ, буд тежъ хто з людей обчихъ в тые именья ..... во вьси, або в которую ихъ част, властность, приналежность и пожитокъ ихъ чимъ кольвекъ уступовалъ и зъ моцы и держанья панее малъжонки моее (которой дарятся эти имѣнія) потомковъ, або того, хто бы за записомъ ее тые именья державъ, выймовалъ, або до права ихъ о то потягивалъ, тогды я самъ маю и буду повиненъ, а по мне потомкове, блиские, кровные и повиноватые мои мають и будуть повинъни у кожъдого права, где ихъ милости потреба укажеть, заступовати и своимъ властнымъ накладомъ ихъ милости то очыщати и на то накладати, такъ якобы ихъ милость на томъ ничого не шкодовали" [3]). Ясны причины внесенія въ документъ такихъ обязательствъ для передающаго свои права на имѣніе. Гарантированіе осуществленія правъ собственности и владѣнія, а не простая передача ихъ документомъ давали возможность покупателю или одаряемому спокойно принимать въ свои руки имѣніе, не требуя отъ прежняго владѣльца всѣхъ документовъ на него, которые далеко не всегда бывали въ порядкѣ, да и части передаваемаго имѣнія, вѣдь, могли быть еще спорными между его владѣтелемъ и другими лицами. Понятно, поэтому, желаніе пріобрѣтавшаго имѣніе видѣть такое обязательство внесен-

---

[1]) Тр. Подк. с. № 5931, л. 13 и сл.

[2]) Ibidem, л. 53.

[3]) Лит. Метр. $\frac{1\ A}{57}$ л. 57.

нымъ въ документъ гражданской сдѣлки. Акты подкоморскихъ судовъ сохранили примѣры подобныхъ „очищеній" отъ притязаній и исковъ на проданныя или переданныя имѣнія прежними владѣльцами и ихъ „кровными". Напримѣръ, 17-го сентября 1603 года передъ троцкимъ подкоморіемъ „зъ стороны жалобливое" стали „потомки земян государских повету троцкого Бутевичов земяне государъскые тогож повету троцкого Валентынъ Балтромеевичъ Матеевича а Амброжей Миколаевич Жыдовича Бутевичы въ справе через продков их Бутевичов зачатой, яко дедичы и заставцы ку довоженю границ и очыщаню кгрунтов од продков их Бутевичов его милости пану Крыштофу Парушевичу проданых" [1]).

Дѣло передъ подкоморскимъ судомъ начинается слѣдующимъ образомъ. Послѣ полученія подкоморіемъ дѣла, пересланнаго ему отъ другаго суда, или послѣ заявленія о немъ предъ подкоморіемъ стороною, если дѣло возникаетъ непосредственно передъ подкоморскимъ урядомъ, подкоморій выдаетъ свои позвы „по стороны". Вручаются эти позвы черезъ повѣтоваго вознаго, при чемъ требуется, чтобы это врученіе состоялось за шесть недѣль до „рока" выѣзда подкоморія на спорное мѣсто; необходимо также, чтобы не было сомнѣнія въ полученіи позвовъ стороною, такъ какъ въ противномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о преступности „нестанья" ея на судъ. Полученіе стороною позва доказывается „сознаньемъ" вознаго [2]), или выписью этого „сознанья" изъ книгъ, или же „сознаньемъ", которое подтверждается „прызнаньемъ очывистымъ" самого вознаго [3]). Въ случаѣ „преложенья", перенесенія „рока" подкоморскаго суда на другое время стороны извѣщаются подкоморіемъ черезъ открытый, незапечатанный, „отвороный листъ" его, который везетъ возный [4]). Позвы подкоморія надписываются его именемъ, подписываются его рукою и скрѣпляются его печатью [5]). По прошествіи установленнаго шестинедѣльнаго срока

[1]) Тр. Подк. с. № 5931, л. 239 и сл.

[2]) Напримѣръ, „на року за позвы моими подкоморскими припалом, которых позвов поданем и сознанем возного енерала повету троцкого Михала Коклины передо мною довел .....". Ibidem, л. 176.

[3]) Ibidem, л. 82.

[4]) Напримѣръ, „за позвы моими подкоморскими сегодня на дате верху менованого на року, с преложенья черезъ листъ мой оттвороны припаломъ и врадовне на выехане до имения Попорского черезъ возного сторонамъ ознайменый". Ibidem, л. 62. Ср. III, ст. IX, 5.

[5]) III ст., IX, 2.

послѣ врученія позвовъ, „очевистого“ (въ руки сторонѣ), или „заочнаго“ (въ его имѣніи), совершается выѣздъ подкоморія на спорное мѣсто для разбора дѣла. Послѣ постановки его на „кгрунтѣ“ сторона поводовая, жалобная „подноситъ“ позвы подкоморскіе на данную „справу“ и проситъ подкоморія „о прыданье вознаго на прыволыванье стороны обжалованое“ [1]). Подкоморій придаетъ вознаго, который и вызываетъ предъ судъ отпорную сторону. „На которое приволыванье озвавшисе“ [2]), выступаетъ передъ подкоморія эта сторона лично или черезъ умоцованаго своего, и начинается самое разбирательство. Впрочемъ, обыкновенно эта процедура упрощается тѣмъ, что обѣ стороны становятся сразу „обличне“ предъ судъ, и это само собою исключаетъ необходимость „приволыванья“ стороны вознымъ.

Разборъ дѣла подкоморіемъ распадается на три существенныхъ момента: 1) „выводъ правный“, или „доводъ права“—выясненіе обстоятельствъ дѣла и правъ сторонъ на спорное мѣсто, 2) „доводъ“, то-есть, доказательство своего права тою стороною, которая признана правою подкоморіемъ, и 3) постановленіе приговора. При выясненіи правъ на „кгрунтъ“, акты иногда различаютъ отчетливо „показанье права“ и „доводъ спокойнаго держанья и уживанья“ [3]), то-есть, выясненіе права на спорное мѣсто и доказательство осуществленія его. „Выехавши подкоморый на кгрунтъ пеньный и огледавшы доводъ права листовъ и знаковъ граничныхъ и светъковъ, чые листы лепшые и знаки граничные певнейшые и светки слушнейшые, тую сторону маетъ ку доводу прыпустити“ [4]). Въ случаѣ если „з обеюхъ сторонъ выводу правного на письме, або тежъ и зънаковъ граничъныхъ явныхъ слушныхъ не было толко бы светки“, тогда поводовая сторона должна быть „ку доводу прыпущона, то естъ ку светкамъ веры годнымъ и ку присязе ихъ и самого жалобника“. Самъ статутъ ясно подчеркиваетъ два первые момента подкоморскаго разбирательства и отдѣляетъ ихъ одинъ отъ другаго. Еслибы поводовая сторона (истецъ) „пущала на прысегу стороне позваной (отвѣтчикъ) самой албо зъ светками ее“, и эта послѣдняя готова будетъ присягнуть, то послѣ присяги она выигрываетъ дѣло, и присягнувшій отвѣтчикъ „кгвалту,

---

[1]) Тр. П. С., № 5931, л. 261.

[2]) А. Вил. VI, стр. 223, „которы возны кгды подлуг поступку права посполитого каждого зособна меновите приволывал, в том озвал се шляхетны панъ Кгабриел Рытинъский....“ Тр. П. С., № 5931, л. 34.

[3]) А. Вил. VI, стр. 227.

[4]) III ст., IX, 2.

боевъ, шкодъ воленъ будеть". Но если кто нибудь, согласившись на присягу, „не учинилъ бы ее, тогды речъ тратить" [1]).

Итакъ, подкоморій прежде всего выслушиваетъ тяжущихся и жалобу „с позву подкоморского", который иногда просто читается вмѣсто изложенія жалобы стороною; онъ изучаетъ обстоятельства дѣла, документы, представляемые жалобною стороною, выслушиваетъ свидѣтелей, осматриваетъ знаки граничные—изучаетъ право стороны поводовой, но вмѣстѣ съ тѣмъ выслушиваетъ и возраженія, которыя представляетъ противная сторона и которыя она подтверждаетъ своими документами и доказательствами. При выясненіи обстоятельствъ дѣла нерѣдко оказывалось, что оно совсѣмъ не подлежитъ подкоморскому суду. Иногда обнаруживалось, что „бой грабежъ", причиненный одною стороною другой, совершился не на „кгрунтѣ", принадлежащемъ сторонѣ, а на „добровольной дорозе", и такимъ образомъ въ составъ дѣла вовсе не входитъ вопросъ о границахъ, а слѣдовательно, этой справѣ не мѣсто на подкоморскомъ судѣ. Такъ, на одномъ такомъ разбирательствѣ [2]) троцкаго подкоморія (2-го сентября 1590 года) сторона заявила: „ижъ о кгрунтъ не идетъ одно яко сторона позываетъ на дорозе о бой и грабежъ, про то дей не есть судъ подкоморский". При этомъ сторона сослалась на статутъ [3]) „о томъ, ижъ подкоморого судъ где идетъ о кгрунтъ земленый альбо входы якие", а такъ какъ въ данномъ дѣлѣ имѣется лишь „бой грабежъ", то сторона и заявила подкоморію: „про то дей то судити вашей милости, пане подкоморый, не належытъ"; подкоморій долженъ былъ согласиться съ этимъ заявленіемъ и постановить: „бачечи з оповеданья ее милости пани Горностаевое (сторона), же тотъ бой и грабежъ сталъ се на добровольной дорозе, на врочыщахъ, в оповеданью описаныхъ, а в кгрунтъ стороны одинъ другому не вступаютъ се, с тыхъ причынъ не кончечы ани судечы далей тое справы отосланомъ обедве стороне яко обой раны и кгвалтовный грабежъ до суду и враду належного". Такимъ образомъ земскій судъ, отославшій эту справу на судъ подкоморія, не присмотрѣлся къ дѣлу и ошибочно посчиталъ его подсуднымъ подкоморскому суду—ошибка, конечно, возможная при массѣ дѣлъ въ земскихъ судахъ.

Документы, представляемые предъ судъ подкоморія, или имѣютъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Тр. II. С. № 5931, л. 55—58.

[3]) 2 арт. IX р. и 1-й X-го.

цѣлью доказать право на владѣніе имѣніемъ, или же доказываютъ нарушеніе этого права, преступленіе отпорной стороны. Право владѣнія имѣніемъ въ его границахъ доказывается весьма различными документами. Прежде всего тутъ нужно различать ссылки на право „посполитое", то-есть, статутъ, законъ, и права „особныя", привилеи отдѣльнымъ лицамъ, различные документы гражданскихъ сдѣлокъ и проч. Первое, конечно, не требуетъ представленія документовъ, а требуетъ лишь указанія раздѣла и артикула статута или указанія на конституцію того или другаго года; второе доказывается цѣлою массою различнаго рода документовъ. Въ числѣ документовъ, представленныхъ въ различныхъ дѣлахъ предъ брестскій подкоморскій судъ, находимъ королевскіе привилеи [1]), подтвержденіе королемъ купли [2]), привилей „на паркгамини"—подтвержденіе всѣхъ листовъ и привилеевъ, выданныхъ прежде [3]), квиты поборовые [4]), листы дѣльчіе [5]), или „дѣлу вѣчистаго" [6]), листы купчіе [7]), листы „до маршалка о невступованье" [8]), листы напоминальные дворянъ [9]), декреты ассессоровъ [10]), реестры ревизорскіе [11]) и т. д. Акты другихъ подкоморскихъ судовъ добавляютъ еще цѣлый рядъ документовъ къ перечисленнымъ. Подкоморію приходилось при каждомъ разбирательствѣ, неизбѣжно, имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ документовъ. Вѣдая границы имѣній и изучая права на нихъ въ каждой „справѣ" своего суда, будетъ ли это гражданскій искъ, или уголовное преступленіе, онъ долженъ былъ разбирать документы, подтверждающіе права на тѣ границы, на которыя заявляетъ притязаніе каждая изъ тяжущихся сторонъ. Въ зависимости отъ этого изученія стоитъ не только признаніе правъ той или другой стороны на спорную землю, но и признаніе боя, убійства, грабежа нападеніемъ на чужой землѣ, преступленіемъ, или простою защитою своей земли владѣльцемъ отъ корыстныхъ покушеній другихъ лицъ. Документы, представляемые въ подкоморскій судъ тяжущи-

[1]) А. Вил., VI, стр. 153; 224.
[2]) Ibidem, стр. 153.
[3]) Ibidem, стр. 154.
[4]) Ibedem, стр. 231.
[5]) Ibidem, стр. 233.
[6]) А. Вил., VI, стр. 232.
[7]) Ibidem, стр. 153.
[8]) Ibidem, стр. 154.
[9]) Ibidem, стр. 154.
[10]) Ibidem, стр. 226.
[11]) Ibidem, стр. 145.

мися, были, какъ мы видѣли, весьма разнообразны. Это были не только грамоты, доказывающія прямую передачу правъ владѣнія однимъ лицомъ другому и полученіе ихъ путемъ королевскаго пожалованія,—въ числѣ ихъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ документовъ, доказывающихъ прямо или косвенно самый фактъ владѣнія имѣніемъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ границахъ. Выписи изъ книгъ другихъ судовъ (обыкновенно земскихъ и гродскихъ), естественно, встрѣчаются и какъ доказательства гражданской сдѣлки, и какъ доказательства преступленія, нарушенія границъ и права [1]). Подкоморій изучаетъ эти листы и прежде всего опредѣляетъ, не „вонтпливы" ли они, то-есть, не сомнительны ли, не поддѣланы ли они. Сомнительность, „вонтпливость" могутъ „задавать" листамъ въ различныхъ случаяхъ. Такъ, при разборѣ дѣла подкоморіемъ берестейскимъ Яномъ Шуйскимъ (10-го марта 1603 года) панъ Выриковскій (повѣренный отвѣтчицы) „повѣдилъ, ижъ тые листы королевскіе, которые панъ Мложевскій (истецъ) показуетъ, у него суть вонтпливые, а то съ тое причины: напередъ, ижъ суть безъ подпису не только короля его милости, але и писарского и не суть знать нигдѣ активованы" [2]). „Право на письмѣ" [3]) есть главное основаніе для рѣшенія дѣла. Оно тѣмъ тверже, если сдѣлка, документъ внесены въ книги судовъ (земскаго, гродскаго и высшихъ), то-есть, если имѣются „права листовные признаные" [4]). Иногда сторона прямо требуетъ отъ противника своего, „абы автентице книгами тыхъ куплей своихъ доводилъ, а не голою повѣстью" [5]),—выписи изъ судовыхъ книгъ, конечно, самое лучшее доказательство, ибо по отношенію къ нимъ не можетъ быть и рѣчи о поддѣлкѣ. При не слишкомъ же твердыхъ доказательствахъ нерѣдко сторона упрекаетъ другую въ томъ, что она „очи имъ мыдлитъ" [6]). Если изученіе документовъ даетъ достаточное основаніе для разрѣшенія дѣла, то подкоморій прямо приступаетъ къ указанію границъ спорной земли на основаніи ихъ и допускаетъ къ „доводу" одну изъ сторонъ, разрѣшаетъ дѣло и постановляетъ свой приговоръ. Въ томъ же случаѣ, если „выводу правного на письме" [7]) и знаковъ граничныхъ „явныхъ

---

[1]) Напр., А. Вил., VI, стр. 155.
[2]) Ibidem, стр. 225.
[3]) Ibidem, стр. 226.
[4]) Ibidem, стр. 230.
[5]) Ibidem, стр. 231.
[6]) Ibidem, стр. 226.
[7]) III ст., IX, 2.

слушныхъ" не оказалось, судъ приступаетъ къ опросу свидѣтелей, поставленныхъ стороною.

Подкоморій точно исполняетъ требованіе закона, чтобы на первомъ планѣ при разборѣ дѣла стояли документы, и останавливаетъ сторону, выставляющую свидѣтелей до изученія „листовъ, привильевъ, твердостей, декретовъ на тые кгрунты", требуя, чтобы тяжущійся „покладалъ" передъ нимъ сначала эти документы [1]). Касательно свидѣтелей законъ постановляетъ слѣдующія требованія. „Светки о речъ земленую и о доводъ держанья земли, такъ же и о кождую речъ" не могутъ быть „жидове", но непремѣнно христіане „всякого стану и тые, которые привильемъ нашимъ ку сведецству припущоны, толко бы были люди добрые, цнотливые, богобойные, и ни в чомъ не подозреные" [2]). Если бы пришлось „право вести" татарамъ между собою, или „з людьми хрестиянъскими", то они присягаютъ „водлугъ привильевъ своихъ и закону своего" [3]). Однако, „светковъ" могутъ „ганить", оспаривать ихъ правоспособность свидѣтельствованія на судѣ. Заявленія такого рода могутъ дѣлаться изъ разсчета затянуть дѣло или даже сдѣлать невозможнымъ доказать искъ. Въ виду этого статутъ грозитъ строгимъ наказаніемъ такимъ, „хто свовольне и безъ слушное причины стороне поводовой светки ганилъ" бы [4]). Если поводовая сторона поставитъ „водле права" девять свидѣтелей, а противная не выберетъ изъ нихъ трехъ „веры годныхъ" и всѣхъ ихъ „отставитъ", желая имъ „тымъ права сконъченье переказити", поводовая же сторона не озаботилась поставить другихъ свидѣтелей и такимъ образомъ должна проиграть дѣло, „тогды таковый, хто ганитъ светкомъ", долженъ тотчасъ же послѣ своего заявленія „того слушнымъ доводомъ на писме доводити". При отсутствіи такого доказательства, при обнаруженіи подкоморіемъ „же имъ прожно ганилъ и отъставлялъ", виновный въ этомъ долженъ каждаго отведеннаго имъ свидѣтеля „водле стану навезати водлугъ роду ихъ", то-есть, „навезка" имъ полагается въ зависимости отъ того, шляхтичъ ли свидѣтель, или нѣтъ. При этомъ „навезка" присуждается въ такомъ размѣрѣ, какъ за рану, и тутъ же „сказывается" подкоморіемъ, какъ судомъ. Если отводящій свидѣтелей докажетъ правильность своего поступка, сторона, лишившаяся такимъ образомъ ихъ, должна поставить

[1]) А. Вил., VI, стр. 153.
[2]) III ст., IX. 14.
[3]) Ibidem.
[4]) III ст., IX, 15.

на ихъ мѣсто другихъ, но время для пріисканія новыхъ „светковъ" не можетъ продолжаться долѣе третьяго дня. Въ случаѣ „пригапенья" и „доводу", доказательства его обѣими сторонами на ихъ свѣтковъ взаимно, обѣ стороны должны поставить новыхъ свидѣтелей [1]). Обыкновенно ставились девять свидѣтелей согласно со статутомъ [2]), но значеніе земельныхъ тяжбъ побуждало иногда выставлять ихъ гораздо больше [3]). Прежде чѣмъ допустить свидѣтелей „ку сведецтву", подкоморій „напоминаетъ" ихъ „боязнью Божою, абы справедливе, чого въ той справѣ свѣдоми", передъ судомъ подкоморскимъ „подъ сумненьемъ своимъ сознали" [4]). Послѣ такого „напомненья" начинается допросъ свидѣтелей „по одному" [5]).

Осматриваются далѣе подкоморіемъ границы и знаки граничные, по указанію свидѣтелей и документовъ, представленныхъ на судъ его. При этомъ обыкновенно требовалось начать выводъ границы со знака граничнаго, а не просто съ какого нибудь „кгрунта", признаваемаго за границу. Встрѣчаются примѣры оспариванія вывода границы на томъ основаніи, что опъ сдѣланъ „не по звычаю": начали, напримѣръ, съ озера, а не съ граничнаго знака [6]). Бывали случаи, что подкоморіи не сами осматривали границы, а посылали вмѣсто себя представителей отъ сторонъ [7]),—но это исключенія, при томъ исключенія рѣдкія. Опредѣленіе границы было дѣломъ далеко не простымъ, такъ какъ знаки граничные отъ времени портятся, что затрудняетъ ихъ распознаваніе. Время года также не всегда благопріятствуетъ осмотру границъ. Самъ статутъ постановляетъ: „естлибы зима зашла, же бы передъ снегомъ граничити се не могло, тогды рокъ за позвы и очывисте, маеть быти складанъ по зъбеженью снегу водлугъ уваженья часу слушный и прыстойный" [8]). На судѣ подкоморскомъ не разъ бывали случаи требованія соблюденія этой статьи закона [9]). При осмотрѣ границъ приходилось преодолѣвать и различныя неудобства мѣстности, и подкоморскія книги сохранили не одну замѣтку объ этомъ, въ родѣ

[1]) Ш ст., IX, 15.
[2]) Ш ст., IX, 12, 15.
[3]) А. Вил., VI, стр. 227: тридцать свидѣтелей.
[4]) Ibidem, стр. 156.
[5]) Ibidem.
[6]) Ibidem, стр. 144.
[7]) Ibidem, стр. 145.
[8]) Ш ст., IX, 11.
[9]) Напримѣръ, Тр. Подк., с. № 5931, л. 195, 196.

слѣдующей: „тамъ въ тыхъ мѣстцахъ топкихъ ледве есьмо переѣхати могли и въ ономъ дубѣ знакъ граничный быть менили, вшакже не вытинано отъ того дуба для спозненья и лихихъ не перебытыхъ болотъ“ [1]).

Послѣ выясненія обстоятельствъ дѣла и правъ сторонъ, подкоморій „припускаетъ“ къ „доводу“ ту сторону, которая представила „листы лепшые и знаки граничные певнейшые и светки слушнейшые“ [2]). Къ „доводу“ допускается лишь одна сторона, а не обѣ, такъ что онъ наступаетъ непремѣнно послѣ того, какъ подкоморій уже рѣшитъ, чьи права законнѣе и доказательства ихъ лучше, и опредѣлитъ, въ комъ изъ тяжущихся онъ видитъ „ближшого ку доводу“ [3]) — тогда „доводящая“ сторона должна доказать свое право предъ подкоморіемъ и другою стороною. „Доводъ“ сопровождается присягою, которую приноситъ доводящая сторона „самъ четвертъ“, то-есть, съ тремя свидѣтелями, которыхъ для этого изберетъ „сторона противная“. Послѣ присяги спорный „кгрунтъ“ переходитъ во власть присягнувшей стороны. Но, если при разборѣ дѣла окажется, что отнимавшій „кгрунтъ, або входы пожытки якие“, будучи позванъ на судъ подкоморскій, „на оный кгрунтъ у суду жадного права, яко листовного, такъ а ни знаковъ слушныхъ и явныхъ граничныхъ не показалъ и светковъ ку доводу водлугъ сего статуту ни одного не ставилъ, только такъ голыми словы тотъ кгрунтъ своилъ“, сторона-же противная докажетъ свои права и поставитъ девять свидѣтелей, то спорная земля присуждается ей и безъ присяги [4]). Въ силу этого постановленія статута тяжущіеся требуютъ себѣ присужденія спорной земли декретомъ подкоморія, если имѣется положеніе дѣла, предвидѣнное этимъ артикуломъ его [5]). Однако, если бы сторона отпорная, не имѣющая своихъ свидѣтелей, „бралася сама до присеги“, но жалобная не хотѣла бы ей допустить этой присяги и сама „за присегу брала“, то „жалобникъ такежъ толко самъ одинъ без светковъ можетъ и близшый будетъ присегнути“ [6]). Если сторона, „позвавшая“ на судъ, не предъявитъ подкоморію доказательствъ своего иска, то „позваный при держанью своемъ близъшый будетъ самъ одинъ при-

[1]) А. Вил., VI, стр. 145.
[2]) III ст., IX, 2.
[3]) III ст., IX, 12.
[4]) III ст., IX, 12.
[5]) А. Вил., VI, стр. 157.
[6]) III ст., IX, 12.

сегнути" [1]) — и дѣло рѣшается въ его пользу. Вообще къ присягѣ можетъ быть допущена только одна сторона: законъ слишкомъ уважаетъ присягу, чтобы провѣрять ее и вызывать опасность возможности присягъ, прямо противорѣчащихъ одна другой, что было бы неизбѣжно при допущеніи присяги обѣихъ сторонъ. Присяга рѣшаетъ дѣло безповоротно, поэтому понятна та осторожность, съ которою подкоморій долженъ былъ допускать сторону къ „доводу", оканчивавшемуся, обыкновенно, присягою.

При спорахъ сторонъ во время разбора дѣла подкоморіемъ обнаруживается несомнѣнное знакомство тяжущихся съ закономъ: ссылки на статутъ и конституціи — явленіе обычное въ подкоморскихъ книгахъ [2]). Стороны прямо ссылаются на артикулы статута, которымъ „прихиляючися" [3]) долженъ дѣйствовать подкоморій. Вслѣдствіе сложности дѣлъ о границахъ имѣній, какъ весьма серьезныхъ гражданскихъ дѣлъ, вслѣдствіе большаго числа документовъ, представляемыхъ сторонами [4]), вслѣдствіе необходимости, обыкновенно, выслушивать свидѣтелей и, сверхъ того, осмотрѣть границы и положить граничные знаки, подкоморскія разбирательства тянулись иногда по нѣскольку дней. Споры сторонъ также длились иногда не одинъ день, затягивая судебное разбирательство. Акты часто приводятъ случаи, когда во время разбора дѣла подкоморіемъ „спознило" [5]), и пришлось за „нешпорной годиной" [6]) отложить разбирательство или декретъ до слѣдующаго дня. „А ижъ се было спознило, взяломъ собѣ на декретъ до завтрея" [7]) записываетъ въ одномъ изъ актовъ своего судоваго разбора брестскій подкоморій.

Разобравши дѣло и выслушавъ „доводъ", подкоморій постановляетъ свой приговоръ и пишетъ свой декретъ, заключая имъ весь актъ своего разбора. Свое рѣшеніе подкоморій мотивируетъ своими соображеніями и ссылками на статутъ [8]) съ обозначеніемъ раздѣла и артикула, до котораго онъ „прихиляется" [9]). Часть своего приговора под-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Напримѣръ, А. Вил., VI, стр. 157, 167 и др.

[3]) Ibidem, стр. 153.

[4]) Напримѣръ, панъ Лукашъ Копоть представилъ 25 документовъ. А. Вил., VI, стр. 153—155.

[5]) Ibidem, стр. 228.

[6]) Ibidem, стр. 153.

[7]) А. Вил., VI, стр. 228.

[8]) Примѣры приговоровъ: А. Вил., VI, стр. 157—158, 228—229, 234—235.

[9]) А. Вил. VI, стр. 157.

коморскій врядъ самъ и приводитъ въ исполненіе тутъ же, сряду послѣ суда: подкоморій размежевываетъ спорныя земли и „подаетъ" ихъ „въ моцъ и держанье" доказавшей свое на нихъ право сторонѣ. Другую часть своего приговора, признаніе преступленія (гвалта, боя и пр.) и убытковъ (шкодъ), причиненныхъ сторонѣ преступникомъ, подкоморскій врядъ отсылаетъ обратно въ судъ, переславшій ему на разрѣшеніе данное дѣло. Подкоморій разрѣшаетъ только вопросъ о границахъ и самъ приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе, а другія части иска, которыя разрѣшаются также рѣшеніемъ вопроса о границахъ, онъ возвращаетъ „на отправу" въ тотъ судъ, который переслалъ ему дѣло и передъ которымъ оно возникло, и уже этотъ послѣдній „сказываетъ" ее на „маетности" виновнаго. Такъ, Янъ Совковичъ, коморникъ троцкаго подкоморія, разобравъ тяжбу, „подалъ" спорный „кгрунтъ въ моцъ въ держанье и в спокойное ужыванье" выигравшей дѣло сторонѣ и „завелъ" его. Сдѣлалъ онъ это передъ вознымъ повѣта и „стороною (то-есть, людьми „посторонними", безъ которыхъ не дѣйствовалъ, обыкновенно, возный) людьми добрыми трема шляхтичами". Что же касается двадцати грошей „за кгвалтъ", „заклада" сторонѣ поводовой и вряду [1]) и, наконецъ, „за пересудъ", то всѣ эти деньги коморникъ „сказалъ и присудилъ и для отправы тое сумы пенезей листъ свой отвороный до враду земского троцкого" далъ сторонѣ [2]).

Недовольный разборомъ дѣла и постановленіемъ подкоморскаго суда заявляетъ объ этомъ тутъ же на судѣ и требуетъ разрѣшенія себѣ апелляція. Само собою разумѣется, что заявляющій о своемъ недовольствѣ судомъ подкоморія тяжущійся не долженъ „словъ соромотныхъ мовити пры отозве" [3])—это требуется соблюдать при заявленіи апелляціи каждому суду. Заявлять свое недовольство судомъ и желаніе апеллировать въ подкоморскомъ судѣ, какъ и во всякомъ другомъ, можно лишь „по головной сказни речы самое" [4]). Но иногда тяжущійся, при самомъ разборѣ дѣла до окончанія его „апелевалъ",— въ такихъ случаяхъ подкоморій „апелаціи не допускалъ", указывая ему на то, что апелляція разрѣшается лишь „по головномъ всказе" [5]),

[1]) Согласно III ст., IX, 22.
[2]) Тр. П. С. № 5931, л. 199.
[3]) III ст., IV, 86.
[4]) III ст., IX, 7. Ср. также III ст., IV, 88.
[5]) Справа пани Горностаевой воеводиной Новгородской съ паномъ Юрьемъ Зенишою. Тр. II. С. № 5931, л. 55—58.

и подкрѣплялъ свое запрещеніе ссылкою на статутъ. Апелляціонной инстанціей для подкоморскаго суда, какъ и для прочихъ повѣтовыхъ судовъ, является трибуналъ. Но трибуналъ для Литвы учрежденъ только въ 1581 году, а до учрежденія его „отозвы" отъ суда подкоморскаго, какъ и отъ другихъ повѣтовыхъ судовъ направлялись „до государа" [1]), бывшаго единственною апелляціонною инстанціей въ то время. Если заявляется на подкоморскомъ судѣ желаніе апеллировать, и судъ находитъ его правильно съ формальной стороны заявленнымъ, онъ разрѣшаетъ апелляцію, опредѣляя при этомъ, въ какую сессію трибунала должна быть предъявлена апелляціонная жалоба [2]). Трибуналъ вслѣдствіе апелляціи на приговоръ подкоморія высылаетъ отъ себя комиссаровъ, по непремѣнно лицъ, „во опомъ же повете оселыхъ" [3]). Этими комиссарами должны быть повѣтовые каштелянъ, или маршалокъ, а если въ повѣтѣ нѣтъ этихъ врядниковъ, то судовый староста повѣта. Какъ при каштелянѣ или маршалкѣ, такъ и при старостѣ въ этой комиссіи должны участвовать два шляхтича, „люди добрые, цнотливые, веры годные и у праве умеетные". „Рокъ" ихъ выѣзда на спорное мѣсто назначается трибуналомъ, и передъ ними подкоморій долженъ „справы суда своего оказати", а они, если найдутъ, что онъ „добре судилъ", оставятъ его приговоръ въ силѣ, если же нѣтъ—„моцни будуть судъ подъкоморого и границъ, если бы въ чомъ выкрочылъ, поправити". Но законъ старается предупредить напрасные, „безъ прычыны слушное" отозвы отъ подкоморскаго суда, опредѣляя за такую апелляцію „вины" подкоморію шесть рублей и сторонѣ „противной"—три рубля. Если стороною правильно заявлено желаніе апеллировать, подкоморій задерживаетъ присягу, какъ „доводъ" выигравшей дѣло стороны, но „для памяти" все-таки полагаетъ граничные знаки „того заграниченья", хотя и получаетъ за нихъ лишь половину своего обычнаго вознагражденія. Спорные „кгрунты" при этомъ остаются „до росъправы комисаръское" въ рукахъ той стороны, которой присудилъ ихъ подкоморій, но эта послѣдняя до комиссарскаго разбора ихъ „пустошыти не маеть", ибо они не принадлежатъ еще ей вполнѣ. Только послѣ рѣшенія дѣла комиссарами окончательно разрѣшается оно, и „наконецъ границы значъные починены и копцы водле потребы за-

[1]) II ст., IV, 61.
[2]) А. Вил., VI, стр. 229.
[3]) III ст. IX, 7.

копаны быти мають заразомъ черезъ тыхъ же комисаровъ", которые получають за свой трудъ при размежеваніи то же вознагражденіе, которое опредѣлено статутомъ для подкоморія [1]). До постановленія комиссаровъ задерживается и присяга „на презыски", присужденныя взысканія съ проигравшаго дѣло, равно какъ и отосланіе ихъ „на отъправу врадовую". Это „отосланье презысковъ на отправу до враду судового" совершается листомъ подкоморія, если его приговоръ утвержденъ комиссарами, но—листомъ комиссаровъ, если они не утвердятъ, а „поправятъ" его судъ. Разумѣется, комиссарское разбирательство за апелляціями отъ подкоморскихъ судовъ и записывалось въ книги этихъ же судовъ, при чемъ, однако, законъ разрѣшаетъ и вписаніе ихъ въ книги гродскаго или земскаго суда [2]).

Но кто же судитъ самого подкоморія, если у него самого возникнетъ съ кѣмъ нибудь справа „о кгрунтѣ земленомъ"? На нарушеніе правъ владѣнія земельнымъ имуществомъ, сдѣланное подкоморію, или имъ самимъ кому нибудь, подается согласно закону жалоба въ земскій судъ, и этотъ послѣдній „по доконанью роковъ земъскихъ въ чотырохъ неделяхъ" высылаетъ изъ своего состава судью и подсудка, или же одного изъ нихъ съ писаремъ земскимъ судовымъ, которые и выѣзжають „на кгрунть" и разрѣшають спорное дѣло. Если дѣло первоначально возникло предъ гродскимъ судомъ, то „поводовая сторона" позываетъ свою „противную сторону позвомъ тыхъ двухъ врядниковъ судовыхъ земъскихъ, которые тамъ поспети выехати будуть, таке жъ яко и подъкоморого позвомъ на шесть недель и на рокъ завитый позвати". Этотъ судъ двухъ врядниковъ, членовъ земскаго суда, совершается съ тѣми же формальностями процесса, съ тою же судовою силою и съ тѣмъ же порядкомъ апелляціи и комиссарскаго разбора вслѣдствіе ея, какъ и обыкновенный подкоморскій судъ [3]).

Но бывали дѣла, въ разборѣ которыхъ подкоморій одного повѣта не былъ компетентенъ; бывали случаи, когда справа подлежала разбору двухъ или нѣсколькихъ подкоморіевъ: это дѣла о „кгрунтахъ". лежащихъ на границѣ двухъ или нѣсколькихъ повѣтовъ. Для разбора такихъ дѣлъ должны выѣхать подкоморіи всѣхъ этихъ повѣтовъ, а не одинъ. Извѣщаетъ своихъ коллегъ о такомъ „выѣздѣ"

---

[1]) III ст., IX, 9.
[2]) III ст., IX, 7.
[3]) III ст., IX, 11.

листомъ своимъ „отвороньмъ" тотъ подкоморій, предъ которымъ возникло это дѣло. Извѣстительный листъ отъ подкоморія къ другимъ подкоморіямъ доставляетъ „сторона жалобная". Съѣхавшись „на рокъ, за позвы прыпалый", на спорный „кгрунтъ", они разбираютъ дѣло, „згодне" его разрѣшаютъ и „умоцняютъ" свой судъ, придаютъ силу своему разбирательству границами, копцами и своими судовыми листами. Доходъ подкоморіевъ въ такой справѣ долженъ дѣлиться такъ: каждый изъ нихъ получаетъ за границу и копцы, положенные въ той части имѣнія, которая лежитъ въ его повѣтѣ. Въ случаѣ несогласія, „незгоды" подкоморіевъ при такомъ общемъ ихъ судномъ разборѣ каждый изъ нихъ излагаетъ письменно „всю справу, яко се точити будетъ" и свое „зданъе", мнѣніе „достаточне выписавшы", и они отсылаютъ со всѣмъ этимъ стороны въ трибуналъ, который высылаетъ своихъ комиссаровъ въ томъ же порядкѣ, какъ и при апелляціяхъ на рѣшенія подкоморскаго суда. При благополучно состоявшемся, согласномъ разрѣшеніи дѣла двумя или нѣсколькими подкоморіями, конечно, все-таки возможна апелляція въ трибуналъ, какъ возможно обжалованіе рѣшенія и простаго подкоморскаго суда каждаго повѣта [1]).

Въ опредѣленіяхъ границъ повѣтовъ при разборѣ спорнаго земельнаго дѣла по имѣнію, лежащему своими частями въ нѣсколькихъ повѣтахъ, подкоморіи, разумѣется, дѣйствуютъ очень осторожно: ихъ дѣйствія не только разрѣшаютъ судное дѣло, но имѣютъ государственное значеніе, опредѣляя границы повѣтовъ. Такъ подкоморіи троцкій (Богданъ Огинскій) и ковенскій (Каспоръ Матушевичъ Гедройть), разсматривая такое дѣло (10-го декабря 1590 года), не могли покончить съ нимъ въ одинъ день; „зачимъ ижъ се того дня спознило, тогды и на завтрей во второкъ и в среду, и в четвергъ, черезъ вси чотыры дни, почавшы отъ десятого дня декабра ажъ до тринатцатого дня декабра в року теперешнемъ тисеча пятьсотъ деветьдесятомъ на кождый день ездили есмо, прыпатруючисе границамъ межы поветы и у шляхты околичное у людей ведомыхъ доведуючисе такъ тежъ прыпатруючисе описанью границъ, которые суть на письме выданы мне подкоморому троцкому с канцелярыи его королевское милости подъ печатью и с подписомъ руки его королевское милости славное намети Стефана, где описуетъ тое стороны границу......"— такъ разказываютъ подкоморіи объ этой своей справѣ въ листѣ своемъ судовомъ, внесенномъ въ троцкія подкоморскія книги [2]).

---

[1]) III ст., IX, 8.

[2]) Тр. П. С. № 5931, л. 82—84.

Иногда подкоморій разбираетъ справу за спеціальнымъ „росказаньемъ" короля. Такъ, когда гвардіянъ „костеловъ бернардынскихъ виленского и ковенского" князь Янъ Лосинскій и братія его, „тых костелов законники мнихи", пожаловались королю на пана Криштофа Радивила, „княжатю па Биржах з Дубинок" виленскаго, воеводу, гетмана польнаго великаго княжества литовскаго старосту солецкаго и борисовскаго, державцу жижморскаго, и позвали его на королевскій судъ, обвиняя въ отнятіи отъ нихъ земли и лишеніи ихъ одной службы людей, король и паны рады поручили разборъ дѣла троцкому подкоморію Богдану Огинскому, который выѣхалъ на спорное мѣсто „за листомъ и росказаньемъ его королевское милости" и разобралъ его 4-го декабря 1586 года [1]).

Количество дѣлъ, подлежавшихъ разбору подкоморія, не было особенно велико и не можетъ идти въ сравненіе съ массою справъ, которыми были завалены другіе суды повѣта: самая опредѣленность дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію подкоморскаго уряда, была причиною этого. За время съ 4-го декабря 1587 года по 9-е ноября 1606 года, то-есть, почти за полныя 20 лѣтъ, троцкій подкоморскій судъ сдѣлалъ всего 88 записей, изъ которыхъ притомъ 15 были не судными справами, а актами назначенія коповищъ [2]). Были годы (1587, 1593), оставившіе только по одному акту въ подкоморскихъ книгахъ троцкаго повѣта; въ 1588 и 1600 годахъ записано по двѣ справы. Болѣе всего записей сдѣлано въ 1590 и 1608 годахъ: въ первомъ—26, во второмъ—10. Но изъ записей 1590 года 15 — назначенія коповищъ. Такимъ образомъ книги троцкаго подкоморскаго суда даютъ отъ 1 до 11 разбирательствъ передъ подкоморскимъ судомъ въ годъ. Акты земскихъ судовъ, какъ и судовъ гродскихъ, не знаютъ такой малочисленности справъ. На однихъ михайловскихъ рокахъ 1570 года въ книгахъ слонимскаго земскаго суда было сдѣлано 84 записи [3]), и въ одинъ день (11-го октября 1570 года) записано цѣлыхъ 23 акта [4]). Но, конечно, справы подкоморія гораздо сложнѣе и обширнѣе справъ другихъ повѣтовыхъ судовъ. Изъ изданныхъ актовъ брестскаго подкоморскаго суда самый короткій занимаетъ полторы печатныхъ страницы [5]) изданія актовъ Виленской археографической комиссіи (in folio,

---

[1]) Ibidem, л. 3—4.

[2]) Тр. П. С. № 5931. Назначенія коповищъ изданы въ А. Вил., XVIII, №№ 95—109.

[3]) А. Вил., XXII, стр. 302—445.

[4]) А. Вил., XXII. №№ 612—632; №№ 641, 642.

[5]) А. Вил., VI, стр. 147—149.

въ два столбца), между тѣмъ какъ въ числѣ изданныхъ актовъ земскихъ судовъ встрѣчаемъ документы строкъ въ 20 [1]). Обыкновеннымъ объемомъ акта подкоморскаго разбирательства нужно считать 2—8 рукописныхъ листовъ, хотя встрѣчаются и большіе и меньшіе (послѣднее очень рѣдко) размѣры. Записывается подкоморіемъ въ книги, обыкновенно, только одна справа въ день, хотя встрѣчаются изрѣдка записи двухъ актовъ [2]). Не слѣдуетъ, однако, считать каждую запись дѣломъ разбора одного дня: мы уже знаемъ, что подкоморіи нерѣдко проводили въ своемъ разбирательствѣ по нѣсколько дней, что видно изъ самаго акта, но не отражается на его датѣ. Акты сохранили указанія, правда рѣдкія, на недосугъ подкоморія за своими справами разобрать въ срокъ назначенное къ разбору дѣло [3]), но подкоморій легко могъ избѣгнуть такой задержки, пользуясь услугами своего коморника. Законъ строго требуетъ, „абы подъкоморый повинъности вряду своего досыть чынилъ“ [4]). Въ случаѣ своей болѣзни, онъ обязанъ извѣстить своими листами обѣ стороны. По выздоровленіи подкоморія „жалобная“ сторона снова позываетъ „сторону свою противну“, и онъ на „новомъ року“ долженъ заявить сторонамъ о дѣйствительности своей болѣзни, притомъ сдѣлать это „подъ тоюжъ прысягою своею на врядъ его учиненою“. Если неявка подкоморія не была вызвана его болѣзнью, „а где-бы подъкоморый, не будучы хоръ и обмовы хоробою не чинечы, вряду своего пиленъ не былъ и ку зволоце справедливости на рокъ завитый не прибылъ“, онъ обязанъ заплатить „поводовой“ сторонѣ по шести рублей грошей за каждый „омешкалый рокъ“. Жалоба на такой проступокъ подкоморія подается земскому суду и разбирается на „року завитомъ“. Въ случаѣ троекратнаго „омешканья“ подкоморія „безъ причины хоробы своее“, онъ „врядъ свой тратитъ“. Конечно, подкоморій не наказывается за неисполненіе своихъ обязанностей въ случаѣ исполненія имъ порученія, или службы, заставлявшихъ его иногда надолго отлучаться изъ по-

---

[1]) А. Вил. XXII, № 584.

[2]) Напримѣръ, въ Тр. II. С., № 5931: 1-го ноября 1596 года — № 48 и 49; 8-го ноября 1597 года — №№ 53 и 54; 22-го октября 1603 года — №№ 69 и 70. При назначеніи коповищъ встрѣчается и по три записи въ этой книгѣ: А Вил., XVIII, №№ 105, 106, 107.

[3]) „и ач шест недел од подапъя тых позвовъ дня вчорашнего было прыпало, нижли за суженьемъ моимъ иншыхъ справъ тоеж пани Кобылинъское зъ его милостью паномъ Фолтыном Талвойшомъ тая справа на ден сегоднешны ест одложона“. Тр. II. С., № 5931, л. 188.

[4]) III ст., IX, 6.

вѣта, а слѣдовательно не исполнять своихъ подкоморскихъ обязанностей. Троцкій подкоморій Богданъ Огинскій уѣхалъ въ Инфлянты до „войска", и справы его прекратились, пока онъ не вернулся, хотя его отсутствіе, повидимому, длилось около полутора года [1]). Разумѣется, зная о необходимости своего отъѣзда изъ повѣта, подкоморій заблаговременно прекращалъ выдачу позвовъ на свой судъ и принятіе справъ въ него.

Вознагражденіе подкоморія опредѣлено закономъ [2]). Доходы его слѣдующіе: отъ позвовъ по грошу; отъ листа „до учасниковъ" и другихъ подкоморіевъ—по два гроша; отъ листа съ перенесеніемъ „рока" по два гроша; за записанье справъ въ книги — грошъ; за выписи судовыя—вознагражденіе, равное платѣ за это писарю земскому или гродскому [3]); за каждый конецъ „нарожный" по 24 гроша, а за „посредній конецъ" по 12 [4]); за „перегоненье межы" по 12 грошей за каждые 5 шнуровъ волочныхъ. Къ этому присоединяется еще „пересудъ отъ сумы сказаное", подобно тому какъ онъ составлялъ доходъ и другихъ судовъ. Къ расходамъ тяжущихся на подкоморскій судъ нужно еще прибавить вознагражденіе возныхъ [5]) за доставленіе позвовъ, листовъ, „прислуханье" присяги и т. п. Справы свои подкоморій записываетъ въ свои книги, которыя называются или коротко просто книгами подкоморскими [6]) повѣта, или же болѣе распространенно [7]), напримѣръ, „книги подкоморскія воеводства берестейского". Въ своей присягѣ подкоморій клянется быть вѣрнымъ королю и обывателямъ повѣта, „споры обу дву сторонъ" вмѣстѣ со „сказаньемъ" своимъ подкоморскимъ „пилне до книгъ своихъ судовыхъ уписуючы и с книгъ выдаючы" [8]). Такимъ образомъ, подкоморій самъ долженъ писать свои книги. Но можно со-

---

[1]) Первая справа предъ подкоморіемъ послѣ его возвращенія—10-го августа 1602 года, а послѣдняя передъ его отъѣздомъ — 18-го декабря 1600 года. Тр. II. С. № 5931, л. 198—199 и л. 196—197.

[2]) III ст., IX, 9.

[3]) III ст., IV, 6.

[4]) При этомъ статутъ предупреждаетъ насыпку слишкомъ частыхъ копцовъ—они должны насыпаться не ближе одинъ къ другому, какъ на 5 шнуровъ волочныхъ, за исключеніемъ случаевъ, „где бы ся граница закривеная прыдала" и гдѣ требуются поэтому болѣе частые копцы. III ст., IX, 9.

[5]) III ст., IV, 10.

[6]) Напримѣръ, А. Вил. VI, стр. 200.

[7]) Ibidem, стр. 147.

[8]) III ст., IX, 1

мнѣваться, чтобы самъ онъ писалъ ихъ всегда. Подкоморій былъ слишкомъ важнымъ лицомъ для того, чтобы самому лично всегда вести свои книги, да и другіе вряды, которые онъ нерѣдко соединялъ въ своихъ рукахъ съ подкоморствомъ, едва ли давали возможность это дѣлать. По всей вѣроятности, процессъ составленія подкоморскихъ книгъ былъ таковъ. Подкоморій самъ писалъ во время суда свой судовый листъ, который затѣмъ уже вписывался въ книги, и возможно, что это дѣлалъ не онъ самъ, а его слуга-писарь. Но, конечно, отвѣтственность за книги и правильность того, что въ нихъ внесено, лежитъ на самомъ подкоморіи, врядникѣ, а не слугѣ, какъ за книги земскія отвѣчалъ писарь, а не его подписокъ. Подкоморскія книги хранились у самого подкоморія, который и выдавалъ изъ нихъ выписи. Статутъ постановляетъ, что „выписы всякие подъкоморый рукою своею подписовати маеть“ [1]), но, обязанный скрѣплять ихъ своею подписью, едва ли онъ самъ писалъ ихъ, а не приказывалъ это дѣлать своему слугѣ-писарю. По смерти подкоморія его судовыя книги должны быть переданы вряду судовому земскому повѣта, который и хранитъ ихъ вмѣстѣ съ книгами земскими [2]); въ случаѣ требованій выписей изъ нихъ, онѣ выдаются уже врядомъ земскимъ за печатью судьи и подсудка и подписью писаря земскаго.

Книги подкоморскихъ судовъ—книги чисто судовыя. Онѣ не имѣютъ нотаріальнаго характера, который носятъ въ значительной своей части книги гродскія и земскія. Въ книги подкоморія записываются разбирательства его собственныя, коморника и комиссаровъ [3]). Изъ другихъ документовъ встрѣчаются лишь листы комиссійные съ назначеніемъ комиссаровъ, которые иногда вносятся въ подкоморскія книги предъ актомъ комиссарскаго разбора, да акты назначенія коповищъ, и напрасно мы будемъ искать вписанія въ эти книги тестаментовъ, дарственныхъ записей, купчихъ и пр., которыхъ такъ много въ книгахъ другихъ повѣтовыхъ судовъ. Само собою, однако, разумѣется, что при разборѣ дѣла подкоморскимъ судомъ нерѣдко вписывались въ книги подкоморскія и различные акты дареній, сдѣлокъ и т. д., какъ доказательства, приводимыя тою или другою стороною,

---

[1]) III ст., IX, 9.

[2]) О храненіи земскихъ книгъ см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897 г., іюнь, стр. 29, 30.

[3]) Встрѣчаются записанныя въ подкоморскія книги разбирательства комиссаровъ, хотя самъ подкоморій и не участвовалъ въ комисіи. А. Вил., VI, стр. 200.

но, какъ самостоятельные документы, они не могли имѣть мѣста въ этихъ книгахъ.

Справы, подлежащія подкоморскому суду, разсматриваются иногда не самимъ подкоморіемъ, а высланнымъ имъ коморникомъ. Слово коморникъ происходитъ, очевидно, отъ слова комора, которое употребляется актами въ довольно широкомъ значеніи. Въ инвентаряхъ имѣній „коморка" весьма обычное явленіе. Напримѣръ, въ инвентарѣ имѣнія Здетельскаго (1580 года) въ описаніи построекъ двора Здетельскаго читаемъ: „напервей, уехавши у дворъ, по правой руце домокъ малый, у которомъ светлочка, а въ ней печъ простый, оболоны паперные старые, у боку тое светълочки коморка, а противко другая, межи ними сенцы" и т. д.[1]). Коморки имѣли весьма различныя назначенія въ домахъ. Иногда упоминаются въ нихъ „лавы"[2]), и надо думать, что такія коморки служили спальными комнатами. Встрѣчаются коморки съ окнами[3]) и безъ нихъ. Онѣ могли быть и спальнями, и помѣщеніями для слугъ, и мѣстами склада всякихъ домашнихъ „речей рухомыхъ", и имѣть различныя другія назначенія[4]). Но рядомъ съ такимъ значеніемъ коморы, какъ части дома, встрѣчаются „коморы мытныя", таможни, гдѣ платится мыто „черезъ руки мытниковъ нашихъ (королевскихъ) на коморахъ мытныхъ уставленыхъ"[5]). Коморы упоминаются и въ городахъ. „Коморники въ мѣстѣ тамошнемъ, которыи избу, або комору у подворника наймуютъ, и подъ теперешнимъ часомъ того постановленья въ мѣстѣ мѣшкаютъ, и которыи бы потомъ до мѣста приходили о таковыхъ маютъ давати вѣдомость войты вряду замковому"[6]). Въ грамотѣ Баторія Полоцку на магдебургское право послѣ возвращенія этого города изъ московскихъ рукъ дается ему, кромѣ мѣстской печати, еще другая печать—„лавничая фигура Внебо взятье Панны Маріи, которую уживати маютъ для выписовъ и запечатованя домовъ отъ умерлыхъ, коморъ, тестаментовъ и иныхъ рѣчей мѣстскихъ"[7]). А грамота на магдебургское право Могилеву, данная

---

[1]) А. Вил., XIV, стр. 199.

[2]) А. Вил., XIV, стр. 456.

[3]) „Na przeciwko tey swiatlice komora, w niey szklane okno iedne y drugie małe proste, drzwi proste z skoblami y zaszczepką". А. Вил., XIV, стр. 479.

[4]) Напримѣръ, komorka potrzebna, напримѣръ, А. Вил., XIV, стр. 400 и др.

[5]) А. З. Р., III, № 50.

[6]) А. З. Р., III. № 28. Уставная грамота могилевскимъ мѣщанамъ. Она же издана въ „*Бѣлорусскомъ архивѣ древнихъ грамотъ*". Ч. I. М. 1824. Стр. 20—27. См. стр. 23.

[7]) А. З. Р., III, № 121.

тѣмъ же королемъ въ 1578 году, упоминаетъ въ мѣстѣ могилевскомъ „ктому тежъ крамницы и коморы для складаня речей и товаровъ, такъ тежъ и ятки мясные" [1]) и т. д. Акты знаютъ и сторожей коморныхъ, которые нанимались въ городахъ „на сторожу комор ринковых" [2]). Такимъ образомъ, слово комора употребляется въ весьма различныхъ значеніяхъ. Мы не задаемся цѣлью исчерпать всѣ виды коморъ и коморниковъ—уже одно изученіе коморниковъ королевскихъ повело бы насъ слишкомъ далеко—мы приводимъ лишь примѣры съ цѣлью показать разнообразіе значеній, въ которыхъ употребляются эти слова. Коморники также встрѣчаются, какъ лица весьма различныхъ видовъ и положеній. Такъ, король Стефанъ Баторій, передавая полоцкому іезуитскому коллегіуму села монастырей Мошоноцкаго Воскресенскаго и св. Спаса игуменства Полоцкаго—Игуменово, Копоровичи и Мотырино,—посылаетъ коморника своего Василья Ивашковича съ приказаніемъ взять эти сѣла и „увязать" въ нихъ полоцкихъ іезуитовъ и ихъ ректора [3]). При извѣстномъ своимъ значеніемъ для возстановленія православной іерархіи въ Западной Руси пріѣздѣ въ предѣлы Речи Посполитой іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, король назначилъ для сопровожденія его своего коморника Почановскаго [4]). Въ числѣ разносившихъ листы „о третий грош поголовщизны", разосланныхъ изъ Люблина 29-го апрѣля 1566 года, были коморникъ его королевской милости Янъ Рагоза и коморникъ же Юрій Себестьяновичъ [5]). Рядомъ съ такими королевскими коморниками стоятъ коморники частныхъ лицъ. Подстаростѣ слонимскому Офанасу Гавриловичу, вряду гродскому слонимскому, было заявлено 15-го апрѣля 1575 года ставшимъ передъ нимъ „очевисто" вельможнымъ паномъ Юріемъ Васильевичемъ Тишкевичемъ Логойскимъ, воеводою берестейскимъ державцою волковыйскимъ, что у него „вси права и привилья на вси имения" его, лежанція въ разныхъ воеводствахъ и повѣтахъ, пропали „за неопатръностю писаров и коморников его милости, а

[1]) Бѣлорусскій Архивъ др. гр. I, стр. 35. Издана также въ А. З. Р., III, № 77.

[2]) „Сторожы коморные месяке наняты черев бурмистров радецъ на сторожу комор ринковых черэз рок Отрошко Семенович, Игнат Артемович, Гришко Ивановичъ". Вит. Центр. Архивъ, Могилевской губерніи Могилевскаго магистрата. Актовая № 8, л. 71 об.

[3]) А. З. Р., III, № 137.

[4]) *Митр. Макарій.* Исторія русской церкви. XI. С.-Пб. 1882, стр. 248.

[5]) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 105 об.

боли за украденем от тых гостей и суседов его милости" [1]). Олбрахтъ Гаштольдъ пишетъ въ 1576 году гетману Юрію Радивилу: „яко мнѣ самому вчора на вечеръ пріѣхалъ коморникъ вашей милости Садовскій зъ листы, писаными до господара короля его милости и до насъ" (съ извѣстіемъ о томъ, что гетманъ „досталъ" непріятельскій замокъ Гомель и „осадивши" его, „рушился" со всими моцами подъ замки иншіи непріятельскіи") [2]). Рядомъ съ этими коморниками стоятъ, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ не похожіе на нихъ коморники мѣстскіе [3]). Всѣ эти примѣры показываютъ ясно, что со словомъ коморникъ мы не имѣемъ права соединять извѣстное строго опредѣленное значеніе, а должны, прежде чѣмъ подвести каждаго даннаго коморника подъ категорію извѣстнаго рода лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ, поближе присмотрѣться къ каждому отдѣльному случаю, такъ какъ положеніе коморниковъ было чрезвычайно различно. Что же представляетъ изъ себя коморникъ подкоморія? Второй статутъ гласитъ, что въ каждомъ повѣтѣ подкоморій „ку помочи своей маеть обрати одного, або тежъ и двохъ коморниковъ, шляхтичовъ, въ повѣтѣ осѣлыхъ, людей годныхъ и статечныхъ, которые на рокохъ судовыхъ передъ кашталяномъ, або маршалкомъ повѣтовымъ и передъ врядомъ земскимъ, або дворнымъ маютъ присегу таковую жъ, якую самъ подкоморій, на врядъ свой коморницкій учынити". Послѣ принесенія такой присяги коморникъ можетъ исправлять свои обязанности по подкоморскому вряду съ „моцъю и владностью" подкоморія, но лишь по порученію, „за сланьемъ" послѣдняго на каждую отдѣльную справу. Подкоморій выбираетъ себѣ въ помощь одного или двухъ шляхтичей въ коморники для того, „ижъ бы отправа всякихъ справъ, вряду подкоморого належачыхъ, омѣшканья и затрудненья никоторого не пріймуючи, але тымъ снадней кромъ вшелякое проволоки и продолженья скутокъ, а конецъ свой пріймовала" [4]). Третій статутъ гораздо подробнѣе говоритъ о коморникѣ. По статуту 1588 года коморники должны быть осѣлыми въ повѣтѣ шляхтичами, людьми „годными, статочными в праве умеетными" и умѣющими писать. Они присягаютъ присягою такого же содержанія, какъ и самъ подкоморій,

[1]) Вил. Центр. Архивъ. Слонимскаго гр. с. № 7864, л. 107.

[2]) А. Ю. и З. Р., I, № 171.

[3]) Акты говорятъ „мѣщанинъ, албо коморникъ права майдебургскаго" А. Ю. и З. Р., I, № 223. См. „powinnoszcz komornicza" коморниковъ мѣста королевскаго Берзники. *Писцовая книга Гродненской экономіи.* I. Вильна. 1881. Стр. 385.

[4]) II ст., IV, 70.

и приносятъ ее на рокахъ земскихъ передъ кашталяномъ или маршалкомъ повѣта и земскимъ судовымъ врядомъ, а „въ небытности" кашталяновъ и маршалковъ—передъ земскимъ судомъ и „иными станы", собравшимися на роки судовые земскіе. Коморники высылаются подкоморіемъ „за недосnехомъ его самого" на справы, подлежащія подкоморскому вряду „ку розсудку и граниченью и инымъ справамъ, вряду подъкоморскому належачымъ" [1]). Но коморникъ, дѣйствуя въ своихъ справахъ властью, равною власти подкоморія, постановляя рѣшенія и установляя границы, разбираетъ, однако, дѣла „за позвы" подкоморія, а не за своими собственными. Онъ лишь викарій подкоморія и получаетъ власть подкоморскаго уряда только тогда, когда дастъ ее ему на какую нибудь отдѣльную справу самъ подкоморій. Иначе сказать, источникъ власти коморника есть подкоморій, и компетенція коморника простирается лишь на извѣстное дѣло, которое разобрать рѣшаетъ подкоморій; онъ самъ посылаетъ сторонамъ на разборъ этого дѣла позвы, но вмѣсто себя высылаетъ разобрать его коморника. Имѣя право разбора дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію подкоморскаго вряда, только за спеціальнымъ порученіемъ подкоморія на каждый отдѣльный случай, коморникъ не можетъ исправлять обязанностей подкоморія во время отсутствія послѣдняго изъ повѣта: коморникъ не можетъ вполнѣ замѣнять подкоморія. Когда троцкій подкоморій князь Богданъ Огинскій уѣхалъ изъ повѣта до „войска" въ „инфлянтскую" землю, дѣятельность подкоморскаго суда въ троцкомъ повѣтѣ остановилась почти совсѣмъ, хотя отсутствіе князя Огинскаго длилось около полутора года [2]). Только разъ за это время (13-го декабря 1601 года) коморникъ его Янъ Совковичъ разобралъ дѣло „на року за позвы его милости князя Богдана Оггинского пана подкоморого троцкого прыпалом", но „созналъ" свою справу для записанья въ книги лишь по возвращеніи подкоморія (10-го августа 1602 года) [3]). Законъ требуетъ, чтобы подкоморій замѣнялъ себя коморникомъ только „въ речахъ малыхъ, не важныхъ, где бы шло о волоку кгрунту, або менш" [4]), разбирая всѣ болѣе важныя дѣла самъ лично. Высылается подкоморіемъ коморникъ „врадовне". обыкновенно, по письменному порученію ему разобрать то или другое дѣло: троц-

---

[1]) III ст., IX, 10.
[2]) См. выше.
[3]) Тр. П. С., № 5931, л. 198, 199.
[4]) III Ст., IX, 10.

кій коморникъ дѣйствуетъ „за зосланем листовным преречоного его милости князя подкоморого троцкого" [1]). Но, конечно, такое письменное порученіе замѣняется и простымъ устнымъ приказаніемъ подкоморія. Акты весьма часто не упоминаютъ о „листовномъ" приказаньѣ подкоморія. Такъ въ одномъ изъ судовыхъ листовъ коморника читаемъ: „за которыми то тыми позвы его милость панъ подкоморый троцкий, не могучы самъ особою своею на тот кгрунт пенный, вышпей менованый прыбыти, ино мене Яна Совкговича коморника повету троцкого къ розсудку тое справы выслал" [2]). Во всякомъ случаѣ коморникъ высылается на справу „врадовне", то-есть, офиціальнымъ образомъ отъ подкоморскаго уряда: „высылка" его есть офиціальное порученіе, а не посылка подкоморіемъ своего слуги.

Въ случаѣ недовольства судомъ коморника „отъзовъ" (то-есть, апелляція) долженъ быть направляемъ въ трибуналъ, какъ апелляція отъ суда и самого подкоморія. Однако, „естли бы се што в справе в писанью и въ поступку иньшомъ якомъ черезъ коморника поблудило, нижли бы пришло до розсудку скутечного о границы, о такие речы росправа з ними маеть быти передъ подкоморымъ" [3]). Такимъ образомъ на разбирательство коморникомъ дѣла по существу жалобы приносятся въ общую для судовъ повѣта апелляціонную инстанцію, въ случаѣ же погрѣшности, допущенной коморникомъ въ записаніи справы, или въ процессѣ, жалоба подается подкоморію, его начальнику; неправильности приговора и рѣшенія коморника обжалуются въ трибуналъ, какъ приговоръ суда, а неправильные поступки коморника, какъ должностнаго лица, назначеннаго подкоморіемъ, подчиненнаго ему и дѣйствующаго лишь властью и по порученію его, и обжалуются предъ подкоморіемъ, который долженъ разобрать такую жалобу не позже, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ подачи ея, „и моцонъ будеть облуженья ихъ поправити" [4]). Таково постановленіе третьяго статута. Второй статутъ не даетъ подробностей по справамъ коморника, ограничиваясь лишь общими указаніями на это должностное лицо, приведенными нами выше. Коморникъ нѣсколько похожъ на шляхтича-слугу „врядничаго" или, пожалуй, особенно въ эпоху до третьяго статута, на слугу-шляхтича важнаго са-

---

[1]) Тр. II. С., № 5931, л. 157.
[2]) Ibidem, л. 241—244.
[3]) III ст., IX, 10.
[4]) Ibidem.

новника или крупнаго пана, при которыхъ такіе слуги были тѣмъ же, чѣмъ дворяне на королевскомъ дворѣ. Вопросъ объ апелляціи отъ суда коморника въ эпоху между вторымъ и третьимъ статутомъ акты трактуютъ такъ 22-го февраля 1590 года троцкій подкоморій князь Богданъ Огинскій разбиралъ жалобу на коморника троцкаго повѣта Яна Совковича, который, „будучы онъ высланый" подкоморіемъ за позвомъ подкоморскимъ „для дойзренья справы" на мѣстѣ между сторонами, „для выслуханья доводовъ и отводовъ такъ через письмо, яко и через светки; гдежъ дей будучи онъ на онъ часъ на томъ кгрунте помсненомъ одное стороны доводу пана Павла Жукового, через светъки чиненого слухал, а ее пани Войзбуновое доводу, который она перед нимь готова была показати, яко через листъ увящый пана судьи кгродьского троцького, такъ тежъ через свитки, шляхту и иньшие добрие люди суседы околечьные, сумежники, слухати дей не хотелъ и не заховуючи се дей водле права посполитого и статуту земьского не слухаючы выводу ее через свитки и не читаючи листу увящого, пана Павла Жука дей при всихъ кгрунътехъ Кгрутишскихъ не водле права зоставилъ". Однако, панъ Павелъ Жукъ, вмѣстѣ съ коморникомъ позванный панею Войзбуновою на судъ подкоморія, „ниякого дей року" не признаетъ и не считаетъ себя „повиннымъ" становиться на судѣ, „беручи собе на то моцъ з статуту старого, з розделу четвертого артыкулъ семьдесятый, где пишеть о подкоморской и коморниковской владзы, ижь сторона жалобливая, если бы мела ку кривде кудъ коморниковъский, не мела апелевати до подкоморого, але до суду головного" [1]). Такъ какъ „тое кривженье" пану Жуку отъ пани

[1]) II статутъ не знаетъ такого постановленія, да и знать его не можетъ, такъ какъ онъ изданъ въ 1566 году, а трибуналъ для Литвы учрежденъ лишь въ 1581 году (Vol. legum, II, str. 210). Дополненія, сдѣланныя въ этомъ мѣстѣ статута, очевидно, относятся къ числу тѣхъ поправокъ, которыя были предписаны словами сеймовой конституціи 1581 года: „Maią też Statuta W. X. Litewskiego y uchwał Seymowych do sądow należących, przez deputaty swe poprawić: a to tak, iżby nic spisom Unij nie było przeciwno. A tę poprawę dla konfirmacyi naszey na Seym pierwszy przynieść maią. (Vol. leg. II, str. 210, 42). Это указаніе троцкой подкоморской книги тѣмъ важнѣе, что послѣ сейма 1581 года Баторію уже не удалось благополучно окончить ни одного изъ своихъ сеймовъ: сеймъ 1582 года ограничился лишь конституціею объ Инфлянтахъ (Vol. leg, str. 220—222), а сеймъ 1585 года, занятый справою Зборовскихъ, не оставилъ послѣ себя конституціи. Смерть короля Стефана 12-го декабря 1586 года открыла безкоролевье. Дѣло же Войзбуновой и Жука было переслано подкоморскому суду троцкому земскимъ того же повѣта 14-го ноября 1586 года, то-есть, еще при

Войзбуновой (преступленіе), произошло 26-го августа 1585 года, а „отосланье“ дѣла отъ земскаго троцкаго суда подкоморію совершилось 14-го ноября 1586 года, и лишь выѣздъ на справу состоялся въ 1588 году, 20-го августа этого года, то коморникъ „тымъ статутом старимъ прошлые роки отправовалъ и доводовъ слухалъ“. Поэтому онъ не допустилъ для пани Войзбуновой апелляціи подкоморію: она „порадку правного собе отъступила“, не апеллируя къ суду головному, то-есть, трибуналу, къ которому только и возможна была для нея апелляція; „научать“ же ее, то-есть, указывать ей настоящій, правильный путь для апелляціи коморникъ „не повиненъ дей былъ“. Однако, „сторона жалобливая“, опираясь на то, что выѣздъ коморника для разбора дѣла былъ 20-го августа 1588 года, то-есть, „вжо по выданью нового статуту“, брала „собе на помочъ з статуту нового з розделу девятого артыкулъ десятый, где пишет“, что, если „через коморника поблудило нижли бы пришло до розсудку скутечъного о границы“, въ такихъ жалобахъ на него судитъ его подкоморій, который и исправляетъ „облуженье“. Такъ какъ „се то за нового статуту стало, тогды тутъ тенеръ с коморникомъ и рокъ праву посполитому естъ, и повиненъ се естъ передъ подкоморіемъ „усправедливити, въ томъ ижъ одное стороны доводов ниякихъ не слухаючы, а што се дей тычетъ апеляцыи на ономъ року передъ нимъ тогды сторона моя апелевала“ къ подкоморію, но коморникъ апелляціи не допустилъ. Подкоморій „по тыхъ спорехъ и мовенью ихъ знашол“, что справа эта должна судиться новымъ статутомъ по той причинѣ, что выѣздъ коморника состоялся уже во время дѣйствія новаго статута, „хотя сама речъ стала ся за старого статуту“. „Припатривши се добре декретови коморника“ своего и „припатривши се добре праву посполитому, в статуте описаному, в роз-

---

жизни короля, и только разборъ его состоялся уже послѣ прекращенія безкоролевья (20-го августа 1588 года). Такимъ образомъ, статутъ дополненъ безъ сейма, и на это дополненіе ссылаются передъ судомъ. Въ „артыкулахъ правныхъ, съ статуту великого князьства Литовскаго новопоправленого вынятыхъ“, которые были утверждены на Волковыйскомъ съѣздѣ 1584 года (въ извлеченіи изъ Лит. Метрики ихъ приводитъ *С. Л. Пташицкій* въ примѣчаніи 1 на стр. 11 „Историко-библіографической справки—„Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута“. С.-Пб. 1893. Цѣликомъ изданъ этотъ документъ въ А. З. Р., III, № 161), нѣтъ этого дополненія. Не имѣя возможности подробно останавливаться въ настоящей статьѣ на этомъ вопросѣ, мы должны пока ограничиться лишь простымъ констатированіемъ этого интереснаго и важнаго факта.

деле четвертомъ артыкулѣ осмьдесятъ шостомъ (въ этомъ артикулѣ предписана апелляція отъ суда подкоморскаго, также какъ и отъ земскаго и гродскаго въ трибуналъ, а пани Войзбуновая „апелевала“ подкоморію, почему „апеляцыя до суду“ его „подкоморского не належыть“), подкоморій постановляетъ: въ виду того, что она „апелевала и апеляцыи по декрете коморничомъ не промолъчала“, онъ признаетъ „апеляцыю“ ея въ трибуналъ „слушною“ и въ этомъ отношеніи „поправляетъ“ судъ своего коморника [1]). Примѣръ этотъ хорошо рисуетъ, какъ отношеніе подкоморскаго суда къ суду коморника,—первый провѣряетъ внѣшнюю, формальную правильность этого суда и соблюденіе законности при его судѣ, не касаясь существа дѣла и приговора, что подлежитъ вѣдѣнію трибунала,—такъ и значеніе времени смѣны статутовъ для литовскихъ судовъ.

Разобравши дѣло, коморникъ является къ подкоморію, подаетъ ему свой судовый листъ и „сознаетъ“ его передъ нимъ. Листъ этотъ вписывается въ подкоморскія книги „слово в слово“, при томъ это дѣлается, обыкновенно, черезъ нѣсколько дней послѣ разбора дѣла коморникомъ, но случалось, что проходилъ и довольно значительный промежутокъ времени между разбирательствомъ „коморничимъ“ и его записываніемъ въ книги [2]). Троцкая подкоморская книга упоминаетъ при троцкомъ подкоморіи за время съ 1585 по 1606 годъ слѣдующихъ коморниковъ: Яна Мартиновича Совковича (съ 1588 по 1604 годъ), Яна Петровича Моитвила Островскаго (21-го сентября 1592 года), Щаснаго Кирклевскаго (съ 27-го октября 1603 года до конца книги). Такимъ образомъ при троцкомъ подкоморіи одновременно было не болѣе двухъ коморниковъ.

Кромѣ коморника, который долженъ быть при подкоморіи, по требованію статута, какъ своего рода „врядникъ“, подчиненный ему, акты говорятъ о другихъ лицахъ спеціальнаго назначенія, дѣйствовавшихъ при подкоморіи. Это писарь, мѣрники и копачи. Подкоморскій врядъ имѣетъ свои подкоморскія книги для вписанія своихъ разбирательствъ, приговоровъ и постановленій. Конечно, подкоморій

[1]) Тр. П. С., № 5931, л. 40—41.

[2]) Приводимъ примѣры изъ книги Тр. П. С., № 5931: разбиралъ коморникъ дѣло 27-го октября 1603 г., вписанъ разборъ въ книги 6-го ноября 1603 г. (л. 246 и сл.); разборъ 17-го октября 1596 г., вписаніе въ книги 1-го ноября того же года (л. 157 и сл.); разборъ 8-го декабря 1594 г.—вписаніе 9-го декабря 1594 г. (л. 149 и сл.); разборъ 13-го декабря 1601 г.—вписаніе 10-го августа 1602 г. (л. 198 и сл).

имѣлъ своего писаря, своего, такъ сказать, частнаго секретаря для веденія книгъ и писанія позвовъ и выписей, хотя и присягалъ наблюдать „справедливость светую“, какъ бы самъ вписывая справы въ книги и выдавая выписи [1]). Своихъ писарей, секретарей имѣлъ каждый знатный панъ [2]), и, конечно, „дьякъ врадничій“ [3]) необходимъ былъ каждому вряду. Акты знаютъ и писарей подкоморіевъ. При разборѣ подкоморіемъ холмскимъ и подкоморіемъ берестейскимъ (королевскими ревизорами) земельной тяжбы подданныхъ королевскихъ Шатчанъ и Орѣховцовъ, въ числѣ „людей зацныхъ“, бывшихъ при подкоморіяхъ, встрѣчаемъ и пана Григорія Куліня Ходиницкаго, писаря подкоморскаго [4]). Но такія упоминанія рѣдки и случайны, такъ какъ писари подкоморіевъ — ихъ обычные служители, а не должностныя лица, и потому могутъ упоминаться лишь случайно, а не въ ихъ дѣятельности, какъ писарей подкоморскихъ.

Разборы дѣлъ по имѣніямъ и границамъ ихъ требовали нерѣдко земельныхъ измѣреній, будетъ ли это провѣрка правъ владѣнія, или раздѣлъ имѣнія предъ подкоморіемъ. Для „помѣры“ при подкоморіи дѣйствуютъ „мѣрники“, которые „придаются“ сторонамъ подкоморіемъ [5]). Они даютъ подкоморію „вѣдомость“ своего измѣренія, подаютъ ему „реестръ мѣрницкій“ и, конечно, наблюдалось, чтобы „се никому кривда въ пробѣ и въ помѣрѣ“ ихъ „не дѣяла“ — обычное требованіе при всякой помѣрѣ [6]). Установленіе же границъ и обозначеніе ихъ граничными знаками требовало особыхъ лицъ, которые вырубали, выжигали или копали эти знаки. За каждый копецъ, насыпанный при установленіи подкоморіемъ границы, ему полагается вознагражденіе [7]), и совсѣмъ не упоминается о вознагражденіи „копачей“, которые копецъ насыпали. Уже это одно говоритъ за то, что такими копачами должны быть слуги подкоморія. Однако, въ древнѣйшее время бывали примѣры копанія „закоповъ“ и шляхтою. Такъ,

---

[1]) III ст., IX, 1.

[2]) Напримѣръ, Ю. В. Тышкевичъ Логойскій воевода, берестейскій, жалуется Слонимскому гродскому вряду на неисправность своихъ писарей. Вил. Центр. Арх. Слонимскаго гр. с. № 7864, л. 107. См. выше. Панъ Василій Филиповичъ Копотъ писарь пана Григорія Ходкевича. А. Вил., XXII, №№ 631, 632, 637, 639.

[3]) А. Ю. и З. Р., I, № 212.

[4]) А. Вил., VI, стр. 142.

[5]) Ibidem, стр. 177.

[6]) Ibidem. См. также стр. 197.

[7]) III ст., IX, 9.

при установленіи границы старостою Зудечовскимъ въ 1424 году между панами Юрковскимъ и Борыницкимъ „закопы копали“ панъ Михалъ Малеховскій, панъ Григорій Бартошовскій, по рядомъ съ ними и слуга старосты Илко [1]). Слово „копачъ“ въ актахъ послѣдующаго времени употребляется не только въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о насыпаніи копцовъ, знаковъ граничныхъ. Дворянинъ господарскій панъ Размыслъ Пескій жаловался 24-го мая 1557 года судовому городенскому вряду на то, что врядникъ имѣнія дворянина господарскаго пана Андрея Лукашевича „безвинне збилъ и зранилъ“ его копача Матея Стецковича [2]). Подъ копачами, насыпающими граничные знаки, всего естественнѣе понимать собственныхъ простыхъ рабочихъ подкоморія, которыхъ онъ беретъ съ собою для разграниченія имѣній. Поэтому онъ одинъ и получаетъ вознагражденіе за насыпаніе копцовъ и дѣланіе другихъ знаковъ граничныхъ.

Самые граничные знаки были различнаго вида. Если для обозначенія границы невозможно было воспользоваться природными условіями мѣстности, напримѣръ, рѣкою, то приходилось прибѣгать къ искусственнымъ знакамъ при размежеваніи. Знаки эти полагались или на самой почвѣ, или на деревьяхъ. Самымъ обычнымъ граничнымъ знакомъ является копецъ. Для обозначенія границы насыпались копцы [3]), насыпные холмы. Копцы дѣлались и больше, и меньше. Статутъ различаетъ вознагражденіе подкоморія „отъ копца кождого нарожного“ [4]) и „отъ посреднихъ копцовъ“ [5]). Копцы иногда бывали такъ велики, что на нихъ свободно становились во время разбора граничнаго дѣла [6]). Бывали и случаи постройки на копцахъ замковъ. Такъ королевскій ротмистръ „Ворониццкий Богданъ Кошъчичъ, одержавши на роту и взявши отправу отъ пана виленского гетьмана наивышъшого великого князства литовского старосты городенского и

---

[1]) А. Ю. и З. Р., I, № 16.

[2]) А. Вил., XXI, № 352.

[3]) *И. Д. Бѣляевъ* называетъ копцы ямами („Разказы изъ р. ист.“, IV, стр. 426). Копцы, наоборотъ, — холмы, которые насыпались копачами: статутъ говоритъ о „сыпаньѣ“ копцовъ (напримѣръ, III ст., IX, 8), акты прямо говорятъ: „do kopcza nowousypanego“, или „acz do pierwszego kopcza usypanego“. (Писцовая книга бывшаго Пинскаго староства. II. Вильна 1874, стр. 278). Но иногда говорилось и „закопати“ копцы (напримѣръ, „Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ вел. кн. лит.“ и пр. Вильна, 1867 г., стр. 251), конечно, въ смыслѣ—насыпать.

[4]) По 24 гроша литовскихъ. III ст., IX, 9.

[5]) По 12 грошей. Ibidem.

[6]) Напримѣръ, А. Вил., VI, стр. 203.

могилевъского пана Григоря Александровича Ходкевича, на замъку нашомъ (королевскомъ) Вороноцъкомъ былъ, а потомъ до копъца Веченского, который перво сего ротъмистръ нашъ (королевскій) козацкий Богдан Телица под неприятелемъ убегъ и тамъ на немъ замочокъ будовати почалъ ехавши а, менуючи то быть отчизною своею, его оселъ и з моцы Теличыны взялъ". Телица сначала жаловался на него, но потомъ, „росправы скутечное с Кошъчичом не ждучи, помочъ собе яко противъ неприятеля нашого собралъ и, з многими людьми, также зъ стрелбою тот копецъ Вечельский обълегъши", взялъ его силою. При этомъ въ замкѣ находились жена, „девъки и служебницы" Кошчича [1]). Эти подробности говорятъ о величинѣ копца [2]). Граничные копцы не всегда представляли изъ себя голый холмъ. Акты часто упоминаютъ то дубокъ, выросшій на копцѣ [3]), то ольху старую, сломленную бурею [4]), то цѣлыя заросли лозы, вербы, „березинъ великихъ" [5]). Копцы насыпались не только на твердой почвѣ, но и на болотѣ [6]), и, конечно, въ послѣднемъ случаѣ требовалось ихъ укрѣпленіе, такъ какъ сами акты говорятъ, что „на болотехъ копцы старые безъ обрубувъ одержати се дей не могутъ" [7]). Данныя археологіи должны дополнить указанія актовъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже Нарбутъ, производя археологическія разысканія въ 1810 году близъ Рогачева, остановился въ недоумѣніи передъ курганами, при раскопкѣ которыхъ онъ не находилъ ничего, кромѣ земли [8]). Гр. К. Тышкевичъ, десятки лѣтъ работавшій надъ раскапываніемъ и изученіемъ литовскихъ кургановъ, также встрѣтилъ большое число ихъ безъ всякихъ остатковъ какихъ либо признаковъ костяковъ или предметовъ. Классифицируя курганы Литвы, гр. Тышкевичъ выдѣляетъ въ особыя группы курганы сторожевые и дорожные [9]). Если уже въ первыхъ можно иногда видѣть копцы границ-

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$, л. 3 и сл.

[2]) О крѣпостныхъ копцахъ см. напримѣръ Scriptores rerum polonicarum, Cracoviae, 1872, str. 120.

[3]) А. Вил., VI, стр. 144.

[4]) А. Вил., VI, стр. 145.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem.

[7]) А. Вил., VI, стр. 146.

[8]) *Narbutt*. Dzieje starożytne narodu Litewskiego. II, Wilno, 1837 Dodatki. VII. str. 547—557.

[9]) *Гр. Константинъ Тышкевичъ*. „О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси". Вильна. 1865 г., стр. 7.

ные, то въ числѣ дорожныхъ по классификаціи гр. Тышкевича, несомнѣнно, весьма большая часть, если не всѣ они, должна быть отнесена въ разрядъ копцовъ. „Опи-то,—такъ характеризуетъ археологъ дорожные курганы,—какъ римскіе стадіевые столбы, сыпанные въ нѣкоторомъ порядкѣ и въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи по Литвѣ и Литовской Руси, поросли лѣсомъ, разорваны неприступными топями и свободно протекающими рѣками, безъ дорогъ, мостовъ и безъ всякихъ сообщеній“ [1])... Странною представляется дорога, которая должна была идти топями и которую, очевидно, выбирали, какъ постоянный путь. Для такого пути, конечно, поискали бы другаго мѣста, болѣе удобнаго для путника. Странными представляются и дорожные знаки, курганы — „безъ дорогъ“. Совсѣмъ другой смыслъ получитъ картина, если въ этихъ курганахъ будемъ видѣть копцы граничные. Какъ умѣстны они рядомъ съ топями и рѣками, дополняя эти естественныя границы земельныхъ владѣній! Межевые курганы, каковыми и являются копцы, попадались не разъ археологамъ при ихъ раскопкахъ, обманывая ихъ надежду на находки при раскопкѣ кургана [2]). Но эти межевые курганы, копцы на языкѣ статутовъ и актовъ, нельзя смѣшивать съ волотовками, съ которыми приходится сливать ихъ при чтеніи книги гр. Тышкевича въ его дорожныхъ или путевыхъ курганахъ [3]). Акты, зная курганы [4]), могилки [5]) и могильники [6]), копцы и сопки [7]), отличаютъ отъ нихъ волотовки, и языкъ актовъ не даетъ права называть волотовками копцы. Въ волотовкахъ возможно присутствіе кладовъ [8]), которые напрасно искать

---

[1]) Ibidem, стр. 8.

[2]) Напримѣръ, межевымъ курганомъ былъ признанъ проф. *В. Б. Антоновичемъ* раскопанный имъ курганъ на урочищѣ „Казанъ“ у села Блыстовицы Кіевской губерніи и уѣзда. Высота этого кургана 1 m 9, окружность 55 шаговъ; окруженъ канавкою. „Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Императорскою Археологическою Коммиссіею“, № 11, Спб., 1893, стр. 38.

[3]) *Гр. К. Тышкевичъ*. О курганахъ въ Л. и З. Р., стр. 9.

[4]) Напримѣръ, „Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ...“, XXVI, стр. 402.

[5]) Ibidem, стр. 503.

[6]) Ист.-юр. мат., XXIII, стр. 488.

[7]) Ист.-юр. мат., XXII, стр. 496.

[8]) „Klad wyęty w maiętnościach naszych Ruskich miedzy dwiema jeziorami Suszą y Smudzinem w wołotowkach“. Ист.-юр. мат., XXVI, стр. 501.

въ копцахъ. Хотя волотовки и играютъ иногда роль границы [1]), но они играютъ ее, какъ озера, рѣки и другія условія мѣстности, которыя удобно принять за границы, а не какъ *знакъ граничный*. „Грунты" встрѣчаются иногда „w wołotowkach" [2]). Но между волотовками, какъ между угодьями, проводится граница, что невозможно, если имѣемъ дѣло съ копцомъ, который стоитъ всегда на самой границѣ, самъ являясь граничнымъ знакомъ.

Кромѣ копцовъ, которые не должны, однако, насыпаться слишкомъ близко одинъ отъ другаго [3])—вѣдь каждый копецъ оплачивается сторонами — были и другіе знаки для опредѣленія границъ. Копцы были граничными знаками „на землѣхъ", но знаки дѣлались и въ „деревѣ" [4]). Такими знаками бывали и „крижи" [5]), то-есть, кресты и просто различныя помѣты, выжженныя, или „выколотыя", вытесаныя [6]). Граничными знаками бывали и „загороды" [7]); на болотахъ приходилось ставить знаки „вынеслые" [8]), а на озерахъ и рѣкахъ укрѣплять ихъ на островахъ [9]), или вбивать въ дно [10]). Иногда границею служила „стѣнка" [11]), которая насыпалась, иногда межа, которая проводилась [12]). Акты знаютъ примѣры знаковъ граничныхъ, которые клались и на камняхъ [13]). Словомъ, знакомъ граничнымъ можетъ быть всякій знакъ, какого угодно внѣшняго вида, лишь бы было замѣтно, что это знакъ, отдѣляющій одно земельное

---

[1]) Напримѣръ, „ze mchu doliną przez drogę Dolhinowską, aż do Wołotowki". Ист.-юр. мат., XXV, стр. 191.

[2]) Ист.-юр. мат., XXVI, стр. 437, ср. стр. 504.

[3]) „А ведъ-же копцы одинъ отъ другого не маютъ быти чинены ближей, одно черезъ пять шнуровъ волочныхъ, окромъ того где-бы ся граница закривеная придала и частейшыхъ копцовъ потребовано". III ст., IX, 9.

[4]) А. Вил., VI, стр. 144.

[5]) Напримѣръ, „у двох дубѣхъ знаки граничные крижи". Ibidem, стр. 144. Границы показываются копцами и крижами, Ibidem, стр. 145, 157 и др.

[6]) Напримѣръ, „тамъ-же у Мошнѣ у двохъ соснахъ знаки у въ одной вытесано, а въ другой выпалено". Ibidem, стр. 145.

[7]) А. Вил., VI, стр. 145.

[8]) Ibidem.

[9]) Ibidem.

[10]) Напримѣръ, при разграниченіи рѣки вбивали пали и выжигали на нихъ гербъ подкоморія. А. Вил. VI, стр. 234.

[11]) А. Вил., VI, стр. 146.

[12]) III ст., IX, 9.

[13]) Ист.-юр. мат., XXV, стр. 341.

владѣніе отъ другаго. Въ актовыхъ книгахъ встрѣчаются жалобы и оповѣданья „о попсованье звѣчистыхъ границъ, въ роскопанью копцовъ, яко и въ попсованью знаковъ граничныхъ въ розномъ деревѣ и на розныхъ мѣстцахъ и по врочищахъ" [1]). При опредѣленіи границы старыми граничными знаками, нерѣдко возникали немаловажныя трудности вслѣдствіе естественной порчи ихъ отъ времени. Копцы заростаютъ лѣсомъ, а на болотѣ и тростникомъ [2]), осыпаются, особенно въ топкихъ мѣстахъ [3]); знаки на деревьяхъ заростаютъ [4]), притомъ возможна и порубка деревьевъ, на которыхъ они подѣланы [5]). Наиболѣе удобною границею, разумѣется, была граница естественная—рѣка, озеро и т. д. Сравнивая граничные знаки, употреблявшіеся при межеваніи въ Западной Руси, со знаками Восточной, нельзя не замѣтить вмѣстѣ съ ихъ отличіемъ и большаго развитія межеванія въ Литвѣ и Западной Руси. Роль копцовъ въ Восточной Руси играютъ менѣе удобныя для разграниченій земельныхъ владѣній ямы [6]), иногда съ камнями въ нихъ [7]) (при чемъ пересчитывались эти камни), иногда же просто, безъ камней [8]). Упоминаются столбы и грани, какъ на столбахъ, такъ и на деревьяхъ [9]).

Кромѣ дѣлъ, требующихъ судоваго разбирательства подкоморія, дѣлъ, въ которыхъ подкоморскій урядъ функціонируетъ, какъ судъ, ему подлежатъ дѣла, не имѣющія характера суднаго. Подкоморій есть повѣтовый врядъ, который вѣдаетъ границы повѣта и границы имѣній, лежащихъ въ немъ. За порчу границы или переоранье межи виновный въ этомъ не только вознаграждаетъ потерпѣвшаго, но еще уплачиваетъ извѣстную сумму, какъ штрафъ подкоморію [10]). Исправленіе старыхъ границъ, которыя отъ времени заросли, должно совершаться съ вѣдома подкоморія, посылающаго на мѣсто своего коморника. „Свою старую границу або стену заpослую, гдѣ бы ся потреба

---

1) А. Вил., VI, стр. 154.
2) Ibidem, стр. 146.
3) Ibidem.
4) А. Вил. VI, стр. 145.
5) Ibidem, стр. 157.
6) Очевидно въ этомъ и нужно искать причину ошибки *И. Д. Бѣляева*, посчитавшаго концы ямами. Разсказы изъ р. ист. IV„ стр. 426.
7) Напримѣръ, А. отн. до юр. б. III № 304.
8) Напримѣръ, А. отн. до юр. б., I, № 105.
9) Напримѣръ, А. Ѳедотова-Чеховского, I, № 53.
10) III ст., IX, 18.

указовала поновити и поправити, то будетъ волно учынити кождому на своемъ властномъ грунте и по старыхъ знакохъ и границахъ", но при этой „справѣ" обязательно долженъ присутствовать высланный подкоморіемъ коморникъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ, имѣющимъ общую границу съ этимъ землевладѣльцемъ. Присутствіе одного коморника достаточно для признанія законности возобновленной границы въ томъ случаѣ, если сосѣдняя „сторона" и не будетъ присутствовать ни лично, ни въ лицѣ кого нибудь, высланнаго ею за себя на эту „справу" Разумѣется, такое исправленіе должно производиться, „старыхъ знаковъ непсуючы". Справу, эту коморникъ затѣмъ долженъ „до книгъ подъкоморого сознать и знаки поновленые вписать" въ эти книги [1]). Акты знаютъ исполненіе этого требованія закона. Янъ Совковичъ, коморникъ троцкаго повѣта, былъ высланъ Троцкимъ подкоморіемъ княземъ Богданомъ Огинскимъ „на заведене границъ выменю Шалянскомъ, у повете троцкомъ лежачомъ", по просьбѣ пана Ивана Ивановича Баки, намѣстника троцкаго. 2-го октября 1593 г. Янъ Совковичъ предъ подкоморіемъ „пры квите своемъ сознане свое учынил", и „квитъ" этотъ былъ вписанъ въ подкоморскія книги [2]). Такое значеніе подкоморскаго вряда въ граничномъ дѣлѣ дѣлаетъ присутствіе его представителя особенно желательнымъ при раздѣлахъ имѣній и ихъ разграниченіяхъ. Желаніе имѣть при раздѣлахъ имѣній офиціальнаго свидѣтеля заставляло дѣлящихся прибѣгать еще до учрежденія повѣтовыхъ подкоморіевъ къ просьбамъ о посылкѣ для присутствія при раздѣлѣ вижа отъ судоваго уряда [3]). Пріятели же и посторонніе лица бывали свидѣтелями при раздѣлахъ имѣній и послѣ учрежденія подкоморскаго вряда въ повѣтахъ. Присутствіе подкоморія при раздѣлѣ имѣнія было присутствіемъ не только свидѣтеля—врядника, придающимъ офиціальную твердость и силу раздѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и присутствіемъ опытнаго спеціалиста „граничнаго" дѣла. Во время раздѣловъ имѣній возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ при опредѣленіи цѣнности частей, получаемыхъ каждымъ изъ участниковъ раздѣла, разрѣшать которые было тѣмъ труднѣе, что естественнымъ желаніемъ дѣлящихся являлось отсутствіе черезполосицы и раздѣлъ имѣнія на сплошные участки. При этомъ самъ законъ выдвигаетъ и мѣстоположеніе, и качество земельнаго участка [4]), какъ обстоятельства, которыя

---

[1]) Ibidem.

[2]) Тр. П. С. № 5931, л. 147—148.

[3]) А. Вил., XVII, № 1005.

[4]) III ст., IX, 19.

нужно всегда имѣть въ виду при раздѣлахъ имѣній, и, конечно, не всегда легко можно было произвести такой раздѣлъ. Подкоморіи были весьма полезными руководителями при раздѣлахъ имѣній, тѣмъ болѣе что они умѣли пользоваться своимъ значеніемъ, какъ вряда, и въ тоже время не стѣснять дѣлящихся. Такъ, во время раздѣла имѣнія подкоморій берестейскій сразу „подаетъ и присуждаетъ" получившей данный участокъ по раздѣлу сторонѣ тотъ, „проробокъ поля", который былъ „напятъ" другимъ участникомъ раздѣла, но онъ „заховуетъ" участникамъ раздѣла „вольное мовенье" предъ судомъ въ томъ, что имъ кажется „кривдою", въ то же время „стверждая" своимъ „актомъ" своя распоряженія [1]). Такимъ образомъ, подкоморій, имѣя право разрѣшать своею властью спорные вопросы, не лишаетъ возможности начинать судовое дѣло въ тѣхъ случаяхъ, если его немедленное разрѣшеніе почему либо неудобно для стороны. Подкоморій при раздѣлѣ имѣнія доставляетъ только удобство: его власть тутъ не составляетъ неудобства офиціальнаго суда.

Самый раздѣлъ имѣнія предъ подкоморіемъ затѣмъ признается передъ земскимъ судомъ повѣта [2]), какъ вообще въ книги этого суда вносятся всѣ акты по шляхетскимъ имѣніямъ. Актъ этого раздѣла записывается въ земскія книги, хотя онъ уже вписанъ подкоморіемъ въ свои книги, какъ его декретъ съ наложеніемъ на участниковъ его, въ случаѣ „нарушенья" этого раздѣла, „заруки". При этомъ подкоморій говоритъ, что все это онъ дѣлаетъ „моцью права посполитого и зъ владзы враду" [3]) своего подкоморскаго. Акты брестскаго подкоморскаго суда упоминаютъ при подкоморіи во время раздѣла имѣнія вознаго и двухъ шляхтичей [4]). Конечно, подкоморій не присутствовалъ обязательно при каждомъ раздѣлѣ имѣній, и очень часто дѣло обходилось безъ него:—прибѣгали къ судьямъ полюбовнымъ, частнымъ лицамъ, выбраннымъ дѣлящимися [5]), если участники раздѣла непремѣнно хотѣли имѣть свидѣтелей раздѣла имѣнія, которые при томъ разрѣшали бы споры дѣлящихся.

Но была еще одна функція подкоморскаго уряда, которая не имѣетъ характера суда, хотя и имѣетъ къ нему нѣкоторое отноше-

---

[1]) А. Вил., VI, стр. 198.
[2]) Ibidem.
[3]) А. Вил., VI, стр. 199, 200.
[4]) Ibidem, стр. 200.
[5]) Ист.-юр. мат., XX, стр. 384—387.

ніе. Подкоморій долженъ по требованію статута назначить въ своемъ повѣтѣ „коповища", то-есть, мѣста для собраній копы [1]).

Копный судъ, существовавшій въ предѣлахъ великаго княжества литовскаго и представлявшій изъ себя народный судъ для той или другой мѣстности, нуждался въ коповищахъ, то-есть, въ мѣстахъ, назначенныхъ для народныхъ судовыхъ сходокъ [2]). Подкоморій назначаетъ такія мѣста и при этомъ опредѣляетъ, живущіе въ какихъ селеніяхъ имѣютъ право сходиться на каждое коповище. Въ этой функціи подкоморскаго уряда ясно виденъ взглядъ на подкоморія, какъ на знатока мѣстности повѣта. Онъ долженъ выбрать мѣсто для каждаго коповища и опредѣлить, какія селенія будутъ сходиться коповать на назначенное для копныхъ сходокъ мѣсто — для всего этого, конечно, требуется хорошее знаніе мѣстности. Коповища назначаются подкоморіемъ „за выеханьемъ" его „съ повинности" своей „враду его подкоморскому належачое водлугъ артыкулу девятого з розделу чотырнадцатого" [3]).

И. Лаппо.

---

[1]) III ст., XIV, 9.

[2]) О копномъ судѣ см. *М. К. Любавскаго*—Областное дѣленіе и пр., стр. 657—661, и *И. Я. Спрогиса*.—Предисловіе къ XVIII тому Актовъ Виленской Арх. Коммиссіи. На стр. XXIII этого предисловія есть указанія и на литературу о копѣ, а также и на источники.

[3]) См. назначенія коповищъ троцкимъ подкоморіемъ княземъ Богданомъ Огинскимъ. А. Вил., XVIII, №№ 95—109.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ ПОСЛѢДНЮЮ ПОРУ СТАРАГО ПОРЯДКА [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Интенданты и центральная администрація.

Взгляните на подробный планъ Парижа, но нѣсколько издали, съ такого разстоянія, чтобы ясно выдѣлялись лишь „магистрали" главныхъ улицъ и бульваровъ. Впечатлѣніе? Простота и правильность линій, ясность и отчетливость ихъ сочетаній. Приблизьте теперь къ себѣ планъ, вглядитесь во всѣ его детали: что за паутина взаимно перекрещивающихся подъ всевозможными углами, переплетающихся въ самомъ причудливомъ безпорядкѣ безчисленныхъ капризныхъ и безалаберныхъ линій, въ лабиринтѣ которыхъ глазъ теряется и воображеніе съ трудомъ оріентируется.

Подобное же двойственное впечатлѣніе производитъ административный строй до-революціонной Франціи. Издали его общіе контуры представляются такими простыми и отчетливыми; но это впечатлѣніе смѣняется діаметрально противоположнымъ, какъ только вы приблизитесь къ нему, какъ только взглянете на него въ упоръ. Какъ и въ планѣ Парижа, здѣсь хаотическая сложность деталей разительнымъ образомъ контрастируетъ съ простотой и геометрическою отчетливостью главныхъ линій. Послѣднія можно сравнить съ правильными просѣками, прорѣзанными умѣлою рукою инженера въ чащѣ вѣковаго

---

[1]) *Продолженіе.* См. іюльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за текущій годъ.

дремучаго лѣса. Парижскія „магистрали“, это — дѣйствительно просѣки, прорубленныя—нерѣдко въ буквальномъ смыслѣ—въ вѣковой чащѣ старинныхъ узкихъ и кривыхъ улицъ и переулковъ съ ихъ замысловатыми „пассажами“ и укромными тупиками. Подобными же просѣками являются въ административномъ строѣ стараго порядка „магистрали“, проложенныя „умѣлою рукою инженера“—королевскою властью — въ дремучемъ лѣсу вѣками взросшихъ па исторической почвѣ учрежденій и вѣками же завѣщанныхъ отношеній и традицій. И подобно тому, какъ для изучающаго современный Парижъ, Парижъ, „какъ онъ есть“ въ настоящую минуту, главный интересъ представляютъ, именно, эти „магистрали“, являющіяся настоящими артеріями, въ которыхъ совершается „круговоротъ жизни“ французской столицы,—подобно этому главный интересъ представляютъ для насъ точно также „магистрали“ административнаго строя стараго порядка, такъ какъ въ нихъ-то именно сосредочивается живая жизнь послѣдняго, между тѣмъ какъ все прочее представляетъ лишь проблески жизни отживающей, жизни прозябающей, жизни умирающей. Но то, что отживало и умирало, цѣпко держалось за жизнь; то, что прозябало, вліяло такъ или иначе па то, что жило. Вотъ почему, удѣляя главное вниманіе послѣднему, намъ придется время отъ времени останавливаться и на остальномъ. Это, безспорно, непріятно, потому что портитъ „ансамбль“ картины; но это необходимо, именно, для того, чтобы эта картина не произвела впечатлѣнія отчетливости и стройности, то-есть такихъ вещей, которыхъ какъ разъ и не достаетъ исторической „натурѣ“.

I.

Въ центрѣ—*король* съ своимъ совѣщательнымъ органомъ—*королевскимъ совѣтомъ* (*conseil du roi*, или просто *conseil*) [1], въ провинціи—*интендантъ* съ своими ближайшими агентами-корреспондентами и агентами-исполнителями, *субделегатами*: такова общая администра-

[1]) Conseil du Roi не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ авторовъ, съ *Grand conseil* (напримѣръ: *de Broc*, „La France sous l'ancien régime, le gouvernement et les institutions“, Paris, 1887, p. 87: „Le conseil du Roi, appelé aussi grand conseil...“). Этотъ *большой совѣтъ*, упраздненный въ 1771 году (апрѣльскимъ эдиктомъ, *Archives du ministère des affaires étrangères*, fonds France, № 1619) и возстановленный въ 1774 г. (ноябрьскимъ эдиктомъ, ibidem), не имѣлъ ничего общаго съ *королевскимъ совѣтомъ* и представлялъ собою чисто

тивная схема стараго порядка, которая, конечно, потеряетъ въ простотѣ, зато выиграетъ въ точности, если къ ней прибавить нарушающій ея симметрію штрихъ: отмѣтимъ *провинціальные штаты*.

Король, политическій глава государства, входитъ въ эту схему, и какъ іерархическая вершина административной пирамиды, основанія которой покоятся на интендантахъ и непосредственно подчиненныхъ имъ агентахъ. „Le roi règne et ne gouverne pas"—эта формула, созданная парламентарнымъ режимомъ нашего столѣтія, была и чужда и непонятна старому порядку: тамъ король не только „царствовалъ", но и „правилъ", не только „правилъ", но и „управлялъ", входилъ въ детали администраціи [1]).

Но въ качествѣ ли администратора, въ качествѣ ли законодателя, или въ качествѣ судьи, король дѣйствуетъ обыкновенно,—но не непремѣнно [2]), какъ увидимъ ниже,—„въ своемъ совѣтѣ". „Le roi en

---

судебное учрежденіе, конкурировавшее съ одной стороны—съ парламентами, съ другой—съ приватнымъ совѣтомъ (секціей королевскаго совѣта), съ которымъ онъ представлялъ въ сущности double emploi. Это было одно изъ тѣхъ мертвыхъ учрежденій, которыми былъ такъ богатъ старый порядокъ, и которыя рѣшительно никому не были нужны, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ входившихъ въ ихъ составъ чиновниковъ, съ полнымъ, впрочемъ, правомъ смотрѣвшихъ на свою должность, какъ на благопріобрѣтенную собственность,—дѣйствительно *купленную* за болѣе или менѣе крупную сумму и дающую, сверхъ небольшой ренты, почетное положеніе и массу связанныхъ съ нимъ „привилегій". Въ апрѣльскомъ эдиктѣ 1771 г., упразднившемъ это ветхое учрежденіе, читаемъ: „Les voeux des peuples et la multitude des affaires dont était surchargé le parlement de Paris, déterminèrent Charles VIII à destiner une partie des membres de son conseil pour former à la suite un tribunal qui... serait *juge de toutes les causes que la sagesse des rois leur dicterait d'y évoquer*; le Grand Conseil fut appelé à *partager les fonctions des cours* (=parlements), il fut, comme elles, le dépositaire des lois et l'organe du législateur".

[1]) *Archives nationales* série H. 1058 (1783): Калоннъ, въ отвѣтъ на просьбу штатовъ о разрѣшеніи спеціальнаго мѣстнаго налога въ *семдесятъ пять ливровъ*, суммы, предназначаемой въ „награды" (gratification) мѣстному почтмейстеру, въ Ilo, пишетъ: „Sur le compte que j'ai rendu au Roi...".

[2]) Вопреки утвержденію *Hanotaux* („Tableau de la France en 1614", Paris, 1899, p. 157—158): „Quelle que fût la composition du Conseil, *son concours était considéré comme nécessaire à l'exercice du pouvoir monarchique en France*... Le roi avait tout pouvoir sur ce corps; il choisissait et revoquait ses membres; mais il *devait* les écouter". Мы не знаемъ, на какихъ данныхъ основываетъ авторъ это утвержденіе, и не имѣемъ возможности его провѣрить; можемъ сказать лишь одно, что это утвержденіе во всякомъ случаѣ не приложимо къ занимающей насъ эпохѣ; ниже мы увидимъ, что сплошь да рядомъ акты королевской власти исходили и помимо совѣта.

son conseil" — эта обычная формула, фигурирующая во всякомъ правительственномъ актѣ, исходящемъ отъ королевскаго совѣта [1]).

---

[1]) Акты эти носили различное наименованіе: *ордоннансъ* (*ordonnance*), эдиктъ (*édit*), *декларація* (*déclaration*), *открытая грамота* (*lettres-patentes*), *регламентъ* (*réglement*), *постановленіе совѣта* (*arrêt du conseil*). Ни у новѣйшихъ историковъ-правовѣдовъ, ни у правовѣдовъ эпохи намъ не удалось найти сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія, въ чемъ собственно заключалось существенное различіе между всѣми этими различными категоріями актовъ королевской воли, исходившихъ изъ королевскаго совѣта. *Aucoc*, „Conférences sur l'administration et le droit administratif", Paris, 1878, t. I, p. 70: „les *ordonnances* statuaient avec étendue sur certaines matières, les *édits* prononçaient sur un objet déterminé, les *déclarations* expliquaient ou réformaient une ordonnance ou un édit, les *lettres-patentes* avaient pour objet de concéder des privilèges, des faveurs; enfin, les *arrêts du conseil*, décisions rendues par le roi en conseil d'état (?), interprétaient ou confirmaient les actes de l'autorité royale et quelquefois même les modifiaient."—„La Grande Encyclopédie", t. XV, p. 566: „*L'édit* diffère de *l'ordonnance* en ce qu'il ne réglait ordinairement qu'une seule matière, tandis qu'une *ordonnance* contenait ordinairement un assez grand nombre de dispositions sur des matières différentes".—*Chéruel*, „Dictionnaire des institutions", etc., t. I, p. 333: „Les *édits* étaient des *ordonnances* royales dont l'objet était spéciale". Ни одно изъ этихъ опредѣленій не выдерживаетъ очной ставки съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Напримѣръ, на ряду съ дѣйствительно „обширными ордоннансами, регулирующими извѣстную категорію отношеній", мы встрѣчаемся съ ордоннансами, имѣющими своимъ предметомъ какой нибудь одинъ спеціальный предметъ и умѣщающимися на одной печатной страницѣ (для примѣра: „Ordonnance concernant ceux qui portent la croix de Saint-Louis, ou le ruban de cet ordre, sans titre". „Recueil des anciennes lois françaises", t. XXVIII, pp. 118—119). Что касается приведеннаго опредѣленія *arrêt du conseil* у Окока, то оно прямо невѣрно, такъ какъ большинство „постановленій совѣта" имѣетъ своимъ предметомъ не интерпретацію или видоизмѣненіе тѣхъ или другихъ прежде изданныхъ актовъ королевской воли, а единичные конкретные случаи административной практики (напримѣръ, разрѣшеніе на открытіе фабрики, на постройку театра, на открытіе городскаго займа, на ремонтъ обветшавшей крыши какой нибудь сельской церкви, освобожденіе отъ податей на два-три года пострадавшаго отъ пожара или неурожая селенія и т. п.). Опредѣленіе, даваемое Ококомъ „открытой грамотѣ", есть простое недоразумѣніе, такъ какъ въ дѣйствительности таковая не представляла собою особой категоріи королевскихъ актовъ, а лишь форму, въ которую могъ быть облеченъ какой угодно королевскій актъ: эдиктъ, декларація и т. д. (см. статью *A. Giry* о *lettres-patentes* въ „Grande Encyclopédie", t. XXII, p. 11). Постановленіе совѣта было самою обычною формой королевскихъ актовъ, какъ наименѣе торжественной, наиболѣе эластичной и въ особенности какъ не подлежавшей парламентской *регистраціи* (*enrégistrement*), и слѣдовательно свободной отъ этого рода косвеннаго контроля, которому подлежали эдикты и деклараціи. *Регламентъ* представлялъ собою видъ „постановленія совѣта" и точно также былъ свободенъ отъ регистраціи; обыкновенно онъ пред-

какъ нельзя лучше выражаетъ взаимную интимную связь, этихъ двухъ учрежденій. Въ сущности, король со своимъ совѣтомъ представляетъ одно единое учрежденіе уже по тому одному, что король входитъ въ составъ совѣта, въ качествѣ его предсѣдателя.

Это было высшее правительственное учрежденіе, какъ по отношенію къ внѣшней, такъ и внутренней политикѣ: высшее учрежденіе *законодательное*, потому что отъ него исходили всѣ королевскіе акты, которые, по занесеніи въ парламентскіе реестры, получали силу закона [1]); высшее учрежденіе *судебное*, такъ какъ королевскій совѣтъ представлялъ собою высшую аппелляціонную инстанцію и вмѣстѣ кассаціонный трибуналъ [2]); наконецъ, высшее *административное* учрежденіе, потому что въ немъ, какъ въ узлѣ, стягивались всѣ нити внутренняго управленія [3]). Королевскій совѣтъ, или—что

ставлялъ собою нѣкотораго рода интерпретацію къ тому или другому эдикту (напримѣръ, за іюньскимъ эдиктомъ 1787 года, учредившимъ провинціальныя собранія во всемъ королевствѣ, слѣдуетъ рядъ регламентовъ для организаціи каждаго изъ провинціальныхъ собраній въ отдѣльности. „Recueil des anciennes lois", t. XXVIII, pp. 364, 366.—*Archives nationales*, série H 1600—1607). Для всякой сколько нибудь важной мѣры, какъ-то созданія новаго учрежденія, новой должности или уничтоженія старыхъ, простаго *постановленія совѣта* считалось недостаточнымъ, признавалась необходимою болѣе торжественная, хотя и болѣе стѣснительная для правительства, форма *эдикта*, который вступалъ въ силу лишь подъ условіемъ предварительнаго занесенія въ парламентскіе реестры: процедура, которая далеко не была пустою формальностью, несмотря на возможность, которою всегда располагало, но которою сравнительно рѣдко и всегда неохотно пользовалось правительство: возможность прибѣгнуть къ принудительной регистраціи путемъ процедуры торжественнаго королевскаго засѣданія парламента, такъ называемаго *lit de justice*.—Съ теоретико-правовой точки зрѣнія эдиктъ, зарегистрованный парламентомъ, представлялъ собою *законъ*, постановленіе же королевскаго совѣта не болѣе какъ *административное распоряженіе*.

[1]) Примѣръ законодательнаго акта: „Edit portant la suppression des jurandes et communautés de commerce, arts et métiers. Versailles, 17 février 1776. Reg. au lit de justice, 12 mars, à la cour des aides, le 19, et au parlement de Lorraine, 6 mai". *Semichon*, „Les réformes sous Louis XVI". Paris, 1876, p. 444.

[2]) Примѣры судебныхъ актовъ. „Arrêt du Conseil (du 21 mars 1775) qui évoque et renvoie devant l'intendant d'Alençon toutes les contestations nées et à naître relativement à la perception du tarif de Nogent-le-Rotrou". *Archives nationales*, série H 1570.—„Arrêt du Conseil qui casse une sentence qui avait appliqué aux réparations de la ville une amende prononcée contre deux particuliers, et condamne les juges à la payer aux préposés des fermes. Versailles, 19 décembre 1775". „Recueil des anciennes lois", p. t. XXIII, p. 291.

[3]) Примѣры административныхъ актовъ. „Arrêt du Conseil sur la liberté du commerce des grains dans le royaume. Versailles, 14 septembre 1774." Ibidem,

то же—„король въ своемъ совѣтѣ"—это идеальная вершина административной пирамиды, имѣющей въ своемъ основаніи интендантовъ съ ихъ субделегатами. Подчеркнемъ слово *идеальная*, потому что на дѣлѣ, in concreto, эта іерархическая вершина оказывалась сплошь да рядомъ, какъ увидимъ, въ сторонѣ отъ этого учрежденія.

По отношенію къ королю, совѣтъ представляетъ чисто *совѣщательное* учрежденіе, всѣ члены котораго назначаются самимъ же королемъ [1]). Пренія въ совѣтѣ и „мнѣнія" („avis") отдѣльныхъ его членовъ служили лишь для освѣдомленія короля, который былъ совершенно свободенъ въ своемъ рѣшеніи. De jure, слѣдовательно, всякій актъ королевскаго совѣта былъ актомъ королевской воли; de facto онъ могъ быть одинаково мнѣніемъ, какъ большинства, такъ и меньшинства совѣта; а, проникая глубже въ корень вещей, мы найдемъ сплошь да рядомъ, что тотъ или другой правительственный актъ, исходящій отъ „короля въ своемъ совѣтѣ", представляетъ собою въ сущности продуктъ единоличнаго почина того или другаго министра, — продуктъ, который, въ свою очередь, можетъ имѣть своимъ источникомъ идею, созрѣвшую либо въ одной изъ многочисленныхъ министерскихъ канцелярій, либо въ головѣ одного изъ провинціальныхъ интендантовъ, если только, въ свою очередь, она не была ему подсказана либо его собственнымъ правителемъ канцеляріи, либо однимъ изъ субделегатовъ подвѣдомственнаго ему интендантства. Такимъ образомъ, дѣйствительная роль королевскаго совѣта сводилась часто лишь къ тому, что онъ облекалъ въ извѣстную формулу содержаніе, возникшее внѣ его и помимо него. Даже больше: сплошь да рядомъ не только содержаніе, но и самая формулировка были заготовлены заранѣе, безъ вѣдома совѣта, вся роль котораго ограничивалась, въ такомъ случаѣ, лишь санкціей уже готоваго рѣшенія,—санкціей къ тому же чисто идеальною, такъ какъ рѣшеніе, приготовленное тѣмъ или другимъ министромъ и заранѣе

t. XXII, p. 30.—„Arrêt du Conseil portant réglement pour la navigation de la Loire et rivières y affluentes. Versailles, 23 juillet 1783". Ibidem, t. XXVII, p. 294.—„Arrêt du Conseil qui casse un arrêt du parlement de Dijon, qui avait ordonné une taxe du bois. Versailles, 29 août 1784". Ibidem, p. 454.—„Arrêt du Conseil portant suppression d' un ouvrage intitulé: Théorie du libelle, ou l'art de calomnier avec fruit. Paris, 2 avril 1775". Ibidem, p. 149.

[1]) *Guyot*, „Traité des droits", etc., t. II, p. 184: „Le conseil du roi est une assemblée de personnes choisies par le roi pour connaître de tout ce qui interesse l'administration générale du royaume, tant pour l'intérieur que pour l'extérieur".

заручившееся одобреніемъ короля, вносилось въ совѣтъ лишь для формы. Наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, сплошь да рядомъ правительственные акты первостепенной важности исходили совершенно помимо королевскаго совѣта. Все это необходимо имѣть въ виду, для того чтобы оцѣнить исторически-вѣрно роль разсматриваемаго учрежденія, роль безспорно преувеличиваемую въ новѣйшей литературѣ,— преувеличиваемую, именно, вслѣдствіе того. что недостаточно принимается во вниманіе декоративная сторона предмета, и часто принимается за реальность то, что въ дѣйствительности было лишь фикціей. На дѣлѣ, центръ тяжести правительственной дѣятельности лежалъ не въ королевскомъ совѣтѣ, а въ министерствахъ.

Но прежде чѣмъ перейдти къ послѣднимъ, необходимо ознакомиться, хотя въ общихъ чертахъ, съ организаціей королевскаго совѣта. Всѣ члены совѣта назначались королемъ — либо прямо, либо косвенно. Послѣднее — путемъ назначенія на одну изъ шести министерскихъ вакансій, о которыхъ рѣчь впереди: всякій министръ былъ ipso facto членомъ королевскаго совѣта. Первое—путемъ назначенія на одну изъ тридцати вакансій *государственныхъ совѣтниковъ* (*conseillers d'Etat*) [1]). число которыхъ было опредѣлено регламентомъ 1787 года въ цифрѣ 32, что̀, впрочемъ, отнюдь не мѣшало быть имъ фактически въ значительно большемъ количествѣ [2]). Вакансіи эти лишь въ ничтожномъ меньшинствѣ замѣщались изъ представителей высшаго духовенства и придворной знати, по большей же части изъ среды чиновнаго класса: членовъ парламентовъ, провинціальныхъ интендантовъ, но главнымъ образомъ изъ числа такъ называемыхъ *maîtres-des-requêtes*, которыхъ мы будемъ называть *секретарями королевскаго совѣта*, такъ какъ главная ихъ функція заключалась въ представленіи докладовъ королевскому совѣту по различнымъ, подлежащимъ его разсмотрѣнію дѣламъ. Должность этихъ секретарей совѣта, пріобрѣтавшаяся, какъ вообще большинство государственныхъ должностей того времени, покупкой [3]), но требовавшая, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

[1]) *Guyot*, „Répertoire de jurisprudence", Paris, 1766 — 1786, t. IV, p. 514: „Conseillers d'Etat... ce sont ceux que le Roi choisit pour servir dans son conseil et y donner leur avis sur les affaires qui s' y traitent".

[2]) 42 въ 1789 году, согласно „Королевскому Альманаху". *Aucoc*, „Le Conseil d'Etat avant et depuis 1789", Paris, 1876, pp. 42, 66.

[3]) Эдиктъ 1708 года установилъ цѣну этой должности въ 200.000 ливровъ, сумму, представляющую въ настоящее время цѣнность не менѣе полумилліона франковъ (*Aucoc*, op. cit., p. 74). Отсюда видно, что должность эта товалабе)

и нѣкотораго служебнаго ценза [1]), представляла собою какъ бы преддверіе, съ одной стороны—къ государственному совѣтничеству, съ другой—къ провинціальному интендантству. Секретари эти присутствовали въ королевскомъ совѣтѣ, но безъ права голоса и стоя, за исключеніемъ одного лишь старшины ихъ (doyen), который пользовался, наравнѣ съ государственными совѣтниками, правомъ присутствовать въ совѣтѣ сидя и съ покрытою головой [2]).

Королевскій совѣтъ дѣлился въ XVIII вѣкѣ то на четыре, то на пять секцій [3]), различавшихся какъ своимъ личнымъ составомъ, такъ и кругомъ вѣдомства.

Первая изъ нихъ, подъ названіемъ *государственнаго* или *верхняго совѣта* (*conseil d'Etat* ou *d'en haut*), состояла въ 1789 году всего лишь изъ восьми членовъ, не считая короля-предсѣдателя. Замѣтимъ, что титулъ министра былъ присвоенъ въ офиціальномъ языкѣ эпохи исключительно членамъ этой секціи королевскаго совѣта [4]), между

фактически и довольно высокаго имущественнаго ценза. Этимъ объясняется, почему должность эта, недостаточно привлекательная по своей скромности для богатой знати и недоступная для мелкаго дворянства и мелкой буржуазіи, сдѣлась почти исключительнымъ достояніемъ наиболѣе зажиточной части послѣдней, насчитывавшей въ своихъ рядахъ немало новыхъ дворянъ, *anoblis*. При скромности жалованья секретаря королевскаго совѣта—всего 1.000 ливровъ въ годъ, сумма, представляющая лишь полъ-процента съ капитала, уплаченнаго на покупку должности,—такая высокая цѣна ея объясняется связанною съ нею перспективою служебной карьеры: доступъ, съ одной стороны, въ королевскій совѣтъ, съ другой—къ должности провинціальнаго интенданта, при чемъ секретарь совѣта, получившій чинъ „государственнаго совѣтника", получалъ обратно всю сумму, уплаченную за свою должность (*Archives du ministère des affaires étrangères*, fonds France, № 153, p. 83).

[1]) Согласно ноябрьскому эдикту 1683 года, требовалось, для полученія должности секретаря королевскаго совѣта, прослужить предварительно не менѣе шести лѣтъ въ должности совѣтника въ одномъ изъ высшихъ судовъ и имѣть не менѣе 31 года. *Aucoc*, op. cit., p. 73.

[2]) *Aucoc*, op. cit., p. 70.

[3]) До 1730 года было *четыре* секціи; съ 1730 г., когда былъ учрежденъ „королевскій совѣтъ коммерціи", *пять* секцій—до 1787, когда эта пятая секція была соединена съ одною изъ остальныхъ четырехъ, именно, съ „королевскимъ совѣтомъ финансовъ". *Bonnassieux*, „Examen des cahiers de 1789 au point de vue commercial et industriel", Paris, 1889, pp. 9–10.

[4]) *Brette*, „Recueil de documents", etc., t. I, p. 350. Въ 1789 г. было семь „министровъ": le duc de Nivernois, Bouvard de Fourqueux, Lamoignon de Malesherbes, le comte de Montmorin, le comte de la Luzerne, Necker, le comte de Saint-Priest. *Brette*, op. cit., t. I, p. 350. Замѣтимъ, однако, что слово „министръ" начинаетъ, въ XVIII вѣкѣ, входить въ употребленіе, по крайней мѣрѣ, въ

тѣмъ какъ тѣ лица, которыхъ, сообразно нашему словоупотребленію, мы бы назвали министрами, носили другіе титулы. Эта секція королевскаго совѣта занималась главнымъ образомъ вопросами иностранной политики и не имѣла непосредственнаго отношенія къ внутреннему управленію, въ которомъ, наоборотъ, лежалъ центръ тяжести второй секціи, такъ называемаго *совѣта депешъ* (*conseil des dépêches*), въ составъ котораго, кромѣ всѣхъ членовъ первой секціи, входили и всѣ статсъ-секретари, не исключая и тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли званія „министровъ". Эта секція королевскаго совѣта сосредоточивала въ себѣ внутреннее управленіе и была, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшею судебною инстанціей по административнымъ дѣламъ [1]).

Третья и четвертая секціи имѣли своимъ предметомъ болѣе спеціальныя области внутренняго управленія, на которыя достаточно указываютъ самыя наименованія этихъ секцій: *королевскій совѣтъ финансовъ* (*conseil royal des finances*) и *королевскій совѣтъ коммерціи* (*conseil royal du commerce*), слитые въ 1787 году въ одинъ *королев-*

полу-офиціальномъ языкѣ, въ качествѣ синонима одного изъ титуловъ: *Chancelier*, *Garde des sceaux*, и т. д. Напримѣръ, *Archives nationales*, série H 1436: „Il est d'usage que le *ministre* (=secrétaire d'Etat) donne une audience aux députés des Etats (provinciaux) sur le cahier, avant d'arrêter la réponse". Но что слово *ministre*, и въ особенности *ministère*, было еще далеко въ XVIII вѣкѣ отъ того спеціальнаго, такъ сказать, техническаго значенія, въ какомъ оно употребляется въ настоящее время, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ выраженій, которыя встрѣчаемъ въ рѣчи, произнесенной валансьенскимъ интендантомъ при открытіи провинціальнаго собранія въ Валансьеннѣ, 15-го декабря 1787 г.: „Un commissaire départi (=intendant) est un homme du Roi, son *ministère* consiste à faire exécuter ses ordres suprêmes".—„Les commissaires départis... ont sû joindre à la soumission du sujet, aux devoirs impérieux de leur *ministère*, les vertus du citoyen". „Procès-verbaux des séances de l'Assemblée provisoire de la province du Hainaut", Paris, 1788. *Bibliothèque nationale*, Lk 15/29.

[1]) *Guyot*, „Traité des droits", etc., t. II, p. 193: „Conseil des dépêches, ainsi dénommé parce que dans l'origine les décisions qui en émanaient étaient renfermées dans les dépêches ou lettres signées par un des secrétaires d'Etat suivant la matière dont il s'agissait".—*Denisart*, „Collection de décisions nouvelles", 1786, t. V, p. 234: „Le Conseil des dépêches connait spécialement de ce qu'on peut appeler le contentieux des provinces. Tout ce qui intéresse la grande administration et la police de l'Etat, ainsi que les affaires majeures regardant des particuliers et liées à la chose publique sont de son ressort. Des requêtes en cassation, des appels des ordonnances des commissaires départis dans les provinces, même des demandes formées en première instance ou évoquées peuvent être portées dans ce conseil dès qu'il est question des grands objets dont nous venons de parler". Послѣднюю цитату беремъ у Окока, op. cit., p. 56—57.

скій совѣтъ финансовъ и *коммерціи* (*conseil royal des finances et du commerce*) [1]).

Наконецъ, послѣдняя, пятая (а съ 1787 г. четвертая) секція королевскаго совѣта, самая многочисленная по своему составу, потому что въ нее входили всѣ государственные совѣтники, имѣла, подъ названіемъ *приватнаго совѣта* или *совѣта сторонъ* (*conseil privé* ou *des parties*), спеціально судебную компетенцію, и слѣдовательно можетъ быть сравнена съ нынѣшнею кассаціонною палатой (cour de cassation) [2]).

Такимъ образомъ, внутреннее управленіе сосредоточивалось въ трехъ (а съ 1787 г. въ двухъ) секціяхъ королевскаго совѣта, изъ которыхъ одна имѣла характеръ обще-административный, остальныя двѣ (а съ 1787 г. одна)—спеціальный.

II.

Посредствующимъ между королевскимъ совѣтомъ и провинціальными администраторами органомъ были шесть высшихъ чиновниковъ, для которыхъ въ офиціальномъ языкѣ эпохи не имѣлось общаго наименованія, но которыхъ мы могли бы, примѣнительно къ нашимъ понятіямъ, назвать министрами. Эти шестеро чиновниковъ были, въ нисходящемъ порядкѣ сравнительной почетности ихъ должностей: *хранитель печатей* (*garde des sceaux*), замѣнившій, начиная съ 1774 года, *канцлера* (*chancelier*) [3]) и соотвѣтствовавшій, mutatis mutandis, нынѣш-

---

[1]) *Bonnassieux*, op. cit., p. 9 — 10. Составъ этой секціи въ 1789 году, по „Королевскому Альманаху“: le Roi, le Garde des sceaux, le duc de Nivernois, Bouvard de Fourqueux, d'Ormesson, de Lamoignon de Malesherbes, de Montyon, le comte de Montmorin, Laurent de Villedeuil, le comte de la Luzerne, Necker, le comte de Saint-Priest.

[2]) *Aucoc*, op. cit., p. 58. Отъ „совѣта депешъ“ эта секція отличалась тѣмъ, что, тогда какъ послѣдняя вѣдала дѣла *обыкновенной юстиціи* (*justice ordinaire*), первый занимался исключительно дѣлами *административной юстиціи* (*justice administrative*). Различіе между этими двумя категоріями юрисдикцій выяснится впослѣдствіи, когда намъ придется болѣе обстоятельно остановиться на „административной юстиціи“, какъ одной изъ сферъ интендантской компетенціи.—Гюйо указываетъ еще другое отличіе приватнаго совѣта отъ прочихъ секцій: „Les arrêts rendus dans les autres conseils du Roi ne peuvent servir de règles, et l'on peut toujours se pourvoir au conseil royal des finances en opposition à ce qu'ils ont décidé“. *Guyot*, op. cit., t. II, p. 194.

[3]) Послѣднимъ канцлеромъ былъ Мопу (Maupeou), фактически отставленный отъ должности, которая de jure была несмѣняемою, пожизненною, въ 174

нему министу юстиціи [1]); четверо *статсъ-секретерей*: *иностранныхъ дѣлъ*, *королевскаго дома*, *военнаго* и *морскаго* (*secrétaires d'Etat des affaires étrangères,—de la maison du roi,—de la guerre,—de la marine*) [2]), и наконецъ *генералъ-контролеръ* или въ послѣдніе годы стараго порядка *генералъ-директоръ* финансовъ (*contrôleur général, directeur général des finances*), которому начали подъ конецъ усваивать даже титулъ *министра финансовъ* (*ministre des finances*), каковымъ онъ, дѣйствительно, и былъ прежде всего.

Что касается четверыхъ статсъ-секретарей, то трое изъ нихъ соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ, военному и морскому съ колоніями; четвертаго, статсъ-секретаря королевскаго дома, по характеру его функціи можно было бы назвать по-нынѣшнему министромъ двора и исповѣданій, такъ какъ, кромѣ управленія дворцовымъ вѣдомствомъ, онъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи также дѣла, касающіяся духовенства, а также протестантовъ,—а отчасти и министромъ внутреннихъ дѣлъ (lettres de cachet) [3]). Особенностью статсъ-

году, въ самомъ началѣ царствованія Людовика XVI. Съ тѣхъ поръ должность канцлера фактически исправлялъ хранитель печатей, лицо, смѣняемое королемъ по произволу, какъ и прочіе министры. Послѣдними хранителями печатей были: *Hue de Miroménil* (août 1774 — avril 1787), *de Lamoignon* (avril 1787 — septembre 1788), *Barentin* (septembre 1788—août 1789), *Champion de Cicé*, archevêque de Bordeaux (août 1789—novembre 1790).—*Brette*, op. cit., t. I, pp. 365—366.—*Guyot*, „Traité des droits", etc.. t. IV, pp. 231—232. Замѣтимъ, что хранитель печатей не имѣлъ титула министра („ministre d'Etat"), такъ какъ не входилъ въ составъ государственнаго или верхняго совѣта.

[1]) Въ парламентскомъ языкѣ Франціи сохранился до сихъ поръ за министромъ юстиціи этотъ титулъ стараго порядка: *garde des sceaux*.

[2]) Въ теченіе семнадцати лѣтъ, съ 1763 по 1780 годъ, существовалъ еще одинъ, *пятый* статсъ-секретаріатъ, въ лицѣ Бертэна (Bertin), бывшаго ранѣе генералъ-контролеромъ („Almanach royal", 1763—1780). Это эфемерное вѣдомство представляло собою попытку выдѣлить изъ вѣдомства генеральнаго контроля нѣкоторые отдѣлы внутренняго управленія, не стоявшіе въ непосредственной связи съ финансами, и главнымъ образомъ тотъ отдѣлъ управленія, который касался земледѣлія и вообще вопросовъ сельскаго хозяйства; въ вѣдомствѣ статсъ-секретаря Бертэна, не имѣвшемъ, впрочемъ, опредѣленнаго наименованія въ офиціальномъ языкѣ (наиболѣе обычнымъ выраженіемъ служило въ этомъ случаѣ „département de M. Bertin"), и систематически игнорируемомъ современною исторической и юридической литературою, можно видѣть первый зародышъ министерства земледѣлія. Намъ нигдѣ не удалось, однако, найдти объясненія недолговѣчности этого нововведенія, вполнѣ, повидимому, отвѣчавшаго живой потребности времени.

[3]) Конкретные примѣры. Изъ письма статсъ-секретаря королевскаго дома Амело къ беарнскому интенданту Дуэ-де-Лабулэ, отъ 19-го февраля 1778 г.:

секретаріата было то, что, сверхъ спеціальнаго круга дѣлъ, общихъ для всей территоріи государства, существовала цѣлая категорія вопросовъ внутренняго управленія [1]), относительно которыхъ Франція была подѣлена территоріально между четырьмя (а наканунѣ 1789 года лишь между двумя) статсъ-секретарями, такъ что по одному и тому же роду дѣлъ одно интендантство могло находиться въ вѣдомствѣ одного статсъ-секретаря, другое въ вѣдомствѣ другаго [2]).

„J'ai l'honneur de vous adresser des ordres de Sa Majesté pour faire arrêter les trois particuliers que vous m'indiquez comme faisant les fonctions de prédicateurs et les propriétaires des deux maisons où se tiennent les assemblées, et pour les faire conduire dans les prisons..." *Archives départementales des Basses-Pyrénées* (Pau), série C 395.—Письмо того же министра къ представителямъ бретаньскихъ штатовъ, „relativement à une requête du chevalier de Langourla, agé de 80 ans, lequel, sans avoir jamais connu les motifs, a été enfermé 20 ans à la Bastille et à Vincennes, — détention qui a causé sa ruine, ce qui l'oblige à recourir aux graces du Roi ou à solliciter la charge de député des Etats à la Chambre des comptes". *Archives departementales d'Ille-et-Vilaine* (Rennes), série C 1796.

[1]) Сюда относились вопросы, касавшіеся организаціи городскихъ управленій *Archives nationales*, série H 1059: изъ письма Колонна къ лангдокскому интенданту, отъ 19-го марта 1784 г.: „...le projet de réglement que vous croyez nécessaire pour l'administration municipale de la ville de Toulouse. *Vous saves que cet objet est du département du secrétaire d'Etat de la province*"...), мѣстныхъ пенсій (*Guyot*. „Traité des droits", etc., t. II, p. 221), конфликтовъ между мѣстными властями (*Senac de Meilhan*, „Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la Révolution", Hambourg, 1795, p. 85: „les conflits qui s'élevaient dans chaque province étaient portés devant le secrétaire d'Etat qui en avait le département"); наконецъ, „секретарь провинціи" служилъ офиціальнымъ посредникомъ между провинціей или какимъ либо городомъ, съ одной стороны, и королемъ съ другой, всякій разъ, когда первая или второй обращались непосредственно къ послѣднему (*Guyot*, op. cit., t. II, p. 221: „Toutes les lettres et mémoires qu'une province ou une ville adressent au Roi, doivent passer par les mains du secrétaire d'Etat qui a cette province ou cette ville dans son département"). Роль „секретаря провинціи" была, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ часто лишь показною, дѣловая же роль принадлежала большею частью и тутъ генералъ-контролеру.

[2]) Вотъ раздѣленіе „провинцій и генеральствъ" между двумя статсъ-секретаріатами—королевскаго дома и военнымъ, согласно послѣднему „Королевскому Альманаху", 1790 г.: 1) *Maison du Roi*: La ville et la généralité de Paris. Le Languedoc haut et bas, et la généralité de Montauban. Provence, Bourgogne, Bresse, Bugey, Valromey et Gex. Bretagne. La comté de Foix. Navarre, Béarn, Bigorre et Nebouzan. Picardie et Boulonnois. La généralité de Tours. L'Auvergne, qui comprend la généralité de Riom. La généralité de Moulins, qui comprend le Bourbonnois, le Nivernois et la haute Marche. Limoges, qui comprend l'Angoumois et la basse Marche. Soissons. Orléans, avec la partie du Perche qui en dépend. Le

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ переживаніемъ традиціоннаго порядка вещей, совершенно утратившаго въ изучаемую нами эпоху всякій смыслъ и всякое право на существованіе, такъ какъ фактически еще со времени Кольбера, истиннаго создателя этого учрежденія, уже существовало настоящее вѣдомство внутренняго управленія: *генеральный контроль* (*contrôle général des finances*, или просто *contrôle général* [1]).

Poitou. La Rochelle qui comprend la Saintonge, le pays d'Aunis, Brouage, les isles de Rhé et d'Oléron. La Guyenne haute et basse, ce qui comprend les intendance de Bordeaux, Ausch et Bayonne. La Normandie, qui comprend les généralités de Rouen, Caen et Alençon, et la partie de la province du Perche qui dépend de la généralité d'Alençon. La Champagne et la partie de la Brie qui depend de la généralité de Châlons. La principauté de Dombes. Le Berri. 2) *La Guerre*: Les trois Evêchés de Metz, Toul et Verdun. La Lorraine et le Barrois. L'Artois. La Flandre. Le Hainaut. L'Alsace. La Franché-Comté. Le Roussillon. Le Dauphiné. La ville de Sédan et dépendances. L'isle de Corse. Замѣтимъ, что, вопреки довольно распространенному мнѣнію, распредѣленіе „провинцій" между различными статсъ-секретарями не было чѣмъ то постояннымъ, разъ навсегда установленнымъ: наоборотъ, здѣсь мы наблюдаемъ крайнюю неустойчивость и постоянныя перемѣны. См., напримѣръ, *Guyot*, op. cit., t. II, pp. 220—221.

[1]) Это вѣдомство испытало, за недолгій періодъ 1774—1789 гг., не мало перемѣнъ, какъ въ своей внутренней организаціи, такъ и въ отношеніи личнаго состава. Вотъ списокъ лицъ, стоявшихъ во главѣ этого учрежденія за указанный періодъ: *l'abbé Terray* (23 décembre 1769—24 août 1774), *Turgot* (24 août 1774—12 mai 1776), *de Clugny* (12 mai 1776—18 octobre 1776), *Taboureau des Réaux* (21 octobre 1776—29 juin 1777), *Necker*, *directeur général des finances* (29 juin 1777—19 mai 1781), *Joly de Fleury* (21 (24?) mai 1781—30 mars 1783), *d'Ormesson* (30 mars 1783—3 novembre 1783), *de Calonne* (3 novembre 1783—8 avril 1787), *de Fourqueux* (8 avril 1787—30 avril 1787), *Laurent de Villedeuil* (3 mai 1787—31 août 1787), *Lambert* (31 août (у Бретта, op. cit., t. I, 361: „21 mai"—опечатка, такъ какъ въ документѣ, на который онъ ссылается *Archives nationales*, série O'127, значится дата „31 мая") 1787—25 août 1788), *Necker*, *directeur général des finances* (26 août 1788—11 juillet 1789), *Foullon* (*Chaumont de la Galaizière*?) (12—14 juillet 1789), *Necker*, *ministre des finances* (29 juillet 1789—4 septembre 1790), *Lambert* (6 août 1789—30 novembre 1790. У Бретта, loco cit., опять опечатка: 9-го августа, вмѣсто 6-го, *Archives nationales*, série O'187, p. 231). Считаемъ нужнымъ оговориться, что не можемъ ручаться за точность всѣхъ хронологическихъ датъ, которыя нами почерпнуты главнымъ образомъ у Бретта и Люса, и которыя мы не имѣли возможности провѣрить всѣ по документальнымъ даннымъ. Что касается списка „министерствъ при Людовикѣ XVI" у Семишона (*Semichon*, „Les réformes sous Louis XVI", pp. 363—365), то онъ составленъ съ поразительною небрежностью: не говоря уже о пестрящихъ на каждомъ шагу хронологическихъ неточностяхъ, приходится встрѣчаться съ такими искаженіями собственныхъ именъ, какъ *Taburot* des Réaux вм. *Taboureau*

Несмотря на свое послѣднее мѣсто, по рангу, среди мини-

d. R., *Amelou* вмѣсто *Amelot*, *Areteuil* вмѣсто *Breteuil*, а единственный канцлеръ Maupeou раздвоился на двѣ различныя личности: „de Meaupeou (sic) René-*Charles*" и „Meaupeou (sic) Rene-*Nicolas*", и т. п. Мы имѣемъ здѣсь въ виду списокъ не однихъ лишь генералъ-контролеровъ, но всѣхъ министровъ эпохи Людовика XVI вообще. Замѣтимъ далѣе, что Lomeni de Brienne, котораго обыкновенно заставляютъ фигурировать въ спискѣ генералъ-контролеровъ (напримѣръ, Шерюэль, въ своемъ „Словарѣ учрежденій"), такъ же мало имѣетъ на это права, какъ Maurepas, Vergennes, Breteuil, изъ которыхъ первый былъ предшественникомъ Бріенния, а послѣдніе двое—его преемниками въ должности начальника королевскаго совѣта финансовъ (chef du conseil royal des finances). Хотя теоретически генералъ-контролеръ былъ лишь подчиненнымъ начальника королевскаго совѣта, но на дѣлѣ настоящимъ хозяиномъ генеральнаго контроля и даже самого королевскаго совѣта финансовъ былъ въ концѣ концовъ генералъ-контролеръ, должность же начальника этого совѣта была не болѣе, какъ почетною синекурой. Исключеніе представляетъ лишь время, когда должность начальника королевскаго совѣта финансовъ занималъ Ломени-де-Бріеннь (съ 1-го мая 1787 по 25-е августа 1788), который дѣйствительно игралъ активную роль въ управленіи финансами, и, предоставивъ генералъ-контролеру (при немъ были сначала Виллъдейль, потомъ Ламберъ), который при немъ снизошелъ на степень дѣйствительно подчиненнаго ему и даже имъ назначаемаго чиновника, техническую часть и „детали" финансоваго управленія, держалъ въ своихъ рукахъ бразды финансовой и вообще внутренней политики. Для Неккера титулъ генералъ-контролера былъ замѣненъ титуломъ *генералъ-директора финансовъ* (*directeur général des finances*) въ періодъ его первыхъ двухъ министерствъ (1777—1781 и 1788—1789), а въ періодъ третьяго министерства (1789—1790) титуломъ *министра финансовъ* (*ministre des finances*; титулъ этотъ, въ качествѣ неофиціальнаго, былъ уже въ ходу еще до 1789 года: онъ встрѣчается изрѣдка въ административной переписке семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, а Неккеръ систематически употребляетъ его, вмѣсто титула генералъ-контролеръ, въ своемъ сочиненіи о финансовой администраціи, вышедшемъ въ 1784 году). Во время послѣдняго министерства Неккера титулъ генералъ-контролера былъ возстановленъ въ пользу Ламбера, который находился приблизительно въ такомъ же отношеніи къ „министру финансовъ" Неккеру, въ какомъ генералъ-контролеры ранѣе—къ начальнику королевскаго совѣта финансовъ Бріенню. Ламберъ былъ послѣднимъ генералъ-контролеромъ. Послѣ отставки Неккера, 4-го сентября 1790 г., онъ управлялъ одинъ финансами до 30 ноября того же года. Его преемникъ Delessart (30 novembre 1790—28 mai 1791) носилъ уже титулъ *министра финансовъ*, а слѣдующій за нимъ Tarbé (28 mai 1791—24 mars 1792)—титулъ *министра казенныхъ поступленій* (*ministre des contributions publiques*). Замѣтимъ также, что послѣднимъ начальникомъ королевскаго совѣта финансовъ былъ Ломени-де-Бріеннь (если не считать Бретейля, назначеннаго на этотъ постъ 12-го іюля 1789 г. и не успѣвшаго фактически вступить въ отправленіе своихъ функцій), а не Верженнь, какъ утверждаетъ Буато („Etat de la France en 1789". Paris, 1861, p. 115). Исправимъ по пути также ошибку Лаланна („Dictionnaire historique de la France", p. 1156), говорящаго о „назначеніи Бріенния на должность генералъ-контролера въ 1787 году": этой должности Бріеннь никогда не занималъ.

стровъ[1]), генералъ-контролеръ, въ особенности въ послѣднюю пору стараго порядка, игралъ безспорно преобладающую роль въ правительствѣ[2]), а временами, въ особенности при Тюрго и Неккерѣ, возвышался фактически до степени перваго министра. „Финансы, это—душа государства, и вотъ почему финансовое вѣдомство превосходитъ по своей важности всѣ остальныя" [3]). Преобладающее положеніе генералъ-контролера среди другихъ министровъ обусловливалось прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что, держа въ своихъ рукахъ ключъ отъ казеннаго сундука, генералъ-контролеръ чувствовалъ себя въ гораздо болѣе независимомъ положеніи по отношенію къ своимъ коллегамъ, чѣмъ послѣдніе по отношенію къ нему. Вліяніе генералъ-контролера постепенно усиливалось вмѣстѣ съ прогрессивнымъ ростомъ финансовъ и параллельнымъ увеличеніемъ того значенія. какое финансовые вопросы все болѣе и болѣе пріобрѣтали въ общей экономіи внутренняго управленія [4]). Съ другой стороны, ростъ генеральнаго контроля и его правительственнаго значенія былъ слѣдствіемъ постепеннаго роста администраціи вообще,—слѣдствіемъ прогрессивнаго расширенія сферы правительственнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь страны. Въ исторіи развитія генеральнаго контроля мы находимъ въ данномъ случаѣ совершенный параллелизмъ съ историческою эволюціей интендантства. Подобно тому, какъ послѣдовательное расширеніе сферы правительственнаго вмѣшательства шло почти цѣликомъ на расширеніе вѣдомства интенданта въ провинціи, такъ въ центрѣ это явленіе выражалось расширеніемъ вѣдомства генеральнаго контроля. Для интенданта

---

[1]) Въ офиціальныхъ или полу-офиціальныхъ спискахъ (напримѣръ, въ „Королевскомъ Альманахѣ", въ одномъ документѣ 1777 года, *Archives du ministère des affaires étrangères*, fonds France, № 158) генералъ-контролеръ фигурируетъ обыкновенно въ самомъ концѣ, послѣ статсъ-секретарей, которые, въ свою очередь, идутъ за канцлеромъ (или хранителемъ печатей) и начальникомъ королевскаго совѣта финансовъ, какъ въ цитированномъ документѣ архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

[2]) *Archives nationales*, série H 77. Feuilles de travail (de M. Acher?): „le Ministre des finances, qui certainement a plus d'influence qu' aucun autre sur l'administration des affaires".

[3]) *Archives du ministère des affaires étrangères*, fonds France, № 158. „Extrait de l'Etat politique de la France, 1777", ms., p. 87: „Les finances étant l'ame de l'Etat, le département des finances (=contrôle général) est donc le plus intéressant de tous".

[4]) *Necker*, „Compte rendu au Roi", Paris, 1781, p. 148—150: „*Cette place* (de ministre des finances) *est devenue infiniment plus considérable qu'elle n'était autrefois*, parce que les impositions se sont extrêmement multipliées et diversifiées".

этотъ результатъ обусловливался его качествомъ единственнаго непосредственнаго органа правительства въ провинціи, для генералъ-контролера—прямою или косвенною прикосновенностью всякой новой отрасли администраціи къ финансамъ. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что въ послѣднюю пору стараго порядка въ генеральномъ контролѣ стягивались, прямо или косвенно, всѣ нити внутренняго управленія [1]). Въ дореволюціонной Франціи мы не видимъ ни министерства внутреннихъ дѣлъ, ни министерства общественныхъ работъ, ни земледѣлія, ни промышленности и торговли, и однако же всѣ эти отрасли управленія входили, особенно въ послѣднюю пору стараго порядка, въ область администраціи, въ сферу правительственнаго воздѣйствія. Гдѣ же, спрашивается, искать соотвѣтствующія этимъ отраслямъ управленія вѣдомства? Всѣ они сосредоточивались въ одномъ вѣдомствѣ, въ одномъ учрежденіи: въ генеральномъ контролѣ. Генеральный контроль, какъ было замѣчено выше, представлялъ собою въ послѣднюю пору стараго порядка настоящее *вѣдомство внутренняго управленія*, то-есть, такую организацію, которой нѣтъ равной, по обширности вѣдомства, среди современныхъ учрежденій. Сопоставляя его съ организаціей современныхъ министерствъ, мы найдемъ, что генеральный контроль охватывалъ либо цѣликомъ, либо отчасти вѣдомства семи различныхъ министерствъ: вѣдомства министерствъ финансовъ [2]), тор-

---

[1]) *D'Argenson*, „Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France", p. 176: „*Le département* („вѣдомство") *qui a le plus gagné, est celui des finances*. A celui-ci sont réunis toute police générale („administration générale", по-нынѣшнему), commerce, circulation d'argent, banque et toute la fortune des particuliers. Ainsi, l'histoire des progrès de la monarchie en France dépend, depuis Colbert, de l'histoire des ministres des finances". Заимствуемъ эту цитату у де-Брока („La France sous l'ancien régime, le gouvernement et les institutions", p. 108).

[2]) Управленіе государственными доходами и расходами и контроль надъ мѣстными финансами—провинціальными, городскими и сельскими; управленіе монетною частью, государственными имуществами и т. д. Административная переписка и прочія документы эпохи, касающіеся этой части, до крайности разбросаны: въ Національномъ архивѣ они разсѣяны, кромѣ серіи H, также въ серіяхъ E, F, G, K, P, D, AD и др.; въ департаментскихъ архивахъ—преимущественно въ серіи C.—Конкретные примѣры.—Изъ письма Жоли-де-Флери къ старшинамъ беарнскихъ штатовъ, отъ 3-го февраля 1783 года: „le Roi a jugé qu'il n'y avait pas lieu d'avoir égard aux représentations que votre zèle vous a suggérées. Les Etats n'ont donc plus à délibérer que sur le choix des moyens de procurer le montant de leur abonnement". *Archives nationales*, série H 1058.—Изъ письма Ломени-де-Бріенна къ лангдокскому интенданту Баллэнвиллье, отъ 4-го іюня 1787 года: „Les maire et consuls de Limoux se plaignent que leur territoire est infini-

говли и промышленности [1]), общественныхъ работъ (и путей сообщенія) [2]),

ment plus chargé qu'aucun autre de la province dans la répartition générale des impositions". *Ibidem*, série H 1062. Изъ письма Жоли-де-Флери къ бордоскому интенданту (апрѣль 1783 года): „Si le Roi a fait une remise un peu plus forte au pays de Labour, c'est en considération des services que les habitants de ce pays ont rendus sur mer pendant la guerre, et des pertes qu'ils y ont faites". *Ibidem*, série H 1058.—Изъ письма д'Ормессона къ епископу Памье, отъ 25-го октября 1783 года: „J'ai l'honneur de vous envoyer le procès-verbal dressé par un employé au recouvrements des deniers royaux contre les officiers municipaux de Daumazan qui ont refusé le concours de leur autorité à cet employé et de lui faire payer les frais de contrainte qui lui étaient dûs..." *Ibidem*, série H 1058.—Тюрго пишетъ, 12-го января 1775 года, къ бордоскому интенданту, „que l'intention du Roi est que l'on use des plus grands ménagements pour le recouvrement des impositions envers ceux qui ont perdu leurs bestiaux". *Ibidem*, série H 1482.

[1]) Регламентація промышленности, разрѣшенія на постройку фабрикъ и заводовъ, концессіи на разработку рудниковъ, каменноугольныхъ залежей и пр.; таможенныя пошлины внутреннія и внѣшнія, пошлины дорожныя и рѣчныя (péages) и т. д.; разрѣшеніе ярмарокъ и базаровъ и надзоръ за ними и т. д. Кромѣ серіи H, административная переписка по этой части имѣется, за интересующій насъ періодъ, также въ серіи F въ Національномъ и въ серіи C департаментскихъ архивовъ.—Конкретные примѣры. Калоннъ разсылаетъ интендантамъ рефератъ, читанный Добантономъ въ Академіи Наукъ объ улучшеніи качества шерсти и способовъ выдѣлки суконъ. *Bonnefoy*, „Histoire de l'administration civile dans la province d'Auvergne et le département du Puy-de-Dôme", Paris, 1895, p. 176.—Изъ письма Калонна къ лангдокскому интенданту Баллэнвиллье, отъ 3-го августа 1787 года: „...les récoltes des soies ont manqué en Languedoc, il va en résulter une inertie fâcheuse dans la plupart des fabriques de Nîmes et par suite l'émigration des ouvriers à l'étranger. Pour prévenir le préjudice que cette ville en éprouverait, vous proposez d'employer les ouvriers qui manqueront d'ouvrage aux travaux qui ont été autorisés par le Conseil, soit pour le déblayement des arènes, soit pour la confection des lavoirs...". *Archives nationales*, série H 1059.

[2]) Постройка, ремонтъ дорогъ, мостовъ и управленіе дорожною частью, равно какъ сооруженіе рѣчныхъ каналовъ и урегулированіе рѣчныхъ руслъ, постройка и ремонтъ общественныхъ и казенныхъ зданій, какъ-то зданій для помѣщенія парламентовъ, городскихъ думъ, интендантствъ, больницъ, тюремъ, церквей и церковныхъ домовъ, городскихъ театровъ, даже частныхъ гостиницъ. Административная переписка генеральнаго контроля, относящаяся къ этой отрасли управленія, находится за изучаемый нами періодъ въ серіи H Національнаго архива и въ серіи C департаментскихъ архивовъ.—Конкретные примѣры. Изъ письма Жоли-де-Флери къ епископу Памье (предсѣдателю штатовъ Фуа), отъ 10-го января 1783 года: „J'ai reçu, Monsieur, avec la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 28 décembre dernier, l'extrait des délibérations des Etats de Foix relativement à la nomination d'un Directeur des travaux publics, par laquelle ils ont bien voulu s'en rapporter à moi. Je vais prendre sans delai

земледѣлія [1]) — цѣликомъ; вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ въ наиболѣе значительной своей части [2]), и наконецъ — отчасти вѣ-

quelques éclaircissements qui doivent déterminer mon choix..." *Archives nationales*, série H 1058.—Изъ письма Неккера къ лангдокскому интенданту Сенъ-При, отъ 15-го ноября 1780 года: „... différentes lettres que vous avez reçues de mes prédécesseurs et de moi... sur un projet dont on s'occupe depuis plusieurs années, pour rétablir la navigation de la Garonne et prevenir le retour des inconvenients de toute espèce qui l'ont dégradée depuis 50 ans...". *Ibidem*, série H 1056.

[1]) Земледѣліе и скотоводство, ихъ статистика и мѣры къ ихъ развитію; казенные разсадники (pépinières royales) для поощренія лѣсоводства и садоводства, казенные конскіе заводы (haras royaux); сельско-хозяйственныя невзгоды: наводненія, градобитія, скотскіе падежи, неурожаи, и помощь пострадавшимъ отъ этого рода невзгодъ и т. д. Административная переписка разсѣяна въ серіи H Національнаго архива и въ серіи C архивовъ департаментскихъ.—Конкретные примѣры. Изъ письма Неккера въ лангдокскому интенданту Баллэнвилльe, отъ 21-го октября 1789 года: „Vous me proposez de faire venir de Corse 19—20.000 pieds d'oliviers pour remplacer ceux qui ont peri en Languedoc par la rigueur de l'hiver dernier", etc. *Archives nationales*, série H 1063.—Изъ письма Жоли-де-Флери къ графу Перигору, „главнокомандующему въ Лангдокѣ", отъ 14-го февраля 1783 года: „Trouvez bon, Monsieur, que je vous recommande à votre intérêt pour le progrès de l'agriculture et du commerce en Languedoc, le nouveau procédé inventé par le sieur Argon de Genève, pour faire les eaux-de-vie... Il ne s'agit plus que d'en étendre l'exploitation, non seulement pour substituer aux usages établies dans les brûleries et actuellement existantes en Languedoc, mais pour mettre en valeur l'immence quantité de terrains incultes et uniquement propres à la vigne qui fourniraient de l'aliment à de nouveaux fabriques, si les propriétaires étaient excités à planter par l'assurance d'un débouché suffisant". *Archives nationales*, série H 1058.—Изъ письма Калонна къ лангдокскому интенданту Баллэнвилльe, отъ 27-го марта 1787 года: „D'après les observations, Monsieur, que vous m'avez adressées sur les différentes demandes de secours que j'ai eu l'honneur de vous communiquer en faveur de plusieurs contribuables qui ont éprouvé des pertes sur leurs récoltes et autres accidents, je ne puis qu'applaudir au vues d'équité qui vous ont porté à comprendre dans votre répartition du fonds des indémnités le sieur Guay...", etc. *Archives nationales*, série H 1062.—Изъ письма Террэ къ бордоскому интенданту, отъ 12-го августа 1772 года: „Je dois vous prévenir que le subdélégué de Casteljaloux n'est point exact à envoyer les états du prix des grains de quinzaine en quinzaine... Je vous prie de faire donner les ordres convenables pour que, sous aucun prétexte, il ne puisse à l'avenir différer d'adresser exactement ces états à M. de Saint-Prest" (начальникъ одного изъ отдѣленій генеральнаго контроля). „Archives historiques de la Gironde", t. I, p. 248.—Тюрго адресуетъ, 14-го марта 1775 года, шалонскому интенданту нѣсколько экземпляровъ сочиненія Викъ-д'Азира, директора королевскаго медицинскаго общества, „О способахъ лѣченія скотскихъ повальныхъ болѣзней". *Archives départementales de la Marne*, série C 371.

[2]) Остальная, менѣе значительная часть была подѣлена территоріально между

домства министерствъ военнаго [1]) и народнаго просвѣщенія [2]).

четырьмя (а подъ конецъ лишь двумя) статсъ-секретарями и хранителемъ печатей (цензура). Въ вѣдомство генералъ-контролера входили: статистика населенія, заботы о благосостояніи его во всѣхъ отношеніяхъ, отсюда: полиція санитарная, мѣры къ снабженію различныхъ частей страны съѣстными припасами, особенно во время недорода въ той или другой области; въ частности, мѣры противъ повальныхъ болѣзней, противъ нищенства; больницы, воспитательные дома и т. д.; „административная опека" надъ городскими и сельскими управленіями.—Административная переписка—въ серіи H Національнаго и въ серіи C департаментскихъ архивовъ.—Конкретные примѣры. Изъ письма Неккера къ лангдокскому интенданту Сенъ-При, отъ 16-го августа 1781 года („административная опека"): „Je suis instruit que la ville de Montpellier refuse de tenir compte à l'entrepreneur de l'hôpital militaire à Montpellier du montant des droits d'octrois et subventions qu'elle a fait percevoir sur la viande et autres denrées destinées à la consommation de cet hôpital,—qu'il y a une instance élevée entre eux à ce sujet pardevant vous, et que les officiers municipaux sont chargés par la ville de se pourvoir au Conseil contre votre ordonnance lorsqu'elle sera rendue, et de former opposition à l'arrêt du Conseil du 2 septembre 1775 qui a ordonné que l'hôpital militaire jouira de l'exemption de tous droits. L'exemple des Etats (de Languedoc) qui ont consenti à tenir compte à cet entrepreneur du montant des droits d'Equivalent (такъ называлась одна изъ податей въ Лангдокѣ) aurait dû empêcher la ville d'entamer un pareil procès, et elle ne peut avoir aucune raison de croire que le Conseil lui sera plus favorable qu'il ne l'a été aux Etats... Je vous prie donc de vouloir bien préscrire de ma part aux officiers municipaux de terminer sans delai cette contestation avec l'éntrepreneur de l'hôpital militaire de la même manière qu'il a été usé de la part des Etats, et avertir les officiers que dans le cas où ils ne le feraient pas, je ne pourrais m' empêcher de proposer au Conseil de les rendre personnellement et solidairement responsables des frais d'un procès qui n'étant pas du tout fondé, ne saurait être qu'a la charge de la communauté". *Archives nationales*, série H 1057.

[1]) Пороховые заводы и селитряные промыслы (poudres et salpêtres), подводы для передвиженія войскъ и ихъ расквартировка.

[2]) Кромѣ высшихъ техническихъ школъ—Ecole des ponts et chaussées, Ecole des mines и двухъ Ecoles vétérinaires (въ Альфортѣ близъ Парижа и въ Ліонѣ), Ecole pour la culture des arbres (въ Ліонѣ), которыя всѣ состояли въ вѣдомствѣ генеральнаго контроля, послѣдній имѣлъ нѣкоторое отношеніе также и къ университетамъ, хотя они и не были въ то время государственными учрежденіями.—Конкретные примѣры. Изъ письма Калонна къ лангдокскому интенданту Сенъ-При, отъ 1-го августа 1785 года: „En me renvoyant le mémoire des professeurs en médecine de la faculté de Montpellier au sujet des réparations à faire dans leurs Ecoles, vous m'avez fait l'honneur de me marquer que ces réparations sont indispensables et ont été évaluées à 24.400 liv. Vous ajoutez que les professeurs n'ayant pas de fonds pour y subvenir, on pourrait prendre le parti d'y faire contribuer le Roi pour 6.000 liv., la ville de Montpellier pour 4.000 liv. et les étudiants pour le surplus, en augmentant le prix des inscriptions et des grades sui-

Если въ дореволюціонной Франціи существовала административная централизація,—а этого нельзя не признать вмѣстѣ съ Токвилемъ, хотя и не безъ существенныхъ оговорокъ, которыя намъ придется сдѣлать въ своемъ мѣстѣ,—то фактическимъ средоточіемъ этой централизаціи былъ въ гораздо большей степени генералъ-контролеръ, чѣмъ королевскій совѣтъ, роль котораго, какъ выше было замѣчено, была до извѣстной степени показною, декоративною.

Нѣтъ ничего легче, какъ принять въ этомъ случаѣ фикцію за дѣйствительность, такъ какъ, дѣйствительно, всѣ правительственные акты, какъ законодательные въ собственномъ смыслѣ, такъ и административные,—зарегистрованные въ различныхъ изданныхъ и не изданныхъ „законодательныхъ" сборникахъ, — всѣ они, отъ важнѣйшихъ

vant un nouveau tarif, que vous avez concerté avec les professeurs, qui seraient autorisés à emprunter 14.400 liv. pour l'excédant da la dépense à payer par le Roi et par la ville. Cet arrangement me paraît convenable". *Archives nationales*, série H 1060.—Изъ письма Калонна къ графу Перигору, „главнокомандующему въ Лангдокѣ", отъ 7-го ноября 1781 года: „Les députés des Etats (de Languedoc) ont demandé l'autorisation d'une délibération par laquelle la dernière assemblée a arrêté de fonder deux chaires de physique expérimentale, l'une à Toulouse et l'autre à Montpellier, et une chaire de chimie dans cette dernière ville, et de prendre les fonds nécessaires pour cette fondation sur les bénéfices de la caisse des prêts. J'ai témoigné au députés que je serais disposé à rendre au Roi un compte favorable..."—Генералъ-контролеру случалось имѣть касательство къ наукѣ еще и иными способами, какъ это видно изъ слѣдующихъ двухъ отрывковъ изъ административной переписки. Изъ письма генералъ-контролера д'Ормессона къ „маркизу де-Кондорсэ, непремѣнному секретарю академіи наукъ", отъ 28-го іюня 1783 года: „J'ai l'honneur de vous envoyer le procès-verbal d'une expérience faite à Annonay (Languedoc) pour constater les principaux effets d'une machine inventée sous le nom *d'aréostatique* (sic) par les sieurs *Mongossier* (sic). Il peut être utile que l'Académie connaisse le résultat de cette expérience et qu'elle juge des avantages qu'il serait possible de s'en promettre, et je vous prie de vouloir bien lui en rendre compte et me faire part de ses refléxions". *Archives nationales*, série H 1058. Не трудно распознать подъ „machine aréostatique des sieurs Montgossier"—аэростатъ Монгольфьеровъ.—Въ 1764 году генералъ-контролеръ Лаверди пишетъ къ дижонскому интенданту Амело, поручая ему собирать всюду, гдѣ окажется въ его интендантствѣ, „tous les morceaux, tant imprimés que manuscrits, qui peuvent avoir rapport, soit à l'histoire générale, soit à l'histoire particulière de la France, le Roi ayant jugé à propos de favoriser une seconde édition de la *Bibliothèque historique de la France* du père Lelong". *Archives départementales de l'Ain* (Bourg-en-Bresse), série C 980. (Отзывъ Лаланна о названномъ сочиненіи О. Лелонга: „Une des ouvrages les plus utiles et les mieux faits que nous possédions pour l'étude de notre histoire". *Lalanne*, „Dictionnaire historique de la France", Paris, 1877, p. 1116).

реформаціонныхъ актовъ до самаго мелочнаго полицейскаго распоряженія, исходятъ отъ королевскаго совѣта. Но здѣсь-то вотъ именно и обнаруживается скользкость „юридическаго метода“ и вся неоцѣненность административной переписки, какъ конкретнаго источника, какъ надежнаго путеводителя, при помощи котораго мы имѣемъ возможность проникнуть по ту сторону декорацій, скрывающихъ отъ насъ закулисную, не показную сторону административной дѣйствительности стараго порядка. Административная переписка разрушаетъ эту иллюзію королевскаго совѣта, какъ центральной пружины, заправляющей всѣмъ движеніемъ административной машины, вскрывая передъ нами настоящія пружины, невидимыя для глаза, вооруженнаго лишь „юридическимъ методомъ“: пружины эти — министры, и главная изъ нихъ — генеральный контролеръ. Съ показной стороны королевскій совѣтъ представляется заправилой, хозяиномъ администраціи, а министры—лишь его органами, его „работниками“; въ дѣйствительности, наоборотъ, настоящими хозяевами администраціи были именно министры—и въ особенности генералъ-контролеръ, а королевскій совѣтъ въ сущности игралъ роль органа министровъ, въ особенности же самаго вліятельнаго изъ нихъ — генералъ-контролера. Административная переписка обнаруживаетъ передъ нами тотъ фактъ, что всѣ эти безчисленные законодательные и административные акты, исходящіе отъ имени королевскаго совѣта, или „короля въ своемъ совѣтѣ“, представляютъ не результатъ иниціативы самого совѣта, даже не результатъ обмѣна мнѣній внутри совѣта, а просто-напросто результатъ единоличнаго почина одного изъ министровъ, санкціонированнаго предварительнымъ, до внесенія въ совѣтъ, одобреніемъ короля,—одобреніемъ, которое низводило на степень пустой формальности всю дальнѣйшую процедуру—внесенія даннаго предложенія въ совѣтъ и обсужденія его въ одной изъ секцій послѣдняго.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что при отсутствіи точнаго разграниченія компетенцій каждой изъ секцій королевскаго совѣта (въ особенности между conseil des dépêches и conseil des finances) министръ имѣлъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ выбирать по своему усмотрѣнію наиболѣе для него желательную, въ данныхъ условіяхъ секцію [1]).

---

[1]) На одномъ „дѣлѣ“, касающемся вопроса о раздѣлѣ байонскаго интендантства въ 1774 г., читаемъ надпись, сдѣланную чиновникомъ генеральнаго кон-

Наконецъ, министръ, если находилъ нужнымъ, могъ вовсе обойтись безъ содѣйствія, хотя бы даже и чисто показнаго, королевскаго совѣта: къ его услугамъ были, кромѣ формы „постановленія совѣта", „эдикта" и т. д., еще двѣ, совершенно независимыя отъ совѣта, формы для выраженія королевской воли, то-есть, фактически министерскаго „усмотрѣнія". Одну изъ этихъ формъ представляетъ *королевскій приказъ* (*ordre du roi*), иначе *запечатанное письмо* (*lettre de cachet*), вторую—*министерское письмо* (*lettre ministerielle*).

Что касается первой изъ этихъ двухъ формъ, то, вопреки ходячему представленію, связывающему lettres de cachet исключительно съ актами административнаго ареста безъ суда (по-русски этотъ терминъ даже и переводятъ нерѣдко выраженіемъ „приказъ объ арестѣ"), она служила *вообще для выраженія личной воли короля* во множествѣ самыхъ разнообразныхъ случаевъ, такъ какъ, по словамъ Мальзерба, „lettre de cachet была единственнымъ способомъ, которымъ располагаетъ король для осуществленія своей воли" [1]). Форма léttre de cachet употреблялась, напримѣръ, для созыва провинціальныхъ штатовъ, для офиціальнаго объявленія имъ о назначеніи королевскимъ комиссаромъ такого-то лица [2]), для объявленія предписанія имъ обсудить такой-то предметъ или воздержаться отъ обсужденія такого-то вопроса,

---

троля: „M. le contrôleur général a approuvé la réflexion qu' on lui a proposée, *pour porter cette affaire au Conseil des finances plutôt qu'au Conseil des depêches*". *Archives nationales*, série H 1411.

[1]) „Otez les lettres de cachet, et vous ôtez au Roi toute son autorité, car *la lettre de cachet est le seul moyen qu'il possède de faire exécuter sa volonté dans le royaume*". Эти слова изъ неизданнаго мемуара Мальзерба о lettres de cachet заимствуемъ изъ небольшой, но замѣчательной статьи Функъ-Брентано о lettres de cachet въ „Grande Encyclopédie", t. XXII, pp. 111—112.

[2]) Вотъ для образца lettre de cachet этого сорта, адресованная штатамъ области Фуа въ 1783 г. „De part le Roi. Chers et bien aimés, jugeant à propos que le sieur marquis d' Usson, colonel au régiment d' Angoumois, lieutenant général en notre pays et comté de Fois, et commissaire pour Nous en l'assemblée des Etats de notre dit pays et comté, assiste aux assemblées et délibérations de la commission des dits Etats, appelée Chambre des comptes, qui pourront avoir lieu pendant la tenue des dits Etats: Nous vous faisons cette lettre pour vous mander et ordonner, de donner au dit sieur marquis d' Usson entrée et séance en la dite commisson, toutes les foix que le bien de nos affaires lui paraitra exiger sa présence en icelle; si n'y faites faute: car tel est notre plaisir. Donné à Fontainebleau, le 7 novembre 1783. (Signé): Louis. (Et plus bas): Amelot." Procès-verbal de l'assemblée des Etats de Foix. *Archives départementales de l' Ariège* (Foix) (документы, не внесенные въ печатную опись).

для объявленія закрытія сессіи [1]), приказъ—напримѣръ, интенданту—о приведеніи въ исполненіе извѣстнаго постановленія совѣта" [2]), либо о заключеніи въ крѣпость извѣстнаго лица, и т. д.; иногда „запечатанное письмо" адресовалось не учрежденію какому либо, а отдѣльному лицу, это было обыкновенно—либо для выраженія королевскаго неудовольствія, сопровождаемаго предписаніемъ „удалиться въ свои имѣнія" или въ другой назначенный пунктъ — немедленно или въ такой-то срокъ, либо, наоборотъ, для выраженія королевскаго благоволенія по поводу того или другаго поступка даннаго лица: въ одномъ случаѣ, слѣдовательно, въ lettre de cachet мы имѣемъ дѣло съ полицейскимъ приказомъ объ административной высылкѣ, въ другомъ—съ высочайшимъ рескриптомъ [3]).

Кругъ примѣненія lettre de cachet былъ все-таки довольно ограниченный: онъ ограничивался такими случаями, гдѣ считалось необходимымъ или приличнымъ непосредственное, личное вмѣшательство короля, хотя на дѣлѣ именемъ короля въ этомъ случаѣ сплошь да рядомъ маскировалось министерское „усмотрѣніе".

Гораздо большею гибкостью и эластичностью обладала другая форма внѣсовѣтскаго проявленія министерской воли: это—„министерское письмо". Всякій разъ, когда министръ находилъ желательнымъ и возможнымъ провести извѣстную мѣру помимо королевскаго совѣта, онъ имѣлъ возможность прибѣгнуть къ этому способу осуществленія своего рѣшенія: онъ просто-напросто адресовалъ отъ своего имени либо циркулярное письмо ко всѣмъ интендантамъ, либо спеціальное—къ тому или другому изъ этихъ администраторовъ (послѣднее болѣе обычно, чѣмъ первое) съ тѣмъ или другимъ предписаніемъ, мотиви-

---

[1]) Напримѣръ, *Archives nationales*, série H 419 (послѣдняя сессія бретанскихъ штатовъ).

[2]) Напримѣръ, *Brette*, op. cit., t. I, p. 254.

[3]) *Funck-Brentano*, op. cit. „Il est même curieux, замѣчаетъ авторъ, d'observer que, sous le gouvernement de la monarchie absolue, le roi ne pouvait faire exécuter un de ses ordres que si celui-ci était signé par un secrétaire d' Etat". „L'administration de l'ancien régime n'a jamais delivré de *lettres de cachet en blanc*, comme l'ont cru à tort nombre d'historiens": одна изъ легендъ, свившихъ себѣ прочное гнѣздо въ исторической литературѣ, до учебныхъ руководствъ включительно (напримѣръ, *Rambaud*, „Histoire de la civilisation française", Paris, 1887, t. II, p. 97—98. *Duruy*, „Précis de l'histoire de France", Paris, 1886). См. спеціальное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ Функъ-Брентано въ трудахъ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ; отдѣльный оттискъ: „Les Lettres de cachet en blanc", Paris, 1895.

руя его обыкновенно „благоусмотрѣніемъ его величества“ („intention de Sa Majesté“): выраженіе, которое въ сущности было лишь однимъ изъ узаконенныхъ неписаннымъ кодексомъ офиціальнаго „хорошаго тона“, однимъ изъ façons de parler, которое было бы наивностью понимать буквально. Въ этомъ случаѣ еще чаще, чѣмъ въ lettres de cachet, королевское „благоусмотрѣніе“ служило лишь декоративными ширмами для министерскаго „усмотрѣнія“ [1]). И вовсе не слѣдуетъ думать, чтобы область примѣненія „министерскихъ писемъ“ ограничивалась лишь деталями администраціи,—тѣмъ, что̀ на современномъ языкѣ носитъ названіе „текущихъ дѣлъ“. Можно указать немало примѣровъ, что этимъ путемъ проводились мѣры первостепенной важности, какъ, напримѣръ, „временная отмѣна“ натуральной дорожной повинности посредствомъ простаго „письма“ Тюрго къ интендантамъ, въ 1775 г. [2]),—мѣра, превращенная въ постоянную (хотя тоже вскорѣ отмѣненная) февральскимъ эдиктомъ слѣдующаго года [3]); или другое „министерское письмо“, посредствомъ котораго Калоннъ однимъ почеркомъ пера, въ 1786 году, „исключилъ“ цѣлую провинцію (дижонское интендантство) изъ дѣйствія одной королевской грамоты (lettres patentes), изданной въ предыдущемъ году въ качествѣ закона обязательнаго для всего королевства [4]). Путемъ

[1]) Любопытную иллюстрацію къ этому замѣчанію представляютъ два „письма“ двухъ министровъ, написанныя и отправленныя одновременно по одному и тому же адресу, и содержащія два діаметрально противоположныя предписанія, изъ которыхъ каждое мотивировано королевскимъ изволеніемъ. Приводимъ первое изъ этихъ писемъ цѣликомъ, а изъ другаго лишь существенную часть: „A Versailles, le 12 mars 1785. J'ai rendu compte au Roi, Messieurs, des deux délibérations prises par les Etats de Béarn le 16 février dernier, pour accorder une gratification de 500 liv. au sieur Acher, premier commis des finances, et pour porter à 600 liv. celle du sieur Silvestre, mon premier commis. *Sa Majesté a approuvé les deux délibérations.* (Signé): B-on de Breteuil. (Au bas): Messieurs les Sindics des Etats de Béarn“. Въ письмѣ Калонна, датированномъ отъ того же числа, изъ Парижа, къ тѣмъ же старшинамъ беарнскихъ штатовъ, по поводу тѣхъ же двухъ постановленій штатовъ, читаемъ, относительно послѣдняго изъ нихъ: „... d'ailleurs, il vaut mieux de ne rien innover... *Votre délibération à cet égard doit donc démeurer sans effet*“.—*Archives départementales des Basses-Pyrénées* (Pau), série C 1514.

[2]) *Neymarck*, „Turgot et ses doctrines“, Paris, 1885, t. II, p. 405—408.

[3]) „Edit portant suppression de la corvée. Versailles, février 1776. Reg. au lit de justice le 12 mars, et à la Cour des aides le 19 mars“.—„Recueil des anciennes lois françaises“, t. XXIII, p. 358.

[4]) *Archives départementales de la Côte-d'Or* (Dijon), série C 3538 (1786). Décision du contrôleur général qui excepte la Bourgogne de l'exécution des Lettres-patentes de 1785 sur le timbre des quittances.

подобнаго же письма — циркуляра генералъ-контролера Клюньи къ интендантамъ, въ 1776 г., было „пріостановлено исполненіе“ февральскаго эдикта того же года, то-есть, другими словами, былъ фактически отмѣненъ вошедшій въ силу законъ [1]). Нѣкоторые изъ наиболѣе тяжелыхъ налоговъ въ извѣстныхъ областяхъ обязаны были своимъ происхожденіемъ простому „министерскому письму“ [2]). Жалобы на „министерскій произволъ“ („arbitraire ministériel“), проявлявшійся главнымъ образомъ въ „министерскихъ письмахъ“, раздаются особенно сильно передъ 1789 и со стороны парламентовъ, и со стороны провинціальныхъ штатовъ, равно какъ со стороны провинціальныхъ собраній и ихъ исполнительныхъ комиссій,—наконецъ, со стороны частныхъ лицъ—въ прессѣ, а въ 1789—въ „наказахъ“ трехъ сословій [3]). Произволъ или не произволъ, но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что „министерскія письма“ имѣли на дѣлѣ больше силы, чѣмъ всякіе эдикты, королевскія деклараціи и постановленія совѣта, такъ какъ всѣ эти акты королевскаго совѣта оставались фактически сплошь да рядомъ мертвою буквой, если исполненіе ихъ не предписывалось особымъ министерскимъ распоряженіемъ, то-есть „министерскимъ письмомъ“.

Таково было, въ общихъ чертахъ, взаимное отношеніе между королевскимъ совѣтомъ съ одной стороны и министрами съ другой, и такова относительная роль этихъ учрежденій въ общемъ административномъ механизмѣ дореволюціонной Франціи. Мы видѣли, что фактически роль движущей пружины въ этомъ механизмѣ играли министры, а не королевскій совѣтъ, роль котораго была въ значительной степени показною, декоративною.

Выше уже было замѣчено, что среди министровъ преобладающая,

---

[1]) *Dumas*, „La généralité de Tours au XVIII siècle“, Paris, 1894, p. 63. Циркуляръ 16-го іюня 1776 г. Дѣло идетъ объ отмѣнѣ реформы дорожной повинности, проведенной Тюрго.

[2]) *Archives nationales*, série H 1596. Изъ письма эльзасскаго провинціальнаго собранія къ генералъ-контролеру, отъ 16-го августа 1787 г., по поводу одной изъ мѣстныхъ податей: „*Cette charge énorme n'a jamais été constituée que par de simples lettres ministérielles*“.

[3]) „Essai sur les impositions d'Auvergne“, Paris, 1787, p. 100: „*Une simple lettre ministérielle devient l'oracle de notre province.* L'on ne craint pas d'y abuser du nom de Sa Majesté pour autoriser l'accroissement d'une imposition d'autant plus vexatoire qu'elle n'était point revêtue de la forme législative. Aussi, la plus grande partie des généralités envisageait-elle *cet acte de despotisme* comme incapable de produire aucun effet“.

въ значительной степени даже исключительная роль принадлежала генералъ-контролеру. Въ виду этого нелишне будетъ къ сдѣланной выше общей характеристикѣ этого послѣдняго учрежденія прибавить нѣсколько детальныхъ чертъ.

Генералъ-контролеръ былъ въ послѣднюю пору стараго порядка болѣе, чѣмъ администраторомъ: онъ былъ, по удачному выраженію одного современника, „провидѣніемъ государства“ [1]). Генералъ-контролеръ болѣе, чѣмъ кто либо изъ министровъ, „вліялъ всевозможными способами, извѣстными и неизвѣстными, на достояніе государства и на благоденствіе народа“ [2]). Но, господствуя въ правительственныхъ высяхъ, генералъ-контролеръ ежеминутно принужденъ былъ опускаться до самыхъ будничныхъ мелочей повседневной жизни всѣхъ и каждаго. Будучи „провидѣніемъ государства“, генералъ-контролеру приходилось въ то же время быть провидѣніемъ всѣхъ и каждаго. Отъ него по крайней мѣрѣ этого требовали, а онъ самъ не находилъ въ томъ ничего неестественнаго, ненормальнаго. Отъ него требовали, а онъ старался, елико возможно, быть провидѣніемъ и для того обывателя затерянной въ Пиренеяхъ деревеньки, у котораго разливомъ попортило хлѣбную ниву [3]),—и того обывателя другаго провинціальнаго захолустья, который проситъ „о сложеніи съ него тальи въ виду его многочисленнаго семейства“ [4]),—и того „коммерсанта въ

[1]) „Le contrôleur général est en France la providence de l'Etat“. Слова эти произнесены предсѣдателемъ парижской счетной палаты въ рѣчи, которою онъ привѣтствовалъ Калонна, явившагося, въ качествѣ вновь назначеннаго генералъ-контролера, для принесенія установленной присяги. *Gomel*, „Histoire des causes financières de la Révolution“, Paris, 1893, p. 81.

[2]) „Un ministère... qui influe par toutes sortes de moyens connus et inconnus sur la prospérité de l'Etat et le bonheur des peuples“. *Necker*, „De l'Administration des finances de la France“, t. III, p. 392. Любопытно сопоставить съ этими словами Неккера отзывъ дочери „великаго человѣка“ о томъ же предметѣ: „...toute l'administration du royaume était dans son (du contrôleur général) département, et sous ce rapport le bien-être de la nation entière ressortissait au contrôle général“. *M-me de Staël*, „Considérations sur la Révolution française“, t. I, p. 75. Заимствуемъ послѣднюю цитату у Гомеля, op. cit., t. I, p. 424.

[3]) *Archives nationales*, série H 1058. Генералъ-контролеръ отправляетъ ошскому интенданту, при письмѣ отъ 13-го февраля 1783 г., „une requête du sieur Grenier, habitant d'Arbas, dans le Nébouzan, qui sollicite quelque secours en indemnité des dégats qu'il a éprouvés dans ses biens par une inondation“.

[4]) Ibidem, série H 1063. Изъ письма Ломени-де-Бріенна къ лангдокскому интенданту Баллэнвилье отъ 13-го ноября 1788 г.: „J'ai examiné vos observations sur le mémoire du nommé Sabineau qui sollicite l'exemption de la taille à raison

Жюрансонѣ", который „ходатайствуетъ о вспомоществованіи, въ виду понесенныхъ имъ въ своей торговлѣ убытковъ" [1]),—и того „садовника въ Тулузѣ", который „жалуется на то, что мѣстное городское управленіе отказало ему въ уменьшеніи налога за домъ и садъ, которыми онъ владѣетъ въ этомъ городѣ" [2]),—и той сердобольной маменьки, которая желала бы „пристроить своего старшаго сына въ провинціи", то-есть, при одномъ изъ интендантскихъ управленій [3]),—и того „г. Пакотта, адвоката лангдокскихъ штатовъ", который „проситъ вліянія министра для выбора г. Бускэ, своего зятя, въ депутаты отъ общины Mauguyo на ближайшій съѣздъ штатовъ" [4]), — и того „г. д'Альби, жителя Страсбурга, который требуетъ отъ генералъ-контролера „вознагражденія изъ провинціальныхъ фондовъ за составленный имъ докладъ о способахъ сдѣлать болѣе полезнымъ провин-

---

de sa nombreuse famille. S' il n'etait question que de la taille, il faudrait le renvoyer aux Etats pour en obtenir la décharge, mais vous me proposez de lui accorder une indemnité de 60 liv., qui est le montant de sa taille... Vous pouvez le comprendre dans votre prochaine répartition pour cette somme".

[1]) Ibidem, série H 1429: Feuilles de travail de M. Acher de Mortonval, chargé des rapports avec les pays d'Etats (1785). „Beur, marchand à Jurançon, sollicite des secours à raison des pertes qu'il a essuyés dans son commerce". Резолюція Калонна: „Il n'y a pas lieu de prendre sur le trésor royal des secours de ce genre.... Renvoyer au Etats".

[2]) Ibidem, série H 1057. „Dupuy, jardinier à Toulouse, se plaint de ce que les capitouls se sont refusés à modérer la taxe à laquelle la maison et le jardin qu'il possède dans cette ville ont été cotisés".

[3]) Ibidem, série H 1056. Изъ письма Неккера къ лангдокскому интенданту Сенъ-При, отъ 11-го іюня 1780 г.: „J'ai l'honneur de vous envoyer une lettre qui m'a été écrite par M-me de Sabonadière, veuve d'un négociant de Nîmes, par laquelle vous verrez qu'elle demande des secours dans la situation fâcheuse où elle assure se trouver avec six enfants et son frère, à la suite des malheurs don elle fait le détail. Je vous prie de faire prendre des informations sur son exposé par une personne sûre et capable de garder le secret que cette dame désire sur son état, et de vouloir bien m'en faire part. Je vous prie aussi de me marquer si vous jugez qu'il fût possible de venir à son secours en lui procurant l'espèce de privilège qu'elle demande, dans le cas où il y aurait des exemples, et s'il y aurait quelque moyen de faire placer son fils ainé dans la province".

[4]) Ibidem, série H 1429 (1785). „M. Pacotte avocat aux Conseils et des Etats de Languedoc ayant réclamé l'influence du ministre (Calonne) pour faire élire le S. Bousquet son gendre comme député de la communauté de Mauguyo à la prochaine assemblée des Etats, le ministre a bien voulu témoigner qu'il prend intérêt au sieur Pacotte et a son gendre, par une lettre à l'evêque de Montpellier que cet objet regarde particulièrement, soit comme seigneur de Mauguyo, soit comme principal commissaire du diocèse".

ціальное собраніе" [1]),—и того почтеннаго гражданина, который „проситъ освободить его на вѣчныя времена отъ всякихъ королевскихъ податей, въ вознагражденіе за заслугу, оказанную государству г. Кліё, на единственной внучкѣ котораго онъ женился,—услугу, заключающуюся въ томъ, что онъ, г. Кліё, „перевезъ въ Америку первый кустъ кофейнаго дерева" [2]). Удивительно здѣсь, быть можетъ, не столько то, что обращались съ подобными просьбами къ министру, сколько то, что онѣ его не удивляли; всякая просьба, какъ бы странна она ни казалась съ современной точки зрѣнія, подвергалась всегда самому тщательному разсмотрѣнію, проситель всегда удовлетворялся въ предѣлахъ возможнаго, иногда отсылался къ мѣстнымъ штатамъ или—подъ конецъ—къ исполнительнымъ комиссіямъ провинціальныхъ собраній: ни разу намъ не случилось встрѣтить примѣра, чтобы какое либо прошеніе было просто „оставлено безъ послѣдствій".

Однимъ изъ послѣдствій чрезмѣрнаго расширенія вѣдомства генеральнаго контроля было усиленное развитіе въ его нѣдрахъ бюрократическаго начала,—развитіе, обусловленное фактическою невозможностью для министра входить лично во всѣ детали разроснагося до колоссальныхъ размѣровъ вѣдомства [3]). Отсюда—ростъ бюрократической организаціи: раздѣленіе на „департаменты", съ іерархически организованнымъ штатомъ чиновниковъ подъ главенствомъ одного въ каждомъ. Фактически всѣ дѣла вершились начальниками „депар-

---

[1]) Ibidem, série H 1606. „Le sieur d'Alby, habitant de Strassbourg, demande au contrôleur général une gratification sur les fonds de la province pour avoir rédigé des observations sur les moyens de rendre plus utile l'assemblée provinciale". Резолюція министра: „Le demandeur doit s'adresser à la commission intermédiaire".

[2]) Ibidem, série H 1463 (11 février 1785). „M. le comte de Caumont demande l'affranchissement à perpétuité d'impôts royaux à titre de recompence pour le service que M. de Clieu, dont il a épousé la petite fille unique, a rendu à l'Etat, en transportant en Amérique le premier pied de café". Резолюція министра (Калонна): „Ne se peut quant à l'exemption qui est sans exemple. Reservé de présenter au Roi les motifs qui peuvent faire obtenir quelque faveur à la famille de M. de Clieu, comme une pension reversible à tous ceux du nom avec un brevet très honorifique".

[3]) *Necker*, „Compte rendu au Roi", 1781, pp. 148—150: „On ne peut être instruit de l'étendue des occupations qui accablent un ministre des finances, sans reconnaître de la manière la plus sensible, que son temps et sa vie peuvent à peine suffire au coup d'oeil qu'exigent les seules affaires d'administration (sans parler des affaires contentieuses)".

таментовъ" въ ихъ канцеляріяхъ [1]), роль министра сводилась въ большинствѣ случаевъ къ тому, что онъ либо санкціонировалъ своею подписью уже готовое рѣшеніе, либо формулировалъ резолюцію, въ сущности подсказанную ему докладчикомъ, каковымъ былъ обыкновенно начальникъ одного изъ „департаментовъ".

Такимъ образомъ, благодаря, именно, разрастанію вѣдомства генеральнаго контроля, личное вліяніе генералъ-контролера на дѣла фактически все болѣе и болѣе суживалось, все болѣе и болѣе уступая мѣсто безличному дѣйствію канцелярій, чему не мало способствовала также крайняя неустойчивость этого поста въ послѣднюю пору стараго порядка; изъ приведеннаго выше списка лицъ, стоявшихъ послѣдовательно во главѣ генеральнаго контроля при Людовикѣ XVI, можно замѣтить, что за пятнадцатилѣтній періодъ 1774—1789 гг. на этомъ посту послѣдовательно перебывало не менѣе пятнадцати различныхъ лицъ. При этомъ происходило въ сущности то, что обыкновенно происходитъ въ подобныхъ случаяхъ: „les ministres passent, et les bureaux restent" [2]). И чѣмъ чаще министерскій постъ занимался нович-

---

[1]) Эти начальники департаментовъ носили титулъ *intendant des finances*, *intendant du commerce*, *premier commis des finances*. Сходство титуловъ intendant des finances съ полнымъ офиціальнымъ титуломъ провинціальныхъ интендантовъ intendant de justice, police et finance — нерѣдко подавало поводъ къ смѣшенію этихъ двухъ совершенно различныхъ должностей (отмѣтимъ, напримѣръ, подобное смѣшеніе въ печатныхъ описяхъ Національнаго архива: „Inventaire méthodique", 1871 и „Etat sommaire", 1791).—Въ 1789 году было трое „финансовыхъ интендантовъ" (de Bonnaire de Forges, de Chaumont de la Millière, Blondel), одинъ „коммерческій интендантъ" (de Tolozan) и до двухъ десятковъ „первыхъ чиновниковъ" (premiers commis), изъ которыхъ одни стояли также во главѣ извѣстныхъ отдѣленій или „департаментовъ", другіе же входили въ составъ „комитета тяжебныхъ дѣлъ" (comité des affaires contentieuses) и „комиссіи по управленію монетною частью" (commission pour l'administration des monnaies). „Almanach royal", 1790.—Должность „финансоваго интенданта", замѣщавшаяся довольно часто изъ среды провинціальныхъ интендантовъ, для которыхъ это было крупнымъ „повышеніемъ по службѣ" (напримѣръ, ошскій интендантъ Верженнь получилъ въ восьмидесятыхъ годахъ мѣсто „финансоваго интенданта" при Калоннѣ, *Archives nationales*, série H. 1444. *Archives départementales de la Marne*, série C. 175), служила, въ свою очередь, преддверіемъ къ посту генералъ-контролера; примѣрами подобнаго служебнаго движенія могутъ служить, за послѣднюю пору стараго порядка, генералъ-контролеры: Joly de Fleury, d'Ormesson, Fourqueux, Laurent de Villedeuil, Lambert, а также „министръ финансовъ" Delessart и „министръ казенныхъ поступленій" Tarbé (*Archives nationales*, série H passim.—„Almanach royal", 1774—1790).

[2]) *Sénac de Meilhan*, „Du gouvernement, des moeurs et des conditions en

комъ[1]), тѣмъ все болѣе и болѣе забиралъ власти посѣдѣвшій на своемъ посту дѣлецъ-бюрократъ[2]). Вмѣстѣ съ вліяніемъ и властью, финансовое интендантство пріобрѣло и почетность настолько, что, по словамъ одного близко стоявшаго къ правительственнымъ сферамъ современника, „нерѣдко финансовые интенданты предпочитали эту прочную и выгодную должность многомятежному посту генералъ-контролера“ [3]).

Чтобы покончить съ центральными учрежденіями, отмѣтимъ еще нѣкоторыя особенности ихъ, сравнительно съ современнымъ строемъ. Это, во-первыхъ,—отсутствіе строгаго разграниченія отдѣльныхъ вѣдомствъ, чѣмъ обусловливалась возможность такихъ явленій, что дѣла одной и той же категоріи проходили одни черезъ одно министерство, другія черезъ другое, или даже, что одно и то же дѣло шло разомъ

France avant la Révolution“, Hambourg, 1795: „Dans le perpétuel changement de ministres, qui a signalé les règnes de Louis XV et de Louis XVI, il était heureux pour l'Etat qu'il y eût des hommes permanents dans leur postes et à portée de guider ces ministres éphémères“. „Les chefs des divers bureaux..... pénétrés de son ésprit habituaient ceux qui étaient sous leurs ordres et devaient leur succéder, à l'observance des formes et aux principes qui les avaient dictées. De là résultait une marche assurée et expéditive dans les affaires, qui faisait en partie le succès des ministres“.

[1]) Въ какомъ положеніи оказывался подъ часъ министръ новичекъ, видно изъ слѣдующихъ подробностей, передаваемыхъ Монтіономъ объ одномъ изъ самыхъ эфемерныхъ среди генералъ-контролеровъ, д'Ормессонѣ. „Dans les comités ministériels, qui sont tenus avant que les affaires soient portées au Conseil, plusieurs fois M. d'Ormesson se trouva si embarrassé et s'expliqua si mal, qu'on fut obligé de faire venir son premier commis pour le suppléer...“. *Montyon*, „Particularités et observations sur les ministres des finances“, Paris, 1812, p. 273. Пусть д'Ормессонъ былъ совершенно неспособный министръ, какъ утверждаетъ Монтіонъ; но дѣло во всякомъ случаѣ не въ неспособности того или другаго министра, а въ вопіющей несоразмѣрности между колоссальностью вѣдомства гененеральнаго контроля и силами одного человѣка, въ особенности новичка на этомъ посту. „Les facultés d'un ministre des finances, замѣчаетъ Неккеръ, n'ont aucune proportion avec les soins qu'exigent toutes les branches de l'administration dont il a la surveillance“. *Necker*, „De l'administration des finances de la France“, t. III, p. 175.

[2]) Есть примѣры, что одно и то же лицо занимаетъ одинъ и тотъ же постъ „интенданта финансовъ“ или „перваго чиновника“ лѣтъ 20—25 и болѣе; напримѣръ, Moreau de Beaumont, de Boullongne, Mesnard de Conichard. „Almanach royal“, 1763—179. *Archives nationales*, série H, passim.

[3]) *Sénac de Meilhan*, „Du gouvernement“, etc., p. 86: „Ces places (d'intendants des finances) donnaient la première considération; et souvent les intendants des finances ont préféré cet emploi stable et utile au poste orageux de contrôleur général“.

черезъ два министерства, при чемъ случалось, что рѣшенія, которыя оно получало въ каждомъ министерствѣ не только не совпадали, а были даже діаметрально противоположны [1]).

Съ другой стороны, бросается въ глаза отсутствіе строгаго разграниченія между компетенціей центральныхъ учрежденій—съ одной стороны, и провинціальныхъ съ—другой. Вопросы одной и той же категоріи рѣшаются въ одномъ случаѣ королевскимъ совѣтомъ, въ другомъ однимъ изъ министровъ, въ третьемъ мѣстнымъ парламентомъ, въ четвертомъ мѣстнымъ интендантомъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, поражаетъ крайняя нераціональность распредѣленія компетенцій мѣстной администраціи и администраціи центральной: сплошь да рядомъ дѣла первостепенной важности, представляющія общегосударственное значеніе, вершатся „усмотрѣніемъ" мѣстной администраціи, въ то время какъ вопросы ничтожные и представляющіе лишь мѣстный интересъ восходятъ до правительственныхъ верховъ: до министра, до королевскаго совѣта; реформа сельскаго управленія производится мѣстнымъ интендантомъ [3]), а между тѣмъ ремонтъ обветшавшей крыши на деревенской колокольнѣ въ одной изъ захолустныхъ деревенекъ алансонскаго интендантства или отливка колокола для деревенской церкви затеряннаго въ Лимузенѣ медвѣжьяго угла не могутъ быть произведены безъ вмѣшательства въ дѣло королевскаго совѣта [4]), а для постройки ба-

---

[1]) Конкретнымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить приведенный въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній случай встрѣчи двухъ министерскихъ писемъ, вышедшихъ изъ двухъ различныхъ министерствъ и содержащихъ діаметрально противоположныя рѣшенія по одному и тому же вопросу. *Archives départementales der Basses-Pyrénées*, série C 1514.

[2]) Таковы, напримѣръ, дѣла по городскому и сельскому управленію. Въ Бретани, напримѣръ, по словамъ мѣстнаго интенданта Бертранъ-де-Мольвилля (будущаго министра), въ одной офиціальной запискѣ 1784 г., изъ числа мѣстныхъ городовъ и мѣстечекъ одни управлялись на основаніи положеній, установленныхъ постановленіями королевскаго совѣта, другіе на основаніи положеній, установленныхъ мѣстнымъ парламентомъ (*Archives nationales*, série H 643, „Mémoire sur l'administration des villes en Bretagne", par M. Bertrand de Molleville, ms. 1784). Въ 1787 году сельское управленіе было преобразовано путемъ эдикта королевскаго совѣта, а между тѣмъ подобная реформа была еще ранѣе проведена въ одной (а, быть можетъ, и не одной) изъ областей „усмотрѣніемъ" мѣстнаго интенданта (шалонское интендантство). *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C.—*D'Arbois de Jubainville*, op. cit., pp. 124—127.

[3]) См. предыдущее примѣчаніе.

[4]) Конкретные примѣры. *Archives nationales*, série H 1570. Arrêt du Conseil (9 mai 1775) qui autorise et confirme les devis, adjudications, délibérations

рака для туристовъ, посѣщающихъ гору Saint-Guigues (близъ г. Гренобля), оказывается необходимымъ вмѣшательство генералъ-контролера [1]), между тѣмъ какъ одинъ изъ его коллегъ, статсъ-секретарей, долженъ позаботиться о прінсканіи подходящаго лица на постъ... консьержа des magazins du Roule (принадлежавшіе городу магазины въ Парижѣ) [2]).

Отмѣтимъ еще одну особенность административныхъ порядковъ изучаемой эпохи. Это—отсутствіе строгаго разграниченія административныхъ инстанцій, благодаря чему центральныя вѣдомства, въ особенности же генеральный контроль, были завалены дѣлами, которыя собственно входили въ компетенцію интендантовъ [3]). Въ связи съ

---

et marchés faits pour la raison des réparations nécessaires aux églises et présbytères de différentes paroisses de la généralité d'Alençon". „Arrêt du Conseil (5 décembre 1775) qui autorise le marché fait par les habitants de la paroisse de Sereilhac et par les ordres de l'intendant de Limoges pour la fonte d'une cloche".—Прекрасный конкретный примѣръ процедуры, практиковавшейся въ XVIII вѣкѣ относительно ремонта церквей, приведенъ у Токвиля, въ приложеніи къ его „Старому порядку" (стр. 380—385), фр. изданіе 1856 г. Хотя приведенный Токвилемъ случай относится хронологически къ первой половинѣ XVIII вѣка, но онъ одинаково можетъ годиться и для иллюстраціи положенія дѣла въ изучаемую нами эпоху.

[1]) *Archives nationales*, série H 1482 (1776). „M. le comte de la Rie (à Grenoble) demande la permission de faire un bâtiment pour les voyageurs au Col Saint-Guigues".

[2]) *Monin*, „L'Etat de Paris en 1789", Paris, 1889, p. 362. Extrait d'une lettre du baron de Breteuil (secrétaire d'état de la maison du roi) aux échevins de Paris, 2 mars 1787: „J'ai chargé, MM., le procureur du roi de la ville de vous informer de ma part que je désirais que la place du consierge des magazins du Roule fût donnée au sieur Lacombe"...

[3]) Напримѣръ, прошенія о снятіи или сбавкѣ подати, о вспомоществованіи по случаю неурожая, градобитія, пожара и т. п., адресуются безразлично и въ мѣстное интендантство и въ генеральный контроль и одинаково принимаются и тутъ и тамъ. *Archives nationales*, série H 1482, 1484 et passim. Разграниченіе компетенцій центральнаго вѣдомства и провинціальной администраціи опредѣлялось сплошь да рядомъ усмотрѣніемъ того или другаго министра. Такъ, Неккеръ, во время перваго своего управленія генеральнымъ контролемъ, предоставилъ интендантамъ разсмотрѣніе и удовлетвореніе прошеній о пособіяхъ по случаю различнаго рода непредотвратимыхъ бѣдствій, оставивъ за собою лишь право утверждать рѣшенія интендантовъ; но послѣ него его преемники снова возвратились къ прежнему порядку, по которому всѣ подобнаго рода прошенія направлялись, прямо или черезъ интенданта, въ генеральный контроль, гдѣ и подвергались разсмотрѣнію, при чемъ у интендантовъ обыкновенно запрашивались „свѣдѣнія" и „отзывы". *Archives nationales*, série H, passim, въ особенности 1059: письмо Калонна къ лангдокскому интенданту Сенъ-При, 12-го марта 1784 г.

этимъ стоитъ также довольно обычное въ изучаемую эпоху нарушеніе іерархіи административныхъ инстанцій, выражающееся въ прямомъ, помимо интендантовъ, сношеніи низшихъ административныхъ учрежденій съ центральными вѣдомствами: напримѣръ, городскія управленія, несмотря на свое въ большей или меньшей степени подчиненное положеніе относительно интендантовъ, сносятся, тѣмъ не менѣе, непосредственно съ министерствами [1]); есть даже случаи— правда, очень рѣдкіе и до извѣстной степени исключительные,—что субделегатъ, то-есть, чиновникъ, непосредственно и безусловно подчиненный интенданту, имъ назначаемый и смѣщаемый, сносится съ генералъ-контролеромъ помимо своего непосредственнаго начальника, интенданта [2]).

II.

Переходимъ къ характеристикѣ отношеній между представителями провинціальной администраціи, интендантами—съ одной стороны, и центральными правительственными учрежденіями—съ другой.

Прежде всего, въ какомъ отношеніи находился провинціальный интендантъ къ іерархической главѣ администраціи, къ королю? „Un commissaire départi est l'homme du roi, son ministère consiste à faire exécuter ses ordres suprêmes“ [3]). Эти немногія слова, принадлежащія одному изъ послѣднихъ представителей интендантства, какъ нельзя лучше опредѣляютъ правовую сущность взаимныхъ отношеній интенданта и короля, достаточно, впрочемъ, выраженную и въ самомъ ти-

---

[1]) Конкретный примѣръ. *Archives nationales*, série H 90: Mémoires, requêtes, lettres etc., adressées au contrôleur général des finances par les officiers municipaux de la ville de Mont-de-Marsan, au sujet de l'office de trésorier, 1783.

[2]) Конкретные примѣры. *Archives nationales*, série H 1482 (1776): le subdélégué de Beauvais demande au contrôleur général une inspection sur les travaux de charité de sa subdélégation. — Ibidem, série H 591 (1779): переписка между Неккеромъ и реннскимъ субделегатомъ Френэ, по поводу „наградныхъ“ (gratification), которыхъ добивается послѣдній.—Ibidem (1782): письмо того же субделегата къ Калонну, по тому же поводу. — Ibidem (1778): тотъ же субделегатъ жалуется на своего интенданта Неккеру, въ личной аудіенціи у послѣдняго.— Отмѣчаемъ эти факты, между прочимъ, въ виду утвержденія самого же Неккера, въ своемъ трактатѣ о „финансовой администраціи“, будто субделегаты не состояли никогда въ прямой перепискѣ съ „министромъ финансовъ“.

[3]) „Procès-verbaux de l'assemblée provinciale de Hainaut“. *Bibliothèque nationale*, Lk 15/29 (Discours de l'intendant, 15 décembre 1787).

тулѣ интенданта: *commissaire départi pour l'exécution des ordres du roi*. Интендантъ, это—„человѣкъ короля", непосредственный представитель и исполнитель королевской воли въ провинціи, довѣренное лицо короля, его „делегатъ", по выраженію одного современнаго правовѣда [1]); сущность его назначенія — исполненіе велѣній короля. Интендантъ назначается королемъ, по крайней мѣрѣ de jure. Назначеніе это выражается въ формѣ *порученія* (*commission*), гдѣ король, обращаясь непосредственно къ назначаемому лицу, говоритъ: „мы вамъ поручили, повелѣли, отрядили; поручаемъ, повелѣваемъ и отряжаемъ настоящею, собственноручно нами подписанною грамотою, отправиться въ назначенное генеральство съ полномочіями", и т. д. [2]).

[1]) *Guyot*, „Traité des droits", etc., t. III.

[2]) „... Nous vous avons commis, ordonné et député, commettons, ordonnons et députons par ces présentes signées de notre main, pour vous transporter en la dite généralité avec pouvoir", etc. *Commission d'intendant donnée à Turgot*, le 8 août 1761. *Dareste*, „La Justice administrative en France", Paris, 1898, p. 143.—До сихъ поръ не найдено ни въ одномъ изъ архивовъ, ни въ парижскихъ, ни провинціальныхъ, ни одного *подлиннаго* экземпляра интендантскаго порученія, что объясняется, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что „порученіе", которое выдавалось на руки интенданту, считалось какъ бы его личнымъ достояніемъ, и потому сохранялось имъ при себѣ, а по смерти его, если не пропадало, то сохранялось въ семейномъ архивѣ (какъ это мы имѣли возможность констатировать относительно „порученій" парижскихъ интендантовъ Бертье-де-Совиньи, отца и сына, которыя оба сохранились въ семейныхъ архивахъ нынѣ здравствующихъ потомковъ послѣдняго парижскаго интенданта, трагически погибшаго 22-го іюля 1789 года; этими свѣдѣніями мы обязаны виконту Бертье-де-Совиньи, который также имѣлъ любезность подѣлиться съ нами сдѣланными имъ выписками изъ документовъ департаментскаго архива Уазы, въ Бовэ, касательно административной дѣятельности послѣдняго парижскаго интенданта, отъ которой очень мало сохранилось слѣдовъ въ парижскихъ архивахъ, благодаря пережитымъ ими различнымъ катастрофамъ). Лишь изрѣдка попадаются то тамъ, то сямъ, въ провинціальныхъ архивахъ, копіи различныхъ интендантскихъ порученій, занесенныя большею частью въ реестры мѣстныхъ финансовыхъ присутствій. Напримѣръ: *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 2506 (Commission d'intendant donnée à St.-Contest, 23 nov. 1750); ibidem, série C 2507 (idem à Rouillé d'Orfeuil, 15 juill. 1764); ibidem, série C 2508 (Commission de sous-intendant donnée à Rouillé d'Orfeuil fils, 10 décembre 1787); ibidem, série C 1055 (Commission d'intendant donnée à Bertier de Sauvigny). Въ департаментскомъ архивѣ, въ Ажанѣ, имѣется „порученіе", выданное гюэньскому интенданту Сегье, въ 1622 г. („Inventaire des archives départementales de Lot-et-Garonne"). Многочисленныя копіи интендантскихъ порученій, частью цѣликомъ, частью въ видѣ выдержекъ, сохраняются въ реестрахъ статсъ-секретаріата королевскаго дома, въ серіи O¹ Національнаго архива; отмѣчаемъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ царствованію Людовика XVI.

Но хотя, въ принципѣ и по правовой формулѣ, интендантъ является непосредственнымъ исполнителемъ королевскихъ велѣній, на дѣлѣ онъ отдѣленъ отъ короля почти непроницаемою стѣною посредниковъ въ лицѣ министровъ, чрезъ посредство которыхъ и дохо-

---

Commission d'intendant de la généralité de Moulins pour M. *Guéau de Reverseaux*, 2 novembre 1777 (*Archives nationales*, série O¹ 149, pp. 711—716),—pour *Feydeau de Brou*, Bourgogne, 8 février 1780 (ibidem, O¹ 152, p. 176),—pour *de la Bourdonnaye de Bossac fils*, adjoint à Poitiers (O¹ 153, p. 554—556),—pour *Terray*, Moulins, 14 août 1781,—pour *Guéau de Reverseaux*, La Rochelle, 14 août 1781 (O¹ 153, p. 567),—pour *Meulan d'Ablois*, Montauban, 14 août 1781 (O¹ 153, p. 569),—pour *d'Aine*, Tours, 1 août 1784 (O¹ 155, pp. 470—471),—pour *Meulan d'Ablois*, Limoges, 1783 (O¹ 155, p. 471),—pour *de Trimond*, Montauban, 1783 (O¹ 155, p. 5 471), — pour *Amelot de Chaillou*, Bourgogne, 30 novembre 1783 (O¹ 155, pp. 482—483),—pour *de Néville*, Pau et Bayonne, 25 janvier 1784 (O¹ 156, p. 483), — pour *Bertrand de Molleville*, Bretagne, 8 mai 1784 (O¹ 156, p. 499),—pour *Boula de Nanteuil*, Poitiers, 1 août 1784 (O- 156, pp 523—524),—pour *Masirot*, Moulins, 22 août 1784 (O¹ 156, pp. 524—525),—pour *de la Bourdonnaye de Blossac*, Soissons, 1 août 1784 (O¹ 156, pp. 528—529),—pour *Cypierre de Chevilly*, Orléans, 31 août 1784 (O¹ 156, p. 449), -- pour *Caumartin de Saint-Ange*, Bretagne, 7 janvier 1784 (O¹ 156, p. 569),—pour *Bertrand de Ballainvilliers*, Pau et Bayonne, 4 mai 1785 (O¹ 157, p. 294), — pour *d'Agay fils*, adjoint à Amiens, 21 novembre 1785 (O¹ 157, p. 320),—pour *Guignard de Saint-Priest*, Languedoc, 31 mars 1786 (O¹ 158, pp. 415—416), — pour *Foullon de Doué*, Moulins, 27 juillet 1788 (O¹ 160, p. 413), -pour *Dufaure de Rochefort*, Bretagne, 14 décembre 1788 (O¹ 160, p. 419).—Кромѣ того, въ серіи *H* Національнаго архива имѣется, въ бумагахъ генеральнаго контроля, рукописная формула интендантскаго порученія, съ пробѣлами для собственныхъ именъ и безъ даты, но, судя по почерку, равно какъ и по датамъ окружающихъ документовъ, относящаяся, по всей вѣроятности, къ семидесятымъ или восьмидесятымъ годамъ (série H 1447). Повидимому, однако, не существовало „каноничеокой" формулы, такъ какъ различныя „порученія" разнятся между собою не только въ отношеніи редакціи, но также и по существу.—До сихъ поръ лишь очень немногіе изъ этихъ документовъ изданы, большею частью въ примѣчаніяхъ или въ приложеніяхъ къ различнымъ монографіямъ. Приводимъ списокъ изданныхъ „порученій", не ручаясь, однако, за его полноту. 1) Commission donnée à Le Vic, intendant de Poitou, 29 juillet 1616 (*Thibaudeau*, „Abrégé de l'Histoire du Poitou", Niort, 1889, pp. 36 suiv.); 2) Commission donnée à d'Autry, intendant de Guyenne, 1622 (*Tholin*, „Cahiers de l'Agenais", Paris et Agen, 1885, p. 114); 3) Commission donnée à Pommereu, intendant de Picardie, 15 novembre 1627 (*Boyer de Sainte-Susanne*, „Les intendants de la généralité d'Amiens", Paris, 1865, pp. 565—567); 4) Commission, donnée à Lhullier d'Orgéval, intendant de Paris, 1633 (*Boislisle*, „Mémoires des intendants sur l'état des généralités", Paris, 1881, t. I, pp. LXXIII—LXXV); 5) Commission donnée à Isaac de Laffemas, intendant de Picardie, 21 novembre 1635 (ibidem, pp. 567—571); 6) Commission donnée à Le Maistre de Bellejamme, 12 mars 1636 (ibidem, pp. 572—574); 7) Commission donnée à de Vautorte, intendant de Normandie,

дятъ, съ одной стороны, королевскія велѣнія до интенданта, съ другой—донесенія интенданта до короля.

Только въ „королевскихъ приказахъ“ или въ „запечатаныхъ письмахъ“ король обращается непосредственно къ интенданту, какъ и вообще къ тому лицу, которому предписывается исполненіе даннаго приказа [1]). Кромѣ приказа, „запечатанное письмо“ на имя интенданта можетъ заключать въ себѣ выраженіе королевскаго благоволенія и благодарности за ту или другую выдающуюся заслугу по службѣ [2]).

Совершенно особнякомъ стоитъ единственный въ этомъ родѣ, но тѣмъ не менѣе характерный случай публичнаго, въ печати, обращенія интенданта къ королю, въ формѣ открытаго письма. При всей своей исключительности, фактъ этотъ характеренъ уже тѣмъ самымъ, что онъ былъ возможенъ; въ виду этого мы и приводимъ названный документъ, бросающій нѣсколько неожиданное освѣщеніе на правительственные нравы изучаемой нами эпохи [3]).

1640 (*O'Reilly*, „Mémoires sur la vie publique et privée de Claude Pellot“, Paris, 1881—1882, p. I, p. 156); 8) Commission donnée à Le Bret, intendant de Provence, 1637 (*Marchand*, „Un intendant sous Louis XIV“, Paris, 1889, pp. 361—864); 9) Commission donnée à Le Tonnelier de Breteuil, intendant de Picardie, 2 avril 1675 (*Boyer de Sainte-Susanne*, op. cit., pp. 577—583); 10) Commission donnée à de Blaire, intendant de Hainaut, 1754 (*Guyot*, „Traité des droits“ etc., t. III, pp. 437—440); 11) Commission donnée à Turgot, intendant de Limoges, 8 août 1761 (*Dareste*, op. cit., pp. 143—149).

[1]) Напримѣръ, „королевскій приказъ“, отъ 20-го января 1789 г., бретанскому интенданту Дюфору-де-Рошфоръ, относительно исполненія постановленія совѣта, относящагося къ бретанскимъ штатамъ. *Brette*, „Recueil de documents“ etc., t. I, p. 254.

[2]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine* (Rennes), série C 1796: Lettre du Roi à l'intendant de Bretagne pour le féliciter du zèle dont il a fait preuve à l'occasion du vote du don gratuit de 2.000.000 liv., qui lui a été accordé par les Etats d'un consentement unanime, 1778.

[3]) „Au Roi. Sire, chargé successivement, depuis plus de vingt années, de l'administration de deux provinces de Votre Royaume, je me suis toujours scrupuleusement préscrit de ne jamais excéder en rien les ordres qui m'ont été transmis de la part de Votre Majesté; et si quelquefois j'ai pris sur moi de les interpréter, ce n'a été que pour en mitiger l'exécution au gré de Votre humanité. Inculpé cependant à ce sujet d'une manière indirecte, mais violente par un de Vos Parlements, dans les remontrances publiées et répandues avec une affectation que Votre Majesté n'a sûrement pas approuvée, je Vous dois, Sire, ma justification, je la dois à Vos peuples et à moi-même. Mon profond respet pour tous ceux qui par la nature et l'importance de leurs fonctions, ont l'honneur d'être regardés comme les représentants de Votre personne sacrée, est un sûr garant de la circonspection extrême que j'apporterai dans cette discussion. Elle deviendra même

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи находился интендантъ къ королевскому совѣту.

Отношеніе это опредѣляюсь отчасти уже тѣмъ, что по общему правилу, допускавшему мало исключеній, интендантъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ королевскаго совѣта. Какимъ образомъ? Во-первыхъ, какъ было уже замѣчено, интендантскія вакансіи замѣщались, за рѣдкими исключеніями, секретарями королевскаго совѣта [1]), на которыхъ можно смотрѣть, какъ на младшихъ, не полноправныхъ еще членовъ послѣдняго: секретарь совѣта, назначенный на должность интенданта, продолжалъ сохранять и титулъ и всѣ права, связанныя съ должностью maître-des-requêtes, другими словами продолжалъ оставаться членомъ королевскаго совѣта. Съ другой стороны, вакансіи государственныхъ совѣтниковъ, то-есть, полноправныхъ членовъ королевскаго совѣта замѣщались обыкновенно заслуженными интендантами, которые иногда продолжали оставаться на своемъ административномъ посту и по достиженіи этой должности, служившей, на ряду съ министерскимъ постомъ, цѣлью служебной карьеры интендантовъ [2]).

---

simple en ce que je me bornerai à rétablir la vérité d'une multitude de faits, sur lesquels le Parlement de Bordeaux, trompé lui-même, a cru pouvoir établir sa dénonciation au Tribunal suprême de Votre Majesté. Je suis avec le plus profond respet, Sire, de Votre Majesté, très-humble et très-obéissant serviteur et très-fidèle sujet Dupré de Saint-Maur". Приведенный документъ, на который намъ придется еще ссылаться впослѣдствіи, напечатанъ на мѣстѣ предисловія въ сочиненіи бордоскаго интенданта Дюпре-де-Сенъ-Мора, въ 1784 году, въ отвѣтъ на нападки, сдѣланныя на него бордоскимъ парламентомъ, въ своихъ „представленіяхъ" (remontrances), по поводу предпринятой интендантомъ реформы дорожной повинности, — реформы, противъ которой бордоскій парламентъ боролся не на животъ, а на смерть. Экземпляръ названнаго сочиненія имѣется въ парижской національной библіотекѣ, подъ рубрикой Lf 98/21.

[1]) Изъ 34 интендантовъ 1789 года тридцать два были изъ числа maîtres-des-requêtes, двое остальныхъ принадлежали къ парламентской магистратурѣ (de la Guillaumye, intendant de Corse, изъ совѣтниковъ парижскаго парламента, и Le Camus de Neville, intendant de Bordeaux, изъ совѣтниковъ парижской палаты косвенныхъ налоговъ). Слѣдовательно, ошибочно утвержденіе Неккера („De l'administration des finances", t. III, p. 379): „Un long usage y appèle (aux places d'intendant) *uniquement* les maîtres des requêtes".

[2]) Примѣромъ могутъ служить парижскій интендантъ Бертье-отецъ и эльзасскій Шомонъ-де-ла-Галезьеръ, оставшіеся на своемъ интендантскомъ посту и по достиженіи должности государственныхъ совѣтниковъ. Въ спискѣ государственныхъ совѣтниковъ 1789 г. фигурируютъ до 15 бывшихъ интендантовъ и одинъ интендантъ на службѣ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: Joly de Fleury (съ 1760 года), Boutin (1766), de la Michodière (1768), d'Orceau de Fontette

Такимъ образомъ, интендантъ, по отношенію къ королевскому совѣту, находился на положеніи члена, откомандированнаго въ провинцію [1]).

Практически, взаимныя отношенія между интендантомъ и совѣтомъ выражается главнымъ образомъ въ томъ, что интендантъ является, такъ сказать, присяжнымъ исполнителемъ всѣхъ постановленій совѣта; заключительная формула всякаго постановленія совѣта обыкновенно „предписываетъ гг. интендантамъ и откомандированнымъ комиссарамъ принять мѣры къ его исполненію“ [2]).

Одинъ изъ частныхъ и наиболѣе обычныхъ случаевъ, гдѣ интендантъ выступаетъ въ роли спеціальнаго комиссара совѣта, представляютъ такъ называемыя *évocations*, о которыхъ уже намъ приходилось упоминать вскользь. Въ извѣстныхъ случаяхъ королевскій совѣтъ *вызывалъ* (*évoquait*) къ себѣ извѣстную категорію тяжебъ или какую либо отдѣльную тяжбу, вчатую или имѣющую быть вчатою передъ однимъ изъ „обыкновенныхъ судовъ“ (tribunaux ordinaires), и если самъ совѣтъ не находилъ удобнымъ или возможнымъ разбирать самому данное дѣло или данный рядъ дѣлъ, то онъ *отсылалъ* (*renvoyait*) его или ихъ къ мѣстному интенданту, посредствомъ особаго „постановленія совѣта“ [3]).

Какъ администраторъ, интендантъ находится подъ постояннымъ контролемъ совѣта, de jure по крайней мѣрѣ [4]). Контроль этотъ вы-

(1775), Le Noir (1775), de Montyon (1775), Dupleix de Bacquencourt (1780), Lefèvre de Gaumartin (1781), Le Pelletier de Morfontaine (1783), Pajot de Marcheval (1784), de Flesselles (1784), Du Pré de Saint-Maur (1785), De Cypierre (1785), Feydeau de Brou (1787), Laurent de Villedeuil (1787); имя единственнаго изъ интендантовъ, имѣвшихъ въ 1789 г. титулъ государственнаго совѣтника, было уже упомянуто выше: de Chaumont de la Galaizière. „Almanach royal“, 1790.

[1]) *Guyot*, „Traité des droits“ etc., t. III, 345: „Les intendants... on les considère, comme membres du Conseil même“.

[2]) „...enjoint aux sieurs intendants et commissaires départis de tenir la main à son exécution“. Цитируемъ эту формулу, повторяющуюся съ незначительными варіаціями во всякомъ постановленіи совѣта, по „Сборнику Изамбера“, томъ 28, стр. 601: „Arrêt du Conseil qui maintient le clergé et les hôpitaux dans leurs droits, franchises et immunités. Versailles, 5 juillet 1788“.

[3]) Конкретные примѣры. *Archives nationales*, série H 1570: „Arrêt du Conseil (21 mars 1775) qui évoque et renvoie devant l'intendant d'Alençon toutes les contestations nées et à naître, relativement à la perception du tarif de Nogent-le-Rotrou“.—Ibidem, série H 1482: „Arrêt du Conseil (1776) qui commet le sieur de Cypierre (intendant d'Orléans) pour juger, conjointement avec le Présidial de Chartres, le nommé Gaubert, collecteur de Bailleau“.

[4]) De facto—подъ контролемъ генералъ-контролера. Напримѣръ, проекты до-

ражается, во-первыхъ, ежеминутнымъ вмѣшательствомъ совѣта въ детали интендантскаго управленія, либо въ формѣ разрѣшенія извѣстной предположенной интендантомъ мѣры, либо въ формѣ одобренія уже сдѣланнаго послѣднимъ распоряженія. Каждое такое разрѣшеніе или одобреніе выражается въ формѣ особаго постановленія совѣта, отъ имени „короля въ своемъ совѣтѣ“. Путемъ подобныхъ *arrêts d'autorisation* санкціонировалась ежегодно произведенная интендантомъ раскладка такъ называемаго „фонда вознагражденій“ (fonds des indemnités), ассигновавшагося ежегодно въ каждомъ интендантствѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ pays d'états, на вспомоществованіе тѣмъ изъ лицъ, подлежавшихъ „тальѣ“, которыхъ постигло какое либо стихійное бѣдствіе: порча поля отъ наводненія или градобитія, скотскій падежъ, пожаръ, и т. п. [1]); въ подобныхъ же постановленіяхъ совѣта нуждались распоряженія интенданта относительно организаціи и распредѣленія благотворительныхъ работъ (ateliers de charité) въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ [2]),—относительно распредѣленія натуральной дорожной повинности (corvée des grandes routes [3]), или замѣны ея денежнымъ взносомъ [4]), относительно податнаго кадастра [5]), и т. д.

рогъ, строящихся на средства „благотворительнаго фонда“ (fonds de charité), составляемые интендантами, утверждаются совѣтомъ, но фактически контролируются генералъ-контролеромъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра: на одномъ изъ подобныхъ проектовъ, составленныхъ парижскимъ интендантомъ Бертье, Тюрго дѣлаетъ замѣчаніе противъ проекта одной дороги, что послѣдняя „ne sera utile que pour arriver à deux châteaux“, и забраковываетъ послѣдній проектъ.— *Archives nationales*, série H 2106 (1775).

[1]) Конкретный примѣръ: Arrêt du Conseil qui autorise, suivant l'avis de l'intendant, la répartition des 700.000 liv. (fonds des indémnités pour 1784, en Languedoc). *Archives nationales*, série H 1429 (1785).

[2]) *Archives nationales*, série H 1444, 1482. *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 1701.

[3]) Ibidem, série H 1444. „MM. les intendants ont été de tout temps les ordonnateurs de la corvée, mais toujours sous les ordres du Conseil, c'est-à-dire aucun intendant n'est maître d'appliquer de sa propre autorité la corvée à tel ou tel chemin. Les routes auxquels on les emploie doivent être approuvées par le Conseil. Cet ordre a été établi pour empêcher les chemins de faveur“.

[4]) Какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ канскомъ интендантствѣ, а нѣсколько позднѣе, именно съ 1772 года, въ лиможскомъ, гдѣ соотвѣтствующія распоряженія интендантовъ—Орсо-де-Фонтета въ первомъ и Тюрго въ послѣднемъ—санкціонировались ежегодно особыми постановленіями совѣта. *Archives nationales*, série H 1417 (Caen), 1444 (Limoges).

[5]) „Recueil général des anciennes lois françaises“, t. XXIII, p. 127: „Lettres-patentes qui valident les opérations faites dans la généralité de Paris pendant les

Другою формою, въ которой выражался контроль королевскаго совѣта надъ интендантомъ, было обжалованіе передъ совѣтомъ того или другаго „приказа“ (ordonnance), того или другаго „приговора“ (jugement) интенданта со стороны заинтересованнаго лица, общества, корпораціи и т. под. Что касается „приговоровъ“, произносимыхъ интендантомъ въ качествѣ судьи, по „порученію“ королевскаго совѣта, то аппелляція отъ такихъ приговоровъ—если только это не были приговоры въ послѣдней инстанціи—шла всегда въ королевскій совѣтъ. Но не только судебные приговоры интенданта могли подлежать обжалованію, ему подлежали также и „приказы“, то-есть, распоряженія административнаго порядка. Аппелляція къ королевскому совѣту въ такомъ случаѣ обыкновенно имѣла мѣсто послѣ заявленія „оппозиціи“ (opposition) самому интенданту, и послѣ того, какъ эта „оппозиція“ была оставлена имъ безъ послѣдствій [1]).

Не слѣдуетъ, однако, принимать слишкомъ въ серьезъ весь этотъ яко-бы контроль королевскаго совѣта надъ администраціей интендантовъ. Въ дѣйствительности, какъ обнаруживается изъ административной переписки, контроль этотъ былъ въ сущности чистою фикціей. Если дѣйствительно существовалъ контроль надъ интендантскою администраціей, то его слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ, а не въ со-

années 1772, 1773, 1774, 1775“ etc.—„Déclaration du Roi concernant la taille tarifée établie dans la généralité de Limoges, 30 déc. 1761“. (*Turgot*, „Oeuvres“, éd. Daire, t. I, pp. 486—492).

[1]) Конкретные примѣры. Въ 1784 г., по представленію священника одного изъ сельскихъ приходовъ о необходимости ремонта церкви и церковнаго дома, дижонскій интендантъ принимаетъ соотвѣтствующія мѣры и издаетъ въ слѣдующемъ году рядъ „приказовъ“ по этому дѣлу. Прихожане недовольны послѣдними и заявляютъ свою „оппозицію“. Не получивъ удовлетворенія, аппеллируютъ, въ 1786 г., въ королевскій совѣтъ. Интендантъ представляетъ свои объясненія и защищаетъ свои „приказы“. Въ 1787 г. послѣдовало, наконецъ, постановленіе совѣта, согласное съ мнѣніемъ интенданта и оставляющее безъ послѣдствій аппелляцію прихожанъ. *Archives nationales*, série H 200/3. Другой примѣръ. Изъ письма генералъ-контролера къ одному изъ своихъ начальниковъ департамента, 13-го сентября 1783 года: „J'ai l'honneur de vous envoyer une requête et des pièces produites au Conseil par le sieur de Satarits, sindic d'épée de la Vallée d'Arberoue en Navarre, au nom de trois paroisses de cette Vallée, *opposantes à l'exécution des ordonnances de M. l'Intendant d'Auch qui les ont chargées de tâches* (corvée) *sur une route ouverte de Gavier à Port-de-Came.* Je vous prie d'examiner cette requête le plus tôt possible; les motifs sur lesquels les trois paroisses demandent un sursis en attendant la décision, paraissent très préssants et très dignes de considération“. Ibidem, série H 1058. См. также: *Guyot*, op. cit., t. III, pp. 433—434.

вѣтѣ, который въ сущности только зарегистровывалъ лишь то, что ему преподносилъ министръ, въ особенности генералъ-контролеръ. Королевскій совѣтъ „разрѣшалъ" и „одобрялъ" въ дѣйствительности то, что уже было разрѣшено и одобрено министромъ [1]).

Это насъ приводитъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между интендантомъ и министромъ вообще и генералъ-контролеромъ въ частности.

III.

Мы видѣли уже, что фактически заправилами центральной администраціи были министры и преимущественно генералъ-контролеръ, а не королевскій совѣтъ, роль котораго была болѣе показною, чѣмъ реальною. Соотвѣтственно съ этимъ, и инденданть, который de jure является въ своей провинціи „комиссаромъ" короля и „делегатомъ" королевскаго совѣта, de facto представляетъ изъ себя главнымъ образомъ органъ генералъ-контролера: хозяинъ въ центрѣ, послѣдній является хозяиномъ и въ провинціи, въ интендантствѣ.

Исключительное положеніе генералъ-контролера въ интендантствѣ обусловливается, кромѣ его исключительнаго, преобладающаго положенія въ центрѣ, еще тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство интендантовъ назначаются королемъ по представленію генералъ-контролера, то-есть, фактически назначаются послѣднимъ [2]). Такимъ образомъ, интендантъ является фактически прежде всего органомъ генералъ-контролера. Органомъ его является онъ, съ одной стороны—въ качествѣ его креатуры, съ другой—также и по содержанію своей дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, въ рукахъ генералъ-контролера, какъ мы видѣли, стягивались всѣ нити внутренняго управленія, а главными органами послѣдняго въ провинціи были именно интенданты. Отсюда—особенно тѣсная административно-дѣловая связь между генералъ-контролеромъ и интендантомъ.

---

[1]) См. послѣднюю цитату предыдущаго примѣчанія; изъ нея видно, что аппелляція прихожанъ въ королевскій совѣтъ разсматривается предварительно въ генеральномъ контролѣ. Что касается различныхъ arrêts d'autorisation, то на дѣлѣ они лишь формулируютъ резолюціи генералъ-контролера или другихъ министровъ.

[2]) Только интенданты пограничныхъ областей назначались по представленію военнаго министра. *Necker*, „De l'administration des finances", t. III, p. 384.— Конкретный примѣръ, *Archives du ministère des affaires etrangères*, fonds France, № 1748 (замѣщеніе интендантской вакансіи въ Перпиньянѣ, въ 1775 г.).

Интендантъ играетъ роль органа и по отношенію къ прочимъ министрамъ; но подобно тому, какъ нынѣшній префектъ, считаясь органомъ всѣхъ министровъ, является преимущественно органомъ министра внутреннихъ дѣлъ, по представленію котораго онъ и назначается на свою должность президентомъ республики, такъ же точно и дореволюціонный интендантъ былъ преимущественно органомъ генералъ-контролера. Подобно нынѣшнему префекту, и индендантъ также состоялъ въ непосредственной перепискѣ со всѣми министрами; но переписка съ генеральнымъ контролемъ составляетъ, быть можетъ, три четверти всей административной переписки интендантовъ съ центральными вѣдомствами.

Переписка индендантовъ съ генеральнымъ контролемъ представляетъ не только самый обширный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый важный, по своему содержанію, отдѣлъ административной переписки. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что переписка съ генеральнымъ контролемъ включаетъ въ себя до извѣстной степени и переписку съ прочими министерствами. Въ самомъ дѣлѣ, даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вопросѣ, , не касающемся вѣдомства генеральнаго контроля, интендантъ, адресуясь по его поводу къ подлежащему министру, обыкновенно обращается одновременно по тому же предмету и къ генералъ-контролеру, такъ сказать, для свѣдѣнія послѣдняго [1]). Свѣдѣніе это, впрочемъ, оказывается большею частью излишнимъ, въ виду того, что почти всегда каждый изъ остальныхъ министровъ, получивъ какое либо донесеніе или какой либо запросъ отъ одного изъ интендантовъ, прежде чѣмъ дать свой отвѣтъ въ томъ или другомъ смыслѣ, обращается предварительно къ генералъ-контролеру за его „отзывомъ“ (avis), который обыкновенно и рѣшаетъ дѣло въ томъ или другомъ смыслѣ [2]). Такимъ образомъ, авторитетъ, которымъ поль-

---

[1]) Напримѣръ, реннскій интендантъ пишетъ, въ январѣ 1790 года, одновременно три совершенно тождественныя письма, по поводу одного декрета національнаго собранія: одно къ Сенъ-При, статсъ-секретарю королевскаго дома („министру провинцій“), другое къ Неккеру, „министру финансовъ“, и третье — къ генералъ-контролеру Ламберу. Тотчасъ по полученіи письма интенданта, Сенъ-При пересылаетъ его къ Ламберу, „заранѣе присоединяясь къ тому рѣшенію, какое заблагоразсудитъ принять“ послѣдній. *Archives nationales*, série H 590: Lettres de M. de Rochefort à MM. de Saint-Priest, Necker et Lambert, 25 janvier 1790, et de M. de Saint-Priest à M. Lambert, 26 janvier 1790.

[2]) Конкретные примѣры. Изъ письма Неккера къ Амело, статсъ-секретарю королевскаго дома („министру провинцій“), 6-го ноября 1780, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 23-го октября, съ запросомъ объ „отзывѣ“ по поводу

вовался генералъ-контролеръ въ центрѣ, находилъ себѣ поддержку въ томъ авторитетѣ, который ему принадлежалъ въ интендантствѣ,— и наоборотъ.

„Интенданты, это—непремѣнные корреспонденты всѣхъ министровъ короля" [1]). Въ качествѣ таковыхъ, они являются агентами освѣдомленія для министровъ и до извѣстной степени ихъ совѣтниками. Въ самомъ дѣлѣ, ничто идущее изъ провинціи, будь оно важно или ничтожно, не рѣшается министромъ безъ предварительнаго запроса мѣстному интенданту. Имѣетъ ли министръ дѣло съ какимъ либо прошеніемъ или съ какою либо жалобою, идущею изъ провинціи, первымъ дѣломъ онъ обращается къ мѣстному интенданту съ запросомъ — съ одной стороны провѣрить („verification"), либо дополнить („éclaircissements") сообщаемыя въ данномъ прошеніи или жалобѣ свѣдѣнія, съ другой— сдѣлать свои замѣчанія („observations") и дать свое заключеніе, или мотивированное мнѣніе („avis") о данномъ дѣлѣ. Если дѣло болѣе или менѣе сложное, то интенданту препровождаются цѣликомъ всѣ относящіеся къ нему документы, которые онъ затѣмъ и возвращаетъ съ своимъ „заключеніемъ" [2]).

прошенія тулузскаго муниципалитета о разрѣшеніи послать въ Парижъ, на счетъ города, депутата для наблюденія за ходомъ одного процесса, въ которомъ городъ Тулуза былъ одною изъ сторонъ: „Cette ville a déjà deux capitouls (названіе, которое носили члены тулузскаго муниципалитета) à Paris chargés l'un de la perception des rentes qu'elle a sur la ville, l'autre de la poursuite des affaires contentieuses... L'envoi d'un troisième capitoul est donc au moins inutile. *Je ne peux que vous inviter à persister dans les dispositions où vous me témoignez être de vous refuser à accorder cette députation*". *Archives nationales*, série H 1056.— Изъ письма Неккера, отъ 11-го декабря 1781, къ хранителю печатей, въ отвѣтъ на запросъ послѣдняго относительно отвѣта на „представленія" тулузскаго парламента: „Je crois qu'il suffira de répondre à ce parlement que vous avez mis ses remontrances sous les yeux de Sa Majesté, qu'elle vous a chargé de lui mander que les circonstances ont rendu nécessaires les secours extraordinaires qu'elle a demandés à ses sujets, qu'elle veut être obéie et qu'elle ne peut pas différer plus longtemps de faire lever en Languedoc une imposition à laquelle la plupart des provinces de son royaume sont assujetties depuis plusieurs mois". Ibidem, série H 1057.

[1]) „Mémoire concernant MM. les Intendants", par M. d'Aube, 1738, ms. *Bibliothèque nationale*, fonds français, № 21812. Цитируемъ по выдержкамъ у Дареста, op. cit., 2 éd., p. 100.

[2]) Примѣръ „консультаціи". *Archives nationales*, série H 1056. Necker à l'intendant de Montpellier (1780): „J'ai l'honneur, M., de vous envoyer une lettre par laquelle le sieur Dupuis, ancien sindic adjoint de la ville de Toulouse.... demande l'autorisation d'une délibération par laquelle la ville a arrêté de lui accorder une

Кромѣ различнаго рода случайныхъ поводовъ, „мнѣніе" мѣстнаго интенданта запрашивается регулярно всякій разъ, какъ идеть дѣло о проведеніи новой дороги въ данной мѣстности, о введеніи заставныхъ пошлинъ (octrois) въ томъ или другомъ городѣ, либо о продленіи временно разрѣшенныхъ, объ открытіи фабрики, о подтвержденіи старинныхъ привилегій какого либо города, селенія, монастыря и т. д. [1]).

Подобная консультація интенданта со стороны министра отнюдь не была пустою формальностью. За крайне рѣдкими исключеніями [2]),

pension viagère de 400 liv. en considération de ses services... Je n'ai pas voulu rejeter (cette demande), sans savoir auparavant ce que vous en pensez. Vous trouverez joints à la lettre du sieur Dupuis les délibérations et les mémoires par lesquels il prétend justifier cette libéralité de la ville. Vous voudrez bien me la renvoyer et y joindre le tout *avec vos observations*".—Примѣры „провѣрки". Ibidem, série H 1058. D'Ormesson à l'intendant de Roussillon, 1 août 1783:... „une requête qui m'est adressée par le sieur Bernard Béjean, collecteur de la communauté de Labalent relativement à une contrainte décernée contre cette communauté par le trésorier du pays de Foix... Le collecteur prétend que la somme réclamée par le trésorier a été payée à son prédécesseur... *Je vous prie de le faire vérifier par votre subdélégué*". — Ibidem, série H 1060. Calonne à l'intendant de Languedoc, 17 novembre 1785: „En me renvoyant le mémoire du sieur de Rassay, vous me faites l'honneur de me marquer que *d'après la vérification qui a été faite, les pertes de ce gentilhomme ne se portent qu'a la somme de 1.800 liv., au lieu de 6.000 liv., auxquelles il les avait évaluées...*" — Какого рода жалобы приходилось иногда „провѣрять" интенданту, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1776 году Тюрго посылаетъ бретанскому интенданту, для провѣрки, полученный министромъ анонимный доносъ на приходскаго священника приморскаго мѣстечка Roscoff (Finistère), который, будто бы, „fait déserter les négotiants anglais du port de cette ville en les obligeant à faire maigre pendant le carême". По наведенной интендантомъ справкѣ, оказалось, что былъ только одинъ случай, что „г. Биггсу, англійскому негоціанту, поселившемуся въ одной частной квартирѣ, было отказано въ мясныхъ блюдахъ въ постные дни", но что касается содержателей гостинницъ, то „ils ont un grand soin de se conformer au goût et aux habitudes des Anglais", и что торговля отнюдь не страдаетъ съ этой стороны. *Archives nationales*, série H 618 (1776).

[1]) *Archives nationales*, série H 1057, 1061, 1086, 1087 et passim.

[2]) *Archives nationales*, série H 664. Ходатайство штатовъ области Камбрези о разрѣшеніи раздѣловъ общественныхъ земель уважено правительствомъ вопреки пространно мотивированному „мнѣнію" мѣстнаго интенданта (Lettres-patentes du 30 mars 1781: этотъ законодательный актъ вовсе не упоминается въ „Сборникѣ Изамбера").—Каллонъ удовлетворяетъ, въ 1786 г., просьбу графа Тулузъ-Лотрека о пособіи въ 1000 ливровъ, вопреки неблагопріятному „заключенію" интенданта Баллэнвилье. Ibidem, série H 1061. Другіе случаи этого рода: ibidem, série H 730, 1429, 1409.

„отзывъ" интенданта опредѣлялъ рѣшеніе министра, которое, въ свою очередь, облекалось большею частью въ форму постановленія совѣта [1]). И если въ извѣстныхъ случаяхъ министръ находилъ излишнимъ справляться съ мнѣніемъ интенданта или считаться съ таковымъ, то въ другомъ случаѣ онъ умѣлъ пожертвовать своимъ мнѣніемъ, склоняясь предъ доводами своего подчиненнаго [2]). Съ интендантомъ совѣщаются не только относительно дѣлъ, представляющихъ лишь мѣстный интересъ, но также и по вопросамъ общегосударственнаго значенія.

Такія мѣры, какъ уничтоженіе режима круговой поруки въ 1775 году [3]), какъ реформа дорожной повинности [4]), какъ реформа цеховъ въ 1776 г. [5]), какъ преобразованія фабричнаго режима въ 1778—1779 годахъ [6]), какъ новая реформа дорожной повинности въ 1787 году [7]),—всѣ подобныя законодательныя мѣры предваряются обыкно-

---

[1]) *Archives nationales*, série H 1087 (1778): „Arrêt du conseil qui accorde, *conformément à l'avis de M. de Saint-Priest*, *intendant de Languedoc*, une prorogation des octrois de la ville de Saint-Hippolyte". Другой примѣръ, ibidem, série H 1089 (1780): „La communauté de Lezignan, en Languedoc, demande de rentrer en possession d'un four banal qui lui appartenait anciennement et qui a été aliéné en 1670 pour payer les dettes de la communauté. L'intendant de Languedoc, qui a été consulté, a répondu que la demande de la communauté est absolument mal fondée". Результатъ: „Arrêt du conseil qui déboute la communauté de Lezignan de sa demande".

[2]) *Archives nationales*, série H 1063. Calonne à l'intendant de Languedoc, 27 mars 1788: „J'ai examiné vos observations sur la demande de M-me la marquise de Béon qui désirait un secours de 2.400 liv. pour l'employer à reparer un chemin dégradé par la rivière d'Aude". „Замѣчанія" интенданта клонились къ отклоненію прошенія маркизы. Сдавшись на доводы своего подчиненнаго и отсылая ему прошеніе маркизы съ отказомъ, Калоннъ не скрываетъ, что принялъ это рѣшеніе, скрѣпя сердце. „Не слѣдовало ли бы сдѣлать исключеніе для маркизы, въ виду того назначенія, какое она хотѣла дать этому вспомоществованію": прибавляетъ не безъ нѣкоторой доли меланхоліи министръ, не любившій отказывать, въ особенности маркизамъ.

[3]) *Archives nationales*, série H 1537. Correspondance entre Turgot et les intendants sur les contraintes solidaires. Déclaration du Roi portant abolition des contraintes solidaires contre les principaux habitants des paroisses, pour le pavement des impositions royales, excepté dans le cas de rébellion. Также, H 645.

[4]) *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 1520 (Lettre circulaire de Turgot aux intendants sur la corvée). Реформа дорожной повинности была осуществлена январьскимъ эдиктомъ 1776 года. „Recueil des anciennes lois", t. XXIII, p. 358.

[5]) *Dumas*, „La généralité de Tours au XVIII siècle", Paris, 1894, p. 181.

[6]) Ibidem, p. 188.

[7]) *Archives départementales le la Marne*, série C 1553 (Lettre circulaire de

венно циркулярнымъ обращеніемъ министра (генералъ-контролера) къ интендантамъ съ запросомъ о ихъ „мнѣніи“ [1]). Иногда эта послѣдняя мѣра дополняется коллективнымъ совѣщаніемъ интендантовъ, оказавшихся въ данный моментъ въ Парижѣ, который, сказать къ слову, имѣлъ всегда большую притягательную силу для интендантовъ, охотно загащивавшихся здѣсь по цѣлымъ мѣсяцамъ, разумѣется, съ особаго каждый разъ разрѣшенія „министра провинціи“ и генералъ-контролера [2]), хотя интенданты ближайшихъ къ Парижу областей дѣлали наѣзды сюда, и безъ предварительнаго испрашиванія отпуска: обыкновеніе, которому Неккеръ было объявилъ войну въ формѣ постановленія совѣта, отъ 15-го марта 1778 г. [3]); послѣднее, впрочемъ, имѣло участь большинства подобныхъ постановленій, то-есть, просто не соблюдалось [4]).

Calonne aux intendants, 6 avril 1786). Самая реформа была осуществлена сначала постановленіемъ совѣта 6-го ноября 1786 г. (временно), затѣмъ іюньскимъ эдиктомъ 1787 (навсегда). *Archives nationales*, série H 1429.

[1]) Въ серіи F Національнаго архива имѣется цѣлая связка, содержащая въ себѣ отвѣты интендантовъ на запросъ генералъ-контролера д'Ормессона, въ 1781 году, относительно проекта регламента дорожной части. *Archives nationales*, série F 14/182 B.

[2]) *Archives nationales*, série H 1428. Ошскій интендантъ Бушпорнъ, въ 1787 году, проситъ отпускъ въ Парижъ. Министръ провинціи (Бретейль) разрѣшилъ, Неккеръ отказалъ.

[3]) Состоявшееся, по почину Неккера, постановленіе совѣта 15-го марта 1778 г. запрещаетъ интендантамъ какъ самовольныя отлучки безъ предварительнаго разрѣшенія министра, такъ и ограничиваетъ ихъ продолжительность тремя мѣсяцами въ годъ или шестью въ два года. Отсюда легко видѣть, какою широкою свободой пользовались въ данномъ отношеніи интенданты до этихъ „стѣсненій“. Постановленіе совѣта, о которомъ идетъ рѣчь, приводится въ существенной своей части Неккеромъ („De l'administration des finances“, t. II, p. 469—471); оно совершенно не упоминается въ „Сборникѣ Изамбера“. Ссылку на него находимъ, *Archives nationales*, série H 1447.

[4]) Какъ это видно, напримѣръ, изъ переписки пуатевинскаго интенданта Була-де-Нантейля съ однимъ изъ своихъ субделегатовъ, опубликованной въ одномъ изъ провинціальныхъ періодическихъ сборниковъ („Archives historiques du Poitou“, t. XX). Здѣсь мы имѣемъ передъ собой не прерывающійся рядъ писемъ названнаго интенданта, съ 8-го декабря 1784 до 16-го августа 1785 года, то-есть, *въ теченіе болѣе восьми мѣсяцевъ, всѣ помѣченныя Парижемъ*. Затѣмъ, снова рядъ писемъ, датированныхъ изъ Парижа, съ 21-го января 1786 по 30-е іюля того же года, то-есть, въ теченіе болѣе пяти мѣсяцевъ. Итого, въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ—около 14-ти мѣсяцевъ „отпуска“ въ Парижъ!.. Когда, въ іюлѣ 1786 г., Калонну пришло въ голову собрать для совѣщанія всѣхъ интендантовъ, которые окажутся на-лицо въ Парижѣ, то таковыхъ оказалось *шестнадцать*,

Интенданты являтся постоянными совѣтниками, можно даже сказать, сотрудниками генералъ-контролера. Изъ этого сотрудничества вышла не одна важная мѣра общегосударственнаго значенія. Иной законодательный актъ, изданный въ торжественной формѣ эдикта, отъ лица „короля въ своемъ совѣтѣ", въ сущности лишь формулируетъ desiderata нѣсколькихъ интедантовъ [1]).

„Франція управлялась изъ глубины канцелярій", по выраженію Неккера [2]). Да, если только подъ канцеляріями разумѣть не однѣ лишь канцеляріи королевскаго совѣта и министерствъ, но также и канцеляріи интендантствъ. Роль этихъ послѣднихъ во всякомъ случаѣ отнюдь не менѣе роли первыхъ, въ которой есть изрядная доля фикціи: то, что кажется *исходящимъ* изъ министерской канцеляріи, на самомъ дѣлѣ лишь *возвращается* оттуда въ канцелярію интедантства, гдѣ оно получило въ дѣйствительности свое начало. Выраженіе Джона Лоо, эксъ-генералъ-контролера, что „Франція управляется тридцатью интендантами", не менѣе вѣрно выражаетъ положеніе дѣла въ изучаемую нами эпоху, чѣмъ и въ моментъ, къ которому относятся эти слова. Интендантъ, по отношенію къ центральному правительству, является не простымъ лишь исполнителемъ распоряженій, идущихъ свыше, въ видѣ эдиктовъ, постановленій совѣта, королевскихъ приказовъ или министерскихъ писемъ, но, кромѣ того, администраторомъ съ самою широкою иниціативою. Этой иниціативѣ обязаны были своимъ происхожденіемъ многія законодательныя мѣры первостепенной

то-есть, ровно половина всѣхъ интендантовъ королевства (если не считать intendants adjoints, о которыхъ намъ придется говорить ниже). *Archives nationales*, série H 1444.—*Bachaumont*, „Mémoires secrets", t. XXXII, 29 avril 1786. Интенданты до такой степени тяготѣли къ Парижу, что каждый изъ нихъ имѣлъ въ столицѣ постоянную квартиру, адресъ которой обыкновенно значится въ „Королевскомъ альманахѣ".

[1]) *Archives départementales de la Marne*, série C 1553. Calonne à l'intendant de Châlons, 5 avril 1786: „Elles (vos observations) ne doivent pas porter sur le fonds de la loi, Sa Majesté étant décidée à l'adopter, *conformément au voeu presque unanime que MM. les intendants ont manifesté dans l'assemblée que j'ai tenue...*". Дѣло идетъ о проектѣ реформы дорожной повинности, проведенной сначала въ видѣ временной мѣры, постановленіемъ совѣта отъ 6-го ноября 1786 г. (*Archives nationales*, série H 1429; этотъ актъ вовсе не упоминается въ „Сборникѣ Изамбера"), а потомъ, какъ постоянная мѣра, королевскою декларацieй 27-го іюня 1787 года („Recueil des anciennes lois", t. XXVIII, p. 374).

[2]) *Necker*, „Mémoire au Roi sur les Administrations provinciales", 1778 (*Bibliothèque nationale*, Lb. 39/288), p. 10: „c'est du fond des bureaux que la France est gouvernée".

важности. Взять хоть ту же реформу Тюрго касательно натуральной дорожной повинности [1]). Иниціатива этой важной, хотя и эфемерной, мѣры принадлежитъ въ сущности не Тюрго-министру, а Тюрго-интенданту, и даже собственно не Тюрго, а другимъ интендантамъ, которые еще ранѣе его начали проводить на практикѣ въ своихъ интендантствахъ замѣну натуральной повинности денежною [2]). Другая, еще болѣе крупная реформа, реформа городскаго и сельскаго управленія, провозглашенная іюньскимъ эдиктомъ 1787 года [3]), представляетъ собою лишь обобщеніе, распространеніе на всю страну мѣры, которая передъ тѣмъ была уже проведена на практикѣ въ нѣкоторыхъ изъ интендантствъ, единственно по личному почину мѣстныхъ интендантовъ [4]). Припомнимъ также, что такое учрежденіе,

---

[1]) „Edit portant suppression de la corvée. Versailles, 24 février 1776". „Recueil des anciennes lois", t. XXIII, p. 358.

[2]) Напримѣръ, въ канскомъ интендантствѣ подобная реформа была осуществлена интендантомъ Орсо-де-Фонтетомъ еще въ шестидесятыхъ годахъ. *Archives nationales*, série H 1416. Послѣ отмѣны реформы Тюрго, интенданты тѣмъ не менѣе стали по собственному почину возвращаться къ ней, по крайней мѣрѣ отчасти, такъ что въ восьмидесятыхъ годахъ, по свидѣтельству бордоскаго интенданта Сенъ-Мора, только въ семи интендантствахъ практиковался порядокъ, существовавшій до реформы Тюрго. *Saint-Maur*, op. cit., pp. 5—6. См. также: *Archives nationales*, série H 1444. „Mémoire", 1786. *Archives départementales de la Marne*, série C 1645.

[3]) „Edit de création d'assemlées provinciales et municipales. Versailles, juin 1787". „Recueil des anciennes lois", t. XXVIII, p. 364.

[4]) Упраздненіе городскихъ и сельскихъ вѣчъ, такъ называемыхъ „обывательскихъ собраній" (assemlées générales d'habitants) и замѣна ихъ представительнымъ управленіемъ — сущность муниципальной реформы 1787 года — были осуществлены на практикѣ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, во многихъ изъ городовъ и селеній шалонскаго интендантства, каждый разъ путемъ особаго приказа (ordonnance) интенданта. Одинъ изъ такихъ приказовъ приведенъ цѣликомъ въ сочиненіи д'Арбуа-де-Жюбэнвилль, откуда и беремъ настоящее свѣдѣніе. *D'Arbois-de-Jubainville*, „L'administration des intendants d'après les archives de l'Aube", Paris, 1880, p. 137—142. Другой примѣръ представляетъ дижонское интендантство, гдѣ многіе городки и мѣстечки подверглись подобному же преобразованію, по почину мѣстнаго интенданта, и—что замѣчательно—большею частью по просьбѣ самихъ же жителей. *Babeau*, „La Ville sous l'ancien régime". Paris, 1884, t. I, p. 60 (выдержки изъ интереснаго письма интенданта Амело къ генералъ-контролеру, 19-го іюля 1784 г., *Archives nationales*, série H 1469). Болѣе спеціальное постановленіе совѣта относительно обязательной замѣны соломенныхъ крышъ черепичными или грифельными въ извѣстныхъ частяхъ страны обязано своимъ происхожденіемъ иниціативѣ нѣсколькихъ интендантовъ (напримѣръ, Рулье въ Шалонѣ), начавшихъ первоначально примѣнять эту мѣру у себя по собственному

какъ corvée des grandes routes—одно изъ наиболѣе тяжелыхъ фискальныхъ учрежденій стараго порядка,—для уничтоженія которого потребовался торжественный законодательный актъ, изданный отъ лица „короля въ своемъ совѣтѣ" и занесенный въ парлементскіе реестры,—всецѣло было обязано своимъ происхожденіемъ административному почину нѣсколькихъ интендантовъ, обобщенному мало-по-малу „министерскими письмами" и „постановленіями совѣта" [1]).

Если законодательные и правительственные акты общаго характера сплошь да рядомъ имѣютъ въ своей основѣ прямое или косвенное авторство интендантовъ, то еще чаще это оказывается правиломъ для мѣръ болѣе частнаго, спеціальнаго характера, имѣющихъ случайный или мѣстный интересъ. Въ этомъ случаѣ постановленіе совѣта обыкновенно лишь облекаетъ въ болѣе или менѣе торжественную форму единоличное „мнѣніе" того или другаго индендант. Даже болѣе того, интендантъ оказывается нерѣдко авторомъ постановленія совѣта не только со стороны содержанія, но и со стороны формы, со стороны самой редакціи акта. Нерѣдко министръ посылаетъ интенданту тотъ или другой проектъ „постановленія совѣта", для сообщенія своихъ замѣчаній и для редакціонныхъ поправокъ [2]). Мало того, вмѣстѣ съ своимъ „заключеніемъ", интендантъ сплошь да рядомъ адресуетъ министру (всего чаще, конечно, генералъ-контролеру) и „проектъ постановленія совѣта", который остается только снабдить подписью короля да скрѣпой министра, чтобы сообщить ему силу правительственнаго распоряженія [3]). Подобное авторство интенданта

почину, путемъ отдѣльныхъ „приказовъ". *Archives départementales de la Marne*, série C 1953 (текстъ постановленія совѣта 29-го іюня 1785 г. и предшествовавшая ему переписка интендантовъ съ генералъ-контролерами, а также „приказы" мѣстныхъ интендантовъ).

[1]) *Saint-Maur*, „Mémoire sur l'administration des corvées", 1784. См. выдержку изъ этого сочиненія выше.

[2]) *Archives départementales de la Marne*, série C 1553. Calonne à l'intendant de Châlons, 5 avril 1786:... „mais avant de prendre les derniers ordres de Sa Majesté sur ce projet d'arrêt, il m'a paru convenable de vous demander vos observations". Съ подобнымъ же запросомъ обращается къ шалонскому интенданту Тюрго въ 1775 г., по аналогичному поводу. Ibidem, série C 1520. Lettre de Turgot à l'intendant de Châlons, 28 juillet 1775.

[3]) *Archives nationales*, série H 1058. Изъ письма д'Ормессона къ ошскому интенданту, отъ 23-го іюня 1783 г.: „J'ai reçu, avec votre lettre du 9 juin, un *projet d'arrêt du Conseil* qui approuverait l'adjudication des ouvrages à faire pour établir un pont de bois sur la Garonne, près du village de Miramont, et qui ordonnerait l'imposition sur le pays de Nébouzan d'une somme de 15.361 liv. 13 sol. 4 den...".

является большею частью результатомъ его собственнаго почина, но иногда — также и отвѣтомъ на прямое приглашеніе министра [1]). Починъ интенданта простирается иногда до того, что онъ диктуетъ министру письмо, которое послѣдній долженъ написать по данному поводу къ данному лицу [2]).

Такимъ образомъ, интенданты, въ качествѣ ли администраторовъ, въ качествѣ ли совѣтниковъ и сотрудниковъ министровъ, и въ особенности генералъ-контролера, простираютъ свой починъ не только на всю административную сферу, но также, въ значительной степени, и на область законодательства, то подготовляя общія законодательныя мѣры своею административною дѣятельностью, то давая извѣстное направленіе министерскимъ проектамъ путемъ своихъ „замѣчаній", „отзывовъ" и „мнѣній", то подсказывая общія законодательныя мѣры своею ли административною практикой, своими ли „совѣтами" и пожеланіями.

Широкое поле для личной инициативы остается интенданту и послѣ того, какъ извѣстный законодательный актъ или правительственное распоряженіе стало совершившимся фактомъ: здѣсь починъ интенданта можетъ проявляться, прежде всего, въ истолкованіи даннаго законодательнаго или административнаго акта путемъ своихъ „приказовъ" (ordonnances) и „регламентовъ" (règlements), затѣмъ въ способахъ примѣненія данной мѣры на практикѣ. Въ этомъ отношеніи, личному усмотрѣнію интенданта оставался большой просторъ, неизмѣримо большій, чѣмъ тотъ, которымъ располагаетъ его историческій преемникъ, современный префектъ [3]). Само правительство по-

---

[1]) *Archives nationales*, série H 1482 (1775). Lettre du contrôleur général à l'intendant de Rouen, *pour lui demander un projet d'arrêt* qui autorise l'imposition pour le remboursement des offices supprimés des cours supérieures de Normandie.—Ibidem, série H 1484. Contrôleur général à l'intendant de Provence, 27 vril 1788:... „si vous jugez qu'il fût à propos de rendre un arrêt à ce sujet *vous pourrez m'en adresser le projet*". Въ сочиненіяхъ Тюрго, изданныхъ Дэромъ, напечатанъ, между прочимъ, одинъ изъ подобныхъ „проектовъ постановленія совѣта", составленныхъ Тюрго во время его управленія лиможскимъ интендантствомъ. *Turgot*, „Oeuvres", Paris, 1844. t. I, pp. 369—370.

[2]) *Archives nationales*, série H 643. Bertrand de Molleville, intendant de Bretagne, au contrôleur général, 6 septembre 1784: „Si vous approuvez la forme que j'indique pour l'exécution du plan que j'ai proposé, et surtout *le projet de lettre à écrire par M. le baron de Breteuil*....". Баронъ де-Бретейль былъ въ это время статсъ-секретаремъ королевскаго дома.

[3]) Иные изъ интендантовъ настолько широко понимали свои полномочія въ этомъ отношеніи, что не останавливались въ своихъ „приказахъ" передъ „измѣ-

ощряло до извѣстной степени духъ инниціативы въ интендантахъ. предоставляя имъ, во множествѣ отдѣльныхъ случаевъ, „принять тѣ мѣры, какія они найдутъ наиболѣе подходящими“ [1]). Высшая служебная добродѣтель послѣдняго—*исполнительность*, перваго—*распорядительность*. Аналогія между интендантами и современными префектами, исторически вѣрная въ одномъ отношеніи, легко можетъ повести къ неправильнымъ представленіямъ въ другомъ. Подъ вліяніемъ этой аналогіи, а еще болѣе, конечно, подъ вліяніемъ авторитета Токвиля, который, въ угоду своему излюбленному тезису объ административной централизаціи при старомъ порядкѣ, черезчуръ сильно подчеркнулъ одну сторону интендантства и оставилъ въ тѣни другую, въ исторической литературѣ сложилось представленіе объ интендантахъ, исключительно какъ о молчаливыхъ и безусловно послушныхъ орудіяхъ центральной власти, главнымъ образомъ въ лицѣ генералъ-контролера, который „ставитъ“, перемѣщаетъ и смѣщаетъ ихъ по своему произволу. A priori такъ оно и должно представляться: дѣйствительно, интендантъ есть креатура правительства, преимущественно въ лицѣ генералъ-контролера, и главное его назначеніе—служить орудіемъ осуществленія правительственныхъ велѣній. На дѣлѣ, а

неніемъ законовъ“. *Archives departementales de la Marne*, série C 462. Terray à l'intendant de Châlons: „*Comme cette ordonnance* (*de l'intendant*) *parait changer les lois*, il pourrait arriver qu'elle fût dénoncée. Ne serait-il pas possible, Monsieur, de la laisser sans exécution?“.—Истолкованіе, которое даетъ шалонскій интендантъ Руллье д'Орфейль въ своемъ циркулярѣ, въ 1766 году, постановленію совѣта 5-го іюня 1731 года, предписывающему вырывать виноградники, насаженные безъ разрѣшенія правительства, равносильно въ сущности рекомендаціи не соблюдать этого предписанія: „Quoique je sente qu'il est essentiel de veiller à son exécution, je ne puis cependant disconvenir que ces défenses me paraissent contraires à l'ordres publique et à la liberté que chacun doit naturellement avoir de faire usage de son fond de la manière qu'il juge la plus convenable à ses intérêts, et il me paraitrait bien dur de faire perdre à des particuliers le fruit de leurs travaux en les condamnant à arracher des vignes dont la plantation leur a coûté tant de peine et de dépenses...“. Ibidem, série C 2983.

[1]) Генералъ-контролеръ Табуро-де-Рео пишетъ въ 1776 году интенданту Дю-Клюзелю, что предоставляетъ его усмотрѣнію избрать наилучшій способъ для ремонта дорогъ въ своемъ интендантствѣ (Пуатье). *Dumas*, „La Généralité de Tours au XVIII s.“, p. 64. Генералъ-контролеръ Террэ пишетъ въ 1771 году къ тому же интенданту, по поводу постановленія совѣта 23 декабря 1770 года, что предоставляетъ на его усмотрѣніе исполнять это правительственное распоряженіе съ большей или меньшею пунктуальностью, въ виду тѣхъ неудобствъ, съ которыми было бы сопряжено строгое исполненіе его. Ibidem, p. 352.

posteriori, дѣло обстояло не совсѣмъ такъ. Въ дѣйствительности, интендантъ пользовался гораздо большею самостоятельностью по отношенію къ правительству вообще и къ генералъ-контролеру въ частности, чѣмъ это принято думать. Эта сторона дѣла уже выступаетъ нѣсколько въ только что отмѣченныхъ нами чертахъ, выставляющихъ интенданта со стороны его воздѣйствія на правительство, въ качествѣ совѣтника и сотрудника министровъ. Это одна сторона дѣла. Другая сторона заключается въ томъ, что интендантъ является не только представителемъ центральной власти въ провинціи, но также и наоборотъ—представителемъ провинціи и ея интересовъ предъ правительствомъ, при чемъ интендантъ нерѣдко забываетъ о первой изъ этихъ своихъ ролей въ пользу послѣдней: когда интересы провинціи и интересы центральной власти сталкиваются, интендантъ,—не всякій, быть можетъ, но достаточно уже того, что такіе были,—не боится смѣло выступить въ защиту „своей" провинціи противъ правительства, рискуя получить за то соотвѣтственное „внушеніе" отъ министра [1]). Интендантъ выступаетъ не только блюстителемъ матеріальнаго благосостоянія своей провинціи противъ преувеличенныхъ поползновеній фиска [2]), но и—чего, казалось бы, всего менѣе можно было ожидать—мѣстныхъ вольностей, провинціальнаго и городскаго самоуправленія, противъ покушеній правительства на ихъ неприкосновенность [3]).

---

[1]) Напримѣръ, письмо Калонна къ валансьенскому интенданту, распинавшемуся за свою провинцію, потерпѣвшую отъ бури (5-го ноября 1784 года): „Je ne pouvais regarder comme sérieuse, ni comme suffisamment réfléchie la proposition que contenait votre lettre du 4 mars dernier, d'accorder aux villes et paroisses qui ont souffert la remise entière de leurs impositions pour deux années...". *Legrand*, „Sénac de Meilhan et l'intendance du Hainaut et du Cambrésis", Valenciennes, 1868, p. 134.

[2]) *Archives nationales*, série H 1610/25. Mémoire de la commission intermédiaire d'Alsace, adressée au contrôleur général, mars 1788: „Cette charge énorme (imposition des fourrages) n'a jamais été constituée que par de simples lettres ministérielles. *La province n'avait d'autre défenseur que son commissaire départi, auquel le patriotisme et le sentiment profond d'équité, qui l'animent, insprirèrent plusieures représentations* réitérées en 1784...". См. также „письма" интенданта Тюрго къ генералъ-контролеру „объ обложеніи тальей", гдѣ онъ горячо распинается за интересы своей провинціи. „Avis annuels sur l'imposition de la taille de la généralité de Limoges, 1762–1775". *Turgot*, „Oeuvres", Paris, 1844, t. I, pp. 517—631. Также: *Archives départementales de la Côte d'Or* (Dijon), série C 3418 (интендантъ выхлопатываетъ, по представленію старшинъ области Брессъ, уничтоженіе одной категоріи épices, ложившихся бременемъ на мѣстные финансы).

[3]) *Archives nationales*, série H 643. „Mémoire sur le droit réclamé par les

Въ пользу ли своей провинціи, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ интендантъ отнюдь не считаетъ для себя запретнымъ плодомъ извѣстную независимость какъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ равно и въ языкѣ. по отношенію къ правительству вообще и къ отдѣльнымъ министрамъ въ частности. Шалонскій интендантъ Руллье д'Орфейль открыто вступаетъ въ пререканія съ военнымъ министромъ и въ концѣ-концовъ настаиваетъ на своемъ [1]). Овернскій интендантъ Шазера, на котораго была возложена правительствомъ процедура принудительнаго занесенія въ реестры мѣстнаго парламента майскаго эдикта 1788 г., открыто выражаетъ свое сожалѣніе по поводу выпавшей на его долю столь несимпатичной для него, интенданта, миссіи [2]). Муленскій интендантъ Реверсо не отступаетъ даже предъ прямымъ неповиновеніемъ, отказавшись наотрѣзъ исполнить предписаніе Неккера о созывѣ провинціальнаго собранія, въ 1781 году [3]). Подобный „бунтъ", конечно, былъ явленіемъ рѣдкимъ, исключительнымъ; зато далеко не были ни исключительны, ни рѣдки случаи менѣе открытаго неповиновенія интендантовъ министерскимъ предписаніямъ, напримѣръ, въ формѣ отмалчиванія. Напримѣръ, по поводу одного „приказа" шалонскаго интенданта Руллье, на который поступила къ генералъ-контролеру Жоли-де-Флери (1781—1783) жалоба, какъ на заключающій въ себѣ превышеніе власти, министръ запрашиваетъ у интенданта объясненій, „прежде чѣмъ постановить

Etats de Bretagne de choisir librement leurs députés", par M. Bertrand de Molleville, intendant de Bretagne, 1784. Интендантъ выступаетъ рѣшительнымъ защитникомъ права штатовъ противъ попытки правительства къ его стѣсненію. Ibidem, série H 719. Письмо ошскаго интенданта къ Калонну, 6-го марта 1786 года: интендантъ ратуетъ за возвращеніе мѣстнымъ городамъ права свободнаго выбора ихъ городскихъ представителей.

[1]) *Babeau*, „Le Village sous l'ancien régime", Paris, 1891, p. 231. Цитируетъ *Archives départementales de l'Aube*, série C 294.

[2]) *Mège*, „Les premières années de la Révolution dans la Basse-Auvergne", Clermont-Ferrand, 1897, p. 62.

[3]) Это было какъ разъ не задолго до отставки Неккера, одною изъ причинъ которой было, повидимому, и упомянутое столкновеніе его съ муленскимъ интендантомъ, смѣщенія котораго онъ потребовалъ у короля, но безуспѣшно, если вѣрить свидѣтельству Буайе-де-Сентъ-Сюзаннія, Лавернія и Гомеля,—котораго намъ, впрочемъ, не удалось провѣрить, за отсутствіемъ ссылокъ на источники этого извѣстія у всѣхъ названныхъ авторовъ. *Boyer de Sainte-Susanne*, „Les intendants de la généralité d'Amiens", Paris, 1865, p. 435.—*Lavergne*, „Les assemblées provinciales sous Louis XVI", Paris, 1879, p. 213.—*Gomel*, „Histoire des causes financières de la Révolution", t. I, p. 420.

свое рѣшеніе по этому дѣлу"[1]). *Отвѣта отъ интенданта не послѣдовало.* Преемникъ Жоли-де-Флери, д'Ормессонъ (1783), напоминая интенданту, годъ спустя, о запросѣ своего предшественника, проситъ поспѣшить отвѣтомъ[2]). *Интендантъ продолжаетъ отмалчиваться.* Полгода спустя—новое напоминаніе изъ генеральнаго контроля съ рекомендаціей „не откладывать долѣе отвѣта"[3]). *Интендантъ продолжаетъ упорно молчать.* При Калоннѣ (1783—1787), преемникѣ д'Ормессона, новое письмо къ интенданту съ новымъ напоминаніемъ все о томъ же запросѣ[4]). Интендантъ, наконецъ, соизволилъ отвѣтить, при чемъ въ своихъ „объясненіяхъ" самымъ рѣшительнымъ образомъ защищаетъ свой „приказъ", доказывая свою правоту ссылками на разныя „постановленія совѣта" и на прецеденты[5]). Въ данномъ случаѣ для насъ любопытенъ фактъ, что два министерства смѣнились на своемъ посту, прежде, чѣмъ интендантъ соблаговолилъ отвѣтить на министерскій запросъ, и отвѣтить уже второму преемнику министра, автора запроса, при чемъ между первымъ запросомъ (20-го апрѣля 1782 г.) и отвѣтомъ интенданта (28-го ноября 1785 г.) протекло около трехъ съ половиною лѣтъ,—время, въ теченіе котораго, слѣдовательно, спорный приказъ продолжалъ дѣйствовать. Не менѣе замѣчательно и это благодушіе министра, ограничивающагося простымъ „напоминаніемъ" и повтореніемъ напоминанія о запросѣ своихъ предшественниковъ. Ни малѣйшаго порицанія интенданту, ни малѣйшаго изумленія со стороны министра; послѣднему даже не приходитъ, повидимому, и въ голову усматривать что либо ненормальное въ поведеніи интенданта, которое, конечно, не прошло бы даромъ современному префекту.

Не менѣе характеренъ въ разсматриваемомъ отношеніи образъ дѣйствій парижскаго интенданта Бертье, преспокойно продолжающаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, регулярно, изъ года въ годъ, вносить въ свои проекты раскладки „благотворительнаго фонда" статью, озаглавленную „жалованье инженерамъ и субъ-инженерамъ", несмотря на столь же регулярно, изъ года въ годъ повторяющееся замѣчаніе ге-

---

[1]) *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 462. Письмо Жоли-де-Флери къ интенданту Руллье, отъ 20-го апрѣля 1782 г., по поводу жалобы на его „приказъ" 10-го сентября 1780 г.

[2]) Ibidem. Письмо д'Ормессона къ Руллье, 4-го апрѣля 1783 г.

[3]) Письмо д'Ормессона къ Руллье, 7-го сентября 1783 г.

[4]) Письмо „финансоваго интенданта" Ла-Буллэ къ Руллье, 31-го мая 1785 г.

[5]) Письмо Руллье въ отвѣтъ на предыдущее, 28-го ноября 1785 г.

нералъ-контролера противъ этого пункта, что „благотворительные фонды не могутъ быть употребляемы на подобные расходы" [1]. И опять—ни малѣйшаго выговора интенданту за подобное пренебреженіе къ министерскимъ замѣчаніямъ.

Общій фактъ, который мы считаемъ необходимымъ подчеркнуть, въ виду общепринятаго противоположнаго представленія, тотъ, что интенданты, будучи въ теоріи покорными орудіями правительства и креатурами министровъ, въ особенности генералъ-контролера, на дѣлѣ оказываются въ гораздо болѣе независимомъ положеніи по отношенію къ правительству и въ частности по отношенію къ генералъ-контролеру, чѣмъ этого можно было бы ожидать a priori. Въ проявленіи своей самостоятельности, они не останавливаются, какъ мы видѣли, даже предъ открытымъ неповиновеніемъ, при чемъ все это сходитъ имъ съ рукъ совершенно безнаказанно. Замѣчаніе или выговоръ со стороны министра интенданту—до крайности рѣдкое явленіе [2]. Смѣщеніе интенданта? Мы не можемъ указать ни одного такого случая за весь изучаемый нами періодъ. Единственная попытка въ этомъ направленіи, сдѣланная Неккеромъ, не имѣла успѣха, и интендантъ, оказав-

---

[1]) *Archives nationales*, série H 2107.

[2]) Во всей массѣ пересмотрѣнной нами административной переписки намъ встрѣтилось всего лишь два случая выговора интенданту со стороны министра (генералъ-контролера въ обоихъ случаяхъ). Въ одномъ изъ этихъ случаевъ выговоръ вызванъ упрекомъ интенданта по адресу канцеляріи генеральнаго контроля въ неаккуратности и небрежности, въ другомъ—самовольнымъ, безъ предварительнаго разрѣшенія министра, израсходованіемъ довольно крупной суммы, около десяти тысячъ ливровъ, на ремонтъ интендантскаго дома (въ Шалонѣ). *Archives nationales*, série H 1061. Calonne à l'intendant de Languedoc, 3 août 1786: „Je me réserve de vous répondre particulièrement sur l'imputation de négligeance que vous faites très injustement à mes bureaux dans votre lettre du 17 juillet dernier, dont le style m'a étonné". Въ письмѣ отъ 3-го августа 1786 г. генералъ-контролеръ Калоннъ дѣлаетъ собственноручный post-scriptum: „Quoique je ne crois pas qu'il y ait aucune lettre de votre part, méritant réponse, qui n'en ait pas eu de la mienne, je vous prie de me marquer sur le champs quelles sont celles dont vous avez entendu parler, et *de vous souvenir au surplus que les Ministres ne vous doivent pas compte des raisons qu'ils peuvent avoir de n'en pas faire en certains cas*".—*Archives départementales de la Marne*, série C 512. Blondel, intendant des finances, à Rouillé, intendant de Châlons, 11 décembre 1787: „Le Ministre... a cependant enfin consenti, mais en m'observant *qu'il trouvait fâcheux et de mauvais exemple* que vous fussiez porté à ordonner des ouvrages dont la dépense était aussi considérable, sans que la necessité en eût été constatée et sans qu'ils eussent été autorisés".

шій явное неповиновеніе министру, преспокойно остался на своемъ посту, между тѣмъ какъ министръ долженъ былъ выйдти въ отставку. Перемѣщенія интендантовъ съ мѣста на мѣсто? Старый порядокъ совершенно не зналъ ничего подобнаго тому, что въ современной Франціи является, подъ названіемъ „mouvement de prefets", неизмѣннымъ сопутствіемъ каждой перемѣны министерства [1]). Общее правило при старомъ порядкѣ, что перемѣны въ составѣ министерства, и въ частности—перемѣны въ главномъ контролѣ, столь частыя въ послѣднюю пору стараго порядка, остаются безъ всякаго видимаго вліянія какъ на личный составъ провинціальнаго интендантства, такъ равно и на перемѣщенія наличныхъ интендантовъ съ одного поста на другой. Поводъ къ перемѣщеніямъ интендантовъ обыкновенно подается либо смертью одного изъ нихъ, либо назначеніемъ на высшій постъ [2]). „Министры смѣняются, интенданты остаются". Интендантъ сидитъ гораздо прочнѣе на своемъ посту, чѣмъ министръ. Въ изучаемую нами эпоху уже отошло въ область преданій то время, когда правительство считало дѣломъ политической мудрости не давать подолгу засиживаться интенданту на своемъ посту и пустить корни въ управляемой имъ провинціи. Въ послѣднюю пору стараго порядка мы встрѣчаемъ среди интендантовъ людей, посѣдѣвшихъ на своемъ посту, на который они явились во цвѣтѣ лѣтъ. Такіе интенданты, какъ Шазера въ Клермонъ-Ферранѣ (1773—1790), какъ д'Агэ въ Амьенѣ (1771—1790), какъ Жюлльенъ въ Алансонѣ (1766—1790), Пажо-де-Маршеваль въ

---

[1]) „Matin", 19 octobre 1898: „Le ministère Brisson est vieux de cinq mois à peine, et *il a déjà déplacé cinquante et un préfets*".

[2]) Наиболѣе крупное изъ такихъ перемѣщеній за изучаемый періодъ, обусловленное фактомъ послѣдней категоріи, слѣдующимъ образомъ зарегистровано въ офиціальной *Gazette de France*, vendredi, 9 janvier 1784: „Le Roi ayant nommé le sieur *Pajot de Marcheval* à une place de Conseiller d'Etat, Sa Majesté a fait passer le sieur *Caze de la Bove* de l'intendance de Bretagne à celle de Grenoble. Elle a nommé le sieur *Caumartin de Saint-Ange* à l'intendance de Bretagne, et le sieur *Fournier de la Chapelle* à celle d'Auch, dont elle a désuni celle de Pau, pour former avec Bayonne et les pays adjacents une nouvelle intendance qu'elle a donnée au sieur *le Camus de Neuville*. Le sieur *Lepelletier de Morfontaine* étant désigné pour la place de prévôt des marchands de Paris, Sa Majesté a nommé pour le remplacer à l'intendance de Soissons, lorsqu'elles sera vacante, le sieur *de la Bourdonnaye de Blossac*; et à l'intendance de Poitiers, pour pareille époque, le sieur *Boula de Nanteuil*". Цитируемъ по рукописному извлеченію изъ названной газеты, находящемуся въ архивѣ шалонскаго интендантства. *Archives départementales de la Marne*, série C 175.

Греноблѣ (1761—1784), Ремонъ-де-Сенъ-Совёръ въ Перпиньянѣ (1778—1789), были настоящими ветеранами на своемъ посту,—настоящими мѣстными старожилами, которые сроднились, можно сказать, срослись каждый съ своею провинціей [1]). Интендантство проявляетъ подъ конецъ явную тенденцію къ превращенію въ пожизненную должность, по примѣру большинства общественныхъ должностей того времени, продажныхъ offices, и даже—по примѣру же послѣднихъ—превратиться въ наслѣдственную должность. Бертье-де-Совиньи „наслѣдуетъ" отцу въ Парижѣ, д'Агэ тоже самое въ Амьенѣ, Рулье д'Орфейль—въ Шалонѣ, Ла-Бурдоннэ—въ Пуатье, Сенъ-При—въ Монпелье, Амело—въ Дижонѣ и т. д. [2]). Однимъ словомъ, стремятся возникнуть какъ бы интендантскія династіи, изъ которыхъ каждая тяготѣетъ къ извѣстному опредѣленному интендантству.

Разумѣется, что отмѣченныя явленія не были общимъ правиломъ, и можно указать не одно интендантство, гдѣ интенданты мѣнялись довольно часто, хотя и далеко не такъ часто, какъ министры [3]). Но въ общемъ интенданты все-таки занимали сравнительно подолгу свои мѣста, и если перемѣщались, то большею частью по собственному желанію, а не по усмотрѣнію министра [4]), и никогда (въ изучаемую

---

[1]) См. списокъ интендантовъ, въ приложеніи.

[2]) См. тамъ же.

[3]) Напримѣръ, въ Бретани, на которую интенданты смотрѣли, какъ на чистилище, и откуда бѣжали при первомъ же случаѣ, — также въ Бордо, гдѣ они плохо уживались съ мѣстнымъ парламентомъ. За вторую половину восемнадцатаго вѣка смѣнилось въ Алансонѣ всего два интенданта, въ Страсбургѣ—четыре, въ Дижонѣ, Греноблѣ—тоже, и т. д. Всего чаще мѣнялись интенданты въ Реннѣ и въ Бордо: въ первомъ изъ-за штатовъ, въ послѣднемъ изъ-за парламента. Въ каждомъ изъ послѣднихъ двухъ интендантствъ смѣнилось въ изучаемый нами періодъ по пяти интендантовъ. За то были интендантства, гдѣ за это время не произошло ни одной смѣны (Alençon, Amiens, Riom). Любопытно сопоставить эти данныя, для контраста, съ „движеніемъ" среди современныхъ префектовъ. Оказывается, что, напримѣръ, въ департаментѣ Puy-de-Dôme за двадцать пять лѣтъ (1870—1895) смѣнилось тринадцать префектовъ, въ департаментѣ Corrèze за восемнадцать лѣтъ (1870—1888)—двадцать два префекта, въ департаментѣ Haute-Vienne—тринадцать, въ департаментѣ Creuze—шестнадцать за тотъ же періодъ времени. *Bonnefoy*, op. cit. *Leroux*, „La géographie et l'histoire du Limousin", Paris, 1890.

[4]) *Triger*, „L'année 1789 au Mans", Mamers, 1889, p. 46: „(l'intendant) que l'on déplace fréquemment": это замѣчаніе, выражающее, впрочемъ, лишь ходячее мнѣніе, заключаетъ въ двухъ словахъ двѣ ошибки: 1) интенданта обыкновенно

нами эпоху) не теряли своей должности иначе, какъ получивъ повышеніе по службѣ, то-есть, либо въ видѣ должности государственнаго совѣтника [1]), либо „финансоваго интенданта" [2]), либо, наконецъ, постъ одного изъ министровъ, чаще всего генералъ-контролера [3]).

Отмѣтимъ въ заключеніе главные пункты настоящей главы.

Правительство изучаемой эпохи слагалось изъ трехъ различныхъ учрежденій: *короля*, *королевскаго совѣта* и шести *министровъ*.

Король не только царствуетъ, но и правитъ,—не только правитъ, но и управляетъ, входитъ лично въ детали администраціи. Но свою

не *перемѣщали*, а самъ онъ перемѣщался, 2) случалось это сравнительно не часто, въ особенности прилагая масштабъ современной намъ дѣйствительности.

[1]) Напримѣръ: Du Pré de Saint-Maur (1785), de Cypierre (1785), Laurent de Villedeuil (1787) и др. Выше былъ приведенъ списокъ пятнадцати бывшихъ интендантовъ, фигурирующихъ въ числѣ государственныхъ совѣтниковъ въ 1789 году.

[2]) Напримѣръ, Gravier de Vergennes, интендантъ По-Байоны, получившій въ 1784 г. назначеніе на постъ одного изъ „финансовыхъ интендантовъ".

[3]) Среди министровъ Людовика XVI насчитывается девять бывшихъ интендантовъ, а именно: *Amélot*, intendant de Dijon 1764—1774, secrétaire d'Etat de la maison du Roi 1776 — 1783, *Bertin*, intendant de Perpignan, puis de Lyon, contrôleur général 1759—1763, secrétaire d'Etat (de l'agriculture?) 1763 — 1780, *de Calonne*, intendant de Metz 1768—1778, puis de Lille 1778—1783, contrôleur général 1783—1787, *Clugny de Nuis*, intendant de Perpignan 1774—1775, puis de Bordeaux 1775—1776, contrôleur général 1776 (mort), *Joly de Fleury*, intendant de Dijon 1749—1761, contrôleur général 1781 — 1783, *Taboureau des Réaux*, intendant de Valenciennes 1764—1775, contrôleur général 1776 — 1777, *Turgot*, intendant de Limoges 1761—1774, secrétaire d'Etat de la Marine 1774, contrôleur général 1774—1776, *Laurent de Villedeuil*, intendant de Rouen 1785—1787, contrôleur général 1787, secrétaire d'Etat de la Maison du Roi 1788—1789. Сюда же можно отнести и *Bertrand de Molleville*, intendant de Rennes 1784—1788, ministre de la Marine et des Colonies, 1791. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что изъ числа этихъ девяти министровъ, бывшихъ интендантовъ, семеро занимали постъ *генералъ-контролера*.—Элементы для этого списка собраны преимущественно въ административной перепискѣ, такъ какъ въ литературѣ не существуетъ точнаго списка не только интендантовъ, но даже и министровъ изучаемой нами эпохи, за исключеніемъ образцово составленнаго списка должностныхъ лицъ въ 1789 году, у Бретта, op. cit., единственнаго изъ существующихъ въ литературѣ списковъ, на данныя котораго можно положиться, не рискуя впасть въ болѣе или менѣе грубыя погрѣшности.

правительственную дѣятельность король проявляетъ обыкновенно — хотя и не исключительно—черезъ королевскій совѣтъ.

Королевскій совѣтъ представляетъ de jure настоящее средоточіе правительственной дѣятельности, будучи одновременно и высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ, и высшимъ учрежденіемъ судебнымъ и, наконецъ, высшею административною инстанціей. Но въ этой его центральной роли много декоративнаго, показнаго, фиктивнаго. De facto настоящими двигающими пружинами всего правительственнаго механизма являются министры, которые въ сущности проводятъ, подъ видомъ актовъ королевскаго совѣта, свои собственныя рѣшенія, для осуществленія которыхъ они располагаютъ къ тому же и другими способами, помимо актовъ королевскаго совѣта. Преобладающая роль въ правительствѣ, относительно внутренняго управленія, принадлежитъ генералъ-контролеру или „министру финансовъ", который является настоящимъ хозяиномъ администраціи, какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи, гдѣ роль правительственнаго органа принадлежитъ его ставленнику, интенданту.

Вопросъ объ отношеніи интенданта къ правительству сводится практически къ вопросу объ отношеніи его къ министрамъ, такъ какъ, будучи „комиссаромъ короля" и „делегатомъ совѣта", онъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ этими двумя учрежденіями, отъ которыхъ онъ фактически отдѣленъ посредническою стѣною министровъ, и преимущественно генералъ-контролера; de facto интендантъ является прежде всего органомъ послѣдняго.

Съ точки зрѣнія административно-правовой, интендантъ играетъ, по отношенію къ правительству, двоякую роль. Во-первыхъ, онъ является *агентомъ* правительства: агентомъ освѣдомленія съ одной стороны, агентомъ исполненія съ другой; онъ—око правительства въ одномъ случаѣ, его десница — въ другомъ. Во-вторыхъ, интендантъ представляетъ собою *делегата* правительства, то-есть, такое лицо, которому правительство отдѣлило, „делегировало" извѣстную часть своей собственной власти, предоставивъ провинціальному администратору пользоваться ею по собственному усмотрѣнію и почину. Если трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ ролей преобладаетъ въ дѣятельности интендантовъ, то во всякомъ случаѣ, по сравненію съ современными префектами, интенданты пользовались гораздо большимъ просторомъ въ обоихъ случаяхъ. Какъ *делегаты* правительства, интенданты располагали гораздо болѣе широкимъ кругомъ полномочій, чѣмъ

префекты; какъ *агенты* правительства, они находились въ гораздо болѣе независимомъ положеніи по отношенію къ послѣднему, чѣмъ префекты. Причины этой сравнительной независимости лежали, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ людяхъ; первыя отчасти были уже намѣчены въ предъидущемъ изложеніи; что касается послѣднихъ, то намъ еще предстоитъ съ ними познакомиться.

И. Ардашевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КЪ БЫЛИНѢ О СОРОКА КАЛИКАХЪ СО КАЛИКОЮ.

Былина о сорока каликахъ, извѣстная въ десяткѣ записей, стоитъ на межѣ между старинками и духовными стихами. Изъ лучшихъ олонецкихъ сказителей ее знаютъ лишь немногіе. Въ обширномъ былинномъ репертуарѣ сказителя Рябинина она оказалась въ довольно жалкомъ видѣ, крайне скомканной и искаженной. Полнѣе зналъ ее другой извѣстный сказитель Кузьма Романовъ, считавшій сказываніе старинъ своей профессіей, но все же окончаніе былины, въ записи Гильфердинга, сдѣланной съ его словъ, представляетъ значительныя сокращенія. Изъ второстепенныхъ сказителей хорошій варіантъ ея оказался у Андрея Сорокина (№ 72). Прочіе „сказители", знавшіе пѣсню о сорока каликахъ, принадлежатъ къ числу посредственныхъ. Но интересны нѣкоторыя данныя, сообщенныя о нихъ Гильфердингомъ и Рыбниковымъ. Такъ о кенозерскомъ крестьянинѣ Лоскутовѣ, отъ котораго записанъ № 301, Гильфердингъ говоритъ, что онъ большой мастеръ пѣть божественные стихи и изъ былинъ знаетъ только пѣсню о сорока каликахъ [1]), которую онъ внесъ въ свой репертуаръ очевидно благодаря ея особенному характеру. Одного изъ обоихъ сказителей, давшихъ варіантъ разсматриваемой былины (№ 40, въ 1-мъ томѣ Рыбникова)—Латышова—Рыбниковъ называетъ каликой [2]). Нельзя не отмѣтить тутъ же, что, по словамъ г. Никольскаго, записавшаго эту былину въ г. Мезени, пѣвцы въ Архангельской губерніи называютъ ее „Елснинскимъ стихомъ" [3]).

---

1) Онеж. былины, ст. 1279.
2) Томъ I, стр. 240.
3) Былины старой и новой записи, II, стр. 261.

Такимъ образомъ, судя по записямъ, былина о каликахъ несомнѣнно входила въ репертуаръ каликъ и разносилась ими вмѣстѣ съ духовными стихами. Однако ее знали, какъ и нѣкоторые другіе духовные стихи, и не профессіональные сказители (Рябининъ, Сорокинъ, К. Романовъ, Никитинъ, Лоскутовъ, Л. Богдановъ). Вообще профессіональные пѣвцы духовныхъ стиховъ обмѣнивались нерѣдко своимъ матеріаломъ съ непрофессіональными любителями „старинокъ“. Калики перенимали при случаѣ былины, конечно, болѣе серіозныя, а любители былинъ изъ любви къ „божественному“ легко запоминали духовные стихи и пѣли ихъ на ряду съ былинами, иногда не хуже каликъ. Спрашивается, въ какой же средѣ была сложена пѣсня о сорока каликахъ. Была ли она первоначально сложена въ средѣ каликъ, какъ духовный стихъ, или была лишь вносима иногда въ каличій репертуаръ, благодаря нѣкоторымъ чертамъ своего содержанія?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ не одними соображеніями общаго характера, я считаю нужнымъ ближе войдти въ детали содержанія разсматриваемой пѣсни, познакомиться съ ея бытовыми данными и извлечь изъ нея все, что можетъ пріурочить ея сложеніе къ извѣстному географическому району.

Всѣ извѣстныя до сихъ поръ записи принадлежатъ исключительно сѣверному и сѣверо-восточному району, губерніямъ Олонецкой, Архангельской и западной Сибири [1]), и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для утвержденія, что пѣсня о сорока каликахъ выходила за предѣлъ нашего сѣвернаго былиннаго района. Принадлежа къ былинному репертуару сѣверо-западной полосы Россіи, она вмѣстѣ съ колонизаціей Сибири была занесена въ XVII или XVIII вѣкахъ въ тѣ мѣста, гдѣ составился сборникъ, приписываемый Киршѣ Данилову, и раньше открытія Олонецкаго очага былинъ Рыбниковымъ, была извѣстна только изъ стараго сибирскаго сборника. Не отдавая, какъ покойный О. Миллеръ, во всѣхъ случаяхъ предпочтеніе варіантамъ Кирши Данилова, такъ какъ въ этотъ сборникъ, какъ и во всякіе другіе, могли входить наряду съ хорошими и посредственные варіанты, все же въ данномъ случаѣ нельзя не признать, что варіантъ

---

[1]) Былина о сорока каликахъ извѣстна въ 7 варіантахъ Олонецкой губерніи (*Рыбниковъ*, I, № 39=*Гильфердингъ*, № 86; № 40; II, 18 = *Гильфердингъ*, № 96; *Гильфердингъ*, №№ 72, 173, 301; *Кирѣевскій*, III, стр. 84 = *Гильфердингъ*, № 96 и *Рыбниковъ*, II, № 18), двухъ Архангельской губ. (*Кирѣевскій*, III, стр. 81; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, № 68) и одномъ у *Кирши Данилова*, № 23.

Кирши Данилова представляется среди другихъ, намъ извѣстныхъ, однимъ изъ лучшихъ, по сохранности нѣкоторыхъ географическихъ и личныхъ именъ. Наиближе къ нему по полнотѣ деталей и законченности стоятъ, на нашъ взглядъ, былина Сорокина (№ 72) и такъ называемый „Еленинскій стихъ“, записанный Никольскимъ въ г. Мезени. Поэтому въ нашемъ разборѣ былины мы будемъ исходить изъ записи XVIII вѣка. Разсмотримъ содержаніе пѣсни въ послѣдовательности ея плана.

1. Сборы каликъ въ Іерусалимъ.

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися,
Ко святому граду Іерусалиму.
Сорокъ каликъ со каликою,
Становились во единой кругъ;
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую,
Выбирали большого атамана,
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ,
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
„А идтить намъ, братцы, дорога неближняя,
Идти будетъ ко городу Іерусалиму,
Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися;
Идти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками,—
А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
„Кто украдетъ или кто солжетъ,
Али кто пустится на женской блудъ,
Не скажетъ большому атаману,
Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,—
Едина оставить во чистомъ полѣ
И окопать по плеча во сыру землю“.
А въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки изприложены;
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичъ,
Податаманье, братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичъ.

Былина представляетъ выступленіе какихъ то каликъ изъ опредѣленнаго мѣста, пустыни Ефимьевы и монастыря Боголюбова, гдѣ они, быть можетъ, временно проживали. Сказитель умалчиваетъ о о томъ, кто были эти калики, профессіональные ли нищіе странники, или случайные. Только далѣе встрѣчающійся эпитетъ ихъ „добрые молодцы“ и зычный крикъ съ его послѣдствіями показываютъ, что благочестивые калики были богатырями. Былина не мотивируетъ также, почему этимъ добрымъ молодцамъ вдругъ пришла благочестивая мысль идти въ Іерусалимъ. Только въ олонецкомъ варіантѣ Сорокина, хорошаго сказителя, выяснена причина такого рѣшенія богатырей-каликъ. Онъ начинается съѣздомъ сильныхъ могучихъ богатырей на полѣ (турецкомъ) и совѣщаніемъ ихъ на зеленомъ лугу.

Ай какъ стали тутъ они топерь разсуждать промежъ собой,
Ай какъ кто гдѣ бывалъ удалый добрый молодецъ,
Ай кто бывалъ какъ въ какой земли да въ какой орды,
А кто гдѣ-ка билъ поганыихъ татаровьевъ,
Ай кто билъ поганыихъ идолищовъ.
Ай какъ выслушалъ молодой *Касьянъ Офонасьевичъ*
Ай какъ рѣчь онъ отъ сильныхъ богатырей,
Ай какъ самъ говорилъ имъ да таковы слова:
„Ай же вы какъ сильніи могучіи вы богатыри!
А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдь,
Вѣдь убили много буйныхъ головушокъ понапрасно вѣдь,
А пролили крови да горючіей.
Ай согласны ли вы, что да я вамъ скажу:
Ай не лучше ли забросить топерь войско намъ великое,
Ай какъ ѣздить намъ да по чисту́ полю,—
Ай какъ намъ сходить-то ко граду Еросо́лиму,
Ко святой святыни Богу помолитисе,
Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
А во Ердань рѣкѣ окупатисе,
Во своихъ грѣхахъ да намъ прощатисе?“

Изъ этого начала уже вполнѣ ясно, къ какому сорту людей принадлежатъ калики, и почему имъ пришла мысль идти на поклоненіе гробу Господню. Побужденіе къ благочестивому подвигу у нихъ то же, что у новгородскаго удальца Василія Буслаева: съ молоду было много бито, граблено, къ старости надо душу спасти. Буйное прошлое богатырей-каликъ объясняетъ намъ также строгую кару, положенную ими по общему согласію за всякое отступленіе отъ заповѣди, очевидно совершенно идущей въ разрѣзъ съ ихъ богатырскими привычками. По обстоятельности мотивировки хожденія каликъ въ

Іерусалимъ варіантъ Сорокина стоитъ выше другихъ, въ чемъ можно сейчасъ убѣдиться, просмотрѣвъ зачины прочихъ записей. Въ плохомъ варіантѣ Рябинина (№ 86 = Рыбникова, I, 39) вовсе нѣтъ совѣщанія каликъ идти въ Іерусалимъ, а „загуляли молодцы да къ королю въ Литву". У Романова (№ 96) есть совѣщаніе каликъ на лугу и постановленіе идти въ Іерусалимъ, но не выяснено, что калики были богатыри, и не указана причина, побудившая ихъ къ хожденію. То же самое находимъ въ варіантѣ Никитина (Гильфердингъ, № 173), съ тѣмъ отличіемъ, что калики сначала выступаютъ:

Изъ того ли изъ города Мурома,
Изъ того ли села изъ Карачаева,
А изъ того-ль скита да изъ Ефимьина,
А изъ той-ли пустыни богомоленьи (sic).

А потомъ совѣщаются на зеленомъ лугу.

Не выяснено, кто были калики и въ варіантѣ Лоскутова (№ 301), представляющемъ нѣкоторыя интересныя черты, но, къ сожалѣнію, обрывающемся на 25 стихѣ. По словамъ Гильфердинга, Лоскутовъ разказывалъ конецъ былины плохо, сбиваясь на сказочный складъ. У него калики выходятъ

Изъ-за славнаго батюшка Царя-града,
Изъ-за тово ли изъ-за озера Москова.

При чемъ упоминается, что „калики тѣ всѣ были ученые, ученые калики были грамотные".

Интересна дальнѣйшая деталь, представляющая реминисценцію изъ былины о Садкѣ.

Пришли эти калики ко Ясень ко рѣчкѣ,
Да рѣзали калики по жеребью,
Метали тѣ жеребьи во Ясень во рѣку.
„Ай да чей у насъ жеребей противъ воды пойдетъ,
Тому у насъ братцы атаманомъ быть.
Да всѣ какъ жеребья внизъ пошли,
Одинъ у насъ жеребей противъ воды пошолъ,
Противъ воды пошолъ, будто соколъ полетѣлъ:
Пошолъ жеребей Касьяна Михайловича,
Тому у насъ братцы атаманомъ быть,
Податаманьемъ Терентью Михайловичу".

Метанія жеребья для выбора атамана нѣтъ ни въ одномъ варіантѣ и, вѣроятно, этотъ эпизодъ вошелъ сюда не безъ вліянія новго-

родской былины о Садкѣ, какъ, быть можетъ изъ новгородской же былины о Терентіи забралось имя каличья податâманья. — Въ варіантѣ Богданова-Латышова (Рыбниковъ, I, № 40) мѣсто выхода каликъ не упомянуто и не уясненъ мотивъ ихъ хожденія въ Іерусалимъ. Варіантъ у Кирѣевскаго (III, стр. 81), записанный Харитоновымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, начинается стихами:

Изъ Волынца города, изъ Галича,
Изъ той же Корелы изъ богатыя,
Въ ту ли во пустыню во Данилову,
Собиралося, собрунялося
Сорокъ каликъ со каликою,
Сорокъ дородныхъ-добрыхъ молодцевъ.

Что за народъ калики можно догадываться по ихъ послѣдующимъ поступкамъ, а не по началу, оставляющему неуясненнымъ мотивъ хожденія.

Пустынь Данилова замѣняетъ здѣсь Іерусалимъ, но сказитель далѣе некстати припомнилъ Ердань рѣку и преспокойно помѣстилъ ее вмѣстѣ съ Господней гробницей въ городѣ Кіевѣ.

Походили калики въ стольный Кіевъ градъ,
Ко ласкову князю ко Владиміру:
Во Ердань-рѣкѣ окупатися,
Господу Богу помолитися,
Ко Господней гробницѣ приложитися,
Владиміру князю поклонитися.

Наконецъ, въ Еленинскомъ стихѣ (изъ той же губерніи) [1]) калики собираются идти къ кресту Леванидову.

Отъ моря морюшка отъ синяго,
Отъ синяго моря студенаго,
Отъ озера Маслеева.

Но о богатырскомъ происхожденіи каликъ и мотивѣ ихъ предпріятія не говорится.

Итакъ, въ наличномъ числѣ варіантовъ существуетъ значительная разноголосица относительно мѣста выхода каликъ, и можетъ быть поставленъ вопросъ, указывалось ли какое нибудь опредѣленное мѣсто въ основномъ изводѣ. Я склоненъ думать, что въ немъ такого географическаго указанія не было и придаю значеніе Сорокинскому варіанту, какъ наиболѣе обстоятельному. Всѣ другія записи только по-

[1]) *Тихонравовъ-Миллеръ*, II, № 68.

зволяютъ по дальнѣйшему догадываться, что подъ каликами скрываются богатыри. Сорокинскій варіантъ прямо называетъ ихъ таковыми и мотивируетъ раскаяніемъ въ кровопролитіи ихъ рѣшеніе идти въ Іерусалимъ замаливать грѣхи. Если калики дѣйствительно богатыри, рѣшившіе стать каликами, то никакихъ указаній пустынь или скитовъ, откуда они выходятъ, не нужно: богатыри съѣзжаются обычно въ чистомъ полѣ, на поприщѣ ихъ полякованья. Исходя изъ этого соображенія можно думать, что всѣ указанія мѣста выхода каликъ вошли въ былину впослѣдствіи и притомъ въ разное время и въ различныхъ полосахъ Россіи. Этимъ вѣроятно и объясняется ихъ разногласіе и ихъ отсутствіе въ нѣкоторыхъ варіантахъ. Но разсмотримъ географическія даты пристальнѣе. Болѣе древней между ними кажется мнѣ пустынь Ефимьева: ее мы встрѣчаемъ на двухъ краяхъ нашей былинной полосы—въ варіантѣ Кирши Данилова и въ одномъ варіантѣ Олонецкой губерніи (Никитина, Гильфердингъ, № 173), гдѣ Ефимьевой пустыни соотвѣтствуетъ Ефимьинъ скитъ, такъ что, можно думать, варіантъ съ Ефимьевой пустыней перешелъ очень давно (въ XVII вѣкѣ) въ Сибирь, а самую пустынь или скитъ нужно искать гдѣ нибудь на сѣверѣ между Пермской губерніей на востокѣ и Олонецкой на западѣ. Можно припомнить Сынженскій Спасо-Евфиміевъ монастырь въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, на р. Сынжѣ въ 20 верстахъ отъ Вологды. Эта обитель была въ началѣ XV вѣка основана преподобнымъ Евфиміемъ и упразднена въ въ 1764 году. Въ ней подъ спудомъ покоятся мощи Евфимія. Если былина говоритъ объ этомъ монастырѣ, то указаніе могло войдти въ нее не раньше XV, XVI вѣковъ въ періодъ извѣстности монастыря, а между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что основы пѣсни восходятъ къ болѣе раннему времени. Отсюда получился бы выводъ, что въ основной редакціи не было такого указанія пункта выхода каликъ [1]). Географическія даты прочихъ варіантовъ не внушаютъ довѣрія и иногда объясняются эпиче-

[1]) Впрочемъ, извѣстенъ другой одноименный мужской монастырь — Евфиміевъ въ Плотникахъ—въ Новгородѣ, основанный въ 1197 г. Въ 1199 году здѣсь построена была церковь во имя святой Евфиміи Всехвальныя. Время уничтоженія неизвѣстно. Можно припомнить также Спасо-Евфиміевъ монастырь, основанный въ 1352 году по волѣ вел. кн. нижегородскаго Бориса Константиновича въ г. Суздалѣ преподобнымъ Евфиміемъ. Но этотъ монастырь назывался *Преображенскимъ* до 1511 г., когда вслѣдствіе открытія въ немъ мощей Евфимія былъ переименованъ въ Спасо-Евфиміевскій.

скою аналогіей—вліяніемъ зачиновъ другихъ былинъ. Такъ можно предположить, что Волынецъ-Галичъ и Корела перешли въ варіантъ Шенкурскаго уѣзда изъ обычнаго зачина былины о Дюкѣ Степановичѣ, гдѣ выѣздъ богатыря изъ Галича Волынскаго находитъ себѣ достаточное объясненіе [1]). Выходъ каликъ изъ города Мурома, села Карачаева, упомянутыхъ рядомъ и безъ согласованія со скитомъ Ефимьинымъ въ варіантѣ Никитина, объясняется вліяніемъ зачина былинъ о выѣздѣ Ильи Муромца.

Въ озерѣ Маслеевѣ (одного варіанта Архангельской губерніи) можно видѣть какое то мѣстное пріуроченіе. По предположенію одного изъ моихъ учениковъ, студента Сидорова, озеро Маслеево, быть можетъ, нѣсколько видоизмѣненное названіе Маслозера Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи. Нѣкоторое звуковое сходство съ Маслеевымъ представляетъ озеро Москово въ плохомъ варіантѣ Лоскутова (Гильфердингъ, № 301), который для пущей важности называетъ это озеро рядомъ съ „Славнымъ батюшкой Цареградомъ", откуда производитъ своихъ „ученыхъ" и „грамотныхъ" каликъ.

Интереснѣе *Данилова* пустынь, куда направляются калики въ варіантѣ Шенкурскаго уѣзда. Если искать ее въ предѣлахъ былиннаго района, то естественно вспомнить знаменитый Даниловъ монастырь на р. Выгѣ (иначе Выговскую или Выгорѣцкую пустынь) въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи въ верстахъ 40 къ востоку отъ Онеги. Возникшая въ 1695 году по иниціативѣ Данилы Викулова раскольничья община, особенно процвѣтавшая подъ управленіемъ извѣстнаго расколоучителя Андрея Денисова, была въ XVIII вѣкѣ главнымъ разсадникомъ безпоповщины во всей Россіи и пользовалась величайшимъ уваженіемъ среди раскольниковъ поморскаго толка. Въ школы Данилова монастыря—пѣвчихъ, писцовъ, иконописцевъ, начетчиковъ — устремлялось много народа со всѣхъ концовъ Россіи, а его скиты и поселки, болѣе 25 числомъ, были разсѣяны въ сосѣднихъ уѣздахъ и тянули къ монастырю, какъ къ центру. Немудрено, что благочестивые калики былины, въ одномъ варіантѣ, также потянулись къ знаменитой на сѣверѣ обители. Вспомнимъ какое множество среди простонародья Олонецкой и Архангельской губерній принадлежитъ поморскому толку. Извѣстность Даниловой пустыни въ населеніи Олонецкой губерніи побудила одного изъ пѣвцовъ внести Даниловъ монастырь въ старинную побасенку о курѣ и лисицѣ. Въ

[1]) См. мои Очерки, стр. 100—119.

варіантѣ, записанномъ Гильфердингомъ отъ Мареы Котовой (№ 29), пойманный лисицей пѣтухъ, чтобы задобрить ее, открываетъ ей заманчивую перспективу чрезъ его содѣйствіе получить, очевидно, очень выгодное мѣсто просвирни въ этомъ богатомъ монастырѣ.

— Ай спусти пѣтуха меня, духовная мати!
— Будешь ты въ Даниловомъ монастыри просвирѣвъ печи.

И лисица не устояла предъ такимъ соблазномъ:

Тутъ у лисицы ослабли мёгти,
Отпустила она пѣтуха.

Наконецъ, въ варіантѣ Кирши Данилова, на ряду со старинной (по нашему предположенію) Ефимьевой пустыней, упоминается еще болѣе древній, по времени основанія, знаменитый Суздальскій Боголюбовъ монастырь въ селѣ Боголюбовѣ въ 11 верстахъ къ сѣверозападу отъ г. Владиміра при впаденіи р. Нерли въ Клязьму. Какъ извѣстно, лѣтопись основаніе монастыря приписываетъ князю Андрею Юрьевичу, впослѣдствіи прозванному Боголюбскимъ по его любимому селу и монастырю, который онъ построилъ въ 1155 году. Конечно, опредѣлить время внесенія имени этого знаменитаго монастыря въ былину нѣтъ возможности.

2. Встрѣча каликъ съ княземъ и приходъ ихъ въ Кіевъ.

По варіанту Кирши Данилова, калики по пути въ Іерусалимъ недалеко отъ Кіева на рѣкѣ *Череть* встрѣчаются съ княземъ Владиміромъ, который тамъ охотится:

Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ.

Калики стали во единый кругъ и крикнули такимъ зычнымъ голосомъ, что дрогнула мать сыра земля, съ деревъ вершины попадали, подъ княземъ конь окарачился, а богатыри съ коней попадали. На ихъ просьбу о святой милостынѣ, князь Владиміръ отвѣчаетъ, что съ нимъ денегъ на охотѣ „не годилоса". Пусть они идутъ въ Кіевъ, гдѣ княгиня Апраксѣевна накормитъ-напоитъ ихъ и надѣлитъ золотомъ и серебромъ. Калики приходятъ въ Кіевъ и повторяютъ богатырскій крикъ, отъ котораго съ теремовъ верхи повалилися. Испуганная княгиня посылаетъ стольниковъ и чашниковъ звать каликъ

въ гридню на пиръ. Молодой Касьянъ во главѣ каликъ входитъ въ гридню, гдѣ сидитъ

Молода княгиня Апраксѣевна,
Поджавъ ручки будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
Съ красными сѣнными дѣвушки.

Слѣдуетъ угощенье каликъ, послѣ котораго они собираются въ дальнѣйшій путь.

Отмѣтимъ въ пересказѣ у Кирши Данилова любопытное географическое указаніе. Рѣка Черега, хотя помѣщенная сказителемъ близъ Кіева, хорошо извѣстная новгородская рѣка. Она течетъ недалеко отъ Новгорода и прославилась исторически битвой, происшедшей на ея берегахъ между Мстиславомъ Изяславичемъ и знаменитымъ Всеславомъ Полоцкимъ. Послѣ битвы Всеславъ овладѣлъ Новгородомъ и разграбилъ его. Та же рѣка встрѣчается еще разъ въ нашемъ эпосѣ въ былинѣ о Чурилѣ, въ которой, въ одной статьѣ, я старался уяснить новгородскую обработку [1]).

Прочіе пересказы передаютъ эту часть былины безъ крупныхъ различій, но ни въ одномъ рѣки *Череги* больше не встрѣчаемъ. Въ большинствѣ кн. Владиміръ попадается каликамъ на встрѣчу гдѣ-то недалеко отъ Кіева (у Сорокина, Никитина, Леонтія Богданова и Латышова, въ обоихъ варіантахъ Архангельской губерніи), въ пересказѣ Рябинина и Романова встрѣча съ княземъ выпала [2]).

Интересно, что только у Кирши Данилова находимъ объясненіе этой встрѣчи тѣмъ, что князь Владиміръ охотился близъ Череги на потѣшныхъ островахъ. Прочіе варіанты ничѣмъ не мотивируетъ цѣли столь рѣдкаго выѣзда князя Владиміра изъ Кіева.

Уже О. Миллеръ, упоминая въ своемъ изложеніи пересказа Кирши эту черту, справедливо замѣчаетъ, что это едва ли не единственный случай, когда стольному князю приписывается хоть такого рода занятіе — кромѣ однихъ обычныхъ и безконечныхъ его пировъ [3]). Съ нашей точки зрѣнія этой подробностью—охотой князя на Черегѣ — мы воспользуемся впослѣдствіи для другихъ соображеній.

Изъ другихъ разногласій можно отмѣтить, что калика Латышовъ,

---

[1]) См. мои Очерки, стр. 187—200.

[2]) Варіантъ Лоскутова (*Гильфердингъ*, № 301), обрывающійся въ началѣ, остается для дальнѣйшихъ частей былины въ сторонѣ.

[3]) Илья Муромецъ, стр. 724.

сообщившій Рыбникову отступленія *своего* пересказа отъ Богдановскаго, вовсе не зналъ о встрѣчѣ каликъ съ кн. Владиміромъ: по его тексту, они встрѣчаютъ близъ Кіева царища Кудріянища, который подаетъ имъ милостыню. Въ этой замѣнѣ кн. Владиміра царищемъ Кудріянищемъ нельзя не видѣть попытки, сдѣланной какимъ нибудь профессіональнымъ каликой замѣнить князя Владиміра другимъ персонажемъ. Вѣроятно предосудительное поведеніе Апраксіи онъ счелъ несовмѣстимымъ съ священною памятью равноапостольнаго князя, носившаго въ духовныхъ стихахъ не тотъ обликъ, который онъ имѣетъ въ былинахъ. И недолго думая, онъ внесъ въ пѣсню о каликахъ царища Кудріанища, хорошо извѣстнаго изъ духовныхъ стиховъ о Георгіи [1]), извѣстнаго именно въ пересказахъ каликъ Олонецкой и Архангельской губерній. Получилась, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ малоосмысленныхъ передѣлкахъ, смѣшная несообразность: царище Кудріянище, этотъ упорный мучитель святаго Георгія, царствуетъ въ Кіевѣ и подаетъ обильную (40 тысячъ) милостыню каликамъ.

Къ мелкимъ разногласіямъ варіантовъ можно еще отнести слѣдующія. Въ пересказѣ Богданова-Латышова (Рыбниковъ, I, № 40) Опраксія сама зазываетъ каликъ, увидѣвъ изъ окошка „душечку Михаила Потыка", такъ какъ онъ ей „во люби пришелъ". У Сорокина (Гильфердингъ, № 72) и Никитина (№ 173) калики приглашены ночевать въ Кіевѣ самимъ княземъ Владиміромъ и потому, послѣ угощенія Апраксіей, не собираются немедленно уходить, какъ въ пересказѣ Кирши Данилова.

3. Отношенія Апраксіи къ предводителю каликъ. Неудачный соблазнъ и месть княгини.

По пересказу Кирши Данилова, княгиня Апраксѣевна, прельстившись красотой Касьяна, посылаетъ Алешу Поповича уговаривать каликъ остаться ночевать въ Кіевѣ и пригласить Касьяна посидѣть съ нею въ спальнѣ „забавныя рѣчи побаити". Касьянъ отказывается исполнить желаніе княгини. Тогда, разгнѣванная отказомъ, она поручаетъ Алешѣ Поповичу тайно распороть у Касьяна его суму рыта бархата и запихать туда чарочку серебряну, „которой чарочкой князь

[1]) См. Калики перехожіе *П. Безсонова*—варіанты олонецкіе и архангельскій, I, стр. 468—474; 497—499.

по пріѣздѣ пьетъ". Алеша исполнилъ все какъ слѣдуетъ, калики прощаются съ княгиней и уходятъ.

Эта часть былины развита гораздо подробнѣе въ другихъ пересказахъ, которые особенно оттѣняютъ назойливость княгини Апраксіи въ пріемахъ соблазненія приглянувшагося ей предводителя каликъ. Такъ, по пересказу Сорокина, Апраксія не можетъ ночью уснуть, смущаемая мыслями о молодомъ Касьянѣ Офонасьевичѣ, и идетъ къ нему. Она застаетъ его на молитвѣ, тогда какъ прочіе калики спятъ, и зоветъ его съ собою въ княженецкую спальню на пуховую перину. Касьянъ отказывается. Княгиня уходитъ, но чрезъ нѣкоторое время возвращается снова. Касьянъ опять отказывается и говоритъ ей объ обѣтѣ, взятомъ имъ на себя. Княгиня уходитъ, но не выдерживаетъ и является въ третій разъ съ тѣмъ же предложеніемъ, доведя Касьяна до того, что онъ угрожаетъ:

— Ай же ты княгина Апраксія!
— А ежели ты какъ съ добра не пойдéшь топерь,
— А ударю какъ я дубиной дорожною,
— А тутъ у меня ты падешь да на кирпичной полъ.

По архангельской былинѣ Никольскаго (Тихонравовъ-Миллеръ, II, 68), Апраксія послѣ ужина развела каликъ по отдѣльнымъ спальнямъ, а Михайла Михайловича положила спать въ свою горницу. Ночью въ первомъ часу она съ печки муравленой идетъ къ кровати Михайла, прижимаетъ его къ сердцу и уговариваетъ наняться къ князю Владиміру въ работники:

Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
За едино жить, да любовь творить.

Михайло говоритъ о заповѣди и проситъ ее уйдти. Та же сцена повторяется во второмъ часу ночи. А въ третьемъ, когда Михайлушка спалъ крѣпкимъ сномъ, княгиня зашиваетъ ему въ суму серебряную братину. Въ пересказахъ Романова, Богданова, Латышова, дѣло излагается короче и нѣтъ ночныхъ визитовъ княгини. Она просто дѣлаетъ свое предложеніе — въ первомъ пересказѣ Ѳомѣ Ивановичу, во второмъ—Михайлу Ивановичу — и, получивъ отказъ, либо сама зашиваетъ чашу, либо велитъ это сдѣлать чашнику. У Никитина нѣтъ даже эпизода съ чашей; когда калики послѣ ужина пошли спать и въ гридиѣ остался одинъ Михайло Романовичъ, княгиня приглашаетъ его ночевать съ собой. Онъ отказывается и говоритъ о „заповѣди великой", положенной между собою каликами. Бесѣда Ми-

хайла съ княгиней показалась каликамъ подозрительной, и они совершаютъ надъ нимъ казнь.

Такимъ образомъ просмотръ варіантовъ показываетъ, что по полнотѣ и обстоятельности разказа пересказъ Кирши Данилова стоитъ ниже Сорокинскаго и такъ называемаго Еленинскаго стиха. Можно думать, что въ основной редакціи былины отношенія Апраксіи къ предводителю каликъ были развиты подробнѣе, чѣмъ въ сибирскомъ пересказѣ.

4. Посылка гонца къ каликамъ за чашею. Казнь предводителя каликъ.

По пересказу Кирши Данилова, Алеша, по приказанію княгини, догоняетъ каликъ и, обвиняя ихъ въ покражѣ чаши, требуетъ обыска. Калики не даютъ себя обыскать, и Алеша возвращается ни съ чѣмъ. Въ это время пріѣзжаетъ въ Кіевъ князь съ Добрыней, котораго княгиня посылаетъ къ каликамъ. Добрыня исполняетъ порученіе съ обычнымъ своимъ вѣжествомъ. Касьянъ велитъ товарищамъ обыскать другъ друга, и чаша нашлась у него самого. Согласно съ заповѣдью товарищи закапываютъ Касьяна по плечи въ землю и, оставивъ въ чистомъ полѣ, продолжаютъ путь въ Іерусалимъ. Чашу возвращаютъ княгинѣ, которая съ того же времени „захварала скорбью недоброю, слегла въ великое гноище".

Эпизодъ съ чашей съ бо́льшими подробностями передаетъ пересказъ Сорокина. Владиміръ, вернувшись домой, потребовалъ свою чашу княженецкую. Княгиня высказала ему подозрѣніе, что ее унесли калики, Владиміръ вызываетъ изъ богатырей охочаго съѣздить и обыскать каликъ. Илья Муромецъ говоритъ, что это не калики, а могучіе богатыри. Князь посылаетъ смѣлаго Алешу Поповича. Онъ ѣдетъ, застаетъ каликъ обѣдующими въ полѣ и грубо обвиняетъ ихъ въ покражѣ чаши. Касьянъ Офонасьевичъ угрожаетъ ему дубиной, и струсившій Алеша уѣзжаетъ ни съ чѣмъ. Илья Муромецъ совѣтуетъ послать Добрыню, который умѣетъ спросить „по хорошему". Добрыня ѣдетъ, привѣтствуетъ каликъ, разказываетъ имъ о переполохѣ у князя по поводу пропавшей чаши и спрашиваетъ, не попала ли она въ ошибку къ какому нибудь молодцу въ подсумокъ. Слѣдуетъ по распоряженію Касьяна взаимный обыскъ. Чаша нашлась у Касьяна, который разказываетъ какъ княгиня звала его въ спальню и хотя говоритъ, что чаша „кладена" черезъ нее, но все же велитъ

исполнить надъ собою установленную казнь. Товарищи прощаются съ нимъ, закапываютъ его по грудь въ землю, отрубаютъ ему руки и ноги, выкапываютъ очи́ ясныя и вытягиваютъ языкъ со темени. Добрыня, какъ свидѣтель казни, разказываетъ о ней Владиміру и говоритъ, что чаша попала къ каликамъ случайно. Какъ дипломатъ, онъ умалчиваетъ о подозрѣніи Касьяна противъ княгини.

Въ архангельскомъ пересказѣ, записанномъ Никольскимъ, и въ пересказѣ Леонтія Богданова и калики Латышова нѣтъ упоминанія объ Ильѣ Муромцѣ, но гонцы за каликами тѣ же Алеша и Добрыня. Въ варіантѣ Романова къ нимъ прибавленъ Чурила, ѣдущій первымъ съ тѣмъ же неудачнымъ результатомъ какъ Алеша. Слѣдуетъ думать, что въ основной редакціи, какъ и теперь въ большинствѣ пересказовъ, было два гонца—неудачный Алеша Поповичъ и удачный—Добрыня Никитичъ. Илья Муромецъ и Чурила внесены въ дальнѣйшія передѣлки.

5. Чудо надъ казненнымъ предводителемъ каликъ. Возвращеніе каликъ изъ Іерусалима. Заключеніе.

Эта часть, какъ обычно бываетъ съ окончаніемъ старинъ, представляетъ значительную разноголосицу въ подробностяхъ. Самымъ полнымъ можетъ считаться пересказъ у Кирши Данилова.

Совершивъ казнь надъ Касьяномъ, калики отправились въ Іерусалимъ, шли туда три мѣсяца, приложились ко гробу Господню, искупались въ Іорданѣ рѣкѣ, служили обѣдни съ молебнами и положили по поклону за Касьяна Михайловича. На возвратномъ пути, проходя близъ мѣста, гдѣ оставили Касьяна, они услышали его голосъ. Подошли къ нему, поклонилися, поцѣловали у него руку. Тутъ онъ выскакивалъ изъ сырой земли, „какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда“, живъ и здоровъ, и кудри молодецкія отросли у него до самаго пояса. Пошли калики къ Кіеву и посылаютъ молодаго Михайла Михайловича доложиться князю Владиміру. Владиміръ послалъ ключниковъ, ларечниковъ звать каликъ къ себѣ обѣдать. Когда они пришли, князь ведетъ Касьяна Михайловича самъ въ свѣтлу гридню. На вопросъ Касьяна о здоровьѣ княгини, Владиміръ отвѣчаетъ: „Мы де уже недѣлю другу не ходимъ къ ней“. Касьянъ, не брезгуя, идетъ съ княземъ въ ея спальню, при чемъ князь зажимаетъ свой носъ. Княгиня, увидѣвъ Касьяна, проситъ у него прощенья. Тогда

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ

На младу княгиню Апраксѣевну,
Не стало у ней того духу, пропасти,
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ей плоть женскую.

За исцѣленіемъ княгини слѣдуетъ угощенье каликъ княземъ и княгинею. Владиміръ удерживаетъ ихъ, но Касьянъ Михайловичъ

Вынималъ изъ сумы книжку свою,
Посмотрѣлъ и число показалъ:
Что много мы, братцы, пьемъ, ѣдимъ, прохлаждаемся,
Ужо третій день въ доходѣ идетъ,
И пора намъ, молодцы, въ путь идти.

Простившись съ княземъ и княгинею, калики тронулись въ путь до своего монастыря Боголюбова и до пустыни Ефимьевы.

Иначе разказана сцена исцѣленія Касьяна Офонасьевича у Сорокина. Оживляетъ мертвеца св. Микола Можайскій, который вложилъ ему ноги рѣзвыя, руки бѣлыя, очи ясныя, языкъ и дыханье въ бѣлую грудь. Ожививъ его, онъ приказываетъ ему догнать товарищей, идти съ ними въ Іерусалимъ и по возвращеніи домой поставить соборную церковь Миколѣ Можайскому. Касьянъ догоняетъ каликъ и идетъ съ ними въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ князь Владиміръ, узнавъ отъ Добрыни о казни Касьяна, ѣдетъ съ богатырями посмотрѣть его тѣло, находитъ пустую яму и дивится этому чуду. На возвратномъ пути изъ Іерусалима калики снова приходятъ въ Кіевъ и просятъ милостыню у князя. Владиміръ приглашаетъ ихъ обѣдать въ палаты, но они отказываются и сообщаютъ князю о продѣлкѣ Апраксіи съ чашей. Князь даетъ каликамъ милостыню, послѣ чего они уходятъ къ своимъ конямъ, поставленнымъ недалеко отъ Кіева, прощаются другъ съ другомъ и разъѣзжаются по домамъ. Съ тѣхъ поръ никто изъ нихъ не сталъ больше ѣздить въ чисто поле и кровавить рукъ богатырскихъ. А Касьянъ Офонасьевичъ въ своей землѣ построилъ соборную церковь Миколѣ Можайскому и сталъ въ ней замаливать свои грѣхи.

Появленіе въ этой версіи Миколы Можайскаго объясняется, быть можетъ, вліяніемъ былинъ о Садкѣ. Какъ тамъ Садко, спасенный Миколой, строитъ ему церковь, вернувшись благополучно въ Новгородъ, такъ и здѣсь Касьянъ въ своей, неопредѣленной сказителемъ, землѣ становится храмоздателемъ.

Въ пересказѣ Романова вмѣсто Миколы Можайскаго воскресителями Ѳомы Ивановича являются два ангела, посланные Господомъ

съ небеси. Ѳома находитъ въ полѣ своихъ товарищей, наказанныхъ слѣпотою за неправедную его казнь. Пересказъ повидимому не конченъ, такъ, что неизвѣстно, исцѣлилъ ли Ѳома товарищей. Въ плохомъ варіантѣ Никитина, калики, оставивъ закопаннаго до груди въ землю Михаила Романовича, идутъ въ Іерусалимъ и на возвратномъ пути находятъ его живымъ и здоровымъ. Кто избавилъ его остается неуясненнымъ. Затѣмъ калики прощаются и расходятся по своимъ мѣстамъ.

Опять иначе разказано исцѣленіе Михаила Потыка въ сводномъ пересказѣ Богданова и Латышова. Товарищи не закопали Михаила въ землю, но, выкопавъ ему глаза и вытянувъ языкъ, оставили его въ полѣ. Тогда онъ начетверенькахъ доползъ до сыраго дуба.

Прилетала птичка райская,
Садилась на тотъ на сырой дубъ,
Пѣла она пѣсни царскія:
„Кто въ эту пору-времечко
Помоется росою съ этой шелковой травы,
Тотъ здравъ будетъ“.

Михаилъ умылся росою, заростились его раны кровавыя и сталъ молодецъ здравъ по прежнему. „По разказу Богданова, замѣчаетъ Рыбниковъ, калики нашли Михайла Потыка здрава и невредима на возвратномъ пути изъ Іерусалима, а по словамъ Латышова, самъ Михаилъ Потыкъ нагналъ товарищей въ Іерусалимѣ и зашелъ въ церковь соборную. Глядятъ калики и не вѣрятъ глазамъ: стоитъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ живъ-здоровъ. А за грѣхъ княгини Опраксы проявилось въ Кіевѣ идолище поганое“ [1]).

Авторъ этой редакціи, очевидно, воспользовался для исцѣленія Михайла мотивомъ хорошо извѣстнымъ въ сказкахъ — случайнымъ подслушиваніемъ у дерева совѣта, даваемаго сидящей на немъ птицей.

Наконецъ, на архангельскомъ „Еленинскомъ стихѣ“ замѣтно вліяніе духовнаго стиха о неуязвимости св. Георгія, казнимаго безъ послѣдствій различными казнями.

И стали они (калики) казнить Михайлушку своимъ судомъ
И копали его въ землю по поясу,
Рѣчистъ то языкъ тянули къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво то сердечушко плечми.
И отъѣхали они близко-наблизко, —

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, стр. 240.

Идетъ Михайлушка здоровешенекъ.
Казнили они его во второй наконъ,—
Идетъ къ нимъ Михайлушка по прежнему.
Казнили они его въ третій наконъ,—
Идетъ Михайлушка по прежнему.
Подождали тутъ Михайлушку.
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Михайловичъ!
Ужъ и какъ тебѣ попалася братынюшка серебряная?"

Михайла подробно разказываетъ, какъ его ночью соблазняла княгиня, и объясняетъ, какъ ему попалась братина. Затѣмъ калики пошли въ Іерусалимъ.

Тутъ они Богу помолилися,
На плакунѣ травѣ покаталися,
Во Іорданѣ рѣкѣ искупалися.
Тутъ калики всѣ преставились.

Несообразность пересказа въ томъ, что товарищи Михайла, казня его *троекратно*, являются безъ всякаго повода какими то ожесточенными мучителями, вродѣ царища Дехтеянища. Отступленіе отъ основной редакціи замѣтно и въ томъ, что калики не возвращаются изъ Іерусалима на Русь, не появляются вторично въ Кіевѣ съ исцѣленнымъ предводителемъ для посрамленія Апраксіи, а кончаютъ свои дни въ Іерусалимѣ. Для благочестиво настроенныхъ пѣвцовъ Елениневскаго стиха, профессіональныхъ каликъ, такая смерть въ святомъ градѣ представляется самой завидной.

Итакъ, ни въ одномъ пересказѣ, кромѣ Кирши Данилова, мы не находимъ наказанія Апраксіи болѣзнью, исцѣляемой впослѣдствіи предводителемъ каликъ, и можетъ явиться вопросъ, таково ли, какъ у Кирши, было окончаніе былины въ ея основномъ изводѣ. Но отвѣчать положительно на этотъ вопросъ мы не имѣемъ данныхъ. При той свободѣ въ передѣлкѣ частностей, которая на каждомъ шагу наблюдается въ варьированіи старинныхъ пѣсенъ—сокращеніяхъ и пополненіяхъ—особенно въ концѣ, такъ какъ устойчивость традиціи въ окончаніи обширной пѣсни меньше гарантирована, чѣмъ въ ея началѣ, мы съ одинаковой вѣроятностью можемъ сдѣлать оба предположенія: 1) что первый авторъ, сложившій былину, внесъ въ нее наказаніе для Апраксіи, удержавшееся затѣмъ только въ пересказѣ, попавшемъ въ сборникъ Кирши Данилова; и 2) что въ основной былинѣ, какъ въ большинствѣ современныхъ пересказовъ, болѣзни и исцѣленія Апраксіи не было, что былина кончалась лишь обличеніемъ княгини каликами, зашедшими снова въ Кіевъ съ воскресшимъ или

исцѣленнымъ своимъ предводителемъ, и что болѣе тяжкое наказаніе болѣзнью было придумано однимъ изъ послѣдующихъ сказителей, желавшимъ покарать сладострастную княгиню и выдвинуть ярче благость и святость Касьяна, исцѣлившаго ее своимъ духомъ святымъ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ варіантовъ былины, намъ остается еще обратить вниманіе на имя ея героя. Какое имя въ основной пѣсни носилъ предводитель каликъ?

Имя Касьяна, какъ мы видѣли выше, носитъ онъ въ трехъ варіантахъ—у Кирши Данилова, у Сорокина (Гильфердингъ, № 72) и у Лоскутова (Гильфердингъ, № 301). Въ двухъ изъ этихъ варіантовъ (Кирши и Лоскутова) онъ по отчеству Михайловичъ, въ третьемъ (у Сорокина) Офонасьевичъ. Въ пользу устойчивости этого имени говоритъ то, что оно извѣстно и западно-сибирскому и двумъ олонецкимъ пересказамъ. Случайной перестановкой имени и отчества можно объяснить имя атамана каликъ Михайла Касьянова въ записи изъ Шенкурскаго уѣзда (Кирѣевскій стр. 81). Въ другой записи изъ той же губерніи, въ такъ называемомъ Елепинскомъ стихѣ, калика, соблазняемый Апраксіей, называется Михаиломъ Михайловичемъ, но онъ не предводитель, а въ числѣ каликъ есть и Касьянъ Ивановичъ. Можно думать, что въ былинѣ этой спутаны отношенія между Касьяномъ и Михаиломъ, которые у Кирши представлены братьями. Напомнимъ, что послѣ оставленія Касьяна Михайловича зарытымъ въ полѣ его должность, какъ предводителя каликъ, занимаетъ братъ Михаило Михайловичъ. Опираясь на бо́льшую устойчивость имени Касьяна Михайловича, слѣдуетъ думать, что это имя восходитъ къ основной редакціи. Появленіе въ варіантахъ другихъ именъ можно объяснить болѣе или менѣе вѣроятно. Такъ, въ пересказѣ Никитина (Гильфердингъ, № 173) предводитель каликъ названъ Михаиломъ Романовичемъ. Имя могло быть отзвукомъ имени Касьянова младшаго брата Михаила, и отчество—изъ царствующаго дома. Припомнимъ извѣстность Никиты Романовича въ эпосѣ. Разъ вошло имя Михаила, предводителя каликъ, онъ могъ далѣе, по извѣстности богатыря Михаила Потыка Ивановича, получить его отчество и прозвище, что мы находимъ въ пересказѣ Богданова и Латышова (Рыбниковъ I, № 40). Имя предводителя каликъ Ѳома, по отчеству Ивановичъ, можно, кажется объяснить занесеніемъ изъ былинъ о Василіи Буслаевѣ и о Садкѣ. Это имя съ отчествомъ Родіоновичъ носитъ старшина новгородскій, идущій въ посольствѣ отъ города къ матушкѣ

Василія [1]). Но и въ дружинѣ Василія есть Ѳома Толстородливый [2]) или благоуродливый [3]). Въ былинѣ же о Садкѣ упоминается новгородскій настоятель Ѳома Назаровичъ [4]). Имя Ѳома въ обѣихъ новгородскихъ былинахъ связано съ представленіемъ о предводителѣ (старшинѣ, старостѣ, настоятелѣ) и, вѣроятно, въ силу такой аналогіи стало у одного сказителя именемъ предводителя каликъ.

Исходя изъ положенія, что въ основной былинѣ предводитель каликъ носилъ имя Касьяна, мы должны далѣе поставить вопросъ, чѣмъ можетъ объясняться выборъ этого имени слагателемъ былины. На сколько знаемъ, единственную попытку отвѣтить на этотъ вопросъ сдѣлалъ Н. Мендельсонъ въ статьѣ „Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ" [5]). Изложивъ народныя повѣрья объ этомъ святомъ, г. Мендельсонъ приводитъ выдержки изъ изданнаго г. Лопаревымъ (Памятники письменности № XCIV) „Слова о святомъ патріархѣ Ѳеостириктѣ, по 3-мъ редакціямъ". Во 2-й редакціи названнаго „Слова" Ѳеостирикта замѣняетъ Касьянъ, и вотъ что „Слово" разказываетъ о его жизни. „Касьянъ родился „по сновидѣнію"... во младенчествѣ украдоша его дѣмони и не отдаша его отцу, но отнесоша во своя жилища и воспита(ша) его. И водяше его съ собою на всякие бесовския дѣла и дѣюще пакости великому Василию, когда божественную литургію писаша". Служа литургію, Василій Великій „обвѣша ризы своя колоколцы: аще будетъ чисто предъ Богомъ, то ни единъ колоколецъ не зазвонитъ; а будетъ нечисто служеніе, то колоколецъ единъ отъ малыхъ зазвонитъ. И некогда Василия служа пріимаше во церкви честныя дары, ижъ тело есть и кровь Господа нашего Исуса Христа, и тогда дѣмони изъ церкви бежше, а Касьянъ въ церкви остася у места кадильнаго. И принятся за единъ колоколецъ и возвенѣ колоколецъ. И обзрѣся Василиі и видѣ сего Касияна стояща в світкахъ демонскихъ". Святитель ударилъ Касьяна по головѣ крестомъ „и вообразись знамение крестное на челѣ его. И бѣжа Касиянъ изъ церкви. И узрѣша дѣмони то знамение крестное на немъ и отъ того нача огнь попаляти бѣсы; дѣмони же бѣжаша отъ Касияна въ свой

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, № 56, II, № 33. *Кирѣевскій*, V стр. 4, 5, 6, 11, 12. *Гильфердингъ*, № 259.

[2]) *Гильфердингъ*, № 259.

[3]) *Рыбниковъ*, I, № 57.

[4]) *Рыбниковъ*, I, № 64.

[5]) Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXXII, 1897 года.

полкъ, а Касяна не пріимаша; онъ же скитаясь по грацкимъ улицамъ и не умѣяше ни которымъ языкомъ глаголати. И поругашась ему народы. И по моленію святаго Василия отверзе ему Богъ языкъ, и научи Василиі его грамотѣ и постави его въ четцы; и потомъ бысть прозвитеръ і епископомъ поставленъ бысть" [1]). Г. Лопаревъ, разсмотрѣвшій списки „Слова" о Ѳеостириктѣ, пришелъ къ мысли о существованіи особаго цикла книжно-народныхъ повѣстей, посвященныхъ 29-му февраля, и приведенный разказъ о Касьянѣ представляется однимъ изъ членовъ такого цикла. „Мнѣ кажется, говоритъ г. Мендельсонъ [2]), что то немногое, что мы знаемъ о Касьянѣ изъ упомянутаго выше хлудовскаго текста, изданнаго г. Лопаревымъ, указываетъ намъ, куда должны мы направить наши поиски книжныхъ преданій о Касьянѣ. Житіе Касьяна надо искать въ томъ отдѣлѣ агіографіи, который занятъ разказами объ обращеніи ко Христу невѣрныхъ, язычниковъ, поганыхъ. Типичными примѣрами для этой группы будутъ житія Христофора и Варвара. Припоминая нѣкоторыя черты легендарныхъ сказаній о Христофорѣ, чудеснымъ образомъ получившемъ даръ слова, и о Варварѣ, бывшемъ прежде разбойникомъ, г. Мендельсонъ предполагаетъ, что, быть можетъ, между житіями этихъ святыхъ и житіемъ Касьяна было что-нибудь общее, хотя бы, напримѣръ, нравоучительная идея о томъ, что вѣра можетъ обратить къ Богу всякаго человѣка, каково бы ни было его происхожденіе и какъ бы ни была грѣшна и преступна его прошлая жизнь" [3]). Исходя изъ этого предположенія, авторъ припоминаетъ личность Касьяна, предводителя каликъ, въ нашихъ былинахъ, идущаго замаливать грѣхи буйной юности, и дѣлаетъ такое заключеніе. „Если наше предположеніе о томъ, что житіе Касьяна принадлежитъ къ тому же типу, что и житіе Варвара, весь смыслъ котораго лежитъ въ противоположности великихъ прегрѣшеній Варвара-разбойника и его необыкновенныхъ покаянныхъ подвиговъ, если предположеніе это имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія, то появленіе имени Касьяна въ былинѣ „О сорока каликахъ со каликою" нельзя, пожалуй, счесть случайнымъ; оно легко могло зайдти въ былину изъ житія, когда понадобилось окрестить атамана каличьяго круга, идущаго замаливать грѣхи буйной молодости.... Нельзя ли видѣть нѣкоторый намекъ на такое

[1]) Названная статья стр. 5.
[2]) Стр. 16.
[3]) Стр. 18.

происхожденіе имени Касьяна въ былинѣ въ тѣхъ словахъ ея, которыя говорятъ:

А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
Оградилъ ее (Опраксію) *святой рукой.*

Отчего это духъ, дуновеніе Касьяна стало святымъ? Вѣдь онъ даже не былъ со своими товарищами въ Іерусалимѣ (по варіанту Кирши Данилова). При условіи вліянія житія на былину, прямо или посредствомъ духовнаго стиха, эти слова объясняются легко" [1]).

Если бы предположеніе г. Мендельсона оправдалось, еслибъ въ легендарно-народной литературѣ нашлось житіе Касьяна такого же характера, какъ житіе Варвара, котораго, кстати сказать, коржемскія святцы 1621 года помѣщаютъ подъ 6-го мая на ряду съ Касьяномъ епископомъ [2]), житіе, въ которомъ Касьянъ представлялся бы человѣкомъ съ демонической натурой, грѣшникомъ, замаливающимъ грѣхи, то мы дѣйствительно легко объяснили бы появленіе Касьяна во главѣ каликъ-богатырей съ бурнымъ прошлымъ. Но до открытія новыхъ данныхъ о Касьянѣ догадка г. Мендельсона представляется только возможной и ожидающей подтвержденія. Замѣнить ее другимъ, болѣе правдоподобнымъ объясненіемъ мы не можемъ. Трудность объяснить появленіе имени Касьяна въ былинѣ заключается въ томъ, что имя это сравнительно рѣдкое и непопулярное. Поэтому чувствуется, что внесеніе его не могло быть случайнымъ, а между тѣмъ изъ агіографической литературы и изъ исторіи русской церкви одноименныя лица едва ли могутъ быть привлечены для объясненія былиннаго Касьяна. Таковы: Кассіанъ преподобный, затворникъ и постникъ печерскій, жившій въ XII столѣтіи и покоящійся въ Ѳеодосіевыхъ пещерахъ въ Кіевѣ; св. Касіанъ († 1504) грекъ изъ Мореи, прибывшій въ Россію въ свитѣ невѣсты великаго князя Іоанна III Софіи Ѳоминишны, постригшійся въ монашество и основавшій близъ Углича на рѣкѣ Учьмѣ монастырь (Касьяновъ-Учминскій), гдѣ почиваютъ его мощи [3]). Наконецъ, Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ († 435 году), извѣстный церковный писатель, основатель монашества въ Галліи и одинъ изъ главныхъ теоретиковъ монашеской жизни, совершившій путешествіе въ Палестину и долго скитавшійся по монастырямъ и скитамъ Египта для изученія правилъ и обычаевъ монашества. Какъ

[1]) Стр. 21.
[2]) Тамъ же, стр. 18.
[3]) Кассіанова пустынь упразднена въ 1764 году.

паломникъ и странствователь по монастырямъ, Кассіанъ Римлянинъ могъ бы имѣть нѣкоторое отношеніе къ Касьяну предводителю русскихъ паломниковъ, но намъ неизвѣстно, существовали ли какія-нибудь свѣдѣнія о немъ у слагателя, внесшаго имя Касьяна въ разсматриваемую былину.

Такимъ образомъ, вопросъ объ имени былиннаго предводителя каликъ остается открытымъ, и единственное заключеніе, которое можно сдѣлать съ полной вѣроятностью, то, что Касьяномъ назывался предводитель каликъ уже въ основномъ изводѣ разсматриваемой былины.

Разсмотрѣвъ наличные варіанты, попытаемся теперь разобраться въ процесѣ сложенія, то-есть уяснить, по возможности, общественную среду, въ которой возникла пѣсня о сорока каликахъ, раіонъ ея сложенія и матеріалы, которыми воспользовался слагатель.

Первый вопросъ о средѣ возникновенія пѣсни рѣшается ея литературнымъ типомъ. Пѣсня о сорока каликахъ вылилась въ установленныя формы былинъ такъ называемаго Кіевскаго цикла. Слагатель ея, откуда бы ни получилъ основу, то-есть литературный матеріалъ, обработалъ сюжетъ по былинному шаблону, на былинный ладъ. Слагатель былъ хорошо знакомъ съ былинными типами, съ обстановкой эпической жизни, со всѣми пріемами былиннаго склада. Похожденія каликъ представлялись ему однимъ изъ эпизодовъ жизни богатырей временъ князя Владимира. Богатыри вѣдь не только воюютъ съ ворогами Руси, сокрушаютъ татаръ поганыхъ, отстаивая городъ Кіевъ. Они *православные* христіане, чувствующіе по временамъ потребность уйдти отъ вѣчныхъ кровопролитій, удалиться въ тихую обитель монастырскую, особенно когда приближается старость (Данило Игнатьевичъ) или когда расходившаяся безъ удержу удаль и сила молодецкая увлекла ихъ отъ патріотическихъ цѣлей въ сторону личной расправы съ своими православными же соотечественниками (Василій Буслаевъ). Вспомнимъ хотя бы настроеніе Добрыни Никитича, когда онъ изливаетъ свою тоску передъ матерью:

„Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастной спородила?
Спородила бы государыня родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
Завернула въ тонкій въ льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я бы не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,

Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ" [1]).

Желая представить хожденіе въ Іерусалимъ такихъ кающихся богатырей, слагатель одѣлъ ихъ въ костюмъ каликъ, болѣе впрочемъ роскошный, чѣмъ обычная одежда благочестивыхъ странниковъ, но сохранилъ за ними и подъ новымъ костюмомъ обычные признаки богатырства—зычный голосъ и здоровые кулаки, которые они при случаѣ не прочь пустить въ ходъ. Благочестивые богатыри кричатъ въ Кіевѣ такъ, что рушатся терема, требуютъ милостыни спасенныя цѣлыми тысячами и расправляются по богатырски съ обидившимъ ихъ Алешей Поповичемъ. Слагатель внесъ въ свое произведеніе и князя Владимира ласковаго и щедраго милостивца, и его сластолюбивую княгиню, и вѣжливаго Добрыню Никитича и нахальнаго Алешу Поповича. О томъ, что въ своей картинѣ онъ всюду воспроизвелъ былинный стиль, и говорить нечего. Вообще нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что авторъ пѣсни не принадлежалъ къ той самой общественной средѣ, къ которой принадлежали слагатели въ полномъ смыслѣ богатырскихъ былинъ. Гораздо труднѣе было бы объяснить построеніе пѣсни, еслибъ мы исходили изъ предположенія, что ея авторъ принадлежалъ къ средѣ слагателей духовныхъ стиховъ. Такому слагателю, конечно, не могла бы придти мысль обработать въ форму богатырской былины сюжетъ, навѣянный библейскимъ сказаніемъ о преслѣдованіи Іосифа женой Пентефрія, представивъ въ видѣ послѣдней эпическую княгиню Апраксію. Только уже впослѣдствіи, когда былина, благодаря своему благочестивому содержанію, вошла въ репертуаръ духовныхъ стиховъ, пѣвцы-калики, какъ мы видѣли, налагали на нее иногда свою печать, замѣняя, напримѣръ, Владимира царемъ Кудріянищемъ, вводя въ эпизодъ казни атамана каликъ нѣкоторыя реминисценціи изъ стиха о мученіи св. Георгія, или припоминая, при перечнѣ религіозныхъ дѣйствій каликъ въ Іерусалимѣ, катанье ихъ въ плакунѣ травѣ, извѣстной изъ стиха о Голубиной книгѣ [2]).

Предполагая въ авторѣ пѣсни о сорока каликахъ слагателя, хорошо знакомаго съ былинными типами и складомъ, мы тѣмъ самымъ отчасти намѣчаемъ раіонъ, въ которомъ совершена была эта литера-

---

[1]) *Кирѣевскій*, II, стр. 31.

[2]) *Гильфердингъ*, стр. 876, *Тихонравовъ и Миллеръ*, II, стр. 261.

турная работа. Это раіонъ, въ которомъ нѣкогда процвѣтало былевое творчество, обширная область новгородскаго культурнаго вліянія. Въ разсматриваемой былинѣ ярче, чѣмъ въ другихъ, прикрѣпленныхъ по мѣсту дѣйствія къ Кіеву, отражается вліяніе новгородскихъ былинъ, былинъ о Василіи Буслаевѣ и Садкѣ. Выше мы уже попутно отмѣтили нѣкоторыя аналогіи; теперь вглядимся въ нихъ пристальнѣе.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что во всѣхъ трехъ былинахъ дѣло идетъ о *коллективномъ* предпріятіи въ новгородскихъ нравахъ. Какъ Садко съ своими „дружками братьями корабельщиками" выѣзжаетъ изъ Новгорода въ море на тридцати корабляхъ съ торговыми цѣлями, какъ Василій Буслаевъ, подобравъ себѣ дружину удальцовъ, отправляется съ товарищами въ Іерусалимъ, такъ и здѣсь 40 богатырей, переодѣвшись каликами, выбираютъ себѣ атамана, взаимно связываютъ себя договоромъ и направляются въ святую землю съ тою же благочестивою цѣлью, какъ новгородскій буянъ Василій Буслаевъ. Эта цѣль выражается и здѣсь и тамъ въ тѣхъ же стереотипныхъ стихахъ. Василій говоритъ матушкѣ:

„Спусти меня, молодца, въ Еросолимъ градъ,
Во святую святыню помолитися,
Ко Христову гробу приложитися,
Во Ердань рѣку окупатися" [1]).

И тѣ же слова говоритъ Касьянъ Офонасьевичъ товарищамъ:

„Ай какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросолиму,
Ко святой святыни Богу помолитисе.
Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
А во Ердань рѣки окупатисе" [2]).

Въ судьбу предводителей этихъ трехъ коллективныхъ предпріятій вмѣшивается высшая сила, то спасающая ихъ, то предостерегающая. Особенно близки другъ ко другу по судьбѣ Садко и Касьянъ. Садко подвергается опасности навсегда остаться во власти морскаго царя, желавшаго связать его бракомъ съ морскою дѣвицей. Его спасаетъ Никола Можайскій, которому послѣ благополучнаго прибытія домой спасенный чудомъ строитъ храмъ. Касьянъ, пострадавшій отъ козней женщины, спасенъ также чудеснымъ образомъ вмѣшательствомъ высшей силы. Въ одномъ варіантѣ, какъ мы видѣли, эта сила олицетворена тѣмъ же Николой Можайскимъ, которому затѣмъ спасенный

[1]) *Гильфердингъ*, стр. 726.
[2]) *Гильфердингъ*, стр. 410; ср. 875.

строитъ храмъ. Подробность этого варіанта (Сорокина) уже прямо объясняется вліяніемъ былины о Садкѣ, какъ въ варіантѣ Лоскутова (Гильфердингъ, № 301) такою же реминисценціей изъ похожденій Садка объясняется эпизодъ метанія жеребьевъ для выбора каличьяго атамана. Наконецъ, изъ той или другой новгородской былины, какъ мы видѣли выше, зашло въ разсматриваемую имя Ѳомы для предводителя въ нѣкоторыхъ варіантахъ.

Географическія указанія былины, какъ мы видѣли, настолько расходятся, что не могутъ быть возведены къ основной редакціи. Мѣста выхода каликъ—пустыни или монастыри: Ефимьева, Даниловъ, Боголюбовъ—могутъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что сама былина долго бродила по разнымъ мѣстамъ сѣверной Руси въ устахъ сказителей. Въ варіантѣ Кирши Данилова находимъ любопытное указаніе на встрѣчу каликъ съ княземъ Владиміромъ, охотящимся въ потѣшныхъ (лѣсныхъ) островахъ у рѣки Череги за зайцами, лисицами, соболями и куницами. Мы не знаемъ, упоминался ли охотящійся князь въ основномъ изводѣ былины, или эта подробность вошла въ одну изъ послѣдующихъ передѣлокъ. Но во всякомъ случаѣ сказитель-слагатель, внесшій ее, представлялъ себѣ картину сѣверной охоты въ раменьяхъ, охоту на дорогихъ пушныхъ звѣрей—соболей, куницъ, обогащавшую новгородскую торговлю, и припомнилъ, какъ мѣсто охоты, историческую новгородскую рѣку, прославленную битвой Мстислава Изяславича со Всеславомъ Полоцкимъ. Выступающій здѣсь въ необычайной роли охотника князь Владиміръ походитъ въ этотъ моментъ на своего племянника охотника Вольгу Сеславича, котораго ловы, какъ я пытался показать въ другой статьѣ, находятся въ связи съ новгородскою промысловою охотой, предпринимаемой цѣлыми артелями ловцовъ.

Всѣ перечисленныя нами черты, свидѣтельствующія, на нашъ взглядъ, о возникновеніи былины въ предѣлахъ новгородскаго культурнаго раіона, могутъ показаться не вполнѣ доказательными. Но въ недавнее время въ старинной письменности было открыто одно свидѣтельство, которое, повидимому, рѣшаетъ вопросъ о новгородскомъ происхожденіи нашей былины въ положительномъ смыслѣ. Въ 1894 году въ Императорскую Публичную библіотеку поступилъ сборникъ (Q. XVII № 60), писанный полууставомъ и скорописью второй половины XVI и начала XVII вѣка. Среди статей большею частью духовнаго содержанія въ немъ оказался (на листахъ 141—148) небольшой лѣтописный отрывокъ, содержащій извѣстія, относящіяся къ

6671 (1163), 6837 (1329) и нѣсколькимъ другимъ годамъ и касающіяся частью Новгорода, частью Торжка. Приводимъ въ выдержкѣ изъ Отчета Императорской публичной библіотеки [1]) эти историческія извѣстія, имѣющія, какъ увидимъ, отношеніе къ былинѣ о сорок каликахъ.

„В лѣто 6671 (1163). Поставиша Іо(а)на архіепископомъ Новоугороду. При семъ ходиша во Іерусалимъ каліцы і при князе рустемъ Ростиславе [2]).

Се ходиша из Великого Новагорода отъ святей Соѳѣи 40 моужь каліици ко граду Иерусалимоу ко гробу Господню. И гробъ Господень целоваша, и ради быша. И поидоша, вземше благословеніе оу патріарха и святые мощи. И приидоша в Велікій Новгородъ къ святей Софѣи. И даша святыя мощі в церковъ владыки Іоану, святымъ церквамъ на священіе, а собору святые Софѣи даша копкарь, во веки имъ кормленіе; а собѣ во веки славы оукупиша. И святый владыка Іванъ и весь соборъ свещенничьскій благословиша ихъ всѣхъ 40 моужь. И поидоша по градомъ с великою радостию, славящи Бога. Пріидоша в Русу къ святому Борису и Глѣбу; аже седитъ соборъ, ины даша имъ святые мощи; а оу святаго Бориса и Глѣба стоятъ 6 моужь притворянъ, ины даша имъ скатертъ во веки имъ кормленіе. И благословишася оу собора вся 40 моужь, и поидоша по градомъ. И пріидоша во градъ Торжокъ къ святому Спасоу; аже седитъ соборъ, святаго спаса священники; они жъ даша имъ святые мощи святымъ церквамъ на освященіе; аже стоять оу святаго Спаса 12 моужь притворянъ, ины даша имъ чашу свою во веки имъ кормленіе.

В лѣто 6837 (1329). Ході князь великии Иванъ Даниловичь и Велікій Новъгородъ на мироу. И постояше в Торжку, и приидоша к нему святаго Спаса притворяне с чашею сію 12 моужь на пиръ И воскликнуша 12 моужь, святаго Спаса притворяне: „Богъ дай многа лѣта великому князю Ивану Даниловичю всея Роуси. Напой накорми нищихъ своихъ“. И князь велики вспросилъ болярь и старыхъ моужь новоторжьцовъ: „Что се пришли за моужи ко мнѣ?“ I сказаша емоу моужи новоторжци: „То, господине, моужи святаго Спаса притворяне; а тоу чашу даша имъ 40 моужь калиици, изъ Ерусалима пришедше“. I князь велики, пришедше, посмотрѣвъ оу нихъ

---

[1]) Стр. 113—115.

[2]) Великій князь кіевскій Ростиславъ Мстиславичъ умеръ 14-го марта 6676 года (1168).

в чашу, и постави ея на тѣмя свое и рече имъ: „Что, брате, возмете оу мене в сію чашю вклада?“ И тако рекоша емоу притворяне: „Чимъ, господине, насъ пожалуешь, то возмемъ“. И князь велики даше имъ гривну новую вклада. „А ходите ко мнѣ во всякую недѣлю и емлите оу мене две чаши пива, третюю меду. Такъ же ходите к намѣстникомъ моимъ, и к посадникомъ, и по бракомъ, а емлите собѣ по три чаши пива. А кто сію чашу избесчинитъ, инъ даетъ гривну золота да 6 берковсковъ медоу князю и владыки. А кто на васъ подеретъ вотолоу, инъ дастъ три крошни нитей, а цѣна имъ полтора рубля“.

Неизвѣстный авторъ этихъ лѣтописныхъ замѣтокъ закрѣпилъ записью народное преданіе о хожденіи сорока каликъ въ Іерусалимъ, широко извѣстное въ новгородской территоріи, такъ какъ калики, по словамъ лѣтописца, „собѣ на веки славы оукупиша“. Память о 40 каликахъ поддерживалась нѣкоторыми предметами старины, хранившимися и въ Новгородѣ, и въ двухъ наиболѣе важныхъ центрахъ новгородской торговли—въ Русѣ и Торжкѣ. Эти предметы—копкарь [1]), скатерть, чаша—какъ утверждало преданіе, принесены каликами изъ Іерусалима. Возвратившись благополучно изъ святой земли, калики, по словамъ преданія, предпринимаютъ хожденіе уже въ предѣлахъ новгородскихъ владѣній, очевидно съ цѣлью освятить и одарить святынями, вынесенными ими, сначала храмъ Св. Софіи въ Новгородѣ, а затѣмъ главные храмы въ наиболѣе важныхъ городахъ — храмъ свв. Бориса и Глѣба въ Русѣ и Спаса въ Торжкѣ. Сомнѣваться въ исторической основѣ преданія, повидимому, нѣтъ основанія. Извѣстно, что XII вѣкъ, въ теченіе котораго (отъ 1100—1188 года) существовало Іерусалимское королевство въ рукахъ крестоносцевъ, былъ періодомъ частыхъ хожденій въ святую землю пилигримовъ изъ всѣхъ частей христіанскаго міра. Изъ русскихъ паломниковъ, которыхъ имена извѣстны, къ этому вѣку относятся игуменъ Даніилъ, Леонтій попъ, упоминаемый архіепископомъ новгородскимъ Антоніемъ, и самъ Антоній, въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ, ходившій, впрочемъ, уже въ самомъ концѣ столѣтія, около 1200 года. Но о многочисленности хожденій русскихъ паломниковъ ко святымъ мѣстамъ въ этомъ вѣкѣ говорятъ весьма вѣскія свидѣтельства. Игуменъ Даніилъ ходилъ съ дружиною паломниковъ и видѣлъ другихъ

---

[1]) *Копкарь*—ковшъ, судя по надписи („скопкарь“) на одномъ деревянномъ большомъ ковшѣ въ музеѣ г. Щукина (сообщ. мнѣ В. И. Сизовымъ).

русскихъ же странниковъ. пребывавшихъ въ святой землѣ одновременно съ нимъ. Извѣстное Въпрошаніе Кирика, Саввы и Ильи къ Новгородскому архіепископу Нифонту (1130—1156) прямо свидѣтельствуетъ о сильно развившейся въ этомъ періодѣ въ народонаселеніи страсти къ хожденію ко святымъ мѣстамъ, страсти, вредившей экономическимъ интересамъ страны. Это указаніе, что для насъ особенно важно, относится къ новгородской эпархіи. По словамъ Иліи, безразсудно даваемые обѣты идти въ Іерусалимъ гибельны для земли, „та бо рота (клятва) губить землю сію“, то-есть новгородскую область. Въ виду такихъ свидѣтельствъ, можно думать, что разсматриваемая легенда имѣетъ въ основѣ реальный фактъ хожденія, предпринятаго значительнымъ числомъ новгородцевъ одновременно, 40 каликами, вслѣдствіе чего такое крупное и удачное предпріятіе надолго осталось въ памяти народа. Лѣтописная запись не опредѣляетъ точно года хожденія 40 каликъ и возвращенія ихъ въ Новгородъ. Преданіе помнило только, что совершилось оно при славномъ архіепископѣ новгородскомъ Іоаннѣ и при князѣ русскомъ (кіевскомъ) Ростиславѣ. Такимъ образомъ время хожденія опредѣляется приблизительно пятилѣтіемъ между годомъ возведенія Іоанна на архіепископскую каѳедру (1163) и годомъ смерти Ростислава Мстиславича († 14-го марта 1168). Это было время сравнительно благопріятное для хожденій въ Палестину. Іерусалимъ былъ во власти христіанъ. На престолѣ Византіи сидѣлъ героическій императоръ Мануилъ Комненъ, хорошо извѣстный русскимъ князьямъ, старавшійся вовлечь нѣкоторыхъ изъ нихъ въ свои политическія предпріятія. На Руси, у князя Ярослава Осмомысла въ Галичѣ, находитъ въ 1165 году (когда, быть можетъ, новгородскіе калики совершали свое хожденіе) пріютъ опасный для Мануила родственникъ его, авантюристъ-царевичъ Андроникъ, и императоръ чрезъ искуснаго дипломата всячески старается привлечь къ союзу съ Ромеями могущественнаго галицкаго князя и кіевскаго Ростислава Мстиславича. Византія въ блестящее царствованіе Мануила и Палестина, открытая для благочестивыхъ хожденій, привлекаютъ къ себѣ вниманіе всѣхъ слоевъ русскаго народа того времени. Русскіе странники приносятъ извѣстія о предпріятіяхъ энергическаго императора и безчисленныя легенды, слышанныя ими въ Цареградѣ и святой землѣ. Ихъ фантазія постоянно витаетъ въ области чудеснаго и апокрифическаго. Палестинскія легенды распространяются широко въ народѣ, переходя изъ устъ въ уста, и вызываютъ фантазію къ созданію но

добныхъ же легендъ на русской почвѣ, прикрѣпляющихся къ русскимъ лицамъ и святынямъ. Въ созданіи легендарныхъ сказаній, конечно, дѣятельное участіе принимаетъ и новгородское творчество въ этомъ періодѣ. Старинная письменность сохранила намъ нѣкоторыя изъ такихъ сказаній, облекающихъ высокочтимую личность того самаго новгородскаго владыки (Іоанна), при которомъ 40 каликъ предприняли свое хожденіе въ Іерусалимъ.

Святитель духовною силою своею подчинилъ себѣ бѣса, заставилъ его принять видъ коня и, возсѣвъ на него, въ одну ночь съѣздилъ въ Іерусалимъ, приложился къ гробу Господню и вернулся въ Новгородъ. Тотъ же владыка вторично посрамилъ діавола, хотѣвшаго отомстить ему за поруганіе, причемъ судьба Іоанна, кстати сказать, до нѣкоторой степени напоминаетъ оклеветаніе и чудесное оправданіе Касьяна, предводителя 40 каликъ. Діаволъ, разказывала новгородская легенда, чтобы повредить доброй славѣ владыки, отводилъ глаза новгородцамъ: въ силу его чаръ, они видѣли будто, изъ келіи владыки въ разное время выходила жена блудница, видъ которой принималъ мстительный бѣсъ. Подозрѣвая владыку въ безнравственности, ослѣпленные діаволомъ новгородцы посадили его на плотъ у великаго моста и пустили его по рѣкѣ, надѣясь, что святитель погибнетъ въ быстромъ теченіи Волхова [1]). Но совершилось чудо, плотъ съ владыкой плавно пошелъ вверхъ, остановился у монастыря св. Георгія, и изумленный народъ съ раскаяніемъ и слезами просилъ прощенія у святителя. Имя Іоанна связано далѣе со всенароднымъ чудомъ, совершеннымъ иконой Богородицы для спасенія Новгорода отъ суздальцевъ въ 1169 году. Когда ожесточенный противъ Новгорода кн. Андрей Боголюбскій послалъ противъ него сына своего Романа и 72 другихъ князей съ огромною силою и это войско облегло городъ, то вынесенная на забрало честная икона Богородицы сама обратилась ликомъ къ непріятелю и пролила слезы, которыя владыка Іоаннъ „пріятъ на фелонь свой". „И разгнѣвался Господь на сопротивныхъ и в той часъ покры ихъ тма; и начаша другъ друга сѣщи и на смерть предавати. Гражане же, видѣвше таковую побѣду на сопротивныхъ, и вышедше из града, овыхъ избиша а иныхъ живыхъ емьше, богатствомъ и плѣномъ доволно исполонишася, помощію святыя Бо-

[1]) См. Повѣсть о путешествіи Іоанна новгородскаго въ Пам. стар. русской литературы подъ редакцію *Костомарова* I стр. 245—248.

городицы" [1]). Наконецъ, Іоаннъ удостоился и другаго чуда, совершеннаго Богородицей при построеніи имъ Благовѣщенскаго монастыря: когда храмъ былъ уже до половины построенъ и не хватило денегъ на его довершеніе, скорбящему строителю въ видѣніи ночномъ явилась Богородица и обѣщала прислать недостающія средства. Раннимъ утромъ Іоаннъ съ братомъ Григоріемъ увидѣли у воротъ монастыря дивнаго коня, смирно стоящаго съ двумя чемоданцами, наполненными сребромъ и златомъ. Когда этотъ даръ Богородицы былъ снятъ съ коня, онъ внезапно исчезъ, а даръ пошелъ на довершеніе ея храма [2]).

Мы сочли нелишнимъ напомнить эти легенды, облекающія имя новгородскаго владыки Іоанна, чтобы ярче представить себѣ ту почву, на которой возникла и разсматриваемая нами новооткрытая легенда о 40 каликахъ, прикрѣпленная къ тому же легендарному времени.

Обратимъ теперь вниманіе на изложеніе легендарнаго преданія, на его внѣшнюю форму и на нѣкоторыя подробности содержанія.

Легенда, въ записи книжника, носитъ всѣ признаки того, что долго бродила въ народныхъ устахъ: разказъ о 40 каликахъ пріобрѣлъ яркій эпическій характеръ и присущій народнымъ произведеніямъ внѣшній складъ. Эпическія черты проявляются въ самомъ сценаріи: дружина каликъ приходитъ въ Русу къ свв. Борису и Глѣбу; здѣсь эпически настроенное воображеніе народнаго разказчика находитъ другую дружину духовную: „аже седитъ соборъ", какъ будто соборное духовенство уже напередъ собралось въ церкви или у церкви. Повидимому, для разказчика этотъ соборъ представляетъ такую же постоянную картину духовнаго эпоса, какъ картина постояннаго пира богатырей въ гриднѣ кн. Владимира. Тутъ же у храма Бориса и Глѣба другая группа, представлявшаяся также постояннымъ аксессуаромъ церкви: „стоятъ 6 мужъ притворянъ". Идутъ калики далѣе, приходятъ въ Торжокъ къ Спасу: и тутъ сидитъ соборъ духовенства и тутъ же стоятъ 12 мужъ притворянъ. Затѣмъ разказчикъ переносится къ другимъ временамъ. Разказывая о встрѣчѣ притворянъ съ іерусалимскою чашею съ княземъ Иваномъ Даниловичемъ, народный разказчикъ снова рисуетъ эпическую сцену:

---

[1]) См. Повѣсть о побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами въ Пам. стар. русс. литературы подъ ред. *Костомарова* I стр. 241—242.

[2]) См. тамъ же Повѣсть о построеніи Благовѣщенскаго монастыря въ Новгородѣ стр. 255—256.

Иванъ Даниловичъ, какъ эпическій Владиміръ, долженъ засѣдать на пиру съ боярами и старыми мужами (въ данномъ случаѣ новоторжцами). На пиръ приходятъ притворяне съ чашею и, какъ былинные калики у князя Владиміра, просятъ у князя милостыни: „напой, накорми нищихъ своихъ". Дальнѣйшій разказъ ведется въ любимой народомъ діалогической формѣ. Какъ эпическій Владиміръ обращается обычно на пиру съ вопросомъ къ князьямъ, боярамъ, могучимъ богатырямъ и получаетъ отъ нихъ тотъ или другой отвѣтъ, такъ здѣсь кн. Иванъ Даниловичъ вопрошаетъ у бояръ и старыхъ мужей, сидящихъ на пиру: „Что се прошли за моужи ко мнѣ?", и получаетъ отъ нихъ объясненіе. Далѣе приводится обращеніе князя къ каликамъ съ вопросомъ („что, брате (то-есть братіе), возмете оу мене в сію чашу вклада?") и отвѣтъ каликъ. Кончается разказъ замѣчательными словами князя Ивана Даниловича, въ которыхъ князь рисуется чертами эпическаго Владиміра: онъ щедръ, ласковъ и нищелюбивъ, какъ кіевскій эпическій князь, хотя за историческимъ Иваномъ Калитой первыхъ двухъ качествъ исторія не знаетъ. Онъ даетъ притворянамъ вклада гривну новую и дозволяетъ имъ ходить къ нему каждое воскресенье и получать 2 чаши пива, а третью меду. Повидимому, наивный разказчикъ, не считаясь съ исторіей, которая не стѣсняла его вображенія, представлялъ себѣ московскаго князя Ивана Калиту въ обликѣ эпическаго Владиміра пирующимъ каждое воскресенье въ г. Торжкѣ, такъ что притворяне церкви Спаса могли съ удобствомъ получать еженедѣльно отъ него назначенныя имъ три чаши питей.

Во внѣшнемъ складѣ разсматриваемой легенды также весьма отчетливо проглядываютъ народныя черты. Таковы — троекратное повтореніе каликами даровъ церквамъ и притворянамъ: въ Новгородѣ, Русѣ, Торжкѣ; повтореніе однихъ и тѣхъ же выраженій: „аже седитъ соборъ, они же даша имъ святыя мощи" (дважды), „во вѣки имъ кормленіе" (трижды); эпическія цифры: 40 каликъ, 6 притворянъ Бориса и Глѣба, 12 притворянъ св. Спаса, три чаши, 6 берковсковъ меду, три крошни питей.

Итакъ, неизвѣстный авторъ лѣтописной замѣтки изложилъ народную легенду, быть можетъ, сокративъ ее, но сохранивъ однако народно-эпическія черты, которыя преданіе о 40 каликахъ пріобрѣло въ устной передачѣ.

Для опредѣленія живучести этого преданія важно уяснить, насколько возможно, къ какому времени должна относиться самая запись его, дошедшая до насъ въ рукописи второй половины XVI или пер-

вой XVII вѣка. Для этой цѣли мы должны ближе познакомиться съ содержаніемъ новооткрытаго памятника.

Лѣтописный отрывокъ, внесенный въ Сборникъ, представляетъ выдержку, сдѣланную неизвѣстнымъ лицомъ, изъ какой-то лѣтописи, причемъ имъ выбраны были лишь нѣкоторые года (всего 8), почему-то его интересовавшіе; первая выдержка относится къ 1163, послѣдняя къ 1377 году. Выше мы цѣликомъ привели лѣтописныя извѣстія подъ годами 1163 и 1329. Но для дальнѣйшихъ заключеній намъ необходимо привести цѣликомъ весь слѣдующій текстъ, распредѣляющійся между 6-ю годами.

„В лѣто 6839 (1331). Поставиша Василія архіепископомъ Новоугороду.

В лѣто 6846 (1338). Зачата бысть слоужба вседневная оу Преображения Господня в Торжкоу при благовѣрномъ великомъ князѣ московъскомъ Иване Даниловичѣ и при архиепископе новгородцкомъ Васіліи.

В лѣто 6880 (1372). Князь Михаилъ Тверьскій повоева Торжокъ, подведъ втаю рать литовъскоую, князя Андрѣя Полотцкаго и Дмитрея Дрютцкаго и иныхъ многихъ. Оубиша же на поле Александра Обакоуновичя и новоторжцевъ много, и градъ пожгоша, и бысть пагоуба христіаномъ велика. Наметаша же избіенныхъ, и зженыхъ, и топлыхъ, а иніи в церкви в Спасе задхошяся, иніи же в рекѣ Тверцѣ истопоша, тѣхъ 4 скоуделници. А иныхъ моужь и женъ на Тверь поведоша. Сице Торжкоу сотвориша.

В лѣто 6881 (1373) [1]. Пріиде князь велики Дмитрей Ивановичь со всѣми князи роускими и со всею землею понизовскою и Великый Новгородъ к городу ко Твери. И стоялъ князь велики Дмитрей Ивановичь Московской со всею силою подъ Тверью мѣсяць. И князь Михаилъ Тверьский выслалъ изо Твери владыкоу Еоуфѵмия с челобитьемъ и молбою к великому князю Дмитрію. Онъ же прият молбу и иде къ Великомоу Новоугородоу, и кончаша миръ. На тоу же осень сыпаша валъ в Торжкоу. Той же зимѣ и градъ поставиша Торжекъ.

В лѣто 6885 (1377). После взятия новоторжьскаго отъ князя Михаила Тверьскаго поновися вседневная слоужба оу Спаса в Торжкоу при благовѣрномъ великомъ князѣ Дмитріе Ивановичѣ и при архиепископе новгородцкомъ Алексѣи. Поставиша церковъ преже сего лѣта въ

[1]) Это событіе, какъ видно изъ другихъ лѣтописей, относится не къ 6881, а къ 6883 (1375) году. *Прим. издателя.*

Торжкоу Спасъ каменъ храмъ замышленіемъ и строеніемъ коупцовъ новгородцкихъ, а святилъ ю владыка Алексѣй". (Этимъ кончается лѣтописный отрывокъ).

Внимательный взлядъ на содержаніе всѣхъ лѣтописныхъ извлеченій показываетъ, что лицо, дѣлавшее эти выписки, имѣло опредѣленную цѣль. Его интересъ сосредочивался на событіяхъ города Торжка, можетъ быть, его роднаго города. Въ 6 выдержкахъ лѣтописныхъ изъ 8 сообщаются извѣстія мѣстныя новоторжскія. Перечислимъ ихъ для наглядности.

Годъ 1163. Принесеніе 40 каликами чаши іерусалимской въ Торжокъ и дарованіе этой чаши притворянамъ церкви спасопреображенской на кормленіе.

Годъ 1329. Пріемъ кн. Иваномъ Даниловичемъ Спасопреображенскихъ притворянъ съ чашею и льготы имъ дарованныя притворянамъ.

Годъ 1338. Начало вседневной службы у Спасопреображенія въ Торжку при томъ же князѣ.

Годъ 1372. Пожаръ города Торжка и разгромъ его княземъ Михаиломъ Тверскимъ.

Годъ 1373. Построеніе вала и города (кремля) въ Торжкѣ послѣ войны кн. Димитрія Ивановича съ Михаиломъ Тверскимъ.

Годъ 1377. Возобновленіе вседневной службы у Спаса въ Торжку въ раньше построенномъ каменномъ храмѣ.

Точнѣе можно сказать, что разсматриваемый рядъ извѣстій представляетъ отрывокъ изъ церковной лѣтописи, ведшейся при храмѣ Спасопреображенскомъ въ городѣ Торжкѣ, и если авторъ замѣтокъ включалъ въ нихъ нѣкоторыя другія извѣстія, то только такія, которыя нельзя было отдѣлить отъ исторіи Спасопреображенскаго храма. Такъ, онъ счелъ нужнымъ разказу о пріемѣ кн. Иваномъ Даниловичемъ спасопреображенскихъ притворянъ съ чашею въ 1329 году предпослать разказъ о происхожденіи этой чаши и припомнить народную легенду о сорока каликахъ, ходившихъ въ Іерусалимъ въ XII вѣкѣ при архіепископѣ Іоаннѣ. Не имѣя точной лѣтописной даты о годахъ хожденія, но зная изъ какой-нибудь церковной лѣтописи годъ поставленія Іоанна архіепископомъ, онъ предъ пересказомъ народной легенды поставилъ этотъ годъ (1163-й). Другой случай упоминанія событія, совершившагося не въ Торжкѣ, имѣемъ подъ годомъ 1331, гдѣ приведена запись о поставленіи Василія архіепископомъ Новгородскимъ. Мотивомъ внесенія этого извѣстія изъ церковной лѣтописи могло быть то, что въ слѣдующей непосредственно затѣмъ

замѣткѣ отъ 1338 года говорится объ установленіи повседневной службы въ церкви Спасопреображенской при этомъ самомъ архіепископѣ Василіи.

Возвращаясь теперь къ интересующей насъ легендѣ о 40 каликахъ, мы можемъ съ достаточной вѣроятностью заключить, что запись ея, хотя пріуроченная въ первой ея половинѣ къ 1163 году, была сдѣлана въ первой половинѣ XIV-го столѣтія какимъ то неизвѣстнымъ лицомъ (или лицами), ведшимъ краткую лѣтопись при Спасопреображенской церкви въ теченіе части этого столѣтія. Легенда народная о 40 каликахъ попала въ эту лѣтопись только благодаря тому, что была прикрѣплена къ одному старинному предмету, чашѣ, хранившейся у притворянъ церковныхъ, и принесенной, какъ утверждало преданіе, изъ Іерусалима каликами, ходившими въ святую землю при арх. Іоаннѣ, имя котораго окружено было и другими легендами. Благодаря обычному лаконизму, усвоенному сѣверными (новгородскими) лѣтописцами, авторъ лѣтописныхъ замѣтокъ о Спасопреображенской церкви въ Торжкѣ передалъ легенду въ сжатомъ видѣ, особенно въ ея первой половинѣ, лишь отчасти касающейся исторіи Спасопреображенской церкви. Но слѣдуетъ думать, что народная легенда о 40 каликахъ была болѣе обильна содержаніемъ, что въ народѣ разсказывалось не только о возвращеніи каликъ и раздачѣ ими мощей и священныхъ предметовъ по городамъ и церквамъ новгородской земли, и что скуднымъ на слова лѣтописцемъ не даромъ упоминается о славѣ, пріобрѣтенной себѣ 40 каликами на вѣки („а собѣ во веки славы оукупиша"). Можно думать, что народная легенда, къ сожалѣнію не донесенная до насъ книжникомъ XIV-го вѣка, интересовавшимся исключительно извѣстіями о событіяхъ родной церкви, разсказывала нѣчто и о самомъ хожденіи 40 каликъ въ Іерусалимъ, объ испытанномъ ими на пути въ святую землю. Каково-бы ни было содержаніе этой легенды, которое до новыхъ открытій останется для насъ въ области предположеній, мы можемъ съ полною вѣроятностью утверждать по крайней мѣрѣ одно: въ половинѣ XIV-го вѣка въ новгородской землѣ было еще распространено народное преданіе объ удачномъ хожденіи 40 новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ, относимое ко времени арх. Іоанна и князя кіевскаго Ростислава. Предполагая, что въ основѣ преданія лежитъ реальное событіе XII-го вѣка, мы должны далѣе предположить, что, по естественному ходу вещей, это событіе было значительно разработано народною фантазіей, если оно жило въ народныхъ устахъ еще

въ половинѣ XIV-го вѣка. Самая живучесть его уже предполагаетъ достаточную народную разработку, придавшую преданію живой интересъ, ибо одни голыя указанія, что такія-то святыни въ томъ или другомъ храмѣ принесены паломниками въ старину изъ Іерусалима, не могутъ дать пищи для созданія интересныхъ легендъ безъ какихъ нибудь другихъ подробностей о лицахъ, принесшихъ эти святыни.

Разсмотрѣвъ новооткрытый лѣтописный отрывокъ, упоминающій между прочимъ о хожденіи 40 каликъ отъ св. Софіи въ Новгородѣ во Іерусалимъ, мы должны поставить вопросъ, какую пользу можно извлечь изъ этого матеріала для уясненія народной былины о 40 каликахъ?

Что касается фабулы былины—похожденія атамана каликъ Касьяна,—то ничего подобнаго нѣтъ въ лѣтописномъ извѣстіи о новгородскихъ каликахъ, такъ что послѣднее остается безплоднымъ для уясненія содержанія былины. Натяжкою было бы, если бы мы сопоставляли отдѣльныя черты обоихъ произведеній, отмѣчая, напримѣръ, что въ лѣтописномъ преданіи играетъ роль чаша, принадлежащая притворянамъ-нищимъ, а въ былинѣ также чаша попадаетъ въ сумку Касьяна; что по лѣтописному преданію князь (Иванъ Даниловичъ) даетъ притворянамъ золотую гривну, а по былинѣ (въ варіантѣ Никитина) [1]) князь Владиміръ даетъ каликамъ также по золотой гривнѣ. Но при всемъ несходствѣ лѣтописныхъ и былинныхъ каликъ, или точнѣе временно ставшихъ каликами богатырей, мы всеже находимъ возможнымъ воспользоваться новооткрытымъ матеріаломъ для нѣкоторыхъ историко-литературныхъ заключеній.

Изъ разсмотрѣнія подробностей былины, предложеннаго нами выше, мы пришли къ предположенію, что она была сложена въ раіонѣ новгородскаго культурнаго вліянія. Это предположеніе, повидимому, находитъ себѣ подтвержденіе въ новооткрытомъ лѣтописномъ отрывкѣ. Оказывается, что еще въ XIV вѣкѣ (а можетъ быть и позже) [2]), въ новгородской землѣ ходилъ народный разказъ (или разказы) о старинномъ хожденіи новгородскихъ 40 каликъ въ Іерусалимъ и этотъ широко извѣстный разказъ передавался въ эпическомъ стилѣ и при-

[1]) *Гильфердингъ*, столб. 876.

[2]) Припомнимъ живучесть преданія объ арх. Іоаннѣ. Въ лѣтописи говорится о поставленіи архіепископа Сергія послѣ подчиненія Новгорода Москвѣ въ 1484 г.: „Новгородци не хотяху покоритися ему, отняша у него умъ волшебствомъ; глаголаша: Іоаннъ чудотворецъ, *что на бѣсѣ ѣздилъ*, тотъ сотвори ему". Собр. лѣт. VI, стр. 236.

писывалъ историческому князю XIV вѣка черты былиннаго князя Владимира. Легенда народная о 40 каликахъ, конечно, разказывала о нихъ не только то, что упомянулъ лѣтописецъ, дающій только остовъ преданія въ нѣсколькихъ строкахъ: „Се ходиша из Великого Новагорода отъ святей Софеи 40 моужь калѣици ко граду Иерусалимоу ко гробу Господню. И гробъ Господень целоваша и ради быша“. Легенда, конечно, интересовалась похожденіями 40 каликъ и, быть можетъ, выдѣлила изъ ихъ среды предводителя, какъ мы находимъ это въ былинѣ. Если эти предположенія допустимы, то изъ нихъ вытекаетъ самъ собою дальнѣйшій выводъ о генезисѣ былины. Слагатель ея переработалъ старинную популярную тему въ силу того же побужденія, которое заставляло вездѣ и всегда отдѣльныхъ авторовъ съ особеннымъ вниманіемъ обработывать на новый ладъ старыя темы. Слишкомъ краткое лѣтописное свидѣтельство не даетъ намъ возможности судить о томъ, что̀ именно взялъ слагатель былины изъ народнаго преданія для своей работы, нашелъ ли, напримѣръ, онъ въ легендѣ о хожденіи 40 каликъ въ Іерусалимъ каличья атамана, прототипъ Касьяна съ прикрѣпленіемъ къ нему библейскаго мотива о прекрасномъ Іосифѣ, пострадавшемъ за красоту отъ сластолюбивой жены, или самостоятельно внесъ этотъ сюжетъ въ старую рамку. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предположить, что легенда упоминала о пребываніи каликъ въ Кіевѣ по дорогѣ въ Іерусалимъ, такъ какъ историческіе новгородскіе калики, ходившіе въ святую землю въ XII вѣкѣ, едва ли по пути туда миновали „мать городовъ русскихъ“ и ея князя Ростислава. Во всякомъ случаѣ работа слагателя пѣсни о 40 каликахъ состояла въ томъ, что онъ переработалъ старинную народную тему, уже воспринявшую нѣкоторыя эпическія очертанія, въ настоящую былину Владимирова цикла, внеся въ нее рядъ эпическихъ лицъ—князя, Апраксію, Добрыню и Алешу съ ихъ установленными характерами.

Такимъ образомъ, главный интересъ пѣсни о 40 каликахъ, на нашъ взглядъ, заключается въ слѣдующемъ:

1) Она свидѣтельствуетъ о замѣчательной консервативности старинныхъ темъ въ нашемъ устномъ эпосѣ, такъ какъ основа сказанія о 40 каликахъ восходитъ къ XII вѣку.

2) Она представляетъ примѣръ обработки въ былину Владимирова цикла популярной народной легенды.

3) Она еще разъ подтверждаетъ высказанное мною въ другихъ статьяхъ предположеніе, что такъ называемыя былины кіевскаго цикла

могли быть слагаемы въ довольно позднее время, (въ XV, XVII вѣкахъ) въ тѣхъ же предѣлахъ новгородскаго культурнаго вліянія, въ которыхъ были живы и былины такъ называемаго новгородскаго цикла, прикрѣпленныя по мѣсту дѣйствія къ Великому Новгороду. Калики, согласно народной легендѣ, жившей еще въ XIV вѣкѣ, вышедшіе изъ Новгорода и возвратившіеся туда же изъ Іерусалима, въ болѣе позднее время уже забываютъ свое новгородское происхожденіе и стремятся къ эпическому центру, къ городу Кіеву. ко двору князя Владимира. Такимъ образомъ, какъ еще въ до-татарскій періодъ мѣстныя сказанія о богатыряхъ,—черниговскія, переяславскія, ростовскія,—тянули къ Кіеву, такъ кіевскій былинный циклъ продолжалъ дѣлать завоеванія на счетъ новгородскаго въ тотъ періодъ, когда старанія Москвы и потокъ времени сгладили черты новгородской особности, и когда историческое прошлое Великаго Новгорода „поросло быльемъ".

Всев. Миллеръ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

„Архивъ кн. *Ѳ. А. Куракина*". Книги V, VI, VII, VIII.—Саратовъ. 1894.—1899.

Въ 1890 г. кн. Ѳ. А. Куракинъ приступилъ къ изданію бумагъ своего богатаго фамильнаго архива въ селѣ Надеждинѣ; недавно вышла восьмая книга этого изданія. Начиная съ V-й книги „Архива кн. Ѳ. А. Куракина" въ немъ печатаются уже не только бумаги петровскаго времени, а параллельно съ продолженіемъ ихъ начато печатаніе бумагъ кн. Александра Борисовича Куракина, который родился въ 1752 г., умеръ въ 1818 г., и занималъ при Павлѣ I должность вице-канцлера, а при Александрѣ I—должность канцлера россійскихъ орденовъ и былъ посломъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Въ книгахъ V, VI, VII, и VIII „Архива" опубликовано уже обширное собраніе документовъ изъ его переписки, не всегда равно важныхъ, но въ общемъ—очень любопытныхъ и цѣнныхъ для русской исторіи второй половины прошлаго вѣка. Достоинство и значеніе матеріаловъ петровской эпохи, изданныхъ въ первыхъ томахъ куракинскаго „Архива", было уже оцѣнено въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ и коечто изъ напечатаннаго уже вошло въ научный оборотъ; матеріалы же для исторіи второй половины XVIII вѣка, заключающіеся въ этомъ изданіи, еще не подверглись обстоятельной оцѣнкѣ. Настоящею замѣткою мы и хотимъ познакомить читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ этимъ любопытнымъ матеріаломъ.

Документы V-й, VI-й, VII-й и VIII-й книгъ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", относящіеся къ петровской эпохѣ, касаются, за немногими исключеніями, дѣятельности кн. Бориса Ивановича Куракина

какъ представителя Россіи въ Гагѣ во время Утрехтскаго конгресса, на которомъ, какъ извѣстно, въ 1713—1714 гг. закончена была нѣсколькими частными мирными договорами война за испанское наслѣдство. Къ этой эпохѣ относится обширная переписка кн. Б. И. Куракина съ гр. Г. И. Головкинымъ, барономъ П. П. Шафировымъ, кн. А. Д. Меншиковымъ и другими лицами, немало разныхъ его меморіаловъ, рапортовъ государю, замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ для себя, и другихъ подобныхъ документовъ. Офиціально Россія не была участницею общихъ переговоровъ въ Утрехтѣ; кн. Куракинъ и гр. А. А. Матвѣевъ вели переговоры объ установленіи мира между Россіей и Швеціей; въ теченіе времени, обнимаемаго изданными пока въ „Архивѣ“ документами, переговоры эти не привели къ рѣшительному результату и дѣятельность Куракина и Матвѣева въ данномъ случаѣ можетъ быть подробно изучена и оцѣнена лишь впослѣдствіи, съ обнародованіемъ дальнѣйшихъ матеріаловъ. Пока же переписка кн. Куракина важна для насъ тѣмъ, что даетъ возможность яснѣе представить себѣ тѣ своеобразныя трудности, какія приходилось преодолѣвать въ это время представителямъ Россіи, когда Россія впервые принимала участіе въ общеевропейскихъ дѣлахъ, вступала въ среду западно-европейскихъ государствъ какъ сила, имѣющая свои притязанія и въ извѣстной степени доказавшая уже, что она способна требовать и вниманія къ своимъ претензіямъ. Чрезвычайно любопытно слѣдить, какъ относится кн. Куракинъ къ различнымъ перипетіямъ дипломатической борьбы, разыгрывавшейся на его глазахъ, какъ онъ оцѣниваетъ тѣ или другія обстоятельства, возникавшія или раскрывавшіяся на конгрессѣ. Для исторіи всей внѣшней политики Россіи въ XVIII вѣкѣ эти документы даютъ любопытнѣйшій матеріалъ. Кн. Б. И. Куракинъ замѣтилъ уже тогда, что оба главные соперника въ въ ту минуту, и Франція и Англія, „великою ненавистью дышутъ на настоящіе успѣхи его царскаго величества“ и что на предстоящемъ „генеральномъ своемъ мирѣ“ онѣ обѣ желали бы „выстеречь интересъ шведовъ“; „не хотятъ весьма всѣ, пишетъ Куракинъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы мы въ интересъ ихъ замѣшалися“; уже тогда Куракинъ понялъ, что наши отношенія къ Швеціи, Польшѣ и Турціи затрудняютъ нѣсколько государствъ вступать съ нами въ союзъ, ибо этимъ государствамъ не легко согласовать свои традиціонныя отношенія къ каждой изъ поименованныхъ державъ съ отношеніями къ нимъ Россіи (см. „Архивъ“, V, 56, 94, 95 и др.). Затѣмъ, изъ переписки кн. Б. И. Куракина видно, что уже задолго до офиціальнаго

принятія Петромъ Великимъ императорскаго титула, о титулѣ этомъ поднимались разговоры — по крайней мѣрѣ въ одной запискѣ своей, относящейся къ 1712 г., кн. Куракинъ въ объясненіе, „для чего несходенъ къ намъ является дворъ цесарскій", пишетъ: „желюзію къ намъ имѣютъ, чтобы велики не стали и претенсію нашу „imperator graecorossiacus" непріятно имъ слышать" (V, 93). Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія напечатанныя въ V книгѣ „Архива" 10 писемъ къ Куракину отъ Рагоци и подробное изложеніе бесѣды Рагоци объ общихъ европейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Любопытенъ, наконецъ, и самый языкъ Куракина, доказывающій, какъ нелегко было даже такому опытному дипломату, какъ онъ, выражать по русски ту массу новыхъ понятій, которая вошла тѣмъ не менѣе въ употребленіе у дѣятелей Петровской эпохи.

Бумаги второй половины XVIII вѣка, напечатанныя пока въ „Архивѣ кн. Куракина", представляютъ собою собраніе чисто-семейныхъ, фамильныхъ бумагъ, съ безусловнымъ преобладаніемъ частныхъ писемъ, среди которыхъ лишь рѣдкими исключеніями являются документы офиціальнаго характера и такіе, которые были составлены впослѣдствіи, или, во всякомъ случаѣ, впослѣдствіи обработаны. Документы такого рода обыкновенно бываютъ менѣе интересны, чѣмъ воспоминанія или записки; въ нихъ рѣчь идетъ часто о фактахъ очень мелкихъ, которые впослѣдствіи самими участниками переписки, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ были забыты; но за то они особенно живо рисуютъ намъ своихъ авторовъ; изучать ихъ, вчитываться въ нихъ совершенно необходимо для того, чтобы лучше понять и уяснить себѣ духъ вѣка, многія мелочи во взглядахъ и понятіяхъ тогдашнихъ людей, не рѣдко важныя и для общей ихъ оцѣнки. Чтеніе переписки людей, уже давно сошедшихъ съ жизненной сцены, въ извѣстной степени замѣняетъ личное съ ними знакомство, даетъ такое знаніе человѣка, которое одно иногда обусловливаетъ возможность правильно судить человѣка и понимать его поступки. Кромѣ того, среди массы сообщеній мелкихъ и мало интересныхъ самихъ по себѣ, письма иногда даютъ и важное и любопытное; наконецъ, изученіе писемъ извѣстной эпохи или даже писемъ извѣстнаго круга людей необходимо и для того, чтобы выяснить, въ какой мѣрѣ и какъ можно пользоваться этими письмами въ качествѣ историческаго источника.

Въ разсматриваемыхъ нами томахъ документы обнимаютъ время отъ 1763 г. по 1776 г.; наибольшая часть ихъ относится къ воспитанію и ученію братьевъ Александра и Алексѣя Куракиныхъ; второй

изъ нихъ родился въ 1759 г., умеръ въ 1829 г., и занималъ постъ генералъ-прокурора, а впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ; съ обозрѣнія этихъ документовъ мы и начнемъ. Они заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ даютъ намъ возможность очень ясно представить себѣ воспитаніе почти цѣлаго поколѣнія молодыхъ людей извѣстнаго класса общества, потому что, какъ увидимъ ниже, цѣлый рядъ сверстниковъ кн. Александра и Алексѣя Куракиныхъ получилъ совершенно такое же воспитаніе и обученіе, какъ они.

Эта серія документовъ открывается письмами кн. Бориса Александровича Куракина къ сыну Александру, въ 1763 г. Кн. Б. А. Куракинъ (род. въ 1733), устроивавшій вновь учрежденную Коллегію Экономіи, жилъ въ Москвѣ, а 12-тилѣтняго сына отправилъ учиться въ Петербургъ подъ присмотромъ Штрубе-де-Пирмонта, впослѣдствіи академика. Изъ писемъ кн. Б. А. Куракина видно, что онъ живо интересовался занятіями сына; онъ не разъ спрашивалъ его, „кто именно мастерá, которые ходятъ къ тебѣ, и есть-ли достаточный къ наученію россійскаго штиля“ и если нѣтъ еще, то поручалъ ему непремѣнно просить „г. Штруба“, чтобы ему „такого доставилъ“. Штрубе самъ обучалъ молодаго князя латинскому языку, русскій языкъ преподавалъ ему академикъ К. Ф. Модерахъ, для исторіи приглашенъ былъ не безызвѣстный въ свое время Григорій Александровичъ Полетика, инспекторъ Морскаго кадетскаго корпуса. Кн. Б. А. Куракинъ неоднократно высказывалъ свое непремѣнное желаніе, чтобы сынъ его „для познанія россійскаго языка читалъ чаще, и со вразумленіемъ записывая слова, псалтырь, къ оному знанію наилучшее чтеніе“; въ другой разъ онъ писалъ, чтобы сынъ его „два раза въ недѣлю упражнялся въ чтеніи книгъ церковныхъ, особливо псалтыри... замѣчая слова, особливо которыя къ великолѣпному изображенію рѣчи способны“ („Архивъ“, V, 255 — 238)—такъ крѣпко еще держалась въ русскомъ обществѣ традиція обученія преимущественно по церковнымъ книгамъ! Впрочемъ, кн. Б. А. Куракинъ принадлежалъ едва ли уже не къ послѣднему поколѣнію, такъ смотрѣвшему. Послѣ его смерти, случившейся въ 1764 г., опекунами его четырехъ сыновей сдѣлались Н. И. и П. И. Панины—братья вдовы покойнаго князя, А. Ѳ. Талызинъ и гр. С. С. Апраксинъ; воспитаніемъ сиротъ руководилъ главнымъ образомъ Никита Ивановичъ Панинъ, письма котораго кн. А. Б. Куракинъ и хранилъ отдѣльно съ надписью „Lettres de mon seconde père“.

Въ 1766 г. кн. Александръ Куракинъ былъ отправленъ въ Киль-

скую Альбертинскую академію: присяга его помѣчена 17-го іюля 1766 г., а въ іюлѣ слѣдующаго 1767 г. онъ былъ уже въ Пирмонтѣ, затѣмъ путешествовалъ по Германіи и въ концѣ 1769 г. былъ въ Петербургѣ, хотя мы и не знаемъ точно, когда онъ вернулся; отсюда въ началѣ 1770 г. кн. А. Куракинъ переѣхалъ въ Лейденъ, для продолженія образованія. Есть извѣстіе, будто бы въ 1769 г. онъ вмѣстѣ съ Ю. Поледиискимъ-Молецкимъ, своимъ сверстникомъ, былъ отправленъ въ Страсбургскій университетъ, но вскорѣ же возвращенъ оттуда за какія-то шалости (V книга, XXVII—XXVIII), но мало вѣроятно, чтобы въ теченіе 1769 г. кн. А. Куракинъ побывалъ уже въ Страсбургѣ и выѣхалъ затѣмъ въ началѣ 1770 г. въ Лейденъ; въ этомъ извѣстіи, повидимому, спутаны воспоминанія о двухъ несомнѣнныхъ поѣздкахъ его заграницу для ученія—въ Киль и въ Лейденъ; о пребываніи въ Страсбургѣ во всей перепискѣ А. Куракина нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія; Терещенко тоже говоритъ только о двухъ заграничныхъ поѣздкахъ его [1]). Какія-то шалости кн. А. Куракинъ совершилъ въ Петербургѣ, надѣлалъ какихъ-то долговъ; въ дальнѣйшей перепискѣ онъ не разъ извиняется за прошлое, заявляетъ, что совершенно исправился и что по возвращеніи будетъ вести себя степеннѣе и т. п. (VI книга 267—269, 285, 287, 317, 331 и др.); самая отправка въ Лейденъ, хотя и употребленная несомнѣнно на ученіе, разсматривалась столь же несомнѣнно, какъ своего рода наказаніе; кн. А. Куракинъ постоянно стремился возвратиться въ Россію поскорѣе, пробовалъ склонить къ такому рѣшенію черезъ посредство родственниковъ и гр. Н. И. Панина, но безуспѣшно (VI, 305, 317, 349, 397, 398); впрочемъ, повидимому, ничего особенно серьезнаго дурнаго онъ не сдѣлалъ и Н. И. Панинъ относился къ нему вообще очень хорошо.

Въ Килѣ, какъ затѣмъ и въ Лейденѣ, кн. А. Куракинъ имѣлъ гувернера или руководителя въ лицѣ Карла Сальдерна, брата извѣстнаго дипломата; онъ занимался тутъ 6 ч. въ недѣлю правомъ, 12 ч.—латинскимъ языкомъ и переводами съ латинскаго на нѣмецкій и обратно, 6 ч. математикой и 6 же часовъ исторіей и географіей вмѣстѣ—итого 30 ч.; учитель французскаго языка проводилъ съ нимъ ежедневно до 2 часовъ, за обѣдомъ и послѣ него, 6 ч. въ недѣлю уходили на уроки верховой ѣзды и 6 же часовъ—на уроки

[1]) „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи“, III, 152.

фехтованья и игры на клавикордахъ. Еженедѣльно учителя представляли отчетъ Сальдерну, а ежемѣсячно были экзамены (V, 300). Вмѣстѣ съ кн. А. Куракинымъ пріѣхалъ въ Кильскую же академію А. Г. Тепловъ, затѣмъ съ ними занимались вмѣстѣ Кошелевъ и Бибиковъ. Послѣ приблизительно года такихъ запятій, при чемъ еще часть времени проведена была въ Копенгагенѣ при дворѣ, кн. А. Куракинъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ почти ничѣмъ серьезно не занимался, а затѣмъ закончилъ свое образованіе занятіями въ Лейденѣ съ февраля 1770 г. по сентябрь 1771 г.

Въ Лейденѣ былъ съ нимъ и послѣ путешествовалъ по Европѣ гр. Н. П. Шереметевъ; замѣтимъ кстати, что всѣ эти молодые люди, по крайней мѣрѣ титулованные, почему-то жили заграницею подъ чужими фамиліями; такъ, кн. Куракины назывались Борисовыми, гр. Шереметевъ—Мещериновымъ, кн. Гагаринъ, впослѣдствіи присоединившійся къ нимъ,—Пензинымъ; извѣстный кн. Н. В. Репнинъ, совершавшій за тѣ же годы путешествіе по Европѣ, назывался г. Кашинскимъ (VII, 115), княгиня Дашкова, какъ извѣстно, ѣздила подъ именемъ г-жи Михалковой.

Въ Лейденѣ за 1770—1776 г. существовала какъ бы колонія русскихъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій: сейчасъ послѣ кн. Александра Куракина, гр. Шереметева и кн. Гагарина тамъ были два князя Волконскіе и кн. Голицынъ, затѣмъ графы Н. П. и С. П. Румянцевы. кн. Юсуповъ, гр. Сиверсъ, Нарышкинъ, наконецъ кн. Алексѣй Куракинъ и гр. С. С. Апраксинъ. Въ то же время, съ 1766 г. по 1775 г., существовала, какъ извѣстно, болѣе многолюдная колонія въ Лейпцигѣ, гдѣ, вообще говоря, собраны были представители не столь громкихъ фамилій,—среди ихъ были, впрочемъ, кн. Трубецкой, кн. Несвижскій, впослѣдствіи двое Олсуфьевыхъ. Мельгуновъ, Матюшкинъ; въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и знаменитый впослѣдствіи А. Н. Радищевъ. Данныя объ этой лейпцигской колоніи давно уже извѣстны въ русской исторической литературѣ [1]); теперь изъ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“ мы узнаемъ и о лейденской колоніи, какъ со стороны ученія ея членовъ, такъ и со стороны внѣшней обстановки ихъ жизни тамъ.

Въ Лейденѣ, во всякомъ случаѣ, молодые люди были обставлены несравненно лучше, чѣмъ въ Лейпцигѣ. Карлъ Сальдернъ, если и не заявилъ себя ничѣмъ особеннымъ, безспорно не можетъ быть и

[1]) См. *Сборникъ Императорскаго русск. истор. общества*, т. X, 107—131.

асравниваемъ съ печальной памяти майоромъ Бокумомъ, надзору котораго были поручены молодые люди, обучавшіеся въ Лейпцигѣ. Главными преподавателями всей лейденской колоніи были профессора университета Фридрихъ-Вильгельмъ Пестель и Жанъ-Николай-Себастьянъ Алламанъ—оба довольно замѣтные въ свое время ученые, хотя и не оставившіе большаго слѣда въ наукѣ. Пестель родился въ 1724 г.; его отецъ и дѣдъ были тоже профессорами; занимая уже съ 1747 г. мѣсто профессора академіи въ Ринтгеймѣ, онъ въ 1763 г. приглашенъ былъ въ Лейденъ профессоромъ натуральнаго права и нѣмецкаго государственнаго права. На него обратили вниманіе ученаго міра уже его Animadversationes quaèdam ad C. Taciti Germaniam, вышедшія еще въ 1747 г.; главное его сочиненіе—Fundamenta juris naturalis—вышло въ 1773 г. и вскорѣ переведено было на языки нѣмецкій, голландскій и дважды на французскій; на латинскомъ же оно выдержало четыре изданія; большою извѣстностью пользовалось также его сочиненіе „Commentarii de Republica Batava", вышедшее въ 1782 г. [1]). Алламанъ родился въ Лозаннѣ въ 1716 г., занимался въ Лейденѣ и былъ другомъ извѣстнаго ученаго Гравезанда и послѣ его смерти привелъ въ порядокъ и отлично издалъ его сочиненія, работалъ также при изданіи извѣстнаго „Dictionnaire historique et litteraire" Проспера Маршана; съ 1749 г. занималъ въ Лейденскомъ университетѣ каѳедру философіи, а затѣмъ перешелъ на каѳедру натуральной исторіи; онъ сдѣлалъ нѣсколько открытій въ области электричества и между прочимъ первый объяснилъ явленіе такъ называемой Лейденской банки; онъ обладалъ обширными и замѣчательными естественноисторическими коллекціями, которыя впослѣдствіи завѣщалъ университету [2]). Изъ всего выше сказаннаго ясно, что выборъ преподавателей былъ вполнѣ удаченъ; особенно съ Пестелемъ установились у кн. А. Б. Куракина хорошія отношенія и довольно оживленная переписка.

Вотъ какъ шла жизнь кн. А. Куракина и гр. Шереметева въ Лейденѣ. Лѣтомъ они вставали въ 6 часовъ, зимою въ $6^1/_2$; съ семи до восьми подготовлялись къ урокамъ наступившаго дня; съ 8 до 9 занимались математикою; съ 9 до 10—четыре раза въ недѣлю естест-

---

[1]) См. *Strieder*, Grundlage zu einer Hessischen Gelehrten und Schrifsteller Geschichte, 1795, B. X, 301—308; *Nouvelle biographie générale* par Hoeffer; v. XXXIX, 681; *Biographie universelle*, v. XXXIII, 570.

[2]) *Biographie universelle*, I, 490—491.

веннымъ правомъ съ Пестелемъ; съ 10 до 11—три раза въ недѣлю имѣли часъ для записыванія лекцій по естественному праву и три раза въ недѣлю занимались фехтованьемъ; съ 11 до 12 ежедневно былъ урокъ латинскаго языка, съ 12 до часу—четыре раза въ недѣлю лекціи философіи у Алламана; затѣмъ до 3 часовъ время уходило на обѣдъ и отдыхъ съ 3 до 4, четыре раза въ недѣлю, они брали урокъ исторіи у Пестеля, съ 4 до 5 записывали его [1]), съ 5 до 6 занимались французскимъ языкомъ далѣе были свободны до 10 часовъ, когда ложились спать; въ среду и субботу уроки Пестеля и Алламана были замѣняемы уроками музыки и языковъ нѣмецкаго и итальянскаго (VI, 244). Въ 1775—1776 году кн. Алексѣй Куракинъ и гр. С. С. Апраксинъ имѣли совершенно то же число уроковъ у Пестеля и Алламана, но латинскимъ языкомъ и математикой занимались нѣсколько менѣе, потому что въ то же количество учебнаго времени пришлось ввести еще уроки чистописанія, миѳологіи и французской литературы; два послѣдніе предмета имъ преподавалъ ихъ гувернеръ Муасси, по три часа въ недѣлю (VII, 367—369). По словамъ князя Александра Куракина, „спекулятивная философія, право естественное и право народное, разныя части математики и отношенія европейскихъ государствъ между собою"—вотъ что составляло предметъ его занятій (VI, 253). О чтеніяхъ Алламана онъ говоритъ, что онъ началъ съ того, что далъ своему ученику „предварительныя понятія изъ экспериментальной физики, затѣмъ познакомилъ съ первоначальными причинами множества замѣчательныхъ явленій, которыя мы видимъ въ природѣ, которыми мы иногда даже восхищаемся, не умѣя, однако, понять всю ихъ прелесть. Затѣмъ онъ перешелъ къ логикѣ и морали, объяснялъ правила морали и поведенія, основанныя не на томъ, что принято только учеными, а на томъ, что принято въ мірѣ такъ, какъ онъ есть, въ мірѣ, въ которомъ и должно жить... „Сколько познаній имѣлъ я случай пріобрѣсти въ Лейденѣ!" восклицаетъ онъ далѣе; „до этого времени я жилъ лишь для себя, забывая цѣль моего Создателя, забывая цѣли добраго гражданина, наконецъ даже обязанности признательнаго сына". Своими занятіями въ Лейденѣ кн. А. Куракинъ надѣялся достичь

[1]) Повидимому, къ числу такихъ записываній, или вообще такъ называемыхъ письменныхъ работъ надо отнести разсужденія князя А. Куракина, изложенныя въ видѣ письма—VI, 257-267, VI, 139—142; думаемъ, что издатели ошибочно приняли ихъ за дѣйствительныя письма.

того, чтобы быть „просвѣщеннымъ гражданиномъ со временемъ полезнымъ для своего отечества" (VI, 243—244, 269—272, 283—285). И онъ самъ и его родственники были вполнѣ довольны его занятіями (VII, 101, 106, 180 и др.). Совершенно такое же времяраспредѣленіе и такую же программу рекомендовалъ кн. Александръ Куракинъ и графамъ Н. П. и С. П. Румянцевымъ, отправлявшимся въ Лейденъ въ 1774 г. въ сопровожденіи извѣстнаго впослѣдствіи Мельхіора Гримма (VI, 241 — 246), тому же и такъ же учился и Алексѣй Куракинъ. Кн. Алексѣй слушалъ лекціи Пестеля, начавшаго ему исторію отъ сотворенія міра, и вскорѣ уже читалъ „Пуффендорфа, Гроція, Бурламаки, Вольфа, Кумберланда и др."; относительно распредѣленія своего дня онъ думалъ, „что лучше и нельзя его распредѣлить„ (VIII, 106); въ письмахъ къ старшему брату онъ относился къ нему даже нѣсколько покровительственно, развивалъ предъ нимъ свой взглядъ на жизнь и на обязанности человѣка и какъ бы упрекалъ брата за то, что тотъ интересовался своею придворною службою и придворною жизнью; въ свободное время онъ читалъ „Буало, Вольтера, Руссо и др." стараясь извлечь изъ нихъ „правила для разныхъ случаевъ, которые могутъ представиться въ жизни и къ которымъ необходимо быть приготовленнымъ какъ возможно лучше" (VIII, 101—109, 116—118, 131, 139—140)—однимъ словомъ и князь Алексѣй Куракинъ также вполнѣ доволенъ своими занятіями, тѣми идеями и горизонтами, которые ему открываются... „Метаморфозы Овидія въ переводѣ аббата Балье", читаемъ мы непосредственно вслѣдъ за его разсужденіемъ о чтеніи Вольтера, Буало и Руссо, „меня очень занимаютъ; въ этомъ пунктѣ я ничего не знаю, но я долженъ его знать, такъ какъ свѣдѣнія эти, хотя сами по себѣ и пустыя, тѣмъ не менѣе абсолютно необходимы для молодаго человѣка изъ общества и вообще для человѣка, который хочетъ доказать, что онъ получилъ воспитаніе. Какой позоръ будетъ, если, прогуливаясь съ дамами въ картинной галереѣ, на просьбу объяснить картину, представляющую освобожденіе Персеемъ Андромеды или гибель Фаэтона, какой позоръ будетъ отвѣтить: я не знаю!" (VIII, 181—182). Это послѣднее замѣчаніе очень живо рисуетъ и степень познаній, и еще болѣе—степень серьезности умственныхъ интересовъ у этихъ молодыхъ людей, которымъ читались естественное и народное право и новая исторія Европы! Конечно, очень хорошо, что они занимались такими вопросами—но какъ они къ нимъ относились, насколько серьезно слагались у нихъ идеи, каковы были ихъ интересы—это отлично видно изъ за-

мѣчанія кн. Алексѣя Куракина, которое мы должны дополнить его же вопросомъ въ письмѣ, скоро ли ему можно будетъ сѣсть въ карету?—то-есть получить соотвѣтственный чинъ, и его же заявленіе, что онъ лучше просидитъ въ комнатѣ сто лѣтъ, а не покажется въ публику въ чинѣ сержанта (VIII, 133, 247 и 460). Очевидно, что при томъ разнообразіи вопросовъ, къ тому же вопросовъ довольно сложныхъ и отвлеченныхъ, какихъ касались предъ кн. Куракинымъ ихъ преподаватели, познанія, какія были вынесены учениками послѣ 15-ти-мѣсячныхъ, даже и усиленныхъ, занятій, никакъ не могли быть ни глубоки, ни основательны. Въ лучшемъ случаѣ молодые люди должны были ограничиться хорошимъ усвоеніемъ прослушанныхъ курсовъ съ ихъ фактической стороны—и лишь очень поверхностнымъ и даже едва ли правильнымъ со стороны идейной и ужъ никакъ не могли пріобрѣсти способность критически отнестись къ какимъ нибудь новымъ вопросамъ и сколько нибудь самостоятельно разрабатывать и разрѣшать ихъ. Заграничная поѣздка и заграничное ученіе обогащали этихъ молодыхъ людей нѣкоторыми свѣдѣніями, давали имъ возможность увидать кое-что своими глазами и выслушать по поводу видѣннаго болѣе или менѣе основательныя разсужденія болѣе или менѣе знающихъ и выдающихся людей, но развѣ только въ очень незначительной степени содѣйствовали тому, что они вырабатывали способность самостоятельно,—а не только самоувѣренно—судить о тѣхъ или другихъ вопросахъ и явленіяхъ жизни. Наблюдая ученіе князей Куракиныхъ и ихъ отношеніе къ пріобрѣтаемымъ знаніямъ, мы находимъ лишь новыя подтвержденія того, что въ XVIII вѣкѣ вообще было убѣжденіемъ огромнаго числа людей, убѣжденіемъ, для нихъ обратившимся въ аксіому, а частью держащимся и до нашего еще времени, именно, что настоящее образованіе, истинное развитіе ума—пріобрѣтаются очень легко, и что для этого достаточно усвоить лишь очень небольшое количество знаній; вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ огромной массы тогдашняго общества это совершенно небольшая сумма знаній имѣла чрезвычайно большую важность, дѣлала человѣка, обладающаго ею, способнымъ рѣшительно на всякое дѣло; совершенно такой же взглядъ на этотъ предметъ съ полною ясностью выступаетъ во многихъ указахъ Екатерины II, касающихся учебнаго дѣла, а также и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ такого образованнаго по своему времени человѣка, какъ кн. М. М. Щербатовъ. Эти двадцатилѣтніе камеръ-юнкеры, путешествующіе по Европѣ съ менторами, а по возвращеніи прямо получающіе мѣста, хотя и не выдающіяся, но все же

довольно важныя (а иногда и выдающіяся) и отличающіеся еще своимъ образованіемъ среди другихъ [1])—отличное объясненіе многихъ явленій русской исторіи XVIII и начала XIX вѣка; пока людей истинно образованныхъ, способныхъ самостоятельно понимать и разрѣшать вопросы государственной жизни, способныхъ, наконецъ, заставить уважать и цѣнить въ ихъ лицѣ истинный умственный трудъ и истинное знаніе, Россія имѣла еще столь мало, что на довольно видныя мѣста можно было ставить людей со столь поверхностнымъ образованіемъ—до тѣхъ поръ многаго, было совершенно невозможно даже и затрагивать, не только что передѣлывать...

Послѣ 15-тимѣсячныхъ занятій въ Лейденѣ князь Куракинъ и графъ Шереметевъ отправились съ Сальдерномъ путешествовать. Они проѣхали по всей Голландіи и по нынѣшней Бельгіи въ Англію, сдѣлали довольно большой туръ по этой странѣ—во время этой поѣзки кн. А. Куракинъ получилъ званіе камеръ-юнкера—затѣмъ переѣхали въ Парижъ, отсюда посѣтили Ліонъ и нѣкоторые другіе города Франціи и, наконецъ, отклонивъ предположенную прежде поѣздку въ Италію, къ лѣту 1773 г. вернулись въ Россію. Князь А. Куракинъ оставилъ описаніе части этого путешествія, которое было впослѣдствіи напечатано имъ [2]), но въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи, и стало величайшею библіографическою рѣдкостью; въ настоящемъ изданіи оно напечатано по подлинной рукописи съ возстановленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, въ первомъ изданіи выпущенныхъ (V, 333—425 и VI, 207—239); такимъ образомъ литература русскихъ мемуаровъ обогатилась новымъ и довольно обширнымъ памятникомъ.

„Souvenirs d'un voyage“ не окончены; они прерываются на описаніи Англіи. Естественнымъ продолженіемъ ихъ являются десять обширныхъ писемъ кн. А. Куракина къ цесаревичу Павлу Петровичу, занимающихъ чуть не сто страницъ печатнаго текста, писанныхъ изъ Англіи и Франціи, за все время пребыванія въ этой странѣ [3]): они по характеру и содержанію своему совершенно почти не отличаются отъ „Souvenirs“ — даже болѣе: въ нѣсколькихъ случаяхъ

---

[1]) См. *Вигель*, „Записки“ изд. 1892 г. I, 193, 195, III, 13.

[2]) „Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre, par le P. A. K., à sa sortie de l' université de Leyde durant les années 1770, 1771 et 1772. St. Pétersbourg, de l'imprimerie de Pluchart. 1815“.

[3]) „Архивъ кн. Куракина“, VI, 288 — 300, 317 — 326, 337 - 340, 350—370, 372—384, 387—395, 408—421, 425—430.

оказались мѣста, почти дословно схожія въ „Souvenirs" и въ письмахъ къ цесаревичу [1]). Въ этихъ произведеніяхъ, взаимно другъ друга пополняющихъ. очень мало сообщеній объ авторѣ; это — отчасти замѣтки о достопримѣчательностяхъ разныхъ городовъ, которыя еще могли быть результатомъ личныхъ наблюденій автора, но еще болѣе— историческія воспоминанія и замѣчанія о современномъ положеніи государствъ и притомъ замѣчанія такого рода, которыя никакъ не могли быть сдѣланы самимъ авторомъ, а несомнѣнно были заимствованы имъ изъ книгъ, иногда, пожалуй, даже изъ календарей, а часто записаны прямо съ чужихъ словъ. Разказъ ведется постоянно отъ имени автора, равно и всѣ соображенія являются какъ бы его собственными; но вышеуказанное происхожденіе ихъ совершенно внѣ сомнѣнія. Помимо того уже, что самъ кн. А. Куракинъ пишетъ въ одномъ письмѣ, что онъ не хотѣлъ бы ѣхать теперь же въ Италію, такъ какъ Италія „не инако видима быть должна, какъ отдохновеніемъ послѣ тяжелыхъ трудовъ, въ зрѣлыя уже лѣта, когда человѣкъ своими глядѣть глазами привыкъ, собственными себя вести правилами и собственными же, а не чужими, разсуждать мыслями" (VI, 403)—и слѣд., какъ бы признаетъ, что при совершаемомъ имъ путешествіи онъ не удовлетворялъ этому условію,—помимо этого, повторяемъ, не трудно доказать высказанное выше положеніе. Такъ, значительная часть описанія Англіи (VI, 213—239) содержитъ не что иное, какъ списокъ представителей англійской аристократіи, съ указаніемъ, когда какая фамилія получила титулъ и т. п.; затѣмъ, когда кн. Куракинъ говоритъ о состояніи французскихъ финансовъ [2]), не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что онъ прямо повторяетъ то, что̀ ему сказали — извѣстно, что въ то время финансовое положеніе государства держалось повсюду въ величайшей тайнѣ; равнымъ образомъ не можетъ быть никакъ плодомъ самостоятельнаго наблюденія то, что кн. Куракинъ говоритъ о французскихъ солдатахъ [3]); почти

---

[1]) Тамъ же, примѣчанія къ стр. 318, 323, 325.

[2]) „L'état actuel des finances offre un tableau trop déplorable, trop vif, pour que mon faible pinceau puisse y ajouter quelque expression. Les dépenses sont exorbitantes et excèdent de beaucoup de recette" и т. д.

[3]) „Je doute, que le point d'honneur puisse être porté plus loin que parmi le soldat français: incapalle de commettre une lâcheté, il ne vit, il ne respire que pour sa gloire et la defense de sa patrie"... „Quand ils reçoit des ordres, il n'obéit pas aveuglément comme il le doit, mais il enraisonne"... „Dans les batailles, intrépide au premier choc il ne sait point vaincre la résistance de l'ennemi" и т. д. Архивъ VI, 408, 409.

съ полною увѣренностью можно сказать то же о замѣчаніяхъ, дѣлаемыя кн. А. Куракинымъ о національномъ характерѣ французовъ вообще, тѣмъ болѣе, когда самъ же Куракинъ сообщаетъ, что иностранцу весьма трудно проникнуть во французское общество, если онъ не поселяется во Франціи надолго, на нѣсколько лѣтъ, и даетъ этому весьма правдоподобное объясненіе: по его словамъ (VI, 379—380) сами французы, какъ на причину такого уклоненія отъ сближенія съ иностранцами, указываютъ то обстоятельство, что иностранцы посѣщаютъ Францію постоянно въ слишкомъ большомъ количествѣ, и между ними всегда оказываются личности подозрительныя, знакомство съ которыми вовсе не пріятно. Это замѣчаніе указываетъ намъ, въ какомъ обществѣ приходилось вращаться тѣмъ русскимъ, которые тогда толпами стремились въ Парижъ, но не имѣли возможности оставаться тамъ на долгое время...

Наши бѣглыя наблюденія надъ составомъ „Souvenirs" кн. А. Куракина совершенно согласуются съ тѣми выводами, къ какимъ, на основаніи наблюденій гораздо болѣе тщательныхъ, пришелъ В. В. Сиповскій относительно „Писемъ русскаго путешественника": онъ тоже признаетъ, что Карамзинъ очень много заимствовалъ изъ существовавшихъ уже описаній тѣхъ мѣстъ, какія онъ посѣщалъ; г. Сиповскій подчеркиваетъ только, что Карамзинъ никогда не скрывалъ своихъ источниковъ [1]); кн. Куракинъ, конечно, и не обязанъ былъ говорить о своихъ; но очень широкое ими пользованіе у него несомнѣнно. Необходимо имѣть въ виду этотъ характеръ русскихъ путевыхъ записокъ XVIII вѣка для того, чтобы правильно оцѣнивать иныя ихъ сообщенія и чтобы иногда простое повтореніе какого-нибудь разказа не принять за подтвержденіе. „Souvenirs" кн. А. Куракина, по общему характеру и тону ближе всего къ „Mon histoire" княгини Дашковой въ тѣхъ частяхъ, гдѣ княгиня описываетъ свои путешествія. Сближаетъ ихъ еще и то, что у нихъ очень мало говорится о народѣ; дворъ, аристократія, администрація, замѣчательныя сооруженія и памятники искусствъ — вотъ, что ихъ занимаетъ почти исключительно;

---

[1]) *В. В. Сиповскій*, „Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника", 361 и предшествующія страницы. Замѣтимъ, что и у Куракина есть въ описаніи Лондона приводимый и Карамзинымъ анекдотъ о томъ, что монакскій принцъ принялъ за иллюминацію въ честь его обычное вечернее освѣщеніе улицъ Лондона; „a la place de milord (Hereford) je l'aurais laissé dans cette agréalble illusion, mais il eux la cruauté de le détromper", прибавляетъ Куракинъ V, 378.

впрочемъ, о бѣдности французскаго крестьянина упоминаетъ и Куракинъ. У Карамзина и другихъ, путешествовавшихъ близко по времени къ французской революціи, объ этомъ говорится уже чаще. Челищевъ, который былъ немногимъ старше кн. А. Куракина и учился въ Лейпцигѣ съ 1766 г., совершая свою поѣздку въ 1796 г. на Соловецкіе острова, оставилъ описаніе во многомъ сходное по характеру съ описаніями Куракина и Дашковой, но онъ уже задумывается надъ вопросамъ о народномъ движеніи и сѣверные раскольники, совершенно спокойные въ то время, вызываютъ его на размышленіе — какія могутъ возникнуть опасности, если среди нихъ явятся Маріи и Суллы?! [1])

Мы остановились такъ подробно на свѣдѣніяхъ объ ученіи Куракиныхъ и на разсмотрѣніи „Souvenirs", вовсе не съ тѣмъ, чтобы иронизировать надъ интересами, міросозерцаніемъ и умственнымъ складомъ людей XVIII вѣка; мы хотѣли только отмѣтить въ нихъ нѣсколько особенностей, особенностей, которыя не выступаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, иногда даже въ длинномъ рядѣ случаевъ, но которыя существовали и не могли не отражаться на дѣятельности тогдашнихъ людей. Въ перепискѣ кн. А. Куракина же не мало свидѣтельствъ того, что и тогда были люди, весь вѣкъ работавшіе, истинно честные, истинно строго относившіеся къ себѣ, люди, которые заботились не о себѣ, а о своемъ долгѣ, и отлично умѣли понимать обязанности всякаго честнаго человѣка и хорошаго гражданина и дѣйствительную цѣну тѣхъ внѣшнихъ отличій, того вліянія въ придворныхъ сферахъ, которыя, по мнѣнію иныхъ изслѣдователей, тогда всѣхъ ослѣпляли и являлись чуть ли не единственною пружиною всѣхъ дѣйствій. Такое именно впечатлѣніе производятъ письма обоихъ гр. Паниныхъ, отчасти кн. Н. В. Репнина. И что особенно придаетъ цѣну этимъ письмамъ — они чрезвычайно жизненны, живо рисуютъ намъ корреспондентовъ именно такими, какими надо ихъ представлять себѣ и по спокойному и безпристрастному изученію ихъ дѣятельности. Гр. Н. И. Панинъ и въ этихъ, обыкновенно коротенькихъ, письмахъ тотъ же умный, тонкій человѣкъ; гр. П. И. Панинъ тотъ же твердый, суровый, нѣсколько рѣзкій, но въ сущности добрый человѣкъ (VI, 277—278, 422—424; VII, 97—100 и др.); любопытно, что кн. Н. В. Репнинъ пишетъ въ одномъ письмѣ: „Vous voyer, par ce que je fais (дѣло шло о сватовствѣ кн. С. Б. Куракина къ родственницѣ кн. Репнина), que je ne suis pas aussi diable,

[1]) Челищевъ „Путешествіе по сѣверу Россіи", С.-Пб. 1886.

que je parais noir" (VIII, 124); сердечно, съ глубокимъ уваженіемъ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ о Паниныхъ, особенно о гр. Никитѣ Ивановичѣ (VII, 173 — 174). Не мало есть тутъ и писемъ Каспара Сальдерна,—и онъ въ нихъ какъ живой—человѣкъ самоувѣренный, вѣчно склонный въ каждомъ данномъ случаѣ смотрѣть не на дѣло и не о дѣлѣ говорить, а прямо развивать тѣ мысли, которыя возникли въ немъ при первомъ же впечатлѣніи отъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Замѣчателенъ отзывъ о немъ тетки молодыхъ Куракиныхъ, княжны А. А. Куракиной, личности, повидимому далеко не дюжинной: она пишетъ, что, познакомившись съ нимъ, „нашла его сколь разумнымъ не меньше своенравнымъ, чѣмъ больше доказываетъ, что совершеннаго человѣка нѣтъ; и въ немъ примѣчательно, что пороки, къ сожалѣнію, покоряютъ добродѣтели и всѣ достоинства" (VII. 115; ср. VII, 181).

Какъ мы уже замѣтили выше — данныя о заграничномъ обученіи кн. Александра и Алексѣя Куракиныхъ составляютъ главнѣйшее содержаніе V—VIII книгъ „Архива", поскольку онѣ касаются второй половины XVIII вѣка; но изложивши эти данныя, мы еще не исчерпали всего, что тамъ есть любопытнаго. Въ разныхъ письмахъ V и VII книгъ не мало находится чисто бытовыхъ чертъ, рисующихъ, во-первыхъ — жизнь богатаго и нѣсколько распущеннаго барскаго дома, а во-вторыхъ — жизнь и обстановку молодаго человѣка въ высшемъ петербургскомъ обществѣ (V, 240—256; VI, 399, 422; VII, 142—143, 217—224 и др.). Тутъ же узнаемъ мы, между прочимъ, что на вторую заграничную поѣздку кн. Александра Куракина было израсходовано до 13.000 р., вмѣсто предположенныхъ первоначально 10.000; гр. Шереметевъ издержалъ на ту же поѣздку до 20.000 р.; есть и еще не мало отдѣльныхъ, цѣнныхъ въ бытовомъ отношеніи замѣчаній (см., напримѣръ, VI, 246, 387). Отмѣтимъ также указанія, свидѣтельствующія, что оба князя Куракина, и Александръ и Алексѣй, были уже въ числѣ массоновъ въ 1776 г., хотя Алексѣю было въ то время еще всего 19 лѣтъ (VIII, 167, 237, 301—302). Отдѣльно стоятъ данныя о поѣздкѣ кн. Александра Куракина въ Стокгольмъ, для сообщенія шведскому правительству о второмъ бракѣ великаго князя Павла Петровича; донесенія его оттуда очень любопытны, не столько фактами или наблюденіями его, сколько тою увѣренностью въ силѣ Россіи, которой не страшна и не опасна несомнѣнная и очевидная кн. А. Куракину ненависть къ ней шведовъ; это во всякомъ случаѣ любопытная черта въ донесеніяхъ императрицѣ

и въ письмахъ къ графу Н. И. Панину отъ его племянника и близкаго къ нему человѣка (VIII, 251—258, 283—292); за время пребыванія кн. А. Куракина въ Стокгольмѣ у него завязался романъ съ нѣкоею графинею Ферзенъ, которая влюбилась въ молодаго, браваго красавца; очень трогательны и милы ея письма къ нему (VIII, 329—413). Укажемъ, наконецъ, что И. И. Кругъ, довольно близкій къ гр. Н. И. Панину человѣкъ и повѣренный кн. А. Б. Куракина, въ своихъ письмахъ къ кн. Куракину, писанныхъ во время переговоровъ о раздѣлѣ Польши, ни разу не говоритъ о неудовольствіяхъ, волненіяхъ или досадѣ Н. И. Панина, хотя было полное основаніе упомянуть о его дурномъ настроеніи, если бы оно было такимъ.

Таково, въ краткихъ словахъ, содержаніе и значеніе вновь обнародованныхъ документовъ; они представляются очень любопытными; въ IX книгѣ по заявленію издателей, будутъ документы, относящіеся къ все еще не вполнѣ разъясненной придворной исторіи, разыгравшейся въ 1781 — 1782 г. и вызвавшей рѣзкое и уже не исправившееся никогда взаимное недовольство между Екатериной и Павломъ. Будемъ ожидать съ интересомъ этого тома и надѣемся, что уже доказанныя энергія и готовность жертвовать своими средствами и трудомъ и кн. Ѳ. А. Куракина и Б. Н. Смольянинова подарятъ русскую историческую науку въ близкомъ же будущемъ еще многими цѣнными и интересными матеріалами.

Изданіе съ внѣшней стороны ведется прекрасно. Каждый томъ снабженъ указателями, подробнымъ оглавленіемъ и примѣчаніями, изъ которыхъ многія довольно цѣнны; въ нихъ собраны, между прочимъ, указанія на всѣ документы, такъ или иначе исходившіе отъ князей Куракиныхъ и напечатанные уже ранѣе, кромѣ того перепечатаны біографіи Куракиныхъ изъ Словаря Бантышъ-Каменскаго и изъ трудовъ Терещенко и Иванова. При такой тщательности обработки изданія возможно указать только совершенно мелкіе промахи и недочеты. Такъ, напрасно Карлъ Сальдернъ, сопровождавшій кн. Александра Куракина, всюду въ заголовкахъ писемъ называется „графомъ"—онъ былъ только „барономъ", да и старшаго Сальдерна можно бы не именовать графомъ, потому что онъ былъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, на русской службѣ, а въ Россіи онъ этимъ титуломъ не пользовался и въ текстѣ писемъ онъ никогда къ нему не прилагался. Невѣрно также гр. Н. И. Панинъ названъ канцлеромъ (V, стр. XXIII и VIII, XXI, стр. III)—онъ этого титула не носилъ, хотя и былъ выше вице-канцлеровъ кн. А. М. Голицына и гр. А. И.

Остермана—онъ былъ членомъ Иностранной Коллегіи и иногда назывался „первенствующимъ министромъ"; невѣрно также сказано: „кн. Б. А. Куракинъ былъ назначенъ президентомъ Коллегіи Экономіи, то-есть, по нынѣшнему министромъ финансовъ" (V, стр. XXIII); Коллегія Экономіи была учреждена только для завѣдыванія крестьянами, отобранными отъ монастырей, и съ нынѣшнимъ министерствомъ финансовъ имѣла сходства очень немногимъ болѣе, чѣмъ и другія коллегіи, ибо нѣкоторые доходы непосредственно собирала почти каждая коллегія и каждая контора; наконецъ, ордена Св. Александра Невскаго и Св. Андрея Первозваннаго нѣтъ никакого основанія называть „высшими", говоря о времени Анны Іоанновны (V, стр. XXV) ибо до 1769 г., или точнѣе—до 22-го сентября 1782 г. они были единственными, такъ какъ орденъ Св. Георгія, учрежденный въ 1769 г., жаловался лишь за военныя заслуги.

Этими чисто мелочными указаніями неточностей мы и ограничимся. Не будемъ пенять на издателей за нѣсколько преувеличенную оцѣнку личности и заслугъ князей Александра и Алексѣя Куракиныхъ, или, ужъ во всякомъ случаѣ ихъ дѣда, кн. А. Б. Куракина (ум. 1749 г.)—это понятно въ изданіи ихъ потомка, да и кромѣ того документы говорятъ сами за себя и сохраняютъ вполнѣ свой историческій интересъ и значеніе, хотя бы и была сдѣлана на основаніи ихъ кѣмъ либо и невѣрная оцѣнка того или другаго дѣятеля.

Н. Чечулинъ.

И. Я. Гурляндъ. Идея патроната, какъ идея внутренняго управленія. Ярославль. 1898. 245 стр.

Книга г. Гурлянда, приватъ-доцента Демидовскаго юридическаго лицея, принадлежитъ къ числу интересныхъ юридическихъ изслѣдованій, появившихся у насъ за послѣдніе 2—3 года.

Наши ученые юристы рѣдко поднимаютъ крупные вопросы общей теоріи права. Они довольствуются обыкновенно разработкой отдѣльныхъ институтовъ его, заимствуя свои общія положенія изъ западной, преимущественно, нѣмецкой науки. Г. Гурляндъ взялъ для своего изслѣдованія вопросъ о сущности идеи внутренняго управленія; при этомъ онъ обратилъ вниманіе на ту сторону явленія, которая имѣетъ общій интересъ и интересъ современности. Онъ остановился на общественныхъ стремленіяхъ, составляющихъ лучшее украшеніе

нашего времени: на юридической помощи сильныхъ слабымъ, на общественномъ или административномъ покровительствѣ обдѣленнымъ судьбою, не могущимъ устоять въ современной тяжелой борьбѣ за существованіе.

Помимо теоретическаго и практическаго интереса вопроса, книга г. Гурлянда останавливаетъ вниманіе также хорошимъ языкомъ и вообще литературною обработкой. Тотчасъ чувствуется перо опытнаго писателя-публициста. Книга читается легко даже не спеціалистами.

Что касается научнаго значенія произведенія г. Гурлянда, то мы не будемъ подвергать подробному разбору всѣхъ утвержденій и взглядовъ автора и остановимся на томъ, что представляетъ главную задачу и главный интересъ этой книги, именно на вопросѣ, удалось ли ярославскому профессору юридически оцѣнить нѣкоторыя симпатичныя и теоретически и практически важныя установленія современнаго административнаго права на пользу слабыхъ и не обладающихъ необходимыми средствами для веденія съ успѣхомъ борьбы за существованіе, и ввести результаты своихъ обобщеній въ современное ученіе о правѣ внутренняго управленія? Главное содержаніе нашей замѣтки составитъ при этомъ попытка разобраться въ воззрѣніяхъ автора, часто очень запутанныхъ и неясныхъ. Задача эта, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, далеко не изъ легкихъ, но ее совершенно необходимо разрѣшить, какъ въ виду значенія вопроса, выдвинутаго авторомъ, такъ и въ интересахъ его будущихъ читателей. Сверхъ того, придется, однако, коснуться, хотя мимоходомъ, и пріемовъ научной работы автора.

Указаннымъ явленіямъ права внутренняго управленія авторъ придаетъ названіе патроната. При этомъ, чтобы подчеркнуть, что онъ разсматриваетъ послѣдній съ точки зрѣнія публичнаго права, онъ называетъ свое изслѣдованіе „Патронатъ, какъ идея внутренняго управленія".

Изслѣдованіе г. Гурлянда состоитъ изъ 11-ти главъ. Въ первой, а также въ предисловіи къ работѣ, онъ устанавливаетъ признаки патроната, даетъ его конструкцію. Въ слѣдующихъ, съ 2 по 7, онъ указываетъ „примѣненіе предлагаемой конструкціи на практикѣ". Въ главахъ 8—9 разсматривается значеніе конструкціи г. Гурлянда для теоріи науки административнаго права (стр. 22). Глава X излагаетъ нравственную теорію Ле-Плэ, а глава XI говоритъ о попечительствахъ надъ освобожденными преступниками и малолѣтними преступниками.

Планъ работы разбиваетъ, такимъ образомъ, изложеніе теоретическихъ вопросовъ на двѣ части вставными историческими главами. Изъ запутаннаго объясненія авторомъ принятаго имъ плана (см. стр. XV) явствуетъ, что онъ и самъ сознавалъ его недостаточность, но планъ этотъ имѣетъ, все-таки, объясненіе. Исторія нужна автору вовсе не для того, чтобы прослѣдить возникновеніе и развитіе юридической идеи, которую онъ изслѣдуетъ. Онъ утверждаетъ, что юридическій институтъ, признаки котораго установлены имъ въ началѣ работы, встрѣчается всюду и вездѣ въ одномъ и томъ же видѣ. Для того, чтобы доказать это, авторъ собирался подвергнуть изслѣдованію всѣ типическія культуры и извлечь изъ нихъ готовые примѣры патроната. Къ счастью, впрочемъ онъ ограничился на дѣлѣ обзоромъ культурныхъ формъ: древне-еврейской, китайской, римской и христіанской, средневѣковой и современной (см. стр. 24).

Каждому, кто сколько нибудь работалъ по сравнительному правовѣдѣнію, уже эта постановка изслѣдованія должна внушить сомнѣніе въ научности результатовъ работы ярославскаго профессора. Юридическія явленія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ тою общественною средой, въ которой они возникли, и внѣ которой и понять ихъ часто нельзя. Кромѣ того, въ древности и отчасти въ средніе вѣка и вообще у народовъ мало-культурныхъ право тѣснѣйшимъ образомъ соединено и даже объединено съ нравственностью и религіей. Въ виду этого историко-сравнительныя изслѣдованія могутъ быть примѣняемы только по отношенію къ народамъ, живущимъ приблизительно въ одинаковыхъ общественныхъ условіяхъ. Изслѣдованія же, поставленныя на широкую почву всемірной и всеобщей исторіи, могутъ съ пользой производиться только относительно простѣйшихъ юридическихъ началъ, и то при условіи величайшей осторожности. Во всякомъ случаѣ, никакой новаторской идеи, которая послужила бы новымъ потребностямъ современнаго сложнаго общественнаго быта, получить такимъ образомъ нельзя. Нельзя разсчитывать и на то, чтобы путемъ такого историческаго изысканія можно было придти къ заключеніямъ, способнымъ всесторонне освѣтить юридическія отношенія нашего времени. Г. Гурляндъ упустилъ все это изъ виду, и результаты получились довольно грустные.

Желая изслѣдовать патронатъ, какъ идею внутренняго управленія, авторъ привлекъ въ свою работу всѣ тѣ явленія, которыя носили въ исторіи названіе патроната. Здѣсь мы находимъ и институты административнаго права (патронатства освобожденнымъ тюремнымъ си-

дѣльцамъ и пр.), которые должны были бы составлять непосредственный предметъ его работы, и институты гражданскаго права (патронатъ римскій), и религіозныя воззрѣнія китайцевъ на покровительство со стороны неба, духовъ и пр. каждому человѣку, и этическое ученіе Ле-Плэ относительно теоріи такъ называемаго добровольнаго патроната. И все это излагается подъ рядъ, обыкновенно безъ оцѣнки различной природы разныхъ явленій, которыя нерѣдко имѣютъ общимъ только одно названіе.

Только въ одномъ случаѣ онъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что патронатъ, какъ идея внутренняго управленія, не соотвѣтствуетъ тому, что излагается имъ для освѣщенія ея историческими примѣрами. Именно, объ ученіи Ле-Плэ онъ говоритъ такъ: „идея патроната не является у него идеей внутренняго управленія въ понимаемомъ нами смыслѣ, не заключаетъ въ себѣ юридическаго элемента и остается осуществленіемъ на практикѣ нравственнаго закона“. Если это такъ, то автору слѣдовало бы объяснить, для какихъ цѣлей онъ ввелъ въ свое изслѣдованіе цѣлую главу о вопросѣ, не относящемся непосредственно къ дѣлу. Надо было выяснить отношеніе между административно-правовымъ и нравственнымъ патронатомъ. Авторъ не дѣлаетъ этого.

Нечего и говорить о томъ, что автору совершенно не удалось дать общую конструкцію всѣмъ явленіямъ разной природы, привлеченнымъ имъ въ работу. Это было прямо невозможно. Ему оставалось только конструировать одинъ изъ разрядовъ этихъ явленій. Онъ это и сдѣлалъ, причемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, принялъ за исходный пунктъ своей работы конструкцію патроната, какъ гражданско-правового института. Рѣшающее значеніе имѣло при этомъ, несомнѣнно, то обстоятельство, что римскій патронатъ былъ и есть самый разработанный и изученный изъ всѣхъ юридическихъ институтовъ, носившихъ когда либо названіе патроната. Выборъ этотъ былъ, повторяю, естественъ, но онъ имѣлъ пагубныя послѣдствія для работы. Оказалось именно, что совершенно невозможно выставить патронатъ, понимаемый такимъ образомъ, какъ идею публичнаго права, какъ идею права внутренняго управленія.

Г. Гурляндъ пришелъ, въ концѣ концовъ, къ заключенію, что тамъ, гдѣ былъ патронатъ, не было права внутренняго управленія, а гдѣ явилось оно, тамъ исчезъ патронатъ. Г. Гурляндъ поставилъ себѣ вопросъ, который раньше никто не ставилъ,—выяснить, что патронатъ, понимаемый въ римскомъ смыслѣ, есть одна изъ идей современнаго

права управленія, а затѣмъ рѣшилъ, что доказать этого нельзя. Но возможно ли ставить такіе вопросы?

Для того, чтобы не быть голословнымъ, посмотримъ, дѣйствительно, на то, что говоритъ авторъ о патронатѣ, какъ идеѣ внутренняго управленія.

Авторъ ставитъ себѣ цѣлью изслѣдовать юридическій институтъ, называемый имъ патронатомъ. Онъ стремится, именно, a) опредѣлить идею законнаго покровительства, или патроната въ спеціальномъ смыслѣ, и б) опредѣлить мѣсто этой идеи среди другихъ идей, входящихъ въ составъ идеи внутренняго управленія и его права (с. IX). Что же такое патронатъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ авторъ?

Идея патроната есть, говоритъ онъ, „идея юридической защиты юридически слабыхъ со стороны юридически сильныхъ, возникающая изъ той или другой общности интересовъ и имѣющая цѣлью основную цѣль полицейскаго права—установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида“. Такимъ образомъ, въ понятіе законнаго покровительства вводятся имъ слѣдующіе признаки: „a) эта защита юридическая, такъ какъ устанавливаемая закономъ ведетъ къ юридическимъ послѣдствіямъ: устанавливаетъ права и обязанности обѣихъ сторонъ и юридически защищается“; „b) эта защита направлена на юридически слабыхъ, такъ какъ защита фактически слабыхъ не устанавливается закономъ и есть обыкновенно слѣдствіе добровольнаго соглашенія“; „c) эта защита устанавливается въ виду той или другой общности, такъ какъ защита, устанавливаемая внѣ такой общности, такой связи, не можетъ быть ни юридическою, ни законною“; „d) эта защита имѣетъ, наконецъ, цѣлью установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида, такъ какъ такую цѣль имѣетъ всякая защита вообще“ (с. X—XI). Подъ связью между патрономъ и патронируемымъ, поясняетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, надо понимать сумму условій, въ силу которыхъ между защитникомъ и защищаемымъ возникаетъ общность интересовъ (с. 12). Второе поясненіе мы находимъ на стр. 21—22, гдѣ онъ суживаетъ понятіе юридической слабости, относя къ ней только случаи неполноправности. Ограниченія дѣеспособности не считаются имъ случаями умаленія юридической личности.

Таковы признаки патроната въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Гурляндъ. Никто не станетъ спорить, что онъ даетъ ему частноправовую конструкцію. Въ основаніи ея лежатъ интересы, общіе обѣимъ сторонамъ. Публично-правовые и публичные моменты от-

сутствуютъ въ опредѣленіи, развитомъ авторомъ очень стройно и ясно. Конечно, ему помогла при этомъ научная обработанность вопроса о римскомъ патронатѣ, признаки котораго онъ ввелъ и въ свое опредѣленіе. Частноправовой характеръ конструкціи ярославскаго профессора вполнѣ подтверждается при разборѣ тѣхъ условій, среди которыхъ возникаетъ патронатъ.

Большею частью (с. XI и др.) авторъ указываетъ только на слабость государственной власти, какъ на условіе возникновенія патроната. Но въ одномъ мѣстѣ вопросъ ставится имъ шире. Именно на стр. 157 онъ говоритъ: „Идея патроната находитъ себѣ практическое осуществленіе вездѣ, гдѣ человѣкъ, не имѣющій въ силу тѣхъ или иныхъ условій возможности пользоваться тѣми правами, какими необходимо пользоваться въ данномъ обществѣ, чтобы сознавать себя вполнѣ приспособленнымъ организмомъ, не получаетъ отъ власти достаточной помощи или поддержки: иногда въ виду господствующаго въ обществѣ убѣжденія въ исключительности права, иногда—просто въ виду существованія различныхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ власть безсильною“.

Изъ указанныхъ г. Гурляндомъ условій возникновенія патроната можно сдѣлать только одно заключеніе,—что патронатъ возникаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ внутренняго управленія и его права (вскорѣ мы увидимъ, что самъ авторъ дѣлаетъ такой же выводъ изъ своихъ историческихъ экскурсовъ). Патронатъ въ томъ смыслѣ. какъ его опредѣляетъ авторъ, есть гражданскоправовое установленіе, замѣняющее собой во время слабаго юридическаго развитія общества публичноправовыя (административноправовыя) установленія, которыя могутъ возникнуть только на высшихъ ступеняхъ правоваго быта. Объ этомъ мы также еще скажемъ нѣсколько словъ ниже, а теперь подчеркнемъ только, что, не смотря на все это, патронату въ указанномъ смыслѣ слова г. Гурляндъ придаетъ великое значеніе для теоріи права внутренняго управленія.

Авторъ ставитъ идею патроната „въ роли какъ бы примиряющей сферы между крайностями индивидуализма и государственнаго соціализма“ (с. IX). „Идея внутренняго управленія“, говоритъ онъ, „представляется намъ органическимъ соединеніемъ трехъ идей: государственнаго индивидуализма, идеи патроната въ указанномъ смыслѣ и идеи личности“ (с. XII). Все это очень важно и интересно.

Таково опредѣленіе патроната, условія его существованія и значеніе для теоріи права. Покончивъ съ конструкціей, г. Гурляндъ хо-

четъ показать, что патронатъ существовалъ во всѣхъ типическихъ культурахъ. Дѣйствительно, ему удается найдти институты, соотвѣтствующіе указанной конструкціи, въ древнемъ Римѣ, въ средневѣковой Европѣ и отчасти у славянъ. Здѣсь ему, конечно, много помогли предшествующія работы о патронатѣ въ этихъ мѣстахъ и у этихъ народовъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось идти болѣе или менѣе самостоятельно, результаты получились далеко не столь удачные. Во всякомъ случаѣ ему нигдѣ, въ прошломъ, не удалось найдти патронатъ, какъ институтъ внутренняго управленія. Тѣ институты, которые соотвѣтствуютъ его конструкціи, всѣ носятъ гражданско-правовой характеръ. Наше время оставимъ пока въ сторонѣ.

Историческія главы работы начинаются главою о Библіи. Авторъ цитируетъ книги Библіи, безъ всякихъ историческихъ поясненій, въ такомъ порядкѣ: книга премудрости Іисуса сына Сирахова, книга премудрости Соломона, книга Іова, Второзаконіе, Левитъ, Исходъ. книга Іисуса Навина и только. Въ представленіи автора эти книги относятся къ одному историческому моменту. Соединяя въ одно цѣлое и религіозныя, и нравственныя предписанія, и обрывки юридическихъ правилъ, и разныя фактическія данныя, авторъ хочетъ доказать, что пришельцы и поселенцы, которыхъ знала еврейская древность, находились подъ патронатомъ первые всего народа, а вторые отдѣльныхъ лицъ. Но въ то же самое время ему приходится сознаться, что постановленія Библіи не отличаются въ данномъ отношеніи опредѣленностью, что несомнѣнно только одно: не только моральный, но и юридическій характеръ института пришельцевъ и поселенцевъ (стр. 36), что относительно поселенцевъ мы встрѣчаемъ въ Библіи только одно постановленіе, именно запрещающее поселившемуся у священника ѣсть святыню. Изъ этого постановленія, конечно, никакъ нельзя выжать института патроната. Постановленій о пришельцахъ, напротивъ, довольно много.

Но изъ тѣхъ мѣстъ, которыя приводитъ г. Гурляндъ, можно сдѣлать только заключеніе о равноправности пришельцевъ съ туземцами... Впрочемъ, если допустить и выводъ г. Гурлянда, что пришельцы были подъ покровительствомъ всего еврейскаго народа, а не отдѣльныхъ лицъ изъ народа, никакъ нельзя это покровительство отожествить съ патронатомъ въ установленномъ выше смыслѣ. Какъ это можетъ законъ создать отношенія между народомъ, какъ цѣлымъ, и пришельцами? Законъ есть выраженіе воли народа, связывающее отдѣльныхъ лицъ и группы лицъ изъ народа, а въ томъ числѣ и

публичные органы, а не самъ народъ. И отъ кого и какими средствами можетъ весь народъ охранять пришельцевъ? Защита со стороны всего народа можетъ выражаться только въ дарованіи имъ равноправности со всѣми, а равноправность уничтожаетъ возможность патроната. Авторъ говоритъ и еще о нѣкоторыхъ явленіяхъ еврейской древности, но они уже, и по его мнѣнію, къ случаямъ патроната не относятся.

Слѣдующая глава посвящена Китаю. Суть всѣхъ разсужденій и утвержденій автора состоитъ здѣсь въ слѣдующемъ: „Однимъ изъ основныхъ принциповъ китайской культуры является сознаніе фактической несостоятельности всѣхъ и каждаго въ процессѣ приспособленія къ жизни... Послѣдствіемъ такого признанія всеобщей фактической слабости является безправность (!?), какъ показатель юридической слабости, а слѣдствіемъ всего этого является идея защиты... Руководящимъ же принципомъ такой защиты является познаніе истиннаго совершенства и истинной мудрости“ (стр. 56—57). „Небо покровительствуетъ всему государству вообще, императору въ особенности, императоръ покровительствуетъ народу; власти покровительствуютъ подчиненнымъ... каждая семья находится подъ покровительствомъ духовъ умершихъ предковъ... отецъ покровительствуетъ сыну, ...мужъ покровительствуетъ женѣ; господинъ—рабу“ (стр. 47). „Отдѣльныхъ проявленій, то-есть, спеціальныхъ институтовъ законной защиты Китай не знаетъ. Но за то весь общественный строй Китая есть не что иное, какъ осуществленіе идеи законной защиты“ (стр. 51).

Не нужно особыхъ объясненій, чтобы видѣть, что покровительство, которымъ проникнута жизнь Китая, есть такой же религіозно-нравственный принципъ, какъ начало любви въ культурахъ христіанскихъ. Авторъ, не желая того, опредѣленно выяснилъ намъ эту его природу. Нѣтъ надобности доказывать и того, что юридическая идея не можетъ проникать жизнь народа, ничѣмъ не выражаясь вовнѣ. Послѣ долгихъ общихъ разсужденій авторъ приводитъ два (и только) „случая, которые“, говоритъ онъ, „хотя и не являются собственно выраженіемъ идеи законной защиты, но въ виду отдѣльныхъ сходныхъ чертъ. могутъ обсуждаться по аналогіи“ (?). Эти случаи носятъ, дѣйствительно, юридическій характеръ. Но то обстоятельство, что авторъ принужденъ былъ указать именно ихъ, еще разъ показываетъ, что случаевъ настоящаго патроната онъ въ Китаѣ не открылъ.

Въ главѣ V, посвященной христіанству, авторъ, разобравъ нѣсколько церковныхъ институтовъ, которые, по его мнѣнію, не отно-

сятся къ патронату, говоритъ въ заключеніе о церковномъ патронатѣ, западноевропейскомъ учрежденіи, до нѣкоторой степени соотвѣтствующемъ тому, что мы знаемъ подъ названіемъ церковныхъ старостъ. Церковные патроны брали на себя защиту судебныхъ и хозяйственныхъ интересовъ церквей и аббатствъ, такъ какъ считалось, что заниматься этими дѣлами не достойно духовныхъ лицъ. Врядъ ли, однако, возможно отожествлять подобный церковный патронатъ съ тѣмъ, конструкцію котораго далъ г. Гурляндъ во главѣ всего изслѣдованія. Никакими натяжками нельзя доказать, что церкви и монастыри были юридически слабы, то-есть, неполноправны, а патроны покрывали ихъ полнотою своихъ правъ. Другихъ институтовъ патроната авторъ не нашелъ въ христіанствѣ.

У древнихъ славянъ г. Гурляндъ, дѣйствительно, открылъ нѣкоторые слѣды института, подобнаго древнеримской кліентелѣ. Онъ оворитъ, однако, что ему приходится ограничиться въ данномъ случаѣ, за недостаткомъ свѣдѣній, отрывочными указаніями (стр. 134), что свѣдѣнія объ изгояхъ „не даютъ намъ возможности утверждать что либо опредѣленно“ (стр. 143). Только относительно закладней и смердовъ высказано мнѣніе, хотя и не безъ оговорокъ, что это были кліенты древней Руси. Такимъ образомъ единственные крупные и несомнѣнные примѣры отношеній патроната дала автору только римская древность и средневѣковье.—Въ концѣ концовъ намѣреніе автора иллюстрировать свою всемірную конструкцію института примѣрами изъ исторіи всѣхъ типическихъ культуръ надо считать совершенно неудавшимся.

Исторія прошлаго дала г. Гурлянду только незначительное число юридическихъ установленій, которыя можно подвести подъ понятіе патроната такъ, какъ оно установлено имъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ, было ли какое нибудь основаніе изучать древній патронатъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ существовалъ? Г. Гурляндъ изучаетъ идею внутренняго управленія, между тѣмъ древній патронатъ вовсе не былъ институтомъ административнаго права, хотя бы потому, что, по собственному заявленію г. Гурлянда, до появленія новыхъ государствъ не существовало ни управленія, ни его права. Условіемъ появленія патроната г. Гурляндъ считаетъ именно невозможность придти на помощь личности средствами публичнаго права (см. выше). У него проскальзываетъ даже опредѣленное сознаніе, что древній патронатъ не былъ административно-правовымъ учрежденіемъ.

Право внутренняго управленія, говоритъ г. Гурляндъ на стр. 160,

возникло съ появленія абсолютнаго государства. „Внутреннее управленіе“, читаемъ на стр. 169, „есть не что иное, какъ примѣненіе идеи государства къ отдѣльнымъ отношеніямъ“. „Оно лишь отраженіе современнаго ему представленія о государствѣ“. О прошломъ онъ говоритъ такъ: „Отсутствіе представленія о государствѣ, какъ единомъ и жизнедѣятельномъ организмѣ. вело къ широкому развитію начала законной защиты, которое такимъ образомъ замѣняло собой недостающіе принципы внутренняго управленія“. „При слабости государственной власти идея патроната замѣняетъ собой отсутствіе принциповъ, на почвѣ которыхъ могло бы развиться право внутренняго управленія“ (стр. XI). „Дѣятельность отдѣльныхъ индивидовъ и союзовъ лицъ не является внутреннимъ управленіемъ въ собственномъ смыслѣ... потому что ея цѣль только не противорѣчитъ цѣли государства. но не тожественна съ ней“ (стр. 83).

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ съ очевидностью явствуетъ, что исторія всѣхъ типическихъ культуръ вовсе, собственно, была не нужна г. Гурлянду при той постановкѣ вопроса, которую онъ избралъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда прошлое знало институты патроната, это были не публично-правовыя. а частно-правовыя установленія. Конечно, при другомъ взглядѣ на задачи своей работы авторъ имѣлъ бы полное право заняться исторіей, именно для того, чтобы провести параллель между патронатомъ, какъ идеей внутренняго управленія, и институтами гражданскаго права, которые удовлетворяли во время господства гражданскаго права схожимъ потребностямъ. Но, вѣдь, задачей историческихъ очерковъ г. Гурлянда было—указать примѣненіе предложенной имъ конструкціи патроната, какъ идеи внутренняго управленія, на практикѣ, а не изслѣдовать развитія этой идеи въ прошломъ. Примѣровъ публично-правоваго патроната прошлое не дало.

Изучая патронатъ, какъ административно-правовую идею, авторъ долженъ былъ, конечно, особо остановиться на томъ времени, когда появилось право внутренняго управленія. Между тѣмъ изъ новаго времени онъ находитъ возможнымъ указать только на патронатства освобожденнымъ тюремнымъ сидѣльцамъ и малолѣтнимъ преступникамъ (если не считать очерка нравственныхъ воззрѣній Ле-Плэ). И это послѣ того, какъ на стр. 7 и сл. онъ упрекалъ полицеистовъ въ томъ, что они подъ патронатствами только и понимаютъ патронатства отбывшимъ наказаніе и малолѣтнимъ преступникамъ! Но возможно ли, спрашивается, не идя противъ совершенной очевидности, утверждать, что эти патронатства, эти попечительныя общества, суть

проявленія юридической защиты юридически слабыхъ со стороны юридически сильныхъ, возникающей изъ общности интересовъ обѣихъ сторонъ и покоящейся на законѣ?

Авторъ считаетъ институтъ опеки надъ малолѣтними, слабоумными, расточительными и пр. существенно отличающимся отъ института патроната (стр. 19—22). Но не бо́льшая ли аналогія у современныхъ патронатствъ съ опекой, чѣмъ съ тѣмъ понятіемъ патроната, которое г. Гурляндъ установилъ, преимущественно примѣнительно къ римскому патронату? Одно время даже у него самого мелькала мысль о томъ, что римскій патронатъ и современныя патронатства двѣ вещи разныя. Онъ собирался (на стр. XV) особо коснуться „вопроса о соотношеніи идеи патроната въ принятомъ нами смыслѣ съ идеей, покоящейся въ основѣ разныхъ патронатныхъ учрежденій“. Къ сожалѣнію, онъ не остановился на ней.

Такимъ образомъ и новое время не дало автору возможности указать примѣненіе предложенной имъ конструкціи патроната на практикѣ. Въ новомъ времени авторъ нашелъ, наконецъ, дѣйствительно нѣкоторые публично-правовые институты, носящіе названіе, если не патроната, то патронатствъ, но они не подошли подъ его конструкцію.

Послѣ историческихъ главъ въ работѣ г. Гурлянда снова появляется теорія. Здѣсь авторъ хочетъ доказать примѣненіе его конструкціи патроната къ теоріи науки административнаго права. Въ этихъ главахъ (9—11) ему слѣдовало, наконецъ, подробно объясниться, въ какомъ отношеніи къ праву внутренняго управленія стоитъ патронатъ, какимъ образомъ частно-правовая идея можетъ найдти себѣ мѣсто въ ученіи публично-правовомъ, и въ какихъ формахъ проявляется она въ современномъ административномъ правѣ? Вмѣсто всего этого авторъ въ однихъ мѣстахъ отрицаетъ существованіе въ современномъ правѣ идеи патроната въ установленномъ имъ смыслѣ, а въ другихъ существенно передѣлываетъ свою конструкцію, установленную столь опредѣленно въ началѣ книги, для того, чтобы открыть хоть слѣдъ подобнаго института въ правѣ управленія. Посмотримъ сначала на отрицанія.

Г. Гурляндъ много разъ говоритъ о „какъ бы вдругъ исчезающей“, вмѣстѣ съ появленіемъ абсолютнаго государства идеѣ патроната (стр. 160). „Отношенія, устанавливаемыя во имя идеи патроната“, читаемъ мы у него, „становятся въ разрѣзъ съ требованіями, предъявляемыми къ общественному порядку властью, если власть признаетъ себя началомъ самоцѣльнымъ“ (стр. 157—158). „Власть, какъ

начало, объединяющее жизнь людей въ государствѣ... сама по себѣ должна преслѣдовать защиту всѣхъ подлежащихъ ея воздѣйствію, какъ одну изъ своихъ основныхъ цѣлей" (стр. 158). Въ новое время, говоритъ онъ на стр. 164, „идея патроната перестала существовать самостоятельно, претворившись въ общей идеѣ—идеѣ внутренняго управленія... Она не столько проявляется съ этого момента, сколько сказывается, отражается на нормахъ, мѣрахъ и отношеніяхъ, регулируемыхъ правомъ внутренняго управленія". Наконецъ, на стр. 226 мы находимъ совершенно убійственное для всей работы заявленіе автора. Вотъ оно: „Претворившись въ общей идеѣ внутренняго управленія, идея патроната въ настоящее время децентрализована и распалась въ рядѣ родственныхъ идей". Согласно съ этимъ, на стр. 6 авторъ утверждаетъ, что полицеисты потому не изучали патроната, что идея его „расплылась по всей системѣ нашей науки въ рядѣ родственныхъ идей, потерявъ при этомъ свои индивидуальныя особенности". Другими словами, потерявъ свои специфическія особенности, переставъ проявляться вовнѣ, расплывшись, дезорганизовавшись и т. д., идея патроната должна считаться нынѣ вовсе исчезнувшей... Другаго заключенія изъ утвержденій самого автора быть не можетъ. И оно вполнѣ понятно.

Въ наше время, когда имѣется право управленія, нѣтъ того условія, которое являлось въ прошломъ причиной созданія института патроната. Власть можетъ оказывать нынѣ достаточную помощь отдѣльному человѣку. Мы видѣли, что, по утвержденію самого г. Гурлянда, идея патроната замѣняла собой въ прошломъ принципы права внутренняго управленія. Нынѣ создалось это право. Публичное право во многихъ случаяхъ потѣснило и вытѣснило гражданское. Дѣятельность отдѣльныхъ индивидовъ и союзовъ лицъ, которую г. Гурляндъ не считаетъ внутреннимъ управленіемъ въ собственномъ смыслѣ, во многихъ случаяхъ замѣнена дѣятельностью государственною. То же самое случилось и съ частно-правовымъ патронатомъ. Онъ измѣнился, онъ исчезъ. И это не могло укрыться отъ автора. Но г. Гурляндъ не могъ не видѣть и того, что остановиться на подобномъ заключеніи ему невозможно. Оно лишало всякаго смысла его работу. Ему непремѣнно надо было связать патронатъ, въ той конструкціи, которую онъ даетъ ему, съ теоріей права внутренняго управленія. Оставалось одно средство—передѣлать свою собственную конструкцію патроната. И г. Гурляндъ рѣшается на подобное героическое средство.

Прежде всего, онъ отказывается отъ основнаго признака патро-

ната, отъ того, что патронатъ есть отношеніе юридически сильныхъ къ юридически слабымъ. Онъ говоритъ именно: „Въ наши дни, когда юридическое равенство получило значеніе общераспространеннаго почти повсемѣстно признаваемаго основнаго принципа государственной жизни, трудно говорить о недостаткѣ правъ, и вопросъ идетъ почти исключительно о фактическомъ неравенствѣ, но фактическая слабость нашихъ дней является непосредственнымъ продолженіемъ (?) юридической слабости прошлаго" (стр. XIV, 199).

Отбросивъ признакъ юридической слабости охраняемыхъ, авторъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, долженъ, конечно, отказаться и отъ признака законнаго происхожденія института патроната. Мы видѣли, что, по его мнѣнію, защита фактически слабыхъ не устанавливается закономъ, но есть, обыкновенно, слѣдствіе добровольнаго соглашенія (см. выше). Но и этого оказывается мало для того, чтобы подогнать гражданско-правовое явленіе подъ рамки публичнаго права.

На стр. 195 мы читаемъ: „Претворенная въ рядѣ родственныхъ идей и органически соединенная съ идеями государственнаго индивидуализма и личности, въ идею внутренняго управленія, идея патроната теряетъ не только свои специфическія особенности, но и свою самостоятельную цѣль. Ея цѣль—развитіе силъ индивида за рядъ обязанностей съ его стороны. Теперь же цѣлью становится сохраненіе цѣлостности того отвлеченнаго начала, которое представляетъ собой идея государства". То-есть, патронатъ отнынѣ уже и не защита въ отвѣтъ на обязанности, принимаемыя на себя защищаемымъ, а сохраненіе государственнаго начала. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: „Идея патроната... подпадаетъ теперь подъ вліяніе идеи власти и становится одною изъ идей права внутренняго управленія. Мало того: она дѣлается органическою частью самого понятія о внутреннемъ управленіи и его правѣ".

Послѣ этихъ поясненій мы понимаемъ теперь, что значатъ утвержденія автора о разложеніи, распаденіи идеи патроната. Оказывается, что патронатъ, какъ идея внутренняго управленія, есть не защита юридически слабыхъ со стороны юридически сильныхъ, а защита фактически слабыхъ со стороны, надо думать, государственныхъ властей, при чемъ, однако, вовсе и не защита на основаніи взаимности правъ и обязанностей, а сохраненіе цѣлостности того отвлеченнаго цѣлаго, которое представляетъ собой идея государственнаго начала. Словомъ, этотъ патронатъ есть вовсе не патронатъ въ томъ смыслѣ, какъ понятіе послѣдняго установилъ авторъ въ началѣ работы. Нельзя

продолжать говорить о понятіи, отвергнувъ признаки его. Патронатъ, какъ явленіе современнаго публичнаго права, отличается, если только онъ существуетъ, совсѣмъ не тѣми чертами, какія указалъ авторъ въ началѣ своего изслѣдованія, какъ необходимые признаки патроната.

Что же такое патронатъ, какъ идея внутренняго управленія? На это отвѣта нѣтъ. Не объясняется и того, на какія же идеи распалась идея патроната. Не указываетъ ли г. Гурляндъ случая примѣненія этого измѣненнаго патроната? Онъ и этого не дѣлаетъ, если исключить главу о попечительствахъ надъ выпущенными изъ тюрьмы преступниками, или малолѣтними преступниками.

Авторъ ограничивается краткимъ заявленіемъ, что существуетъ „цѣлый рядъ отношеній, которыя съ внѣшней стороны обсуждаются, какъ власть, съ внутренней же стороны, какъ законная защита". Сюда онъ относитъ „должности по защитѣ отдѣльныхъ классовъ общества отъ притѣсненій и гнета другихъ болѣе сильныхъ въ данное время классовъ" (стр. 18). Казалось бы, что, если гдѣ нибудь идея патроната, понимаемая, какъ идея публичноправовая, и могла бы проявиться, то именно въ отношеніяхъ подобнаго рода. Автору слѣдовало остановиться на нихъ съ особымъ вниманіемъ, выяснить ихъ юридическую природу и ввести ихъ въ кругъ идей права управленія. Къ сожалѣнію, онъ находитъ возможнымъ упомянуть ихъ лишь мимоходомъ и при томъ высказываетъ о нихъ мысли, трудно примиримыя, если не совсѣмъ непримиримыя одна съ другой.

Съ одной стороны, онъ говоритъ, что тутъ защита не вызываетъ обязанностей по отношенію къ защитнику, какъ къ опредѣленному лицу, и эти обязанности точно такъ же, какъ и права защитника, находятъ для себя юридическую конструкцію болѣе въ идеѣ власти, чѣмъ въ идеѣ патроната (стр. 18). Съ другой, безъ всякихъ поясненій указываетъ условія, которымъ должна удовлетворять подобная должность для того, чтобы она опредѣлялась не идеей власти, а идеей патроната: a) быть законною, b) выборною изъ лицъ защищаемаго класса, c) имѣть цѣлью защиту во имя нарушенія (?) правъ и интересовъ какъ всего болѣе слабаго класса, такъ и отдѣльныхъ лицъ его; d) вести къ правамъ и обязанностямъ по отношенію къ государству и къ правамъ и обязанностямъ къ лицамъ защищаемымъ. Эти четыре условія появляются совершенно неожиданно на стр. 18—19 при разграниченіи понятій власти и патроната. Авторъ нигдѣ болѣе ихъ не развиваетъ и нигдѣ о нихъ даже не вспоминаетъ. Разбирать эти условія на основаніи тѣхъ 10—15 строкъ, которыя имъ посвя-

щены, совершенно невозможно. Смыслъ ихъ загадоченъ и неопредѣленен.

Заключеніе можетъ быть только одно. Идею патроната, какъ института римскаго права, авторъ формулировалъ удачно. Но попытка ввести ее въ право управленія совершенно не удалась. Сама мысль о томъ, чтобы воспользоваться частноправовою идеей для конструкціи публичноправовой возникла въ виду того, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ юридическую природу древняго патроната. Его можно было поставить въ связь съ нѣкоторыми административно-правовыми образованіями новаго времени, но мысль, что возможно дать имъ одну конструкцію, была ошибочна.

Вмѣсто того, чтобы удѣлять свое главное вниманіе древности и средневѣковью, когда, по его же словамъ, не существовало права внутренняго управленія, автору слѣдовало бы, выясняя одну изъ идей этого права, обратить особое вниманіе на наше время. Онъ долженъ былъ заботливо собрать случаи проявленія административно-правоваго попечительства надъ слабыми членами общества, описать ихъ, объяснить въ свѣтѣ современныхъ интересовъ и современныхъ юридическихъ идей, свести къ общимъ началамъ и сопоставить съ родственными институтами, какъ прошлаго, такъ и настоящаго, какъ частно-такъ и публично-правовыми, но не для того, чтобы смѣшать ихъ съ послѣдними въ одной конструкціи, а для того, чтобы лучше освятить особую юридическую природу интересовавшихъ его явленій. Выясненную такимъ образомъ юридическую идею авторъ долженъ былъ попытаться ввести въ кругъ идей внутренняго управленія и его права. При этомъ онъ долженъ былъ не довольствоваться простымъ утвержденіемъ, что она занимаетъ то или другое положеніе среди нихъ, а установить и объяснить ея отношеніе къ основнымъ идеямъ этого права.

Интересная и симпатичная задача юридически освѣтить заботы современнаго общества о жизненно слабыхъ, главнымъ образомъ экономически слабыхъ, своихъ членахъ, возвести отдѣльныя начала, устанавливающія эти заботы, къ общей идеѣ и ввести эту гуманитарную идею въ общее ученіе права внутренняго управленія не рѣшена г. Гурляндомъ. Болѣе того, она даже не поставлена имъ съ достаточною ясностью и полнотой. Можно скорѣе догадываться, чѣмъ опредѣленно знать, какую собственно задачу имѣло въ виду изслѣдованіе ярославскаго профессора о патронатѣ. Но нельзя не быть признательнымъ ему за то, что онъ первый сдѣлалъ попытку пролить

свѣтъ на важныя явленія, которыя не были доселѣ предметомъ общаго изслѣдованія. Въ заключеніе да позволитъ намъ авторъ выразить сожалѣніе о томъ, что нижній этажъ его книги, который обнаруживаетъ въ извѣстномъ смыслѣ основаніе ея, не былъ предметомъ его серьезнаго вниманія.

Авторъ далъ себѣ слишкомъ мало труда показать намъ свою начитанность по вопросу. Иногда, правда, онъ приводитъ указанія книгъ, въ которыхъ, по его же словамъ, нѣтъ ничего на тему (стр. 3 и др.), или перечисляетъ элементарныя университетскія руководства (стр. 68 и др.), но большею частью спеціальная литература указывается очень имъ недостаточно. Въ то же время библіографическія указанія автора таковы, что читателю остается совершенно неясно, почему онъ взялъ одно изслѣдованіе и оставилъ въ сторонѣ другія, ознакомился ли авторъ и съ тѣми книгами и статьями по вопросу, о которыхъ онъ умалчиваетъ, или же ему только то и извѣстно, что указано въ сноскахъ? Свои указанія г. Гурляндъ дѣлаетъ въ то же время въ формѣ, совершенно недопустимой въ ученыхъ работахъ. За рѣдкими исключеніями (почему явились эти исключенія?) авторъ цитируетъ заглавія книгъ въ сокращенной формѣ: однимъ—двумя словами; года изданія или числа изданія, какимъ онъ пользовался, вовсе не указываетъ, ссылаясь, однако, на страницы, которыя онъ имѣетъ въ томъ или другомъ случаѣ въ виду. При самомъ благомъ отношеніи къ автору невольно является мысль, что онъ иногда не зналъ о томъ, что существуютъ нѣсколько изданій той или другой цитируемой имъ книги. Но какъ можно не знать этого, разъ указываемыя книги дѣйствительно были въ рукахъ? Наконецъ, авторъ допускаетъ не разъ такія ошибки въ библіографическихъ примѣчаніяхъ, какія могутъ дать поводъ уже вовсе къ нежелательнымъ заключеніямъ.

Мы предлагаемъ, напримѣръ, разобрать строчка со строчкой примѣчаніе на стр. 41, или примѣчаніе на стр. 163 для того, чтобы увидѣть, какъ вѣрны эти наши замѣчанія. Еще одно слово.

Каждое юридическое изслѣдованіе покоится въ своемъ послѣднемъ основаніи на юридическихъ нормахъ. Установленіе этихъ послѣднихъ такъ, какъ онѣ выразились въ законѣ, договорѣ, или обычаѣ, есть поэтому начало всякаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, авторъ разбираемаго изслѣдованія не нашелъ нужнымъ слѣдовать этому правилу во всѣхъ частяхъ своей книги. Онъ вовсе не заботится о критическомъ установленіи относящихся къ вопросу юридическихъ текстовъ.

Для него, повидимому, все равно употреблять подлинникъ, или переводъ извѣстнаго памятника. Говоря о римскомъ правѣ, онъ употребляетъ подлинникъ, въ главѣ о евреяхъ довольствуется русскимъ переводомъ Библіи; то же самое и во многихъ другихъ случаяхъ. Онъ рѣдко старается опредѣленно конструировать юридическія явленія, довольствуясь слишкомъ часто пространными общими разсужденіями...

Книга г. Гурлянда интересна не только по своей темѣ, но и по оригинальному и совершенно неудачному примѣненію историко-сравнительнаго метода изслѣдованія. Она еще разъ напоминаетъ намъ, что право, прежде всего,—историческое явленіе, а затѣмъ только—логическое построеніе.

П. Казанскій.

Památník na oslavu padesátiletého panovnického jubilea Jeho Veličenstva císaře a krále Františka Josefa I. Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848—1898. Vydala Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. V Praze. 1898.

Чешская академія наукъ, въ ознаменованіе исполнившагося пятидесятилѣтія царствованія Франца Іосифа (1848—1898 гг.), рѣшила издать книгу, въ которой бы было изображено умственное и художественное развитіе чешскаго народа за указанное время, отмѣченное политическимъ и культурнымъ возрожденіемъ Чехіи. Во исполненіе этого рѣшенія появилась громадная, болѣе 1100 страницъ in quarto, книга, цѣной въ 26 гульденовъ (теперь продается за 15 гульденовъ), стоившая академіи до 10.000 гульденовъ, но за то изданная вполнѣ по юбилейному, на прекрасной бумагѣ, съ такими же иллюстраціями.

Проф. Дурдикъ (философъ) открываетъ книгу прекраснымъ введеніемъ, въ которомъ излагаетъ исторію книги, ея планъ и задачи. „Мысль книги, говоритъ онъ, была близка и проста. Но, какъ только начали составлять подробный планъ, такъ тотчасъ же высказались разногласія о его исполненіи. Идеаломъ академіи было единство сочиненія; чтобы достичь этого, нужно было бы поручить дѣло одному автору; но при большомъ числѣ (неминуемомъ) сотрудниковъ осталось лишь стремленіе достигнуть хотя бы видимаго единства, что̀ и удалось послѣ частыхъ совѣщаній редакціоннаго комитета; отдѣльные сотрудники по возможности отказались отъ своихъ индивидуальныхъ воззрѣній".

Но уже напередъ приходится указать на то, что желаннаго и объ-

щаннаго единства не получилось даже въ предѣлахъ, допускаемыхъ и разнообразіемъ трактуемыхъ предметовъ и числомъ (60) сотрудниковъ. Книга—отчасти исторія, отчасти—библіографія; библіографія иногда—очень полная, иногда—съ большими пробѣлами, иногда—сухой перечень, иногда—bibliographie raisonnée и даже критическая; авторы отдѣльныхъ статей нерѣдко слишкомъ далеко уходятъ за предѣлы 1848 года.

Слѣдуетъ отмѣтить также и то, что не всѣ отрасли знанія и художественной дѣятельности представлены въ книгѣ; нѣтъ богословія, географіи, этнографіи, архитектуры, сценическаго искусства. Это послѣднее обстоятельство, кажется, обусловлено самымъ планомъ книги, который заимствованъ изъ организаціи самой академіи. Этотъ планъ таковъ: А) развитіе чешскаго школьнаго дѣла; I А) философія; I В) науки юридическія и государственныя; I С) исторіографія; II А) науки точныя; II В) науки естествоописательныя; II С) науки медицинскія; III А) библіографія, исторія чешской литературы; III В) языкознаніе, славянскія и чужія литературы; III С) классическая филологія; IV А) пятьдесятъ лѣтъ чешской литературы; IV В) пятьдесятъ лѣтъ чешской музыки; IV С) пластическія искусства.

Вслѣдъ за введеніемъ проф. Дурдика идетъ второе введеніе—о чешскихъ школахъ, написанное г. Шафранкомъ. Прежде всего авторъ даетъ картину развитія „материнскихъ" школъ, начиная съ Пражскаго пріюта на Градкѣ, въ 1832 году, и школъ народныхъ со временъ Маріи Терезіи (всего 17 страницъ); далѣе идутъ среднія школы и спеціальныя (17 страницъ), потомъ высшія школы, то-есть, Пражскій университетъ, съ краткою замѣткой о бывшемъ Оломуцкомъ университетѣ, и политехникумъ (только 7 страницъ); наконецъ, бѣгло обозрѣваются высшія ученыя учрежденія, въ томъ числѣ и сама Академія. Развитіе начальной и средней (но не высшей!) школы изображено довольно всесторонне: оцѣнена методическая, литературная и „властенецкая" дѣятельность учительства; присоединена подробная статистика и дана даже исторія возникновенія каждой средней школы.

Во главѣ наукъ идетъ „царица" ихъ, философія, исторію которой въ Чехіи даетъ г. Заба. Заба начинаетъ эту исторію только Дастихомъ (о немъ мало) и Іос. Дурдикомъ; глава IV его статьи—о католическомъ философскомъ движеніи—простая библіографія. Юридическія и государственныя науки обозрѣваютъ 8 сотрудниковъ: частное

право—г. Кліеръ, гражданскій процессъ—г. Пантоучекъ, уголовное право и литературу исторіи права—г. Кадлецъ, публичное право—г. Пражакъ, римское—г. Гейровскій, церковное—г. Тумпахъ, политическую экономію—г. Горачекъ и статистику—г. Брафъ. Всѣ эти отдѣлы изложены довольно сухо, библіографически, кромѣ, впрочемъ, статистики. Гораздо болѣе мѣста отведено исторіографіи, общей и отечественной, чешской, разобранной доцентомъ Пекаржемъ. Въ очеркѣ чешской исторіографіи изъ 56 страницъ 26 страницъ отведено Палацкому; это—чешскій оригиналъ статей, напечатанныхъ въ „Politik" за 1898 и 1899 гг., и самая большая работа о Палацкомъ, какъ историкѣ, начинающая, впрочемъ, не съ 1848 года; за Палацкимъ идутъ Томекъ (стр. 27—36), Ербенъ, Емлеръ, Гиндели, Калоусекъ, Дудикъ, Брандль, Голль и Резекъ, характеризуемые авторомъ, съ оцѣнкой ихъ трудовъ; потомъ слѣдуетъ библіографія, не совсѣмъ, однако, полная. Къ статьѣ Пекаржа примыкають родственныя по содержанію главы другихъ авторовъ. Г. Подлага обозрѣваетъ историческую археологію и исторію стараго туземнаго искусства. Главы „Мѣстная доисторическая археологія" и „Туземная нумизматика" написаны г. Смоликомъ.

Въ первой главѣ авторъ обозрѣваетъ археологическій матеріалъ до-историческаго времени по эпохамъ и мѣстамъ, при чемъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ приведена литература предмета; до-историческая этнографія не затронута.

Вторая глава (всего 6 страницъ), по словамъ проф. Голля, есть cursus abbreviatus чешской нумизматики и одно изъ украшеній всей книги.

Въ области наукъ, представленныхъ II отдѣленіемъ Академіи, дали обозрѣнія: математики, астрономіи и метеорологіи—г. Студничка (довольно обстоятельно), физики и химіи—гг. Студничка и Райманъ, наукъ техническихъ—г. Петрликъ, зоологіи и ботаники—г. Байеръ, минералогіи—г. Крейчій, геологіи—г. Буиятъ. Въ то время какъ для вышеуказанныхъ главъ отведено довольно достаточно мѣста, для 17 главъ, посвященныхъ медицинѣ, остается всего лишь 119 страницъ. Изъ этого отдѣла видно, что слава медицинской вѣнской школы въ значительной степени создана чешскими учеными, изъ которыхъ только Рокытанскій не считалъ себя чехомъ. Объ анатоміи, гистологіи и эмбріологіи, вмѣстѣ съ физіологіей, реферируютъ гг. Дубакъ и Льготакъ, изъ общей патологіи—г. Велихъ, о физіологической химіи—г. Форманекъ, о фармакологіи и токсикологіи—г. Ходоунскій, о па-

тологической анатоміи—г. Кимла, о внутренней терапіи—г. Пешина, о нейропатологіи и психіатріи—г. Гашковецъ, о дѣтскихъ болѣзняхъ—г. Шереръ, о хирургіи—г. Кукуля, о кожныхъ и венерическихъ болѣзняхъ—г. Франта, о ляринголгіи, фарингологіи, ринологіи и отологіи—г. Франкенбергеръ, о глазныхъ болѣзняхъ—г. Дейль, о гигіенѣ—г. Ружичка, о судебной медицинѣ—г. Рейнсбергъ.

Едва ли не всѣхъ лучше обработанъ отдѣлъ, посвященный исторіи чешской литературы. Этому отдѣлу предшествуетъ глава о чешской библіографіи, написанная г. Труглярженъ. Исторія чешской литературы раздѣлена на нѣсколько главъ. Первая глава—о книгахъ по исторіи чешской литературы (съ Добровскаго)—написана гг. Ганушемъ и Труглярженъ. Слѣдующая глава—„Древній періодъ", до Гуса—раздѣлена на два отдѣла: „Памятники спорные" и „Памятники подлинные"; она написана г. Ганушемъ. Краледворская рукопись и Любушинъ судъ разсматриваются въ первомъ отдѣлѣ, гдѣ довольно объективно изложены споры объ этихъ памятникахъ съ 1817—1818 гг. „Средній періодъ"—до Коменскаго, обработанъ г. Труглярженъ. Всѣ вышеуказанныя главы даютъ полную библіографію и оцѣнку достигнутыхъ результатовъ; онѣ—исходный пунктъ всякихъ будущихъ изслѣдованій. Вторую часть „средняго періода"—эпоху Коменскаго,—обозрѣваетъ г. Новакъ (знатокъ Коменскаго), а „новый періодъ", до пятидесятыхъ годовъ—г. Билый; ему же принадлежитъ и послѣдующее „Обозрѣніе исторіи чешскаго театра".

Въ отдѣлѣ „Языкознаніе, славянскія и чужія литературы" реферируютъ: г. Зубатый объ общемъ и сравнительномъ языкознаніи; о чешскомъ языкознаніи—г. Фляйшгансъ (прекрасная критическая работа), о діалектологіи—г. Душекъ, о лексикографіи—г. Каттъ; объ исторіи славянскихъ литературъ—г. Махаль, о славянскомъ языкознаніи—г. Поливка, о славянской миѳологіи—г. Махаль, о народной пѣснѣ—г. Поливка, о германовѣдѣніи—г. Моурекъ, о романовѣдѣніи—г. Ярникъ, о востоковѣдѣніи (языки)—г. Дворжакъ. Чрезвычайно много мѣста отведено классической филологіи: о ней реферируютъ 11 авторовъ въ 21 статьѣ. Ретроспективное введеніе даетъ—г. Квичала, о греческой эпикѣ и лирикѣ реферируетъ г. Велишекъ, о греческой трагедіи, комедіи и буколической поэзіи—г. Калоусекъ, о греческой исторіографіи—г. Прашекъ, о греческомъ краснорѣчіи—г. Кастнеръ, о греческой философіи—гг. Квичала и Пражакъ, о римской литературѣ—г. Новакъ, о греческихъ государственныхъ, сакральныхъ, военныхъ и частныхъ древностяхъ—г. Цумпфе, о греческихъ сценическихъ древностяхъ—г. Высокій, о римскихъ древностяхъ—

г. Пражакъ, объ археологіи и греческой миѳологіи—г. Высокій, о греческой и латинской грамматикѣ—гг. Квичала и Пражакъ, о руководствахъ по латинскому языку—г. Доуха, о метрикѣ—г. Велишекъ, о греко-римской лексикографіи и переводахъ греческихъ авторовъ—г. Корце и о переводахъ изъ римской литературы—г. Микенди.

IV отдѣленіе Академіи въ своемъ отдѣлѣ книги отвело всего болѣе мѣста статьѣ г. Воборника: „Пятьдесятъ лѣтъ чешской литературы, 1848—1898“ (изящная литература); затѣмъ слѣдуютъ статьи подъ общимъ заглавіемъ „Пятьдесятъ лѣтъ чешской музыки“, а именно: о развитіи музыки до 1848 года—г. Новотнаго, объ инструментальной музыкѣ—г. Книттля, о кантатѣ, смѣшанной композиціи и о церковной музыкѣ—г. Штеккера, съ заключеніемъ г. Хвалы. Книга заканчивается рефератомъ г. Мадлы о пластическомъ искусствѣ. Весь отдѣлъ этотъ даетъ не библіографію, а исторію, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что работы объ изящной литературѣ и о пластическомъ искусствѣ—лучшія изъ существующихъ.

Доступность книги для читателя облегчается указателемъ, а также и тѣмъ, что въ продажу поступили и отдѣльныя части (12) ея.

Было бы дѣломъ чрезвычайно труднымъ и рискованнымъ подвергать здѣсь разбору изданіе Академіи. Можно сказать вообще, что „Памятникъ“—незамѣнимый матеріалъ по исторіи духовной культуры Чехіи въ XIX вѣкѣ и превосходная справочная книга для всякаго интересующагося славянскимъ міромъ.

Редакціи чешскихъ изданій жалуются на то, что Чешская Академія не разсылаетъ имъ своихъ публикацій, даже имѣющихъ *общенародное* значеніе, какъ, напримѣръ, и этотъ „Памятникъ“. Мы не знаемъ, насколько справедливъ этотъ упрекъ. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ что правда: мы лично наводили справки въ русскихъ ученоучебныхъ учрежденіяхъ, равно и у лицъ, прикосновенныхъ такъ или иначе къ славистикѣ; оказалось, что нигдѣ „Памятникъ“ не полученъ. Если чехи часто жалуются на равнодушіе русскихъ къ ихъ дѣламъ, на привычку русскихъ людей, въ случаѣ нужды, обращаться къ нѣмецкому посредству, то они сами должны въ этомъ случаѣ признать за собой долю вины, не пользуясь случаемъ познакомить насъ съ собой.

Закончимъ свою замѣтку пожеланіемъ, чтобы Чешская Академія прислала въ Россію, въ редакціи, нѣсколько экземпляровъ своего „Памятника“: найдутся люди, которые поподробнѣе познакомятъ читающую Россію съ его содержаніемъ.

Н. Ястребовъ.

И. А. Шляпкинъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. 1898. 8°, стр. LVIII + 84.

Изданные И. А. Шляпкинымъ новые матеріалы по исторіи стариннаго театра въ Россіи подъ заглавіемъ: „Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени“ (Пам. Др. Письм., CXXVIII, 1898), представляютъ значительный научный интересъ, какъ по новизнѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, такъ и по важности ихъ для исторіи театра въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка.

Извѣстія, имѣвшіяся до сихъ поръ о театрѣ великой княжны Натальи Алексѣевны, любимой сестры императора Петра Великаго,— слишкомъ общаго характера и сообщаются, главнымъ образомъ, иностранцами, оставившими записки о Россіи — *Бассевичемъ* [1]) и *Веберомъ* [2]).

И тотъ и другой сообщаютъ въ сущности одно и то же. Такъ *Бассевичъ*, говоря вообще о театрѣ въ Россіи, пишетъ: „принцесса Наталья, меньшая сестра императора, очень имъ любимая, сочинила, *говорятъ*, при концѣ своей жизни *двѣ-три* пьесы, довольно хорошо обдуманныя и не лишенныя нѣкоторыхъ красотъ въ подробностяхъ; но за недостаткомъ актеровъ онѣ не были поставлены на сцену“ [3]).

Макленбургскій посланникъ Веберъ, не ограничиваясь передачей слуховъ, сообщаетъ за достовѣрное, подъ 1716 г., что еще до отъѣзда царя въ чужіе края великая княжна Наталья Алексѣевна заставляла играть драматическія пьесы, на которыя всякій воленъ былъ смотрѣть [4]). Попутно разказываетъ онъ и о томъ, какъ былъ устроенъ этотъ театръ, и какъ играли актеры, которыхъ, вопреки слышанному Бассевичемъ, удалось набрать. „Для помѣщенія театра избрали огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. 10 актеровъ и актрисъ были природные русскіе, не видавшіе ничего, кромѣ Россіи, а потому можно вообразить себѣ ихъ искусство. Великая княжна *и сама* сочиняла по-русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ Библіи, или изъ обыкновенныхъ вседневныхъ приключеній“ [5]).

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1865, изд. 2, стр. 238—240. *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 431.

[2]) *Weber*, Das veränderte Russland. Franf. 1721. I B., 227—228. *Русскій Архивъ*, 1872, № 7—8, ст. 1424. *Пекарскій*, op. cit., I, 442.

[3]) *Пекарскій*, о. с., I, стр. 431, *Шляпкинъ*, стр. XVII.

[4]) *Пекарскій*, о. с., стр. 441.

[5]) *Пекарскій*, ibid., 442.

Что давалось на театрѣ царевны Наталіи Алексѣевны, какія пьесы „изъ Библіи" давались тамъ, можно было до открытія г. Шляпкинымъ новыхъ матеріаловъ лишь догадываться, руководясь тѣмъ спискомъ пьесъ, который былъ опубликованъ въ извѣстномъ изслѣдованіи Пекарскаго [1]). По смерти великой княжны Наталіи Алексѣевны всѣ „книги комедіантскія" были отосланы 28-го марта 1717 г. въ Петербургъ и сложены въ амбарѣ типографіи Академіи Наукъ. Во время наводненій амбаръ былъ неоднократно затопленъ водою, книги и рукописи испортились и исчезли. Такимъ образомъ по реестру 1723 г. отъ театральной библіотеки царевны Наталіи оставалось:

„Разныхъ комедіантскихъ дѣйствъ, писанныхъ въ полдесть, въ кожаномъ переплетѣ *2*; такія же письменныя въ бумажномъ переплетѣ, въ полдесть *15* книгъ; дѣйствіе о Георгіѣ и Плакидѣ. Тетрадь письменная въ полдесть, по которой дѣйствовано въ комедіи „О страданіи святыхъ мучениковъ Ксенофонта и Маріи"—7 тетрадей; Крисанфа и Даріи—2 тетради; Адріана и Наталіи—3 тетради; Іюліана—3 тетради; Евстафія Плакиды—3 тетради; Павла и Іуліаніи—3 тетради; Искупленія человѣка отъ паденія его—3 тетради; Изъявленіе комедіи, дѣйствуемой отъ ревности православія, тетрадь, печатанная церковными литерами. Повѣсти о цесарѣ римскомъ Оттонѣ—7 тетрадей". Позже — упоминаній объ этихъ пьесахъ не встрѣчается, и куда онѣ дѣвались—неизвѣстно. Если мы добавимъ сюда еще указаніе на посылку „уборства" для театра царевны Наталіи Алексѣевны въ с. Преображенское изъ разрушеннаго театра Кунста и Фюрста (октябрь 1707 г.) [2]), и упоминанія о посѣщеніи театра царевны Наталіи Алексѣевны Петромъ Великимъ,—то этимъ, собственно говоря, исчерпываются всѣ свѣдѣнія объ одномъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи русскаго театра.

Въ зависимости отъ скудости этихъ данныхъ, вѣроятно, и находится та неполнота, порой неточности и ошибки историковъ, которыя нашли себѣ мѣсто и въ крупнѣйшемъ трудѣ по исторіи театра въ Россіи, принадлежащемъ П. О. Морозову [3]). Такъ онъ, несмотря на указанія Бассевича и Вебера на авторство самой царевны, предполагаетъ, что она для своего театра воспользовалась репертуаромъ Кунста и Фюрста [4]). О самомъ авторствѣ царевны Наталіи П. О. Мо-

[1]) *Пекарскій*, о. с., стр. 430.

[2]) *Морозовъ*, Исторія р. театра, I, 208.

[3]) Исторія р. театра, I, 1888.

[4]) *Морозовъ*, о. с., стр. 213.

розовъ высказывается весьма неувѣренно [1]). Далѣе, относительно пьесъ духовнаго содержанія, поименованныхъ въ вышеприведенномъ каталогѣ, которыя считались иностранцами за сочиненія самой царевны Наталіи,—П. О. Морозовъ замѣчаетъ даже съ большою долей сомнѣнія: „... но нѣтъ никакого основанія заключать, что это были драматическія произведенія, а не просто житія святыхъ" [2]).

Всѣ эти сомнѣнія и ошибки устраняются послѣ опубликованія И. А. Шляпкинымъ открытыхъ имъ матеріаловъ. Мы не только не сомнѣваемся, были ли актеры для исполненія пьесъ царевны, но даже знакомимся съ однимъ изъ нихъ. Мы знаемъ теперь точно, *что* давалось на сценѣ театра царевны, и не приблизительно, а съ увѣренностью можемъ опредѣлить составъ репертуара. Правда, мы не имѣемъ во вновь открытыхъ матеріалахъ *цѣлыхъ* пьесъ, а лишь ролевые отрывки, но и на основаніи ихъ, съ помощью трудолюбиво составленнаго комментарія, все-таки можемъ съ достаточною ясностью составить себѣ понятіе о состояніи того интереснаго періода русской драмы, когда, оставивъ на время пользованіе переводами и еще не вступивъ на путь подражанія классицизму, она пытается дать оригинальныя попытки самостоятельнаго творчества.

Обратимся къ этимъ попыткамъ, дошедшимъ въ отдѣльныхъ роляхъ. Все изданіе И. А. Шляпкина распадается на три части: 1) изслѣдованіе, заключающее въ себѣ исторію находки рукописи съ отрывками, данныя о царевнѣ Наталіи и разборъ комедій (стр. I—LVIII); 2) тексты ролей изъ 13 комедій (стр. 1—40); 3) стихотворные діалоги Луки Голосова на Рождество Христово и другія его стихотворенія—поздравленія царю Петру, патріарху Адріану и другимъ лицамъ (стр. 40—78), и 4) ноты двухъ кантовъ: „За здравіе царское" и „Пѣснь Эсфири". Къ изданію текстовъ приложенъ снимокъ съ почерка ролей—съ отрывка „Комедіи Петра златыхъ ключей".

Не всѣ изъ названныхъ частей труда г. Шляпкина представляютъ одинаковую цѣнность и важность. Наиболѣе важными являются отрывки 13-ти пьесъ. Они сохранились въ рукописи Q № 38, принадлежащей Великоустюжскому Успенскому собору. Рукопись эта—Номоканонъ; отрывки комедій вписаны между заглавнымъ листомъ и правилами. Хорошо сохранившіяся записи: „Сия книжица глаголемая комедія раба божія Георгія Кордовскаго", „карлика Юрька маленкаго"

[1]) Ibid., стр. 197.
[2]) Ibid., стр. 294 примѣч.

и „Господи благослови сію книжицу переписовати і комедію исписовати и переписовати“; также почеркъ и особенности орѳографіи (смѣшеніе *ы*, и *и*, *ѣ—и*, твердое *р*) указываютъ на малорусское происхожденіе писца и даютъ право изслѣдователю заключать, что по этимъ даннымъ переписчикомъ всѣхъ ролей былъ карликъ Георгій (Аѳанасьевъ) Кордовскій и писалъ для себя: роли всѣ—старческія и полукомическія, какія были вполнѣ ему по силамъ. Изъ трехъ существовавшихъ тогда театровъ карликъ не могъ участвовать ни въ школьномъ, ни въ народномъ, а только въ придворномъ, что̀ г. И. А. Шляпкинымъ показано съ достаточною вѣроятностью.

Кромѣ того, пьесы, изъ которыхъ дошли роли, ничего не имѣютъ общаго съ Фельтеновскимъ репертуаромъ, а напротивъ, судя по заглавіямъ, относятся къ пьесамъ, упомянутымъ въ реестрѣ 1723 г.

Разсмотрѣвъ списокъ пьесъ, г. Шляпкинъ находитъ возможнымъ приписать перу царевны Наталіи комедіи о св. Екатеринѣ, Хрисанѳѣ и Даріи, царѣ Оттонѣ и, можетъ быть, о св. Евдокіи. Приведя уже извѣстныя свидѣтельства современниковъ о театрѣ царевны Наталіи, изслѣдователь переходитъ къ разсмотрѣнію каждой пьесы въ отдѣльности, давая анализъ ихъ и сопровождая его свѣдѣніями объ обработкахъ тѣхъ же сюжетовъ въ западно-европейской литературѣ, что̀ помогаетъ установить отношенія между западными и русскими обработками: послѣднія создались лишь на основаніи прозаическихъ текстовъ романовъ и житій, безо всякаго воздѣйствія драматизацій, извѣстныхъ въ западно-европейскихъ литературахъ — наблюденіе весьма цѣнное, ставящее на правильную точку зрѣнія вопросъ о западномъ вліяніи на театръ царевны Наталіи.

По своему характеру, по источникамъ сюжетовъ, всѣ пьесы репертуара театра царевны Наталіи распадаются на слѣдующія группы:

I) Обработки минейныхъ текстовъ.

II) Обработки странствующихъ повѣстей, переведенныхъ въ концѣ XVII вѣка на русскій языкъ.

Обратимся сначала къ пьесамъ первой группы и представимъ выводы изслѣдователя, касающіеся источниковъ драматизаціи и отношенія къ нимъ авторовъ.

1) Комедія о св. Екатеринѣ очень близка къ житію св. Екатерины великомученицы, помѣщенному въ Четьихъ-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго; многія мѣста житія, какъ показываетъ сличеніе, сдѣланное г. Шляпкинымъ, повторяются въ остаткахъ пьесы буквально.

2) Житіе св. м. Хрисанеа и Даріи (Ч. Мин. 19-го марта) представляетъ настолько свободную обработку сюжета, что прямыхъ заимствованій изъ минейнаго текста указать нельзя; уцѣлѣвшее принадлежитъ творчеству автора.

3) Комедія о св. муч. Евдокіи была уже извѣстна по програмиѣ, изданной Н. С. Тихонравовымъ [1]); пьеса составлена по житію безъ украшеній, свойственныхъ школьной драмѣ.

4) Комедія объ Андреѣ Первозванномъ, отъ которой осталось 3—4 строки,—намъ, какъ и издателю отрывковъ, неизвѣстна.

5) Іудиоь — та же пьеса, что издана у Тихонравова [2]); издатель приводитъ къ отрывку варіанты по изданію Тихонравова и, насколько можно судить, текстъ Тихонравовскій былъ исправнѣе, чѣмъ игравшійся на театрѣ царевны Наталіи Алексѣевны.

6) Комедія пр. Даніила составлена послѣдовательно по житію святаго въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ Ч. Минеяхъ св. Дмитрія Ростовскаго. Изъ сличенія текста Миней и комедіи можно замѣтить, что авторъ послѣдней не только влагалъ минейный текстъ буквально въ уста дѣйствующихъ лицъ, но добавлялъ и распространялъ дѣйствіе, смягчалъ выраженія, обнаруживая этимъ болѣе или менѣе самостоятельное отношеніе къ источнику.

7) Комедія на Рождество принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ и любимыхъ пьесъ. Изъ драматическихъ обработокъ первыхъ главъ Евангелія, разказывающихъ о рожденіи Христа, въ Россіи были извѣстны: 1) упоминаемая Штелиномъ пьеса, принадлежащая св. Дмитрію Ростовскому [3]); 2) та, которая совершенно не основательно ему приписывается [4]); 3) комедія на Рождество Христово Митрофана Довгалевскаго [5]); 4) та пьеса, которой принадлежитъ отрывокъ, напечатанный проф. Н. И. Петровымъ [6]), и 5) настоящая пьеса, отрывокъ которой изданъ г. Шляпкинымъ. Такимъ образомъ,

---

[1]) Русскія драматическія произведенія 1672—1725 г., I, стр. 419—423.

[2]) *Тихонравовъ*, о. с., I, 76—203; анализъ у *Морозова*, I, стр. 154—168.

[3]) Haygolds Beyträge zum veränderten Russland, Riga, 1769, p. 368; *Шляпкинъ*, стр. XLIII.

[4]) *Тихонравовъ*, Р. др. произведенія, I, 339; неосновательность мнѣнія о принадлежности этой пьесы св. Дмитрію Ростовскому показана г. Шляпкинымъ.

[5]) Рукоп. Кіево-Мих. монастыря. *Н. И. Петровъ*, Очерки украинской литер. XVIII вѣка, стр. 68—79. Въ полномъ видѣ приготовляется нами къ изданію при изслѣдованіи судебъ рождественской драмы въ Россіи.

[6]) *Петровъ*, о. с., стр. 132.

изъ названныхъ извѣстны полностью—вторая и третья; четвертая и пятая—дошли лишь въ незначитеьныхъ отрывкахъ, а о первой—сохранилось лишь смутное упоминаніе. Г. Шляпкинъ вполнѣ основательно различаетъ двѣ пьесы, приписываемыя св. Димитрію Ростовскому, съ чѣмъ мы, занимаясь именно судьбами рождественской драмы въ Россіи, вполнѣ согласны.

Что касается замѣчанія: „эпизоду скрывшейся предъ появленіемъ волхвовъ предъ Иродомъ звѣзды (стр. 29, XLIII), находимъ параллель въ рождественской пѣснѣ, напечатанной у Гартмана“,—то считаемъ излишнимъ это указаніе: эпизодъ о скрывшейся звѣздѣ читаемъ и въ рождественскихъ кантахъ и псальмахъ, куда онъ попалъ изъ памятниковъ проповѣднической литературы: въ нѣкоторыхъ поученіяхъ на Рождество Христово, заимствовавшихъ частью содержаніе изъ источниковъ легендарныхъ и апокрифическихъ, этотъ эпизодъ повторяется буквально.

8) Комедія о Богородицѣ имѣетъ своимъ источникомъ Четьи-Минеи св. Дмитрія Ростовскаго и разрабатываетъ эпизоды, повѣствующіе о неплодствѣ Іоакима и Анны, о введеніи во храмъ Богородицы и объ обрученіи ея Іосифу. Автору принадлежитъ психологическая мотивировка дѣйствій и риторическія украшенія рѣчи (эпитеты).

9) Комедія о Варлаамѣ и Іоасафѣ обрабатываетъ весьма популярный аскетическій сюжетъ, восходящій, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, къ буддійскому прототипу. Рукописи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ и царѣ Авенирѣ—чрезвычайно часто встрѣчаются въ старинныхъ сборникахъ назидательнаго характера; сюжетъ этотъ былъ обработанъ и въ легендарной литературѣ и въ формѣ духовныхъ стиховъ. Кромѣ рукописей повѣсти, авторъ пьесы могъ пользоваться и печатными изданіями.

Сличая отрывки пьесы съ соотвѣтствующими мѣстами печатныхъ изданій 1689 и 1681 гг., г. Шляпкинъ отмѣчаетъ осмысленное отношеніе автора пьесы къ своей работѣ, сказавшееся въ выборѣ лучшаго текста изъ предположительно бывшихъ у него подъ руками при работѣ. Впрочемъ, это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что онъ пользовался какимъ либо третьимъ, если не печатнымъ, то рукописнымъ текстомъ, намъ, какъ и г. Шляпкину, неизвѣстнымъ, совмѣщавшимъ всѣ тѣ особенности, которыя отличаютъ пьесу отъ двухъ текстовъ, съ которыми свѣрялъ ее г. Шляпкинъ.

Значительно меньше, но гораздо интереснѣе представляется намъ вторая группа пьесъ, игравшихся на театрѣ царевны Наталіи Але-

ксѣевны. Это—драматизированныя свѣтскія переводныя повѣсти. Въ свое время П. О. Морозовымъ были анализированы нѣсколько такихъ пьесъ [1]). Новый матеріалъ даетъ поводъ подробнѣе разсмотрѣть вопросы о пьесахъ свѣтскаго содержанія, передѣланныхъ изъ повѣстей. Таковыхъ изъ вновь открытыхъ г. Шляпкинымъ оказывается четыре. Издатель отрывковъ въ изслѣдованіи, предпосланномъ текстамъ, возстановляетъ содержаніе и планъ комедій, руководясь хорошо извѣстными ему рукописями повѣстей соотвѣтствующихъ, тщательно, съ большой наблюдательностью отмѣчая сходныя мѣста, совпаденія и тѣ буквальныя выраженія, которыя вошли въ пьесы изъ повѣстей.

Обратимся въ частности къ отдѣльнымъ пьесамъ и представимъ резюмо изслѣдованія г. Шляпкина, отмѣчая наиболѣе существенное.

1) Комедія Петра Златыхъ Ключей—драматизація рыцарскаго романа, переведеннаго съ польскаго на русскій языкъ въ концѣ XVII вѣка. Г. Шляпкинъ даетъ краткій очеркъ литературной исторіи романа, указывая старшія западно-европейскія и польскія изданія, и сообщаетъ содержаніе романа съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ пріемовъ по списку XVII вѣка Императорской публичной библіотеки F XV, № 34. Масса списковъ относится къ XVIII вѣку; кромѣ указаннаго, къ XVII вѣку относится рукопись Царскаго № 438. Намъ извѣстенъ еще списокъ, неизвѣстный г. Шляпкину, интересный потому, что стоитъ какъ бы на грани XVII—XVIII столѣтій (не позже 1703 г.)—это рукопись Церковно-Археологическаго музея при Кіевской духовной академіи № 677, не описанная въ печатномъ каталогѣ проф. Н. И. Петрова [2]).

---

[1]) *Морозовъ*, Исторія русск. театра, I, 274, 280 и др.

[2]) Пользуемся случаемъ, чтобы сообщить нѣсколько свѣдѣній объ этой рукописи. Она писана скорописью на 346 лл. in 4°. Содержитъ въ себѣ: сначала выписки изъ Пролога; л. 18—*бесѣда св. отецъ*; нач.: правда с нбсе прниче і истинна от земли возсия.... до л. 22 об.; и 23—слово о ползѣ дшевной (о непечатной брани); л. 25 об.—апокрифическое житіе св. Андрея Критскаго; л. 33 об.—55 об. сказаніе объ освобожденіи Москвы отъ Гришки Отрепьева; л. 62—сказаніе и бесѣда отца къ сыну; л. 74—„Вирши о смерти"; л. 92—о поклоненіи волхвовъ; л. 101—изъ Лѣствицы духовной, Алфавитъ духовный. За симъ—аскетическія выписки, притчи и пр., и на лл. 277—326 „Повѣсть изрядная и зѣло преудивителная о Петрѣ кнзѣ Французскомъ и о прекрасной его кнгинѣ о Магиленѣ кралевне неополитанской которая во своей красотѣ и добродѣтели равной себѣ во всемъ свѣте не имѣла". *Нач.*: Въ Кралевствѣ Французскомъ много есть волных князей, между которыми во единой странѣ бысть бгородный кнзь именемъ *волеанъ*".... Каждая глава имѣетъ особое заглавіе. Отмѣчаемъ для буду-

Вмѣсто поставленнаго подъ сомнѣніемъ „*смевской* (=кіевскій?)“ [1]) предлагаемъ читать „свейскій“.

2) Комедія объ итальянскомъ (италиянния) маркграфѣ и о безмѣрной уклонности графины его—дошла въ крайне ничтожномъ отрывкѣ (менѣе одной печатной страницы) и является драматизаціей новеллы о Салуццо и Гризельдѣ, разказанной Боккачьо (Decam. X, 10). Въ виду ничтожности отрывка, трудно судить, имѣетъ ли онъ что нибудь общее съ средневѣковыми драматическими обработками; на основаніи наблюденій надъ другими пьесами репертуара царевны Наталіи вѣроятнѣе думать, что эта комедія, какъ и другія, построена на переводѣ новеллы, и драматизація была произведена уже на русской почвѣ.

3) Комедія Олундина—также является драматическою обработкою популярной въ концѣ XVII вѣка переводной съ польскаго повѣсти о цесарѣ Оттонѣ [2]), извѣстной въ массѣ списковъ.

Изъ неизвѣстныхъ г. Шляпкину списковъ укажу рукопись начала XVIII вѣка *F*°, писанная полууставомъ, принадлежащую церковно-археологическому музею при выше названной академіи № 534 (о. л. 48); здѣсь на л. 62—77—„Повѣсть от древнихъ лѣтописецъ, иже бысть въ палестинскихъ странахъ“, или, какъ читается въ оглавленіи рукописи (обор. обложки): „Повѣсть от древнихъ лѣтописецъ ѡ царицы и ѡ львицы“. Начало: „бысть въ палестинскихъ странахъ в велицемъ градѣ въ Ѳелѹменѣ царь благочестивъ и милостивъ... Этотъ текстъ значительно отличается отъ упомянутыхъ у г. Шляпкина. Отмѣчаю: „юноша же навыкал языка русскаго“ 70 об.; царь повелѣваетъ обучать его „воинской еѯерцыцыи“ 70 об.; враги требуютъ „поединщика“ л. 67 об.

„Комедія Олундина“, поскольку видно изъ отрывка, никакого отношенія не имѣетъ къ иностраннымъ обработкамъ того же сюжета и стоитъ въ непосредственной связи съ польскою повѣстью и ея русскимъ переводомъ. Къ сожалѣнію, изслѣдователь, указавъ на существованіе 2-хъ редакцій повѣсти, не отмѣтилъ, къ которой можно

щихъ изслѣдователей нѣкоторые обороты и слова: храборство 271 об., его богатырство 278, сердечне его возлюбилъ 278; рыгардусу 278; копье и шелмъ его 281; краль—passim; радошна бы я была 287. Встрѣчаются въ повѣсти попытки риемованной рѣчи. Дата написанія рукописи точнѣе опредѣляется такъ: л. 144. „Стихи изавителніи службою содѣлованія“—въ концѣ ихъ: „седмь тысящъ двусотъ третіего лѣта сія служба пѣта“, то-есть 1695 г.; л. 346, послѣ романа о Петрѣ Зл. Кл.: „списана сія повѣсть въ ,зфі годѹ августа въ кд днь“=1702 г.

[1]) *Шляпкинъ*, о. с., стр. XXVII.

[2]) Переведена на русскій языкъ въ 1677 году.

возвести оригиналъ, послужившій для драматизаціи. Что до самаго процесса обработки, то, по наблюденію г. Шляпкина, авторъ пьесы сократилъ содержаніе повѣсти, выбросилъ лирику и сохранилъ лишь эпическій элементъ.

4) Комедія о Менозинѣ, какъ видно изъ приведеннаго сличенія отрывка съ текстомъ романа того же имени [1]), сохранила очень много изъ своего оригинала: цѣлыя фразы пьесы цѣликомъ совпадаютъ съ романомъ, однимъ изъ любимѣйшихъ и извѣстныхъ въ массѣ списковъ.

Подводя итоги изслѣдованію текста отрывковъ, можемъ задать вопросъ: въ чемъ собственно заключалась работа авторовъ найденныхъ пьесъ? Они, какъ видно изъ ряда сопоставленій, ограничивались примѣненіемъ самаго простѣйшаго, дѣтскаго пріема: они выбирали все, нужное для діалога, опуская все то, что по ходу дѣйствію мѣшаетъ смѣнѣ картинъ. „Измѣненія допускаются лишь въ смыслѣ распространенія въ діалогической формѣ общихъ выраженій минейнаго текста“ [2]), или текста повѣсти. Порой авторъ сбиваетъ два эпизода въ одинъ, вѣроятно, для приданія большей сжатости дѣйствія и выпуклости, или въ виду требованій сцены, чтобы сократить число картинъ. Обрисовка характеровъ, замѣна происшествій разказами наперсниковъ еще отсутствуютъ; отсутствуютъ и символы и эмблемы, бывшіе въ такой модѣ въ царствованіе Петра Великаго.

Такимъ образомъ, по своему построенію разсмотрѣнныя пьесы приближаются къ тѣмъ, которыя вошли еще въ XVIII вѣкѣ въ народный репертуаръ и кое-гдѣ сохранились и до сихъ поръ, какъ, напримѣръ, пьеса о царѣ Максимиліанѣ и его сынѣ Адольфѣ.

Драматизація романовъ въ Россіи—явленіе несомнѣнно самостоятельное, ибо наши передѣлки повѣстей ничего общаго съ западно-европейскими не имѣютъ.

Какимъ же путемъ совершился этотъ переходъ повѣстей на сцену, что содѣйствовало этому переходу? Прежде всего помогъ діалогъ. Діалогическая форма изложенія, порой до надоѣдливости однообразная, похожая на протокольную запись, не рѣдка въ романахъ, переведенныхъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Подобный пріемъ отмѣтимъ и въ вышеупомянутомъ романѣ о Петрѣ Златыхъ Ключахъ. Всѣ

---

[1]) Переведенъ въ 1696 году, изданъ Имп. обществомъ древней письменности въ 1882 году; г. *Шляпкинъ* цитируетъ по своей рукописи.

[2]) *Шляпкинъ*, op. c., LII.

герои произносятъ рѣчи, приводимыя полностью; связкой служатъ выраженія: такой-то сказалъ, такой-то отвѣтилъ и т. п. Порой пишется только имя говорящаго лица, какъ въ драмѣ. Такъ, когда Петръ Златые Ключи просится изъ родительскаго дома „великой себѣ славы получить", родители плачутъ такими словами [1]): „ω чадо наше милое, только намъ и утѣхи ты, наша радость і веселіе при старости нашей, что ты единъ; а нынѣ хоцешь ты отъ насъ прочь отъѣхать: ты намъ будешь убойца обѣимъ, и при такой при старости нашей станемъ мы тужить, и съ великой по тебѣ печали помремъ"... Далѣе, видя упорное желаніе сына ѣхать въ чужіе края, „взявъ отецъ его къ себѣ, сталъ его наказывать и рече ему: „сыне мой возлюбленный, отпущаю я тебя выные государства. Слушай приказанія моего: бойся Бога и молися во дни и въ нощи—будешь отъ Бога помилованъ и отъ насъ благословенъ. Имѣй дружбу з добрыми товарыщи. Потомъ взяла его мати къ себѣ и стала его всякими словами наказывать, чтобъ за добромъ ходилъ, а худа бѣгалъ" (л. 279 об.). Подобное же видимъ съ чрезвычайною близостью къ роману о Петрѣ Златые Ключи и въ „Гисторіи о Александрѣ Россійскомъ дворянинѣ" (рукоп. Моск. Публ. и Рум. Муз. № 2746, вторая статья), слѣдующей въ названномъ спискѣ непосредственно за романомъ о Петрѣ Златые Ключи, который, вѣроятно, послужилъ образцомъ для сочинителя „Гисторіи". Въ концѣ „Гисторіи" герой разговариваетъ съ своими возлюбленными и друзьями, при чемъ діалогъ совершенно вытѣсняетъ повѣствованіе: составителю пьесы стоило бы только разбить разказъ на явленія или „дѣйства" и „сѣни"—и старинная комедія, во вкусѣ тѣхъ, что давались на театрѣ царевны Наталіи Алексѣевны, была бы готова. Сказанное относится къ значительному количеству переводныхъ романовъ начала XVIII вѣка, списокъ которыхъ данъ акад. А. Н. Пыпинымъ въ книгѣ „Для любителей книжной старины" и въ сборникѣ „Починъ".

Возвращаясь еще разъ къ содержанію труда г. Шляпкина, отмѣтимъ небезъинтересныя вирши Луки Голосова на Рождество Христово и другія его стихотворенія. Обычай поздравлять разныхъ милостивцевъ, сочиняя по случаю праздниковъ похвальныя оды имъ, или посвящая стихи, имѣющіе отношеніе къ празднику, явленіе въ московской жизни несомнѣнно новое и зашло съ юго-запада, гдѣ развилось изъ подражанія польской панегирической литературѣ. Въ Москвѣ луч-

[1]) Цитирую по рукописи церковно-арх. муз. № 677, л. 279 сл.

вѣдевъ. Быть можетъ, и Л. Голосовъ имѣлъ какое либо отношеніе къ этимъ личностямъ—или, что проще, шелъ за вѣкомъ въ его увлеченіи хитрыми „двоестрочными согласіями", съ „краегранесіемъ". Подобно тому, какъ при виршахъ Кир. Транквилліона въ его „Перлѣ многоцѣнномъ" 1646 г., такъ и при „Діалогахъ" Луки Голосова мы находимъ „орацію", которую произноситъ „начальникъ", вслѣдъ за которымъ выступаютъ отроки, каждый со своей похвалой Рождеству Христову—подобно тому, какъ въ „Виршахъ" Памвы Берынды на Рождество 1616 г.

Что касается содержанія „Діалоговъ" Голосова, то оно гораздо бѣднѣе, чѣмъ вирши Берынды и даже—Транквилліона. За то въ въ нихъ гораздо болѣе выдержана риторическая стройность: первое стихотвореніе посвящено Богу Отцу, второе—Богу Сыну, третье—излагаетъ пророчества, прообразующія Христа, и т. д. описывается величіе Бога сошедшаго въ нищету, подробности его хожденія, изображается радость всего міра и предлагается православнымъ принести дары Богу. Послѣднее—10-е стихотвореніе — переработка извѣстнаго въ массѣ рукописей слова св. Василія В. на Рожд. Хр. За симъ—похвала Богородицѣ, ирмосы въ стихахъ, привѣтствія царю Петру Великому, патріарху Адріану, архіерею и др. Что касается формы стиха, то она не выдержана: преобладаетъ обычный 13-ти-сложный размѣръ, но въ немъ встрѣчаются и 11 и 12-ти-сложныя строки. А въ привѣтствіяхъ—порою одна риѳмованная проза: рядомъ стихи въ 16—11 и 6 слоговъ. Едва-ли всѣ стихотворенія сочинены Л. Голосовымъ; въ этомъ заставляетъ сомнѣваться разница въ стихѣ—и стихѣ „Діалоговъ" и остальныхъ виршъ. Отмѣтимъ въ заключеніе риѳму убити—терпѣти (стр. 71). Едва ли у москвича могла бы встрѣтиться подобная риѳма, развѣ, впрочемъ, если онъ побывалъ въ школѣ южноруссовъ и былъ начитанъ въ ихъ поэзіи. Отмѣчаю, какъ малоруссизмъ, „приношаю", приношати (стр. 71). Вирши Л. Голосова особенно интересны и важны для изучающихъ старинную русскую виршевую поэзію, возникшую подъ вліяніемъ малорусской школы и литературы. Изъ сдѣланнаго нами обзора уже съ достаточною ясностью видно, насколько важны для науки матеріалы, изданные г. Шляпкинымъ. Они даютъ возможность возстановить цѣлый періодъ въ исторіи русскаго театра и позволяютъ исправить нѣкоторыя ошибки и неточности прежнихъ изслѣдованій. Сообщаемый матеріалъ, несмотря на отрывочность и неполноту, приноситъ много новаго, ставя на прочную

почву вопросъ о репертуарѣ театра Петровскаго времени и о степени авторства царевны Наталіи Алексѣевны. Сопровождающее тексты изслѣдованіе выполнено съ полнымъ знаніемъ литературы Петровской эпохи и прекрасно освѣщаетъ данныя, представленныя устюжскими отрывками.

В. Перетцъ.

Книжныя новости.

Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Т. XV, вып. 3. Казань, 1899.—Разсматриваемый нами третій выпускъ XV т. названныхъ „Извѣстій" начинается довольно интересною статьею свящ. С. Матвѣева о „погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи". Вслѣдъ за нею помѣщены „Историческія пѣсни казанскихъ татаръ", сообщенныя г. Н. Катановымъ. По его словамъ, сочиненіемъ этихъ пѣсенъ, называемыхъ „бейтами", занимаются „обыкновенно молодые люди, учащіеся или учившіеся въ медресахъ, мусульманскихъ среднихъ школахъ, а иногда и старцы, знакомые съ мусульманскою ученостью". Въ противоположность имъ народныя пѣсни—„джыры"—слагаются и поются неграмотною толпою, чаще всего на праздникахъ, и отличаются при этомъ меньшею содержательностью сравнительно съ „бейтами". Первою пѣснью помѣщена „пѣсня о взятіи Казани русскими", состоящая изъ 29 куплетовъ и сообщающая о славныхъ временахъ при ханѣ Едигерѣ, объ „обидахъ и притѣсненіяхъ", бывшихъ при его преемникѣ Шигалеѣ, подкупленномъ русскими, о битвахъ подъ Казанью, о построеніи Свіяжска, о безуспѣшной попыткѣ богатыря Чуры убить Іоанна Грознаго и о взятіи Казани русскими. Слѣдующія двѣ: „о французахъ и Александрѣ I" и „о французахъ и Николаѣ I" почти тожественны по содержанію и состоятъ каждая изъ трехъ куплетовъ. Всѣ три напечатаны въ подлинникѣ въ двухъ транскрипціяхъ—арабско-татарской и русской академической—и въ русскомъ переводѣ. „Въ дополненіе" къ нимъ г. Катановъ помѣстилъ еще двѣ небольшихъ пѣсни, сочиненіе которыхъ приписывается казанскимъ ханамъ XVI вѣка: Мухаммедъ-Амину и Шигалею. Въ пѣсни перваго говорится о Тамерланѣ, а втораго объ его „везиряхъ". Затѣмъ въ числѣ „матеріаловъ" находимъ любопытныя свѣдѣнія о „баксахъ", какъ лекаряхъ и колдунахъ (остаткахъ шаманства), съ многочисленными ихъ „призывами и заклинаніями", собранныя г. А. Диваевымъ, и двѣ статейки г. В. Борисова. Въ первой изъ нихъ: „Лаишевъ въ XVI и XVII вѣкахъ" онъ сообщаетъ кой-какія свѣдѣнія о состояніи Лаишевскаго острога и его укрѣпленій въ половинѣ XVI вѣка и о числѣ жителей и дворовъ въ 1646 г. Во второй касается „тяжбы г. Царевококшайска съ окольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли", свидѣтельствующей между прочимъ о томъ, какъ нетвердо было на первыхъ же порахъ осуществленіе нормъ уложенія 1649 г. при столкновеніи тяглыхъ людей съ сильными боярами. Въ

концѣ выпуска помѣщена рецензія г. С. К. на книгу А. Н. Минха „Историко-географическій словарь Саратовской губерніи“, вып. I, заключающая нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній и поправокъ.

Историческая записка Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая за XXX лѣтъ. М. 1899.—Названная „Записка“ составлена по предложенію нынѣшняго директора лицея Цесаревича Николая, Л. А. Георгіевскаго и при его главномъ участіи и подъ его редакціей, въ сотрудничествѣ А. А. Гиляровa, С. О. Любомудрова, К. К. Добровольскаго, Н. О. Голубова, В. В. Глазкова, І. И. Соловьева, Н. Н. Муравьева, В. А. Грингмута и И. С. Страхова. Состоитъ она изъ 14 главъ и представляетъ собою сырой матеріалъ, о достоинствѣ котораго самъ редакторъ выражается такъ: „многое въ Исторической запискѣ неполно, многое не досказано, много есть неравномѣрностей въ отдѣльныхъ частяхъ, не мало найдется и другихъ погрѣшностей“ (стр. VII). Въ первой главѣ, состоящей изъ 178 стр. и принадлежащей Л. А. Георгіевскому, сообщаются „матеріалы для историческаго очерка“ лицея, изъ которыхъ узнаемъ, что лицей открылъ свою дѣятельность 13-го января 1868 года за 1½ года до утвержденія его устава; что первоначально задачи его были формулированы довольно широко:—„содѣйствовать утвержденію основательнаго образованія русскаго юношества; путемъ живаго опыта способствовать развитію въ Россіи самостоятельнаго педагогическаго дѣла, и вырабатывать на практикѣ его основанія, пріемы и способы“,—но вторымъ уставомъ 1890 г. онѣ сводились къ слѣдующему: „сообщать обучающемуся въ лицеѣ юношеству общее среднее образованіе; содѣйствовать возможно успѣшному прохожденію университетскаго курса по факультетамъ: историко-филологическому, юридическому и физико-математическому, и содѣйствовать практической подготовкѣ преподавателей для гимназій“. Принявъ въ свое вѣдѣніе лицей, П. М. Леонтьевъ почти единолично создалъ и полнѣйшую организацію его гимназическихъ классовъ, главнѣйшей особенностью которой былъ институтъ туторовъ—опекуновъ воспитанниковъ. Нѣсколько лѣтъ при лицеѣ существовала Ломоносовская семинарія, учрежденная для крестьянскихъ дѣтей, проходившихъ гимназическіе классы особо отъ остальныхъ лицеистовъ, и давшая около 30 дѣятелей, большею частью педагоговъ,—въ томъ числѣ проф. Л. А. Денисова, приватъ-доцента Александрова, редактора издателя „Русскаго Обозрѣнія“, и С. И. Любомудрова, извѣстнаго своими учебниками и многочисленными педагогическими статьями, Послѣ Леонтьева директорами лицея были: М. Н. Катковъ. К. Н. Станишевъ, В. А. Грингмутъ и нынѣ Л. А. Георгіевскій. Вторая глава „Исторической записки“ содержитъ перечень всѣхъ начальниковъ и учителей лицея, третья—„учебную часть гимназическихъ классовъ“, четвертая — воспитательную; въ пятой говорится о больницѣ и санитарной части лицея, въ шестой—о Ломоносовской семинаріи; въ седьмой даются списки воспитанниковъ лицея, изъ которыхъ видно, что за время 30-лѣтняго существованія лицея въ него было принято 975 учениковъ, изъ которыхъ окончило полный гимназическій курсъ—416 чел.; восьмая посвящена университетскому отдѣленію, девятая—церкви, основанной на средства М. Н. Каткова, десятая — библіотекамъ и кабинетамъ (физическому и естественныхъ наукъ) лицея, одиннадцатая—хозяйствен-

ной части (за 30 лѣтъ лицеемъ получено 4.256.889 р. платою за воспитанниковъ болѣе 2.000.000 руб., субсидій государственнаго казначейства — около 700.000 руб., двумя займами и пожертвованіями, изъ которыхъ наибольшія принадлежатъ С. С. Полякову—205.195 руб. и М. Н. Каткову—116.583 руб., а израсходовано — 4.245.779 руб., въ томъ числѣ на постройку собственнаго зданія—709.248 руб.); въ двѣнадцатой говорится о помѣщеніи лицея, въ тринадцатой объ основателяхъ его, бывшихъ дѣятеляхъ и воспитанникахъ и въ послѣдней — приведенъ перечень литературныхъ трудовъ и изданій самаго лицея, служащихъ въ немъ и бывшихъ воспитанниковъ. Изъ послѣднихъ заявили себя научными и литературными трудами 22 лица, среди которыхъ наибольшою извѣстностью пользуются: Ю. А. Кулаковскій, ордин. проф. университета св. Владиміра; Е. В. Пассекъ, проф. Юрьевскаго университета; Я. А. Денисовъ, проф. Харьковскаго университета; М. Меѳ. Катковъ, приватъ-доцентъ Демидовскаго юридическаго лицея и редакторъ-издатель „Русскаго Вѣстника"; упомянутый уже А. А. Александровъ, Л. А. Георгіевскій, С. И. Уманецъ и также упомянутый С. И. Любомудровъ. Въ концѣ книги помѣщены указатели—личный и предметный. Въ текстѣ ея находятся прекрасно сдѣланные портреты: Государя Императора Николая Александровича, нынѣшняго августѣйшаго покровителя лицея; цесаревича Николая Александровича; императора Александра III, бывшаго покровителемъ лицея около 14 лѣтъ; вел. кн. Сергія Александровича, нынѣшняго почетнаго попечителя лицея; князя Долгорукова, бывшаго его почетнаго попечителя, и основателей лицея М. М. Каткова и П. М. Леонтьева, а также нѣсколько фототипій внѣшнихъ и внутреннихъ частей лицейскаго зданія.

Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карѣева*. Т. Ф. С.-Пб. 1899.—Открывается названный „Сборникъ" „Проектомъ уложенія государственныхъ законовъ" знаменитаго Мих. Мих. Сперанскаго, напечатаннымъ по черновой его рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Обширный планъ государственнаго устройства, составленный Сперанскимъ въ 1809 г., до сихъ поръ не былъ напечатанъ цѣликомъ, и ученые довольствовались выдержками и изложеніемъ его въ извѣстной книгѣ Н. И. Тургенева: „La Russie et les Russes" (т. III), гдѣ, впрочемъ, есть мѣста, не встрѣчающіяся въ рукописи и, вѣроятно, составленныя Сперанскимъ позднѣе. По словамъ автора предисловія къ „Проекту", В. Семевскаго, сдѣланное г. Шильдеромъ въ его трудѣ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе" изложеніе „Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ" (такъ озаглавлена черновая рукопись Сперанскаго), страдаетъ „опущеніями весьма важныхъ мѣстъ„ и „искажающими смыслъ ошибками". Слѣдующей статьей является обширная біографія Шарля Фурье, составленная Н. В. Водовозовымъ. „Ни въ обществѣ, ни въ литературѣ", говоритъ біографъ, „нѣтъ вполнѣ установившагося взгляда на Фурье. Одни видятъ въ немъ только безумнаго мечтателя, другіе — выдающагося мыслителя. Одни обвиняютъ его въ безнравственности, другіе называютъ проповѣдникомъ новой, болѣе чистой и совершенной нравственности. Историки-экономисты относятся къ Фурье въ большинствѣ случаевъ крайне неблагосклонно; они ему

отказываютъ въ званіи ученаго и помѣщаютъ въ рубрику „утопистовъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе авторы писатели, какъ Лоренцъ Штейнъ и Милль, даютъ довольно благосклонныя характеристики ученія Фурье“ (стр. 63). Г. Водовозовъ беретъ, повидимому, подъ свою защиту Фурье и его ученіе и старается установить болѣе „правильный“ и „критическій“ взглядъ на послѣднее, дѣлая это уже не впервые: въ 1892 г. онъ писалъ о томъ-же самомъ въ „Русской Мысли“. Послѣ изложенія, довольно подробнаго, біографическихъ данныхъ Фурье, онъ даетъ „предварительныя замѣчанія о характерѣ всего ученія Фурье“ и затѣмъ подробно останавливается на отдѣльныхъ его частяхъ, руководясь, главнымъ образомъ, „Новымъ Міромъ“, „Теоріей четырехъ движеній“ и „Универсальной гармоніей и фаланстеромъ“. Въ заключеніе своего изложенія авторъ говоритъ: „вліяніе, оказанное Фурье на современниковъ и потомковъ, было двоякаго рода: съ одной стороны нѣкоторые изъ ученыхъ экономистовъ позднѣйшаго времени не только ознакомились съ его „соціальной системой“, но даже отчасти отдѣльными мыслями позаимствовались изъ нея, съ другой — непосвященная, средняя читающая публика нашла въ сочиненіяхъ Фурье обильный матеріалъ для размышленія надъ многими соціальными вопросами. Онъ является связующимъ звеномъ между отвлеченной наукой и „обыденнымъ мышленіемъ“; своимъ своеобразнымъ страстнымъ краснорѣчіемъ онъ увлекаетъ за собой массу послѣдователей, направляетъ фантазію людей въ извѣстную сторону и настойчиво выдвигаетъ впередъ „рабочій вопросъ“. Далѣе помѣщена статья неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о сословіи „μόθακες въ древней Спартѣ“, утверждающаго, что μόθακες были сыновья гелотовъ, которые воспитывались вмѣстѣ съ сыновьями спартіатовъ на средства богатыхъ спартіатовъ, получали свободу и служили въ войскѣ“ (стр. 146). Въ концѣ „Сборника“, въ видѣ приложенія, напечатаны записки С. И. Носовича за 1861 — 1863 года— „Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи“, подъ редакціей В. И. Семевскаго. Эти „Записки“ чрезвычайно интересны по гуманному и высококультурному взгляду автора на крестьянскую реформу, по справедливому и крайне симпатичному отношенію его къ крестьянамъ и, наконецъ, по многимъ подробностямъ, характеризующимъ дворянъ Новгородской губерніи и обстоятельства первоначальнаго введенія въ жизнь „Положенія 19-го февраля 1861 г.“ С. И. Носовичъ, помѣщикъ Новгородской губерніи, былъ тогда членомъ отъ правительства по введеніи реформы; впослѣдствіи онъ служилъ въ Туркестанѣ, былъ губернаторомъ въ Иркутскѣ и умеръ 1-го января 1897 г. „Его записки“, говоритъ В. Семевскій, „послужатъ ему лучшимъ памятникомъ; изъ нихъ виденъ просвѣщенный, либеральный образъ мыслей автора въ крестьянскомъ дѣлѣ“.

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ поступили въ продажу слѣдующія изданія Академіи:

Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію (Mémoires, VIII Série):

Tome VII. № 4 et dernier, *Renz, F.* Position der Jupiterstrabanten, nach Photographischen—Aufnahmen berechnet. I. Teil. Oppositionen 1891—1895. 3 руб. 60 коп.=9 Mrk.

Tome VIII. № 1. Отчетъ объ экспедиціи Императорской Академіи Наукъ на Новую Землю лѣтомъ 1896 года. Съ 8-ю фототипическими снимками и 6-ю картами. 6 руб.=15 Mrk.

Tome VIII. № 2. *Holm, Gerhard.* Ueber die Organisation der Eurypterus Fischeri Eichw. Mit 10 Tafeln. 3 руб. 20 к.=8 Mrk.

Tome VIII. № 3, *Struve, Hermann.* Beobachtungen der Marstrabanten in Washington, Pulkowa und Lick-Observatory. 1 руб. 60 к.=4 Mrk.

Tome VIII. № 4. *Куриловъ, В.* Опытное изученіе химическихъ равновѣсій въ системахъ изъ двухъ и трехъ веществъ. 2 руб. 40 к.=6 Mrk.

Tome VIII. № 5. *Фусъ, В.* Опредѣленія географическихъ широтъ и долготъ, произведенныя въ 1893 г. лейтенантомъ Е. И. Шилейко во время экспедиціи на Ново-Сибирскіе острова и вдоль береговъ Ледовитаго океана. 80 коп.=2 Mrk.

Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires, VIII Série):

Tome III. № 3. *Васильевъ, А.* Греческій текстъ житія сорока двухъ Аморійскихъ мучениковъ по рукописи Парижской Національной библіотеки № 1534. 40 коп.=1 Mrk.

Tome III. № 4. *Westberg, Friedrich.* Ybrâhîm's-ibn-Iâkûb's Reisebericht über die Slawenlande aus dem Jahre, 965. 1 р. 60 к.=4 Mrk.

Tome III. № 5. Отчетъ о 39-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1 р. 80 к.=4 Mrk. 50 Pf.

Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ 11-й. (Томъ II вып. 5-й). 1 руб.=2 Mrk. 50 Pf.

C. Bendall, M. A. Bibliotheca Buddhica. Çikshâsamuccaya A compendium of buddhistic teaching compiled by Çântideva chiefly from earlier mahâyâna-sûtras. 1 руб.=2 Mrk. 50 Pf.

Ежегодникъ Зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ 1898. № 2. 1 руб.=2 Mrk. 50 Pf.

Тоже, 1898. № 3—4. 2 р. 80 к.=7 Mrk.

Порфирій (*Успенскій*) архимандритъ. Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархіи. Томъ I, подъ редакціей *Хр. М. Лопарева*. 5 руб.= 12 Mrk. 50 Pf.

Византійскій Временникъ. Подъ редакціею *В. Г. Васильевскаго* и *В. Э. Регеля*. Томъ VI, вып. 1-й—2-й. (Βυζαντινὰ Χρονικά). Годовая цѣна 5 руб.

Radloff, W. D-r. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. 1899. 3 руб.=7 Mrk. 50 Pf.

Сочиненія Пушкина. Томъ I. Лирическія стихотворенія (1812—1817). Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ *Леонидъ Майковъ*. 3 рубля (*Распроданъ*).

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ: Томъ IX, № 5 (декабрь) 1898 г., Томъ X, № 1 (январь) 1899 г., Томъ X, № 2 (февраль) 1899 г., Томъ X, № 3 (мартъ) 1899 г., Томъ № 4 (апрѣль) 1899 г., по 1 руб.=2 Mrk. 50 Pf.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Тома III книжка 4-я, 1898. 1 р. 50 к. Тома IV книжка 1-я 1899. 1 р. 50 к.

Герцъ, К. К. Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени профессора К. К. Герца. Выпускъ 3-й (письма изъ Италіи и Сициліи). 1899. 1 руб. 40 к.=3 Mrk. 50 Pf.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА[1]).

Титъ Ливій, Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей *П. Адріанова.* Томъ VI, книги XXXVI—XLV. Изданіе наслѣд. А. Г. Кузнецова. Москва. 1899. Стр. IV+679+VII. Ц. 3 р.

Громадное предпріятіе г. Адріанова быстро двигается впередъ, и недалеко то время, когда русская литература обогатится полнымъ переводомъ всего того, что сохранилось намъ отъ древности подъ именемъ Тита Ливія. Изданныя въ VI томѣ книги Ливія переведены слѣдующими лицами: XXXVI—инспекторомъ троицкой гимназіи С. Я. Соболевымъ, XXXVII—преподавателемъ екатеринбургской гимназіи В. М. Тимоѳеевымъ, XXXVIII—преподавателемъ троицкой гимназіи М. М. Вукомъ, XXXIX—преподавателемъ той же гимназіи А. И. Богородицкимъ, XL—бывшимъ преподавателемъ уральской войсковой гимназіи А. Поповымъ, XLI—преподавателемъ екатеринбургской гимназіи Э. А. Бруттаномъ, XLII—директоромъ екатеринбургской гимназіи М. П. Федоровымъ и преподавателемъ троицкой гимназіи И. Ф. Макаренковымъ, XLIII—директоромъ уфимской гимназіи В. Н. Матвѣевымъ, XLIV—бывшимъ преподавателемъ той же гимназіи И. А. Зоринымъ, XLV—преподавателемъ той же гимназіи А. П. Лисовскимъ. Общая редакція отдѣльныхъ переводовъ принадлежитъ г. П. Адріанову.

И про этотъ томъ слѣдуетъ сказать то, что мы сказали про предъидущіе, что переводъ въ общемъ исполненъ удовлетворительно, передавая подлинникъ съ достаточной близостью; если гдѣ и есть нѣкоторыя отъ нея отступленія, то они объясняются желаніемъ при-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

дать русскому изложенію бо́льшую гладкость, и могутъ быть вполнѣ оправданы. Грубыхъ ошибокъ и прямаго непониманія подлинника мы не замѣтили. При бѣгломъ чтеніи перевода нами отмѣчены слѣдующія мѣста, съ которыми врядъ-ли можно будетъ согласиться. Стр. 9 „они какъ люди всегда истящіе находящимся на лицо и проявляющіе ту же трусость при испрошеніи прощенія". Здѣсь, очевидно, опечатка, и вмѣсто „истящіе", должно стоять „льстящіе": по латыни „adulando". Стр. 12 „За какое дѣло онъ вызываетъ ихъ на войну"; въ подлинникѣ нѣсколько сильнѣе: „bello lacesseret". Стр. 17 „Въ это посольство съ умысломъ были выбраны Мнасилохъ и его сторонники". Въ подлинникѣ нѣсколько иначе: „de industria conjecti". Стр. 19 оставлено безъ перевода слово „delectos", относящееся къ военнымъ трибунамъ. Стр. 31 слово „argenti bigati" передано черезъ описаніе: „денаріевъ". Стр. 38 „я требую, чтобы вы немедленно выдали мнѣ вашего гражданина Дикеарха, Менесту Эпирота". Здѣсь передъ словомъ „Менесту" опущено „и". Стр. 56 досадная опечатка—„флагъ" вмѣсто „флангъ". Стр. 70 „посланные въ продолженіе нѣсколькихъ дней пріобрѣли огромную добычу". Въ подлинникѣ нѣсколько сильнѣе „averterunt". Стр. 77 „къ городу, чтобы вызвать изъ него македонянина", въ подлинникѣ опредѣленнѣе: „ad eliciendum extra moenia Macedonem". Стр. 89 „Фазелидъ лежитъ на границѣ Ликіи и Памфиліи; онъ далеко выдается въ море"; лучше было бы этому слову придать женскую форму: „Фазелида". Стр. 96 „жители Теоса послали къ римлянину пословъ". Лучше было бы слово „римлянинъ" замѣнить множественнымъ числомъ. Стр. 109 опечатка „Догавъ" вмѣсто „Даговъ". Стр. 133 „Въ самомъ дѣлѣ, если бы нельзя было почтить царя, вашего союзника и друга, оказавшаго услуги въ этой самой войнѣ, о наградахъ за которую идетъ рѣчь иначе, какъ отдавъ ему въ рабство освобожденныя государства, то дѣйствительно рѣшеніе этого спора было бы затруднительно, чтобы или дружественнаго царя не оставить безъ награды, или не отступить отъ своего обычая и порабощеніемъ столькихъ государствъ не набросить тѣнь на славу, которую вы пріобрѣли въ войнѣ съ Филиппомъ". Фраза довольно нескладная и непонятная. Стр. 141 и слѣдующія: встрѣчаемъ терминъ „тетрахма" вмѣсто „тетрадрахма". Стр. 148 „поэтому они предварительно выхлопотали у родосцевъ и аѳинянъ посольства съ тѣмъ, чтобы..." и т. д. По русски такое выраженіе врядъ-ли употребительно, точно также какъ на той-же стр. врядъ-ли удобно сказать по русски: „нисколько не позаботившись объ отвращеніи войны,

прежде, чѣмъ когда врагъ почти былъ передъ глазами". Стр. 153 употребляется безъ всякаго объясненія малопонятный терминъ „винеи". Стр. 159 „Которые во-первыхъ помогали Антіоху своими вспомогательными войсками, а во-вторыхъ, такого неукротимаго нрава, что Антіохъ напрасно отброшенъ за горный хребетъ Тавра, если не будетъ сокрушено могущество Галловъ". Помимо вообще нескладной фразы, въ ней неудобно отсутствіе глагола. Стр. 164 „У такъ называемой Ксилины Комы". Слово „Ксилины", соотвѣтствующее греческому ξυλίνη, слѣдовало бы перевести на русскій языкъ словомъ: „деревянный". Стр. 167 „выбрала себѣ мѣстожительство среди самой кроткой породы людей". Фраза по русски не совсѣмъ употребительная, также какъ и на стр. 179: „оставалась еще не початая война съ Тектосагами". Стр. 257 „впрочемъ изъ города бѣжало такъ много людей, теряя право вести свои процессы и лишаясь предмета тяжбы". Эта малопонятная фраза требовала бы объясненія. Стр. 261 „побѣда остала нерѣшенной, развѣ только, что"... и т. д. фраза неловка. Стр. 293 „знаменитую куртизанку", выраженіе слишкомъ модернизованное вмѣсто простаго латинскаго выраженія „famosam mulierem". Стр. 301 „Сокровищница огороженная четырехугольными квадратными плитами". По латыни этой тавтологіи нѣтъ, и стоитъ просто: „saxo quadrato". Стр. 312 „Непогода съ крышъ нѣсколькихъ храмовъ сорвала и ужасно разметала фронтоны". По латыни читается „foede", что скорѣе соотвѣтствуетъ нашему „безпорядочно". Стр. 318 „Тѣмъ не менѣе для большаго скандала приказалъ запереть дверь". Выраженіе слишкомъ отзывающееся современностью: по латыни: „infamandae rei causa". Стр. 384 „гдѣ происходило лектистерніе". Этотъ терминъ требуетъ объясненія. Стр. 424 „Маркъ Фурій Крассипъ" вмѣсто „Крассипедъ". Стр. 480 „Послы потребовали только отъ Ахеянъ представить имъ 1000 воиновъ". По латыни: „darent", такъ что не слѣдуетъ ли видѣть здѣсь опечатку вмѣсто: „предоставить?". Стр. 521 Неодобрительно смѣшаны термины „плебсъ и народъ", и т. д.

Учебникъ теоріи словесности. Теоретическія положенія, историческія свѣдѣнія разборы образцовъ. Выпускъ I. Общая теорія словесности. Теорія прозы.—Предварительныя свѣдѣнія о поэзіи. Составилъ *М. Г. Павловичъ*. С.-Пб. 1899. X+206. Цѣна 85 коп.

Сочиненіе это названо учебникомъ, а слѣдовательно предназначалось его авторомъ не для чтенія учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, а для систематическаго разучиванія въ классахъ. Поэтому

мы прежде всего ищемъ въ немъ *стройности* и *законченности* въ *системѣ*, особенно, въ виду того, что предметъ его относится къ теоретическимъ; затѣмъ *научности* основныхъ *положеній*, и, наконецъ *вразумительности* и *точности* въ *изложеніи* вообще, и въ *опредѣленіяхъ*, въ частности.

Къ сожалѣнію, первое условіе покуда не можетъ быть признано выполненнымъ, такъ какъ сочиненіе не закончено: теоріи поэзіи удѣлено всего 23 страницы, причемъ о поэзіи даются только предварительныя свѣдѣнія. I. Общая теорія словесности распадается въ книгѣ на три части: 1) теорію сочиненія, 2) стилистику и 3) версификацію и занимаетъ 78 страницъ. II. Частная теорія словесности состоитъ изъ: 1) предварительныхъ свѣдѣній, затѣмъ 2) теоріи прозы, гдѣ разсматриваются послѣдовательно: проза а) описательно-повѣствовательная, б) философская и в) ораторская, и III. Теоріи поэзіи (начало),— всего 119 страницъ.

Въ качествѣ особенностей своей книги г. Павловичъ выставляетъ во-первыхъ, помѣщеніе въ нее разборовъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, а во-вторыхъ, расширеніе нѣкоторыхъ статей теоріи словесности, противъ обычнаго ихъ трактованія въ учебникахъ. Включеніе въ книгу разборовъ авторъ оправдываетъ дидактическимъ соображеніемъ, въ силу котораго это освобождаетъ учениковъ отъ безпорядочнаго записыванія разборовъ со словъ учителя. Я бы противопоставилъ этому соображенію слѣдующее: не позволятъ ли эти готовые книжные разборы обходиться безъ чтенія самыхъ образцовъ; матеріалъ въ книгѣ г. Павловича увеличенъ включеніемъ въ нее статей о церковномъ краснорѣчіи и о панегирикахъ: хотя, по программѣ нашихъ гимназій, ученики и изучаютъ нѣсколько произведеній церковнаго краснорѣчія, благодаря или особому литературному ихъ значенію, или интересу историческому, но до сихъ поръ въ учебникахъ для гимназій и реальныхъ училищъ еще не излагалась теорія *слова*, *бесѣды*, *катехизическаго поученія* и едва-ли, въ видахъ ограниченности времени, отводимаго на теорію словесности вообще и теорію прозы въ частности, было бы особенно полезно останавливать вниманіе учениковъ старшихъ классовъ на такихъ частностяхъ, тѣмъ болѣе что у самого преподавателя, если онъ не получилъ спеціально-богословскаго образованія, можетъ получиться въ этомъ отношеніи слишкомъ мало свѣдѣній. Мнѣ извѣстны случаи, когда, наоборотъ, даже нѣкоторыя изъ древнихъ поученій разучивались, въ пособіе преподавателю русской словесности, законоучителемъ, который, конечно, могъ

объяснить и освѣтить ихъ съ гораздо бо́льшимъ знаніемъ дѣла.— Авторъ разбираемой книги указываетъ еще на то, что онъ расширилъ параграфъ о случаяхъ нарушенія ясности рѣчи: въ сущности, сравнивая въ этомъ отношеніи его книгу хотя бы съ учебникомъ г. Филонова мы не находимъ большаго расширенія указанной статьи: выборъ же новыхъ примѣровъ довольно трудно одобрить: дѣло въ томъ, что г. Павловичъ выписываетъ выраженія изъ нѣкоторыхъ современныхъ сочиненій, вродѣ учебника словесности г. Орлова или перевода сочиненій Дюринга, сдѣланнаго г. Антоновскимъ, и показываетъ, что́ въ этихъ выраженіяхъ неяснаго. Въ виду того, что эти выписки помѣщаются въ учебникѣ надо полагать, что г. Павловичъ былъ бы не прочь, чтобы ученики заучивали фразы вродѣ слѣдующей: „Командующіе классы составляютъ нѣчто далеко не безразличное въ дѣланіи славы“ (стр. 20).

Дополнилъ къ обычному курсу г. Павловичъ еще 12 видовъ фигуръ словъ и мыслей, какъ *многосоюзіе*, *окруженіе*, *заимословіе* и т. д. Къ сожалѣнію, въ дидактическомъ смыслѣ это едва-ли можетъ назваться полезнымъ, такъ какъ изложено безъ всякой системы; авторъ могъ-бы воспользоваться уже давно установившимися въ наукѣ систематическими изложеніями этого вопроса (хотя бы въ книгахъ G. Gerber. Die Sprache als Kunst. Zwei Bände и у хорвата Zima. Figure u našim narodnom pjesničtvu. Есть и переведенная по русски Грузинскимъ книжка Миклошича объ образной, поэтической рѣчи въ славянской народной поэзіи). Отмѣчается г. Павловичемъ какъ преимущество его книги еще подробное изложеніе метрическаго стихосложенія (стр. 60 и слл., 69); но по этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что для цѣлей русской словесности свѣдѣнія объ адоническомъ и сатурническомъ стихѣ (безъ примѣровъ, стр. 70) вовсе не полезны, а для словесности греко-римской во всякомъ случаѣ недостаточны.

Да и совершенно невѣрно такое положеніе, напримѣръ, будто *долгія буквы произносились вдвое дольше* (протяжнѣе) *короткихъ* (60).

Кромѣ того, г. Павловичъ указываетъ въ предисловіи на то, что онъ внесъ въ свою книгу нѣкоторые термины, до сихъ поръ въ учебникахъ не разъяснявшіеся: таками считаетъ онъ „основательное сочиненіе, поверхностное, голословныя положенія.

Слогъ напыщенный, вычурный, сжатый и „обильный“ (стр. V). Не знаю, въ какой мѣрѣ выраженіе *вычурный* слогъ можетъ быть названо *терминомъ*, особенно научнымъ. Да и вообще долго останавливать мысль учащагося на ошибкахъ и несовершенствахъ, въ тео-

ретическомъ курсѣ едва-ли практично: преподаватели говорятъ объ этомъ чаще попутно, при объясненіи недостатковъ, замѣчаемыхъ ими въ ученическихъ сочиненіяхъ.

Мало пригоднымъ для составленія плановъ сочиненій при современныхъ нашихъ требованіяхъ, оказывается и то, что г. Павловичъ говоритъ на стр. 6 и 7 о 24 „источникахъ изобрѣтенія". Слѣдуя схоластическимъ риторикамъ, г. Павловичъ, какъ мнѣ кажется, нерѣдко даетъ положенія слишкомъ апріорныя: такъ въ общей части курса, гдѣ говорится равно о сочиненіяхъ прозаическихъ и поэтическихъ, то-есть, выясняются родовые признаки сочиненія мы находимъ (стр. 10) слѣдующее утвержденіе: „Эпизоды (въ текстѣ „Но такія части") допускаются въ сочиненіи лишь тогда, когда безъ нихъ дальнѣйшее изложеніе будетъ непонятно.

Съ такимъ руководствомъ ученикъ пожалуй не будетъ признавать единства въ „Мертвыхъ душахъ", или въ „Евгеніи Онѣгинѣ". Очевидно, въ положеніи кроется неточность. Не можемъ признать удовлетворительнымъ и такого разъясненія термина *идея* (стр. 7). „Въ сущности идея представляетъ всегда краткое положеніе, содержащее отвѣтъ на вопросъ, что говорится въ сочиненіи о предметѣ его,—предметомъ же сочиненія называется то, о чемъ говорится въ немъ или „*Изложеніемъ* называется преимущественно извѣстный способъ расположенія частныхъ мыслей, порядокъ, который принято называть *планомъ*" (ibid.). Догматизмъ и теоретичность изложенія требуютъ болѣе точной и ясной рѣчи, а общая теорія сочиненія получаетъ дѣйствительно научное значеніе, лишь если она создается на основаніи строго логическаго синтеза признаковъ, отвлекаемыхъ отъ цѣлаго ряда разнообразныхъ сочиненій: складывать же ее изъ апріорныхъ положеній и имѣя въ виду главнымъ образомъ тѣ сочиненія, которыя приходится писать ученикамъ средней школы значитъ, по моему, лишать ее научной цѣнности: теорія сочиненія не есть руководство къ писанію сочиненій. Какое значеніе, напримѣръ въ общей теоріи сочиненія можетъ представлять такое указаніе: „*Мелочность* представляетъ недостатокъ сочиненія, состоящій въ *излишней* (?) полнотѣ и являющійся въ томъ случаѣ, когда авторъ излагаетъ много мелкихъ чертъ, незначительныхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія, исключеніе которыхъ не измѣнило бы сущности сочиненія". Вѣдь этакъ пожалуй ученикъ причислитъ къ мелочнымъ и *грамматику* и *географію*, и забракуетъ, какъ мелочныхъ, и Нестора, и Геродота, и Гомера съ „щитомъ Ахиллеса".

На стр. 19 слѣдуетъ отмѣтить непріятное смѣшеніе терминовъ *понятія* и *научнаго понятія*; г. Павловичъ пишетъ: „о локомотивѣ имѣетъ представленіе каждый, кто видѣлъ его: онъ можетъ представить себѣ въ умѣ очертанія его, размѣры, цвѣтъ и т. п. Но понятіе о локомотивѣ имѣетъ лишь тотъ, кто знаетъ его внутреннее устройство, и ясно понимаетъ, какимъ образомъ онъ движется, такъ сказать, самъ собой“ (стр. 19).

Нельзя согласиться и съ такимъ раздѣленіемъ: „существуютъ два главныхъ вида описанія—*простое* или *научное*, и художественное.

Совершенно неточнымъ представляется, по моему мнѣнію, у г. Павловича и опредѣленіе смѣшнаго (стр. 179). „Чувство смѣшнаго вызывается разнообразными нарушеніями прекраснаго и вообще уклоненіемъ отъ того, что должно было бы быть“: предметовъ, возбуждающихъ смѣхъ, оказалось бы слишкомъ много.

Опредѣленіе поэзіи у г. Павловича не можетъ быть названо особенно тонкимъ. „Поэзія изображаетъ дѣйствительность, переработанную фантазіей поэта, сообразно съ той идеей, которую онъ имѣетъ въ виду выразить, то-есть измѣненную и дополненную вымышленными имъ самимъ подробностями“ (181).

Лучше бы уже не давать вовсе опредѣленія поэзіи. Едва-ли правильно также утверждать, что „Лермонтовъ въ лицѣ пророка изобразилъ человѣка, надѣленнаго лучшими нравственными качествами, и представилъ его, какъ примѣръ, достойный подражанія“ — можетъ быть мысль г. Павловича и совершенно справедлива, но она выражена въ такой формѣ, что можетъ произвести въ умѣ ученика, внимательно относящагося къ словамъ руководства, только путаницу: какъ-же можно *подражать* человѣку, *надѣленному*, то-есть, одаренному извнѣ какими нибудь качествами?

Для характеристики тѣхъ понятій о родахъ поэзіи, которыя даются у г. Павловича, выписываю слѣдующія строки изъ 198 стр. Авторъ полагаетъ, что въ стихотвореніи „Бѣсы“ можно найдти элементы эпоса, лирики и драмы и для доказательства послѣдняго говоритъ: „Вьюга вызвала въ поэтѣ непріятныя душевныя состоянія, отъ которыхъ онъ желалъ поскорѣе освободиться, а для этого нужно было выйдти изъ той неблагопріятной обстановки, среди которой онъ находился. Съ этой цѣлью поэтъ и приказываетъ ямщику ѣхать скорѣе: „эй пошелъ, ямщикъ“. Слѣдовательно, въ этомъ понужденіи ямщика и выразилась борьба поэта съ обстоятельствами: онъ совершаетъ дѣйствіе, чтобы

достигнуть предположенной цѣли". Да, спросимъ мы, но причемъ же здѣсь вообще драматическій элементъ изображенія?

Первыми эпическими произведеніями г. Павловичъ (198) считаетъ сказанія о богахъ и герояхъ—это не оправдывается тѣми свѣдѣніями о некультурныхъ народахъ, которыя даетъ намъ этнографія и сравнительная исторія литературы (напримѣръ, относительно южныхъ африканцевъ).

Изложено сочиненіе г. Павловича весьма „обильнымъ" слогомъ, если примѣнить его же собственное выраженіе. Напримѣръ, чтобы разобрать неправильную фразу Фонвизина „Пріѣхавши въ Ригу, по счастью, намъ попалась хорошая квартира", автору понадобилось 22 строки убористаго шрифта (25 стр.).

Вмѣсто того чтобы сказать „выборъ и расположеніе словъ" г. Павловича пишетъ „выбора отдѣльныхъ словъ изъ числа существующихъ въ языкѣ и расположенія ихъ"—это обильно и неточно, такъ какъ авторъ не допускаетъ такимъ образомъ возможности введенія новыхъ словъ (17), или на стр. 33 онъ пишетъ: „вызываетъ живой образъ предмета, который легко можно представить себѣ въ умѣ".

Г. Павловичъ указываетъ въ предисловіи еще на одну особенность своей книги, а именно на обстоятельное разъясненіе этимологіи терминовъ. Къ сожалѣнію, эта-то сторона именно и требуетъ полнаго пересмотра. Слово ἰδέα г. Павловичъ дважды связываетъ съ несуществующимъ глаголомъ εἴδειν (7); εἰς у него предлогъ, означающій дѣленіе (? 10); омонимъ отъ греческаго ὅμοιος (24); солецизмъ отъ города „Соли или Солеса (?), построеннаго Солономъ въ Сициліи" (25) *кашне* (*буквально* (?) платокъ для завязыванія носа) (29). Провинціализмы отъ provintia (29); παιὰν значитъ у г. Павловича врачъ (62) τετρὰς четыре (69). Откуда взялъ г. Павловичъ „Variantia=разность, разнообразіе"? (85).

Исторія отъ ἱστωρέω—изслѣдую, разказываю,—ἵστωρ—знающій что: два эти послѣднія слова не имѣютъ между собою ничего общаго. Откуда взялъ г. Павловичъ ἡ χριτιχός (стр. 135)? ῥήτωρ отъ εἴρω (146). При указаніи на слово логографъ, полезно бы было указать на его основныя значенія: „прозаическій писатель, историкъ", а не на одно позднѣйшее—„сочиняющій рѣчи для другихъ"—становлюсь при этомъ на точку зрѣнія, которую самъ г. Павловичъ принялъ себѣ къ руководству (предисл., IX) „αἰσθητής—ощущающій, чувствующій" (стр. 177): такого слова въ греческихъ словаряхъ нѣтъ. Въ заключеніе

укажу на одинъ довольно странный примѣръ, источникъ котораго у г. Павловича не указанъ. „Я ты, онъ и вы всѣ, друзья внемлите“ (58): это *я* при *внемлите* не имѣетъ себѣ подобнаго. Изъ описокъ слѣдуетъ отмѣтить: годъ смерти историка Соловьева (1865) 113 стр. и Минерва—греческая богиня (43), и каталонское побоище (115); опечатокъ довольно много—нѣтъ почти ни одного греческаго слова, напечатаннаго правильно.

Изданіе Акціонернаго Южно-Русскаго Общества печатнаго дѣла. Les doublets dans la langue française, par *J. Bastin*, suivis des principaux affixes, par *A. Pachalery*. Odessa, 1899. Стр. 72. Цѣна въ папкѣ 45 коп (безъ пересылки).

Подъ названіемъ „дублетовъ“ во французской филологіи разумѣются слова, которыя, происходя отъ одного и того же латинскаго слова, различаются между собою по ороографіи, по произношенію и по значенію, какъ напримѣръ: *blâme* и *blasphème* отъ *blasphemum*, *orgue* и *organe* отъ *organum*, *août* и *auguste* отъ *augustus*, *meuble* и *mobile* отъ *mobilem*, *avoué* и *avocat* отъ *advocatus*, *dette* и *débit* отъ *debitum*, *debita*, *cherté* и *charité* отъ *caritatem* и проч. и проч. Дублеты эти произошли отъ двоякаго способа образованія французскихъ словъ: въ словахъ народнаго образованія удерживалось латинское удареніе, выпускалась неакцентированная гласная, предшествующая акцентированной, и также пропускалась согласная, непосредственно предшествующая тонической гласной, какъ напримѣръ—согласныя *g* и *t* въ латинскихъ словахъ *ligare*, *dotare*, которыя дали въ народномъ французскомъ языкѣ *lier*, *douer*, а въ языкѣ ученой формаціи—*liguer* и *doter;* въ словахъ ученаго образованія, напротивъ, сохранялись при указанныхъ выше условіяхъ гласныя и согласныя, но всегда нарушалось латинское удареніе. Еще въ 1868 году Огюстъ Браше издалъ алфавитный перечень дублетовъ, подъ заглавіемъ *Dictionnaire des doublets ou doubles formes de la langue française*, но съ тѣхъ поръ французская филологія сдѣлала значительные шаги впередъ въ историческомъ изученіи этимологіи, благодаря изслѣдованіямъ современныхъ филологовъ такихъ какъ Michel Bréal, Gaston Paris, Havet, Scheler, Darmesteter, Clédat и др. Неутомимый труженикъ въ области историческаго изученія французскаго языка, г. И. Бастэнъ воспользовался всѣми по настоящее время добытыми результатами относительно происхожденія и способа образованія французскихъ словъ и

составилъ свой алфавитный перечень дублетовъ; не ограничиваясь указаніемъ только двухъ различныхъ формъ, образовавшихся отъ одного и того же латинскаго слова, г. Бастэнъ присоединяетъ къ нимъ слова производныя и сложныя, въ особенности тѣ, латинская форма которыхъ на столько удалена, что они не легко вяжутся съ даннымъ семействомъ французскихъ словъ, къ которому они однако принадлежатъ несомнѣнно, какъ происходящія изъ одного и того же латинскаго источника. Напримѣръ: латинское *carnem* (caro) дало дублетъ *chair* и *carne* (carné); по указанію г. Бастэна изъ этого же источника произошли слова *carnage*, *carnassier*, *carnation carnaval*, *carnivore; acharné*, *acharnement*, *décharné*; *charcutier*, *charçutière charcuterie*; *incarné*, *incarnation*, *incarnatif*, *incarnat*. Или: латинское *firmus* (firma) дало *ferme* (прилаг. *твердый крѣпкій* и существ. *ферма*, *хуторъ*); къ этому же источнику, по указанію г. Бастэна, относятся слова *fermier*, *fermière*; *affermir*, *affirmer*, *afermer*, *affermage affermable*; *infirmer* =(ослабить; отмѣнить); *infirme*, *infirmité*, *infirmier*, *infirmière*, *infirmerie*; *confirmer; fermer*, *fermeté*, *fermoir*, *fermeture* и проч. Изъ этихъ двухъ примѣровъ достаточно видно, насколько небольшой по объему словарикъ г. Бастэна французскихъ дублетовъ поучителенъ въ этимологическомъ отношеніи и насколько онъ можетъ быть полезенъ для справокъ при изученіи производства словъ, съ цѣлью расширенія круга лексики учащихся, при классномъ преподаваніи французскаго языка и при чтеніи связныхъ текстовъ въ среднихъ и старшихъ классахъ.

Словарь дублетовъ французскаго языка, составленный г. Бастэномъ, весьма кстати дополненъ изложеніемъ значенія главнѣйшихъ аффиксовъ, знаніе которыхъ необходимо при изученіи образованія словъ изъ даннаго корня, или изъ данной темы. Перечень этихъ аффиксовъ превосходно обработанъ г. Пашалери и, для облегченія справокъ, расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ какъ въ серіи префиксовъ, такъ и въ серіи суффиксовъ; какъ тѣмъ, такъ и другимъ вездѣ указанъ ихъ первоначальный источникъ и тѣ измѣненія, какъ въ формѣ, такъ и въ значеніи, которымъ они подверглись при переходѣ во французскій языкъ. Въ отношеніи научномъ аффиксы, изложенные г. Пашалери, не вызываютъ никакихъ возраженій, но самое изложеніе въ иныхъ мѣстахъ подлежитъ исправленію при послѣдующемъ изданіи, относительно чистоты русской рѣчи и точности нѣкоторыхъ выраженій, которыя составитель понимаетъ и употребляетъ неправильно.

Учебникъ исторіи древней русской литературы. Устная словесность и книжная литература—переводная и оригинальная. Составилъ *М. Павловичъ.* С.-Пб. 1899. Стр. VI+204+III. Цѣна 85 коп.

Книга г. Павловича предназначается, очевидно, для учениковъ тѣхъ среднихъ школъ,—гдѣ образцы древней русской литературы изучаются въ довольно значительномъ объемѣ, потому что историко-литературныхъ свѣдѣній дается въ ней много и пересказывается не мало произведеній, не входящихъ ни въ одну изъ средне-учебныхъ программъ.

Въ выборѣ и расположеніи матеріала своей книги г. Павловичъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстнаго сочиненія И. Порфирьева (Казань, 1879, изд. 3, т. I), которое въ свое время было одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій. Хотя въ книгѣ г. Павловича народныя произведенія сложившіяся подъ книжнымъ вліяніемъ почему то и поставлены не такъ, какъ у Порфирьева, послѣ апокрифовъ и переводной словесности, но въ примѣчаніи къ оглавленію отъ ставитъ ихъ на тоже мѣсто, гдѣ они находятся и у почтеннаго казанскаго профессора. Обзору переводной словесности помѣщенъ въ книгѣ г. Павловича также, какъ и у г. Порфирьева, передъ обзоромъ собственно—русской словесности. Но вмѣсто обзора по вѣкамъ, какъ дѣлаетъ это профессоръ Порфирьевъ, авторъ нашего учебника соединяетъ изучаемыя произведенія въ три группы по періодамъ: 1) XI—XIII вѣка; 2) XIV—XVI вѣка и 3) XVII и начало XVIII вѣка. На стр. 96 текста раздѣленіе это устанавливается, но не объясняется, отдѣльной же характеристики періодовъ въ книгѣ не находимъ, если не считать общихъ фразъ объ упадкѣ просвѣщенія, обнаружившемся къ началу XIV вѣка.

Общіе историко-литературные взгляды г. Павловича едва ли находятся въ соотвѣтствіи съ фактами. Напримѣръ, на стр. 2 авторъ говоритъ, что „литература является плодомъ общественной жизни и идетъ обыкновенно вслѣдъ за нею. Всякое литературное произведеніе представляетъ выраженіе духа автора—его взглядовъ, чувствъ. Слѣдовательно, чего нѣтъ въ самой жизни, того не можетъ быть въ литературѣ“. Этимъ или рѣшительно ничего не разъясняется, или изъ литературы исключаются геній и творчество, то есть самое яркое и цѣнное, что̀ въ ней есть.

Совершенно непонятно указаніе г. Павловича, что въ исторіи литературы разсматриваются рядомъ съ поэтическими произведеніями со-

чиненія, „имѣвшія вліяніе на жизнь народа представленную въ нихъ"; а въ сужденіи будто исторіей литературы разсматриваются лишь нѣкоторыя произведенія „болѣе замѣчательныя, въ особенности же отличающіяся вольною художественностью и вообще достоинствами со стороны формы, изложенія, слога" заключается едва ли правильная мысль; хотя далѣе авторъ и оговаривается, что въ исторію литературы входитъ также все въ какомъ либо отношеніи представляющее литературную повѣрку, но, выписанная фраза все-таки ставитъ ученика на точку зрѣнія эстетическую, то есть заставляетъ оцѣнивать произведенія не со стороны условій данной эпохи, а на основаніи современныхъ вкусовъ и понятій объ изящномъ.

Самый обзоръ произведеній древней литературы и народной словесности сдѣланъ толково и безъ лишнихъ повтореній. Можно сдѣлать только нѣкоторыя возраженія методическаго характера: разъ книга предназначается для нашей средней школы, то было бы полезно, по моему, болѣе освѣтить именно тѣ произведенія, которыя выдвигаются на первый планъ ея программами. Между тѣмъ „Поученію Владиміра Мономаха", напримѣръ, удѣлено слишкомъ мало мѣста (2½ страницы), то есть столько же, сколько южно-русской проповѣди и въ четыре раза менѣе, чѣмъ сказкамъ, хотя этотъ отдѣлъ предполагаетъ въ бóльшей части случаевъ у учащихся готовый матеріалъ: сказочные образы знакомы раньше книги, и кажется нѣтъ элементарной хрестоматіи безъ сказокъ. Можно бы было пожелать и болѣе живыхъ характеристикъ литературныхъ дѣятелей древней Руси, напримѣръ, преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, авторовъ кіево-печерскаго патерика (о которыхъ есть прекрасная статья г-жи Викторовой, оставившей въ русской филологіи столь почтенную память), Максима Грека. Если г. Павловичъ предлагаетъ свою книгу между прочимъ и для женскихъ учебныхъ заведеній, то ему безусловно надо перемѣнить разказъ изъ Gesta romanorum на стр. 106, гдѣ говорится, что „конь былъ нездоровъ отъ вѣтровъ въ желудкѣ и что, вылѣчивъ коня, онъ такимъ образомъ измѣнилъ направленіе вѣтра". Классическій приговоръ судьи Шемяки (на 35 стр.) переданъ имъ съ благоразумной урѣзкой.

Въ концѣ отдѣльныхъ главъ г. Павловичъ дѣлаетъ замѣчанія на счетъ того, какіе отрывки или цѣлыя произведенія было бы для данной главы полезно изучить. Здѣсь мы не вездѣ замѣчаемъ равномѣрность; напримѣръ для знакомства съ духовными стихами г. Павловичъ предполагаетъ „необходимымъ" изучать и „стихъ о Егоріи

Храбромъ" и „Голубиную книгу" и стихи объ „Алексѣѣ" и „о двухъ Лазаряхъ", а для Повѣсти временныхъ лѣтъ ограничиться разказами о Святославѣ; и даже поученіе Мономаха характеризуется по одному отрывку (125).

Аподиктичность сужденій г. Павловича не всегда согласуется съ научными выводами, и дѣйствуетъ особенно непріятно въ характеристикахъ важныхъ историческихъ явленій или цѣлыхъ эпохъ; напримѣръ, таковъ его приговоръ надъ византійскимъ вліяніемъ на стр. 95. „Такимъ образомъ отсутствіе оригинальности, самобытности составляетъ выдающуюся особенность византійской литературы. Вторая характеристическая черта ея заключается въ слогѣ, отличающемся крайнею искуственностью". Послѣ трудовъ академика Веселовскаго, Крумбахера, Ягича, Жданова повторять это сужденіе въ учебникѣ нѣсколько рискованно. Страненъ также и огульный отзывъ о трехъ вѣкахъ русской жизни, которые будто характеризуются сильнымъ упадкомъ просвѣщенія, особенно послѣ того какъ то, что сказано было о предыдущихъ, не даетъ основаній считать и ихъ особенно просвѣщенными въ смыслѣ экстенсивномъ; въ смыслѣ же интенсивномъ вѣка, когда дѣйствовали архіепископъ Геннадій и Максимъ Грекъ, и была создана такая грандіозная религіозная энциклопедія, какъ макарьевскія четьи-минеи,—нельзя выставлять непросвѣщенными по преимуществу.

Отмѣчу еще нѣсколько мѣстъ останавливающихъ на себѣ вниманіе и требующихъ разъясненія, дополненія или исправленія.

1) Говоря о записяхъ народныхъ произведеній г. Павловичъ даже не назвалъ сборника Кирши Данилова и не упомянулъ о „богатырскомъ словѣ".

2) На стр. 6 читаемъ: „когда не началось выдѣленіе изъ нихъ отдѣльныхъ племенъ, (славянъ) то есть приблизительно въ VI—VII вѣки". Откуда эти даты?

3) На стр. 9: „Символы—образы животныхъ, подъ которыми изображаются лица"... Отчего же березу, калиновый мостъ, разливъ тоже не считать поэтическими символами?

4) Совершенно не научное опредѣленіе полногласія, по которому ученикъ можетъ подумать, что древне-русскій языкъ произошелъ изъ церковно-славянскаго (стр. 9).

5) На стр. 11 рядомъ съ Дажвбогомъ и Перуномъ, какъ боги являются: Водяникъ (морской царь), Лѣшій и Домовой, то есть смѣшано понятіе объ индивидуальныхъ и генерическихъ божествахъ.

6) На стр. 43, слово богатырь производится вѣроятно „отъ словъ Богъ, богатый—существо богатое силами или съ высшими божескими свойствами". Здѣсь полное смѣшеніе понятій и слово Богъ написано даже съ большой буквы. Между тѣмъ какъ не только слово богатырь, но и слово богатый съ словомъ Богъ, въ смыслѣ христіанскомъ, никакой связи не имѣетъ: слово богатырь несомнѣнно восточнаго происхожденія: слова же бог—атъ оу—богъ, не—богъ относятся къ слову *богъ* въ значеніе *часть*, *удѣлъ*.

На стр. 60 читаемъ „монголы—главное татарское племя".

На стр. 64 „ясны очи со косинами" читай косицами (висками).

На стр. 93 полезно бы было, при указаніи на изданіе древнѣйшихъ памятниковъ, упомянуть о фототипическомъ изданіи Остромирова Евангелія, которое сдѣлано Савинковымъ.

На стр. 126 слово Мономахъ неточно передано „единодержецъ".

На стр. 135 буй—туръ объяснено ярый, дикій *волъ* (?)

На стр. 141 Іаковъ Черноризецъ отнесенъ къ IX вѣку.

На стр. 165 безусловно надо измѣнить слѣдующую фразу: „она (переписка царя Іоанна съ Курбскимъ) важна въ томъ отношеніи, что въ ней выражается идеалъ царя, который усвоилъ себѣ и *осуществилъ въ своей дѣятельности Іоаннъ Грозный*".

На стр. 196 г. Павловичъ, вслѣдъ за Порфирьевымъ, называетъ Крижанича Крыжаничемъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРІЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВСКІЙ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ НАУКИ.

Набросокъ воспоминаній и матеріалы для характеристики.

(Посвящается его бывшимъ слушателямъ и слушательницамъ и студентамъ-филологамъ Петербургскаго университета).

1.—Необходимость запомнить профессорскій образъ Василія Григоріевича.
2.—Главный центръ его научной работы и основной признакъ его ученой физіономіи.
3.—Отличительныя особенности метода его университетскаго преподаванія.
4.—Характеръ курсовъ Василія Григоріевича.
5.—Отношенія къ студентамъ и ученикамъ. Общія черты умственнаго склада и нравственной личности.

1.

Холоднымъ мартовскимъ вечеромъ нынѣшняго года собралась на варшавскомъ вокзалѣ небольшая группа товарищей, друзей и учениковъ *Василія Григоріевича Васильевскаго*, проводить его за границу. Онъ сидѣлъ въ залѣ, весь закутанный, спасаясь отъ проникавшаго въ двери русскаго мороза, который не хотѣлъ еще уступать мѣста теплу,—съ лицомъ, измученнымъ долгими страданіями, но съ веселыми глазами и бодрою душою. Его поддерживала радостная надежда, что итальянское солнце возвратитъ ему здоровье; онъ съ чисто юношескимъ восторгомъ предвкушалъ наслажденіе, которое должна была дать ему своею природою, своими художественными памятниками, своими научными сокровищами дивная страна, куда давно влекли его

многія собственныя работы и связанные съ ними интересы. Въ прежніе годы онъ часто самъ посылалъ туда своихъ учениковъ съ добрыми пожеланіями вглядываться и вдумываться въ великую старину, рыться въ архивахъ, „расширять свое міросозерцаніе", какъ онъ съ шуткою въ тонѣ, по справедливо говорилъ. Италія, дѣйствительно, не разъ вдохновляла ихъ мысль и направляла трудъ, послѣ того какъ именно ему удавалось впервые пробудить въ нихъ истинную любовь къ наукѣ, внушить имъ опредѣленную задачу исторической работы. Теперь онъ возлагалъ твердыя упованія на ея чудодѣйственныя свойства и для себя: онъ разсчитывалъ, что Италія быстро излѣчитъ его и откроетъ ему еще нѣсколько лѣтъ хорошей старости, счастливой свободнымъ научнымъ трудомъ, къ которому онъ всегда такъ рвался, и отъ котораго постоянно отрывали его не однѣ болѣзни, но и многочисленныя лежавшія на немъ служебныя обязанности. Жутко было каждому близкому видѣть такую почти дѣтскую радость и вѣру въ человѣкѣ, очевидно, обреченномъ на скорый конецъ. Почти ясно было, что онъ не вернется; но горечь послѣдняго разставанія примирялась при видѣ того, что желаніе жить не было унижено въ умирающемъ Василіи Григоріевичѣ страхомъ смерти, а одухотворялось потребностью умственной дѣятельности; оно воплощалось не въ мелочной тревожной мысли объ избавленіи отъ опасности, а въ разнообразныхъ планахъ, что́ онъ будетъ продолжать и заканчивать, а потомъ искать, начинать, писать... Настойчивое, взволнованное стремленіе возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ охватывало Василія Григоріевича эти мѣсяцы всякій разъ, когда нѣсколько ослабѣвала болѣзнь, слишкомъ полгода державшая его на краю могилы. И онъ проявлялъ здѣсь не часто встрѣчающуюся силу жизни и энергію дѣла. Онъ тотчасъ же переставалъ смотрѣть на себя, какъ на больнаго, сердился на заботы окружающихъ, раскрывалъ свои матеріалы, окружалъ себя книгами, брался за перо, какъ бы боясь упустить остающееся время, ловя возможность произнести недосказанныя слова. Онъ не жалѣлъ себя въ такія критическія минуты, когда только самая тщательная осторожность могла спасти и продлить остатокъ дней уже „въ долгъ живущаго", по выраженію врачей, человѣка. Живая характеристика немногимъ предупредившаго его смертью старшаго сочлена по Академіи А. А. Куника, съ большимъ искусствомъ воспроизводящая типичную фигуру ученаго оригинала, была написана Василіемъ Григоріевичемъ въ самые послѣдніе дни передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Онъ принимался и за другія работы. Часто можно было

застать его наклоненнымъ надъ письменнымъ столомъ, старающимся не замѣчать болей и изнуренія, за дописываніемъ статьи, которую надо было сдать въ журналъ, за составленіемъ отчета о томъ, что сдѣлано въ первые годы его существованія „Византійскимъ Временникомъ“, однимъ изъ послѣднихъ важныхъ его созданій. Непомѣрное напряженіе, можетъ быть, подрывало еще скорѣе лишь временно поднимавшіяся силы. Но эта вѣра въ возможность для него возрожденія и это неумиравшее влеченіе къ научному труду вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, помогали ему побѣждать физическія мученія и слагались въ прекрасную картину достойнаго и возвышеннаго угасанія. Только такое нравственное настроеніе, повидимому, дало ему силы предпринять и перенести длинное путешествіе, пойдти навстрѣчу исполненія послѣдняго горячаго желанія увидѣть Римъ передъ смертью во что бы то ни стало. До отъѣзда онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „Приходите почаще; вы опять разкажете мнѣ про Италію; ваша любовь къ ней живитъ мою душу, дѣлаетъ меня здоровымъ и молодымъ“. Еще съ дороги получилъ я отъ него хорошія, ясныя строки, полныя спокойнаго юмора надъ положеніемъ тяжело больнаго, въ которое его ставили, и довѣрчиваго оптимизма при мысли о будущемъ: „Доѣхалъ до Вѣны благополучнѣйшимъ образомъ. Просидѣвъ въ четырехъ стѣнахъ съ унылымъ и скучнымъ видомъ на Загородный проспектъ и сѣренькое низкое небо въ Петербургѣ, я сразу стать чувствовать себя лучше на болѣе открытомъ пространствѣ. Уже подъ Вильной я замѣтилъ, что здѣсь и небо имѣетъ другой цвѣтъ, и воздухъ другой. Хотя подъ Варшавой мы опять увидѣли снѣгъ — оказалось, что онъ только что выпалъ,—но это не нарушило моего благосостоянія... По землѣ Чешской ѣхать было радостно; хотя воздухъ былъ свѣжій, но солнце свѣтило ясно, открывались широкія перспективы, окаймленныя горами. Кромѣ радости я нечего не чувствовалъ: не было никакихъ болей, ни даже усталости. Въ ознаменованіе своего восторга я спросилъ за обѣдомъ шампанскаго и въ посрамленіе всѣхъ докторовъ выпилъ самъ полстакана, и не только остался живъ и здоровъ, но даже болѣе повеселѣлъ...“ — Письмо заканчивалось надеждою на хорошій исходъ путешествія и нетерпѣливо-радостнымъ ожиданіемъ пріѣзда въ Римъ. Но быстро настало новое ухудшеніе. Доѣхавъ только до Флоренціи, Василій Григоріевичъ былъ уже не въ состояніи продолжать путь. Болѣзнь вступила въ роковую фазу, и жестокое зло, подточившее организмъ, унесло его изъ жизни. Такъ ему удалось бросить только потухающій взглядъ на темное небо Италіи, только ми-

молетно ощутить живительные лучи ея веселаго солнца, которое уже ярко блистало, начинало согрѣвать и его въ маленькомъ садикѣ на Via Magonia, гдѣ онъ поселился, и куда еще выходилъ подышать воздухомъ, полюбоваться уголкомъ новой южной картины въ хорошіе дни нѣсколько и тамъ запоздавшей весны.

Утромъ 14-го мая распространилась въ Петербургѣ въ кругу близкихъ Василію Григоріевичу людей вѣсть о его кончинѣ, совершившейся наканунѣ. Смерть его—не только истинное горе для знавшихъ и любившихъ его; это глубокая печаль для русской и даже европейской науки; это большая потеря для нашего университетскаго преподаванія и для учебнаго дѣла у насъ вообще. Сужденіе о результатахъ ученой дѣятельности В. Г. Васильевскаго не можетъ быть составлено быстро и высказано немедленно, точно такъ же, какъ нельзя дать сразу объективнаго и полнаго изображенія его духовной личности. Но почтить его память искреннимъ словомъ уваженія и сочувствія необходимо и теперь у недавно закрывшагося гроба. Какъ одинъ изъ старшихъ учениковъ почившаго, находящихся нынѣ въ числѣ университетскихъ преподавателей, я чувствую на себѣ обязанность это сдѣлать. Мнѣ трудно выполнитьее, какъ должно, подъ горькимъ ощущеніемъ свѣжей утраты, и я надѣюсь позже вернуться къ болѣе совершенному осуществленію ея. Обстоятельную оцѣнку основныхъ и спеціальныхъ научныхъ трудовъ Василія Григоріевича сдѣлаютъ, можно сказать съ увѣренностью, компетентные византинисты. Я же сосредоточусь въ настоящей скорбной замѣткѣ только на своихъ личныхъ воспоминаніяхъ объ умершемъ учителѣ, какъ объ университетскомъ профессорѣ. О немъ можно сказать очень много интереснаго и важнаго, даже ограничиваясь одной этой точкой зрѣнія. Я постараюсь остановиться на самомъ главномъ: можетъ быть, смогу я, хоть отчасти, напомнить его такимъ, какимъ знали его въ этой прекрасной роли мои сверстники, бывшіе его слушателями въ 80-хъ годахъ, и наши болѣе молодые товарищи, петербургскіе филологи 90-хъ годовъ.

За Василіемъ Григоріевичемъ неоспоримо и прочно установилась у насъ и на западѣ заслуженная слава крупнаго ученаго, пролагающаго новые пути, открывающаго новыя данныя, формулирующаго новыя истины, постановляющаго основы для изслѣдованія и изображенія темныхъ отдѣловъ и трудныхъ проблемъ всемірной исторіи. Ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ не существуетъ до сихъ поръ общаго отзыва о его трудахъ, но его вездѣ знали и вы-

соко цѣнили. Какъ только основанъ былъ въ Мюнхенѣ журналъ „*Byzantinische Zeitschrift*“, редакція сочла честью для себя просить Василія Григоріевича вступить въ число его сотрудниковъ и всегда съ неизмѣннымъ уваженіемъ отмѣчала его новыя работы. Онъ обладалъ замѣчательными и рѣдкими дарованіями и какъ преподаватель.

Многое требуется всегда и вездѣ отъ человѣка, чтобы онъ оказался способнымъ достойно выполнять призваніе профессора. Особенно разнообразны такія требованія у насъ, гдѣ наука еще не завоевала въ жизни и сознаніи общества подобающаго ей самостоятельнаго и важнаго мѣста, не пріобрѣла надлежащаго всеобщаго признанія и уваженія, гдѣ не дифференцированы еще ея функціи, гдѣ постоянно разрушаются едва заложенныя научныя традиціи. У насъ на родинѣ именно особенно настойчиво и громко надобно „учить наукѣ“ еще закрытые для нея умы, привязывать къ ней глухія сердца, подчинять ей упрямыя противъ нея воли (и не только среди молодежи, но часто и среди тѣхъ, которые должны воспитывать ее). Но у насъ также область науки особенно безпорядочно и сложно переплетается съ другими сторонами государственной, общественной, нравственной жизни личностей и группъ. Потому то и служитель науки принужденъ вооружаться безконечно многосторонними знаніями и умѣніями.

Чтобы поддерживать каѳедру (двигать на ней науку) и владѣть аудиторіею (двигать ее наукою), требуется, очевидно, прежде всего основательная и твердая ученость, выдающаяся спеціальная подготовка, которая притомъ не застаивалась бы, а находилась бы въ постоянномъ движеніи впередъ къ усовершенствованію, поддерживаясь неослабѣвающимъ трудовымъ слѣдованіемъ за прогрессомъ науки. Но этого, безъ сомнѣнія, недостаточно. Весьма важно, чтобы спеціальная ученость выростала въ умѣ университетскаго преподавателя на плодородной почвѣ общаго научнаго образованія, организуемаго философскимъ міровоззрѣніемъ. Кромѣ того въ работѣ профессора и на каѳедрѣ во время чтенія лекціи, и въ кабинетѣ за составленіемъ курса должны замѣтно выступать и эмоціональные стимулы. Профессоръ не можетъ достигнуть цѣли, то-есть, воспитывать наукою слагающіяся личности своихъ учениковъ, если не проникнется самъ безкорыстною жаждою общей истины, которая свяжетъ его съ объектомъ работы настоящимъ духовнымъ сродствомъ, наполнитъ его постояннымъ одушевленіемъ. Ему нужно также любить и чувствовать юношество, къ которому онъ обращается, чтобы понять его высшіе интересы, слѣдить за ними и симпатизировать имъ. Онъ

призванъ служить этимъ лучшимъ потребностямъ растущихъ поколѣній помощью слова и личнаго общенія и поэтому долженъ обладать нелегкимъ искусствомъ сближать ихъ членовъ съ наукою, зажигать ихъ силою рѣчи, умѣть выбирать, строить, излагать научный матеріалъ такъ, чтобы онъ входилъ въ сознаніе слушателей, возбуждая умъ, волнуя чувство, перерождая душу.—Все это черты не часто рождающіяся въ человѣкѣ, нелегко вырабатывающіяся въ немъ. Приходится еще прибавить, что указанные разнообразные пути и способы дѣйствія профессора только тогда могутъ привести къ глубокимъ результатамъ, когда они будутъ примѣняться съ энергіей и послѣдовательностью, безъ которыхъ нельзя образовать *школы*, а школа—это упроченіе его дѣла, залогъ преемства его идеи. Особенности положенія профессора въ нашей жизни выдвигаютъ впередъ необходимость для него и другихъ качествъ, безъ которыхъ ему трудно выполнить все свое назначеніе. Онъ дѣйствуетъ въ рамкахъ большаго общественно-образовательнаго учрежденія, дѣятельность котораго соприкасается съ жизнью значительной части общества, нетвердаго еще въ культурныхъ принципахъ и навыкахъ, и которому предназначено играть въ немъ руководительную роль. Чтобы быть готовымъ къ осуществленію ея, каждый представитель университетской корпораціи обязанъ построить себѣ опредѣленный общественный идеалъ и владѣть способностью проводить его постоянно и стойко въ факультетѣ и совѣтѣ, при сношеніяхъ со студентами и тѣми, кто стоитъ выше. Наконецъ, такъ какъ работа профессора протекаетъ въ непрерывномъ общеніи съ живыми людьми и выражается въ разностороннемъ вліяніи на нихъ, онъ можетъ справиться съ предстоящею задачею во всей ея полнотѣ только обладая нравственнымъ характеромъ, который авторитетно дѣйствовалъ бы на сотрудниковъ и начальниковъ, производилъ бы обаяніе на слушателей и учениковъ. Такое сложное соединеніе условій дѣятельности требуетъ отъ профессора наличности очень разнообразныхъ интеллектуально-моральныхъ данныхъ, и только совокупность ихъ дѣлаетъ изъ него истиннаго *учителя науки* и *учителя жизни*, *общественнаго педагога* въ широкомъ смыслѣ, то-есть, ставитъ его на желанной идеальной высотѣ.

Трудно встрѣтить отдѣльную личность, которая соединяла бы въ себѣ всѣ указанныя качества. Почти невозможно одному человѣку достигнуть высокаго и равномѣрнаго развитія таланта и знанія, ума и воображенія, трудовой выдержки и идейнаго энтузіазма, широкой

общественности и высшей честности: отсюда—несовершенства въ образѣ каждаго выдающагося университетскаго дѣятеля. Съ другой стороны всѣ эти свойства, обнаруживаясь и вырабатываясь въ личности, могутъ пріобрѣтать неравную силу, воплощаться различно и сочетаться неодинаково: отсюда множественность типовъ хорошаго профессора.

Блестящіе примѣры рѣдкаго могущества и поразительной гармоніи намѣченныхъ элементовъ мы находимъ въ такихъ незабвенныхъ герояхъ нашей университетской исторіи, какъ *Грановскій* и *Кудрявцевъ*, о которыхъ недавно вспоминали русское общество и русская литература по случаю состоявшихся ихъ печальныхъ годовщинъ. Тайна красоты ихъ духовныхъ образовъ заключается именно въ полнотѣ и цѣльности, съ которыми у нихъ комбинировались въ живомъ единствѣ превосходныя дарованія богатой природы. Покойный В. Г. Васильевскій чтилъ ихъ имена и на лекціяхъ вызывалъ благоговѣніе къ ихъ дѣлу, побуждая при этомъ читать ихъ книги тѣхъ изъ своихъ слушателей, которыхъ не подумали познакомить съ Грановскимъ и его друзьями ихъ гимназическіе учителя. Это уже выясняетъ, какъ высоко онъ понималъ задачу профессора, и какъ желалъ самъ вдохновляться и другихъ привлекать къ лучшимъ примѣрамъ. Воспоминаніе о названныхъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ, хотя работа ихъ относится къ еще недавнему прошлому, уже „сіяетъ какъ бы легендарнымъ блескомъ", по выраженію одного уважаемаго нашего современнаго историка. Послѣ нихъ не появлялись на университетскихъ каѳедрахъ (по крайней мѣрѣ, въ кругу историческаго преподаванія) такихъ всесторонне-яркихъ индивидуальностей съ такимъ неотразимымъ вліяніемъ на окружающую среду. Но въ ряду продолжателей этихъ первыхъ учителей всеобщей исторіи у насъ могутъ быть названы ученые, которые въ чисто научной области вмѣстѣ съ новѣйшимъ прогрессомъ самой науки опередили ихъ своими знаніями и совершенствомъ метода изслѣдованія и преподаванія. Въ дѣлѣ развитія историческаго мышленія въ учащемся юношествѣ, въ дѣлѣ установленія въ университетахъ научныхъ преданій и послѣдніе сдѣлали весьма полезное крупное дѣло и заслужили очень почтенное имя. Въ числѣ ихъ справедливо поставить на почетное мѣсто *В. Г. Васильевскаго*.

Въ настоящемъ очеркѣ, посвященномъ характеристикѣ его преподавательской дѣятельности, я не хочу говорить офиціальное „похвальное слово" о немъ. Я попытаюсь нарисовать его „правдивое изображеніе".

И я не буду скрывать того факта, что въ характерѣ его проявлялась нѣкоторая неопредѣленность очертаній и нѣкоторая неполнота красокъ. Это объясняется отчасти дѣйствительно пробѣлами или недостатками натуры; отчасти же это вытекало изъ извѣстныхъ особенностей ея, которыя срѣзывали ея рельефъ и прикрывали содержаніе. Но гораздо болѣе происходило это отъ того, что различные элементы его природы, вслѣдствіе обстоятельствъ и условій, среди которыхъ слагалась его личность и совершалась дѣятельность, не срослись въ стройное единство, оставаясь диспаратными и невсегда поддерживая одинъ другой. Во всякомъ случаѣ нужно сказать, что характеръ Василія Григоріевича благодаря его удивительной скромности и особаго рода замкнутости, которая была ему свойственна, познавался во всей его полнотѣ лишь послѣ долгаго знакомства, преимущественно при интимномъ общеніи, такъ что многіе, встрѣчавшіеся съ нимъ лишь изрѣдка и знавшіе его лишь внѣшнимъ образомъ, часто далеко недостаточно оцѣнивали его и невѣрно судили о немъ. Я не надѣюсь возсоздать полную и живую характеристику исчезнувшаго учителя, хотя близко зналъ его впродолженіе восемнадцати лѣтъ; но буду искать матеріала въ положительныхъ чертахъ, которыя, безъ сомнѣнія, составляли основу его нравственнаго существа. Я выдвину въ немъ то, на чемъ покоится его немалая заслуга, постараюсь показать то, что особенно дорого ученикамъ, и чего лишились, какъ очень важнаго блага, наши будущіе студенты-филологи и магистранты-историки, а также и тѣ изъ бывшихъ питомцевъ Василія Григоріевича, которые, даже ставъ сами преподавателями университетовъ, продолжали пользоваться его совѣтами.

2.

В. Г. Васильевскій смѣло и серьезно можетъ и долженъ быть названъ „*хорошимъ профессоромъ*", поражавшимъ не блескомъ, но глубиною своихъ дарованій, не разбрасывающимся кругомъ яркимъ пламенемъ страсти и воображенія, а сосредоточеннымъ около него ровнымъ свѣтомъ познающей мысли, сильнымъ именно *научнымъ* воздѣйствіемъ на людей, входившихъ съ нимъ въ послѣдовательное соприкосновеніе.

Получивъ высшее образованіе въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и окончивъ его въ Петербургскомъ университетѣ, дополнивъ и усовершенствовавъ свои знанія за границей, пре-

имущественно въ Германіи, Василій Григоріевичъ съ 1870 г. вступилъ въ составъ профессоровъ исторіи Петербургскаго университета. До самаго послѣдняго года своей жизни онъ велъ здѣсь преподаваніе *средневѣковой исторіи.* Каждый сознательный слушатель, освоившійся съ способомъ чтенія профессора, скоро чувствовалъ, что передъ нимъ находится первоклассная ученая сила, вызывающая почтительное удивленіе и незамѣтно захватывающая въ сферу своего умственнаго руководства.—Обладая замѣчательнымъ талантомъ историка-изслѣдователя, отличаясь проницательнымъ умомъ, высокою степенью научнаго остроумія Василій Григоріевичъ былъ великолѣпно вооруженъ самыми лучшими средствами ученой работы. На фонѣ прекраснаго классическаго образованія въ немъ обнаруживалось глубокое знакомство съ вспомогательными историческими дисциплинами, и онъ свободно распоряжался всѣми пріемами историческаго метода, какъ въ области анализа критики и интерпретаціи источниковъ, такъ и въ области построенія извлекаемыхъ изъ нихъ данныхъ. Рядомъ съ такою безусловно твердою и рѣдко законченною методологическою подготовкою въ немъ открывалась и по существу положительно огромная эрудиція. Она выражалась въ превосходномъ знакомствѣ съ самыми разнообразными источниками по русской, византійской и западной исторіи и весьма широкой, даже поразительной начитанности въ ученой литературѣ на всѣхъ языкахъ, посвященной изученію и изображенію обширныхъ отдѣловъ исторіи, среди которыхъ вращалась его работа, а также соприкасающихся съ ними многочисленныхъ періодовъ и вопросовъ. Все это создавало въ Василіѣ Григоріевичѣ незыблемую основу выдающагося ученаго изслѣдователя и критика. Громадныя свѣдѣнія, самостоятельно переработанныя и претворенныя въ общія идеи, сообщали ему также многія черты, необходимыя для историка-мыслителя, истолкователя прошлыхъ судебъ человѣчества.

Какъ извѣстно, спеціальною сферою ученыхъ занятій Василія Григоріевича была *исторія Византіи.* Разнообразныя сочиненія его въ этой трудной и важной области—лучшее свидѣтельство высоты его таланта и совершенства его научнаго мастерства. Онъ является въ нихъ передъ нами полнымъ господиномъ предмета, когда издаетъ какой-нибудь памятникъ или критически воспроизводитъ его генеалогію и біографію, и когда рисуетъ историческую или исторіографическую характеристику, и когда реконструируетъ ходъ событія или развитіе явленія, часто очень запутаннаго, изъ политической, церковной или культурной исторіи путемъ оригинальной комбинаціи источниковъ, и когда

разрабатываетъ историко-этнографическій вопросъ, изслѣдуетъ законодательство, соціально-экономическій институтъ, даже просто когда пишетъ полемическую статью или рецензію. Интересъ къ византійской исторіи въ русскомъ ученомъ понятенъ изъ той связи, въ которой находились судьбы Руси въ кіевскій и московскій періоды съ общественнымъ строемъ и духовною культурою средневѣковой преемницы римской имперіи. Точное научное разрѣшеніе вопроса о „*византійскомъ вліяніи*" въ русской исторіи въ цѣломъ и деталяхъ возможно лишь подъ условіемъ весьма основательнаго разысканія и воспроизведенія самой исторіи Византіи, которая изучалась до сихъ поръ сравнительно мало, неудовлетворительно и отрывочно. Это—первостепенная задача, которая является условіемъ прогресса нашей отечественной исторіи въ смыслѣ выясненія предѣловъ и оцѣнки значенія одной изъ стихій, создававшихъ русское государство и общество, религію и просвѣщеніе.—Но помимо такой національной, такъ сказать, важности для насъ византійской исторіи съ изученіемъ ея связывается другой, гораздо еще болѣе значительный въ теоретическомъ отношеніи интересъ всемірно-историческаго характера. Развитіе византійской исторіи есть сложный и многовѣковой процессъ, богатый по содержанію и могущій существеннымъ образомъ содѣйствовать уясненію основныхъ проблемъ исторической эволюціи человѣчества, но разработанный лишь поверхностно и односторонне, а во многихъ, можетъ быть, самыхъ важныхъ вопросахъ совсѣмъ нетронутый. Такая заброшенность изслѣдованія тысячелѣтняго періода существованія крупнаго государственнаго и культурнаго организма, непосредственно вышедшаго изъ древняго міра и коснувшагося своимъ концомъ эпохи вторичнаго расцвѣта его образованности, объясняется какъ трудностью самой работы надъ памятниками, оставшимися отъ его жизни, такъ и долгимъ господствомъ въ воззрѣніяхъ историковъ предвзятаго взгляда на дѣло. Византійскую имперію многіе почти до послѣдняго времени представляли себѣ такъ же, какъ еще не очень давно изображали ея предшественницу — римскую, исключительно временемъ культурнаго умиранія, чуждымъ какого бы то ни было движенія, работы и борьбы творческихъ началъ народной жизни. Можетъ быть, именно блестящее открытіе учеными новой школы настоящей исторіи римской имперіи и обнаруженіе значенія этого раньше игнорировавшагося періода въ ходѣ всемірной исторіи — побудили внимательнѣе вглядѣться въ источники познанія и византійской старины. И это должно было доказать ошибочность стараго голословнаго мнѣ-

нія. Параллельно съ указаннымъ, самое перерожденіе теоретическихъ взглядовъ на сущность историческаго процесса раскрыло принципіальную несостоятельность такой безусловно отрицательной оцѣнки характера и роли могущественной и долговѣчной культурной единицы. Углубленіе пониманія того, что составляетъ истинный интересъ науки исторіи, и куда должны простираться усилія ея дѣятелей, показали кромѣ того, что и эпохи „регресса“ (*décadence*) содержатъ въ себѣ поучительный матеріалъ. Послѣ такого измѣненія отношенія къ византійской исторіи любознательность ученыхъ съ особеннымъ рвеніемъ обратилась къ разслѣдованію обширнаго и темнаго періода, скрывающаго такую массу неизученныхъ данныхъ для, быть можетъ, драгоцѣнныхъ будущихъ построеній. Данныя эти теперь могутъ съ самаго же начала обрабатываться при помощи твердыхъ методовъ, создавшихся и укрѣпившихся на изученіи исторіи запада, и заманчивый трудъ сулитъ капитальные выводы и значительныя, совершенно новыя обобщенія.

Для работы надъ исторіею Византіи и съ послѣдней, всемірно-исторической точки зрѣнія опять же русскіе ученые поставлены въ особенно благопріятныя условія. Всестороннее выполненіе подобно задачи требуетъ основательнаго знакомства съ русскою исторіею; здѣсь необходимо привлеченіе русскихъ и славянскихъ источниковъ, пока еще мало доступныхъ западно-европейскимъ историкамъ. Эти условія открываютъ для русскихъ ученыхъ видное мѣсто въ коллективномъ международно-научномъ дѣлѣ разработки византійской исторіи, какъ части всемірной. Осуществленіе ея можетъ сдѣлаться большою заслугою русской науки, если дѣятели ея сумѣютъ по настоящему широко, свободно и безпристрастно понять ее, вступая въ открытый и честный равноправный союзъ съ западными собратіями; они достигнутъ на этомъ поприщѣ важныхъ результатовъ, если справятся съ дѣломъ серьезно и глубоко, работая энергично и послѣдовательно, какъ и западные ученые, и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло, безкорыстно и справедливо, чуждаясь фальшиво и узко патріотическихъ предразсудковъ, которые сковываютъ мысль и мертвятъ плоды ея работы.

В. Г. Васильевскій какъ нельзя лучше былъ подготовленъ къ руководящей роли въ организаціи и выполненіи труднаго дѣла изслѣдованія Византіи съ національно-историческою и всемірно-историческою цѣлью. Оно стало центральною заботою его ученой жизни, главнымъ предметомъ его труда и одушевленія. И такое посвященіе себя разысканію малоизслѣдованной области съ глубокимъ и всесторон-

нимъ пониманіемъ его задачъ — причемъ онъ приступалъ къ работѣ во всеоружіи замѣчательнаго историческаго искусства—придавало особую значительность его ученой личности, ставя его на мѣсто основателя русской византологіи [1]). Предаваясь осуществленію поставленнаго имъ себѣ научнаго долга, Василій Григоріевичъ достигъ многаго и стяжалъ себѣ славу одного изъ первыхъ византинистовъ Европы. Нужно только замѣтить, что несмотря на высокія качества историческаго таланта и огромную ученость, онъ не торопился сосредоточиться около разработки широкой темы, которая захватывала бы большой періодъ византійской исторіи или въ обобщенномъ видѣ изображала бы крупное явленіе, глубоко и по всѣмъ направленіямъ вошэдшее въ жизнь. Къ этому никто не былъ призванъ больше, чѣмъ онъ. А между тѣмъ Василій Григоріевичъ воздерживался до конца жизни отъ прямой постановки такой задачи; онъ все откладывалъ даже приведеніе къ общему единству полученныхъ имъ самимъ богатыхъ, весьма цѣнныхъ и совершенно новыхъ результатовъ, продолжая длинную серію давно намѣченныхъ критическихъ изданій, отдѣльныхъ этюдовъ и частныхъ изслѣдованій. Подобная оріентировка самаго плана ученой дѣятельности Василія Григоріевича объясняется, впрочемъ, не столько характеромъ его научныхъ склонностей, сколько сопутствовавшими обстоятельствами. Она вытекала прежде всего изъ неразработанности того отдѣла всеобщей исторіи, который онъ избралъ своею спеціальностью, въ необходимости расчистить путь для широко-синтетическаго сочиненія по византійской исторіи многочисленными самостоятельными монографическими „Vorstudien". Другою причиною такой осторожности является рѣдкая добросовѣстность его въ работѣ, твердое убѣжденіе, что можно строить обширное зданіе только изъ безусловно прочнаго матеріала, и безпощадно строгое отношеніе къ самому себѣ. Наконецъ, отъ рѣшенія предпринять большой трудъ общаго характера постоянно отвлекали Василія Григоріевича лежавшія на немъ текущія очень разнообразныя обязанности,

---

[1]) *Грановскій* уже прекрасно понималъ общеисторическое значеніе исторіи Византіи и подчеркивалъ особенную важность изученія ея для познанія нашего отечественнаго прошлаго. Онъ завѣщалъ эту задачу тѣмъ, кто послѣ него будетъ заниматься исторіею. (См. *Сочиненія*, изд. 2, т. II, стр. 121). Послѣ него отдѣльные ученые, спеціалисты по исторіи церкви и церковному праву, также историки древне-русской литературы и археологи затрогивали отдѣльные вопросы изъ византійской старины. Но это не отнимаетъ у Василія Григоріевича заслуженнаго имени родоначальника у насъ византіевѣдѣнія, какъ дифференцировавшейся отрасли знанія.

ученыя и педагогическія,—профессора, академика, редактора журнала, члена ученаго комитета и т. д., которыя лишали его досуга и покоя, необходимыхъ для работъ „de longue haleine". Это печальная особенность русской научной дѣятельности: недостатокъ людей при развившихся довольно высокихъ потребностяхъ, хотя и распространяющихся на небольшую группу интеллигенціи, и необходимость вслѣдствіе такой бѣдности для каждаго ученаго нести на себѣ такую массу труда, какая для вполнѣ успѣшнаго, свободнаго и быстраго его выполненія непремѣнно должна быть раздѣлена между нѣсколькими. Такое коренное зло въ организаціи у насъ научной работы, вмѣстѣ съ плохою матеріальною обезпеченностью ученой профессіи, жестоко вредитъ процвѣтанію научной дѣятельности: оно связываетъ и парализуетъ ученыя силы, а подъ конецъ и подрываетъ ихъ. Постоянная спеціальная работа, безъ сомнѣнія, до послѣднихъ минутъ поднимала ученую индивидуальность Василія Григоріевича на все большую высоту. Этотъ не останавливавшійся и въ старости умственный ростъ благотворно дѣйствовалъ на тѣхъ, съ кѣмъ онъ находился въ общеніи; онъ порождалъ новыя замѣчательныя статьи и изслѣдованія. Но постоянное загроможденіе времени помѣшало ему дать наукѣ все то, что соотвѣтствовало его научнымъ силамъ, что хранилось въ видѣ сырыхъ матеріаловъ въ его столѣ, что береглось еще невыраженнымъ въ богатѣйшемъ запасѣ его знаній. Такъ оставалась его научная дѣятельность разбросанною, результаты ея несведенными въ одно стройное цѣлое. Это мучило самого Василія Григоріевича, и въ послѣдніе годы, онъ готовъ былъ, когда сталъ свободнѣе, приняться за труды болѣе общаго характера. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, собрать и переработать главныя свои статьи и изслѣдованія. Но болѣзнь истощала энергію, а смерть унесла съ собою необнародованныя слова и идеи, скрыла навсегда уже сформулированные въ умѣ историка драгоцѣнные выводы. Давнишняя же мечта написать общую исторію Византіи казалась настолько несбыточною ему самому, что доставляла ему больше горя, чѣмъ радости; подъ конецъ онъ уже не говорилъ о ней и не любилъ, когда на нее намекали.

3.

Надобно было обозначить кругъ работъ Василія Григоріевича, чтобы показать главный центръ его научныхъ интересовъ, которые должны были отчасти (по крайней мѣрѣ, съ извѣстной стороны) опре-

дѣлить его направленіе и какъ профессора. Василій Григорьевичъ, въ качествѣ замѣчательнаго византиниста, составившаго себѣ широкую концепцію изученія и построенія фактовъ въ избранной имъ области, уже являлся на каѳедрѣ исторіи съ внушительною и авторитетною физіономіей. Византіевѣдѣніе стало душою его ученой личности, и ее онъ даже невольно долженъ былъ раскрывать передъ слушателями. Ставить, однако, византійскую исторію въ основу преподаванія среднихъ вѣковъ въ университетѣ значило бы неправильно и вредно суживать научное общеобразовательное вліяніе курса всеобщей исторіи. Такую точку зрѣнія вполнѣ признавалъ и всегда твердо проводилъ покойный. Онъ строилъ свои общіе курсы по всемірно-исторической, а не по византійской программѣ, доказывая тѣмъ ученое безпристрастіе и широту научно-педагогическаго взгляда. Византійской исторіи онъ посвящалъ лишь часть спеціальныхъ своихъ чтеній, съ которыми обращался къ молодымъ людямъ, всецѣло посвящавшимъ себя наукѣ и въ частности желавшимъ идти по стопамъ учителя на дорогѣ къ разработкѣ избранной имъ спеціальности. Онъ заботился о томъ, чтобы въ преподаваніи средней исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ заложена была постоянная традиція курсовъ по византіевѣдѣнію; но всегда внушалъ и ученикамъ-византинистамъ сознаніе необходимости для нихъ основательнаго знакомства съ западно - европейской исторіей.

Въ самомъ характерѣ постановки общихъ курсовъ и со стороны пріемовъ разработки матеріала, вводимаго въ ихъ содержаніе, Василій Григорьевичъ былъ представителемъ особаго взгляда и, можно сказать (по крайней мѣрѣ, у насъ), новаторомъ въ немъ, а во всякомъ случаѣ оригинальнымъ его примѣнителемъ. Онъ никогда не стремился прочитывать каждой смѣнѣ своихъ слушателей полнаго краткаго обозрѣнія всего средневѣковаго періода. Всякое бѣглое изображеніе рисовалось ему поверхностнымъ и казалось мало плодотворнымъ. Онъ ставилъ ихъ преимущественно подъ руководство аналитико-критическаго, а не синтетико-догматическаго метода. При этомъ имѣлась въ виду задача не только дать обстоятельное изложеніе событія, вопроса, явленія, эпохи, сообщая послѣдніе выводы, достигнутые наукою для ихъ освѣщенія; профессоръ старался кромѣ того показать, что послужило почвою для такого вывода, и какъ удалось его установить. Поэтому вниманіе слушателей попеременно обращалось къ источниковѣдѣнію, исторіографіи, критическому воспроизведенію факта, анализу элементовъ явленія и только въ концѣ концовъ къ форму-

лировкѣ обобщеннаго заключенія. Отсюда проистекала, конечно, извѣстная медленность преподаванія (хронологическая неполнота): нельзя было давать въ одинъ годъ обзоръ длиннаго ряда вѣковъ. Отсюда же получалось, на первый взглядъ, преобладаніе детальности надъ широтою (неполнота содержанія): приходилось сосредоточиваться на сравнительно небольшомъ числѣ вопросовъ исторической жизни разсматриваемаго періода и ограничивать наблюденіе лишь частью территоріи, занятой тогда культурнымъ человѣчествомъ. Благодаря такому воззрѣнію Василій Григоріевичъ, очевидно, не могъ проходить всего средневѣковья въ одинъ годъ. Полный циклъ его общихъ курсовъ завершался обыкновенно въ четыре года. Первый курсъ посвящался переходной эпохѣ отъ древняго міра къ исторіи новой Европы (римская имперія и варварскія государства); второй—франкскому періоду (до распаденія монархіи Карла Великаго); третій—эпохѣ образованія и развитія феодализма (преимущественно на почвѣ исторіи Франціи); четвертый—давалъ любопытное обозрѣніе исторіи востока и запада во вторую половину среднихъ вѣковъ (съ разсмотрѣніемъ и высшей точки развитія, и упадка типичныхъ явленій эпохи — папства и имперіи, крестовыхъ походовъ, византинизма, ислама, средневѣковаго міровоззрѣнія и государства).

Много спорятъ о преимуществахъ и недостаткахъ того и другаго метода университетскаго преподаванія исторіи. Противники того воззрѣнія, котораго придерживался Василія Григоріевича и которое принимается ипроводится сознательно и послѣдовательно до сихъ поръ сравнительноне многими профессорами, въ опроверженіе его цѣлесообразности ссылаются чаще всего на неподготовленность студентовъ къ занятіямъ наукою въ настоящемъ смыслѣ слова. Именно въ виду неспособности ихъ будто бы критически перерабатывать черезчуръ обширный матеріалъ и сознательно воспринимать его детальную обработку, признается необходимымъ знакомить ихъ сначала лишь въ краткихъ чертахъ съ великими отдѣлами исторіи, давая при этомъ научное освѣщеніе главныхъ явленій лишь въ самыхъ существенныхъ признакахъ. Таковою рисуется для сторонниковъ указываемаго взгляда задача *общихъ* курсовъ. Углубленіе же въ изученіе отдѣльныхъ вопросовъ съ анализомъ источниковъ и критикою ученыхъ мнѣній представляется имъ дѣломъ курсовъ спеціальныхъ. Нельзя отрицать теоретически образовательной полезности подобныхъ суммарныхъ изображеній большихъ періодовъ и трудныхъ проблемъ, которыя вводили бы начинающихъ въ еще чуждую имъ научную сферу. Но при выпол-

ненія ихъ приходится встрѣчаться съ двумя опасностями. Стараясь такимъ путемъ избѣжать многочисленныхъ трудностей, связанныхъ съ обращеніемъ къ неопытнымъ слушателямъ, преподаватель невольно можетъ понизить тонъ до характера элементарнаго учебника. Отдаваясь же свободному влеченію показать имъ прежде всего послѣдніе и самые общіе выводы науки, объединяющіе громадныя эпохи съ сложнымъ содержаніемъ, онъ впадетъ въ отвлеченный схематизмъ, который подниметъ изложеніе до высшей ступени научнаго познанія предмета. И то, и другое будетъ не соотвѣтствовать силамъ учащихся. Первое—не возбудитъ интереса и работы мысли, потому что ощутится, какъ повтореніе извѣстнаго и наскучившаго, не вольетъ энергіи въ настроеніе студента, вызывая впечатлѣніе открывающихся широкихъ неизвѣданныхъ горизонтовъ, а усыпитъ его вниманіе и трудъ отсутствіемъ новизны и движенія. Второе—не найдетъ въ запасѣ его памяти достаточнаго матеріала, прочно усвоеннаго и хорошо сгруппированнаго, который наполнилъ бы живымъ конкретнымъ содержаніемъ предлагаемыя абстрактныя формулы и тѣмъ обусловилъ бы возможность одушевленія слушателя новымъ способомъ обработки уже близкихъ сердцу вопросовъ. Вотъ почему такое изложеніе съ трудомъ сдѣлается сильнымъ средствомъ дѣятельнаго развитія мысли, такъ чтобы сообщаемыя при его помощи идеи и знанія воспринимались не формально на вѣру, а дѣйствительно питали зрѣющій интеллектуальный организмъ новыми живительными соками. Такое слово не встрѣтитъ также въ большей части юношества, къ которому оно обращается, твердо-выработаннаго отвлеченнаго разсужденія и привычки распоряжаться тонкими пріемами логическаго построенія, которыя необходимы, чтобы рѣчь профессора, облеченная въ описанную оболочку, захватила умъ и воображеніе и повела впередъ, а не подавила волю сознаніемъ безпомощности. Послѣднее же неминуемо должно вызвать особый видъ скуки, связанной съ невозможностью понимать и не менѣе могущественно вліяющей на омертвѣніе мышленія, чѣмъ тоска, сопровождающая работу, которая не требуетъ никакого напряженія. Такимъ образомъ синтетико-догматическое построеніе исторіи человѣчества, какъ абстрактной эволюціонной схемы, есть форма, подходящая наилучшимъ образомъ къ преподаванію на послѣдней ступени университетскаго курса, а никакъ не къ начальному его моменту. Это—обобщеніе, а чтобы оно было живо и сильно, нужна хорошая предварительная проработка данныхъ, изъ которыхъ оно выводится, то-есть, серьезныя знанія и умѣніе обращаться съ

ними для извлеченія изъ нихъ научныхъ выводовъ. То и другое дается въ желательной для каждаго мѣрѣ системою, которую Василій Григоріевичъ со свойственною ему мягкою настойчивостью, развивалъ въ теченіе своей почти тридцатилѣтней университетской дѣятельности.

Кромѣ указаннаго надобно отмѣтить, что и въ ученой литературѣ общія теоріи эволюціи человѣческой цивилизаціи установлены до сихъ поръ лишь весьма шатко и несовершенно; исторія, какъ соціологія, есть еще наука будущаго. Поэтому при настоящемъ уровнѣ разработки ея подобное изображеніе требуетъ отъ профессора не только совсѣмъ выдающагося таланта, но и исключительной силы именно построительнаго воображенія, смѣлаго самосознанія объединяющей мысли, а также рѣдкой яркости научнаго языка.—В. Г. Васильевскій въ личныхъ бесѣдахъ съ учениками часто восхищался курсами тѣхъ немногихъ изъ его русскихъ коллегъ, которые даютъ особенно блестящіе опыты такихъ обобщенныхъ обзоровъ полнаго теченія какого-нибудь великаго отдѣла исторіи. Онъ совѣтовалъ имъ учиться у такихъ крупныхъ мастеровъ ихъ замѣчательному искусству образцовой общеисторической „Darstellung", откровенно и съ сожалѣніемъ заявляя, что самъ онъ не можетъ дать ничего подобнаго. Нѣкоторые бывшіе слушатели Василія Григоріевича, не ставшіе однако его учениками, теперь сдѣлавшись сами профессорами и проводя точку зрѣнія о необходимости „элементарныхъ" курсовъ, какъ основы изложенія исторіи съ университетской каѳедры, любятъ ссылаться въ спорахъ съ адептами системы учителя на такое „признаніе Василіемъ Григоріевичемъ собственной слабости". Мнѣ кажется, что они неправильно понимаютъ слова, на которыя хотятъ полемически опереться. Въ послѣднихъ обнаруживается опять же только удивительная скромность Василія Григоріевича и его замѣчательная способность видѣть и цѣнить въ другихъ свойства и достоинства, ему не достававшія. Они, вѣроятно, не вслушались, какъ онъ на ряду съ этимъ превосходно аргументировалъ цѣлесообразность аналитическаго метода изслѣдованія по правилу перехода отъ частнаго къ общему въ университетскомъ преподаваніи исторіи. Онъ убѣдительно доказывалъ предварительную неизбѣжность его примѣненія для подготовки молодыхъ людей хотя бы къ уразумѣнію тѣхъ дѣйствительно высоко-талантливыхъ научно-педагогическихъ произведеній, которымъ онъ такъ безпристрастно отдавалъ справедливую честь. Затѣмъ они не отдавали себѣ, повидимому, отчета въ томъ, что Василій Григоріевичъ одобрялъ не ихъ точку зрѣнія. Онъ признавалъ полезность обобщенныхъ

научныхъ формулъ въ университетскихъ курсахъ, но не допускалъ обращенія курса въ учебникъ: онъ полагалъ, что ознакомленіе съ ходомъ исторіи и элементарные отвѣты на главные ея вопросы должны добываться самими студентами по имѣющимся лучшимъ руководствамъ и доступнымъ пособіямъ, которыя онъ всегда тщательно указывалъ.

Собственныя чтенія Василія Григоріевича являются лучшимъ фактическимъ подтвержденіемъ правильности такого мнѣнія. Всякій прошедшій филологическій факультетъ Петербургскаго университета въ тѣ годы, когда все преподаваніе средней исторіи находилось въ его рукахъ, я убѣжденъ, согласится со мною, что никто изъ профессоровъ исторіи не обнаруживалъ такого глубокаго вліянія на ихъ образованіе, не оставлялъ на знаніяхъ и умственномъ складѣ каждаго, основательно занимавшагося наукою, такого прочнаго слѣда, какъ именно Василій Григоріевичъ. На его лекціяхъ слушателя всегда охватывала бодрая и величественная, серьезная и свободная научная атмосфера, возвышающая духъ, вызывающая пытливость; послѣ каждой лекціи онъ выходилъ изъ аудиторіи измѣнившимся—обогащеннымъ свѣдѣніями, лучше понявшимъ задачу изслѣдованія, больше заинтересованнымъ въ открытіи истины.

Подъ конецъ въ защиту поддерживавшейся Василіемъ Григоріевичемъ системы университетскаго преподаванія обращу вниманіе на то обстоятельство, что главная цѣль, которую должны преслѣдовать, по мнѣнію ихъ сторонниковъ, синтетическіе курсы, то-есть, стремленіе дать полное изображеніе всего процесса эволюціи культуры въ опредѣленный долгій періодъ, не достигается ими. Извѣстный курсъ одного изъ первыхъ знатоковъ нашей отечественной исторіи, являющійся почти безукоризненнымъ образцомъ разбираемаго метода, все-таки оказывается главнымъ образомъ картиною развитія государственныхъ учрежденій и сословнаго строя на Руси. Отсутствіе систематическаго обозрѣнія исторіи духовной культуры замѣняется въ немъ, правда, мастерскими характеристиками нѣкоторыхъ великихъ людей и выдающихся дѣятелей, которыя глубоко вводятъ въ пониманіе интеллектуальнаго и моральнаго настроенія эпохи, и нѣкоторыми отдѣльно стоящими очерками явленій умственной и религіозной жизни русскаго народа. Но это — лишь экскурсы, такъ что только богатство выдѣлки развертывающейся передъ глазами слушателей ткани и покоряющая вниманіе великолѣпная стройность всего произведенія заставляетъ забывать такіе пробѣлы въ его содержаніи. Другой уважаемый представитель нашего университетскаго историче-

скаго преподаванія, строющій по тому же методу изложеніе западноевропейской исторіи въ средніе вѣка, также принужденъ для пріобрѣтенія возможности провести курсъ черезъ все тысячелѣтіе отъ V-го по XV-й вѣкъ остановиться на разсмотрѣніи одной лишь стороны историческаго процесса. Онъ даетъ замѣчательное по научному совершенству и методической выдержанности изображеніе развитія формъ властвованія, выясняемыхъ эволюціею соціальныхъ отношеній, которая представлена въ свою очередь на почвѣ хозяйственнаго роста главныхъ народовъ Европы отъ паденія римской имперіи до образованія великихъ національныхъ государствъ новаго времени. Но для достиженія единства плана и цѣльности результатовъ ему приходится устранить изъ рамокъ изложенія, во-первыхъ, нѣкоторыя страны, во-вторыхъ, отказаться отъ разъясненія ряда очень важныхъ вопросовъ опять изъ области преимущественно культурно-религіозной исторіи.

Такимъ образомъ, несмотря на приложеніе къ дѣлу большихъ искусно сосредоченныхъ и опытныхъ силъ замѣчательными научными талантами, имъ невполнѣ удается въ рамкахъ университетскаго курса достигнуть, даже примѣняя абстрактно-догматическое построеніе, полной системы историческаго обзора, который захватывалъ бы большой періодъ. А вѣдь это—первое, что требуется сторонниками подобныхъ общихъ курсовъ, какъ необходимое условіе, удовлетворяющее, по ихъ мнѣнію, общеобразовательной цѣли. Самая громадность историческаго матеріала съ одной стороны, несовершенство разработки исторической науки съ другой и, наконецъ, трудность пониманія отвлеченнаго изображенія для неопытнаго въ научной работѣ юноши ослабляютъ успѣшность такого способа преподаванія. Все указанное, повторяю, съ особенною очевидностью освѣщаетъ научно-педагогическую вѣрность точки зрѣнія В. Г. Васильевскаго. Къ чему же стремиться при установкѣ принциповъ общаго университетскаго курса исторіи къ полнотѣ програмы, принося ей въ жертву полноту разработки, если цѣль эта не соотвѣтствуетъ ни состоянію развитія самой науки, ни интересамъ учащихся и является поэтому не только недостижимою, но и ненужною? Не всякій студентъ готовится, конечно, къ ученой дѣятельности; но всякому, проходящему университетъ, необходимо испытать на себѣ дѣйствіе настоящей научной работы, чтобы дѣйствительно воспользоваться благами высшаго образованія. Научное же упражненіе найдется только въ глубокой аналитической обработкѣ того или иного матеріала. Она можетъ быть дана въ исторической

области только путемъ сосредоточенія на небольшихъ эпохахъ и немногочисленныхъ вопросахъ. Но штудированіе ихъ подъ прямымъ руководствомъ профессорскихъ лекцій разовьетъ въ обращающихся къ наукѣ юношахъ силу сознательно и самостоятельно браться за дальнѣйшее изученіе другихъ проблемъ, если только они будутъ живо затронуты умственною жаждою. Во всякомъ случаѣ оно одно можетъ сообщить зрѣлую складку ихъ мышленію. Василій Григоріевичъ это прекрасно понималъ. Онъ основывалъ свои курсы на детальномъ критическомъ и исторіографическомъ разсмотрѣніи вопросовъ, вводимыхъ въ ихъ планъ. Онъ ограничивалъ чтенія каждаго года, какъ замѣчено, небольшими хронологическими предѣлами. Но это были именно *общіе* курсы, такъ какъ они проникались *всемірно-исторической* точкою зрѣнія, то-есть, централизовались около событій, явленій, процессовъ, имѣвшихъ капитальное значеніе въ развитіи и прогрессѣ человѣческой культуры. Для желающихъ ознакомиться, по возможности, съ обозрѣніемъ значительной части средневѣковаго періода и вдуматься въ рѣшеніе большинства важнѣйшихъ вопросовъ исторіи этого времени онъ предлагалъ весь циклъ своихъ смѣняющихся по очереди курсовъ. Тѣ, кому удавалось воспользоваться ими въ цѣломъ, особенно ясно убѣждались въ великихъ достоинствахъ его преподаванія. Но и другіе, которые оказывались вынужденными удовлетвориться однимъ годомъ занятій подъ руководствомъ Василія Григоріевича, покидали его лекціи съ благодарностью, и имъ дѣлалась понятною идея, что нѣтъ необходимости непремѣнно пройдти черезъ все содержаніе той или иной отрасли знанія тому, кто ищетъ основательнаго университетскаго образованія. Имъ выяснялась истина, что главная задача высшей школы—ввести въ глубину научнаго освѣщенія вопросовъ познанія, дать на примѣрѣ изслѣдованія ихъ твердый закалъ разсудку, воображенію и памяти, связать съ умственнымъ трудомъ лучшую часть духовной жизни юности, соединить съ нимъ самыя благородныя чувствованія и дорогія настроенія и оставить потребность идейности на всѣ дальнѣйшіе годы существованія человѣка.

Я потому пытаюсь обозначить съ нѣкоторою подробностью основную точку зрѣнія, опредѣлявшую направленіе преподаванія Василія Григоріевича, что вижу въ ней одну изъ самыхъ типичныхъ чертъ его ученой природы, являвшихся однимъ изъ главныхъ условій весьма немаловажной его профессорской заслуги. Это чувствовали, думается мнѣ, всѣ хорошіе его слушатели, но твердо формулировать такую оцѣнку и громко провозгласить ее—есть обязанность его ближайшихъ

учениковъ, особенно теперь, когда учитель навсегда сошелъ со сцены жизни и когда опасно дать остановиться порожденному имъ теченію, когда необходимо работать для укрѣпленія заложенной имъ традиціи.

4.

Чтобы иллюстрировать справедливость выше установленнаго сужденія, лучше всего вглядѣться пристальнѣе въ концепцію и содержаніе самыхъ курсовъ Василія Григоріевича. Я разберу въ видѣ примѣра именно *первый* изъ нихъ, который дорогъ моимъ университетскимъ воспоминаніямъ, такъ какъ студентомъ 2-го курса я занимался его составленіемъ. Это была моя первая серьезная работа; она требовала большаго и нелегкаго напряженія; но исполняя ее подъ руководствомъ Василія Григоріевича, я позналъ уже тогда, какъ плодотворно дѣйствовали его лекціи, какъ дѣятельно настраивало умъ научное общеніе съ нимъ, и какъ онъ способенъ былъ развить въ ученикѣ своемъ умѣнье находить радость въ трудѣ.

Курсъ, который я хотѣлъ бы охарактеризовать точнѣе и опредѣленнѣе, представлялъ, какъ отмѣчено выше, обозрѣніе событій и явленій *переходной эпохи отъ древности къ такъ называемымъ среднимъ вѣкамъ.* Самая постановка темы — посвященіе работы цѣлаго года изученію лишь возвышенія и упадка римской имперіи и возникновенія новыхъ формъ соціально-политическаго объединенія и культурнаго развитія народовъ западной Европы—являетъ уже прекрасный примѣръ проведенія эволюціоннаго метода черезъ преподаваніе исторіи съ университетской каѳедры. Она сразу обращала вниманіе слушателей на сложность и медленность историческаго движенія. У насъ еще господствуютъ крайне отсталые взгляды на исторію, особенно въ общеобразовательной школѣ. Гимназистъ обыкновенно не представляетъ себѣ, для чего должно и какъ можно дѣлить развитіе человѣчества на періоды; онъ плохо понимаетъ, въ чемъ заключается связь между ними; единство культурнаго процесса, закономѣрность его— это пустыя слова для очень многихъ оканчивающихъ курсъ средняго учебнаго заведенія [1]). Не всегда и въ университетѣ хорошо и сразу

[1]) Руководства профессора *П. Г. Виноградова*, представляющія важный шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія метода построенія и изложенія гимназическаго курса, вышли еще недавно, и они только медленно вытѣсняютъ изъ школы прежніе учебники, развивающіе противонаучныя понятія, совершенно неудовлетворительные, но получившіе всеобщее распространеніе и держащіеся на рутинѣ

выясняются эти основныя истины студентамъ съ самаго начала. Большая часть моихъ товарищей, по крайней мѣрѣ, отъ Василія Григоріевича почти впервые услышали глубокую и спокойно-убѣжденную рѣчь о генетическомъ изслѣдованіи, о внутренней цѣльности исторіи и невозможности рѣзкаго разсѣченія ея на части, уразумѣли ясно, что древность входитъ въ средніе вѣка результатами своей работы, и послѣдніе уже живутъ въ первой своими корнями. Это вселило въ насъ не только отвращеніе отъ схоластическихъ рамокъ при классификаціи великихъ историческихъ отдѣловъ, но, можетъ быть, навело на мысль о шаткости самого шаблоннаго понятія—„средніе вѣка", о необходимости внести жизнь въ символизацію теченія исторіи, замѣнить неподвижный принципъ хронологическихъ частей гибкимъ понятіемъ смѣняющихся фазъ развитія.

Первая часть четырехчленнаго цикла курсовъ Василія Григорьевича дѣйствительно раскрывала передъ слушателями широкія и важныя, новыя и общія перспективы [1]).—Пространныхъ введеній теоретическаго содержанія Василій Григоріевичъ избѣгалъ, предпочитая развивать руководящіе взгляды по мѣрѣ разработки историческаго матеріала и формулировать методологическіе и философско-историческіе выводы вслѣдъ за ознакомленіемъ слушателей съ данными, изъ которыхъ они строятся. Въ этомъ также видно подчиненіе его основной истинѣ, которую онъ ставилъ краеугольнымъ камнемъ своихъ преподавательскихъ воззрѣній: подготовлять всякое синтетическое обобщеніе долгою аналитическою работою. Въ этомъ смыслѣ правила его совпадали съ идеею *Фюстель-де-Куланжа*, историка, котораго всегда высоко ставилъ Василій Григорьевичъ, превосходно знакомя своихъ учениковъ съ его сочиненіями.

Въ первой лекціи Василій Григоріевичъ обыкновенно кратко заявлялъ, что будетъ изображать исторію, какъ генезисъ явленій обще-

школы и невѣжествѣ среды. В. Г. Васильевскій радовался появленію научной книги для гимназическаго обученія почитаемаго имъ собрата, хотя и спрашивалъ себя съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, побѣдятъ ли юные умы ея необычныя трудности и захотятъ ли сами преподаватели поднять и поддерживать себя на уровнѣ искуснаго и твердаго толкованія и разработки такого руководства.

[1]) До 1880 г. онъ читалъ для всѣхъ филологовъ III-го курса по 4 или 3 часа въ недѣлю. Потомъ, когда ограничено было однимъ годомъ преподаваніе древней исторіи, временно занявшей несоразмѣрное мѣсто въ планѣ факультетскихъ предметовъ, общій курсъ средней исторіи былъ перенесенъ на второй курсъ. Послѣ введенія устава 1884 г. дѣло, какъ извѣстно, измѣнилось не къ пользѣ предмета.

ственнаго строя и духовной культуры, опредѣлялъ задачу даннаго курса, намѣчалъ въ немногихъ словахъ его главныя расчлененія, а затѣмъ переходилъ къ обозрѣнію основныхъ фактовъ и теченій *исторіографіи по среднимъ вѣкамъ*. Послѣ быстраго указанія „неисторичности" мысли XVIII вѣка онъ давалъ въ высшей степени интересный этюдъ о *Гиббонѣ*, на примѣрѣ котораго пояснялъ, что такое историческое изображеніе, какъ возникло научное изученіе прошлаго человѣчества, что дало при своемъ появленіи, чѣмъ цѣнно до сихъ поръ и въ чемъ отстало отъ современныхъ успѣховъ науки знаменитое произведеніе—„History of the decline and fall of the Roman empire".—Затѣмъ, установивъ, что созданіе истинно-научной „исторической школы" было дѣломъ XIX вѣка, профессоръ обращался къ разсмотрѣнію взглядовъ и трудовъ главныхъ представителей исторической науки во Франціи, Германіи и Англіи и разбору основныхъ направленій новѣйшей исторической мысли. Личность и сочиненія *Гизо*, *Тьерри* и *Фюстель-де-Куланжа*, *Гизебрехта*, *Вайтца*, *Зибеля*, *Ранке* и *Нитча*, *Стеббса*, *Фримана* и *Грина*, наконецъ также *Грановскаго*, *Кудрявцева* и *Ешевскаго* проходили передъ умственнымъ взоромъ слушателей въ обстоятельныхъ, живыхъ и хорошо документированныхъ характеристикахъ, а потомъ распредѣлялись въ соотвѣтствующія группы, разъясняя и истолковывая направленія. Романисты и германисты, доктринеры и критики, націоналисты и философы, политики и экономисты—всѣ эти понятія, поскольку они полезны для уразумѣнія развитія и прогресса изученія средневѣковой исторіи западной Европы и отраженія его успѣховъ въ Россіи—дѣлались мало по малу извѣстными слушателямъ Василія Григорьевича. Многіе называютъ исторіографію безусловно задачею спеціальныхъ курсовъ. Но его изложеніе доказываетъ, какъ осторожный и искусно построенный экскурсъ въ область исторіи науки дѣйствительно прекрасно вводитъ начинающаго въ незнакомую ему среду. Такой очеркъ является незамѣнимымъ средствомъ, сообщая ему свѣдѣнія о научномъ дѣлѣ авторовъ, которые должны стать его руководителями въ работѣ, выдвинуть передъ его глазами и главные вопросы, которые онъ будетъ изучать. Основныя проблемы средней исторіи—паденіе римской имперіи, великое движеніе германцевъ и образованіе ихъ государствъ (и вообще расовый вопросъ), развитіе монархіи Франковъ, Карлъ Великій, монашество, папство, имперія, феодализмъ, города, схоластика—постепенно становились близки слушателю Василія Григоріевича въ то время, какъ онъ узнавалъ въ освѣщеніи профессора

мнѣнія о нихъ тѣхъ ученыхъ, которые содѣйствовали ихъ постановкѣ и разрѣшенію.

Самый курсъ вслѣдъ за историографическимъ введеніемъ распадался на слѣдующіе отдѣлы: 1) Первоначальное заселеніе западной Европы и ея романизація; 2) Религіозно-нравственный кризисъ въ римскомъ мірѣ и происхожденіе христіанства; 3) Древняя Германія и начало проникновенія варварской стихіи на римскую почву; 4) Паденіе римской имперіи и великія германскія вторженія; 5) Характеръ первыхъ варварскихъ государствъ съ заключеніемъ о возникновеніи франкскаго королевства.

Каждая изъ перечисленныхъ здѣсь частей была чрезвычайно богата разнообразнымъ фактическимъ матеріаломъ, который раскрывалъ передъ слушателями самую сущность вопроса, показывалъ особенности періода. Изображеніе объединялось такими глубокими точками зрѣнія, что желающій получалъ въ руки полную возможность сознательно отнестись къ предлагаемой работѣ и постоянно расширять свои познающія силы, усваивая орудія изслѣдованія, уразумѣвая природу и признаки научнаго изученія предмета.—Такъ, первый изъ указанныхъ отдѣловъ, разсматривавшій этнографическую основу европейской исторіи, обширный и систематическій, знакомилъ съ данными, методами и выводами антропологіи, доисторической археологіи и первобытнаго права. Здѣсь классифицировались вещественные памятники, оставшіеся отъ древнѣйшихъ слоевъ населенія Европы въ послѣдовательномъ порядкѣ, примѣнялись пріемы сравнительнаго изученія языковъ, миѳологіи, народной психологіи и древнихъ учрежденій для опредѣленія мѣста, которое занимали арійцы въ первобытной жизни Европы. На примѣрѣ кельтской старины давалась характеристика первоначальной религіи арійцевъ и разсматривался ихъ древнѣйшій, доступный исторіи семейный, соціальный и политическій бытъ. Въ результатѣ получалось воспроизведеніе эволюціонной цѣпи заселенія Европы съ разъясненіемъ того, какъ смыкаются вмѣстѣ ея звенья при помощи построенія схемы первыхъ фазъ культурнаго творчества народовъ и взаимодѣйствія между ними. Сообщалась масса совершенно новыхъ для мало подготовленнаго студента и высоко поучительныхъ свѣдѣній и идей, уже отчасти перерождавшихъ его міровоззрѣніе, прочитывались вмѣстѣ съ нимъ великолѣпныя страницы изъ исторіи наукъ, появившихся въ послѣднее десятилѣтіе, но уже оказавшихъ исторіи существенныя услуги [1]).

---

[1]) Статья Василія Григоріевича—„*Вопросъ о Кельтахъ*“ (См. ***Журналъ Ми-***

Дальнѣйшая глава—завоеваніе римлянами странъ и народовъ далекаго сѣверо-запада и ихъ постоянная ассимиляція Риму точно также изобиловала любопытными и важными свѣдѣніями. Въ ней заключалась характеристика всемірно-исторической роли римской имперіи въ той формулировкѣ, какая достигнута наукою новѣйшаго времени, являясь капитальною „contribution" для установки убѣжденія во внутреннемъ единствѣ процесса развитія человѣчества [1]). Мы получали тутъ на лекціяхъ Василія Григоріевича самое точное понятіе о сущности и результатахъ замѣчательныхъ изслѣдованій *Момзена* и его школы, научались оцѣнивать громадную важность привлеченія эпиграфическихъ памятниковъ къ выясненію условій развитія внутренней жизни римскаго міра. Передъ нами развертывалась захватывающая вниманіе и волнующая душу картина огромнаго культурнаго воздѣйствія романизующей силы на варварскій міръ.

Слѣдующій отдѣлъ, разсматривающій постепенное распаденіе религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія античнаго общества и зарожденіе христіанства, можетъ быть названъ прекраснымъ опытомъ „эмбріогеніи міровой религіи", съ которою тѣсно связана вся человѣческая цивилизація отъ упадка древней культуры до настоящихъ дней. Изложеніе было проникнуто въ одно и то же время почтительнымъ благоговѣніемъ передъ грандіознымъ явленіемъ человѣка, склоннаго быть вѣрующимъ, и исполнено научнаго безпристрастія историка и критика, не желающаго вносить въ изслѣдованіе затемняющей его научное пониманіе догматической неподвижности. Профессоръ послѣдовательно останавливался въ рамкахъ разбираемой части своего курса на изученіи греко-римской религіи и ея разложенія философіей съ одной стороны въ образованныхъ классахъ общества, измѣненіемъ нравовъ, расширеніемъ историческаго опыта и столкновеніемъ съ другими вѣрованіями съ другой стороны въ народныхъ массахъ; потомъ

нистерства Народнаго Просвѣщенія за 1882 и 1888 г.), представляющая переработанныя лекціи (авторъ одно время мечталъ подготовить такимъ образомъ къ печати весь свой курсъ), свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ былъ освоенъ съ рядомъ сосѣднихъ съ исторіею дисциплинъ, и какъ умѣлъ передавать основательно и ясно, критически и интересно ихъ наиболѣе твердые и важные выводы.

[1]) Василій Григоріевичъ уже во время командировки за границу въ шестидесятыхъ годахъ увлекался этою новою оцѣнкою раньше невѣрно, односторонне и узко изображавшагося великаго періода и чутко понималъ правильность новой концепціи и важное значеніе ея для прогресса построенія всеобщей исторіи человѣчества.—См. *Отчетъ* его, напечатанный въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* т. I 121 (1864).

онъ дѣлалъ обозрѣніе неудачныхъ попытокъ философской мысли сначала стать на мѣсто религіи, потерявшей авторитетъ надъ сердцами, позже возродить ея силу искусственными средствами. Онъ показывалъ преемственныя фазы постепеннаго роста новой жажды религіознаго искупленія въ человѣчествѣ, объединенномъ римскимъ оружіемъ; затѣмъ анализировалъ элементы, изъ которыхъ сложилось зерно первоначальнаго христіанства, и прослѣживалъ судьбы христіанской общины, устройство церкви и религіознаго настроенія адептовъ новой вѣры внутри стараго государства. Такъ выстраивалась мало по малу древняя исторія христіанства, какъ первостепеннаго фактора культуры, отъ момента появленія его въ столицѣ и главныхъ городахъ всемірной имперіи и скрытаго существованія подъ покровомъ неизвѣстности, черезъ драматическую эпоху борьбы съ языческою стариною, до времени торжества новой вѣры надъ могуществомъ государства, косностью общественнаго мнѣнія и уединенностью научной мысли, до такъ называемаго религіознаго міра при императорѣ Константинѣ. Помимо густо насыщенной красками и законченной, твердо обобщенной картины изображаемаго явленія—эволюціи вѣрованій, нравственныхъ настроеній и идей, религіознаго устройства—лекціи профессора и здѣсь заключали цѣнныя данныя исторіографическаго и методологическаго характера: давалось, напримѣръ понятіе о принципахъ *тюбингенской* школы, ярко рисовалась оригинальная учено-поэтическая фигура *Ренана*, разбиралось сочиненіе *Гаусрата* (*Neutestamentliche Zeitgeschichte*), описывались христіанскія древности катакомбъ, сообщались результаты изслѣдованій *Де-Росси* съ выясненіемъ всемірно-исторической важности знакомства съ памятниками древне-христіанскаго искусства.

Всѣ указанные вопросы, рѣдко затрогивающіеся у насъ въ общихъ университетскихъ курсахъ, слушались аудиторіею Василія Григорьевича съ особеннымъ вниманіемъ и доставляли особенное наслажденіе. Но и слѣдующіе отдѣлы не уступали предшествующимъ въ обильной полнотѣ содержанія, основательности группировки матеріала, ясности и поучительности глубокихъ выводовъ. Студенты находили въ нихъ, во-первыхъ, подробное описаніе *тацитовой Германіи*, въ которомъ искусно исчерпывался главный источникъ и примыкающіе къ нему дополнительные памятники съ систематическимъ разборомъ сложной литературы о первобытномъ германскомъ правѣ и общественномъ строѣ. Далѣе подробно и мастерски излагались запутанныя событія такъ-называемаго *„великаго переселенія народовъ“*; причемъ между

воззрѣніями старыхъ германистовъ, рисовавшихъ германское завоеваніе разрушительнымъ катаклизмомъ, ничего не оставившимъ отъ римскаго развитія и замѣнившимъ его „свѣжими“ германскими національными началами цивилизаціи,—и рѣзко отрицающею всякое значеніе германцевъ теоріею Фюстель-де-Куланжа вырабатывалось исторически достовѣрное и строго-научное среднее мнѣніе. Необходимость появленія варваровъ на почвѣ римскихъ провинцій искусно обнаруживалась изученіемъ внутренняго состоянія самой имперіи. Василій Григоріевичъ внимательно разыскивалъ передъ слушателями причины ея упадка. Онъ разсматривалъ учрежденія діоклетіано-константиновской абсолютно-бюрократической монархіи и выяснялъ ихъ политическую непрочность и гибельность; изучалъ ненормальность соціальныхъ отношеній—образованіе аристократіи, разореніе и закрѣпощеніе трудящейся массы и служилаго большинства [1]). Кромѣ того профессоръ дѣлалъ набросокъ послѣдней стадіи религіознаго кризиса античнаго міровоззрѣнія, централизуя изложеніе около характеристики любопытной личности императора Юліана, его сотрудниковъ — послѣднихъ философовъ и враговъ — іерарховъ христіанской церкви; въ данной связи начертывалась картина измѣненія новой вѣры, ея духа и организаціи, а также одряхлѣніе научной и литературной мысли, омертвѣніе соціальной энергіи и солидарности внутри общества. Такимъ образомъ великая катастрофа выводилась, какъ необходимая, и раскрывалась въ постепенныхъ своихъ фазахъ. Конечный выводъ — „имперія пала не подъ оружіемъ варваровъ, а въ силу собственнаго внутренняго разложенія“ (*Моммзенъ*) — естественно истолковывалъ уничтоженіе римскаго единства, и описаніемъ различныхъ типовъ государствъ, возникшихъ на западѣ поверхъ его развалинъ, заканчивался обширный курсъ, основа котораго воспроизведена на предыдущихъ страницахъ.

Таковъ образецъ чтеній В. Г. Васильевскаго, который я могу выставить, какъ лучшій *specimen*, характеризующій его преподавательское направленіе. Думаю, что даже набросанный мною спѣшный и несовершенный эскизъ можетъ дать понятіе о его большихъ научныхъ и педагогическихъ достоинствахъ. Долго было бы также обстоятельно

---

[1]) Детальный разборъ вопроса о *происхожденіи колоната* долженъ быть названъ одною изъ лучшихъ главъ этой части, и въ ней превосходно обнаруживалась связь между римскимъ прошлымъ и средневѣковымъ будущимъ, вскрывались въ общественныхъ порядкахъ имперіи зародыши феодализма.

излагать содержаніе и отмѣчать особенности програмы слѣдующихъ курсовъ. Достаточно сказать, что и они отличались тѣми же многими положительными рѣдкими и цѣнными чертами, какъ и первый; и въ нихъ соединялись мастерство выбора подлиннаго повѣствовательнаго матеріала, данныхъ для познанія внутренняго развитія народовъ, обществъ и государствъ и свѣдѣній по исторіографіи съ искусствомъ солидно добывать выводы и отчетливо ихъ формулировать, наконецъ, выводить слушателей на широкій просторъ раскрывающихся кругомъ научныхъ горизонтовъ. Какъ пробѣлъ этихъ курсовъ — второго и третьяго — можно назвать недостаточную разработку (мѣстами даже игнорированіе) исторіи Германіи, Италіи и особенно Англіи. За центръ при группировкѣ фактовъ и за руководящую нить при развитіи изложенія принималась исторія Франціи: на ея примѣрѣ прослѣживались всѣ великія міровыя явленія средневѣковаго періода. Нужно, впрочемъ, обратить вниманіе, что Франція именно была поприщемъ лучшаго расцвѣта всѣхъ типичныхъ явленій средневѣковья; это въ извѣстномъ смыслѣ оправдываетъ сосредоточеніе аналитическаго курса около ея исторіи, тѣмъ болѣе, что факты для сравнительныхъ наблюденій постоянно выбирались изъ прошлаго другихъ странъ.

Справедливымъ будетъ признать, что вторая половина исторіи среднихъ вѣковъ разработана была въ чтеніяхъ Василія Григоріевича въ общемъ слабѣе первой. Но и здѣсь слѣдуетъ указать цѣлый рядъ любопытныхъ, важныхъ и чрезвычайно интересныхъ главъ; таковъ очень полный и обстоятельный анализъ феодализма и рыцарства или, далѣе, подробный обзоръ возникновенія, развитія и результатовъ городскаго движенія, оригинальный очеркъ средневѣковаго просвѣщенія, а также солидно составленные и своеобразно изложенные отдѣлы чисто повѣствовательнаго характера: судьбы франкскаго королевства въ періодъ Меровинговъ и Каролинговъ, начало и распространеніе монашества, дѣятельность Бонифація и др. Эти части представляются мнѣ образцами „прагматическаго" изображенія, подготовлявшаго матеріалъ для анализа и обобщеній. Два капитальныхъ явленія средневѣковой жизни—папство и имперія—не разсматривались Василіемъ Григоріевичемъ систематически въ полнотѣ ихъ исторіи и развитія. Они вдвигались въ планъ общихъ курсовъ, собственно (какъ выходило по внѣшности), эпизодически. Но нѣсколько типичныхъ пунктовъ и характерныхъ моментовъ въ эволюціи того и другой освѣщались настолько глубоко и твердо, что давали ясное пониманіе сущности ихъ и вырабатывали въ слушателяхъ способность самостоятельно изу-

чать остальныя эпохи по научнымъ сочиненіямъ. Укажу въ видѣ примѣровъ разборъ возникновенія папскаго величія при Григоріи I и его преемникахъ и первоначальнаго созданія папскаго государства въ VIII и IX вѣкахъ съ одной стороны; съ другой—превосходное разсмотрѣніе сущности монархіи Карла Великаго и идеи Священной римской имперіи вообще. Наконецъ, два упоминаемыя явленія занимали видное мѣсто въ *послѣднемъ*, очень замѣчательномъ курсѣ Василія Григоріевича, открывавшемся параллельною характеристикой эллинизма и романизма, начиная съ дѣятельности ихъ родоначальниковъ—Александра Македонскаго и Юлія Цезаря,—и посвященномъ общему изученію всѣхъ крупныхъ фактовъ и теченій исторіи средневѣковаго запада, византійскаго и исламскаго востока.

Могучій остовъ, составлявшій непоколебимую основу высоко-талантливаго и твердо-авторитетнаго преподаванія Василія Григоріевича—его общіе курсы, окружался и усиливался еще въ своей вліятельности среди органовъ научнаго образованія студентовъ-филологовъ, постоянно читавшимися рядомъ съ ними *спеціальными*. Посвященные также всегда существеннымъ вопросамъ исторіи человѣчества въ средніе вѣка и выростая на почвѣ, тщательно обработанной общими курсами, они давали слушателямъ, желавшимъ стать прямыми учениками Василія Григоріевича, образцовые примѣры научнаго изслѣдованія уже въ полнѣйшемъ смыслѣ слова. Большая часть такихъ спеціальныхъ чтеній отдавалась *византійской исторіи*; но не забывалась и западная [1]). Нужно положительно удивляться, откуда брались у часто болѣвшаго и обремененнаго громадною работой Василія Григоріевича силы, чтобы нести на себѣ долго съ безукоризненною честью и безъ всякой помощи такія сложныя профессорскія обязанности.

Какъ лучшія достоинства, проходившія черезъ всѣ чтенія Василія Григоріевича, кромѣ уже выше отмѣченныхъ—спокойной простоты и естественной „gravitas“ тона, чуждаго элементарной рутины, общихъ

---

[1]) Списокъ такихъ курсовъ можно отыскать въ ежегодныхъ „*Обозрѣніяхъ преподаванія*“ въ Петербургскомъ университетѣ. Онѣ бывали довольно разнообразны. Василій Григоріевичъ читалъ обзоры исторіи Византіи по эпохамъ, напримѣръ, въ *Юстиніаново царствованіе*, во *времена иконоборства*, *въ періодъ Комниновъ*; занимался *византійскою исторіографіею* (отсюда выросла замѣчательная его книга—„Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи“, которой, къ сожалѣнію, вышелъ лишь первый выпускъ, въ 1890 г.); или объявлялъ курсы спеціально по *исторіи Англіи въ средніе вѣка*, по *исторіи Франціи при короляхъ изъ дома Валуа*, по *исторіи городовъ и городскихъ учрежденій*, *крестовыхъ походовъ* и т. д.

мѣстъ и напыщеннаго паѳоса, необходимо выдвинуть слѣдующія выдающіяся черты. Лекціи его были замѣчательно богаты фактическимъ содержаніемъ, которое дѣлало излишнимъ для слушателей принимать утвержденія профессора на вѣру. Онъ всегда избѣгалъ голословныхъ сужденій, предварительнаго провозглашенія отвлеченной формулы, а давалъ возможность выводить ее изъ сообщаемыхъ данныхъ. Онъ вручалъ слушателямъ и разбиралъ передъ ними источники, приводилъ и группировалъ великолѣпно подобранныя выписки изъ нихъ, которыя постепенно приближали ихъ къ старинѣ, научалъ ихъ чувствовать своеобразіе періода, къ изученію котораго обращалось ихъ вниманіе. Исходною точкою при освѣщеніи явленія, эпохи постоянно служило недавно (или только что) вышедшее замѣчательное и важное сочиненіе, оріентировавшее въ новую сторону изслѣдованіе и изображеніе вопроса. При этомъ бросались ретроспективные взгляды въ прежнюю литературу; сообщалась студентамъ тщательно составленная въ интересахъ ихъ дальнѣйшихъ занятій „bibliographie choisie et raisonnée“ по вопросу, явленію, учрежденію, затронутому на лекціи. Василій Григоріевичъ не любилъ повтореній въ своихъ университетскихъ бесѣдахъ съ каѳедры. Трудно было бы представить себѣ его читающимъ изъ года въ годъ то же самое, какъ считаютъ полезнымъ иногда дѣлать нѣкоторые другіе профессора, даже напечатавъ собственныя прекрасныя руководства. Отдѣльные курсы его носили поэтому ярко индивидуальный отпечатокъ. Такъ, когда въ началѣ 90-хъ годовъ вышли блестящіе послѣдніе томы (4-й, 5-й и 6-й) большаго сочиненія *Фюстель-де-Куланжа*—„Histoire des institutions politiques de la France“, Василій Григоріевичъ, читая феодальный періодъ, построилъ курсъ въ видѣ любопытнаго, систематически разработаннаго комментарія его теоріи, выросшаго въ пересмотръ всей громадной проблемы о происхожденіи, сущности и значеніи феодализма. Спеціальность задачи была лишь кажущаяся: она выражалась только въ оригинальной критической оболочкѣ широко обобщеннаго обозрѣнія. Все это придавало изложенію въ одно и то же время удивительную содержательность и свѣжесть, ученость и жизненность, привлекало къ борьбѣ съ трудностями, которыя дѣлались посильными, благодаря тому, что преподносились въ несомнѣнно колоритномъ изображеніи.

Василія Григоріевича нельзя было назвать хорошимъ лекторомъ въ обычномъ пониманіи слова. Въ началѣ даже требовалось довольно значительное усиліе, чтобы пріучиться его слушать. Фраза у него

складывалась тяжело, иногда выходила по внѣшности неуклюжею, изложеніе отличалось неровностью; въ расположеніи частей лекціи не всегда замѣчалась строго выдержанной стройности: мысль заходила порою впередъ и въ стороны, возвращалась назадъ, иногда не достигалась необходимая для выпуклости впечатлѣнія сжатость. Профессоръ рѣдко поднимался во время чтенія до воодушевленія, рѣчь его обыкновенно не была оживленною. Самъ Василій Григоріевичъ вполнѣ признавалъ свои „ораторскія несовершенства"; онъ даже добродушно посмѣивался надъ ними, но мало работалъ надъ ихъ исправленіемъ, шутливо утѣшая себя афоризмомъ, что „для филологовъ не требуется краснорѣчія". Съ послѣднимъ, безъ сомнѣнія, нельзя согласиться; но трудно сожалѣть, что Василій Григоріевичъ не заботился объ отдѣлкѣ своего лекторскаго языка: онъ могъ бы достигнуть нѣкотораго второстепеннаго искусственнаго улучшенія, но уничтожилъ бы то достоинство натуральной непринужденности, въ которой, при всѣхъ недочетахъ стилистической физіономіи его лекцій, открывалась своеобразная красота. Помимо выше обозначенныхъ выдающихся качествъ содержанія, въ самой рѣчи его, несмотря на ея шероховатость, ощущалось особое внутреннее изящество. Кому удавалось, или кто постарался прислушаться къ его изложенію, тотъ отлично чувствовалъ это. Говорю это по собственному опыту, который мнѣ посчастливилось провѣрить и подтвердить мнѣніемъ болѣе старшихъ, чѣмъ я, слушателей Василія Григоріевича (напримѣръ, уважаемаго ближайшаго сотрудника и преемника его по редакторству *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*), и болѣе молодыхъ, къ которымъ и мнѣ самому уже пришлось обращаться съ преподавательскимъ словомъ въ качествѣ помощника Василія Григоріевича въ Петербургскомъ университетѣ [1]). Тайна привлекательности такого дальнѣйшаго впечатлѣнія отъ чтеній Василія Григоріевича объясняется ярко и прекрасно отражающеюся въ нескладныхъ иногда и угловатыхъ словахъ глубиною и живостью самостоятельной мысли, блещущими въ нихъ умомъ и ученостью, широкою просвѣщенностью, тонкимъ вкусомъ, вытекающимъ изъ превосходнаго знакомства съ наукою и жизненнаго неослабѣвающаго интереса къ ней, наконецъ

---

[1]) См. въ одномъ изъ послѣднихъ майскихъ номеровъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* за нынѣшній годъ симпатичную теплую и искреннюю замѣтку въ память Василія Григоріевича одного изъ бывшихъ его слушателей послѣднихъ выпусковъ.

готовностью безхитростно и въ полной мѣрѣ дѣлиться съ желающими всѣмъ этимъ богатымъ духовнымъ имуществомъ. Если внутреннее изящество научнаго міровоззрѣнія и господствующаго душевнаго настроенія Василія Григоріевича не находило полной гармоніи въ его лекторскихъ свойствахъ, то оно очевидно для всѣхъ доказывается языкомъ его сочиненій и статей: его по праву можно назвать однимъ изъ лучшихъ нашихъ научныхъ писателей по опредѣленности и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкости, подвижности, прозрачности и строгости стиля.

Разсматривая дѣятельность В. Г. Васильевскаго, какъ профессора, необходимо обратить вниманіе на то, что ему принадлежитъ честь постановки у насъ первыхъ серьезныхъ опытовъ *практическихъ занятій* по исторіи. Дѣло это находилось въ печальномъ пренебреженіи въ Петербургѣ еще въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Москвѣ оно уже было твердо установлено профессорами *В. И. Герье*, *В. О. Ключевскимъ*, *П. Г. Виноградовымъ* и нѣкоторыми другими. Отдѣльные профессора Петербургскаго университета, правда, и тогда занимались у себя на дому съ немногими спеціалистами. Но ввести „принципъ семинарной работы" въ лекціонное росписаніе настойчиво старались, сколько мнѣ помнится, только *И. В. Ягичъ* въ сферѣ филологіи и *В. Г. Васильевскій* въ кругу историческаго преподаванія. Такимъ образомъ его слѣдуетъ признать заложившимъ фундаментъ для *историческаго семинарія* на филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Онъ посвящалъ свои практическія занятія чтенію и интерпретаціи какого-нибудь памятника по византійской или западной исторіи, или предлагалъ студентамъ производить небольшія историко-критическія изслѣдованія по первоисточникамъ, задавался цѣлью систематически разобрать какое-нибудь капитальное ученое сочиненіе или исторіографическій вопросъ. Назначавшіяся работы всегда были серьезны и полезны для научнаго образованія участвующихъ, и усилія Василія Григоріевича въ данномъ пунктѣ также составляли важный элементъ его профессорскихъ заботъ. Если далеко невсегда успѣшно шли у него коллективныя занятія со студентами, то это происходило отъ того, что очень высоки и строги были его требованія; студенты рѣдко и немногочисленно отзывались на нихъ, а онъ не хотѣлъ ихъ понижать и мало былъ склоненъ къ „педагогическому припужденію". Для повышенія уровня занятій студентовъ Василій Григоріевичъ постоянно предлагалъ также *темы на соисканіе медалей*. Дѣлалъ онъ это не потому, чтобы хотѣлъ возбуждать и питать научное честолюбіе начинающихъ мыслью о славѣ и наградѣ, но потому что

полагалъ, что публичность, такъ сказать, подобнаго рода работъ явится лишнимъ стимуломъ для глубокаго къ нимъ отношенія: ими не только двигалось просвѣщеніе самихъ пишущихъ, но развивалось научное направленіе дѣятельности факультета и его честь.

5.

Нельзя сказать, что Василій Григоріевичъ былъ лично близокъ со студентами, даже съ большинствомъ прямыхъ своихъ слушателей. Онъ не только сознательно не добивался никогда популярности, но и по природѣ избѣгалъ многочисленныхъ и шумныхъ отношеній, даже смущался „на людяхъ" при встрѣчахъ съ большими группами, предпочиталъ болѣе тѣсное общеніе съ немногими единицами въ интимномъ кругу. Самыя лекціи его часто принимали характеръ домашняго научнаго разговора, обращеннаго къ хорошо знакомымъ людямъ, которыхъ онъ представлялъ себѣ основательно заинтересованными наукою, какъ и онъ самъ. Онъ съ трудомъ дѣлалъ первый шагъ для сближенія, не шелъ навстрѣчу къ слушателямъ, привлекая ихъ къ себѣ. Это принималось иногда за недоступность, и поселяло нерѣшительность, порою даже холодъ въ аудиторіи, задерживало возникновеніе сношеній. Но происходило это не отъ пассивности отношенія, какъ таковаго, а объяснялось робостью иниціативы въ общеніи съ людьми, составлявшею неблагопріятное свойство характера Василія Григоріевича. Конечно, часто такая складка суживала сферу прямаго вліянія его, ограничивая послѣднее въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что получалось непосредственно на лекціи. Правда, мы видимъ, что и это уже было очень много; но надобно указать еще и другое: если студентъ, пересиливъ естественное смущеніе юноши передъ авторитетнымъ профессоромъ, самъ обращался къ нему съ вопросомъ, искалъ помощи, совѣта, поддержки, Василій Григоріевичъ всегда отзывался внимательно и сочувственно на выраженную потребность. Когда же онъ замѣчалъ въ студентѣ дѣйствительное желаніе серьезно заниматься, выражающееся въ искреннихъ опытахъ научной работы, это его немедленно оживляло, и онъ охотно приближалъ къ себѣ такого слушателя—просто и дружески вступалъ въ разговоръ, распрашивалъ, совѣтовалъ, указывалъ и давалъ книги, звалъ къ себѣ, направлялъ неопытный трудъ, не жалѣя своего времени. Равнодушія къ студентамъ у него не было никогда, точно также, какъ не было поверхностности, подозрительности, непріятнаго

отношенія свысока. Василій Григорієвичъ ставилъ задачу студенчества высоко, ждалъ отъ нихъ многаго, судилъ о ихъ недостаткахъ строго, но безъ педантизма и сухости, съ сочувственнымъ сожалѣніемъ, иногда съ мягкимъ, ничуть не оскорбительнымъ юморомъ, но всегда съ внутренно сильною, хотя сдержанно выражавшеюся любовью. Все это обыкновенно хорошо понималось послѣ того, какъ пережиты были колеблющіяся впечатлѣнія отъ первыхъ столкновеній съ профессоромъ [1]).

Василій Григорієвичъ чутко отзывался не только на научныя занятія своихъ слушателей, но и на другіе интересы студенческой жизни. Онъ, напримѣръ, старался прислушиваться къ волненіямъ, происходившимъ отъ времени до времени въ средѣ молодежи, и хотя часто не могъ прямо сочувствовать съ своей точки зрѣнія желаніямъ и способамъ дѣйствія юношества, но стремился разобраться въ причинахъ нестроеній въ ихъ жизни, понималъ ихъ побужденія, гуманно относился къ ихъ увлеченіямъ, сердечно симпатизировалъ ихъ дѣйствительнымъ бѣдамъ. Пока факультеты и совѣтъ до 1884 года имѣли возможность руководить жизнью студенчества, Василій Григорієвичъ поддерживалъ своимъ словомъ систему идейнаго воздѣйствія на молодежь. Какъ это ни тяжело было ему при застѣнчивой замкнутости его характера, онъ съ другими профессорами не разъ ходилъ на сходки, выслушивалъ студентовъ и убѣждалъ ихъ. Онъ не обращался съ рѣчами къ толпѣ, но вступалъ въ бесѣду съ небольшими группами, стараясь привести ихъ къ согласію съ своимъ мнѣніемъ всегда—вѣрно или ошибочно, но искренно—направленнымъ къ ихъ благу. Василій Григорієвичъ глубоко и горячо любилъ университетъ. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, нынѣшнею зимою и весною онъ горько печалился о событіяхъ, нарушившихъ правильное теченіе его жизни и какъ всегда искалъ умомъ средства для разрѣшенія тяжелаго кризиса, вдумываясь въ интересы растущихъ поколѣній и въ причины, затрудняющія ихъ нормальное развитіе. Эти тягостныя мысли и впечатлѣнія сильно смущали его передъ отправленіемъ въ послѣднее путешествіе.

Особенно отчетливо и полно познавались многочисленныя досто-

---

[1]) Часто у студентовъ отношенія къ профессорамъ ограничиваются слушаніемъ лекцій (да и то не очень послѣдовательнымъ) и держаніемъ экзаменовъ. Я уже говорилъ, какъ смотрѣли филологи на лекціи Василія Григорієвича. Его и какъ экзаменатора считали гуманнымъ и справедливымъ, хотя онъ былъ очень требователенъ. Такая репутація дается не всякому.

инства ученой и индивидуальной природы Василія Григоріевича тѣмъ, кто становился его спеціалистомъ. Это было хорошо извѣстно между нами, и стать хоть не надолго въ ряду послѣднихъ стремились не только тѣ, кто избиралъ ученыя занятія средневѣковою или византійскою исторіею своимъ призваніемъ, но и другіе всеобщіе историки, а также русскіе, затѣмъ словесники, особенно слависты, романо-германисты, даже иногда классическіе филологи. Если прочитать въ годичныхъ отчетахъ университета послѣдовательный рядъ рецензій Василія Григоріевича на представлявшіяся его учениками медальныя диссертаціи, то уже изъ нихъ можно убѣдиться, съ какимъ вниманіемъ преданнаго ихъ успѣхамъ учителя онъ относился къ первымъ ихъ трудамъ. Для всѣхъ насъ останутся памятными вечера, которые мы у него проводили за научными собесѣдованіями. Особенно дорого вспоминаются мнѣ уже отодвигающіеся вдаль годы моей молодости, когда Василій Григоріевичъ жилъ еще на Петербургской сторонѣ или потомъ въ отдаленной линіи Васильевскаго Острова у Малаго проспекта; я проводилъ тогда одинъ или съ нѣсколькими товарищами немало часовъ зимою, сидя рядомъ съ нимъ у камина, около котораго онъ согрѣвалъ свои давно страдавшія отъ ревматизма ноги, или весною, прогуливаясь по саду, прилегавшему къ дому, въ которомъ онъ обиталъ. Помимо большаго удовольствія, которое доставлялъ разнообразный откровенный разговоръ, и интересныхъ свѣдѣній, которыя изъ него почерпались, можно сказать, что здѣсь à la longue съ теченіемъ мѣсяцевъ и лѣтъ, на которые протягивалось такое общеніе, проходился цѣлый курсъ теоріи и практики научнаго изслѣдованія въ видѣ непринужденныхъ экскурсовъ въ различныя области историческаго знанія. Здѣсь слагалась сама собою оригинальная „école des hautes études", духъ и форма которой вполнѣ соотвѣтствовали настроенію и характеру самого руководителя. И тутъ, впрочемъ, Василій Григоріевичъ невсегда легко раскрывалъ себя. Чтобы расположить его къ сообщительности, требовалось со стороны самихъ учениковъ усиліе, порывъ довѣрчивости, симпатіи, оживленія, обнаруженной любознательности. Но разъ это удавалось, обильный источникъ духовнаго просвѣщенія удовлетворялъ самымъ разнообразнымъ умственнымъ потребностямъ. Недавно, уже послѣ смерти Василія Григоріевича одинъ изъ видныхъ нашихъ профессоровъ исторіи—Г. В. Форстенъ—съ глубокимъ чувствомъ благодарнаго воспоминанія говорилъ мнѣ о томъ замѣчательномъ состояніи научнаго энтузіазма и дѣятельной энергіи, въ которомъ онъ возвращался домой

послѣ вечеровъ, проведенныхъ у Василія Григоріевича. Оно устанавливалось прочно, всегда возрождалось и служило важнымъ орудіемъ ученой работы. Уважаемый Георгій Васильевичъ, я увѣренъ, проститъ меня, что я позволилъ себѣ сослаться на его слова, въ которыхъ видѣлъ подтвержденіе своего собственнаго много разъ провѣреннаго опыта.

Менѣе знакома мнѣ въ подробностяхъ дѣятельность Василія Григоріевича, какъ члена факультета и совѣта. Многіе тутъ обвиняли его въ недостаточной устойчивости при проведеніи и защитѣ интересовъ свободнаго развитія науки и ея преподаванія, въ чрезмѣрной уступчивости вѣяніямъ, шедшимъ противъ этихъ интересовъ. Можетъ быть, косвенное основаніе для этого давалъ самъ Василій Григоріевичъ. Я указывалъ выше, что онъ не былъ человѣкомъ трибуны и большой аудиторіи. Онъ также чувствовалъ себя неловко во всякой коллективной организаціи кромѣ только ограниченной группы учениковъ и слушателей. Даже послѣдніе иногда смущали его. Онъ былъ вполнѣ самъ собою только за рабочимъ столомъ и въ сферѣ тѣснаго индивидуальнаго вліянія. Тѣмъ менѣе ощущалъ онъ себя на своемъ мѣстѣ тамъ, гдѣ надо было рѣзко сталкиваться съ другими, вступать въ конфликтъ съ товарищами и сотрудниками. Въ немъ не было инстинктовъ борьбы, которая бываетъ иногда неизбѣжна во всякой общественной дѣятельности. Онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, иногда слабымъ передъ упорствомъ противника или непреодолимостью препятствія. Но такое положеніе объясняется не отсутствіемъ у него опредѣленныхъ взглядовъ или пренебреженіемъ ихъ отстаиванія, а общею его болѣзненностью и недостаткомъ вѣры въ свою способность достигнуть побѣды.—Во всякомъ случаѣ въ важные моменты университетской жизни онъ становился въ факультетскихъ дѣлахъ на сторону тѣхъ, которые, какъ онъ понималъ, хотѣли служить истинной пользѣ науки и студенчества, и старался дѣлать, что могъ по своему темпераменту, для содѣйствія имъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда рѣшались капитальные вопросы будущей жизни университетовъ, мнѣ приходилось много говорить съ нимъ объ этихъ вопросахъ. И я могу сказать по совѣсти, что рѣдко слышалъ я отъ него мнѣніе, которое шло бы въ разрѣзъ съ защитою внутренняго блага университетовъ, подвергавшагося испытанію. Тѣ, которые утверждали, что Василій Григоріевичъ недостаточно пользовался своимъ авторитетомъ для огражденія добрыхъ сторонъ университетской старины, преувеличи-

вали силу этого авторитета и потому невѣрно освѣщали нѣкоторыя его дѣйствія точно такъ же, какъ они несправедливо толковали, бывало, причину его разногласія съ ними. Василій Григоріевичъ могъ иногда быть черезчуръ снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ; но чистымъ и вѣрнымъ себѣ онъ оставался всегда.

Василій Григоріевичъ вообще широко относился къ дѣлу высшаго образованія. Это очень хорошо видно, напримѣръ, изъ его участія въ работѣ для *женскихъ курсовъ*. Съ самаго года основанія ихъ онъ читалъ тамъ среднюю исторію, а послѣ смерти В. В. Бауэра нѣкоторое время и новую, затѣмъ исполнялъ обязанности завѣдующаго историко-словеснымъ отдѣленіемъ. Онъ покинулъ курсы только послѣ ихъ преобразованія въ 1889 г., но и въ слѣдующіе годы высказывалъ сочувствіе молодому учрежденію. Онъ ставилъ свои чтенія тамъ такъ же добросовѣстно и такъ же научно, какъ въ университетѣ, и былъ отлично оцѣненъ лучшими изъ слушательницъ, которыя научились работать подъ его руководствомъ. Онъ, можно сказать, и вообще пользовался популярностью на курсахъ, несмотря на то, что не обладалъ свойствами и чуждался пріемовъ, производящихъ эффектъ, который въ учебныхъ заведеніяхъ съ неустановившимися традиціями иногда легче всего обусловливаетъ успѣхъ. Это лишній разъ показываетъ, что молодость умѣетъ иногда угадывать своихъ научныхъ друзей, если обстоятельства помогаютъ имъ извѣстное время спокойно воспользоваться ихъ руководствомъ.—Какъ членъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія Василій Григоріевичъ старался распространить свое вліяніе на исправленіе системы преподаванія въ *средней школѣ* и на улучшеніе педагогической литературы по исторіи.

Какъ человѣка, Василія Григоріевича по настоящему знали немногіе. Онъ мало обнаруживался передъ тѣми, кто стоялъ въ сторонѣ. Происходило это не въ силу преднамѣренной скрытности, а вслѣдствіе независимой даже отъ его воли природной деликатной сдержанности. Чтобы узнать глубокую суть его личности, надо было долго работать съ нимъ и полюбить его, несмотря на извѣстныя стороны его характера, затрудняющія сближеніе. Тогда онъ, проникаясь самъ уваженіемъ къ другому, радуясь совмѣстнымъ занятіямъ, а также ощущая его симпатію къ себѣ, какъ бы забывалъ свою замкнутость и раскрывалъ задушевный внутренній міръ. Но даже и близкому несовсѣмъ легко вѣрно и полно представить его интимную характеристику. Я уже

говорилъ, что натура Василія Григоріевича не достигла въ своемъ развитіи гармонической цѣльности: это былъ замѣчательно богатый матеріалъ, который не сросся въ стройное единство и не пришелъ въ полное равновѣсіе, такъ чтобы единичныя свойства постоянно и дружно дополняли другъ друга, находясь въ прочномъ кристаллическомъ соотвѣтствіи одно съ другимъ. Крупно выдающіеся элементы его ума и характера не слились въ одинъ громко и стройно поющій аккордъ, а звучали часто отдѣльно, причемъ другія молчали: не было диссонанса, но впечатлѣнія получались неполныя. Когда вспоминалось о немъ одно, другое могло изгладиться и отсюда вытекало ложное ощущеніе кажущагося, на дѣлѣ не существовавшаго, противорѣчія. Физическая слабость организма Василія Григоріевича (онъ рано началъ хворать) и нелегкія условія трудовой и личной жизни были причиною образованія именно такого склада его личности, отъ недостатковъ котораго, впрочемъ, страдалъ онъ самъ несравненно чаще, чѣмъ люди, съ которыми онъ соприкасался, и дѣла, въ которыхъ онъ участвовалъ. Жизненные удары или, по крайней мѣрѣ, толчки выработали въ немъ склонность реагировать на нихъ не вызывающимъ протестомъ дѣятеля, а критическимъ раздумьемъ мыслителя. Такія личности, глубокія и разностороннія, но сильно въ себѣ сосредоточенныя, обыкновенно плохо понимаются, и съ нихъ трудно снять духовный портретъ. Многое ускользаетъ, когда задаешься цѣлью писать ихъ характеристику. И въ данномъ случаѣ мнѣ надо было бы тщательно воспроизвести многое, сейчасъ изгладившееся изъ памяти, воспользоваться указаніями старыхъ друзей Василія Григоріевича, провѣрить свои сужденія впечатлѣніями моихъ сверстниковъ и другихъ, младшихъ учениковъ его, собрать и перечитать различныя его письма, перелистать даже его сочиненія. Теперь я не имѣю возможности этого сдѣлать и потому долженъ ограничиться нѣсколькими чертами, чтобы возстановить хоть приблизительный силуэтъ Василія Григоріевича, какъ человѣка.

Общій фонъ его духовному образу давало рѣдкое между членами нашего общества, даже въ частности между учеными, *образованіе* и сдѣлавшаяся его „второю природою" *идейность*.—Историческія свѣдѣнія его, мы уже видѣли, были громадны, захватывая всѣ отдѣлы и области исторіи, и они постоянно расширялись и умножались неослабѣвающимъ трудолюбіемъ и умственною жаждою. Интересы его простирались далеко во всѣ стороны за предѣлы исторической науки. Онъ массу зналъ и постоянно много читалъ помимо тѣхъ книгъ, ко-

торыя необходимы были ему для дополненія и освѣженія курсовъ и для обработки спеціальныхъ трудовъ,—не только все замѣчательное, что выходило вновь на широкомъ полѣ исторіи, но и въ средѣ философіи (отчасти богословія), права, литературы... Часто можно было застать его, особенно лѣтомъ въ деревнѣ, среди неприхотливой нашей сѣверной природы, которую онъ тихо и созерцательно любилъ, въ уединеніи и на покоѣ, за классическимъ сочиненіемъ древняго или новаго философа, геніальнаго поэта, великаго историка. Такая обстановка и такое занятіе было лучшимъ отдыхомъ для Василія Григоріевича. Подобное постоянное исканіе духовной пищи создало въ немъ положительно огромный умственный капиталъ. Ощущеніе его притягивало, скажу даже, очаровывало въ бесѣдахъ съ нимъ, когда онъ бывалъ откровененъ и въ духѣ.—Менѣе увлекался Василій Григоріевичъ текущею политикою, хотя слѣдилъ и за нею и при извѣстномъ настроеніи любилъ говорить и о ней, высказывая нерѣдко хорошее пониманіе событій и интересныя замѣчанія по отдѣльнымъ вопросамъ современности. Такая разнообразная полнота внутренняго міра, несомнѣнно, должна была украшать его жизнь прекраснымъ и возвышеннымъ содержаніемъ. Оно сказывалось всегда въ его бесѣдѣ. Онъ былъ чуждъ ригоризма—любилъ пошутить, въ немъ было много остроумія и юмора. Но въ разговорѣ онъ предпочиталъ развивать *вопросъ*, чѣмъ судить о *людяхъ*. Когда онъ говорилъ о послѣднихъ, слова его никогда не обращались въ злословіе, къ которому онъ не былъ склоненъ, а воплощались въ характеристику съ теоретическою принципіальною подкладкою. Нужно замѣтить, что Василій Григоріевичъ, когда воодушевлялся, былъ очень хорошимъ разказчикомъ. Онъ много видѣлъ, превосходно хранилъ въ памяти пережитое; такой жизненный опытъ, перерабатываемый высоко-культивированнымъ умомъ, давалъ въ результатѣ рѣчь, яркую красками и изобилующую оттѣнками, въ которой было много своеобразной прелести. Его можно было заслушаться до поздняго вечера. Что еще замѣчательно: онъ никогда не дѣлалъ себя центромъ своихъ разказовъ. Затрагивая факты изъ своей жизни, онъ описывалъ то интересное, что съ ними соприкасалось. Онъ не любилъ подчеркивать передъ другими свои успѣхи такъ же, какъ жаловаться на жизненныя невзгоды: скромно несъ онъ свои большія дарованія и съ мужествомъ переносилъ невсегда благополучную судьбу.—Такой серьезный идейный настрой не покидалъ Василія Григоріевича до конца.

Василій Григоріевичъ отличался гуманною мягкостью сердца и

отзывчивою добротою. Иногда эта мягкость со стороны принималась за индифферентизмъ. Но это было безусловно невѣрно. Онъ не умѣлъ, правда, иногда противостоять съ достаточною энергіей назойливости и карьеризму другихъ, иногда былъ слишкомъ довѣрчивъ и не замѣчалъ, когда ему льстили, чтобы воспользоваться имъ. Поэтому случалось, что онъ оказывалъ помощь людямъ, которые ея не стоили. Неспособный къ ненависти, онъ, бывало, прощалъ, что не заслуживало пощады, не рѣшался разстаться съ тѣми, кто имѣлъ съ нимъ мало общаго, и кто шелъ совсѣмъ не къ тому, куда онъ хотѣлъ бы вести или сопровождать. Но самъ онъ постоянно повиновался своей честной природѣ, уважалъ и любилъ только тѣхъ, кто совпадалъ съ нимъ въ стремленіи освѣщать жизнь трудомъ и идеализмомъ. — Въ Василіи Григоріевичѣ медленно развивались, но глубоко упрочивались симпатіи. Иногда научные труды, многочисленныя дѣла, семейныя заботы, мучительные недуги (независимо отъ его воли) временно надрывали нѣкоторыя его отношенія; но въ общемъ онъ былъ ровенъ и вѣренъ друзьямъ и ученикамъ.

Мнѣ кажется, что у Василія Григоріевича было мало честолюбія. Если даже онъ не былъ вполнѣ чуждъ его, то оно носило исключительно научный характеръ. Онъ чувствовалъ радость при воздаяніи ему за заслуги, къ которымъ онъ самъ былъ строже всѣхъ. Но для полученія такого удовлетворенія онъ никогда не шелъ на искательство, безъ тщеславія, но независимо охраняя свое достоинство передъ тѣми, кто властенъ былъ награждать. Въ товарищескихъ отношеніяхъ онъ далекъ былъ отъ малѣйшихъ признаковъ зависти къ ихъ успѣхамъ; напротивъ и тутъ всегда стремился поддержать и помочь. Въ столкновеніяхъ съ людьми онъ въ общемъ правилѣ былъ рѣдко терпимъ къ противоположнымъ взглядамъ и удивительно терпѣливъ къ шероховатостямъ чужаго характера. Я отлично помню свои горячіе споры съ Василіемъ Григоріевичемъ по вопросамъ политики, педагогіи и нравственности, и всегда уваженіе къ мнѣнію младшаго, сохраненіе довѣрія даже при, очевидно, коренномъ разногласіи поражали въ немъ и ободряли меня. Если въ молодомъ ученикѣ, къ которому былъ привязанъ и котораго считалъ дѣльнымъ и даровитымъ, онъ встрѣчалъ иногда чудачество, объясняемое юношескимъ самолюбіемъ, онъ умѣлъ иной разъ даже не безъ непріятности для себя игнорировать такія скучныя свойства, смягчая ихъ снисходительною добротою и вниманіемъ къ существенному.—Василій Григоріевичъ обращался къ людямъ, подходившимъ къ нему, съ естественною благожелатель-

ностью. Онъ умѣлъ быть ласковымъ и привѣтливымъ безъ аффектаціи съ простыми рабочими людьми, съ которыми онъ сталкивался, и съ которыми завязало, вѣроятно, въ немъ извѣстную внутреннюю близость, если не происхожденіе, то дѣтство проведенное въ деревнѣ, и школьные семинарскіе годы, раздѣленные съ сыновьями сельскихъ священниковъ и дьячковъ.— Скажу еще, что общій фонъ нравственнаго поведенія Василія Григоріевича окрашивался господствующею искренностью и прямотою, и мнѣ всегда было непонятно, когда приходилось слышать, что нѣкоторые называли его дипломатомъ и практикомъ. Онъ, конечно, дѣлалъ промахи, какъ и всѣ; но какъ немногіе легко признавалъ свои ошибки, всегда скорбѣлъ о нихъ и добросовѣстно старался, когда могъ, исправлять ихъ послѣдствія. Прямота эта чаще всего была причиною того, что иногда портились къ нему отношенія окружающихъ. Если у него не было, собственно, враговъ, такъ какъ трудно было не уважать его (у него было слишкомъ много достоинствъ и слишкомъ охотно сознавалъ онъ свои слабости, извиняя недостатки другихъ), то многіе постоянно чувствовали и высказывали противъ него неудовольствіе; число друзей его было ограниченно, и оно медленно увеличивалось.

Относительно общаго міровоззрѣнія Василія Григоріевича, религіознаго и общественнаго, теперь на разстояніи слишкомъ еще близкомъ отъ его кончины, рѣшаюсь сдѣлать лишь нѣсколько намековъ о томъ, какъ мнѣ представлялась эта глубокая сущность его души. Самъ онъ систематически не высказывался о такихъ основныхъ проблемахъ бытія ни въ печати, ни въ бесѣдахъ, и можно только угадывать главное.

Хотя Василій Григоріевичъ былъ чуждъ вѣроисповѣдной исключительности и формализма внѣшняго благочестія, въ немъ было много глубоко-религіозныхъ элементовъ въ нравственной природѣ и умственномъ настроеніи. Онъ вѣрилъ въ высшій смыслъ существованія и въ направленіе міровой жизни верховнымъ началомъ къ разумной цѣли. Онъ строилъ равновѣсіе своей духовной жизни на идеѣ эволюціи міра къ совершенству, рисовалъ себѣ, стало быть, и человѣчество идущимъ къ прогрессу. Въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ философскимъ оптимистомъ, хотя такой оптимизмъ носилъ въ немъ, какъ въ глубокомъ историкѣ, болѣе критическій характеръ, чѣмъ у историковъ старой школы, напримѣръ, у Гизо. Въ немъ чувствовался поэтому всегда живой интересъ къ философіи, хотя, повторяю, онъ мало говорилъ о подобныхъ вопросахъ, теоретическихъ по существу,

но тѣмъ не менѣе теснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ внутреннею святынею человѣческой индивидуальности.

Въ отношеніи общественныхъ идеаловъ и симпатій нѣкоторые считали Василія Григоріевича славянофиломъ. Но врядъ ли это было вѣрно. Съ одной стороны широта его взглядовъ, съ другой созерцательность его настроенія ставили его выше рамокъ опредѣленной группы. Кромѣ нѣкоторыхъ личныхъ отношеній съ славянофилами его сближала горячая любовь къ родинѣ и твердая вѣра въ великія судьбы русскаго народа. Но это слишкомъ общіе признаки и онъ слишкомъ тѣсно примыкалъ къ западной наукѣ, мысленно живя въ самомъ центрѣ ея работы, чтобы раздѣлять односторонности и крайности этого чисто русскаго ученія. Къ Василію Григоріевичу неудобно также было бы примѣнить обычные термины—„консерваторъ", или „либералъ". Во первыхъ, онъ дѣйствительно мало участвовалъ лично въ общественной дѣятельности въ чисто техническомъ значеніи слова. Во-вторыхъ, онъ обладалъ въ высшей степени тѣмъ, что рѣдко проявляется, напримѣръ, у насъ въ консерваторахъ—замѣчательною гуманною терпимостью, выражавшеюся не въ равнодушіи индиферентиста, а въ критическомъ пониманіи и уваженіи чужаго искреннаго мнѣнія, какія должны быть свойственны широко и свободно мыслящему уму. Онъ придавалъ большое значеніе *государственности* въ развитіи народной жизни и благосостоянія, но признавалъ необходимымъ, чтобы руководящими дѣятелями во внѣшней и внутренней политикѣ были всегда *высоко-просвѣщенными людьми*. Послѣднее вызывало въ немъ особенную симпатію къ *Ренану*, котораго онъ и вообще любилъ за его яркій научно-художественный талантъ. Онъ съ удовольствіемъ отводилъ душу за чтеніемъ его книгъ, хоть и не сходился съ этимъ писателемъ во многихъ частностяхъ его воззрѣній. Помню, какъ вскорѣ послѣ смерти Ренана я принесъ Василію Григоріевичу прочитать попавшуюся мнѣ тогда въ одной изъ кавказскихъ газетъ прелестную замѣтку о знаменитомъ историкѣ христіанства, авторомъ которой былъ бывшій его ученикъ г. Цвѣтницкій, и озаглавленную—„*Скептикъ-идеалистъ*". Она очень понравилась Василію Григоріевичу, и разбирая ее, онъ много и сочувственно говорилъ о Ренанѣ. Я думаю, что онъ чутьемъ ощутилъ въ этой формулѣ сродство съ своимъ умственымъ темпераментомъ. Онъ тоже былъ своего рода скептикомъ-идеалистомъ (mutatis mutandis). Онъ опасался слишкомъ широкихъ построеній, смѣло разсчитывающихъ на быстрое и бурное достиженіе лучшаго будущаго, но глубоко вѣрилъ въ торжество прогрессивныхъ началъ, проводи-

мыхъ всегда побѣдоносною мыслію и нелегко побѣждаемымъ упорнымъ трудомъ во имя правды и справедливости.

Василій Григоріевичъ никогда не мнилъ себя выдающимся общественнымъ дѣятелемъ; но онъ не утѣшалъ себя въ подобномъ сознаніи тѣмъ, что у насъ все хорошо, и остается только неподвижно охранять существующее. Онъ видѣлъ напротивъ, какъ много дѣла вездѣ, на всѣхъ поприщахъ. Онъ хорошо понималъ, что *сила мысли*— главное условіе прочнаго движенія къ совершенству человѣческой личности и общественныхъ порядковъ. Ему было ясно, что общество, въ которомъ мало уважаютъ лучшій органъ дѣятельности мысли— *науку* и плохо пользуются ею, лишено великаго и необходимаго орудія прогресса. Вѣрно оцѣнивая свой душевный складъ, онъ оставался главнымъ образомъ наблюдателемъ жизни, но выбралъ себѣ призваніе *активнаго работника науки* и *проводника научнаго духа* въ молодыхъ поколѣніяхъ при посредствѣ университетской каѳедры и историческаго семинарія. Вотъ почему назвалъ я Василія Григоріевича *учителемъ науки*. Онъ былъ *хорошимъ* учителемъ ея, и прибавимъ, что въ профессорѣ, который любитъ науку и жизнь, какъ Василій Григоріевичъ, учить наукѣ — это вѣрнѣйшій способъ подготовлять къ пониманію жизни и сознательной полезной дѣятельности въ ней. Наукою развивается истинная потребность познанія, которая потомъ питается не одною книгою, прививается способность безпристрастнаго и глубокаго изученія окружающаго міра природы и общества; такъ укрѣпляется критическая сила, исканіе и построеніе идеаловъ и растетъ одушевленіе ими. Наша родина очень нуждается въ такихъ дѣятеляхъ, и она должна быть благодарна имъ, въ какихъ бы разнообразныхъ индивидуальныхъ сочетаніяхъ ни воплощалось такое служеніе обществу черезъ посредство науки и мысли, если оно искреннее, умное, талантливое и твердое...

Для меня будетъ большою радостью, если на предшествующихъ страницахъ, написанныхъ слишкомъ спѣшно, чтобы онѣ могли выражать въ полной силѣ и настоящей гармоніи заключающуюся въ нихъ мысль, и слишкомъ неспокойно, чтобы охватить задачу въ цѣломъ,—мнѣ удалось сказать, по крайней мѣрѣ, часть правды о личности и профессорской дѣятельности покойнаго дорогаго учителя. Я буду удовлетворенъ, если въ знавшихъ Василія Григоріевича вызову близкій имъ образъ и дамъ поводъ лишній разъ сосредоточенно подумать о немъ и крѣпче запомнить его, а въ мало съ нимъ знакомыхъ и иначе судившихъ о немъ возбужу довѣріе къ моей оцѣнкѣ,

во всякомъ случаѣ правдивой,—надѣюсь, и правильной. Это будетъ первая слабая дань сильной благодарности въ честь того, которому я очень многимъ обязанъ въ своемъ научномъ и идейномъ развитіи. Это будетъ единственное „похвальное слово", какое я могу и хочу сказать въ память крупнаго научнаго и педагогическаго дѣятеля.

Василій Григоріевичъ, хотя угасъ, достигнувъ начала старости, но все-же слишкомъ рано, чтобъ можно было сказать: онъ свершилъ все, что могъ, на земномъ поприщѣ по даннымъ ему большимъ силамъ. Умеръ онъ, черезчуръ быстро скошенный трудностями жизни и малою заботою о себѣ. Первыхъ онъ не могъ избѣжать, вторая не развилась въ немъ именно въ силу его трудоваго идеализма, обилія духовныхъ интересовъ и не покидавшаго его чувства долга. Я уже говорилъ вначалѣ, что онъ остался вѣренъ себѣ до конца. Слабѣющая мысль до послѣдняго часа отдавалась наукѣ, неумирающая симпатія—тѣмъ, кого онъ въ ней наставлялъ. За *пять дней* до смерти (8-го мая 1899 г.) онъ писалъ профессору В. И. Ламанскому, съ которымъ вмѣстѣ дружески прошелъ долгіе, иногда хорошіе, чаще трудные годы университетской работы, строки, въ которыхъ ярко отражается стойкость такого настроенія. Сказавъ нѣсколько словъ о положеніи болѣзни, изъ которыхъ ясно, какъ ему было плохо, Василій Григоріевичъ продолжаетъ: „Что со мною дѣлается, не знаю, но мой докторъ не унываетъ, я же продолжаю ему довѣрять. Бываютъ мучительныя ночи, но въ 6 часовъ открываются ставни: свѣжій, но не холодный воздухъ, много свѣту, а затѣмъ и солнце ощущаю и вижу изъ моей постели, и сердце радуется, хотя бы на короткій срокъ..." Ниже онъ еще прибавляетъ: „Послѣ завтрака... начинаются легкія занятія, прерываемыя то припадками удушья, то дремотою. Теперь я сталъ прикасаться къ Данту и почитывать Савонаролу Виллари... Соображаю разныя комбинаціи о рукописяхъ... Чувствую, что еще хранятся гдѣ-то силы для работы. Дай Богъ, чтобы я продержался подлѣ васъ еще нѣсколько лѣтъ и завершилъ кое-что изъ начатаго" [1]), Мысль объ ученикахъ также не покидала его. Онъ собирался, какъ видно изъ того же письма, ходатайствовать о командировкѣ въ Италію одного изъ самыхъ юныхъ его питомцевъ, еще студента, только что

---

[1]) Приношу глубокоуважаемому Владиміру Ивановичу искреннюю признательность за разрѣшеніе воспользоваться этимъ письмомъ, цѣннымъ для представленія живаго до послѣднихъ минутъ умственнаго интереса и нравственной бодрости Василія Григоріевича.

углубившагося въ занятія Византіею. Онъ хотѣлъ пріобщить послѣдняго къ своимъ изслѣдованіямъ, на которыя разсчитывалъ, и тѣмъ доставить ему, нуждающемуся человѣку, заработокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему возможность подъ своимъ руководствомъ „вступить въ область византійской рукописной литературы". Уже почти обезсиленный приближающеюся смертью, онъ все-таки рукою, едва удерживавшею перо, писалъ другому старшему ученику, работающему надъ диссертаціею, отвѣчая на его только что полученные научные запросы. Онъ и въ Италіи, когда ему стало совсѣмъ худо, мало думалъ о своей болѣзни. Во всякомъ случаѣ онъ гораздо больше досадовалъ на нее, чѣмъ боялся. Не выносилъ онъ мысли о спеціальной борьбѣ съ недугомъ. Онъ мечталъ не о путешествіи въ лѣчебный пунктъ, а о завершеніи своего паломничества въ Римъ, которое рисовалось ему необходимымъ актомъ его ученой жизни. Онъ умеръ почти у воротъ великаго города, не успѣвъ вступить на прославленную, такъ привлекавшую его почву. Эта картина какъ-то печально соотвѣтствуетъ недоконченному, насильственно прерванному дѣлу его жизни...

Но дѣло это не пропало даромъ и не могло пропасть, какъ вообще не пропадаетъ искренняя работа большаго ума. Оно только ему мало доставило радости и успокоенія. Еще преждевременно говорить, что Василій Григоріевичъ положилъ начало особой *своей школѣ*. Будущее покажетъ это. Но можно и теперь утверждать, что нѣкоторые элементы для нея созданы имъ. Онъ бросилъ превосходное зерно для развитія византіевѣдѣнія въ еще не очень хорошо вспаханное поле русской науки. Не его будетъ вина, если оно, взойдя, быстро засохнетъ. Думаю, однако, что его ученики, хоть и немногочисленные, не дадутъ ему погибнуть, что они постараются продолжать начатое учителемъ дѣло разработки малоизслѣдованнаго историческаго періода. Между собратіями скончавшагося также есть ученые, способные раздѣлить между собою трудъ, который онъ несъ. Историки, сами не занимающіеся Византіею, признаютъ теперь важность культивировать у насъ данную отрасль историческаго вѣдѣнія, и нѣкоторые изъ нихъ готовы поддержать своихъ учениковъ, которые обнаруживаютъ склонность сосредоточить на ея изслѣдованіи свои силы. Другіе ученики Василія Григоріевича работаютъ надъ всеобщею исторіею; среди нихъ есть уже достигшіе докторской степени. Они, конечно, проникнуты полученнымъ отъ него въ наслѣдство серьезнымъ духомъ историко-критическаго изслѣдованія. Они будутъ стремиться развивать на университетской каѳедрѣ профессорское направленіе Василія

Григоріевича, воспитывать, какъ и онъ, способныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ на пользу развитія русскаго научнаго просвѣщенія.

Замѣтное вліяніе Василія Григоріевича простиралось на немногихъ. Но можно думать съ увѣренностью, что изъ бывшихъ слушателей его не только тѣ, которые сами стали профессорами или учеными спеціалистами, чтутъ его память и съ удовлетвореніемъ и благодарностью сознаютъ себя въ извѣстномъ смыслѣ его духовными питомцами. Ихъ можно найдти въ общей суммѣ немало среди учителей исторіи и вообще занимающихся педагогическимъ дѣломъ мужчинъ и женщинъ, разсѣянныхъ по лицу русской земли, среди мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и просто среди лицъ, не попавшихъ на поприща жизни, обычныя для бывшихъ филологовъ, проходящихъ будничную карьеру государственной и частной службы. Во всѣхъ ихъ онъ заронилъ искру идейности, и всѣ съ грустью узнали о его кончинѣ, но съ радостью вспоминаютъ о научномъ общеніи съ нимъ. Пишущій эти строки въ своихъ опытахъ научной работы, которые онъ къ горькому сожалѣнію только на нѣсколько мѣсяцевъ не успѣлъ довести до конца при жизни покойнаго, а также во многихъ пріемахъ своего преподаванія признаетъ себя ученикомъ Василія Григоріевича. И онъ обращается въ концѣ настоящаго воспоминанія съ привѣтствіемъ ко всѣмъ, кого можетъ соединить вмѣстѣ искреннее и безкорыстное общее почитаніе лучшихъ сторонъ дѣятельности учителя въ благородномъ желаніи разрабатывать все хорошее, что было имъ внушено. Тогда поднимется въ свѣтѣ самостоятельныхъ идей, которыя внесетъ каждый, почерпая ихъ изъ новыхъ требованій жизни, уже взошедшій скромный ростокъ, изъ котораго можетъ вырости большое дерево и дать здоровые плоды [1]).

---

[1]) Ближайшимъ ученикамъ Василія Григоріевича было бы дорого позаботиться о напечатаніи его университетскихъ курсовъ. Исполненіе этого дѣла однако сопряжено съ большими трудностями: существующія литографированныя изданія или неудовлетворительны, или устарѣлы. Выпустить ихъ безъ измѣненія, ограничиваясь лишь исправленіемъ ошибокъ и чисто внѣшнею редакціею, значило бы дать нѣчто несравненно худшее, чѣмъ онъ давалъ на своихъ чтеніяхъ и нарушить одинъ изъ главныхъ принциповъ профессора—держаться въ лекціяхъ на высотѣ послѣдняго слова науки. Если же начинать основательную переработку, то придется уклониться весьма сильно отъ авторскаго текста, то-есть, рисковать нарушить планъ и тонъ изложенія покойнаго и не воспроизвести именно *его* произведенія. Указанное заставляетъ сомнѣваться въ возможности удачно построить такой дѣйствительно хорошій памятникъ университетской работѣ покойнаго Василія Григоріевича. Въ ожиданіи появленія опытовъ такого рода изданія я пред-

Когда я вспомнилъ, составляя настоящую замѣтку, направленіе научныхъ идей ушедшаго изъ жизни Василія Григоріевича, мнѣ невольно пришли на память нѣсколько отрывковъ изъ замѣчательнаго сочиненія „*о будущемъ науки*“ знаменитаго французскаго идеалиста. Онъ говоритъ здѣсь въ одномъ мѣстѣ: „Совершеннымъ былъ бы тотъ человѣкъ, кто одновременно являлся бы поэтомъ, философомъ, ученымъ, нравственнымъ человѣкомъ, притомъ не въ извѣстные промежутки и не въ различные моменты (это было бы посредственное совершенство!), но въ глубокомъ взаимопроникновеніи во все протяженіе жизни, который былъ бы поэтомъ въ то время, какъ онъ является философомъ, философомъ и вмѣстѣ ученымъ, словомъ въ которомъ всѣ элементы человѣчности слились бы въ высшей гармоніи“ (см. *E. Renan*, L'avenir de la science, p. 11). Такъ должно отразиться въ личности то, что составитъ идеальное совершенство и въ человѣчествѣ; и наиболѣе передовыя части человѣчества, какъ цѣлыя, прообразуютъ въ своихъ лучшихъ чертахъ такой будущій высшій типъ человѣка [1]). *Ренанъ* видитъ, что современная человѣческая личность далека отъ такого совершенства. Но онъ думаетъ, что жажда истины, отыскиваемая всѣми нитями познанія, то-есть, именно то, что мы называемъ „*идейностью*“, лучше всего приближаетъ человѣка къ такому состоянію, развивая въ немъ особенно сильно соотвѣтствующія мысли, чувства и склонности („Savoir est le premier mot du symbole de la religion naturelle“, *ibid.* p. 17). При такомъ высшемъ исканіи *наука*—лучшій свѣточъ для человѣка; потому-то *Ренанъ* называетъ ее „первою потребностью человѣчества“ и вѣритъ, что „она одна можетъ по истинѣ привести къ улучшенію положенія человѣка на землѣ“ (*ibid.* p. IX).—Съ такими мыслями соглашался Василій Григоріевичъ, потому что онѣ отвѣчали его интимному настроенію и вы-

---

лагаю болѣе скромную, но, думается, небезполезную форму выраженія благодарной памяти по Василіи Григоріевичѣ. Хорошо было бы, еслибы ученики, высоко и однородно оцѣнивающіе работу Василія Григоріевича, собрали въ отдѣльный томъ свои некрологи, воспоминанія, замѣтки, статьи, посвященные характеристикѣ его, какъ ученаго, профессора и человѣка, въ интересахъ укрѣпленія заложенной имъ научной традиціи. Такъ будетъ сохраненъ для слѣдующихъ поколѣній студентовъ духовный образъ крупнаго и замѣчательнаго ученаго и педагогическаго дѣятеля.

[1]) *Ibid.* p. 12: „Le modèle de la perfection nous est donné par l'humanité elle-même; la vie la plus parfaite est celle qui représente le mieux toute l'humanité. Or l'humanité cultivée n'est pas seulement morale; elle est savante, curieuse, poétique, passionnée“.

ражали симпатичный ему идеалъ. Онъ не мечталъ самъ никогда о такомъ совершенствѣ. Не требуется и людямъ, понимавшимъ и цѣнившимъ его, считать его таковымъ, чтобы сохранить о немъ благодарное воспоминаніе и проститься съ нимъ словами мыслителя, котораго онъ любилъ, сочувствуя его призыву развивать идеальность въ людяхъ при помощи науки и работая незамѣтно въ своей сферѣ въ такомъ направленіи по мѣрѣ силъ.

Ив. Гревсъ.

временныхъ иностранныхъ литературахъ; мы настаиваемъ только на томъ, что ритмическія силы нашего языка богаче поэтическихъ формъ, получившихъ въ немъ право гражданства. Что касается нашего опыта и его соотвѣтствія метру подлинника, то, помимо изложенныхъ ограниченій общаго характера, должно поставить на видъ двѣ допущенныя нами особенности. Во-первыхъ, въ нѣсколько бóльшей, сравнительно съ подлинникомъ, мѣрѣ обособлены отдѣльныя ритмическія части, κῶλα: намъ казалось, что это обособленіе облегчаетъ чтеніе непривычнаго нашему уху неожиданностію своихъ метрическихъ переходовъ текста. Во-вторыхъ, встрѣчный толчокъ арсисовъ, конечнаго и начальнаго, двухъ смежныхъ метрическихъ группъ, сохраненный нами вообще (срв. напримѣръ, 3-й стихъ эподовъ),—въ каждомъ 2-мъ стихѣ (5-й строкѣ) строфъ и антистрофъ былъ устраненъ, какъ затруднительный при чтеніи (несмотря на свою вѣроятную музыкальность въ пѣніи),—вставкою одного лишняго краткаго слога (вмѣсто: „начало торжéствъ внéмлетъ", мы пишемъ: „начало весé-*лій* внéмлетъ"), — вольность, оправдываемая до нѣкоторой степени вѣроятностью предположенія, что въ этомъ и подобныхъ случаяхъ два смежные арсиса раздѣлялись нѣкоторою малою музыкальною паузою. Въ остальномъ нашъ переводъ вѣренъ древнему размѣру; и если принципіальные противники нововведеній въ господствующемъ стихосложеніи найдутъ, что въ той же мѣрѣ переводъ этотъ перестаетъ быть стихотворнымъ, то мы первые готовы предложить читателямъ смотрѣть на него какъ на опытъ ритмической прозы. Элементы церковные и старо-народные, допущенные въ языкѣ перевода, казались намъ согласными съ тономъ и діалектомъ подлинника.

Строфа I.

1. О киѳара золотая!
Ты, Аполлона и Музъ
2. Фіалкокудрыхъ равный удѣлъ!
Мѣрѣ струнной
Пляска, начало веселій, внемлетъ,
Вторятъ лики сладкогласные,
Когда, сотрясенная звучно,
Ты взгремишь,
Хороводныхъ гимновъ подъемля запѣвъ.

Копья вѣчнаго перуна гасишь ты,
И огнемощный орелъ
Никнетъ сонный,
Никнетъ на Зевсовомъ скиптрѣ,
Быстрыхъ роняя чету
Крыльевъ дóлу, —

Антистрофа I.

Князь пернатыхъ: облакъ темный
Надъ изогнŷтой главой
Вѣщимъ пѣньемъ ты пролилà,
Облакъ темный —
Сладкій затворъ зѣницамъ зоркимъ,
И подъ влажной дрёмой гнетъ хребетъ
Ударами струнъ побѣжденный...
Самъ Арей,
Буйный въ браняхъ, прочь отметнувъ копіе.
Легковѣйнымъ услаждаетъ сердце сномъ.
Си́льны безсмертныхъ плѣнять
Стрѣлы, ихъ-же
Глубоко-лонныя Музы
Съ чадомъ искуснымъ Лато̀
Мещутъ звонко!

Эподъ I.

Тѣ же, кого не взлюбилъ Зевсъ, —
Внемля гласу Піеридъ,
И на землѣ обуя́ны страхомъ, и средь неукротимыхъ пучинъ;
И мятется, чья темница – Тартаръ тьмы, недругъ боговъ,
Стоглавый Тифóнъ, возлелѣянъ нѣкогда
Славнымъ вертепомъ той-ли страны Киликійской, — нынѣ же
Тяготѣютъ Кумы приморской нагорья
И Сикелі́я на косматыхъ оныхъ персяхъ, и небесный
Столпъ его грудь бременитъ —
Среброверхой Этны устóй,
Вѣчной зимы кормилецъ снѣжный.

Строфа II.

Чистыми кипя ключами,
Тамъ неприступный огонь
Бьетъ изъ нѣдръ. Днемъ черный клубятъ
Огневыя
Рѣки пожаръ; а во мракѣ, хляби
Пышутъ бурей яропламенной
И скалы, вращая, уносятъ,
Съ грохотомъ,
Испровергнуть въ Понта глубокій просторъ.
А подземный Змій Ифестовы ручьи,
Грозные, жёрломъ струитъ
Вверхъ. И чудо—
Въявѣ предивное видѣть!
Диво и повѣсти внять
Тѣхъ, кто зрѣли:

Антистрофа II.

Какъ подъ Этны чернолистной
Теменемъ и низиной,
На колючемъ ложѣ простертъ,
Опираетъ
Узникъ объ ботны хребетъ язвимый...
Дай, Зевсъ! дай намъ быть угодными
Тебѣ, что̀ блюдешь надъ горой сей,
Надъ челомъ
Плодовитыхъ доловъ!—ея-жъ освятилъ
Именемъ одноречeнный смежный градъ
Хвальный строитель,—и днесь
ЭТНУ славитъ
Игрищъ Пиѳійскихъ глашатай,
Краснопобѣдный глася
Лавръ Іерона—

Эподъ II.

На колесничномъ ристаньи!
Въ путь готовымъ кораблямъ

Радость желанная—вѣтръ попутный: онъ возвратъ мореходцамъ сулитъ
И прибытокъ. Ихъ по слову, про свое станемъ гадать:
Благое начало—благое знаменье:
Конскою славой городу слыть и вѣнцами краситься.
И гремѣть молвой на пирахъ звонкогласныхъ!
Ты же, Ликіецъ, царь Дилійскій, ты, Парнасской Касталіи
Ключъ возлюбившій! блюди
Сіе въ сердцѣ памятномъ, Фебъ!
Добрыхъ мужей блюди отчизну!

Строфа III.

Отъ боговъ вся доблесть въ людяхъ,
Всѣ въ насъ дары—отъ боговъ:
Разумъ мудрыхъ, крѣпость борца.
Рѣчь витіи.
Я жъ, побѣдителя славя, цѣлю
Кóпья пѣсенъ мѣдножалыя:
Всѣхъ дальше я мѣчу ихъ ринуть
И за грань
Мощнымъ махомъ, звонкія, не прометнуть!...
Пусть ему, въ теченьи долгомъ смертныхъ дней,
Тѣ жъ изобилья дары
Съ тѣмъ же счастьемъ
Въ лоно плывутъ неоскудно
И претерпѣнныхъ несутъ
Золъ забвенье!

Антистрофа III.

Онъ вспомянетъ войнъ великихъ
Битвы: какъ въ нихъ устоялъ,
Крѣпкій духомъ; какъ добывалъ
Мышцей божьей
Почесть, ея-жъ ни единый Эллинъ
Не снискалъ,—стяжанья многаго
Верховный вѣнецъ велелѣпный!

Нынѣ вновь,
Филоктита трудъ роковой раздѣливъ,
Ополчился вождь за друга: друга звалъ
Гордый на помощь, смирясь.
Такъ на Ли́мносъ
(Въ быляхъ поется) герои
Къ му́чиму язвой стрѣлку
Плыли древле.

Эподъ III.

Сына Піанта приводятъ
Полубоги въ бранный станъ:
Онъ ниспровергнулъ Пріамовъ городъ, онъ Данаевъ страды́повершилъ,
Тѣло въ немощи влачащій: су́дъ то бы́лъ вѣ́чныхъ суде́бъ!..
Да встанетъ же богъ—исправитель въ дни его
Предъ Іерономъ въ часъ вожделѣнный, въ годину чаянья!...
Муза! лѣпо намъ предъ лицемъ Диноме́на
Четверoконныхъ мзду возславить: отчій лавръ ему-ль не радость?
Муза! покорствуй мнѣ: гимнъ
Обрѣтемъ мы Этны царю,
Этны царю хвалу по се́рдцу!

Строфа IV.

Сыну градъ, свободы граду
Далъ богозданный уставъ
Съ правдой Илла царь Іеронъ!
Родъ Памфила
И Ираклидовъ, Тайгета горцы,
По дорійскому обычаю,
Въ Эгимія древнемъ законѣ,
Вѣкъ прожить
Правдой дѣдовъ гордые внуки хотятъ.
Съ Пинда стре́мнаго сошли сыны побѣдъ
И одержали Амиклы
У предѣла
Ти́ндара чадъ бѣлоконныхъ,

Чьихъ искони́ процвѣла
Копій слава.

Антистрофа IV.

Зевсъ-свершитель! правъ да будетъ
Голосъ молвы, что̀ судилъ
Чести отчей равный удѣлъ,
У Амены
Струй Этнейскихъ,—царямъ и вбямъ!
Будь помощникъ,—да водитель-мужъ,
Наставникъ властителя-сына,
Свой народъ
Возвеличивъ, дружный въ немъ строй водворитъ!
О Кроніонъ! я молюсь, да низойдетъ
Въ грады пунійскіе миръ,
Да ути́шитъ
Тусковъ во́инскіе клики
Кумской обиды морской
Память злая!

Эподъ IV.

Какъ тамъ крушилась ихъ сила
Властелиномъ Сиракузъ!
Онъ же и цвѣтъ ихъ страны̀ въ пучину съ быстролетныхъ
поверrъ кораблей,
И съ Эллады угнетенной прочь совлекъ рабскій ярѐмъ!
Аѳинамъ пою Саламинъ—и взы̀сканъ я
Граждань пріязнью; въ Спартѣ мнѣ пѣть Киѳеро́нъ:
побоища,
Гдѣ легли костьми крутолукіе Персы.
У береговъ Имеры свѣтлой, Диноме́на чадъ могучихъ
Доблести гимнъ я воздамъ:
Они гимнъ стяжали въ бою,
Вражескихъ вбевъ мощь осиливъ!

Строфа V.

Кто хранитъ въ витійствѣ мѣру,
Кто разумѣетъ вмѣстить

Въ краткомъ словѣ многую рѣчь,—
Нареканій
Меньше тому отъ людей. Избытокъ
Пресыщаетъ; торопливыя
Надежды не ждутъ. Чуждый подвигъ,
Граждaнъ толкъ
Тайно сéрдца темную глубь бременятъ.
Лучше зависть все-жъ, чѣмъ жалость! Славенъ будь!
Подвиги множь! Правь народъ
Правъ кормиломъ!
Предъ наковàльнею чести
Выкуй нелживый языкъ,
Ковщикъ правды!

Антистрофа V.

Легкой искрой слово рѣетъ;
Но изъ властительныхъ устъ
Тяжко ляжетъ! Многихъ ты блáгъ
Управитель:
Много свидѣтелей зрятъ управу.
Щедрый нравъ блюди; и, добрую
Молву возлюбивъ, неустанно
Расточай.
Корабленачальникъ искусный, вѣтрàмъ
Смѣй ввѣрять развитый парусъ. Не ищи
Выгодъ обманчивыхъ, другъ!
Наше имя
Переживетъ насъ, и слава
Объ отошедшихъ прейдѐтъ
Въ роды смертныхъ.

Эподъ V.

Жизнь ихъ молва перескажетъ
Дѣеписцамъ и пѣвцамъ.
Крезъ человѣколюбивый вѣчно будетъ памятенъ сердцу людей;

Въ-мѣдяномъ-быкѣ-сжигатель, недругъ всѣмъ—царь Фаларидъ,—
И нѣжныя струны подъ кровлей праздничной
Имя его сдружить не хотятъ съ пѣснопѣньемъ отроковъ.
Другъ! удача—первое благо; за нею жъ
Клада нѣтъ краше доброй славы; но кто оба дара вкупѣ
Взялъ отъ боговъ,—улучилъ
Вождѣлѣнный жребій земли:
Жизни пріялъ вѣнецъ превысшій!

Вячеславъ Ивановъ.

О НАЧАЛѢ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ [1]).

Сравнивая b), c) и d) съ одной стороны и g), h) и i) съ другой, нельзя не согласиться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ разными редакціями одного и того же первоначальнаго подлинника, при чемъ b), c) и d), очевидно, ближе къ оригиналу, нежели g), h) и i). Hoerschelmann [2]) доказалъ, что авторъ трактата b), судя по приводимымъ имъ собственнымъ именамъ, жилъ не позже начала нашей эры. Имя этого автора опредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Въ An. Ox. IV 322,24 — 7 у Cramer'a мы читаемъ: „ἐπειδὴ δὲ „διάφοροι παρὰ τοῖς ἀρχαίοις χαρακτῆρες τῶν στοιχείων ἦσαν, ἀναγκαῖον „ἐκθέσθαι αὐτοὺς [μετὰ] σαφηνείας· τούτων γὰρ ἐκτιθεμένων οὐ ταράξει „ἡμᾶς ἀσυνήθεις ἡμῖν χαρακτῆρας δεικνύς". За симъ, безъ сомнѣнія, слѣдовало описаніе упомянутыхъ ἀρχαῖοι χαρακτῆρες, чего, однако, мы не видимъ. Вмѣсто этого мы читаемъ: „ταῦτα Λούκιος ὁ Ταρραῖος παρατίθεται" [3]), къ чему Cramer замѣчаетъ: „Haec rubr. lit. scripta sunt p. 65, tum sequitur unius fere paginae lacuna". Отсюда можно смѣло вывести заключеніе, что то именно, что должно было слѣдовать за приведенными выше словами, принадлежало этому Λούκιος ὁ Ταρραῖος. Предположеніе это становится несомнѣннымъ положеніемъ, если мы примемъ въ расчетъ, что подъ именемъ того же Λούκιος ὁ Ταρραῖος упоминаются такіе же „ἀρχαῖοι χαρακτῆρες" въ Cod. Matr. LXXXI p. 296; здѣсь Iriarte [4]) дѣлаетъ слѣдующую замѣтку: „al-

---

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

[2]) Act. soc. phil. Lips. IV 1875 p. 333 sqq.

[3]) 322,28.

[4]) P. 60.

phabetum occurrit ex multiformis litteris partim minus usitatis, partim antiquis et obsoletis, partim denique arcanis conflatum, hac praefixa inscriptione: «Ταῦτα Λούκιος ὁ Ταρραῖος παρατίθεται»". Совершенно справедливо замѣчаетъ Hoerschelmann [1]), что изъ этого одного обстоятельства, конечно, еще нельзя сдѣлать того вывода, къ которому склоняется Cramer [2]), а именно: „primam partem huiusce collectionis depromptam esse e scriptis Lucii Tarrhaei". Если имя Λούκιος ὁ Ταρραῖος и приводится еще у Беккера [3]) въ отдѣлѣ Προλεγόμενα τῆς τέχνης, то это лишь доказываетъ, что въ схоліи къ Діонисію Θракійскому перешло кое-что изъ его „Τεχνικὰ γλαφυρώματα", которыя упоминаетъ Стефанъ Византійскій s. v. Τάρρα,—между прочимъ дѣленіе τέχνη на εἴδη τέσσαρα, какъ справедливо замѣчаетъ C. Müller [4]). Стефанъ Византійскій въ упомянутомъ мѣстѣ говоритъ слѣдующее: „Λούκιος δ' ἦν ἀπὸ Τάρρας τῆς Κρητικῆς πόλεως· φέρεται δὲ τούτου τὰ περὶ παροιμιῶν τρία βιβλία ἄριστα καὶ περὶ γραμμάτων καὶ τεχνικὰ γλαφυρώματα". Итакъ Луцій Таррскій написалъ сочиненіе „Περὶ γραμμάτων", которое, можетъ быть, составляло лишь часть сочиненія „Τεχνικὰ γλαφυρώματα"; доказать это, конечно, невозможно. Во всякомъ случаѣ, если подробное описаніе „ἀρχαῖοι χαρακτῆρες" принадлежало перу Луція Таррскаго, и тому же автору приписывали трактатъ „Περὶ γραμμάτων", то естественно отнести описаніе древнихъ буквъ именно къ этому сочиненію. Однако, сочиненіе „Περὶ γραμμάτων" не могло, конечно, ограничиться однимъ описаніемъ „ἀρχαῖοι χαρακτῆρες". Очевидно, здѣсь заключались и другія свѣдѣнія, между прочимъ, и εὕρεσις τῶν γραμμάτων, которымъ такъ живо интересовались въ древнія времена. Разъ схоліастъ Діонисія имѣлъ въ рукахъ сочиненіе Луція Таррскаго, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ заимствовалъ изъ него и другія свѣдѣнія. Характеръ всего отрывка изъ схолій прекрасно соотвѣтствуетъ духу ученаго грамматика, который рядомъ съ Дидимомъ былъ важнѣйшимъ собирателемъ поговорокъ и сентенцій, такъ что труды обоихъ дали богатѣйшій матеріалъ Зиновію, комментировавшему, между прочимъ, Аполлонія Родосскаго и написавшему исторію города Θессалоники [5]).

---

[1]) P. 339.

[2]) IV 308.

[3]) An. Gr. II 652,28.

[4]) Fr. hist. gr. IV p. 410.

[5]) Ср. между прочимъ Voss, de historicis graecis, ed. Westermann, Paroemiogr. graeci, ed. Leutsch et Schneidewin I p. XII sq., C. Müller, Fragm. hist. graec IV p. 440 sq.

Спрашивается, однако, совпадаетъ ли указанное выше время составленія отрывка со временемъ жизни Луція Тарркаго. Послѣднимъ пользовался Зиновій, современникъ императора Адріана [1]). Ближе опредѣляетъ его время C. Müller [2]): „Didymo paullo antiquior vel aequalis fuisse videtur". Послѣднее доказываютъ слѣдующія мѣста: Suid. v. Ζηνόβιος: Διδύμου καὶ Ταρραίου; Tzetz. Chil. VIII 18: Δίδυμος καὶ Ταρραῖος; Schol. Arist. Nub. 133: Ταρραίου καὶ Διδύμου; совершенно такъ же и въ заглавіи труда Зиновія [3]). Такъ какъ и Зиновій называетъ его раньше Дидима, то скорѣе слѣдуетъ видѣть въ Луціи Тарркомъ старшаго современника Дидима [4]). Дидимъ былъ современникомъ Августа. Такимъ образомъ, съ этой стороны нѣтъ препятствій къ тому, чтобы мы признали именно Луція Тарркаго въ авторѣ приведенныхъ выше схолій. а именно b), c) и d). Особенно d) напоминаетъ по своему характеру b), такъ-что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что b) и d) принадлежатъ перу одного автора; c), однако, въ Cod. Vatic. 14 и Cod. Mus. Brit. Add. 5118 занимаетъ средину между b) и d) и соотвѣтствуетъ притомъ h), занимающему въ томъ же Cod. Vat. 14 среднее мѣсто между g) и i), которыя, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ b) и d). Приписать тому же автору a), e) и f), какъ это дѣлаетъ Hilgard [5]), едва ли возможно, уже въ виду 781,27—32 и 784,18—21 въ сравненіи съ 783,1—18 [6]). Впрочемъ, есть еще другое обстоятельство, говорящее противъ вѣроятности авторства Луція Тарркаго относительно этихъ мѣстъ. Постараемся на основаніи рукописей и изданій возстановить хотя бы приблизительно порядокъ оригинала:

**B. A. II 783,1 — 20* (= Cram. IV 318,13 — 23 = B. A. II 786,1—15). (b)=(g).

**Cram. IV 322,24—28.*

*Затѣмъ слѣдовало описаніе или сопоставленіе „ἀρχαῖοι χαραχ-

---

[1]) По Свидѣ v. Ζηνόβιος, ср. Ranke, de lexici Hesychiani origine p. 65 sq. Harless ad Fabricii Bibl. gr. V p. 108, ann. h.

[2]) Scrip. rer. Alex. M. p. 153.

[3]) Ср. Schneidewin op. cit. p. XXIV.

[4]) Впрочемъ, это не исключаетъ еще возможности принимать и обратное, тѣмъ болѣе, что не всѣ называютъ Луція раньше Дидима.

[5]) P. 48.

[6]) Съ другой стороны, соотвѣтствіе трактата g), h), i) партіи b), c), d) даетъ намъ право назвать первый „ex Lucio Tarrhaeo", имѣя въ виду первоначальный источникъ.

τῆρες", на что указываютъ и слѣдующія за этимъ слова: „οἷς δὲ ἡμεῖς νονὶ χρώμεθα" съ особеннымъ удареніемъ на νονί [1]).

**B. A. II 783,20—24* (= Cram. 318,23—27 = B. A. II 786, 13—18). (b)=(g).

**B. A. II 786,18—788,15* (= Cram. 318,27—31=B. A. 783,24—786,6). (g)=(b).

**B. A. II 784,6—16* (= Cram. 318,31—319,5=B. A. 789,9—10). (b)=(g).

Далѣе на основаніи cod. Vat. 14 и cod. Mus. Brit. Add. 5118 слѣдуетъ непосредственно, прекрасно подходя по смыслу и соотвѣтствуя порядку g), h), i):

**Cram. IV 319,6—19* (= B. A. II 781,5—25 = 780,32—781,2). (c)=(h).

**B. A. II 782,14 — 29* (= Cram. IV 319,20 — 31 = B. A. II 782,30—31 + 783,29—34 + 781,2—4). (d)=(i).

До сихъ поръ мы можемъ идти съ увѣренностью. Далѣе, однако, мы теряемъ твердую почву и лишаемся права видѣть слѣды пера Луція Тарскаго. На основаніи Беккера и Крамера мы должны принять, какъ продолженіе, слѣдующія мѣста:

B. A. II 784,18—21. (e).

B. A. II 784,21—785,12 (= Cram. IV 319,31—320,19). (e).

B. A. II 782,31—783,29 (= Cram. IV 320,19—23 = B. A. II 782,9—11). (f).

Сравнивая эту партію съ предшествовавшею, мы должны согласиться, что обѣ онѣ не могли принадлежать перу одного и того же автора. По всей вѣроятности, вторая группа почерпнута изъ другаго источника, который былъ затѣмъ сопоставленъ съ первымъ. Если же первый принадлежалъ Луцію Тарскому, то второй долженъ быть приписанъ иному автору. Мы можемъ поэтому назвать эти схоліи просто adespota. Впрочемъ, есть основаніе приписать трактатъ 784,18—785,12 (e) Аполлодору, ученику Аристарха. Изъ 783,10 видно, что Аполлодоръ „ἐν νεῶν καταλόγῳ" говоритъ объ изобрѣтеніи στοιχεῖα. Въ схоліяхъ къ Иліадѣ B 841 мы читаемъ у Порфирія: „Λάρισαν] ταύτην οἱ ἀπὸ τῶν Αἰολίδων μεταναστάντες ἔκτισαν· διὸ Πελασγούς [2]) φησιν ὡς ἄνωθεν Ἕλληνας ὄντας· καὶ μετὰ τὸν κατακλυσμὸν σῶσαι

---

[1]) Ср. Hoerschelmann p. 341 sq.

[2]) Ср. Plin. VII 193: „in Latium eas (sc. litteras) attulerunt Pelasgi", что, по мнѣнію Wendling'a (p. 46), почерпнуто изъ Геллія или Варрона.

„τὰ στοιχεῖα μόνους Ἑλλήνων φασίν". У Діодора[1]) мы находимъ далѣе слѣдующее извѣстіе: „ὕστερον δὲ παρὰ τοῖς Ἕλλησι γενομένου κατακλυσ-„μοῦ καὶ διὰ τὴν ἐπομβρίαν τῶν πλείστων ἀνθρώπων ἀπολομένων, ὁμοίως „τούτοις καὶ τὰ διὰ τῶν γραμμάτων ὑπομνήματα συνέβη φθαρῆναι. δι' ἣν „αἰτίαν οἱ Αἰγύπτιοι καιρὸν εὔθετον λαβόντες, ἐξιδιοποιήσαντο τὰ περὶ τὴν „ἀστρολογίαν, καὶ τῶν Ἑλλήνων διὰ τὴν ἄγνοιαν μηκέτι τῶν γραμμάτων „ἀντιποιουμένων, ἐνίσχυσεν ὡς αὐτοὶ πρῶτοι τὴν τῶν ἄστρων εὕρεσιν ἐποιή-„σαντο. ὁμοίως δὲ καὶ Ἀθηναῖοι, κτίσαντες ἐν Αἰγύπτῳ πόλιν τὴν ὀνομαζο-„μένην Σάϊν, τῆς ὁμοίας ἔτυχον ἀγνοίας διὰ τὸν κατακλυσμόν. δι' ἃς αἰτίας „πολλαῖς ὕστερον γενεαῖς Κάδμος ὁ Ἀγήνορος ἐκ τῆς Φοινίκης πρῶτος ὑπε-„λήφθη κομίσαι γράμματα εἰς τὴν Ἑλλάδα· καὶ ἀπ' ἐκείνου τὸ λοιπὸν οἱ „Ἕλληνες ἔδοξαν ἀεί τι προσευρίσκειν περὶ τῶν γραμμάτων, κοινῆς τινος „ἀγνοίας κατεχούσης τοὺς Ἕλληνας. (58). Ὁ δὲ οὖν Κάδμος καὶ τὴν Λιν-„δίαν Ἀθηνᾶν ἐτίμησεν ἀναθήμασιν, ἐν οἷς ἦν χαλκοῦς λέβης ἀξιόλογος, „κατεσκευασμένος εἰς τὸν ἀρχαῖον ῥυθμόν. οὗτος δ' εἶχεν ἐπιγραφὴν Φοινι-„κοῖς γράμμασιν, ἅ φασι πρῶτον ἐκ Φοινίκης εἰς τὴν Ἑλλάδα κομισθῆναι". Мѣсто это, какъ доказалъ Bethe[2]) вытекло изъ Аполлодора, что еще болѣе становится очевиднымъ изъ сравненія съ приведеннымъ выше мѣстомъ изъ схолій къ Н. В 841[3]). Сличая съ тѣмъ и другимъ свидѣтельствомъ В. А. II 784,4 sqq. [= Cramer IV 320,12 sqq.], мы видимъ, что здѣсь повторяется въ сущности то же самое. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что это мѣсто, а очень возможно, что и весь отрывокъ е), принадлежало первоначально перу Аполлодора. Wendling[4]) полагаетъ, что Аполлодоръ пользовался Θеофрастомъ. Вѣскимъ подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить отрывокъ изъ Θеофраста, приводимый Дильсомъ въ Doxographi graeci[5]), гдѣ говорится объ изобрѣтеніи τέχναι[6]) и о κατακλυσμός[7]). Стало быть, здѣсь слѣдуетъ искать основной источникъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ. Другимъ подтвержденіемъ мнѣнія Wendling'a служитъ упоминаемое въ 784,21 понятіе „φύσις" („καὶ γὰρ ἡ φύσις ἡνίκα ἐδημιούργησε τὸν ἄνθρωπον" κ. τ. λ.), свойственное эпикурейской школѣ

---

[1]) V 58.

[2]) Untersuchungen zu Diodors Inselbuch, Hermes XXIV 431 sq.

[3]) Cp. Wendling p. 47.

[4]) P. 48.

[5]) Fragm. 12: Θεοφράστου φυσικῶν δοξῶν βιβλίων $\overline{\text{III}}$ ἀποσπασμάτια.

[6]) P. 488.

[7]) P. 489 sq.

и перешедшее затѣмъ къ перипатетикамъ-эклектикамъ [1]). Если Аполлодоръ, какъ мы только что видѣли, пользовался Θеофрастомъ, то онъ могъ легко перенять и упомянутую теорію о φύσις.

Итакъ, изъ нашего разсужденія явствуетъ, что трактатъ е) былъ готовъ еще до Луція Тарскаго и принадлежалъ перу Аполлодора. Компиляторъ, составившій изданныя у Cramer'а схоліи, пожелалъ включить его въ свое разсужденіе. Приложить, однако, просто всю партію, начиная съ Ὅσοι, было, понятно, неудобно, а потому онъ выпустилъ первыя строки и началъ, послѣ разсужденія объ изобрѣтеніи 8 буквъ Симонидомъ, Паламедомъ или Эпихармомъ, съ слѣдующаго (IV 319,31): „κρεῖττον δέ ἐστι λέγειν, ὡς ἅμα τὸ δημιουργῆσαι ὁ „Θεὸς τὸν ἄνθρωπον, ἐχαρίσατο αὐτῷ τοιαύτην ἐπιτηδειότητα, ὥστε τεχνώ„σασθαι τὰ στοιχεῖα". У Аполлодора же было сказано такъ [2]): „Ὅσοι „τὴν τῶν γραμμάτων εὕρεσιν Σισύφῳ ἢ Παλαμήδει ἢ Φοίνικι ἢ Προμηθεῖ „ἐφάπτουσιν, ἢ ἐν Φοίνικι τόπῳ Ἐφέσου πεπτωκέναι φασίν, ἢ παρ' Αἰγυ„πτίοις εὑρηκέναι Θεόθεν ὡς [то-есть Θὼθ или Θεὺθ, κενῶς] ἑρμηνεύουσι· „καὶ γὰρ ἡ φύσις ἡνίκα ἐδημιούργησε τὸν ἄνθρωπον, ἐχαρίσατο αὐτῷ τοιαύ„την ἐπιτηδειότητα, ὥστε τεχνήσασθαι ταῦτα τὰ στοιχεῖα". Почему компиляторъ счелъ нужнымъ замѣнить понятіе „φύσις" словомъ Θεός, неизвѣстно: можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду Θεόθεν ὡς и, стало быть, пользовался уже испорченной редакціей; въ такомъ случаѣ опущеніе первыхъ строкъ трактата Аполлодора мы можемъ объяснить также испорченностью подлинника: компиляторъ не нашелъ нужнымъ искать смысла упомянутыхъ строкъ и замѣнилъ лишь φύσις словомъ Θεός изъ предыдущаго, такъ какъ счелъ его болѣе подходящимъ и вразумительнымъ, тѣмъ болѣе, что компиляторъ могъ быть и монахъ, стало быть, христіанинъ, для котораго языческое „φύσις" было не по нраву.

Продолженіемъ Аполлодорова трактата могутъ, по видимому, служить слѣдующія мѣста:

Carm. IV 324,12—34 (= [Pseudo]theodos. 10,27—11,17 = B. A. II 785,15—33).

Carm. IV 324,12—34 [Pseudo]theodos. 11,17—18 (= B. A. II 785,33—34).

Carm. IV 324,34—325,3 (= [Pseudo]theodos. 11,18—22).

Назовемъ эту партію буквою k) и выпишемъ ее.

---

[1]) Ср., между прочимъ, найденный недавно отрывокъ философа Діогена изъ города Οἰνόανδα въ Киликіи: Bull. Corr. hell. XXI 1897, p. 397.

[2]) B. A. II 784,18.

Cramer IV 324,12—325,3:

12. P. 78. „Φασί τινὲς, ὅτι ἕως τῶν Τρωικῶν οὐκ ἐγινώσκετο
13. „γράμματα. καὶ δῆλον ἐκ τοῦ μὴ σωθῆναι ποίημα τῶν κατὰ
14. „τοὺς Ὁμηρικοὺς χρόνους· καὶ ταῦτα αὐτοῦ τοῦ Ὁμήρου
15. „εἰσαγόντος [sic!] ποιητὰς, τόν τε Φήμιον καὶ Δημόδοκον· ἱστορου-
16. „μένου δὲ καὶ Ὀρφέως προγεγενῆσθαι καὶ Μουσαίου καὶ Λί-
17. „νου. ἀλλ' ὅμως πλὴν ὀνόματος οὐδὲν πλέον εἰς τὰ μετὰ
18. „ταῦτα διασωθῆναι συμβέβηκε, ὡς πρὸς [h. e. πρὸ] τῆς Ὁμήρου ποιή-
19. „σεως, μηδὲν πρεσβύτερον τῆς Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσείας σώ-
20. „ζεσθαι ποίημα.
21. „Ἀλλ' ἐρεῖ τίς, πῶς ἐπιγράμματα σώζεται νομιζόμενα
22. „προσβύτερα; τούτων δὲ τὰ μὲν ἐψευσμένα τοὺς χρόνους·
23. „τὰ δὲ ἐπὶ παλαιοῖς νεωτέροις ἐπιγραφὰς εἶναι. καὶ οἱ ἥρωες
24. „δὲ ἀγράμματοί τινες ἦσαν, καὶ σημείοις καὶ συμβόλοις
25. „πρὸς ἀλλήλους ἐν τῇ κατὰ τὸν βίον ἀναστροφῇ χρώμενοι.
26. „τὸ γοῦν
27. γράψας ἐν πίνακι πτυκτῷ [1])
28. „διὰ ζωγράφησίν τινα καὶ διὰ τύπωσιν φησί, ἣν ὁ γράφων
29. „ἐβούλετο ἐνδείξασθαι· ἀλλ' ἄτοπόν ἐστι τοὺς ἀρίστους τοῦ
30. „ἀνθρωπείου γένους ἀπαιδεύτους καὶ ἀγραμμάτους λέγειν·
31. „ἀλλὰ φαμὲν ὡς οὐκ ἔστιν ἀπαιδευσίας τεκμήριον τὸ ἀγράμ-
32. „ματον. Ὁ γοῦν θεῖος Πλάτων ἐν τῷ Φαίδρῳ καὶ διαβάλλει
33. „τὴν εὕρεσιν τῶν γραμμάτων ὡς ἐπὶ λύμῃ παιδείας γεγο-
34. „νυῖαν. Ὅτι δὲ ποιητικοῦ τινος ἀνδρὸς καὶ μουσικοῦ ἢ τῶν

pag. 325:

1. „στοιχείων εὕρεσις σημεῖον τὸ πάλαι τοὺς αὐτοὺς γραμματι-
2. „κῆς καὶ μουσικῆς εἶναι διδασκάλους, ὡς Εὔπολις εἰσάγει ἐν
3. „Αἰξὶ καὶ Ἰσοκράτης ἐν τῷ περὶ τῆς Ἀντιδόσεως".

[Pseudo]theodos., ed. Goettling. pag. 10:

27. „Φασὶ δέ τινες, ὅτι ἕως τῶν τρωϊκῶν οὐκ ἐγι-
28. „γνώσκετο [2]) γράμματα καὶ δῆλον ἐκ τοῦ μὴ σωθῆναι
29. „ποίημά τι τῶν κατὰ τοὺς ὁμηρικοὺς χρόνους, εἰ καὶ

---

[1]) Il. Z 169.

[2]) B. A.: ἐγινώσκοντο.

30. „ἱστοροῦσί τινας [1]) ποιητὰς προγεγεννῆσθαι [2]) Ὁμήρου
31. „Μουσαῖόν τε καὶ Ὀρφέα καὶ Λίνον· ἀλλ' ὅμως
32. „οὐδὲν εἰς τὰ μέτρα [h. e. μετὰ] ταῦτα διασωθῆναι συμβέβηκε πρὸ

pag. 11:

1. „τῆς Ὁμήρου ποιήσεως· ἀλλ' οὐδὲ πρεσβύτερον ἄλλο
2. „τῆς Ἰλιάδος καὶ τῆς Ὀδυσσείας σώζεσθαι ποίημα· ἀλλ'
3. „ἐρεῖ τις· πῶς; ἐπεὶ γράμματα [h. e. ἐπιγράμματα] σώζονται νομιζόμενα
4. „πρεσβύτερα Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσείας· Καὶ φαμὲν ὅτι
5. „τὰ μὲν τούτων ἐψευσμένους ἔχουσι τοὺς χρόνους, τὰ
6. „δὲ νεωτέρων τινῶν [3]) ὁμωνυμίας τῶν παλαιῶν τὰς ἐπι-
7. „γραφὰς ἔχουσι. Καὶ οἱ ἥρωες δὲ ἀγράμματοί τινες
8. „ἦσαν καὶ σημείοις καὶ συμβόλοις πρὸς ἀλλήλους ἐν
9. „τῇ κατὰ τὸν βίον ἀναστροφῇ χρώμενοι ἐδήλουν ἀλλή-
10. „λοις ἃ ἤθελον· ἐν πίναξι δὲ καὶ ἐν σανίσιν ἔγραφον
11. „διὰ ζωγράφησίν τινα καὶ διατύπωσιν τῶν πραγμάτων
12. „ὧν ἤθελον [B. A.: ἐβούλοντο]· ἀλλ' ἐρεῖ τις, ὅτι ἄτοπόν ἐστι λέγειν ἀπαι-
13. „δεύτους [4]) τοὺς ἀρίστους τοῦ ἀνθρωπείου γένους. Καὶ
14. „φαμέν, ὡς οὐκ ἔστιν ἀπαιδευσίας τεκμήριον τὸ εἶναί
15. „τινα ἀγράμματον· καὶ γὰρ ὁ φιλόσοφος Πλάτων ἐν
16. „Φαίδρῳ διαβάλλει τὴν εὕρεσιν τῶν γραμμάτων ὡς ἐπὶ
17. „λύμῃ παιδείας γεγονυῖαν· ζώσῃ γὰρ φωνῇ τὴν φιλο-
18. „σοφίαν πάλαι ἐπαιδεύοντο· [5]) ὅτι δὲ ποιητικοῦ τινος ἀν-
19. „δρὸς καὶ μουσικοῦ ἡ τῶν στοιχείων εὕρεσις ἦν καὶ
20. „μουσικῆς καὶ γραμματικῆς, ὡς ὁ Εὔπολις εἰσάγει ἐν
21. „Λίξί, καὶ Ἰσοκράτης ὅμοιον ἐν τῷ περὶ τῆς ἀντιδό-
22. „σεως“.

Трудно, конечно, съ увѣренностью сказать, кому мы должны приписать приведенный отрывокъ. Ничто, однако, не мѣшаетъ видѣть въ немъ слѣды авторства Ираклида Понтійскаго. Послѣдній былъ ученикомъ Платона, но позднѣе примкнулъ къ Аристотелю. Философскіе труды его скоро пришли въ забвеніе, но долго сохранялись въ

[1]) B. A.: τινες.
[2]) B. A.: προγεγενῆσθαι.
[3]) B. A, add.: ἐχόντων.
[4]) B. A. add.: καὶ ἀγραμμάτους.
[5]) Uspue ad hunc locum B. A.

памяти его біографическія и грамматическія сочиненія. Въ литературу онъ ввелъ басни о предшественникахъ Гомера Амфіонѣ, Линѣ, Филаммонѣ и др. [1]). Все это какъ нельзя лучше подходитъ къ нашему мѣсту.

Къ отрывку k) у Крамера и [Псевдо]ѳеодосія примыкаетъ отрывокъ a), но не съ 781,27, а съ 781,32: „Εὑρέθη δὲ τὰ πρῶτα ις'" (Cramer) и „Εὑρέθησαν μὲν τὰ πρῶτα δεκαέξ" (Pseudotheodos.), и притомъ *до* словъ 782,9: „Τινὲς δὲ φοινίκεια"... (исключительно). У Беккера, однако, мѣсто это слѣдуетъ за 781,27—32 (Περὶ τῆς τῶν γραμμάτων εὑρέσεως διαφόρως οἱ ἱστορικοὶ ἱστόρησαν....... πρὸς ὠφέλειαν). Такъ какъ съ методомъ компилятора въ изданіи Крамера мы выше познакомились, то намъ нетрудно убѣдиться, что въ данномъ случаѣ этотъ компиляторъ поступилъ совершенно такъ же, какъ было указано выше: строки 781,27 — 32 были для него совершенно лишнія въ виду 783,1 — 18, а потому онъ просто выпустилъ ихъ. Въ схоліяхъ, приводимыхъ подъ именемъ Ѳеодосія Александрійскаго, мы видимъ ту же редакцію. Остается вопросъ объ авторѣ отрывка, на который еще труднѣе отвѣтить, чѣмъ въ случаѣ k). Ясно лишь сходство этого отрывка a) съ тѣмъ мѣстомъ, которое мы привели выше подъ №№ 33 и 34, и которое приписывается грамматику Меламподу или Діомеду, жившему послѣ Георгія Хировоска, то-есть послѣ 600 года по Р. Хр. Можно смѣло предположить, что они вытекли изъ одного и того же первоначальнаго источника и обязаны своимъ происхожденіемъ одному изъ грамматиковъ александрійскаго періода. Искать хронологическое указаніе въ словахъ: „ὅταν δὲ ἤθελον συγγράψαι λέξιν ἔχουσαν τὴν τοῦ ζ ἐκφώνησιν, ἔγραφον τὸ σ καὶ τὸ δ ἀντὶ τοῦ ζ, ὥσπερ καὶ νῦν εὑρίσκομεν παρὰ τοῖς Δωριεῦσιν" [2]) и „εἰ δὲ φ, πάλιν ὁμοίως π καὶ δασεῖαν, ὡς νῦν Ῥωμαῖοι" [3]), конечно, нельзя [4]).

Резюмируемъ наше разсужденіе. Интересующія насъ мѣста изъ схолій къ Діонисію Ѳракійскому почерпнуты изъ четырехъ источниковъ:

I. Луція Таррскаго:

b)=g). *783,1—20* (=Cram. 318,13—23=B. A. II 786,1—13). *Cram. IV 322,24—28.*

---

[1]) См. Christ, Griech. Litteraturgesch., S. 586 1.

[2]) 780,14—17=Vill. II, 121,32—34.

[3]) 782,4=[Pseudo]theodos. 11,30=Vill. 121,22—23=Cram. 325,8—9.

[4]) Ср. съ этими мѣстами, однако, Dionys. Halic. Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων 14.

(*Lacuna* = ἀρχαῖοι χαρακτῆρες).

b)=g). *783,20—24* (=Cram. 318,23—27=B. A. II 786,13—18).

g)=b). *786.18—788,15* (=Cram. 318,27—31=B. A. II 783,24—784,6).

b)=g). *784,6—16* (=Cram. 318,31—319,5=B. A. II 789,9—10).

c)=h). *Cram. IV 319,6—19* (B. A. II 781,5—25=780,32—781,2).

d)=i). *782,14—29* (Cram. 319,20—31=B. A. II 782,30—31 + 783,29—34 + 781,2—4).

II. Аполлодора:

e). *784,18—21.*

e). *784.21—785,12* (=Cram. 319,31—320,19).

f). *782,31—783,29* (=Cram. 320,19—23=B. A. II 782,9—11).

III. Ираклида Понтійскаго (?):

k). *Cram. 324,12—34* (= [Pseudo]theodos. 10,27—11,17 = B. A. 785,15—33).

k). *[Pseudo]theodos. 11.17—18* (= B. A: 785,33—34).

k). *Cram. 324,34—325,3* (=[Pseudo]theodos. 11,18—22).

IV. Александрійскаго грамматика:

a). 781,27—32.

a). 781,32—782,9 (=Villois. II 121,19—24=[Pseudo]theodos. 11,22—12.7=Cram. 325,4—11).

Приступимъ теперь къ сопоставленію другихъ свидѣтельствъ объ изобрѣтеніи буквъ, при чемъ въ порядкѣ изложенія будемъ слѣдовать приведеннымъ выше схоліямъ къ Діонисію Ѳракійскому.

A. a) „Τῶν στοιχείων εὑρετὴν ἄλλοι τε καὶ Ἔφορος ἐν δευτέρῳ Κάδμον φασί". Имѣется ли здѣсь въ виду исторія Эфора или сочиненіе „Περὶ εὑρημάτων"—опредѣлить трудно [1]).

b) Clem. Alexandrin. Stromat. I, cap. 21, p. 382 Potter, col. 829 ap. Migne VIII:

„Κάδμος μὲν ὁ Σεμέλης πατὴρ ἐπὶ Λυγκέως
„εἰς Θήβας ἔρχεται, καὶ τῶν Ἑλληνικῶν
„γραμμάτων εὑρετὴς γίνεται".

[1]) Cp. Eichholtz p. 31, Kremmer p. 25.

c) Idem. Stromat. I, cap. 16:

„Κάδμος δὲ Φοῖνιξ ἦν, ὁ τῶν γραμμάτων Ἕλ-
„λησιν εὑρετής, ὥς φησιν Εὔφορος [Ἔφορος
sec. Lips. ad Tac. Ann. XI 14], ὅθεν καὶ
„Φοινικήϊα τὰ γράμματα Ἡρόδοτος κεκλῆσθαι
„γράφει".

Климентъ Александрійскій здѣсь, очевидно, перемѣшалъ два показанія, такъ какъ Геродотъ V 58 говоритъ иначе. Авторъ пользовался компиляціями. Stromat. I p. 361 ed. Potter онъ приводитъ имена 8 авторовъ, изъ которыхъ будто заимствовалъ свои свидѣтельства, однако въ подлинникахъ онъ ихъ не читалъ, какъ указываетъ Kremmer p. 20 [1]). По всей вѣроятности, перепутаны показанія Филостефана и Стратона [2]).

d) Themist. or. IV p. 60 A:

„οἱ τῆς Κάδμου καὶ Παλαμήδους τέχνης
„δημιουργοί".

e) Io. Tzetzes, Chil. XII 70 (cf. V 815, X 443):

„(τὴν τῶν γραμμάτων εὕρεσιν) ἄλλοι δ' ἄλλοις
„προσάπτουσιν, οἱ πλείους δὲ τῷ Κάδμῳ, ἀρ-
„χαιοτέρῳ τῶν λοιπῶν"...

B. a) „τινὲς δὲ [3]) τῆς Φοινίκων εὑρέσεως πρὸς ἡμᾶς διάκτορον [4]) γε-„γενῆσθαι, ὡς καὶ Ἡρόδοτος ἐν ταῖς ἱστορίαις [5]) καὶ Ἀριστοτέλης λέγει· „φασὶ γὰρ ὅτι Φοίνικες μὲν εὗρον τὰ στοιχεῖα, Κάδμος δὲ ἤγαγεν αὐτὰ εἰς „τὴν Ἑλλάδα".

b) Dirae Teiorum (CJG. 3044; Roehl JGA. 497); vs. 35 sqq.:

„Ὃς ἂν τὰ(ς) στήλας, ἐν ᾗσιν ἡπαρὴ γέγραπ-
„ται, ἢ κατάξει ἢ φοινικήϊα ἐκκόψε[ι] ἢ
„ἀφανέας ποιήσει, κεῖνον ἀπόλλυσθαι καὶ αὐτὸν
„καὶ γένος".

[1]) Cp. Hiller, Herm. XXI 1886, p. 126 sqq.; Diels, Doxogr. gr. 1879, p. 129 sqq.; Wendland, Quaestiones Musonianae, Berol. 1886, p. 34 sqq.

[2]) Cp. Kremmer p. 30.

[3]) Sic Mueller. et Rose; οἱ δὲ Nitzsch.

[4]) Sic Forchhammer et Nitzsch, Historia Homeri 1830, p. 80 ann.; διδάσκαλον sec. Eichholtz p. 25; διάκονον sec. Cramer An. Ox. IV 318,14.

[5]) V 58.

c) Cram. An. Ox. IV 320,17—19 (= B. A. II 785,10—12):

„παρ' ὧν (h. e. τ. Πελασγῶν) μαθόντες πρῶτοι „Φοίνικες εἰς Ἕλληνας ἤγαγον· γείτονές τε „βαρβάροις ὄντες [1]) καὶ συνεχεῖς ἐμπορείας [2]) „ποιούμενοι, ὅθεν καὶ Φοινικικὰ [3]) κτητικῶς „ὀνομάζονται".

d) B. A. II 782,14—15:

„Φοινίκεια δὲ τὰ γράμματα ἐλέγοντο, ὥς „φησιν Ἔφορος ὁ Κυμαῖος καὶ Ἡρόδοτος, „ἐπεὶ Φοίνικες εὗρον αὐτά".

e) Schol. Odyss. θ 163:

„(φασὶ) τοὺς Φοίνικας ἐμπόρους ὑπὸ τῆς „χρείας αὐτῆς ἐπὶ τὴν τῶν γραμμάτων εὕρε„σιν ἐλθεῖν".

f) Schol. Euripid. Orest. 432:

„Φοινίκων ἐχρῶντο γράμμασιν οἱ ἄνθρωποι, „ἄλλοι δὲ ἄλλοις".

g) Anonym. in Cod. Vat. 711:

„χρὴ εἰδέναι ὅτι πρότερον οἱ Ἕλληνες Φοι„νικοῖς ἐχρῶντο γράμμασιν".

h) Diomedes in Cod. Marciano 652 ap. Villoison, An. Gr. II p. 187,1—2

i) (= Melampus ap. Bekker, An. Gr. II 774,17—18):

„φοινίκεια (B. A.: φοινικικὰ) λέγεται τὰ γράμ„ματα... ὅτι Φοινίκων ἐστὶν εὕρεσις".

k) Diomedes in Cod. Marc. 489 ap. Villoison, An. Gr. II 187,22—25:

„οὔτε γὰρ γράμματα εἶχον οἱ Ἕλληνες, ἀλλὰ „διὰ φοινικείων γραμμάτων ἔγραφον τὰ αὐ„τῶν (pro: αὐτῶν) Ἑλληνικὰ γράμματα. καὶ „γὰρ αὐτὰ τὰ Φοινίκεια τοῖς ὀνόμασιν, ὡς καὶ

---

1) B. A. ἥττονές τε βαρβάρων ὄντες.

2) B. A. ἐμπορίας ποιοῦντες.

3) B. A. Φοινίκεια.

„τὰ Ἑβραϊκά, κατὰ μίμησιν τῶν Ἑβραίων τοῖς „Φοίνιξιν εὑρέθη“.

l) [Pseudo]theodos. Gramm. p. 1,16—18:

„Οὐκ εἶχον δὲ γράμματα οἱ Ἕλληνες ἐξ ἀρχῆς· „ἀλλὰ διὰ Φοινίκων γραμμάτων ἔγραφον τὰ „ἑαυτῶν“.

m) Bekk. An. Gr. III (Schol. Dion. Thr.) 1169,3—5:

„οἱ Ἕλληνες οὐ γράμματα εἶχον, ἀλλὰ διὰ „φοινίκων γραμμάτων ἔγραφον τὰ ἑαυτῶν Ἑλ„ληνικά· πάντα γὰρ κατὰ μίμησιν τῶν Ἑβρα„ϊκῶν τοῖς Φοίνιξιν εὑρέθη“.

n) Moschopulos p. 17:

„Πρότερον μὲν Ἑλλήνων παῖδες Φοινικίοις „ἐχρῶντο γράμμασιν“.

o) Constantin. Lascaris, Προλεγόμενα τοῦ σοφοῦ Ὀρφέως in Marmor. Taurinens. I p. 98:

„γράμμασι Φοινίκων (scil. πάντα συνέθηκε Ὀρ„φεύς) .. οἷς ἐχρῶντο μέχρι Τρωϊκοῦ πολέμου“.

p) Diodor. V 74,1:

„πρὸς δὲ τοὺς λέγοντας, ὅτι Σύροι μὲν εὑρεταὶ „τῶν γραμμάτων εἰσί, παρὰ δὲ τούτων Φοίνι„κες μαθόντες τοῖς Ἕλλησι παραδεδώκασιν... „(φασί, scil. οἱ Κρῆτες)......

q) Cram. An. Ox. IV 400,12:

„Γράμματα εὗρον Φοίνικες καὶ Σύροι“.

[r) Plin. H. N. VII 192:

„Litteras semper arbitror Assyriis fuisse, „sed alii apud Aegyptios a Mercurio, ut „Gellius, alii apud Syros repertas volunt“ [1])].

s) Clem. Alex. Strom. I 16,75:

„οἱ δὲ Φοίνικας καὶ Σύρους γράμματα „ἐπινοῆσαι πρώτους λέγουσιν“.

---

[1]) Cp. Herod. VII 63: „Οὗτοι δὲ ὑπὸ μὲν Ἑλλήνων ἐκαλέοντο Σύριοι, ὑπὸ δὲ τῶν „βαρβάρων Ἀσσύριοι ἐκλήθησαν· τουτέων δὲ μεταξύ, Χαλδαῖοι“.

r) Curt. Ruf. IV, 4:

„si famae libet credere, haec gens „(h. e. Phoenices) literas prima aut „docuit, aut didicit".

u) Pompon. Mela, De situ orb. I 12:

„Phoenicen illustravere Phoenices, „sollers hominum genus, et ad belli „pacisque munia eximium; litteras „et litterarum opera, aliasque eti- „am artes, maria navibus adire, clas- „se confligere, imperitare gentibus, „regnum proeliumque commenti".

v) Lucanus, Pharsal. III 220 sqq.:

„Phoenices primi, famae si creditur, ausi
„Mansuram rudibus vocem signare figuris".

x) Plin. Hist. Nat. V 12:

„ipsa gens Phoenicum in magna „gloria litterarum inventionis et si- „derum navaliumque ac bellicarum „artium".

y) Athenaeus I p. 28 C:

„Φοίνικες δ' εὗρον γράμματα λεξίλογα".

z) Eustath. ad Odyss. ξ' p. 1171:

item.

a') Tatian. or. adv. gr., cap. 1:

„τὴν διὰ γραμμάτων παιδείαν Φοίνικες (scil. ἐξεῦρον)".

b') Theophil. ad Autolyc. III sub fin. (cap. 30) pag. 400 [Migne VI, col. 1165]:

„Τῶν δὲ τῆς ἀληθείας ἱστοριῶν Ἕλληνες „οὐ μέμνηνται· πρῶτον μὲν διὰ τὸ νεωστὶ „αὐτοὺς τῶν γραμμάτων τῆς ἐμπειρίας „μετόχους γεγενῆσθαι. καὶ αὐτοὶ ὁμολο- „γοῦσι, φάσκοντες τὰ γράμματα εὑρῆσθαι,

„οἱ μὲν παρὰ Χαλδαίων, οἱ δὲ παρ' Αἰγυπτίων,
„ἄλλοι δ' αὖ ἀπὸ Φοινίκων".

c') Philostrat. Vitae Sophistarum, p. 255:

„πάλιν ἐκ Φοινίκης γράμματα".

d') Athanas. or. c. gentt. c. 18:

„γράμματα ..... ἐφεῦρον Φοίνικες".

e') Greg. Nazianz. Stelit. I, or. IV cap. 107 ap. Migne XXXV, p. 641:

„οὐ Φοινίκων τὰ γράμματα; ὡς δέ τινες, Αἰ-
„γυπτίων; ἢ τῶν ἔτι τούτων σοφωτέρων
„Ἑβραίων;"

f') Eupolemus ap. Euseb. Praep. Ev. IX 26:

„τὸν Μωσῆν .... γράμματα παραδοῦναι τοῖς
„Ἰουδαίοις πρῶτον, παρὰ δὲ Ἰουδαίων Φοίνικας
„παραλαβεῖν, Ἕλληνας δὲ παρὰ Φοινίκων".

g') Georg. Monachus s. Hamartolus, Chron. ed. Muralt (Petropoli 1859), p. 45,1:

„γράμματα μὲν γὰρ Φοίνικες εὗρον".

h') Boissonade, An. Gr. I p. 415:

„τῶν κδ' στοιχείων Φοινίκων μέν εἰσι τὰ
„πρῶτα ις'".

Кстати приведемъ еще слѣдующія мѣста:

i') Cram. An. Ox. IV 319,6—7 (= B. A. II 781,5—6):

„τὰ δὲ ὀνόματα τῶν στοιχείων ἄκλιτά εἰσιν, ὥς
„φασί τινες, ὅτι βαρβάρων ἐστὶν εὑρήματα".

k') Bekk. An. Gr. II 780,34—781,2:

„Ἰστέον δὲ ὅτι βαρβάρων μέν εἰσιν εὑρήματα
„τὰ ἑκκαίδεκα γράμματα ταῦτα, $\bar{α}$, $\bar{β}$, $\bar{γ}$, $\bar{δ}$, $\bar{ε}$,
„$\bar{ι}$, $\bar{κ}$, $\bar{λ}$, $\bar{μ}$, $\bar{ν}$, $\bar{ο}$, $\bar{π}$, $\bar{ρ}$, $\bar{σ}$, $\bar{τ}$, $\bar{υ}$".

(Ср. выше c) Cram. An. Ox. 320,17—19 = B. A. 785,10—12, гдѣ прямо приводятся Φοίνικες, какъ такіе именно βάρβαροι).

[l') Euseb. Chron. I, cap. 2 ap. Migne XIX p. 108—109:

„'Ωάννην, καθὼς καὶ 'Απολλόδωρος ἱστόρη-„σε.... παραδιδόναι τε τοῖς ἀνθρώποις γραμμά-„των... ἐμπειρίαν"].

m') Herodot. V 58;

„Οἱ δὲ Φοίνικες οὗτοι οἱ σὺν Κάδμῳ ἀπ-„ικόμενοι, τῶν ἦσαν οἱ Γεφυραῖοι, ἄλλα „τε πολλὰ οἰκήσαντες ταύτην τὴν χώρην ἐσ-„ήγαγον διδασκάλια ἐς τοὺς Ἕλληνας καὶ δὴ „καὶ γράμματα, οὐκ ἐόντα πρὶν Ἕλλησι,- ὡς „ἐμοὶ δοκέειν, πρῶτα μὲν τοῖσι καὶ ἅπαντες „χρέονται Φοίνικες, μετὰ δὲ χρόνου προβαί-„νοντος ἅμα τῇ φωνῇ μετέβαλον καὶ τὸν ῥυ-„θμὸν τῶν γραμμάτων. περιοίκεον δέ σφεας τὰ „πολλὰ τῶν χώρων τοῦτον τὸν χρόνον Ἑλ-„λήνων Ἴωνες, οἳ παραλαβόντες διδαχῇ παρὰ „τῶν Φοινίκων τὰ γράμματα, μεταρρυθμίσαν-„τές σφεων ὀλίγα ἐχρέοντο, χρεόμενοι δὲ „ἐφάτισαν, ὥσπερ καὶ τὸ δίκαιον ἔφερε ἐσαγα-„γόντων Φοινίκων ἐς τὴν Ἑλλάδα Φοινικήϊα „κεκλῆσθαι".

Такъ какъ Геродотъ, безъ сомнѣнія, пользовался трудами логографа Гекатея, послѣдній же, судя по Bekk. An. II 783,10, считалъ греческія буквы древнѣе Кадма, приписывая перенесеніе ихъ Данаю, то въ приведенномъ мѣстѣ исторіи Геродота мы можемъ съ полнымъ правомъ признать полемику противъ Гекатея, какъ принимаютъ Baehr [1]) и Nitzsch [2]), присовокупляя сюда еще нѣкоего Діонисія, сопоставляемаго, судя по упомянутому мѣсту Bekk. An., у Аполлодора съ Гекатеемъ (и Анаксимандромъ). Полемика эта, можетъ быть, касается и лидянина Ксанѳа: слѣды его, равно какъ и приведенныхъ милетскихъ писателей Анаксимандра, Діонисія и Гекатея, Nitzsch [3]) видитъ въ Paroemiographi graeci II, p. 713 [4]) ed. Leutsch et Schneidewin:

---

[1]) Въ изданіи Геродота.

[2]) Hist. Hom. pp. 79 sq., 89.

[3]) Op. cit. 80.

[4]) Michaelis Apostolii proverbiorum centuria XVII, № 89.

„Φοινικήϊα γράμματα· ἤγουν ἀρχαιότατα. Λυδοὶ „καὶ Ἴωνες τὰ γράμματα ἀπὸ Φοίνικος τοῦ „Ἀγήνορος τοῦ εὑρόντος λέγουσιν. τούτοις δὲ „ἀντιλέγουσι Κρῆτες, ὡς εἰρέθη [1]) ἀπὸ τοῦ „γράφειν ἐν Φοινίκων πετάλοις“ [2]).

n') Herod. V 59:

„Εἶδον δὲ καὶ αὐτὸς Καδμήϊα γράμ-„ματα ἐν τῷ ἱρῷ τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ „Ἰσμηνίου ἐν Θήβῃσι τῇσι Βοιωτῶν „ἐπὶ τρίποσι τρισὶ ἐγκεκολαμμένα, τὰ „πολλὰ ὁμοῖα ἐόντα τοῖσι Ἰωνικοῖσι“.

o') Sophocles ἐν Ποιμέσι ap. Hesych. Alex. v. Φοινικίοις γράμμασι:

„Φοινικίοις γράμμασι“· (Σοφοκλῆς Ποι-„μέσιν. ἐπεὶ δοκεῖ Κάδμος αὐτὰ [h. e. „τὰ γράμματα] ἐκ Φοινίκης κεκομικέναι)“.

p') Zeno ap. Diog. Laert. VII 30:

„εἰ δὲ πάτρα Φοίνισσα, τίς ὁ φθόνος; οὐ καὶ ὁ Κάδμος
„κεῖνος, ἀφ' οὗ γραπτὰν Ἑλλὰς ἔχει σελίδα;“

q') Theophrast. in Glossar. Laudun.:

„Primi quidem invenerunt litteras „Aegiptii. Secundi Foenices, unde „foeniceae litterae dicuntur. In „Graeciam autem Cathmos Sido-„nius, Agenoris filius, detulit lit-„teras“.

r') Timo philos. ap. Sext. Empir. (Mathematicor. I 53):

„Φοινικικὰ σήματα Κάδμου“.

s') Bekk. An. II 782,30—31:

„Καλοῦνται δὲ τὰ στοιχεῖα φοινίκεια, „ἐπεὶ ὁ Κάδμος, Φοῖνιξ ὤν, εἰς Ἕλλη-„νας ταῦτα μετήνεγκεν“ [3]).

---

[1]) Nitzsch pro εὑρέθη!
[2]) Item Suid. s. v. Φοινικήϊα γράμματα.
[3]) Ср. выше C.

t') Dionys. Miles. ap. Diodor. III 66:

„Κάδμου κομίσαντος ἐκ Φοινίκης τὰ κα-
„λούμενα γράμματα"......
„.... τὰ γράμματα Φοινίκεια κληθῆναι,
„διὰ τὸ παρὰ τοὺς Ἕλληνας ἐκ Φοινίκων
„μετενεχθῆναι"....

Объ этомъ Діонисіи Діодоръ [1]) говоритъ такъ: „Διονυσίῳ τῷ συντεταγμένῳ τὰ περὶ τοὺς Ἀργοναύτας καὶ τὸν Διόνυσον καὶ ἕτερα πολλὰ τῶν ἐν παλαιοτάτοις χρόνοις πραχθέντων". Далѣе [2]) мы читаемъ о немъ же: „... ἵνα μηδὲν παραλείπωμεν τῶν ἱστορημένων περὶ Διονύσου, διέξιμεν ἐν κεφαλαίοις τὰ παρὰ τοῖς Λίβυσι λεγόμενα, καὶ τῶν Ἑλληνικῶν συγγραφέων ὅσοι τούτοις σύμφωνα γεγράφασι, καὶ Διονυσίῳ τῷ συνταξαμένῳ τὰς παλαιὰς μυθοποιΐας. οὗτος γὰρ τά τε περὶ τὸν Διόνυσον καὶ τὰς Ἀμαζόνας, ἔτι δὲ τοὺς Ἀργοναύτας, καὶ τὰ κατὰ τὸν Ἰλιακὸν πόλεμον πραχθέντα καὶ πόλλ' ἕτερα συνέταξε, παρατιθεὶς τὰ ποιήματα τῶν ἀρχαίων τῶν τε μυθολόγων καὶ τῶν ποιητῶν". Того же Діонисія, вѣроятно, разумѣетъ Свида: Διονύσιος Μιλήσιος, ἱστορικός. Τὰ μετὰ Δαρεῖον ἐν βιβλίοις ε'. Περιήγησιν οἰκουμένης. Περσικὰ Ἰάδι διαλέκτῳ. „Τρωϊκῶν βιβλία γ'. Μυθικά. Κύκλον ἱστορικὸν ἐν βιβλίοις ζ'" [3]). Далѣе s. v. Ἑκαταῖος: „....γέγονε κατὰ τοὺς Δαρείου χρόνους, τοῦ μετὰ Καμβύσην βασιλεύσαντος, ὅτε καὶ Διονύσιος ἦν ὁ Μιλήσιος, ἐπὶ τῆς πέμπτης καὶ ἑξηκοστῆς Ὀλυμπιάδος" [4]). Его же приводитъ схоліастъ Аполлонія Родосскаго [5]): „Διονύσιος δὲ ἐν δευτέρῳ κατὰ Λιβύην αὐτὰς [scil. Ἀμαζόνας] ᾠκηκέναι [scil. φησί]". Тотъ же схоліастъ упоминаетъ Діонисія еще во многихъ другихъ мѣстахъ. Однако нельзя смѣшивать съ этимъ Діонисіемъ другаго Діонисія, который упоминается въ схоліяхъ къ Діонисію Ѳракійскому [6]): послѣдній приписываетъ перенесеніе письма въ Грецію не Кадму, а Данаю, какъ мы видѣли выше [7]).

u') Diodor. V 57 [8]):

„Κάδμος ὁ Ἀγήνορος ἐκ τῆς Φοινί-

---

[1]) III 52.
[2]) III 65.
[3]) Ἐξ Eudocia.
[4]) Ol. 65,1=520 a. Chr.
[5]) II 967.
[6]) B. A. II, 783,9.
[7]) Cp. Nitzsch, op. cit. p. 89.
[8]) Sec. Apollodor.: см. выше стр. 53—54.

„χης πρῶτος ὑπελήφθη κομίσαι γράμ-
„ματα εἰς τὴν Ἑλλάδα“.

ν') Diodor. V 74 [1]):

„οὗτοι (h. e. Φοίνικες) δ' εἰσὶν οἱ μετὰ
„Κάδμου πλεύσαντες εἰς τὴν Εὐρώπην·
„καὶ διὰ τοῦτο τοὺς Ἕλληνας τὰ γράμ-
„ματα Φοινίκεια προσαγορεύειν“.

x') Hygin. fab. 277:

„(graecas litteras) ex Aegypto Cad-
„mus in Graeciam (scil. detulit)“.

Ср. съ этимъ мѣстомъ и свидѣтельство Діодора [2]): „Κάδμον ἐκ Θηβῶν ὄντα τῶν Αἰγυπτίων....“, равно какъ и Павсанія [3]): „τοῖς οὖν νομίζουσιν ἐς γῆν ἀφικέσθαι Κάδμον τὴν Θηβαΐδα Αἰγύπτιον καὶ οὐ Φοίνικα ὄντα, ἔστιν ἐναντίον τῷ λόγῳ τῆς Ἀθηνᾶς ταύτης τὸ ὄνομα“, откуда видно, что преданіе объ египетскомъ происхожденіи Кадма дѣйствительно существовало. Какъ оно могло возникуть, мы ясно видимъ изъ Діодора XL 3 [4]), гдѣ приводится слѣдующее свидѣтельство Гекатея Милетскаго: „Κατὰ τὴν Αἴγυπτον τὸ παλαιὸν λοιμικῆς περιστάσεως γενομένης, ἀνέπεμπον δὲ πολλοὶ τὴν αἰτίαν τῶν κακῶν ἐπὶ τὸ δαιμόνιον. πολλῶν γὰρ καὶ παντοδαπῶν κατοικούντων ξένων, καὶ διηλλαγμένοις ἔθεσι χρωμένων περὶ τὸ ἱερὸν καὶ τὰς θυσίας, καταλελύσθαι συνέβαινε παρ' αὐτοῖς τὰς πατρίους τῶν θεῶν τιμάς. ὅπερ δὲ τῆς χώρας ἐγγενεῖς ὑπέλαβον, ἐὰν μὴ τοὺς ἀλλοφύλους μεταστήσωνται, κρίσιν οὐκ ἔσεσθαι τῶν κακῶν. εὐθὺς οὖν ξενηλατουμένων τῶν ἀλλοεθνῶν, οἱ μὲν ἐπιφανέστατοι καὶ δραστικώτατοι συστραφέντες ἐξερρίφησαν (ὥς τινές φασιν) εἰς τὴν Ἑλλάδα καί τινας ἑτέρους τόπους, ἔχοντες ἀξιολόγους ἡγεμόνας, ὧν ἡγοῦντο Δαναὸς καὶ Κάδμος τῶν ἄλλων ἐπιφανέστατοι. ὁ δὲ πολὺς λεὼς ἐξέπεσεν εἰς τὴν νῦν καλουμένην Ἰουδαίαν.... ἡγεῖτο δὲ τῆς ἀποικίας ὁ προσαγορευόμενος Μώσης, φρονήσει δὲ πολλῇ καὶ ἀνδρείᾳ πλεῖστον διαφέρων...... περὶ μὲν τῶν Ἰουδαίων Ἑκαταῖος ὁ Μιλήσιος ταῦτα ἱστόρηκεν“. Отсюда видно, что какъ Данай, такъ и Кадмъ считались ξένοι въ Египтѣ, и что нѣтъ основанія, какъ это дѣлаетъ Wendling p. 30, сомнѣваться въ подлинности словъ Ги-

[1]) Ср. выше.
[2]) I 23.
[3]) IX 12,2.
[4]) FHG. II p. 392.

гина, по которымъ Кадмъ перенесъ письмо въ Грецію изъ Египта: такого рода преданіе дѣйствительно существовало [1]).

y′) Ios. Flav. c. Apion. I 2, p. 439:

„Ὀψὲ καὶ μόλις ἔγνωσαν οἱ Ἕλληνες
„φύσιν γραμμάτων. Οἱ γὰρ ἀρχαιοτάτην
„αὐτῶν τὴν χρῆσιν εἶναι θέλοντες,
„παρὰ Φοινίκων καὶ Κάδμου σεμνύνονται
„μαθεῖν“.

z′) Plin. H. N. VII 56:

„utique in Graeciam intulisse e Phoe-
„nice Cadmum sedecim numero“...

a″) Tacit. Ann. XI 14:

„fama est Cadmum classe Phoeni-
„cum vectum rudibus adhuc Grae-
„corum populis artis eius auctorem
„fuisse“.

b″) Plutarch. Sympos. IX 3,2:

„Τὰ δὲ δὴ πρῶτα καὶ Φοινίκεια διὰ
„Κάδμον ὀνομασθέντα τετράκις ἡ τετρὰς
„γενομένη παρέσχε“ [2]).

c″) Zenobius s. v. Καδμεία νίκη:

„...τὰ ἐκ φοινίκης γράμματα βουλόμενος
„διαδοθῆναι τοῖς Ἕλλησι Κάδμος“...

Выше [3]) было сказано, что источниками Зиновія были Луцій Таррскій и Дидимъ.

---

[1]) Ср. Kremmer, p. 82. Ср. также Conon in Photii Bibliothecae (ed. Hoeschel, Rothomagi 1653) pag. 444 sq. narr. 37. Здѣсь говорится, что финикіяне образовали государство въ Верхнемъ Египтѣ съ главнымъ городомъ Ѳивами. Отсюда де переселился Кадмъ въ Европу и назвалъ основанный имъ въ Віотіи городъ именемъ митрополіи. Въ 32-й діэгемѣ (стр. 440 — 441) говорится, что съ Кадмомъ отправился и Протей, спасаясь отъ жестокостей фараона Бузириса. (Ср. Hug, Die Erfindung der Buchstabenschrift, Ulm 1801, p. 143). Ср. далѣе Nitzsch p. 29.

[2]) Ср. № 16 выше.

[3]) Стр. 59.

d″) Irenaeus adv. haereses I 15,4:

„Ἕλληνες ὁμολογοῦσιν ἀπὸ Κάδμου πρῶ-
„τον ις′ παρειληφέναι“... [1]).

e″) Theodoret. episcopi Cyrensis Therapeutice I, 7 ap. Migne LXXXIII, col. 796:

„τὰ γράμματα δὲ Φοίνικας εὑρηκέναι λογο-
„ποιοῦσιν οἱ Ἕλληνες, καὶ τὸν Κάδμον ταῦ-
„τα πρῶτον εἰς τὴν Ἑλλάδα κομίσαι“.

Свидѣтельство это почерпнуто изъ Климента Александрійскаго [2]). Өеодоритомъ, въ свою очередь, пользовались монахъ Георгій Амартолъ и Свида [3]).

f″) Georg. Monach. in An. Ox. IV 241,14—15:

„Καὶ τὰ μὲν γράμματα Φοίνικας εὑρηκέ-
„ναι φασὶν Ἕλληνες, Κάδμον ταῦτα πρὸς
„τὴν Ἑλλάδα κομίσαι“.

g″) Suid. s. v. γράμματα:

„τὰ γράμματα Φοίνικες ἐφεῦρον πρῶτοι...
„καὶ τὸν Κάδμον φασὶ πρῶτον εἰς τὴν
„Ἑλλάδα κομίσαι“.

h″) Suid. s. v. Κάδμος Μιλήσιος:

„τὸν Κάδμον φασὶ πρῶτον ἐς τὴν Ἑλλά-
„δα κομίσαι τὰ γράμματα, ἅπερ πρῶτοι
„Φοίνικες ἐφεῦρον“.

i″) Maxim. Victorin. Ars Gramm. (in Endlicheri Anall. Gramm. p. 199):

„In Graeciam certe Cadmum Phoeni-
„cem 16 attulisse constat“ [4]).

k″) Audax, Gramm. Lat. [ed. Keil] VII p. 325:

item [5]).

---

[1]) Ср. выше № 23.
[2]) Ср. выше с и Kremmer p. 59.
[3]) Ср. Kremmer, p. 27.
[4]) Ср. выше № 18.
[5]) Ср. выше № 19.

l'') Isidor. Origin. I, 3, 6:

„Cadmus Agenoris filius Graecas „litteras a Phoenice in Graeciam „septemdecim primus attulit".

m'') Euseb. Praep. Ev. X 5:

„Πρῶτος τοιγαροῦν ὁ τὰ κοινὰ γράμ„ματα, αὐτὰ δὴ τὰ πρῶτα τῆς γραμ„ματικῆς στοιχεῖα, Ἕλλησι ἐσηγησά„μενος Κάδμος τὸ γένος Φοῖνιξ ἦν, „ὅθεν καὶ Φοινικήϊα τὰ γράμματά „τινες τῶν παλαιῶν ἐπικεκλήκασιν" [1]).

n'') Euseb. Apologet. 477 (Migne XXI col. 794—6):

„Ὀψὲ δέ που καὶ μόλις ἔγνωσαν φύσιν „γραμμάτων. Οἱ γὰρ ἀρχαιοτάτην αὐτῶν „τὴν χρῆσιν εἶναι θέλοντες παρὰ Φοινίκων „καὶ Κάδμου σεμνύνονται μαθεῖν" [2]).

o'') Eustath. Comm. ad v. 907 Dionys. Perieget. (p. 275 sub fin.):

„Ἡρόδοτος δὲ στοχάζεται καὶ τὰ γράμ„ματα μὴ ὄντα πρὸς τοῖς Ἕλλησιν ἐκεῖ„θεν παραδοθῆναι ὑπὸ τῶν μετὰ Κάδμου „εἰς τὴν Ἑλλάδα ἐλθόντων Φοινίκων, „ὅθεν καὶ Φοινίκια καλεῖσθαι" [3]).

p'') Schol. Greg. Nazianz. Stelit. I p. 66:

„Πρώτους λέγουσι γράμματα τυπῶσαι τοὺς „Αἰγυπτίους, ἔπειτα συναγαγεῖν Φοίνικας, καὶ εἰς Ἑλλάδα κομίσαι Κάδμον τοῦ ...νορος ἀπὸ Φοινίκης εἰς τὴν Ἑλλάδα γενόμενον. διὸ καὶ φοινίκεια αὐτὰ „...γορευθῆναι" [4]).

Того же Кадма ... никійскаго слѣдуетъ разумѣть и въ свидѣтельствѣ о Κάδμος ... νησιώτης:

---

[1]) Ср. A c: Clem. Alex. Strom. I 16 и B s': B. A. II 782,30—31.

[2]) Ср. B y'': Ios. Flav. c. Apion. I, 2 p. 489.

[3]) Ср. B m''.

[4]) Ср. выше № 22, а также № 2: Glossar. Laudun.

q'') Lucian. Iud. voc. 5:

„καὶ ὅ γε πρῶτος ἡμῖν τοὺς νόμους τούτους
„διαρυπώσας, εἴτε Κάδμος ὁ νησιώτης
„εἴτε Παλαμήδης ὁ Ναυπλίου“.... [1]).

Hemsterhusius въ изданіи Лукіана [2]) замѣчаетъ, что этотъ „νησιώτης“ есть именно Τύριος.

C. a) „Πυθόδωρος δὲ ὡς .... ἐν τῷ περὶ στοιχείων καὶ Φίλλις ὁ Δήλιος ἐν τῷ περὶ χρόνων πρὸ Κάδμου Δαναὸν μετακομίσαι αὐτά φασιν. ἐπιμαρτυροῦσι τούτοις καὶ οἱ Μιλησιακοὶ συγγραφεῖς, Ἀναξίμανδρος καὶ Διονύσιος καὶ Ἑκαταῖος, οὓς καὶ Ἀπολλόδωρος ἐν νεῶν καταλόγῳ παρατίθεται“.

Въ параллельномъ мѣстѣ Bekk. An. II 786 sqq. мы читаемъ въ 5 строчкѣ сверху приписку „ἐκεῖθεν (ἤτοι ἀπὸ Φοινίκης)“, что объясняется очень просто, если принять въ расчетъ, что буквы считались именно финикійскими. Впрочемъ, приписка эта не заслуживаетъ особеннаго вниманія [3]).

b) Tzetzes Chil. V 804—828, X 443, XII 38 — 126 также говорить о существованіи письменности въ Греціи до Кадма, при чемъ ссылается на оракулъ, данный Кадму въ Дельфахъ. Такъ какъ оракулы давались въ стихотворной формѣ, то Tzetzes вывелъ такое за-

---

[1]) Ср. ниже H e.

[2]) Tom. I, p. 87, Amstelodami 1743, 4° fol.

[3]) Ср. Nitzsch, Histor. Hom. 1830, p. 79.

О Пиеодорѣ + ὡς τις ἐν τῷ περὶ στοιχείων см. Nitzsch p. 79 и p. 80 ann. (ср. также F. H. G. II, p. 5), далѣе Hoerschelmann p. 337. Лицо—для насъ совершенно темное. — О Филлисѣ (вм. ἀφιλῆϊσ) Дилосскомъ см. Nitzsch l. c., который читаетъ „ἐν τῷ περὶ χορῶν“, судя по Athen. XIV 636 B; Meineke, Del. poet. Anthol. p. 134 n.; Müller F. H. G. IV 476, который замѣчаетъ: „chronica citari putaveris, quamquam etiam περὶ χρόνων μουσικῶν liber fuisse potest“. Впервые мы встрѣчаемъ это имя у Аеинея въ приведенномъ мѣстѣ и еще XIV 634 D. Лицо—намъ тоже совершенно незнакомое. (Ср. Hoerschelmann, p. 337).—Объ Анаксимандрѣ см. лучше всего F. H. G. II, p. 67, № 2. По всей вѣроятности, это младшій историкъ, котораго имя приводятъ Евдокія у Свиды (v. Ἀναξίμανδρος Μιλήσιος, гдѣ говорится, что онъ жилъ во время Артаксеркса Мнемона) и Діогенъ Лаэртскій (II 1, гдѣ онъ называется ἱστορικός). Ср. Nitzsch, p. 80, ann. 2 и Hoerschelmann, p. 336. — О Діонисіи Милетскомъ мы говорили выше (см. B t' и сл. мѣста: Suid. v. Διονύσιος Μιλήσιος и v. Ἑκαταῖος, Nitzsch, d. 89; Baehr въ изд. Герод. V 58; F. H. G. II, p. 5). — О Гекатеѣ мы читаемъ у Müller'а въ F. H. G., II, p. 392. Здѣсь приводится, между прочимъ, и мѣсто изъ Діодора, XL 3, выписанное нами выше въ B x'.—Объ Аполлодорѣ ср. Wendling, p. 45, который доказываетъ, что Аполлодоръ пользовался въ трактатѣ о буквахъ Πέπλος'омъ Аристотеля.

ключеніе, какое мы читаемъ у Bouhier [1]) по этому поводу: „poeseos studio Graecos etiam illiteratos deditos fuisse minima verisimilitudine nititur". Такъ какъ, однако, Данай еще до Кадма прибылъ, по преданію, въ Грецію изъ Египта, то ему, какъ мы видѣли выше, и было приписано перенесеніе въ Грецію письменности.

D. „Ἔνιοι δὲ Μουσαῖον εὑρετὴν λέγουσι τὸν Μητίωνος καὶ Στερό-„πης, κατ' Ὀρφέα γενόμενον".

Кто былъ этотъ Мусей, мы не знаемъ, такъ какъ ученикъ извѣстнаго Орфея былъ сыномъ Антифема [2]). Впрочемъ, въ древности подобныя имена встрѣчались неоднократно. По Павсанію [3]) и Свидѣ [4]) древніе знали нѣсколькихъ Λίνοι. Въ схоліяхъ къ Аполлонію [5]) мы читаемъ: „Ἡρόδωρος δύο εἶναι Ὀρφεῖς φησιν" [6]).

E. a) „Ἀντικλείδης δὲ ὁ Ἀθηναῖος Αἰγυπτίοις τὴν εὕρεσιν ἀνα-„τίθησι" [7]).

Тотъ же Антиклидъ приводится и у Плинія:

b) Plin. Hist. Nat. VII 56:

„Anticlides in Aegypto invenisse (scil.
„litteras) quendam nomine Menen
„tradit, XV M. annorum ante Phoronea
„antiquissimum Graeciae regem, id-
„que monimentis adprobare conatur" [8]).

---

[1]) Diss. de priscis Graecorum et Latinorum literis [in calce Montefalconii Palaeographiae graecae 1708], p. 556.

[2]) Ср. Suid.

[3]) Boeot. IX 29, 6 и 9.

[4]) S. v. Λίνος.

[5]) Argonaut. I, v. 23.

[6]) Ср. Brucker, Histor. crit. philosophor. (Lips. 1742), I, p. 372 sqq.; Potter, Palaeographia graeca 1778, III, p. 241.

[7]) У Cramer'a IV 318,17 — 18 мы читаемъ вмѣсто этого: „οἱ δὲ τὸν παρ' Αἰγυπτίοις Θὼθ εὑρηκέναι, ὃν λέγουσιν Ἑρμῆν". Впрочемъ, о послѣднемъ свидѣтельствѣ будетъ рѣчь ниже.

[8]) C. Müller, Script. rer. Alex. Magni p. 147 высказываетъ предположеніе, что Антиклидъ жилъ во время первыхъ Птоломеевъ, такъ какъ Плутархъ Alex. c. 46 называетъ его до Дуриса, a de mus. c. 14 [гдѣ, впрочемъ, рукописи даютъ теніе Ἀντικλῆς] до Истра.—Ср. Reinh.Dorschel „Adnotationes ad fragm. hist. gr." (Stargard 1878), p. 30 n. 45. Съ этой датировкой согласуется и то обстоя

c) Theophrast. in Glossar. Laudun.:

„Primi quidem invenerunt litteras „Aegiptii".

d) Diodor. I 69 (sec. Manethon. et Hecat. Miles.):

„λέγουσι τοίνυν Αἰγύπτιοι παρ' αὐτοῖς τήν „τε τῶν γραμμάτων εὕρεσιν γενέσθαι καὶ „τῶν ἄστρων παρατήρησιν".

e) Hygin. fab. 277:

„Has autem Graecas (sc. litteras) „Mercurius in Aegyptum primus de„tulisse dicitur".

f) Plutarch. Sympos. IX, 3, 2:

„Ἑρμῆς λέγεται θεῶν ἐν Αἰγύπτῳ γράμ„ματα πρῶτος εὑρεῖν".

g) Tacit. Ann. XI 14:

„Primi per figuras animalium Aegyp„tii sensus mentis effingebant. ea „antiquissima monimenta memoriae „humanae inpressa saxis cernuntur— „et litterarum semet inventores per„hibent".

h) Theophil. ad Autolyc. III c. 30, p. 400 [Migne VI col. 1165]:

„καὶ αὐτοὶ (τ. ἔ. Ἕλληνες) ὁμολογοῦσι, „φάσκοντες τὰ γράμματα εὑρῆσθαι, οἱ „μὲν παρὰ Χαλδαίων, οἱ δὲ παρ' Αἰ„γυπτίων, ἄλλοι δ' αὖ ἀπὸ Φοινίκων".

i) Gregor. Nazianz. Stelit. I, p. 136:

„οὐ Φοινίκων τὰ γράμματα; ὡς δέ τινες, „Αἰγυπτίων;"

тельство, что Плиній называетъ Антиклида непосредственно послѣ Аристотеля. (См. Hoerschelmann, p. 337). Жилъ онъ, вѣроятно, въ III вѣкѣ до Р. Хр. (ср. Christ. Griechische Litteraturgesch. [1] 555).

k) Schol. Greg. Naz. Stelit. I, p. 66:

„Πρώτους λέγουσι γράμματα τυπῶσαι
„τοὺς Αἰγυπτίους".

l) Isid. Orig. I 3, 5:

„Aegyptiorum litteras Isis regina,
„Inachi filia, de Graecia veniens
„in Aegyptum, repperit, et Aegy-
„ptiis tradidit".

m) Bekk. An. II 784,20—21:

„...ἢ παρ' Αἰγυπτίοις εὑρηκέναι Θεὺθ
„(τ. ἔ. τὰ γράμματά φασιν)".

Эти свидѣтельства указываютъ ясно на существованіе у грековъ преданія, что честь первоначальнаго изобрѣтенія буквъ принадлежала египтянамъ. Съ этимъ преданіемъ обыкновенно связывалось представленіе о Тотѣ-Гермесѣ, какъ изобрѣтателѣ (см. ниже).

Такъ-какъ первоначальный источникъ письма и былъ Египетъ [1]), то упомянутое преданіе имѣетъ историческую основу. На древнѣйшія сношенія между Греціей и Египтомъ указываютъ сами древніе и помимо общеизвѣстныхъ миѳовъ (объ Іо, Данаѣ): Діодоръ [2]), говоритъ объ основаніи аѳинянами Саиса въ Египтѣ до Девкаліоновскаго потопа; Аристиппъ [3]) говоритъ объ аргивскомъ царѣ Аписѣ, положившемъ основаніе Мемфису.

F. a) „Δωσιάδης [sic Hoerschelmann p. 335] δὲ ἐν „Κρήτῃ φησὶν „εὑρεθῆναι αὐτά" [4]).

b) Bekk. An. II p. 782,23—25:

„Ἀλέξανδρος δὲ ὁ Ῥόδιος ἀπὸ Φοίνι-
„κος τοῦ Προνώπου καὶ Εὐρώπης, εὑ-
„ρόντος αὐτὰ ἐν Κρήτῃ, ὃν ἀπέκτεινε
„Ῥαδάμανθυς φθονήσας" [5]).

---

[1]) См. I главу.

[2]) V 57.

[3]) Ἐν πρώτῃ Ἀρκαδικῶν у Климента Александрійскаго (Strom. I cap. 21 ap. Migne VIII, col. 832, p. 383 Potter).

[4]) Этотъ Досіадъ, вѣроятно, приводится и Діодоромъ (V 80,4), какъ источникъ для исторіи Крита (ср. Hoerschelmann, p. 337).

[5]) Ср. 783,34 и Cramer, IV 319,27—28.

c) Diodor. V 74:

„φασὶ (scil. οἱ Κρῆτες) τοὺς Φοίνικας
„οὐκ ἐξ ἀρχῆς εὑρεῖν, ἀλλὰ τοὺς τύπους
„τῶν γραμμάτων μεταθεῖναι μόνον, καὶ
„τῇ γραφῇ ταύτῃ τοὺς πλείστους τῶν
„ἀνθρώπων χρήσασθαι καὶ διὰ τοῦτο
„τυχεῖν τῆς προειρημένης προσηγορίας“.

d) Paroemiogr. gr. II, ed. Leutsch-Schneidewin, s. v. Φοινικήϊα γράμματα ἤγουν ἀρχαιότατα:

„Λυδοὶ καὶ Ἴωνες τὰ γράμματα ἀπὸ
„Φοίνικος τοῦ Ἀγήνορος τοῦ εὑρόντος
„λέγουσιν. τούτοις δ' ἀντιλέγουσι Κρῆτες,
„ὡς εἰρέθη (pro εὑρέθη Nitzsch p. 80)
„ἀπὸ τοῦ γράφειν ἐν φοινίκων πετάλοις“.

e) Suid. s. v. Φοινικήϊα γράμματα:

item.

Послѣднее объясненіе мы встрѣчаемъ еще у Діомеда-Меламнода: Villois. An. Gr. II 186,22 — 187,1 (= Bekk. An. II, 774,14 — 17): „τινὲς δὲ φασι τοὺς χαρακτῆρας τῶν στοιχείων, τοὺς παρ' ἡμῖν ὑπὸ Ἑρμοῦ „ἐν φοίνικος φύλλῳ γεγραμμένους, καταπεμφθῆναι τοῖς ἀνθρώποις, διὸ καὶ „φοινίκεια [1]) λέγεται τὰ γράμματα“ [2]).

Приведенныя мѣста очень интересны для насъ, въ виду полученныхъ въ I главѣ результатовъ: критяне, стало быть, настаивали на томъ, что ихъ письменность древнѣе финикійской, и что финикіяне лишь „μετέθεσαν τοὺς τύπους, ᾗ γραφῇ πλεῖστοι τῶν ἀνθρώπων ἐχρήσαντο“ [3]). На приведенное выше мѣсто Діодора обратилъ уже вниманіе Bouhier въ началѣ прошлаго вѣка [4]): „literas in Creta ante Cadmum notas fuisse famā celebrari non obscura nec forsan improbabili“.

---

[1]) B. A. φοινικικά.

[2]) Cp. B. A. II, 782,16—17: „Ἐτεωνεὺς και Μένανδρος, ἐπειδὴ ἐν πετάλοις φοινικοῖς ἐγράφοντο“ = B. A. II, 783,30: „ἢ ὅτι πρότερον ἐν πετάλοις φοινικείοις ἐγράφετο“.

[3]) Cp. Evans, Cretan pictographs and prae-Phoenician script“, pp. 102—103.

[4]) In calce Montefalconii Palaeographicae graecae, 1708, Dissert. de priscis Graecorum et Latinorum literis, p. 555 sq.

G. a) „Αἰσχύλος δὲ Προμηθέα φησὶν εὑρηκέναι ἐν τῷ ὁμωνύμῳ „δράματι“.

Мѣсто это мы находимъ въ трагедіи Эсхила „Προμηθεὺς δεσμώτης“ vv. 459—461, гдѣ скованный титанъ перечисляетъ благодѣянія, которыя онъ оказалъ человѣчеству:

„καὶ μὴν ἀριθμὸν ἔξοχον σοφισμάτων
„ἐξεῦρον αὐτοῖς, γραμμάτων τε συνθέσεις,
„μνήμην θ' ἁπάντων μουσομήτορ' ἐργάτιν“.

Здѣсь поэтъ слѣдуетъ, очевидно, старинному преданію, и притомъ такому, которое было хорошо извѣстно населенію Аттики.

Въ схоліяхъ къ Діонисію Ѳракійскому мы находимъ еще два указанія на Прометея.

b) B. A. II 781,28:

„οἱ μὲν [h. e. ἱστορικοὶ] γὰρ Προμη-
„θέα λέγουσι τούτων εὑρετήν“.

c) B. A. II 784,19:

„Ὅσοι τὴν τῶν γραμμάτων εὕρεσιν
„Σισύφῳ ἢ Παλαμήδει ἢ Φοίνιξι
„ἢ Προμηθεῖ ἐφάπτουσιν.... κενῶς [1])
„ἑρμηνεύουσι“...

d) Suid. s. v. Προμηθεύς:

„Προμηθεὺς εὗρε πρῶτος τὴν γραμμα-
„τικὴν φιλοσοφίαν“.

e) Georg. Cedren. Σύνοψις ἱστοριῶν p. 76:
„Προμηθεὺς γραμματικόν, ὥς φασιν,
„ἐξεῦρεν“.

Этотъ Γεώργιος Κεδρηνός, жившій въ XI—XII вѣкахъ, былъ компиляторъ, пользовавшійся преимущественно хрониками Георгія Амартола, современника императора Михаила III (842 — 867) и Симеона Магистра [2]). Что подъ словомъ „γραμματική“ здѣсь слѣдуетъ разумѣть просто „γράμματα“, ясно изъ тѣхъ цитатъ, которыя приведены нами выше подъ № 1 (Аристотель).

---

[1]) По Дильсу.
[2]) См. Krumbacher, Abriss der byzantin. Litteratur, S. 368 sq.

H. a) „Στησίχορος δὲ ἐν δευτέρῳ 'Ορεστείας τὸν Παλαμήδην φησὶν „εὑρηκέναι"
[pag. 786,12: „ᾧ συμφωνεῖ καὶ Εὐριπίδης"] [1]).

О личности Паламида Свида говоритъ слѣдующее: „Παλαμήδης „Ναυπλίου καὶ Κλυμένης 'Αργεῖος ἐποποιός. ἦν δὲ οὗτος ἀνεψιὸς τοῦ βασι„λέως 'Αγαμέμνονος πρὸς μητρός, ἔσχε δὲ εὐφυῶς πρός τε φιλοσοφίαν καὶ „ποιητικήν".—Tac. Ann. XI 14 называетъ также Palamedem Argivum. Только у Greg. Nazianz. Stelit. I cap. 107 ap. Migne. XXXV col. 644 мы читаемъ: „εἴπερ Εὐβοεὺς ὁ Παλαμήδης ὁ πολλῶν εὑρετής".

b) Gorg. Declam. p. 690:

„Τίς γὰρ ἄλλος (scil. ἢ Παλαμήδης) ἐποίησε τὸν
„ἀνθρώπινον βίον πόριμον ἐξ ἀπόρου καὶ κεκοσμημέ-
„νον ἐξ ἀκόσμου, τάξεις τε πολεμίας εὑρών, μέγιστον
„εἰς πλεονεκτήματα, νόμους τε γραπτούς, φύλακας
„τοῦ δικαίου, γράμματά τε, μνήμης ὄργανον,...;"

c) Alcidamas contra Palamedem p. 671:

„(Παλαμήδης) φάσκων γράμματα ἐξευρηκέναι".

d) Dio Chrysostom. XIII p. 428 (Reiske 1784):

„καὶ τὸν Παλαμήδην οὐδὲν ὤνησεν αὐτὸν εὑρόν-
„τα τὰ γράμματα".

e) Lucian. Iudicium vocalium 5:

„καὶ ὅ γε πρῶτος ἡμῖν τοὺς νόμους τούτους
„διατυπώσας, εἴτε Κάδμος ὁ νησιώτης, εἴτε

---

[1]) Ср. Th. Bergk, Poetae lyrici graeci III, p. 219 frgm. 34(38). Мѣсто Еврипида приводится у Стобея (ср. Euripidis fragmenta p. 104 ap. Dindorf, Poetae scenici graeci), 79, p. 469:

„τὰ τῆς γε λήθης φάρμακ' ὀρθώσας μόνος
[φάρμαχ' ἁρμόσας Hemsterhusius ad Lucian. I 88]
„ἄφωνα καὶ φωνοῦντα [φωνῆντα Hemsterhus.], συλλαβάς τε θείς
„ἐξεῦρον ἀνθρώποισι γράμματ' εἰδέναι".

Не мѣшаетъ сравнить съ этимъ мѣстомъ Aeschyl. Palamed. fragm. 168 ed. Dindorf Oxf. 1851 = Athen. I, p. 19 de: „Ἔστι δ' ἡ τάξις καὶ παρ' Αἰσχύλῳ τῶν ὀνομάτων, ἐν οἷς ὁ Παλαμήδης πεποίηται λέγων·

„Καὶ ταξιάρχας καὶ στρατάρχας καὶ ἑκατοντάρχας
„ἔταξα, σῖτον δ' εἰδέναι διώρισα,
„ἄριστα, δεῖπνα, δόρπα θ' αἱρεῖσθαι τρίτα".

„Παλαμήδης ὁ Ναυπλίου—καὶ Σιμωνίδῃ δὲ
„ἔνιοι προσάπτουσι τὴν προμήθειαν ταύτην—,
„οὐ τῇ τάξει μόνον, καθ' ἣν αἱ προεδρίαι
„βεβαιοῦνται, διώρισαν, τί πρῶτον ἔσται ἢ
„δεύτερον, ἀλλὰ καὶ ποιότητας, ἃς ἕκαστος
„ἡμῶν ἔχει, καὶ δυνάμεις συνεῖδον".

f) L. Ampelius, Liber memorialis VIII 5 (Miracula mundi):

„Sicyone in Achaia, in foro aedes Apollinis
„est: in çasunt... Palamedis litterae" [1]).

Источникъ VIII книги Ампелія, жившаго, вѣроятно, во II вѣкѣ по Р. Хр., восходитъ къ александрійскому времени, какъ доказалъ H. v. Rohden [2]).

g) Flav. Philostrat. Heroid. X 3:

Odyss.: „αἱ γέρανοι μαρτύρονται τοὺς 'Αχαιούς, ὅτι αὐταὶ γράμματα
„εὗρον, οὐχὶ σύ".

Palamed.: „ἐγὼ γράμματα οὐχ εὗρον ἀλλ' ὑπ' αὐτῶν εὑρέθην· πάλαι
„γὰρ ταῦτα ἐν Μουσῶν οἴκῳ κείμενα ἐδεῖτο ἀνδρὸς τοιού-
„του, θεοὶ δὲ τὰ τοιαῦτα δι' ἀνδρῶν σοφῶν ἀναφαίνουσι".

h) Themist. or. IV p. 60. A:

„οἱ τῆς Κάδμου καὶ Παλαμήδους τέχνης δημιουργοί".

i) Serv. ad Vergil. Aen. II 81:

„(Palamedes) secundum quosdam ipse rep-
„perit literas".

k) Georg. Hamortol. Chron. p. 45,6 (ed. Muralt Petropoli 1859):

„τῶν γραμμάτων τὴν σύνταξιν.... Παλαμήδης
„ἐφεῦρεν".

l) Boissonade An. Gr. I 426 e Cod. Parisino 1630 p. 115:

„τὰ δὲ στάθμια καὶ τὴν τῶν γραμμάτων σύν-
„ταξιν Παλαμήδης καὶ τοὺς ἀριθμούς".

Авторъ пользовался Георгіемъ Амартоломъ, какъ указываетъ Kremmer p. 109 sq.

---

[1]) Такъ читаетъ Wölfflin; cp. v. Rohden op. infra cit. p. 23 n. 39 и p. 24—25.
[2]) De mundi miraculis, Diss. Bonn. 1875, 3—29.

m) An. Ox. IV 240,3—5:

„τῶν δὲ γραμμάτων τὴν σύνταξιν καὶ ἀρι-
„θμοὺς καὶ μέτρα καὶ στάθμια Παλαμήδης
„ἐφεῦρε".

Свидѣтельство это сводится, безъ сомнѣнія, къ одинаковому источнику съ предыдущимъ.

n) Ioseph. Rhacendyt. Σύνοψις ῥητορικῆς cap. IV (p. 528 ap. Walz, Rhetor. gr. III [1834]:

„(ὡς εἴ τις λέγοι) τὸν εὑρετὴν τῶν γραμμά-
„των καὶ τῶν ψήφων Παλαμήδην γραμματο-
„κομιστὴν τοῖς Ἕλλησι καὶ ψηφιφόρον".

o) Tzetzes, Chil. XII 38 sqq.:

„κατὰ τὸ περιφόρητον καὶ θρυλλητὸν τοῖς
„πᾶσι, τὸν Παλαμήδην ἐφευρεῖν τὰ γράμ-
„ματα εἰρήκειν. Λέγουσι γὰρ οἱ σύμπαντες
„εὑρεῖν τὸν Παλαμήδην οὐ τὰ εἰκοσιτέσσαρα
„γράμματα καὶ στοιχεῖα, μόνα δ' ἐκ πάντων
„δέκα ἕξ" [1]).

Сюда же относятся разсмотрѣнныя выше свидѣтельства, по которымъ Паламиду приписывалось изобрѣтеніе 16, 17 и 11 буквъ [2]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что преданіе объ изобрѣтеніи Паламидомъ буквъ относится къ почтенной старинѣ. Vossius [3]) называетъ Еврипида, Горгія и Гигина, какъ древнѣйшихъ авторовъ, приводящихъ указанное мнѣніе. Однако, судя по схоліямъ къ Діонисію Ѳракійскому, еще древнѣе оказывается свидѣтельство Стисихора. Слѣды этого преданія мы могли бы видѣть также на двухъ аттическихъ вазахъ (приблизительно V вѣка до Р. Хр.): одна (изъ Нолы) находится въ коллекціи герцога de Luynes [4]), другая (изъ Vulci), составлявшая прежде часть коллекціи Canderoli, хранится теперь въ мюнхенской пинакотекѣ и отчасти представлена у Gerhard'а [5]) и у Char-

[1]) Cp. Chil. V 804—806, X 443.

[2]) См. таблицу, въ февр. книжкѣ, стр. 54.

[3]) Art. Gramm. I, c. 10, p. 48.

[4]) Collection de M. le duc de Luynes. Vases étrusques, italiotes, siciliens et grecs, p. XXXV, а также Charles Lenormant et de Witte, Élite des monuments céramographiques I, planche LXXVII.

[5]) Monuments inédits de l'Institut archéologique I, pl. XXVI, № 6.

les Lenormant et de Witte [1]). Фигуры, находящіяся на обѣихъ вазахъ — краснаго цвѣта. На той и другой мы видимъ изображеніе Аѳины въ профиль, одѣтой въ двойной хитонъ со складками, съ шлемомъ на головѣ. Въ грудь ея упирается копье, а широкій аргивскій щитъ съ изображеніемъ змѣи прислоненъ къ ея колѣнамъ. Въ лѣвой рукѣ богиня держитъ „δέλτοι" и, наклонивъ голову впередъ, готовится писать правою, вооруженною грифелемъ. Другая фигура, однако, неодинакова на обѣихъ вазахъ. На вазѣ изъ Нолы предъ Аѳиною стоитъ бородатый мущина, опирающійся на узловатый посохъ; по выраженію его лица и движенію на половину поднятой вверхъ правой руки съ раскрытою ладонью, мы можемъ признать состояніе изумленія, въ которое приводитъ его дѣйствіе богини. Около Аѳины съ боку можно прочесть: HO ΠAIS KALOS. Впрочемъ, буквы надписи чрезвычайно неясны. На вазѣ изъ Vulci другая фигура, находящаяся на противоположной сторонѣ, представляетъ юношу съ дискомъ въ рукѣ. Gerhard предполагаетъ въ послѣднемъ эфеба, который учится писать [2]). Иначе думаютъ герцогъ de Luynes [3]) и Charles Lenormant et de Witte [4]): они видятъ здѣсь изобрѣтеніе письменности, приписываемое Кадму или Паламиду, подъ руководствомъ богини Аѳины. За Паламида какъ будто говоритъ дискъ, метаніе котораго считалось изобрѣтеніемъ Паламида, какъ видно изъ Schol. Eurip. Orest. 432 v. Οἴαξ: „Ναυπλίου καὶ Κλυμένης τῆς 'Ατρέως ἐγένοντο Οἴαξ καὶ Παλαμήδης...... φασὶ δὲ αὐτὸν (τ. ἔ. τὸν Παλαμήδην) εὑρεῖν φρυκτωρίας καὶ μέτρα καὶ σταθμοὺς καὶ πεττοὺς καὶ γράμματα καὶ φυλακὰς καὶ δίσκους καὶ ἀστρολογίας". По свидѣтельству Павсанія [5]). Паламидъ былъ представленъ Полигнотомъ въ аѳинской Λέσχη безбородымъ, и это послѣднее обстоятельство, по видимому, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ изображенію на вазѣ изъ Vulci. Намъ, однако, кажется мало доказаннымъ, чтобы здѣсь мы должны были непремѣнно признать Паламида, тѣмъ болѣе, что обѣ фигуры на вазѣ изъ Vulci, можетъ быть, вовсе не имѣютъ тѣсной связи между собою. На первой же вазѣ, гдѣ связь есть, мущина изображенъ съ бородою, что идетъ какъ разъ въ разрѣзъ съ свидѣтельствомъ Павсанія [6]).

[1]) Élite des monuments céramographiques I, p. 253.
[2]) Annali dell' Instituto, vol. III, p. 230 sq.
[3]) Collection p. 20.
[4]) Élite p. 253.
[5]) X 31,1.
[6]) Cp. Welcker, Annali dell' Instituto, vol. XII (1841), p. 260—261.

Такъ какъ согласно другому преданію, встрѣчающемуся впервые у Геродота, введеніе финикійскихъ буквъ въ Грецію или даже ихъ изобрѣтеніе [1]) приписывалось Кадму, то слѣдовало найдти исходъ изъ противорѣчія обоихъ преданій. И вотъ одни стали утверждать, будто *до* Паламида греки пользовались финикійскими буквами, со времени же Паламида — греческими: „Παλαμήδης λέγεται εὑρηκέναι ις' γράμματα μήπω τότε ὄντα, ἀλλὰ Φοινικοῖς ἐχρῶντο γράμμασιν οἱ ἄνθρωποι, ἄλλοι δὲ ἄλλοις“ [2]). Другіе говорили, что Паламидъ свелъ въ систему буквы финикіянъ и, стало быть, создалъ самый *алфавитъ*: „γράμματα μὲν ἐφεῦρον οἱ Φοίνικες, τῶν δὲ γραμμάτων τὴν σύνταξιν — Παλαμήδης ἐφεῦρεν“, можетъ быть, на основаніи приведеннаго выше [3]) отрывка изъ Эсхилова „Паламида“ у Аѳинея и Горгія [4]). Иные стали приписывать Паламиду лишь *дополненіе* алфавита новыми буквами [какими — мы видѣли выше: см. таблицу], отрицая изобрѣтеніе имъ *всѣхъ* буквъ: „Palamedes secundum quosdam ipse repperit literas. Quae res si forte sit dubia, tamen certum est θ φ χ ab hoc inventas cum aspiratione [5]).

I. a) „Μνασέας δὲ Ἑρμῆν“ [6]).

b) Plato, Phaedr. 274:

„ΣΩ. Ἤκουσα τοίνυν περὶ Ναύκρατιν τῆς Αἰγύπτου γε„νέσθαι τῶν ἐκεῖ παλαιῶν τινα „θεῶν, οὗ καὶ τὸ ὄρνεον τὸ ἱερόν, ὃ δὴ καλοῦ„σιν Ἶβιν· αὐτῷ δὲ τὸ ὄνομα τῷ δαίμονι εἶ-

[1]) По Эфору—см. выше А а.

[2]) Schol. Eurip. Orest. 432; cf. [Pseudo]theodos. p. 1, Anonym. in Cod. Vat. 711; Bekk. An. III 1169; Villoison An. Gr. II, p. 187; Constantin. Lascaris in Marmor. Taurin. I, p. 98.

[3]) II a.

[4]) Declam. pp. 689—690 (Athanas. or. c. gentt. c. 18; cf. An. Ox. IV 400, Themist. or. IV, p. 60. A; Georg. Monach. Chron. p. 45,6, ed. Muralt.

[5]) Serv. Verg. Aen. II 81; cf. Tzetz. Chil. V 813—817, X 443, XII 78. [Ср. O. Iahn, Palamedes, Diss. Hamburg 1836. 8°, pp. 23—25; Franz, Elementa epigraphices graecae p. 12.

[6]) Свида s. v. Ἐρατοσθένης упоминаетъ нѣкоего Мнасея въ числѣ учениковъ послѣдняго (ср. Hoerschelmann pp. 336—337), такъ-что время жизни этого Мнасея — вѣроятно, II вѣка до Р. Хр. Впрочемъ, древніе различали трехъ Мнасеевъ: Беритскаго, Колофонскаго и Патрскаго (ученика Эратосѳена): см. Bernhardy къ приведенному мѣсту Свиды., Ср. также Christ, Griech. Litt.-Gesch. S. 571 und 601 и F. H. G. III 149—158.

„ναι Θεύθ. τοῦτον δὲ πρῶτον ἀριθμόν
„τε καὶ λογισμὸν εὑρεῖν καὶ γεωμετρίαν
„καὶ ἀστρονομίαν, ἔτι δὲ πεττείας τε καὶ
„κυβείας, καὶ δὴ καὶ γράμματα".

c) Plato, Phileb. p. 18 b:

„ΣΩ. Ἐπειδὴ φωνὴν ἄπειρον κατενόησεν,
„εἴτε τις θεὸς εἴτε καὶ θεῖος ἄνθρωπος,
„ὡς λόγος, ἐν Αἰγύπτῳ Θεύθ τινα τοῦ-
„τον γενέσθαι λέγων, ὃς πρῶτος τὰ φω-
„νήεντα ἐν τῷ ἀπείρῳ κατενόησεν οὐχ
„ἓν ὄντα, ἀλλὰ πλείω, καὶ πάλιν ἕτερα
„φωνῆς μέν, οὐ φθόγγου δὲ μετέχοντά
„τινος, ἀριθμὸν δέ τινα καὶ τούτων εἶ-
„ναι, τρίτον δὲ εἶδος γραμμάτων διε-
„στήσατο, τὰ νῦν λεγόμενα ἄφωνα ἡμῖν·
„τὸ μετὰ τοῦτο διῄρει τά τε ἄφθογγα
„καὶ ἄφωνα, μέχρι ἑνὸς ἑκάστου, καὶ
„τὰ φωνήεντα καὶ τὰ μέσα, κατὰ τὸν
„αὐτὸν τρόπον, ἕως αὐτῶν ἀριθμὸν λα-
„βὼν ἑνί τε ἑκάστῳ καὶ ξύμπασι στοι-
„χεῖον ἐπωνόμασε· καθορῶν δὲ, ὡς
„οὐδεὶς ἡμῶν οὐδ' ἂν ἓν αὐτὸ καθ' αὑτὸ
„ἄνευ πάντων αὐτῶν μάθοι, τοῦτον τὸν
„δεσμὸν αὖ λογισάμενος, ὡς ὄντα ἕνα
„καὶ ταῦτα πάντα ἕν πως ποιοῦντα,
„μίαν ἐπ' αὐτοῖς ὡς οὖσαν γραμματι-
„κὴν τέχνην ἐπεφθέγξατο προσειπών".

d) Cicero, Nat. Deor. III 22, 56:

„Mercurius Quintus Aegyptiis leges
„litterasque tradidit".

e) Arnobius (sec. Ciceronem) IV 14:

„quintus (scil. Mercurius) Argi est
„interemptor fugitivus atque ex-
„sul, et proditor apud Aegyptum
„litterarum".

Свидѣтельства Цицерона (и Арнобія) дышатъ евгемеризмомъ. По

Лактанцію [1]) тѣхъ людей, которые чѣмъ либо особенно отличились при жизни или изобрѣли что либо новое и полезное для человѣчества, евгемеристы включали въ сонмъ боговъ [2]).

f) Diod. I 15—16 (sec. Manethonem, Hecat. Miles.):

„Τιμᾶσθαι δ' ὑπ' αὐτοῦ (τ. ἔ. 'Οσίρι-
„δος ἢ Διονύσου) μάλιστα πάντων τὸν
„Ἑρμῆν, διαφόρῳ φύσει κεχορηγημένον,
„πρὸς ἐπίνοιαν τῶν δυναμένων ὠφελῆσαι
„τὸν κοινὸν βίον. 16. ὑπὸ γὰρ τούτου
„πρῶτον μὲν τήν τε κοινὴν διάλεκτον
„διαρθρωθῆναι καὶ πολλὰ τῶν ἀνωνύμων
„ τυχεῖν προσηγορίας, τήν τε εὕρεσιν
„τῶν γραμμάτων γενέσθαι καὶ τὰ περὶ
„τὰς τῶν θεῶντιμὰς καὶ θυσίας διαταχ-
„θῆναι... κάὶ τοὺς Ἕλληνας διδάξαι τοῦ-
„τον τὰ περὶ τὴν ἑρμηνείαν, ὑπὲρ ὧν
„Ἑρμῆν αὐτὸν ὠνομάσθαι".

g) Hygin. fab. 277:

„Graecas (scil. litteras) Mercurius in
„Aegyptum primus detulisse dicitur".

h) Gellius ap. Plin. H. N. VII 56:

„Litteras apud Aegyptios alii, ut
„Gellius, repertas volunt".

i) Plut. Sympos. IX 3, 2:

„Ἑρμῆς λέγεται θεῶν ἐν Αἰγύπτῳ γράμ-
„ματα πρῶτος εὑρεῖν".

k) Tertullian. De corona militis VIII:

„Primus litteras Mercurius enarraverit".

l) Serv. Vergil. Aen. IV 577:

„...quartum (Mercurium) Cyllenii fi-
„lium, cuius mater non proditur, a quo
„Argus clam occisus est, qui hoc metu

---

[1]) Euhem. ap. Lactant. de ira dei, cap. 11.

[2]) Cp. Lactant. De falsa religione, cap. 11 и Kremmer, p. 4 sq.

„in Aegyptum profugit et ibi invenisse primum disciplinam litterarum et numero-„rum dicitur. qui lingua Aegyptiorum Θεὸθ „appellatur, de cuius nomine etiam mensis „dictus est“ [1]).

m) Maxim. Victorin. Art. Gramm. p. 1943:

„alii (litterarum inventorem) Mercurium „apud Aegyptios adserunt“.

n) Lactant. De falsa relig. I 6:

„quintum (Mercurium) fuisse eum, a quo „occisus sit Argus, ob eamque causam in „Aegyptum profugisse, atque Aegyptiis „leges ac litteras tradidisse. Hunc Aegyp-„tii Thoyth appellant, a quo apud eos pri-„mus anni sui mensis, id est september, „nomen accepit“.

o) Cassiodor. Var. VIII 12:

„(litteras) primum, ut frequenter tradit „opinio, Mercurius, repertor artium mul-„tarum, volatu Strymoniarum avium conle-„gisse memoratur“.

p) Euseb. Apologetic. 31 (Migne XXI col. 72 et 80):

„πρῶτός ἐστι Τάαυτος ὁ τῶν γραμμάτων τὴν „εὕρεσιν ἐπινοήσας, καὶ τῆς τῶν ὑπομνη-„μάτων γραφῆς κατάρξας. καὶ ἀπὸ τοῦδε „ὥσπερ κρηπῖδα βαλόμενος τοῦ λόγου, ὃν „Αἰγύπτιοι μὲν ἐκάλεσαν Θωύθ, Ἀλεξανδρεῖς „δὲ Θώθ, Ἑρμῆν δὲ Ἕλληνες μετέφρασαν“ [2]).

r) Euseb. Apologetic. 46 (Migne XXI col. 96)=Diodor. I 15 [3]).

„Εὑρετήν τε γὰρ αὐτὸν γενέσθαι τῶν γραμ-„μάτων“.

---

[1]) September.

[2]) Слова Санхуніаѳона.

[3]) Ср. выше I f.

s) Diomedes ap. Villoison. An. Gr. II 186 sq. = Melampus ap. Bekk. An. Gr. II 774,15:

„τινὲς δέ φασι τοὺς χαρακτῆρας τῶν „στοιχείων τοὺς παρ' ἡμῖν ὑπὸ Ἑρμοῦ „ἐν φοίνικος φύλλῳ γεγραμμένους, „καταπεμφθῆναι τοῖς ἀνθρώποις· διὸ „καὶ φοινίκεια [1]) λέγεται τὰ γράμ-„ματα“.

t) Cramer. An. Ox. IV 318,17—18:

„οἱ δὲ παρ' Αἰγυπτίοις Θὼθ εὑρηκέναι, „ὃν λέγουσιν Ἑρμῆν“.

u) Bekk. An. Gr. II 784,20—21:

„ἢ παρ' Αἰγυπτίοις εὑρηκέναι Θεύθ“...

v) Tzetzes, Chil. V 815:

„(τὰ γράμματα εὕρηκεν).... οὐδ' αὐτὸς „Ἑρμῆς ὁ ὢν ἐξ Ἀρκαδίας“.

Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ проглядываетъ отмѣченная нами уже выше (I d e) евгемеристическая теорія. Общее впечатлѣніе, однако, получается такое, что здѣсь имѣется въ виду собственно не изобрѣтеніе *греческихъ* буквъ, а буквъ вообще, именно среди египтянъ [2]).

„ἄλλοι δὲ ἄλλον“.

У Bekk. An. II 781,27 sqq. говорится: „Περὶ τῆς τῶν γραμμάτων „εὑρέσεως διαφόρως οἱ ἱστορικοὶ ἱστόρησαν· οἱ μὲν γὰρ Προμηθέα λέγουσι „τούτων εὑρετήν, ἄλλοι δὲ Φοίνικα τὸν τοῦ Ἀχιλλέως παιδαγωγόν, „ἄλλοι δὲ τὸν Μιλήσιον Κάδμον, ἄλλοι δὲ τὴν Ἀθηνᾶν, ἄλλοι δὲ „ἐξ οὐρανοῦ ἐρρῖφθαι τοῖς ἀνθρώποις πρὸς ὠφέλειαν“.

Pag. 784,18 sqq.: „Ὅσοι τὴν τῶν γραμμάτων εὕρεσιν Σισύφῳ ἢ Πα-„λαμήδει ἢ Φοίνικι ἢ Προμηθεῖ ἐφάπτουσιν, ἢ ἐν Φοίνικι τόπῳ Ἐφέσου „πεπτωκέναι φασίν, ἢ παρ' Αἰγυπτίοις εὑρηκέναι Θεύθ, κενῶς ἑρμηνεύουσι [или: „Θεὺθ ἤτοι Ἑρμῆν, οὐδὲν λέγουσι“]· καὶ γὰρ ἡ φύσις ἡνίκα ἐδη-

---

[1]) В. А. φοινικικά.

[2]) Ср. I главу.

„μιούργησε τὸν ἄνθρωπον, ἐχαρίσατο αὐτῷ τοιαύτην ἐπιτηδειότητα, ὥστε „τεχνήσασθαι ταῦτα τὰ στοιχεῖα [1]).

О Промнеоѣ, Паламидѣ, Тотѣ-Гермесѣ мы уже говорили. Остаются, стало быть, K) Φοῖνιξ ὁ τοῦ Ἀχιλλέως παιδαγωγός (или просто Φοῖνιξ), L) ὁ Μιλήσιος Κάδμος, M) Σίσυφος, N) Ἀθηνᾶ и O) ἐξ οὐρανοῦ ἐρρῖφθαι τοῖς ἀνθρώποις πρὸς ὠφέλειαν (или: ἐν Χοίνικι τόπῳ Ἐφέσου πεπτωκέναι).

K. Φοῖνιξ.

a) B. A. II 781,29 (см. выше).

b) B. A. II 784,19 (см. выше).

c) B. A. II 782,22—23:

„Δοῦρις δὲ ὁ Σάμιος ὁ ἱστορικὸς ἐν ὀγδόῃ τῶν „Μακεδονικῶν ἀπὸ Φοίνικος τοῦ Ἀχιλλέως „τροφοῦ“ (scil. τὰ γράμματα Φοινίκεια κεκλῆσθαι).

d) Cramer. An. Ox. IV 319.26:

„οἱ δὲ ἀπὸ Φοίνικος τοῦ Ἀχιλλέως τροφέως „εὑρόντος αὐτά“.

e) Diomedes ap. Villois. An. Gr. II 187,2—3:

„οἱ δέ, ὅτι ὁ παιδαγωγὸς τοῦ Ἀχιλλέως Φοῖ„νιξ ἐφεῦρεν αὐτά“.

f) Tzetz. Chil. XII 69:

„Οἱ δ' Ἀχιλλέως Φοίνικι παιδαγωγῷ ἐκείνῳ“ (scil. τὴν τῶν γραμμάτων εὕρεσιν προσάπτουσιν).

g) Tzetz. Chil. V 813—814:

„Τὰ δ' ἄλλα τὰ 16, μὴ θάψω σε καὶ Τζέτζην,
„Οὐ Παλαμήδης εὕρηκεν, οὐ μὲν οὖν οὐδὲ Φοῖνιξ“.

h) Tzetz. Chil. X 443:

„οὐ Παλαμήδης εὕρηκε, οὐ Φοῖνιξ οὐδὲ Κάδμος“.

---

[1]) Cramer IV 319,31—33: „κρεῖττον δέ ἐστι λέγειν, ὡς ἅμα τὸ [τῷ?] δημιουργῆσαι ὁ Θεὸς τὸν ἄνθρωπον, ἐχαρίσατο αὐτῷ τοιαύτην ἐπιτηδειότητα, ὥστε τεχνώσασθαι τὰ στοιχεῖα“. (Ср. выше).

i) Hesych. v. Φοινικκία:

„Λυδοὶ καὶ Ἴωνες τὰ γράμματα ἀπὸ Φοίνι-
„κός τινος".

k) Suid. v. Φοινικήϊα γράμματα:

„Λυδοὶ καὶ Ἴωνες τὰ γράμματα ἀπὸ Φοίνι-
„κος τοῦ Ἀγήνορος εὑρόντος αὐτά".

l) Paroemiogr. Gr. II ed. Leutsch-Schneidewin (Michaelis Apostolii proverbiorum centuria XVII № 89, p. 713):

item.

Что подъ Λυδοί и Ἴωνες слѣдуетъ, по всей вѣроятности, разумѣть Ксанеа, Гекатея, Діонисія, сказано нами выше (B m′).

m) B. A. II 782,23—25:

„Ἀλέξανδρος δὲ ὁ Ῥόδιος ἀπὸ Φοίνικος τοῦ
„Προνώπου και Εὐρώπης, εὑρόντος αὐτὰ ἐν Κρή-
„τῃ, ὃν ἀπέκτεινε Ῥαδάμανθυς φθονήσας" [1]).

n) Cramer, An. Ox. IV p. 319,27—28:

„οἱ δὲ ὅτι ἀπὸ Φοίνικος τοῦ Προνόπου (sic!)
„καὶ Εὐρώπης εὑρόντος αὐτὰ ἐν Κρήτῃ, ὃν
„ἀπέκτεινε Ῥαδάμανθυς φθονήσας".

o) B. A. II 783,34:

„ἄλλοι ἀπὸ Φοίνικος [τοῦ] Προνόπου καὶ Εὐ-
„ρώπης".

О личности Финика, сына Пронопа, трудно сказать что-либо опредѣленное. У Діодора [2]) говорится (со словъ киклографа Діонисія Милетскаго): „ὁμοίως δὲ τούτοις χρήσασθαι τοῖς Πελασγικοῖς γράμμασι τὸν Ὀρφέα καὶ Προναπίδην τὸν Ὁμήρου διδάσκαλον, εὐφυῆ γεγονότα μελοποιόν". Однако, приводить этого Пронапида въ связь съ Финикомъ, сыномъ Пронопа, едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что Финикъ, согласно съ свидѣтельствомъ схоліаста, считался *изобрѣ-*

---

[1]) Кто былъ этотъ Ἀλέξανδρος ὁ Ῥόδιος—неизвѣстно. Такъ какъ авторъ приведеннаго мѣста былъ, вѣроятно, Луцій Таррскій (см. выше), то время жизни Александра Родосскаго слѣдуетъ отнести до Р. Хр. (вѣроятно, въ промежуткѣ III—I вѣковъ).

[2]) III 67.

тателемъ буквъ, Пронапидъ же у Діодора пользуется „*пеласгійскими*“ буквами, названными такъ потому, что пеласги будто были первые, которые воспользовались буквами, *привезенными изъ Финикіи*.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ о Финикѣ мы видимъ, что древніе различали трехъ Φοίνικες: 1) τοῦ Ἀγήνορος, 2) τὸν τοῦ Ἀχιλλέως παιδαγωγόν и 3) τὸν τοῦ Προνόπου καὶ Εὐρώπης (ἐν Κρήτῃ). Не трудно убѣдиться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ игрою фантазіи. Для объясненія названія „φοινίκεια“ кому нибудь пришла въ голову мысль о Финикѣ, сынѣ Агенора (какъ извѣстно, Агеноръ отправилъ для поисковъ за Европой трехъ сыновей: Кадма, Финика и Киликa); другой вспомнилъ, что воспитатель Ахилла былъ Φοῖνιξ и нашелъ поэтому благоразсудительнымъ объяснить названіе буквъ при помощи имени послѣдняго; третій наконецъ, слѣдуя преданію критянъ, по которому письмо послѣднихъ древнѣе финикійскаго [1]), нашелъ нужнымъ производить названіе „φοινίκεια“ отъ имени туземнаго героя Финика, жившаго, вѣроятно, также въ туземныхъ преданіяхъ. Итакъ, имя Финика есть просто названіе изобрѣтателя κατ’ ἐξοχήν и особеннаго вниманія не заслуживаетъ [2]).

L. Κάδμος Μιλήσιος.

a) B. A. II 781,30 (см. выше).

b) Suid. v. Κάδμος Μιλήσιος:

„....εὑρετὴς τῶν γραμμάτων“.

Далѣе, однако, приводится свидѣтельство Зинона [3]), изъ котораго ясно, что имѣется въ виду Кадмъ финикіянинъ. C. Müller [4]) доказываетъ, что Кадмъ Милетскій — не кто иной, какъ логографъ которому приписано было изобрѣтеніе финикіянъ. Такъ какъ среди малоазійскихъ іонянъ прежде, чѣмъ у другихъ обитателей береговъ Эгейскаго моря, выработалось въ совершенствѣ искусство письма, и здѣсь появились первые греческіе писатели, то неудивительно, если изобрѣтеніе письма было перенесено въ эту мѣстность, и изъ Кадма финикійскаго получился Кадмъ Милетскій. Фантазія пошла еще далѣе: кто изобрѣлъ письмо, долженъ былъ, конечно, оставить послѣ

[1]) Ср. выше F.
[2]) Ср. K i: Hesych.: ἀπὸ Φοίνικός τινος.
[3]) Diog. Laert. VII 30: см. выше B p'.
[4]) F. H. G. II, p. 2—3.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(іюль и августъ 1899 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Высочайшія повелѣнія.

Высочайшие приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Министерскія распоряженія.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

СТРАН

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Въ приложеніи.

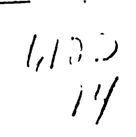
Объявленія.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994